

О. Н. Трубачев

Труды по этимологии

Том 3

ЗВУК И СМЫСЛ

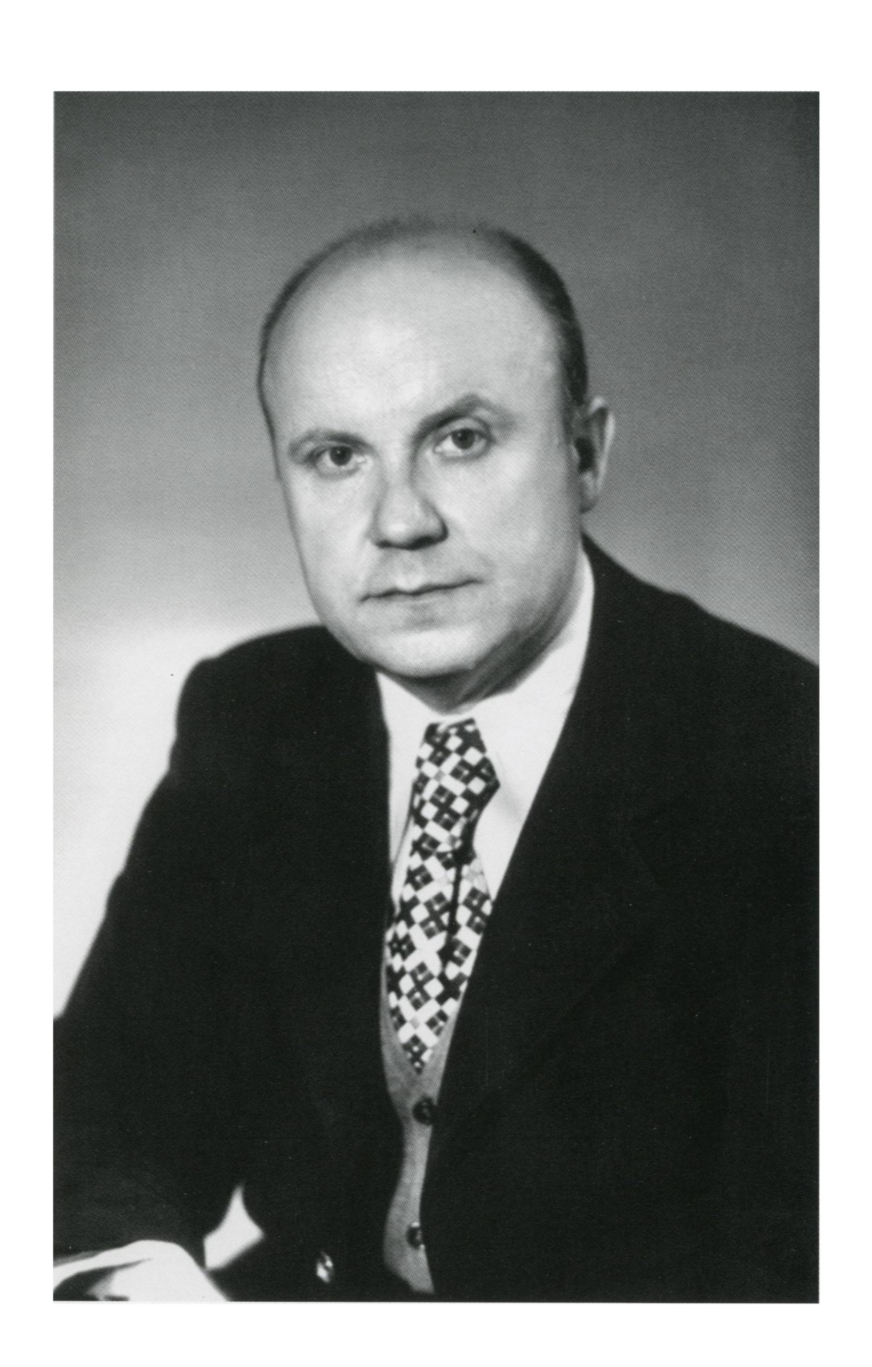
OPERA ETYMOLOGICA

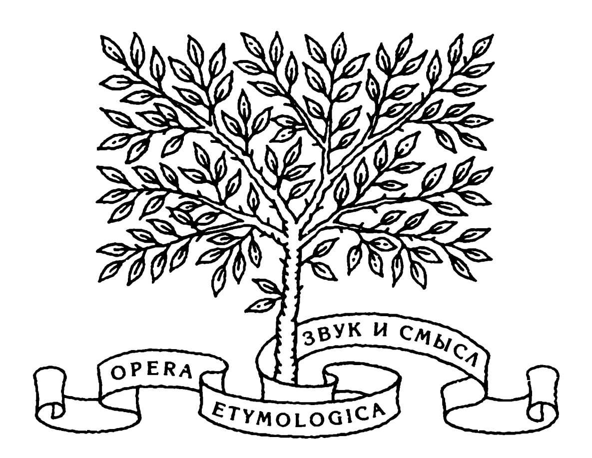
О. Н. Трубачев

Труды по этимологии

Слово · История · Культура

Том 3

OPERA
ETYMOLOGICA
ЗВУК И СМЫСЛ

О. Н. Трубачев

Труды по этимологии

Слово · История · Культура

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2008

О. Н. Трубачев

Труды по этимологии

Слово · История · Культура

Том 3

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2008

ББК 81.2
Т 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 06-04-16037

Редактор-составитель
И. Б. Еськова

Трубачев О. Н.

Т 77 Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — 800 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 978-5-9551-0263-4

В 3-й том «Трудов по этимологии» выдающегося русского языковеда-слависта, индоевропеиста, этимолога, историка, лексикографа, талантливого исследователя науки Олега Николаевича Трубачева вошли три обширные монографии, изданные в 60-е годы прошлого столетия и получившие широкую известность и международное признание. «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959) представляет собой этимологическое исследование на широком индоевропейском фоне славянских терминов родства, древнейшей лексической системы в составе человеческого лексикона вообще. Это исследование явилось крупнейшим событием в отечественной и мировой славистике и принесло тогда еще молодому ученому заслуженный авторитет в научном мире. Вторая монография «Происхождение названий домашних животных в славянских языках. Этимологические исследования» (1960) была отмечена в зарубежной критике как работа, без которой отныне не сможет обойтись ни одно исследование в этой области. Исследования этимологии данной сферы лексики в славянских языках представлены на фоне обширных культурно-исторических сведений. Третья монография «Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции» (1966) посвящена реконструкции и этимологическому анализу лексики старых видов ремесленной деятельности у славян — текстильного, деревообрабатывающего, гончарного и кузнечного производства. Исследование позволяет проследить общие черты и закономерности образования терминологических групп, выявить специфику именно славянской ремесленной терминологии, что предполагает сравнение с терминологией других языков и вместе с тем открывает пути в этнолингвистику и исследование древних этнических связей.

Для лингвистов, филологов, историков языка, преподавателей филологических факультетов вузов, а также всех интересующихся историей слова.

ББК 81.2

ISBN 978-5-9551-0263-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга I.
История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя

Книга II.
Происхождение названий домашних животных в славянских языках

Книга III.
Ремесленная терминология в славянских языках

Книга I

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ ТЕРМИНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Периодические издания

AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AO	Archiv Orientální
Beiträge	Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
ВЯ	Вопросы языкознания
Ж. Ст.	Живая старина
IF	Indogermanische Forschungen
JP	Język Polski
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности АН
LF	Listy Filologické a Paedagogické
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
PF	Prace Filologiczne
RES	Revue des études slaves
РФВ	Русский Филологический Вестник
RS	Rocznik Slawistyczny
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности АН
Труды ИРЯ	Труды Института русского языка
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von A. Kuhn

Остальные сокращения поясняются в приложенном списке литературы.

Лексический материал извлекался в основном из известных исторических, толковых и переводных словарей, которые в тексте не называются, но перечислены в упомянутом списке.

2. Языки и диалекты

авест.	авеста
алб.	албанский
англ.	английский
англосакс.	англосаксонский
арм.	армянский
афг.	афганский
балт.	балтийский
балто-слав.	балто-славянский
белор.	белорусский
брет.	бретонский
болг.	болгарский
вал.	валлийский
венг.	венгерский
венетск.	венетский
в.-луж.	верхнелужицкий
галл.	галльский
герм.	германский
готск.	готский
греч.	греческий
датск.	датский
диал.	диалектное
др.-инд.	древнеиндийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-сербск.	древнесербский
жемайт.	жемайтский
и.-е.	индоевропейский
ит.	итальянский
иллир.	иллирийский
ирл.	ирландский

исл.	исландский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кимр.	кимрский
корн.	корнский
лат.	латинский
латышск.	латышский
ликийск.	ликийский
литовск.	литовский
лув.	лувийский
макед.	македонский
нем.	немецкий
н.-луж.	нижнелужицкий
норв.	норвежский
о.-слав.	общеславянский
осет.	осетинский
оскск.	оскский
пелигн.	пелигнский
полабск.	полабский
польск.	польский
прибалт.-словинск.	прибалтийско-словинский
рум.	румынский
русск.	русский
санскр.	санскрит
сербск.	сербохорватский
сканд.	скандинавский
слав.	славянский
словацк.	словацкий
словенск.	словенский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ст.-слав.	старославянский
тадж.	таджикский
тохарск.	тохарский
укр.	украинский
франц.	французский
фриз.	фризский
фриг.	фригийский
хеттск.	хеттский
чак.	чакавский
чешск.	чешский
швед.	шведский

Посвящаю моим родителям

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей работы — возможно полнее охарактеризовать развитие терминологии родственных отношений у славян с лингвистической точки зрения, а также с учетом данных смежных наук — истории общества, истории материальной культуры, этнографии. Исследование основывается на сознании необходимости историзма — именно такого, как его понимает материалистическая диалектика, изучающая общественное развитие как закономерную эволюцию от матриархата к патриархату. Вопрос о развитии матриархата и патриархата является одним из основных в общественной истории, чем объясняется его значение и для настоящего исследования. Этот вопрос имеет в лингвистической литературе свою собственную историю, на которой следует остановиться подробнее.

В то время как прогрессивные этнографы и основоположники марксизма еще в прошлом веке (ср. «Древнее общество» Л. Моргана, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса) пришли к важнейшему выводу об исторической первичности матриархата, лингвисты предлагали совершенно иную концепцию исторического развития индоевропейских народов. Эта концепция, которую было бы правильно назвать «филологической», позаимствовав это определение у Б. Дельбрюка, строилась в основном на длительном изучении классической древности, т. е. отдельных периодов древней истории греков, римлян, индийцев, а кроме того, на чрезмерном доверии к данным так называемой сравнительной мифологии при серьезной недооценке значительных уже в то время достижений смежных общественных наук. Естественно, что в таких исследованиях об индоевропейских древностях главное значение придавалось чисто лингвистическому

анализу, сравнению форм. Отмечая и сейчас всю важность и далеко еще не исчерпанные возможности этого анализа, следует также признать и то, что вследствие тогдашнего уровня языкознания попытки исследований такого рода в значительной степени устаревали и воспринимались как наивные и бездоказательные уже многими лингвистами старших поколений. Так, очень быстро оказались устаревшими этимологические толкования Ф. Боппа, фундаментальное исследование Пикте «Les origines Indoeuropéennes ou les Aryas primitifs». Но в то время как в поисках более точных, специально лингвистических решений недостатка не было, в общественно-исторической части этих исследований укрепилась рутина, в привычку вошло повторять старые утверждения об исконно патриархальном быте индоевропейцев. Такие воззрения на историю общественного развития сложились очень рано на основании недостаточного знания. Эта неправильная схема во всем существенном так и осталась достоянием индоевропейского языкознания, почти не обогатившись за все время, несмотря на прогресс ближайших отраслей наук. Поэтому Б. Дельбрюк в своем труде «Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen» (Leipzig, 1889), стремясь к пересмотру большей части старых наивных толкований индоевропейских терминов родства, по сути дела присоединяется, хотя и с известной осторожностью, к «филологической» концепции, настаивая на первичности патриархата. Дальнейшие лингвистические исследования мало что добавили к этой точке зрения, вопрос, видимо, считается решенным удовлетворительно. К сожалению, фактическое пренебрежение исторической стороной вопроса, однобоко филологический характер исследований не прошли даром для индоевропейского языкознания, существенно обесценили его усилия в этом направлении и снизили значение его свидетельств для исторических наук.

После Б. Дельбрюка большую работу в этой области вел О. Шрадер, в исследованиях которого апофеоз «филологической» концепции получил наиболее законченную форму. Выражение «филологическая концепция» в применении к О. Шрадеру — крупнейшему историку индоевропейских древностей, постоянно привлекавшему материалы археологии и этнографии, — звучит парадоксально; при всем этом оно оправдано, так как Шрадер лишь обобщил упомянутую популярную в индоевропейском языкознании точку зрения. Его труды, содержащие обоснование теории исконности индоевропейского патриархата, грешат теми же существенными недостатками, о которых говорится выше: при внешне исчерпывающей осведомленности о материальной культуре индоевропейцев фактическое пренебрежение достижениями этнографии и общественной истории и непонимание исторического процесса[1].

---

[1] *O. Schrader.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. 3. Aufl. Jena, 1906—1907; *Он же.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. 1. Aufl. Strassburg, 1901; *Он*

Шрадер считает возможным категорически отрицать наличие у древних индоевропейцев матриархата, полагая, что Б. Дельбрюком в вышеупомянутом труде и им самим в «Sprachvergleichung und Urgeschichte» (с. 533 и след. 2-го изд.) «создана настолько ясная картина древнеиндоевропейского семейного устройства, что о матриархате на индоевропейской почве просто не может быть и речи»[2]. Для Шрадера характерно отрицательное отношение к столь плодотворным сравнениям древней эпохи жизни индоевропейцев с остатками первобытного устройства у современных отсталых народностей, т. е. признание для индоевропейцев особого пути исторического развития[3]. Свидетельства Страбона и Геродота об особом положении женщины у кельтов, фракийцев, скифов, ликийцев, лидийцев, карийцев, мизийцев, писидийцев он истолковывает соответственно своей концепции. В частности, Шрадер считает, что матриархат существовал не у индоевропейцев, а у доиндоевропейских племен, к индоевропейцам же он проник отчасти в позднюю эпоху, нарушив агнатический характер индоевропейской семьи[4].

То, что писалось на эту тему в последующие годы, не представляет какого-либо отклонения от изложенной теории. Для этого достаточно сослаться на ряд различных лингвистических работ, из которых часть появилась уже в последнее время. Так, З. Файст[5] близок к О. Шрадеру в своих утверждениях о типичности для древнейших индоевропейцев патриархата. Следы матриархата, например, у кельтов З. Файст объясняет тем, что индоевропейцы, пришедшие, по его мнению, из Азии, заимствовали материнскую организацию у местных доиндоевропейских племен. Э. Герман[6] относится недоверчиво вообще к каким бы то ни было следам матриархата в индоевропейских терминах родства. Г. Хирт и Г. Арнтц[7] полагают, что знакомство с индоевропейскими терминами родства позволяет говорить о прочности большой отцовской семьи. Весьма типично высказывание Ж. Дюмезиля[8], поддерживающего точку зрения А. Мейе, что армянская «большая семья» исторической эпохи отражает состояние патриархальной семьи индоевропейцев.

же. Die Indogermanen, ряд изданий (русский перевод *О. Шрадер.* Индоевропейцы. СПб., 1911).

[2] *O. Schrader.* Reallexikon. S. XXXII.

[3] Там же.

[4] Там же. S. 347, 564—566.

[5] *S. Feist.* Die Indogermanen und Germanen. 3. Aufl. Halle, 1924. S. 100—101.

[6] *E. Hermann.* Einige Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen // IF. Bd. 53. 1935. S. 100—101.

[7] *H. Hirt, H. Arntz.* Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939. S. 30.

[8] *G. Dumézil.* Séries etymologiques arméniennes // BSL. T. 41. 1940. P. 68—69.

Проблемой матриархата занимается Ю. Бенигни [9] при объяснении формы санскр. *mātárā — pitárā* и формы эллиптического двойственного числа *pitárā(u)* 'родители'. Далее он исследует порядок слов 'мать', 'отец' при перечислении и женскую форму готск. *bērusjōs* 'родители'. Желая во что бы то ни стало решить вопрос о матриархате у индоевропейцев отрицательно, Бенигни высказывает мысль о неравномерности развития культуры у древних индоевропейцев, при которой именно для стоявших ниже в культурном отношении индоевропейцев-кочевников (степные иранские племена) было характерно свободное положение женщины, в отличие от культурно развитых оседлых индоевропейцев (например, древние италики). Свободное положение германской женщины объясняется как «след» доиндоевропейского матриархата местного населения Северной Европы. Автор исходил из молчаливого постулата, что культурная дихотомия древних индоевропейцев была чем-то извечным, причем одни всегда были оседлыми, а другие всегда кочевали. На самом деле очевидно, что племена с более высокой культурой представляли вторичную ступень в общественном развитии, в то время как кочевники-индоевропейцы сохраняли пережитки более глубокой древности. Поэтому отражение общеиндоевропейской древности следует видеть именно в особом положении женщины, которое проявилось в разных концах индоевропейского мира. Попытка объяснить его у германцев заимствованием (у кого — неизвестно) выглядит совсем неубедительно. В. Краузе подходит к проблеме отражения матриархата, толкуя санскр. *pitarau* и *mātarau* [10]. Образование *pitarau* (по отцу) он объясняет главной ролью отца в семье, а *mātarau* (по матери) — тем, что отношение ребенка к матери в древности являлось более очевидным, чем отношение к отцу. Далее разбирается порядок слов при перечислении типа 'отец — мать', 'отец и мать' в индоевропейских языках [11]. Нам кажется, что не следовало бы излишне полагаться на порядок слов этого свободного словосочетания как на отражение древних родственных связей. Материал очень разнообразен: есть примеры различного порядка слов, вызванного частными причинами, ср. русск. *мать-отца* ввиду требований метрики в русской народной песне.

Аналогичные вопросы затрагивает В. Краузе в своей монографии «Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten» [12]. По его словам, роль женщины в древнеисландской литературе изображается следующим образом: «Если повествуется о ней и ее поступках, то это делается таким обра-

---

[9] *J. Benigny.* Die Namen der Eltern im indoiranischen und im Gotischen // KZ. Bd. 48. 1918. S. 235—236.

[10] *W. Krause.* Die Wortstellung in den zweigliedrigen Wortverbindungen // KZ. Bd. 50. 1922. S. 103.

[11] Там же. S. 104.

[12] Ergänzungshefte zur KZ. 1926. № 4.

зом, что становится ясно: для сказителя саги исключительная самостоятельность и личные права женщины являются чем-то само собой разумеющимся. Как раз в этом обнаруживает древнеисландская культура крупный прогресс сравнительно со старшими ступенями культуры» [13].

Таким образом, совершенно очевидна тенденциозная сущность кратко рассмотренной концепции общественного развития индоевропейцев. Поэтому нельзя не отметить отдельных работ последнего времени, содержащих обоснование исконности матриархата у индоевропейцев, научную систематизацию соответствующих фактов и пережитков: *G. Thomson.* Aeschylus and Athens (London, 1950. P. 15—16, 204—205); *А. В. Исаченко.* Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания («Slavia». Ročn. 22. 1953); *J. Hejnic.* ΘΥΓΑΤΡΙΔΟΥΕ — Příspěvek k řešení problemu organisace nejstarší řecké společnosti (LF. T. 78. 1955. P. 162 ff.); *E. Herold.* Group-marriage in vedic society (AO. Vol. 23. 1955. P 63—76); частично — *M. Budimir.* Problem bukve i protoslovenske domovine («Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti». T. 282. 1951. S. 12—3) и др.

В целом же и сейчас в зарубежном языкознании в значительной степени пользуется признанием старая теория об исконности индоевропейского патриархата; ср. типичное утверждение по этому поводу американского индоевропеиста К. Д. Бака: «...индоевропейская семья была явно не матриархальной» [14].

Что касается возможностей использования смежных общественных наук (в частности, этнографии) для обоснования материалистической теории развития от матриархата к патриархату, надо сказать, что они отнюдь не исчерпаны. В настоящее время можно говорить о новых достижениях и перспективах в этой области, которые помогут детальнее представить себе картину соответствующих общественных отношений. Во всяком случае, все эти поиски носят весьма плодотворный характер, не обязывают к чисто догматическому усвоению теоретической формулировки, выдвинутой прогрессивной этнографией и классиками марксизма еще в прошлом веке. Это, кстати сказать, тоже выгодно отличает материалистическую концепцию от «филологической», которая и по сей день производит впечатление довольно безотрадного повторения непроверенных утверждений зачинателей сравнительного языкознания.

В данном случае мы имеем в виду известное в этнографии наличие у ряда индоевропейских и других народов древности поликефалических (многоголовых) фигур; в частности для полабских и балтийских славян отмечает

[13] *W. Krause.* Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten. S. 7.

[14] *C. D. Buck.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indoeuropean Languages. Chicago, 1949. P. 93; *H. Galton.* // Zschr. f. Ethnologie. Bd. 82. 1957. S. 121.

поликефалические изваяния Любор Нидерле[15], указывая на характерность таких фигур именно для славян в отличие от «каменных баб» соседних тюркских народностей. Происхождение их он считает невыясненным. Совсем недавно опубликовал результаты своих наблюдений над этими изваяниями чехословацкий этнограф Л. Крушина-Черный[16]. Он также упоминает, между прочим, о поликефалических божествах славян: знаменитом четырехликом збручском идоле, далее — о Четыребоге, Триглаве, Свантевите, пятиглавом Поревите, семиглавом Ругиевите. Посвящая свое исследование генезису подобных изображений, Крушина-Черный приходит к ценнейшим для общественной истории выводам[17], основанным на изучении поликефалических фигур в различных культурных районах и языковых группах. Помимо славянских он привлекает галльские, греческие, фракийские, сибирские, индийские, ассирийские и, наконец, каппадокийские — в Малой Азии, на которых он специально останавливается. Автор полагает, что многообразие типов поликефалических фигур не допускает мысли об их миграционном распространении. Характера этих изображений нельзя объяснить ни при помощи солярного культа («всевидящее солнце»), ни при помощи культа трехфазовой луны. Это — образы общественной организации, при которой они могли возникнуть. В частности, интересна поликефалия каппадокийских фигур как отражение культа праматери. От нее идут две линии: одна в направлении поликефалии вообще, позднее — мужской поликефалии, другая в направлении полимастии («многососцовости»), т. е. абстрагированного изображения природного плодородия[18].

Автор обращает внимание на необходимость проводить различие между поликефалией как первичным явлением (непосредственное отражение родовой организации) и дальнейшим развитием ее как самостоятельного иконографического типа. Есть примеры мужской поликефалии и ряд переходных (от женских к мужским) форм. Интерес представляет первичная поликефалия — несомненный образ современной социальной организации и, насколько можно судить по полимастии и другим женским чертам фигур, — именно матриархального рода. В этом отношении интереснее всего круглые каппадокийские идолы.

---

[15] Ср. *L. Niederle.* Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953. S. 308—309.

[16] *K. J. Krušina-Černý.* Společenský původ zobrazováni vícehavých božstev // Československá ethnografie. 1955. № 1. Предварительные соображения см. *Он же.* Three New Circular Alabaster Idols from Kültepe // AO. Vol. 20. 1952. P. 601—606.

[17] См. *L. J. Krušina-Černý.* Společenský původ zobrazováni vícehlavých božstev. S. 46—49.

[18] Там же. S. 69.

Очевидно, что возможно полный учет достижений смежных общественных наук всегда плодотворен для сравнительного языкознания, поскольку он помогает исключить непроверенные положения и оперировать наиболее доброкачественным материалом, тем более если этот материал по самой своей природе входит в ведение ряда самостоятельных наук. Это относится в нашем случае к лингвистическому анализу терминологии родственных отношений.

Современная материалистическая наука выработала конкретное представление о характере древнейшего общественного развития, отбросив ложные теории необязательности матриархата для индоевропейских племен [19]. «Лингвистический анализ основных терминов кровного родства в индоевропейских языках показал, — как свидетельствует чехословацкий лингвист А. В. Исаченко, — что индоевропейская терминология родства возникла в глубокой древности в условиях материнского рода и что она построена на принципе гиноцентрическом. Этот принцип отражает такое положение вещей, при котором ориентировочной точкой родственных отношений является женщина. Гиноцентрический принцип родственной терминологии предполагает существование материнского счета родства (матрилинейности) и перехода мужа в клан жены (матрилокальность брака)» [20].

Далее остановимся очень коротко на оценке некоторых данных сравнительной мифологии, поскольку сравнительное языкознание в своих суждениях о семейно-родовом устройстве древних индоевропейцев в значительной мере полагается именно на ее свидетельства. Это тем более важно, что в использовании данных мифологии лингвистами очевидны факты анахронизма.

Так, в характеристике мифологических воззрений древних славян мы решительно присоединяемся к точке зрения А. Брюкнера, который отвергал теории сложной славянской мифологии. А. Брюкнер считал, что такие теории обязаны своим возникновением фантастическим и сбивчивым вымыслам немецких и датских хронистов о полабянах, вымыслам, которые, однако, почти целиком были приняты недостаточно критичным славяноведением нового времени. «Культ славян был культом природы и предков, а там нет места дуализму, и ни одно древнее свидетельство не знает о нем ничего» [21].

---

[19] См. *М. О. Косвен.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 108.

[20] *А. В. Исаченко.* Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания // Slavia. Ročn. 22. 1953. S. 61.

[21] *A. Brückner.* Fantazje mitologiczne // Slavia. Ročn. 8. 1929. S. 342. О литовской мифологии см. *Он же.* Starożytna Litwa, Ludy i Bogi. Warszawa, 1904. S. 147 ff. Существование у древних индоевропейцев очень развитой мифологии справедливо отрицает, например, Я. Шарпантье, допускающий наличие культа предков, обожествление сил природы, неба (The Original Home of the Indo-Europeans // Bulletin of the School of Oriental Studies. Vol. 4. P. 1. London, 1926. P. 158). Что касается новых ис-

Однако фактическая бедность древней славянской мифологии, видимо, огорчала отдельных славяноведов, и они пытались всячески объяснить или даже оправдать ее. Л. Нидерле[22] делает попытку «реабилитации» несложности славянской мифологии сравнительно с богатыми мифологиями некоторых других ветвей индоевропейцев. Но, как явствует из его же слов, эта попытка не дает результатов. Он признает отсутствие доказательств противного и правильно считает это отнюдь не следствием отрывочности свидетельств исторических источников. В общем — в согласии с фактами — следует сказать, что славяне действительно не развили своей мифологии, их древние религиозные представления — примитивная демонология, в чем следует видеть скорее древнюю особенность, лучше сохранившуюся у славян. Это позволяет нам более трезво оценить данные поздней классической мифологии. Было бы странно пытаться реабилитировать такое состояние славянской мифологии или усматривать в этом «отставании» древних славян нечто зазорное.

В связи с этим интересно остановиться на одном из недавних исследований В. Махека[23], построенном на тех принципах и положениях, против которых нам кажется необходимым выступить здесь.

В персонажах мифологии В. Махек видит отражение индоевропейской «большой семьи» с pater familias — верховным богом во главе. Жену главного бога — греч. *ποτνια* — санскр. *pátnī* — слав. *panьji* — он характеризует как лицо малоавторитетное в сравнении с самим божеством. Наличие у бога-отца двух сыновей (близнецы, Диоскуры, др.-инд. *Aśvin-*) и одной дочери (*Ušās* — Ἠώς — *Aurora*) Махек трактует как отражение патриархальной семьи, где ценились мужчины, сыновья: счастье — в том, чтобы иметь сыновей вдвое больше, чем дочерей[24]. «Оригинально то, что это — божественная

следований по славянской мифологии, то нельзя не отметить, что они не представляют шага вперед по сравнению с теорией А. Брюкнера, напротив, — носят отпечаток известного эклектизма. Здесь имеются в виду две работы: *St. Urbańczyk.* Religia pogańskich Słowian. Kraków, 1947; *R. Jakobson.* Slavic Mythology // Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. Vol. 2. New York, 1950. P. 1025—1028. С одной стороны, в этих работах говорится о необходимости критического подхода к приукрашенным рассказам хронистов о славянском язычестве (*St. Urbańczyk.* Op. cit. S. 6), о недостаточной вероятности общеславянского культа даже такого бога, как Перун (там же, с. 24—25), с другой стороны — оба названных ученых допускают, несмотря на скудность данных, существование общеславянского пантеона с единым верховным богом во главе (*St. Urbańczyk.* Op. cit. S. 14—15; *R. Jakobson.* Op. cit. P. 1026).

[22] См. в последнем издании: *L. Niederle.* Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953. S. 285.

[23] *V. Machek.* Essai comparatif sur la mythologie slave // RES. T. 23. 1947. P. 48—65.

[24] Там же. С. 53.

патриархальная семья, созданная по образцу знатной семьи» [25]. Это вызывает серьезные возражения. История индоевропейской семьи объясняется путем фактического отождествления ее с укладом жизни, действительным лишь для отдельных, сравнительно очень поздних ступеней индоевропейской цивилизации (Греция, Древний Рим и т. д.). По такому же методу привлекаются богато разработанные мифологические циклы отдельных индоевропейских народов, достигших высокого уровня социально-экономического развития. Ведь известно, что наиболее богатые мифологические циклы — это своеобразная философия древнеиндийского, древнегреческого, древнеримского рабовладельческих обществ. После этого стоит ли удивляться тому, каким точным отражением земной социальной и семейной иерархии является небесная иерархия, о которой говорят эти мифы? При этом то, на чем лингвисты с уверенностью основываются как на объективном якобы отражении «патриархальности» индоевропейской семьи вплоть до описания взаимных обязанностей ее членов, все это как раз и есть позднее в мифологии классической древности, идеологическое порождение соответствующего социального строя. С другой стороны, древнее, несомненно, то, что составляет основу мифологии, — это следы наивного анимизма (ср. яркий пример греч. *Ζεύς*, санскр. *Dyāuš* — в сущности 'небо', которое только потом превращено в *Ζευς πατήρ*, *Iuppiter* 'небо Отец'. Не случайно, что целые ветви индоевропейцев, не развившие высокой рабовладельческой цивилизации, — балтийская и славянская — не могут противопоставить классической мифологии что-либо равноценное. Дело отнюдь не в отсутствии древней письменной традиции у этих народов, а в отсутствии таких развитых мифологических циклов. Славяне и балты, сохранившие ряд архаических черт в языке и культуре, и в этом отношении обнаруживают древнюю особенность, все усилия обобщить славянские божества в каком-то едином пантеоне не могут быть успешны: нет не только общей славяно-балтийской, но и общеславянской мифологии. Мифологические верования балтов и славян в основном сводятся к древнему анимизму — одушевлению грома (литовск. *Perkūnas*, слав. *perunъ*), отдельных природных явлений. Вместо общеславянских богов под различными именами фигурируют местные многочисленные божества, в чем следует, вопреки В. Махеку [26], согласиться с Л. Нидерле [27], который совершенно справедливо характеризует, таким образом, западнославянских Свантовита, Триглава, Радогоста, правильно замечая при этом, что возвышение того или другого божества в некое подобие верховного бога было делом жрецов.

---

[25] *V. Machek.* Op. cit. P. 53.

[26] Там же. P. 55.

[27] *L. Niederle.* Život starých Slovanû. S. 279. Ср. в последнее время обзорную статью: *F. Bezlaj.* Nekaj besedi o slovenski mitologiji v zadnjih desetih letih // Slovenski etnograf. Letnik III—IV. Ljubljana, 1951. S. 342 ff., где указана и литература вопроса.

Классическая мифология отражает во всем существенном лишь классическую рабовладельческую древность, и было бы бесполезно привлекать ее данные для «реконструкции» древнеиндоевропейского социального и семейного уклада, когда не было еще и в зародыше тех социальных условий, образом которых является названная мифология.

Другой весьма серьезный анахронизм во взглядах на древнейшую эпоху общественной и языковой истории индоевропейцев также требует особого упоминания; вредность его усугубляется тем обстоятельством, что основным и наиболее последовательным его представителем в языкознании является А. Мейе — один из крупнейших лингвистов нашего времени. Ср., например, выдержку из предисловия к «Латинскому этимологическому словарю»[28]: «Все слова не находятся на одном и том же уровне; есть слова "аристократы" и слова "разночинцы". Слова, обозначавшие наиболее общие идеи, например, *mori* и *vivere*, основные действия — *esse* и *bibere*, семейные отношения — *pater*, *mater*, *frater*, основных домашних животных — *equus*, *ovis*, *sus*, жилище семьи, которое было главной единицей, — *domus* и *fores* и др., представляют словарь индоевропейской аристократии, который распространился на всю территорию; эти слова обозначают понятия; они не имеют конкретной значимости: *bos*, *ovis*, *sus* относятся одновременно к самцу и самке; это слова, обозначающие блага, а не слова, называющие производителей (этих благ. — *О. Т.*), так *domus* и *fores* вызывают представление о жилище вождя, а не о материальном сооружении. Абстрактная значимость слов в соединении с аристократическим характером языка — существенная черта индоевропейского словаря. Но имелись и слова "народные" по характеру...». Далее характеризуются эти последние слова, — эмоционально окрашенные, технические, плохо прослеживаемые в ряде языков, столь же неустойчивые, сколь устойчивы «аристократические» слова.

Сейчас трудно было бы не возразить на цитировавшиеся соображения. Существо высказывания составляет идея об «аристократическом» и «народном» в индоевропейском словаре и об «аристократическом» характере собственно индоевропейского словаря. Дело, конечно, не в одиозности понятия «аристократический» или противопоставления «аристократического» и «народного». Называя те или другие слова аристократическими, носящими общий, абстрактный характер, Мейе тем самым постулирует для них постоянство этого характера, что находится в противоречии с развитием всего индоевропейского словаря, очень длительным и богатым изменениями внутреннего и внешнего порядка. То, что Мейе рассматривает как наиболее абстрактное, «аристократическое», могло ко времени появления письменности

[28] *Ernout-Meillet.* P. VIII (данные и подобные сокращения см. в списке литературы).

пройти необыкновенно долгий путь развития, реальный характер которого, конечно, должен был неоднократно противоречить схеме Мейе. Абстрактность и «аристократичность» — всего лишь результат этого развития.

Свою категорическую классификацию Мейе строит на засвидетельствованной письменностью аффективности или аффективной нейтральности слов. Но ведь известно, что аффективность или ее отсутствие — не раз навсегда данное свойство. Ясно поэтому, что нельзя согласиться с Мейе, утверждавшим наличие таких «аристократических» слов, которые, независимо от времени, всегда «лишены аффективных оттенков значения и имеют минимум конкретного значения» [29].

Следует отметить, что отдельные исследователи критиковали эту теорию. Ср. возражения Ф. Шпехта [30] против попытки Мейе объяснить утрату индоевропейского «аристократического» **pətḗr* 'отец' в балто-славянском языке как победу «низшего, народного» словаря над «аристократическим». А. Исаченко [31] верно заметил, что мало обоснованная смелость социологических выводов Мейе о древних индоевропейцах довольно странно сочетается с его известной осторожностью в чисто лингвистических построениях.

Как мы видели выше, для большинства исследователей прошлого характерно сознательное или бессознательное модернизирование древних семейно-родовых отношений, при внесение в них элементов современной парной семьи. Это давало не только превратную картину самих исторических условий, но и приводило подчас к неправильному объяснению истории и этимологии слов. Однако отрицать значение большой работы по этимологическому исследованию имен родства было бы немыслимо. Задача состоит в том, чтобы, изучив проделанное в этой области, оценить материал с принципиально правильной позиции исторического материализма.

В специальном обзоре литературы нет необходимости, так как крупные монографии по нашей теме (история славянских терминов родства) отсутствуют, а тот объемистый материал, который имеется в разнообразных по форме и содержанию источниках, будет рассмотрен по ходу изложения. Здесь мы позволим себе кратко охарактеризовать лишь важнейшие исследования, их удельный вес, а также общее состояние изучения вопроса.

Собственно изучению славянских терминов родства посвящена только одна работа — сочинение русского лингвиста П. А. Лавровского [32]. Труд этот, написанный немногим менее века назад, давно уже устарел и сохраняет сей-

---

[29] Там же.

[30] *F. Specht.* Zur baltisch-slavischen Spracheinheit // KZ. Bd. 62. 1935. S. 249, сноска 2.

[31] *А. В. Исаченко.* Указ. соч. С. 47.

[32] *П. Лавровский.* Коренное значение в названиях родства у славян // Зап. ИАН. Т. XII. № 2. СПб., 1867. Приложение.

час лишь историческое значение. Но если учесть, что в то время славянская этимология находилась в зачаточном состоянии, а многие важнейшие предварительные работы еще не были осуществлены, в частности отсутствовали славянские этимологические и исторические словари, легко будет понять необходимость труда Лавровского для своего времени. В этом отношении знаменательно то, что последующие исследователи прибегали к нему как к основному источнику для изучения славянских имен родства. Так, например, Б. Дельбрюк, обобщая сведения по индоевропейским именам родства, черпает славянский материал в значительной степени из книги Лавровского.

Монография Б. Дельбрюка — тоже единственная монография об индоевропейских терминах родства — отличается высоким для того времени научным уровнем. Что касается деталей этимологического исследования терминов родства, то индоевропейское языкознание в целом сделало очень большие успехи со времени появления в свет книги Б. Дельбрюка. Так, многие слова, признаваемые в книге темными, получили этимологию в ряде случаев — весьма надежную. Работа Б. Дельбрюка, ставившая перед собой целью описание индоевропейской родственной терминологии, естественно, излагала вопросы терминологии отдельных индоевропейских ветвей самым сжатым образом. Характерно, что, например, несравненно превосходя работу П. Лавровского о славянских терминах родства как в научном, так и методологическом отношении, в разработке славянского материала книга Б. Дельбрюка основывается главным образом на материалах Лавровского.

Совершенно очевидно, что обобщение всего сделанного в этой области после труда Б. Дельбрюка, применительно к славянским языкам, является насущной необходимостью. О понимании этой необходимости свидетельствует работа чехословацкого ученого А. В. Исаченко «Славянская и индоевропейская терминология родства в свете марксистского языкознания» (1953). В целом она носит характер предварительного исследования с принципиально новых — историко-материалистических — позиций. Естественная сосредоточенность при этом на общих и важнейших вопросах и жесткие рамки журнальной статьи, конечно, не позволили автору более полно обобщить результаты этимологических исследований прошлого.

Кроме этой статьи за последние годы не появилось ни одной работы на эту тему, что чрезвычайно затрудняет попытку общего исследования, особенно если учесть, что количество частных исследований (этимологий) отдельных слов находится в резком контрасте с количеством общих исследований: их опубликовано очень много, и представляют они чрезвычайное разнообразие как в принципах толкования, так и в его качестве.

Попытка обобщенного исследования чрезвычайно усложняется также спецификой самого материала. Основная трудность изучения истории настоящей группы терминов заключается в сложной смене типов обозначения

родства, причем для древнего родового общества свойственна классификаторская система (каждый индивид — член определенного брачного класса), а для современного общества свойственна описательная система обозначений родства (каждый индивид имеет собственное обозначение). Об этом своеобразии изучаемой группы терминов писал в последнее время Э. Бенвенист [33].

При смешанном браке родовой древности брачные отношения могли осуществляться только между мужчинами и женщинами разных брачных классов. В этих рамках брак был смешанным в полном смысле слова, прямым следствием чего была невыясненность отцовства. В таких условиях моими отцами на полных правах могли считаться как мой возможный отец, так и все его братья, даже все отцы моих отцов, т. е. мои отцы во втором поколении (ср. ниже об отношениях и.-е. **pəter* — слав. *stryjь*). Все вместе они составляли класс старших мужчин, и применяемые к ним термины носили, естественно, качественно особый, более широкий характер, классифицировали их. Так, известно, что аборигены Австралии всегда обозначают отца тем же термином, что и брата отца [34]. Мать ребенка, напротив, всегда была известна в силу естественных причин, но в определенную эпоху и ее обозначение было шире того, которое привычно для нас, классифицировало ее по отношению к ребенку наравне с ее сестрами — тетками ребенка. Поэтому в тех же туземных австралийских языках мать и сестра матери называются совершенно одинаково; отголоски существования в древности целого класса матерей содержат также древнеиндийские мифы [35].

Действующая в современных индоевропейских языках описательная система родства описывает индивидуальные отношения родственников, разграничивая то, что не было существенно в древности. Таким образом, различие обеих систем принципиально и весьма глубоко, и это в большой степени затрудняет для нас понимание развития родственной терминологии. Неясность многих моментов не мешает, однако, уяснить основную линию развития системы обозначения родства. Описательная система сменила классификаторскую у индоевропейцев, судя по всему, в глубокой древности, и, говоря о славянской терминологии родства, мы понимаем, насколько она далека от классификаторской системы родства, от матриархата в целом. Но в материальном отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпо-

---

[33] BSL. T. 46. 1950, procès-verbaux, séance du 4 mars 1950, p. XX—XXIX. Подробнее см. *G. Thomson.* Aeschylus and Athens. London, 1950. P. 25 ff., 402 ff.

[34] *А. Максимов.* Системы родства австралийцев / Отд. отт. из «Этнографического обозрения», кн. 92—93. С. 11; *A. Sommerfelt.* La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938. P. 151.

[35] *А. Максимов.* Указ. соч. С. 11; *A. Sommerfelt.* Op. cit. P. 151; *E. Herold.* Group-marriage in vedic society // AO. Vol. XXIII. 1955. P. 63 ff.

хой. Закономерно поэтому предположить наличие у них соответствующих материальных, структурных следов и возможных семантических пережитков. Выявлять эти следы помогает этимологическое исследование. В этом нужно усматривать наиболее интересную и значительную задачу истории славянских терминов родства.

Отсюда, например, многозначность терминов родства, либо сохранившуюся (и.-е. **nep(o)t-* I. 'племянник'; II. 'внук'), либо вскрываемую этимологически (слав. *otьcь* 'отец' < **ăttikós* 'отцов', 'принадлежащий отцу', **ătta*), нужно объяснять как наслоение двух упомянутых систем родственных обозначений, исторически разновременных, но не вытеснивших одна другую полностью. В свете этого ясно заблуждение О. Шрадера[36], видевшего в переносе значений 'дядя' ⇄ 'племянник' («von Oheim zu Neffe, Neffe zu Oheim») специфически немецкое обыкновение, сложившееся в придворных кругах. Напротив, в этом плохо сохранившемся явлении мы, возможно, имеем слабый отголосок древней системы обозначений родства. О том, что считать названный случай чем-то исключительно немецким было бы ошибкой и что дело здесь, вероятно, гораздо серьезнее, говорит аналогичное словоупотребление в современном таджикском языке, где оно, кстати, представлено несравненно шире и выражается в том, что родичи по восходящей и нисходящей линии в обращении могут как бы обмениваться взаимно своими родственными названиями: так, сын, обращаясь к отцу, называет его «сыном», отец называет сына «отцом»[37].

Таким образом, перефразируя слова А. Соммерфельта[38], относящиеся к изучению цивилизации неевропейских первобытных народов, мы должны будем сказать, что мы ничего не поймем в развитии древнеиндоевропейской родственной организации, если будем по-прежнему смотреть на нее через европейские очки. Больше того, следы древней классификаторской системы,

---

[36] *O. Schrader.* Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern // IF. Bd. 17. 1905—1906. S. 15—16.

[37] Ср. *А. К. Писарчик.* О некоторых терминах родства таджиков: Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953. Такое явление, но в гораздо более широких размерах отмечают исследователи для языка племени аранта в центральной Австралии. В этом языке взаимность терминов для ряда категорий родства является совершенно обязательной. Так, названия *aranga* 'дед по отцу' и *pala* 'бабка по отцу' могут соответственно значить 'сын моего сына' и 'дочь моей дочери'. У австралийского племени koko-yimidir, кроме того, наблюдается словоупотребление, курьезно совпадающее с описанным выше немецким: взаимный характер носят названия дяди и младшего племянника (см. *А. Максимов.* Указ. соч. С. 13, 21; *A. Sommerfelt.* Op. cit. P. 154). Следов этой классификаторской взаимности мы еще коснемся ниже, при разборе слав. *vъnukъ*.

[38] *A. Sommerfelt.* Op. cit. P. 7.

сохранившиеся даже в современной славянской терминологии родства, должны определенным образом настораживать исследователя и побуждать к основательному пересмотру многих распространенных точек зрения. Что касается основных индоевропейских терминов родства **pətḗr* 'отец', **mātḗr* 'мать', **dhughətḗr* 'дочь', **bhrātḗr* 'брат', **su̯ésor* 'сестра', то возможности этимологического исследования этих древнейших слов крайне ограничены. В прошлом не было недостатка в попытках истолковать их. Но большинство этих толкований давно отброшено как гадательное и недоказуемое. Для языкознания нового времени характерно почти полное отсутствие опытов в этом направлении[39]. О довольно популярной с давнего времени «Lallwörter»-теории, согласно которой *pa-ter*, *ma-ter* происходят из слов «детского языка» *pa-*, *ma-*, подробно см. также ниже. Здесь только следует заметить, что эта теория вряд ли правильно объясняет названные слова.

Известное положение о «неэтимологизируемости» упомянутых основных индоевропейских терминов родства (К. Бругман) имеет смысл как признание недостаточности возможностей, находящихся в распоряжении исследователя, но отнюдь не означает принципиальной порочности попыток искать этимологию этих слов. В этом случае исследователи отдельных архаических языков находятся в более выгодном положении по сравнению с нами. Так, А. Соммерфельт в своей известной книге «La langue et la société», специально отмечая, что в первобытном языке типа аранта мы наблюдаем несравненно более выраженное влияние уровня цивилизации на структуру языка, чем в европейских языках, считает себя вправе этимологизировать, например, слово из языка аранта *maia* 'мать' < *ma*, корень, означающий в том же языке 'давать больше, давать много'[40].

Славянские термины родства, будучи закономерным развитием индоевропейских терминов, вместе с тем обнаруживают в ряде отношений существенное качественное своеобразие. Прежде всего следует отметить характерное развитие производных форм, каковыми являются названия, подчас даже непосредственно продолжающие индоевропейские формы. Далее, на славянских терминах родства оставило определенный отпечаток обособление славянской ветви древнеиндоевропейского языка, которое привело к оформлению ряда местных форм, местных терминов, расходящихся коренным образом даже с обозначениями в близкородственных балтийских языках, ср. слав. *tьstь* — литовск. *úošvis* 'тесть'; слав. *sъnoxa* — литовск. *martì* 'сноха, невестка'. То, что это не получило слишком большого развития, объясняется тем известным обстоятельством, что в значительной своей части терминоло-

---

[39] Исключение представляет, пожалуй, только **su̯ésor* 'сестра', ср. его этимологию в последнее время у В. Пизани, поддержанную австрийским лингвистом М. Майрхофером, см. подробно об этом ниже.

[40] *A. Sommerfelt.* Op. cit. P. 159. См. там же другие примеры.

гия родственных отношений оформилась уже в общеиндоевропейском языке. Однако для образования некоторых исторически поздних терминов обособление славянства сыграло решающую роль в том смысле, что эти термины созданы уже чисто местными средствами. Так оформились славянские названия мачехи, отчима, пасынка, падчерицы, возникновение которых при родовом строе и групповом браке было бы бессмысленным, как отмечает А. Исаченко [41]. Эти термины образовались поздно, в условиях отцовской семьи, при парном браке. Столь же обособленно осуществляется их образование, например, в германской группе языков. Для них нет общеиндоевропейских форм. В итоге длительного развития славянские термины родства обнаруживают значительное многообразие форм и то «нюансирование степеней родства языковыми средствами» [42], которое обращает на себя внимание исследователей.

Избранная лексическая группа является одной из важнейших в основном словарном фонде языка. Общность основного словарного фонда славянских языков проявляется, между прочим, и в терминологии родственных отношений, что важно и как свидетельство для истории языка, и как показатель важнейших социально-исторических процессов в жизни славянства. Терминология родства теснейшим образом связана с названными процессами.

Исследование данной группы лексики тем более целесообразно, что оно поможет сформулировать выводы, небезынтересные для истории общественного развития даже в том случае, если они явятся всего лишь подтверждением данных, уже добытых историческим исследованием. Кроме того, поскольку данная лексическая группа объединяет термины, выработанные людьми в процессе истории для определения своих отношений друг к другу, есть основания полагать, что изучение этих терминов даст известный материал для иллюстрации отдельных моментов древнего развития мышления, ср. соответствующие разделы III главы, посвященные изучению связи названий: ‘рождаться, быть родственным’ > ‘знать’; ‘рождать (ся)’ > названия различных частей тела.

Объект настоящего исследования — терминология родства всех славянских языков (с учетом доступных диалектных материалов), причем рассматриваются термины и кровного родства, и свойственного. В заключение рассматривается ряд древнейших терминов общественного строя, а именно те из них, которые непосредственно примыкают к терминологии родства. Привлечение этой группы терминов оправдано тем, что, как известно, история родственных отношений есть уже история общественных отношений, что особенно очевидно для родового строя.

---

[41] *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 76.

[42] *O. Schrader.* Über Bezeichnungen… S. 36.

При известной исторической разнородности славянской терминологии родства следует помнить, что по древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда — по сложности многих моментов своей истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде. Так, в указанных отношениях ей, очевидно, уступают названия растений, злаков, деревьев, домашних животных, значительная часть названий предметов окружающей действительности и основная масса названий предметов хозяйственной деятельности. Даже такая, казалось бы, древняя группа, как названия частей человеческого тела, во многих своих деталях, как выясняется ниже, восходит к обозначениям родства, рождения.

Глава I

ТЕРМИНЫ КРОВНОГО РОДСТВА

Собственно терминами кровного родства являются названия отца, матери, ребенка, сына, дочери, брата, сестры; дальнейший счет прямого кровного родства по нисходящей линии — внуки, правнуки, по восходящей — дед, бабка и т. п.; названия дяди, тетки (по отцу, по матери). Сюда же фактически примыкают различные термины, выражающие приравнивание неродственных людей к кровно-родственным, т. е. названия отчима, мачехи, пасынка, падчерицы.

Переходим к рассмотрению отдельных терминов.

Отец

В славянских языках имеется несколько употребительных названий отца:

ст.-слав. **отьць**, др.-сербск. *отьць*, сербск. *ȍтац*, болг. *оте́ц* (устар.), словенск. *óče*, др.-русск. *отьць*, *отець*, русск. *отец*, диал. *оте́к*[1], *а́тька*[2], укр. *оте́ць*, *отця́*, *вiтця́* (малоупотребит.), белор. *айце́ц*, польск. *ojciec*, кашуб. *woejc*, прибалт.-словинск. *vòtc*, *vòi̯c*, н.-луж. *wość* (торжествен.), в.-луж. *wótc* (von Gott gebraucht), чешск. *otec*, словацк. *otec*;

сербск. *ta̍jko*, *tâjko*, *тата*, болг. *татко*, *тейко*, ср. *tátka vi Pétka* (вин. ед.) = *votre père Petko*[3], русск. *тя́тя*, *та́та*, укр. диал. *тато*, польск.

---

[1] *Е. Будде.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора // РФВ. 1892. № 3. С. 60.

[2] Тамбовская губерния / Обработал Н. Н. Дурново // РФВ. Т. LXVI. 1911. С. 214.

[3] *A. Vaillant.* Les parlers de Nivica et de Turija (Macédoine Occidentale) // RES. Vol. 4. 1924. P. 56.

tata, кашуб. *tata*, *tato*, *tatink*, *tatk*, прибалт.-словинск. *tãtă*, н.-луж. *tata*, в.-луж. *tata*, чешск. *táta*, диал. *tatínek*[4], словацк. *tat'*, *tata*, *tatenko*, *tatíček*, *tatíčko*, *tatinko*; укр. диал. *дєдьо*, *дядьо*, *дідьо*[5];

болг. *бащá*, диал. *бащчá*, *бальу*, русск. *бáтюшка*, диал. *бачкя*[6], *бáцка*[7] *бáцько*, *бáчка*[8], укр. *бáтько*; староукр. *батко*, *батько*, *батя* 'батько, отець';

болг. диал. *нéна*[9], н.-луж. *пań*, *пап*, в.-луж. *пап*, словак. *паnіčko*, *паnіčok*, *ňaňa*, *ňaňka*, *ňaňko*, польск. диал. *ňaňo*[10], укр. диал. *ньаньове*, *нянцове* (им. множ.) 'Väter'[11];

укр. диал. *лельо* 'отец'[12].

Основным индоевропейским названием отца является **pətēr* с характерным гласным *ə*, представляющим собой ступень редукции старого корневого гласного в предударной позиции: **pətḗr*[13].

О таком ударении говорит известный Закон Вернера, исходящий из соответствия герм. **fatar* = и.-е. **pətḗr*[14].

Естественно, исследователи уделяли много внимания этимологическому изучению этого важнейшего слова: *Walde-Pokorny*. Bd. II. S. 4; *A. Walde*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. S. 565; *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. S. 133; *A. Zimmermann*. Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen // KZ. Bd. 50. 1922. S. 149; *Ernout-Meillet*. 3ème éd. T. II. P. 862—864.

А. Вальде и А. Циммерман вслед за Дельбрюком объясняют **pətēr*, *pater* из слова «детского языка» *pa-*, *pa-pa*. А. Эрну и А. Мейе воздерживаются от этимологического объяснения.

В последнее время выдвинул этимологию этого слова И. Трир[15]. Его толкование представляет подновленную этимологию Боппа — *patā́r* < *pā* 'охранять, защищать', но в отличие от этого старого бесхитростного сопос-

---

[4] *Q. Hodura*. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli. 1904. S. 69.

[5] *А. А. Бурячок*. Названия родства и свойства в украинском языке. С. 4.

[6] Тамбовская губерния / Обработал Н. Н. Дурново // РФВ. Т. LXVI. 1911. № 3/4. С. 214.

[7] *Е. Будде*. Указ. соч. С. 51.

[8] *А. Подвысоцкий*. Словарь архангельского областного наречия. СПб., 1885. С. 5.

[9] *П. А. Сырку*. Наречие карашевцев [говор болгаро-сербского переходного типа в округе г. Речица] // ИОРЯС. Т. 4. Кн. 2. 1899, С. 657.

[10] *G. Horák*. Nárečie Pohorelej // SAV. Bratislava, 1855. С. 162.

[11] *J. Werchratskij*. Über die Mundart der galizischen Lemken // AfslPh. Bd. 16. 1894. S. 19.

[12] *А. Бурячок*. Указ. соч. С. 4.

[13] *J. Kuryłowicz*. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956. S. 104—105.

[14] *K. Verner*. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung // KZ. Bd. 23. 1875. S. 97 ff.

[15] *J. Trier*. Vater. Versuch einer Etymologie // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. Bd. 65. Weimar, 1947. S. 232—260.

тавления автор постарался привлечь обильный сравнительный материал и в основу положил некоторые моменты ларингальной теории. И. Трир предлагает сопоставление и.-е. **pətēr*, **potis* и **pa-*, объясняя эти формы как сочетания корневого гласного с ларингальным: **peə₃-*, **pə₃étis*, **pə₃tḗr*. Он конкретизирует значение *pa-* как 'ограда, огораживать' и предполагает, что в основе всей группы слов лежало обозначение большой семьи как круга, ограды, круглого родового собрания. Отсюда **potis*, **pətḗr* 'вождь, господин'. В защиту своей гипотезы автор привлекает большой материал, с которым он обращается, однако, довольно деспотически. Так, он хочет видеть значение 'ограда' и в и.-е. **k̑ei-*, ст.-слав. сѣмьꙗ, и в лат. *cūria*, даже в и.-е. **bhrātēr*. Все это вызывает недоверие к этимологическим выводам И. Трира, который и здесь проявил себя скорее как семасиолог, чем этимолог. Кроме того, мы располагаем данными о первичности матриархального уклада, и этимология Трира не в состоянии убедить нас в противном, тем более что она исходит не из новых фактов, а из предвзятой мысли об исконности большой отцовской семьи.

Можно указать, что И. Трир, подновляя старую этимологию ларингальной теорией, упустил из виду, что нулевая ступень, образованная глухим *p* и ларингальным *ə₃*, дала бы в индо-иранском глухой придыхательный *ph*, ср. *stoə̯- > stā-*, но *stə̯- >* индо-иранск. *sth-*. Этого не случилось, ср. др.-инд. *pitā́*, поэтому *ə* в и.-е. **pətēr* следует, очевидно, объяснять скорее как ступень редукции старого корневого гласного (см. выше).

Значительный интерес представляет вопрос о семантическом развитии слова. Наиболее определенная точка зрения имеется у Эрну-Мейе: лат. *pater* «не обозначает физического отцовства, которое скорее обозначается словами parens и genitor. Pater имеет социальную значимость. Эта глава дома, dominus, pater familias...»[16]. Там же говорится о религиозном, торжественном значении **pətḗr*, *pater*.

Это высказывание находится в полном согласии с теорией Мейе, по которой **pətḗr* и ряд других обще индоевропейских слов отмечены печатью аристократизма, религиозности, абстрактности. По мнению Мейе, между и.-е. **pətḗr* и современным франц. *père* произошел такой коренной сдвиг значения ('высшее божество', 'высший глава семейства' > 'отец в физическам смысле'), что можно говорить о возникновении нового слова[17].

Однако пропасти между значениями этих двух форм нет и не было. Верно, что санскр. *pitár* 'отец' несколько не совпадала по значению с 'родитель' (Erzeuger) в языке Вед, как сообщает Б. Дельбрюк[18]. Этот факт ввел некоторых языковедов в глубокое заблуждение относительно сущности

[16] *Ernout-Meillet.* T. 1. P. 8.

[17] *А. Мейе.* Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954. С. 34.

[18] *B. Delbrück.* S. 446—447.

и.-е. **pətḗr*. Так, Мейе заключает, что поскольку **pətḗr* (*pitár*, *pater* и др.) не значило собственно 'родитель', то оно означало нечто более высокое. Следует напомнить о том, что в течение длительного периода древности отцовство в физическом смысле было неопределимо. Только этим можно объяснить то, что и в последующее время долго между значением **pətḗr* 'отец' и специальным 'родитель' не было прочной связи, откуда потребность в уточнениях типа санскр. *janitá*, лат. *genitor* для второго понятия[19].

Мы подходим к вопросу об отражении и.-е. **pətḗr* в славянском словаре. А. Мейе всегда придерживался отрицательного мнения на этот счет, полагая, что **pətḗr* не сохранилась в славянском ни в основной, ни в производной форме. Более того, он склонен был придавать этому исключительное значение как показателю расшатывания старой индоевропейской общественной организации в славянстве и утраты многого из «аристократического» словаря[20]. Наряду с этим другие лингвисты указывали на возможность сохранения **pətḗr* в славянском в производной форме. Так, финскому слависту Микколе принадлежит правдоподобная этимология слав. **stryjь* 'дядя по отцу' < и.-е. **pətru̯os*, ср. лат. *patruus* от **pətḗr* (подробно см. раздел о названиях дяди, тетки). Французский лингвист М. В.[21] предположил происхождение болг. *пáсторок*, *пáстрок* 'отчим' из **pō-p(ə)tor* (к **pətor*, **pəter* 'отец'). Вопрос о непосредственном отражении и.-е. **pətḗr* 'отец' в славянском словаре решается обычно отрицательно.

Впрочем, мысль о происхождении слав. *bat'(j)a* (ср. русск. *бáтя*, укр. *бáтько* 'отец' и др.) < и.-е. **pətḗr* 'отец' высказал еще П. Лавравский[22], но не подкрепил ее сколько-нибудь вескими аргументами. А. И. Соболевский[23] подошел к вопросу об отношении русск. *батя* и и.-е. **pəter* с другой стороны, предположив заимствование из иранского, что отвергает М. Фасмер[24]. Из

---

[19] Термин **pətḗr* при классификаторской системе относился и к отцу, и к его братьям (моим дядьям по отцу) (см. Введение). И.-е. **pətér* возникло, очевидно, в ту эпоху, когда носители индоевропейского языка еще не знали причинной связи между зачатием и рождением. Это обстоятельство, а также наличие не одного pater familias, а многих потенциальных отцов позволяет предполагать для **pətér* значение, совершенно не похожее на наше значение 'отец', а именно что-то вроде: 'один из класса старших мужчин рода'. Подобное неведение относительно причин рождения, возмещаемое мифологическими, тотемистическими толкованиями, было, как известно, в конце прошлого века открыто у туземцев Центральной Австралии (см. *A. Sommerfelt*. La langue et la société. P. 140).

[20] *A. Meillet*. Les origines du vocabulaire slave // RÉS. T. 5. 1925. P. 6—7.

[21] *M. Vey*. Slave *st-* provenant d' i.-e. *pt-* // BSL. T. 32. 1931. P. 66.

[22] *П. Лавровский*. Коренное значение в названиях родства у славян // Зап. ИАН. Т. XII. № 2. СПб., 1867. С. 12.

[23] См. РФВ. Т. LXIV. 1910. С. 149.

[24] *M. Vasmer*. REW. Bd. I. S. 62—63.

других этимологических толкований славянского слова можно указать на объяснение Ф. Миклошича заимствованием его из венг. *bátya* 'Bruder! Landsmann!' [25] и противоположное суждение А. Маценауэра [26]: корень **bat* — индоевропейский, а венгерское слово — из славянского. Бернекер [27] лишь суммирует эти сведения. Попутно заметим, что он предполагает общеславянскую форму с носовым (**batę*) без видимого основания, поскольку известны лишь русск. *батя*, укр. *батько*, болг. *баща*, сербск. *башта*, чешск. (стар., диал.) *bát'a*, которые не говорят о древнем наличии носового [28]. Единственная форма с носовым — др.-русск. *батѧ* сохраняет лишь значение графического изображения, точно так же, как др.-русск. *дѧдѧ* не может отражать никогда не существовавшего **dędę*, а только **d'ad'a*.

Бернекер говорит об исконности у слав. *batę* значения 'старший брат'. То же говорит и П. Лавровский о др.-русск. *батѧ* («...**отдаваєть ти батѧ чєрниговъ, а съ мною въ любви поживи**». — Ипат. л. 6669 г.), но И. И. Срезневский переводит это **батѧ** как 'отец, pater' с пометой: «В древних памятниках только один раз». Далее, помимо распространенного русск. *батюшка* 'отец, духовный отец' и других диалектных разновидностей со значением 'отец' (см. выше, в перечислении названий отца у славян), укажем еще следующие формы: русск. диал. *бáтя* 'старший брат': «Тятя да мама дома, а *батя* поехал по дровки» [29]; *батя́ня* 'отец, также брат, приятель' [30]; чешск. *bát'a* 'старший брат', словацк. *bát'a*, *bat'ko* 'otec, strýček, starší bratr', *batica* 'sestra', болг. диал. *бáта* 'старший брат' [31], сербск. диал. *бáто* (ласк.) 'брат', 'отец', *баћа* (ласк.) 'брат'.

Таким образом, основные значения слав. *bat(j)a*: 'отец' и 'старший брат'. Как обычно полагают, 'отец' < 'старший брат'. Этимологию слова следует признать недостаточно выясненной [32]. Впрочем, связь **bát'(j)a* 'старший брат'

---

[25] *F. Miklosich.* Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867. S. 5.

[26] *A. Matzenauer.* Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870. S. 18—19.

[27] *E. Berneker.* Bd. I. S. 46.

[28] См. об этом в последнее время в статье: *V. Polák.* Nad novými etymologickými slovníky slovanskými // RS. T. XVIII. część 1. 1956. S. 28—29. Между прочим, В. Поляк предлагает новое объяснение слав. *batja*, *bat'a* заимствованием из балканского субстрата, ср. имя собственное иллир. *Bato*, греч. *φως*, *φωτός* 'рожденный человек', оставленное Э. Буазаком без этимологии. Сюда же он относит и груз. *batoni* 'господин', а также словацк. *bača* — пастушеский термин, занесенный с юга по Карпатам. Ср. еще неясное алб. *boc* 'брат'.

[29] *Богораз.* Областной словарь колымского русского наречия // Сб. ОРЯС. II Отд-ния АН. Т. 68. № 4. 1901 С. 22.

[30] *А. Мотовилов.* Симбирская молвь // Сб. ОРЯС. Т. XLIV. № 4. 1888. С. 16.

[31] Памятники болгарского народного творчества. Вып. 1. Собрал Н. Качановский. Словарь // Сб. ОРНС. Т. XXX. 1882. С. 562.

[32] К слав. *bat'ja* мы еще вернемся в заключительном разделе работы.

3 — 9718

(ср. чешск. *báťa*) с **bratrъ* 'брат' правдоподобно объясняется диссимиляцией [33].

Прежде чем приступить к анализу формы и значения слав. **otьcь*, остановимся на близких образованиях, которые легли в основу этого слова.

Индоевропейскому **ătta* 'отец' посвящена достаточно обширная литература: Г. Майер (Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 20) анализирует алб. *at* 'отец'; П. Кречмер (Einleitung. S. 200) привлекает имя собственное фриг. *Ἄττη с характерным для фригийского переносным употреблением; Г. Хирт (Untersuchungen zur indogermanischen Altertumskunde // IF. Bd. 22. 1907. S. 92) указывает на глубокую, общеиндоевропейскую древность греч. *ἄττα*, готск. *atta*, которые не уступают в этом отношении и.-е. **pətḗr*; А. Вальде (Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. S. 68), касаясь *atta* 'отец', ласкательное обращение детей к отцу, указывает на распространенность такого образования в сопредельных неиндоевропейских языках [34]; Вальде—Покорный (Bd. I. S. 44) указывают на связь слав. *otьcь* с и.-е. **atta* через **attikos*, не вдаваясь, однако, в подробности; см. еще *F. Kluge.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. II. Aufl. S. 27: Ätte, Ätti 'Vater'; *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. S. 62; Ю. Покорный (С. 71) повторяет упоминавшиеся выше мысли О. Шрадера, А. Вальде; Эрну-Мейе (Т. 1. Р. 97) видят в лат. *atta* 'дедушка' слово детской речи, оно же в *atavus*; И. Фридрих (Hethitisches Wörterbuch. S. 38) рассматривает хеттск. *attaš* 'отец' как индоевропейское и переднеазиатское слово детской речи широко распространенной формы.

И.-е. **ătta* содержит краткий гласный *ă*, который, как полагает А. Мейе [35], встречается лишь в особых, экспрессивных образованиях, призываниях. Ю. Курилович [36] уточняет, указывая, что эти формы, естественно, вторичны по отношению к появлению *ă*.

Столь же характерно для и.-е. **ătta* наличие древнего долгого *t*, что единогласно отмечается исследователями как атрибут экспрессивных слов [37]. Впрочем, отмечаются и трудности изучения подобных случаев. Так, Мейе

---

[33] Ср. *J. Holub — Fr. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 66, 76.

[34] Поддерживаемая им мысль О. Шрадера (см. Indogermanischer Anzeiger. Bd. IX. S. 172) об отношении сюда др.-в.-нем. *adal*, нем. *Adel* встретила у некоторых лингвистов возражение, ср. *O. Szemerényi.* The Etymology of German *Adel* // Word. Vol. 8. 1952. P. 42 ff.

[35] *А. Мейе.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938. С. 185.

[36] *J. Kuryłowicz.* Études indoeuropéennes. I. 1935. P. 106.

[37] *A. Meillet.* Les dialectes indoeuropeens. 2ème ed. Paris, 1922. P. 58; *Он же.* Введение... С. 154; *E. Locker.* Die Bildung der griechischen Kurzund Kosenamen // Glotta. Bd. 21. 1932. S. 151.

высказывает интересные мысли о недостаточности одной ссылки на принадлежность к детской речи того или иного слова для объяснения удвоенности согласного по той естественной причине, что «детская речь распространяется лицами, вполне развитыми в отношении речи»[38]. Он склонен видеть в и.-е. **tt*, **ddh* отношения древнего морфологического чередования согласных. В другом месте Мейе указывает на сохранение удвоенного **tt* в индоевропейском только в экспрессивном образовании (**ătta*), когда удвоение является именно выразителем экспрессивности[39]. Э. Герман согласен с Мейе в его оценке и.-е. **ătta* как экспрессивного (фамильярного) образования, хотя не видит необходимости отрицать его происхождение из детской речи[40]. В общем, так же, как Мейе, характеризует слово А. Вайан, полагающий, однако, что удвоение не обязательно столь же древнее в данном случае, как само слово[41].

Как уже говорилось, и.-е. **ătta* через производное **ăttikos* дало наиболее распространенное название отца в славянском — *otьcь*. При этом и.-е. **ă* > слав. *o*. Кроме этой производной формы, в славянском есть немногочисленные, но вполне достоверные следы основы **oto-* < балто-слав. **ata-*[42]: ст.-слав. **отьнь**, ср. русск. диал. *безотной* 'не имеющий отца'[43], ср. в славянской топонимике Восточной Германии: *Oteslawe*, *Wotzlaff* < **Oteslav*[44].

Индоевропейский характер имеет и другое обозначение отца **tăta*, для которого, видимо, справедливо будет предположить этимологическую связь с рассмотренным **ătta* через редупликацию основы. Что касается консонантизма, то вполне возможно, что экспрессивность здесь выражена другим доступным в таких образованиях способом — удлинением корневого гласного вместо выраженного в **ătta* экспрессивного удвоения согласных. Там, где количество гласного не изменилось, экспрессивность выражается прежним путем (ср. греч. *τέττα* 'тятя! батюшка!'). Во всяком случае, есть основания полагать, что выражение экспрессивности удлинением гласного, типичное для слав. *tata*, коренится еще в индоевропейской древности[45].

---

[38] *A. Meillet.* Les dialectes indoeuropéens. P. 58.

[39] *А. Мейе.* Введение... С. 154.

[40] *H. Hermann.* Einige Beobachtungen an den idg. Verwandtschaftsnamen. S. 97—98.

[41] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Paris, 1950. P. 81.

[42] *R. Trautmann.* BSW. P. 16.

[43] *А. Грандилевский.* Родина М. В. Ломоносова. Областный крестьянский говор // Сб. ОРЯС. Т. LXXXIII. № 5. 1907. С. 93.

[44] *R. Trautmann.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. T. I. Berlin, 1948. S. 47.

[45] Слав. **ot-* в *otьcь* и др. с *o* кратким развилось из простого нередуплицированного и.-е. **ătta* с *ă* кратким с параллельной утратой экспрессивного оттенка значения, носителями которого становятся формы из **tāta*. Слав. *tāta* как бесспорный пример экспрессивного удлинения корневого гласного мог бы с пользой привлечь В. Махек в своей недавней работе, где он рассматривает экспрессивное удлинение на ряде

Ср. в других индоевропейских языках: алб. *tat* 'отец, дед', имена собственные фриг. *Τάτα*, *Τάττα*, *Τατάς*, *Δαδα*, греч. *τάτα*, др.-инд. *tatá-s* 'отец', лат. *tata*, корн. *tat*, литовск. *tẽtis* с тем же значением, сюда же англ. *dad* 'папа, папаша', хеттск. иероглифич. *tata-* 'отец', *tatali-* 'отцовский', лув. *tati-* 'отец'[46].

Основная масса исследований содержит точку зрения на и.-е. *tata* как на образование детской речи. Это же отражено и в этимологических словарях Ф. Миклошича, А. Преображенского[47], Р. Траутмана.

Объяснение ссылкой на «детский лепет» вряд ли может внести ясность в изучение истории обсуждаемых слов. Маловероятно, впрочем, и иное толкование, согласно которому *te-*, *ta-* (*tẽvas*, *tata*) — результат изменения **ptēr* из **pətēr* 'отец', ср. авест. *ptā*, *tā*[48], лат. *tata* < **ptata* : *pater*[49]. Образование авест. *ptā* < **pətēr* сомнения не вызывает, но оно отнюдь не объясняет форм *tata*, *teta*, литовск. *tẽvas* и др., с которыми авестийское слово этимологически не связано.

Что касается балтийских форм, то непосредственно к названным выше индоевропейским (*tata*, *teta*) примыкают литовск. *tẽtis* 'отец', *tetà* 'тетка', др.-прусск. *thetis* 'отец', литовск. *tìtis* (диал., Кведарна) 'отец'[50]. Литовск. *tẽvas* 'отец' представляет собой, видимо, продукт разложения группы *te-t-* с последующим присоединением суффикса *-va-* : *tẽvas*. Разрывать эти слова нет оснований. Ср. другие литовские формы названия отца: *tẽtė*, *tėtùšis*. Возможно, сюда относится и название реки литовск. *Tãtula* (суффикс *-ula*), в котором *tat-* < и.-е. **tăt-*.

Наличие в слав. *tata* долгого *ā*, ср. польск. *tata*[51] и др., происходит, как уже сказано выше, от экспрессивного удлинения. Славянский язык знает ряд достоверных примеров такого удлинения. А. Вайан говорит по этому поводу:

весьма проблематичных примеров (*V. Machek.* Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 1. H. 4. 1956. S. 33 ff.).

[46] См. *G. Meyer.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1981. S. 424—425; *P. Kretschmer.* Einleitung. S. 347 ff.; *H. Pedersen.* Wie viel Leute gab es im Indogermanischen // KZ. Bd. 36. 1898. S. 83; *K. Brugmann.* KVGr. S. 77; *A. Zimmermann.* Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen // KZ. Bd. 50. 1922. S. 148 ff.; *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Auf. S. 764; *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 704; *Ernout—Meillet.* T. II. P. 1195; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. S. 329, 336; *H. Otten.* Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953. S. 52; *В. Георгиев.* Вопросы родства средиземноморских языков // ВЯ. 1954. № 4. С. 68.

[47] См.: Труды ИРЯ. Т. 1. 1949. С. 35; ср. еще *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 32: русск. диал. *атька* 'отец'.

[48] См. *A. Meillet.* A propos du mot avestique pta // MSL. T. XX. P. 6; *M. Vey.* Slave *st-* provenant d' i.-e. *pt-*. P. 65 ff.

[49] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 764.

[50] Взято из рукописной картотеки к литовскому этимологическому словарю К. Буги (Вильнюс, Ин-т литовск. языка и лит-ры АН Лит. ССР).

[51] *Ernout—Meillet.* T. 11. P. 1195.

«...Сербо-хорватский язык представляет в своих уменьшительных образованиях другой экспрессивный способ — удлинение гласного: Бо́жо из Бо̀жидар»[52]. Ср. далее, там же, относительно слав. *jāzъ* «...Общеславянский долгий начальный гласный представляет трудность ввиду лит. *àš* (др.-литовск. *eš*), лат. *ego* и др., и не исключена возможность, что *ja-* < **ē* через вторичное экспрессивное удлинение *e* (ср. сербохорв. *jâ* при чак. *jä*) по образцу *ty* 'ты', которое, видимо, имело в балто-славянском, как и в индоевропейском, двойную форму **tū-* и *tu*[53]. В этом свете становится ясным характер звукового развития слав. *tata*.

Смягчение *tata* > *ťaťa*, которое было осуществлено лишь в части славянских языков (ср. русск. *тятя*, сербск. *ćȁća*, *ćaće*), объяснить нелегко. Ясно, что это позднее явление, не приведшее к органическому смягчению, иначе было бы в русском что-нибудь вроде *чача* (< **ťaťa/tjatja*)[54]. Вполне возможно, что в *тятя* проявляется «неорганическая» палатализация согласных, свойственная фамильярной и экспрессивной лексике балтийских и славянских языков[55]. О том, что это явление не носит устойчивого характера, говорит наличие несмягченных форм в тех же языках, ср. русск. диал. *тата*[56].

Для правильного понимания славянских слов важно помнить, что они продолжают отдельные варианты индоевропейской формы: **ătta* в *otьcь*, **tāta* в польск. *tata*, чешск. *táta*, аблаут **tett* в *teta*, *tetъka* (*tĕt* : *tŏt*, подробнее — см. о названии тетки), ср. еще *te-*, *ta-* с суффиксом в литовск. *tė̃vas*, латышск. *tēvs*, др.-прусск. *taws*.

Изложенное представляет собой своеобразную предисторию собственно слав. **otьcь* 'отец', восходящего к и.-е. **ătta*[57]. В. Скаличка считает, что

---

[52] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. 1. P. 98—99.

[53] Там же. P. 183.

[54] Впрочем, именно такую русскую диалектную (сибирскую) форму приводит Ян Розвадовский: *Я. Розвадовский.* Рец. на Словарь Бернекера (RS. T. II. 1909. P. 75), указывая на ее отсутствие у Бернекера.

[55] Ср. *J. M. Kořínek.* Několik slov o významu A. Meilleta pro současnou jazykovědu // Slavia. Roc. 14. 1936—1937. S. 489. А. И. Соболевский (Мелкие заметки по славянской и русской фонетике // РФВ. Т. LXIV. 1910. С. 118—119) совершенно ошибочно, на наш взгляд, объясняет первое *я* в *тятя*, *дядя*, *няня* ассимиляцией последующему *я*, которое он объясняет — тоже ошибочно — из ѧ.

[56] Труды Московской диалектологической комиссии. Смоленская губерния / Обработал Н. Дурново // РФВ. 1909/ № 3/4. С. 215.

[57] Известно также санскр. *attā* со значением 'мать, старшая сестра' при обычном значении и.-е. **ătta* 'отец' (см. *C. C. Uhlenbeck.* С. 5; *Ernst u. Julius Leumann.* Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Leipzig, 1907. S. 12; *M. Mayrhofer.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953. S. 27—28; последний даже допускает заимствование из неиндоевропейского дравидийского языка). Ниже, в заключительном разделе нашего исследования, мы еще раз коснемся вопроса о значении этой формы.

фонетическая редукция в слав. **-ot-*, при готск. *atta* 'отец', компенсируется морфологическим расширением в слав. *otьcь*[58]. Мысль глубокая, но нельзя не выразить опасения, что пример не вполне удачен: морфологическое расширение *otьcь* имеет собственные индоевропейские корни. Восстанавливаемая для **otьcь* этимологическим путем древняя форма **attikos* действительно существовала и является индоевропейской, ср. сохраненное греческим языком Ἀττικός, Ἀττική явно адъективного, характера (суф. *-ικός*, *-ική*, ср. образование ἵππος 'лошадь' : ἱππικός, ἱππική 'лошадиный, конский, -ая'), которое можно правдоподобно объяснить как 'отчий, отеческий': *ătt-iko-s* < *ătta*. Таким образом, греч. ἡ Ἀττική [χώρα] собственно = 'отцовская страна' с последующим забвением конкретного смысла и употреблением как собственного названия части Греции.

А. А. Шахматов[59] называет слав. *otьcь* в числе заимствований из кельтского, ср. кельт. *otikós* — ирл. *aithech*, *athech* 'Mann aus einer der besitzenden Klassen', брет. *ozech* 'homme', причем кельт. *otikos* < **potikós* (утрата *p* в начале кельтского слова), ср. греч. δεσποτικός. В итоге Шахматов принимает первоначальное значение слав. *otьcь*: 'Hauswirt, хозяин'. В противном случае он считает неясной исходную славянскую форму для *otьcь*. Известное *otьnь* возможно < *otьčьnь*, др.-русск. *отьчьнь*, под влиянием *братьнь* и под. Шахматов не учитывает возможности самостоятельного развития слав. *otьcь* < и.-е. **ăttiko-s*, а также наличия несомненных следов **-oto-*.

Таким образом, в основе слав. *otьcь* лежит значение 'отцов', как о том свидетельствует этимология: *otьcь* < **att-iko-s* < **atta*. В принципе такое толкование вполне закономерно, ср. другие примеры: др.-в.-нем. *eninchilī* 'внук', собственно 'дедов' (др.-в.-нем. *ano*, нем. *Ahn* 'дед, предок'), а не 'маленький дед', как полагал В. Шульце[60]. Это находится также в полном соответствии с единственно правильным представлением о первичности всякий раз именно притяжательных и вторичности уменьшительных значений. Вот почему мы не видим в слав. *otьcь* уменьшительного значения, якобы со временем вытесненного[61].

Интересно изучить возможные условия возникновения этого производного слова. Дело в том, что слав. *otьcь* 'отец' останется совершенно непонят-

---

[58] *В. Скаличка.* О фонетической редукции // Сб. Пражский университет Московскому университету. Прага, 1955. С. 268.

[59] *A. A. Schachmatow.* Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // AfslPh. Bd. 33. 1911. S. 91—92.

[60] KZ. Bd. 40. 1905. S. 409; ср. *Wilmanns.* Deutsche Grammatik. II. 1. Hälfte, § 250, 269 (о производных на *-l-* как первоначально притяжательных, а не уменьшительных).

[61] Ср. *K. Brugmann.* KVGr. S. 339.

ным, если полагать, что оно всегда обозначало отца. Отца обозначало и.-е. **ătta*, с которым **otьcь* связано притяжательными функциями, особенно прозрачными в древней форме **attikos* (см. выше).

Попробуем при анализе слав. **otьcь* исходить из структуры древнего рода и современных ему воззрений на родство. Тесная связь между членами рода и единое кровное происхождение большинства их за вычетом фактов экзогамии) находили, как известно, выражение в том, что каждый род знал своего предка. Развившиеся на такой почве воззрения могут, очевидно, объяснить тот факт, что индоевропейская терминология родства знает единые названия отца, матери, но дает сбивчивые, несогласные показания о конкретных названиях восходящего кровного родства: дед, бабка и т. п. Это можно объяснить тем, что при родовом строе каждый кровный родич по восходящей линии (т. е. реальный отец, дед, прадед) мог считаться отцом любого младшего кровного родича, т. е. реального сына, внука, правнука[62]. Вернувшись к слав. **otьcь* и уже будучи знакомы с его этимологической структурой, мы можем прийти к тому выводу, что первоначально члены рода употребляли термин *otьcь* как название ближайшего отца, который сам был в сущности 'отцов' (**ătt-iko-s*), т. е. происходил от старшего, общего, отца (слав. **otъ*, и.-е. **ătta*).

В плане относительной хронологии следует отметить, что образование **attikos* стало возможным лишь ко времени широкого употребления, суффикса *-iko-s*, который генетически связан с основами на *-i-*, ср. санскр. *avikaḥ*, слав. *ovь-ca*, литовск. *avìs*.

Вполне возможно, что вплоть до балто-славянской эпохи образование и.-е. **ătt-iko-s* > балто-слав. **ŏt-ĭka-s* с суффиксом *-ika-* сохраняло притяжательное значение, утраченное впоследствии. Во всяком случае, в балтийском этот суффикс встречается в аналогичном употреблении и сейчас, ср. значение литовск. *brol-ika-s* 'племянник по брату, сын брата' (т. е. 'братов'): *brólis* 'брат'.

Развитие значения *otьcь* в славянском 'отцов' > 'отец' — пример встречающейся деэтимологизации производных с суффиксом принадлежности; при этом производное снова принимает значение непроизводной основы —

---

[62] Ср. интересное свидетельство из современного быта индоевропейцев-таджиков у А. К. Писарчика (О некоторых терминах родства таджиков / Сборник статей по филологии и истории народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953. Табл. 1, примеч. 5): «В Ура-Тюбе первые один-два ребенка обычно называют своего деда и бабку с отцовской (но не материнской) стороны отцом и матерью — "дада" и "апа" (или бywa), а отца, если он молод, вместо "дада" называют "ако": старший брат». Очевидно, что эти особенности употребления, а также структура слав. *otьcь* сохраняют реминисценции уже отцовского рода, ср. четкое отражение отношения к отцу. Совершенно естественно, что современная терминология родства сохраняет следы разных этапов развития родственной организации.

'отец'. Ср. нем. *Mensch* 'человек' < др.-в.-нем. *mennisco* 'der von Mannus Stammende' с суффиксом *-isco*[63].

Специально славянским при обретением является в **otьcь* суффиксальное *-c-*, развившееся из и.-е. **k*. Это развитие носило характер палатализации, которую принято называть третьей, иначе — законом Бодуэна де Куртене[64]. Х. Педерсен[65] считает это изменение очень древним (**otьk'ó-s* > **otьcь*), гораздо древнее палатализации в слав. *cěna*. В. Вондрак возражает против понимания Бодуэном де Куртене третьей палатализации как некоей аналогии известному закону Вернера (*k*, *g*, *ch* > *c*, *z*, *s* только в подударном слоге). Он считает решающим для этого перехода узкое, напряженное качество гласного, сказавшееся на последующем задненебном согласном, ср. немецкие так называемые *ach-* и *ich*-Laute: *otьcь* < *otьkъ*[66].

Вопросу образования *c* в *otьcь*, как и проблеме третьей палатализации в целом, посвящено много исследований. Здесь мы скажем только о некоторых интересующих нас положениях. В настоящий момент нас больше всего привлекает гипотеза, выдвинутая недавно Иреной Грицкат-Вирк[67]. Эта гипотеза исходит из расхождений между восточнославянским и польским материалом, с одной стороны, и южнославянским, с другой, причем в восточнославянском и польском *k* выступает часто там, где в южнославянском имеется *c*. Согласно гипотезе, причина этого положения коренится в характере предшествующего согласного: при его мягкости, что типично для современного русского, польского, выступает часто *k*, при твердости — *c* (последнее регулярно в южнославянском). Суть явления заключается в диссимиляции по палатальности. Преимущество этой гипотезы — в ее перспективности. Так, в непоследовательном отражении палатализации можно видеть результат поздних местных восстановлений *k* по диссимиляции. Следовательно, во-первых, непоследовательность прогрессивной палатализации не есть доказательство ее позднего или недолговременного характера, как полагает И. Грицкат-Вирк; во-вторых, примеры вроде русск. диал. *отёк* < 'отец' никоим образом не отражают древней формы **attikos*, но получены в итоге местного процесса: о.-слав. *otьc'ь* > вост.-слав. *otьcь* > диссимилированное *отёк*. Гипотеза позволяет правильнее оценить относительную хронологию явлений, связанных с прогрессивной палатализацией задненебных в славянском. Форма

---

[63] *F. Kluge.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. Halle, 1899. S. 10.

[64] См. Baudouin de Courtenay // IF. Bd. 4. S. 45—53.

[65] *H. Pedersen.* Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent // KZ. Bd. 38. 1902. S. 384—385.

[66] *W. Vondrak.* Bd. I. S. 266 ff.

[67] См. *И. Грицкат-Вирк.* Још о трећој палатализацији // Јужнословенски филолог. Књ. XIX. 1951—1952. С. 87—110.

**otьkъ* является в сущности дославянской. Напротив, форма *otьcь* реальна с самого начала славянского периода как проявление общей тенденции изменения задненебных в соседстве с гласными переднего ряда. Следующий за *k* передний гласный при этом оказывал более сильное воздействие на *k*, откуда зв. п. *otьče*, но было бы неверно заключать, что последняя форма отражает слав. **otьkъ* [68]. Это, очевидно, исказило бы картину праславянской звуковой системы. Признавая древность формы *otьcь*, необязательно предполагать звук *c* во всей парадигме склонения. Наличие им. п. ед. ч. *otьcь* естественно к моменту образования зв. п. ед. ч. *otьče* в тот период, когда *c* и *č* являлись позиционными вариантами одной фонемы.

Новоакутовое ударение русск. *оте́ческий* [69] свидетельствует о древней окситонности слав. **otьcь* (ср. русск. *оте́ц*, *отца́*) < и.-е. **attikós*, греч. ᾿Αττικός. Ср. то, что говорится у Ю. Куриловича об аналогичном показании новоакутового ударения в сложных порядковых числительных типа русск. *четвёртый* < **četvьrtъ̀*). Древняя окситонность и.-е. **att-iko-s* объясняется его производным характером [70]. Последовательное сохранение этой окситонности в славянском, на что указывают определенные следы: подвижность ударения русск. *оте́ц*, *отца́*, новоакутовое ударение русск. *оте́ческий*, говорит о том, что, как видно, производный характер образования слав. **otьcь* вполне отчетливо ощущался и в славянскую эпоху. Таким образом, историческая акцентология представляет ценное свидетельство для изложенной выше этимологии слав. *otьcь*.

Наконец, о некоторых словах типа русск. *во́тчина*, которые рассматриваются как специфически русские образования [71]. Ср., однако, в других славянских языках: польск. диал. *u̯ečec* [72], *u̯ojciec* (вармийско-мазурский диалект) [73], укр. род. п. ед. ч. *вітця́* (при *отця́*), н.-луж. *wośc*. Слав. *otьcь* имело исконно краткое *o*. Перечисленные выше польские, украинские, нижне-лужицкие формы — в отличие от прочих славянских (русск. *отец*, чешск. *otec*, сербск. *о̀тац*) — содержат *o* лабиализованное: *uo-*, *vo-*. Его

---

[68] Как это делают В. Вондрак (Bd. I. S. 266—268) и А. Белич [Најмлађа (трећа) промена задњенепчаних сугласника *к*, *г* и *х* у прасловенском језику // Јужнословенски филолог. Књ. II. 1921. С. 22].

[69] См. *J. Kuryłowicz.* L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952. S. 252.

[70] Там же (в различных местах).

[71] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 187. Специально об этом *ô* в русском см.: *Л. Л. Васильев.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVIII вв. Л., 1929. Ср. еще *M. Dolobko.* Das sekundäre *v-* Vorschlag im Russiscben // ZfslPh. Bd. 3. 1926. S. 87 ff.

[72] *A. Tomaszewski.* Mowa t. zw. Mazurów wieleńskich // Slavia Occidentalis. T. 14. 1935. S. 106.

[73] См. Poradnik Językowy. 1953. Zesz. 1. S. 37, текст, записанный X. Курковской.

происхождение естественно объяснить удлинением прежнего краткого *o* > *ō*. Причем, как это обычно для физиологии славянской речи с ее довольно слабым напряжением голосовых связок, одинаковый артикуляционный уклад не сохраняется на протяжении всей артикуляции долгого гласного[74], и выделяется лабиальный призвук *u̯*, а иногда и согласный *v*[75]. Положение усложняется тем, что в форме *otьcь* этого не могло произойти и после падения редуцированных, ср. русск. *отец*. Упомянутое удлинение *o* могло иметь место лишь в формах косвенных падежей *otьca* и под. (> *otca* > *ōtca*, *u̯otca*). В некоторых славянских языках и диалектах это удлинение могло затем распространиться аналогическим путем на всю парадигму склонения, ср. польск. диал. *u̯ojciec*, в иных же не распространилось и сохраняется только в органически обусловленных позициях, ср. укр. род. п. ед. ч. *вітця́*: (< *u̯ō*-) при им. п. *оте́ць*, русск. *во́тчина*.

Из прочих названий отца остается, собственно, только слав. **nan-*, представленное только в луж. *nan*, *nań*, а также в отдельных диалектах, ср. перечисление в начале настоящего раздела. В других индоевропейских языках: лат. *nanna*, *anna* 'кормилица', вост.-фриз. *nann* 'отец', др.-инд. *nana* 'мать'. В этой связи можно отметить многозначность близких терминов в разных языках ('отец', 'мать'), которой мы коснемся специально в заключительном разделе.

Уникальным является древнерусское производное от названия отца, отмечаемое Ф. П. Филиным в летописном сказании 6491 г. о первых христианских мучениках: «имь же оученьемъ побѣжаемъ противнаго врага попирающе подъ ноги якоже попраста и си отѣника» (Лавр. л. 27. С. 83; в Ипат. и Тверск. отьченика, Радз. и Акад. отечника). Как свидетельствует Ф. П. Филин, слово **отѣника**, *отьченика*, пока что известное в данной форме только в этом летописном сказании, обозначало отца и сына вместе, как одно понятие[76]. Др.-русск. **отѣника**, *отьченика* (дв. ч.), являясь формально производным только от *отьць* 'отец', означало одновременно 'сын и отец', т. е. представляло собой пример эллиптического двойственного числа, иногда встречающегося среди индоевропейских терминов родства, ср. аналогичную эллиптическую форму др.-исл. *feđgar* 'сын и отец', производную от названия отца. Эллиптический[77] характер носят, далее, формы множественного числа

---

[74] Как, например, в долгих гласных французского *e:*, *o:*, *y:*.

[75] Этот лабиальный элемент вряд ли можно называть протезой. Происхождение протетических *j*, *v* иное, оно не может быть объяснено в фонетических границах одного слова.

[76] *Ф. П. Филин.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена. Т. 80. 1949. С. 21—22.

[77] Т. е. выражающийся в неупоминании одного из обозначаемых лиц. О явлении и его примерах в индоевропейском см. *K. Brugmann.* KVGr. S. 416.

литовск. *tėvaĩ* 'отец и мать, родители' (букв.: 'отцы'), укр. *батькú* 'родители' от *бáтько* 'отец'.

Непосредственно к названиям отца примыкает первый рассматриваемый нами здесь термин сводного родства — название отчима. Особой древности по понятным причинам эти образования не обнаруживают (см. введение к настоящей книге). Наибольший интерес представляет русск. *óтчим* и близкие ему формы: диал. *ωтч'им*, *вôтч'им*[78], укр. *вiтчúм*, прибалт.-словинск. *vė.i̯čĩm*, *vė.tčĩm*, польск. диал. *ojčim* // *očym*[79]. Суффикс -*im*- здесь, видимо, глагольного происхождения[80], ср. русск. *проходим*, *подхалим* (в последнем корень *хал*-: *нахал*, *охальничать*, родственные *хулить*, *хвалить*) — отчетливые отглагольные образования с суффиксом -*им*. Правда, относительно *отчим* правильнее будет заключить, что оно аналогического образования, возможно, по образцу *побратим*, так как исходный глагол для самостоятельного образования *отчим* отсутствует[81]. Вряд ли можно в этих образованиях с -*им* видеть значение уменьшительности, как это делал А. М. Селищев[82]. Далее, как нам представляется, русское слово изменило первоначальное ударение: *óтчим* вместо **отчúм*, ср. ударения прочих образований с -*им* русского языка (*подхалúм*, *побратúм*). В этом смысле ценно свидетельство украинского, сохранившего старое ударение: *вiтчúм*[83]. Из неславянских сюда, возможно, относятся такие суффиксальные образования литовского, как прилагательные *svẽt-imas* 'чужой', *árt-imas* 'близкий', также *ar̃t-ymas*, *árt-ymas*. Аналогично образовано с суффиксом -*им*- среднеболг. *побащимъ*[84], др.-русск. *женима* 'наложница'.

С префиксом *па*-: русск. *паотец*, (В. И. Даль: 'не родной отец, воспитатель приемыша[85]), ср. литовск. *patė̃vis* 'отчим' — *tė̃vas* 'отец'[86]. Сюда же,

---

[78] *С. С. Высотский.* О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.—Л., 1949. С. 15.

[79] *G. Horák.* Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955. S. 179.

[80] Так полагает Р. Брандт (Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича // РФВ. Т. 23. 1890. С. 289).

[81] *И. И. Срезневский.* Т. II, стлб. 832. Приводит только др.-русск. **отьчитися** 'потакать, считаясь родством'.

[82] *А. М. Селищев.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Ученые зап. МГУ. Вып. 128. 1948. С. 148.

[83] Подробно см. соответствующее место цитированной выше статьи М. Долобко (Das sekundäre *v*-...).

[84] *С. Аргиров.* Люблянският Български ръкопис от XVII в. // СБНУ. Кн. XVI—XVII. 1900. С. 309.

[85] Ср. *Р. М. Цейтлин.* К вопросу о значениях прииименной приставки *па*- в славянских языках // Ученые зап. Ин-та славяноведения. Т. IX. 1954. С. 206.

[86] *A. Salys.* Mūsų gentivardžiai // Gimtoji kalba. 1937. II. S. 22; ср. латышск. *patēvis* 'отец' (см. *И. М. Эндзелин.* Латышские предлоги. Ч. 1. Юрьев, 1905. С. 149).

возможно, относится болг. *пáстрок*, *пáсторок* 'отчим' < **popətor*. С префиксом *при-*, *pri-*: болг. *притáтко*, н.-луж. *pšinank* от соответствующих названий отца. Оригинальным обозначением отчима является ст.-слав. **отьчоухъ**, сербск. диал. *очух*[87], производное от названия отца с древним суффиксом слав. *-ихо-* < **-ouso-* = литовский суперлативный *-iáusias*[88].

Описательные образования: в.-луж. *přirodni nan* 'отчим'.

Как уже говорилось, термины сводного родства представляют собой позднее приобретение славянских и вообще индоевропейских языков. Общеиндоевропейские термины такого рода отсутствуют. Можно привести в пример позднее оформление этих терминов в германских языках: нем. *Stief-vater*, *Stief-mutter*, *Stief-sohn*, англ. *step-father*, *step-mother*, *step-son*.

Мать

Ст.-слав. **мати**, др.-сербск. *мати*, др.-русск. *мати*, русск. *мать*, диал. *матьр*[89], *мáт'ер'а*, *мат'ер'*, *мáтка*[90], укр. *мáтір*, *мáти*[91], белор. *мáці* (несклон.), *мáтка*, сюда же русск. диал. *мáти* 'крестная мать'[92]; польск. *matka*, *macierz*, кашуб. *mác-eře*, прибалт.-словинск. *mãc*, *mãceřä*, н.-луж. *maś*, *maśeře*, полабск. *motéi*, чешск., словацк. *matka*, словенск. *máti*, сербск. *мäти*, болг. диал. *мáтер* 'майка'[93]. Др.-русск. *мама*, *мамъка* 'кормилица, мамка, няня', русск. *мáма*, диал. *мáмушка* 'мать' при *маменька* 'свекровь'[94], чешск. диал. *maminka*, *naše máta* обращение детей к матери[95], в.-луж. *zatama* 'посаженая

---

[87] *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. // Сб. ОРЯС. Т. LXIII. 1897. С. 285.

[88] Ср. *W. Vondrák.* Bd. I. S. 476, 477. Сюда же болг. диал. *óчув* 'отчим', с заменой *х* > *в* (*Д. Маринов.* Думи и форми из Западна България // СБНУ. Кн. XIII. 1896. С. 260).

[89] *Р. И. Аванесов.* Очерки диалектологии рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.—Л., 1949. С. 206.

[90] *Б. Г. Орлова.* О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. С. 53.

[91] См. также: *А. А. Бурачок.* Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Поняття «рідна мати» // Лексикографічний бюллетень. Вип. V. Київ, 1955. С. 47—65.

[92] *К. А. Иеропольский.* Говор д. Савкино (Псков. губ.) // ИОРЯС: АН СССР. Т. III. Кн. 2. 1930. С. 595.

[93] «От Пирот». Записал С. Христов // СбНУ. Кн. VII. 1892. С. 232.

[94] *Е. Будде.* К диалектологии великорусских наречий (исследование особенностей рязанского говора). С. 139.

[95] *Q. Hodura.* Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904. S. 69.

мать на свадьбе', полабск. *máma* 'Mutter, Mama', др.-сербск. *маика*, сербск. *мâја*, *мâјка* 'die Mutter, mater', болг. *ма́йка*, сюда же *пома́йчима* 'посаженая мать'[96].

Укр. *неня* 'мать, родимая', болг. диал. *нане*, также *ниннé* (обращение) 'мама'[97], польск. диал. *nana* 'мать', кашуб. *nena*, *nana*, *nenka* 'мать', сербск. *на́на*, *нéна* 'мать'.

Индоевропейским названием матери является **mātḗr*, форма, общая всем индоевропейским языкам и не имеющая себе равных среди родственной терминологии по широте распространения. Для старшего периода индоевропейского сравнительного языкознания еще характерны попытки дать этимологию **mātḗr*, точно так же, как и **pətḗr*, ср. толкование Боппа[98]: др.-инд. *mātár* 'мать' < *mā* 'измерять', с префиксом *nís-* 'производить, создавать', т. е. мать — 'родительница'. Для нового периода языкознания характерно признание недоказуемости этимологических попыток такого рода, но уже с Дельбрюка намечается тенденция возводить **mātēr* к примитивному образованию «детского лепета» *ma-*[99].

Как характерные для фонетического облика и.-е. **mātḗr* указываются долгота корневого гласного[100] и ударение **mātḗr*[101], причем последняя особенность сближает его с и.-е. **pətḗr*, ср. выше.

Хорошо изучена история и.-е. **mātḗr* в славянскую эпоху. Поскольку последнее не ощущалось как производное образование, оно не смогло удержать наконечного ударения в славянском: и.-е. **mātḗr* > слав. **mátē-*. В дальнейшем **mátē-* > **mátě*, причем это *-ě* (с циркумфлексной интонацией) дало *i*[102] : **matь*, ср. другие случаи такого *ě* > *i*, (местн. ед. ч.). В формах типа **matь* (русск. *мать* и др.) можно видеть сокращение конца слова, аналогичное ис-

---

[96] Образование *помайчима* аналогично разработанному выше *отчим* и другим словам на *-им*.

[97] «Думи и форми от говорите в Видин, Братца, Царибродско и пр.». Записал Цано Сталийский // СбНУ. Кн. V. 1891. С. 223; Кн. XVI—XVII. 1900. С. 407.

[98] *Fr. Bopp.* Vergleichende Grammatik. 1. Aufl. S. 1134. Цит. по B. Delbrück. S. 384.

[99] См. *O. Schrader.* Reallexikon. P. 564. Ср. далее *E. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grécque. 2ème éd. P. 635; *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 469; *P. Kretschmer.* Einleitung. S. 353 ff.; *C. C. Uhlenbeck.* S. 221; *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 229—230; *Ernout—Meillet.* T. II. P. 693—694; *A. Zimmermann.* Lateinische Kinderwörte als Verwandtschaftsbezeichnungen // KZ. Bd. 50. 1922. S. 147; *J. Pokorny.* P. 700—701. Этимологический обзор славянских, балтийских форм см.: *Miklosich.* S. 184, *E. Berneker.* Bd. II. S. 26—27; *R. Trautmann.* BSW. P. 171.

[100] *K. Brugmann.* KVGr. S. 78.

[101] *K. Verner.* Eine Ausnahme der ersten Lautverscbiebung // KZ. Bd. 23. 1875. S. 97 ff.

[102] *W. Vondrák.* Bd. I. S. 52, 59; *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. 1. P. 211—212.

тории суффикса инфинитива *-ti*, *-tь*[103]. Впрочем существует гипотеза о двух различных индоевропейских фонетических вариантах этого имени: циркумфлексной интонации **mātẽr* и акутовой **mātḗr*[104]. Подобное предположение не имеет веских аргументов в свою пользу. Так, греч. *μήτηρ* отнюдь не свидетельствует об акутовой интонации, оно — результат местного противопоставления *πατήρ* и в итоге возводится к и.-е. **mātḗr*, как и внешне отличное санскр. *mātā́-*. Гипотеза об отражении в слав. **mati* (из **matě*) циркумфлексной разновидности, а в слав. **matь* — акутовой общего признания в современной науке не получила, и история слав. **mati* из и.-е. **mātḗr* излагается обычным способом (ср. выше). Впрочем, оригинальную точку зрения развивал А. А. Шахматов, предполагая общеславянское изменение *matī* в *matь̂* с напряженным редуцированным, откуда русск. *мать* и др. формы чешск. *máti* и под. он объясняет поздним влиянием слав. *dъči*[105]. Рассмотренное развитие конца слова **mati* из и.-е. **mātḗr* стало возможным после отпадения характерного согласного *-r*, которого не знают в им. п. ед. ч. уже ни славянский, ни балтийский (слав. **mati*, литовск. *mótė*)[106]. Впрочем, как полагают, «редукция и.-е. **mātḗr* 'мать', греч. *μήτηρ* и т. д. в *mātē*, ср. санскр. *mātā́*, латышск. *māte*, слав. *mati*... восходит к индоевропейскому»[107]. Относительно восстановления балто-славянской парадигмы склонения см. у Ю. Куриловича[108].

Из балтийских форм этого слова назовем литовек. *mótė* 'женщина', далее *móterė*[109] то же, *móteris* то же — результаты тенденции аналогического выравнивания основ; *moterìškė* то же, производное с суффиксом принадлежности *-išk-*, собственно 'женская' (ср. чешск. *ženská* 'женщина'). Литовск. *mótina* 'мать' представляет собой производное от того же корня, с той лишь особенностью, что это — относительно позднее образование, произведенное уже не от исконной основы на *-r* (*mótė*, род. п. *móter-s*), а от усеченной (*mót-ina*) прибавлением суффикса *-ina*, генетически — индоевропейского суффикса принадлежности **-ĭn-*, видимо, утратившего основное значение. Ср.

[103] См. *J. M. Kořínek.* Od indoeuropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948. S. 19.

[104] Там же.

[105] *A. A. Schachmatov.* Die gespannten Vokale ъ und ь im Urslavischen // AfslPh. Bd. 31. 1910. S. 502.

[106] Факты употребления в им. п. ед. ч. формы *матерь*, укр. *мáтір*, польск. *macierz* являются не чем иным, как использованием формы вин. п. ед. ч. (*materь* <и.-е. *māterm̥* : греч. *μητέρα*) в плане аналогического выравнивания основ.

[107] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 202. Как особую балто-славяно-арийскую черту отмечает это Г. Арнц (*H. Arntz.* Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-Slavisch. Heidelberg, 1933. S. 12).

[108] *J. Kuryłowicz.* L'accentuation. S. 203—204.

[109] *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. S. 306.

аналогичное расширение основы другого старого термина родства — устаревшего литовск. *avýnas* (*av-yna-s*): слав. *ujь* < и.-е. **au̯o-s* 'дядя по матери'. Сюда же принадлежат образования от усеченной основы литовск. *mótė* 'córka chrzestna', *mótis* 'syn chrzestny' [110]. Вторичность значения литовск. *mótė* 'женщина' ввиду достоверности генетических связей представляет факт, не вызывающий сомнений [111], ср. распространенный в разных языках обычай называть жену в семейном кругу 'матерью': русск. *мать* в этом значении, нем. *Mutter*. На последнее как на аналогию литовск. *mótė* 'женщина' < 'мать' указывает Б. Дельбрюк [112]. Старое значение литовск. *mótė* 'мать' сохранило ясные следы, например, в *pãmotė* 'мачеха' [113], в отдельных формах от *mótė* : *móčia*, *močiùtė* 'мать, матушка', ср. в народной песне: *Nėr man močiutės kraiteliui krauti* 'Нет у меня матушки, чтоб копить приданое'.

Интересное и к тому же весьма древнее производное от **mater* представлено в русск. *матерóй*, ст.-слав. **маторъ**, словенск. *matọr* и др. В. Вондрак [114] справедливо утверждает, что из двух огласовок *matorъ* и *materъ* первая (*matorъ*, *matorěti*) старше, чем *materěti*, подвергшееся ассимиляции и в свою очередь вызвавшее появление *materъ*. Таким образом, обозначается чередование *mater-* : *mator-*. Согласно указанию Ю. Куриловича, формы с *-tor* появляются в определенных исторически засвидетельствованных сложениях и знаменуют отличие производных форм от непроизводных [115]. Это хорошо видно в греч. *μήτηρ · ἀμήτωρ*, в которых отражено соотношение, восходящее к индоевропейскому языку.

На том же основании мы считаем, что слав. **mator-* происходит из сложений типа *za-mator-* (ср. русск. *заматореть*) со ступенью *-o-* от **mater-* 'мать', в то время как *матереть*, *матерой* (с *е*) — уже вторичны, диссимилированы. Тут следует еще раз подчеркнуть, что этимологическая связь **mātḗr* 'мать' и слав. **matorъ* 'матерой, сильный, старый', лат. *matūrus* 'зрелый', а также древность производного **mator-*, возможно, представляют один из следов положения женщины-матери в древности [116].

---

[110] *K. Būga.* Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti (Viekšnių parapijos žodžiai) // Tauta ir žodis. T. I. 1923. S. 347.

[111] Ср. *E. Fraenkel.* Problemi di grammatica e vocabolario lituani // Studi baltici. Vol. 6. Roma, 1936—1937. P. 115—116.

[112] *B. Delbrück.* S. 435. Ср. еще *C. D. Buck.* S. 95.

[113] *E. Hermann.* Einige Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen. S. 98.

[114] *W. Vondrák.* Bd. I. S. 178.

[115] *J. Kuryłowicz.* Études indoeuropéennes. I. Kraków, 1935. S. 90—100; *Он же.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956. S. 40—41.

[116] В связи с этим считаем нужным отметить, что некоторые ученые приписывают, на наш взгляд, несколько прямолинейно выдающейся роли матери отдельные

Формы типа болг. *майка* являются сокращенными, от о.-слав. *mati*[117]. Их вероятная первоначальная сфера употребления — звательная форма[118], которая, как известно, благоприятствует преобразованиям, сокращениям, даже «искажениям». Наряду с толкованием **mātēr* из слова «детского лепета» *ma-*, имеются объяснения отдельных форм как упрощений в речи **mātēr* : греч. *μᾶ*, *μαῖα*[119].

Простейшие формы типа *ma-* обнаруживают собственные словообразовательные тенденции. Сюда относятся — удвоение, при котором в одних случаях экспрессивность выражалась удлинением согласного (ср. греч. *μάμμα*, *μάμμη* 'мама, мать, бабушка'), в других — удлинением гласного: слав. *māma*, ср. нем. *Muhme* < герм. **mōma* < и.-е. **māma*); вторичное разложение, которое мы, по-видимому, имеем в нем. *Amme* 'мамка, кормилица' и других из *m-am-*[120].

перемещения в словаре. Так, югославский этнограф Шпиро Кулишич увязывает, вслед за Миланом Будимиром, факт сохранения и.-е. **mātēr* и параллельную утрату и.-е. **pətēr* в балто-славянском словаре с тем обстоятельством, что в свадебной обрядности славян роль отца совершенно вытесняется ролью матери, тещи и свекрови, а также сохранением у славян ряда черт индоевропейского матриархата (*Špiro Kulišić.* Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske // Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву. Историја и етнографија. Свеска XI. 1956. S. 224; *М. Будимир.* Протословенски и староанадолски Индоевропльани // Зборник Филозофског факултета. II. Београд, 1952. S. 259). Эта мысль противоречива в принципе. Известно, что форма **pətēr* сложилась еще в общеиндоевропейскую эпоху и носит на себе печать классификаторской системы родства времен матриархата. Если это слово возникло и было необходимо в матриархальной организации, почему оно должно было исчезнуть в балто-славянском, сохранившем ряд остатков древнего матриархата? Ясно, что причина утраты и.-е. **pətēr* кроется не в наличии этих матриархальных пережитков. История языка дает ценнейшие свидетельства для истории жизни его носителей, но, используя эти свидетельства, нельзя также забывать о специфике развития самого языка. Причину утраты **pətēr* надо, по-видимому, искать в самом языке: эта форма могла оказаться неудобной в плане фонетико-морфологической системы славянского языка и рано была заменена другими известными образованиями. С другой стороны, славянский отразил другую форму от и.-е. **pətēr* — *stryjь*. Слав. *stryjь*, кстати сказать, сохраняет память о древней классификаторской системе. Наряду с другими следами матриархата у славян.

[117] *E. Berneker.* Bd. II. S. 8.

[118] *E. Fraenkel.* Zur Verstümmelung bzw. Unterdückung funktionsschwacher oder funktlonsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1933. S. 400, 401; *Он же.* Miszellen // KZ. Bd. 54. 1926. S. 300.

[119] *E. Fraenkel.* Miszelln // KZ. Bd. 54. 1926. S. 300.

[120] Изложение традиционной точки зрения на соотношение форм *ma-ma* и **mātēr* см.: *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 458—459; *Walde—Pokorny.* Bd. II. P. 221; *G. Meyer.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 272; *P. Kretschmer.* Einleitung. S. 338 ff.; *Ernout—Meillet.* T. II. P. 679; *J. Pokorny.* P. 694.

Относительно широко распространено в индоевропейских языках название матери от корня *nan-, *nana-, *ann-, который встречается также в роли названия отца (ср. выше): алб. *nanε*, *nεnε*, тохарск. *nāni* 'matri mihi', хеттск. *annaš* и др.[121].

О генезисе этих индоевропейских образований можно, видимо, повторить то, что уже говорилось о названиях матери **mam-*, **am-*, так как они представляют совершенно аналогичные в структурном отношении словообразовательные типы: сложение *nana*, простая форма *an-*. Это важно для обоснования связи форм **nana*, **an(n)a* между собой. Очевидная аналогичность структуры словообразовательных типов от обоих корней (*nana*, *an(n)a* : *mama*, *am(m)a*) объясняется близостью условий их употребления. Отсюда — тождественное выражение экспрессивности, которая, по-видимому, издавна характеризует эти образования[122]: удвоение согласных, удлинение гласных. Существенная разница между этими двумя экспрессивными названиями матери состоит в том, что в отличие от **mama*, связанного с **māter*, и.-е. **nana*, **nan(n)a*, **an(n)a* стоят в известном смысле особняком среди прочих названий матери. Но они в свою очередь связаны с рядом других индоевропейских терминов родства, ср. *nan* в значении 'отец', слав. **vъn-ukъ* < и.-е. **ăn-*.

Образованию **nan* из **an-* аналогично, в частности, кашубское местоимение личное *nen*, *na*, *no* 'ów', которое З. Рысевич выводит из праиндоевропейского местоименного корня **n-*[123]. Скорее *nen* редуплицировано (**nen-*) из **en-*/ **on-* (указ. местоим.), ср. ст.-слав. **онъ** и др. Вполне возможно также, что это указательное местоимение и разбираемая нами корневая морфема ряда терминов родства связаны — самым тесным образом, о чем см. ниже.

К названиям матери примыкают названия мачехи: ст.-слав. **маштєха**, **матєрьша**, др.-серб. *маштеха*, русск. *мачеха*, укр. *мáчуха*, белор. *мáчаха*, *мáчыха*, польск. *macocha*, кашуб. *macexa*, прибалт.-словинск. *macìe̯xa*, в.-луж. *macocha*, полабск. *motéch'a*, словенск. *máčeha*, сербск. *мȁħеха* (в Дубровнике), болг. *мáщеха*.

Перечисленные слова восходят к **matjexa*, общеславянскому названию мачехи, самому распространенному в славянских языках. Образование **matjexa* весьма древнее по своей форме, оно может быть объяснено как **mat-i̯es-a*, где *mat-* связано со слав. *mati,-tere* 'мать' и *-i̯es* индоевропейский суффикс сравнительной степени. Таким образом, **mat-i̯es-a* ≃ 'подобная ма-

[121] См., кроме известных словарей, еще *H. Pedersen.* Tocharisch vom Gesichtspunkte der indoeuropäischen Sprachvergleichung. 2. Aufl. København, 1949. S. 136—137.

[122] Русск. *няня* (как и *тятя*) развило экспрессивную палатализацию, ср. *nana* и *tata* большинства славянских языков, в которых выражение экспрессивности, как правило, ограничилось общеславянским удлинением гласного.

[123] *Z. Rysiewicz.* Kaszubskie *nen* i informacje pochodne // Slavia Occidentalis. T. 15. 1937. S. 43—46.

тери', ср. образование лат. *mater-tera* 'тетка по матери' [124]. При всей своей древности **mat-ies-a* представляет собой чисто славянское образование, поэтому усложнять его предполагаемый прототип, как это делает Э. Бернекер, чрезмерно архаизируя исходную форму, нет надобности. Бернекер выводит славянское слово из **mat(r)-ies-ī*, хотя совершенно очевидно, что оно образовано от усеченной основы *mat-*. Поэтому единственно закономерным прототипом можно считать **mat-ies-a*. Выделять в слове в качестве суффикса одно *-xa* [125] вряд ли верно с исторической точки зрения. О первоначальном значении **matjexa* можно судить лишь на основании изложенного выше морфологического анализа: это образование с суффиксом сравнительной степени, предположительно значившее 'подобная матери'. Различные уничижительные оттенки [126] — вторичное стилистическое приобретение славянских суффиксов с характерным согласным *-x-*. Поздние аналогические образования — русск. *бабёха*, *тетёха* — с этим суффиксом носят только уничижительный характер. Безоговорочно сравнивать их с мачеха [127] вообще нет смысла, ср., помимо явной разницы в возрасте, еще характерное различие ударений. Славянские языки в общем последовательно отражают форму **matjexa*. Исключение представляет только укр. *мáчуха* с неорганическим изменением, как видно, под влиянием распространенных образований с особым суффиксом *-уха* < **-ous-*.

Из восточнославянского (белорусского) заимствовано литовск. *mõčiuka*, *mõčeka* 'мачеха' [128].

В индоевропейском языке отсутствуют какие-либо общие обозначения мачехи при множестве местных. Правда, эти местные образования обнаруживают общие семантические особенности, ср. значение **mātruiā*, выводимого из греч. *μητρυιά* и арм. *mauru* 'мачеха': 'некоторое подобие матери' [129]. Русск. обл. *паматерь* [130] тоже — 'некоторое подобие матери', ср. значения ряда других славянских сложений с префиксом *pa-*. Сюда примыкают литовск. *pãmotė* 'мачеха' [131] (ср. *patė̃vis* 'отчим'), латышск. *pamāte* 'мачеха' [132].

---

[124] *E. Berneker.* Bd. II. S. 27.

[125] *А. И. Соболевский.* Из области словообразования // РФВ. Т. LXVI. 1911. С. 385.

[126] Там же.

[127] См. *А. Преображенский.* Т. I. С. 517. Ср. еще полемику о слове А. Смирнова и Я. Грота (РФВ. Т. XIV, XV).

[128] *K. Būga.* Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti. S. 360; *A. Salys.* Указ. соч. С. 22.

[129] *B. Delbrück.* S. 473.

[130] См. *Р. М. Цейтлин.* К вопросу о значениях приименной приставки *па-* в славянских языках. С. 206.

[131] *A. Salys.* Op. cit. P. 22; *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. S. 411.

[132] *И. М. Эндзелин.* Латышские предлоги. Юрьев, 1905—1906. Ч. 1. С. 149.

Из описательных значений мачехи: словенск. *pisana mati* с уничижительным оттенком значения.

Ребенок

Здесь рассматриваются названия, общие для обоих полов: слав. **dětę*, **orbę*, **čędo* и др. Обращает на себя внимание их обилие, разнообразие и этимологическая прозрачность. Общеиндоевропейский термин 'дитя, ребенок' отсутствует, и самостоятельные названия различных индоевропейских языков расходятся между собой [133]. Это говорит о позднем оформлении общего термина при бесспорно древних индоевропейских названиях сына (**sūnus*) и дочери (**dhughətēr*), — один из примеров известного явления, когда несколько конкретных терминов предшествуют возникновению одного обобщающего [134].

Это положение, характерное, судя по лингвистическим данным, для общеиндоевропейской эпохи, сохранялось в течение длительного времени, ср. отсутствие общего термина 'ребенок' даже в балто-славянскую эпоху, отражением чего являются расхождения между исторически засвидетельствованными славянскими и балтийскими языками. Обобщенное название было, как видно, создано этими языками уже ко времени их обособления, ср. различные средства выражения: литовск. *vaikas*, слав. *dětę*. Вместе с тем не оставляет сомнения то, что оформлявшийся славянский язык уже располагал таким термином. При этом из всех названий ребенка бесспорно общеславянским и, возможно, наиболее древним является **dětę*, русск. *дитя* и родственные.

Названия ребенка в отдельных индоевропейских языках обладали, несмотря на совершенно обособленное образование, сходными структурно-морфологическими признаками. Почти все они — существительные среднего рода: нем. *Kind*, греч. *τέκνον*, слав. *dětę*. Этимологический анализ обнаруживает в них отглагольные субстантивированные прилагательные [135]. Так, нем. *Kind* < и.-е. **ĝentóm*, собственно, 'рожденное' (ср. р.), греч. *τέκνον* также 'рожденное' (от *τίκτω* 'рождаю'), слав. **dětę* < **dětent-* 'вскормленное'. При-

[133] Ср. *E. Hermann.* Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen // IF. Bd. 53. 1935. S. 102: лат. *liberi* pl. tant. 'дети', нем. *Kind*, греч. *τέκνον* 'дитя, детеныш животного'; ср. также *C. O. Buck.* S. 87.

[134] Это не должно означать, что общеиндоевропейский язык был языком примитивным. Язык может очень долго обходиться наличными древними терминами и тогда, когда возникла необходимость в новых названиях.

[135] Ср. *J. Lohmann.* Genus und Sexus, eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen nominalen Genusunterscheidung // Ergäinzungshefte zur KZ. № 10.

чина их относительно позднего оформления заключается в том, что используемая при этом форма среднего рода в более древние эпохи не могла обозначать живых существ, поскольку смысл ее существования состоял в обозначении всего неодушевленного в противоположность одушевленному[136]. Общие названия 'ребенок, дитя' могли, таким образом, возникнуть лишь позже, при известном ослаблении этого противопоставления. Однако названная специфика среднего рода сохранилась в индоевропейских языках (кроме языков, которые утратили средний род или морфологический род в целом) до настоящего времени в остаточном виде. Вследствие этого общий термин 'ребенок', выраженный существительным среднего рода, остался по своей природе противоречивым. Вполне вероятно, что именно этим объясняются ограничения в употреблении этого термина, который относят обычно только к малолетним потомкам, младенцам, в то время как для более старших возрастов противоречие между формой среднего рода и одушевленностью обозначаемого становится уже нетерпимым. Наше привычное и, казалось бы, совершенно ясное словоупотребление в данном случае представляется отражением весьма древнего состояния. Речь идет о семантической ограниченности русск. *дитя* (< слав. **dětę*) ср. р., сравнительно, например, с *сын* и *дочь*. В то же время форма множественного числа от *дитя* — *дети*, где средний род выражения не получил, универсальна как общее обозначение потомков. Не случайно также и то, что для приобретения этого качества потребовалась особая форма множественного числа *дети*, слав. **děti*, в то время как правильная форма множественного числа от **dětę *dětęta* для этого не годилась в

[136] В это предполагаемое время, очевидно, еще не могли развиваться столь известные затем в индоевропейских языках, но явно вторичные названия молодых существ среднего рода. Такое древнее состояние прекрасно отражает хеттский язык, употребляющий средний род для неодушевленной категории и общий род — для одушевленной: так, *attaš* 'отец' и *annaš* 'мать' входят в хеттском, не знающем мужского и женского родов, в общий род. В науке давно ведется спор о родовых различиях в древнеиндоевропейском языке и, соответственно, о месте хеттского языка в развитии индоевропейского грамматического рода. Основной проблемой при этом является развитие женского рода, в котором одни усматривают новообразование (Мейе, Бенвенист, Курилович, Милевский, Стертевант, Ломан), другие — древнюю особенность индоевропейского языка (Бругман, Педерсен), см. подробное изложение: *M. Molé.* Contributions à l'étude du genre grammatical en hittite // Rocznik Orientalistyczny. T. 15. 1949. S. 25 ff. (Автор статьи развивает точку зрения Педерсена.)

Названная проблема не является, однако, основной при решении нашего вопроса о происхождении индоевропейских названий ребенка в связи с категорией среднего рода. Для нас здесь важно то, что оппозиция 'одушевленный': 'неодушевленный', так ярко формализованная в хеттском языке в результате отсутствия третьего звена, смягчавшего противопоставление — женского рода, — имелась, по-видимому, в общеиндоевропейский период.

силу уже упоминавшихся причин. Столь же показательна не так давно завершившаяся в живой русской речи замена прежнего общеславянского *дитя* морфологическим новообразованием русского *ребенок* (м. р.), тоже свидетельствующая о недостаточной жизненности слова *дитя* (ср. р.), ср. наряду с этим преобразование в существительное женского рода в украинском: *дитúна*.

Специально отметим, что вышесказанное никак не противоречит тому известному факту, что именно образования среднего рода служили в индоевропейских языках названиями молодых существ. Этот тип является индоевропейским, но в нем следует скорее усматривать параллелизм развития, а не общее наследие древней эпохи, тем более что достоверные общеиндоевропейские образования здесь не известны.

Прежде чем приступить к анализу отдельных славянских названий можно в виде экскурса провести сравнение употребления названия ребенка в русском языке, где нет особенно благоприятных условий для широкого употребления в речи общих названий *дитя* (ср. р.), *ребенок* (м. р.) — вследствие частого несовпадения их грамматического рода с конкретным полом обозначаемого (откуда — предпочтение удобным и точным названиям *мальчик*, *сын* : *девочка*, *дочь*) — и во французском. Франц. *enfant* 'дитя, ребенок' употребляется гораздо шире, оно очень удобно благодаря внешнему аналитическому выражению рода: *c'est une enfant extrêmement sotte* 'это крайне глупая девочка'; *c'est un enfant gâté* 'это избалованный мальчик' (разумеется, при возможности общего значения: *c'est mon enfant* 'это мой ребенок') [137].

Слав. *dětę*: ст.-слав. **дѣтѧ**, **дѣтина**, **дѣтиштє**, **дѣтишть**, др.-русск. **дѣтѧ**, *дѣтина* — 'слуга', русск. *дитя*, обл. *дитё*, диал. *дéтина* (Заонежье), собир. 'детвора, дети' [138], укр. *дитúна*, белор. *дзiця́*, *дзiця́цi*, польск. *dziecię*, *dziecko*, кашуб. *ʒecą*, прибалт.-словинск. *ʒåu̯tkɵ*, *ʒẽcą*, н.-луж. *źiśe*, полабск. *détã*, *d'ótka*, чешск. *dítě*, диал. *děť* 'дитя' [139], *zdětit se*, *nezdětit se* '(не) иметь детей' [140], словацк. *dieťa*, словенск. *dęte*, *dęčak* 'der Bursche', *dęčâj* 'das Kind', *dȇček* 'der Knabe', *dȇčko* 'der Knabe', *dę̂čla* 'das Mädchen', др.-сербск. *дѣтє*, *дѣть*, сербск. *dujeme*, *ђѐте*, *djѐца* 'дети', болг. *детé* (мн. чис. *децá*).

Слав. *dětę* содержит *ě* < *oi* < и.-е. **əi*, ср. санскр. *dháyati* 'он сосет грудь', ст.-слав. **доѭ** 'я дою, кормлю грудью', и.-е. **dhēi-* [141]. Вместе с тем указыва-

[137] Русское словоупотребление вроде: «Откуда ты, прелестное дитя?» (*Пушкин*. Русалка), где *прелестное дитя* (ср. р.) адресуется к девушке, — нежизненно за пределами литературного языка. Оно происходит скорее от калькирования французских словосочетаний вроде *belle enfant*.

[138] *Г. Куликовский*. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898. С. 21.

[139] *F. Bartoš*. Dialektický slovnik moravský. Praha, 1906. S. 56.

[140] *Q. Hodura*. Nářečí litomyšlské. 1904. S. 57.

[141] *W. Vondrak*. Bd. I. S. 74—75, 83; *E. Berneker*. Bd. I. S. 196.

лось на двусмысленность слав. *ě* в *dětę*, которое может восходить не только к *oi* (ср. санскр. *dháyati*), но и к *ē* (ср. наличие латышск. *dēls* 'сын', лат. *fēlēre*[142]), что вынуждало — при естественном стремлении видеть в перечисленных фонетических разновидностях общий корень — предполагать исходную форму **dhē(i)-*. Таким образом, *dětę* восходит к **dhoi̯tent-*[143]. В последней форме названный выше индоевропейский корень многократно распространен суффиксами, модифицировавшими его форму и значение. Прежде всего следует отметить суффикс *-t-*, непосредственно примыкающий к корню **dhē(i)-*, ср. формы с суффиксом *-l-* от того же корня в различных индоевропейских языках: латышск. *dēls*, лат. *fīlius* с близким значением 'сын'. Возможно, древний суффикс *-t-* указывает на наличие пассивной формы, ср. от того же корня санскр. *dhītá* 'gesogen'[144].

Дальнейшее распространение основы **dhoi̯t-* причастным суффиксом *-ent-*, очевидно, относится ко времени, когда значение формы **dhoi-t-* 'вскормленный' перестало ясно ощущаться, чем объясняется нанизывание нескольких суффиксов. Но и после присоединения нового суффикса значение, по-видимому, осталось прежним: 'вскормленное'. Суффикс *-ent-* извес-

---

[142] *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. 1. 1913. S. 111.

[143] Там же. С. 120.

[144] *Fick.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4. Aufl. Bd. III. S. 205. Как видно, от корня **dhē(i)-* произведен целый ряд индоевропейских названий сына, ребенка: слав. *dětę*, латышск. *dēls*, лат. *fīlius*. В крито-микенском диалекте греческого языка отмечено слово *do-e-ro*, которое читают как δοελος, архаическая форма классического δοῦλος 'раб' (см. *M. Ventris, J. Chadwick.* Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives // The Journal of Hellenic Studies. Vol. LXXIII. London, 1953. P. 102 и в других местах). Этимология δοῦλος остается темной, в чем была до сих пор повинна невыясненность фонетического и семантического развития слова. В частности, его сопоставляли через *λοῦλος со слав. *loviti*, предполагая значение 'военнопленный' (*H. Lewy.* Griechische Etymologien // IF. Bd. 2. 1893. S. 446) или с готск. *taujan* 'работать' (*Fr. Lorentz.* Griech. δοῦλος // IF. Bd. 5. 1895. S. 343). Прежде всего значение 'раб' не представляется нам исконным в этом древнем слове. Что касается фонетического развития, то необходимые коррективы вносит крито-микенское δοελος, которое представляется возможным объяснить из **dhoi-elo-* 'ребенок', 'сосунок', производного от и.-е. **dhē(i)-*, поскольку крито-микенский диалект, как указывают, утратил древнюю придыхательность согласных. Аналогичное использование суффикса *-l-* ср. в лат. *fīlius* и латышск. *dēls*. Форма δοῦλος в классическом греческом, быть может, является диалектным заимствованием, ср. ее этимологическую неясность при попытках истолковать ее как исконное слово. Заимствование названия раба представляет обычное явление. Что же касается основного момента семантического развития (ср. предполагаемое нами изменение 'ребенок' > 'раб', 'невольник'), то примеров этого достаточно в истории различных индоевропейских языков.

тен главным образом как формант причастия действительного залога, но предполагать строгое разграничение страдательных и действительных залоговых значений в древности для индоевропейского причастия нет надобности, ср. древние свидетельства хеттского языка, в котором причастия на *-ant-* (*-anz-*) выражают оба значения.

Определенное этимологическим путем значение слав. **dětę* 'вскормленное грудью' сомнений не вызывает. Помимо многочисленных производных от индоевропейского корня **dhēi-* со значениями 'дитя, сын', ср. основанные на том же признаке названия от и.-е. **sorbh-*, **srobh-* 'сосать, хлебать' : греч. *ῥώβίδας* 'младший возраст ребенка у спартанцев' [145]; польск. *pasierb* 'пасынок', собственно *pa-sierb* 'подобие сына, неподлинный сын' [146], сюда же греч. *ῥοφεῖν* 'хлебать', литовск. *surbiù*, *sur̃bti* то же. Ср. далее такие прозрачные названия, как русск. *сосунок*, польск. *osesek* < слав. *sъsati* 'сосать'.

Корневой вокализм всех славянских форм продолжает общеслав. **dětę*. Исключение представляет восточнославянский, где вместо *ѣ* — *и*: русск. *дитя*, укр. *дитина*. Р. Брандт считал это отражением *ei* или *ī* при древнем *oi* в прочих славянских языках [147], в то время как Ф. Ф. Фортунатов [148] видел здесь общевосточнославянское изменение *ě* (*ѣ*) в *и* в известных условиях.

Слав. **dětę* стоит особняком среди целого ряда внешне аналогичных образований с суффиксом **-n̥t-*, которые этимологически обнаруживают первичные значения принадлежности с последующим развитием уменьшительных значений [149]. Впоследствии, после забвения внутренней формы, слав. *dětę* полностью унифицировалось в отношении структуры и употребления с другими славянскими существительными на **-ęt-*. Все они образуют небольшую, но характерную лексическую группу, известную как названия молодых существ на *-ęt-*. Их однородность, однако, не исключает случаев иного происхождения вроде **dětę*, почему даже в рамках таких структурно обособленных групп необходим «индивидуальный» подход (подробно группе образований с *-ęt-* см. ниже). Слав. **dětę* имело древнее окситонное ударение, ср. русск. *дитя́* [150].

---

[145] *A. von Blumenthal.* Illyrisches und Makedonisches // IF. Bd. 49. 1931. S. 169.

[146] *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927. S. 398: *pasierb* (не смешивать *-sierb* в *pasierb* с русск. *сябёр* и родств., которые от слав. **sębrъ* < **sěm-r-*, как, например, делает Преображенский, см. статьи: *пасерб*, *себёр*. — *О. Т.*).

[147] См. РФВ. Т. XXI. С. 218.

[148] См. KZ. Bd. 36. S. 50; *А. Преображенский.* Т. 1. С. 185; в последнее время — *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 353.

[149] См. подробно *A. Gāters.* Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung // KZ. Bd. 72. H. 1/2. 1954. S. 55 ff.

[150] *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. S. 120.

Другой древней славянской формой является **dětь*, непосредственно восходящее к и.-е. **dhoi̯-t-*. Исходным значением этого образования с суффиксом *-ь* была, как видно, собирательность ('совокупность детей'), ср. значение др.-сербск. *дѣть* и сербск. диал. *дӥјет*[151]. Чешск. диал. *děť* 'дитя', м. р., является, наверное, результатом перехода от собирательного значения к сингулятивному. Именно от формы *dětь* образована славянская форма множественного числа **děti* 'дети', которая затем приобрела большое значение в ряде славянских языков не как соотнесенная с собирательным **dětь*, от которого она произведена, а как соотнесенная с сингулятивом **dětę*, поскольку противопоставление единственного числа множественному является более очевидным и важным: русск. *дети*, укр. *діти*, польск. *dzieci*, ст.-слав. *дѣти*, сохранившееся также в отдельных говорах болгарского[152].

Точно так же вторично соотнесенным с **dětę* является местное южнославянское образование с функцией множественного числа: ст.-слав. **дѣтьца**, болг. *децá*, сербск. *дјѐца*, словенск. *déca* 'дети', собственно уменьшительная форма от *dětь*[153].

Собирательные производные на *-va*: русск. *детвá*, укр. *дiтвá*, польск. *dziatwa*. Русск. *детворá* Ломан[154] объясняет влиянием собирательных числительных русск. *четверо*, *пятеро* (субстантивированный средний род к ст.-слав. **четворь, четверъ**), так как это наиболее употребительные числа при перечислении детей, из прочих производных: болг. *дечурлúга*.

Следует отметить интересные примеры сужения значения слав. *dětę* в южнославянских языках, где авторы отмечают значение 'мальчик, сын': сербск: *дијете* — Ја имам *једно дијете* (= *једног ђетића*) и — да опростите — *двије ђевојке*[155], макед. *дете* 'сын', а также — *мъшко дете*[156].

Значительный интерес представляет круг названий, объединяемых и.-е. **orbh-*. Этимологию и.-е. **orbh-* в целом можно считать выясненной. Так, еще Б. Дельбрюк[157], отмечая **orbh-* в нескольких родственных индоевропейских названиях сироты — греч. *ὀρφανός*, лат. *orbus*, арм. *orb*, очевидно, правильно предполагает древнее значение для и.-е. **orbh-*: 'маленький', ср. санскр.

---

[151] *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 369; *J. F. Lohmann.* Das Kollektivum im Slavischen // KZ. Bd. 58. 1931. S. 229.

[152] Ср. *Л. Милетич.* Седмоградските българи и техният език // Списание на Българската академня на науките. Кн. 33. София, 1926. С. 161.

[153] *J. F. Lohmann.* Op. cit. S. 215—216.

[154] *J. F. Lohmann.* Op. cit. S. 213.

[155] *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. // Сб. ОРЯС. Т. LXIII. № 3. 1897. С. 226.

[156] *B. von Arnim.* Mazedonisch-bulgarische Studien. T. 3. // ZfslPh. Bd. 12. 1935. S. 2 ff.; см. также *M. Małecki.* Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka. Częšč. II. Słownik). Kraków, 1936. S. 19—20.

[157] *B. Delbrück.* S. 445—446.

árbha, *arbhaká*. Правда, он не привлекает дальнейшего родственного материала, в том числе славянского [158].

Известную трудность в понимании и.-е. **orbho-* и его значений создает отсутствие в литературе связного изложения вероятной истории развития этих значений. Исследователи далеко не всегда согласны в этом вопросе, нередко они ограничиваются лишь перечислением значений, засвидетельствованных письменными памятниками. А. Мейе, например, считая безнадежным объединение различных значений и.-е. **orbho-*, приходит к мысли, что соответствующие формы распадаются на три семантически разные группы: 'раб', 'работа', 'ребенок' [159]. Неубедительна схема значений и.-е. **orbho-*, представленная Мерингером [160]: 'пахать', 'обрабатывать землю', ср. литовск. *arbonas* [161], др.-исл. *arfr* 'бык', англосакс. *yrfe*, *orf* 'скот'; 'работать', 'раб'; 'осиротелое дитя', 'дитя', < 'наследник'. Совершенно очевидно, что над исследователем тяготеют многочисленные вторичные значения.

Действительную семантическую историю и.-е. **orbh-*, видимо, надо представлять следующим образом. Прежде всего **orbho-* весьма древнее образование индоевропейского языка, ср. его широкое распространение, и оно, несомненно, восходит к эпохе родового строя, как все бесспорно общеиндоевропейские названия. Этого достаточно, чтобы отбросить первичность значения 'сирота, лишенный родителей', не имевшего смысла в эту эпоху. Остаются, с одной стороны, значения 'работать, раб', с другой стороны — 'дитя, маленький'. Известная вторичность возникновения рабства и подневольного труда по отношению к эпохе родового строя говорит только об одном возможном направлении развития значений: 'дитя, маленький' > 'раб, работать'. Значение 'наследник' (ср. нем. *Erbe*) тоже вторично и отражает сравнительно поздние имущественные отношения. Остаются значения 'дитя, маленький'. О сравнительно позднем оформлении термина 'дитя, ребенок' уже говорилось

---

[158] См. об и.-е. **orbh-* и производных: *S. Bugge.* Beiträge zur vorgermanischen Lautgeschichte // Beiträge. Bd. 24. 1899. S. 439: готск. *arbaiþs*; *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 545; *Walde—Pokorny.* Bd. 1. P. 183—184; *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939. S. 55; *Ernout—Meillet.* T. II. S. 827—828; *Franck—van Wijk.* Etymologisch Woordenboek der Nederlandsche Taal, 's-Cravenhage, 1949. S. 157—158; *Ernst u. Julius Leumann.* Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Leipzig, 1907. S. 23; *M. Mayrhofer.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1954. S. 52; *H. C. Sørensen.* Die sogenannte Liquidametathese im Slavischen // Acta linguistica. Vol. 7. 1952. P. 58—59.

[159] *A. Meillet.* MSL. T. 14. P. 383; *Он же.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902, 1905. P. 226 ff., 295.

[160] *R. Meringer.* IF. Bd. 17. S. 128.

[161] Литовск. *arbonas* 'вол', кстати, вообще поставлено под сомнение К. Бугой: *K. Būga.* Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etymologijos žodyno (рукопись, хранится в Вильнюсском университете. Отдел рукописей).

довольно подробно выше, поэтому, вероятнее всего, и.-е. **orbho-* имело конкретное возрастное значение 'маленький', ср. санскр. *árbha-*, *arbhaká-* 'маленький, мальчик'. Ср. аналогичное использование слав. *malъ* 'малый, маленький' в русск. *мальчик*.

И.-е. **orbho-* дало о.-слав. **orb-*, ср. др.-русск. **робѧ** 'дитя, ребенок', русск. диал. *робя́*, *робя́тко*, *робенок*, *ребенок*, укр. *па́рубок* 'парень' (из *па́робок*), ср. польск. *parobek* то же, диал. *parobək*[162], др.-чешск. *rob* 'potomek, dědic, následník', *robě* 'dítě', *robenec* 'mladík, výrostek, pacholík, chlapec'[163], чешск. диал. *robě* 'dítě': «*V Koniči je dítě malinký, rubě vetší, 2—3-leté*»[164] («любопытна возрастная градация! — *О. Т.*), словацк. *parobok* 'pacholek, výrostek, chasník'. Славянскому употреблению аналогично использование и.-е. **orbho-* в исландском названии сына: *arfuni*[165].

История слав. **orb-*, **orbę* отличается также известным фонетическим своеобразием. Несколько необычный облик русск. *ребенок* вводил отдельных исследователей в заблуждение, ср. попытки отделить его от ст.-слав. **рабъ**[166], в то время как на самом деле русск. *ребенок* — местное изменение по ассимиляции, ср. наличие форм *робя*, *робенок*, которые сопоставимы уже непосредственно с *рабъ*[167]. Х. Педерсен[168] объясняет слав. **orbę* (**orb-ent-*), не имеющее соответствующего глагола, аналогичным происхождением, по образцу названий молодых животных на *-ent*, которым соответствуют глаголы на *-iti*. Нам кажется, что Педерсен переоценивает значение глаголов типа русск. *тели́ться* — *теля́*, *жереби́ться* — укр. *жереб'я́*, которые на самом деле образованы из соответствующих названий молодых животных на *-ent-*. Поэтому очевидное желание Педерсена видеть в образованиях на *-ent-* (**tel-ent-*) формы настоящего времени с носовым гласным («Nasalpräsentia») от глаголов на *-iti* (русск. *телиться*) ошибочно. Считаем нужным присоединиться к существующему в литературе мнению, согласно которому древней-

---

[162] *G. Horák.* Nárečie Pohorelej. S. 164.

[163] *Fr. Šimek.* Slovníček staré češtiny. Praha, 1947. S. 154.

[164] *Fr. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906. S. 358.

[165] Объяснение, небезупречное в семантическом отношении, см. *A. Jóhannesson.* Jsländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951. S. 89—90.

[166] *G. C. Uhlenbeck*: *arbha-*, *arbhaká-*.

[167] Ср. *H. Pedersen.* Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. S. 313. Об ассимиляции гласных в соседних слогах русск. *робенок* > *ребенок* ср. *А. И. Соболевский.* Мелкие заметки по славянской и русской фонетике // РФБ. Т. LXIV. 1910. С. 117. Вторичность формы *ребенок*, таким образом, совершенно очевидна, ср. еще русск. *лебеда* (ассимиляция) при более старом укр. *лобода*. На вторичность формы *ребенок* указывают, помимо известного русским говорам *робенок*, *робятко*, также данные других славянских языков: чешск. *robě* тоже, особенно — др.-польск. *robionek* 'dziecię, czeladnik' (см. о последнем *E. Ostrowska.* // JP. T. XXXV. 1955. S. 288).

[168] *H. Pedersen.* Op. cit. S. 367.

шие образования с *-ent-* носили первоначально значение принадлежности (ср. выше) с последующим развитием значения уменьшительности. Последнее, например, особенно активно выступает в славянскую эпоху, когда уже стираются первичные оттенки принадлежности. Об аналогическом образовании имен на *-ent-* следует говорить как об известном распространении производных с этим суффиксом, но уже с преобладающим уменьшительным значением, что более характерно для славянского периода. Имеются в виду случаи, в которых самостоятельное древнее образование с суффиксом *-ent-*, как и самостоятельное развитие значения уменьшительности, маловероятно: названия молодых животных **žerbę*, **telę*[169].

Известную фонетическую трудность представляет сравнение форм, продолжающих слав. **orb-* в отдельных славянских языках. В отличие от обычных правил метатезы плавных (слав. *ort-* > зап.-слав. *rot-*, *rat-*, вост.-слав. *rot-*, юж.-слав. *rat-*), южнославянские языки, наряду с правильным ст.-слав. **рабъ** (Зогр., Супр.), обнаруживают рефлекс *rot-* ст.-слав. **робъ** (Зогр., Супр., где и **рабъ**), болг. *роб*, *робúня*, *рóбство*. Н. ван Вейк предполагает возникновение метатезы плавных в начале слова в северных районах славянства, откуда она распространилась до южных районов ко времени ослабления общеславянских связей, почему преобразование начальных групп *or-*, *ol-* уже не проводилось так четко. Ср. факты вроде ст.-слав. **алкати**, **алдии** наряду с правильными рефлексами[170]. Наблюдения позволяют добавить к известной этимологии слав. **orb-*, **orbęt-*, что славянский сохранил еще в нескольких случаях завуалированного употребления прямые следы древнего значения и.-е. **orbh-* 'маленький'. Сюда, по нашему мнению, относится польск. *robak*, *robaki*, обозначающее не только насекомых, но «вообще все мелкие существа»[171] (в

[169] Основы **žerb-*, **tel-* этимологически, а именно — без суффикса *-ęt-*, обозначают молодых животных, ср. греч. *βρέφος* (**g^{u}rebh-*) 'дитя, новорожденный'; образование от него с древним суффиксом принадлежности, происхождения **-ent-* было бы бессмысленно. Собственно, то же следует сказать и о слав. **orbę*, которое восходит к **orbh-* 'маленький'.

[170] *N. van Wijk.* Remarques sur le groupement des langues slaves // RES. T. IV. 1924. P. 13. Иначе, но отнюдь не убедительно пытается решить этот вопрос Ф. Ливер (*F. Liewehr.* Über expressive Sprachmitte im Slawischen // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 1. H. 1. Berlin, 1956. S. 26—27). Он видит причину распространения формы *rab-* в южно-славянских языках в ее эмоциональной окрашенности. Любопытно, что и варианты *раб-/ роб-* в русском и *rab-/ rob-* в польском он объясняет единственно за счет эмоциональных оттенков значения, не признавая заимствования. И уже совершенно несерьезно звучит объяснение русской формы *ребенок* как развившейся через **erb-* из **orb-*, причем автор игнорирует такие хрестоматийные факты, как русск. диал. *робёнок*, *робя*, др.-польск. *robionek*, не допускающие мысли о раннем происхождении формы *ребенок*.

[171] См. *K. Nitsch.* Wybór pism polonistycznych. T. II. Wrocław — Kraków, 1955. S. 11.

польских говорах). Ср. также о сыне: *Dobže śe robak uciu̯* 'хорошо малец учился' [172].

Соответственно этому требуется внести коррективы в материал Э. Бернекера, исходившего из слав. *chrobak*, а именно: 1) древность и первичность формы с *ch-* начальным сомнительна [173]; 2) форма *robak* не исконна, а представляет собой результат метатезы о.-слав. **orb-*.

Третье славянское название ребенка, значительно уступающее по распространенности двум предыдущим: **čędo*.

Слав. **čędo* хорошо представлено лишь в старославянском языке, в других славянских языках сохраняются незначительные остатки, в том числе — в виде сложений: ст.-слав. **чѧдо, братоучѧда** 'дочь брата', **братоучѧдъ, братоучѧда** 'дети двух братьев'; болг. *чéдо*, диал. *чъ́до* [174], *чендо*, *к'éндо* [175], *братучéд* 'сын брата, племянник'; др.-сербск. **штєдик** 'progenies', *бесчедьнь* 'orbus', *чедо* 'infans'; др.-русск. *чадо*, *чѧдо* 'дитя, сын или дочь (по отношению к родившим)', *чадь*, *чѧдь* 'дети, люди, народ', *бесчада*, *бещада* (*безъ чѧда*) 'бездетно, бездетный', *съчадъкъ* 'потомок'; укр. *нащáдок* 'потомок' (< **на—съчадък*, ср. др.-русск. *съчадък*, белор. *чадó* 'злое дитя, упрямец' [176], ср. далее польское наречное выражение *do szczętu* 'дотла, вдребезги' (< *do sъčętu*, собств. 'до последнего потомка [истребить]', тот же корень, что и *čędo*).

О слав. **čędo* высказывались в литературе различные суждения, причем большинство исследователей видит в нем заимствование из германского [177]. В последнее время о заимствовании из германского писал А. Вайан [178]: «первая

---

[172] Północno-polskie teksty gwarowe / Pod red. K. Nitscha. Kraków, 1955. S. 61.

[173] Об этом ср. еще *Baudoin de Courtenay*. RS. T. I. 1908, S. 111; *F. Lorentz*. Pomoranische Ergänzungen zum etymologischen Wörterbuch // Slavia Occidentalis. T. 2. 1922, P. 163, причем последний отмечает кашуб. *robωk*.

[174] *Ст. Стойков*. Българска диалектология. София, 1954 (литогр.). S. 123.

[175] Последнее (в Зарово) обозначает еще не крещеного ребенка. И. Иванов неточно называет его синонимом *чéндо*; это фонетический вариант и одновременно — прекрасный пример использования фонетических вариантов для семантической дифференциации [*J. Ivanov*. Un parler bulgare archaïque (Богданско, сев. часть департамента Салоники, округи Кукуш и Нигрита) // RÉS. T. 2, 1922. P. 99); ср. диал. *чендо*, *братученд* (От Солунско). Записал Н. Цицов // СБНУ. Кн. IV. 1891. С. 157]; *кéнда*, ж. р. 'еще не крещеный младенец женского пола' (*Ив. А. Георгов*. Материалы за речника на велешкия говор // СБНУ. Кн. XX. 1904. С. 31); *čéndu*, мн. ч. *čindà* 'ребенок', *bratučent*, *bratučeŋka* [*M. Małecki*. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka), część II. Słownik. Kraków, 1936. S. 10, 15].

[176] *И. И. Носович*. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

[177] Ср. *F. Miklosich*. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. S. 10; *C. C. Uhlenbeck*. Die germanischen Wörter im Altslavischen // AfslPh. Bd. 15. 1893. S. 485; *W. Vondrák*. Bd. 1. S. 268.

[178] *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 52—53.

палатализация, изменившая смягченные задненебные в *č*, *dž*, *š*, совершилась в эпоху заимствований из готского, в III—IV вв. н. э.; несомненно, что это изменение коснулось древнейших заимствований из германского: нет серьезных оснований для того, чтобы не допускать, что *čędo* 'дитя', *čędь* 'люди' взяты с германских слов, представленных др.-в.-нем. *kind* 'дитя' (ср. р.), др.-исл. *kind* 'порода, племя' (ж. р.), соответствующих лат. *gēns*».

Но всеобщего признания эта точка зрения не получила. Так, Э. Бернекер[179] не вполне уверен в германском происхождении этого слова. Против мысли о заимствовании из германского возражает В. Кипарский[180]. Однако авторы не дают развернутой критики объяснения слав. **čędo* как германского заимствования, почему последнее до настоящего времени представляется более аргументированным. Тем не менее, предположение о заимствовании построено, видимо, на ошибке.

Первое (общегерманское) передвижение согласных, хорошо отраженное готским языком, выразилось, в частности, в переходе и.-е. *g* > герм. *k*. В итоге такого перехода и.-е. **ĝentóm* 'рожденное, дитя' дало герм. **kind-*. По мысли сторонников заимствования слав. *čędo*, именно такая готская форма перешла в славянский. Однако, насколько известно, эта готская форма в письменных памятниках не засвидетельствована. Больше того, в этом значении известно готск. *barn*. После этого необходимо считаться с реальным др.-в.-нем. *chind*[181], получившим такую форму уже в результате древне-верхне-немецкого передвижения согласных, ср. алеманнское *chind*[182]. Эта форма должна была существовать не только у алеманнов, но и у всех вероятных германских соседей славян (последние к этому времени еще не делились на три ветви и селились, очевидно, приблизительно в местах обитания современных западных славян). Форма *chind* могла появиться, вероятно, начиная с V в. н. э.[183]. Старославянский язык, лучше всего сохранивший *čędo*, с VI в. развивался на

[179] *E. Berneker*. Bd. I. S. 154.

[180] *V. Kiparsky*. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen // Annales Akademiae Scientiarum Fennicae. Bd. XXXII. № 2. 1934. S. 22—23; А. Мейе (RÉS. T. 14. 1934, Chronique. P. 231) относится к попытке В. Кипарского объяснить *čędo* как исконно славянское с сомнением.

[181] Против «игнорирования фактического древне-верхне-немецкого материала в пользу фиктивного готского» специально выступал Брюкнер (*A. Brückner*. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen // AfslPh. Bd. 42. 1929. S. 130—131, 146) по поводу известного исследования Стендер-Петерсена. Он же возражает против преувеличено древней датировки заимствований, относя основную их массу к VII—X вв. н. э., т. е. к древне-верхне-немецкому периоду.

[182] См. *S. Feist*. Indogermanen und Germanen. 3. Aufl. Halle, 1924. S. 49.

[183] Ср. *S. Feist*. Indogermanen... S. 47; *Э. Прокош*. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 73, 75.

Балканах. При таких условиях он мог принести с северо-запада интересующее нас слово лишь в форме *шѧдо < *xędo < герм. *chind[184]. Но форма *šędo неизвестна славянским языкам, которые последовательно отражают только о.-слав. čędo. Таким образом, древнее заимствование из германского маловероятно, позднее заимствование тем более исключено.

Слав. *čędo имеет близкие формы в слав. na-čęti, na-čьnǫ, za-čęti, kon- и, таким образом, ни в смысловом, ни в фонетическом отношении не имеет соприкосновения с нем. *Kind*, др.-в.-нем. *chind* < и.-е. *ĝentóm. В германском есть другие — единственно точные соответствия слав. *čędo* : готск. *du-ginnan*, нем. *beginnen* 'начинать', которые С. Бугге[185] правильно сопоставляет со ст.-слав. **-чьнѫ**, **-чѧти** и родств., правда, не упоминая *čędo*, *чадо*. Тем самым слав. *čędo оказывается производным от и.-е. *ken-, обнаруживающегося в словах со значениями 'начинать', 'новый, недавний', 'молодой': ср. греч. *καινός* 'новый', санскр. *kanīna* 'молодой', русск. *щенок* «с подвижным *s-*», сюда же болг. диал. *штéни*, *штéнинци* 'сын', лат. *re-cēns* 'недавний', др.-иранск. *kanya*, осет. *kanæg* 'малый', ирл. *cinim* 'я рожден, происхожу от', *cenél* 'родство', вал. *cenedl*, др.-корнск. *kinethel*, ирл. *cet-* 'первый', вал. *cynt* 'раньше', корнск. *kyns*, брет. *kent*, галл. *Cintu-gnatus* 'перворожденный'[186]. Возможно, близки к слав. *čędo* следующие фракийско-фригийские собственные имена, приводимые П. Кречмером[187]: сложения *Σατρο-κένται*, *Βουρκέντιος*. Последнее из них Кречмер, вслед за Томашеком, сравнивает только с санкр. *bhūri-* 'много, обильно', литовск. *būrỹs* 'отряд, гурьба'. Ср. польск. *do szczętu*, где тоже представлен суффикс *-t-*.

[184] Ср. *Э. Прокош*. Указ. соч. С. 78: «Германский *h* определенно имел характер нем. *ach-* *ich*-Laut'а, на что указывает написание таких, например, слов, как лат. *Cherusci*, *Chatti*, греч. *Χέρουσκοι*, *Χάττοιή*. Это так называемое алеманнское произношение начального герм. *k* как *x*, сохраняемое швейцарско-немецким (*xind-kind*, *xalt-kalt*) могло быть передано именно славянским *x*. Специалисты говорят о наиболее широком и раннем распространении аспирации *p*, *t*, *k* ⩾ *ph*, *th*, *kh* в немецком и скандинавских языках именно в начале слова, ср. *L. Zabrocki* / Рец. на: *J. Fourquet*. Les mutations consonantiques du germanique. Paris, 1948 // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950. P. 296 ff.

[185] *S. Bugge*. Etymologische Studien über germanische Lautverschiebung // Beiträge. Bd. 12. 1887. S. 406.

[186] См. *É. Boisacq*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2ème éd. P. 391—392; *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 397—398; *G. C. Uhlenbeck*. S. 41; *Ernaut—Meillet*. T. II. P. 999—1000; *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., 1949. С. 20; *Г. Льюис, Х. Педерсен*. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 69; *J. Pokorny*. P. 563—564.

[187] *P. Kretschmer*. Einleitung. S. 221, 226—227; см. также *Д. Дечев*. Характеристика на тракийския език. София, 1952. S. 7.

Таким образом, слав. *čędo* может быть объяснено как производное от и.-е. **ken-* с суффиксом *-do-*[188]. Образования с суффиксом *-do-* немногочисленны[189], но известны в славянском: ср., помимо *čę-do*, *mǫ-do*, ст.-слав. **мѫдо** < **măn-* 'муж, мужчина', *čudo*, *bьr̥do*, *stado*.

О собирательном слав. *čędь* с суффиксом *-ь* от *čędo* см. работу Ломана[190].

В ряде индоевропейских языков в роли названия ребенка фигурирует причастие с суффиксом *-no* от индоевропейского глагола **bher-* 'нести'. Видимо, в результате обратного влияния уже со стороны подобных производных этот глагол в отдельных языках получил более узкое, специализированное значение 'рожать', ср. готск. *bairan*, нем. *ge-bären*. Лучше всего указанное название ребенка представлено в германском, где оно находило поддержку в существовании близкого глагола, ср. готск. *barn* 'παιδίον, τέκνον, βρέφος, Kind', *barnilo* то же, с суффиксом и.-е. *-elo-*, крымско-готск. *baar* 'puer Knabe', ср.-в.-нем. *bar* 'Mann'[191], сюда же др.-исл. *burr* 'сын'[192]. Широко представлено это образование в балтийских языках, которые, как известно, в названиях ребенка обнаруживают существенные расхождения со славянскими. Лучше всего сохранилось старое значение в латышск. *bȇrns* 'ребенок'. Литовск. *bérnas* наряду со значением 'дитя, ребенок' имеет распространенные значения 'парень', 'работник', 'батрак'. Кроме того, первое значение, а также значение 'мальчик' представлено в литовском очень большим количеством производных от *bern-*: диал. *bernẽkas*, *bernýnas*, *berniõkas*, *berniokýnas*, *berniokiõkas*, *berniũkštis*, *ber̃nius*, *berniõlis*[193].

Этимологический анализ помогает отсеять вторичные значения. Балт. **berna-s* < **berno-* с корневым гласным *e* в отличие от германских (ср. готск. *barn*) тоже восходит к и.-е. **bher-* 'нести', и его древнее значение было 'ребенок'. Своеобразие литовского состоит в том, что он, по-видимому, не сохранил исходного индоевропейского глагола[194]. В славянском с самого на-

---

[188] Ср. *Ст. Младенов.* ЕПР. С. 680.

[189] Ср. *A. Meillet.* Études. P. 319—323.

[190] *J. F. Lohmann.* Das Kollektivum im Slavischen // KZ. Bd. 58. 1931. S. 208—209.

[191] *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 82, 73.

[192] *М. И. Стеблин-Каменский.* История скандинавских языков. М.—Л., 1953. С. 266.

[193] *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 78, 125—126, 133, 190, 217, 267, 572.

[194] Относительно лит. *beriù*, *ber̃ti* 'сыпать' ср. предположение А. Мейе, который на основании анализа форм этого глагола заключает, что мы здесь имеем продолжение другого и.-е. **bher-*, обозначавшего быстрое движение, кипение, ср. близкие греч. φορύνω, φύρω 'мешаю', лат. *fervō*, *ferveo* (A propos du groupe lituanien de *beriù* // Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924. P. 258—261). Впрочем, см. *E. Hermann.* Idg. *bher-* 'tragen' im Baltischen // Studi baltici. Vol. 3. 1933. S. 65—68: *bher-* 'нести' вытеснено в

чала не было никаких условий для сохранения и.-е. *bher-no-, поскольку рефлекс и.-е. *bher- 'нести' получил особое, весьма далекое от смысловой связи с названиями ребенка значение: слав. berǫ 'беру'. В то же время название ребенка в славянском уже оформилось из других индоевропейских морфем: dětę̨. Правда, в отдельных образованиях прослеживается древнее значение 'нести', ср. известное слав. *bermę̨, русск. диал. берéмя (< и.-е. *bher-men-, собств. 'то, что несут'), а также довольно близкое к германским и балтийским словам своим современным значением русск. берéменная. Таким образом, приводившиеся термины 'ребенок', 'рожать' и под. восходят к и.-е. *bher- 'нести' (*bher-no- значит, собств., 'принесенный, -ое'). Ср. то же восприятие в литовск. nėščià (kárvė) 'беременная, стельная' — к nèšti 'нести', русск. носить (ребенка) 'быть в положении'.

Значительное количество названий маленького мальчика, ребенка определенного возраста, далее — сына, родственника в некоторых индоевропейских языках объединяется индоевропейским корнем *mag̑h-, *meg̑h-. Сюда относятся: авест. maγava- 'холостой, неженатый', кельт. *magus в галл. Magurix, ирл. (огамическое) magu, др.-ирл. maug, mug 'раб', корнск. maw, брет. mao 'юноша, слуга', корнск. ж. р. mowes 'девушка', брет. maouez 'жена', готск. magus 'мальчик', др.-исл. mǫgr 'сын', др.-сакс. magu 'мальчик', англосакс. magu 'дитя, сын', 'муж'; готск. ж. р. mawi 'девочка', готск. magaþs 'молодая женщина', нем. Magd 'девка, служанка', уменьш. Mädchen 'девушка', готск. mêgs 'зять, свояк', др.-сканд. mágr 'родственник по браку'[195]. Эндзелин связывает готск. magus с латышск. mag̑s, mag̑is 'маленький'[196]. Этим ограничивается, как обычно полагают, круг относящихся сюда слов, в чем, очевидно, сказывается недостаточное обобщение материала, уже давно добытого исследованием.

Из сравнений, приводимых выше, систематически выпадают родственные др.-прусск. massais 'minus', литовск. mãžas 'маленький', др.-русск. мѣзиньць, русск. мизинец, словенск. mezinec 'digitus auricularis', болг. мизи́нка 'меньший сын, дочь', сербск. мљѐзинац, мезимац 'младший сын', чешск. mezenec 'безымянный палец', которые приводил еще Ф. Миклошич[197]. Ср. еще белор.

балтийском корнем nek̑-, литовск. nèšti 'нести', но оставило следы в виде литовск. beȓti 'сыпать' и — со значением 'рождать' — литовек. bérnas, латышск. bērns.

[195] См. *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 228; *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 339; *Г. Льюис, X. Педерсен.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. С. 56; *М. И. Стеблин-Каменский.* История скандинавских языков. С. 262; *A. Jóhannesson.* Isländisches etymologisches Wörterbuch. S. 651; *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. С. 67.

[196] Цит. по *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 339.

[197] *F. Miklosich.* S. 196; ср. *Р. Брандт.* Дополнительные замечания к разбору славянского этимологического словаря Миклошича. С. 101; *A. Meillet.* Études. P. 172;

мéзяны палец 'мизинец' [198]. К. Нич, говоря о польск. диал. *mizynek*, вряд ли верно называет первичным значение 'палец' [199]. Впрочем, Э. Леви и М. Фасмер считают возможным сближение русск. *мизинец* 'маленький палец', 'младший сын' со слав. **mizǫ* 'мочиться': греч. *μοιχός* 'прелюбодей', *ὀμχεῖν* 'мочиться' [200]. В. Махек сближает эти слова с укр. *мизати*, польск. *u-mizgač*, чешск. диал. *mizat se* 'льстить', относя сюда и греч. *μοιχός* 'прелюбодей' [201].

Наличие в славянском формы **mez-*, а в балтийском — форм **mež-*, *maž-*, кроме того, в германском — **mag-* позволяет предположить общую индоевропейскую форму **meĝh-*, **maGh-*, после чего очевидна необходимость исправления и.-е. **maghu-* у А. Вальде и Ю. Покорного. Трудно согласиться и с предположением и.-е. **makwus*, *makwi* [202], которому определенно противоречит характер согласного в балтийском и славянском. Выяснение характера задненебного в и.-е. **maĝh-* помогает установить его отличие от и.-е. **magh-* 'мочь' [203], против сближения, с которым возражает и А. Вальде.

О конце основы и.-е. **maĝh-* можно судить по формам на *-u-*, ср. готск. *magus* [204], галл. *Magu-rix* и др. Предположение о древности иного конца основы здесь было бы вряд ли оправдано. Наличие в литовском формы *maženà* '*mažumė*', *iš mažeñs* 'сызмальства', объясняемых из согласной основы *mažen-*, им. п. **mažuō* [205], еще не говорит о древности согласной *n-* основы, какую можно указать, например, для и.-е. **(a)k̑ămōn*, ст.-слав. **камы, камене**. В литовском для ряда случаев доказано позднее оформление согласных основ.

Для нас особенно интересна история значения и.-е. **maĝh-*. Необходимо отделить вторичные значения от древних. Вторичным представляется, по ряду соображений, значение 'меньший палец на руке' (русск. *мизинец*), которое не имеет регулярных соответствий за пределами славянских языков. Первичным является, вероятно, значение 'младший ребенок, младший сын', ср. серб. *мéзимац* и др. [206]. Правда, балтийский представляет обобщенное значение 'малый, маленький', ср. литовск. *māžas*, но германский дает окончательное свидетельство о семантической принадлежности основы и.-е. **meĝh-*,

MSL. T. 14. S. 387; *А. А. Потебня.* РФВ. Т. 1. С. 259; см. *А. Преображенский.* Т. 1. С. 535.

[198] *М. В. Шатэрнiк.* Краёвы слоўнiк Чэрвеньчыны. Менск, 1929. С. 157.

[199] См. JP. T. XII. 1927. P. 119—121.

[200] *E. Lewy, M. Vasmer.* Russ. *мизинец* usw. // ZfslPh. Bd. 8. 1931. S. 129—130.

[201] *V. Machek.* Příspěvky etymologické // LF. Rocn. 51. S. 240—244.

[202] *Э. Прокош.* Указ. соч. С. 67.

[203] Иначе — *K. Brugmann.* IF. Bd. 38. S. 140 ff.; *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 228: литовск. *mažas* < и.-е. **maĝ(h)-* 'etwas Kleines' ставится особняком.

[204] *F. Kluge.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Aufl. 2. S. 5.

[205] См. *P. Skardžius.* Op. cit. S. 231.

[206] См. *А. Преображенский.* Т. 1. С. 535.

**magh-*, ср. значения 'мальчик, сын, девочка' в примерах, перечисленных выше, наряду с очевидно поздними обобщениями в нем. *Magen*, *Magenschaft* 'родня' < герм. *mêga-* 'родственник' [207]. Исходными для разбираемого индоевропейского слова можно считать значения 'младший, меньший, последний ребенок' [208], ср. ряд слов с таким значением в славянских языках с близкими — в других. Знаменательно значение др.-ирл. *maug* 'раб' того же корня, поскольку это значение правильно развилось из первичного '(младший) ребенок'. Обратный процесс здесь исключается.

Все эти соответствия убеждают нас в том, что в русск. *мизинец* 'палец' мы имеем древний переосмысленный термин родства. Значение 'палец' вторично, ср. ряд других вторичных названий пальца в славянском: **palьcь*, собств. 'колышек, палочка', **pьŗstъ* — причастная форма с нулевой ступенью корневого гласного от глагола и.-е. **prek̑-*, слав. *prositi*. Аналогию семантическому развитию русск. *мизинец* 'младший сын' > 'меньший палец на руке' представляет образование нем. *Magen* 'желудок' (т. е. тоже — часть тела) < 'родня', ср. совр. *Magenschaft* 'родня'. Перенос значения в этих случаях осуществлялся, вероятно, метафорически, ср. в нашем случае с русск. *мизинец* 'меньший палец': пять разновеликих пальцев на руке в какой-то мере могли напоминать детей разного возраста в одной семье. Достаточно вспомнить сказку-прибаутку о сороке-белобоке, оделявшей по очереди пятерых детей кашкой, которую обычно рассказывают маленьким детям, показывая на пальцах. Из прочих фольклорных ассоциаций — ср. *мальчик-с-пальчик* [209].

Вообще внимательное знакомство с терминологией родственных отношений неоднократно убеждает в тесной ее связи с названиями частей тела человека, причем нужно отметить, что связь эта выражается не в образовании наших терминов за счет названий человеческого тела, как казалось бы естественным и как это считают некоторые исследователи. Напротив, фонетическое и семантическое развитие целого ряда слов недвусмысленно указывает на образование названий человеческого тела из материала терминов родства.

Поздним и чисто славянским образованием является слав. **otrokъ*, название подростка: ст.-слав. **отрокъ** '*παῖς*, *παιδίον*, *παιδάριον*, puer', **отрочишть** '*παιδάριον*, puer', **отроча** '*παιδίον*, puer', **отрочица** 'puella', **отроковица** '*παῖς*, *κόρη*, puella', **отрочие** 'servus', др.-сербск. **отьрокъ** 'puer', др.-русск. **отрокъ**

---

[207] *F. Kluge*. Op. cit. S. 4.

[208] Ср., кроме названных славянских значении, болг. диал. *мизул'*, *мизл'у* 'самый маленький и последний ребенок в семье' (*Ст. Стойков*. Българска диалектология. София, 1954. С. 150; *Ст. Кабасанов*. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско // Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956. С. 78).

[209] Аналогичный, хотя и совершенно самостоятельный пример такого переноса значений можно видеть в вал. *mawd* 'большой палец' при корнск. *maw* 'юноша, слуга' — из и.-е. **maĝhu*, ср. выше.

'дитя', 'подросток, юноша', 'дружинник, воин', 'слуга, раб, работник', **отроча** 'дитя', **отрочище, отрочищь** 'дитя, мальчик', др.-польск. *otrok* '1. mężczyzna, wyrostek, młodzieniec; 2. pachołek, dworzanin', *otrocząłko*, *otroczek* 'chłopiątko, pacholątko', *otroczyca* 'dziewczyna, córka', кашуб. *woetrok*, 'chłopiec, młodzieniec, syn', в.-луж. *wotročk* 'слуга, старший слуга', полабск. *vúotrök*, *vuotrüök* 'Sohn', словенск. *otròk*, *otročâj* 'дитя', собир. *otročâd* ж. р. 'дети', болг. *отро́к* 'подросток'.

Этимология слав. **otrokъ* проста и понятна. Это сравнительно позднее славянское образование мужского рода[210], сложение приставки *ot-* и *rok-*, ср. слав. *rekti* 'говорить, сказать'[211]. Таким образом, *otrokъ* = 'не говорящий', вернее 'тот, кому отказано вправе говорить'[212].

Слав. *otrokъ*[213] обозначало юношу, подростка, который еще не получил права голоса зрелого мужчины, что хорошо показывают данные этимологии, а также многие значения, засвидетельствованные письменными памятниками славянских языков. В отдельных языках имело место изменение значения, ср. значения 'дитя', 'сын' (последнее — в кашубском, полабском). Вполне закономерен переход значения в чешск. *otrok* 'раб'.

Вообще же признак 'не говорить, не говорящий' довольно часто используется в названиях ребенка. Ср. лат. *infans*, причастная форма к

[210] A. Bruckner (Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 387) отмечает для др.-польск. *otrok* (XVI в.) значение, противопоставленное «białej płci», прекрасному полу.

[211] Ср. *A. Meillet.* Études. P. 233.

[212] Ср. небольшой семасиологический этюд, посвященный этому слову, в книге: *Л. П. Якубинский.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 57.

[213] Ср. другие славянские имена деятеля с *-rokъ*: ст.-слав. **пророкъ** 'προφήτης' 'предсказатель, пророк'. Однако слав. *rokъ* и сложения типа польск. *wyrok* 'приговор' — это первоначальные имена действия. Таковы же, видимо, и первоначальные слав. **prorokъ* 'предсказание', **otrokъ* 'отказ, неразрешение или неговорение', которые затем развили значения 'предсказатель, не говорящий', совершив обычный переход nomen actionis > nomen agentis. Пэтому мы не можем вместе с Мейе (*A. Meillet.* Études. P. 233) видеть во второй части этих сложений *-rokъ* исконное имя деятеля. Вполне вероятно, что первоначально слав. **otrokъ* ничем не отличалось от перечисленных образований с тем же корнем, в том числе и по ударению, ср. болг. *отро́к*, словенск. *otròk*. Акцентологическое отличие, столь характерное, например, для русск. *о́трок*, появилось у него вторично: *о́трок* (имя деятеля) < *отро́к* (имя действия), — знаменуя словопроизводственный акт. Кстати, В. И. Даль (Изд. 2. Т. II. С. 750) знает *отро́к* «стар. Отказ землевладельца землевладельцу», — т. е. как раз имя действия, и мы склонны верить Далю, вопреки сомнениям К. Мошинского (JP. T. XXXV. 1955. P. 130). Не убедительна выдвинутая последним оригинальная этимология слав. *otrokъ* < *o-trokъ* к ст.-слав. **тръкъ** 'бег' и родств., откуда *otrokъ* = 'гонец' ⩾ 'парень, подросток, мальчик' (см. JP. T. XXXII. 1952. P. 200—201; JP. T. XXXV. 1955. P. 130 ff., ср. возражения Ф. Славского, JP. T. XXXIII. 1952. P. 400).

глаголу *for, fatus sum* 'говорю' (и.-е. **bhā-*) с отрицанием *in-* 'не говорящий'; слав. **ne-mъlvję* — чешск. *nemļuvně*, укр. *немовля* 'дитя, младенец' — из *ne* и *mъļviti* 'говорить'. В формальном отношении слав. *nemъlvję* является причастием настоящего времени[214], и к нему полностью подходит объяснение, которое Х. Педерсен дал, на наш взгляд, не для всех случаев правильно — ряду славянских образований на *-ęt-* (см. выше). Слав. **nemъļvję* 'не говорящий' могло играть роль своеобразного эпитета при названии ребенка[215].

Из прочих названий: слав. **moldę, -ęte*, производное от о.-слав. **moldъ*, русск. *молодой*, произведенного в свою очередь от **mol-*, и.-е. **mel-* 'молоть, дробить, размягчать'[216] с помощью индоевропейского суффикса *-dh-*, с первоначальным значением результата, достигнутого состояния[217]. Таким образом, **moldъ* = 'мягкий, нежный (только в возрастном смысле)'. Образование **moldę*: ст.-слав. **млада** 'infans' носит уже определенно уменьшительный характер (как необходимое уточнение вследствие весьма широкого значения слав. **moldъ*, ст.-слав. **младъ**). От **moldъ* известен целый ряд производных, обозначающих ребенка: ст.-слав. **младеничиштъ** 'infans', **младеништъ** 'νήπιος, infans', **младеньць** 'νήπιος, βρέφος, infans' **младеньчиштъ** 'puer', **младица** 'νεανίς, puella', **младиштъ** 'νήπιος, infans'. Болг. диал. *истърса̀к, изтръсък, истришо̀к* 'последний ребенок'[218], образное обозначение (*из-тъ̀рся* 'высыпать, вытряхнуть'), *ѝспърдо̀к* то же, сербск. диал. *беба, бебе* 'младенец'[219], польск. диал. *byxy^i* 'маленькие дети', *smarkwc* 'мальчик'[220], *xoćą̇* 'дитя', *x^uodåk* 'маленький мальчик'[221], *śurek* 'подросток'[222].

---

[214] Ср. иначе: *M. Vasmer.* Poln. *niemowlę* 'infans' // ZfslPh. Bd. 12. S. 120): *niemowlę* — не Part. Praes., а уменьшительное от перфекта *mļvilъ* с утратой *i* (*l* в *niemowlę* — не эпентетическое).

[215] *Эрну—Мейе* (Т. 1. С. 564—565) так объясняют аналогичное лат. *infans*, ср. выражение *infans puer*, где *роль infans* как эпитета очевидна.

[216] См. *А. Преображенский.* Т. 1. С. 549—550.

[217] См. *E. Benveniste.* Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris, 1935. P. 188 ff., где находим ряд примеров (правда, **moldъ* не отражено).

[218] *Ст. Стойков.* Българска диалектология. Литогр. С. 150; *Д. Маринов.* Народна вяра и религиозни народни обичаи // СБНУ. Кн. XXVIII. 1914. С. 156; *Ст. Стойков, К. Костов, П. Вапкова, Г. Георгиев, Ж. Желев и др.* Говорът на с. Говедарци, Самоковско // Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956. С. 306.

[219] Цит. по *G. Meyer.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 30.

[220] *A. Tomaszewski.* Mowa t. zw. Mazurów wieleńskich // Slavia Occidentalls. T. 14. 1935. P. 106.

[221] *E. Pawłowski.* Gwara podegrodzka. Wrocław—Kraków, 1955. S. 191—192.

[222] Północno-polskie teksty gwarowe / Pod red. K. Nitscha. S. 47.

Такая же спорадичность второстепенных названий ребенка известна балтийскому, ср. литовск. *kūdikis* 'ребенок', объясняемое заимствованием из слав. *xudъ* или родственных форм[223]; вост.-литовск. *šišavà* 'Ansammlung kleiner Kinder', отмеченное Я. Отрембским, которое Ф. Шпехт объясняет как *u*-основу **šišus*, ср. др.-инд. *śiśu-* 'дитя, юный' [224].

Сын

Для обозначения сына славянский язык располагает древним термином *synъ*, восходящим к **sūnus*, — общему для ряда индоевропейских языков названию сына. Сюда относятся: ст.-слав. **сынъ**, др.-русск. *сынъ*, русск. *сын*, укр. *син*, белор. *сын*, польск. *syn*, диал. *synek* 'chłopak', 'mężczyzna nieżonaty, młodzieniec', н.-луж. *syn*, полабск. *süönka*, чешск. *syn*, диал. *synča* 'dítě, syneček', *synčoch* 'syneček', *synek* 'hoch' [225], словацк. *syn*, словенск. *sîn*, др.-сербск. *сынь*, сербск. *сӣн*, болг. *син*.

Исходное и.-е. **sūnu-s* имеет ту редкую среди индоевропейских терминов родства особенность, что его этимология давно выяснена и всеми без исключения принята: от и.-е. **seu-*, **sŭ̄-* 'рождать', ср. санскр. *sūtē* 'рождает', с другими суффиксами — санскр. *sutá-ḥ* 'сын', греч. *υἰύς*, *υἱός* 'сын', тохарск. B *soyä* 'сын' [226]. Тем не менее детали словообразования, а также отклонения от общей формы представляют значительные трудности. К. Бругман [227] предполагает сосуществование параллельных индоевропейских форм **sūnu-s* и **sui̯u-s*, которые принадлежат не к тем терминам родства, которые он называет «неэтимологизируемыми» (**pətḗr*, **mātḗr*, **dhughətḗr*), а к словам типа др.-инд. *putrá-s*, *jatá-s*. Поэтому сосуществование **sūnus*, **sui̯us* Бругман сравнивает с сосуществованием тоже различно оформленных лат. *puer*, *pūtus*, *pūsus*, 'мальчик'. Эти производные от и.-е. **sŭ̄-* взаимно вытесняли друг друга в отдельных языках. В и.-е. **sui̯u-s* видят столь же древний, как и **sūnu-s*, термин, получивший преимущественное распространение в отдельных индоевропей-

---

[223] См. *E. Berneker*. Bd. I. S. 405.

[224] *F. Specht*. Litauisch *šišavà* // KZ. Bd. 70. 1951. S. 184.

[225] *F. Bartoš*. Dialektický slovník moravský. S. 415.

[226] *Walde—Pokorny*. Bd. II. S. 469—470; *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch… S. 460—461.

[227] *K. Brugmann*. Griech. *υἰύς*, *υἱός*, *υἱωνός*, und ai. *sūnus*, got. *sunus* // — IF. Bd. 17. 1905. S. 486, 490—491. Иную, оригинальную точку зрения развивает А. Жюре, считающий возможным объединить формы **su-i* и **su-n-* в одной древней парадигме, ср. др.-инд. *asth-i*, *asth-naḥ* (*A. Juret*. La déclinaison de *υἱός* chez Homère // Mélanges Émile Boisacq. Bruxelles, 1938. P. 14).

ских языках: тохарск. В *soyä*, греч. *υἱός*[228]. Последнее обычно расценивают как преобразование *u*-основы *υἱύς*[229].

Э. Герман[230] подытоживает наблюдения над своеобразием индоевропейского названия сына следующим образом: 1) реконструкции единой индоевропейской праформы препятствуют **sūnus* индийского, балтийского и славянского и **sunus* германского языков; 2) пять других родственных терминов ('отец', 'мать', 'брат', 'дочь', 'сестра') изменяются по единому склонению родственных терминов, не знавшему родовых различий, чего нельзя сказать о названии сына; 3) и.-е. **sūnus* — единственный из главных терминов родства, который имеет прозрачную этимологию. Как полагает Герман[231], «эти три пункта одновременно указывают на то, что в названиях для сына мы имеем дело со сравнительно новыми образованиями».

Этот вывод интересен для относительной хронологии образования древнейших имен родства. Следует оговориться, что и-е. **sūnus* представляет собой новое образование по отношению к перечисленным пяти древнейшим терминам родства, но в то же время оно является индоевропейским, в известной мере — общеиндоевропейским образованием. Герм. **sunus* (при **sūnus* в других языках) надо скорее понимать как *sū* : *su*, отношение долгой и краткой ступени одного корня, который и в других формах обнаруживает обе ступени, ср. и.-е. **sū-s* 'свинья' (того же корня) с долгим *ū* в нем. *Sau* и кратким *ŭ* в слав. *svinъ*. В и.-е. **su̯ius* 'сын' важно наличие общего с **sūnus* корня, правда, оформленного другим суффиксом. Таким образом, большинство данных говорит о том, что здесь можно видеть один общеиндоевропейский термин.

Для настоящей работы главный интерес представляет индоевропейская форма **sūnu-s*, так как слав. *synъ* правильно отражает именно ее. И.-е. **sūnus* образовано из корня **su-* и суффикса *-nu-*, который восходит к индоевропейскому суффиксу отглагольных образований пассивного залога. Однако нельзя согласиться с Ф. Клюге и П. Скарджюсом, которые с равной легкостью выделяют суффикс *-nu-* в герм. *sunu-* и литовск. *sūnùs*[232]. Что справедливо для и.-е. **sūnu-s*, не может быть механически перенесено в словообразовательный анализ поздних герм. *sunu-* и литовск. *sūnùs*. Авторы не располагают доказательствами: так, Клюге нерешительно предполагает суффикс *-nu-* еще в герм.

---

[228] Un fragment tokharien du Vinaya des Sarvastivadins par S. Lévi. Observations linguistiques par A. Meillet // Journal asiatique. Paris, 1912. № 1. P. 116.

[229] См. *P. Kretschmer.* Über den Dialekt der attischen Vaseninschriften // KZ. Bd. 29. 1887. S. 470—471; *K. Brugmann.* IF. Bd. 17. 1905. S. 486.

[230] *E. Hermann.* Einige Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen // IF. Bd. 53. 1935. S. 99—100.

[231] Там же. S. 100.

[232] *F. Kluge.* Op. cit. S. 5; *P. Skardžius.* Op. cit. S. 225.

mann из *manw*, ср. санскр. *manu* 'человек', а Скарджюс определенно указывает, что литовский язык знает толька одно существительное с суффиксом *-nu-*: *sūnùs*. Ошибочность такого подхода станет еще понятнее, если обратить внимание на то, что суффикс *-nu-* приводится в названных исследованиях в одном ряду с действующими германскими и балтийскими словообразовательными формантами, а книга Скарджюса, как известно, целиком посвящена анализу современного литовского словообразования.

Во всяком случае возможности этимологического анализа и современная словообразовательная членимость — разные понятия, которые, тем не менее, в исследовательской практике часто смешиваются.

Литовск. *sūnùs* 'сын' весьма архаично в фонетическом отношении и точно соответствует форме, исходной для слав. *synъ* [233], вплоть до *u*-основы:

Ст.-слав.	Литовск.
Им. п. ед. ч. **сынь**	*sūnùs*: *ŭ* краткое
Род. п. ед. ч. **сыноу**	*sūnaũs*: *ū* долгое

Об этой долгой ступени дифтонгического характера пишет А. Вайан [234].

В то же время в акцентологическом отношении литовск. *sūnùs* не отражает древнего состояния и является результатом местного перемещения ударения *sūnùs* из **sū́nus* под влиянием весьма распространенных близких форм на *-us* с наконечным ударением: *žmogùs*, *dangùs* [235]. Ср. также неподвижность ударения русск. *сын*, *сы́на*. Поэтому нет надобности говорить об индоевропейской форме **sūnùs*, как это делал К. Бругман [236].

Известно, что и.-е. **sūnus* значит 'рожденный матерью', поскольку исходное и.-е. **sū̆-* определяет материнскую функцию, рождение. Таким образом, в и.-е. **sūnus* совершенно объективно запечатлено именно отношение к матери. Правда, одного этого факта было бы мало, чтобы говорить, что в индоевропейском названии сына отразился древний матриархат, так как называние производится в громадном большинстве случаев не по главному признаку обозначаемого, а по наиболее броскому, т. е. нередко — случайному его признаку. Б. Дельбрюк в известном смысле прав, когда он говорит о санскр. *sūnú* и родственных: «Слова обозначают не предмет во всех его признаках, а только один признак предмета, таким образом, из того обстоятельства, что *sunú* отражает только отношение к матери, нельзя делать вывода о положении отца ни в том, ни в другом смысле» [237].

---

[233] О слав. *synъ* см. *F. Miklosich.* S. 335; *R. Trautmann.* BSW. S. 292.

[234] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. 1. P. 212.

[235] *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. S. 122, примеч. См. также *J. Kuryłowicz.* L'accentuation. P. 240.

[236] *K. Brugmann.* IF. Bd. 17. 1905. S. 490—491.

[237] *B. Delbruck.* S. 454.

Но эта апперцепция (сын = рожденный матерью, вскормленный матерью') запечатлена в целом ряде названий сына, детей в индоевропейских языках, ср. др.-исл. *burr* 'сын', готск. *baúr*, *barn*, др.-англ. *byre* из и.-е. **bher-* 'носить', лат. *fīlius*, латышск. *dēls* 'сын', слав. *dětę* из и.-е. **dhē(i)-* 'кормить грудью' [238]. Поэтому здесь нельзя говорить о случайности. Больше того — анализ ряда таких семантически близких слов дает вполне объективное свидетельство о закономерности явления. Что касается общественно-исторических условий, они хорошо известны.

Ошибка Б. Дельбрюка состоит в недостаточной степени обобщения, в недооценке сравнительного изучения семантически близких слов. В таких случаях выводы, очень часто справедливые в отношении к одному языковому факту, оказываются после привлечения семантически близких слов недостаточными или прямо ошибочными.

Из производных от слав. *synъ* : ст.-слав. **посынити** 'adoptare', **посыненıе** 'adoptatio', др.-русск. *сыновение* 'усыновление', *сыновьць* 'племянник, сын брата', русск. (диал., стар.) *сыно́ве́ц*, *сыно́ви́ца* 'племянник, племянница по брату', *сыно́вка* 'жена сына, сноха', болг. *сини́ца* 'сыновица', *синови́ца* 'млада, снажна, левент жена, мома; сыница'. Ср. ст.-литовск. *sunaybis* 'Bruderkind' [239], литовск. *sūnẽnas* 'племянник', *sūnáitis* 'внук'.

Вопрос об индоевропейском названии сына значительно усложняется еще тем обстоятельством, что ряду индоевропейских языков известно иное название сына, представленное в санскр. *putrá-* 'сын' [240] и родственных формах [241]. Уступая по распространенности индоевропейскому **sūnus* и другим формам от **sŭ̄-*, это второе название сына, тем не менее, носит индоевропейский характер, оно известно, помимо индоиранских языков, греческому, латинскому и, возможно, славянскому. Правда, только индоиранские языки знают это слово в его основном значении, все же остальные представляют формы нередко с весьма измененным значением [242]. Ср. лат. *pūbēs* 'мужественный, мужской, взрослый'; 'мужчины, зрелая молодежь', *puer*, *pullus* 'молодой', *pūsus*, *pūpus*, *pūpilla*, *praepūtium* 'крайняя плоть', *pūtus*, оскск. *puklo-* 'дитя', пелигн. *puclois* 'pueris', др.-инд. *pṓta-ḥ*, *pṓtaka-ḥ* 'детеныш', *putrá-ḥ* 'сын, дитя', греч. *παῦς*, *παίς* (*παϝίς*) 'дитя', ст.-слав. **пъта, пътица**,

[238] См. *А. Исаченко*. Указ. соч. С. 55—56.

[239] Цит. по рукописному этимологическому словарю литовского языка К. Буги (хранится в Ин-те литовск. языка и лит-ры АН Литов. ССР, Вильнюс).

[240] *C. C. Uhlenbeck*. S. 169.

[241] *O. Schrader*. Reallexikon. P. 781.

[242] *A. Walde*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 620—621; *F. Solmsen*. Zur griechischen Wortforschung // IF. Bd. 31. 1912—1913. S. 470—485; *Ernout—Meillet*. T. II. P. 959, 960—961; *W. Prellwitz*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. 1892. S. 236; *E. Boisacq*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2ème éd. P. 739—740; *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. С. 20, 166.

литовск. *putýtis*, латышск. *putns*, литовск. *paũtas*, авест. *puϑrō* 'сын', осет. *fyrt/furt* 'сын', аланск. *φουϱτ*, скифск. имя собственное Φούϱτας.

Исследователи уже высказали предположение о первичности для этой группы слов значения 'производить'. Его вторичность [243] гораздо менее вероятна. В этой связи характерно лат. *praepūtium* 'крайняя плоть' < **pūtum* 'penis' [244], сюда же хеттск. *pupus* 'любовник, прелюбодей' < *pu-pu-s* — редуплицированная основа *pūs*, ср. греч. *ὀπυίω* 'брать в жены, жениться' [245], из **peu-* 'набухать, расти, крепнуть', ср. лат. *puer*, греч. *παῖς*, санскр. *putráḥ*.

Оставляя в стороне гипотетическое общее значение, предлагаемое Карру-зерсом для **peu-*, остановимся на весьма достоверном лат. **pūtum* 'penis' и греч. *ὀπυίω* 'брать в жены, жениться'. Все они вместе с хеттск. *pupus* 'любовник, прелюбодей' совершенно определенно обозначают чисто мужские действия. Поэтому есть основание конкретизировать предполагаемое значение и.-е. *pu-*, *pou-* : 'производить (о мужчине)', с оттенком мужской активности. Таким образом, в **pŭ̄-* мы имеем мужской термин 'производить', в то время как и.-е. **sŭ̄-* представляет женский термин, собственно — 'рожать'. Исходя из этого, можно толковать формы от *pŭ̄-* с суффиксом *-t-* как 'зачатый (отцом, мужчиной)'. См. выше соответствующие индоиранские формы и лат. *putus*. Славянский и балтийский хорошо сохранили образования этого рода: литовск. *putýtis*, *putùžis*, ст.-слав. **пътищь** 'птенец; детеныш', ср. санскр. *putra-*, лат. *putus*, литовск. *paũtas* [246]. Значение 'детеныш' исконно для этих слов, которые лишь позднее в производных *птенец*, *птица*, польск. *ptak* и родственных приобрели вторичное значение 'птица', принимаемое некоторыми за древнее [247]. Обнаруживая, наряду с другими индоевропейскими языками, значение 'детеныш', славянский сохранил также прямые следы мужского значения, ср. русск. диал. *пóтка* 'penis, у мальчиков' (< **пътка*).

На основании всего сказанного можно вместе с Ф. Штольцем [248] утверждать, что во всех словах этого корня исконно значение 'сын, дитя' при вто-

---

[243] *A. Walde.* Op. cit. S. 620—621.

[244] Там же. S. 608.

[245] *C. H. Carruthers.* More Hittite — Words // Language. Vol. 9. 1933. P. 155—156. Впрочем, У. Остин (*W. M. Austin.* // Language. Vol. 17. 1941. P. 88) считает греч. *ὀπυίω* заимствованием.

[246] См. *A. Fick.* Etymologische Beitrage // KZ. Bd. 22. 1874. S. 107—108.

[247] Сближение *птица* : греч. *πέτομαι* 'лечу', внешне очень соблазнительное и, казалось бы, безошибочное, в свете результатов этимологических исследований является совершенно неприемлемым, поэтому сопоставление этих форм у А. А. Белецкого, трактуемое как достоверное, вызывает удивление (Этимологическая структура слова // XI наукова сесія КДУ, присвячена 300-річчю возз'єднання України з Росією. Секція філології. Киев, 1954. С. 11).

[248] *F. Stolz.* Lateinisch *pūsus*, *pūtus* und Verwandtes // IF. Bd. 15. 1903. S. 53—69.

ричных 'мальчик, малыш' и что Б. Дельбрюк[249] ошибался, полагая, что в словах санскр. *putrá-*, авест. *puϑra* и родственных не содержится никакого указания на происхождение.

Славянский и балтийский языки отражают как долгую, так и краткую ступень вокализма и.-е. **pu-*, ср., с одной стороны, литовск. *paũtas*, с другой — литовск. *putýtis*, ст.-слав. **пътишть**. Об отражении славянским также и долгой ступени позволяет нам говорить очевидная принадлежность к этому корню сербск. диал. (черногорск.) *pušo* 'muško dete do 5—6 godina'[250]. Окончание *-o* (*pušo*) восходит, видимо, к звательной форме от **puša*, распространенной впоследствии и на им. п. ед. ч., что представляет собой нередкое явление, например, среди личных имен, в южнославянских языках.

Таким образом, если в слав. *synъ*, и.-е. **sūnus* мы имеем древний реликт материнского счета родства, то в и.-е. **put-* представлен термин, отражающий уже только мужское, отцовское начало. Этим объясняется смысл существования двух разных названий сына в индоевропейских языках. Предположение о таких двух конкретных терминах в древности вполне правдоподобно.

Известны вероятные исторические условия такой парности терминов. Для решения вопроса об относительной хронологии двух неодинаково распространенных индоевропейских названий сына важно помнить, что древний человек долго не имел понятия о связи между половым общением и рождением. Напротив, связь между рождением как таковым и самими родами осознавалась всегда. Поэтому **sūnus*, т. е. 'рожденный (матерью)', гораздо древнее и распространено почти во всех индоевропейских языках. В свою очередь *put-* 'зачатый (отцом)' — относительно позднее образование и имеет меньшую распространенность. Это соотношение важно для вопроса о матриархате и его отражении в терминологии родства. Время возникновения и.-е. **put-*, возможно, — эпоха победы отцовского права. Однако патриархат, утвердившись, застал основные термины уже выработанными. Отсюда — второстепенное значение и.-е. **put-* в роли названия сына и неустойчивость его употребления[251].

---

[249] *B. Delbrück.* S. 454.

[250] Взято из кн.: *St. Rospond.* Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z suf. *-itj* // Prace Komisji Językowej. Kraków, 1937. S. 60. Сюда же болг. диал. *пýне* 'мъжко мелко дете след кръщението', *пýжо* 'мальчик' (Думи и форми от говорите в Видин, Вратца, Царибродско и пр. Записал Ц. Сталински // СбНУ. Кн. V. 1891; *Л. Милетич.* Към особеностите на гевгелийския говор // Македонски преглед. Год VIII. Кн. 2. София, 1932. С. 69).

[251] О том, что восприятие 'сын' — 'произведенный, рожденный' было долгое время активным, свидетельствует, помимо **sūnus* и **put-*, отражение его в хеттск. *haššant-* (причастие к *has*(*š*)- 'рождать, производить') 'рожденный', 'собственный сын' (см. *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. 1952. S. 62).

Названия пасынка являются, как и все остальные термины сводного родства, исключительно новыми словами. Своеобразие славянских обозначений пасынка выражается в их пестроте. Так, генетически только одно из них восходит к о.-слав. *synъ*: *pasynъkъ* — форма, тоже носящая общеславянский характер. Правда, наряду с нею в том же значении в славянских языках фигурируют другие, совершенно оригинальные образования: *pastorъkъ*, *paserbъ*, произведенные также от весьма древних морфем.

Слав. *pasynъkъ* : др.-русск. *пасынъкъ*, русск. *пáсынок*, укр. *пáсинок*, др.-польск. *pasynek* 1) 'праправнук'; 2) 'пасынок', польск. (стар.) *pasynek* в упомянутых двух значениях, болг. *пáсинче*, диал. *пасинок*[252]. Литовск. *pósūnis* 'пасынок'[253] образовано из тех же морфем — приименной приставки балт. *po-* и и.-е. **sūnus*, но независимо от слав. *pasynъkъ*, ср. характерный для литовского перехода из одной основы в другую в приставочном производном: *sūnùs* > *po-sūnįs* (из *u*-основы в *-ja*-основу). В славянском ничего подобного не отмечается: слав. *pasynъkъ* сохраняет основу слав. *synъ*. В частности, известно, что суффикс *-ъkъ* первоначально оформлял производные только от основ на *-u*. Следовательно, *pasynъkъ* < *pa-synъ-kъ* с сохранением *u*-основы *synъ*. С той же приставкой образовано латышск. *padēlis* 'пасынок'[254].

Слав. *pastorъkъ* : ст.-слав. **пасторъкъ** 'πρόγονος, privignus', др.-русск. *посторъкъ*, др.-чешск. *pastorek*, *pastořě*, чешск. *pastorek*, сейчас малоупотребительное, диалектное, ср. моравск. *pastorek*, *pastorkyňa*[255], словенск. *pástorek*, сербск. *пăсторак*, болг. *пáстроче* 1) 'пасынок', 2) 'падчерица', ср. болг. *пáстрок* 'отчим'.

Этимологически прозрачно болг. *пáстрок* 'отчим' < **pō-pətōr*. Несколько затруднителен вопрос о развитии значения 'пасынок'. Образование с суффиксом *-ъкъ* вряд ли восходит здесь к глубокой древности, ср. др.-чешск. *pastořě* и болг. *пастроче* с суффиксом *ę-*, *-ent-*. Здесь не исключено первоначальное значение принадлежности ('отчимов, неродной сын' = 'пасынок'). Обращает на себя внимание отсутствие *pastorъkъ* в восточнославянских языках. Единичное др.-русск. *посторъкъ*, вероятно, заимствовано. Из южнославянских языков происходит алб. *pastérk* 'пасынок'[256].

Слав. *paserbъ* представлено главным образом польск. *pasierb*, ср. прибалт.-словинск. *pãspjèř* < *pasèřp*[257].

---

[252] *Б. Цонев.* Кои новобългарските говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение // Списание на Българска академия на науките. Кн. 11. София, 1915.

[253] См. *A. Salys.* Mūsų gentivardziai // Gimtoji kalba. 1937. II. S. 22.

[254] О значении *pa-* см. *И. М. Эндзелин.* Латышские предлоги. Ч. 1. С. 149.

[255] *E. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. S. 283.

[256] *G. Meyer.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 323.

[257] Slávia Occidentalis. T. 1. 1921. S. 97.

А. Г. Преображенский приводит еще укр. *пáсерб*, *пáсербиця*, белор. *пáсерб*, *пáсербица*[258] и русск. диал. (воронеж. и др.) *пасерб*. Ф. Миклошич помещает последнее под вопросом[259]. За вычетом приименной приставки *ра-* в польск. *pasierb*, др.-польск. *pasirzb* содержится корень **sъr̥b-*, **serb-*, который, согласно остроумной этимологии А. Брюкнера[260], служил образным обозначением ближайших, кровных родственников и восходит к значениям 'хлебать, сосать' (в данном случае использовано значение 'сосать грудь'), ср. лат. *sorbeo*, греч. *ῥοφέω*, польск. *sarbać* < и.-е. **sorbh-*, **srobh-*. Сюда же Брюкнер относит собирательное образование *sъrbъ* 'ближайшая родня', ср. этноним *срби*, *сербы*, но последнее скорее иранского происхождения. Таким образом, если сингулятивное *sierb* означало 'сосунок, кровный ребенок', то *pa-sierb* значит 'неподлинный ребенок'. Совершенно справедливо отбрасывает Брюкнер неточные сравнения польск. *pasierb* с русск. *себёр*, *сябёр*, предлагавшиеся, например, Г. А. Ильинским[261]. Эти русские слова, несомненно, объясняются из **sěm-ro-*, через *sębrъ* (подробнее см. III главу настоящей книги). Сравнением с *pasierb* (*-*sъr̥b-*, *-*serb-*) нельзя объяснить древнего носового в **sębrъ*, ср. правильный русский рефлекс: *сябр*, *сябер*. Метатеза *-rb-* < *-br-* тоже маловероятна[262].

Описательные названия пасынка: чешск. *nevlastní syn*, вытеснившее в общенародном языке простые обозначения; болг. *довéден син*, *довéденик*.

Дочь

Названия дочери во всех славянских языках без исключения восходят к о.-слав. **dъkti*: ст.-слав. **дъшти**, др.-русск. *дочи*, *дьчи*, *дчи*, *дъци*, *дочька*, *дъчька*, русск. *дочь*, диал. *дóчи*, *дочерь*[263], *дóцерь*, *дочýха*[264], *дóц'ер'ка*, *дóц'ер*, *дóц'ка*[265], укр. *дочкá*, белор. *дачкá*, польск. *córa*, *córka*, др.-польск.

[258] О заимствовании укр. *пасерб*, *пасербиця* из польского языка см. *А. А. Бурячок*. Названия родства и свойства в украинском языке. С. 7.

[259] *F. Miklosich*. С. 292: *serb-*.

[260] *A. Brückner*. Wzory etymologii i krytyki źródłowej // Slávia. Roč. 3. 1924. S. 207—209; *Он же*. Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 398.

[261] *Г. А. Ильинский*. Славянские этимологии // ИОРЯС. Т. XXIV. Кн. 1. 1919. С. 140.

[262] Это неверное толкование содержится и у А. Г. Преображенского: «Из *па*-серб. См. *себер*».

[263] *Богораз*. Областной словарь колымского русского наречия. С. 46.

[264] *А. Подвысоцкий*. Словарь архангельского наречия. С. 39.

[265] *В. Г. Орлова*. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. // Материалы и исследования по русской диалектологии. I. М.—Л., 1949. С. 53.

dca, кашуб. *córa*, *córka*, прибалт.-словинск. *córkă*, чешск. *dcera*, словенск. *hči*, *hčę̂re*, др.-сербск. *дъшти*, *къшти*, *кьчи*, сербск. *kћû*, диал. *шћер*, болг. *дъщеря́*, диал. *щéрка*, *штéру* (зват. форма), *кéрка*, *късркъи* — *щерки*[266].

Фонетическая история слав. **dъkti* детально изучена исследователями. Оно восходит к и.-е. **dhughətḗr*, которое является одним из древнейших терминов родства индоевропейского языка, такой же основой на *-r*, как **pətḗr*, **mātḗr*, **su̯ésor*. Характерная особенность индоевропейского названия дочери состоит в том, что оно широко распространено в индоевропейских языках и всюду в точности соответствует названной общеиндоевропейской фонетической форме, не обнаруживая также серьезных отклонений в значении (ср. гораздо большие фонетические и семантические изменения других основных названий, сохранившихся в целом ряде индоевропейских языков в общем хуже, чем название дочери).

Родственные слав. **dъkti* формы в других индоевропейских языках: санскр. *duhitā́*, авест. *dugdar-*, арм. *dustr*, греч. ϑυγάτηρ, готск. *daúhtar*, литовск. *dūktė̃*[267]. Италийские и кельтские языки утратили древнее название дочери, ср. его замену в лат. *fīlia* ж. р. к *fīlius* 'сын'. Остаток **dhughətḗr* в италийских языках указывают в оскск. *fūtír* < **fug'tír*[268].

Вальде и Покорный[269] считают, что в **dhughətḗr* имеется тот же задненебный, что и в и.-е. **eg̑(h)om* 'я', не придавая значения тому, что в последнем *-g̑h* палатальное (ср. ст.-слав. **азъ**, литовск. *aš*), в то время как велярность *gh* в **dhughətḗr* не оставляет сомнений, иначе необъяснимы слав., балт. *k* (из **g*) в слав. *dъkti*, литовск. *duktė̃*.

Для вокализма и.-е. **dhughətḗr* характерно наличие гласного *ə* в срединном слоге[270]. А. Мейе, наиболее обстоятельно занимавшийся этим во-

---

[266] Песни из личния живот — от Малко Търново // СбНУ. Кн. VI. 1891. С. 24; от Леринско (Македония) // СбНУ. Кн. V. 1891. С. 146; от Воденско (Приказки...) // СбНУ. Кн. V. С. 165.

[267] *F. Miklosich.* S. 55; *E. Berneker.* Bd. I. S. 44; *R. Trautmann.* BSW. S. 62; *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 868; *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 116; *P. Poucha.* Tocharica // AO. Vol. 2. 1930. P. 325—326: тохарск.B *tkācer*, *tkācar*, где *t* < i.-e. **dh*, тохарск. A *ckācar* с ассимиляцией *t—c* > *c—c*; *C. C. Uhlenbeck.* S. 128; *А. Преображенский.* Т. I. С. 192—193; *F. Sławski.* S. 107—108; *Holub—Kopečný.* S. 97; *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 366.

[268] *R. Thurneysen.* Italisches // Giotta. Bd. 21. 1932. S. 7—8; *P. Kretschmer.* Zu osk. *fūtír* // Giotta. Bd. 21. 1932. S. 100; против — *J. B. Hofmann.* Zur lateinischen und italischen Wortforschung // Giotta. Bd. 25. 1936. S. 119—120.

[269] *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 868; ср. еще *J. Pokorny.* P. 277.

[270] См. *B. Delbrück.* Über das got. dauhtar // KZ. Bd. 19. 1870. S. 241—247; *J. Schmidt.* Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen // KZ. Bd. 25. 1879. S. 116; *K. Brugmann.* KVG. S. 80; *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. S. 52; *A. Meillet.* Les dialectes indoeuropéens.

просом, обращает внимание на падение срединного *ə* в слове **dhughətḗr* как на важный индоевропейский диалектный факт, свойственный иранскому, славянскому, балтийскому, германскому, армянскому, важный также по своим последствиям в области интонации. Падение *ə* не является новшест-вом славянского, а объединяет его с рядом близких индоевропейских диалектов.

И.-е. **dhughətēr*, будучи древней основой на *r*, утратило этот характерный конечный согласный в отдельных индоевропейских диалектах, ср. литовск. *duktẽ*, слав. **dъkti*. Вопрос об относительном возрасте этого явления представляется, однако, спорным. С одной стороны, известна точка зрения, рассматривающая это отпадание как древний факт, свойственный ряду близких индоевропейских диалектов.

Так понимает А. Вайан историю основы **mātēr* > **mātē*, исходя из свидетельства санскрита, балтийского, славянского. Мейе видит в отпадении конечного согласного литовск. *duktẽ* упрощение особого рода дифтонга (и.-е. *-ēr*) — явление, восходящее к индоевропейскому языку[271]. С другой стороны, по мнению Ю. Куриловича[272], отсутствие сокращения конечного гласного в открытом слоге литовск. *duktẽ*, *akmuõ* указывает на сохранение конечных *-r*, *-n* вплоть до самой балто-славянской эпохи.

Славянский, как полагают, сохранил старое ударение и.-е. **dhughətḗr*, ср. словенск. *hčĩ*, сербск. *kћū̃*[273]. В русском, в отличие от других случаев, в результате местных изменений старое положение затемнено: *дочь*, *дóчери*, *дóчерь*.

Забвению старой основы на *-r* обязана своим образованием новая парадигма склонения литовск. *duktẽ* в говорах: *duktẽ*, *duktẽs*, по аналогии употребительным *-ė*-основам женского рода[274]. Аналогичное разрушение старой формы приводит к возникновению новых суффиксальных производных от усеченной основы: русск. (ласк.) *дóчка*, укр. *дочкá* (в роли единственного названия дочери), ср. польск. *matka* и под. Такие слова часто носят характер сокращенных ласкательных названий: укр. *дóня* (есть у Шевченко), интимно-просторечное укр. *дóця* 'дочка, доченька'; ср. упоминаемые Э. Френкелем[275] аналогичные пракритск. *dhĭta* < *duhitā́*, новогреч. диал. *θύγω* = *θυγάτηρ*. Ласкательное значение имеет, далее, литовск. *dukrà*, *dūkrá*, образованное

P. 63; *Он же.* Des innovations caractéristiques du phonétisme slave // RES. T. 2. 1922. P. 207; ср. также *J. Kuryłowicz.* Études indoeuropéennes. I. P. 29.

[271] *A. Meillet.* BSL. Vol. 30. 1930. Comptes rendus [аннотация сборника в честь Я. Розвадовского]. P. 187 ff.

[272] *J. Kuryłowicz.* L'accentuation. P. 245.

[273] *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. S. 120.

[274] Ср. *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 76.

[275] *E. Fraenkel.* Miszellen // KZ. Bd. 54. 1926. S. 300.

через **duktrà* из *dukterà*, ср. *mótera*[276]. В приравнивании *dukrà* к женским основам на *-o-* (= слав. основы на *-a-*) Э. Френкель видит аналогию слав. *sestra*, тоже переведенному из согласной основы (ср. литовск. *sesuõ*, *seseȓs*) в основу на *-a-*[277].

Вопрос о значении и.-е. **dhughətḗr* решен исследователями окончательно. Попытки увязать, например, санскр. *duhitár* и *duh-* 'доить' и истолковать значение первого как 'сосунок'[278] давно признаны устаревшими, ср. отрицательные суждения на этот счет Э. Бернекера[279], Вальде—Покорного[280], З. Файста[281]. С точки зрения критической ревизии опытов старых этимологов, видевших в и.-е. **pətēr*, **mātēr*, **bhrātĕr*, **su̯esor*, **dhughətēr* своего рода «говорящие» названия ('отец' = 'кормилец, защитник', 'мать' = 'производящая', 'брат' = 'защитник')[282], это вполне справедливо. И тем не менее, поскольку мы уже знаем, до какой степени последовательно отражена в названиях детей, сына апперцепция 'произведенный, рожденный, вскормленный (матерью)', трудно отделаться от мысли, что отношение санскр. *duhitā́-* 'дочь' и санскр. *duh-* 'доить' — нечто большее, чем простое созвучие.

Прочие славянские названия дочери: чешск. диал. *naše holka*, *děu̯če*, *ďou̯če*, обращение родителей к дочери[283] с переносом значения 'девушка' > 'дочь'; болг. диал. *do čupite* 'aux filles (de la maison)'[284]. На последнем слове стоит задержаться несколько подробнее. Форма *čupa*, *чупа* 'дочь' отмечается как характерная в первую очередь для македонского[285], хотя и не для всех диалектов[286]. По нашему мнению, эта форма связана с польск. диал. *dziopa*, *ʒopa* 'девочка, девушка, дочь', известным всему польскому Подкарпатью и даже северной части Южной Малопольши[287]. Сюда можно отнести зап.-укр.

[276] *P. Skardžius.* Op. cit. S. 45.

[277] *E. Fraenkel.* Miszellen. P. 300.

[278] *F. Bopp.* Vergleichende Grammatik. 1. Aufl. S. 1134. Цит. по *B. Delbrück.* S. 384.

[279] *E. Berneker.* Bd. I. S. 244.

[280] *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 868.

[281] *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 116.

[282] Ср. поэтизацию подобных воззрений: *A. Pictet.* Les origines indoeuropéennes. 2ème éd. Génève, 1877. T. 3.

[283] *Q. Hodura.* Nářečí litomyšlské. S. 69.

[284] *A. Vaillant.* Les parlers de Nivica et. Turija (Macédoine Occidentale) // RES. T. 4. 1924. P. 56.

[285] *B. von Arnim.* Mazedonisch-bulgarische Studien. T. 3. Neubulgarische Synonyme für *dъšterja* 'Tochter' // ZfslPh. Bd. 12. 1935. S. 2 ff.

[286] Этого слова *М. Малецкий* не отметил в изученных им диалектах (Dwie gwarymacedońskie [Sucho i Wysoka]. Część II. Słownik. Kraków, 1936).

[287] *J. Karłowicz.* Słownik gwar polskich. T. I. Kraków, 1900. S. 441; *Fr. J. Tryszczyła.* Muszyna w powiecie Nowo-Sądeckim // Lud. T. XIV. Lwów, 1908. S. 253; *E. Pawłowski.* Gwara podegrodzka. Wrocław—Kraków, 1955. S. 181.

дзюба 'девушка'[288]. Этимология слов неясна. Возможно, что это заимствование, источник, которого указан К. Сандфельдом[289]. Датский ученый определенно считает болгаро-макед. *чупа*, а также греч. *τσούπϱα* 'дочь' заимствованным из алб. *tshup(r)ë*. Правда, Г. Майер объяснял албанское слово заимствованием из сербского, ср. сербск. *чу̏па* 'пучок волос', *чу́па* 'женщина с непричесанными волосами'[290]. Но между сербским и албанским словами имеются существенные семантические расхождения, которые делают заимствование маловероятным: алб. *çupë* значит 'девушка, дочь', в то время как в сербском отмечается упомянутое узкое значение. Кроме алб. *çupë*, ср. в албанском наличие слова *çun* 'мальчик, подросток, сын'. Мы приходим к предположению о происхождении также украинского и польского слов из албанского языка. Заимствование могло осуществиться, очевидно, тем же путем, каким проникли в украинский, словацкий и польский языки другие балканские элементы — через посредство подвижного пастушеского населения Балкан и Карпат. Для ряда таких слов исходные формы найдены в албанском, ср., например, *брынза* 'овечий сыр', *барза* 'белая овца', *урда*, *вурда* 'кипяченые овечьи сливки', на что указывал еще Х. Барич. Следует отметить, что эта международная балканская лексика, распространенная пастушескими племенами, отнюдь не ограничивается терминами скотоводческого быта, как обычно думают. В реальной обстановке заимствовались, вероятно, также некоторые бытовые слова. Сюда относится польск. *chustka*, укр. *ху́стка* 'платок', ср. рум. *fusta*, болг. *фу́ста* и, наконец, укр. *ко́пил*, *копиля́*, рум. *cópil*, болг. *копиле*, алб. *kopil* — все со значением 'внебрачный ребенок'[291], которое образует с нашим *чупа-dziopa* 'девушка' красноречивую пару терминов, ознаменовавшую продвижение бродячих пастушеских, преимущественно — мужских групп.

Уже отмеченный перенос значения 'девушка' > 'дочь' приобрел в отдельных славянских языках широкие масштабы. Так, польские говоры почти не употребляют *córka*, зная в этом значении *dziewka*[292]. Ср. в том же значении в части карпатских говоров украинского языка слово *дівка*[293].

В заключение приведем пример резкого изменения значения славянского названия дочери в русск. диал. *до́чка* 'свинья'. Ср. еще болг. диал.

[288] См. *Є. Желеховский*. Малоруско-німецький словар. Т. 1. Львів, 1886. С. 180. Он отмечает еще значение 'девушка, рябая от оспы', ср. *дзюб*, но это значение скорее вторично, ср. польские слова.

[289] *K. Sandfeld*. Linguistique balkanique. Paris, 1930. P. 68.

[290] *G. Meyer*. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 450; см. еще *S. E. Mann*. An historical Albanian-English Dictionary. London, 1948. P. 64.

[291] См. *K. Sandfeld*. Op. cit. S. 93—94; *M. Vasmer*. REW. Bd. I. S. 620.

[292] *K. Nitsch*. Jak kobieta w niewiastę się przeobraziła? // JP. T. XXVIII. 1948. S. 55.

[293] *А. А. Бурячок*. Названия родства и свойства в украинском языке. С. 6.

штери́ца 'яловое животное', 'бездетная женщина'[294], производное от *штерка* 'дочь'.

Непосредственно к слав. *dъkti* примыкают названия падчерицы с применной приставкой *pa-*: ст.-слав. **падъштн**, русск. *па́дчерица*, диал. *па́дочка*, *па́дчерка*, *падчеру́ха*[295], болг. обл. стар. *пашчерица*, *поще́рка* 'приемная дочь'. Ср. аналогичные по образованию литовск. *pódukrė*, *pódūkra*, *pódukra*[296], латышск. *pameita* 'падчерица'[297], из *meita* 'дочь'. Образование **padъkí*, русск. *па-дчер-ица* не нуждается в объяснении. К **pa-dъkti*, **pa-dъktere* восходят также болг. *па-шчерица*, *па-штерица*, *паштерка* с той лишь разницей, что второй компонент сложения является стяжением *дъщер-* (*дъщеря́*), *dъkter-*. Поэтому ни в коем случае нельзя согласиться с М. Вэ[298], который видит в *pa-šterica*, *pa-šterka* производное от древнего **pō-pətor*, болг. *па́строк* 'отчим'. Это явная натяжка. М. Вэ упускает из виду существование простого болг. *щерка* 'дочь' (< **dъkter-*), которое никоим образом не связано с **pətēr*, **pō-pətor-*.

Довольно распространенным является другое славянское название падчерицы: ст.-слав. **пасторъка**, чешск. диал. *pastorkyňa*[299], словенск. *pástorka*, *pástorkinja*, сербск. *па̏сто̑рка*. Оно связано не с названием дочери, а с соответствующим обозначением пасынка (см. выше), вместе с которым оно восходит к **pōpətor-*, названию отчима (болг. *па́строк*). Оба слова получают понятное объяснение как 'неродной сын,' 'неродная дочь'. Старое толкование[300] неудачно: древнее упрощение, даже выпадение ъ вряд ли могло произойти в этом слове раньше первой общеславянской палатализации с переходом **kte* в *št*, *č*, *ć*[301]. Следует учесть, что название падчерицы не является древним образованием даже в рамках славянского словаря[302]. Столь же позволительно усомниться в древности форм с *-ter*, ср. словенск. *pásterka*,

---

[294] См. Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956. С. 331.

[295] См. *В. И. Даль*. 4-е изд. Т. III. С. 10; *В. Добровольский*. Смоленский областной словарь. С. 572; *А. Подвысоцкий*. Словарь архангельского наречия. С. 115.

[296] См. *A. Salys*. Mūsų gentivardžiai // Gimtoji kalba. 1937. II. S. 22.

[297] См. *И. М. Эндзелин*. Латышские предлоги. Ч. 1. С. 149.

[298] *M. Vey*. Slave *st-* provenant d'i.-e. **pt* // — BSL. T. 32. 1931. P. 65 ff.

[299] *F. Bartoš*. Dialektický slovník moravský. S. 283.

[300] *F. Miklosich*. P. 55; *W. Vondrák*. Bd. I. S. 178: *pastorъka* — упрощение из **pa-dъkter*.

[301] Так, Миккола (Urslavische Grammatik) говорит об о.-слав. *dъćti*, как видно, понимая всю условность формы **dъkti* для славянского. Вернее будет предположить о.-слав. *dъt'i*, помня о типичном упрощении *kt* > *t* в славянском. Изменение слав. *kt* > *st* нереально.

[302] Литовск. *pódukrė* — аналогичное, а не общее со славянским образование.

якобы показывающих происхождение из *pa-d(ъk)tera[303]. Здесь первична форма *pō-pətor со ступенью -tor в производном от *pətēr, ср. выше о русск. *заматореть* от *matēr-, 'мать'. Объяснение ст.-слав. **пасторъка** упрощением слишком длинного слова *padъktorъka, принятое А. Мейе и Э. Френкелем[304], тоже неубедительно. Этимология *pastorъka* < *dъšter-* критиковалась еще И. Зубатым[305], предложившим свое объяснение слав. *pastorъkъ* : литовск. *pastaras* 'последний'.

Прочие названия падчерицы: польск. *pasierbica*, укр. *пáсербиця*. Как и *pastorъka*, они близки к соответствующему названию пасынка, ср. польск. *pasierb* и родственные. Описательные названия падчерицы: чешск. *nevlastní dcera*, вытеснившее простое образование (ср. диал. *pastorkyňa*), болг. *довéдена дъщеря́, довéденица*.

Брат

Большинство индоевропейских форм восходит к общеиндоевропейскому *bhrā́tēr: слав. *bratrъ*, герм, *brōþar*, др.-инд. *bhrā́tar*, греч. *φρᾱ́τηρ* 'член фратрии', тохарск. A *pracar*, B *procer*, лат. *frāter*[306].

Попытки этимологии[307] обычно отклоняются современными исследованиями как недоказуемые. А. Исаченко[308] говорит о первоначальном отсутствии общих терминов 'брат', 'сестра' в индоевропейском, ср. наличие в языках, отражающих более древнюю организацию (например, венгерский), особых названий для старшего брата, старшей сестры. Это указание непосредственно подводит нас к вопросу о значении нашего слова. И.-е. *bhrā́tēr могло иметь характер более общего термина, ср. греч. *φρᾱ́τερ* 'член фра-

[303] См. *W. Vondrák.* Bd. I. S. 178.

[304] *A. Meillet.* MSL. T. 13. P. 28; *E. Fraenkel.* Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1923. S. 402.

[305] *J. Zubatý.* Slav. *pastorъkъ* // AfslPh. Bd. 13. 1890. S. 315—317.

[306] *K. Verner.* Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. S. 97 ff.; *C. C. Uhlenbeck.* S. 207; *A. Meillet.* Observations linguistiques // Journal asiatique. 1912. № 1. P. 111; *P. Poucha.* Tocharica // AO. Vol. 2. 1930. P. 322; Vol. 3. 1931. P. 166; *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 313; *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 193; *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 106—107; *J. Pokorny.* P. 163—164; *C. D. Buck.* P. 107.

[307] Ф. Бопп сопоставил санскр. *bhrátar* с *bhar-* 'нести', откуда 'брат' = 'содержатель (матери, сестер, младших братьев)', ср. санскр. *bhartā́r* 'содержатель' как обозначение супруга.

[308] *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 65.

трии', которое, возможно, отражает древнее значение индоевропейского слова 'член мужского союза, фратрии'. Об этом позволяет с уверенностью говорить целый ряд известных фактов, прежде всего — признаки перехода индоевропейской терминологии от классификаторской системы к описательной. И.-е. **bhrātēr* означало нечто гораздо более широкое, чем просто 'родной брат', и когда в индоевропейском сложился описательный термин 'родной брат' в итоге разрушения классификаторской системы, *bhrātēr* не во всех диалектах индоевропейского языка с одинаковой легкостью подверглось переосмыслению, ср. специально созданные для обозначения кровного брата новообразования греч. ἀδελφός, осет. *æfsymær/ænsuvær* (букв.: 'единоутробный'). Исключение греческого и осетинского не случайно, так как в обоих языках формы, продолжающие **bhrātēr*, сохранили остатки древнейшего, классификаторского употребления: греч. φρᾶτηρ 'член мужского союза, фратрии', осет. *ærvad* 'член того же рода, родич'[309], ср. также данные этнографии о брачных союзах мужчин у различных отсталых народностей. Прямого отношения к славянскому этот момент истории и.-е. **bhrātēr* не имеет, поскольку славянский сохранил вместе с балтийским только значение 'брат'. Тем не менее и славянский, используя одну и ту же основу *brat*(*r*)- для обозначения как родных братьев, так и двоюродных (ср. суффиксальные типа *братич*, *братан*), сохранил определенные следы классификаторской системы[310].

К и.-е. **bhrā́tēr* восходит слав. *bratrъ*, *bratъ*[311]. Наличие двух вариантов обычно объясняют диссимиляцией *bratъ* < *bratrъ*[312] при сохранении также старых недиссимилированных форм: чешск. *bratr*, диал. вост.-ляшск. *brater*[313], словенск. *bratər*[314]. Другое объяснение предусматривает для и.-е. **bhrā́tēr* древнее отпадение *-r*, ср. **mātḗr*, **dhughətḗr*, после чего и дальнейшая история слова должна была сложиться аналогично истории **mātē̆-*, **dŭktē-* в славянском, с той лишь разницей, что мужское название **brātē-* неизбежно должно было перестроиться по *o*-основам[315]; согласный *-r-* в *bratrъ* вторичен и проник из косвенных падежей. Видимо, так же рассуждает

---

[309] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. I. С. 62; *G. Thomson.* Aeschylus and Athens. London, 1950. P. 30—31, 402, 404—405.

[310] *G. Thomson.* Op. cit. P. 403.

[311] См. *E. Berneker.* Bd. I. S. 82; *R. Trautmann.* BSW. S. 36.

[312] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 42—43. Сходное явление видим, например, в различно диссимилированных вариантах *grab* и *gabrъ* < слав. **grabrъ*.

[313] *A. Kellner.* Východolašská nářečí. II. Brno, 1949. S. 134.

[314] *A. Bajec.* Besedotvorje slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1950. S. 22.

[315] Ср. *K. Brugmann.* Grundriß der indogermanischen Grammatik. Bd. I. S. 449—451; *P. Kretschmer.* Indogermanische Akzent- und Lautstudien // KZ. Bd. 31. 1889. S. 368.

Ю. Курилович [316], предполагая следующую парадигму склонения в балто-славянском: **brõtė*, **brõteres*, **broterį*, **brõterimi*. Это объяснение не опирается на очевидные доказательства вроде парадигмы *мати*, *матере*, *матери*. Далее, трудно согласовать *о*-основу **bratъ* < **bhrātē* с *r*-основами косвенных падежей в пределах одной парадигмы склонения. В слав. **bratrъ* можно видеть форму, аналогичную санскр. **bhrā́tr̥-* с нулевой ступенью гласного в последнем слоге, ср. известное для этих имен чередование *-ter* : *-tor-* : *-tr̥*. В слав. **bratrъ* наблюдается редукция последнего слога и.-е. *bhrātēr*, балто-слав. **brātera-s* [317]. Однако А. Лескин [318] объясняет слав. *bratrъ* не редукцией *е*, а образованием из слабых падежных форм **bratre* и под. Важно отметить, что как сохраняющее древнее *-tr-* слав. **bratrъ*, так и диссимилированное **bratrъ* давно перестали быть *r*-основами, перестроившись по *о*-основам. Это явление часто отмечается для славянского и трактуется именно как выравнивание по наиболее влиятельным типам основ славянского языка. Нечто подобное мы видим в судьбе немногих индоевропейских имен на *-ter* в хеттском клинописном языке, где они тоже перешли в тематическое склонение общего рода на *-aš* : *u̯eštaraš* 'пастух', *akkutaraš* 'тот, кто пьет'. Поэтому не совсем точна характеристика, данная этому факту у А. Мейе, который говорит о славянских формах как производных. Так, *bratrъ*, *bratъ* он считает тематическими производными от **bhrāter* (нетематического на *-r*), причем любопытно, что и это преобразование он хочет объяснить забвением древнего «аристократического» словаря в балто-славянском [319].

В «Этимологическом словаре латинского языка» А. Эрну и А. Мейе [320] славянские и балтийские формы также признаются производными от индоевропейского названия брата. Следовало бы как раз в данном случае отметить различие между этими языками. В то время как славянский непосредственно продолжает индоевропейскую форму (**bratrъ* < **bhrā́tēr*), балтийский, действительно, обнаруживает только производные формы: литовск. *brólis*, латышск. *brālis* 'брат'. Уменьшительное литовск. *broter-ẽlis* 'братец' позволяет

---

[316] *J. Kuryłowicz.* L'accentuation. P. 203—204; ср. также *P. Skardžius.* Op. cit. S. 498—499, 568.

[317] В. Скаличка (*В. Скаличка.* О фонетической редукции. С. 262) упоминает о редукции конечного слога в арм. *hayr* при лат. *pater* 'отец'.

[318] AfslPh. Bd. 3. 1879. S. 111.

[319] *A. Meillet.* Les origines du vocabulaire slave // RES. T. 5. 1925. P. 7. В последнее время ср. оригинальное высказывание о выравнивании слав. *bratrъ* по *о*-основам у Яна Отрембского (*J. Otrębski.* Miscellanées onomastiques // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950. P. 283). Он указывает на противоположение при этом двух соотносимых терминов — 'сестра' и 'брат', оформившихся соответственно в славянском в женскую *-ā-* основу (*sestra*) и мужскую *-о-* основу (*bratrъ*).

[320] *Ernout—Meillet.* T. I. P. 447—448.

восстановить для балтийского положение, близкое славянскому, и констатировать выравнивание *r*-основы по *a*-основам балтийского, которые соответствуют славянским мужским *o*-основам. Так, *broter-ẽlis* < **brótera-s* = **bratro-s* в слав. *bratrъ*. **bróteras* сохранилось еще в литовск. *bróterauties* 'брататься', ср. *bãda-s* 'голод' : *badáuti* 'голодать'. Ср. еще др.-прусск. *brātrīkai*.

Современные балтийские названия брата — литовск. *brólis*, латышск. *brālis* — представляют собой поздние образования, сокращенные в речи из более длинных, типа литовского уменьшительного *broterẽlis*[321]. Иначе интерпретирует их Миккола[322]: литовск. *brólis* < **brātlis* < **brātris*. Это чисто механическое восстановление форм не считается с достаточно ясными образованиями литовск. *brožis* 'двоюродный брат' из *bro-tùžis*, которые наглядно демонстрируют возможность *brólis* < *broterẽlis*. Форма литовск. *brolis* показывает, что первоначально это было слово с уменьшительным значением, ср. аналогичное *fratello* в итальянском[323].

В отношении ударения славянский обнаруживает точное соответствие и.-е. **bhrấtēr*, ср. неподвижное ударение корня в русск. *брат*, *бра́та*, акутовое ударение сербск. *бра̏т*, т. е. слав. **brấtъ*, **brấtrъ*[324].

По славянским языкам: ст.-слав. **братръ, братъ**, др.-русск. *братъ*, русск., укр., белор. *брат*, польск. *brat*, кашуб. *brat*, прибалт.-словинск. *brãt*, в.-луж. *bratr*, *brat*, чешск. *bratr*, словацк. *brat*, словенск. *brat*, сербск. *бра̏т*, болг. *брат*.

Значение названия брата в славянской родственной терминологии состоит также в том, что в славянских языках существует очень много разнообразных производных от этого слова, которые обозначают различные виды кровного (главным образом) и свойственного родства.

Ст.-слав. **братана** 'ἐξάδελφος, neptis', **братаништь** 'ἐξαδελφος, neptis', **братанъ** то же, **братаньць** 'nepos', **братеникъ** 'frater', **братеньць** 'nepos', **братоучада** 'ἐξάδελφος, nata ex fratre', **братоучѧдо** 'ἀδελφιδοῦς, filius fratris vel sororis', **братоучѧдъ** то же[325].

---

[321] *E. Fraenkel.* Zur Verstümmelung, bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1923. S. 401; *Он же.* Miszellen // KZ. Bd. 54. 1926. S. 300.

[322] *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. I. S. 50.

[323] *P. Skardžius.* Op. cit. S. 575—576. Из прочих форм ср. еще вост.-литовск. *brá* 'брат', междометное (*E. Fraenkel.* Problemi di grammatica e vocabolario lituani // Studi baltici. Vol. 6. 1936—1937. P. 111).

[324] *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. I. S. 125.

[325] О последних специально см. *E. Dickenmann.* Untersuchungen über die Nominal-Komposition im Russischen. I. Leipzig, 1934. S. 64; ср. также рецензию Е. Френкеля (ZfslPh. Bd. 13. 1936. S. 207).

Др.-русск. *братана* 'дочь брата', **братаничь, братичь** 'сын брата', **братанъ** 'двоюродный брат', 'сын брата', **братаньиа** 'дочь брата', **братеникъ, братеничь, братьньць** 'брат', **братичичь** 'сын брата', **братичьна** 'дочь брата', **браточинъ** 'сын брата или сестры', **братꙋчада, братачада** 'дочь брата', **братꙋчадие** 'сын или дочь брата', **братꙋчадо** 'сын брата', **братꙋчадь** то же, **самобратъ** 'родной брат', дв. ч. **самабрата**.

Русск. *брате́льница* 'родственница', *братáн* 'брат', *братáниха* 'жена братана', *братáнич* то же, что *братан*, *братанник* 'двоюродный брат', *брате́йко* 'брат', *брáтунька*, *брату́шка* ласк., *братáн* 'двоюродный брат', *двухродный братан* 'троюродный брат', *братан* 'троюродный брат', *брáте́лко* 'брат', *брате́нек* 'двоюродный брат', *брату́ха* 'брат', *брате́йник*, *брате́нник* 'брат' [326].

Укр. *братáнич* 'племянник по брату', *брáтина*, *братóва* 'братняя жена', *брат у пéрших* 'двоюродный брат', *брат у дру́гих* 'троюродный брат', ср. староукр. *брать въ другихъ* 'дядьків або тітчин син', *братáн*, *братáнець* 'племянник по брату'.

Белор. *братавáя* 'жена брата', *брат першей стрэчи* 'двоюродный брат', *брат другой стрэчи* 'троюродный брат', *братáніч* 'племянник', *браце́нік* 'двоюродный брат' [327].

Польск. *pobrat*, *pobratek* 'двоюродный брат по дяде, тетке'.

В.-луж. *bratranc* 'Vetters Sohn', *bratrowc* 'Neffe', *bratrowka* 'Nichte'.

Др.-чешск. *bratraňátko* 'bratrovo neb sestřino dítě', *bratřenec* 'bratr', 'příbuzný', чешск. *bratranec* 'сын брата, племянник', диал. *bratránek* то же, *planej bratránek* 'неродной племянник' [328].

Словацк. *bratranec*, *bratenec*, *bratranec* 'племянник по брату, сын брата', *bratanica* 'племянница', *bratnička* 'племянница', *bratník* 'племянник, сын брата', *bratrovec*, *bratovec* 'сын брата, племянник', *bratovica* 'дочь брата', *bratová*, *bratiná*, *bratrovská* 'жена брата'.

---

[326] Опыт областного великорусского словаря. С. 15; Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. С. 12; *В. Богораз.* Областной словарь колымского русского наречия. С. 25; *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. С. 6; *А. Подвысоцкий.* Словарь архангельского наречия. С. 10; *Карпов.* Сборник амурских слов и выражений // Сб. ОРЯС. Т. 87. № 1. С. 3; *В. Добровольский.* Смоленский областной словарь. С. 39; *Л. В. Ушаков.* Описание говора местечка Мглина Гомельской губернии и его окрестностей // Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Вып. 9. Л., 1929. С. 152.

[327] *С. Малевич.* Белорусские народные песни. Словарь // Сб. ОРЯС. Т. LXXXII. Вып. 5. 1907. С. 167; *Н. Чудовский.* Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор // РФВ. 1898. № 3/4. С. 68; *М. В. Шатэрнік.* Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929. С. 35.

[328] *Q. Hodura.* Nářečí litomyšlské. S. 69.

Словенск. *bratàn* 'сын брата, племянник', *bratìč* то же, *bratána*, *bratîčna* 'дочь брата, племянница', *bratrána*, *brátranček*, *brátranec*, *brátrančič* 'племянница, племянник'.

Др.-сербск. *братаньць* 'племянник', *братоучедь* то же, *братѣньць* 'брат'.

Сербск. *бра̏танић*, *брата̑нац* 'сын брата', *бра̏тић* то же, *бра̏таница* 'дочь брата', *бра̏тичина* то же, *бра̏тинац* 'брат од стрица', *бра̏тучеда* 'сестра од стрица', *првобратучеди* 'двоюродные братья', *друго-братучеди* 'троюродные братья,' *треће-* и *четвртобратучеди*[329].

Болг. *бра́та́нец*, *бра́танче*, *бра́тенек* 'племянник, сын брата', *бра́та́ница* 'племянница, дочь брата', *бра́товица* 'невестка, жена брата', *братовче́д*, *пъ́рви братовче́д* 'двоюродный племянник', *вто́ри братовче́д* 'троюродный брат, сестра; внучатный племянник, -ца', *братовче́дка* 'двоюродная племянница'.

При всем многообразии словообразования значительная часть слов представляет аналогичные типы: **brat*(*r*)*anьcь*, **brat*(*r*)*anъ*, **brat*(*r*)*ovьcь*, хотя ими объединяется лишь часть названий[330]. В русском языке вся масса названий является достоянием народных говоров. Признавая за суффиксами определенную модифицирующую роль, следует отметить, что на двоюродных, троюродных братьев в сущности распространялось обозначение брата, что отражает состояние, видимо, характерное для древности[331]. В славянской терминологии родства отмечается особенно широкое распространение этих форм от названия брата и сестры[332].

Столь же обильные производные от названия брата, обозначающие детей брата, племянников, неродных братьев, сестер, представлены в литовском, где их словообразование часто аналогично структуре соответствующих названий славянского. Ср. литовск. *brolìkas* 'сын брата', *brolỹkas* то же, *brotùšis* то же, *brolė̃čia*, *brolyčia* 'дочь брата', *broliãvaikis*, *brolãvaikis* 'племянник', *brolė̃nas* 'сын брата', *brólaitis*, *brolietis*, *brolýtis*, *broliũnas* то же, *pùsbrolis* 'двоюродный брат', *brolaĩtis* 'двоюродный брат', *brólainis* 'сын брата матери'[333].

Заслуживают внимания особые производные формы от слав. **bratrъ*, возникшие путем диссимиляции: чешск. *báťa*, *baťa* 'старший брат'[334], болг. *ба́те*, *ба́тю*, *ба́е* то же, сюда же диал. *ба́ка*, *ба́е* 'муж сестры по отношению к

---

329 См. также *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. С. 283.

330 Ср. название сводного родства русск. *побрати́м*, болг. *побра́тим*, *бра́тим* на *-им*, о котором см. выше: *отчим*.

331 *B. Delbrück.* S. 506; *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 77.

332 Ср. *C. D. Buck.* S. 117—118.

333 См. *P. Skardžius.* Op. cit. S. 127, 131, 318, 351, 357, 411, 416, 422, 434; *A. Salys.* Op. cit. S. 20—21.

334 *J. Holub — Fr. Kopečný.* S. 66.

ее младшему брату'[335]. Формы *baťa* уже приходилось касаться выше, остальные — *бака*, *бае* — представляют собой еще более поздние образования с ласкательным значением. Этим названиям в известной мере аналогично по своему образованию, например, нем. *Buhle* 'любовник, возлюбленный', которое тоже является диссимилированным производным (через **bhrātr̥* > **bhrālo-* > **bhālo-*) от обозначения брата[336].

Ср. близкое по происхождению сербск. диал. *ба̑ла*, *ба̑ле̑*, ласкательное название старшего члена задруги[337].

Со стороны значения интересно русск. диал. *побратим* 'брат'[338], представляющее собой результат забвения производной формы.

Прямым наследием индоевропейской древности является слав. **brat-rьja* : ст.-слав. **братрьꙗ** — собирательное существительное женского рода[339], соответствующее греч. *φρᾱτρία*. Характерно, что эта форма стала впоследствии восприниматься как множественное число, причем во многих славянских языках она стала выступать как единственное выражение множественности, вытеснив правильную форму, которая сохраняется в чешск. *bratři* (в то время как чешск. *bratří* отражает **brat-rьja* — через др.-чешск. *bratřie*), укр. *браmú*. Особенное распространение в роли множественного числа получила в славянских языках диссимилированная форма от *bratrьja*: русск. *бра́тья*, польск. *bracia*, болг. *бра́тя*[340]. Употребление **brat(r)ьja* как формы множественного числа наложило на него соответствующий характерный отпечаток, хотя в этом отношении колебания отмечались вплоть до недавнего времени. Ср. в польском языке, в речи современников — Ю. Словацкого и А. Мицкевича: «Tylko słowiki kowieńskiej dąbrowy Z *bracią* swoimi z Zapuszczańskiej góry...» (*А. Мицкевич.* Конрад Валленрод. Вступление); «...Poetów wszystkich mi uczyni *braćmi*, Wszystkich, — oprócz tych tylko, których zaćmi». (*Ю. Словацкий.* Бениовский.). В первом случае представлено более архаичное употребление *bracią*, тв. п. ед. ч. ж. р. от собирательного *bracia*, и согласование по смыслу: *bracią swoimi*. Во втором случае отражено уже более новое употребление, без смешения форм: *braćmi* (мн. ч.) от *bracia* (мн. ч.).

---

[335] *Н. В. Державин.* Заметка о болгарском говоре с. Терновки, Мелитопольского у. Таврической губ. // ИОРЯС. Т. 10. Кн. 1. 1905. С. 143.

[336] *F. Kluge.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 11. Aufl. S. 85.

[337] *Гл. Елезовић.* Речник косовско-метохиског дијалекта, св. I. Београд, 1932. С. 28.

[338] Труды Московской диалектологической комиссии. Ярославская губерния. Обраб. П. В. Васильев // РФВ. 1912. № 1/2. С. 255.

[339] *J. F. Lohmann.* Das Kollektivum im Slavischen // KZ. Bd. 58. 1931. S. 212.

[340] Ср. Słownik staropolski / Pod red. K. Nitscha, Z. Klemensiewicza, J. Safarewicza, St. Urbańczyka. T. I. Kraków, 1953—1955. S. 145; *J. Karłowicz.* Imiona zbiorowe polskie typu «bracia» // PF. T. I. 1885. S. 121.

Следует отметить, что балтийские языки не сохранили образования, подобного архаическому слав. *bratrьja*. Собирательное литовск. *brolavà* 'братия, братство; несколько братьев, совместно ведущих хозяйство' — позднее местное образование от *brólis* 'брат'.

Прочие славянские названия брата: болг. диал. *нáну* 'старший брат'[341] — того же корня, что разбиравшиеся названия отца, матери, образованные от корня *nan-*, *nen-*. Форма *нану* — звательная по происхождению, собств. *нáно* (запись фонетическая). Такого же характера, например, формы болг. *тéйко*, *чúчо*. Болг. диал. *лáло* 'старший брат'[342].

Сестра

Слав. *sestra*: ст.-слав. **сєстра**, др.-русск. *сестра*, русск. *сестрá*, укр. *сестрá*, белор. *сястрá*, польск. *siostra*, н.-луж. *sostra*, *sotša*, в.-луж. *sotra*, полабск. *séstra*, чешск., словацк. *sestra*, словенск. *séstra*, сербск. *сèстра*, болг. *сестрá*, диал. *сéсра*[343].

Слово широко распространено в славянских языках. Повсюду оно однозначно. Как и подавляющая часть основных славянских терминов родства, слав. *sestra* имеет длинную, индоевропейскую историю. Соответствующая общеиндоевропейская форма со значением 'сестра' столь же широко представлена в индоевропейских языках. Исключением является греческий, где можно говорить лишь о следах индоевропейского названия сестры в *ἔορ*(*ἔωρ*)[344], а также латышский и албанский, причем в греческом сестру обозначает прежний эпитет при имени сестры *ἀδελφή*, собств. 'единоутробная', а в двух последних языках в значении сестры использованы названия матери: латышск. *māsa*, алб. *motrε*[345].

Индоевропейское название сестры является древней основой на *-r*. На формах этого слова в отдельных индоевропейских языках сказалось противопоставление между «сильными» и «слабыми» падежами (им. п. ед. ч. — кос-

[341] *И. К. Бунина.* Словарь говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 5. М., 1954. С. 37; ср. *Она же.* Лексический состав говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 3. М., 1953. С. 48.

[342] *Д. Маринов.* Думи и фрази из Западна България // СбНУ. Кн. XII. 1895. С. 295.

[343] *Ст. Стойков.* Българска диалектология. С. 71.

[344] *O. Schrader.* Reallexikon. P. 751.

[345] Обозрение индоевропейских названий, родственных слав. *sestra*, см. *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 533; *Ernout—Meillet.* T. II. P. 1125; *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 415, 459; *R. Trautmann.* BSW. P. 258.

венные падежи ед. ч.), характерное в общем и для других индоевропейских основ на *-r*[346]. В этом основная причина различного оформления названий сестры, например, в литовском и славянском. Если для балто-славянского предполагается общая парадигма **sẽsuo*, **sẽseres*, **sẽserį*, **sẽserimi*[347], то уже в славянском наблюдается только слабая падежная форма (**sesr-* > **sestr-*), распространенная на всю парадигму, с одновременным переводом из основ на *-r* в *a*-основу (*sestrā*), в то время как литовский сохранил в основном архаическую согласную флексию (*sesuõ*, род. п. ед. ч. *seser̃s*)[348].

Для славянского был типичным переход *sr* > *str* : *sesr-* > *sestr-*, что сближает славянский с германским. Германское название также развилось из слабой падежной формы и.-е. **su̯esr-*, откуда и в германском образовалась группа *str*: нем. *Schwester* и родственные[349]. Сейчас не считают *t* исконно свойственным индоевропейской форме, как полагал еще Ф. Бопп, считавший, что *t* здесь выпало.

Сравнение родственных форм позволяет предположить для индоевропейского названия сестры начало слова *su̯e-*. Дальнейшее развитие этой особенности, однако, предстает в весьма сложном виде. Имеется в виду целый ряд более или менее древних засвидетельствованных случаев выпадения *u̯* в этой группе, причем природа этого выпадения выяснена недостаточно. Если лат. *soror* продолжает форму с *u̯*: **su̯osor*[350], то менее ясно обстоит дело с литовск. *sesuõ*, слав. *sestra*, которые не сохранили никаких признаков древнего *u̯*[351] и не обнаруживают никаких намеков на условия выпадения этого *u̯*, ср. сохранение группы *su̯e-* в слав. *svekry*. Объяснение Г. Хирта[352], считающего непременным условием исчезновения *u̯* после согласного безударность этого слога, не выдерживает критики, если учесть, что исконно окситонное слав. *svekrý* (русск. диал. *свекрь́і*, санскр. *svaśrú-ḥ*) как раз сохраняет *u̯*(*v*) в безударном слоге, а балто-слав. **sẽsuo* (ударение на корне, ср. и.-е.

---

346 См. *A. Leskien.* Spuren der stammabstufenden Deklination im Slavischen und Litauischen // AfslPh. Bd. 3. 1879. S. 111.

347 *J. Kuryłowicz.* L'accentuation. P. 203—204.

348 *F. Specht.* Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. S. 253; *J. M. Kořínek.* Od indoeurópskeho prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948. S. 56. Литовск. диал. *sesuñg* (им. п. ед. ч.) образовано по аналогии им. п. ед. ч. на *-ung-* от основ на *-ōn* — и ни о чем большем эта форма не дает основания судить, как, например, считал Видеман (*O. Wiedemann.* Zu den litauischen Auslautsgesetzen // KZ. Bd. 32. 1891. S. 112).

349 *F. Kluge.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. S. 3; *Э. Прокош.* Сравнительная грамматика германских языков. С. 80.

350 Ср. *K. Brugmann.* KVGr. P. 106.

351 *W. Vondrák.* Bd. I. S. 284; *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. I. S. 65; *Ernout—Meillet.* T. II. P. 1125. Др.-прусск. *swestra* отражает влияние нем. *Schwester*, см. *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 533.

352 *H. Hirt.* Kleine grammatische Beiträge // IF. Bd. 12. 1901. S. 199.

**suésor*, санскр. *svásar*[353]), при более поздних местных литовск. *sesuõ*, слав. *sestrá* (русск. *сестрá*) с наконечным ударением, напротив, утратило *u̯*(*v*) без следа. Следует, с одной стороны, принять во внимание точку зрения, допускающую для древней балто-славянской эпохи чередование форм с *u̯* и без и после согласного[354], с другой — важно мнение ван Виндекенса[355], который в тохарск. А *ṣar*, В *ṣer*, восходящих к общетохарск. **ṣesär*, а равно и в слав. *sestra*, литовск. *sesuõ* видит индоевропейские формы с *s*, упрощеные из форм с *su̯*. Интересны примеры выпадения *v* в начальной группе *sv-*, отмечаемые польскими диалектологами как типичные для ряда кашубских диалектов. Кашубский вообще сохранил немало архаичных особенностей. Примеры: *sinčą* < *svinčą* 'поросенок', название местности *Sjanowo* < **Swianowo*, *sjat* < *svjat*[356]. Вполне допустимо видеть тут остатки явления, существовавшего уже в балто-славянскую эпоху, ср. литовск. *sesuõ* (< **su̯e-*), **šẽšuras* (< **su̯e-*).

Таким образом, мы приходим к индоевропейской форме **su̯ésor* 'сестра'. Этимологией этого слова занимались многие исследователи. А. Вебер толкует *svasar*, *svastar* < *su-astar*, от корня *as* (*es-*. — *O. T.*) 'быть', т. е. 'дружелюбная' или — каузативно — 'создающая благополучие, заботливая'[357]. Ф. Бопп: санскр. *svásar* < *svástār* и *strī́* 'женщина', со значением 'родственная женщина'[358]. К. Бругман: *su̯e-sōr* к и.-е. **su̯e-*, местоименный корень[359]. Последнее объяснение существенно дополняется А. Мейе[360]: и.-е. **su̯esor* 'сестра' из **su̯e-* и того *sor-*, которое характеризует древние женские образования — числительные санскр. *ti-sráḥ*, *cáta-sraḥ* 'три, четыре', ср. далее — лат. *uxor* (**uk-sor*) 'супруга'. Это мнение в дальнейшем специально развивается и обосновывается Э. Бенвенистом[361], который указывает и.-е. **sōr*

---

353 *J. Kuryłowicz.* L'accentuation. P. 203—204.

354 *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. I. S. 65. Вероятно, это обстоятельство проливает свет на еще не выясненные связи в отдельных случаях (ср. ниже о литовск. *sẽnas* (*se-*) 'стсрый', слав. **svento-* (*sve-*) 'святой').

355 *A. J. van Windekens.* Le témoignage du tokharien pour une alternance indoeuropéenne *sw* : *s*, *w* à l'initiale des mots // BSL. T. 41. 1941. P. 203—207; ср. *Он же.* Notes tokhariennes // AO. Vol. 18. 1950. P. 521—522.

356 Ср. Północnopolskie teksty gwarowe / Pod red. K. Nitscha. Kraków, 1955. S. 21, сноска 2.

357 *A. Weber.* Svasri Schwester // KZ. Bd. 5. 1856. S. 235.

358 *Bopp.* Vergleichende Grammatik. 1. Aufl. S. 1134. Цит. по *B. Delbrück.* S. 385.

359 *K. Brugmann.* Zur Geschichte der stammabstufenden Deklinationen // Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. Bd. 9. H. 2. Leipzig, 1876. S. 394.

360 *A. Meillet.* Essai de chronologie des langues indoeuropéennes // BSL. T. 32. 1931. P. 8—9.

361 *É. Benveniste.* Un nom indoeuropéen de la «femme» // BSL. T. 35. 1934. P. 104—106; *Он же.* BSL, procès-verbaux: séance du 4 mars 1950. T. 46. 1950. P. XXI.

женщина, помимо **su̯e-sor*, в греч. *ὄαρ* < **o-sr̥*, авест. *hairišī*, где он наблюдает чередование **sōr* : **sr*. Бенвенист специально возражает против толкования Р. Мерингера[362], который относит это **sōr* к и.-е. **ser-* 'объединяет, соединяет'. Этимология Мейе и Бенвениста в последнее время подвергнута обстоятельной критике М. Майрхофером[363], который ставит под вопрос реальность и.-е. **sor* 'женщина'. Довольно убедительно, вслед за Пизани[364], Майрхофер по аналогии с названием сестер и братьев 'единокровными' видит в **su̯esor* сложение **su-esor* 'своей крови', где **esor* : **esr* 'кровь', ср. санскр. *ásr̥k*, греч. *ἔαρ*, хеттск. *ešḫar* то же[365].

Нетрудно заметить, что все эти этимологии объединены стремлением видеть в **su̯esor* сложение из двух компонентов[366]. Относительно первого компонента почти все авторы сходятся к одному толкованию: **su̯(e)-* 'свой'. Пестрота отличает как раз толкования второго компонента, что невольно настораживает при их использовании. Возможно, что это также свидетельствует об их субъективности. Наиболее достоверно выделение в и.-е. **su̯esor* местоименного **su̯e*, что опирается, помимо чисто этимологических доводов, на факты широкого использования этого **su̯e-* именно в терминах родства, ср. ст.-слав. **свесть** 'золовка, сестра мужа', **свекры** 'свекровь, мать мужа'. Любопытно, что рассуждающий аналогичным образом Ф. Мецгер видит в **su̯esor* образование **su̯e-s-or*[367]. Правда, при этом остается неясным, можем ли мы видеть в *su̯es-* частичную редупликацию местоименного корня. Ср. наблюдения О. Шрадера[368], выделяющего *su̯e-*, кроме **su̯esor* — термина кровного родства, — еще в древнейших обозначениях брачного, свойственного родства: лат. *socer*, *socrus*. Внимательное изучение связей **su̯esor* с

---

[362] *R. Meringer.* Wörter und Sachen // IF. Bd. 16. 1904; ср. также *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 533.

[363] *M. Mayrhofer.* Gibt es ein idg. sor 'Frau'? // Studien zur idg. Grundsprache. Wien, 1952. H. 4. S. 32—33.

[364] *V. Pisani.* UXOR—Ricerche di Morfologia Indoeuropea // Miscellanea G. Galbiati. Vol. III (Fontes Ambrosiani. XXVII. Milano, 1951). P. 1 ff. Цит. по *M. Mayrhofer.* Op. cit. P. 32—33.

[365] Еще о нереальности и.-е. **sor* 'женщина' см. *M. Mayrhofer.* Zu ai. strī́ 'Weib' // KZ. Bd. 72. H. 1/2. 1954. S. 118—120, со ссылкой на *Т. Барроу* (Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. T. XXXII. 1952. P. 30).

[366] Между прочим, Ю. Курилович расценивает долготу *ā* в санскр. *svásā* как доказательство производного характера слова, ссылаясь при этом на точку зрения о *svásā* как о старом сложении (*J. Kuryłowicz.* L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956. S. 62).

[367] *F. Mezger.* IE *se-*, *swe* and Derivatives // Word. Vol. 4. 1948. P. 99. Ср. *W. J. Doroszewski.* Monografie słowotwórcze // PF. T. 15. 1931. P. 279.

[368] *O. Schrader.* Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern // IF. Bd. 17. 1904. S. 20.

другими родственными терминами, содержащими **sue-*, позволяет установить, что наличие этого **sue-* 'свой, своя' в названии родственного лица всегда отражает брачный запрет по отношению к данному лицу[369]. Поэтому **suesor*, видимо, являлось обозначением женщин одного брачного класса, связанных, с одной стороны, определенными кровными узами и, с другой стороны, имевших право брачного сожительства с мужчинами соответствующего, мужского брачного класса. Ср. ценное свидетельство осетинского, где *xo/xwœrœ* 'сестра' еще и теперь обозначает 'всех женщин моего рода'[370]. Рассматривать вместе с Бенвенистом[371] и.-е. **suesor* не как равноценный и.-е. **bhrātēr* противоположный женский термин, а как простое обозначение близко родственной женщины, нет оснований. Во всяком случае изложенное объяснение более вероятно.

Таким образом, и в и.-е. **suesor* 'сестра' удается выявить столкновение древней классификаторской системы родственных обозначений и новой, описательной системы (**suesor* = 'кровная сестра по отношению к говорящему), представленной всеми индоевропейскими языками[372].

Из производных от слав. *sestra* в славянских языках отметим прежде всего уменьшительные болг. *селе* 'сестрица', ср. болг. *брале* 'брат, братец'[373], сербск. *séja*, *séka*, ср. литовск. *sejė*, *sesùlė*, *sesùtė* 'сестренка'[374].

Обилие собственно производных от слав. *sestra*, обозначающих различные виды кровного и отчасти сводного родства, столь же замечательно, как и в случае со слав. *brat*(*r*)ъ.

Др.-русск. *сестреница*, *сестрѣница* 'сестра', *сестричичь*, *сестричищъ* 'сын сестры, племянник по сестре', *сестричь* то же, *сестричьна* 'дочь сестры'.

Русск.[375] *сестрéнúца*, *сестрéнница*, *сестрéйка*, *сéстрия* 'двоюродная сестра', *сестренúца*, *сестрúчна* 'дочь сестры', *сестрёнка*, *сестрянка*, *сеструха*,

---

[369] *А. Исаченко.* Указ. соч., в разных местах.

[370] См. *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. 1. С. 62—63.

[371] *E. Benveniste.* BSL. T. 46. 1950. P. XXI.

[372] Указание А. Исаченко (там же) о том, что общие названия кровного брата, кровной сестры образовались сравнительно поздно, следует понимать не как довод в пользу позднего образования индоевропейских корневых морфем **bhrātēr*, **suesor*, а как подтверждение переосмысления — в нашем случае — и.-е. **suesor* (ср. выше о **bhrātēr*).

[373] Памятники болгарского народного творчества. Вып. 1. Словарь. Собрал В. Качановский // Сб. ОРЯС. Т. XXX. 1882. С. 585.

[374] *E. Fraenkel.* Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1923. S. 401; *Он же.* Miszellen // KZ. Bd. 54. 1926. S. 300.

[375] *В. И. Даль.* 4-е изд. Т. III. С. 864; Т. IV. С. 139—140; *М. Светлов.* О говоре жителей Каргопольского края (Олонецк. губ.) // Ж. Ст. Вып. III. 1892. С. 163; *В. Во-*

сестру́шка 'двоюродная или внучатая сестра; падчерица тетки и дяди; дальняя родственница', *сестрина* 'дочь сестры, племянница по сестре', *сестрична*, *сестри́шна* 'двоюродная сестра: дочь тетки, сестры матери или сестры отца', *сестру́хна* 'нянька', *посёстра*, *посёстрина*, *по́сестра* 'подруга, товарка, любовница', *посестре́й* 'названая сестра', *сестрея* 'двоюродная сестра', *па́сестра* 'двоюродная сестра', *двухро́дна сестренница* 'троюродная сестра'.

Укр. *сестрі́нець*, *се́трич* 'племянник, сын сестры', *сестрі́ниця*, *сестри́чна*, *сестрі́нка* 'племянница, дочь сестры', *сестрі́нич* = *сестрі́нець*.

Польск. *siostrzeniec* 'племянник, сын сестры'.

Прибалт.-словинск. *səstr̃āna* 'дочь сестры', *sostr̃ínc* 'сын сестры', *poṷlsəstră* 'двоюродная сестра'. В.-луж. *sotrjenca* 'дочь сестры', *sotrjenc* 'сын сестры'. Чешск. *sestřenec* 'племянник', *sestřenice* 'племянница', диал. *sestřenka* 'племянница'[376].

Словацк. *sesternica*, *sestrenica*, *sesternička* 'племянница, дочь сестры', *sestřenec* 'племянник'.

Словенск. *séstràn* 'племянник, сын сестры', *sestrìč* 'сын сестры', *sestrȋčna* 'дочь тетки, двоюродная сестра', *séstrna*, *séstrnica* 'племянница, дочь сестры', *séstrnec* 'муж сестры, шурин, свояк', *séstrnič*, *séstrnik* 'сын сестры', 'муж сестры'.

Сербск. *се̏стрић*, *сестричић* 'племянник, сын сестры'.

Болг. *се́стреник*, *се́стринец* 'племянник', *се́стриница* 'племянница', *посе́стрима* 'молочная сестра', 'названая сестра'.

Весьма богат аналогичными образованиями литовский язык: *seserẽčia* 'дочь сестры', *seseryčia* то же, *seseriẽtė* то же[377], *seserẽnas* 'сын сестры, племянник'.

Производные от *sestra* в различных языках в большинстве своем объединяются общеславянскими словообразовательными типами. Из них отметим **sestrěnьcь*, ср. польск. *siostrzeniec*, укр. *сестрі́нець* из слав. **sestrěnь*, польск. *siostrzan*. Последнее образование выходит некоторым образом за рамки славянского. Так, Р. Траутман[378] предполагает балто-славянскую форму **seserēna-*, **sesrēna-*, которая объединяла бы вместе с названными славянскими

лоцкой. Словарь ростовского говора (Владимир, губ.) // Сб. ОРЯС. Т. LXXII. Вып. 3. 1902. С. 83; *А. Подвысоцкий*. Словарь архангельского наречия. С. 156; *Карпов*. Сборник амурских слов и выражений. С. 14; *М. В. Ушаков*. Описание говора местечка Мглина Гомельской губ. и его окрестностей // Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка АН СССР. Вып. 9. Л., 1927. С. 155; *В. Богораз*. Областной словарь колымского русского наречия. С. 43.

[376] *Q. Hodura*. Op. cit. S. 69.

[377] *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 351, 357.

[378] *R. Trautmann*. BSW. P. 258.

формами литовск. *seserė̃nas*. Вместе с тем вполне вероятно, что это аналогичные образования из родственных морфем, не обязательно предполагающие общую исходную балто-славянскую форму. Точно так же, несмотря на полное фонетико-морфологическое совпадение лат. *sobrinus*, *consobrinus* (< **s^{u}esrīnos*) 'двоюродный брат, кузен' с литовск. *seserynas* то же, Б. Дельбрюк[379] считает возможным самостоятельное развитие последнего.

Прочие славянские названия сестры: болг. *ня́ня* 'старшая сестра', русск. диал. *ня́ня* 'старшая сестра', *ня́нюшка*, *ня́нька* то же: «Няня дома, а тятька с мамой ушли»[380]. Представляется возможным объединить это слово с другими родственными терминами славян, обозначаемыми корнем *nan-/n'an'-*: луж. *nan* 'отец', укр. *не́нька* 'мать', болг. диал. *на́ну* 'старший брат'. Корень получил чрезвычайно широкое распространение среди имен родства[381]. Семантика его очень богата. Помимо разнообразных терминов родства, которые он образует, назовем еще русск. *ня́ня* ж. р. 'кормилица', диал. м. р. 'друг, товарищ': «Няню моего в походе ранили в это место в грудь»[382]. Любопытно выделить также значение 'грудной сосок', встречающееся у этого слова в различных славянских диалектах. Я. Калима[383] видит в русск. *ня́ня*, *ня́ни* 'грудной сосок' заимствование из финских языков, что сомнительно, так как такое же значение имеет болг. *ня́нка*. Палатализация в формах *n'an'-* носит экспрессивный характер.

Болг. *ка́ка* 'старшая сестра' толкуют как слово «детского лепета»[384], упуская из виду некоторые родственные слова (подробнее — ниже).

Русск. диал. *чика* '(двоюродная) сестра'[385] Я. Калима называет в числе заимствований из западнофинских языков[386].

Болг. *до́да*[387], также *дада*, *деда*, *дедя*, *цеца* 'старшая сестра'.

---

[379] *B. Delbrück.* S. 511, сноска 1.

[380] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. С. 146; *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. С. 66; *В. Богораз.* Областной словарь колымского русского наречия. С. 92; *М. А. Караулов.* Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков // Сб. ОРЯС. Т. LXX. 1902. С. 83—84; *М. К. Рамзевич.* К изучению народной речи в Сибири // РФВ. 1914. № 1. С. 31 (педагогический отдел).

[381] Ср. выше о простых его формах в других индоевропейских языках в той же роли, например, хеттск. *annaš* 'мать'.

[382] *М. А. Караулов.* Указ. соч. С. 83—84.

[383] *J. Kalima.* Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. S. 174.

[384] *Ст. Младенов.* ЕПР. С. 227.

[385] *М. А. Колосов.* Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия // Сб. ОРЯС. Т. XVII. Вып. 3. 1877. С. 132.

[386] *J. Kalima.* Op. cit. S. 259.

[387] *Н. Геров.* Т. 1. С. 313; см. также СбНУ. Кн. IV. 1891. С. 193 (Приказки фантастични и смешни); Кн. V. 1891. С. 221 (Думи и форми от говорите в Видин,

Способ обозначения неродной, сводной сестры соответствует прочим знакомым нам терминам сводного родства: ср. укр. *посéстра*, латышск. *pamāsa* 'сводная сестра' с префиксом *pa-* от *māsa* 'сестра' [388].

Дед

Общеиндоевропейское название деда не определено [389]. О его природе говорит характер образования этого термина в отдельных индоевропейских языках, называющих деда 'отцом отца', 'отцом матери', 'старым', 'большим', 'лучшим' отцом [390]. Такое называние очень знаменательно, и по нему можно судить о позднем образовании данного специального термина. В сущности во всех случаях название деда оказывается названием отца, в большинстве их это не вызывает сомнения, в немногих — составляет этимологическую вероятность. Случаи первого рода — образования типа франц. *grand-père* 'большой отец', — будучи поздними, вместе с тем представляют косвенное свидетельство о весьма древнем состоянии. Кроме определений 'большой' и т. п., несущих чисто модификационную нагрузку, это все те же названия отца [391]. Последнее обстоятельство отражает воззрения эпохи родового строя, когда при классификаторской системе родства отец моего отца считался и моим отцом.

Своеобразие славянских языков заключается в том, что в отличие, например, от германского, образовавшего названия деда описательным путем ('большой отец', 'лучший отец'), славянский имеет для деда простое название, об этимологической близости которого к одному из названий отца можно судить лишь с большей или меньшей степенью вероятности.

Таким словом, представленным во всех славянских языках, является *dědъ*: ст.-слав. **дѣдъ**, др.-русск. *дѣдъ*, русск. *дед*, укр. *дід*, *дьідо* 'дед', 'муж тетки' [392], белор. *дзед*, польск. *dziad* 'дед', 'нищий', *dziadek* 'дед, дедушка',

---

Братца, Царибродско и пр.); *Д. Матов.* Към българския речник // СбНУ. Кн. VII. № 892. С. 462.

[388] *И. М. Эндзелин.* Латышские предлоги. Ч. 1. С. 149.

[389] Ср. *B. Delbrück.* S. 483.

[390] См. *C. D. Buck.* S. 109.

[391] Совершенно аналогично наблюдение А. Исаченко о названиях двоюродных братьев и сестер чешск. *bratřenec*, *sestřenec* и родственные, которые являются, собственно, названиями родных братьев, сестер, что идет от общих обозначений братьев и кузенов в древнем роде.

[392] *J. Werchratskij.* Über die Mundart der galizischen Lemken // AfslPh. Bd. 15. 1892. S. 47.

также *dziadko = stryj, wuj* 'дядя', кашуб. *ʒôd*, н.-луж. *źěd*, в.-луж. *dźěd*, чешск. *děd*, диал. *dědeček*, *děda*[393], словацк. *dedo*, диал. *ʒado*[394], словенск. *dẹ̑d*, др.-сербск. *дѣдь*, сербск. *дjёд*, *ђед*, болг. *дя́до*, диал. *деда̀* 'тесть, дед'[395].

Слав. *dědъ* может восходить к индоевропейской форме **dhēdh-*[396], которую в свою очередь продолжают некоторые греческие родственные обозначения: *θεῖος* (< **θήιος*) 'дядя', *τηθη* (диссимилировано из **θηθη*) 'тетя', гомеровское *ἠθεῖε* 'обращение младшего брата к старшему', по свидетельству Фриниха, правильно следует называть бабку (*πατρὸς ἢ μητρος μητέρα*) — *τήθη*, как называли древние[397]. Последнее значение наиболее близко к слав. *dědъ* 'дед'. Сюда же относится греч. *τηθὶς* 'тетка'. Все эти слова, как отмечает Дельбрюк, являются почтительными обращениями к старшим родственникам. Значение 'дед' для **dhēdh-*, слав. *dědъ* не представляется исконным. Вост.-слав. *дя́дя* 'брат отца, матери', родственное слав. *dědъ*[398], ср. польск. диал. *dziadko* 'stryj, wyj', уже совпадающее фонетически с *dziad*, *dědъ* 'дед', относится к названию деда, как греч. *θεῖος*, 'дядя' — к *τήθη* 'бабка'. От **dhēdh-* 'дед, бабка, общее обращение к старшим' идут смысловые нити к значению 'брат отца', а вместе с тем и к названию отца (ср. фонетическую близость *tat*, *tet* : *dad*, *ded*). Известны, кроме того, и другие случаи этимологического родства названий отца и отцовского дяди: и.-е. **pətēr* 'отец': **pətrui̯os*, слав. *stryjь* 'дядя по отцу'.

В литературе слав. *dědъ* обычно толкуется как слово «детской речи»[399].

В балтийском достоверные соответствия слав. *dědъ* отсутствуют, поскольку литовск. *dėdė* 'дядя' и *dĩėdas* 'дед' заимствованы из восточнославянского[400]. Р. Траутман, однако, предполагает древнее балто-слав. **dēda-*, лежащее в основе балтийских и славянских слов. Этимология литовск. *dĩėdas* : *dìdis* 'большой'[401] неубедительна.

---

[393] *Q. Hodura.* Op. cit. S. 89.

[394] *F. Buffa.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953. S. 146.

[395] *Ст. Стойков.* Христоматия по българска диалектология. София, 1950. S. 86.

[396] *K. Brugmann.* KVGr. S. 74; *W. Vondrák.* Bd. I. S. 56.

[397] *B. Delbrück.* S. 468—469.

[398] Ср. выше об отношениях *teta* : *tăta* : слав. *tāta* (последнее с экспрессивным удлинением в славянском *ă* > *a*).

[399] *E. Berneker.* Bd. I. S. 191; *А. Преображенский.* Т. I. С. 207; *R. Trautmann.* BSW. P. 47; *E. Sławski.* S. 189; *Holub—Kopečný.* S. 97—98; *M. Vasmer.* Bd. I. S. 335. К фонетической истории слав. *dědъ* см. еще *N. van Wijk.* Zur serbokroatischen Entwicklung des slavischen Vokals *ě* // ZfslPh. Bd. 14. 1937. S. 9—10.

[400] Ср., впрочем, мнение об исконном родстве славянских слов с латышск. *dẹ̀ds* 'старик', диал. *dẽds* 'чучело', *dẽdêt* 'чахнуть': *K. Mülenbach.* I sējums. S. 461.

[401] *П. А. Лавровский.* Указ. соч. С. 32—33; см. также *Р. Брандт.* Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича // РФВ. Т. XXI. 1889. С. 218—219.

Отметим также редкую форму, отражающую древнее **dād* с экспрессивным удлинением гласного, но не затронутую экспрессивной палатализацией, в польск. диал. *då^{u}dek*, *då^{u}da*, *dådek* 'дед, дедушка' [402], которое соответствует русск. *дядя* до палатализации [403].

Дальнейшая восходящая степень родства обозначается в славянском большей частью сложением *dědъ* с префиксом *pra-* < и.-е. **pro-* 'перед': о.-слав. *pradědъ*, ср. литовск. *pro-senoliai* мн. ч. 'предки', лат. *pro-avus*, ст.-слав. **прадѣдъ**, др.-русск. *прадѣдъ*, русск. *прáдед*, укр. *прáдiд*, польск. *pradziad*, чешск. *praděd*, словенск. *prádẹd*, сербск. *прȁдед*, *прȁдjед*, *прȁђед*, болг. *прáдядо*. Известные в сербском языке аналогичные обозначения с *pra-* также для побочных линий родства (ср. *prastric*, *prastrina*, *pratetka*, *praujak*, *praujna*) могут считаться вторичными образованиями [404]. Образование с *prě-* с тем же значением: ст.-слав. **прѣдѣдъ**, др.-сербск. *прѣдѣдъ* [405]. Местные образования по отдельным языкам: польск. *zadziad*, *naddziad*, *przeddziad*, сербск. диал. *пȁрадед*, *прȁндед* 'прадед'; последнее, очевидно, — из *прадед* под влиянием употребительного сербск. *чу-кун-дед*. Следующие термины восходящего родства образуются нанизыванием префикса, ср. русск. *прапрадед*, но практически они употребляются редко. Особые обозначения прапрадеда имеет сербский язык: помимо *прапрађед*, — *чу̏кундед*, *шукунђед*, *шикунђед*, *шакунђед*. Эти слова представляют в своей первой части заимствование из романского источника, ср. лат. *secundus* и структуру ит. *bisavo* 'прадед' [406].

К тому же источнику, в конечном счете, восходит болг. диал. *кучу̀н дедо*, содержащее метатезу согласных [407].

Дальнейшие производные от *dědъ*: др.-русск. *дѣдьньство*, *дѣденьство* 'право на дедовское наследие', *дѣдина*, *дѣдѣна* 'дедовское владение, наследие; дедовский обычай, закон', *дѣдичь* 'наследник', *дѣдичьна* 'наследница', *дѣдичьство* 'дедовское наследство'; польск. *dziedzina* 'область, отрасль',

---

[402] *W. Tomaszewski.* Mowa t. zw. Mazurów wileńskich // Slavia Occidentalis. T. 14, 35, S. 106; *K. Nitsch.* Wybór pism polonistycznych. T. II. 1955. S. 16.

[403] Сюда же мы отнесем сербск. диал. *дȁда*, ж. р., 'мать', 'пожилая женщина' (см. *Гл. Елезовић.* Речник косовско-метохиског дијалекта, св. I. Београд, 1932. С. 120).

[404] Близкие польск. *przeciotka* 'сестра прадеда', *przestryjec* 'брат моего прадеда по отцу' представляют собой относительно поздние префиксальные именные сложения, звевидетельствованные с XVI в. (см. *M. Karaś.* Nazwy miejscowe typu *Podgóra*, *Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955. S. 83, 89).

[405] По сути дела, обе формы являются древнесербскими с типичным смешением *ě* и *a*. О формах с *прѣ-* вместо *пра-* см. *A. Meillet.* Études. P. 116.

[406] *K. Štrekelj.* Beiträge zur slavischen Fremdwörterkunde. I // AfslPh. Bd. 12. 1890. S. 457; *P. Skok.* Nachtrag zu skr. cijeć // ZfslPh. Bd. 9. 1932. S. 139.

[407] *Георги поп Иванов.* Орханийският говор // СбНУ. Кн. XXXVIII. 1930. С. 121.

dziedzic 'помещик', диал. *dziadowizna* 'наследство после деда', чешск. диал. *dědina* 'деревня'[408], *dědit*: *dědí ti to* 'jde ti to k duchu'[409], словенск. *dệdič* 'наследник', *dédina* 'наследие, наследное владение'. Как совершенно очевидно явствует из структуры этих слов, все они первоначально представляли собой различные производные со значениями притяжательности: 'дедово (владение)', 'дедов', 'потомок деда'[410]. Затем довольно широко за ними закрепились значения наследования, местами — еще более узкие (ср. польск. *dziedzic* 'помещик, землевладелец'), даже весьма далекие от исходного значения, как чешск. диал. *dědit* 'идти, быть к лицу', отвлеченное.

Польск. диал. *kåk* 'дед'[411], возможно, родственно болг. *кáка* 'старшая сестра', греч. *ἄκκα*, 'Ακκώ (имя собственное), лат. *Acca Larentia*, др.-инд. *akkā* 'мать'[412]. Сюда же, видимо, относятся «Lallnamen», упоминаемые П. Кречмером: Κάκκας, Ἄκκα (в Малой Азии)[413]. В фонетическом отношении слав. **kāk-* : **ăkka* = слав. *tāta* : и.-е. **ătta*. Б. Дельбрюк[414] считает болг. *кáка* возможным заимствованием, что едва ли обосновано, поскольку им не был учтен весь родственный материал, ср. близкое польск. *kåk* 'дед' на другом конце славянской территории. В семантическом отношении *kåk* 'дед' так относится к *кáка* 'старшая сестра', как *dědъ* 'дед' к болг. *дéдя* тоже 'старшая сестра'.

Прибалт.-словинск. *γrå̂u̯tk*, *γrөu̯tk* 'дед' по-видимому, заимствовано из нижненемецких диалектов, где *grot* соответствует в.-нем. (литер.) *groß*, *Groß(vater)* и является, таким образом, вариантом к кашуб., польск. диал. *grósk*, *grosek*, которое получено из верхненемецкого варианта.

Помимо названий деда, не отличающихся этимологической прозрачностью, в славянских языках встречаются формы, произведенные от названия

---

408 *F. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906. S. 55.

409 *Q. Hodura.* Op. cit. S. 45.

410 См. специально, с этнографическими подробностями: *K. Moszyński.* Uwagi do 2. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego // JP. T. XXXIII. 1953. S. 359 ff.

411 *K. Nitsch.* Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929. S. 151.

412 *C. Uhlenbeck.* S. 1; M. Mayrhofer (*M. Mayrhofer.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953. S. 15) склонен объяснять *akkā* заимствованием из дравидийского.

413 *P. Kretschmer.* Einleitung. S. 351. Нам кажется, что от образований вроде Κάκκας нельзя отрывать ионийское *κοκκύας* 'предок', *κουκᾶ · πάππων* (Гесихий), которые могут быть объяснены редупликацией, подобно слав. *kaka*. Ср. иначе у М. Грошеля (*M. Grošelj.* Notes d'étymologie grecque // Razprave. Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. II. Ljubljana, 1956. S. 42), который видит в них образования, родственные *γυγαί · πάπποι*, хеттск. *huhhaš*, лат. *avus*, слав. *ujъ*.

414 *B. Delbrück.* S. 465.

отца: русск. диал. *бáтинька* 'дед'[415], *старый тятя* 'дедушка'[416], ср. образования типа франц. *grand-père* в других индоевропейских языках. Ср. также литовск. *tėvõkas*, *tėvùkas* 'дед, отец отца'[417], собственно суффиксальные производные от *tė̃vas* 'отец'; старое литовск. *tewas senaszis*, *motina senoy*[418], собств. 'старый отец', 'старая мать'.

Бабка

Слав. *baba*: др.-русск. *баба* 'женщина замужняя', 'мать отца или матери', 'повивальная бабка', 'ворожея', русск. *бáба*, *бабка*, укр. *бáба* 'баба', 'бабка, бабушка', польск. *baba* 'баба, жена', *babka* 'бабка, бабушка', др.-польск. *babak* 'дед, старик', *baba* 'бабка', 'старуха', 'женщина', *babina*, *babizna* 'наследство после бабки', *babka* = *baba*, полабск. *bába* (*bóba*, *bobó*) 'alte Frau, Wehemutter, Großmutter (von der mütterlichen Seite)', чешск. *baba*, *babička*, словенск. *bába* 'бабка', 'акушерка', сербск. *ба̏ба* 'бабка', 'кормилица', 'баба, жена', 'свекровь', болг. *бáба*.

Главное значение слав. *baba*: 'бабка, мать отца или матери'. Впрочем, слово имеет издавна тенденцию к расширению значения, ср. значение 'баба, жена, замужняя женщина' во всех славянских языках. Отмечаются случаи переноса на неодушевленные предметы, на животных[419], — явление, известное и некоторым другим названиям родства.

Слав. *baba* довольно единодушно толкуется как первоначальное слово «детского лепета»[420], о чем подробно см. заключительный раздел настоящей работы.

Слав. *baba* с долгим *ā* в корне может продолжать и.-е. **b(h)ăb(h)-*, распространенную корневую морфему, отличающуюся некоторыми характерными особенностями, уже известными нам из анализа **tăta*, **măma*, **nan-*: греч. *ἀπφά*, *ἄπφα*, *ἀπφάριον* ласковое обращение к братьям, сестрам, влюбленным, *ἀπφῦς* 'папа' < *abhbha*; ит. *babbo* 'отец', кимр. *baban* 'дитя', англ. *baby* 'дитя',

---

[415] *И. Солосин.* Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре Ахтубинских сел Царевского уезда // РФВ. 1910. № 1. С. 128.

[416] *Н. Васильев.* Свод материалов по Нижегородской губернии (Труды Московской диалектологической комиссии) // РФВ. 1910. № 3/4. С. 276.

[417] *P. Skardžius.* Op. cit. S. 133, 137.

[418] Цит. по *B. Delbrück.* S. 402.

[419] *J. F. Hruška.* Dialektický slovník chodský. Praha, 1907. S. 11: baba — stará *hus*.

[420] *E. Berneker.* Bd. I. S. 36; *A. Meillet.* Études. P. 247; *R. Trautmann.* BSW. S. 23; *А. Преображенский.* Т. 1. С. 10; *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 9; *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 34; *F. Sławski.* S. 24; *Ст. Младенов.* ЕПР. С. 12.

шведск. диал. *babbe* 'дитя, маленький мальчик', ср.-в.-нем. *bābe*, *bōbe* 'старуха, мать', *buobe* 'мальчик, слуга', литовск. *bóba* 'баба'[421]. Отношения **bhabha* : **abhbha* можно сопоставить, помимо **n-an-* **m-am-*, также с и.-е. **bhombh-* : **ombh-* в литовск. *bámba* 'пуп' (слав. **pǫpъ*): лат. *umbilicus*, греч. *ὀμφαλός* то же. Следует также обратить внимание на такие особенности, как употребление одной морфемы для обозначения родственников как по нисходящей линии (названия ребенка, мальчика, англ. *baby*, нем. *Bube*), так и по восходящей (слав. *baba*). Изучение действительных связей и особенностей подобных слов может дать больше, чем принятие постулата о происхождении их из «детского лепета».

В русском языке популярна производная форма *бáбушка*[422]. Выражение возрастающих степеней родства аналогично тому, что известно для деда: русск. *прабáбушка*, словенск. *prábába*, сербск. *пра̏баба*, болг. *прáбаба*; сербск. *чу̀кумбаба*, *шукунбаба*; н.-луж. *staromaś*; ср. еще польск. *nadbaba*, *przedbaba*.

Любопытно значение производной восточноляшской формы *pobaba* ж. р. 'взаимопомощь соседей при различных работах': *śedlocy byľi na pobab'e*[423].

Слав. **pra-sk(j)urъ* 'прапрадед, родоначальник'.

Ст.-слав. **праштоуръ** 'pronepotis filius', **праштүрѧ** 'pronepotis filius', др.-русск. *пращуръ*, *прашюръ* 'прапрадед', 'праправнук', др.-польск. *praskurzę*, *praszczur* 'праправнук'.

Два прямо противоположных значения у одного и того же слова в отдельных славянских языках — весьма интересный факт. Слав. *pra-sk(j)urъ* обозначает как самую дальнюю степень родства по восходящей линии ('прапрадед'), так и самую дальнюю степень родства по нисходящей линии ('праправнук'). Естественно, что одно из двух значений — результат вторичного переноса, на что давно и вполне справедливо указывали исследователи, считая, что исконно здесь значение 'прапрадед'[424]. Этимология слова подтверждает старое мнение: Э. Бернекер[425] видит в слове тот же корень, что и в греч. *ἑ-κυρός*, санскр. *śvá-śuras*, и.-е. **su̯e-k̂uros*, только с *k* велярным: **(s)keur-*, **(s)kur-*. Группа *-sk-* налицо во всех славянских примерах[426]. Этим

---

[421] *W. Prellwitz.* Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892. S. 28; *A. Zimmermann.* Lateinische Kinderworte, als Verwandtschaftsbezeichnungen // KZ. Bd. 50. 1922. S. 150; *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 105—106.

[422] О фонетическом изменении *бáбушка* > *бáушка* в диалектах, см. *А. И. Соболевский.* Благозвучие в жизни языка // РФВ. Т. LXVII. 1913.

[423] *A. Kellner.* Východolašská nářečí. Brno, 1949. S. 249—250.

[424] *П. А. Лавровский.* Указ. соч. С. 35.

[425] *E. Berneker.* Von der Vertretung des idg. *ĕu* im balt.-slav. Sprachzweig // IF. Bd. 10. 1899. S. 155.

[426] Сюда же совр. болг. диал. *ôштур* 'род, происхождение' (см. Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956. С. 80).

объясняется, например, исконное русское *щ* (< **skj*) в др.-русск. *працуръ*, *пращюръ*[427]. Необходимость в предположении *s*(*k*) с *s* подвижным возникает только при объяснении славянского слова на индоевропейском сравнительном материале, за пределами славянского. Обычно привлекается литовск. *prakurẽjas* 'прародитель'[428]. Ср., далее, греч. *κῦρος* 'сила, власть', *κύριος* 'господин', др.-ирл. *caur*, *cur* 'герой', санскр. *çávīra-s* 'могучий', *çūras* 'сильный, герой'[429]. Вариант слав. **skur-* (без *j*) представлен в др.-польск. *praskurzę*. Возможно, здесь существовало отношение чередования **skour-* : **skeur-*, ср., напр., русск. *гнус*: диал. *гнюс* с *ju* из *eu*[430].

Внук

Между названиями противоположных степеней родства, в частности — названиями деда и внука, существуют различные смысловые и формальные связи[431]. Значение 'внук', вполне вероятно, не отличается большой древностью и сложилось уже после смены классификаторской системы описательной системой родства. Действительно, 'внук' описан в своем отношении к деду, в то время как в более древнее время, при родовом строе, в таком термине не было надобности, поскольку внук мог считаться таким же 'сыном' деда, как и реальный сын последнего. Таким образом, 'внук' и 'дед' в собственном смысле слова — сравнительно поздние термины. Тем не менее, оба названия могли быть образованы из древних морфем. Это относится также и к слав. *vъnukъ*: ст.-слав. **вънѹка** 'ἐκγόνη, nepotis', **вънѹкъ** 'ἔκγονος, nepos', др.-русск. *вънука*, *вънукъ*, *унукъ*, русск. *внук*, диал. *мнук*, *мнучонок*[432], укр. *ону́к*, *ону́чка*,

---

[427] Русск. *чур* сюда не имеет отношения: Г. А. Ильинский, изучая его употребление, возводит к **keur-* 'резать, протыкать', русск. *черта*. Мифологическое толкование, а также связь с *пращур* он отрицает (*G. Il'inskij*. Čur : un faux dieu // RÉS. T. 8. 1928. P. 241—242).

[428] *F. Miklosich*. S. 344; *E. Berneker*. Von der Vertretung... S. 155. Следует в дальнейшем учесть поправку К. Буги (*K. Būga*. Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno. Вильнюсский университет. Отдел рукописей: «Вместо лит. **prakurẽjas* 'предок' следует писать *prakūrẽjas*... Основным значением слова... было 'основатель', ср. *pràkariu*...»).

[429] *W. Prellwitz*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. S. 169.

[430] Другие предположения относительно этимологии слав. **skjurъ*, *prask(j)urъ* см. у П. А. Лавровского (Указ. соч.), который высказывает различные догадки о связи *щур* с названиями кузнечика в старославянском, крысы в польском (*szczur*), на которых якобы название предка было перенесено в силу мифологических воззрений.

[431] Ср. *C. D. Buck*. S. 95.

[432] *В. И. Даль*. Т. II. 4-е изд. С. 871.

староукр. *внучка*[433], белор. *уну́к*, польск. *wnuk*, др.-польск. *wnęk*, *wnęczka*, н.-луж. *wnuk*, чешск. *vnuk*, диал. *vňuk*, *vňučka*[434], словенск. *vnúčad* собир. 'внуки, потомки', *vnúk* 'внук', *vnúka*, *vnúkinja* 'внучка', др.-сербск. *вьноукь* 'nepos', сербск. *у̀нук*, болг. *внук* 'внук', диал. 'племянник', *вну́ка*, *вну́чка*.

Сколько-нибудь серьезных отклонений от общеславянской формы в славянских языках нет, если не считать поздних, местных фонетических изменений: польск. диал. *gnuk*[435], упомянутое русск. диал. *мнук*, сербск. диал. *mlȍk*[436]. Каждая отдельная форма правильно продолжает слав. **vъnukъ*. Польск. *wnęk* с носовым гласным не отражает большой древности, как полагали отдельные исследователи, а скорее представляет случай поздней местной польской назализации *wnęk* < *wnuk*[437], ср. известные польск. *między* < слав. **medj-*, русск. *между*, *меж*, *tęsknić* < слав. *tъsk-*, русск. *тоска*, *тосковать*.

Ъ в начале слав. **vъnukъ* оказался в слабой позиции и был рано утрачен, вследствие чего *v-* очутился перед согласным и, вероятно, в отдельных языках приобрел в таком положении билабиальный характер [*w*], близкий к гласному *u*. Отсюда форма *у̀нук* в сербском[438]. Примерно такого же результата можно было ждать в украинском, где, например, предлог и приставка *в-* перед согласными дает *у*. Переход *ону́к* < **уну́к* осуществился, возможно, путем диссимиляции. Г. А. Ильинский[439] считает возможным видеть в укр. *о* прямой рефлекс и.-е. *ă*, ср. др.-в.-нем. *ano* и родственные — параллельно с **vъnukъ*.

Что касается более древней истории слав. **vъnukъ*, несомненно, что согласный *v-* носил протетический характер и появился уже в славянскую эпоху перед ъ, который не мог стоять в абсолютном начале славянского слова. Этот ъ представляет ступень редукции и.-е. **ă*. Таким образом, слав. **ъn* (без суффикса *-ukъ*) < и.-е. **ăn-*[440], хотя вполне возможно наличие промежуточной

---

[433] *Е. Тимченко.* Історичний словник українського язика. Т. I. Харьков—Киев, 1930. С. 278.

[434] *Q. Hodura.* Nářečí litomyšlské. S. 69.

[435] *K. Nitsch.* Wnuk // JP. T. IX. 1924. P. 89—92.

[436] См. AfslPh. Bd. 29. 1907. S. 333.

[437] *Fr. Sławski.* Oboczność *ą* : *u* w językach słowiańskich // Slávia Occidentalis. T. 18. 1939—1947, P. 265, где *wnąk* < *wnuk* объясняется распространением носовой артикуляции (*n*) на следующий гласный.

[438] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 28.

[439] *Г. А. Ильинский.* Славянские этимологии XXVI—XXX // РФВ. Т. LXV. 1911.

[440] Ср. *F. Miklosich.* S. 396; *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 628; *A. Vaillant.* Slave commun *vŭnukŭ* // RES. T. 11. 1931. P. 206: производное с суффиксом *-ko-* в значении 'потомок' от наречия санскр. *anu*, авест. *anu*, ср. сложение санскр. *anv-aya* 'потомство'.

ступени в виде слав. *о* (ср. укр. *онук*), в определенных условиях редуцировавшегося.

И.-е. **ăn-* известно в составе самых различных названий родства: иллир. *ἄνα*, толкуемое в глоссах греческим *τὸ γένος* 'род'[441], лат. *anus*, *-ūs* 'старуха', имя богини *Anna Perenna* у Варрона, др.-в.-нем. *ano*, ср.-в.-нем. *ane*, *an*, *ene*, нем. *Ahn* 'дед, прапрадед, предок', др.-в.-нем. *ana*, ср.-в.-нем. *ane* 'бабка, прабабка, прародительница', др.-прусск. *ane* 'alte Mutter', литовск. *anýta* 'свекровь', афг. *anā* 'grandmother', хеттск. *annaš* 'мать', *hannaš* 'бабка', ликийск. *χñna* то же[442].

Славянскому **vъnukъ* наиболее близко аналогичное по образованию и по использованию общего и.-е. **an-* нем. *Enkel*, др.-в.-нем. *eninchili* 'внук'. Обычно видят в *eninchili* уменьшительное, т. е. 'маленький дед'[443]. Последнее значение плохо подтверждается фактами, больше того, — Шрадер в одной из работ[444], пересматривая особенности др.-в.-нем. *eninchili*, не находит возможным говорить о древнем родстве со слав. *vъnukъ*, а предполагает заимствование из наиболее близкой славянской формы — польск. *wnęk*. Г. Хирт, напротив, повторяет толкование *eninchili* = 'маленький дедушка' и, выводя его из и.-е. **anènkos*, видит в слав. *vъnukъ* заимствование из германского[445]. Оба объяснения недостаточно убедительны, и слав. *vъnukъ* и др.-в.-нем. *eninchili* нужно рассматривать как параллельные образования, не обязательно восходящие к древнеиндоевропейской эпохе. Со стороны формальной др.-в.-нем. *eninchili* представляет производное от названия предка с двумя суффиксами: *-ko-* и *-l-*, для которых может считаться достоверной первичность указания на принадлежность, происхождение, как и вообще для большинства случаев с уменьшительным значением. Значит, 'внук' в сущности — 'принадлежащий предку, деду', 'происходящий от предка, деда'.

Литовск. *anũkas* — позднее заимствование из восточнославянского.

В последние десятилетия, в связи с успешным распространением ларингальной теории на основании изучения фактов хеттского языка, исследователи сообщили ряд новых подробностей предполагаемой древней

---

441 *W. Schulze.* Anna // KZ. Bd. 43. 1909—1910. S. 276.

442 *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 55; *J. Pokorny.* P. 36—37; *Ernout—Meillet.* T. I. P. 66; *G. Morgenstierne.* An Etymological Dictionary of Pashto. Oslo, 1927. P. 10.

443 *F. Kluge.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. S. 32; *O. Schrader.* Reallexikon. P. 183; *F. Kluge.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 11. Aufl. S. 132.

444 *O. Schrader.* Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei indogermanischen Völkern // IF. Bd. 17. 1904. S. 34—36.

445 *H. Hirt.* Untersuchungen zur indogermanischen Altertumskunde // IF. Bd. 22. 1907. S. 84.

истории и.-е. **ăn-* 'предок' и т. д. Так, Ю. Курилович[446] сопоставляет хеттск. *ḫannaš* 'бабка', сохранившее *ḫ* ларингальный в абсолютном начале слова, и лат. *anus* 'старуха', др.-в.-нем. *ana* 'бабка', литовск. *anýta* 'свекровь', греч. *ἀννίς* 'бабка', арм. *han* 'бабка'[447]. Ларингальный перед гласным исчез, не оказав на последующий гласный никакого влияния в количественном отношении, поэтому и.-е. *(*ḫ*)*ăn-* > литовск. *anýta*, слав. *vъnukъ*. Помимо древнего ларингального для этого индоевропейского корня указывается еще подвижный *s-* в начале слова[448]. Это дает возможность сблизить ранее разграничивавшиеся формы: без *s-*, с древним ларингальный др.-в.-нем. *ano* и другие, в том числе слав. *vъnukъ* с поздним наращенным *v-*; с *s-* подвижным санскр. *sána* 'старый', авест. *hana-* 'старый', лат. *senex* 'старик', др.-ирл. *sen* 'старый', арм. *hin* 'старый'; ср., далее литовск. *sẽnas* 'старый' и из славянского — ранее не привлекавшееся сюда слав. **svętъ*[449], засвидетельствованное только в значении 'святой, *ἱερός*'. Что касается различий между балтийским и славянским, слав. **svento-* , литовск. *sẽnas* = слав. *svekrъ* : литовск. **sẽšuras* (ассимилированное в *šẽšuras*) 'свекор'. Ср. выше о балто-славянском отношении *se-* : *su̯e-*.

И.-е. **an-* объединяет многие значения из сферы родственных отношений. Но наиболее часто встречаются в разных индоевропейских языках значения 'старый', 'предок'. Вполне возможно, что именно это наиболее древние значения. В связи с этим ср. мысль О. Шрадера о близости **ano* 'предок, прадед' и греч. *ἀνά* 'вверх', причем предки могли восприниматься как такие, к которым обращались взоры наверх, как к началу рода[450]. Естественно предположить, что и.-е. **an-* относилось к предкам рода, почитаемым всеми членами рода и косвенно игравшим большую роль в жизни рода[451]. Тогда

---

[446] *J. Kuryłowicz.* Études indoeuropéennes. I. P. 74.

[447] Ср. *W. M. Austin.* Is Armenian an Anatolian Language? // Language. Vol. 18. 1942. P. 22.

[448] *H. M. Hoenigswald.* Laryngeals and S Movable // Language. Vol. 28. 1952. P. 182—183.

[449] Другие этимологии слав. *svętъ*, русск. *святой* — см. А. Преображенский. Т. II. С. 255—266; *Meillet.* RS. Т. 2. 1909 (рецензия А. Мейе на словарь Э. Бернекера), С. 66: литовск. *šveñtas* : слав. *svętъ* : авест. *spəntō-*.

[450] *O. Schrader.* Reallexikon. P. 308.

[451] В связи с этим еще раз вернемся к вопросу о причине связи терминов 'предок'— 'внук, потомок'. На примере и.-е. **ăn-* 'предок': слав. *vъnukъ* можно говорить не только о связи производной и непроизводной основ, но и о тождестве, поскольку в слав. *vъnukъ* мы имеем модифицированное обозначение предка подобно тому, как в слав. *bratranъ* — модифицированное название брата, а в *stryjъ* — отца. Название предка переносится на внука, потомка. Мотивы этого явления снова помогает нам вскрыть изучение духовной жизни отдельных архаических народностей. В

остальные значения остается объяснить как более поздние переносы значений. Для *ăn-, как и для и.-е. *tăt-, *măm-, *băb- характерно несколько особое словообразование, ср. родственное редуплицированное *nan- (с экспрессивным удлинением в славянском) в луж. *nan* 'отец' и других, упоминавшихся выше. Сюда же немецкие диалектные формы тирольск. *nēnə* м. р. 'дедушка', *nūnə* ж. р. 'бабушка', тоже редуплицированные[452].

Дальнейшие нисходящие степени родства обозначаются теми же средствами, что и для восходящего, т. е. присоединением префикса *pra-* слав. *pravъnukъ*: др.-русск. *правънукъ*, *правнукъ*, русск. *правнук*, др.-польск. *prawnęk*, *praprawnęk*, польск. *prawnuk*, *praprawnuk*, словенск. *právnúk*; фонетические отклонения — болг. диал. *парàунук* (трынский говор в Западной Болгарии), макед. диал. *prumlùk*. Словенск. *povnúk* — то же. Этимологически *pra-* в этом сложении не имеет смысла, оно взято из сложения *pradědъ* (и.-е. *pro- 'перед', т. е. 'прежде, старше').

Интересно, что в польском народном языке старое название внука почти не употребляется, его заменяют описательные: *sin uod moji còrčė* (кашуб.), *synek uod naszej cery, corzina dzioucha* — в Силезии[453]. Другие описательные обозначения внуков в индоевропейских языках: др.-датск. *barnœbarn*, нем. *Kindeskind*, *Kindskind*, литовск. *vaĩkvaikis*, произведенные соответственно от названий ребенка *barn*, *Kind*, *vaĩkas*. В литовском еще — *vaikų̃ vaikaĩ* мн. ч., т. е. 'дети детей', причем это не дистрибутивное удвоение типа греч. *γενεά καὶ γενεά*, ст.-слав. **родъ и родъ**, литовск. *kartà põ kartõs*, как полагал Э. Гофман[454], а просто описательное обозначение: 'внуки' = 'дети детей'.

В Восточной Литве распространены еще образования *vaikáitis*, *sūnáitis*, *dukraitė*, *dukteráitė* 'внук, внучка', последние — от *sūnùs* 'сын', *duktė̃* 'дочь' при помощи суффикса *-áitis*, *-áitė*. Дальнейшая степень, как и в славянском,

---

языке племени аранта дед по отцу называется *aranga*, бабка по отцу — *pala*, точно так же сын моего сына — *aranga*, дочь моей дочери — *pala*. Это повторение терминов находит объяснение в поверии туземцев, согласно которому во внуке может воплотиться тот же тотемный дух *kuruna*, что и в деде, возвращающийся через определенные промежутки времени (*A. Sommerfeit.* La langue et la société. Oslo, 1938. P. 154). Нам и в этом случае пришлось вернуться к той древней эпохе, когда человек, не зная действительной природы продления рода, вынужден был осмысливать ее мифологически.

452 *F. Kluge.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 11. Aufl. S. 219—220. Автор ставит эти формы рядом с др.-в.-нем. *ano*, *ana*.

453 *K. Nitsch.* Wybór pism polonistycznych. T. II. S. 16.

454 *E. Hoffmann.* Ausdrucksverstärkung // Ergänzungshefte zur KZ. Göttingen, 1930. № 9. S. 20.

образуется с префиксом *pro-*: *próvaikis*, жемайтск., *próvaikaitis*, *prósunaitis*, *pródukraitė*[455].

Слав. *netijь, *neti, -ere. К вопросу о специальном обозначении племянника

Др.-русск. *нетии* 'племянник, filius fratrie, sororis', *нестера* 'племянница', др.-польск. *nieć* (*nyecz*)[456], чешск. *neti*, *-eře* 'племянница', словацк. *netera*, *net'* 'племянница', др.-сербск. *нетии* '*sororis filius*', сербск. *нѐстера* 'племянница', *нѐчака* 'дочь сестры, племянница', *нѐћак* 'сын сестры, племянник'.

Анализом этих и близких им индоевропейских форм занимались многие ученые. Ф. Миклошич, А. Брюкнер[457]: слав. *netij* < *neptij*, ср. санскр. *napāt*, *naptar*, *naptī*; слав. *nestera* < *nep*(*s*)*tera*; Ф. Бопп, Б. Дельбрюк[458]: санскр. *náptār* — к *pitār* 'отец', т. е. 'не-отец', 'не-отцов', 'не господин'; слав. *neti* < и.-е. **neptī*, слав. **netijь* < и.-е. **neptịio-*, ср. готск. *niþjis* < **neptio-*, В. Прельвиц, В. Штрайтберг[459]: греч. *ἀνεψιός* < **sm̥-neptịio-*, ср. авест. *naptija-* 'семья'; *νέποδες* < и.-е. **ne-pŏt-* 'несамостоятельный, несовершеннолетний'; последнее толкование поддерживает А. Вальде[460], отвергающий связь с **pətḗr* 'отец'; Р. Траутман[461] выдвигает балто-славянскую форму **nepōt-* 'внук, племянник'; Г. А. Ильинский[462], вслед за Погодиным[463], объясняет слав. *nestera* 'племянница' из **nept-dъktera*.

Со стороны значения и.-е. **nepōt-* представляет, пожалуй, не меньший интерес, чем со стороны формы. Действительно, анализ целого ряда родственных индоевропейских форм показывает, что оба значения 'внук' и

---

[455] *A. Salys.* Mūsų gentivardžiai. I. S. 5, 6.

[456] Куда Л. Малиновский (PF. T. I. 1885. P. 146—147) предложил отнести и слово *nać* в пословице *jaka mać, taka nać*, объясняя его без достаточных оснований из **nieć*.

[457] *F. Miklosich.* S. 214; см. рецензию Брюкнера на кн. *W. Vondrák.* Vergleichende slavische Grammatik // AfslPh. Bd. 29. 1907. S. 119; Р. Брандт, напротив, ставит существование *нестера* под сомнение (Дополнительные замечания к Разбору Этимологического словаря Миклошича // РФВ. T. XXIII. 1890. С. 89—90).

[458] См. *B. Delbrück.* S. 384, 478, 499.

[459] *W. Prellwitz.* Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. S. 23—24 и далее; *W. Streitberg.* Die Entstehung der Dehnstufe // IF. Bd. 3. 1893—1894. S. 334.

[460] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 515.

[461] *R. Trautmann.* BSW. S. 196.

[462] *Г. А. Ильинский.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916. С. 266.

[463] *А. Л. Погодин.* Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903. С. 253.

'племянник' весьма древни. А. Исаченко[464], интересуясь в первую очередь принципиальной стороной вопроса, полагает, что первоначально и.-е. **nepot-* обозначало внучатного племянника, т. е. внука (внучку) сестры мужчины или брата женщины. Этим объясняется потенциальная возможность древнего **nepot-* стать в будущем в одних случаях 'внуком', в других — 'племянником'. Отсутствие общеиндоевропейских названий 'племянник, -ца' Исаченко объясняет последовавшими семантическими сдвигами. Эти названия существовали, когда племянники, племянницы одновременно были кросскузенами[465] — и мужьями, и женами моих «детей».

В морфологическом отношении и.-е. **nepot-* образовано из отрицания *ne-* 'не' и и.-е. **pot-*, которое нам известно во втором компоненте слав. *gos-podь*, литовск. *pats* 'сам' и которое обозначало, вероятно, старшего в роде, на стадии патриархата — старшего мужчину, отца. Соответственно этому форма с отрицанием **ne-pot-* должна была при известных условиях обозначать не-старейшину, не-отца. Строго говоря, такое значение может иметь только и.-е. **ne-pŏt-*, полностью сохраняющее корневой вокализм и.-е. **pŏt-* (*ŏ* краткое). Тогда формы **nepōt-*, последовательно повторяющиеся во многих индоевропейских языках со значением 'внук, племянник': санскр. *nápāt-*, лат. *nepōs*, литовск. *nepuotis*[466] — будут производными типа *vṛddhi* (т. е. образованными путем удлинения корневого гласного, ср. у Дельбрюка объяснение санскр. *tātá*, обозначение сына, собственно, производное: 'отцов'). Форма и.-е. **nepōt-* ясно свидетельствует, что оно могло значить 'принадлежащий не-отцу, не-старейшине'. Такое толкование вполне соответствует термину побочного родства 'внучатный племянник', т. е. 'неродной внук'. Ю. Курилович[467] говорит о долгой ступени корневого гласного в балтославянском как морфологическом средстве выражения производного характера слова, сопровождающем известную суффиксацию или имеющем тенденцию вытеснить ее[468]. Описанный способ словопроизводства не был единственным, ср. восходящие к и.-е. **neptịo-*, **neptiịo*, греч. *ἀνεψιός*, готск. *niþjis*, слав. *netijь*[469]. Не случайно в этих производных, образованных с суффиксом принадлежности *-ịo/-iịo*, нет никаких признаков *ō* долгого в корне,

---

[464] *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 68, 71.

[465] Кросскузены — букв.: 'перекрестные кузены' (этногр. термин), между которыми в древнем родовом обществе были возможны брачные отношения.

[466] Литовск. *uo* < и.-е. **ō*.

[467] *J. Kuryłowicz.* Le degré long en balto-slave // RS. T. XVI. 1948. P. 1 ff.

[468] Ср. также важное указание Э. Френкеля на то, что литовск. *nepuotis* было согласной основой, выравненной по вин. п. ед. ч. на *-į* (Slav. *gospodь*, lit. *viẽšpats*, pr. *waispattin* und *Zubehör* // ZfslPh. Bd. 20. 1948. S. 61 ff., где подробно об этой форме и родственных).

[469] Сюда же литовск. *neptė̃* < балто-слав. **neptịá*, аналогичного греч. *ἀνεψιά*.

напротив — нулевая ступень **nept-*, полученная из **nepŏt-*[470]. Это показывает, что *ō* долгое характеризовало производное, функционально равноценное производному с суффиксом. Поэтому этимология, исходившая из **ne-pŏ t-* 'несовершеннолетний, несамостоятельный', принятая рядом авторов, не может быть признана достаточно точной ни в фонетическом, ни в смысловом отношении. Попытка В. Махека[471] объяснить **nepōt-* из **nevo-pot-* 'новый, или молодой господин' через гаплологию *ne(vo)pot-* с заменительным растяжением о (*nepōt-*) неубедительна, поскольку, в отличие от изложенного объяснения, опирается на незасвидетельствованные и маловероятные формы.

Что касается слав. *nestera* ж. р.[472], следует вместе с Брюкнером[473] видеть в нем результат аналогического выравнивания по слав. *sestra*. Слав. *nestera* < **netera*, которое продолжает *r*-основу **neter-*, сохранившуюся еще в чешск. *neti*, *neteře* ж. р. и образованную по аналогии **mati*, *-ere*, **dъkti*, *-ere*. Группа *pt* всюду упростилась в славянском, дав *t*: *netijь*, *neti*, в то время как в литовском она сохранилась, ср. *neptė̃* = слав. *neti*. А. Вайан[474] объясняет в слав. *nestera st* < *pt* при более новом упрощении *t* < *pt* в *netijь*, в чем он видит следы количественного чередования **nepōt* : **nept* — в склонении в балто-славянском. Видеть в *nestera* компаративное **nept-terā*, (ср. лат. *mater-tera* 'тетка', с суффиксом *-ter-*[475]) нет надобности, если учесть местное аналогическое происхождение как слав. *nestera*, так, например, и санскр. *náptar*[476]. А. Мейе[477] точно так же из компаративного образования объяснял слав. *netijь* с суффиксом *-jo-*.

Что касается современных названий племянника, племянницы в славянских языках, очень большое число их произведено от названий сестры, брата, и они были нами рассмотрены в соответствующих разделах. Это очень употребительные формы сравнительно с более редкими слав. **netijь*, **neti*. Поздние образования представлены в русском языке: *племянник* (первоначально — 'родич, соплеменник вообще'), диал. *племя́нка* 'племянница'[478],

---

470 Видимо, в результате акцентологических изменений, ср. место ударения греч. ἀνεψιός.

471 *V. Machek*. Étymologies slaves // Récueil linguistique de Bratislava. I. 1948. S. 98, примеч. 1.

472 Ср. следы в русск. *Нестеров* (имя собств.) и под.

473 См. его рецензию в AfslPh. Bd. 11. S. 137. Ср., впрочем, выше другое его высказывание.

474 *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 82.

475 Ср. *R. Trautmann*. BSW. S. 16; *J. Pokorny*. P. 36—37.

476 Так объясняют последнее слово Вальде и Покорный (Bd. I. S. 55).

477 *A. Meillet*. Études. P. 393.

478 *В. Водарский*. Областные слова Рыбинского у. Ярославской губ. // Ж. Ст. 1902. Вып. III—IV. С. 404.

племя́ненка 'племянница' [479], *пле́мник, пле́мница* 'племянник, племянница' [480]. Поздний, местный характер носят укр. *небо́га* 'племянница', *небожа́, -а́ти* 'племянник, племянница', белор. *небо́га, небо́ж* то же [481], собств. 'бедняжка'.

Прибалт.-словинск. *bē̆lă, bē̆lk* 'Vetter, Brudersohn' происходит, возможно, из нем. *Buhle* 'любовник; соперник'.

Дядя, тетка по отцу, по матери
Слав. **stryjь*

Славянская родственная терминология знает специальные названия для дяди по отцу — **stryjь* и по матери — **ujь*, в то время как тетки по отцу и по матери не имеют особых терминов в славянском, а обозначаются производными от названий дядьев. Таким образом, славянский не отражает того, видимо, древнего состояния, которое сохраняется в латинском, где, кроме *patruus* 'дядя по отцу', *avunculus* 'дядя по матери', есть еще особые *amita* 'тетка по отцу', *matertera* 'тетка по матери' [482].

Дядя по отцу имеет в индоевропейском название близкое, почти тождественное названию отца — **pətruo-/*pətrui̯o-*. Это производное от **pəter-* с суффиксом, который Дельбрюк считает не указывающим на происхождение, а детерминирующим (*-uo-, -uio-*), т. е. **pətruo-* представляется своего рода отцом, вторым отцом, ср. **mātrui̯ā* 'вторая мать, мачеха, тетка' [483], лат.

[479] *А. Подвысоцкий.* Словарь архангельского наречия. С. 123.

[480] *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. С. 83.

[481] *Н. Чудовский.* Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор // РФВ. 1898/ № 3/4. С. 68.

[482] *B. Delbrück.* S. 488.

[483] Там же. S. 500—501. Выше мы уже неоднократно встречались в индоевропейской и славянской терминологии родства с такими детерминирующими суффиксальными производными от ряда основных терминов родства и указывали, в согласии с некоторыми исследователями, что эти производные в сущности сохраняют значение основного имени. Но древность отдельных словообразовательных типов (и.-е. **pətrui̯o* : **pətēr*), как и самого принципа образования, позволяет, основываясь на некоторых аналогиях, сделать также и другой вывод: по тому, как модифицирующее словообразование затрагивает главным образом основные термины, как бы формируя соответствующую систему производных терминов, можно заключить, что таким путем внутри совокупной системы родства складывалась упрощенная система родства. Существование упрощенной системы наряду со сложной системой родства отмечает у племени аранта А. Соммерфельт. Его примеры очень близки отдельным индоевропейским случаям. Так, когда речь идет о родственниках одного ранга, например, обо всех, кого я могу назвать 'женами', существует термин *noa-tja*

matertera (см. выше). Сюда, кроме лат. *patruus*, относятся санскр. *pitṛvya*, греч. *πάτρως*[484].

Перейдем к рассмотрению слав. **stryjь* 'дядя по отцу'. Оно сохранилось в славянских языках почти повсеместно. Исключение представляет современная восточнославянская ветвь, где **stryjь* забыто и уступило место новому обобщающему названию. Но вплоть до XIV в. *стрыи* весьма употребительно в древнерусском и лишь после этого времени становится архаизмом, вытесняется[485]. Для украинского языка отмечается частичное сохранение старых названий *стрий*, *стрик*, *стрийко*, *стрико* и соответствующего ему *вуйко* в юго-западных говорах[486]. По отдельным языкам:

ст.-слав. **стрыка, стрыка, стрыи, стрика** 'θεῖος, patruus', **стрыиць** 'θεῖος, patruus', **стрычишть** 'filius patrui', **стрыныа** 'amita', **стрыıа** 'θεῖος, patruus'; др.-русск. *стрыи*, *стръи*, *строи* 'дядя по отцу, брат отца', 'брат деда и прадеда', *стрыиня* 'жена дяди', *стрыичичь*, *стръичичь*, *строичичь* 'сын дяди', *стрыка* 'дядя'; укр. *стрий* 'дядя', *стрúйна* 'тетка, сестра отца', 'жена дяди'; др.-польск. *strycz*, *stryczek* 'дядя по отцу', *stryj*, *stryk* то же, *stary stryj* 'брат деда', *starszy stryj* 'брат прадеда', *strykowina* 'наследство после дяди'; польск. *stryj* 'дядя по отцу', кашуб. *strij*, *-éja* 'stryj', *strijna* 'stryjenka'; прибалт.-словинск. *strî́k* 'дядя по отцу', *strîna* 'тетка по отцу', *strî́nka* то же, полабск. *stroij*, *stróija* 'дядя по отцу', *stroijüövka* 'тетка по отцу', чешск. *strýc* 'дядя по отцу', диал. *strýček* то же, *stryná* 'сестра отца' (валашек.), *stryk* (ляшск.) 'дядя по отцу', *strynka* 'прабабка', *strejc*, *strejček* 'дядя по отцу'[487], словацк. *strýko*, *strico*, *strik*, *strina*[488], словенск. *stríc*, *strícej* 'дядя по отцу', *mrzli stric* 'двоюродный брат отца', *stari stric* 'брат дяди', *stričîčna* 'дочь дяди', *stríčič* 'сын дяди', *stríčnica* 'племянница', *strîčnik* 'племянник', *strijec* = *stric*, *strína* 'жена дяди по отцу', *strînec*, *strînić* 'двоюродный брат', др.-сербск. *стрыи*, *стрыць*, *стрыю*, сербск. *стрúка*, *стрȋна* 'жена дяди по отцу', *стрúко*, *стрȋц* 'дядя по отцу', болг. *стрúко* 'дядя по отцу', *стрúна* 'жена дяди по отцу', диал. *стрици* 'девери'[489].

С иным значением сюда же польск. *strych* 'нищий', уничижительная форма с *ch* от *stryji*[490].

'моя жена' в отличие от других *noa*, *kata-tja* 'мой отец' в отличие от других *kata*, например, его братьев (см. *A. Sommerfelt.* La langue et la société. P. 155).

[484] *B. Delbrück.* S. 488.

[485] *Ф. П. Филин.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. С. 21.

[486] *А. А. Бурячок.* Названия родства и свойства в украинском языке. С. 10.

[487] *F. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. S. 408; *Q. Hodura.* Op. cit. S. 69.

[488] Ср. *F. Buffa.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953. S. 216.

[489] СбНУ. Кн. VI. 1891. С. 26 (Песни из личния живот. От Малко—Търлово).

[490] *A. Brückner.* Etymologische Glossen // KZ. Bd. 43. 1909—1910. S. 304.

И. Миккола выдвинул правдоподобную этимологию слав. **stryjь*. Он сближает его с лат. *patruus*, особенно с др.-иранск. *tūirya-* в том же значении, которое содержит нулевую степень от **pətḗr*, т. е. *ptr-*. Следовательно, слав. *stryjь* < **ptruu̯i̯o-*. Миккола предполагает здесь *ptr-* > *ttr-*, где двойное *tt-* переживает особую судьбу в начале слова перед *r-*. Особенно интересно в этой связи в.-луж. *tryk* 'дядя по отцу'[491]. Это толкование нашло позднее поддержку у других исследователей — М. Ве[492], А. Вайана[493]. Авторы отмечают наличие напряженного ъ перед *i̯*, нашедшее специальное выражение в др.-русск. *стръи*, *строи*[494], при сохранении форм *stryj* в остальных славянских[495].

Эта этимология является весьма важным достижением, особенно, если вспомнить, что еще Дельбрюк не мог объяснить славянского слова[496], в связи с чем от него ускользала весьма важная нить, связывающая индоевропейскую и славянскую терминологию родства. Изложенная этимология слав. **stryjь* — не единственная, хотя другие сопоставления отнюдь не могут быть названы правдоподобными. Так, Миклошич[497] сближает *stryjь* с литовск. *strujus* 'старик', К. Буга[498] — слав. *stryjь*, литовск. *strūjus* 'дед' (в Катехизисе Даукши, 26, 16), ирл. *sruith* 'старый, достопочтенный' из **stru-ti-*. Так же, только с литовск. *strūjus*, сближает славянское слово А. Брюкнер[499]; Вальде—Покорный[500], указывая на польское происхождение литовского слова, относят слав. *stryjь* к и.-е. **stru-* 'старый, престарелый', вместе с ирл. *sruith*. Х. Барич, принимая за основу предположение, что слав. *stryjь* продолжает **pət-ruio-*, объясняет, однако, славянскую форму как сложение: **sm̥-ptrūi̯o-* > *sъ-[p]tryjъ*, ср. префиксальные *'ἀ-νεψιός, α'-δελφός*[501].

---

[491] *J. J. Mikkola.* Zur slavischen Etymologie // IF. Bd. 23. 1908—1909. S. 124—125; *Он же.* Urslavische Grammatik. T. I. 1913. S. 65.

[492] *M. Vey.* Slave *st*-provenant d'i.-e. *pt-*. S. 65 ff.

[493] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Paris, Lyon, 1950. P. 82.

[494] Ср. подробнейший анализ вопроса о напряженном ъ в др.-русск. *стръи* в книге: *Б. М. Ляпунов.* Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Ч. 1. СПб., 1899. С. 119 и след.

[495] *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. I. S. 65; *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. S. 137—140. Более старая этимология — см. *J. Zubatý.* Zu den slavischen Femininbildungen auf *-yňi-* // AfslPh. Bd. 25. 1903. S. 355—365: из женского образования **stry* < **srūs*, 'сестра отца' к **seser* — 'сестра'.

[496] *B. Delbrück.* S. 500.

[497] *F. Miklosich.* S. 327.

[498] *К. Буга.* Славяно-балтийские этимологии // РФВ. 1916. № 1/2. С. 147.

[499] *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 522.

[500] *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 651.

[501] *H. Barić.* Albanorumänische Studien. I. Zur Kunde der Balkanhalbinsel. Quellen und Forschungen. 7. Sarajevo, 1919. S. 123.

Надежность этимологии Микколы подтверждается и доводами исторического характера. А. Исаченко [502] видит остатки общинно-родовых отношений с кросскузенным браком в факте распространения названия 'отец' на братьев отца, отцовских дядьев: **pətḗr* > **pətruios* > слав. **stryjь*. Кроме того, правильное объяснение слав. *stryjь* важно как подтверждение отражения и.-е. **pətēr* в славянском (вопреки мнению А. Мейе).

В латинском языке следы классификаторской системы родства совершенно очевидны: *pater* — 'отец', а 'брат отца' — *patruus*, т. е. модифицированное *pater* 'отец', распространенное, помимо отца, также на его братьев [503]. Тем интереснее для нас всякое новое свидетельство о подобных древних реликтах, особенно, если его дает славянский. Так, П. Ровинский [504] указывает, что название отцовского дяди — *стрико* распространяется очень часто у черногорцев на деда и также на отца, вообще — на старшего мужчину в роде. Это является смутным отражением классификаторской системы, при которой всех старших мужчин в роде я считаю своими отцами [505].

Слав. **ujь*

Ст.-слав. **оуи** 'θεῖος avunculus', **оуика** f. 'θεία amita', m. 'θεῖος avunculus', др.-русск. *уи* 'дядя по матери', укр. *вуй* 'дядя', *вiйна* 'тетка, жена брата отца'; др.-польск. *uj*, польск. *wuj*, *wujaszek* 'дядя по матери'; кашуб. *wuj* 'дядя по матери', прибалт.-словинск. *vùi̯k* 'дядя по матери', *wũi̯nă* 'тетка по матери', в.-луж. *Huj* (Beiname 'Onkel' als Schmeichelname), *Hujk*, *Hujko* (Schmeichelname: 'Onkelchen, Vetterchen, Vetterlein'), в.-луж. *wuj* 'Vetter', *wujowc* 'Oheimssohn, Cousin', *wujowka* 'Oheimstochter, Cousine', полабск. *vǻuja* 'Oheim', чешск. *ujec* (стар., диал.) 'дядя по матери', *uječek* то же, *ujčiná*, *ujčenka*, *ujčinka* 'жена дяди по матери', *hojec*, *hojček* 'дядя по матери' [506], сло-

[502] *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 56—57.

[503] Ср. *G. Thomson.* Aeschylus and Athens. S. 404.

[504] *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. С. 285.

[505] Из работ о славянском слове следует специально упомянуть довольно обширную монографию в плане лингвистической географии, посвященную польским формам: *A. Obrębska. Stryj*, *wuj*, *swak* w dialektach i historii języka polskiego. Kraków, 1929, где анализируются варианты *stryk*, *stryja*, *stryjo*, *stryjko*, *stryj*, *stryjek*, *stryjk* в польских говорах. Несколько удивляет то, что составительница, говоря об этимологии слова, сочла возможным обойти молчанием объяснение Микколы (см. выше). О происхождении формы на *-o stryko* из звательного падежа см. на материале словацкого — *J. Stanislav.* Zo slovenskej historickej gramatiky. Hypokoristiká na *-o*, *-e* // Slávia. Roč. XXII. 1953. S. 247 ff.

[506] *P. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. S. 408—460.

8 — 9718

вацк. *ujko*, *ujo*, *ujec* 'дядя по матери', словенск. *ȗj*, *uják*, *ȗjec* 'дядя по матери', *úja* 'тетка по матери', *ȗjčica* то же, *ȗjčič* 'двоюродный брат по матери', *ujčȋčna* 'двоюродная сестра по матери', *ȗjna* 'тетка по матери', 'жена дяди по матери', др.-сербск. *оуиць* 'avunculus', сербск. *ȕја̑к* 'дядя по матери', *ујац*, то же, *ујко* то же, *у̑јна* 'жена дяди по матери', болг. *уйкá*, *уйчá* 'дядя по матери', *вýйко*, *вýйчо* то же, *вýйна* 'тетка', 'жена дяди по матери'.

Слово **ujь* является общеславянским, хотя в некоторых языках оно уже отмечается как областное, устаревшее. Для русского языка характерно полное забвение этого слова, почему к обстоятельному перечислению русск. *уй*, *вуй*, *уéц*, *ýйчич*, *вýец*, *ýйка*, *вýйка* у В. И. Даля [507] следует отнестись осторожно, поскольку автором по сути дела привлечены древнерусские слова.

Из фонетических особенностей слав. **ujь* нужно отметить протетические согласные. Обычно это *v*, поскольку наращение происходит перед гласным *u*: польск. *wuj* и др. [508]. Есть случаи наращения *h*: чешск. диал. *hojec*, *hojček*, н.-луж. *Huj*, *Hujk*. Корень слав. *ujь* содержит полный гласный *u*, поэтому др.-русск. *вои*, вместо *оуи* объясняется аналогией др.-русск. *строи*, где *о* органично, из ъ напряженного [509]. Нам уже неоднократно приходилось сталкиваться с фактами взаимовлияния как противоположных, так и однородных имен родства [510]. Болг. диал. *ýке*, *ýкье* 'дядя по матери', а также 'муж сестры матери' [511] в фонетическом отношении представляет собой скороговорное стяжение из *у̯кье*, ср. *девóки* < *девóйки*.

Итак, наиболее древней общеславянской формой (до наращения согласных перед *u*) является **ujь*. Как выясняется при сравнении, *u* продолжает индоевропейский дифтонг **au*, следовательно, формой, предшествующей слав. **ujь*, будет **au̯i̯os*. Эта индоевропейская форма прослеживается во многих индоевропейских языках: лат. *avia*, др.-прусск. *awis*, литовск. *avýnas*, слав. *ujь*; сюда же, по Бругману, относится и греч. *αἶα* (см. ниже). При изучении этих форм можно отметить различное место слогораздела: лат. *avia* < **a/u̯i̯a*, а слав. *ujь* < **au̯/i̯os* [512]. Характер слогораздела форм, легших в основу

---

[507] Т. IV. 4-е изд. С. 977.

[508] *Г. А. Ильинский.* Праславянская грамматика. С. 163; *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 186; подробно об этом и вообще о польских формах славянского слова см. *A. Obrębska.* Op. cit. в разных местах.

[509] См. *Ф. П. Филин.* О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке. С. 336.

[510] Между прочим, именно из др.-русск. *вои* можно объяснить укр. *вíйна* 'тетка', продолжающее древнерусскую форму в производном виде: **война.*

[511] *Н. В. Державин.* Заметка о болгарском говоре с. Терновки Мелитопольского у. Таврической губ. // ИОРЯС. Т. 10. Кн. 1. 1905. С. 145; СбНУ. Кн. IX. 1893. С. 13 (Песни... от Искрецко).

[512] *K. Brugmann.* KVGr. S. 99.

литовск. *avýnas* (*a/u̯-*) и слав. *ujь* (*au̯-*), противоположен отношению литовск. *naũjas* (*nau̯-*): слав. *novъ* (*no/u̯o-*) 'новый'.

А. Исаченко[513] указывает на *-i̯ь в слав. *ujь, *stryjь как на новый славянский словообразовательный элемент терминов родства. С этим нельзя согласиться: *-i̯ь весьма древен и не является специфически славянским, а непрерывным продолжением и.-е. *-i̯os, ср. лат. *avia* ж. р. и др. Славянский же сохранил производную форму. Непосредственно к и.-е. *au̯os восходит литовск. *avà* 'тетка (по матери), жена дяди', упоминаемое в «Словаре литовского языка» А. Юшкевича и даже в более или менее современном «Литовско-русском словаре» Серейскиса[514], хотя Траутман, видимо, не совсем уверен в его реальности[515]. Впрочем, существование литовск. *avà* 'тетка по матери' в речи отмечает также хороший знаток литовского языка А. Салис[516]. Как литовск. *avà*, так и литовск. *avýnas* 'дядя по матери' очень редки в современном литовском языке и вытесняются, как устаревшие, обобщающими *tetà* 'тетка', *dė̃dė* 'дядя'[517], подобно тому, как это имело место в восточнославянских языках, в русском.

Литовск. *avýnas* образовано от *au̯os с суффиксом *-yna-* генетически — индоевропейским суффиксом притяжательности *-īno-, ср. лат. *suīnus* 'свиной'[518], литовск. *brolynas*, *seserynas* 'племянник по брату, по сестре', хотя в литовск. *avýnas*, как и в *mótina* 'мать', не осталось никаких признаков этой принадлежности. Из славянских названий в структурном отношении в известной мере аналогично литовск. *avýnas* (*au̯-īno-*) болг. *ýйна* (*uj-ĭna < *au̯-ĭna-*) 'тетка, жена дяди', с ясным притяжательным значением: 'принадлежащая дяде по матери'. Ср. еще русск. диал. *дя́д-ина* 'жена дяди'.

Дальнейшие соответствия слав. *ujь* в других индоевропейских языках: нем. *Oheim* 'дядя'[519], арм. *hav* 'дед', ср. каппадокийскую глоссу *ἀβοῦκα · πάππος*[520], греч. *αἶα*, у Гомера, синоним *γαῖ* 'земля', объясняемое К. Бругманом как **ἀϝi̯α*, родственное лат. *avia* 'бабка', ср. представление гре-

---

[513] *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 76.

[514] *B. Sereiskis.* Lietuviškai-rusiškas žodynas. Kaunas, 1934. S. 74; в «Dabartinės lietuvių kalbos žodynas» (Vilnius, 1954) этого слова уже нет.

[515] *R. Trautmann.* BSW. S. 21.

[516] *A. Salys.* Mūsų gentivardžiai. I. S. 8.

[517] Возможно, употребительности *avýnas* 'дядя' вредит омонимическая близость к *ãvinas* 'баран', как объясняют некоторые уроженцы Литвы, пользующиеся литовским как родным языком.

[518] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. P. 143.

[519] *H. Osthoff.* Etymologica. I. // Beiträge. Bd. 13. 1888. S. 447 ff.; *S. Bugge.* Beiträge zur vorgermanischen Lautgeschichte // Beiträge. Bd. 24. 1899. S. 439—440.

[520] *S. Bugge.* Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // KZ. Bd. 32. 1891. S. 10.

ков о земле как прародительнице всего живого[521]. Известно сравнение упомянутых слов с санскр. *ávati* 'радуется', а также объяснение из «детского языка»[522]. А. Вальде специально указывает на неприемлемость сближения с указательным местоимением слав. *ovъ* 'тот' и родственными[523]. Ср. далее готск. *awo* 'μάμμη, бабка'[524], хеттск. *ḫuḫḫaš* 'дед'[525]. Ф. Мецгер недавно выдвинул этимологию, согласно которой в основе этих слов лежит индоевропейское пространственное обозначение **au̯i-*, **au-* 'прочь, в сторону', ср. лат. *au-fero*, а также образования с *-tr-*, например, вал. *ewythir* 'дядя по матери'[526].

В последние десятилетия были предприняты попытки внести коррективы в изучение фонетической истории и.-е. **au̯os* в связи с теорией об индоевропейском ларингальном. Так, исходя из существования хеттск. *ḫuḫḫaš* 'дед', Ю. Курилович[527] предполагает, что в основу лат. *avus*, ст.-слав. **оуи**, литовск. *avynas*, др.-исл. *afe*, др.-ирл. *aue* легла форма с ларингальным и сильной ступенью корневого вокализма **$ə_2$euə̯$_2$os*, позднее — **au̯os*, наряду с **$ə_2$uə̯$_2$os* (слабая ступень корневого вокализма), которое имеется в хеттск. *ḫuḫḫaš*. Уильям М. Остин возводит лат. *avus* и хеттск. *ḫuḫḫaš* к общему исходному «индо-хеттскому» *xauxos*[528].

Что касается этимологической стороны исследований и.-е. **au̯os*, совершенно очевидно, что далеко не все согласны видеть в нем «Lallwort», слово «детского лепета», хотя принципиального отличия от и.-е. **ătta*, **ăn-* в этой корневой морфеме нет вплоть до *ă*-вокализма, который Мейе постулирует для таких образований индоевропейской интимной, семейной речи. Так, ряд исследователей (ср. выше) видит в **au̯os* полнозначную морфему, сближая ее то с **au̯-* 'радоваться', санскр. *avati*, то с указательным **au̯-* 'то, отдаленное', ст.-слав. **овъ**. Подобные попытки предпринимаются и в последнее время, ср. оригинальную этимологию Ф. Мецгера — от индоевропейского пространст-

---

[521] *K. Brugmann.* Beiträge zur griechischen, germanischen und slavischen Wortforschung // IF. Bd. 15. 1903. S. 93—97.

[522] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 78—79; *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 17, 19, 20—21.

[523] *A. Walde.* Op. cit. P. 78—79.

[524] *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 71.

[525] *Ernout—Meillet.* T. I. P. 109—110; Покорный (*J. Pokorny.* P. 89) сомневается в родстве этих форм с хеттск. *ḫuḫḫaš*, видимо, без достаточного основания.

[526] *F. Mezger.* Some Formations in *-ti-* and *-tr(i)-* // Language. Vol. 24. 1948. P. 155.

[527] *J. Kuryłowicz.* Études indoeuropéennes. I. P. 74.

[528] *W. M. Austin.* Is Armenian an Anatolian Language? // Language. Vol. 18. 1942. P. 22. Х. Педерсен (Hittitische Etymologien // AO. Vol. 5. 1933. P. 183—186), одобряя сближение хеттск. *ḫuḫḫaš*: лат. *avus* (*E. H. Sturtevant.* // Language. Vol. 4. P. 163), уточняет: *ḫu* = лат. *av-*, т. е. *ḫ* = *a*, так как «...обратное соотношение слогового и неслогового моментов не представляет собой чего-либо необычного».

венного обозначения *au̯ — 'в сторону, прочь'. Но такое обилие взаимно исключающих друг друга и более или менее правдоподобных этимологий одного слова заставляет относиться ко всем ним в равной мере осторожно. Не случайно Бругман считал дальнейшие сближения и.-е. *au̯os малодоказательными, а потому и малоплодотворными.

Вместе с тем и.-е. *au̯os* обнаруживает структурное сходство с и.-е. *atta*, *an-* и др., например, характерное словообразование путем редупликации: *vava* 'бабка', неаполитанская форма для лат. *av*(*i*)*a*[529].

Гораздо плодотворнее, напротив, изучение развития терминологического значения и.-е. *au̯os*. Обычно принято считать, что *au̯os* обозначало деда, отца матери. Так полагают Б. Дельбрюк[530], О. Шрадер[531], в последнее время — Э. Бенвенист[532]. В связи с этим производные от и.-е. *au̯os* с суффиксами принадлежности *-i̯o* (слав. *ujь*), *-īno-* (литовск. *avýnas*) толковались как 'дедов, принадлежащий деду'[533]. А. Исаченко[534] вслед за Дж. Томсоном[535] указывает, однако, что и.-е. *au̯os* не 'материнский дед', как принято думать, ибо отец матери был бы неизвестен при групповом браке родовой эпохи. Если лат. *avunculus* = 'маленький avus' и в то же время 'брат матери', то *avus* = 'брат бабушки'. Исаченко[536] полагает, что и.-е. *au-*, легшее в основу названий дяди по матери, означало сначала 'одного из предков во втором поколении'. Она сменило в функции названия брата матери и.-е. *su̯eḱuros*, поскольку Дж. Томсон указывал, что при древней классификаторской системе родства моим мужем был мой двоюродный брат (кросскузенный брак), а следовательно, мой свекр, и.-е. *su̯eḱuros*, был моим дядей, братом моей матери[537].

Восточнослав. *дядя*

Современные восточнославянские языки забыли оба древние специальные названия для отцовского и материнского дядьев и употребляют в обоих значениях общее название: *дядя*. В ранних древнерусских и церковнославян-

---

529 *A. Zimmermann.* Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen. S. 150.
530 *B. Delbrück.* S. 482.
531 *O. Schrader.* Reallexikon. P. 308.
532 *E. Benveniste.* BSL. T. 46. 1950; procès-verbaux du 4 mars, p. XXI—XXII.
533 *H. Osthoff.* Etymologica. S. 447 ff.
534 *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 67.
535 *G. Thomson.* Studies in Ancient Greek Society. London, 1949. P. 80.
536 *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 62—63.
537 *G. Thomson.* Op. cit. P. 80.

ских памятниках слово *дядя* не встречается вовсе. Первоначальное значение этого термина (*дядя*), существовавшего издревле в восточнославянских диалектах, было не только 'дядя', но и 'отец', 'старик'. В украинских говорах *дядю*, *дядик* и до настоящего времени известно в значении 'отец' [538]. Об отношениях слова *дядя* к названиям деда, отца говорилось уже раньше.

Др.-русск. **дѧдѧ** 'брат отца или матери': «Изяславъ и Святославъ выяша дядю стрыя своего Судислава изъ поруба». Псков. 1 л. 6567. В русском, помимо общенародного *дядя*, диал. *дядяка* то же [539], в говорах существуют производные, обозначающие жену дяди, тетку: *дéдина*, *дéдинка*, *дéдинушка*, *дéдна*, *дя́дина* [540], *дя́динка* [541]. Ср. укр. *дя́дина* 'жена дяди', *дя́дько* 'дядя', белор. *дзя́дзька* то же.

В литературе русск. *дядя* давно рассматривается как родственное слав. *dědъ* [542].

Алб. *džadža* 'брат отца, дядя' объясняют заимствованием из славянского [543], хотя сопоставляют его только с русск. *дядя*, не указывая таких же балканославянских форм, которые могли бы явиться источником заимствования.

Не совсем ясно сербск. (далматинское) *dundo* = *stric* 'брат отца'. Лавровский [544] видел в этой форме отражение носового, ср. др.-русск. **дѧдѧ**, что является очевидной ошибкой, так как **ѧ** в **дѧдѧ** не более как орфографическая особенность. Словарь Югославской Академии (кстати, тоже предлагающий неверное толкование из удвоения слога *dun* в «детской речи») характеризует сербск. *dȕndo* как сравнительно новое слово (с XVI в., главным образом в Приморье) со следующими значениями: 'брат отца', 'брат матери', так-

[538] *Ф. П. Филин.* О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке. С. 338.

[539] Труды Московской диалектологической комиссии. Саратовская губ. Обработали А. Ст. Мадуев и Н. Н. Дурново // РФВ. Т. LXVI. С. 205.

[540] *Я. Светлов.* О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губ.) // Ж. Ст. 1892. Вып. III. С. 161; *А. Подвысоцкий.* Словарь архангельского наречия. С. 37; *В. Добровольский.* Смоленский областной словарь. С. 206.

[541] Труды Московской диалектологической комиссии. Смоленская губерния. Обработал Н. Дурново // РФВ. 1909. № 3/4. С. 212.

[542] Ср. *B. Delbrück.* S. 498; *E. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grèque. 2ème éd. Heidelberg—Paris, 1923. P. 337: греч. *θεῖος* 'дядя', *τηθίς* 'тетка': лат. *dē̆dė* 'дядя', ст.-слав. **дѣдъ**; *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 826: *dhē-* редуплицированное *dhe-dh(ē)-*, слово «детского лепета» для обозначения старших членов семейства, ср. греч. *θεῖος* 'дядя', *τηθίς* 'тетка'; литовск. *dė̃dė* 'дядя', ст.-слав. **дѣдъ**, ср. аналогичное н.-в.-нем. *deite*, *teite* 'отец, старик', русск. *дя́дя*: см. еще *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 387.

[543] *B. Delbrück.* S. 491; *G. Meyer.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 79—80.

[544] *П. Лавровский.* Указ. соч. С. 36.

же о более отдаленных родственниках, вообще — о пожилом человеке, почтительно[545].

Позднее этимологией *dundo* занимался К. Штрекель[546]. К нему отсылает Э. Бернекер[547]. К. Сандфельд[548], говоря о романском влиянии на Балканском полуострове, упоминает о заимствовании истро-рум. *cuńåt*, *cumnåt* 'beau-frère' из ит. *cognato* и лат. *cognatus*. Нам кажется, что правильную этимологию сербск. *dundo* надо искать именно здесь. Это пóзднее местное слово можно объяснить как заимствование из романского источника, ср. истро.-рум. *cuńåt* или ит. *cognato* [*konjato*]; аналогичная романская форма могла дать **kūnjdo*, **kūndo* с последующей ассимиляцией — *dūndo*, ср. также близость значений слов. Касаясь названных выше примеров, К. Сандфельд отмечает, что «венецианские слова, проникшие в истро-румынский язык, частично прошли через сербохорватский»[549], хотя при этом не приводит никаких сербохорватских форм. Во всяком случае в слове *dundo* мы имеем еще один поздний романизм сербохорватской родственной терминологии наряду с *чукундјед* (*шикунђед* и под., см. выше) и *непуча* < лат. *nepotia* 'племянница'[550].

Болг. диал. *тьутьу* 'чичо, казва детето на таткова си брат'[551], очевидно, одна из форм корня **tăt* : **tet*, столь широко использованного славянскими терминами родства.

Слав. **teta*

Ст.-слав., др.-русск. **тєта, тєтъка** 'тетка', **тєтичьна** 'дочь тетки', **тєтъчичь** 'сын тетки', русск. *тётка*, *тётушка*, диал. *тёта*, *тётенька*, *тётя*,

---

[545] Rječnik hivatskoga ili srpskoga jezika. Dio. II. Jugoslavenska Akademija. Zagreb, 1884—1886. S. 888.

[546] *K. Strekelj.* Zur slavischen Lehnwörterkunde // Denkschriften der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse. Bd. 50. Wien, 1904. S. 16. Здесь сербохорватское слово объясняется как романское заимствование, причем приводятся истро-итальянские слова *dǫnda*, *bidónda*, *pidónda*, *anda*, *amita* 'тетка'. В таком случае женское название ит. *donda* 'тетка' дало в сербохорватском мужское *dundo-*. Правда, автор отмечает очевидное отсутствие промежуточной формы между истро-итальянским и остальными романскими, а именно — итальянско-фриаульского *donda*. С другой стороны, для некоторых из приведенных истро-итальянских форм возможно объяснение влиянием венгерского языка, а именно — *anda*, ср. словацк. *andika* из венгерского.

[547] *E. Berneker.* Bd. I: *dědъ*.

[548] *K. Sandfeld.* Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930. P. 60.

[549] Там же. P. 59.

[550] Там же. P. 54.

[551] СбНУ. Кн. VIII. 1892. С. 282 (Думи и форми по говора в село Плевня, Драмско).

тетюха, укр. *тітка*, польск. *ciotka*, кашуб. *cotka*, прибалт.-словинск. *cùǫtkă*, н.-луж. *śota*, полабск. *téta* 'Base', *tétėnã* 'das Kind der Base', чешск. *teta*, диал. *tetka*, *tetička*[552], *tetéč* 'муж тетки'[553], словацк. *teta*, *tetka*, *totka* 'sestra otcova', *tetčenica* 'tetina dcera', *teteč* 'matčin bratr', *tetkoš* 'tetin muž', словенск. *téta* 'тетка', 'посаженая мать', *tétček* 'брат по отцу', *tetčîčna* 'дочь дяди', *têtec* 'муж тетки', сербск. *méma*, *memка* 'тетка', *méмак* 'муж тетки', болг. *méma*, *mémка* 'тетка', *mémúн* 'дядя, муж тетки', диал. *memак* 'сестра отца'[554].

С оригинальными фонетическими особенностями ср. русск. диал. *тятька* 'тетка'[555], по внешней форме непосредственно примыкающие к названию отца — русск. диал. *тятя*; болг. диал. *цейка* 'старшая сестра'[556].

Сюда относятся литовск. *tetà* 'тетка', *tetẽnas* 'дядя, муж тетки'.

Из области соприкосновений с названиями отца ср. еще греч. *τέττα* 'отец', в обращении[557], литовск. *tėtis* 'отец'[558].

Обычно слав. *teta*, *tetъka* относят к редуплицированным образованиям «детской речи», точно так же, как *baba*, *tata*[559].

Укр. *тітка* < *тетка*, ср. укр. *піч* < *печ*.

Из числа прочих названий можно привести следующие: русск. диал. *братька* 'дядя'[560]; сербск. *да̀ица* 'дядя по матери'; болг. *чи́чо* 'дядя по отцу', *бáе* то же, *чи́на*, *чи́нка*, *чичана*, *чича*, *чана* 'тетка, жена дяди'. Ст. Младенов допускает для болг. *чичо*, сербск. *чика*, *чико* заимствование из тюркских языков[561]. Далее — болг. диал. *нáне* (шопск.) 'дядя по отцу', *сеáко* 'дядя (муж сестры матери)', 'свояк', *дайя*, *дайчо* 'дядя'.

Др.-русск. *лелѣя* 'родственница': «...сестра матере моея есть ми великая лелѣя, братучад или братучада матере моея или отца моего есть ми малая ужика или малая лелѣя». Корм. XVI в.; *леля* 'тетка'; ср. русск. диал. *леля*, *лёля*, *лёленька* 'крестный отец, мать'[562], зап.-укр. диал. *лелíка* 'тетка', *лéльо*

[552] *Q. Hodura*. Op. cit. P. 69.

[553] *F. Bartoš*. Dialektický slovník moravský. S. 444.

[554] *П. А. Сырку*. Наречие карашевцев [болгаро-сербский говор в округе Речица] // ИОРЯС. Т. 4. Кн. 2. 1899. С. 659.

[555] *Н. Н. Дурново*. Словарь к материалам по Тамбовской губернии // РФВ. 1911. № 3/4. С. 216.

[556] *П. А. Сырку*. Указ. соч. С. 660.

[557] См. *W. Prellwitz*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. S. 458.

[558] *F. Miklosich*. S. 355.

[559] Ср. *F. Sławski*. S. 103.

[560] *Н. Васильев*. Свод материалов по Нижегородской губ. (Арзамасск. у.) // РФВ. 1910. № 3/4. С. 276.

[561] *St. Mladenov*. Etymologisches aus einer kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache // Списание на Българска академия на науките. Кн. 43. София, 1930. С. 94 и след.

[562] *В. И. Даль*. Т. II. 4-е изд. С. 636; *С. С. Высотский*. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.—Л., 1949. С. 68.

'папаша', болг. *леля, лóла* 'тетка по отцу', 'сестра матери', диал. *лелúн* 'дядя, муж тетки'[563], диал. (белослатинское) *йéйя = леля*[564], ср. «сладкоязычие» некоторых русских говоров Сибири (*л* > *й*), например, по материалам Богораза о колымском наречии; далее — болг. диал. *ляля* 'тетка со стороны матери'[565], *лéлю* 'сестра дяди по отцу'[566], ср. также *лале*: так «меньший брат называет старшего»[567], полабск. *l'oléina* 'сестра по отцу'[568].

Словацк: *nena*, *nenika* 'тетка по отцу', *nena*, *nenaša*, *ninuš*, *ninuša*, *nina*, *ninka*, *and'(ik)a* 'жена дяди по отцу', болг. диал. *нáна* 'жена дяди по матери, тетка', *нáне* 'дядя, дяденька' (обращение).

***

В заключение следует сказать, что исключительно сложные соотношения внутри славянской терминологии кровного родства, которые представляются еще более сложными при попытке этимологически исследовать ее, объясняются главным образом наличием в ней ряда хронологических слоев, на протяжении истории смещавших, вытеснявших или же только оттеснявших друг друга в той или иной функции. В последнем случае интересно, что этимологическое исследование подчас приводит к тождественным значениям разных корневых морфем, наводит как будто на мысль о дублировании, о наличии древних синонимов, ср. слав. **dědь* и древнее **ăn-* (слав. **vъn-ukъ*, нем. *Ahn*) — оба со значением 'дед, предок'. На самом же деле правильнее будет признать в этих словах продукты разных эпох, которые одновременно в одной функции не существовали[569].

---

[563] *Д. Маринов.* Думи и фрази из западна България. С. 250; *Георги поп Иванов.* Народни песни и приказки от Софийско и Ботевградско. С. 529.

[564] *Ст. Стойков.* Българска диалектология. С. 87.

[565] *И. К. Бунина.* Словарь говора ольшанских болгар. С. 32.

[566] *Н. В. Державин.* Указ. соч. С. 144.

[567] Там же.

[568] См. еще об этих словах: *F. Miklosich.* S. 167; *M. Vasmer.* REW. Bd. II. S. 29.

[569] Что касается стилистических оттенков, несомненно, игравших важную роль в градации наших терминов, они обычно ускользают при этимологическом исследовании, вскрывающем только основные словопроизводные отношения.

Глава II

ТЕРМИНЫ СВОЙСТВЕННОГО РОДСТВА

Следующая большая группа терминов объединяет терминологию свойственного родства, которое в общем противостоит кровному родству как родство по браку. Между ними, однако, существует теснейшая взаимосвязь. Свойственное родство образуется вследствие сближения прежде не родственных лиц через брак. Вместе с тем в основе каждого кровного родства лежит свойственное родство, а именно сближение не родственных кровно родителей.

Такое современное понимание свойственного (брачного) родства имеет свою длительную историю. Оно было постепенно выработано человечеством в результате оформившегося еще в родовую древность запрета кровосмесительства (т. е. брака кровно родственных особей) и выразилось далее в широко известном обычае экзогамии, при которой жены выбирались за пределами своего численно небольшого, связанного кровными узами рода. Впоследствии это было закреплено естественным правом для каждой отдельной семьи.

При первом же знакомстве с терминологией кровного и свойственного родства у индоевропейских народов становится ясным особое положение терминологии свойственного родства, усложняемое расхождениями между отдельными индоевропейскими языками. Это побудило некоторых ученых высказать предположение об исконно агнатическом характере индоевропейской семьи, при котором родственники жены рассматривались лишь как друзья, а не как родственники семьи мужа[1]. Очевидна связь этого положения с распространенной концепцией исконности индоевропейского патриархата

---

[1] См. *O. Schrader*. Reallexikon. P. 214.

(см. введение и гл. I настоящей книги). Так, Г. Хирт[2], не желая признавать вместе с О. Шрадером и Б. Дельбрюком чисто агнатического характера семейно-родовых отношений древних индоевропейцев и видя в отсутствии ряда общеиндоевропейских терминов свойства скорее их забвение, вовсе не собирается делать вывода об индоевропейском матриархате[3].

Ниже мы коснемся некоторых фактов, которые дают возможность рассматривать под иным углом зрения свойственное родство и соответствующую терминологию. Прежде всего отметим, что свойственное родство приравнивалось к кровному, ср. *свекор-батюшка* в русских народных песнях (отражено Некрасовым) и болг. диал. *дядо*, *баба* в значениях 'свекор', 'свекровь'. Ср. весьма характерные обозначения брачного родства во французском языке, который, например,

имеет вместо лат. *glōs* 'золовка'	— *belle-soeur*,
„ „ *socrus* 'свекровь'	— *belle-mère*,
„ „ *socer* 'свекор'	— *beau-père* и т. д.

При этом использованы названия кровных родственников — отца, матери, сестры[4]. Обычай переноса старых терминов кровного родства на родственников по браку у индоевропейских народов анализирует О. Шрадер в специальном исследовании об индоевропейской терминологии свойственного родства[5].

При этимологическом исследовании названий свойства также обнаруживается в ряде случаев использование корневых морфем, которые образуют названия родства, родовой общности: греч. *πενθερά* 'свекровь' < и.-е. **bhendh-* 'вязать, связывать', нем. *binden*, ср. литовск. *beñdras* I 'общий', II 'товарищ, друг', возможно, также сюда литовск. *bandà* 'стадо домашнего скота'[6]; слав. **šurъ*, **šurъjъ*, **šurinъ* 'шурин, свояк' < и.-е. **si̯ū-* 'шить, вязать', ср. греч. *Ὑμήν* 'бог бракосочетания': санскр. *syū́man-* 'повязка'[7], в основе которого лежит тот же признак связи, связывания, часто характеризующий общие определения родства в индоевропейском (ср. еще нем. *Verwandtschaft* 'родство').

В различных названиях свойства запечатлены различные моменты истории родственных отношений, ср. лат. *affinis* 'свойственный', собств.

---

[2] *H. Hirt.* Untersuchungen zur idg. Altertumskunde // IF. Bd. 22. 1907. S. 78—86.

[3] Там же. S. 80.

[4] О происхождении французских слов см. *M. Bréal.* Notes étymologiques // MSL. T. 7. 1892. P. 447, сноска 1.

[5] *O. Schrader.* Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den idg. Völkern // IF. Bd. 17. 1905—1906. S. 18.

[6] Ср. *K. Mühlenbach.* I. S. 261—262.

[7] См. *K. Brugmann.* KVGr. S. 94.

'соседний, сопредельный' < *ad fines*[8], что может отражать в какой-то мере экзогамные воззрения: 'свояк' = 'из соседнего рода'.

Но как наиболее типичную особенность многих терминов свойства исследователи отмечают использование местоименного корня и.-е. **s̯u̯e-*, **su̯o-*, **su̯ei-*, *suoi-*[9], ср. греч. *ἀέλιοι, αἴλιοι, εἰλίονες* 'свояки' < **su̯elio*(*n*)-, др.-исл. *svili* 'свояк'[10], нем. *Geschwei* 'свояк и свояченица' < **gi-swīun*, ср. *Gebrüder*, *Geschwister*[11]; с зубным расширением основы — лат. *sodalis* 'член братства', греч. (гомеровское) *ἕταρος*, слав. *svatъ*[12]. Из славянских образований ср. др.-русск. *своетьство* 'сродство', русск. *свойство*, сербск. диал. *svȍšćina* 'родство', словенск. *svȍšćina* 'свойство'[13]. Ср. характерное для территории сербохорватского языка топонимическое обозначение *Svojći*[14], от нарицательного обозначения родственных групп, общины. Эта особенность названий свойства (наличие **su̯e-*, **su̯o-*) хорошо известна. При всем том именно в ней заключается возможность совершенно иного объяснения терминологии свойственного родства, чем, например, то, которое выдвигал О. Шрадер.

Наличие местоименного корня **su̯e-*/**su̯o-* органически связывает термины свойства с древним термином кровного родства и.-е. **su̯esor*, слав. *sestra*. Выше уже говорилось, что наиболее вероятной частью этимологии и.-е. **su̯esor* является выделение местоименного корня **su̯e-* 'свой, своя', т. е. именно того, который характеризует различные термины свойства (и.-е. **su̯eḱro-s*, **su̯eḱrū-s*, слав. *svekrъ*, *svekry*). Выходит, что очень широкая группа родственников, начиная от кровной сестры и кончая весьма далекими родственниками жены, называлась 'своими', т. е. строгого разделения между родственниками мужа и родственниками жены в древнюю эпоху анализ терминов не позволяет предполагать. Больше того, как отмечают исследователи, в первобытно-общинную эпоху в условиях кросскузенного брака какое бы то ни было разграничение кровного и свойственного родства являлось излишним, так как, например, 'брат мужа' — позднейший **dai̯u̯er* — был просто одним из моих мужей, сестра мужа — впоследствии **ĝəlōu-* была моей сестрой[15]. Известная несогласованность индоевропейских терминов свойства — факт, которому обычно приписывают решающее значение в

---

[8] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 19.

[9] См. *O. Schrader.* Über Bezeichungen… S. 18.

[10] *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 533.

[11] *F. Kluge.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. S. 202.

[12] См. *Ernout—Meillet.* T. II. P. 1115; *É. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2ème éd. Heidelberg—Paris, 1923. P. 291—292.

[13] *M. Tentor.* Der čakavische Dialekt der Stadt Cres // AfslPh. Bd. 30. 1908. S. 201.

[14] *St. Rospond.* Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe na *–itj* // Prace Komisji językowej. Kraków, 1927. S. 19.

[15] См. *А. Исаченко.* Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания. 1953. S. 72.

суждениях об этих терминах, — объясняется вторичностью оформления названий свойства как таковых, что соответствует эволюции рода и семейно-родовых отношений [16]. Исследователи отмечают, что «различие кровных родственников и свойственников, которому мы придаем такое большое значение, не имеет в глазах австралийца большой цены» [17]. Говорить, что вторичность терминов свойства отражает второстепенное положение родственников жены в индоевропейской семье, было бы ошибкой.

После этого необходимого отступления вернемся к нашему изложению и рассмотрим по порядку термины свойственного родства.

Слав. **nevěsta*

Слово общеславянское, известное всем славянским языкам: ст.-слав. **невѣста** ʽνύμφη, sponsaʼ, **невѣстица** ʽsponsaʼ, **невѣститель** ʽνυμφίος, sponsusʼ, **невѣстьникъ** ʽνυμφίος, sponsusʼ, др.-русск. *невѣста* ʽsponsaʼ, *невѣста* ʽnurus, жена сынаʼ, *невѣстиньство* ʽбрачный обрядʼ, *невѣститель* ʽженихʼ, *невѣстити* ʽприводить невесту, обручатьʼ, *невѣстъка* ʽсноха, жена сынаʼ, *невѣстьникъ* ʽνυμφίος ʽженихʼ, *невѣстъство* ʽсвадьба, бракʼ, русск. *невéста*, диал. *н'ев'êста*, *н'ев'úста* [18], укр. устар. *невiста*: 1) ʽневестаʼ, 2) в Галиции, Буковине ʽженаʼ; польск. *niewiasta* ʽженщинаʼ, диал. *nevjasta*, *ńev'asta* (территория Словакии, Teplička) [19], кашуб. *ńasta*, в.-луж. *ńewjesta*, чешск. *nevěsta* ʽневестаʼ, ʽневесткаʼ, ʽженаʼ, диал. восточно-ляшск. *ńevasta* ʽснохаʼ, ʽневестаʼ [20], словацк. диал. *ňevesta*, ʽзамужняя женщинаʼ [21], др.-сербск. *невѣста* ʽsponsaʼ, сербск. *нѐвјеста* ʽневестаʼ, ʽневестка, жена сына, братаʼ, *невòвâњe* ʽdas Brautsein, status sponsaeʼ, *невòвати* ʽBraut seinʼ, *Нéка* (сокращ. ласк.) = *нѐвјеста*, ср. *нéва* [22], разговорные сокращенные формы слова; болг. *невéста*, *невя́ста*, *невéстче* ʽневестаʼ, ʽмолодая жена, женщинаʼ.

---

[16] Там же. S. 72, 73.

[17] *А. Максимов*. Системы родства австралийцев. С. 62.

[18] *С. С. Высотский*. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. II. М.—Л., 1949. С. 18.

[19] *G. Horák*. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955. S. 178.

[20] *A. Kellner*. Východolašská nářečí. II. Brno, 1946. S. 231.

[21] *F. Buffa*. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953. S. 184.

[22] *E. Fraenkel*. Zur Verstümmelung· bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1923. S. 401; так, видимо, надо объяснять и болг. диал. *нѐ^{a}ца* ʽбуля, жената на по-стар братʼ (*Д., К. Г. Молерови*. Народописни материали от Разложко. Речник // СбНУ. Кн. XLVIII. 1954. С. 489).

Вряд ли можно назвать какое-нибудь другое слово, по поводу которого было бы предложено больше разнообразных этимологических объяснений, чем слав. *nevěsta*. Впрочем, это неудивительно, поскольку данное слово издавна стоит в центре внимания исследователей, занимающихся изучением славянских семейно-родовых отношений. Уже для Ф. Миклошича были очевидны трудности, с которыми сопряжена этимология слав. *nevěsta*. В своем этимологическом словаре[23] он дает два варианта этимологии, не настаивая на каком-либо одном: 1. из корня *ved-* 'вести', ср. древнерусское словоупотребление: *ведена бысть Ростислава за Ярослава*; 2. *ne-věsta* = 'неизвестная'. Второе объяснение, как думал Миклошич, не подтверждается фактами. Следует отметить, что в дальнейшем большая часть толкований слова исходит либо из одного, либо из другого варианта, предложенного Миклошичем. Р. Ф. Брандт[24] присоединяется к этимологии *невѣста* = 'неизвестная' и считает сомнения Миклошича на этот счет необоснованными, ср. в русских песнях: жених — 'чуж чуженин'. Фр. Прусик[25], напротив, развивает первое объяснение, принимая *nevěsta* < **nevověsta* через гаплологию *vo-vě* > *vě*, т. е. **neu̯o-* 'новый' и *vēd-*, удлиненного *ved-* 'вести' в part. perf. pass. *vēd-tŭ*, ж. р. *věsta*.

Этимология Ф. Прусика встретила неодобрение И. Зубатого[26], подробно указавшего на ее недостатки. Относительно первого из них (*nev-* вместо *nov-*) с ним можно не согласиться, поскольку, **neu̯(o)-* перед гласным переднего ряда в славянском могло сохраниться. Говоря же о загадочности *ě*, Зубатый совершенно прав, так как *ě* для *vesti* известно только в аористе ст.-слав. **вѣсъ, вѣхъ**. Подчеркивая, что трудно предложить категорическое объяснение слова *nevěsta* ввиду затемненности его внутренней формы, Зубатый склоняется к мысли Миклошича (*nevěsta* = 'неизвестная'), которая опирается на достоверную форму: причастие на *-to- věstъ* 'знакомый'. Зубатый думает, что в *nevěsta* = 'неизвестная' необязательно видеть отголосок умыканий и такое толкование приемлемо также для более поздних эпох.

Важно также авторитетное мнение В. Ягича[27], который высказался за толкование *nevěsta* = 'ignota, неизвестная' и отметил попутно несостоятельность критики Г. А. Ильинского[28], предложившего оригинальное, но малоправдоподобное объяснение: *невѣста* — собств. *невѣ-ста* (ср. *старо-ста*), где *невѣ* — местн. п. от **neu̯os*, т. е. 'находящаяся в новом положении'. В

[23] *F. Miklosich.* S. 214.

[24] *Р. Ф. Брандт.* Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. С. 90.

[25] *Fr. Prusik.* Slavische Miszellen // KZ. Bd. 33. 1893. S. 160 ff.

[26] *J. Zubatý.* Slavische Etymologien // AfslPh. Bd. 16. 1894. S. 404—407.

[27] *V. Jagić.* Zusatz // AfslPh. Bd. 24. 1902. S. 229.

[28] *G. Jljinskij.* Zur slavischen Wortbildung. III. Die Etymologie des Wortes *невѣста* // AfslPh. Bd. 24. 1902. S. 227—228.

достоверных сложениях мы, однако, не находим следов местного падежа, ср. привлекаемое Г. А. Ильинским *старо-ста*. С этимологией Ильинского и другими, выделяющими в *nevěsta* **neu-* 'ново-', перекликается в материальном отношении этимология А. Л. Погодина[29]: *невеста* объединяется с *невод*, **навь** 'мертвец' и выводится из **nāv-esta*. И. Миккола тоже сопоставляет слав. *nevěsta* и *nevodъ*, по его мнению — это сложения, первая часть которых стала ощущаться как отрицание[30].

А. Вальде и Ю. Покорный высказываются за толкование слав. *nevěsta* = 'неизвестная'[31], ср. также Зд. Штибер о серболужицком *nje-wěsty* 'unbekannt' и *njewjesta* 'Braut'[32].

Из прочих старых толкований слова можно еще назвать сближение *nevěsta* с литовск. *vaisà* 'плодородие', т. е. = 'дева'[33], отмеченное также К. Бугой[34], а также — для полноты картины — толкование, приводимое Н. В. Горяевым[35]: *не-веста* — и санскр. *viç* 'входить', *niviç* 'жениться, выходить замуж', греч. *ϝοικ-έ-ειν* 'жить, обитать', литовск. *viešėti* 'быть гостем'.

Обстоятельный этимологический анализ нашего слова принадлежит Н. Трубецкому[36]. Н. Трубецкой предлагает совершенно новое объяснение, признавая старые неудовлетворительными. Так, этимология **ne-věd-ta* = 'неизвестная' отражает, по его мнению, не более как народную этимологию, т. е. переосмысление по ассоциации с употребительными корневыми морфемами. Ему неясно, какая здесь форма от корня *věd-*, значение же представляется искусственным (?). Не одобряет Трубецкой и этимологию **nevo-věsta* к **vesti*. «Нам кажется, что вообще надо отказаться от взгляда на слав. *nevěsta* как на compositum. Лучше попытаться рассматривать его как самостоятельное, несложное слово»[37]. Форму *nevěsta* Н. Трубецкой считает неисконной и восходящей к индоевропейскому прототипу **neu̯isthā*, superlativus от **neu̯os* 'новый, молодой'. Другого примера **-istho-*, правда, ни славянские, ни балтийские языки не дают. Ср. готск. *hauhists*, санскр. *navišṭhaḥ*. Итак, **neu̯isthā* = 'самая молоденькая'. Затем был осуществлен фонетический переход в слав.

[29] *А. Л. Погодин*. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

[30] *J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. T. I. Heidelberg, 1913. S. 44.

[31] *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 255.

[32] *Z. Stieber*. Etymologisches // ZfslPh. Bd. 9. S. 381—383.

[33] См. подробнее *А. Преображенский*. Т. I. С. 599.

[34] Ср. в его рукописной картотеке к литовскому этимологическому словарю (хранится в Ин-те литовск. языка и лит-ры АН Лит. ССР).

[35] *Н. В. Горяев*. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

[36] *Н. Трубецкой*. О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском праязыке. 1. Слав. *nevěsta* // Slávia. Roč. I. 1922—1923.

[37] Там же. S. 13.

**neuьsta* (*eu̯* не перешло в *ou̯* перед гласным переднего ряда *ь*). Далее происходит переосмысление ввиду возможности существования причастия **u̯istos*, греч. *ϝιστός*; и т. д., part. pass. от **u̯eid-*, **u̯oid-*, **u̯id-*, т. е. **ne-vьstā* 'не изведанная, не познанная еще мужчиной'. Затем во все формы проникла ступень *oi̯* ('знать', при *u̯eid-* 'видеть'): **nevoistā*.

Нам не представляется убедительным ход мыслей Н. Трубецкого. Правильнее было бы в соответствии с наиболее вероятными из выдвинутых этимологий (Брандт, Зубатый, Ягич) ограничиться сопоставлением **ne-vois-tā* с **voidmi* 'знаю'. Ступень *oi̯* (*ě*), смущавшая Трубецкого в *nevěsta*, несомненна еще в морфологически тождественных др.-сербск. *невѣсть* 'inscitia', др.-русск. *вѣстыи* 'известный, notus, *γνωστός*', русск. диал. *вéсто*: то же, что *вестно* ('ведомо, известно'): *Весто*, кормилец, *весто*[38]. Ср. также серболужицкое *njewěsty* (см. выше). Трубецкой, доказывая иное, оперирует не фактами, а довольно смелыми гипотезами, которые отнюдь не пополняют наших сведений об истории слова.

Широкого признания эта новая этимология не получила, и вплоть до последних лет этимологизирование слова *nevěsta* продолжает обогащаться новыми толкованиями. Ср. В. Махек: *nevěsta* 'jeune épouse' < **nevě-vьsta*, через гаплологию[39]. И. М. Коржинек[40] рассматривает слав. *nevěsta* как сложение: *neu-* 'ново-' + **ēdtā*, part. perf. pass. fem. от глагола **ē-dō-* 'принимать, брать себе', ср. др.-инд. *ātta-*. Ту же основу он видит в слав. **ědъ* = *ē-d*(*ō*)- 'то, что принято в себя'. Кроме этого оригинального толкования, следует еще назвать объяснение Я. Отрембского, также совершенно отличное от всех предшествующих. Я. Отрембский, неоднократно занимавшийся этимологией слав. *nevěsta*[41], считает для последнего возможным в древности образование, морфологически однородное с другими старыми именами родства: **neu̯-ēr*, ср. лат. *noverca* 'мачеха' и **neu̯ēter*/**neu̯ēser*, которые в славянском дали *-ā-*

[38] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 33.

[39] *V. Machek.* Étymologies slaves // Récueil linguistique de Bratislava. I. 1948. P. 98, сноска 1, со ссылкой ZfslPh. Bd. 18. S. 316.

[40] *J. M. Kořínek.* Slov. *nevěsta* // LF. Roč. 57. 1930. S. 8—15.

[41] *J. Otrębski.* Słów. *nevěsta* // PF. T. 11. 1927. S. 284—289; *Он же.* Origine du mot latin «noverca» // Eos. T. XXVII. 1929; см. его рецензию на кн. *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. II. 1942; T. III. 1950 // Lingua Posnamensis. T. II. 1950. S. 282; см. также его рецензию на кн. Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde, Von J. B. Hoffmann // Lingua Posnaniensis. T. III. 1951. P. 343—344. Аналогичное по оригинальности и, пожалуй, по неправдоподобности объяснение слова *nevěsta* предложил в свое время Х. Барич, выводивший его из **neu̯ē-stor* 'новая женщина', сложения, вторая часть которого родственна др-инд. *str-i* 'женщина' (*H. Barié.* Albanorumänische Studien. I. Zur Kunde der Balkanhalbinsel. Quellen und Forschungen. 7. Sarajewo, 1919. S. 80).

основу, ср. *sestra* < **su̯esōr*; *-r-* утрачено аналогично слав. *bratъ*. В дальнейшем Я. Отрембский сюда же привлекает лат. *nurus* «avec le r primitif» (?).

Все толкования нового времени, начиная с Трубецкого, одинаково неудовлетворительны и одинаково недоказуемы при всем их остроумии. Указывая на это, М. Фасмер[42] с полным основанием предпочитает старое объяснение *nevěsta* = ʻнеизвестнаяʼ, очевидное в фонетико-морфологическом отношении и понятное в этнографическом плане как проявление речевого табу.

Обобщая наблюдения над перечисленными этимологиями, мы настаиваем на одной из старых этимологии: **ne-věsta* — ʻнеизвестнаяʼ. Э. Гаспарини использует эту этимологию в своей недавней работе о древне-славянской экзогамии с привлечением обширного этнографического материала[43]. В то же время А. Исаченко в своей статье о терминах родства, часто цитируемой нами, предпочитает возводить *nevěsta* к **vedǫ*, **vesti*, ср. лат. *uxorem ducere*[44]. Старая этимология *nevěsta* настолько очевидна, что поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными. Можно заранее сказать, что они не смогут противопоставить ничего равноценного по ясности старому объяснению.

Возможно, что еще далеко не исчерпан соответствующий этнографический материал, который бы иллюстрировал вероятность этимологии *nevěsta* = ʻнеизвестнаяʼ. Достаточно вспомнить отмечавшиеся в литературе обряды молчания по отношению к невесте, невестке в первые дни после вступления ее в дом жениха, мужа, обычай обращаться с ней, как с незнакомым человеком, что — интересно — совершенно независимо от того, знали или не знали ее раньше домочадцы мужа. Ср. довольно новое свидетельство из Сербии: «Младу не зову најчешће по имену већ — млада, невјеста, сна’а, или пак по селу одакле је (Будимљанка, Винићанка). Сусједи је зову обично по братству из кога је родом — Поповача, Бакићуша... а понекад и по имену мужа — Љубовица, Бацковица, Јововица...»[45]. Невесту не называют в доме жениха по имени, и в этом, а также в других упомянутых обыкновениях можно видеть

[42] См. рецензию М. Фасмера на кн. *W. Havers*. Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946 // ZfslPh. Bd. 20. 1950. S. 454. Возражает против новых этимологий слав. *nevěsta* и М. Будимир, придерживающийся старого объяснения этого слова как *ne-věsta*, ср. *věstъ* ʻδῆλοςʼ; в подтверждение он приводит ономасиологические параллели названий женщины как ʻпокрытойʼ, ср. также обычай покрывать, повязывать голову у невесты (*М. Будимир*. Ономасиолошки и граматички прилози. 4. *nevēsta* // Јужнословенски филолог. Кн. VI. 1926—1927. С. 174 и след.).

[43] *E. Gasparini*. L’esogamia degli antichi Slavi // Ricerche Slavistische. Vol. II. 1953. P. 146.

[44] *А. Исаченко*. Указ. соч. С. 77.

[45] *М. Барјактаровић*. Свадбени обичаји у околини Берана (Ивангради) // Зборник филозофског факултета. Књ. III. Београд, 1955. С. 243.

одно из бесчисленных проявлений древнего эвфемизма: стремление скрыть от злых духов переход девушки в другой дом, чтобы они не смогли помешать удачному началу супружеской жизни. Это обыкновение, безусловно, древнее, но характерно оно не для всех исторических эпох. В частности, в эпоху родового строя времен кросскузенного брака, когда моя жена была моей кузиной, для подобных обычаев, как и для особого обозначения невесты, не существовало еще никаких предпосылок. Таким образом, слово *nevěsta* представляет целиком порождение славянской эпохи, т. е. образование сравнительно новое [46], хотя и состоящее из индоевропейских корневых морфем.

Непосредственно следует вывод о позднем характере обозначений невесты в различных индоевропейских диалектах. Ср. пóзднее местное название невесты в германских языках: нем. *Braut*. Целый ряд противоречивых этимологических решений, существующих в литературе по поводу этого слова, напоминает нам в какой-то мере историю изучения славянского названия невесты. Литовский язык также представляет пóзднее, местное название невесты — *núotaka* [47], отглагольное от *tekė̃ti* 'выходить замуж', собств. 'бежать'. Соблазн видеть в этом значении реминисценцию экзогамного умыкания еще не дает достаточного основания считать название невесты очень древним.

Славянские языки далеко не согласны между собой в обозначении невесты и, помимо общеславянского и потому относительно древнего названия *nevěsta*, они насчитывают ряд более поздних местных слов с этим значением. Ср. прибалт.-словинск. *brȃtkă*, *brutká*, заимствованное из немецкого (*Braut*), с присоединением славянского суффикса *-ка*, ср. словацк. диал. *bralta* с *l* < *u̯* [48],

[46] См. *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 77. Попутно нельзя не привести очень ценное для нас мнение Э. Бернекера, высказанное им по поводу разобранной этимологии Н. Трубецкого, ценное также и потому, что оно восполняет отсутствие соответствующей статьи в его неоконченном этимологическом словаре: «...Это слишком остроумное толкование невероятно. *Nevěsta*... не была не чем иным, как 'неизвестной'...; аналогично обозначает алб. *re* ('новая') 'невесту, сноху'... Причину этого обозначения можно объяснить по-разному; может быть, из страха перед демонами, который играет такую большую роль при сватовстве и свадьбе (ср. *Samter.* Geburt, Hochzeit und Tod. S. 98 ff.), из боязни произнести имя, чтобы не дать злым духам власть над новым членом семейства» (AfslPh. Bd. 38. 1923. S. 269).

[47] Диалектные варианты см. у *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. S. 191: *nutakuõlė*, *núotekuolė*, *núotakaolė*, *natekuõlė*.

[48] *F. Buffa.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. S. 135. Из близкой германской формы заимствовано, далее, русск. диал. (арханг.) *брюдга́* 'сваха, крестная мать, замужняя сестра невесты', 'провожатая жениха', сюда же *брю́нъга*, *брю́ньгушка*, *брю́нюшка*; эти слова объясняют из древнегутнийского *brȳttŭgha*, ср. вслед за И. Ю. Микколой *C. Thörnquist.* Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala, Stockholm, 1948. S. 28—29.

полабск. *ninka* 'невеста, Braut' (из Песни Геннинга, по Гильфердингу: *Katü mes Ninka bayt?* 'Кто должен невестой быть?' [49], *nénka*, однокоренное с многочисленными названиями кровного родства — 'отец', 'мать', 'сестра' и др., выраженными корнем **nan-*, **nen-*.

Отражают различные моменты свадебного обряда болг. *бýлчица* < *було* 'свадебное покрывало, фата' [50], русск. диал. *сговорёнка* 'просватанная, невеста' [51], *порученѝца* 'невеста от достойна до свадьбы' [52], *молодáя* [53], ср. выше сербск. диал. *млада* то же, укр. *наречéна*, ср. польск. *narzeczona*, укр. *прíчка*.

Жених

Ст.-слав., др.-русск. **женихъ** 'sponsus, *νυμφίος*', русск. *женúх*, диал. 'женатый мужчина' [54], польск. диал. *żenich* 'oblubieniec', 'narzeczony', восточнольяшск. диал. *žyńich* [55], сербск. *жѐнйк* 'der Bräutigam, sponsus'. Все эти формы говорят об о.-слав. *ženixъ* (сербская форма, видимо, — аналогического происхождения). В слав. *ženixъ* мы имеем дело не с балто-славянским суффиксом **-is-* (слав. **-ix-*), первоначальным суффиксом принадлежности и происхождения, ср. русск. *богачиха* и под. [56]. Скорее всего, слав. *ženixъ* образовано прибавлением славянского суффикса *-xъ* (*ženi-xъ*) к глагольной основе *ženi-ti*, т. е. *ženixъ* — отглагольное имя деятеля, и в этом смысле его нельзя непосредственно соотносить со слав. *žena* 'жена'. Прекрасную аналогию славянскому слову видим в греч. *μνηστήρ* 'жених' — к *μνάομαι* 'свататься', которое в свою очередь происходит от **μνâ* < **g̯ṷnā* 'жена' [57].

Прочие славянские названия: русск. диал. *молодúк* 'молодой, новобрачный' [58], укр. диал. стар. *заручник*, н.-луж. *nałožéńa*, *nawožeńa* 'Bräutigam, жених', в.-луж. *nawožeń*, *nawoženja* (< *woženić so*) 'Bräutigam', чешск.

---

[49] См. *Pfuhl.* Pomniki Połobjan Słowanśćiny // Časopis Macicy Serbskeje. 1863. № 28. Budyšin, S. 103—105.

[50] См. еще *O. Schrader.* Reallexikon. S. 355.

[51] *В. И. Даль.* Т. IV. 4-е изд. С. 100; *Ф. Покровский.* Особенности в говоре населения… по реке Письме, Костромек. губ. Буйского у. // Ж. Ст. 1895. Вып. IV.

[52] *И. Кедров.* Слова ладожские // Ж. Ст. 1899. Вып. III—IV. С. 405.

[53] *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь. С. 415—416.

[54] *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. С. 23.

[55] *A. Kellner.* Východolašská nářečí. II. S. 335.

[56] *A. Gāters.* Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung // KZ. Bd. 72. H. 1/2. 1954. S. 51 ff.

[57] *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 681.

[58] *А. Подвысоцкий.* Словарь областного архангельского наречия. С. 92.

snoubenec, словацк. *snúbenec*, *verenec*, болг. *годени́к*, *сгодени́к*, диал. *арма́сник*, заимствованное из новогреческого [59], диал. *глаwнѝк* 'годеник' [60].

В сербском языке в значении 'жених, супруг' употребляется также слово *храбар* < о.-слав. **xorbrъ* 'храбрый доблестный', ср. др.-сербск. *храбръ* 'fortis', несомненное отражение свадебной обрядовости, при которой жених изображается охотником и наделяется соответствующими воинственными эпитетами. Ср. болг. *во́ино*, *во́йно* в обращении к жениху, — аналогичного происхождения. Поэтому Ф. П. Филин ошибался, предполагая, что в *храбар* 'жених, супруг' сохранилось «очень раннее значение» [61].

Об относительной хронологии возникновения различных индоевропейских названий можно повторить все то, что уже было сказано о названиях невесты: все это — вторичные, местные образования. Это совершенно очевидно как из несогласованности свидетельств различных индоевропейских языков, так и из этимологической прозрачности большинства названий. Ср. литовск. *jaunìkis*, *vedỹs* [62], греч. *νυμφίος*, производное с суффиксом *-i̯o-* от *νύμφη* 'невеста', готск. *bruþfaþs*, нем. *Bräutigam*, англ. *bridegroom*, тоже производные (точнее сложения) от общегерманского названия невесты **brūđi*.

Муж, мужчина

Индоевропейское название человека претерпело в славянском коренное изменение значения, в итоге которого оно оказалось вовлеченным в сферу терминологии родства [63]. Так образовалось о.-слав. *mǫžь* 'мужчина, муж': ст.-слав. **мѫжь** 'ἀνήρ', 'ἄνθρωπος', 'ἐπιβάτης', 'τὶς' др.-русск. **мѹжь = мѫжь** 'homo, vir, человек', 'свободный человек', 'именитый, почтенный человек', 'maritus, супруг', **мѹжатаꙗ, мѹжатица = мѫжатица** 'замужняя женщина', польск. *mąż* 'муж', *mężczyzna* 'мужчина', *mężatka* 'замужняя женщина', русск. *муж*, *мужчина*, кашуб. *mǫž* 'муж, мужчина', чешск. *muž* 'мужчина', диал. *mužský*: «ženatí (voženělí) šlovou mužský» [64], словацк. диал. *muš* 'супруг' [65], сло-

[59] См. *Ст. Стойков*. Българска диалектология. С. 154.

[60] *Г. Христов*. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско // Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956. С. 219.

[61] *Ф. П. Филин*. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Т. 80. 1949. С. 94.

[62] См. *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 131, 65.

[63] Ср. *C. D. Buck*. S. 80: «In Slavic there Was a complete shift from 'man' 1 ['человек'] to 'man' 2 ['мужчина'] and 'husband', and in part a later restriction to 'husband' with new derivatives in the sense of 'man' 2, as SCr. muškarac, Russ. mužčina, etc.».

[64] *Q. Hodura*. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1904. S. 70.

венск. *mȏž* 'муж', *zá-mož dati* 'выдать замуж', *zá-mož iti* 'выйти замуж', сербск. *му̑ж* 'der Ehemann, maritus', *му̀жатица* 'das Eheweib, mulier', диал. *muškāč* 'Mann'[66], болг. *мъж* 'мужчина', 'муж, супруг', *мъ́жа* 'выдавать замуж', *мъ́жа се* 'выходить замуж'.

Что касается этимологии слав. *mǫžь*, то на это слово распространяли старое толкование индоевропейского названия человека: нем. *Mann*, др.-инд. *manu-* < **man-* 'думать, мыслить', якобы в отличие от животных, т. е. 'homo sapiens'[67]. В принципе было бы трудно возражать против такого толкования. Вместе с тем такие образные значения, предполагаемые для глубокой древности, обычно вызывают понятное недоверие. С другой стороны, можно с большей вероятностью допустить существование у и.-е. **man-*, слав. **mǫžь* функции технического термина, который определяет мужских особей древнего рода с наиболее существенной практически стороны, а именно как таковых в противоположность женским членам. Во всяком случае мы вправе искать такое значение в древнем славянском термине **mǫdo* 'testiculi' (у Преображенского нет), самостоятельном старом производном от и.-е. **man-* 'мужчина' с суффиксом *-do*. Искать также и в **mǫdo*, ст.-слав. **мѫдо** древнее значение 'мыслить' было бы более чем странно.

Слав. *mǫžь* образовано самостоятельно из и.-е. **man-* 'мужчина' с помощью суффиксов[68]: **mon-g-i̯o-s*, поэтому *-ž-* в слав. *mǫžь* развилось органически, а не в результате контаминации, как думал Г. А. Ильинский, сложно объяснявший возникновение *mǫžь* из сочетания *zamǫžь*, полученного контаминацией слав. **monъ* (= санскр. *manuḥ*, нем. *Mann*) *za možь* : *mogǫ*[69]. Попытка Г. А. Ильинского была продиктована стремлением правильно объяснить укр. *за́між*, которое, как он полагал, может продолжать только **za možь*, а не **za mǫžь*. Тем не менее мы предпочитаем остаться при старой точке зрения. Укр. *заміж* не имеет доказательной силы, ср. еще один случай неорганического украинского *і* на месте общеславянского носового: *дібро́ва* < **dǫbrova*.

Относительно происхождения славянской формы *mǫžь*[70] существуют различные точки зрения. Одна из них принадлежит А. Вайану. Указывая на не-

---

[65] *F. Buffa.* Op. cit. S. 179.

[66] *P. Skok.* Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg) // AfslPh. Bd. 33. 1912. S. 365.

[67] *B. Delbrück.* S. 432—433, 435.

[68] Ср. *A. Meillet.* Études. P. 209, 354; *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. III. Heidelberg, 1950. S. 35.

[69] *Г. А. Ильинский.* // Рідна мова. I. 1933. С. 117 и след. Цит. по Indogermanisches Jahrbuch. Bd. XIX. 1935. S. 271—272.

[70] Греч. Ἀμαζόνες не имеет к слав. *mǫžь* никакого отношения и хорошо объясняется из греч. *μαστός* 'сосок': *α-μαζ-ονες* собств. 'без соска', что соответствует мифологическим данным. Иначе см. *H. Jacobsohn.* Σχυϑιχα // KZ. Bd. 54. 1926. S. 280: слав. *mǫžь*, т. е. 'без мужа'.

ясный характер конца слова, Вайан видит в *-ž-* не суффикс, а результат весьма редкого в славянском фонетического развития: атематическая флексия **manu-* с вин. п. ед. ч. **manu̯i(n)*, по которому все сложение преобразовалось в склонение на *-i-*, а *-nu̯-* дало *-ngᵘ-*, т. е. произошло усиление группы согласных типа **-mi̯-* > *-mlj-* [71]. Другая точка зрения может быть признана общепринятой. Так, А. Мейе, В. Вондрак, Р. Траутман, в последнее время Ю. Покорный и Ф. Мецмер единогласно видят в слав. *mǫžь* образование с суффиксом *-g-* [72]. Не возражая в принципе против мысли Вайана о возможности редкого развития *g-* перед *u̯-* [73], в ряде вопросов с ним можно не согласиться. Прежде всего невероятен вин. п. ед. ч. **manu̯i(n)* от *-u-*основы *monu-*, и.-е. **manu*, ср. *u*-основу ст.-слав. **сынъ**, вин. п. ед. ч. **сынъ** < *sūn-m̥*, литовск. *sūnų* (**sunum*). Далее, нет никаких следов этой предлагаемой *u*-основы в слав. *mǫžь*. Фактические данные говорят только о возможности существования **mongjo-*, мужской основы на *-o-* [74]. Эта производная форма образована нанизыванием нескольких суффиксов: *măn-g-i̯o*. Таким образом, мы не видим необходимости вместе с Вайаном признавать здесь органический фонетический процесс **măngu-* < **manᵍu̯-* < **mănu* уже потому, что ни **manu-*, ни **mangu-* в славянском неизвестны, а развитие нашего **măngi̯o-* из **mangu-* сомнительно. Следовательно, образование **măn-g-i̯o-*, слав. *mǫžь*, ст.-слав. **мѫжь** проходило главным образом морфологическим путем [75].

Мы подходим к вопросу о материальной природе этих суффиксов. Занимаясь одним из интересующих нас формантов, Ф. Мецгер [76] подчеркивает

[71] *A. Vaillant.* Slave *mǫžь* // RÉS. T. 18. 1938. P. 75—77; *Он же.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. 1950. P. 96, 185.

[72] *A. Meillet.* Études. P. 354; *Он же.* Les origines du vocabulaire slave // RÉS. T. 5. 1925. P. 12; *W. Vondrák.* Bd. I. S. 470; *R. Trautmann.* BSW. P. 169; *J. Pokorny.* P. 700; *F. Mezger.* Zu einigen indogermanischen *g-* und Bildungen // KZ. Bd. 72. H. 1/2. 1954. S. 99 ff.

[73] Такие случаи, действительно, вероятны для славянского, ср. *gvozdь* < *gvozdь*, см. нашу статью Славянские этимологии 1—7 // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957.

[74] Ст.-слав. вин. п. ед. ч. **мѫжєхи** объясняется влиянием других обозначений лиц независимо от основы, как правильно отмечал С. Кульбакин в своей критике объяснения слав. *mǫžь* < **mongju-* на основании ст.-слав. зв. п. **мѫжоу** и дат. п. **мѫжєви** у Мейе: *A. Meillet.* Les vocatifs slaves du type *mǫžu* // MSL. T. XX. 1916. P. 95—102; позднее ср. *он же.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 288, 398. С. Кульбакин подкрепляет свое замечание указанием, что различия *-u-* и *-o-*основ в славянском были утрачены очень рано (см. Јужнословенски филолог. Кн. V. 1925—1926, Библиографија. С. 329).

[75] Особую этимологию недавно выдвинул Я. Отрембский (Miscellanées onomastiques // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950. P. 86 ff.): слав. *mǫžь* < **ma-n-gh-*, ср. вариант готск. *magus*.

[76] *F. Mezger.* Op. cit. S. 99 ff.

единичность индоевропейских образований с суффиксом *-g-*, не позволяющую применить какую-либо классификацию: слав. *mǫžь*, литовск. *namiegas* 'домашний, домочадец', литовск. *sárgas* 'охранник, сторож', слав. **storžь*[77]. Нельзя, однако, не отметить неполноты перечня, причем упущены слова, как раз наиболее близкие по значению к слав. *mǫžь*: литовск. *mer-g-à* 'девушка' (к греч. *μεῖραξ* < **μερ-ιαξ* то же), др.-сканд. *ekkja* 'вдова', которое В. Краузе[78] объясняет из герм. **ein-kjō* 'Alleinstehende'. Герм. **ein-kjō* восходит к и.-е. **ein-gjā*, этимологически прозрачному производному от **ein-* 'один' (слав. *inъ*, лат. *ūnus* < **oino-s*) в соединении с теми же суффиксами, которые мы обнаруживаем в слав. *mǫžь*: **ein-g-i̯ā* (ж. р.) — **măn-g-i̯o-s* (м. р.). Морфологическое тождество образований очевидно, что находит также поддержку в семантической однородности последних слов: *mer-g-à* 'девушка', **ein-gjā* 'одинокая (женщина)', **măn-gjo-s* 'мужчина'. Разумеется, относительный возраст этих образований мог быть различным (**ein-gjā-* только в скандинавских языках, **man-gjo-s* только в славянском).

Сравнение слав. *mǫžь* с названными образованиями кажется более оправданным, чем привлечение сильно затемненного образования литовск. *zmogùs* 'человек'.

Этим не исчерпывается круг сопоставлений слова *mǫžь*. Ср. латышск. *mûžs* 'век'. Это слово, в котором И. М. Эндзелин[79] видит старую основу среднего рода *-i̯a-n*, может объясняться из балтийск. **mangja-*[80], формы, тождественной слав. **mongjo-* в *mǫžь*, ср. и соотношение значений 'век': 'мужчина, человек', аналогичное отношению ст.-слав. **вѣкъ** 'век, возраст': **чловѣкъ** '*ανθρωπος*'. Э. Леви[81] указывает на близость ст.-слав. **мѫжь** и литовск. *amžis* 'lange Zeit', др.-прусск. *amsis* 'Volk', но для него эта близость выражается только в общем окончании **-žis* и в возможности взаимного влияния.

Если верно то, что сказано о латышск. *mûžs* : слав. *mǫžь*[82], то это, возможно, дает еще одно свидетельство о конце основы слав. *mǫžь*, поскольку в

---

[77] Кстати, приводить литовск. *sárgas*, слав. **storžь* как пример имени с суффиксом *-g-* еще преждевременно в силу недостаточной выясненности этимологии.

[78] *W. Krause.* Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten // Ergänzungshefte zur KZ. 1926. № 4. S. 237.

[79] См. РФВ. Т. LXXVI. С. 308.

[80] К. Буга (Aistiški studijai. I. S. 52, 114) объясняет латышск. *mûžs*, литовск. *amžias* 'век' вслед за А. Лескином (Die Bildung der Nomina im Litauischen. S. 309) из **múmžja-s*. Но это говорило бы об исконной палатальности задненебного (и.-е. **ĝ*), и мы ожидали бы латышск. *mužs*! Литовск. *ž* и др.-прусск. *s*, таким образом, неясно.

[81] *E. Lewy.* Preußisches // IF. Bd. 32. 1913. S. 160, сноска 2.

[82] Различные соображения против данного сближения видвигает Э. Бенвенист (*E. Benveniste.* Notes d'étymologie prussienne // Studi baltici. T. 2. 1932. P. 80, 81). Ср. еще к вопросу о родстве латышск. *muži.* : слав. *mǫžь* — *K. Mülenbach.* II. S. 681, где

таком случае наличие латышск. *mûžs* (-*i̯a*-основа) исключает мысль А. Мейе о *mǫžь* < **mon-gju-*.

Из местных производных от слав. *mǫžь* интересно русск. *мужи́к* 'крестьянин', 'грубый мужчина', с уничижительным эмоциональным оттенком. Лингвисты объясняли последнее образование различно. X. Педерсен выводил суффикс -*ikъ* из *-*inkъ* (ср. литовск. -*ininkas*) и причину наличия -*ik*-, вместо -*ic*-, видел в том, что «закон Бодуэна де Куртене, который, между прочим, действует после *n̥* и *m̥*, не действовал после -*in*- : *мужи́к*[83]. Иначе объяснял слово А. Вайан: формы на -*ісь* могли развиваться из -*ьсь* после -*jo*-основ (словенск. *možîc* от *mǫ̑ž*), но это -*ic* обычно заменялось -*ik*: русск. *мужик*[84]. Но образование *мужи́к* нельзя отрывать от такого же образования русск. *стари́к*, для которого объяснение Вайана неприемлемо вообще, поскольку *starъ* — древняя твердая *о*-основа. Русск. *мужик*, *старик* близки по своему суффиксу немногочисленным, но достаточно древним литовским образованиям с суффиксом -*eika*-, -*eika*, ср. *jauneikà* 'jaunylis', *kabeikà* 'kuris kabinėjasi' с характерными эмоционально окрашенными значениями, ср. и значение русск. *мужик*. Ср. еще литовск. диал. *seniekas* 'senas'[85], т. е. *sen-ieka-s* (чередование различно интонированных долгот -*ieka*- : *eĩka*-), точно соответствующее по структуре, суффиксу и значению русск. *стар-и́к*, *стари-ка́* (русское подвижное ударение говорит о древней форме **star-ei-kó-s*). Производные на *-*eiko*- нашли преимущественное отражение в восточнославянских языках: русск. *стари́к*, *мужи́к*, диал. *молоди́к* 'молодой, новобрачный'[86], сюда же укр. *молоди́к* 'молодой месяц'. Первоначально формы **star-eiko-s* и **star-īko-s* были очень близки как варианты количественного чередования суффиксального гласного. Положение изменилось только в результате различного отражения закона прогрессивной палатализации: *starьсь*, *старец*, но *старик*.

Весьма загадочно название мужа, из славянских языков лучше всего известное древнерусскому, но по ряду признаков имеющее право считаться

прежде всего отмечается родство латышск. *mûžs*, литовск. *amžis*, др.-прусск. *amsis* (И. М. Эндзелин). Конечно, **mangja*- (слав. *mǫžь*) должно было бы дать латышск. **mûdzs*. В наличии *mûžs*, возможно, сказалось влияние литовских форм с *ž*, ср. известные примеры в.-латышск. *eš* вместо *es*: литовск. *aš* и др. Старые влияния, унифицировавшие здесь характер согласного, были вообще возможны, в том числе и со стороны славянского с *ž* < *g*, ср. выше Э. Леви.

[83] *H. Pedersen*. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. S. 384.

[84] *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Paris—Lyon, 1950. P. 143.

[85] Литовские примеры взяты из кн. *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 159, 160.

[86] *А. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия. С. 92.

древним славянским образованием: др.-русск. **лада**. Ср. в «Слове о полку Игореве» обращение плачущей Ярославны к ветру: «чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея *лады* вой?» (стихи 443—445 изд. 1800 г.). А. Г. Преображенский называет еще чешск. *lada*[87]. Ср. сербск. *ла́да* 'супруга'. Слово сохранилось в живом русском языке, в устном народном творчестве почти до наших дней, обозначая всякий раз мужа — 'милого, любимого мужа' (возможны переносы на жену), 'возлюбленного', а также его противоположность — 'нелюбимого, немилого мужа'[88]. Др.-русск. *лада* (ср. и другие случаи употребления этого слова) фигурировало «с оттенком ласкательности (следовательно, оно не было собственно термином для обозначения данного понятия)...»[89].

В восточнославянских народных песнях слово *лада* употребляется еще и в других, более затемненных случаях, как, например, в известной песне, которая начинается словами: «А мы просо сеяли, сеяли, ой, *дед-ладо*, сеяли, сеяли» — считающейся одной из древнейших у славян[90]. Еще более затемнено и удалено от своего возможного первоначального значения употребление слова в детской песенке: «Ай, *ла́душки*, *ла́душки*, где были? — у бабушки...» — где форма от *лада* лишена всякого конкретного значения, близка к междометию. Неудивительно, что именно такие «темные» места в первую очередь давали повод для кривотолков в те времена, когда велись деятельные разыскания древнеславянских божеств. Это порождало и резко противоположную точку зрения. Так, А. Брюкнер отказывался вообще видеть в слове *лада* что-либо большее, чем простое восклицание из песенного рефрена[91]. Последняя мысль является другой нежелательной крайностью, так как если междометное употребление в песнях действительно лишено сейчас конкретного значения (хотя есть все основания полагать о развитии этих восклицаний из полнозначного слова), то примеры вроде др.-русск. *лада* 'муж' чужды всякой двусмысленности и нуждаются в ином объяснении.

Форма русск. *лада*, слав. *lada* в таком виде, возможно, неисконна и является одним из случаев славянской метатезы плавных, ускользнувших от вни-

---

[87] *А. Преображенский.* Т. I. С. 428.

[88] См. *П. А. Расторгуев.* Словарь народных говоров Западной Брянщины // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. VI. М., 1954. С. 122, со ссылкой на запись песен, сделанную М. Н. Косич (там же, с. 67).

[89] *Ф. П. Филин.* О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. Т. XI. 1948. С. 341.

[90] См. *E. Gasparini.* L'esogamia degli antichi Slavi // Ricerche Slavistiche. Vol. II. 1953. P. 134—135; *K. Moszyński.* Kultura ludowa Słowian, część II. Kraków, 1939. S. 1085.

[91] См. *A. Brückner.* Mythologische Studien. III // AfslPh. Bd. 14. S. 161, 185; ср. обзорную статью словенского ученого *F. Bezlaj.* Nekaj besedi o slovenski mitologiji v zadnjih desetih letih // Slovenski etnograf. Letnik III—IV. 1951. S. 346.

мания исследователей. Тогда *lada* < **ā̆ld-*, и.-е. **aldh-*, которое в свою очередь поддается расчленению на индоевропейский аффикс *-dh-*(*-d-*), выражающий состояние, особенно — завершенное состояние [92], и известный индоевропейский корень **al-* 'расти' [93]: **al-dho-s* 'выросший, зрелый'. Полученное гипотетическое значение могло лечь в основу названия человека, мужа, мужчины, что действительно имело место в отдельных индоевропейских диалектах, ср. основанные на близких признаках ('смертный', 'сильный'): греч. *βροτός*, арм. *mard* 'человек', лат. *vir*, литовск. *výras* 'муж, мужчина'. К и.-е. **aldhos* восходят др.-сакс., др.-англосакс. *aldi* 'Mensch', сюда же лангобардск., др.-бавар. *aldius* 'halbfrei' < 'Mensch' [94]. Сюда же, далее, принадлежат готск. *alds* '*βίος*', *aldeis* '*γενεαί*', др.-шведск. *aldr* 'отпрыск (дитя)', 'человечество', др.-сев.-зап. *ǫld* 'жизнь, время господства', на связь которых с готск. *alan* 'расти', *aljan* (каузатив) 'кормить', ср. лат. *alo*, ирл. *alim*, производное лат. *altus* 'высокий', указывает В. Х. Фогт [95]. Отношение значений готск. *alds*, др.-сев.-зап. *ǫld* 'жизнь': *aldius* 'человек' сопоставимо с выработавшимся в славянском соотношением значений *věkъ* 'век, возраст': *čelověkъ* 'человек'. Помимо др.-русск. *лада* 'муж', соответствующего указанному герм. *aldi-* 'человек', славянский представляет и другую группу слов, материально восходящих к **al-dh-*, а по значениям примыкающих к др.-исл. *ǫld*, готск. *alds* 'жизнь': русск. *лад* 'порядок, согласие', *ладить* 'жить в согласии', 'устраивать', которые состоят в очевидном родстве с др.-русск. *лада* 'муж' [96].

Таким образом, слав. *lada* может быть объяснено из формы **ā̆ld-*, которая в конечном счете восходит к и.-е. **ā̆l-* 'расти', ср. выше готск. *alan*, нем. *alt*, лат. *altus*. В славянских языках тот же корень имеется в др.-русск. *лода* 'особая кость', а также в др.-русск. *лодья*, русск. *лодка* (< **old-*), причем везде точно прослеживается их связь с корнем, обозначающим 'ствол', 'выросшее' < 'расти'.

Слав. *lada* представляет собой применение этого корня в названиях родства, ср. нем. *Eltern* 'родители', собственно 'старшие'. Этимологические данные позволяют высказать предположение о первичности для слав. *lada* именно значений 'старший, муж', а не 'жена, супруга'. При наличии известных названий для старшего рода — слав. **voldyka*, **starъ* (и его производных — компаративных образований **starějьšь*, *starějь-šina*) — справедливо предпо-

---

[92] См. *É. Benveniste.* Origines de la formation des noms en indoeuropéen. P. 189.

[93] Там же. P. 190.

[94] См. *W. Bruckner.* Aldius // Beiträge. Bd. 17. 1893. S. 573—575.

[95] *W. H. Vogt.* ALDARTRYGGÐIR ok ÆVINTRYGGÐIR // Beiträge. Bd. 58. 1934. S. 1—66; см. еще *A. Jóhannesson.* Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951—1954. S. 37—38.

[96] М. Фасмер (REW. Bd. II. S. 4—5) указывает, помимо родства с др.-русск. *лада*, на невыясненность этимологии слова *лад*.

ложить, что *lada* — один из детализирующих синонимов, возможно — часто употребляющийся эпитет, ср. также его очевидную отглагольность: 'старший' < 'выросший', при собственно названиях старшего в роде. Ср. употребление в песне: «А мы просо сеяли, сеяли, ой, *дед-ладо*, сеяли, сеяли...», — где *дед-ладо* представляет собой именно такое словосочетание: **dědъ lada*, где *dědъ* — название старшего· родича, а *lada* — именное определение при нём. Форма *ладо* — остаток звательной формы от *ā*-основы (*lada*). Укр. *дiд ладу* является в таком случае поздним преобразованием под сильным воздействием аналогии обычных звательных форм на *-у* от имен мужского рода: *дíду*, *сúнку*, *бáтьку* и др., что естественно, ибо в украинском звательная форма — живая категория. Принадлежность мужского термина слав. *lada* к *ā*-основам стоит закономерно в ряду других индоевропейских основ на *-ā*, обозначающих мужчину: слав. **starosta*, **voldyka*, готск. *frauja* 'господин', лат. *scriba* 'писец'.

Сделав попытку этимологически объяснить происхождение слав. *lada*, мы вполне отдаем себе отчет в ее гипотетичности, в необходимости поисков новых сравнительных данных, в том числе — более близких к славянскому, чем обширный круг германских слов (хотя последние, на наш взгляд, заслуживают в настоящем случае всяческого доверия). Здесь было бы ценно свидетельство балтийского, который для изучения истории сочетаний с плавными в славянском всегда представляет картину, наиболее близкую к славянскому и вместе с тем архаическую, позволяя безошибочно определить фонетическое развитие славянской формы.

Прямые соответствия др.-русск. *лада* в балтийском неизвестны. Но одно из литовских имен собственных, по-видимому, является словом того же корня в производной форме: *Aldonà*, женское имя [97], т. е. *Ald-ona* с суффиксом *-ona* от **áldas* или **álda* (= др.-русск. *лада*), 'принадлежащая *a*', 'происходящая от *a*'. Ср. с тем же суффиксом *Lieponà* 'левый приток р. Ширвинты' < *liepa* 'липа', с суффиксом *-uona Beržuona*, *Eže- -uona* от *béržas* 'береза', *ẽžeras* 'озеро', ср. греч. Διώνη 'дочь Зевса' от Ζεύς, род. п. ед. ч. Διϝός 'Зевс' [98].

---

[97] Ср., однако, критическое замечание А. Брюкнера: «...больше всего нам известная [из старых литовских женских имен. — *О. Т.*] *Алдона*, т. е. *Анна*, первая жена Казимира Великого и дочь Гедимина, которая так любила танцы и так трагически кончила, появляется лишь только у Стрыйковского и не вызывает никакого доверия, — я не считаю этого названия подлинным» (*A. Brückner.* Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904. S. 29). Специально о литовск. *Aldona* см. *J. Safarewicz.* Polskie imiona osobowe pochodzenia tewskiego // JP. T. XXX. 1953. S. 117—118.

[98] Анализ литовск. *Lieponà*, *Beržuona*, *Ežeruona* взят из кн.: *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 274, 284.

Обычай образовывать собственные имена от названий родства (что мы предполагаем для литовск. *Aldonà* от **ald-*) давно известен, ср. анализируемые А. М. Селищевым[99] древнерусские личные имена *Внук, Дед, Дедко, Дедило, Дедилец, Дедун, Дядя, Дядько, Зять, Пасынок.*

В свете сказанного следует считать сомнительным сравнение др.-русск. *лада* с ликийск. *lada* 'жена, женщина'[100], которое навело Г. Гюнтерта на мысль о заимствовании славянским этого слова: русск. *ладá* (sic!) 'Gattin', сербск. *лада*, чешск. *lada* (ср. греч. *Λήδα*, ликийск. *lada*, халд. *lutu*, аварск. *thladi* 'супруга') — из малоазиатского[101]. Сравнение ликийского и славянского слов приводится также в одной из последних работ В. Георгиева[102]. Подобные сопоставления допустимы как предварительные при отсутствии возможности объяснить фонетическое развитие славянского слова на более близком индоевропейском материале. Однако такая возможность вероятна (см. выше). Кроме того, привлеченный нами германский и другой сравнительный материал вынуждает нас считать первичным для слав. *lada* мужское значение, ср. др.-русск. *лада* 'муж'.

Между тем именно предположение о первоначальном женском значении слав. *lada* побуждает отдельных исследователей выдвигать важные гипотезы. Так, М. Будимир считает это слово одним из матриархальных реликтов, связывающих доклассическую Анатолию с протославянским словарем. Сам М. Будимир предлагает совершенно новую этимологию слав. *lada* — из **vladha*, ср. *vladati* с потерей *v* в начальной группе *vl*, по закону Лидена, откуда *lada* = 'властвующая'[103]. Все это, однако, чрезвычайно гадательно и маловероятно.

---

[99] *А. М. Селищев.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. С. 136.

[100] См. установление этого ликийского слова и его значения у *J. Imbert.* Termes de parenté dans les inscriptions lyciennes // MSL. T. 8. 1894. P. 454—455; это сравнение справедливо признается случайным, ср. *M. Vasmer.* REW. Bd. II. S. 5.

[101] *H. Güntert.* Labyrinth // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse. 1932—1933. S. 49; против — *P. Kretschmer.* Etymologie und Wortforschung // Giotta. Bd. 22. S. 252—253. Недавно гипотезу о близости слав. *lada* и малоазиатских и переднеазиатских слов поддержал вслед за другими исследователями В. Поляк, причисляющий этот случай к «лексическим интерференциям языкового союза» между славянскими и кавказскими языками (*V. Polák.* K problému lexikalních shod mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými // LF. Roč. 70. 1946. S. 27—28, где указана и литература).

[102] *В. Георгиев.* Вопросы родства средиземноморских языков // ВЯ. 1954. Вып. 4. С. 65.

[103] *М. Будимир.* Протословенски и староанадолски Индоевропљани // Зборник филозофског факултета. Београдски универзитет. Књ. II. 1952. С. 262.

Индоевропейский язык развил еще одно распространенное обозначение мужчины, исходящее из его конкретных физических качеств: **vĭro-s*. Наличие целого ряда сосуществующих обозначений мужчины как 'старшего, выросшего' (см. выше, **al-dh-*), особенно — 'сильного' не должно удивлять, если учесть ту важность, магическое значение, которые древний человек мог придавать подобным названиям, считая, что, называя так мужчину, он одновременно наделял его соответствующими качествами. Вовлечение таких обозначений по мере забвения их конкретного значения в сферу терминов родства состоялось уже потом, в течение письменного периода истории отдельных древних индоевропейских языков. Формы, восходящие к **vĭro-s* в различных индоевропейских языках: санскр. *virá-*, авест. *vīra-*, лат. *vir*, литовск. *výras*, латышск. *vîrs*, др.-прусск. *wijrs*, др.-ирл. *fer*, готск. *waír*, др.-исл. *verr*, др.-в.-нем., др.-сакс. др.-англосакск. *wer*.

Б. Дельбрюк [104] анализирует значения санскр. *vīrá-* 'мужчина', особенно 'сильный мужчина', 'герой', 'воин', затем 'сын', 'самец', указывая, что значение 'муж, супруг', засвидетельствовано только в эпическом языке, в то время как лат. *vir* с раннего времени значит 'супруг'. К. К. Уленбек [105] сближает санскр. *vīrás* 'мужчина, герой' и *váyas* 'сила, здоровье'. В. Прельвиц [106] считает, что и.-е. **virós* < **viēr* (ср. греч. *ἰατρός*: *ἰατήρ*) значило собств. 'преследователь, воин', ср. санскр. *vītar-* 'преследователь'. Большей популярностью пользуется толкование К. К. Уленбека, ср. А. Вальде [107], Вальде—Покорный [108], Эрну—Мейе [109].

Этимология и.-е. **vĭros* как производного с суффиксом *-ro-* от и.-е. **vī-*, **vei-* 'сила' является весьма вероятной, но совершенно естественно, она не дает права выделять суффикс *-ra-* в современном литовск. *výras* [110], неразложимом с точки зрения современного литовского словообразования.

В то время как балтийские языки прекрасно сохранили и активно употребляют формы, продолжающие и.-е. *u̯īro-s* [111], славянским языкам это индоевропейское название неизвестно, что дало повод А. Мейе еще раз высказать свою известную точку зрения о существенных пробелах в индоевропейском наследии славянского словаря [112]. Указанное расхождение между балтийским

---

[104] *B. Delbrück.* S. 418, 425.

[105] *C. C. Uhlenbeck.* S. 291.

[106] *W. Prellwitz.* Idg. *vīrós* 'der Mann' // Glotta. Bd. 16. 1927. C. 156.

[107] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 840.

[108] *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 230—231, 314—315.

[109] *Ernout—Meillet.* T. II. P. 1305—1306.

[110] Как это, например, делает П. Скарджюс (Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 298).

[111] Ср., однако, отклонение в виде перемены места ударения — литовск. *výras* при и.-е. **vīrós*, ср. др.-инд. *vīrá* (*J. Kuryłowicz.* Accentuation. P. 237).

[112] См. рецензию А. Мейе на кн. *R. Trautmann.* Baltisch-slavisches Wörterbuch // BSL. T. 24. 1923. P. 135. (Comptes rendus); *Он же.* Les origines du vocabulaire slave // RÉS. T. 5. 1925. P. 11.

и славянским языками Мейе относит к числу существенных: славянский не знает балтийск. *vīras*, балтийский — слав. *mǫžь*. Не исключена возможность, что вопрос об отражении и.-е. **vīro-s* и **măngjo-s* соответственно в балтийском и славянском обстоит гораздо сложнее. Так, выше уже приводились данные о возможном сохранении следов **măngjo-s* в балтийском. С другой стороны, А. Вайан, например, указывает на то, что славянский знал и.-е. *vīr-* 'муж, мужчина', ср. следы в названии обычая — др.-русск. *вира*, которое нельзя объяснить заимствованием из германского, ср. нем. *wer-geld*[113].

А. Вайан спрашивает, не следует ли здесь видеть, вместо производного, форму родительного падежа, точно соответствующую литовск. *výro* (род. п. ед. ч.) и закрепленную в каком-нибудь древнем выражении вроде '(плата за) мужа', после чего, когда форму перестали понимать, она получила значение существительного женского рода[114].

Последняя мысль А. Вайана не может не вызвать сомнений, тем более что она не опирается ни на какие подтверждающие факты. Видеть в др.-русск. *вира* окаменевший родительный падеж существительного мужского рода **виръ* в роли нового существительного женского рода *вира* — значит объяснить его как явление единственное в своем роде, во всяком случае — с точки зрения славянских языков. Такое окаменение хорошо известно как способ адвербиализации (ср. наречия *сегодня*, *вчера* — собственно родительные падежи существительных мужского рода *сь дьнь*, *вечер*), здесь же мотивы этого явления были бы совершенно непонятны. Объяснение сокращением древнего выражения * <*plata za* > *vira* > др.-русск. *вира* выглядит искусственным. Достаточно сказать, что свободное словосочетание этого типа предполагает скорее полнозначность всех его компонентов и тем более объекта **vira* (ср. к тому же актуальность соответствующего обычая — штрафа — даже в течение первых веков письменного периода истории Киевской Руси). А в таком случае отсутствие всех других падежных форм, кроме род. п. ед. ч. **vira*, выглядело бы очень странно. Точно так же у нас нет оснований видеть

---

[113] См. еще *F. Miklosich.* S. 392. В настоящее время преобладает мнение о невозможности заимствования древнерусского слова из германского, так как, во-первых, германские языки не имеют равнозначного эквивалента, а нем. *Wergeid*, близкое по значению к *вира*, дало бы другую форму; во-вторых, все германские формы близкого названия мужчины имеют *e*, ср. др.-в.-нем. *wer* и др., что также не объясняет др.-русск. *вира* (ср. *C. Thörnqvist.* Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala—Stockholm, 1948. S. 172).

[114] См. рецензию А. Вайана на кн: *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. III. Formenlehre. Heidelberg, 1950 // BSL. T. 47. 1951. P. 190—191. Из старой литературы о др.русск. *вира* см. *L. Wanstrat.* Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes. Berlin, 1933. S. 91, где это слово приводится в числе заимствований из нижненемецкого.

в **vira* несогласованное определение, предпосланное определяемому, вроде тех, которые широко употребляют литовский и латышский языки.

Напротив, если мы обратимся к другому объяснению, мимоходом упомянутому Вайаном, — *vira* производное от **virъ*, — процесс забвения **virъ* в славянском получит весьма естественное толкование: в итоге длительной борьбы за роль общего термина 'муж, мужчина' в славянском победило **mǫžь*, более удобное в силу одинаково легкого употребления в обоих важных значениях, в то время как более узкий семантически термин **virъ* 'взрослый мужчина' [115] был рано вытеснен, не найдя поддержки в древнем (и поэтому давно деэтимологизировавшемся) *-ā*-производном **vir-ā*: др.-русск. *вира*.

Литовская форма *vyrìškis* представляет собой фактическое притяжательное прилагательное на *-išk-* 'мужской', но сейчас не ощущается как таковое [116] и значит 'мужчина'. Забвение производной притяжательной формы с возвращением к значению исходной формы — нередкое явление, ср. чешск. *ženská* 'женщина', сюда же русск. *мужчи́на* из прилагательного *мужьскъ* + суф. *-ина* в сингулятивном значении, ср. болг. диал. *мъшчина́* 'мъжкото в хора или животни' [117].

Вторичность и поздний характер специальных обозначений 'муж, супруг' становится еще очевиднее при знакомстве с многочисленными местными терминами этого значения, реквизированными сравнительно недавно из других словесных групп: ст.-слав. **малъжена, малъженьца** (дв. ч.) 'conjuges', польск. *małżonek*, чешск. *manžel* 'супруг', вероятно, из др.-в.-нем. *mahal* 'бракосочетание, договор', и слав. *žena* [118], сюда же в.-луж. *mandźel* 'супруг'; ст.-слав., др.-русск. **сѫпрѫгъ**, *супругъ* 'муж, супруг', 'супружеская чета', очень похожее на кальку греч. *σύζυξ*; слово известно также в значении 'пара,

---

[115] Мысль о более позднем развитии значения и.-е. **vīros* муж', осуществлявшемся собственно уже в отдельных ветвях индоевропейского, подтверждается этимологией. Балтийский развил значение **vīras* 'муж', по-видимому, самостоятельно, отдельно от славянского, в котором употребление **virъ* могло рано ограничиваться предположенным образом.

[116] См. *P. Skardžius.* Op. cit. S. 158—159; *J. Otrębski.* Randbemerkungen zu dem Werk von Pr. Skardžius «Lietuvių kalbos žodžių daryba» // Lingua Posnaniensis. T. 4. 1953. P. 43.

[117] *Д., К. Молерови.* Народописни материали от Разложко. Речник // СбНУ. Кн. XLVIII. 1954. С. 482.

[118] *F. Miklosich.* S. 182; *A. Semenovič.* Über malžen, manžel, mandžel, manžen, mažen, mąlžen, mąžen und mązžen // AfslPh. Bd. 6. 1882. S. 26—30, против В. Неринга, который объяснял из ст.-слав. **мѫжьклѣти** 'virum fieri' (AfslPh. Bd. 5. S. 466); ср. также *N. Reiter.* Die deutschen Lehnübersetzungen im Tschechischen // Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin. Bd. 3. 1953. S. 118.

упряжка волов'; русск. *сам* 'муж, хозяин, барин', ср. *сам* в обычном значении местоимения; укр. *чоловíк* 'муж' — значение, известное также диалектам русского [119], сербского и болгарского [120], ср. совершенно аналогичное употребление франц. *homme* 'человек, мужчина' в диалектах: *ome* 'mari' — *lié é s'n ome* 'elle et son mari' [121]; чешск. диал. *chot'* 'супруг' [122], сербск. диал. *пȍдруг* 'супруг, муж' [123].

Целую коллекцию частных названий мужа насчитывает литовский народный язык, в котором, кроме общенародного *výras* 'муж', есть еще *preĩkšas* 'второй муж' < *pr[i]-ei-kšas* 'пришедший [в дом жены]', *ūžkurỹs*, *añčkurys* то же, *užtupys*, *ánčtupinis* 'третий муж', *bobkalỹs*, *kaliboba* 'четвертый муж', а также в роли общего названия — *gulõvas* 'муж' (: *gulti* 'лечь'), *drauguõlis* 'муж', также — 'товарищ' [124], ср. сербск. *пȍдруг* 'супруг', укр. *дружúна* 'жена, супруга'.

Из прочих индоевропейских названий ср. готск. *guma* 'ἀνήρ, муж', тоже вторичное значение одного из древних индоевропейских названий человека **ĝhəmón-*, **ĝhmón-* 'земной', ср. лат. *homo* [125].

Жена, женщина

О.-слав. *žena*: ст.-слав. **жєна** 'γυνή', **жєнимა**, 'uxor', 'παλλακή, pellex', **жєнимичиштъ** 'υἱὸς παλλακῆς, pellicis filius', **жєнимиштъ** то же, др.-сербск. *жена* 'mulier', др.-русск. *жена, женьщина* 'femina', русск. *жена́*, диал. *жо́нка* 'замужняя женщина'; «в Архангельске жонками называют женщин

---

[119] *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь. С. 980: *человек* 1) 'муж', 2) 'человек', *челавéчица* 'жена': Жаниўся, *ачилавéчиўся* — взяў сабе *чилавечицу.*

[120] *М. Барјактаровић.* Свадбени обичаји у околини Берана (Иван-града) // Зборник филозофског факултета. Књ. III. Београд, 1955. С. 243; *Стойков, К. Костов, П. Вапкова, Г. Георгиев, Ж. Желев и др.* Говорът на с. Говедарци, Самоковско // Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956. С. 330: *човéк* 'съпруг'.

[121] *C. Joret.* Essai sur le patois normand du Bessin. Dictionnaire étymologique // MSL. T. 4. 1880. P. 169.

[122] *Fr. Bartoš.* Dialectický slovník moravský. Praha, 1906. S. 120.

[123] *Гл. Елезовић.* Речник косовско-метохиског дијалекта. Свеска II. Београд, 1935. С. 92.

[124] Названия взяты из следующих источников: *A. Salys.* Mūsų gentivardžiai // Gimtoji kalba. 1937. II. S. 22; *K. Būga.* Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti // Tauta ir žodis. T. I. 1923. S. 345; *P. Skardžius.* Op. cit. S. 190, 387, 437.

[125] См. *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Aufl. 3. Leiden, 1939. S. 225—226.

поденщиц»[126], *жуе̑нка*, *жвéнка*[127], *жéноцька* (Выгозеро) — приветливое обращение к женщине[128], *женидба* 'жена': *Женитьба* мая любезная, забирайка трубки, наметки, выруч коня вароного. Смоленск. у.[129]; из производных ср. название разведенной жены в калужских говорах: «Ана́ ражжóнаја, жыв'éт' у мат'ир'и, ина́ шóстаја»[130]; укр. *жíнка*, польск. *żona* 'жена', диал. *żeńcowa* 'молодая замужняя женщина', чешск. *žena* 'женщина', 'жена, супруга', диал. *ženské* 'замужние женщины'[131], н.-луж. *žona* 'жена, женщина', словенск. *žéna* 'das Weib', *ženîtba*, *ženîtev* 'das Heiraten, die Hochzeit', сербск. *жѐна* 'женщина', 'жена', *жѐнба*, *жѐнидба* 'свадьба', болг. *женá* 'женщина, жена'.

Слав. *žena*, развившее *ž* из *g* велярного, восходит к древней форме **gena*, ср. др.-прусск. *genno*[132], которое А. Брюкнер считал, как и многие другие прусские слова, завуалированным недавним заимствованием из соседнего польского: *żona*[133]. Э. Френкель указывает еще др.-прусск. *gema* 'Frau'[134].

Слав. *žena* — очень древнее, бесспорно, индоевропейское слово. Ближайшие родственные слова с известными славянскому языку значениями есть почти во всех ветвях индоевропейского. Заметное исключение представляет италийский, не сохранивший соответствующей формы, а также балтийский, кроме упомянутого возможного остатка в др.-прусск. *genno*, *gema*, не знающий этого слова. Естественно, что сохранение или забвение данного общеиндоевропейского названия в местном индоевропейском диалекте обусловливалось часто уже поздней, случайной заменой его другими индоевропейскими формами в этом значении, иногда — формами соседних диалектов. Очевидна поэтому рискованность поспешных выводов о «лучшем» или «худшем» сохранении словаря «индоевропейской цивилизации», а равно и самой «цивилизации», основанных на одном лишь сопоставлении современного состава балтийского и славянского словарей. Так, в местных условиях италийского осуществилось вытеснение соответствия славянскому *žena* ла-

---

[126] *А. Подвысоцкий.* Словарь архангельского наречия. С. 45.

[127] *А. М. Бескровный.* Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. II. М.—Л., 1949. С. 317.

[128] *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. С. 23.

[129] *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь. С. 218. Здесь интересен переход nomen actionis (*женитьба*) > nomen agentis.

[130] *Н. П. Гринкова.* Заметки о калужских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. I. М.—Л., 1949. С. 249.

[131] *Q. Hodura.* Nářečí litomyšlské. V Litomyšli. 1904. S. 70.

[132] См. *R. Trautmann.* BSW. S. 84.

[133] *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 666; *Он же.* Рецензия на кн. *R. Trautmann.* Baltisch-slavisches Wörterbuch // ZfslPh. Bd. 4. 1927. S. 213; *Он же.* Preußen, Polen, Witingen // ZfslPh. Bd. 6. 1929. S. 64.

[134] *E. Fraenkel.* Baltisches und Slavisches // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950. P. 120.

тинским *femina* < и.-е. **dhē(i)-* 'кормит грудью', в литовском — путем переосмысления *pati* 'сама' (и.-е. **pot-*) и образования местного *žmonà*.

Индоевропейскую форму, лежащую в основе слав. *žena*, определить трудно. В этом убеждает краткое ознакомление с литературой вопроса. Уже характер начального **g* в общеиндоевропейской форме являлся предметом споров. Так, И. Шмидт [135] видел в нем чистый велярный задненебный, без участия губ, с поздним местным появлением лабиальности в ряде индоевропейских диалектов, в то время как в индоиранских, славянских и балтийском отсутствие лабиальности исконно: санскр. *gnā*, слав. *žena*, но **g^u* в греч. диал. *βανά*, готск. *qinō*, др.-ирл. *ben*. Общеиндоевропейская основа слова характеризовалась наличием сильной и слабой форм. Слабую форму указывают в род. п. ед. ч. др.-ирл. *mná* 'жены', а также в греч. *μναομαι* 'свататься' из **βνᾶ-* < **g^{u}na-* [136]. Славянский обобщил в своем *žena* сильную форму, ср. корневой вокализм славянского слова.

Дополнительный свет на характер индоевропейского **g* проливает герм. *k*, *ku̯* как результат общегерманского передвижения согласных: готск. *qinō*, др.-в.-нем., др.-сакс. *quena*, др.-исл. *kuenna*, ср. слав. *žena* [137]. См. еще об индоевропейском слове — Ф. Ф. Фортунатов [138], К. Бругман [139], Л. Зюттерлин [140], которые в общем считают характерным для общеиндоевропейской формы наличие лабиализированного задненебного.

К. Бругман в специальном исследовании, посвященном формам этого слова [141], ставит в один ряд арм. *kin*, ирл. *ben*, слав. *žena* как формы с гласным полного образования в корне, по отношению к которым формы греч. *γυνή*, ирл. род. п. ед. ч. *mnā́*, санскр. *gnā́*, авест. *g^{ə}nā-* представляют различные ступени редукции корневого гласного, при сохранении в слав. *žena* древнего вокализма корня. Другую древнюю особенность слав. *žena* нужно видеть в сохранении *ā*-основы, перестроенной, например, в готск. *qinō*, род. *qinōns*, греч. *γυνή*, род. п. *γυναικός* [142]. А. Мейе, напротив, усматривает в славянской *a*-основе позднее выравнивание древней аномальной флексии [143].

---

[135] *J. Schmidt.* Zwei arische a-Laute und die Palatalen // KZ. Bd. 25. 1879. S. 134.

[136] *H. Osthoff.* Μναομαι 'ich freie' // KZ. Bd. 26. 1883. S. 326.

[137] *E. Zupitza.* Die germanischen Gutturale. Berlin, 1896. S. 96.

[138] *F. F. Fortunatov.* Die indogermanischen Liquiden im Altindischen // KZ. Bd. 36. 1898. S. 37. (Та же статья в сб. Χαριστήρια. М., 1896).

[139] *K. Brugmann.* KVGr. P. 124.

[140] *L. Sütterlin.* Der Schwund von idg. *i* und *u* // IF. Bd. 25. 1909. S. 70.

[141] *K. Brugmann.* Die Anomalien in der Flexion von griech. *γυνη*, arm. *kin* und altnord. *kona* // IF. Bd. 22. 1907. S. 173—174.

[142] Там же. S. 187.

[143] *A. Meillet.* Études. P. 246; *Он же.* Essai de chronologie des langues indoeuropéennes. P. 20. Аномалию индоевропейской флексии объясняет падением ларин-

С этими исследователями можно согласиться лишь в констатации многочисленных аномалий в формах индоевропейского названия женщины, но нельзя не видеть, что К. Бругман в сущности не может объяснить различий между отдельными формами. Сейчас на основании обобщающих исследований Ю. Куриловича об индоевропейском чередовании звуков с участием ларингального можно внести существенные поправки в объяснение разбираемых форм. Дело в том, что участие ларингального объясняет, по-видимому, не только аномалию флексии, но и аномалию вокализма корня. Все противоречивые индоевропейские формы этого слова объясняются из общей исходной формы, содержащей нулевую ступень корневого гласного в соседстве со слогообразующим сонантом *n̥* : **gn̥-*. Совершенно закономерным такое сочетание может быть в положении перед согласным, в то время как перед гласным возможно только *gn-*. Этим согласным в нашем слове мог быть ларингальный: отсюда исходная общеиндоевропейская форма: **g̥n̥ə-*[144]. В таком случае непосредственно продолжают эту исходную нулевую ступень санскр. *gnā́*, греч. *γονή* (*υ* в греческом слове представляет вокализацию индоевропейского лабиального элемента при задненебном согласном: *gunā* < **g^{u}nā*). Вокализм остальных форм слова объясняется в рамках общей тенденции морфологической замены нулевой ступени в положении перед гласным, т. е. значительно позже падения индоевропейского ларингального согласного, ср. также типичное расхождение в способах замены: с участием гласного *а* в южных языках — арм. *kanayk'*, 'женщины', греч. диал. *βανά*, с участием *е* в северных — готск. *qinō*, слав. *žena*. Значит, ни флексия, ни корневой вокализм слав. žena не являются архаическими в полном смысле слова.

Непосредственно сюда примыкает сложный вопрос о вероятной этимологической принадлежности нашего слова. К. Бругман был прав, видя в греч. *γυνή* и родственных образованиях «весьма изолированное имя, которое имело различные производные, но не имеет близкого по корню первичного глагола...»[145]. Целиком надо согласиться с Бругманом и в том, что греч. *γυνή* и известный корень и.-е. **ĝen-* 'рождаться, становиться' (греч. *γίγνομαι*) трудно объединить[146], хотя это делалось неоднократно, ср. соответствующую статью в польском этимологическом словаре А. Брюкнера. Упомянутому сближению определенно противоречит последовательно выраженная палатальность задненебного в и.-е. **ĝen-* и продолжающих его формах и не менее последовательная велярность задненебного в названии жены, женщины: слав. **genā* > *žena* (иначе было бы **zena*). Правда, еще И. Шмидт пытался объяснить соот-

---

гального согласного в конце слова Курилович (*J. Kuryłowicz.* Les effets du *ə* en indoiranien // PF. T. 11. 1927. P. 203).

[144] *J. Kuryłowicz.* L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956. P. 173.

[145] *K. Brugmann.* Die Anomalien... S. 174.

[146] Там же.

ношение этих корней «смешением двух рядов задненебных» в формах одного и того же корня, причем противопоставление обозначилось в плане противопоставления сильных и слабых форм: так, велярный *g* И. Шмидт прослеживает последовательно в слабой форме санскр. *gnā́*, авест. *gᵊna*, греч. *γυνή*, *βανά*, др.-ирл. род. п. ед. ч. *mnā́* и — под их влиянием — в сильной форме ст.-слав. **жєна**, др.-прусск. *genno*, вместо ожидавшегося ввиду авест. *zīzanañti* 'gignunt', литовск. *žéntas*, ст.-слав. **зѧть** — ст.-слав. ***зєна**[147]. Сюда же относит И. Шмидт слав. *gos-podь*, литовск. *gentìs* 'родственник', *gimù*, *gìmti* 'рождаться', которые он также объясняет из слабых форм с редуцированной ступенью гласного и велярным *g*.

Тем не менее отношения этих двух корней остаются неясными, хотя возможность семантического соприкосновения слов с аналогичными значениями вполне реальна, ср. древнеиндийские формы, продолжающие и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)': *jāyā́* 'женщина, жена, супруга' = 'существо, в котором, через которое осуществляется продление рода', ср. глагол *jā́yate*, как понимали эти формы еще сами индийцы, сюда же *jánī* (Веды) 'жена'[148]. Ср. экспансию форм с *g-* среди литовских слов, сблизившихся по значению: литовск. *gentìs* 'родственник' вместо **žentìs* (ср. *žéntas*, лат. *gener* 'зять') под влиянием литовск. *gimti* 'рождаться', имеющего иное происхождение: и.-е. **gᵘen-/m-* 'приходить'[149].

В силу большой фонетической близости и.-е. **gᵘenā́*[150] 'жена' и и.-е. **gᵘen-* 'приходить', лат. *venire*, нем. *kommen*, некоторые этимологи видели в и.-е. **gᵘenā́* 'женщина, жена' название, построенное на соответствующем исходном значении: **gᵘenā́* = 'пришлая', ср. лат. *venire*, литовск. *genù* 'гоню'[151]. Сюда же примыкает этимология слова, предложенная И. Левенталем[152]: и.-е. **gᵘénā* (sic!) = 'та, за которой гонятся', ср. др.-ирл. *benim* 'pulso, ferio', ст.-слав. **жєнѫ** '*διώκω, καταδιώκω*', т. е. значение слова восходит к эпохе умыканий, знакомых довольно поздно еще древним пруссам. Отсюда он предполагает существование др.-прусск. *gintas* 'Mann' по выражению *dyrsos gyntos* 'Frommann', а в литовск. *Gintas* (имя собственное) видит древнее значение *'persecutor'. Рассуждения Левенталя основываются на недостаточно проверенном материале. Опуская здесь вопрос о восстановлении упомянутых названий 'мужчина' = 'преследователь' в древнепрусском и ли-

---

[147] *J. Schmidt.* Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen // KZ. Bd. 25. 1879. S. 115, 129—130.

[148] См. *B. Delbrück.* S. 411, 412, 413.

[149] Ср. *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 338: *gener*.

[150] Сохраняем условно это изображение индоевропейского слова как традиционное, уточнения см. выше.

[151] См. *К. Буга.* РФВ. Т. LXV. С. 221.

[152] *J. Loewenthal.* Wirtschaftsgeschichtliche Parerga // WuS. Bd. 9. 1926. S. 188.

товском [153], укажем, что предполагаемое значение *g^uenā́ = 'пришлая' (ср. лат. *venio*) может исходить только из *g^uen-/m- 'идти, приходить', лат. *venio*, нем. *kommen*. Сопоставление же с литовск. *genù*, а равно и ст.-слав. **женѫ**, 'гоню' без надобности усложняет дело и серьезно расходится с сущностью изложенных этимологии: и.-е. *g^uhen(i̯)ō объединяет греч. *θείνω*, *φονεύω*, хеттск. *ku̯en-*, все — со значением 'бить, убивать', сюда же с известным изменением значения и литовск. *genù*, ст.-слав. **женѫ** 'гнать', собств. 'гнаться за кем-либо с целью убить'. Это сопоставление дало бы маловероятное значение и.-е. *g^uenā, слав. *žena*: 'та, которую убивают (гонятся, чтобы убить)'. Очевидно, эта этимология ошибочна [154].

О наконечном ударении и.-е. *g^uenā́, унаследованном слав. *ženā́*, русск. *жена*, см. исследования Микколы [155] и Ю. Куриловича [156].

К слав. *ženā́* примыкает интересное литовск. *zmonà* 'жена, супруга'. Это слово, как нам кажется, не может считаться самостоятельным образованием литовского языка. Указывают на его звуковую связь с *žmonės* pl. 'люди', им. п. ед. ч. *žmuõ*, вин. п. *žmũnį*, др.-прусск. *smunents* 'человек', согласная *-n*-основа, ср. сопоставление литовск. *zmónės*, *žmonà* с лат. *hūmānus*, принятое Х. Педерсеном вслед за И. Шмидтом и Р. Мерингером [157], хотя нельзя также забывать о характерном для литовского позднем аналогическом распространении редких в других индоевропейских языках древних основ (*-n*, *-u*).

Но самое странное в литовск. *žmonà* — это значение 'жена', резко обособленное от значения других форм этого корня: 'человек, люди'. Обособленность его еще больше бросится в глаза, если мы вспомним, что и.-е. *g^uenā во всех формах по языкам имеет не только значение 'жена', но и 'женщина', причем последнее представлено не менее, если не более последовательно, чем первое. Ср. сосуществование обоих значений *žena* в славянском, где сопоставление древних и новых свидетельств позволяет говорить о более древнем значении 'женщина', вытесненном затем в ряде случаев другим значением. Ничего подобного нельзя сказать о литовск. *žmonà* 'жена', историю значения которого в рамках литовского языка было бы трудно проследить. Это образование не находит также никакой поддержки в древнепрусском языке, хотя тот же корень со значением 'человек' древнепрусскому известен (латышский стоит в стороне, имея ныне названия *cilvēks* 'человек', *sieva*, *síeviete* 'женщина, жена').

---

[153] Совершенно неизвестна точка зрения Левенталя на отнюдь не гипотетическое, а реальное литовск. *gintas* (к *gìmti* 'рождаться'), 'матка', анатомическое название.

[154] Из дальнейшей литературы об и.-е. *g^uenā см. *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 681; *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch... S. 386; *J. Pokorny*. P. 473—474.

[155] *J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. S. 120—121.

[156] *J. Kuryłowicz*. L'accentuation. P. 420—421.

[157] *H. Pedersen*. Wie viel Laute gab es im Indogermanischen // KZ. Bd. 36. 1898. S. 101.

Таким образом, литовск. *žmonà*, имеющее только значение 'жена' [158], как бы лишено собственной оригинальной истории в балтийском, тем более что мы вообще не имеем сколько-нибудь древних примеров семантической связи терминов 'человек' и 'жена', 'женщина' в индоевропейском [159]. Это значит, что литовск. *žmonà* 'жена' < *žmon-* 'человек' было бы явлением, единственным в своем роде. Нам кажется поэтому, что образование литовск. *žmonà* 'жена, супруга' стало возможным под влиянием слав. *žena* 'женщина, жена' с последующей контаминацией с местными литовскими формами корня *žmon-* 'человек', 'люди' [160]. Контаминация одних лишь местных образований маловероятна, ибо литовское соответствие славянскому *žena* — **gena* (ср. прусск. *genna*, *genno*) с обязательным велярным *g* не годилось для подобной контаминации. С другой стороны, ср. заимствованный литовский глагол *žẽnytis* 'жениться' < слав. *ženiti sę*.

Итак, признавая в общем недостаточную убедительность всех попыток этимологии **gᵘenā*, *žena*, а также не видя какой-либо иной возможности объяснить происхождение этого слова, мы ограничимся уточнениями семасиологического порядка, а именно тем, что в этом слове мы имеем древнее название женщины, только вторично использованное для обозначения жены, супруги, ср. аналогичное развитие значений 'мужчина' > 'муж'. Было бы излишне специально останавливаться на том, что такое выделение вторичных значений находит подтверждение в развитии семейно-родовых отношений от смешанного брака кросскузенного характера к парному браку через все более глубокие запреты кровосмесительства и экзогамию. Однако многие историки

---

[158] Значение 'женщина' известно производному *žmonýna* в тверечском диалекте Восточной Литвы, граничащем с территорией восточнославянских языков (см. *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 269).

[159] Иное положение наблюдается при сравнении термина 'человек' и 'мужчина', когда можно говорить не только о семантической связи, но даже о тождественности, например, для и.-е. **măn-*. Больше того, расхождения индоевропейских названий человека и указанное тождество дают право говорить об индоевропейском термине 'человек' как чисто мужском генетически, а следовательно, позднем образовании, точнее — образованиях времен индоевропейского патриархата и распада единства. Отсутствие общеиндоевропейского термина 'человек' в этом смысле показательно.

[160] Подобные примеры в балто-славянских языковых связях хорошо известны, ср. литовск. *šventòrius* 'кладбище' < литовск. *šveñtas* × польск. *cmentarz*, ст.-литовск. *suvodba* < заимствованное *svodbà* 'свадьба' × литовск. *suvedimas*, литовск. *turgãvietė* 'рыночная площадь' < литовск. *vietà* × заимствованное *turgawiczia*, польск. *targowica*, о которых см. *E. Fraenkel*. Kreuzung einheimischer und fremder Synonyma ähnlicher Lautung im Baltischen (Ein Beitrag zur Fremdwortforschung dieser Sprachgruppe // ZfslPh. Bd. 8. 1931. S. 412 ff.). Ср. еще о литовск. *lakštingala*, латышск. *lakst gala* 'соловей' как о скрещении балт. **lakstingā* × нем. *Nachtigall* 'соловей' (см. комментарии И. М. Эндзелина в словаре *K. Mūlenbach*. II. S. 416).

языка, к сожалению, не видят в этом наиболее существенного момента семантической истории слова, ср. соответствующую статью в словаре К. Д. Бака [161], интересующегося скорее игрой вторичных значений нашего слова.

Прочие названия жены, женщины в славянских языках

Польск. *kobieta* 'женщина'. Слово известно только в польском языке. Его история и происхождение довольно загадочны [162]. В попытках этимологии недостатка не было, но большинство из них неудовлетворительно. Я. Отрембский [163] видит в слове сложение **ko-obieta*, ср. ст.-польск. *obieta* 'жертва', ст.-слав. **обѣтъ** 'votum', что, как полагает Т. Милевский, сопряжено с семантическими затруднениями [164]. Позднее появление слова *kobieta* в литературном польском языке объясняют заимствованием его из диалектов [165]. Ср. еще объяснение *kobieta* < *kobita*, причастия прошедшего времени от глагола *kobić* 'wróżyc', т. е. 'ta, która była wróżona na żonę', своеобразный эпитет [166]. Тем самым слово включается в круг терминов, связанных с гаданием, предсказанием, сюда же — названия счастья, удачи, которые обозначаются довольно известным в славянских языках древним корнем: ст.-слав. **кобь** 'augurium', чешск. *pokobiti se* 'удаться', сербск. *ко̑б* 'хорошее предзнаменование, пожелание'; 'предчувствие', *ко̀бим*, *кобити* 'желать счастья', 'предчувствовать'. Последние слова имеют индоевропейскую этимологию, ср. Э. Цупитца [167]: к др.-исл. *happ* 'счастье', англ. *hap* 'случай', *to happen* 'случаться'.

Однако наиболее правдоподобна этимология, предложенная В. Махеком: польск. *kobieta* < др.-в.-нем. *gabetta* 'Bettgenossin, супруга', префиксальное сложение с *bett* 'постель', т. е. 'разделяющая ложе', ср. также наличие в польск. *kobieta* первоначально уничижительного значения [168].

---

[161] *C. D. Buck.* S. 82.

[162] *E. Berneker.* Bd. I. S. 533.

[163] *J. Otrębski.* Przyczynki stawiańsko-litewskie. Wilno, 1935. S. 175.

[164] См. его аннотацию в RS. T. XIII. 1937. S. 73.

[165] *J. Żebrowski.* Historia użyć wyrazu *kobieta* // Poradnik Językowy. 1937—1938. S. 71—75.

[166] См. *Он же.* Fonetyka i etymologia wyrazu kobieta. Там же. S. 109—112.

[167] *E. Zupitza.* Die germanischen Gutturale. 1896. S. 22. См. также *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 457—458.

[168] *V. Machek.* Germano-slavische Wortstudien // Časopis pro moderní filologii. Roč. XXVI. Č. 1. 1939. S. 164—165, где указана и остальная литература.

Ст.-слав., др.-русск. **сꙋложь, сължь, сължьница** 'супруга', ср. греч. ἄλοχος, ἄκοιτις, ἀκοίτης — названия законной супруги [169], калькой которых могло явиться славянское слово.

Польск. *niewiasta* 'женщина' представляет собой использование о.-слав. *nevěsta* 'невеста, невестка' [170], см. выше.

Ст.-слав. **мѫжатица** 'ὕπανδρος, viro subdita', **жена мѫжатица** 'γυνὴ συνῳχισμένη ἀνδρί', др.-чешск. *mužatka* 'žena zmužilá', 'žena vdaná', польск. *mężatka* 'замужняя женщина', производное от названия мужа [171].

Др.-русск. *хоть* 'желанная, милая, жена', 'наложница', чешск. *chot'*, словацк. *chot'a*, *chot'* 'жена, супруга', с типичным переходом nomen actionis > nomen agentis, ср. отглагольность названия действия *xotь* 'желание', русск. *по-хоть* (: *хотеть*) [172].

Др.-русск. *подружие*, *подружье* 'супруга, супруг', давшее затем укр. *подрýжжя* 'супружеская чета', совр. укр. *дружи́на* 'супруга' (с конца XVIII в.) [173] с прозрачной этимологией (: друг). Укр. *дружи́на* является производным с суффиксом *-ина* с одним из двух значений этого суффикса, активных в славянском, — сингулятивным, ср. в то же время собирательность др.-русск. *дружина* 'воины'.

Др.-русск. *веденица* 'жена законная или главная', 'наложница', *ведовица* 'γυνὴ ἄρχουσα', *въводьница* 'женщина, принятая в дом', ср. литовские названия жениха, невесты, жены, свадьбы, в основу которых положены формы глагола *vèsti* 'вести': *vedỹs*, *nauvedà*, *vedỹbos*, *antrãvada* 'вторая жена'.

Ст.-слав. **малъжена, мальжена, малжена, маложена** (дв. ч.) 'супруги, муж и жена', ср. польск. *małżonka*, чешск. *manželka*, о которых уже говорилось выше.

Прибалт.-словинск. *bjãłkă* 'женщина', кашуб. *bjałka* 'женщина, жена', польск. диал. *białiczka*, *białeczka* то же, устар. *białogłowa* 'женщина' (букв.: 'белоголовая') — названия замужней женщины по белому головному убору [174].

Ст.-слав. **посестрие** 'uxor'; польск. диал. *roba* 'взрослая женщина', 'жена', 'неряха', ср. также *roba* 'свинья', ср. *roba* 1. 'взрослая женщина', 2. 'жена' в переходных восточноляшских диалектах [175], сербск. *љýба* 'die Gattin, conjux'.

---

[169] *B. Delbrück.* S. 421, 423; *É. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P. 36.

[170] *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 362.

[171] См. *A. Meillet.* Études. P. 290.

[172] Ср. *Ф. П. Филин.* О терминах родства... С. 342.

[173] См. *А. А. Бурячок.* Названия родства и свойства в украинском языке. С. 16, 17.

[174] *A. Zaręba.* Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954. S. 107, сноска 3.

[175] *A. Kellner.* Východolašská nářečí. II. S. 269.

Из балтийских названий ср. литовск. *mótė*, *móteris* 'женщина' — преобразованное старое название матери, *moterìškė* 'женщина', формально — притяжательное производное с суффиксом *-išk-*, ср. чешск. *ženská* = *žena* и др.; латышск. *sieva* 'жена' < **k̑ei-u̯-*, ср. др.-в.-нем. *hīwo* 'супруг', лат. *cīvis* 'гражданин' [176]; менее распространенные литовск. *gulovà* (только в народных песнях) 'жена', как и *gulõvas* 'супруг' — к *gulė̃ti* 'лежать', *antrãvada* 'вторая жена' [177].

Из более интересных местных названий других индоевропейских языков ср. лат. *fēmina* 'женщина', от **dhē-* 'кормить грудью' с суффиксом медиопассива *-meno- / mno* [178] и тохарск. В *tlai* 'женщина', производное на *-l-* от того же корня [179]; нем. *Weib*, герм. **wība* 'жена, женщина', как полагают [180], — первоначально отглагольное название действия *wība* < *weban* 'прясть, ткать' с переходом nom. actionis > nom. agentis (ср. также средний род *Weib*), причем **wība* сначала значило 'ткачиха, служанка', затем — 'женщина' и 'жена'.

Вдова

Слав. *vьdova*: ст.-слав. **вьдова** 'χήρα, vidua', **вьдовица** то же, др.-сербск. *вьдова*, *вьдовица*, др.-русск. *въдова*, *вьдова* 'vidua', *въдовица*, *въдовичии*, *въдовичьныи*, *въдовующии*, *въдовыи*, *въдовъствие*, *въдовьство*, русск. *вдовá*, *вдóвая*, *вдóвый*, укр. *вдовá*, *удовá*, *вдовúця*, *удовиця*, *вдовичéнко* 'сын вдовы', польск. *wdowa*, диал. *gdowa*, прибалт.-словинск. *vdŏu̯fkă*, *vdŏu̯ka* 'вдова', н.-луж. *hudowa*, в.-луж. *wudowa*, *wudowc* 'вдовец', чешск. *vdova*, словацк. *vdova*, *vdovica*, *bdova*, *gdova*, словенск. *vdova*, *vdovica*, сербск. *удòвица*, *ȕдов* 'вдовый', болг. *вдовúца*.

Это общеславянское слово прекрасно сохранилось во всех славянских языках [181].

Слав. *vьdova* — слово, видимо, еще общеиндоевропейское, оно имеет ряд тождественных форм в других индоевропейских языках и выясненную этимологию. Правда, следует заметить, что это слово по сути дела неизвестно балтийским языкам, за исключением др.-прусск. *widdewū* 'вдова', и Р. Траутман, предполагающий балто-славянскую форму **u̯idau̯ā* 'вдова' [182], факти-

---

[176] См. *E. Zupitza.* Die germanischen Gutturale. S. 184; *A. Walde.* Op. cit. P. 164: *cīvis.*

[177] *P. S. Skardžius.* Op. cit. S. 387, 431.

[178] *K. Brugmann.* KVGr. S. 316; *Ernout—Meillet.* T. I. P. 398—399.

[179] *J. Duchesne—Guillemin.* Tocharica // BSL. T. 41. 1941. P. 152.

[180] *G. Tavernier—Vereecken.* De etymologie van «wijf» // Revue belge de philologie et d'histoire. T. XXXII. № 1. 1954. P. 97 ff.

[181] Ср. *F. Miklosich.* S. 398.

[182] *R. Trautmann.* BSW. P. 357.

чески демонстрирует отсутствие ее в балтийском. Литовский язык не знает этого индоевропейского слова, причем соответствующий термин выражен в нем не каким-либо поздним словом, а другим древним индоевропейским корнем, о котором — ниже. Рефлекс индоевропейского гетеросиллабического **-eu̯-* в др.-прусск. *widdewū* является несколько необычным: ожидалось бы балт. *-av-* = слав. *-ov-* (*vьdova*)[183]. Заимствование из славянского (польского)[184], однако, формально маловероятно. А. Бецценбергер видел в знаке долготы след первоначального ударения на окончании: *widdewū* = русск. *вдовá*[185]. Сочетание *-ov-* в слав.' *vьdova* является существенной фонетической особенностью слова и развилось из и.-е. **eu̯-* в гетеросиллабическом положении[186], перед гласным заднего ряда.

Итак, слав. *vьdova* непосредственно восходит к форме **vĭdeu̯ā*. Сравнение последней формы с готск. *widuwo* 'χήρα'[187] указывает на общую для обоих древнюю форму **u̯ĭdheu̯ā*, ср. санскр. *vidháva* то же[188] и греч. ἠίθεος 'холостой, холостая'. Кроме этих слов, сюда же относятся лат. *vidua* 'вдова', алб. *e ve* 'вдова'[189]. В хеттском языке отмечена форма *^sal^udati* (*^sal^utati-*) 'вдова', которую И. Фридрих относит к лат. *vidua* и родственным[190].

Этимология **u̯idheu̯ā* была выдвинута в свое время Р. Ротом[191] и одобрена Б. Дельбрюком[192]: санскр. *vidh-ava* < **vidh-* 'быть пустым, недоставать', лат. *viduus*, ср. греч. ἠίθεος 'холостой, холостая'. Эта этимология получила широкое признание. Некоторый дополнительный материал предлагает И. Зубатый[193], обративший внимание на ст.-слав. **въдавати** в значении 'κενοῦν, evacuare' в Хронике Манассии (при обычном его значении 'dare, давать'), которое, по его мнению, связано с лат. *vidua*, *viduare*, а с **давати** сближено по народной этимологии. Сюда же, несомненно, принадлежит этимологически литовск. *vidus* 'внутренность', 'внутренность дома' < 'полость, пустое пространство'. Для подкрепления морфологической связи этих слов важно отметить *u*-основу литовск. *vidù-s*, род. п. *vidaũ-s*, вин. п. *vìdų* и то, что слав.

---

183 *K. Brugmann.* Grundriß. Aufl. 2. Bd. I. S. 130; Бругман предполагает, что в прусск. *widdewū* 'вдова' *e* стоит вместо безударного *a*.

184 См. *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 606.

185 *A. Bezzenberger.* Sprache des preußischen Enchiridions // KZ. Bd. 41. 1907. S. 75.

186 *W. Vondrák.* Bd. I. S. 83—84; *K. Brugmann.* KVGr. S. 106.

187 *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 562.

188 *C. C. Uhlenbeck.* S. 286—287.

189 *Stuart E. Mann.* The Indo-European Vowels in Albanian // Language. Vol. 26. 1950. P. 385.

190 *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954. S. 237.

191 *R. Roth.* Etymologien: ἠίθεος // KZ. Bd. 19. 1870. S. 223—224.

192 *B. Delbrück.* S. 442—445.

193 *J. Zubatý.* Slov. *pьjanъ* a jiné tvary podobné // Studie a články. Sv. II. Praha, 1954. S. 177.

vьdovā, и.-е. **u̯idheu̯ā* представляют собой *-ā*-производные женского рода именно от древней *u*-основы: **u̯idheu̯-ā* (и.-е. **u̯idheu-*: **u̯ĭdhu-*, ср. литовск. *vidù-s*). Следы этой древней *u*-основы сохраняются в производном названии вдовы в виде и.-е. **eu* и его рефлексов.

Ударение слав. *vьdovā́*, русск. *вдова́*, является результатом специально балто-славянских перемещений ударения, согласно закону Фортунатова— де Соссюра. О циркумфлексной интонации предпоследнего слога позволяет нам говорить с уверенностью литовск. *vidù-s*, род. п. *vidaũ-s* с циркумфлексной долготой дифтонга, которая объясняет метатонию, проходившую обычным образом: **vĭdaũ-ā* > **vĭdavā́*, слав. *vьdova*, русск. *вдова́*. Вместе с тем передвижения старого ударения в индоевропейском слове определенно свидетельствовали об ощущении «мотивированного», производного характера и.-е. **u̯idheu̯ā*[194].

Недавно высказывалось лингвистически аргументированное мнение о преимущественном отражении индоевропейскими терминами родства эпохи матриархата (Дж. Томсон, А. В. Исаченко). При матриархате не было еще потребности в таком термине, как 'вдова', поскольку смерть мужа (= одного из мужей) на положении женщины никак не отражалась: она оставалась женой братьев умершего[195]. Обозначение вдовы сделалось актуальным при парном браке. Таким образом, **u̯idheu̯ā* — последний общеиндоевропейский термин — был одновременно новым термином, созданным отцовской семьей[196]. Такое название женщины могло возникнуть в условиях расцвета патриархата, ср. четкое указание на то, что жена лишилась мужа. Развивая далее мысль А. В. Исаченко о том, что 'вдова' — последний общий термин перед разделением индоевропейцев, можно заключить, что индоевропейская общность (ибо только общность могла создать такой единый однозначный термин) длилась до расцвета патриархата включительно.

Возникшая возможность специально обозначать женщину в данном положении не предполагала обязательного стереотипного обозначения во всех индоевропейских диалектах. Более того, в отдельных диалектах общеиндоевропейский словарный материал использовался по-своему, вследствие чего образовались синонимы. Именно такое положение дела можно предположить для балтийского. Так, литовский язык, сохранивший древнее и исключительно ценное для истории слав. *vьdova* слово *vidùs*, сам так и не воспользовался им, уже имея другое древнее название вдовы — *našlē̃*.

В литературе известна правильная индоевропейская этимология этого слова, выдвинутая американским лингвистом Ф. Р. Преведеном[197]: литовск.

[194] *J. Kuryłowicz.* L'accentuation... P. 130—131.

[195] *А. В. Исаченко.* Указ. соч. С. 74.

[196] Там же.

[197] *F. R. Preveden.* Etymological Miscellanies // Language. Vol. 5. 1929. P. 148.

našlỹs 'вдовец', *našlẽ* 'вдова', *našláitis* 'сирота', *našlỹstė* 'вдовство' с общим для всех них семантическим признакам: 'переживший, -ая чью-нибудь смерть'. Вслед за А. Лескином[198] Ф. Преведен относит *našlỹs*, *našlẽ* к группе имен действия или деятеля с суффиксом *-lys*, *-lė*. В семантическом отношении Ф. Преведен считает нужным отделить эту группу от литовск. *nèšti* 'нести'. Он относит *našlẽ* к и.-е. **nek̂-*, **nok̂-* 'умирать, смерть, мертвый', санскр. *naçati* 'он гибнет', авест. *nasu-* 'труп', греч. *νέκυς*, *νεκρός* 'мертвый', лат. *nex* 'убийство', др.-исл. *naglfar* 'Totenschiff' и др. Таким образом, *našlẽ*, *našlỹs* можно рассматривать как субстантивированное прилагательное: **našl-i-s* 'относящийся к мертвому человеку'. Ср. сербск. *пòсмрче* 'ребенок, рожденный после смерти отца'. Эта этимология отмечена также как принадлежащая Фр. Преведену в известном новом словаре индоевропейских синонимов К. Д. Бака[199]. Тем не менее справедливость требует указать, что на самом деле эта интересная этимология впервые была предложена К. Бугой[200], умершим в 1924 г. В печатном виде эта этимология фигурировала в достаточно известном труде К. Буги[201]. На нее ссылается также П. Скарджюс в своем капитальном исследовании по литовскому словообразованию (1943 г.). Буга видит в литовск. *našlẽ* вторичное производное от **nãšlas*, *-à*, общего по корню с перечисленными латинскими и греческими словами[202].

Литовск. *našlẽ* 'вдова' является самым интересным этимологически, но не единственным диалектным синонимом и.-е. **u̯ĭdheu̯á*. Ср. ряд местных индоевропейских названий вдовы[203]: латышск. *atraikne*, *atriekne*, *eidene*[204], исл. *ekkja*, датск., норв. *enke*, шведск. *anka*, собств. 'одинокая' (ср. выше), арм. *ayri* < **n̥-nēr-iyā* : **nēr* 'муж', т. е. 'без мужа'[205], греч. *χήρα*; дат. п. ед. ч. *χήτει* 'недостаток, нужда': хеттск. *kašti* 'голод'[206].

---

[198] *A. Leskien.* Die Bildung der Nomina im Litauischen // Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königlich Sächsischen Gessellsehaft der Wissenschaften. Bd. XII. № III. Leipzig, 1891. S. 462.

[199] *C. D. Buck.* S. 131.

[200] Ср. запись в его рукописной картотеке к Литовскому этимологическому словарю (хранится в Ин-те литовск. языка и лит-ры АН Лит. ССР, Вильнюс): «našlė 'vidua' i.-e. 'kuriai mìrė vyras': lot. necō noceō gr. *νέκυς νεκρός* K. Būga».

[201] *K. Būga.* Kalba ir senovė. Kaunas, 1922. S. 273.

[202] См. также *P. Skardžius.* Op. cit. S. 75, 169.

[203] Названия вдовца (ср. слав *vьdovьcь*) представляют собой поздние этимологически прозрачные образования и специально здесь не рассматриваются.

[204] *K. Mūlenbach.* I. S. 566.

[205] *G. Dumézil.* Séries étymologiques arméniennes // BSL. T. 41. 1940. P. 69.

[206] См. *E. H. Sturtevant.* A comparative Grammar of the Hittite Language. Vol. I. 2 ed. New Haven, 1951. P. 58.

***

Мы рассмотрели выше ряд важных терминов, примыкающих к названиям свойства, а именно — названия невесты, жениха, мужа, жены и вдовы. Это не термины свойственного родства в собственном смысле слова, но сопоставление их с названиями свойства диктуется всей спецификой родственной терминологии. В ходе нашего изложения было уже немало случаев привлечения смежных или более далеких образований, которые связаны с изучаемыми терминами либо непосредственными материальными отношениями родственных морфем, либо общей аналогией. Такое же отношение к родственной терминологии имеет название девы, девушки.

Слав. *děva*

Ст.-слав. **дѣва, дѣваıа**, др.-сербск. *дѣва*, *дѣвая*, *дѣвица*, *дѣвоика*, др.-русск. *дѣва*, *дѣвица*, русск. *дéва*, *дéви́ца*, *дéвушка*, *дéвочка*, укр. *дíвчина*, *дíвка*, польск. *dziewczyna*, *dziewucha*, *dziewczę*, диал. *dziewa*, *dziewka* = *córka* 'дочь', прибалт.-словинск. *ʒófčą-čică* 'Mädchen', полабск. *déva* 'Mädchen', 'Magd', *dévka* 'Mädchen, Tochter', чешск. *dívka*, *děvče*, словацк. *dievča*, словенск. *dẹ́va* 'die Jungfrau', сюда же *dẹ́kla* 'das Mädchen', 'die Magd', *deklača* 'die Dirne', *delclâj* м. р. 'das Mädchen', *deklè* ср. р. 'das Mädchen', *déklica* 'das Madchen', *dẹklìč* м. р. 'das Mädchen', сербск. *дјéва*, *дјèвôјка* 'das Mädchen puella', диал. *dȅkla*, *deklȉca* 'Magd', *dȉkie* 'Mädchen'[207], болг. *дéва*, болг. (банатское) *divíca* 'девица'[208], совр. болг. *девóйка* 'девочка'.

Значение перечисленных слов достаточно единообразно: 'девушка, девочка'. Слав. *děva* используется также в отдельных славянских языках и диалектах в качестве замены о.-слав. *dъkti*. Поздний характер значения 'служанка' (пример см. выше) не оставляет никаких сомнений.

В словообразовательном отношении слав. *děva* правильно объясняется как древнее субстантивированное прилагательное с суффиксом *-va*[209]. Это

---

[207] *P. Skok.* Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg) // AfslPh. Bd. 33. 1912. S. 361.

[208] *Л. Милетич.* Книжнина я езикът на банатските българи. IV. Словарь // СбНУ. Кн. XVI—XVII. 1900. С. 475; ср. также диал. *девица*. Тетевен (*Б. Цонев.* Кои новобългарски говори стоят найблизу до старобългарски в лексикално отношение // Списание на Българска академия на науките. Кн. 11. 1915. С. 12).

[209] См. *А. Преображенский.* Т. 1. С. 207; особенно — *A. Vaillant.* RES. T. 18. 1938. Chronique. P. 137; ср. *Он же.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 200.

подтверждается фактами старославянского языка, в котором, как указывает А. Вайан в последнем из названных сочинений, адъективность **дѣва**, правда уже субстантивированного, акцентируется употреблением дублета **дѣваꙗ**, дат. п. ед. ч. **дѣвѣи** (Клоц. 898 = Супр. 4525). Отмеченный для ст.-слав. **дѣваꙗ** вторичный суффикс *-aja*, видимо, связан отношениями количественного чередования гласных с *-oja* в польск. *dziewoja* 'девка, девушка'; В. Вондрак[210] приводит единственный пример с суффиксом *-oj-* в виде упомянутого польского слова. Важно отметить, что и этот редкий непродуктивный суффикс характеризовал первоначально адъективные образования. Сюда же примыкают осложненные суффиксом *-ка* болг. *девой-ка*, сербск. *дјевој-ка*. Славянский дает крайне мало материала для подобного обобщения, однако число примеров с суффиксом *-oj(a)*, очевидно, не ограничивается названными. Так, например, сюда может относиться русск. *Утрóя*, название реки бассейна Псковского озера, которая в своих верховьях, на территории латышского языка, носит название *Rītupe* (собств. 'утренняя река'). Тем самым русск. *Утроя* этимологически объясняется как *Утро-ja*/ *утр-oja*, адъективное производное от *утро*: **Utroja rěka* 'утренняя река', ср. значение латышского названия[211].

Слав. *děva* давно получило правдоподобную в своей сущности этимологию: к известному индоевропейскому корню **dhēi-* 'кормить грудью' и др. В деталях этимологического толкования авторы расходятся между собой. Так, В. Вондрак[212] видит в слав. *děva* первоначальное название ребенка женского пола. Э. Бернекер[213] полагает, напротив, что *děva* имело активное переходное значение 'кормящая', ср. греч. *θῆλυς* 'женский'. Примерно таково же мнение А. Брюкнера[214], который считает, что *děva* первоначально обозначало женщину именно как 'доящую' ('кормящую'). Новый словарь И. Голуба и Фр. Копечного[215], к сожалению, даже не ставит вопроса о конкретном значении морфологического образования слав. *děva*. Фр. Слав-

---

[210] *W. Vondrák*. Bd. I. S. 407.

[211] Нам хотелось бы настоять на предложенной этимологии русск. *Утроя* вопреки объяснению М. Фасмера, который (см. AfslPh. Bd. 38. 1923. S. 88—89) в русск. *Втроя* (река, приток Наровы) видит сложное слияние герм. *utra-* 'выдра' и эстонск. *oja* 'ручей'. Русск. *Утроя* представляет собой скорее кальку латышского слова или явление семантического параллелизма, естественного в языках населения сопредельных районов. Примеры можно было бы умножить. Форма *Втроя*, **Вътроя* (Фасмер) может быть объяснена как фонетический вариант *Утроя*, распространившийся на север (Нарова) позднее.

[212] *W. Vondrák*. Bd. I. S. 163.

[213] *E. Berneker*. Bd. I. S. 197.

[214] *A. Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 111; ср. *С. Младенов*. ЕПР. С. 150.

[215] *Holub—Kopečný*. S. 99.

ский [216] в основном обобщает сведения по литературе вопроса, предлагая на выбор весьма различные решения: 'сосущая' или 'имеющая особенности женщины, например, могущая кормить'.

Что касается судьбы индоевропейского корня **dhē(i)-* в слав. *dě-va*, славянский, как видно, имел на месте данного *ě* древний дифтонг **oi*, о чем могут свидетельствовать следы его в гетеросиллабических позициях: словацк. *dojka* 'кормилица', *dojčiť* 'кормить (грудью)', *dojča* 'грудной ребенок', словенск. *doj* 'das Säugen, die Ammenschaft', сербск. *дȍјēње* 'das Säugen, nutritio', 'das Saugen, lactatio', *дȍјилица*, *дȍјӣља*, *дȍјкиња* 'Amme, nutrix', болг. *дóйка* 1. 'кормилица', 2. 'грудь женщины', *дóилка*, *дóилница*, *дóителка*, *подóйка*, *подóйница* 'нянька, кормилица', *подóйниче* 'грудное дитя', ср. русск. *дои́ть*, уже специфически животноводческий термин, наиболее далекий от значений привлеченных выше слов.

Остается вопрос о форманте *-va* (*dě-va*) и его семантико-морфологической роли в данном славянском производном. Не решив этого вопроса, мы вправе констатировать лишь то, что славянское слово состоит из и.-е. **dhē(i)-* и *-u̯ā*, всякие же дальнейшие предположения о значении славянского слова в древности носили бы голословный характер. Суффикс *-u̯ā*, точнее *-u̯(v)*, при помощи которого образовано слово, принадлежит к числу общеиндоевропейских словообразовательных формантов. В славянском почти нет этимологически прозрачных производных 'с суффиксом *-v-*, что также говорит о его большой древности и непродуктивности в собственно славянский период. Однако трудно согласиться с А. Г. Преображенским, который заявляет, что «слов с таким образованием только три: *дева*, *диво*, *пиво*...» [217]. Этимология позволяет выделить суффиксальное *-v-* в гораздо большем количестве случаев. Трудность заключается в том, что *-v-* был одним из материальных средств расширения индоевропейского корня [218]. При этом — этимологически суффиксальное — *v* постоянно вовлекалось в структуру корня в роли корневого детерминатива. Хронологические рамки этого процесса трудно определить даже приблизительно. Так, слав. *pьr̥vъ* 'первый' унаследовало этот древний суффиксальный *-v-* в роли неотделимого корневого детерминатива, ср. оформленное иным суффиксом литовск. *pìrmas* 'первый'. Этот пример различного расширения корня, возможно, относится к числу древнейших диалектных различий индоевропейского, ср. также примеры, с одной стороны, из индо-иранского, с другой стороны, лат. *primus*. Есть, несомненно, и

---

[216] *Fr. Slawski.* S. 200; ср. еще, *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 333; *K. Moszyński.* Uwagi do 2. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego // JP. T. XXXIII. 1953. P. 362; *J. Pokorny.* S. 241—242.

[217] *А. Преображенский.* Т. I. С. 207.

[218] Ср. *P. Persson.* Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Uppsala, 1891.

менее древние аналогичные случаи, ср. слав. *čьṛ-vъ* : литовск. *kir-mìs* 'червь' и с аблаутом — *kùr-mis* 'крот' — к общему корню **ker-* 'рыть, копать, резать'. Ср. также только балто-слав. **kor-u̯ā*, корова, производимое от и.-е. **kor-* 'рог' и, наконец, только славянское — **dĕva* < **doi-u̯ā*.

Познакомившись в общем с особенностями исторического употребления суффикса *-v-*, перейдем к семантико-морфологическому анализу образований для выяснения наиболее типичного их морфологического значения. Предположительные значения слав. **čьṛ-vь*, **kor-va*, **pi-vo*, **dĕ-va* — 'способный рыть', 'имеющая рога', 'пригодное для питья' [219], 'способная кормить'. Понять эти образования можно, лишь допустив для древнего суффикса *-v-* значение потенции, способности, наличия. Значение отглагольного *dĕ-v-a* было скорее медиальным ('способная кормить своих детей'), а не активно-переходным (ср. Э. Бернекер, выше) и уж, конечно, не пассивным, как полагали Ф. Миклошич и В. Вондрак. Таким образом, этимология слав. *dĕva* не говорит о древности значения 'дева, не вступившая в брак'. Это название могло обозначать каждую молодую женщину, которая уже способна кормить.

Общего термина, аналогичного слав. *dĕva*, индоевропейские языки не знают. Они развили соответствующие возрастные названия в большинстве своем уже поздно, ср. характер отдельных названий девы, девушки, приводимых ниже.

Болг. *мома*, *момиче* С. Младенов толкует как слово «детского языка» [220].

Греч. *μεῖραξ*, *μειράκιον* из **μεριακ-* с индоевропейским корнем **mer-*, встречающимся в близких возрастных обозначениях нескольких языков, ср. критск. *μάρνα* 'девушка' [221], литовск. *mergà* 'девушка', с суффиксом *-g-* [222]. Последнее название девушки в литовском языке насчитывает по говорам огромное множество производных форм: *mergìkė*, *mergùila*, *mergžnà*, *mergìnas*, *mergŷnas*, *mergýnà*, *mergesà*, *mergẽsė*, *meȓgšė*, *meȓgiščia*, *mergỹštė*, *mergiõtė*, *mergiõkštė*, *mergiõčius*, *mergýtė*, *mergỹtė*, *mergyštáitė*, *mergutà*, *mergẽlę*, *mergū́kštis*, *mergū́kštė*, *mergùžė* — все со значением девочка, девушка [223].

Греч. *κόρη*, диал. *κορϝᾶ*, *κόυρη* связано с *κείρω* (**κεριω*) 'резать', возрастной термин, ср. обычай обрезания волос у подростков, *τριχοκουρία*. Греч. *παρθένος* 'дева' не имеет этимологии и подозревается в заимствовании из «догрече-

---

[219] Таково древнее общее значение слав. *pivo* 'напиток вообще, все пригодное для питья', сохраненное диалектами сербского, см. *M. Tentor.* Der čakavische Dialekt der Stadt Cres // AfslPh. Bd. 30. 1908. S. 197.

[220] *С. Младенов.* ЕПР. С. 303.

[221] *G. Legerlotz.* Griechische Etymologien // KZ. Bd. 8. 1859. S. 127—128.

[222] См. также *P. Skardžius.* Op. cit. S. 102.

[223] Там же. S. 131, 192, 219, 242, 267, 269, 312, 316, 332, 352, 356, 359, 360, 361, 373, 392.

ского» языка. Лат. *virgo* 'дева, девственница' тоже как будто не имеет этимологии[224]. Ср., однако, в книге Г. Хирта и Г. Арнтца[225] попытку объединить греч. *παρθένος*, лат. *virgo*, а также англ. *girl*, н.-нем. *Göhre* 'девушка' вокруг и.-е. **ghʷbrghʷen*, **gʷerghen*.

Хеттск. *šuppeššara* 'дева' — местное образование хеттского языка из прилагательного *šuppi-š* 'чистый, незапятнанный' и суффикса имен женского рода *-šara*[226].

Готск. *magaþs* 'παρθένος', герм. *maʒa-*[227], наряду с *maʒu-*, корень, которого уже приходилось подробно касаться в первой главе при рассмотрении целого ряда обозначений ребенка, мальчика, девочки; этот корень лежит в основе некоторых возрастных обозначений.

***

Переходим к основным названиям свойственного родства, которые обозначают лиц, породнившихся через брак кровных родичей, как своих людей, входящих в общий, свой род. В связи с этим важно обратить внимание на участие местоименного корня и.-е. **su̯o-* 'свой' в таких образованиях, ср. *свекор*, *свояк*, *сват*.

Свойственная терминология очень сложна и многопланова. Например:
свекор, *свекровь* — жене сына,
тесть, *теща* — мужу дочери,
невестка, *сноха* — родителям мужа,
зять — родителям жены,
золовка — сестра мужа по отношению к его жене,
деверь — брат мужа по отношению к его жене,
шурин — брат жены по отношению к ее мужу и т. д.

Значительная часть терминов свойства имеет индоевропейские этимологии: *свекор*, *тесть*, *золовка*, *зять*. Этимологическая неясность некоторых из них также говорит о древнем образовании. Они представляют интерес для исследования с различных точек зрения.

---

[224] *Ernout—Meillet.* T. II. P. 1307—1308; ср. впрочем *M. Runes.* Virgo // IF. Bd. 44. 1927. S. 151—152: к *vireo* 'зеленеть'.

[225] *H. Hirt, H. Arntz.* Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939. S. 21—22.

[226] *E. H. Sturtevant.* A Comparative Grammar of the Hittite Language. Vol. I. 1951. P. 67, 68; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. S. 199.

[227] *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch… S. 339.

11 — 9718

Слав. *svekrъ, svekry*

Ст.-слав. **свекръ** ʻπενθερός, socerʼ, **свекры** ʻπενθερά, socrusʼ, др.-русск. *свекры, свекъръ, свекоръ*, русск. *свёкор, свекровь*, диал. *свекры́*[228], *свекро́ва* (Онежск., Шенкурск.)[229], *свякро́вья, свякр*[230], архангельское еще — *секро́ва*[231], ср. из недавних материалов — рязанск. *с'в'акры́, с'в'якро́ва*[232], вологодск. *свекро́ва, свекро́ўка*[233], калужск. *свякра́, свякровь*[234]; укр. *свéкор, свекру́ха*, др.-польск. *świekrew, świekrucha, świokra* ʻсвекровьʼ, ʻтещаʼ, *świokier, świekier* ʻтестьʼ, *świekra* ʻteściowa, matka męża lub żonyʼ[235], польск. *świekier, świekra* (устар.), диал. *świekr* ʻojciec mężaʼ, *świekra* ʻmatka mężaʼ, ср. также *wsiekra* = *świekra, świekrucha*, др.-чешск. *svegrušě, svekrušě* ʻmatka manžela neb *manželky*, tchyněʼ, *svekr* ʻtchánʼ, *svěkrov* ʻšvagrováʼ, диал. *svogruša, cvogruša, cvegruša* ʻtchyněʼ[236], словацк. *sveker, s'veker, s'viker, svoker*, словенск. *svệker, svệkrv, svaệkrva*, сербск. *свȅкар* ʻder Schwiegervater, socer, mariti paterʼ, *свȅкрва* ʻdie Schwiegermutter, soerus, mariti materʼ, диал. *svekȑ va*[237], болг. *свéкър, свекъ́рва.*

Наиболее сложную фонетико-морфологическую историю пережило слав. *svekry*, ж. р., что понятно вследствие особого положения древних *-y-*(*ū*)-основ, неизбежно подвергающихся разным аналогиям и выравниваниям. Соответствующий материал богаче всего представлен в русском языке, о чем свидетельствует даже беглое знакомство с формами по говорам. Прежде всего, русские говоры широко сохранили древнейшую общеславянскую форму *свекры́* < *svekrý*, повсеместно и давно вытесненную в прочих славянских язы-

---

[228] *Диттель.* Сборник рязанских областных слов // Ж. Ст. Вып. 2. 1898. С. 222; *Н. Н. Дурново.* Словарь к материалам по Тамбовской губ. // РФВ. 1911. № 3/4. С. 216.

[229] *А. Подвысоцкий.* Словарь архангельского наречия. С. 154.

[230] *Н. Н. Дурново.* Словарь Курск. губ., Корочанского у., Лесковской вол., с. Шахово // РФВ. 1913. № 3. С. 4.

[231] Взято из кн. *А. Б. Шапиро.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953. С. 162.

[232] *Р. И. Аванесов.* Очерки диалектологии рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. I. М.—Л., 1949. С. 206.

[233] *В. Г. Орлова.* О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. // Материалы и исследования по русской диалектологии. I. С. 53.

[234] Труды Московской диалектологической комиссии. 1. Ответы на южновеликорусскую программу (Калуж. губ., Мосальского у., Жерелевск. вол., д. Козловка Жерелевского прихода) // РФВ. 1916. № 1/2. С. 260.

[235] *W. Taszycki.* Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955. S. 260 [словарь].

[236] *Fr. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906. S. 41, 414.

[237] *P. Skok.* Mundartliches aus Žumberak // AfslPh. Bd. 33. 1912. S. 370.

ках. Но и в русском эта форма сохранена в разрушенном виде, как разрушена уже давно в русском и древняя парадигма склонения *-ū*-основ. Так, *свекры* встречается не только как им. п. ед. ч., но и как вин. п. ед. ч. [238], род. п. ед. ч. на *-ве* (*-ъве*) характерен только для древнерусского периода. Особенно широко обобщена, однако, древняя форма вин. п. ед. ч. *свекровь*, фигурирующая в им.-вин. падежах ед. ч. (в том числе и в литературном языке) в связи с аналогическим переходом в склонение на *-и*(*i*). Далее в русских говорах представлены формы от старой *-ū*-основы, преобразованные по женским *а*-(*ja*)-основам: *свекрóва*, *свекрóвья* и далее — *свекрóвка*. О полном забвении старой основы говорит образование русск. диал. *свекра* 'свекровь', ср. польск. (стар. и диал.) *świekra*. Производными от старой основы являются также русск. диал. *свекруха*, укр. *свекрýха*, польск. диал. *świekrucha*, др.-чешек. *svekrušě* — по аналогии с другими употребительными названиями женщин с суффиксом *-их-а*, которые имеют, кстати, совершенно особое происхождение, не связанное с *-ū*-основами. В южнославянских языках широко распространились производные от старой *-ū-* основы на *-а*: сло-венск. *svę̑krva* (также *svę̑krv*), сербск. *свȅкрва*, *svekȑva*, болг. *свекъ̀рва*, ср. русск. *свекрóва* в говорах.

В чешском языке, кроме того, сказалось сильное воздействие заимствованных форм — *švagrová* (нем. *Schwager*, *Schwägerin*) 'золовка, невестка, свояченица', откуда *švekruše*, *švegruše*, др.-чешск. *svegrušě*, диал. *cvogruša* и формы, свидетельствующие об окончательном расшатывании старой, этимологически верной формы: диал. моравск. *cvegruša*, *cvogruša*.

История мужского соответствия гораздо единообразнее. Общеславянской формой является *svekrъ* из **su̯ekro-s*, ср. ст.-слав. **свекръ**. Формы русск. *свёкор*, укр. *свéкор*, польск. *świekier*, сербск. *свȅкар*, болг. *свéкър* говорят о **svekъr-*, но *-ъ-* или заменяющие его «беглые» гласные здесь, видимо, эпентетического происхождения, они появились в результате общеславянского падения редуцированных через промежуточную ступень **svekr̥*. Полную фонетическую аналогию видим в развитии русск. *остёр*, сербск. *ȍштар*, болг. *óстър* из о.-слав. *ostrъ*, ср. литовск. *aštrùs*, греч. *ἀκρός* < и.-е. **ak̑ro-s*.

Предполагать о.-слав. **svekъrъ* (= литовск. *šẽšuras*!) нет достаточных оснований. С другой стороны, видеть в слав. **svekrъ* **sve-kro-s* из **su̯ekuro-s* с выпадением и.-е. *u*, как это делает Л. Зюттерлин [239], анализируя готск. *swaihra*, тоже нет оснований [240]. Если бы это было следствием фонетической закономерности вроде той, которую мы имеем в литовск. *duktė̃*, слав. **dъkti*, готск. *daúhtar*, последовательно утративших срединный гласный и.-е. **dhughəter*, то исключение в виде литовск. *šẽšuras* представляется странным.

---

[238] *С. С. Высотский.* О говоре деревни Лека. С. 67.

[239] *L. Sutterlin.* Der Schwund von idg. *i* und *u* // IF. Bd. 25. 1909. S. 70.

[240] Редуцированные в соседстве с плавным в славянском вообще обладали, как известно, большой стойкостью.

Оно наводит нас на мысль о контаминационном происхождении мужских соответствий с *u*: лит. *šẽšuras*, греч. *ἑκυρος*, др.-инд. *śváśura-*, о чем — ниже. Таким образом, анализ славянских форм приводит к о.-слав. **svekry*, **svekrъ*.

Подавляющее большинство свидетельств индоевропейских языков согласно говорит об общеиндоевропейской форме **su̯ek̂rū-s* с палатальным *k̂*. Исключение представляет слав. *svekry*, *svekrъ*. Предпринимались различные попытки фонетического объяснения этого факта, в частности И. Шмидт видел здесь смешение двух рядов задненебных [241]. Палатальный *k̂* дал в языках satəm палатальный спирант, который действовал ассимилирующе на *sv-* в начале слова: **su̯ek̂rū-s* > **śu̯eśru-*, ср. др.-инд. *śvaśura-*, *śvaśru-*, арм. *skesur*, литовск. *šẽšuras*. И. Шмидт [242] считает эту ассимиляцию очень древним явлением, в то время как А. Мейе, очевидно, с полным правом видит здесь самостоятельные аналогические процессы [243]. Действительно, в каждом отдельном случае можно отметить оригинальные особенности. Так, литовск. *šẽšuras* получено не из **svešuras*, а из чисто литовского **sešuras*, ср. начало слова *sesuo*. Отношение литовск. **sešuras*: слав. *svekrъ* принадлежит к разбиравшимся случаям чередования *sv* : *s* в начале слова в балто-славянском, ср. и.-е. **su̯esor* : балто-слав. **sesuo*, литовск. *svẽčias* : русск. *посетить*.

В связи с вопросом о непоследовательном отражении различными языками и.-е. *su̯ek̂rū-s* с палатальным задненебным согласным отдельные исследователи ставили под сомнение общеиндоевропейскую древность палатальных задненебных. Так, в то время как П. Кречмер [244] расценивает слав. *svekry* с *k* вместо *s* как результат смешения с венетами (язык centum), обращая внимание, помимо слав. *svekry*, на многие нарушения в древнеиндийском языке, В. Георгиев [245] считает возможным исходить только из наличия древних индоевропейских велярных и лабиовелярных задненебных, лишь впоследствии подвергшихся палатализации. Возможно, что данная мысль весьма обоснованна, и было бы излишне против нее возражать в принципе [246].

---

[241] *J. Schmidt.* Zwei arische a-Laute und die Palatalen. S. 126.

[242] Там же, S. 134—135, сноска 1.

[243] См. рецензию А. Мейе на кн. *H. Arntz.* Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-Slawisch. Heidelberg, 1933 // BSL. T. 34. 1933. S. 39 (Comptes rendus); *A. Meillet.* Les dialectes indoeuropéens. 2ème éd. Paris, 1922. P. 88.

[244] *P. Kretschmer.* Zu osk. *fūtir* // Giotta. Bd. XXI. 1932—1933. S. 112 ff.

[245] *V. Georgiev.* Eine gemeinsame Lauteigentümlichkeit des Albanischen, Phrygischen, Armenischen und das Gutturalproblem // KZ. Bd. 64. 1937. S. 104 ff.

[246] Существует и другая точка зрения — о первичности палатальных и велярных задненебных в индоевропейском языке (ср. недавнюю работу Ю. Куриловича L'apophonie en indoeuropéen. Wroclaw, 1956. Ch. X. S. 356 ff.). В случае с и.-е. **su̯ek̂rū-s* сомневаться в древности палатального задненебного нет оснований. Основным источником сомнений здесь является различная судьба *k̂* в разных языках satem, ср. слав. *svekry*. Однако нельзя подменять понятие индоевропейской палатализации по-

Гораздо надежнее обратиться к конкретному анализу данного слова, сферы его употребления и соприкосновений с другими словами, поскольку, видимо, именно здесь кроется причина нарушения.

Наиболее характерной частью слов *svekrъ*, *svekry* для славянского языкового сознания, несомненно, было *sve-* : *svo-*, *svojь*. В целом слово может продолжать **svesry*, в котором, как полагают[247], вторая часть заменена была путем народной этимологии звучанием *-kry* под влиянием слав. *kry* 'кровь', что в случае с терминами родства вполне допустимо, ср. польск. *krewni* (= 'кровные') 'родственники'. Таким образом, свекровь, *svekry* воспринималась как 'своя кровь' (ср. сходные рассуждения Вассы Железновой у Горького). Вероятнее всего, что это изменение осуществилось в женской форме слова, наиболее созвучной с *kry*: **svesry* > *svekry*, ср. общий для обоих слов конец основы (*y*). В мужской форме *k* было обобщено после этого: *svekrъ*. Чисто фонетическое объяснение здесь просто неприемлемо, как указывал еще А. Брюкнер[248] в разборе книги А. Стендер-Петерсена «Slavisch-germanische Lehnwortkunde» (1927), видевшего в слав. *svekrъ* диссимиляцию **svesr-* < **svek̑uro-*[249]. Брюкнер говорит о том, что славянский не знает диссимиляции двух *s* (*s—s*), ср. *ses*(*t*)*ra*, *sъsǫ*, **slus-*(*sluxъ*), которые иначе дали бы *s-k* или *s-š*.

Общеиндоевропейскими формами славянских слов являются **su̯ek̑-rū-s*, (ж. р.) и **su̯ek̑ro-s* (м. р.). Женская форма слова не вызывает никаких сомнений, будучи хорошо засвидетельствованной древней *-ū*-основой. С мужской формой дело обстоит иначе, ср. санскр. *śváśura-*, греч. ἑκυρός, литовск. *šešuras*, на основании которых часть исследователей устанавливает и.-е. **su̯ek̑uro-s*. Но последняя форма не объясняет слав. *svekrъ*, лат. *socer*, готск. *swaihra*, ср.-в.-нем. *swāger*, которые происходят из **su̯ek̑ro-s*[250]. В женской форме **su̯ek̑rū-*, др.-инд. *śvaśrú-ḥ* тоже нет никаких признаков гласного *u* между *k* и

нятием славянской палатализации. Ведь то, что мы называем различными славянскими палатализациями, является по сути дела ассибиляцией, заменой задненебных свистящими, шипящими. Такой результат ожидается и для и.-е. **su̯ek̑rū-s* в славянском. Действительно, ассибиляция охватила большинство индоевропейских палатальных. Но принципиально важно вместе с Ю. Куриловичем отметить, что индоевропейская палатализация и ассибиляция — хронологически разные явления, причем ассибиляция осуществлялась позже, по-разному даже в близких языках и определялась местными особенностями. Естественно ожидать в этих условиях нарушения, и такие нарушения действительно известны.

[247] *А. В. Исаченко*. Указ. соч. С. 65, сноска 56.

[248] *A. Brückner*. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen // AfslPh. Bd. 42. 1929. S. 126—127, сноска 1.

[249] Диссимиляцию здесь видит и Миккола (*J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. S. 153).

[250] *P. Kretschmer*. Indogermanische Akzent- und Lautstudien // KZ. Bd. 31. 1889. S. 446—447.

r. С другой стороны, происхождение *u* в **su̯ekuro-s*, др.-инд. *śváśura-* и других мужских формах вполне очевидно объясняется эпентезой *u*[251]. Это осуществлялось в мужской форме, видимо, под влиянием женской *-ū*-основы: **su̯eḱrū* → **su̯eḱruo-s* > **su̯eḱuro-s*, причем не обязательно вместе с Кречмером[252] предполагать общеиндоевропейскую *-u*-основу мужского рода наряду с *-ū*-основой женского рода **su̯eḱrū-s*. Появление *u* в мужской форме объясняется постоянной аналогией оригинальной женской основы, и это *u* сначала появляется в конце мужской основы и только после этого передвигается эпентетически вглубь нее. Существование исконно различных основ и.-е. **su̯eḱrū-s* и **sūe-ḱro-s* в качестве женского и мужского терминов родства не представляет чего-либо исключительного. Развитие **su̯eḱuros* < **su̯eḱruos* мы понимаем как интерверсию звуков *w*, *r*, нередкую при соседстве этих звуков, именно в том плане, в каком ее описал на материале разных языков М. Граммон[253]. Он анализирует один вид интерверсии — interversion par pénétration, — отмечая, что это явление чуждо случайности, какую ему приписывают, и диктуется стремлением лучше распределить слоги с целью избежать непроизносимых или ставших непроизносимыми типов. М. Граммон уделяет много внимания случаю соседства *w*, *r* и хорошо показывает, что интерверсия — не метатеза. Это — развитие тембра *w* при согласном в том положении, которое наиболее удобно для распределения слогов в слове, чему есть очень много примеров в истории греческого и романских языков, ср. греч. *κούρη* < *κορϝᾶ* 'девушка'. Так, **su̯eḱruos* > **su̯eḱrwos*, где *w* находилось в позиции, способствовавшей превращению его в неслоговой согласный, откуда возможно **su̯eḱr̥wos*. Группа согласных была усовершенствована путем описанной интерверсии в **su̯eḱuros*, где *w* снова вокализовалось в *u*, ср. греч. *ἑκυρός*, др.-инд. *śváśuraḥ*, литовск. *šẽšuras*. Другими словами, мы имеем в этом индоевропейском процессе явление, аналогичное тому, что позднее произошло в славянском: *svekrъ* > *svekъrъ* (см. выше).

Отсюда следует, что этимологическая гипотеза о **su̯eḱūro-s*: греч. *κῦρος* 'сила, власть', *κύριος* 'господин', как указывал П. Кречмер, маловероятна, так как не учитывает древнего **su̯eḱrūs*.

Правильное понимание фонетического развития индоевропейского варианта с *-u-* эпентетическим (**su̯eḱuro-s*) помогает лучше понять историю

---

[251] Там же. На вторичное развитие *-u-* как на новшество указывает М. Бартоли (*M. Bartoli.* Il carattere conservativo dei linguaggi baltici // Studi baltici. Vol. III. 1933. P. 9).

[252] Также из наличия мужской формы и.-е. **su̯ekrūs* при женской **su̯ekrūs* исходит Ю. Курилович (L'apophonie en indoeuropéen. P. 129). Однако нельзя не отметить, что достоверно известны только и.-е. **su̯ekrūs* и **su̯ekros*, в то время как существование мужской формы **su̯ekrūs* не подтверждается фактами.

[253] *M. Grammont.* L'interversion // Streitberg-Festgabe. Leipzig, 1924. P. 111—118.

отдельных форм. Так, литовск. *šẽšuras* говорит о том, что и литовская мужская форма развилась под воздействием парной женской формы с *-ū*-основой, которая сама по себе в литовском языке не сохранилась.

Из прочих родственных индоевропейских форм ср. алб. *vjerr*, *vjehërr* 'Schwiegervater', *vjéhërre* 'Schwiegermutter'. Алб. *vjehërr* Г. Майер[254] объясняет из **svekro-*, ставя, таким образом, албанское слово в один ряд с ст.-слав. **свєкръ** и другими в противоположность литовск. *šẽšuras* и др. Ср. иначе Стьюарт Э. Манн[255]: алб. *vjehërr* 'father-or, mother-in-law' < **su̯eḱuros*, **su̯eḱrūs*, если только последние формы не взяты автором машинально из словаря Вальде—Покорного. Готск. *swaíhra* 'πενθερός, Schwiegervater' при *swaíhro* 'πενθερά, Schwiegermutter'[256]. Основные сведения по истории нашего слова см. у Вальде—Покорного[257]: и.-е. **su̯éḱuro-s* (м. р.), *su̯eḱrū-s* (ж. р.) 'родители женатого мужчины, свекор, свекровь', куда относятся др.-инд. *śváśura-*, авест. *xvasura-* 'свекор', др.-инд. *śvaśrū́-* 'свекровь', арм. *skesur* то же, греч. *ἑκυρός* 'свекор' (вместо *ἕκυρος*), алб. *vjehërr*, *vjërr*, *vjéhërre*, лат. *socer* 'свекор', *socrus*, *-ūs* 'свекровь', кимр. *chwegr*, корнск. *hweger* 'свекровь', др.-в.-нем. *swehur*, др.-англосакс. *swēor* 'свекор', др.-в.-нем. *swigar*, англосакс. *sweger* (< **sweȝrū*) 'свекровь', готск. *swaíhrō* = др.-исл. *svœra* 'свекровь' (**swehran-* < **swehru* с *h* вместо *g* из мужской формы), новообразование готск. *swaíhra* 'свекор'; литовск. *šẽšuras*, ст.-слав. **свєкры**, **свєкръ**. «Слово содержит основу возвратного местоимения *su̯e-*...»[258].

Эрну—Мейе[259], анализируя лат. *socer*, *-eri*, *socrus*, *-ūs* 'свекор, свекровь', указывают, что эти названия, принадлежащие к группе **swe-* (ср. *sodalis* и др.), обозначают принадлежность к одной и той же социальной группе; важное значение 'матери мужа' для молодой жены явствует, по их мнению, из того, что в армянском языке 'свекор' называется *skesrayr* 'муж свекрови', а в славянском — *svekrъ*, *svekъrъ*, очевидно, образовано по форме *svekry*. То, что индоевропейское слово значило 'член группы', вообще вытекает из того обстоятельства, что для шурина имелось вторичное производное типа *vṛddhh* санскр. *śvāśuráḥ*, ср.-в.-нем. *swager*[260].

---

[254] *G. Meyer*. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 475.

[255] *S. E. Mann*. The Indo-European Vowels in Albanian // Language. Vol. 26. 1950. P. 382.

[256] *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. S. 463—464.

[257] *Walde—Pokorny*. Bd. II. S. 521—522.

[258] Там же.

[259] *Ernout—Meillet*. T. II. P. 1114.

[260] Кстати, на наш взгляд, последние образования этимологически означают только 'сын свекра, свёкров', что само по себе еще ничего не говорит об этимологии названия свекра.

Анализируемое слово не имеет достоверной этимологии, если не считать выделения местоименного элемента *su̯e-*, с чем большинство авторов согласно. Этот факт находит подтверждение в структуре других индоевропейских терминов родства, ср. и.-е. **su̯esor* 'сестра', у которого общее с нашим термином не только **su̯e-*, но и невыясненность второй части основы. Остановимся кратко на этимологиях слова.

А. Вебер[261] видел в слове древнее сложение: *su* + *aç* = 'der in guter Weise schaffende, rührige'. О. Шрадер[262] с некоторым колебанием разлагает слово на части **sve-k̑uro-*, ср. греч. *κύριος* 'господин', т. е. — 'собственный господин' (по отношению к невестке). Оригинальная этимология принадлежит И. Левенталю[263]: он считает, что алб. *vjehërr*, литовск. *šẽšuras*, болг. *свéкър* и прочие родственные формы по закону Брюкнера[264] восходят к и.-е. **su̯esku̯(e)ro-s* и что предположение **su̯ek̑uro-s* исключается албанским и славянским. Вторую часть и.-е. **su̯e-sk̑uero-s* он относит к русск. *сквара* 'жар', ст.-слав. **скврада** '*ἐσχάρα*, focus'. Таким образом, и.-е. **su̯é-sku̯ero-s* = 'имеющий собственный очаг'. У нас есть все основания не доверять этой этимологии, очень искусственной, как и многие другие этимологии И. Левенталя.

Свод старых исследований слав. *svekry, svekrъ* см. у А. Преображенского[265]. Интересный анализ слова содержится в известном руководстве А. Мейе[266], где наиболее подробно излагаются соображения о морфологической истории слова, о развитии окончания **-ū-* из древнего **-wā-*. Что касается фонетической части анализа, Мейе видит здесь диссимиляцию *s-s* > *s-k*. Эта точка зрения довольно успешно оспаривалась в свое время А. Брюкнером, чего мы уже касались в другом месте. Ф. Мецгер, исследующий различные случаи употребления и.-е. *se-*, **su̯e-*, выделяет этот корень и в **su̯e-k̑rū-*, однако древнейшими значениями и.-е. **su̯e-* он считает пространственные — 'далеко, в стороне, прочь', которые лишь впоследствии, изменившись в значения 'уединенный, одинокий, отдельный', приблизились к более поздней функции возвратного местоимения[267].

Характер задненебного в герм. *svegrá*, а также герм. *svehra-*, др.-в.-нем. *swehur* правильно указывает место ударения[268]: и.-е. **su̯ek̑rū́-s*, но **su̯ék̑ro-s*.

---

[261] *A. Weber. Çvaçura — socer — svaihra — ἑχυρός* // KZ. Bd. 6. 1857. S. 319.

[262] См. *O. Schrader*. Reallexikon. P. 753. О непригодности этой этимологии уже сказано выше.

[263] *I. Loewenthal*. ΘΑΛΑΤΤΑ // WuS. Bd. 10. 1927. S. 164—165.

[264] См. *A. Brückner*. Slavisches *ch-* // KZ. Bd. 51. S. 223.

[265] *А. Преображенский*. Т. II. С. 257.

[266] *А. Мейе*. Общеславянский язык. С. 25, 109, 279, 344.

[267] *F. Mezger*. IE *se-*, *swe-* and Derivatives // Word. Vol. 4. 1948. P. 99, 101. Из прочей литературы о слове см. *W. Doroszewski*. Monografie słowotwórcze // PF. T. 15. 1931. P. 280; *Holub—Kopečný*. S. 262; *A. Brückner*. S. 536; *R. Trautmann*. BSW. P. 295—296.

[268] *K. Verner*. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung // KZ. Bd. 23. 1875. S. 97 ff.

Непосредственно к *su̯eḱrū́-s, испытавшему закономерное сокращение окончания (> ŭs) в германском, относят др.-в.-нем. *swigar*[269].

Некоторые исследователи считали возможным устанавливать более тесные связи между германскими и славянскими терминами. Так, О. Шрадер специально обращает внимание на нем. *Schwager* 'свояк', ср.-в.-нем. *swâger*. По его мнению, это пóзднее слово нельзя прямо увязывать с и.-е. **su̯eḱro-* 'свекор' или объяснять германским новообразованием. Поэтому Шрадер высказался о заимствовании ср.-в.-нем. *swâger* из слав. *svāk*, *svak*, *svojak*[270]. Это предположение маловероятно, и оно было встречено в литературе в основном отрицательно[271]. Авторы обычно характеризуют *swâger* как производное по типу санскр. *śvāśura-* 'принадлежащий свекру', т. е. *vr̥ddhi*.

К числу древних особенностей, сохраненных славянским, относится ударение *svekrý* — русск. диал. *свекры*[272]. Относительно древним является и значение, четко представленное в слав. *svekry*, *svekrъ* '(мать) отец мужа', как это специально отмечалось исследователями[273]. Соответствующие основы в других языках представляют нередко видоизмененное, расширенное значение, ср. в германских, латинском. Недавние исследования не позволяют, однако, видеть в упомянутом значении отражение глубокой древности. Так, например, Дж. Томсон[274], а вслед за ним А. В. Исаченко[275] рассматривают и.-е. **su̯eḱro-* времен кросскузенного брака и матриархата как название 'материнского дяди', поскольку при этой древней форме брака мой свекор был одновременно моим дядей (братом моей матери). Выявляемое таким образом значение оказывается наиболее архаическим, порожденным еще классификаторской системой обозначения родственных отношений.

В литовском языке *šẽšuras* 'свекор' давно утратил парный женский термин того же корня, вытесненный производной формой от другого корня: *anýta* 'свекровь'. Ср. еще эллиптическую для современного литовского языка форму мн. ч. *šẽšuraĩ* 'свекор и свекровь' (собств. 'свёкры').

---

[269] *F. Kluge*. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. S. 26; *H. Hirt*. Grammatische Miszellen. A. Die germanischen Kürzungsgesetze // Beiträge. Bd. 18. 1894. S. 277.

[270] *O. Schrader*. Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern // IF. Bd. 17. 1904. S. 25—26.

[271] Ср. рецензии Meringer на работы Шрадера (*O. Schrader*. Die Schwiegermutter und der Hagestolz; *O. Schrader*. Über Bezeichnungen...) // IF. Bd. 17. Anzeiger, S. 7; *W. Schulze*. Ahd. *suagur* // KZ. Bd. 40. 1905. S. 400—418; *H. Jacobsohn*. Lat. *svecerio* // KZ. Bd. 44. 1911. S. 11—13.

[272] *J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. T. I. S. 120.

[273] *B. Delbrück*. S. 532.

[274] *G. Thomson*. Aeschylus and Athens. London, 1950. P. 410.

[275] *А. В. Исаченко*. Указ. соч.; см. также в I гл. настоящей книги о названиях дяди по матери.

Прочие славянские названия свекра и свекрови: русск. диал. *бáтинькя* 'свекор'[276] < *батя* 'отец', *богодáнны* (арханг.) 'свекор и свекровь', польск. диал. *zimna mać* 'свекровь'[277], чешск. диал. *tatínek* 'свекор', *maminka* 'свекровь'[278], н.-луж. *pśichodna maś* 'теща или свекровь', *pśichodny nan* 'тесть или свекор', прибалт.-словинск. *rå̄ṷčnå čìę̯sc* 'Schwiegermutter, Brautmutter', болг. *пéхер* 'свекор', *пéхера* 'свекровь', ср. греч. *πενθερός*, *πενθερά*[279] с передачей чуждого славянскому новогреческого интердентального глухого согласного *ϑ* фрикативным глухим задненебным *х*, ср. *p'èfira*, *pèfir* в македонских диалектах[280]; болг. диал. *дьаду* 'свекор', *баба* 'свекровь'[281], сербск. диал. *бабо* 'свекор', *мајко* (в обращении) 'свекровь'[282]. Наиболее регулярна тенденция называть свекра и свекровь отцом, матерью. Ср. арм. *mauru* свекровь' из **mātruṷiā* к **mātēr*[283].

Тесть, теща

Слав. **tьstь*, **tьstjā*: ст.-слав., др.-русск. **тьсть, тесть, тьща, теща** 'мать жены, теща', 'свекровь', др.-сербск. *тьсть* 'socer', русск. *тесть*, *тёща*, диал. *тес'*, *т'ест'*, *т'оша*[284], *тестя́га* 'тесть'[285], укр. *тесть*, *тéща*, зап.-укр. диал. *тесьцьовá*, субстантивированное притяжательное прилагательное от *тесъць* 'тесть'[286], последние два — результат польского влияния, особенно в отношении консонантизма, др.-польск. *teść* '*teściowa*'[287], польск. *teść* 'тесть', *teściowa* 'теща', в.-луж. *ćest* 'Schwiegervater', *ćesta* 'Schwiegermutter', др.-чешск. *test* 'тесть', чешск. *tchán*, *tchyně* 'тесть, теща', неизвестные ряду

---

276 *Е. Будде*. Исследование особенностей рязанского говора. С. 51.

277 *K. Nitsch*. Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929. S. 60.

278 См. *Q. Hodura*. Nářečí litomyšlské. S. 69.

279 Ср. *С. Младенов*. ЕПР. С. 421.

280 *M. Małecki*. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka). Cz. II. Słownik. Kraków, 1936. S. 81.

281 См. «Песни из личния живот» от Малко Търново // СбНУ. Кн. VI. 1891. С. 26.

282 *М. Барјактаровић*. Свадбени обичаји у околини Берана (Иванграда) // Зборник филозофског факултета. Књ. III. Београд, 1955. С. 243.

283 *Walde—Pokorny*. Bd. II. S. 229.

284 *Н. П. Гринкова*. Заметки о калужских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. I. С. 251.

285 *В. Волоцкой*. Словарь ростовского говора (Владимирск. губ.) // Сб. ОРЯС. Т. LXXII. Вып. 3. С. 92.

286 *А. А. Бурячок*. Названия родства и свойства в украинском языке. С. 15.

287 См. *W. Taszycki*. Wybór tekstov staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955. S. 260 [словарь].

народных говоров чешского[288]; словацкий язык сохранил соответствующий общеславянский корень лучше, ср. *test* 'тесть' (др.-чешск. *test*), *testiná* 'теща', *testec* 'отчим жены', *testica* 'мачеха жены'; словенск. *tâst* 'Schwiegervater', *táščа* 'Schwiegermutter', *tâstba* 'die Schwagerschaft', сербск. *та̂ст*, *та̏шта*, болг. *тъст*, *тъща*. Из особенностей употребления в отдельных языках укажем на утрату старых *teść*, *teściowa* в польском народном языке, где их заменяют *pan ojciec*, *pani matka*, *ojciec*, *matka*[289].

Этимология слав. *tьstь* не может считаться выясненной окончательно. Б. Дельбрюк вообще воздерживался от каких-либо суждений[290]. Более или менее интересное сопоставление предлагал, однако, еще П. А. Лавровский[291]: к греч. *τίκτω*, *τέκω* 'рождать', т. е. *tьs-tь* = 'родитель [жены]'. Ср. также франкск. *tichter*, с которым сравнивал славянское слово Г. Хирт, специально указывавший на древность слав. *tьstь*[292]. Хирт, правда, сознавал трудности, представляемые наличием *t* в немецком слове, но ср. старые немецкие формы с *d* (< герм. **d* < и.-е. **t*): *dichter* 'внук' (*-ter* аналогического происхождения, ср. термины родства *Mutter*, *Vater*, *Schwester*, *Vetter*), *degan* 'молодой парень', совр. нем. *Degen* 'шпага', с измененным значением. Форма *degan* восходит к **tek̑ón*, по закону Вернера (**ték̑on* дало бы нормальное **dehan*), отглагольному прилагательному среднего рода на *-no-* от и.-е. **tek̑-*, ср. греч. *τέκω* 'производить, рождать'. Индоевропейский корень с этим значением образовывал обычным путем названия детей, потомков в некоторых индоевропейских языках, ср. греч. *τεκνον* 'дитя' с прозрачной этимологией. В таком случае отглагольное слав. *tьstь* представляется названием деятеля вроде греч. *οἱ τοκεῖς* = *γονεῖς* 'родители'. Гораздо труднее определить реальный морфологический характер и значение этого отглагольного образования, причем возможны три варианта предположений: 1) *tьstь* — собирательное название с древней *i*-основой, 2) *tьstь* — имя деятеля мужского рода, ср. *gostь*, 3) *tьstь* — имя деятеля женского рода. Лучше всего представлено в славянских языках письменного периода значение мужского рода, ср. русск. *тесть* и др. Но это не обязательно говорит о его древности. Так, если учесть поздний производный характер женского термина слав. **tьst-ja*, мы вправе заключить, что в течение известного времени до появления этого специально женского образования слав. *tьstь* имело какое-то общее значение, которое у него сменилось мужским значением, как только возникла необходимость противопоставления женскому **tьstjā* в плане корреляционной пары: мужской род — женский

[288] *Q. Hodura.* Op. cit. S. 69.

[289] *K. Nitsch.* Słownictwo gwarowe. Wybór pism polonistycznych. T. II. Wrocław—Kraków, 1955. S. 16.

[290] *B. Delbrück.* S. 533.

[291] *П. А. Лавровский.* Коренное значение в названиях родства у славян. С. 66—67.

[292] *H. Hirt.* Untersuchungen zur idg. Altertumskunde // IF. Bd. 22. 1907. S. 85.

род. Именно такие факты в истории языка имеет в виду Ю. Курилович, говоря: «...значение производного стремится отбросить исходную форму (mot-base) к диаметрально противоположному значению. Таким образом, исходная форма уменьшительного производного принимает — в противоположность значению этого последнего — увеличительный смысл или исходная форма образования женского рода приобретает значение существа мужского пола (*vṛ́ka-* в противоположность *vṛ́kī́-*), хотя первоначально значение исходной формы было нейтрально»[293]. Мы можем после этого предположить у слав. *tьstь* в древности морфологические функции собирательного имени, ср. аналогичное собирательное *-ti*-производное слав. *dětь*. Женское значение некоторых рефлексов слав. *tьstь*, а именно др.-польск. *teść* 'teściova' (ср. также прибалт.-словинск. *raučna čiesc* 'Schwiegermutter') является результатом позднего развития по аналогии, ср. женские *-i-* основы.

Что касается значения слав. **tьstь*, у нас нет достаточных оснований видеть в последнем с самого начала его возникновения, когда связь с исходным глаголом еще не утратилась, терминологическое значение 'отец жены'. Это название определяло не отношение отца, resp. матери жены к моей жене, а отношение родителя (родителей) жены ко мне самому. То, что зять называл родителей жены своими родителями (**tьstь*, собир. 'родившие', своего рода эпитет), находит оправдание в древнем обыкновении — приравнивать свойственное родство к кровному (ср. выше). Условия для забвения внутренней формы слова здесь возникли очень рано, и.-е. **tek̂-* 'рождать' было поставлено в славянском в невыгодное положение вследствие омонимической близости очень употребительных технических терминов от глагола *tesati* еще в балто-славянскую эпоху, а также вследствие оформления в славянском новых слов с соответствующим значением — ст.-слав. **родити** и родственных, получивших абсолютное распространение.

Существует также и другая этимология. Так, Г. А. Ильинский не сомневается в родстве **tьstь*, **tьstja* с слав. *teta*, литовск. *tetà* 'тетка', значение которых он считает не исконным, при всей его древности, ср. греч. *τεττα* 'папаша', русск. *тятя* «из **tętę*»; таким образом, *tьstь* < **tьt-stь̀* с суффиксом **-st-(h)i-* и редуцированным вокализмом корня **tьt-*. Значение сложения: 'находящийся на месте [*-st(hi)-*] отца [*-tьt-*]'. Сюда же относится др.-прусск. *tisties* с суффиксом *-io-*[294]. А. В. Исаченко[295] видит в славянском слове образование с суффиксом *-tь*: **tьt-tь* < **tьt-/*tet-*. Пара *tьstь-* : *teta*, как полагает А. В. Исаченко, является отголоском группового кросскузенного брака,

[293] *J. Kuryłowicz.* La nature des procès dits «analogiques» // Acta linguistica. Vol. V. 1945—1949. P. 22.

[294] *G. Iljinskij.* Die Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in den slavischen Sprachen // AfslPh. Bd. 34. 1912. S. 14—15; ср. *M. Vasmer.* REW. Bd. III. S. 100.

[295] *А. В. Исаченко.* Указ. соч. С. 76.

причем **tьstь* был 'мой дядя' = 'отец моей жены' (ср. выше об. и.-е. **su̯eḱro-s*). Несколько раньше А. В. Исаченко[296] характеризует слово *teta* как вторичное образование. Окончательное суждение о последнем слове затрудняет разнообразие форм (**tet-*, **tă̆t-*, **ăt-*) и значений этого корня. Возражения вызывает морфологическая сторона изложенных этимологий. Г. А. Ильинский и А. В. Исаченко предполагают весьма гипотетические образования, первый — с суффиксом *-st(h)i-*[297], второй — с суффиксом *-ti-*, в сущности недоказуемые и не подкрепляемые убедительными примерами. Причем если Ильинский стремится истолковать семантические мотивы образования с суффиксом *-st(h)i-*, то Исаченко совершенно не анализирует функцию суффикса *-tь*, которая в данном сложении так и остается невыясненной: **tьt-tь* — **teta*. Проводимое им сравнение со слав. **zętь*, где *-tь*, выделилось как суффикс после переразложения[298], указывало бы скорее на поздний характер слав. **tьstь*, если видеть в нем тот же суффикс, в то время как Исаченко склонен видеть в *tьstь* след индоевропейского кросскузенного брака.

Не более вероятна возможность образования **tьt-tь* и в структурном отношении. Древний балто-славянский язык обработал сочетание двух смычных зубных согласных известным образом (*t-t*, *d-t* > *st*) на стыке двух морфем обычно только в системе глагольных форм, где такие сочетания были совершенно неизбежны в инфинитиве (**plet-ǫ*, **plet-ti*, **vedǫ*, **ved-ti*) и где они были радикально решены (слав. *plesti*, литовск. *vesti*). Но в принципе сочетания *t-t* вне строго замкнутой системы глагольных форм даже на стыках двух морфем, не говоря уже о древнем упрощении долгого и.-е. **tt*, были противны духу балто-славянского языка и избегались. Поэтому отрывать изменение *t-t* > *st* от конкретных условий его возникновения и манипулировать им в любых гипотетических построениях этимологии, в данном случае — в предположении единичного именного производного (**tьt-tь* > **tьstь*), было бы неосмотрительно[299].

Оригинальными производными от о.-слав. *tьstь* являются чешск. *tchán*, *tchyně*, по-видимому, фамильярные образования, ср. наличие *ch* суффиксального[300].

---

[296] Там же. С. 67.

[297] Этот суффикс Г. А. Ильинский хочет видеть и в *nevěsta* ⩽ **nevě-sta* 'in novo stans' (см. выше).

[298] *А. В. Исаченко.* Указ. соч. С. 76.

[299] Этимологию А. Брюкнера (Wzory etymologii i krytyki źródłowej. II // Slávia. Roč. 5. 1927. S. 436): *tьs-tь* : *tiskati*, т. е. 'тискающий', вряд ли можно разбирать серьезно. В своем этимологическом словаре (С. 569: *teść*, *teściowa*) он в сущности не дает объяснения этому слову. Не объясняется оно и в новом чешском этимологическом словаре Голуба—Копечного (С. 384).

[300] *Holub—Kopečný.* S. 384: *tchán* < **tьs-anъ*.

Др.-прусск. *tisties*, единственная близкая слав. *tьstь* балтийская форма, могла быть заимствована из славянского[301].

Из производных от слав. *tьstь* форм следует отметить сербск. *тазбѝна* 'родители жены', собирательное[302], собственно — контаминационного происхождения, ср. словенск. *tâstba* 'свойство' и суффикс собирательности *-ина*, ср. еще *родбѝна*. Впрочем, разные суффиксы *-b-*, *ina-*, видимо, уже образовали новый суффикс *-bina* с определенной сферой употребления, ср. сербск. *отаџбина* 'отечество', которое образовано с суффиксом *-бина* прямо от *ȍтац* 'отец'.

Слав. *tьstь* является только славянским образованием, неизвестным балтийскому, если не считать др.-прусск. *tisties*. Литовский язык обозначает тестя, отца жены, другим, по-видимому, древним словом *úošvis*, ср. латышск. *uose*. Этимология балтийского слова окончательно не выяснена, ср. более или менее правдоподобное сближение литовск. *úošvis* 'отец жены': лат. *uxor* 'жена'[303].

В общем названия тестя оформились поздно, по-разному в отдельных языках, ср., помимо слав. *tьstь* и литовск. *uošvis*, еще распространение названия отца мужа, свекра на отца жены, неразличение обоих: лат. *socer*[304].

Прочие названия тестя в славянских языках: сербск. диал. *приjатељ*, *приjа* 'тесть', 'теща', также 'свекор', 'свекровь' в обращении родителей жены и мужа друг к другу[305]; *pretelji* (в Косове) 'ženini rodaci', т. е. букв. 'друзья'. Причину такого наименования И. Попович видит во влиянии сев.-алб. *mik* < лат. *amicus*. Сербск. диал. *пу̏ница* 'теща', ср. словенск. *polnica* 'теща'. Неизвестное другим славянским языкам, это слово возникло как противопоставление синониму *та̏шта* 'теща', которое в диалектах смешивали с прилагательным ж. р. *пашта* 'пустая' (= русск. *тощая*), поэтому *пу̏ница*, *polnica*

---

[301] *B. Delbrück.* S. 530; с сомнением — Эндзелин (см. его рецензию на кн. *R. Trautmann.* Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910 // AfslPh. Bd. 32. S. 286); ср. *T. Milewski.* Stosunki językowe polsko-pruskie // Slávia Occidentale. T. 18. 1939—1947: *tisties* из прапольск. **tьstь*.

[302] *J. F. Lohmann.* Das Kollektivum im Slavischen // KZ. Bd. 58. 1931. S. 213.

[303] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. S. 865; *G. Devoto.* Lit. *úošvis*, lett. *uôsvis* 'suocero' // Studi baltici. Vol. 4. 1934. P. 57—62. Совершенно невразумительна этимология И. Левенталя (WuS. Bd. 9. 1926. S. 191): др.-инд. *aśnāti* 'frißt': лит. *úošvis* 'Fresser'.

[304] См. *O. Schrader.* Über Bezeichnungen der Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern. S. 19.

[305] *I. Popovič.* Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Arbanasa // Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Radovi. Knjiga II, odjeljenje istorisko-filoloških nauka. Knjiga I. Sarajevo, 1954. S. 64; см. еще *Љ. Мићенић.* Живот и обичаjи Поповаца. Београд, 1952. С. 133.

этимологически = 'полная' [306], русск. диал. *хоровйна* 'теща' [307], болг. (устар.) *бабалък* 'тесть', 'свекор', заимствованное из турецкого языка [308]; чешск. диал. *tatínek* 'тесть', *maminka* 'теща', также 'свекор, свекровь' [309], *svat* 'тесть', *svatka* 'теща' [310]; польск. диал. *pòn ųećec* 'тесть' [311], н.-луж. *pśichodny nan*, *pśichodna maś*, в.-луж. *přichodny nan*, *přichodna mać* 'тесть, теща'.

Зять

О.-слав. **zętь*: ст.-слав. **зѧть** 'γαμβρός, gener', 'νυμφίος, sponsus', **зѧтьство** 'affinitas', др.-русск. **зѧть** 'γαμβρός', 'жених', **ѹзѧтити** 'взять в зятья', русск. *зять* 'муж дочери', 'муж сестры', диал. *зятéлко* 'зять' [312]; укр. *зять* 'зять, муж дочери, муж сестры', также *зєть*, *зіть* [313], белор. *зяць* 'зять', польск. *zięć* 'зять', польск. диал. (в Словакии, *z^{i}at'//źęńt'* [314], полабск. *zăt* 'Einkömmlung, Schwiegersohn', *zătėk* 'Bräutigam, junger Ehemann', в песне Геннинга: *Katü mēs Santik bayt?* [315]; чешск. *zet'* 'зять', диал. (ходское) *zet* то же [316], словацк. *zat'*, *zäc*, *z'ec*, *z'ac* 'зять'; *mladý zat'* 'жених', словенск. *zèt* 'der Schwiegersohn', *zętinja* 'сноха', др.-сербск. *зеть* 'gener', сербск. *зȅт* 1. 'der Schwiegersohn, gener', 2. 'сестрин муж, Schwestermann, sororis vir', ср. также *домȁзет*, *домȁзетовић* 'зять, пришедший в дом жены', болг. *зет* 'зять', 'муж дочери', 'муж сестры', 'муж золовки', диал. *зек'*, *зък'* [317], ср. также *домазéт* 'зять, живущий в доме отца жены', макед. диал. *z'ènt'*, *z'ènt'u* 'зять', 'свояк' [318].

---

[306] *I. Koštiál.* Srbohrv. *pūnica*, slovenački *pólnica*, *púnica* «socrus, mater uxoris» // Јужнословенкси филолог. Кнь. IV. 1924. С. 183—184; ср. также *M. Vey.* BSL. T. 49. 1953, fasc. 1, Procès-verbaux des séances. P. XXIX.

[307] *М. Герасимов.* О говоре крестьян южной части Череповецкого у. Новгородск. губ. // Ж. Ст. 1893. Вып. III. С. 387; *Он же.* Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. Т. LXXXVII. № 3. 1910. С. 92.

[308] *С. Младенов.* ЕПР. С. 12.

[309] *Q. Hodura.* Op. cit. P. 69.

[310] *F. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. S. 411.

[311] *A. Tomaszewski.* Mowa t. zw. Mazurów wieleńskich // Slávia Occidentalis. T. 14. 1935. S. 106.

[312] *А. Подвысоцкий.* Словарь архангельского наречия. С. 57.

[313] Ср. *А. А. Бурячок.* Названия родства и свойства в украинском языке. С. 15.

[314] *G. Horák.* Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955. S. 174.

[315] *P. Rost.* Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannoverschen. Leipzig, 1907. S. 441; *Pfuhl.* Pomniki Połobjan Słowansćiny // Časopis Macicy Serbskeje. 1863. № 28. S. 104.

[316] *J. Fr. Hruška.* Dialektický slovník chodský. Praha, 1907. S. 120.

[317] *Ст. Стойков.* Българска диалектология (литогр.). С. 103, 109, 154.

[318] *M. Małecki.* Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka). Część II. S. 132.

Слово **zętь* представляет собой, очевидно, древнее образование, ср. его распространение во всех славянских языках без каких-либо существенных различий формы или значения[319]. Сопоставление с материалом других индоевропейских языков позволяет более или менее четко определить широкий круг родственных, близких по значению форм; таким образом, данное название родства носит в известной мере индоевропейский характер. Правда, это осложняется различиями морфологического порядка. Кроме того, ряд примыкающих сюда форм двусмыслен в этимологическом отношении.

Лат. *gener* 'зять' А. Вальде[320] связывает с **gem-* 'paaren, verbinden', ср. греч. *γαμεῖν* 'жениться', др.-инд. *jāmí-ḥ, jāmā* 'невестка', в то время как непосредственно к и.-е. **ĝen-* 'рождаться и т. д.' он относит литовск. *žéntas*, ст.-слав. **зѧть**, лат. *genta* 'зять'. В лат. *genta* Э. Герман[321] видит, напротив, старое латинское обозначение зятя, в то время как *gener* образовалось по аналогии с *socer*. Эрну—Мейе[322] указывают на связь с **ĝenə-*, **ĝnē-* 'рождать', осложненную в греч. *γαμβρος* сближением по народной этимологии с *γαμεῖν* 'жениться'. О греч. *γαμβρός* (< **γαμρός* с вставным *β* подобно *δ* в *ἀνδρο-*) см. еще у Ф. Шпехта[323]. Сюда же относится алб. *dhēndër* 1. 'жених', 2. 'молодожен', 3. 'зять', которое имеет общую с слав. *zętь*, литовск. *žéntas*, а также лат. *genta* исходную форму **ĝent-*, что отмечал для славянского и литовского названий еще Г. Мейер[324].

Упомянутые слова славянского, литовского, албанского, латинского языков, а также лат. *gens* 'род' и **genti* м. р. 'член рода' сопоставляет О. Шрадер в цитировавшейся работе об индоевропейских терминах свойства[325], где он указывает на возможность аналогического происхождения форм на *-ter*,

---

[319] Можно отметить необычное образование др.-русск. *зятя* 'nurus, сноха' (см. *А. Дювернуа.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894. С. 64).

[320] *A. Walde.* Op. cit. P. 337.

[321] *E. Hermann.* Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen // IF. Bd. 53. 1935. S. 103.

[322] *Ernout—Meillet.* T. I. P. 480; ср. еще *A. Meillet.* Études. P. 287; *C. C. Uhlenbeck.* P. 99.

[323] *F. Specht.* Beiträge zur griechischen Grammatik // KZ. Bd. 59. 1932. S. 96. Отклонением от обычных воззрений является крайне оригинальная этимология И. Левенталя (см. его Wirtschaftsgeschichtliche Parerga. II // WuS. Bd. 10. 1927. S. 185): *γαμβρος* 'зять, жених' < **gam-ro-s*: др.-инд. *gamanam* 'das Gehen', т. е. 'бегущий за девушкой'; в томе 11 «Wörter und Sachen» (1928. S. 73) он предлагает: *γαμβρός* к *γωγγάμη* и др. 'сеть', т. е. 'связь', а *γαμβός* = 'связанный', ср. *πενθερός*.

[324] *G. Meyer.* Etymologisches Wörterbuch... S. 85; см. также *S. E. Mann.* The Indo-European Vowels in Albanian // Language. Vol. 26. 1950. P. 383: «*dhândërr*... сомнительного происхождения...». Об алб. *dhēndër* < *ĝenətēr* см. *W. Cimochowski.* Le sandhi dans la langue albanaise // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950. P. 228.

[325] IF. Bd. 17. 1904. S. 19.

-er (др.-инд. *jā́mātar*, лат. *gener*), выравненных по другим именам родства: др.-инд. *bhrā́tar*, лат. *socer*. Сводный обзор всех относящихся сюда форм имеется у Вальде—Покорного[326], которые объединяют их вокруг и.-е. **ĝem(e)-* 'жениться', сюда же **gem-* 'спаривать', контаминированного в ряде случаев с **ĝen-* 'рождать(ся)'. Интересным образом рассматривает названия зятя В. Кипарский, видя в латышск. *znuôts*[327], литовск. *žéntas* производные от **ĝenə-*, *ĝnō-* '(у)знать': 'зять' оказывается 'знакомым'[328]. В. Кипарский касается интереснейшей проблемы соотношения форм **ĝen-* 'рождать(ся)' и **ĝen-* 'знать', которые в литературе до последнего времени разграничивались, на наш взгляд, совершенно искусственно (об этом подробнее см. III главу настоящей книги). Из прочей литературы см. о слав. *zętь* словари А. Брюкнера[329], А. Преображенского[330], С. Младенова[331], И. Голуба—Фр. Копечного[332], М. Фасмера[333]. С некоторым колебанием относит слав. *zętь* к **ĝenə-* 'род, племя' А. В. Исаченко[334].

В акцентологическом отношении слав. *zętь* представляет акутовую интонацию, ср. сербск. *зȅт*, русск. *зять*, *зя́тя*. Это хорошо согласуется с акутом литовск. *žéntas* 'зять' и общим происхождением этих форм из и.-е. **ĝenət-*, утратившего *ə* в срединном слоге[335]. Все это скорее свидетельствует о том, что литовск. *žéntas* исконно родственно слав. *zętь*, а не заимствовано из славянского.

Проведенное сравнение свидетельствует о том, что мы здесь имеем индоевропейское название. Удается определить вероятную форму, общую для большинства сравниваемых слов: **ĝenət-* — производное от **ĝenə-* 'рождать(ся)'. Формы **ĝenter* вряд ли исконны, как полагает А. В. Исаченко[336], они скорее обусловлены аналогическим воздействием прочих древних имен родства на *-ter*. Поэтому, очевидно, неправ О. Шрадер[337], считающий, что ин-

[326] *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 574—575.

[327] О латышском слове см. также *K. Mülenbach*. IV. S. 748—749.

[328] *V. Kiparsky*. Der Schwiegersohn als «Bekannter» // Neuphilologische Mitteilungen. Bd. 43. 1942. S. 113—121. Цит. по кн.: Indogermanisches Jahrbuch. Bd. 28. 1949. S. 265, где Э. Френкель отделяет литовск. *žéntas* от «омонимического» **ĝenə-* 'рождать' по неясным для нас мотивам.

[329] *A. Brückner*. S. 654; *Он же*. Wzory etymologii i krytyki źródłowej II // Slávia. Roč. 5. 1927. S. 436.

[330] *А. Преображенский*. Т. I. С. 260.

[331] *С. Младенов*. ЕПР. С. 191.

[332] *Holub—Kopečný*. S. 436.

[333] *M. Vasmer*. REW. Bd. I. S. 466—467.

[334] *А. В. Исаченко*. Указ. соч. С. 70.

[335] Ср. *А. Мейе*. Общеславянский язык. С. 50.

[336] Там же.

[337] *O. Schrader*. Reallexikon. P. 213; *Он же*. Über Bezeichnungen… S. 20.

доевропейское название зятя, мужа дочери отсутствовало. Ряд формальных расхождений, различных оформлений индоевропейской основы — еще недостаточное основание для такого мнения. Так, наличие общеиндоевропейского названия сына никем не ставится всерьез под сомнение и в то же время общеизвестны факты различного оформления его основы по индоевропейским диалектам: литовск. *sūnùs*, греч. *υἱύς*, *υἱός*, др.-инд. *sūtá-ḥ*. С другой стороны, Шрадер прав, когда он обращает внимание [338] на многозначность этого индоевропейского слова: 'зять', 'свояк', 'тесть'. Слово, давшее слав. *zętь*, обозначало чаще всего зятя, но могло распространяться и на другие степени свойственного родства, могло употребляться самим зятем как обращение к тестю. В чем причина такого употребления? Как известно, *zętь* и родственные происходят от **ĝenə-* 'рождать'. Поэтому предполагаемое значение *zętь* следует конкретизировать: не вообще 'родственник', а 'кровнородственный', 'единокровный', 'родной', т. е. зять и некоторые другие родственники по браку обозначались как родные, родственники по крови. В этом причина незакрепленности названия за определенным лицом, особенно в древности. Этот пример показывает, насколько регулярно проявлялось обыкновение приравнивать свойственное родство к кровному, ср. выше о *tьstь* и другие случаи.

Вторичные названия зятя в славянских языках, отражающие положение зятя, живущего у родителей жены: русск. диал. *валáзень*, ср. *влáзины* 'обряд, коим сопровождается переселение в новую постройку'[339], белор. диал. *приймáч* [340], ср. укр. *приймáк*, польск. диал. *přistac* [341], болг. диал. *привидини́к* [342], ср. аналогичное латышск. *iegãtnis* [343]; болг. диал. *калѐк* [344], чешск. диал. *ženich* 'зять' [345].

Сноха (невестка)

Слав. *snъxa*: ст.-слав., др.-русск. **снъха**, русск. *снохá*, диал. *сношéльница*, *снашéнница* [346], др.-польск. *sneszka*, польск. диал. *sneszka*, *snėska*, *šnièszka*, а

[338] Там же.

[339] *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь. С. 71.

[340] В ломазском и других говорах бывшей Седлецкой губернии; см. Сб. ОРЯС. Т. LXXV. Вып. 7. 1903. С. 311.

[341] *K. Nitsch.* Wybór polskich tekstów gwarowych. S. 51.

[342] В Чирпанско // СбНУ. Кн. X. 1894. С. 211.

[343] *K. Mülenbach.* II. S. 16.

[344] *П. Орешков.* Българските села в околността на Цариград // Списание на Българска академия на науките. Кн. 8. София, 1914. С. 100.

[345] *Q. Hodura.* Op. cit. S. 69.

[346] *В. И. Даль.* Т. IV. 4-е изд. С. 327; *Е. Будде.* К диалектологии великорусских наречий. С. 64.

также через контаминацию с *synowa* 'жена сына' — мазовецкое *syneska*, *synoska*[347], сербск. *сна̀ха* болг. *снаха́*, *снъха́*, ср. чешск. *snacha*.

Родственные этому древнему слову формы широко известны другим индоевропейским языкам: лат. *nurus*, *-ūs* 'сноха, невестка'[348], др.-инд. *snušā́*, греч. *νυός*, арм. *nu*, др.-в.-нем. *snur*, др.-англосакс. *snoru*, др.-исл. *snor*, *snør*, нем. *Schnur*[349]. Если не считать перестройки в отдельных языках по *-ā*-основам, ср. ст.-слав. **снъха** (лат. *nurus-*, *-ūs* по *-ū*-основе *socrus*), то все формы правильно продолжают и.-е. **snusó-s*, древнюю *-o*-основу женского рода, что предположил уже К. Бругман[350], который сначала придерживался иного мнения. Сейчас это общепринятая точка зрения.

И.-е. **snusó-s* было предметом многих этимологических исследований. Звуковая близость и постоянная ассоциация с и.-е. **sū̆nus* 'сын; ('сноха' = 'жена сына') определяют направление старых толкований **snusā́* < **sū̆nu-*[351]. Эта этимология безукоризненна с семантической стороны, в то время как исчезновение и вызывает у исследователей сомнение, почему эта этимология сейчас в основном оставлена. Напротив, большинством исследователей принята этимология **snusó-s* < **sneu-* 'вязать'[352], которая подтверждается также фактом широкого использования основ со значением 'вязать, связывать' (и.-е. **bhendh-*, **si̯eu-*) в обозначениях родства, особенно свойственного: 'связанный', т. е. 'родственный'[353]. Так называли родители жену сына, так же называла их она сама (греч. *πενθερός* 'свекор' < **bhendh-*). Между прочим, немецкий язык имеет, помимо *Schnur* 'сноха', еще особенно распространенное *Schnur* 'бечевка, шнур', причем исторически это не омонимы, а одна отглагольная форма от и.-е. **sneu-* 'вязать'; нем. *Schnur* 'бечевка' сохранило именно это архаическое значение.

Остаются менее доказуемые объяснения: этимология И. Левенталя[354], поддержанная И. М. Коржинеком[355]: **snusó-s* = 'кормление молоком матери'

---

[347] *J. Karłowicz.* Słownik gwar polskich. T. 5. Kraków, 1907. S. 184, 276; *K. Nitsch.* Słownictwo gwarowe. Wybór pism polonistycznych. T. II. Kraków—Wrocław, 1955. S. 16.

[348] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 531—531; *Ernout—Meillet.* T. II. P. 802.

[349] *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 701—702.

[350] *K. Brugmann.* Nυός, *nurus*, *snuṣā* und die griechischen und italischen femininen Substantiva auf *-os* // IF. Bd. 21. 1907. S. 315—322.

[351] *B. Delbrück.* S. 535; ср. *L. Sütterlin.* Der Schwund von idg. *i* und *u* // IF. Bd. 25. 1909. S. 70.

[352] См. *K. Brugmann.* Nυός, *nurus*, *snuṣā*… S. 315—322.

[353] См. *Fr. Sławski.* Oboczność *ą* : *u* w językach słowiańskich // Slávia Occidentalis. T. 18. 1939—1947. S. 270, где говорится о связи слав. *snъха* и *snuti* (и.-е. **sneu-*).

[354] *J. Loewentahl.* ΘАЛАТТА. С. 165.

[355] *J. M. Kořínek.* K indoevropskému **snusós* 'nurus' // IF. Roč. 59. 1932. S. 126—144 и 316.

< 'кормилица детей', 'сноха, невестка', ср. др.-инд. *snā́uti* 'выпускает молоко', лат. *nūtrix* 'кормилица', далее — датск. *snør*, шведск. *snor* 'Rotz' < герм. **snuzá-*, формально тождественное греч. *νυός* и др. Ф. Мецгер [356] видит в и.-е. **snusó-s* распространение древней местоименной основы **se-*: и.-е. **se-nu-*, *se-ni*, *s-n̥-t-r* 'отдельно, уединенно'; к и.-е. **snusó-s* он относит тохарск. А *ṣñaṣṣe* 'родственник'. В. Поляк рассматривает слав. *snъxa*, лат. *nurus* и другие близкие названия снохи в ряду заимствований из языков Кавказа и Передней Азии, ср. лазск. *nusa*, мингрельск. *nosa*, *nis* 'сноха, невеста' [357]. Вряд ли можно согласиться с таким объяснением, учитывая широкую распространенность и.-е. **snu-sos* также в языках, далеких от влияний кавказских языков. Этимология и.-е. **snusos* проще объясняется на индоевропейском материале. Включение этого слова Вацлавом Поляком в круг вопросов, связанных с проблемой лексикальных соответствий между славянскими и кавказскими языками, представляется непродуманным в методологическом отношении, поскольку в слав. *snъxa* мы имеем несомненно индоевропейское наследие. С другой стороны, древность индоевропейских форм, в том числе в близких Кавказу географически индо-иранских языках, делает вероятной другую возможность — заимствование перечисленных кавказских слов из индоевропейских языков, что, однако, не относится к теме нашей работы.

Слав. *snъxa* правильно продолжает и.-е. **snusó-s*, если не считать вторичного аналогического перехода в *-a*-основу, через **snŭsā* с закономерным переходом *s* > *x* после *u* в славянском [358].

Слав. *snъxa* с древним окситонным ударением (ср. русск. *снохá*) сохранило место ударения и.-е. **snusó-s*, которое нам известно на основании закона Вернера. Согласно последнему, герм. **snuza-* (др.-в.-нем. *snura*, др.-исл. *snor*, др.-англ. *snoru*) < и.-е. **snuso-* при условии, если ударение падает на слог после согласного, в данном случае *z* [359].

Болг. *снахá* обязано своим вокализмом влиянию сербск. *снȁха* (при исконном болг. *снъхá*). Тем же влиянием объясняется чешск. *snacha* [360] (в то

---

[356] *F. Mezger.* IE *se-*, *swe-* and Derivatives. S. 100.

[357] *V. Polák.* K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými // LF. Roč. 70. 1946. S. 28 (там же дается литература). Кстати, В. Махек в редакторском примечании специально указывает, что это сближение заинтересовало его больше других (там же, с. 30, сноска 1).

[358] *C. C. Uhlenbeck.* Die Behandlung des indog. *s* im Slavischen // AfslPh. Bd. 16. 1894. S. 369; *H. Pedersen.* Das indog. *s* im Slavischen // IF. Bd. 5. 1895. S. 34. О слав. *snъxa* см. также этимологические словари Фр. Миклошича (С. 312), Горяева (С. 334), А. Преображенского (Т. II. С. 345), Р. Траутмана (С. 273).

[359] *K. Verner.* Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. S. 97 ff.; ср. также *А. Мейе.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952. С. 48; *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. Bd. I. S. 120—121; *J. Kuryłowicz.* L'accentuation. P. 131.

[360] *W. Vondrák.* Bd. I. S. 137; *Holub—Kopečný.* S. 343.

время как в польском языке есть фонетически правильное *sneszka*), в противном случае непонятное, хотя пути этого влияния недостаточно ясны. Сербск. диал. *snàja* образовано в условиях выпадения *x* (*h*) по форме дат.-местн. п. ед. ч. *snài* (*snài̯i*)[361]. Подробности фонетического развития слав. *snъxa* и этимологические связи и.-е. **snusó-s* выяснены почти бесспорно. Этого нельзя сказать об исторических условиях образования данного индоевропейского названия. В частности, не совсем ясно, считать ли вместе с А. В. Исаченко[362], что и.-е. **snusó-s* восходит еще к кросскузенному браку матриархата, а следовательно обозначает не только 'жену сына', но и 'племянницу' 'кросскузину' сына, или считать, что описанная древняя форма брака еще не создала условий для специальных названий 'зять', 'сноха', поскольку соответствующие брачные отношения легко укладывались в понятие 'племянник', 'племянница'. Тогда необходимо будет заключить, что термин **snuso-s* возник несколько позже собственно кросскузенного брака, уже как термин свойственного родства.

В роли названия снохи было также использовано слав. *nevěsta*, *nevěstъka*, в отдельных славянских языках даже вытеснившее слав. *snъxa*, как, например, в украинском[363].

Прочие названия: др.-чешск. *chýra*, чешск. *švagrová* 'свояченица', 'жена брата', немецкого происхождения, ср. нем. *Schwager*, *Schwägerin*, н.-луж. *šwagrnica* (диал.) 'невестка, золовка, свояченица' того же происхождения; болг. *бýлка* 'невестка, сноха, жена брата, свояченица', *бýля* то же, местный термин, связанный со свадебным обрядом, ср. *бýло* 'фата, свадебное покрывало'.

Особым древним названием снохи обладает балтийский, не знающий и.-е. **snuso-s*: литовск. *marti*, *-čiõs*, также *jaũnamartė*, *-ės*[364], латышск. *mãrša* то же. Из балтийского это слово заимствовано западно-финскими языками: *mõrsja*[365]. Этимология балтийского слова неясна: вряд ли вероятны сближения с греч. *δάμαϱ* через **dmortī* (ср. критск. Βϱιτόμαϱτις) или с герм. **brūđī*. Скорее сюда относится крымскоготск. *marzus* 'nuptiae'[366]. Может быть, литовск. *marti* является производным с суффиксом *-tia* : **mar-ti̯a* (ср. латышск. *mārša*) к *mer-gà* 'девушка' (с другим суффиксом). Затем оно могло преобразоваться по употребительному *patì*, *-čiõs* 'сама, жена'.

[361] *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. 1950. P. 44.

[362] *А. В. Исаченко.* Указ. соч. С. 71.

[363] *А. А. Бурячок.* Названия родства и свойства в украинском языке. С. 17.

[364] *А. Юшкевич.* Словарь литовского языка. Вып. 2. СПб., 1904. С. 679.

[365] *Э. Вяари.* Терминология родства в прибалтийско-финских языках: Автореф. канд. дисс. Тарту, 1953. С. 10.

[366] *F. Solmsen.* Etymologien // KZ. Bd. 35. 1897. S. 481—483.

Деверь

Слав. *děverъ*: ст.-слав. **дѣверь** '*δαήρ*, levir', др.-русск. *дѣверь* 'levir, *δαήρ*, брат мужа', *деверіе*, собир., 'leviri', русск. *де́верь*, диал. *д'ив'ьр*, *д'ев'ир*[367], укр. *дівер* 'деверь, мужнин брат', *діверка* 'жена деверя', белор. диал. *дзевярь*[368] с отличным значением 'муж сестры', польск. *dzie-wierz* 'brat męża, szwagier', *dziewierka* 'szwagierka', в значительной степени вытесненные новыми словами *szwagier*, *szwagierka*[369], др.-польск. *dziezoierz*, *dziewior* 1. 'брат мужа', 2. 'отец мужа, свекор', словацк. *dever* 'брат мужа', *deverina*, *deverinka*, *deverkyňa* 'сестра мужа, золовка', сербск. *djȅvêr*, *ђевер* 'брат мужа', болг. *де́вер* 'брат мужа, деверь', 'дружка', сюда же производные болг. *девернъов син*, *девернъо́ва дъщера* 'племянник и племянница по брату мужа, деверю'[370].

Слово имеет общеславянский характер. Лучше всего оно сохранилось в восточных и южных славянских языках, в то время как в западных оно в основном вытеснено.

Слав. *děverъ* имеет ряд индоевропейских соответствий, ср. родственные и тождественные по значению лат. *lēvir*, греч. *δαήρ*, др.-инд. *dēvár*, др.-в.-нем. *zeihhur*, арм. *taigr*[371]. Формы греч. *δαήρ* < **δαιϝηρ*, слав. *děverъ*, др.-инд. *dēvár* позволяют предположить общую форму **dātu̯ēr*. Лат. *lēvir* объясняют местной италийской заменой и.-е. **d* сабинским *l*[372], достоверно известной для начала слова *lacruma* : греч. *δάκρυον* : нем. *Zähre* 'слеза', и преобразованием конца основы **dēver*, **lēver* по *vir* 'муж'. Что касается литовск. *dieverìs*, латышск. *diẽveris*, они объясняются также как заимствование из слав. *děverъ*[373] (подробно — ниже).

Если о литовск. *-ie-*, латышск. *-ie-* в этих словах возможны различные суждения[374] (< балт. *ai*, ср. литовск. *sniẽgas*, слав. *sněgъ*), то конец основы (*-ris*)

---

[367] *В. Н. Сидоров.* Наблюдения над одним из говоров рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.—Л., 1949. С. 97, *С. С. Высотский.* О говоре д. Лека. С. 18.

[368] *Н. Чудовский.* Материалы для изучения белорусских говоров. С. 68.

[369] Ср. *K. Nitsch.* Słownictwo gwarowe. S. 16.

[370] *Д. Маринов.* Думи и фрази из Западна България. С. 270.

[371] *C. C. Uhlenbeck.* S. 130; *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 423; *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 767; *J. Pokorny.* P. 179; *Ernout—Meillet.* T. I. P. 628.

[372] *R. S. Conway.* On the change of *d* to *l* in Italic // IF. Bd. 2. 1893. S. 165. О вокализме лат. *lēvir* см. *K. Brugman.* KVGr. P. 84.

[373] Так — В. Ягич (см. его рецензию в AfslPh. Bd. 20. S. 369 ff.). Таково, как будто бы и мнение К. Буги,. см. его рукописную картотеку к Литовскому этимологическому словарю (Вильнюс, АН Лит. ССР).

[374] Ср. рецензию S. Stang на кн. *E. Fraenkel.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 1/2. Heidelberg, 1955 // Die Welt der Slaven. Bd. I. H. 3. 1956. S. 353.

определенно отражает слав. *-rь*. Сбивчивые показания форм косвенных падежей (литовск. род. п. ед. ч. *dieveȓs*, также *dieveriẽs*)[375] говорят о воздействии на слово *-i*-основ и согласных *-r*-основ. Попытка рассматривать литовск. *dieverìs* и слав. *děverь* как родственные формы[376] менее убедительна.

Вместе с тем возможно, что и в случае с и.-е. **dāi̯u̯ēr* балтийский представляет весьма важный дополнительный материал. Известно, что, кроме названных выше форм, литовский язык имеет старое исконное *láiguonas*, *laigõnas*, *laigūnas*, правда, в значении 'брат жены, шурин'[377]. Что касается измененного значения, то это видоизменение могло развиться вторично уже в литовском.

Вследствие близости значения и несомненной древности литовск. *láiguonas* можно поставить вопрос о его этимологической связи с и.-е. **dă̄ iu̯ēr*, слав. *děverъ*, если предположить литовск. *daiguonas*. Довольно трудно указать при этом причины перехода *d* > *l*: то ли этот переход был осуществлен в плане признаваемого некоторыми учеными редкого чередования зубного и плавного согласных в начале слова в индоевропейском (ср. отношение **tout-* (в италийском и др.): **leud-*, слав. *ljudьje*), то ли здесь проявилась тенденция избежать ассоциации с группой лит. *iš-dáiga* 'шутка, шалость'. Другая оригинальная особенность литовск. *láiguonas* — наличие *-g-* — интересным образом перекликается с такими старыми индоевропейскими диалектными формами, как др.-в.-нем. *zeihhur* (< герм. **taikuraz* с герм. *k* = и.-е. **g*), арм. *taigr*. Возможно, что образование *g* в известных условиях здесь произошло еще в индоевропейском языке фонетическим путем, поскольку случаи «усиления» и путем развития перед ним *g* > *gu̯* известны различным индоевропейским языкам. В данном случае наличие герм. **taikuraz* не имеет характера специально германского процесса, называемого «Verschärfung»[378]. Что касается вокализма, дифтонг в корне *láiguonas* точно соответствует и.-е. **dă̄i̯u̯er*, слав. *děverъ*. Если вероятно вышесказанное, то литовский язык сохранил в *láiguonas* производную форму от индоевропейского названия деверя[379].

---

[375] См. *R. Trautmann*. BSW. P. 43.

[376] *F. Specht*. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. S. 249—250.

[377] Так уже в словарях Ф. Руига (1747) и Хр. Г. Мильке (1800), ср. рукописи К. Буги, Lituanica V (Вильнюсский университет. Отдел рукописей); см. также *A. Salys*. Mūsų gentivardžiai // Gimtoji kalba. V. 1937. P. 76; *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 272—282.

[378] Ср. об этом слове: *W. M. Austin*. A Corollary to the Germanic Verschärfung // Language. Vol. 22. 1946. P. 109.

[379] *B. Delbrück*. S. 530, признает литовск. *láiguonas* неясным. В последнее время предложил этимологию литовского слова В. Крогман [Das Buchenargument (Schluß) // KZ. Bd. 73. 1955. S. 13], который сравнивает литовск. *láiguonas*, *laigõnas* с греч. *λοιγωντίον*, *φϱατϱίαν* (Гесихий), укр. *полúгатися* 'связываться', лат. *ligo* 'связывать',

Как показал И. Миккола[380], так называемое Verschärfung *j* > *ddj*, *w* > *ggw* в германских языках представляет известную аналогию закону Вернера в том смысле, что оно имеет место перед ударяемым слогом и отсутствует после ударяемого слога. Позволим себе использовать эту теорию в нашем случае. При русск. *де́верь* известно ударение δᾱήρ, санскр. *devā́r*, герм. **taikuraz* (ср. др.-в.-нем. *zeihhur*). Наличие Verschärfung в германских словах также подтверждает древность ударения и.-е. **daiu̯ḗr*. Следовательно, ударение *dě̋verь*, русск. *де́верь* не исконно, оно сменило более древнее **děvérъ*. Литовск. *dieverìs*, вин. п. ед. ч. *diẽverį* отражает именно позднюю парадигму с подвижным ударением русск. *де́верь* — мн. ч. *деверья́*, *деверьёв*, а не более древнее **děvérъ* с постоянным ударением на основе, что также говорит скорее о заимствовании балтийских слов из славянского.

См. еще о слав. *děverь* этимологические словари Э. Бернекера[381], А. Преображенского[382], А. Брюкнера[383], М. Фасмера[384].

Прочие славянские названия деверя: болг. *драги́нко* 'деверь, младший брат мужа'.

Золовка

Слав. **zъly*: ст.-слав. **зълъва**, русск. *золо́вка* 'сестра мужа', диал. *зо́лва* (иркутск.), *зо́лвица* (тверск.), *золо́вка*, *зо́лва*, *зо́лвица* 'братнина жена, невестка' (олонецк.), *золо́вка* 'сестра жениха, сестра мужа' (холмогорск.)[385], укр. *зови́ця* 'золовка, мужнина сестра', ныне малоупотребительное[386], словацк. *zolva*, *zolvica* 'сестра мужа', 'жена сына, брата, невестка', словенск. *zèlva*, *zèlvica*, *zōlva*, *zóva* «die Mannesschwester», сербск. *за̏ова*, *зава*, *за̏овица*

подкрепляя сравнение аналогией образований слав. *šurь*, греч. πενϑερός, и.-е. **snusos* с исходным значением 'связывать'. В дополнение об и.-е. **dāi̯u̯ēr* ср. бездоказательную этимологию И. Левенталя: **dāi̯u̯ēr* < **daidu̯ēr* 'насильник', ср. иллир. *Doversi*, что говорило якобы об умыкании и девере как пособнике жениха (*J. Loewenthal.* Wirtschaftsgeschichtliche Parerga III // WuS. Bd. 11. 1928. S. 56).

[380] *J. J. Mikkola.* Die Verschärfung der intervokalischen *j* und *w* im Götischen und Nordischen // Streitberg-Festgabe. Leipzig, 1924. S. 267 ff.

[381] *E. Berneker.* Bd. I. S. 198.

[382] *А. Преображенский.* Т. I. С. 176.

[383] *A. Brückner.* S. 112.

[384] *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 333.

[385] Опыт областного великорусского словаря. С. 71; *Куликовский.* Словарь олонецкого наречия. С. 30; *А. Грандилевский.* Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. Т. LXXXIII. Вып. 5. 1907. С. 159; *В. И. Даль.* Т. I. 2-е изд. С. 691.

[386] *А. Бурячок.* Названия родства и свойства в украинском языке. С. 18.

'золовка', болг. *злъва, зълва* 'сестра мужа', с диалектными разновидностями *зл̥ва, злъва, здлва* > *зъlва*[387].

В современных славянских языках слово представлено далеко не полно. Так, почти все западные языки его забыли. Из восточнославянских оно сохранилось в русском языке лучше и шире, чем в украинском. Слав. *zъly* — старая *-ū-* основа женского рода, как и *svekry*, расширявшаяся аналогичным способом: *зълъва*, далее — русск. *золовка*, ср. *свекрова*, сербск. *свекрва*, русск. диал. *свекровка*, с той лишь разницей, что для названия золовки нигде не сохранилась древняя форма наподобие русск. диал. *свекры*.

Слав. *zъly* связано с родственными индоевропейскими словами, восходящими к форме **ĝ̑ₑlōu-s*: греч. *γάλος*, лат. *glōs*, арм. *tal*, *calr* — все с хорошо сохраненным значением 'золовка, сестра мужа'. Ср. также (глоссовое) фриг. *γέλαρος· 'αδελφοῦ γυνή*, т. е. 'жена брата, невестка'[388]. И.-е. **ĝ̑ₑlōu-s* имеет этимологию, выдвинутую в свое время Асколи[389] и принятую Вальде—Покорным, суть которой (по Асколи) сводится к тому, что лат. *glos*, греч. *γάλος* происходят от *γαλ*, *γελ* 'веселиться', ср. индийские термины *nanāndr̥*, *nandinī* < *nand* 'веселиться'. Эта формально допустимая этимология в сущности недоказуема. Надежные семантические аналогии, какие известны, например, для ряда случаев использования корней 'вязать, связывать' при обозначении родства, здесь отсутствуют. Без таких аналогий налицо остается только фактическое глубокое различие значений, почти совершенно обесценивающее фонетическое сходство.

Слав. **zъly*, *-ъve* < и.-е. *ĝ̑ₑlŏu-s* с закономерным развитием *-y(ū)*-основы в славянском[390]. Во всяком случае в ст.-слав. **зълъва** и других формах на *-va* нельзя видеть что-либо большее, чем вторичное расширение древней *-ū*-основы. Было бы неосторожно прямо сопоставлять эти славянские новообразования с греч. *γαλόως* и другими индоевропейскими формами[391]. Древ-

---

[387] *Ст. Стойков.* Българска диалектология. С. 91—92, 94, 95, 100.

[388] Из литературы: *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 631; *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 347; *Ernout—Meillet.* T. I. P. 494; *S. Bugge.* Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // KZ. Bd. 32. 1892. S. 27—28; *P. Kretschmer.* Einleitung. S. 230. Ср. также (о фриг. *γέλαρος*) *H. Hirt.* // IF. Bd. 2. 1893. S. 145; *J. Pokorny.* S. 367—368.

[389] *Ascoli. γάλως, glos* // KZ. Bd. 12. 1863. S. 319—320; предположение И. Левенталя: греч. *γάλως*, слав. *zъly*, герм. **kalađaz*, с перестановкой в др.-исл. *kađall* 'канат, веревка' опирается на недостаточный материал (*J. Loewenthal.* Etymologica // Beiträge. Bd. 52. 1928. S. 459).

[390] С колебанием об этом говорит П. Кречмер (*P. Kretschmer.* Indogermanische Akzent- und Lautstudien // KZ. Bd. 31. 1889. S. 333).

[391] Р. Траутман предполагает балто-слав. **zuluu̯ā* на основании этих расширенных форм (BSW. S. 373).

ность и общеславянский характер формы **zъly*, *-ъve*, ст.-слав. **зълы, -ъве** подчеркивает Р. Брандт[392]. Он отмечает, что ст.-слав. **златва** не существует, реальна лишь форма ст.-слав. **зълъва**, что подтверждается и фонетическим развитием сербск. *за̏ова* (*злъва* дало бы **зува*)[393].

Прочие славянские названия золовки: сербск. диал. (обращение) *госпо*, *дивна*, *дуња*, *златка*[394]; болг. диал. (Драмско) *биркуша* 'золовка во время свадьбы'[395], *лельки* (Малко-Търново) 'золовки'[396]; целый ряд названий золовки приводит Н. Геров[397]: *калина*, *малина*, *хубавка*, *ябълка*, *дунка*. Литовский язык имеет особое название *mõša* 'золовка' < *mótė*, *mótina* 'мать'.

Слав. **jętry* 'жена брата мужа'

Др.-русск. *ятры*, *-ъве* 'невестка, жена брата', русск. устар. диал. *я́тровь*, *ятро́ва*, *я́тровка*, *я́тровья*, *ятровица* 'жена деверя', 'жена шурина', 'жена брата (деверя)', *я́трови* 'жены братьев между собою', *ятровья* 'свояченица', *ятроу̊ка* 'невестка'[398], гдовск. *утровка* с результатом чередования носовых *ǫ* : *ę*, ср. *ятры*, *ѩтры*[399]. Все эти старые названия отживают в русском языке, употребляются сбивчиво, их старое терминологическое значение забывается, сами они уступают место новым, ср. владимирск. *сношеницы* 'жены братьев'[400]. Ср. далее, укр. *ятрівка* 'свояченица, невестка, жена деверя', почти вышедшее из употребления[401], *атра* 'невестка'[402], белор. *ятро́вка* 'жена братняя, невестка'[403], *ятроука*[404] [точнее — *ятро́ўка*. — *О. Т.*], др.-

[392] *Р. Ф. Брандт.* Золовка // Jagić—Festschrift. Berlin, 1908. S. 348—354.

[393] См. *П. Лавровский.* Коренное значение в названиях родства у славян. С. 75; см. также о слав. *zъly* этимологические словари Ф. Миклошича (С. 400), А. Преображенского (Т. I. С. 255), А. Брюкнера (С. 651), М. Фасмера (REW. Bd. I. S. 460).

[394] *М. Барјактаровић.* Свадбени обичаји у околини Берана // Зборник — филозофског факултета. Књ. III. Београд, 1955. С. 243.

[395] СбНУ. Кн. VIII. 1892. С. 279.

[396] СбНУ. Кн. VI. 1891. С. 26.

[397] *Н. Геров.* Кн. II. С. 159.

[398] *В. Даль.* Т. IV. 4-е изд. С. 1587; *Добровольский.* Смоленский областной словарь. С. 1021.

[399] *Ф. П. Филин.* О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке. С. 343.

[400] См. *П. Лавровский.* Коренное значение в названиях родства у славян. С. 86.

[401] *А. А. Бурячок.* Названия родства и свойства в украинском языке. С. 19.

[402] Эта форма отмечена только в словаре Ф. М. Пискунова (С. 8).

[403] *И. И. Носович.* Словарь белорусского наречия. С. 728.

[404] *Н. Чудовский.* Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. С. 68.

польск. *jątrew* 'жена брата'[405], чешск. стар. *jatrev* 'manželka švakrova'[406], сербск. *jêtrva* 'die Schwägerin, leviri uxor', диал. *jetr̂va*[407], болг. *етърва* 'золовка, невестка', макед. диал. *jèntrăva*, *èntrăwa* 'жена брата'[408].

Родственные формы ряда индоевропейских языков указывают на общеиндоевропейское **i̯enəter*, которое в части индоевропейских диалектов сохранило свое срединное *ə* (например, в греческом языке), в других — последовательно его утратило, что типично для балто-славянского. Совершенно аналогична фонетическая судьба и.-е. **dhŭghəter*: греч. θυγάτηρ, но балто-слав. **dŭktē̆r*, готск. *daúhtar*. Правильным славянским продолжением и.-е. **i̯enəter-* после падения *ə* в середине слова было бы **ję̨ti*, ср. *mati*, **dъťi*. Но эта форма еще в общеславянскую эпоху испытала сильное влияние конца основы слав. *svekry*[409], столь близкого семантически: *svekry* 'мать мужа' — *ję̨try* 'жена брата мужа', затем часто — 'невестка'. Правильные формы сохранил балтийский, ср. литовск. *jentė*, *-ės* 'невестка, жена брата', *jentė*, *-ters*, ср. ст.-литовск. *intė*, тоже с очевидными нарушениями древней согласной *-r-* парадигмы; с различными местными вариантами развития основы: латышск. *iẽtaľa*, также *ìetere*, куршск. *jentere*[410]. Есть случаи контаминации, ср. литовск. *žentė* < *jentė* под влиянием *žéntas*[411]. Возможно, такого же происхождения ст.-литовск. *gentė* 'Schwägerin, Mannes Bruders Weib', находимое в литовско-немецких словарях XVIII в.[412], причем вовсе не обязательно видеть в *g* (*gentė*) старое графическое изображение *j*, поскольку слово лучше объясняется как контаминация *jentė* и *gentìs* 'родственник'[413]. Во всяком случае ввиду совершенно недвусмысленного значения, зафиксированного словарями (*gentė* 'Mannes Bruders Weib'), трудно согласиться с Ф. Шпехтом[414], что «это *gentė* не имеет ничего общего с *jentė*».

Прочие родственные индоевропейские формы: др.-инд. *yā̆tar-* 'жена брата мужа'[415], греч. ἐνατέρες, εἰνάτερες, лат. *janitrīces* 'жены братьев', арм. *ner*, *nēr* «жены братьев или жены одного и того же мужчины', фригийск. вин. пад. ед. ч. ιανάτερα[416].

---

[405] Ср. *W. Taszycki.* Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. S. 248.
[406] *Fr. Kott.* Česko-německý slovník. Díl I. A—M. 1878. S. 604.
[407] *P. Skok.* Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg) // AfslPh. Bd. 33. 1912. S. 363.
[408] *M. Małecki.* Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka). Szęść. II. Słownik. S. 44.
[409] *F. Specht.* Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. S. 252.
[410] Там же; см. *K. Mūlenbach.* II. S. 110.
[411] *E. Berneker.* Bd. I. S. 456.
[412] См. также *K. Būga.* Kalba ir senovė. Kaunas, 1922. S. 214.
[413] Несколько иначе у Шпехта, см. *F. Specht.* Op. cit. S. 251.
[414] Там же.
[415] *C. C. Uhlenbeck.* S. 237.
[416] См. *P. Kretschmer.* Indogermanische Akzent- und Lautstudien. S. 410; *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 373; *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 207—208; *Ernout—Meillet.* T. I. P. 543; *J. Pokorny.* P. 505—506.

Надо признать, что этимология и.-е. **i̯enəter*, слав. *jętry* нам неизвестна. Имеющиеся этимологические исследования этого слова вообще не предлагают, даже в форме гипотезы, какое-нибудь этимологическое решение вопроса о происхождении слова, идущее дальше сопоставления родственных форм и определения общей исходной формы. Асколи[417] предполагал для индоевропейского слова исходную форму **anyatarā* 'одна из двух'. Но кроме того, что эта форма фонетически не соответствует закономерной исходной форме и.-е. **i̯enəter* (см. выше), предположенное Асколи значение свидетельствует о весьма смутном представлении, которое имел ученый о соответствующих семейно-родовых отношениях. Почему именно «одна из двух?» — фактические данные об остатках родового строя на Балканах лишают эту этимологию семантической основы, ср. из болгарской песни: «Нъмéри Jáнкъ хóръ зáдружни: свéкър, свикърва, девик' дéвир'ъ, *седим итърви*, чéтири зълви»[418].

Слав. *šurь* и прочие

Др.-русск. *шуринъ* 'брат жены', *шуричь* 'сын шурина', *шурия* 'шурья, братья жены', русск. *шýрин* 'брат жены', укр. *шуря́к*, польск. устар. *szurzy*, вытесненное новым заимствованным *szwagier*[419], др.-польск. *szura*, *szurza*, *szurzy*, др.-сербск. *шоура*, сербск. *шŷра*, *шỳрāк*[420], болг. *шурей* 1. 'шурин', 2. 'деверь', *шурнáйка* (областное) 'свояченица, сестра жены', диал. *šurna* 'femme du beau-frère'[421].

Наиболее правдоподобна, особенно в свете анализа ряда других названий свойства, этимология слав. *šurь* и родственных слов, принятая Словарем Вальде—Покорного[422]: и.-е. **si̯əur(io)-* 'брат жены' < **si̯ū-* 'шить', т. е. 'вязать'; сюда, кроме слав. *šurь* и родственных, еще др.-инд. *syālá-ḥ* 'брат жены' с иной, чем в *šurь*, ступенью корневого вокализма. Этой этимологии следует отдать преимущество по сравнению с менее удачным сближением *šurь* и *svekъrъ* у Э. Бернекера, о чем уже говорилось выше, а также по сравнению с

[417] *Ascoli.* εἰνάτερες, *janitrices*, *yātaros* // KZ. Bd. 12. 1863. S. 239—240; см. также о слав. *jętry* в этимологических словарях А. Преображенского (см. Труды ИРЯ. Т. I. С. 142), А. Брюкнера (С. 203), Р. Траутмана (С. 107—108).

[418] Песни из челядния живот — от Елена. Доставил Н. Бобчев // СбНУ. Кн. IX. 1893. С. 64.

[419] *K. Nitsch.* Słownictwo gwarowe. S. 16.

[420] Ср. также *Љ. Мићевић.* Живот и обичаjи Поповаца. С. 133.

[421] *A. Vaillant.* Les parlers de Nivica et de Turija (Macédoine Occidentale) // RÉS. T. 4. 1924. P. 64.

[422] *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 514.

этимологией слова, предложенной Х. Педерсеном[423] и поддержанной Э. Френкелем[424]. Согласно мнению этих двух ученых, слав. *šurъ* происходит из **seur-* с тем же корнем, что и русск. *свояк*, литовск. диал. *savaitinis*, тохарск. *sñaṣṣe* 'родственник', собств. 'свой', ср. латышск. *savrup* 'abseits, für sich'. Эта этимология сопряжена, однако, с фонетическими трудностями. Так, нам кажется более надежной старая точка зрения, соответственно которой и.-е. *eu* > балт. *iau*, слав. *ou*(*u*), ср. литовск. *kiáutas* 'скорлупа': русск. *кутать*. В то же время *šurъ* предполагает не **seur*, а **sjour-* (**si̯əur-*), которое стоит в отношении количественного чередования к слав. *šiti*, литовск. *siūti*, и.-е. **si̯ū*.

Таким образом, слав. *šurъ*, русск. *шурин* является бесспорно древним, индоевропейским словом. Последнему утверждению не противоречит немногочисленность родственных форм в разных языках. Напротив, в его пользу говорит точное терминологическое значение **siəur*(*io*)-, засвидетельствованное славянским и древнеиндийским языками, а также очевидность его этимологических связей. Самостоятельное наличие тождественных форм одного специального термина в разных концах индоевропейского мира говорит о древнем характере индоевропейского названия одного из родственников жены, что весьма ценно как наблюдение, противоречащее теории агнатической семьи у индоевропейцев, согласно которой родственники жены никогда не воспринимались родней мужа как родственники, а только лишь как друзья. На самом деле положение гораздо сложнее, и вопрос не может быть решен подсчетом процентного соотношения количества индоевропейских форм с тем и с другим значением[425].

Слав. **svьstь*, названия свойства от *svojь*. Прочие термины

Рассмотрим довольно значительную, но в целом однородную группу терминов свойства. Эту группу составляют производные от индоевропейского местоименного корня **su̯e-* 'свой', которые являются тем самым наиболее характерными названиями свойства, так как определяют лиц, породнившихся через брак родичей, как своих. В других индоевропейских языках есть много аналогичных названий, произведенных от индоевропейского корня *su̯e-*. Но

423 *H. Pedersen.* Lit. *iau-* // Studi baltici. Vol. 4. 1934—1935. P. 153, где приводится и литература по данному вопросу.

424 См. рецензию Э. Френкеля на кн.: *J. Otrębski.* Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1947 // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950. S. 266.

425 О славянском слове см. также словари А. Преображенского (Труды ИРЯ. Т. I. С. 111) и А. Брюкнера (С. 558).

детали словообразования настолько разнообразны и так расходятся между собой, что у нас есть возможность говорить только об общем использовании индоевропейского корня, в то время как образование происходило независимо, аналогичным путем в разных языках. Так, независимое образование этих названий очевидно для балтийского и славянского языков, о чем подробно — ниже.

В рамках самого славянского можно выделить различные моменты образования соответствующих названий, с отражением различных ступеней корневого вокализма: наряду со слав. **svo-*, **svojo-* в русск. *свояк* и родственных, имеется слав. **svь-* < **svĭ-* в слав. **svьstь*.

Слав. **svьstь* : др.-русск. *свесть*, русск. диал. *свесть*, *свéстка*, *свéсточка* 'свояченица, женина сестра' [426], укр. *свiсть*, *-сти* 'свояченица', др.-польск. *świeść* 'siostra męża albo żony, szwagierka', польск. *świeść* 'siostra męża lub żony', диал. *świeć* 'siostra żony', *świeść* 'siostra bratowej' [427], словенск. *svâst* 'сестра жены', *svệst* 'сестра жены', 'жена брата мужа', сербск. *сва̂ст*, *сва̏сти* 'женина сестра', *свастика* 'сестра жены' [428], болг. *свéстка* 'сестра жены, свояченица'.

Конец слова не вполне ясен: то ли из **svъs-ti-* [429], то ли из **svь-stь*. Г. А. Ильинский [430], специально занимавшийся этимологией слова, анализирует его вторым из двух названных способов, причем *-stь* < **st(h)ā-* 'стоять', т. е. 'состояние'; **svьstь* = 'состоящая в свойстве', ср. также формы **svěstь* и его же этимологию слова **nevěsta*, о которой — выше. Нельзя здесь не отметить натяжек, характерных для этой, как и для других смежных этимологий Ильинского. Прежде всего, Ильинский с известной долей пристрастия стремится видеть в различных терминах родства с суффиксальным элементом *-st-*, *-sta-* равноценные сложения с обязательным значением второй части 'стоящий, состоящий, -ая'. Вряд ли это может считаться доказанным, так как для этого нужно показать, что ко времени образования сложения *-st-* было не словообразовательным формантом [431], а полнозначной корневой морфемой, еще не утратившей семантическую связь с глаголом *stoję*.

Может быть, справедливее предположить в слав. **svьstь*, **svěstь* древнее отвлеченное существительное со значением 'принадлежность к своим, свойство', причем *-stь* выступало в своей типичной словообразовательной функ-

---

[426] *А. Подвысоцкий.* Словарь архангельского наречия. С. 154.

[427] *J. Karłowicz.* Słownik gwar polskich. T. 5. S. 365.

[428] *Љ. Мићевић.* Живот и обичали Поповаца. С. 133.

[429] *A. Meillet.* Études. P. 286.

[430] *G. Iljinskij.* Slavische Etymologien // AfslPh. Bd. 28. 1906. S. 455—457.

[431] Что вероятнее всего, поскольку в *-st-*, *-stь*, *-sta* нужно видеть древний суффикс, возникший еще в общеиндоевропейском языке, ср. хеттск. *daluga-šti-š* 'длина', слав. **dḷgo-stь* то же.

ции, с последующим семантическим переносом на отдельное лицо женского пола: 'свояченица'. Примеры подобной конкретизации абстрактных образований известны. Что касается редукции корня (*svь-* < *sve-*, *svo-*), ср. — тоже древнее — ст.-слав. **сласть** : **сладъкъ**, наряду со **сладость**. Мейе[432] затрудняется объяснить **сласть**, так как оно противоречит его теории генезиса слав. *-ostь* < *-os* + *tь*.

Русск. *свояк* 'муж сестры жены', *свояченица*, диал. *своячина*, *свякиня*, *свойка*[433], др.-польск. *swak, szwak* 'szwagier', польск. *swak* 'свояк', диал. *swoi̯ωk* 'rodowicz, z tej samej wsi'[434], прибалт.-словинск. *svãu̯k* 'Schwager', н.-луж. *swak*, *swack*, в.-луж. *swak* 'Schwager', *swakowa*, *swakowka* 'Schwägerin', чешск. *svak* (устар.) 'свекор по отношению к тестю и наоборот', словацк. *svák*, *sváko* 'муж тетки', *svakro* 'свояк', словенск. *svák* 'Schwager', *svákinja* 'Schwägerin', сербск. *свак* 'муж сестры жены'[435], болг. *свояк*, *свáко* 'муж сестры'[436].

Этимологические связи русск. *свояк* и родственных совершенно прозрачны, ср. слав. *svojь*, русск. *свой*. Ф. Мецгер[437], изображая историю этих названий как развитие из и.-е. **sewe* 'прочь, в сторону', которое лишь впоследствии оформляется как возвратное местоимение, искажает реальные соотношения фактов.

Сюда примыкают аналогичные образования балтийского: литовск. *sváinis*, латышск. *svaĩnis* 'свояк, муж сестры жены' и другие производные, которые носят самостоятельный, местный характер: балт. **su̯ai-nia-*. Акцентологическая и фонетико-морфологическая характеристика этих производных подробно разработана К. Бугой[438].

Прочие славянские названия свояка, свояченицы: словенск. *pás*, *pa-šanec*, *pašenog* 'свояк', *pašánoga* 'свояченица', сербск. *пашáнац*, *пашéног* 'свояк', болг. *баджанáк* 'свояк'. Слово заимствовано из тюркского[439], причем отмеча-

---

[432] *A. Meillet.* Études. P. 285.

[433] *А. Подвысоцкий.* Указ. соч. С. 154.

[434] *A. Tomaszewski.* Mowa t. zw. Mazurów wileńskich // Slávia Occidentalis. T. 14. 1935. P. 106.

[435] Ср. *Љ. Мићевић.* Живот и обичаjи Поповаца. С. 133.

[436] Анализ значений и употребления польск. *swak* и родственных см. в кн.: *A. Obrębska. Stryj, wuj, swak w* dialektach i historii języka polskiego. Kraków, 1929. S. 54 ff.

[437] *F. Mezger.* IE *se-*, *swe-* and Derivatives. S. 99.

[438] *К. Буга.* Балтийские (айстийские) этимологии // РФВ. Т. LXVI. 1911. С. 250, а также в рукописях: Pastabos ir pataisos prie rusų kalbos etimologijos žodyno. № 167; Lituanica. 5-я тетрадь (Отдел рукописей Вильнюсского университета); Рукописная картотека литовского этимологического словаря (в АН Лит. ССР). См. также словарь Р. Траутмана (С. 295): *su̯aini̯a-*; *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 222; *А. Преображенский.* Т. II. С. 263.

[439] Так, вслед за А. Лескиным, еще *B. Delbrück.* S. 534.

лось, что болг. *пашеног* взято из тюркско-болгарского[440], в то время как *баджанак* — позднее заимствование из османского; попытки Ф. Миклошича[441], а позднее Г. А. Ильинского объяснить слово как исконно славянское неудачны. Из турецкого же происходит и болг. *балдъза* 'сестра жены, свояченица'[442].

У западных славян привилось в этой функции другое недавнее заимствование — из немецкого языка: чешск. *švagr*, *švagrová*, словацк. *švager*, *švogor*, *švagor*, *švagoriná*, *švagrinka*, *švagriná*, польск. *szwagier*, *szwagrowa*. Эти заимствования распространились достаточно широко, быстро вытеснив общеславянские названия. Их влиянием объясняются различные внешние изменения смежных исконных названий: др.-польск. *szwak*, чешск. *švegruše*.

Сюда непосредственно примыкает группа слов, объединяемая интересным слав. *svatь*: ст.-слав. **свѧтиꙗ** 'affinis', **сватовьство** 'affinitas', **сватъ** 'affinis', **сватьство** 'affinitas', др.-русск. *сватитисѧ* 'породниться через брак детей или родственников', *сватитисѧ* то же, *сватовьство* 'свойство, родство через брак детей или родственников', *сватъ* 'отец или родственник одного из вступивших в супружество в отношении к отцу или родственнику другого', *сватьство* 'свойство, родство через брак детей или родственников'; русск. диал. *сватовство́* 'некровное родство'[443], в то время как в общенародном употреблении русск. *сватовство* теперь обычно значит только действие от *сватать* 'просить руки'; укр. *сват* 'сват, отец зятя или невестки', *сва́тач* 'жених', *сва́ха* 'мать зятя или невестки', польск. *swat* 'сват', чешск. *svat*, *svatka* 'родители зятя или невестки', диал. *starosvat* 'сват, в узком значении свадебного персонажа'[444], словацк. *svat* 'отец зятя или снохи', *svatka* 'жена брата', н.-луж. *svat* 1. 'шафер, дружка', 2. 'всякий родственник обрученной четы', словенск. *svȃt* 'сват', дружка', др.-сербск. *сватъ* 'affinis', *сватвица*, сербск. *сват* 'сват', *сва̏ħа* 'сестра снохи', болг. *сват* 1. 'сват', 2. областное 'родственник', *свато́вник* 'сват', *свато́вница*, *сва́тя*, *сва́ха* 'сваха'.

Сюда относятся и глаголы слав. *svatati*, *svatiti* в значении 'просить руки', ср. русск. *сватать*(*ся*), развившие это свое значение из более старого 'родниться, породниться', ср. аналогичное латышск. *apsvainuoties* 'жениться, породниться'[445] — к *svaĩnis*. И уже к упомянутому глаголу в этом значении

---

[440] *S. Mladenov.* Vestiges de la langue des Protobulgares touraniens d'Asparuch en bulgare moderne // RÉS. T. 1. 1921. P. 50; *С. Младенов.* ЕПР. С. 13.

[441] *F. Miklosich.* S. 233.

[442] *B. Delbrück.* S. 534; *С. Младенов.* ЕПР. С. 15.

[443] *В. Волоцкой.* Словарь ростовского (Владимирск. губ.) говора // Сб. ОРЯС. Т. LXXII. № 3. 1902. С. 81.

[444] *Q. Hodura.* Nářečí litomyšlské. S. 70.

[445] *K. Mūlenbach.* I. S. 128.

относится специальное слав. *svatьba*: русск. *свадьба*, словенск. *svâtba* то же, н.-луж. *swadźba*, *swajźba* то же, чешск. *svatba*, диал. *svarba*[446].

О. Шрадер[447] правильно объясняет вслед за Ф. Сольмсеном и Ф. Ф. Фортунатовым слав. *svatъ* из **swō-*, ср. греч. *ϝέτης*, литовск. *svẽčias*, Вальде—Покорный[448] объясняют его из **su̯a-to-s*, *-t-* производного от известного местоименного корня, ср., кроме перечисленных слов, еще авест. *x^vaētu-* 'angehörig'. Старое толкование Миклошича и Лавровского (*svatъ* < **svojatъ*) следует оставить. В общем согласно установившейся точке зрения анализирует в формальном отношении слав. *svatъ* и Ф. Мецгер[449].

Прежде чем перейти к некоторым замечаниям относительно этого древнего слова, укажем в порядке уточнения относительной хронологии образования отдельных форм, что слав. *svatьba* не является чем-либо большим, чем чисто славянское позднее отглагольное образование от глагола *svatiti(sę)*, *svatati(sę)*, сложившегося тоже только на славянской почве. Участие древнеиндоевропейского форманта *-ba-* (< **-bh-*) не меняет дела, а говорит лишь о длительной словообразовательной активности данного форманта. Налицо также факт отсутствия такой формы в балтийском, где и этот формант, и корень *svet-* достаточно популярны. Возводить слав. *svatьba* к и.-е. **sweti-bh-*, а также предполагать существование этого последнего, как это делает Фр. Мецгер, у нас нет никаких оснований.

Древность слав. *svatъ*, первоначально 'свой, близкий человек, сородич' (ср. греч. *ἔτης*, *ϝέτης* 'родственник, близкий') становится более реальной, когда мы сопоставим его с рядом других глагольных славянских образований от того же корня. Эти последние в результате устойчивых древних комбинаций с приставками *u-*, *pri-*, *per-*, согласно правилу Педерсена, сильно изменили свой облик: *s* > *x*, ср. *xvatati* > **pri-svat-* и др.[450]. На основании сравнения с этими родственными глагольными формами можно заключить, что слав. *svatъ* представляет собой весьма древнее имя, генетически не связанное с глаголом. Глаголы русск. *сватать* и родственные сами выдают свое позднее происхождение тем, что при всем обилии случаев приставочного употребления (*сосватать*, *присватать*, *высватать*) они совершенно не знают законо-

---

[446] *W. Vondrák.* Bd. I. S. 281; ср. также *Q. Hodura.* Op. cit. S. 70.

[447] *O. Schrader.* Über Bezeichnungen für die Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Volkern. S. 23.

[448] *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 457.

[449] *F. Mezger.* Op. cit. P. 98 ff.; ср. еще *А. Преображенский.* Т. II. С. 255—256, где указана остальная литература; *A. Meillet.* Études. P. 302; см. еще о *svatъ* — *E. Fraenkel.* Zur tocharischen Grammatik // IF. Bd. 50. 1932. S. 1—20, 97—108, 220—231.

[450] Подробнее об этом см. *A. Vaillant.* La dépréverbation // RÉS. Vol. 22. 1946. P. 44—45.

мерного древнего перехода *s* > *x* после *i*, *ŭ*, *r*, который имел место во всех действительно древних сочетаниях этого корня с приставками.

Из этого рассуждения следует вывод, подтверждающий то, что уже известно о слав. *svatъ*, а именно: поскольку установлено, что единственно древними образованиями от и.-е. **su̯ă-t-* в славянском являются существительное *svatъ* и глаголы *xotěti*, *xъtěti*, *xvatati*, *xvatiti*, в то время как глаголы *svatati*(*sę*), *svatiti*(*sę*) образованы позднее, позволительно сказать, что столь же новыми являются их узко специальные значения 'сватать, просить руки' (< 'породнить', ср. значение др.-русск. *сватитисѧ*). Получив такое специальное терминологическое значение, глагол *svatati*, *svatiti* стал оказывать влияние на существительное *svatъ*, первоначально означавшее только 'свой, сородич'. В результате у слав. *svatъ* выработалось значение 'устроитель свадьбы, сватающий', и оно как новое имя деятеля образовало семантико-морфологическую пару с названным глаголом: ср. русск. *сват* — *сватать*. Эти отношения выявляют неисконный характер узких специальных значений слав. *svatъ*, которые, однако, со временем настолько возобладали, что первоначальное значение подчас бывает затемнено. Крайней точкой этого процесса является русск. *сваха* 'сватающая женщина', образование по типу названий женских профессий на *-ха*: *пряха*, *портниха*, в то время как есть правильное женское образование от *сват* — *сватья* 'родственница, близкая женщина'. Как результат контаминации значений близких форм употребляется и *сваха* 'мать зятя, снохи'.

В литовском языке, помимо прозрачных *savá́itis*, *savá́itinis* 'родственник, близкий'[451], есть форма, непосредственно примыкающая к слав. *svatъ* 'родич', хотя и с завуалированным значением: *svẽčias* 'гость', из **svetjas*[452]. Указанием на иное древнее значение служит литовск. *svetystà* 'родня, родство'[453]. Так же, как *svẽčias* 'гость', отпочковалось вторично значение литовск. *svẽtimas* 'чужой'. Что касается генезиса вторых значений в литовском, параллель им находим в греч. *ὀθνεῖος*, о котором недавно писал П. Шантрен[454]: *ὀθνεῖος* противопоставляется *συγγενής*, как *ἔθνος* — *γένος*; при этом первоначально *ὀθνεῖος* — 'свой' (в широком понимании), отдаленный родственник', затем, с забвением связи с *ἔθνος*, = 'чужой'. Совершенно аналогична история литовск. *svẽčias* 'гость', *svẽtimas* 'чужой': сначала 'свой, свойственник, сородич', затем, с забвением связи с **sve-* 'свой', остается пара *svẽtimas* — *giminė̃*, *giminá́itis* 'родственник, родня', в которой *svẽčias*, *svẽtimas*, лишенные семантических опор в лексике, какие есть у *giminė̃* : *gìmti*,

---

[451] См. *P. Skardžius*. Op. cit. S. 257, 359.

[452] Там же. S. 331.

[453] Там же. S. 369.

[454] *P. Chantraine*. A propos de grec *ὀθνεῖος* // BSL. T. 43. 1946. P. 50—56.

подверглись семантическому отталкиванию в плане противопоставления: 'родной' — 'чужой'.

Литовск. *svočia* 'посаженая мать', *svodba* 'свадьба', *svotas* 'посаженый отец, сват' заимствованы из славянского. Что касается глагола 'свататься', литовский язык имеет собственное исконное *piršti, peršù*, нулевую ступень корня и.-е. **prek̑-*, слав. *prositi*[455].

Попутно коснемся примыкающих сюда названий 'жениться, выходить замуж', 'брак', 'женатый', 'неженатый', 'холостой'. Даже при первом знакомстве с этими названиями в славянском и вообще в индоевропейском нельзя не обратить внимания на их многочисленность и несовпадение в различных языках. Общеиндоевропейского термина 'жениться' нет[456]. Аналогичный характер образования названий в отдельных языках ни о чем не говорит, так как источники образования различны[457].

Пожалуй, наиболее широко использована в значении 'жениться' индоевропейская основа **u̯edh-* 'вести', ср. отглагольные др.-инд. *vadhū́-ḥ* 'невеста, молодая жена; невестка', авест. *vaδū-* 'жена, женщина', *vaδrya* 'зрелая в брачном отношении (о девушке)', литовск. *vedù, vėsti* 'жениться', латышск. *vedu*[458]; др.-русск. *водити жену* 'иметь жену, жениться', *водимая* 'жена, супруга'. Как отмечают авторы, это обычно мужской термин 'жениться' (= 'вести жену'), точный первоначальный смысл которого местами подвергся со временем забвению, ср. случаи употребления литовск. *vèsti* в говорах также в значении выходить замуж[459].

Древнее название выкупа за невесту — греч. *ἔδνον*, др.-англосакс. *weotuma*, др.-в.-нем. *wídimen* (ср. нем. *widmen* 'посвящать'), слав. *věno* — видят в и.-е. **u̯edh-meno-n*, отглагольном производном от **u̯edh-*[460]. Э. Бенвенист[461] видит в слав. *věno *wedhno-*, ср. греч. *ἔδνον*, образующее с иранским **vadar* 'union sexuelle' (ср. производное *vadairyu* < **vadarya-*) единую гетероклитическую *-r/n*-основу. Менее вероятна попытка объяснить слав. *věno* вместе с лат. *vēnus, vēnum, vēneo*, греч. *ὦνος*, др.-инд. *vasná* 'цена', хеттск. *uššanija-* 'продавать', *u̯aš-* 'покупать'— из **vesno*[462], поскольку выпадение *s*

---

455 *O. Schrader.* Reallexikon. P. 354.

456 См. *C. D. Buck.* S. 93.

457 Там же. S. 98.

458 *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 255.

459 Там же; *E. Fraenkel.* Zur baltoslavischen Grammatik. I // KZ. Bd. 51. 1923. S. 248—249; *A. Salys.* Mūsų gentivardžiai // Gimtoji kalba. 1937. III. S. 43.

460 *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 255.

461 *E. Benveniste.* Origines. P. 14; о слав. *věno* < **vedhno* см. также *А. Преображенский.* Т. I. С. 108; *Holub—Kopečný.* S. 112 — с сомнением.

462 См. *R. Trautmann.* S. 350; *A. Brückner.* S. 610; *Ernout—Meillet.* T. II. P. 1275—1276; *J. Friedrich.* Hethitisches Wörterbuch. S. 248.

здесь было бы совершенно не мотивировано. Прочие названия платы за невесту: ст.-литовск. род. п. ед. ч. *krieno*, латышск. *kriens*, *krienis*, литовск. *kraĩtis* 'приданое', ср. др.-русск. *крьноути*, др.-инд. *krīṇāti*, греч. *πρίαμαι* < *$^*q^urei$- 'покупать'[463]; хеттск. *kušata*, для которого В. Махек[464] предложил маловероятную этимологию: к слав. *kuna* 'деньги, плата за невесту', причем он без какого-либо основания отрывает *kuna* 'деньги', явно вторичное, от *kuna* 'куница, пушной зверек'.

Ст.-слав. **сагати, посагати** '*γαμεῖν*, nubere', **посагъ** 'nuptiae', русск. обл. *посаг* 'свадьба', сюда же *посаженый отец*, *посаженая мать*, польск. *posag* 'приданое', которые обычно сравниваются[465] с греч. *ἡγεῖσθαι* (**sāg-* 'вести, предводительствовать'). А. Брюкнер относит эти формы к слав. *sęgnǫti* как неинфицированную форму к инфицированной, ср. *sędǫ* : *sadъ*[466].

Русск. *жени́ться*, обычно о мужчине, в кировских говорах — о женщине[467], укр. *ожени́тися*, белор. *жані́цца*, польск. *żenić się*, чешск. *ženiti se*, сербск. *женити се*, болг. *женя́ се* — совершенно прозрачные производные от слав. *žena*, фактитивные глаголы на *-iti*, собственно — 'сделать женатым'. Аналогично в семантико-морфологическом отношении новое укр. *одружи́тися*, ср. *дружи́на* 'жена'. Особого женского термина славянский не знает, если не считать довольно древнего устойчивого словосочетания слав. **iti za mǫžь*, ср. польск. *wyjść zamęż*, русск. *выйти замуж*, укр. *ви́йти за́між*. В германском любопытна пара терминов др.-фризск. *monna*, *monnia* 'выходить замуж' и *wîvia* 'жениться'[468].

Древнерусский термин *умыкати* известен как остаток древнего экзогамного брака-похищения.

Ст.-слав. **снoубити** 'любить, свататься', словенск. *snúbiti* 'сватать, свататься', чешск. *snoubiti* 'свататься, обручаться', польск. *snębič* имеют ясную этимологию: из **sneu-* 'связывать'[469], ср. **snusó-s*, слав. *snъxa*.

---

[463] *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 523—524.

[464] *V. Machek*. Hittito-slavica // AO. Vol. XVII. 1949. P. 133 ff.

[465] *O. Schrader*. Reallexikon. P. 353.

[466] *A. Brückner*. Verkannte Lauterscheinungen // KZ. Bd. 45. 1913. S. 318—319. Однако это еще не настолько достоверно, чтобы ставить ст.-слав. **посагати** в один ряд с чешск. *posahati* 'схватывать, поймать' без комментариев, как это делает А. С. Львов (Из наблюдений над лексикой старославянских памятников // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. IX. 1954. С. 173—174), который даже не оговаривает, что чешск. *posahati* < **posęg-*, как и русск. *посягать*.

[467] Ср. *Н. П. Гринкова*. Из наблюдений над лексикой и фразеологией русских диалектов // Вопросы славянского языкознания. I. Львов, 1948. С. 215.

[468] *O. Bremer*. Zum Altfriesischen Wörterbuch // Beiträge. Bd. 17. 1893. S. 326.

[469] *A. Walde*. Op. cit. P. 527; *Walde—Pokorny*. Bd. II. S. 697; *Fr. Sławski*. Oboczność *ą* : *u* w językach słowiańskich // Slávia Occidentalis. T. 18. 1939—1947. S. 270: из и-е. **sneubh-* < **sneu-bh-*, с вторичной назализацией польск. *snębić*.

Болг. *годе́ж* 'помолвка, обручение', *годежа́р годежа́рка* 'сват, сваха', *годе́жник* 'сват', сюда же *годени́к, годени́ца* 'жених, невеста', *сгодя́, сгодя́вам* 'обручать, устраивать обручение', ср. также диал. *згудя́ник, згудя́ница* 'жених, невеста' (в говоре ольшанских болгар на Украине), *разгодя́вам* 'расстраивать обручение', ср. польск. *gody* pl. 'свадьба, свадебный пир'. Корень *god-*, которого мы здесь бегло касаемся, обладает в славянских языках исключительно разнообразной и богатой семантикой, ср. укр. *годува́ти* 'кормить', русск. *погоди́ть* 'подождать', *негодова́ть* 'возмущаться', *годи́ться*, чешск. *hoditi* 'бросить', русск. *угоди́ть* 'попасть (бросив и т. д.)'; также *угоди́ть*, ст.-слав. **годити** 'быть приятным'. Вполне вероятно, что все эти значения развились из одного какого-либо удобного исходного конкретного значения. Указывают санскр. *gadh-* 'festhalten' [470], и.-е. **ghadh-* 'объединять, связывать, быть связанным, совпадать; обхватывать', ср. также нем. *Gatte* 'супруг', др.-сакс. *gaduling* 'родственник' [471].

Прочие названия: болг. *задомя́, задомя́вам* 'женить; выдать замуж'; восточноляшск. (диал., Чехия) *sobašič še* 'жениться' [472].

Литовский язык имеет довольно старые собственные названия брака, замужества: *tekýba, tekũtė, tekẽstos, tekẽstės, ištekė́jimas* — от *tekė́ti* 'выходить замуж' [473], собств. 'убегать'.

Итак, рассмотренные термины в основном более четко определяют действия мужчины по отношению к женщине (ср. *vesti, ženiti sę*), реже — отношения женщины к мужчине. Само собой разумеется, что эти любопытные сопоставления еще ни к чему не обязывают, и мы не станем использовать их как лишнее доказательство древности матриархата, поскольку здесь вообще речь ведется о терминах уже довольно поздних. Допатриархальный период истории родового общества индоевропейцев попросту не знал таких названий, ненужных при древнейшей форме брака, бывшей по сути дела определенной формой сожительства не одной супружеской четы, а родового коллектива в целом. Отсутствие сложившихся общих терминов, обозначающих определенные родственные отношения, еще не дает права делать вывод о второстепенности этих отношений. Достаточно вспомнить, что целую теорию агнатического устройства индоевропейской семьи строили главным образом на констатации того, что общеиндоевропейские названия, характеризующие отношения мужа к родственникам жены, почти совсем отсутствуют.

Не беря, таким образом, на себя смелость приписывать отдельным фактам исключительное значение, упомянем еще одно название, очень четко характеризующее отношение мужа к жене: о.-слав. *ženatъ*, др.-русск. *женатыи*,

[470] *C. C. Uhlenbeck.* S. 77.
[471] Подробнее см. *Walde—Pokorny.* Bd. I. S. 531—532.
[472] *A. Kellner.* Východolašská nářečí. II. S. 282.
[473] *A. Salys.* Mūsų gentivardžiai. S. 48; *P. Skardžius.* Op. cit. S. 367—368.

русск. *женатый*, — образование в общем довольно древнее, ср. материально близкое производное готск. *unqēniþs* 'неженатый', которое позволяет нам видеть здесь факт, свойственный индоевропейскому (отыменное прилагательное с суффиксом *-to-*)[474]. Ничего подобного — общего ряду индоевропейских диалектов — для обозначения отношения жены к мужу как будто нет. Образования вроде польск. *mężatka* являются, по-видимому, вторичными, по аналогии со слав. *ženatъ*, польск. *żonaty*. Эту функцию исполняют по славянским языкам также различные поздние названия.

Следует отметить, что историки языка соответственным образом объясняли и отсутствие индоевропейского термина 'брак'. Причину этого они усматривали в неравноправности мужчины и женщины в индоевропейской семье, в несопоставимости их роли[475]. Не будем подробно останавливаться на ошибочности этих рассуждений, исходящих из модернизирующих и метафизических воззрений на родственные отношения. Объективная сторона вопроса, а именно — отсутствие индоевропейского названия, более того — древних названий брака даже в отдельных языках — древнеиндийском, греческом, латинском, находит объяснение в позднем характере малой семьи. Известно, напротив, название основной формы общественного существования индоевропейцев на всем протяжении их древней общности — рода: и.-е. **ĝenos*, лат. *genus*, греч. *γένος*, др.-инд. *jána-*, сохраненное большинством индоевропейских диалектов. Древнейшая форма брака сложилась тогда, когда ее естественными рамками был сам род. Брачно-родственные отношения с успехом определялись общим названием 'род'. В этих условиях для древнейшей формы брака, тождественной и совпадающей с внутриродовыми отношениями в целом, не требовалось специального обозначения, а так как именно в эту эпоху сложилась основная терминология родства, такое состояние определило отсутствие среди индоевропейских терминов названия брака. В то же время сущность брака — от смешанного кросскузенного к позднейшему парному браку малой семьи — коренным образом менялась. «"Семья, — говорит Морган, — активное начало; она никогда не стоит на месте, а переходит из низшей формы в высшую, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, проделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья"... В то время как семья продолжает жить, система родства окостеневает, и в то время как

---

[474] Ср. *K. Brugmann.* KVGr. P. 318, 532. Такое же *-to-* производное со значением 'женатый', но от иного корня, знает латинский язык: *maritus*; вторично — *marita* 'супруга' (см. IF. Bd. 31. S. 255 ff.; *E. Fraenkel.* Zur baltoslavischen Grammatik. I // KZ. Bd. 51. 1923. S. 247).

[475] *B. Delbrück.* S. 440—442; *O. Schrader.* Reallexikon. P. 154—155.

последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки»[476].

Древность системы родства и родственных обозначений имеет большую ценность для исследования. Это подтверждает мысль о том, что отсутствие индоевропейского названия брака также отражает древнейшее состояние, когда единственной формой, облекающей брачные отношения, был род. Такое положение в терминологии родственных отношений долго сохранялось как пережиток и в последующие эпохи. Отсюда ясен поздний характер местных названий брака по языкам. Мы видим, таким образом, как мало остается от традиционных аргументов против исконности индоевропейского матриархата.

Мы затруднились бы определить и общеславянское название брака, и это отсутствие общеславянского термина отмечено глубоким архаизмом. Наиболее древнее из известных славянских обозначений — ст.-слав. **бракъ**, ср. др.-сербск. *бракь* 'connubium', засвидетельствованное также в наиболее близких к старославянскому языку архаических болгаро-македонских диалектах Сухо и Висока[477]: *мас недȁл'а бра́кǫвąме*; *brak*, *brakò*, *brakuvi* 'брак', *brakòvam*[478]. Слово имеет вполне приемлемую этимологию: **bъrakъ* к *berǫ*, *bьrati*, *брать*[479]; ср. форму *бьраци*, отмеченную в Ипатьевской летописи. А. И. Соболевский[480], напротив, придает главное значение большинству форм без *ь*, которое он объясняет из **bărkъ*, сопоставляемого им далее с *брашьно*, поскольку среди значений ст.-слав. **бракъ** есть также значение 'пир'. Но значение 'пир' вторично у ст.-слав. **бракъ**. Что касается фонетического развития слова, следует отметить произведенное от того же глагола (слав. *bьrati*) название еще одного обряда — макед. диал. *òtbratki* 'предсвадебный прием зятя и его семьи в доме тестя'[481]. Интересно, что этот свадебный термин образован и употребляется в тех же солунских говорах, в которых было образовано, по-видимому, и ст.-слав. **бракъ**. Для обоих слов несомненно происхождение от основы *bьra-* без посредства какой-либо метатезы, что особенно видно по более молодой форме макед. *otbratki*.

---

[476] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избр. произв. Т. II. М. —Л., 1948. С. 181.

[477] *J. Ivanov.* Un parler bulgare archaïque // RÉS. T. 2. 1922. P. 100.

[478] *M. Małecki.* Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka). Cześć II. Słownik. Kraków, 1936. S. 10.

[479] *E. Berneker.* Bd. I. P. 80—81.

[480] *A. Sobolevskij.* Zur Geschichte der Kulturausdrücke // AfslPh. Bd. 33. 1912. S. 611; *Он же.* Несколько заметок по славянскому вокализму и лексике // РФВ. Т. LXXI. 1914. С. 431—448; ср. также *P. Lang. Brakъ* 'nuptiae' // LF. Roč. XLIII. 1916. S. 223—230, 322—332, 404—410.

[481] *M. Małecki.* Op. cit. S. 78.

Наконец, мы никак не можем согласиться с попыткой А. Исаченко[482] объяснить **бракъ** прямо из и.-е. **bher-* 'носить, уносить' (ср. санскр. *bhartar* 'кормилец и т. д.', *bhấryā* 'жена'), поскольку на основании изложенного выше это слово является сравнительно поздним местным образованием группы славянских диалектов.

Из названий 'холостой, неженатый' наиболее интересным в славянских языках является ст.-слав. **хлакъ**, др.-русск. *холокъ* 'кастрированный, яловый', 'холостой', так же ст.-слав. **хластъ**, русск. *холостой*. Это слово представляется относительно древним и вместе с тем неясным образованием; к нему относят также слав. **xolpъ*, русск. *холоп*, о чем подробно — ниже (см. III главу).

Все прочие названия такого рода представлены исключительно местными поздними образованиями.

[482] *А. Исаченко.* Указ. соч. С. 77.

Глава III

НАЗВАНИЯ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА; НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ТЕРМИНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Рассмотрев в первых двух главах всю систему терминов родства, коснемся теперь прежде всего индоевропейских основ, которые, с одной стороны, участвовали в образовании ряда разобранных выше терминов, с другой стороны — дали названия главной единицы семейно-родового устройства, рода. Здесь, как и во многих других случаях, первоначальное положение сильно затемнено. Однако сравнительный анализ помогает определить первичные и вторичные образования.

Несомненно общеиндоевропейским является корень **ĝen-*, образующий во многих индоевропейских языках название рода, а также название действия 'рождать(ся)', тесно примыкающее к терминам родства. Сюда относятся др.-инд. *jánas* ср. р. 'род', *jánati* 'рождает', ср. *janitā́* 'родитель, отец', *jñātis* 'родственник' [1], лат. *genus*, *generis* 'потомство, род' [2], сюда же *gigno-ere* 'рождать, производить', греч. *γεννάω* 'рождать', *γίγνομαι* 'делаться, становиться', *γενος*, *-ους* ср. р. 'род', готск. *kuni* ср. р. 'род, поколение'; производные в роли терминов родства др.-исл. *kundr* 'сын', нем. *Kind* 'дитя', греч. *γνωτός* 'родственник, брат', *γνωτή* 'сестра', латышск. *znuôts* 'зять', сюда же и литовск. *gentìs* 'родственник' (*g* вместо *ž* под влиянием *gìmti* 'рождаться'), ср. лат. *gēns*, *gentis*

---

[1] См. *C. C. Uhlenbeck.* S. 103; *Ernst u. Julius Leumann.* Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Lief. 1. Leipzig, 1907. S. 106; *M. Mayrhofer.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidel berg, 1956. S. 415—416.

[2] *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Aufl. 2. Heidelberg, 1910. S. 339.

'род, родня'[3]. Корень широко известен индоевропейским языкам. Отсутствие его в некоторых из них явилось, по-видимому, результатом определенных местных перемещений в словаре, в ходе которых за счет и.-е. *$\hat{g}$en- распространились другие основы, нередко тоже древние, индоевропейские, но употреблявшиеся ранее в иных значениях. Такова роль разбираемых ниже и.-е. *k^uel- и *erəd(h)- и их разнообразных производных. Во всяком случае, отсутствие непосредственных рефлексов и.-е. *$\hat{g}$en-, *$\hat{g}$enē-, *$\hat{g}$enə- в некоторых индоевропейских языках (в частности, в славянском) не может рассматриваться как свидетельство того, что эти языки никогда не знали корня *$\hat{g}$en-.

И.-е. *k^uel-, *kel- представляет собой древний общеиндоевропейский корень, объединяющий много разнообразных значений. Разница значений, однако, отнюдь не говорит об исконном наличии двух или более индоевропейских омонимов *ku̯el*, *kel-*, как полагают многие исследователи, расценивающие отдельные случаи и.-е. *ku̯el- с разным значением как самостоятельные индоевропейские основы. Напротив, все эти случаи закономерно объединяются вокруг единой индоевропейской основы с первоначальным однородным значением. Так, сюда относятся греческие варианты с лабиовелярным k^u и с чистым велярным k[4]: *πέλω*, *πέλωμαι* 'вращаться; бывать, случаться', *πόλος* 'ось вращения', *τέλλει* 'совершает', *ἀνατέλλει* 'восходит', *ἀνατολή* 'восток, восход', *πωλέω* 'продавать'; кельтское (ср.-ирл.) *cēle* 'вассал, зависимый член клана', 'муж'[5], др.-инд. *kúlam* 'стадо, множество; род', ср. ст.-слав. **челѧдь**, греч. *τέλος* 'толпа', ирл. *cland* 'род, клан'[6]; литовск. *kiltìs* 'род', латышек. *cilts* то же[7], сюда же литовск. *kélti* 'поднимать', *kìlti* 'подниматься, вставать; происходить', *kilmẽ* 'происхождение'; из славянского ср. еще, с одной стороны, *čelo* 'лоб', с другой — *kolo*, *kolese* 'колесо'* ср. греч. *πόλος*, *πέλω*; см. дальнейшие примеры у Вальде—Покорного[8], которые видят здесь минимум три основы: и.-е. *q^uel- 'толпа, группа, родня', q^uel- 'вращать(ся)', *q^uel- 'далеко', ср. др.-инд. *caramá-* 'последний, крайний', греч. *πάλαι* 'давно'. Ср. еще *κέλεοντες* 'ножки ткацкого станка' (Гесихий), которое Я. Фриск[9] производит из и.-е. *qel-*, **qol-* 'стоять, возвышаться', отделяя от **qel-* в греч. *κέλλω*

---

[3] См. *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 576 ff.; *Ernout, Meillet*. T. I. S. 481 ff.; *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Aufl. 3. Leiden, 1939. S. 316; *A. Jóhannesson*. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1952. S. 330—331.

[4] *Johannes Schmidt*. Zwei arische *α*-Laute und die Palatalen // KZ. Bd. 25. 1879. S. 138.

[5] См. *H. Zimmer*. Keltische Studien. 6. Zum mittelirischen Wortschatz // KZ. Bd. 30. 1888. S. 35—43.

[6] *C. C. Unlenbeck*. S. 59.

[7] *K. Būga*. Aistiški studiai. I. СПб., 1908. С. 208; о латышск. *cilts* см. специально *K. Mūlenbach*. I. S. 382.

[8] *Walde—Pokorny*. Pd. I. C. 517.

[9] *H. Frisk*. Griechische Wortdeutungen // IF. Bd. 49. 1931. S. 97—98.

'гнать'; сюда также греч. *κάλος* 'красивый, прекрасный', *κάλλος* 'красота' с вторичными значениями, о природе которых см. ниже. Об отношениях греч. *κάλλος* (**kalį-os*) к *i/u*-основе герм. *hali-þ*, *halu-þ*, нем. *Held* 'герой' специально говорит Ф. Шпехт [10]. Ср. далее тохарск. AB *käly* 'стоять, находиться, быть', B *kokale*, A *kukäl* 'колесо', которые Дюшен-Гиймен относит к и.-е. **q^{w}el* 'вертеть(ся), быть, становиться' [11]. Ю. Покорный в новом этимологическом словаре [12] помещает часть из названных слов, под **kel-*, **kelə-* 'возвышаться, подниматься)'. Греческое эпиграфическое и глоссовое *κελωϱ* 'сын' [13], тяготеющее к и.-е. **k$^{(w)}$el-* с значением 'происходить, рождаться' [14], ср. названия мужчины, воина, героя от того же корня в германском: др.-исл. *hǫlđr*, *halr*, др.-англосакс, *hæleđ*, *hæle*, др.-в.-нем. *helid*, нем. *Held* с формантом *-ĕ̄t*, т. е. 'рожденный' [15]. Возможно, сюда же относится греч. *κολοσσός* 'фигура, статуя', определяемое лингвистами как эгейское [16], догреческое [17].

Из славянского можно привести много слов, восходящих непосредственно к и.-е. **kel-*. Так, это **kel-* лежит в основе некоторых славянских, а также балтийских и даже индоевропейских названий частей тела (слав. *kolěno*, *čelo*) и др. Обратим сначала внимание на основные формы и семантическое развитие этого корня. В наиболее типичных для данного корня значениях выступает в славянском производное *čeľ-adь*, собирательное, ср. болг. *че́ляд* 'семья', (банатск.) *čéledin* 'семейный' [18], русск. *че́лядь*, польск. *czeladź* 'челядь, слуги', диал. (в Словакии) *čeľad/ť* 'nádenníci' [19], зап.-укр. *челяди́на* 'девушка, женщина' [20], — с исходным значением 'семья, родственники' [21].

---

[10] *F. Specht*. Eine Eigentümlichkeit indogermanischer Stammbildung. S. 228.

[11] *J. Duchesne-Guillemin*. Tocharica // BSL. T. 41. 1941. S. 151.

[12] *J. Pokorny*. C. 544.

[13] См. *W. Prellwitz*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. 1892. S. 143.

[14] См. подробнее *F. Solmsen*. Vermischte Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik // KZ. Bd. 34. 1895. S. 548—549.

[15] См. еще о *κέλοϱ* *É. Benveniste*. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. P. 21.

[16] *Hans Lamer*. Über einige Wörter des Ägäischen // IF. Bd. 48. 1930. S. 233.

[17] Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. T. XXX. P. 449—452.

[18] *Л. Милетич*. Книжнина и езикът на банатските българи. IV. Словарь // СбНУ. Кн. XVI—XVII. 1900. C. 475.

[19] *Gejza Horák*. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955. C. 153.

[20] *І. Огієнко*. Місцеві закарпатські вирази // Рідна мова. № 5. C. 185—188.

[21] Нам совершенно неясны мотивы, побудившие В. Махека отказаться от очевидной этимологии и объяснять слав. *čeljadь* как в высшей степени сомнительное сложение усилительного префикса *če-* и корня *ljadь* с редукцией долгого дифтонга *jāu*, ср. *ljudь* (*V. Machek*. Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina // Zeitschrift für Slawistik. Bd. I. Heft 1. 1956. S. 39—40).

Очевидно, что первоначально и.-е. _*k^uel-_ не было синонимом _*ĝen-_ 'род, рождаться'. Скорее всего, оно было каким-то конкретным, специальным термином. Рассмотренные значения позволяют видеть в нем термин отсчета времени, настоящий технический термин, образованный от названия действия 'вертеться, поворачиваться', ср. греч. _πέλω_, слав. _kolo_, _колесо_, т. е. 'то, что вертится', ср. другие названия времени, в основе которых лежит признак 'вертеться'. Непосредственно время обозначают в этой группе греч. _πάλαι_ 'давно', _πάλιν_ 'опять', литовск. _kėlenà_, _kẽlena_, латышск. _cẽliẽns_ 'промежуток времени, дня' [22]. Нельзя отрывать от них и отдельные названия пространственных измерений (см. выше). Именно временны́е значения могли потом оказаться удобными для обозначения того, кто 'стал, произошел' > 'родился'. Примеры такого семантического развития тоже хорошо известны: и.-е. _*u̯ert-_ 'вертеть(ся)', ср. русск. _вертеться_ и др., дало нем. _werden_ 'становиться', литовск. _vir̃sti_ 'изменяться, становиться', русск. _обернуться_ 'стать', _оборотень_. Ср. ирл. _trog_ 'дети', т. е. 'рожденные': вал. _tro_ 'оборот' [23].

Другие значения рефлексов и.-е. _k^uel-_ не самостоятельны в семантическом отношении, но продолжают либо исходное конкретное значение (таковы 'расти, подниматься, прямо стоять', 'гнать, толкать, колоть'), либо вторичное значение 'становиться, происходить' (таковы значения 'рожденный' > 'человек, сын; воин, герой, муж', 'рожденные, родственники, семья', 'фигура человека, статуя'). Приобретая значения, близкие и.-е. _*bher-_ 'нести, рождать', и.-е. _*k^uel-_ получает нередко и другие значения этого корня: нем. _holen_ 'нести', ср. отношение греч. _φέρω_ 'нести': готск. _baíran_ 'рождать'. Связь важнейших жизненных функций с отсчетом времени открыла широкие возможности для распространения соответствующих морфем в различных семантических группах лексики. Так, помимо новых терминов 'происходить, рождаться', 'потомство', были образованы в отдельных индоевропейских языках термины 'обрабатывать, возделывать' (лат. _colō_), 'населять' (лат. _colō_, _in-colō_), 'пасти, разводить скот', ср. греч. _βου-κόλος_ 'пастух'.

Что касается материально примыкающих сюда названий частей тела, то они в отдельных случаях могут продолжать значение 'вертеться', что, например, вероятно для названия шеи — нем. _Hals_, лат. _col_ ('то, что вертится'), ср. аналогичные поздние примеры вроде нем. _Wirbel_, _Wirbelsäule_ 'позвонок, позвоночник' (собств. 'вертушка, то, что вертится'). В то же время для значительного числа других материально близких названий частей тела — слав. _kolěno_, _čelo_ и др. — более вероятна связь с _*k^uel-_ 'происходить, становиться, рождаться', что подтверждается аналогичными отношениями словопроизводства и.-е. _*ĝen-_.

---

[22] _P. Skardžius_. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. С. 230.

[23] См. _Г. Льюис и Х. Педерсен_. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 56.

К этой многочисленной семье и.-е. *k^{u}el- принадлежит и греч. *καλός*, *καλλός* 'красивый, красота'[24], ср. тот же корень в литовск. *kunìngas* 'красивый, нарядный', *kilnà* 'красота'[25], а также совершенно аналогичное по образованию польск. *uróda*, укр. *урóда, врóда* 'красота', *врóдливий* 'красивый', произведенное от термина 'родиться'.

Типичным для славянского и отличающим его от других индоевропейских языков, в том числе и от балтийских, является исключительное употребление в значениях 'род, рождать(ся)' местных названий; ср. ст.-слав. **родъ, родити**. Это чисто славянское новшество, которое, однако, представляет собой в сущности лишь новое использование древних индоевропейских морфем. Но весьма чувствительный пробел в балтийском словаре, обычно чрезвычайно облегчающем сравнительную реконструкцию древних форм, сказался отрицательно и на изучении этого слова, история которого не вполне выяснена до сих пор. В славянском существует ряд слов, фонетически близких к **родъ, родити**: русск. *радéть* 'стараться', сербск. *рад* 'работа', русск. *рад*, ст.-слав. **расти**. Сопоставим семантически более близкие **родъ, родити**: **расти**. Эти формы сравниваются с санскр. *ṛdháti* 'процветает, удается; совершает'[26], латышск. *rads* (= ст.-слав. **родъ**)[27], форма с начальным плавным считается здесь исконной[28].

Противоположная точка зрения наиболее ярко представлена А. Брюкнером. А. Брюкнер справедливо указывает на отсутствие в известной работе Торбьернссона[29] формы *-ord-*, к которой в итоге славянской метатезы плавных могут восходить формы с основой *rad-*, и критикует также «Балто-славянский словарь» Траутмана, где выделяется шесть особых древних форм: *rada-* 'рождение', *rāda-* 'радостный', *rādei* 'для, ради', *radeiō* 'заботиться', *rādītēi* 'показывать', *randō* 'находить'. Однако мысль о метатезе проведена Брюкнером недостаточно последовательно, он говорит лишь о слове *рад* < **ārda-*, ср. имя *'Αρδιγαστ* *'Φιλοξεῖος'* (VI в.), = *Radigost*[30].

Старая точка зрения о ст.-слав. **родъ** < балто-слав. **rada-* опирается также на специальный закон, выдвинутый Э. Лиденом[31], согласно которому в этом

---

[24] *Ю. Покорный* (с. 524) без видимой необходимости помещает это слово изолированно под и.-е. *kal-* 'красивый, здоровый'.

[25] См. *P. Skardžius*. Op. cit. S. 115.

[26] *C. C. Uhlenbeck*. S. 34.

[27] *И. Эндзелин*. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911. С. 195; специально о латвийск. *rads* 'родственник', *radît* 'родить' см. *K. Mülenbach*. III. S. 462.

[28] *R. Trautmann*. BSW. S. 234.

[29] *T. Torbiörnsson*. Die gemeinslavische Liquidametathese. Upsala, I—1901, II—1903.

[30] *A. Bruckner*. Wörter und Sachen // KZ. Bd. 45. 1913. S. 108. Сноска 1; *Он же*. Mythologische Thesen // AfslPh. Bd. 40. 1926. S. 12—14.

[31] *E. Lidén*. Ein baltisch-slavisches Anlautgesetz // Göteborgs Högskolas Årsskrift. Bd. V. Göteborg, 1899.

случае, как и в ряде других, в балто-славянском перед *r* выпало начальное неслоговое *u̯*, т. е. **rada-* < **u̯rada-*. Это дает возможность сравнить его с санскр. *vrā̆dhant* 'торчащий, выдающийся'[32]. С этим, однако, далеко не все согласны[33]. Вообще закон Лидена не принадлежит к числу вполне проверенных достижений сравнительного языкознания. Так, отдельные случаи, на которые распространяли этот закон, можно объяснять иначе[34], в других случаях в том же положении *v* в славянском сохранилось: *врать* — ср. санскр. *vratám*[35]. Далее, ст.-слав. **родъ** состоит в очевидном родстве с формами, не имеющими ничего общего с и.-е. **u̯eredh-*, **u̯erədh-*, из которого некоторые исследователи объясняют ст.-слав. **родъ, родити**[36], а именно: ср.-в.-нем. *art* 'происхождение, род', нем. *Art* 'вид, способ', сопоставляемое Р. Мерингером[37] с ст.-слав. **родъ** 'происхождение, род'; арм. *ordI* 'сын', которое Х. Педерсен[38] вслед за Видеманом сравнивает с ст.-слав. **родъ**, сюда же санскр. *rādhnṓti* 'выполняет, совершает' < **erdh-*, **ordh-*, **redh-*, **rodh-*; ср. также арм. *urja* (< *i* **ordyu* : *ordi*) 'пасынок'[39]. Сюда же, по-видимому, относится и хеттск. *ḫardu-* ср. р. 'правнук (?), потомок'[40], и хеттск. иероглифич. *ḫartu-* 'праправнук'[41] с *ḫ* ларингальным, т. е., возможно, из и.-е. **ə̯ordho-*.

Ср., далее, группу, близкую по значению к ст.-слав. **расти** и родственную ему в этимологическом отношении: др.-исл. *ǫrđugr* 'крутой, возвышенный'[42], лат. *ardu-os*, ирл. *ard* 'высокий, большой'[43], ср. галл. *ārdu-* (*Arduenna silva*), вал. *ardd-* 'высокий'[44], сюда же лат. *arbor* 'дерево', тохарск. А *oŕo* 'вверх'[45]. Представленные индоевропейские формы правильно объясняются из **ə̯ordh-*,

---

[32] См. также *K. Brugmann*. KVGr. S. 108; *W. Vondrák*. Bd. I. S. 283.

[33] См. необходимые библиографические сведения: *А. Преображенский*. Т. II. С. 209.

[34] Например, слав. *rota* 'клятва, присяга' — не из **u̯rota* : санскр. *vratám*, а из **rokta* : **rekti* (об этом подробнее см. мою статью «Славянские этимологии 8—9» // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 339.

[35] См. *А. Преображенский*. Т. I. С. 100.

[36] *Walde, Pokorny*. Bd. I. С. 289—290.

[37] *R. Meringer*. Wörter und Sachen. II // IF. Bd. 17. 1904. S. 123—124.

[38] *H. Pedersen*. Armenisch und die Nachbarsprachen // KZ. Bd. 39. 1904. S. 360.

[39] *S. Bugge*. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // KZ. Bd. 32. 1891. S. 23; *он же*. Zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // IF. Bd. I. 1892. S. 451.

[40] Формы приведены в словаре *J. Friedrich*. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954. S. 61.

[41] Там же. S. 335.

[42] *S. Bugge*. Zur etymologischen Wortforschung // KZ. Bd. 19. 1870. S. 402—403.

[43] *K. Brugmann*. KVGr. S. 521.

[44] *R. A. Fowkes*. The Phonology of Gaulish // Language. Vol. 16. 1940. P. 295.

[45] *J. Pokorny*. C. 339.

**ǫorədh-*. Лат. *arduus* точно соответствует и.-е. **ǫord(h)-uo-* (*ǫ* перед гласным обычно не оставляет следов, *ŏ* индоевропейское > *ă* южных индоевропейских языков, согласно Ю. Куриловичу). Объясненное таким образом лат. *arduus* не может быть сопоставлено с греч. *ὀρθός*, *ϝορθός*[46], поскольку **ǫordh-* не соответствует **u̯ordh-* греческого слова. Точно так же, видимо, следует отграничить от форм **ǫordh-* и все остальные формы, восходящие, как и греч. *ϝορθός*, санскр. *vrā́dhant*, к **u̯ordh-*, **u̯rōdh-*.

После необходимых уточнений остается группа слов, близких в фонетическом и семантическом отношении. Значения ст.-слав. **родъ**, арм. *ordi*, *urǰu* 'сын, пасынок', хеттск. *ḫartu* 'правнук, праправнук' представляют собой результат вторичного развития определенного первоначального значения, которое, возможно, отражено в слав. **orstǫ*, ст.-слав. **растѫ**, **расти**, ср. лат. *arbor* 'дерево', а также многочисленные примеры значений 'высокий, верх', которые можно понять как 'выросшее, выросший' и под. Упоминавшееся выше ср.-в.-нем *art* 'происхождение, род' значило в древневерхненемецком только 'пахота, aratio' (< 'выращивание'?). Выяснение отношений к **or-* 'пахать' увело бы нас в сторону, тем более что оно выходит за рамки нашей работы. В данном случае удовольствуемся определением и.-е. **ǫordh-* и его рефлексов как замкнутой самостоятельной группы слов с вполне закономерным развитием значений 'расти' || 'растить' > 'рождать'. А. Брюкнер был довольно близок к истине, когда говорил, что **родъ, родити** означало сначала 'успех, процветание', 'урожай, прибыль', 'забота'[47].

После краткого рассмотрения истории нескольких терминов 'род, рождаться' в индоевропейском и славянском обратимся к очень интересному вопросу о сохранении следов и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)' в славянских языках. Естественно, такие следы, о существовании которых можно лишь догадываться, сильно завуалированы, так как мы имеем дело с обломками словопроизводных отношений.

Русск. *знобúть* стоит совершенно обособленно в кругу русской и вообще славянской лексики[48]. Попытки объяснить это слово в рамках славянского словаря неудачны: Миклошич[49] и А. Погодин[50] сближают его с семантически близким *зя́бнуть* 'мерзнуть', причем Погодин предлагает совершенно невероятное **zьm-no-b-īti* (к *zima*), что можно без колебания отбросить[51]. Этимо-

[46] *J. Kuryłowicz*. Études indo-européennes. P. 111.

[47] AfslPh. 40. 1926. S. 12—14.

[48] См. *А. Преображенский*. Т. I. С. 254.

[49] *F. Miklosich*. С. 401.

[50] *А. А. Погодин*. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903. С. 197.

[51] Обстоятельная попытка реабилитации этого старого сближения предпринята в последнее время В. Махеком [См. *V. Machek*. Ceska a slovenská slovesa typu *hanobiti* (odvozená ze jmen na-oba) // Naše řeč. Roč. 38. Seš. 7—8, 1955. С. 207 ff.].

логия слова остается неясной. Это объясняется происшедшим в какую-то эпоху жизни слова резким сдвигом его значения. Современное, на наш взгляд, вторичное значение русск. *зноби́ть*: *меня знобит* 'я испытываю дрожь от холода, простуды и т. п.' сменило какое-то первоначальное значение в этом, очевидно, древнем слове, для которого закономерно предположить первоначальную фонетическую форму **ĝnŏbh-*. Эта форма хорошо объясняется как производная от и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)' при помощи суффикса *-bh-* : **ĝ(e)nŏbh-* со значением 'родной, родственный'. Она была вполне естественно использована, например, для обозначения 'мальчика (сына)' в нем. *Knabe*[52]. Использование этого же производного для обозначения дрожи, простудной лихорадки, т. е. недуга, тоже в природе вещей. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из примеров древних табу: лихорадочная дрожь, воспринимавшаяся как действие злых сил, эвфемистически называлась 'родная', 'родственная'. Таких эвфемизмов среди народных названий болезней известно много. Доводом в пользу приведенного предположения может служить факт употребления глагола *знобить* только в безличных конструкциях: *его знобит*, ср. порожденные теми же представлениями: *лихорадит*, *громом убило*.

В этой связи очень поучительна история слав. **zębali* и **zębnǫti*. Значение первого — 'прорастать, расти', ср. русск. *прозяба́ть*[53], сербск. *зѐбати* то же, сюда же русск. *зябь* 'поле, вспаханное осенью для посева весной'. Сравнение с литовск. *žémbėti* 'прорастать' показывает древность названных значений. В форме и.-е. **ĝembh-*, которую обычно указывали как исходную, мы опять-таки видим **ĝenbh-*, **ĝenəbh-*, причем на этот раз развитие значений слишком очевидно: 'рождаться, быть рожденным' > 'прорастать, давать ростки'.

Русск. *зя́бнуть* и родственные, несомненно, того же происхождения, что и **zębati*. Их внешняя близость достаточно ясна: *зя́бнуть* — форма с суффиксом *-ну-* (*-nǫ-*) от этой же глагольной основы. Менее выяснены смысловые отношения слов *зябнуть* 'мерзнуть' — *прозябать* 'расти'. Значение 'мерзнуть', несомненно, вторично, о чем говорят точные индоевропейские этимологические связи слова. Было бы неправильно разбивать это единое этимологически слово на два омонима, что чувствовал уже Миклошич[54]. Искусственный характер поисков для *зябнуть* 'мерзнуть' «своей» этимологии тоже очевиден. Сравнению *зябнуть* с *зима* мы предпочтем достоверное сближение

[52] Оригинальное местное развитие значения представлено в укр. диал. *зазнобка* 'шрам, ожог', 'позор' (*Є. Желеховский*. Малоруско-німецкий словар. Т. I. Львів, 1886. С. 245).

[53] Из старославянского, см. *А. Преображенский*. Т. I. С. 259—260.

[54] *F. Miklosich*. С. 400 ff.

зябнуть (вместе с *-зябать*) с литовск. *žémbėti*. Родство форм *знобить* : *зябнуть* не оставляет сомнений, но их следует объяснять не как чередование *ne* : *ņ* [55], а скорее как варианты одного корня *zno-* : *zen-*, восходящего к индоевропейским формам со значением 'рождать(ся)'. В пользу предположения варианта *zen-* в *зябнуть* говорит старая акутовая долгота, которая была бы несовместима со ступенью редукции ņ̥: литовск. *žémbėti*, русск. *зя́бну*, *зя́бнуть* с неподвижным ударением. Вторичный перенос значений (→ 'мерзнуть') либо аналогичен переносу в случае с *знобить*, либо объясняется абстракцией от конкретного значения, связанного с земледелием: вспашка, посев в начале холодной поры, прорастание в холодную пору > 'мерзнуть вообще', в сербском даже 'бояться'.

Наконец, сюда же слав. *zǫbъ* 'зуб', литовск. *žam̃bas* 'край', др.-исл. *kambr* 'гребень' санскр. *jámbha-* 'челюсть'. Их обычно объясняли из **ĝombho-s* 'зуб, орудие раздробления' [56]. Эта этимология не может считаться точной. Нетрудно прежде всего заметить, что предположенное первоначальное значение совершенно не объясняет всех исторически засвидетельствованных значений, ср. литовск. *žam̃bas* 'край', нем. *Kamm* 'гребень'. К тому же древнее индоевропейское название зуба широко известно в совершенно иной форме. Поэтому **ĝombho-s* точнее объясняется из **ĝon-bho-s* с вокализмом *o*, к тому же *ĝen-* 'рождать(ся)': **ĝon-bho-s* 'выросшее' > 'выступ', ср. значение 'край' в литовском, 'гребень' в германском, факультативное в некоторых индоевропейских диалектах — 'зуб', вытеснившее старое название. Такое семантическое развитие имеет много близких аналогий, ср. выше примеры 'расти' > 'высокий' [57]. На связь слав. *zǫmъ*, греч. *γόμφος*, санскр. *jámbha-* с **ĝen-* через **ĝon-bho-s* указывал еще Г. Гюнтерт [58], но в его рассуждении известные нам отношения поставлены на голову: видя в греч. *γόνυ* 'колено', *γένυς* 'подбородок' древнее значение 'угол, изгиб', Гюнтерт объясняет из последнего значение 'род' как вторичное (!).

Наконец, ст.-слав. **зѧбѫ** 'dilacerare' [59] стоит в прямой связи со ст.-слав. **зѫбъ** 'зуб'. Точно так же вторично значение др.-инд. *jambháy-*, авест. *zembay-* 'дробить', обусловленное влиянием упомянутого *jámbha-*.

---

[55] Как предлагает Ю. Курилович (*J. Kuryłowicz*. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956. P. 117).

[56] *А. Преображенский*. Т. I. С. 258, там же дана литература вопроса.

[57] Ср. *P. Skardžius*. Op. cit. С. 28 (литовск. *žémbėti* 'прорастать': *žam̃bas* 'край').

[58] *H. Güntert*. Weiteres zum Begriff «Winkel» im ursprünglichen Denken // WuS. Bd. 11. 1928. S. 124 ff., 136.

[59] *F. Miklosich*. С. 400.

Из истории и.-е. **ĝen-*, *ĝenə*

1. К развитию значений рождать(ся)' > 'знать'

Общеиндоевропейскому словарю известны, на первый взгляд, различные основы **ĝen-* 'род, рождаться' и **ĝen-* 'знать'. Глубокие семантические различия, а также самостоятельное развитие обеих основ во всех индоевропейских языках побудили большинство лингвистов считать их случайными омонимами[60]. Соответственно этому обычно полагают, что балто-славянский язык совершенно утратил **ĝenə-*, **ĝnē-* 'рождать(ся)', сохранив только **ĝenə-*, **ĝnē-* 'знать'[61].

Однако почти полное тождество и.-е. **ĝen-* I и **ĝen-* II вплоть до отдельных форм служило постоянным источником сомнений в верности их разграничения. Сомнения эти высказывались неоднократно и с разных точек зрения. К. К. Уленбек[62] считает вероятным для них общее древнейшее значение 'мочь, быть в состоянии'. Г. Гюнтерт[63] определенно видит в них единую основу, исходя, однако, из ошибочных положений (см. выше). Подробно резюмирует состояние этого вопроса в литературе А. В. Исаченко[64], одновременно предлагающий на основании некоторых новых материалов оригинальное решение. Исаченко высказывает справедливое сомнение в реальности исконно-раздельного существования и сохранения двух столь тождественных в своих формах слов. Он подчеркивает специальную заслугу Д. Томсона в установлении семантической близости понятий 'знать' и 'родиться'[65]. Решающей при этом А. В. Исаченко считает вслед за Д. Томсоном близость понятий 'знак', 'имя' и 'родство, род, родить'. Томсон акцентирует тот факт, что член рода знает своих сородичей по родовому знаку. Соответственно этому и Исаченко обращает главное внимание на связь и.-е. **ĝenos* 'род' и **ĝenə-mn̥* 'родовой знак; члены рода, объединенные общим родовым знаком'[66]. В принципе не вызывает возражений мысль Исаченко о том, что «но-

---

[60] Ср. *O. Bremer*. Germanisches Ē // Beiträge. Bd. 11. 1886. S. 277; *F. A. Schröder* // Beiträge. Bd. 43. S. 495 ff.; *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch... S. 316—317; *Walde, Pokorny*. Bd. I. S. 578; *J. Pokorny*. C. 373, 376.

[61] *A. Meillet*. Les origines du vocabulaire slave // RES. T. 5. 1925. P. 6.

[62] *C. C. Uhlenbeck*. S. 98.

[63] *H. Güntert*. Op. cit. S. 130 ff. В омонимичности **ĝen-I* и **ĝen-II* сомневается А. Мартине (*A. Martinet*. Non-Apophonic *ŏ* in Indo-European // Word. Vol. 9. 1953. P. 258).

[64] *A. V. Isačenko*. Príspevok k štúdiu najstarších vrstiev základného slovného fondu slovanských jazykov // Studie a práce linguistické na počest... B. Havránka. I. Praha, 1954. C. 114—130.

[65] *G. Thomson*. Aeschylus and Athens. London, 1950. P. 429—430, примеч. 58.

[66] *A. V. Isačenko*. Príspevok k štúdiu... S. 122.

вейшие исследования в области родового устройства индоевропейцев показывают тесную связь как семантическую, так и материальную между понятиями 'род' и 'родовой знак'»[67]. Вместе с тем важность, которую он придает именно понятию родового знака в генезисе значений 'знать', представляется нам преувеличенной. Выходит, что 'знаю' (*ĝnō-) первоначально имело смысл: 'знаю по родовому знаку'.

Этот ход мыслей нельзя назвать удачным прежде всего потому, что он отнюдь не вытекает с необходимостью из известных фактов, которые говорят о происхождении значения 'знать' и всех близких вторичных значений, включая и названия родового знака, из значения 'род, рождаться' (в данном случае речь идет только о семантическом развитии индоевропейской основы *ĝen-, а не обо всех случаях происхождения терминов 'знать' в индоевропейских языках). В то же время мысль о первичности значения 'родовой знак' ничем не подтверждается. Исторически несомненное существование таких знаков, понятно, само по себе ни к чему не обязывает при исследовании истории значения 'знать'. Несколько предвзято выглядит также стремление видеть в образованиях с *-men/mn̥*, более того — в самом суффиксе *-men/mn̥* древнее значение 'знак'[68]. Во-первых, область применения *-men/mn̥* в индоевропейском несравненно шире, ср. древние, отнюдь не аналогические образования и.-е. **ĝhei-mn̥* 'зима', **sreu̯-mn̥* 'поток': греч. *ῥεῦμα*, фракийск. *Στρυμών*, польск. *strumień*. Очевидно также, что слав. *znamę* 'знак, метка' имеет вторичное значение, если учесть древность типа *-men/mn̥*, ср. этимологически тождественное лат. *germen* 'зародыш', а не 'родовой знак' — из **gen-men* < **genə-mn̥*, типично отглагольного имени: **ĝemə-* 'рождаться'. Во-вторых, нет никаких оснований для поисков знаменательного значения у и.-е. **men/mn̥*, которое относится к числу древнейших словообразовательных формантов индоевропейского. Это так же бесполезно, как, например, видеть вместе с Г. Хиртом в суффиксальном оформлении и.-е. **ĝenos*, род. п. ед. ч. *ĝenesos* следы и.-е. **es-* 'быть'.

На основании вышесказанного нам представляется необходимым для выяснения реального генезиса значения 'знать' указать, что между ним и значением 'рождаться' не стояли какие-либо названия родового знака. Напротив, значение 'знак' вторично, оно произведено в ряде случаев от основы с уже сложившимся значением 'знать', ср. слав. *znakъ*, литовск. *žénklas*[69]. Значения 'рождаться ~ быть в родстве' и 'знать' связаны непосредственно.

Об этом говорит интересная особенность словоупотребления, не случайно хорошо сохранившаяся в ряде индоевропейских языков. Изучение истории

---

[67] Там же.

[68] *A. V. Isačenko*. Príspevok k štúdiu… S. 122.

[69] Повторяем, что это никак не ставит под вопрос существование и важность самих родовых знаков.

употребления термина 'знать' позволяет установить отличные сферы употребления для разных индоевропейских основ со значением 'знать'. Так, наряду с *$\hat{g}$*enə-* 'знать' индоевропейские языки знают другой важный корень: **u̯oid-*, ср. греч. *οἶδα*, слав. *věděti* и родственные. Сравнение *$\hat{g}$*enə-* и **u̯oid-* показывает, что они не были синонимичны и четко разграничивались в употреблении. Приведем несколько характерных примеров из разных индоевропейских языков. По-гречески в выражениях 'знать человека' выступал обычно только глагол *γιγνώσκω*, продолжающий *$\hat{g}$*nō-*: *γιγνώσκειν τόν Λύσανδρα, γιγνώσκειν τόν ἄνδρα*, но не *οἶδα τον ἄνδρα*. Последнее — греч. *οἶδα* — достаточно ясно обнаруживает «вещное» значение: 'знаю что' [70]. Это довольно последовательное употребление *$\hat{g}$*nō-* 'знать', не смешивавшееся первоначально с функциями **u̯oid-* 'знать', прослеживается и в других индоевропейских языках, в том числе в современных. Так, известным правилом немецкого языка является словоупотребление, аналогичное греческому: *ich kenne den Menschen* 'я знаю (этого) человека', где *kennen* восходит к тому же *$\hat{g}$*(e)nō-*, что и *γιγνώσκω*. Немецкий, сохранивший очень активный рефлекс и.-е. **u̯oid- wissen*, до сих пор использует *wissen* только в исконном «вещном» значении, а *kennen* — в описанных типичных ситуациях. В отдельных славянских языках также сохранились определенные сферы употребления индоевропейских основ: польск. *znam tego człowieka*, но *wiem co mie czeka*, чешск. *znám teho člověka*, но *vím, co mě čeká*.

Нарушения отмеченного древнего разграничения происходили в порядке экспансии рефлексов *$\hat{g}$*en-*, *$\hat{g}$*nō-* 'знать' в семантическом отношении за счет рефлексов **u̯oid-* в различных «вещных» значениях последнего, ср. нем. *ich kenne das Buch*. Употребление рефлексов и.-е. **u̯oid-* соответственно сокращалось в ряде индоевропейских языков, в одних незначительно, в других весьма последовательно, примером чего являются русский и английский с их абсолютным употреблением в обоих значениях в первом—глагола *знать*, во втором — родственного *know*. Уже эти наблюдения показывают, что мы имеем дело с закономерными отношениями.

Следует вывод: если и.-е. *$\hat{g}$*enə-*, *$\hat{g}$*(e)nō-* 'знать' исконно употреблялось в индоевропейском только в словосочетаниях типа 'знаю человека' (в отличие от **u̯oid-*), то в этом нужно видеть еще один весьма веский довод в пользу этимологического происхождения *$\hat{g}$*en-* 'знать' от *$\hat{g}$*en-* 'рождать, рождаться, быть родственным'. Примерное развитие значений: 'быть родственным, единокровным [человеку]' > 'знать [человека]'. Таким образом, *$\hat{g}$*en-* II 'знать'

[70] В менее ясных случаях, где *οἶδα* как будто выступает в значении 'знаю человека' (ср. *ᾔδεσαν αὐτόν τεθνηκότα* 'знали, что он умер'), на самом деле представлена типично греческая конструкция с двумя винительными, выражающая прежде всего отношение *οἶδα* к факту, событию, а не к человеку непосредственно: 'знали, что умер'.

обозначало, по-видимому, знакомство между людьми, первоначально как родовую, кровнородственную близость. Для большей ясности приведем один интересный санскритский пример, использованный в свое время В. Шульце [71] для подкрепления мысли об этимологической связи санскр. *jñāti* 'родственник' и *jñā* 'знать' (к сожалению, без каких-либо дальнейших комментариев): *puruṣam upatapinam j ñ a t a y a ḥ paryupāsate j ā n a s i mām j ā n ā s i māmiti* 'Вокруг смертельно больного человека сидят его родственники (*jñātayaḥ*) и спрашивают его: «Узнаешь ты меня? Узнаешь ты меня? (*jña*)». Таким образом, термин 'знать' оказывается связанным с древнейшим термином родства, родового строя. История наиболее важных индоевропейских терминов 'знать' сводится к следующей схеме:

*ĝen- I 'рождаться, быть в родстве' → *ĝen-II 'знать [человека]';
*u̯eid- 'видеть' → *u̯oid- 'знать [вещь]' [72].

Следовательно, кроме удивительного единства форм *ĝenə-I и *ĝenə- II, о реальности единого древнего и.-е. *ĝenə- 'рождаться' свидетельствует также четкое семантическое развитие, вызвавшее позднейшую дифференциацию двух *ĝenə-, которая принципиально не отличается от общепризнанной дифференциации *u̯eid- и *u̯oid-.

Попутно отметим тот интересный факт, что индоевропейский язык, как видно, не знал единого абстрактного термина 'знать'. Об этом говорит явно вторичное происхождение обоих терминов 'знать', которые восходят к специальным конкретным обозначениям. Такое положение вполне соответствует материалистическому закону познания в простейшей форме: от состояния (*ĝen- 'быть в родстве') или ощущения (*u̯eid- 'видеть') — к знанию, представлению (*ĝen- 'знать', *u̯oid- 'знать'). Другие примеры подобного развития: и.-е. *sekᵘ-, лат. *sequor*, греч. ἕπομαι 'следовать', литовск. *sekti* 'следить', слав. *sočiti* 'указывать', 'искать', нем. *sehen* 'видеть' [73] — ср. хеттск. *sak-* 'знать'; хеттск. *u-*, *au-*, *auš-* 'видеть': слав. *umъ*, русск. *ум* < *ou-mo-s*, ср. также слав. *uměti* 'уметь, знать'.

След старого значения и.-е. *ĝen-I сохраняется в старом собирательном с суффиксом *-ti-*: слав. *znatь*, русск. *знать* 'известные, знатные, родовитые люди' [74], которое А. Матль [75] правильно сближает с др.-в.-нем. *knuot* 'род', санскр. *jñātiḥ* 'родственник'.

---

[71] *W. Schulze.* Lesefruchte // KZ. Bd. 63. 1936. S. 113.

[72] Ср. *Hanns Oertel.* Idg. *voída* 'ich habe gesehen' = 'ich weißi' // KZ. Bd. 63. 1936. S. 260 ff., там же указана литература вопроса.

[73] Сюда же с вторичным значением литовск. *sakyti*, нем. *sagen* (из прагерм. *sahán*, согласно закону Вернера) 'говорить'.

[74] Ср. *J. F. Lohmann.* Das Kollektivum ira Slavischen // KZ. Bd. 58. 1931. S. 209.

2. К проблеме образования названий частей тела

Эта проблема затрагивается здесь постольку, поскольку она связана с историей терминов 'рождать', в первую очередь *$\hat{g}$enə-. Этот вопрос в высшей степени интересен, кроме того, он нуждается в критическом освещении, потому что суждения в литературе по этому поводу довольно противоречивы. Сюда относится не только определенный момент истории и.-е. *$\hat{g}$enə- 'рождать', но и совершенно аналогичный момент истории и.-е. *k^uel- 'происходить' и некоторые близкие явления в истории значений других основ. Здесь для удобства изложения, а также ввиду важности и.-е. *$\hat{g}$enə- проблема образования ряда названий частей тела рассматривается как второй из разбираемых моментов истории и.-е. *$\hat{g}$enə- 'рождать'.

В литературе, как правило, и.-е. *$\hat{g}$en- 'рождаться' отделяется от *$\hat{g}$enu-, *$\hat{g}$ōnu-, *$\hat{g}$onu-, *$\hat{g}$neu-, *$\hat{g}$nu- 'колено', а также от названий других частей тела, содержащих *$\hat{g}$en-, ср. лат. *gena* 'щека', др.-инд. *hanu-ḥ* 'подбородок', нем. *Kinn* то же, готск. *kinnus* 'щека'[76]. Но это не единственная точка зрения. Так, еще Я. Гримм объединял греч. *γόνυ* 'колено', *γένυς* 'подбородок' не только с *$\hat{g}$en- 'рождать', но и с *$\hat{g}$en- 'знать'. Р. Бак[77] пытается обосновать это сравнение очень остроумной аналогией. Он указывает на существование египетского иероглифа 'рождать, рождение, беременность', который представляет собой изображение стоящей на коленях рожающей женщины, что должно отражать обычное положение египетской роженицы. Р. Бак ссылается на мнение гинекологов, что такое положение при родах — самое естественное, указывая при этом на широкую его распространенность в античной древности и позднее в народных массах разных стран. На основании этого Р. Бак заключает, что в сознании и языке древних индоевропейцев 'роды, рождение' было запечатлено как 'коленопреклоненное положение' ('Knien') по характерному внешнему признаку. Отсюда и глагол 'рождать', ср. франц. *accoucher* 'рождать, родить', собств. 'лечь в постель'. Р. Бак обращает внимание на любопытный факт отсутствия индоевропейского глагола 'стоять на коленях', который, например, есть в немецком: *knien*.

---

[75] *A. Mátl.* Abstraktní význam u nejstarších vrstev slovanských substantiv (kmenu souhláskových) // Studie a práce linguistické na počest... B. Havránka. I. Praha, 1954. S. 137.

[76] *F. Kluge.* Sprachhistorische Miszellen // Beiträge. Bd. 8. 1882. S. 527—528; *он же.* Sprachhistorische Miszellen // Beiträge. Bd. 9. 1884. S. 193; *A. Walde.* Op. cit. S. 337, 339; *Walde, Pokorny.* Bd. I. C. 586—587; *J. Kuryłowicz.* Études indoeuropéennes. I. P. 7; *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch... S. 312.

[77] *R. Back.* Medizinisch-Sprachliches // IF. Bd. 40. 1922. S. 162—167; ср. еще *J. Klek.* Nachträgliches // IF. Bd. 44. 1927. S. 79—80.

Сообщение Р. Бака подкупает своим остроумием, обилием фактов. Оно безукоризненно в семантическом отношении, чего никак нельзя сказать о попытках других авторов исходить в этимологическом объяснении названий частей тела и терминов 'рождать' с основой **ĝen-* из маловероятного значения 'угол, изгиб'. Однако согласиться с объяснением Р. Бака не позволяют другие, не учтенные им факты. Если признать развитие значений **ĝen-*: 'колено' > 'стоять на коленях' > 'рождать' то названия других частей тела (ср. лат. *gena* 'щека', нем. *Kinn* 'подбородок'), связь которых с упомянутым **ĝen-* нельзя отрицать, останутся без объяснения или придется прибегать к разного рода натяжкам. Ведь о переходе значений 'колено' > 'подбородок', 'щека' вряд ли можно говорить всерьез. Близкие к Р. Баку наблюдения опубликовал З. Шимоньи [78], не сообщающий никаких новых фактов. Согласно Шимоньи, 'колено' > 'род'. В одном только с ним следует безусловно согласиться: «для родства *genus* 'род' и *genu* 'колено' нет, как видно, ни фонетических, ни семантических препятствий» [79]. Р. Мерингер [80] тоже склонен придавать слишком большое значение названию колен в развитии всех прочих значений и.-е. **ĝen-*.

Мнения авторов в деталях весьма различны. Э. Бенвенист [81] увязывает согдийское *z'tk* 'сын' и *z'nwk* 'колено', понимая первое как 'fils du genou', ср. аналогичные др.-ирл. *glún-daltae* 'nourrisson du genou' и др.-сакс. *cnéo-mœg* 'parent direct', отражающие обычай, по которому отец, признавая ребенка законным, сажает его себе на колени. Э. Бенвенист, в частности, высказывается против связи с рождением и сомневается в приемлемости объяснения Р. Бака. Об описанном обычае признавать ребенка законным, сажая его на колени, говорит А. Мейе [82], производя лат. *genuīnus* 'законнорожденный' не от *genus* 'род', а от *-u*-основы *genu* 'колено', отрывая последнее от названий 'род, рождать'. При этом А. Мейе не замечает, что отмеченное И. Фридрихом [83] и приводимое им самим хеттск. *genu* ед. ч. 'половой орган' (мн. ч. 'колени') скорее свидетельствует о неисконности значения 'колено' и о связи с **ĝen-* 'рождать'. О значительном интересе лингвистов к словообразовательным отношениям этих форм свидетельствует тот факт, что в одном только 27-м томе «Бюллетеня Парижского лингвистического общества» были под-

[78] *S. Simonyi.* Knie und Geburt // KZ. Bd. 50. 1922. S. 152—154.

[79] Там же.

[80] *R. Meringer.* Spitze, Winkel, Knie im ursprunglichen Denken // WuS. Bd. 11. 1928. S. 118 ff.

[81] *E. Benveniste.* Un emploi du nom du «enou» en vieil-irlandais et en sogdien // BSL. T. 27. 1926. S. 51.

[82] *A. Meillet.* Lat. genuīnus // BSL. T. 27. 1926. S. 54—55; Ernout, Meillet. T. I. P. 485—486.

[83] *J. Friedrich.* Einige hethitische Etymologien // IF. Bd. 41. 1923. S. 372 ff.

ряд помещены три статьи, анализировавшие соответствующие формы: Э. Бенвениста, А. Мейе и М. Каэна. М. Каэн [84], имея в виду все тот же обычай признания ребенка своим, приводит материал из германских языков: др.-исл. *setja í kné* 'сажать на колени' > 'усыновлять', *knésetja* 'усыновлять', *knésetningr* 'приемный сын' — примеры счета кровного родства коленами в германском, в чем М. Каэн видит, однако, лишь использование названия колена. Он считает также, что герм. **knewa-* 'колено' лишь позднее было вовлечено в семантический круг **kunja* 'род'. Далее М. Каэн предлагает на выбор две гипотезы, которые должны объяснить роль колена в терминологии родства: 1) от употребления в значении 'узел' в народной речи, ср. др.-исл. *kné* 'узел, сплетение' или 2) от сравнения родственных связей со связями, которые существуют между частями тела; причем сам Каэн присоединяется ко второй точке зрения.

Не говоря уже о чисто лингвистических возражениях, существо которых ясно из сказанного выше, методологически неверна сама мысль о метафорическом переносе названия 'колено' на различные отношения родства. Во-первых, потому, что одним метафорическим употреблением слова из иной семантической группы лексики просто невозможно объяснить последовательность словообразовательных связей между соответствующими терминами — 'род, рождать': 'колено' — в различных индоевропейских языках (причем, не только в случае с и.-е. **ĝen-*). Ясно, что такую последовательность можно истолковать только как древнюю этимологическую связь между **ĝen-* 'род, рождать' и **ĝen-* 'колено'. Во-вторых, было бы просто неосторожно предполагать без достаточных оснований для древнеиндоевропейской родовой терминологии картинную метафоричность, которая подстать Менению Агриппе в «Кориолане» Шекспира, сравнивающему в изысканном монологе отношения социальных слоев римского общества с отношениями между различными частями тела. И опять-таки исследователи вместе с М. Каэном не смогут объяснить образование несомненно родственных названий других частей тела: греч. *γένυς* 'щека, подбородок, челюсть', *γνάθος* 'челюсть', литовск. *žándas* 'челюсть, скула', готск. *kinnus* 'щека', лат. *gena* 'щека', нем. *Kinn* 'подбородок'.

Тем не менее этимологическая связь между **ĝen-* 'рождать(ся)' и всеми этими названиями частей тела налицо. Она основана на том же семантическом развитии, что и в случае с **ĝonbho-s*, литовск. *žam̃bas*, слав. *zǫbъ*: 'рождаться' > 'вырастать' > 'выросшее, выступ'. При этом знаменательна некоторая семантическая неустойчивость, незакрепленность, проявляющаяся почти во всех образованиях такого рода. Они обозначают то щеку, то че-

[84] *M. Cahen*. «Genou», «adoption» et «parenté» en germanique // BSL. T. 27. 1926. S. 56—57.

люсть, то скулу, то подбородок, колеблясь даже в пределах одного языка, потому что все они восходят к более общему значению. Шире остальных представлено значение 'колено', закрепленное в большинстве случаев за характерным *u*-производным **ĝenu-*, **ĝonu-*, **ĝeneu-*.

Аналогичные явления наблюдаются в истории и.-е **kᵘel-* 'вертеться, происходить'. На примере этой аналогии отчетливо виден вторичный характер названий частей тела. Так, балто-славянский рефлекс **kᵘel-* имеет оба значения — 'происходить, рождаться': 'колено', как **ĝen-* в индоевропейском; в то же время отношение греч. *πέλομαι* 'происхожу': *κέλωρ* 'сын' при отсутствии родственного названия колена в греческом убедительно демонстрирует отсутствие необходимости в метафоре 'колено' > 'род', 'родственные отношения'. Как в том, так и этом случае в основе соответствующих названий частей тела лежат термины 'происходить, рождаться, род'. Обратное направление развития менее вероятно.

Следы и.-е **ĝen-* в славянском, по-видимому, не ограничиваются приводившимися примерами. Назовем предположительно еще чешск. *naznak* 'навзничь, на спину' (например, упасть), недостаточно ясное. Его членение: *na-znak*, ср. польск. *wznak*, *nawznak*, болг. *вѫзнак* то же. Возможно, оно восходит к **ĝ(e)nō-* в значении 'спина, позвоночник', т. е. часть тела, а в конечном итоге — к **ĝen-* 'рождаться'. По характеру распространения основы ср. нем. *Knochen* 'кость' < **ĝ(e)no-k-*, ср.-в.-нем. *knoche*, которое мы также относим к **ĝen-*. Подобное развитие значения ср. у и.-е.**ost-*, хеттск. *ḫaštai* 'кость': *ḫaš-* 'производить, рождать'. Толкование чешского слова у И. Голуба — Фр. Копечного [85], которые сопоставляют его с др.-инд. *nākas* 'небо', маловероятно. В то же время слав. *zveno*, русск. *звено*, которое И. Миккола [86] относил к греч. *γόνυ* 'колено', по-видимому, лучше объяснено А. Вайаном, возводящим его к **ĝhu-s* 'рыба', ср. русск. *звено рыбы* [87].

Нам представляется возможным определить в этой связи также этимологию русск. *зеница*, сербск. *зјѐница*, словенск. *zenica*, чешск. *zenice* 'зрачок глаза', др.русск., ст.-слав, **зѣница** '*κόρν*'. Переход к значению 'зрачок' не является уникальным в семасиологическом отношении, ср. лат. *pupilla* при *pupus* 'мальчик, дитя'. В таком случае мы имели бы в ст.-слав. **зѣница** и родственных еще один весьма интересный пример сохранения в славянском и.-е. **ĝen-* 'рождать'. Происхождение долготы (**ѣ** < *e*), видимо, коренится уже в конкретных условиях славянского словообразования в данном случае. Старая этимология — **зѣница**: *зевать*, *зиять* [88] — совершенно неудовлетворительна

---

[85] *Holub—Kopečný*. С. 240.
[86] *J. J. Mikkola*. Slavica // IF. Bd. VI. 1836. S. 351—352.
[87] *A. Vaillant*. L'ancien nom slave du «poisson» // RÉS. T. XVIII. 1938. P. 246—248.
[88] *M. Vasmer*. REW. Bd. I. S. 453.

в фонетическом отношении. Эти слова могли затем сблизиться по смыслу, ср. польск. *źrenica*, полученное в результате контаминации с группой слав. *zьrěti*.

Разберем несколько названий частей тела, распространенных в отдельных индоевропейских языках, которые ведут свое происхождение от и.-е. **kᵘel-* 'происходить'. Такие формы, известные различным индоевропейским языкам, прежде всего типичны для балто-славянского, почти не сохранившего в этой функции производных от и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)' (возможные исключения описаны выше). Названия частей тела, восходящие к **kuel-*, весьма различны по своим значениям и форме объединяются вокруг нескольких основных типов.

Слав. *čelo* 'лоб', ст.-слав. **чело**, русск. *чело́*, сербск. *чѐло* ср. р., вероятно, < и.-е. **kuelóm* ср. р., т. е. формально — того же типа, что и слав. *sъto*, русск. *сто*, греч. *ἑ-κατόν* < и.-е **k̂m̥tóm*, слав. *jьgo*, словенск. *igǫ̑*, греч. *ζυγόν* < и.-е **i̯ugóm*. В пользу такого предположения говорит и акцентологическая характеристика этих слов. Этимологически родственны и морфологически тождественны славянскому *čelo* греч. *κόλον* 'кишки' (Аристофан, Всадники, 455)[89], *κῶλον* 'член' — тоже существительные среднего рода на *-n* (ударение отлично от окситонированного типа русск. *чело́*). Предположение о наличии в слав. *čelo* *-es*-основы (ср. ст.-слав. **челесьнъ**[90]) неосновательно, так как последняя форма может быть аналогического происхождения (ср. ст.-слав. **тѣлесьнъ**[91]). О возможности вторичного развития *–es*-основ говорит ст.-слав. род. п. ед. ч. **нжесе** — **иго**, при греч. *ζυγόν*. Ударение русск. *чело́*, согласное с ударениями других индоевропейских имен среднего рода на *-óm*, тоже противоречит предположению об *-es*-основе. Известно, что основы среднего рода на согласный, в частности *-es-*, были баритонными и обычно сохраняют это старое место ударения[92]. Тогда должно было бы быть русск. **чéло*, ср. *нéбо*, греч. *νέφος* < **nébhos*; *слóво*, греч. *κλέος* < **kleu̯os*[93].

Интересным производным от **kᵘel-* является слав. *kolěno*, русск. *колéно*. Исследователи выделяют в нем суффикс *-ěno*(*-ēno*), делая оговорку о редкости подобных образований: ср. еще *polěno*, *timěno*[94]. Авторы отмечают этимологическую неясность этих слов. При таком положении коррективы в словообразовательном анализе неудивительны. Интересующее нас слав.

[89] Цит. по KZ. Bd. 61. S. 23—25.

[90] *W. Vondrák.* Bd. I. S. 175.

[91] Так, *A. Meillet.* Études. P. 235; ср. еще подобные примеры: *A. Mátl.* Op. cit. S. 150.

[92] Ср. *J. Kuryłowicz.* Accentuation. P. 210.

[93] Прочие сравнения см.: *E. Lewi.* Etymologien // KZ. Bd. 40. 1905. S. 561—562: ст.-слав. **чело**: лат. *calva* 'череп': греч. *κελέβη* 'кубок': др.-в.-нем. *scala* 'Hülse'.

[94] *W. Vondrák.* S. 419; *Н. Дурново.* Спорные вопросы общеславянской фонетики // Slávia. Roč. 6. 1927. S. 229, примеч. 15.

kolěno является, возможно, расширением первоначальной согласной основы на *-n-*, **kolę*, **kolene*, **koleni*, ср. *jьmę*, *jьmene*, *znamę*, *znamene*. Позднее слав. *kolę* > *kolěno*. Примеры такого расширения известны: чешск. *jméno*, укр. *знаменó*. Предположение о древней согласной *n*-основе **kolen-* подтверждается существованием греч. *κωλήν* 'плечевая кость', аналогичного по форме *λιμήν*, *λιμνος*, *ἄκμων*, *ἄκμονος*, *χειμών*, *χειμῶνος* — также *n*-основам. Наличие в слав. *kolěno*, укр. *коліно* *-ēn-* вместо *-en-* может быть результатом вторичной нормализации [95]. Ср. литовск. *kelẽnas* 'коленная чашечка' [96] наряду с *kẽlis* 'колено', более простым производным от **kᵘel-*, литовск. *kélti*. Кстати, П. Скарджюс специально указывает на происхождение суффикса *-ėna-* с *ė* долгим в литовском из согласных основ на *-en-* с *e* кратким.

Сюда же, далее ст.-слав. **чл҄ѣнъ**, русск. *член*, польск. *człon*, *członek* — все со значением 'член (тела)', но ср. сербск. диал. *cjên*, *cjȅnek* 'род' [97], из **čel-no-*, **kel-no-* [98]. Тот же корень в степени редукции видим в аналогичном производном слав. *čьl̥nъ*, русск. *челн*, укр. *чóвен*, польск. *czółn* 'лодка', собств. 'дерево, ствол', сюда же с вторым полногласием русск. диал. *челёнье* 'звено плота', мн. ч. *челёнья* [99], ср. с иным суффиксом литовск. *kelmas* 'пень', 'кустарниковое растение', 'злак'. Все эти, казалось бы, совершенно далекие друг от друга значения легко удается примирить, предположив семантическое развитие:

**kᵘel-* 'происходить; расти' → 'выросшее' → 'часть тела, член тела' / → 'растение, дерево, ствол'

Привлеченный выше ряд индоевропейских слов, объединяемых названным **kᵘel-* можно, очевидно, значительно пополнить. Например, Ф. Шпехт [100] сравнивает со слав. *kolěno*, литовск. *kẽlis*, греч. глоссовое *κόλσασθαι* 'просить' (Гесихий). Из славянского сюда же, возможно, слав. *čeljustь*: ст.-слав. **челюсть** '*σιαγόνες*', русск. *чéлюсть*, сербск. *чѐљуст*, польск. *czeluść* — слово, еще весьма неясное в словообразовательном отношении [101], которое А. Брюкнер [102] относит к *čelo*, *чело*.

[95] Ср. указание А. Вайана на возможность **-ēn/-en-* в флексии имен с согласной *-n-* основой как результат нормализации в самом славянском («Les noms slaves *en *-ēn-*» // Slávia. Roč. 9. 1930. S. 490—496).

[96] *P. Skardžius*. Op. cit. S. 238—239.

[97] *Mate Tentor*. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres // AfslPh. Bd. 30. 1908. S. 189.

[98] *W. Vondrák*. S. 414.

[99] Я слышал это слово неоднократно в Сталинграде от одного старого волжского сплавщика леса, выходца с верховьев Волги.

[100] *F. Specht*. Lateinisch-griechische Miszellen // KZ. Bd. 55. 1928. S. 19—20.

[101] *A. Meillet*. Études. P. 286.

[102] *A. Brückner*. Über Etymologien und Etymologisieren // KZ. Bd. 45. 1912. S. 35.

Изложенные выше фрагментарные наблюдения над развитием формы и значения производных от и.-е. *$k^{u}el$- представляются необходимыми, так как именно эти образования до последнего времени в этимологической литературе часто толкуются неправильно либо в сущности вовсе не толкуются, рассматриваются разрозненно, статически, без всякой системы. Так, Ю. Покорный в своем новом словаре под *kvel-*, *$k^{u}elə$- помещает без особых комментариев греч. *πέλω* и родственные, литовск. *kelỹs*, слав. *kolěno*, *kolo*[103]. При этом масса родственных слов выпадает из его поля зрения, а те, которые анализируются, остаются невыясненными в семантическом отношении.

Параллели такому семантическому развитию находим и в более поздних образованиях: русск. *живóт* 'abdomen' < 'vita', ср. отглагольный характер слав. *životъ* (к *živǫ*) и значение болг. *живóт*, чешск. *život* 'жизнь', ср. греч. *βίοτος* 'жизнь'; ср. еще русск. *рожа* 'физиономия, лицо' с совершенно аналогичным развитием значения от общего значения отглагольного имени к конкретному названию части тела — 'лицо': к *родить* (эта мысль есть и у Преображенского[104], однако он без надобности усложняет объяснение). В германском таким же путем образовано название печени — др.-в.-нем. *lebara*, нем. *Leber* — под сильным влиянием германского корня 'жить'— готск. *liban* и родственных, даже если допустить, что влиянию здесь подверглась форма, продолжающая и.-е. **i̯ekr̥*, **i̯eknos* (Греч. *ἧπαρ* и родственные) 'печень'. На это указывал еще А. Мейе[105], и нет поэтому никакого основания для того, чтобы вместе с Э. Бенвенистом объединять эти германские слова чисто формально с рефлексами **i̯ekr̥*, **i̯eknos* под общим и.-е. *(*l*)*i̯ekr̥*.

Остановимся теперь на некоторых общих терминах родовой организации, обозначающих различные виды родственных коллективов. Несмотря на то что речь будет идти о категориях древних, здесь также немало образований разновременных, отчасти поздних.

Слав. *plemę*: ст.-слав. **плема** '*σπέρμα*, semen', др.-русск. **плема, плѣма** 'потомство; семья, родня; племя, колено; народ, род', **племеньникъ, племяньник** 'родственник', русск. *племя*, словенск. *pléme*, *ęna* 1. 'Die Fortp flanzung eines Geschlechtes' 2. 'Der Zeugungsstoff, der Same', 3. 'der Schlag, die Race' и др. Слово не имеет надежной этимологии, в чем нужно согласиться с А. Мейе[106]. Это объясняется, видимо, возможностью двоякого толкования его фонетического развития. Так, фонетически вполне приемлема

[103] *J. Pokorny*. S. 639—640.

[104] *А. Преображенский*. Т. II. С. 210.

[105] *A. Meillet*. De la disparition des noms indoeuropéens de parties du corps en slave // RS. T. IX. 1921. P. 72.

[106] *A. Meillet*. Études. P. 424.

древняя форма **pled-men-*(*dm* > *m*)[107], однако вполне законно предположить также и древнюю форму **ple-men-*. Признание большинством лингвистов формы **pled*(*h*)-*men-* объясняется стремлением сопоставить ее со слав. *plodъ*, чему не препятствует ни фонетическая, ни смысловая сторона. Не лишне, однако, еще раз проверить сопоставляемый материал. И действительно, оказывается, что многие моменты в этом сопоставлении не учтены, учтенные же объяснены далеко не лучшим образом.

Известно, что образования на *-men-* в индоевропейском обычно являются отвлеченными отглагольными именами, для которых можно указать соответствующие глаголы. Какой же глагол соответствует слав. **pled-mę*? Слав. **plediti* неизвестно, *ploditi* носит слишком очевидный поздний деноминативный характер. Приходим, таким образом, к исходному *plodъ*. Другие индоевропейские языки располагают близкими формами: лат. *plēbēs*, *plēbs* 'народные массы', происходящее из **plē-dh-*[108], которое лежит также в основе синонимичного греч. *πλῆθος*, *πληθός* 'масса, толпа'. Слав. *plodъ*, вокализм которого, видимо, неисконен, восходит к **pledъ* < **pledh-*. Эти формы **ple-dh-*, **plē-dh-* содержат корень **ple-*, который мы в согласии с теорией индоевропейского корня, разработанной Э. Бенвенистом в «Origines de la formation des noms en indo-européen», поймем как вариант корня **pel-* в значении 'производить, рожать[109], возможно также — 'наполнять', что, однако, для нас здесь не имеет значения. Формант *-*dh*-, как это четко сформулировал для массы примеров Э. Бенвенист в названной книге, является суффиксом, характеризующим достигнутое состояние. Таким образом, **ple-dh* — это 'те, кто произведен, рожден', древнее собирательное название крупного человеческого коллектива, первоначально — родственного объединения, затем перенесенное на широкое политическое объединение, что более характерно для лат. *plēbs*, греч. *πλῆθος*, семантическое развитие которых аналогично позднему слав. *narodъ*.

Кроме того, **ple-dh-* — это также 'то, что родилось, произведено', почему оно оказалось удобным и для обозначения растительных плодов (слав. *plodъ* '*καρπός*').

Возвращаясь теперь к слав. *plemę*, отметим, что сомнения в обязательности формы **pledh-men-* усилились: отглагольные имена на *-men-* обычно образуются от чистой глагольной основы, вследствие чего гипотетическое

---

[107] См. *А. Преображенский*. Т. II. С. 72, там же дана основная литература вопроса; ср. также *J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. S. 159: *plemę* из *pled-men* к *plodъ*.

[108] *A. Walde*. Op. cit. S. 591; *Ernout, Meillet*. T. II. P. 909—910.

[109] Ср. алб. *pjel* 'производить, рождать' (*G. Meyer*. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. S. 342). Сюда же **po-pel-os*, лат. *populus* 'народ', см. *A. Walde*. Op. cit. S. 599.

**ple-dh-men-* (особенно когда нам известна древняя роль *-dh-*) лишено смысла. Остается предположить, что более вероятной древней формой слав. *plemę* было **ple-men-*, именное производное от **ple-/pel-*.

Специфика развития славянской терминологии выразилась в том, что и.-е. **pel-/*ple-* 'производить, рождать' не сохранилось в славянском. С таким значением выступило новообразование ст.-слав. **родити** и др. Это перераспределение в славянском оказало решающее воздействие на семантику новых славянских терминов, обозначающих родственные коллективы: *rodъ* и *plemę*. Термин 'рождать' является типично женским термином, откуда в некоторых славянских диалектах значение *rod* 'род жены' [110]. Наличием близкого названия 'рождать' обусловлено также общеславянское значение *rodъ* 'ближайшее родство' (: *roditi*). С другой стороны, слав. *plemę*, не имевшее соответствующего термина 'рождать' в славянском, с самого начала обнаружило тенденцию к расширению значения, откуда типичное для славянских языков соотношение *rodъ* 'ближайшее родство': *plemę* 'родственная группа в самом широком смысле'.

Названия семьи сохраняют формы, восходящие к древнеиндоевропейским корневым морфемам, но наряду с этим обнаруживают большое число новых образований разного характера. Первая их особенность является скорее использованием древних основ для образования новых терминов, поскольку не имеет смысла говорить о большой древности термина 'семья'. Такого термина не было все время, пока основной единицей был род, а также и значительно позже этого времени, причем использовались названия, оставшиеся еще от родового строя.

Весьма древним, хотя и спорадически представленным в славянском является название, хорошо сохраненное в русском: *семья́*. Тождественные формы засвидетельствованы также в древнерусском и старославянском: ст.-слав. **сѣминъ** '*ἀνδράποδον* mancipium,' **сѣмиꙗ** collect, '*ἀνδράποδα* mancipia', др.-русск. **сѣмиꙗ** 'челядь, домочадцы, рабы', 'семья, семейство', **сѣминъ** 'работник, слуга, домочадец' [111]. В русских диалектах интересно по своему значению олонецк. *семе́юшка*: «ласкательное название для супругов; жена для мужа *семья*, и муж для жены то же; надежной *семеюшкой* чаще зовут мужа» [112]. Очень близки латышск. *sàime* = ст.-слав. **сѣмьꙗ**, литовск. *šeimà*

[110] См. *Špiro Kulisie.* Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske // Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву. Историја и етнографiа. Свеска XI. 1956. С. 235 ff.

[111] Ср. *К. И. Ходова.* Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г. // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. IX. М., 1954. С. 202.

[112] *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. С. 106. В последнее время этими значениями занимался Сантери Анкерна, который видит в переносах

'семья', *šeimýna* 'челядь, домочадцы' [113], сюда же *šeiminiñkas* 'хозяин'. Сопоставление формы литовск. *šeimà*, латышск. *sàime* со ст.-слав. **сѣмиꙗ** указывает на происхождение из **k̑oim-*. Сравнение балтийских и славянских слов показательно и для понимания их семантического развития. Балтийский имеет в сущности только значение 'семья'. Это помогает выделить как вторичные значения 'рабы, слуги' [114].

В прочих славянских языках *sěmьja* вытеснено, сохраняются лишь незначительные следы, как, например, в старых польских именах *Siemirat*, *Siemowit*, *Siemomysł* [115].

В основе ст.-слав. **сѣмиꙗ, сѣм-** обычно выделяют суффикс *-m-* [116], с помощью которого она произведена от известного индоевропейского корня **k̑ei-* 'лежать'. Последнее значение могло использоваться для образования названий стоянки (или того, что лучше и точнее передается нем. *Lager*), поселения, жилища. Интересно, что производные от этого корня, обозначающие селение, жилье, известны в германском с суффиксом *-m-*; готск. *haims* 'селение', др.-исл. *heimr* 'родина, мир', нем. *Heim* 'дом, семейный очаг', в основе которых лежит та же производная форма, что и в слав. *sěmьja* [117]. В то же время производные с индивидуализирующим значением образованы с иным суффиксом *-u̯o-*: др.-в.-нем. *hīi(w)o* 'супруг', 'домочадец, слуга', *hīwa* 'супруга', латышск. *sìva* 'жена', сюда же лат. *cīvis* 'гражданин' [118]. В славянском эти четкие словопроизводственные отношения не удержались. Потребность в индивидуализирующих образованиях удовлетворялась новыми средствами, ср. ст.-слав. **сѣминъ, сѣмь**.

К слав. *sěmьja* примыкает еще одно интересное индивидуализирующее образование — слав. *sębrъ* [119]: др.-русск. **сѧбърь** 'сосед, член одной общины', также **шабьръ, шабърь** то же, до последнего времени довольно широко

слова семья эвфемистическое употребление (*Santeri Ankeria*. Beseda «semja» v ruskich bilinah // Slavistična revija. Letn. IV. № 1/2. Ljubljana, 1951. S. 87—92).

[113] *И. Эндзелин*. Славяно-балтийские этюды. С. 196; *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 204, 269, 337. *R. Trautmann*. BSW. S. 300—301.

[114] См. специальную работу: *Б. А. Ларин*. Из истории слов. Семья // Сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы». ЛГУ, 1951. С. 195—197.

[115] *A. Brückner*. S. 489.

[116] *A. Meillet*. Études. P. 428.

[117] Ср. *A. Jóhannesson*. Isländisches etymologisches Wörterbuch. S. 195 ff.

[118] Примеры см. *Walde—Pokorny*. Bd. I. C. 358 ff.; *K. Mūlenbach*. III. S. 635, 861. Сюда же, к и.-е. **k̑ei-*, относится вариант с велярным *k*: литовск. *kiẽmas* 'двор', *káimas* 'деревня'.

[119] См. *Б. Ляпунов*. Семья, сябр — шабёр. Этимологическое исследование // Сборник в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928 (с указанием более ранней литературы).

представленное в русских диалектах: курск. обоянск. *себёр* 'крестьянин, участвующий в общественных собраниях', *себро́вщина* 'общество одного селения', *се́бриться* (тверск. осташк.) 'присосеживаться, подбираться' [120], рязанск. *сябё́р* 'товарищ, пайщик, равноправный с другим хозяин' [121], смоленск. *сябёр* 'здоровый, дородный детина' [122], олонецк. *сябра́*, *себра́* 'община, артель, общее дело', *подсебритце* 'подделаться' [123], ср. еще белор. диал. *ся́бар* 'товарищ' [124]. В русском слово представлено богатым числом примеров. Известна и другая диалектная разновидность слова: *шабёр*, отраженная еще в древних памятниках. Анализ значений в древнерусском и русском позволяет выделить наиболее существенные стороны значения слав. *sębrъ*: территориальная общность, общность в работе (не считая, конечно, случаев переосмысления, как в смоленских говорах). Эти интересные значения древнего производного от слав. *sěmьja* сильно отличают его от русск. *семья*. Поскольку нам знакомо развитие значения этого последнего, есть основания думать, что слав. *sębrъ* сохранило более древнее значение, предшествовавшее позднейшему узкому 'семья'.

Несколько слов о фонетическом облике слав. *sębrъ*: русск. *сябёр*, *сябры́* (др.-русск. **сѧбьръ**), др.-сербск. *себрь* 'plebejus', сербск. *сȅбар* 'земледелец' [125] предполагают достаточно убедительно форму *sębrъ*, известную лишь части славянских языков. К этой же древней форме восходит интересная диалектная форма русск. *шабёр*, *шабры́*. Считается, что это диалектное изменение *с* > *ш* в русском ведет свое начало от неразличения обоих звуков в результате проникновения в русский язык западнославянских — «ляшских» элементов [126].

---

[120] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. 1858. С. 240.

[121] *Е. Будде*. Исследование особенностей рязанского говора. С. 65.

[122] *В. Н. Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. С. 900.

[123] *Г. Куликовский*. Словарь областного олонецкого наречия. С. 117.

[124] *М. В. Шатэрнік*. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929. С. 274.

[125] См. А. *Преображенский*. Т. II. С. 267.

[126] Ср. в последнее время — *Д. К. Зеленин*. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Т. VI. М.—Л., 1954. С. 49 и след. Д. К. Зеленин высказывает точку зрения, отличную от шахматовской, полагая, что «ляшские» черты, в том числе *с* > *ш*, восходят еще ко времени непосредственной близости части восточных славян и западных, балтийских, славян. Кроме многих диалектных фактов, ср. общенародное *шаг* — к *сягать*, *сяжок*. Однако не все факты укладываются в гипотезу об общих древних переживаниях части восточных славян и балтийских славян «лехитской» (польско-поморской) группы. Явление могло быть шире, ср. чешск. *šahati* < *sahati* (**sęg-*) и другие случаи в чешском (см. *J. Zubatý*. K přechodu *š* v *š* v *češtině* // Listy filologické. Roč. XX. 1893. С. 405—407). Сходство русск. *шаг* и чешск. *šahati* разительно, тем не менее в истории «ляшских» черт русского языка аналогичные чешские факты не учитываются.

Что касается др.-польск. *siabr* 'druh, kolega, towarzysz, spólnik', то это достаточно прозрачное заимствование из восточнославянского.

В словаре А. Г. Преображенского нашла отражение неправильная этимология, предполагающая связь с и.-е. **se-*, **so-* 'себе, свой' и весьма произвольные перестановки: *себр/серб*, сюда же *па-серб* и т. д. Литовск. *sẽbras*, латышск. *sę̄bris* (значения — те же, что в русском) естественно считать заимствованными из русского, как правильно отмечал К. Буга [127]. В то же время К. Буга, видимо, ошибался, указывая форму, родственную слав. **sębo-*, в древнепрусском этнонимическом и топонимическом *semba-* [128]. Реальность слав. *sębrъ* еще не означает реальности формы **sębo-*. Слав. *sębrъ* происходит из формы **sěm-ro* с суффиксом *-r-*, словообразовательные отношения которой к *sěm-*, *sěmьja* не вызывают никаких сомнений [129]. Согласный *b* носит здесь чисто позиционный характер, «усиливает» группу *m-r*, поэтому абстрагировать форму **sembo-*, **sębo-* нельзя. Нетрудно будет найти другое, более достоверное соответствие слав. *sębrъ* из **sěm-ro* в балтийском, дополнительно подтверждающее правильность этой этимологии: литовск. *šeimer̃ys* 'товарищ, производное от *šeimà* 'семья' [130] — **šeimeria-* < **šeimera-*, т. е. такое же образование с суффиксом *-r-*, как и слав. *sębrъ* < **sěmro*. Существуют и другие этимологии славянского слова. Н. Иокль производит его из восточногерм. *sem-bur* 'получающий половину дохода', основывая это на отдельных значениях славянского слова [131]. Э. Френкель [132] недавно повторил старую этимологию о наличии в слав. *sębrъ*, русск. *сябёр* носового инфикса и происхождении этих форм, вместе с названиями сербов и сорбов, от местоименной основы 'свой, собственный' [133].

---

[127] Ср. еще *K. Mūlenbach*. III. S. 810.

[128] Ср., кроме ссылки А. Г. Преображенского (Т. II, с. 266—267) на письмо К. Буги, еще рукопись: *K. Būga*. Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno. Вильнюсский университет. Отдел рукописей.

[129] См. *J. Kalima*. ZfslPh. Bd. 17. 1941. С. 342—350; *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. P. 95.

[130] См. *P. Skardžius*. Op. cit. С. 305.

[131] *N. Jokl*. Südslavische Wortstratigraphie und albanische Lehnwortkunde // Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му. София, 1933.

[132] См. рецензию Э. Френкеля на кн.: *J. Otrębski*. Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1947 // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950. S. 265.

[133] Из прочей литературы назовем статью: *K. Oštir*. Predslovansko **sębьrъ* 'zadrugar' // Etnolog. 4. 1930. S. 1—29. Далее, ср. еще *W. J. Doroszewski*. Monografie słowotwórcze // PF. T. 15. Część druga. 1931. S. 276. Краткие сведения по литературе вопроса сообщает Ф. Славский (*F. Sławski*. Szaber-siabr // JP. T. XXVIII. 1948. С. 50—51), указывающий на невыясненность этимологии слова. См. в последнее время еще о

Прочие названия семьи в славянских языках: польск. *rodzina*, переживающее в самое последнее время расширение значения 'кровная семья' > вообще 'родственники', ср. *ojciec, żona, syn, wnuki, siostry i rodzina* (Краков) [134]; укр. *родúа*, польск. диал. *rodovictvo* [135], чешск., словацк. *rodina*, польск. диал. (в Словакии) *svojina* [136]; др.-сербск. и сербск. *породица* 'семья'; болг. *чéляд* 'семья'; заимствованные в позднее время сербск. диал. *фамеља, фамилиjа* [137], ср. польск. диал. (в диалекте д. Погорелой в Словакии) *фамилиjа* [138] < нем. *Familie* 'семья'; сербск. диал. *живина* [139] и заимствованное, по-видимому, *тевабиjа* [140].

Славянская основа **obь-tjo-* [141], ст.-слав. **обьщь**, заимствованное отсюда русск. *óбщий*, сербск. *ȍпħӣ* и — с иным значением — польск. *obcy* 'чужой', — генетически первоначально была реализована в слове, обозначавшем территориальную общественную единицу. Лучше всего это древнее значение сохранило чешск. *obec* ж. р. 'деревня, селение, населенный пункт', ср. также старославянское по происхождению, но чрезвычайно характерное для старого экономического уклада русской деревни слово община 'вид владения землей сообща'. Сам институт общины скорее относится целиком к сфере экономической истории и мало дает для специально лингвистического исследования: с лингвистической точки зрения мы имеем дело с этимологически прозрачным словом. Известно, что **obь-tjo-* представляет собой производное с суффиксом *-tjo-* от предлога-приставки со значением места *ob-* (ср. русск. *об-*), вернее его более полной формы *obi-* [142], сохранившейся в ряде достоверных примеров в славянском (ст.-слав. **обьдо**, русск. *обиход* и др.). Роль суф-

слав. **sębrъ* у Будимира (*M. Budimir.* Quaestio de Neuris Cimmeriisque // Глас Српске Академiе наука. CCVП. Нова серија. 2. Београд, 1954. С. 67), который отождествляет слово с этнонимом Северного Причерноморья *Κίμβεροι, Κέμβεροι*. Аналогичная мысль высказана еще Я. Розвадовским (*Jan M. Rozwadowski.* Cimbri—sjabri // Сборник в честь акад. А. И. Соболевского. С. 361); вслед за Розвадовским также объясняет слав. *sębrъ* и В. Пизани (*V. Pisani.* Zur Chronologie der germanischen Lautverschiebung // Die Sprache. Bd. I. Wien, 1949. S. 136 ff.).

[134] *K. Nitsch.* Co znaczy rodzina? // JP. T. XXXV. 1955. № 3. С. 237—238.

[135] *A. Tomaszewski.* Mowa tak zwanych Mazurów wileńskich // Slavia Occidentalis. T. 14. 1935. С. 106.

[136] *G. Horák.* Nárečie Pohorelej. С. 170.

[137] *Љ. Мићевић.* Живот и обичаjи Поповаца. Београд, 1952. С. 120.

[138] *G. Horák.* Nářecie Pohorelej. С. 155.

[139] *J. Ердељановић.* Етнолошка грађа о Шумадинцима. Београд, 1951. С. 100.

[140] *Љ. Мићевић.* Op. cit. С. 120.

[141] См. *A. Meillet.* Études. P. 381.

[142] См. *А. Преображенский.* Т. I. С. 633; *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Paris—Lyon, 1950. P. 218—219.

фикса *-tjo-*, *-ti-* в общем ясна: он означает принадлежность, отношение к чему-либо, выраженному основой. Вопрос в том, как понимать значение основы **obь-ti-*. Нередко ограничиваются обобщением наиболее распространенных современных значений: **obь-ti* — это 'общая собственность, общинная собственность' [143]. Однако при этом, независимо от воли исследователей, фактически смещаются в одну хронологическую плоскость весьма далекие друг от друга факты. Хотя слово **obь-ti* — типично славянское новообразование, тем не менее оно достаточно старо, ср. его общеславянский характер. Чтобы предположить значение 'общая, общинная собственность' у славян времен их общности, надо быть уверенным в существовании уже тогда значения 'частная собственность' и соответствующего ему института, ибо только такая четкая противопоставленность реальных отношений земельной собственности могла создать коррелятивную пару терминов в полном смысле слова. Все это, однако, настолько сомнительно, что имеет смысл лишь как доказательство от противного. В наиболее вероятных условиях родового устройства эпохи славянской общности не было надобности в специальном термине 'общинная собственность', поскольку никакой другой собственности тогда не было.

Вернемся к форме **obь-ti-*. Убедившись в несколько предвзятом характере принятого толкования, взглянем на эту форму только с семантико-морфологической, структурной точки зрения. Славю *ob-*, *obi-* обозначает движение по кругу ('вокруг'), также — 'круглое', причем последнее значение, как самостоятельное адъективное значение, выступает в соответствующем оформлении: ср. слав. *oblъ* с суффиксом *-lъ*, чешск. *oblý* и др. 'круглый'. Аналогичное значение видим в другом именном производном — с суффиксом *-ti-*: **obьti* = 'круглый, круглое'. Что могло обозначать это образование?

Нам кажется не лишним вспомнить здесь о мнении ряда археологов и историков, считающих типичной для древних славян «круглую деревню» (нем. Runddorf), действительно, широко распространенную на древних славянских землях в бассейне Балтийского моря. Ср. обобщение нужных сведений у Л. Нидерле [144]. Надо сказать, что сам Нидерле смотрел на теорию первичности «круглой деревни» у древних славян скептически, но из его же материалов видно, что эта форма характерна для ряда старых славянских областей и, напротив, исчезает в областях позднейшего расселения — в Восточной Европе и на Балканах, где широко представлены уличный и разбросанный типы. Большую ценность в этой связи имеет указание современного археолога на то, что круглое поселение относится к наиболее

[143] Ср. *Holub—Kopečný*. S. 249.

[144] *L. Niederle*. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953. S. 109, 347—350.

древним эпохам славянской истории и «очевидно, представляет собой тип поселения, возникшего в период существования патриархально-родовой общности»[145].

Слав. **obьti-* 'круглое' могло быть, таким образом, использовано для обозначения круглого поселения у древних славян. Суффикс *-ti-* был особенно удобен, благодаря своим адъективным и собирательным функциям. Допустимо считать древнейшим именно это значение, поскольку предположение в таком случае является лишь логическим обобщением известных фактов. Так, в слав. **obьtjь* мы имеем своеобразный древний славянский термин общественного устройства. Значения 'общий' и 'чужой' (ср. польск. *obcy*) явились уже в результате вторичного развития. Имущественные, землевладельческие отношения выражены только в производном с притяжательным суффиксом *-ina*: ст.-слав. **обьщина**, болг. *община*, сербск. *опћина*.

Древней формой является слав. *ljudьje*, этимология которого далеко еще не может считаться выясненной[146]. Достоверна изоглосса слав. *ljudъ*, *ljudьje* — литовск. *liáudis*, латышск. *ļàudis* — др.-в.-нем. *luit*, объединяющая целый ряд индоевропейских диалектов, которым была известна соответствующая общая морфема со значением 'люди, народ'. Но в прочих индоевропейских языках родственные формы указать значительно труднее.

Исследователи считают возможным сопоставлять слав. *ljudьje* с др.-инд. *ródhati* 'поднимается', авест. *raoδaiti* 'растет', лат. *līberī* 'дети', готск. *liudan* 'расти', объединяя все сравниваемые слова вокруг и.-е. **leudh-* 'расти, подниматься'; как формы с более близким значением 'свободный (человек)' указываются бургундск. *leudis*, ст.-слав. **людинъ** и греч. *ἐλεύϑερος*[147]. Ср. еще алб. *l'eń* 'я рожден, происхожу', *l'ind* 'рождаю', *pol'em* 'народ'[148].

[145] *W. Hensel.* Kształtowanie się osadnictwa słowiańskiego // Slávia Antiqua. T. II. Poznań, 1949—1950. S. 6. Из других свидетельств о «круглой деревне» на древних славянских землях ср. указание Костшевского на раннепястовскую «круглую деревню» в Седлемине повята Яроцин (*J. Kostrzewski.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa—Wrocław, 1955. S. 288—289); Мюллер сообщает, что еще в последней четверти XIX в. в некоторых маленьких лужицких деревнях дома были расположены по замкнутому кругу (*E. Müller.* Das Wendentum in der Niederlau sitz. Kottbus, 1921. S. 99. Цит. по кн.: *М. И. Семиряга.* Лужичане. М.—Л., 1955. С. 93). Возможно, не случайно распространение формы, продолжающей слав. **obьti-* именно со значением 'селение, деревня' — чешск. *obec*, совпадает с частью районов распространения «круглой деревни».

[146] *A. Meillet.* Études. P. 262.

[147] *C. C. Uhlenbeck.* S. 254—256; *Walde—Pokorny.* Bd. II. S. 416—417; *А. Преображенский.* Т. I. С. 493—494; *Holub—Kopečný.* S. 205—206; *M. Vasmer.* REW. Bd. II. S. 78.

[148] *N. Jokl.* Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung // Sitzungsberichte der philologisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 168. I. Abh. Wien, 1911. S. 48—49.

Ближайшим образом родственны слав. *ljudьje* соответствующие формы балтийского, где, кроме упомянутых литовского и латышского слов, следует отметить еще литовск. диал. *liaudžià* 'все домашние', жемайт. *liaude* 'семья' [149].

Повторяем, что в дальнейших этимологических связях слав. *ljudьje* еще немало двусмысленного и предлагаемые более отдаленные сближения допустимы, но не абсолютно достоверны, что в этимологических исследованиях не редкость. Обычно объясняют *ljudьje* из и.-е. **leudh-* 'расти'. Эта этимология плохо объясняет значение 'свободный'. Такое значение сохраняется в ст.-слав. **людинъ**, а о том, что это не позднее значение, красноречиво говорит лат. *liber*, греч. *ἐλεύθερος*. Фонетическая близость и семантические мотивы, возможно, оправдают сближение с литовск. *liáuti* 'прекращать', греч. *λύω* 'развязывать, высвобождать' (и.-е. **leu-*), сюда же чешск. стар. *leviti* 'облегчать', *levný* 'дешевый' [150]. Столь же закономерен вопрос об элементе *-d-* в корне слав. *ljud-* и его возможной суффиксальной роли.

Последнее предположение не менее гадательно, чем другие, и оно сформулировано лишь с целью показать наиболее слабые места известной этимологии. Следует согласиться с тем, что нам недостаточно ясна история слова. Кроме достоверных фонетико-морфологических отношений, упомянем еще для полноты картины сомнительные сопоставления, которыми, однако, некоторые ученые оперируют достаточно уверенно. Имеется в виду довольно редкое в индоевропейском чередование п л а в н ы й : з у б н о й, пример которого К. Оштир видит в «добалтославянском *ljudъ/tjudjь*» [151]. М. Будимир тоже считает, что «фонетическая и семантическая близость основ *teutā* и *leudho-* (откуда *ljud* и т. д.), как и их исключительная древность, вряд ли случайны» [152]. Правомочнее, вероятно, вопрос о семантическом соотношении основ *tauta* и *l'audis*, *liáudis* [153]. Слав. *ljudьje*: русск. *лю́ди*, сербск. *љу̑ди*, польск. *ludzie* — содержит рефлекс и.-е. *ĕu*, отраженного в балтийском дифтонгом *iau* [154]. Морфологическую характеристику славянских образований дает И. Ф. Ломан [155]:

---

[149] *R. Trautmann*. BSW. S. 161; *К. Буга*. Рукописная картотека к литовскому этимологическому словарю (АН Лит. ССР); *P. Skardžius*. Op. cit. S. 51, 70.

[150] О последних см. *Holub—Kopečný*. S. 203.

[151] *K. Oštir*. Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen. Ljubljana, 1930. S 8.

[152] *М. Будимир*. Λαύριον πεδίον и Taurisci, Taurunum // Зборник филозофског факултета. Кн. III. Београд, 1955. С. 287.

[153] *G. Devoto*. Studi baltici. V. III. 1933. P. 74—79.

[154] *E. Berneker*. Von der Vertretung des idg. *ĕu* im baltisch-slavischen Sprachzweig // IF. Bd. 10. 1899. S. 151; *G. Iljinskij*. Der Reflex des indogermanischen Diphtongs eu im Urslavischen // AfslPh. Bd. 29. 1907. S. 492.

[155] *J. F. Lohmann*. Das Kollektiven im Slavischen // KZ. Bd. 56. 1929. S. 76; Bd. 58. 1931. S. 227, 229.

ljudьje, plurale tantum, произведено из старого собирательного имени с *-i*-основой **lj'udь* = литовск. *liáudis*, *-ies*, от которого образовано и nomen unitatis: ст.-слав. **людинъ**.

Старым названием группы родственных, своих, лиц было, вероятно, слав. *svoboda*: ст-слав. **свобода**, словенск. *svoboda*, *sloboda*, болг. *свободá*, сербск. *слобо̀да*, чешск. *svoboda*, польск. *swoboda*, стар.-польск. *świeboda*. В слове правильно выделяют основу *своб-*, ср. ст.-слав. **свобьство**[156], которая продолжает и.-е. **su̯e-bho-* производное от местоименной основы *su̯e-* 'свой'[157] с суффиксом *-bh-*, нередкое в значении 'род, свои, родичи; соплеменники', ср. основанное на таком терминологическом значении племенное название герм. **Swǣtjōz* 'свевы'[158], нем. *Schwaben*, далее *Sabini*, *Sabelli*, *Samnium*, ср. нарицательное готск. *sibja*, нем. *Sippe* 'родня'[159]. Ср. еще о слав. *svoboda* — Ф. Мецгер[160] и Э. Френкель[161], причем последний говорит конкретно об отношениях форм *svo-*: *so-*.

Слав. *svoboda* образовано с суффиксом *o*(*da*), характерным собирательным формантом, т. е. совершенно аналогично слав. *jagoda* — букв. 'много ягод'[162] от **jaga* '(одна) ягода': ст.-слав. **винѩга** 'виноград', литовск. *uogà* 'ягода'. Таким образом, этимологически первоначально для слав. *svoboda* значение: 'совокупность (вместе живущих) родичей, своих'. В то время как слав. **obьtjь* может быть понято (см. выше) как техническое обозначение типичного славянского поселения одной родственной группы, слав. *svoboda* обозначает эту совместно живущую родственную группу прежде всего как таковую. В обоих случаях первоначальное терминологическое значение слов подверглось сильным изменениям. Ясно одно: значение 'свобода', возобладавшее в слав. *svoboda*, является вторичным. Об этом говорит прозрачная этимология слова и остатки старого значения: др.-русск. *свобода* 'поселок, селение, слобода'[163], русск. *слободá*, др.-польск. *słoboda* 'небольшой поселок, поселение крестьян'[164] — естественно, в соединении с элементами совершенно нового значения.

---

[156] См. *W. Vondrák*. Bd. I. S. 454; *Meillet*. Études. P. 322; *Г. А. Ильинский*. Славянские этимологии XXXVI—XL // РФВ. Т. LXIX. 1913. С. 21—22.

[157] См. *А. Преображенский*. Т. II. С. 262—263.

[158] *Э. Прокош*. Сравнительная грамматика германских языков. С. 145.

[159] Примеры см. *Walde—Pokorny*. Bd. II. S. 455—456.

[160] *F. Mezger*. IE *se-*, *swe-* and Derivatives // Word. Vol. 4. 1948. S. 103.

[161] См. его рецензию в «Lingua Posnaniensis». T. II. 1950. S. 264—265.

[162] Русск. *ягода* и другие родственные развили вторичное сингулятивное значение.

[163] См. *Ф. П. Филин*. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. С. 170.

[164] *W. Taszycki*. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955. S. 258 (словарь).

Древнюю особенность следует усматривать в ударении русск. *слободá*, болг. *свободá*, если допустить здесь сохранение старого окситонного ударения, отличающего собирательные образования. Ю. Курилович говорит, кроме греч. *νευϱά*, *φυλή* (при *νεῦϱον*, *φῦλον*), также о славянских собирательных на *-a-*,[165]. Сюда же относятся русские формы множественного числа на *-a* ударяемое: *господá*.

Значение 'свобода' — более позднее, результат нового словообразовательного акта, ср., между прочим, ударение *свобóда*, соответствующее этому значению в русском.

В форме *слобода* звук *л* развился из *v* тогда, когда *v* имело еще характер сонанта *u*[166]. Могла, разумеется, сыграть роль диссимиляция двух губных: *v … b* > *l … b*[167]. Считать *slob* = первоначальной формой[168] нет оснований.

Если в начале общеславянского периода могла еще существовать реальная пара сингулят. **svobo-* (и.-е. **su̯obho-*) — собират. *svoboda*, то в более позднее время эти четкие отношения стерлись и явилась потребность в новых сингулятивных обозначениях. Отсюда — ст.-слав. **свободъ** 'свободный', поздний характер которого, как вторичного образования из собирательного, очевиден. Поэтому какие-либо «самостоятельные» этимологии слав. *svobodь* не имеют смысла, и попытки в свое время И. Зубатого[169], а недавно — В. Махека[170] объяснить его из **svo-pot-*, ср. др.-инд. *svaptjám*, и.-е. **pot-*, т. е. 'свой хозяин, сам себе господин', нельзя принять. По тем же причинам антиисторично было бы сравнивать слав. *svobodь* с именем фракийского бога *Σαβάζιος*, имеющим совершенно другое этимологическое происхождение, ср. этимологию О. Хааса[171]: к догреч. *σάος* 'целый и невредимый'. Однако *Σαβάζιος* скорее производит впечатление типичного иранского слова, к тому же оно распространено у иранских и соседних с ними народов Передней Азии и Кавказа, ср. иранск. *spāda-* 'войско' и особенно осет. *Æfsati* 'бог охоты'[172].

Славянский уже не обозначал родственников, родню старым индоевропейским корнем **ĝen-*, как, например, лат. *gens* 'род, племя'[173], литовск.

---

[165] *J. Kuryłowicz*. Études indoeuropéennes. I. P. 173, где разбираются примеры в какой-то мере аналогичные.

[166] См. *А. Преображенский*. Т. II. С. 322—323.

[167] *R. Nahtigal*. Slovanski jeziki. V Ljubljani, 1952. S. 188.

[168] *Holub—Kopečný*. S. 364.

[169] *Josef Zubatý*. K výkladu některých přísloví zvláště slovanských. Цит. по кн.: Studie a články. Svazek II. Praha, 1954. S. 157, сноска 1.

[170] *Václav Machek*. Étymologies slaves // Récueil linguistique de Bratislava. I. 1948. P. 96.

[171] *O. Haas*. Substrats et mélange de langues en Grèce ancienne // Lingua Posnaniensis. T. III. 1951. P. 92.

[172] См. *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. С. 283 (а также на С. 182: *spāda*.).

gentìs, *gentainis* 'родственник'. Эти обозначения вытеснены еще при формировании общеславянского языка, в порядке обновления унаследованного словаря новыми чисто славянскими образованиями. Так, абсолютное распространение получила славянская основа, представленная в русск. *родственник*, *родня*, *род* и близких образованиях других славянских языков.

Прямых преемственных связей между индоевропейскими названиями рода, родства, родни и славянскими почти не сохранилось. С другой стороны, славянский в своих новообразованиях подчас обнаруживает семантические реминисценции индоевропейского способа обозначения. Так, подобно индоевропейским именам свойства отглагольных основ 'вязать, связывать' (**snusó-s* < **sneu-* и др. см. выше) образованы некоторые славянские названия. Речь идет не столько о русск. *шурин* и родственных, которые представляют собой скорее унаследованное образование (к и.-е. **si̯əu-* 'шить'), сколько о специально славянских формах, построенных по тому же принципу. Ср. др.-русск. *вьрвь*, название семейной, затем территориальной общины, развившееся из значения 'веревка', ср. русск. *веревка*, литовск. *virvẽ*; др.-русск. *ужикъ*, ст.-слав. **ѫжика** 'родственник', ср. др.-русск. *ужь* 'веревка' — к *vęzati*[174]. Сюда же др.-чешск. *přivuzný*, совр. *příbuzný*[175].

В свою очередь литовский язык сохранил аналогичное *bendróvė* 'родня, домочадцы, общество', *beñdras* 'товарищ; общий' — из неизвестного славянскому корня и.-е. **bhendh-* 'вязать, связывать', сюда же греч. πενϑερός 'тесть', др.-инд. *bándhuş* 'связь, родство'[176].

Прочие славянские названия родства, родни: чешск. диал. *přízeň*, т. е. 'дружба'[177], сербск. диал. (черногорск.) *fis* 'род, племя, свои', албанского происхождения[178].

Почти до наших дней сохранилась у южных славян, причем лучше всего — у сербов, архаичная форма родственных отношений — задруга. Говоря о сербской задруге, прежде всего подчеркнем архаичность формы самих отношений, а не названия, поскольку название — сербск., болг. *задруга* — носит поздний, местный характер, ничего интересного в лингвистическом отношении не представляет и в этимологическом исследовании не нуждается, будучи совершенно прозрачным по образованию: о.-слав. *drugъ*. Поэтому нет

[173] *A. Walde*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. S. 338.

[174] См. *Ф. П. Филин*. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. С. 231.

[175] *Fr. Kott*. Cesko-německý slovník. II. 1883. S. 1005; *Holub, Kopečný*. S. 300.

[176] См. *P. Skardžius*. Op. cit. С. 298, 387; *C. C. Uhlenbeck*. S. 186.

[177] *Q. Hodura*. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli, 1901. S. 69.

[178] *Ivan Popović*. Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Arbanasa // Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine, Radovi. Knjiga II. Odjel'enje istorisko-filoloških nauka. I. Sarajevo, 1954. S. 55.

смысла останавливаться на названии задруги сколько-нибудь подробно. Что же касается общественного института задруги, это особая большая проблема, относящаяся больше к истории и этнографии. Здесь необходимо отметить, что, как всякий древний институт, задруга в современную эпоху представляет сложную совокупность элементов, которые отнюдь не все унаследованы от древности. Нас интересуют в задруге, естественно, остатки рода, родовой общности. Современная сербская задруга уже перед Второй мировой войной переживала глубокий кризис, распадалась, сохранялась часто только формально, в ней не соблюдался даже принцип родственной общности семейств, образующих задругу. Богатейший материал на эту тему содержат монографии из серии «Српски етнографски зборник» [179].

Слав. *drugъ* < и.-е. **dhreu*/**dhru-* с широким кругом значений: 'крепкий, прочный', сюда же и.-е. **dhereu̯o-* 'дерево', 'надежный, верный'. Последние значения реализованы в нем. *trauen* 'верить, доверять', *Treue* 'верность', литовск. *drovëtis* 'стыдиться, стесняться'. Таким образом, **drou-go-* (слав. *drugъ*, литовск. *draũgas*) образовалось из **dhreu-* с суффиксом *-g-*, известным нам по нескольким названиям лиц: **măn-g-i̯o* и др. Значение **drougo-*: 'верный, сообщник, товарищ'. В этом производном тоже реализовано значение и.-е. **dhreu-*, удобное для общественного термина.

Это объяснение точнее старого сближения с готск. *driugan* 'воевать', ср.-в.-нем. *truht* 'отряд', галл. *drungos* с предполагаемым и.-е. **dhrugh-* 'быть готовым, крепким' в основе [180], которое носит довольно случайный характер и оставляет в сущности невыясненным словопроизводство слав. *drugъ*.

В пользу нашего объяснения — достоверность как балто-славянских, так и индоевропейских словообразовательных моментов, а также более четкое определение ближайших родственных форм; в частности славянский имеет

---

[179] Ср., например, *Љ. Мићаевић*. Живот и обичаји Поповаца. С. 122 ff. Надо поэтому различать сербскую задругу как таковую и действительные остатки древних родственных и брачных отношений в быту сербского народа. Шпиро Кулишич дал недавно обстоятельный анализ этих следов, показав на большом материале наличие в обычаях ряда районов Сербии остатков матрилокального и дислокального брака, древней принадлежности детей роду матери, далее — экзогамного похищения, авункулата, выражающихся, например, в особо важной роли старого свата, а также брата по матери невесты или ее кровного брата. Задругу как организацию Ш. Кулишич характеризует следующим образом: «Задруга-братство, как ассоциация братьев по отцовской линии родства, могла развиться только в связи с утверждением патрилокального брака, который сделал возможным постепенный переход к отцовской линии родства» (*Špiro Kulišić*. Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Črne Gore i Boke Kotorske // Гласник Земаљзског Музеја у Сарајеву. Историја и етнографија. Свеска XI. 1956. С. 225).

[180] *А. Преображенский*. Т. I. С. 198.

еще *d$\underset{\circ}{r}$ъžati, ст.-слав. **дръжати** с той же основой, распространенной суффиксом (детерминативом) *-g-*, и гласным в ступени редукции. Последнее слово обычно считают лишенным достоверных соответствий вне славянского [181].

Поздними являются названия родителей в славянском и других индоевропейских языках [182]. Индоевропейская общность всегда хорошо знала только родительницу-мать, обозначения отца как 'родителя' появляются очень поздно, а такие отношения меньше всего нуждаются в объединении каким-либо общим термином. Поэтому только очень поздно смогли появиться названия родителей, носящие «индифферентный» характер: ст.-слав. **родителɪа**, греч. *τοκῆες γονεῖς*, лат. *parentes*, арм. *cnolkh*, литовск. *gymdýtojai*; нем. *Eltern*, др.-чешск. *starší* и др. [183]. Об обозначениях родителей способом эллиптического словоупотребления — укр. *батькú*, литовск. *tėvaĩ* — см. выше.

Названия человека, казалось бы, не имеют ничего общего с терминологией родства, и это справедливо для большинства индоевропейских языков, где обычны случаи развития значения 'человек' < 'земной', 'смертный'. В этом отношении славянское обозначение представляет собой интересное исключение. Нетрудно заметить, что все эти названия носят поздний характер, оформились в эпоху самостоятельного существования индоевропейских языков. Общее в них объясняется аналогичными условиями происхождения. Столь же поздним, чисто славянским образованием является слав. *čеiověkъ*. Своеобразие славянского слова заключается в его двуосновности, а также в этимологической связи с названиями рода (о чем подробнее — ниже). Интересна его способность выступать в известных условиях в роли родственного термина: укр. *чоловiк* 'муж, супруг' (при новом местном *людúна* 'человек'), русск. диал. *челавéчица* 'жена'.

Все славянские формы по языкам продолжают общее **čelověkъ*, ср. русск. *человек* [184]. Формы **č$\underset{\circ}{l}$v-*, **čelv-* менее вероятны, формы с *člo-*, *čo-* объясняются как сокращения употребительного слова. А. Брюкнер, однако, допускал общеславянскую метатезу *člověkъ* < **čolvěkъ* < **čelvěkъ* [185]. Но скорее всего древнейшую форму сохранил русский, в прочих славянских обобщена форма *člo-*, упрощенная в южнославянских языках: болг. *човéк*, сербск. *чȍвјек*, в

---

[181] См. *А. Мейе*. Общеславянский язык. С. 188.

[182] См. *O. Schrader*. Reallexikon. S. 182.

[183] См. обзорную статью: *O. Hujer*. Výraz pro pojem 'rodiče'v jazycích indoevropských // LF. Roč. XLII. 1915. S. 421—433.

[184] *H. Pedersen*. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent // KZ. Bd. 38 S. 420; *W. Vondrák*. Bd. I. S. 37, 308, 309.

[185] *A. Bruckner*. Uber Etymologien und Etymologisieren. II. S. 209; *он же*. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen // AfslPh. Bd. 42. 1929. S. 128—129.

диалектах — *чоек, чок, чек*[186]; наиболее архаична для южнославянских форма чакавск. *clověk*[187], ср. ст.-слав. **чловѣкъ**.

По-видимому, наиболее вероятным остается этимологическое объяснение Г. Циммера[188]: *čelo-věkъ*, где *čelo* — к *celjadь* и родственные 'род', а *věkъ* соответствует литовск. *vaĩkas* 'дитя', т. е. 'дитя, отпрыск, сын рода'. К. Бругман сопоставляет *čelo* в *čelověkъ* с др.-в.-нем. *helid* 'мужчина', на основании чего он предполагает **čьlo-* = 'человек', а *čelo-věkъ* = 'Menschenkind', ср. отношение греч. *'ανῆϱ* 'муж, мужчина' — *'άνϑϱωπος* 'человек'[189]. В последнее время выступил в поддержку этимологии Г. Циммера К. Мошинский[190]. Правильно указывая на чрезмерную сдержанность Ф. Славского[191] в отношении к названной этимологии, Мошинский приходит к выводу, что для этимологии Циммера нет никаких препятствий ни в историко-фонетическом, ни в интонационном отношении. Толкование *čelo-věkъ* = 'сын рода' полностью оправдывается нашими знаниями общественного строя древних славян, как и всяких других племенных групп родового строя. Морфема *-věkъ* в слове при этом указывает на происхождение (ср. литовск. *vaĩkas* 'дитя') подобно суффиксу *-itjь* в славянских образованиях патронимического типа. Ср. еще кельт. *macc* 'сын' перед именем предка как указание на происхождение. К. Мошинский согласен видеть в слав. **čel-* более архаическое название рода при специально славянском, позднем *rodъ*. В общем же **čelověkъ* синонимично **roditjь*.

Отношения значений *-věkъ* (в *čelověkъ*) и о.-слав. *věkъ* 'возраст, век, столетие' не могут вызывать сомнений прежде всего потому, что семантическая связь значений 'человек', далее — 'человеческая жизнь', 'длительное время вообще' — в порядке вещей (ср. выше о.-слав. *mǫžь* 'муж, мужчина' и латышск. *mũžs* 'возраст'). Более того, понятие длительного времени, века должно было вторично абстрагироваться из более важного и более древнего понятия 'человеческая жизнь', которое в свою очередь тесно связано с термином 'человек'. Индоевропейские этимологические данные подтверждают это: литовск. *vaĩkas*, слав. *věkъ* образовано от и.-е. **u̯ei-* 'сила', лат. *vis*

---

[186] *E. Fraenkel.* Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den balto-slavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1923. S. 402.

[187] *Mate Tentor.* Der čakavische Dialekt der Stadt Cres // AfslPh. Bd. 30. 1908. S. 189.

[188] См. его рецензию в AfslPh. Bd. 2. 1877. S. 346—348. Неправдоподобны объяснения слав. *čelověkъ* сравнением с др.-инд. *cirá-* 'долгий' (*E.* и *J. Leumann.* Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. S. 102) и с черкесским *c'efuxu* 'мужчина' (*V. Polák.* Op. cit. С. 29).

[189] *K. Brugmann.* Griechisch ἀνϑϱωπος // IF. Bd. 12. 1901. S. 26. Сноска 2.

[190] *K. Moszyński.* Uwagi go 2. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego // JP. T. XXXIII. 1953. № 5. С. 352 ff.

[191] *Fr. Sławski.* С. 123.

точно так же, как и.-е. **u̯ĭro-s*, лат. *vir* 'муж, мужчина'. Значения слав. *věkъ* 'возраст, век' вторичны, ср. остатки переходного значения в слав. *ǫ-věčьnъ* 'нездоровый'. Наиболее древнее значение 'сын, дитя' сохранилось в окаменелом виде в древнем сложении *čelo-věkъ*. Из прочих форм ср. еще литовск. *vaikìnas* 'ребенок, мальчик': слав. *věčьnъ*, абсолютно тождественные морфологические образования, в то время как значение *věčьnъ* 'вечный' целиком входит в орбиту вторичного значения слав. *věkъ* 'век, длительное, бесконечное время'. Форм, более близких к слав. *čelověkъ*, балтийские языки не имеют. Латышск. *cìlvẹ̄ks* 'человек' считают заимствованием из славянского [192], причем очень древним, осуществившимся до первой палатализации (слав. **kelověkъ*), так как латышск. *c* может правильно отражать только слав. *k*. Это объяснение — не единственно возможное, потому что вполне закономерно было бы предположить заимствование в ту эпоху, когда слав. *čelověkъ* ощущалось в живой речи как сложение известных элементов (**čelo-* 'род', *-*věkъ* 'дитя'). При таком положении, когда слав. *čelověkъ* попало в язык части близко родственных балтийских племен, оно с самого начала неизбежно должно было увязываться с местными балт. **kela-s*, **kilti-s* 'род', а позднее и пережить общее с ними в латышском изменение *k* > *c* перед гласным переднего ряда. При этом не так важно, получили предки латышей славянское слово как *čelověkъ* или как **kelověkъ*, поскольку речь идет о той эпохе, когда *k* и *č* являлись всего лишь вариантами одной фонемы. В любом случае этимологические связи могли оставаться совершенно прозрачными.

Слово *čelověkъ* — чисто славянское образование, поэтому поиски ближайше родственных ему форм в более далеких индоевропейских языках нельзя признать успешными. Имеются в виду сопоставления ст.-слав. **чловѣкъ** и греч. *παλλαξ, παλλακή* 'наложница' [193].

Изложенная этимология более всех прочих заслуживает доверия. Ср. еще из старых этимологии дилетантское толкование Шумана [194]: русск *чело-век* = 'in der Stirn die Kraft besitzend' (в противоположность животным). К сожалению, до сих пор имеет хождение одна совершенно произвольная этимология. Так, Ян Отрембский [195] видит в ст.-слав. **чловѣкъ** результат контаминации гипотетического **stověkъ* из недоказанного слав. **selv-* 'свой, собственный' и

[192] См. *K. Mülenbach*. I. S. 382—383.

[193] См. *W. Prellwitz*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892. S. 237. Против — *E. Boisacq*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Éd. 2. Heidelberg—Paris, 1923. P. 743; *E. Berneker*. Bd. I. S. 141.

[194] AfslPh. Bd. 30. 1908. S. 295.

[195] *Jan Otrębski*. Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1948. Этимология нам известна по рецензии Эрнста Френкеля (помещена в «Lingua Posnaniensis». T. II. 1950. C. 267), который расценивает ее положительно.

слав. *čeljadь*, челядь. Голуб и Копечный тоже упоминают толкование *člověk* < **slověk* как вероятное. Наконец, не вполне ясна этимология А. Вайана [196]: слав. **čьlo-věkъ* = 'совершеннолетний', причем *čьlo-* к **čelъ*.

Литовский язык имеет свое, совершенно иное и гораздо более древнее *žmogùs*, также *žmuõ* 'человек' [197].

Вполне естественно после того, как мы разобрали старое славянское название члена рода, потомка рода, сохранившееся в названии человека, обратиться теперь к названию, которое по ряду признаков должно было играть в древности роль названия отщепенца, человека вне рода, изгнанного из рода. В эпоху родового строя это было самым страшным наказанием. Такой обычай почти до наших дней сохранился в сербской задруге. Вот что наблюдал Л. Мичевич [198] в селении Попово, Герцеговина: «Највећа осуда била је за онога члана задруге, који се и послије горњих казна [выше описывается наказание члена задруги временным изгнанием из задружного дома — на ночь. — *О. Т.*] не би поправно, истјивање за увијек из кућне заједнице. Такове су истјеривале напоље без ичега. И они су кидали сваку везу са кућном заједницом. Тежак је био њихов положај. Истјерани члан дуго се мучио и злопатио, док би осигурао кров над главом и мало гнијездо себи и својима савио». Если сейчас это воспринимается как необыкновенный архаизм и сам обычай не может обладать большой действенной силой в экономическом и социальном отношении [199], хотя даже описание современных отношений у Л. Мичевича звучит достаточно красноречиво, — то можно себе представить положение человека, изгнанного родом в ту эпоху, когда род был единственной общественной организацией.

Необходимо предположить, что соответствующее название тоже должно быть очень древним словом. Таким названием было слав. **vorgъ*: ст.-слав. **врагъ** 'ἐχθρός', откуда русск. *враг*; укр. *во́рог*, сербск. *вра̑г*, польск. *wróg*, чешск. *vrah* — древнее слово с недостаточно ясной этимологией [200].

Довольно много места этимологии славянского слова уделяет В. И. Абаев [201], сравнивая его с осет. *warz-* 'любить'. Он считает неотделимым, вопреки Ф. Миклошичу, слав. *vorgъ* 'враг' и *vorg-* 'ворожить', причем последнее, по его мнению, имело два значения: 'ворожить во вред' и 'ворожить на пользу',

---

196 *A. Vaillant*. Deux noms de l'«homme» en slave // BSL. T. 39. P. XIII—XIV.

197 Подробности о литовском слове см.: *P. Skardžius*. Smulkmenos XXVII // Archivum philologicum. T. VII. 1938. C. 56; *он же*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 296—297.

198 *Љ. Мићевић*. Живот и обичаји Поповаца. С. 123.

199 Ср. там же о прогрессирующем перед Второй мировой войной разложении сербской задруги, о примерах экономического выделения, выхода из задруги, особенно среди молодого поколения.

200 Ср. *A. Meillet*. Études. P. 226.

201 *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. I. С. 581 и след.

что он подкрепляет примерами из иранского. В. И. Абаев объединяет вокруг и.-е. **verg-* **vorg-* следующие слова: *ворожить*, *враг*, осет. *warz-* 'любить', греч. ἔργον, нем. *Werk* 'дело, работа', авест. *varəz-* 'действовать', также греч. ὄργια 'культовое действие'. Их семантическое развитие он представляет следующим образом: 'действовать' — 'чародействовать' — 'чародействовать на пользу кого-либо, дружественно' — 'любить'[202]. Рассуждение В. И. Абаева весьма логично и подтверждается им самим на аналогичном примере развития значений 'делать' — 'колдовать': др.-иранск. *kar-* 'делать' — авест. *čārā-* 'средство' — литовск. *kéras* 'колдовство', русск. *чары*. Однако В. И. Абаев не учел некоторых формальных препятствий: греч. ἔργον, ϝέργον и прочие формы отражают и.-е. **u̯erĝ-* с палатальным задненебным, ср. авест. *varəz*, осет. *varz-*. Поэтому нет основания относить сюда слав. *vorgъ*, продолжающее какую-то иную древнюю форму. А. Мейе[203] считает, что в балтийском и славянском отсутствуют соответствия и.-е. **u̯erĝ-* 'делать, действовать'.

Мы склоняемся к объяснению слав. **vorgъ* из и.-е. **u̯reg-*/**u̯erg-* 'гнать', куда, кроме славянского, относятся еще литовск. *var̃gas* 'нужда, беда', готск. *wrikan* 'преследовать', англосакс. *wrecan* 'гнать, мстить', совр. нем. *rächen* 'мстить', лат. *urgeo* 'теснить, толкать, гнать'[204]. Славянский располагает и соответствующим глаголом, где корневой вокализм на ступени редукции: **vŕgā-*, *vŕgnǫ-*. Форма слав. **vorgъ* является правильным древним отглагольным производным именем с *о*-вокализмом корня: 'изгнанный, отверженный'. Способность глагольной основы *-вергать*, *-вергнуть* давать такие образования с этим значением ощущалась, видимо, в течение очень длительного времени, ср. в близком значении: ст.-слав. **изврьгъ**, др.-русск. *извьргъ*, русск. (литер.) *изверг*, ср. выражение *изверг рода человеческого*. Второе образование имеет характер типичного славянского неологизма, особенно — по способу отглагольного производства с помощью префикса, в то время как первое **-u̯orgo-* носит еще на себе печать индоевропейского отглагольного образования, ср. **vezǫ* : **vozъ* и др. Потребность в таком новом производном, как **изврьгъ**, видимо, появилась с ослаблением этимологических связей гораздо более древнего **врагъ**.

Таким образом, слав. **vorgъ* должно было первоначально обозначать изгнанника из рода, отверженного. Значение 'враг, неприятель' появилось уже в позднюю эпоху общеславянского, т. е. этимологически оно вторично. Существование сингулятивного обозначения 'враг, неприятель' в древнюю эпоху, когда вражда велась между целыми родо-племенными объединениями, союзами, не реально. В то же время изгнанию подвергались лишь отдельные

[202] Там же. С. 582.
[203] *A. Meillet*. Les vocabulaires slave et indo-iranien // RÉS. T. 6. 1926. P. 169.
[204] *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 319—320.

члены рода, что дополнительно подтверждает морфологический характер **uorgo-*. Совершенно аналогично семантическое развитие греч. *ἐχθρός* 'враг, ненавистный', ср. локридское *ἐχθός* 'вне', аттическ. *ἐχτός* то же, в конечном счете — к *ἐκ*, *ἐξ ἐχ* 'из', т. е. *ἐχθρός* 'изгнанник' > 'враг'[205].

Наиболее близко в фонетико-морфологическом отношении к слав. **vorgъ* литовск. *vargas*[206] с отвлеченным значением: 'беда, нужда', которое могло развиваться из переходных значений 'физически изнурять, утомлять', ср. литовск. *núovargis* 'усталость', а эти — из древнего 'гнать, изгонять, преследовать'. В известном смысле ближе к слав. **vorgъ* название лица — литовск. *vérgas*[207] 'раб' с иной ступенью корневого вокализма (отношение *o* : *e*).

Мы довольно подробно остановились на наиболее вероятной, по нашему мнению, этимологии слав. **vorgъ*, так как по этому вопросу до последнего времени нет единого мнения. Так, К. Мошинский в своих замечаниях к новому словарю Ф. Славского излагает свою особую точку зрения. Слав. **vorgъ*, как он считает, значило первоначально 'убийца', т. е. 'враг, преступник' для родных убитого, следовательно, было термином кровной мести[208]. Для этого потребовалось бы допустить существование целого ряда отнюдь не достоверных моментов. Прежде всего значение 'убийца' является семантическим новшеством чешского: так, еще в древнечешском слово значило 'враг, неприятель'[209]. Далее, было бы довольно трудно средствами индоевропейской этимологии обосновать для **uorgъ* значение 'убийца'. Несколько позднее[210] К. Мошинский весьма определенно высказывает предположение о заимствовании слав. **vorgъ* < герм. **wargaz* 'преступник', особенно ввиду наличия формы *wargida*. 'Friedlosigkeit' в «Capitulare Saxonicum», которая могла дать слав. **voržьda* 'вражда'[211].

Перейдем к рассмотрению терминов общественного строя в собственном смысле. Предварительно оговоримся, что считаем целесообразным в интересах единства содержания настоящей работы ограничиться наиболее древними общественными терминами, причем именно теми из них, которые тесно примыкают к родственной терминологии, в ряде примеров — отпочковались от нее непосредственно. Другими словами, нас здесь интересует терминология

[205] *Walde—Pokorny*. Bd. I. S. 116.

[206] *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 31.

[207] Сюда же соответствующие образования латышского — *vàrgs* 'беда, нужда', *vęr̃gs* 'раб', о которых см. *K. Mülenbach*. IV. S. 503—504, 539.

[208] См. JP. Т. XXXIII. 1953. С. 346—347.

[209] *Holub—Kopečný*. С. 422.

[210] JP. Т. XXXV. 1955. С. 134—135.

[211] К этимологии слав. **vorgъ* см. еще *J. Loewenthal*. Etymologien // ZfslPh. Bd. 8. 1931. S. 129. Левенталь объединяет его с др.-инд. *varga-s* 'Schar', сербск. *вриjѐжа*, *вр̏ж* 'узел', кипрск. *κατέϝοργον* 'осадили'.

общественного строя той вероятной эпохи, в которую основной формой общественной организации был род, родственная группа. Это несколько облегчает задачу исследования и позволяет рассматривать отобранные термины как продолжение терминологии родства, не выделяя их особо.

Выше мы уже касались названий рода. Здесь мы разберем несколько названий главы рода, племени. Крайне нецелесообразным в этой связи представляется привлечение более поздних феодальных названий слав. *vojevoda*, **kъnęзь*, а тем более таких, как *voitъ*, *kъmetъ*, др.-русск. *смердъ*, *изгои*. Исследование этих терминов представляет весьма обширный материал для работы или целого ряда работ по терминам феодальной общественной организации славянских народов.

Ниже мы разбираем одно за другим несколько названий, предположительно обозначавших главу рода, племени. Мы не берем на себя задачу сформулировать точное терминологическое значение каждого из этих названий для эпохи родового строя славян, потому что этимологический анализ не дает такой возможности, а употребление соответствующих славянских названий к началу письменного периода истории далеко не тождественно значениям их в древнюю родовую эпоху. Поэтому создается впечатление, будто мы приходим к нескольким синонимичным названиям. Такому впечатлению, однако, не следует доверяться, так как это — одно из наиболее ощутительных проявлений слабости этимологического анализа, не идущего дальше вскрытия словопроизводственных отношений и указания на какую-то отправную точку развития значения; разумеется, такой результат еще не тождествен реальному значению слова.

Общеиндоевропейское название главы рода, особенно в том смысле, в котором его понимают сторонники исконно патриархального рода у индоевропейцев, т. е. мужчины-вождя, отсутствует. Однако нас это не должно удивлять, в то время как сторонникам исконной патриархальности действительно стоит задуматься над этим фактом.

Прежде чем обратиться к славянским названиям главы рода, племени, приведем несколько примеров генетической связи таких названий вождя, resp. царя в некоторых индоевропейских языках с названиями 'род, рождаться': др.-в.-нем. *chuning*, нем. *König* — к **kuni*(*a*)- 'род', и.-е. **ĝen*-, также — готск. *kindins* 'ἡγεμών' < **ĝentinos*[212], ср. аналогичное хеттск. *haššu-š* 'царь' — к *hašš*- 'рождаться'.

В славянском большую роль в образовании некоторых подобных терминов сыграло древнее прилагательное *starъ*, ср. русск. *ста́рый*, укр. *стари́й* и пр. Из других индоевропейских языков сюда относят, более или менее единодушно, следующие формы: литовск. *stóras* 'толстый, объемистый', др.-исл.

[212] *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch... S. 311.

stōrr, др.-сакс. *stōri* 'большой', англосакс. *stōr* 'сильный', др.-инд. *sthirá-* 'крепкий, твердый, неподвижный' [213]; ср. также осет. *styr*, *stur* 'большой' [214], возможно также афг. *star* 'большой' [215]. Все эти слова правдоподобно объясняются как производные от индоевропейской глагольной основы **stā-* 'стоять' с суффиксом *-ro-*, причем различие в корневом вокализме слов заставляет предположить формы **stā-ro-s* (слав. *starъ*) и **stə-ro-s* (др.-инд. *sthirá-ḥ*) [216].

Сравнение слав. *starъ* с лат. *strit-(avus)* давно оставлено [217]. Неудачно сравнение слав. *starъ* с ирл. *struith* (**strutiu* 'старый, почтенный') [218].

Слав. *starъ* имеет значение 'старый', но анализ родственных форм заставляет видеть в этом значении семантическое новшество славянского, ср. этимологическую связь с и.-е. **sta* 'стоять'.

Значение 'старый' в любом из оттенков ('ветхий', 'дряхлый', 'преклонного возраста') не исконно для *starъ* даже в рамках славянского, о чем говорит специальный термин с такими значениями — слав. *vetъxъ* [219]. Напротив, даже в славянском сохранились определенные следы вероятного древнего значения 'имеющий силу, крепкий, большой', ср. часто в русских былинах: «Ах, ты, старыя казак да Илья Муромец» (о могучем богатыре, совершившем богатырские подвиги во цвете лет); ср. также значения активности, деятельности, проявляющиеся в русск. *стара́ться* [220], в интересном чешск. *starost* 'забота', по форме = русск. *старость* [221]. Таким образом, факты славянского не противоречат предположению о древнем значении 'сильный, деятельный'. Отсюда ясно использование слав. *starъ* как обозначения старейшины, главы рода, племени, главным образом, — в производных формах **starěišь*, **starьšьjь*, *-ina*, *starosta* [222]. Срав-

---

[213] *Walde—Pokorny*. Bd. II. С. 607; А. Преображенский. Т. II. С. 373; *Holub—Kopečný*. С. 349—350.

[214] *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. I. С. 20.

[215] Ср. *Wilhelm Geiger*. Afganische Studien // KZ. Bd. 33. 1893. S. 257; *G. Morgenstierne*. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927. P. 70—71.

[216] Ср. *A. Meillet*. Études. P. 404; *Walde—Pokorny*. Bd. I. C. 116; *Witold Jan Doroszewski*. Monografie słgwotwórcze // PF. T. 15. Część druga. 1931. C. 284.

[217] Ср. еще *B. Delbrück*. S. 476.

[218] *Г. Льюис, Х. Педерсен*. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. С. 48.

[219] Ср. *V. Machek*. Etymologies slaves. С. 107—108.

[220] Еще Ф. Миклошич («Etymologisches Wörterbuch». S. 320), правильно относил его к *starъ*. *А. Преображенский*. Т. II. С. 372, говорит об этих словах путанно, с изложением неоправданных сомнений.

[221] *Holub—Kopečný*. С. 349.

[222] Ср. об этих терминах: *Л. П. Якубинский*. История древнерусского языка. С. 54. Морфологический анализ формы *starěšina* при *starěišina* см. *Г. А. Ильинский*. Об

нение форм может дать указание на их семантическое развитие. Так, не вызывает сомнения то, что в древности именно слав. *starъ* обозначало влиятельного в роде, племени человека, ср. др.-русск. *старая чадь* в «Повести временных лет» 'господствующие люди'. Несколько позднее в славянском появляются с этими же значениями общественного старшинства производные от *starъ* формы: **starěišь*, **starъšьjь*. Видимо, непроизводная основа *starъ* уже не могла по каким-то причинам употребляться в этом значении.

В акцентологическом отношении слав. *starъ* (ср. сербск. *ста̏р*) со старой акутовой долготой правильно соответствует литовск. *stóras* с акутовой долготой [223].

Слав. *starъ* уже со специфически славянским значением 'старый' позднее употреблялось в ряде случаев в значении родственных названий: укр. *ста́ра* 'жена', польск. диал. *stara* 'жена', 'мать' [224], прибалт.-словинск. *stårkă* 'бабка' 'свекровь'.

Непосредственно к слав. *starъ* примыкает старое производное *starosta*: русск. *ста́роста*, польск. *starosta* [225], чешск. *starosta*, полабск. *storüöst(a)* 'Schulze' — все с одним общим значением: 'глава, управляющий'. Не перечисляя всех конкретных значений, которые слово приобрело позднее, в условиях нового общественного строя, отметим, что оно продолжает именно архаическое значение слав. *starъ*: 'главный, имеющий силу, власть'. Этому вполне соответствует и старый, непродуктивный тип производного *starosta*. Мы подошли к вопросу об образовании слав. *starosta*, который решался различным образом. А. Мейе [226] объяснял образования женского рода на *-ostь* (слав. *starostь* и под.) из *-es*-основы в соединении с суффиксом *-t-*, здесь — *-ta-* (суффикс деятеля): *staros-ta*. Это объяснение устарело и является неверным. Само собой разумеется, связь образования *starosta* : *starostь* сомнению не подлежит, ср. более позднюю аналогию с чешск. *přednosta* 'представитель власти': *přednost* 'преимущество, видное положение'. Все они имеют общий суффикс *-st-* (*sta-*, *-stь*), являющийся древним формантом, в чем могут убедить очень близкие образования литовского с суффиксом **-stā* (> *stà* : *gyva-stà*, род. *gyvãstos* 'житье, жизнь') [227]; несмотря на свою полную

одной аномалии в образовании сравнительной степени в праславянском языке // Prace ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay. 1921. С. 234—241.

[223] *J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. S. 119.

[224] *J. Karłowicz*. Słownik gwar polskich. T. 5. Krakow, 1907. С. 223.

[225] См. *J. Birkenmajer*. Kmieć i starosta // JP. T. 21. 1936. С. 174—176.

[226] *A. Meillet*. Études. P. 295; *А. Преображенский*. Т. II. С. 373.

[227] Пример взят у Буги из его ценных, к сожалению так и оставшихся в рукописи, замечаний и поправок к словарю Преображенского («Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno». № 127: *староста* // Отдел рукописей

морфологическую прозрачность образование является редкостью и для литовского языка, что говорит о его известной древности. Во всяком случае П. Скарджюс [228] знает только один случай с суффиксом -(*a*)*sta*, причем этот случай — *gyvastà* (дусятский говор) — взят им, несомненно, у Буги. Кроме всего прочего, литовские образования с суффиксом *-sta* являются отвлеченными названиями действия, состояния, в то время как слав. *starosta* — название лица. Если вспомнить, что родственный суффикс *-stь* также образует существительное со значением состояния, действия, качества, вполне допустимо предположить, что слав. *starosta* позднее развило значение лица. Близкие к славянским образования с суффиксом *-st-* хорошо известны, помимо балтийского, где есть и соответствие слав. -(*o*)*stь* в литовском -(*a*)*stìs*, также в германском, ср. др.-в.-нем. *dionôst*, нем. *Dienst* 'служба' [229], в хеттском, ср. *dalugaštiš* = слав. *dl̥gostь*. Сейчас совершенно очевидно, что суффикс *-st-* является древним индоевропейским формантом, как это подчеркивает, например, Г. Краэ [230], называя славянские на *-ostь* : *starostь* и др. Он справедливо отмечает невозможность строгого разграничения имен деятеля и абстрактных имен среди образований на *-st-*. Со слав. *starosta* можно сравнить еще ср.-ирл. *foss* 'слуга', вал. *gwas*, корнск. *guas*, брет. *gwas*, галл. *Dagouassus* < **upo-stho-*, ср. санскр. *upa-sthāna-m* 'попечение, служба' [231]. Возможность этимологической связи суффикса *st-* и и.-е. *sta-* 'стоять' вероятна, ср. значения состояния у образований с этим суффиксом. Но ввиду древности этой связи указание на нее почти никакого значения не имеет для анализа славянских производных, где, конечно, связь с *sta-* 'стоять' не ощущалась, а использовался лишь унаследованный индоевропейский формант. Поэтому мы не можем так свободно толковать значения славянских имен лиц с суффиксом *-st*(*a*), как это делал Г. А. Ильинский: 'находящийся, в состоянии' [232].

Считать, что слав. *starosta*, *starějьšina* представляют лишь перевод лат. *senior* 'старший' [233], нет надобности.

Вильнюсского университета), где Буга указывает на необходимость членения *старо-ста*.

[228] *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 366.

[229] *F. Kluge*. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. S. 80.

[230] *Hans Krahe*. Über *st*-Bildungen in den germanischen und indogermanischen Sprachen // Beiträge. Bd. 71. 1949. S. 225—250.

[231] *Г. Льюис, Х. Педерсен*. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. С. 26.

[232] См. например, его «Праславянскую грамматику» [Нежин: 1916], С. 377 об основах на *-sto-* и *-sta-*, где он называет и соответственно толкует слав. *nevěsta* и *starosta*.

[233] См. *L. Niederie*. Rukověť slovanských starožitností. С. 328.

Другие индоевропейские основы со значением 'старый' были поставлены в славянском в невыгодные условия и вытеснены новым *starъ* 'старый'. Полагают, что славянский утратил и.-е. **sen-* 'старый', известное ряду древних индоевропейских языков, ср. лат. *senex*, *senis*, *senior*, греч. *ἔνος* 'старый', *ἔνη καὶ νέα* 'день перед новолунием и первый день месяца', др.-инд. *sána-ḥ*, авест. *hana-* 'старый', готск. *sineigs* '*πρεσβύτης*', *sinistä* 'старейший', арм. *hin* 'старый', др.-ирл. *sen* 'старый', ср. также литовск. *sẽnas* 'старый', *sẽnis* 'старый'[234]. Современный литовский язык сохранил очень древнее слово с неизмененным значением. В литовском этот корень сохраняет большое значение и насчитывает разнообразные производные формы: *senata* 'старик', *senystà* с суффиксом *-(y)stà*, интересное в структурном и семантическом отношении для понимания *starosta*, поскольку отмечено как с отвлеченным значением состояния — 'старость', так и со значением лица — 'старик'; ср. еще русск. *старинá* в обоих значениях; *senỹstė* с суффиксом *-ystė* 'старость', *senatvà*, *senãtvė*[235] с тем же значением.

И.-е. **ĝer-*, давшее греч. *γέρων* 'старец', *γῆρας* 'старость', *γραῦς* 'старуха'[236], др.-иранск. *zarant*, др.-инд. *jarant*, осет. *zærond* 'старый', ср. скифск. имя собственное *Ζάρανδος*[237], тохарск. АВ *kur* 'слабость, старость' < **ĝer-w-*[238], как полагают, сохранилось в славянском в виде *zьrěti*, а также в очень древней производной форме, унаследованной от индоевропейского и имеющей собственные соответствия в ряде языков: *zṛno*[239].

Исключительную роль в образовании целого ряда названий господина, хозяина, супруга сыграл индоевропейский корень **pot-*, издавна заслуженно пользовавшийся большим вниманием лингвистов, видевших в нем древнее значение 'господин, родоначальник, pater familias'[240], которое должно было многократно развиться и измениться в условиях отдельных языков. При этом одному из значений и.-е. **pot-* в этимологических исследованиях уделяется обычно немного внимания, в то время как его древность совершенно бесспорна. Здесь имеется в виду значение 'сам' у литовск. *pàts*, *patiẽs* м. р., *pati* ж. р., авест. *xvaē-pati-* 'он сам'[241]. Эти свидетельства имеют большую доказательную силу. Есть основание думать, что древнейшим значением и.-е. **pot-* было местоименное значение, предполагающее соответствующую

---

[234] *A. Walde*. Op. cit. S. 698—699; *Walde—Pokorny*. Bd. II. C. 494.

[235] *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. C. 336, 369, 371, 378, откуда взяты литовские примеры.

[236] *W. Prellwitz*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. S. 58.

[237] См. *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. Т. I. С. 20.

[238] *J. Duchesne-Guillemin*. Tocharica // BSL. T. 41. 1941. C. 146.

[239] См. *J. Pokorny*. C. 390; *ĝér-*, *ĝérə-*, *ĝrē-*.

[240] Ср. *O. Schrader*. Reallexikon. S. 215.

[241] *Walde—Pokorny*. Bd. II. C. 77—78.

морфологическую функцию и роль. Так могут быть правильнее поняты вероятные случаи энклитического употребления безударной формы **pot-*, например, лат. *pte*, подчеркивающее отношение к соответствующему лицу, ср. случаи *mihipte*, *meopte*, *suapte*[242]; сюда же, возможно, хеттская энклитика с неясным значением *-pít*. И.-е. **pot-* 'сам' представляло прекрасную семантическую основу для позднейшего развития значений 'супруг, муж', в чем убеждают семантические аналогии литовск. *pàts* 'сам; супруг', *patì* 'сама; супруга', русск. *сам*. Таким же вторичным могло явиться значение 'господин, хозяин, начальник, глава', которое обычно реализуется лишь в разнообразных сложениях с конкретизирующей первой частью, причем эти сложения в отдельных индоевропейских языках совершенно расходятся между собой как материально различные, хотя и аналогичные образования. Если, напротив, признать древними значения 'глава рода, pater familias', то это чревато непреодолимыми трудностями семантического порядка. В частности, просто невозможно будет из этих значений объяснить факты чисто местоименного происхождения, энклитики и их значения. Эти известные индоевропейские факты были изложены здесь с целью показать, что в общепринятом объяснении далеко не все несомненно и что, кроме ряда специально лингвистических моментов, сомнению подлежит существование общеиндоевропейского термина 'глава рода' в смысле 'мужчина-вождь'. Реальную форму для него указать трудно. Исходной является индоевропейская основа **pot-*, *póti-*, ср. готск. *fadi-* в сложении *brūþ-fadi-* 'жених'[243], др.-инд. *pátiṣ* 'господин, хозяин, супруг', авест. *paitiṣ*, среднеперс. *pat*, новоперс. *-bad* (в сложениях) 'господин'[244], греч. *πόσις* 'супруг', *δεσ-πότυς* 'господин', лат. *potis* 'могучий; могущественный', *hospes*, *hospitis* 'гость; хозяин'[245]. Алб. *fat* 'супруг' считают заимствованным из герм. **fadi*[246]. Литовск. *pàts* подробно анализирует П. Скарджюс[247], который говорит о происхождении данной балтийской *-i*-основы из первоначальной согласной основы, ср. образование др.-инд. *pát-ni* 'госпожа, жена', литовск. *viešpatni*. В огромном большинстве случаев для и.-е. *pot-* обобщена *-i*-основа, от которой образован глагол др.-инд. *pátyate* 'господствует'[248].

---

[242] А. Вальде придерживается иного мнения («Lateinisches etymologisches Wörterbuch». S. 620).

[243] *K. Verner*. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. S. 97 ff.; ср. еще *J. Kuryłowicz*. Accentuation. С. 236, где говорится об исконной баритонности слова.

[244] *C. C. Uhlenbeck*. S. 154.

[245] *Walde—Pokorny*. Bd. II. С. 77—78.

[246] *N. Jokl*. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. S. 107.

[247] *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. С. 49; см. еще *K. Mūlenbach*. III. S. 124.

[248] См. *É. Benveniste*. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. P. 63—64.

Предположение Вейсвейлера о заимствовании и.-е. **potis* < шумерск. *pa-te-si* 'глава города' было встречено неодобрительно М. Майрхофером[249], который не согласен с Вейсвейлером в том, что значение 'сам' для и.-е. **potis* вторично.

И.-е. **pot-* в славянском сохранилось в «связанном» виде, в составе сложения: ст.-слав. **господь**. Это отмечает А. Мейе, указывая, что вторая часть сложения представляет древнее **pot-*, **pod-* со смешанной парадигмой склонения из форм на *-i-* и на *-o-*[250]. Смешение этих форм легко понять как результат естественных аналогических воздействий в сфере форм склонения. Менее ясен вопрос о развитии слав. *-podь* из и.-е. **pot-*. Некоторые исследователи только констатируют наличие двух различных форм с *t* и с *d*, ср. А. Брюкнер[251], который отмечает вторичность слав. *-d-* в *-podь*, как в *tvьrdъ* : литовск. *tvìrtas*. А. Мейе пытался обосновать также древность обоих вариантов **pot-/*pod*, причем *pod-*, кроме *gospodь*, ср. еще в греч. *δεσπόζω*[252], с чем не все согласны. Оригинальное объяснение предложил В. Венгляж[253], усмотрев в *gospodь* (при *potьběga*) форму с *d*, озвонченным в вин. п. ед. ч. **ghost-pot-m̥* перед носовым сонантом. Напротив, совершенно произвольно объяснение Яна Отрембского[254]: *d* в *gospodь* происходит из частого употребления сложения *gos-podь* в обратном порядке: **pod-gost-*, русск. *погост* (?). Наиболее серьезно объяснение В. Венгляжа, слабым местом которого, правда, является отсутствие достоверных аналогий озвончения глухого согласного перед окончанием винительного падежа единственного числа.

Р. Мух[255] стремился объяснить *d* иным путем, предполагая заимствование из германского, где *-d-* (из и.-е. *t*) закономерно, ср. готск. *brūþ-fadi-* 'жених', *hunda-fadi-* 'сотник'. Но для этого нужно было принять готск. **gas(ti)fadi-*, которое ни готскому, ни остальным германским языкам неизвестно.

Греч. *δεσπότης*, санскр. *jā́s-pati-*, слав. *gospodь* в своей первой части совершенно различны в материальном отношении[256]. Слав. *gospodь*, которое нас

[249] *M. Mayrhofer*. Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Heft 4. Wien, 1952. S. 40—41.

[250] *A. Meillet*. Études. P. 207.

[251] *A. Brückner*. Über Etymologien und Etymologisieren. S. 40—45.

[252] *A. Meillet*. Sur les correspondants du mot sanscrit patih // WuS. Bd. 12. 1929. P. 17.

[253] *W. Węglarz*. Przyczynek do prasłowiańskiej fonetyki historycznej // Sprawozdania PAU. T. XLI. 1936. C. 313—316.

[254] См. рецензию Я. Отрембского на кн.: *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 4—5 // Lingua Posnaniensis. T. III. 1951. S. 296.

[255] *R. Much*. Der germanische Himmelsgott // Abhandlungen zur germanischen Philologie. Festgabe für Richard Heinzel. Halle, 1898. S. 213—214.

[256] *H. Pedersen*. Die Gutturale im Albanischen // KZ. Bd. 36. S. 32.

здесь главным образом интересует, объясняют обычно из *gostь-podь как сокращение в речи[257]. Кроме Э. Френкеля, особенно последовательно проводившего эту точку зрения, объясняет из *gostь-podь, правда, через «дистантную» диссимиляцию, славянское слово В. Махек[258]. Таким образом, лингвисты отказываются от старого объяснения А. Мейе[259], принимаемого на веру А. Преображенским[260]: из *gio/es-, которое объединяет санскр. jas-, греч. δεσ-. Согласен с точкой зрения Э. Френкеля и В. Махека также Фр. Славский[261].

Обстоятельное объяснение происхождения d в слав. gospodь предложил Э. Френкель[262]. Он отклоняет существующие объяснения, видя в наличии d славянское новшество, возникшее под влиянием созвучной, употребляющейся рядом формы слав. svobodь. Греч. δεσπόζειν, по мнению Э. Френкеля, не может быть объяснено как местное аналогическое изменение из *δεσπόσσειν. Принимаемое другими происхождение d из смешанной согласной парадигмы склонения *pot-/*pod- он обходит. Итак, основное значение Э. Френкель придает влиянию svobodь 'свободный' на gospodь, которые он как слова, близкие по значению, противопоставляет ст.-слав. рабъ. Возможности влияния обоснованы им недостаточно, факты и примеры отсутствуют, да и сама близость упомянутых двух слов не очевидна. Ст.-слав. свободь 'свободный' — результат позднего переразложения слав. собир. svob-oda (см. выше). Поэтому изложенные Э. Френкелем попутно соображения, согласно которым, svobodь : s(v)obь = φυγάς, φυγάδος : φυγή, а латышск. svabads 'schlaff, müde, los, ungebunden' исконно родственно с svobodь, не могут не вызвать возражений.

В сложении литовск. viẽšpats (*u̯eik̑s-pot-, ср. готск. weihs 'κώμη, ἀγρός') Э. Френкель видит старый синоним слав. *gostь-podь, ср. значения современных литовск. viešis (диал.), латышск. viesis 'гость'. Термин *gostьpodь сначала использовался как обращение чужеземцев к главе рода, а потом был обобщен как обращения самих членов рода к главе[263]. При всей допустимости этих объяснений нужно согласиться, что в истории слав. gospodь еще очень много неясного как в развитии значения, так и в развитии фонетической формы. Та-

---

[257] См. *E. Fraenkel*. Lituanica // KZ. Bd. 50. 1922. S. 215 ff.; *он же*. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1923. S. 401—402; *он же*. Morphologisches und Etymologisches // Lingua Posnaniensis. T. IV. 1953. S. 101. О первой части сложения см. также *Г. А. Ильинский*. Праславянская грамматика. С. 305.

[258] См. *V. Machek*. Etymologies slaves. S. 97—98.

[259] A. *Meillet*. MSL. T. 10. C. 139.

[260] *А. Преображенский*. T. I. C. 151.

[261] *Fr. Sławski*. C. 326; ср. еще *Holub—Kopečný*. C. 129.

[262] *E. Fraenkel*. Slavisch *gospodь*, lit *viẽšpats*, preuß. *waispattin* und Zubehör // ZfslPh. Bd. 20. 1948. S. 51—89.

[263] Ср. *V. Machek*. Etymologies slaves. S. 97—98.

ким образом, направление семантического развития и.-е. **pot-* следующее: первичность местоименного значения, включение в отдельных языках в термины родства, образование целого ряда вторичных сложений с конкретными функциями, одним из которых является слав. *gospodь*[264].

Женская форма от и.-е. **pot-* образовывалась присоединением к согласной основе суффикса **-n-iā-*[265]. Значение **pot-niā*, **potnī* обнаруживает явную зависимость от вторичных мужских значений и.-е. **pot-*, реализованных большей частью в сложениях *δεσπότην*, *jāspati-*, *dampati-*, *gospodь*, *viẽšpats* 'хозяин, господин' и т. д. (ср. выше), следовательно, засвидетельствованное значение **potniā*: греч. *πότνια* 'госпожа, владычица', др.-инд. *páinī*, также вторично, ср. сложение др.-литовск. *vieš-paini*, греч. *δεσ-ποινα*. Славянская форма, продолжающая древнюю женскую форму на *-ni*, а именно — **gospodyńi*, польск. *gospodyni* 'хозяйка', претерпела целый ряд дополнительных фонетических изменений, влияний и выравниваний. Непосредственно **potnī*, литовск. *-paini* дало бы слав. **(gos)podni* > **gosponi*, после чего могло наступить выравнивание > *gospodyńi* — по мужск. *gospodь* с заметным влиянием старых *-y*-основ: *svekry* и др.[266]. Так возник славянский формант *-yńi*. Из балтийских языков сопоставлять как генетически родственные допустимо только конкретные образования **(gos)podni* и *(vieš)patni* с суффиксом *-ni*. Уже *gospodyńi* является чисто славянским новообразованием, поэтому приравнивать слав. *-yńi* к литовск. *-ũnė*[267], очевидно, нет смысла. Некоторые исследователи считают возможным заимствование суффикса *-yńi* из германского[268].

Еще более поздним образованием женского рода от *gospodь* является производное с суффиксом *-ja* **gospodja*: русск. *госпожá*[269].

---

[264] Старые объяснения см. *A. Pictet.* Les origines indo-européennes. T. II. P. 64; *J. Schmidt.* Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen // KZ. Bd. 25. 1879. S. 16, 145, который предвосхищает уже упоминавшееся объяснение А. Мейе; *O. Richter.* Griech. *δεσποτης* // KZ. Bd. 36. 1898. S. 111 ff.: **ge/₀S-podā-* 'невольница', ср. авест. *ǰahikā-* 'die Dirne' и греч. *πέδη* 'оковы'; *J. Loewenthal.* Etymologische Parerga // Beiträge. Bd. 49. 1924—1925. S. 423; **ghostipədi-s* 'der Gäste hat': ст.-слав. **попадж**, др.-в.-нем. *fazzon* 'хватать'; *Ф. Е. Корш.* // Известия Академии наук. 1907. С. 755—768: *gospodarь* < перс. *gōspanddār* и др. Цит. по кн.: *А. Преображенский.* Т. I. С. 151.

[265] Ср. *A. Meillet.* Essai de chronologie des langues indoeuropéennes. P. 22.

[266] *J. Zubatý.* Zu den slavischen Femininbildungen aut-*yńi*. S. 355—365; *E. Hermann.* Entstehung der slavischen Substantiva auf *-yńi*. S. 119, 120; *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. T. II. S. 194.

[267] Как это делают Ф. Шпехт (*F. Specht.* Die Flexion der *n*-Stämme im Baltisch—Slavischen und Verwandtes // KZ. Bd. 59. 1932. S. 222—223), В. Порциг (*W. Porzig.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 182 ff.).

[268] *A. Vaillant.* // RÉS. T. 24. P. 181—184; *A. Bajec.* Besedotvorje slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1950. C. 47.

[269] *V. Machek.* Etymologies slaves. P. 97—98; *Fr. Sławski.* C. 325.

Оригинальным славянским образованием от *gospodь* является первоначально собирательное *gospoda*: русск. *господá*, сербск. *госпòда*[270], ср. другие старые славянские собирательные на *-a*: *svoboda, jagoda*. Древнее место ударения сохранил русский язык: *господá*. Последнее слово в самóм русском осмыслено как форма множественного числа, поскольку именно в русском формы на *a* получили характерное развитие во множественном числе от имени мужского рода. Значение места — польск. *gospoda* и др. 'корчма, трактир' — развилось у слова позже и не во всех славянских языках[271].

К слав. *gospodь* относят также еще слав. *panъ, panьji*, известные, собственно, только в западнославянских языках (ср. польск. *pan, pani*, чешск. *pán, paní* 'господин, госпожа'), но, вероятно, сохраненные этими языками в числе многих других лексических архаизмов со времен славянской общности. С поздним тюркским заимствованием *župan*, как отмечал еще А. Брюкнер[272], эти слова не имеют ничего общего. В. Махеком были предприняты в общем интересные попытки определения для слав. *panъ, panьji* собственной индоевропейской этимологии[273]. В. Махек в своей этимологии исходит из слав. *panьji*, объясняемого как продолжение индоевропейского **potnī, *potnia*. Фонетическая сторона очень правдоподобна, но при этом необходимо принять удлинение *vṛddhi* в славянском, не вполне ясное в функциональном отношении (иначе и.-е. **potnī* > слав. **ponьji* вместо *panьji*). Так устанавливается этимологическая связь этой формы с и.-е. *pot-*[274], причем мужская форма **panъ* этимологически вторична, образована от описанной женской и играла в западнославянских языках роль вытесненного в этой функции слав. *gospodь*.

Эти предполагаемые производные от и.-е. **pot-* в славянском интересны тем, что они, видимо, образованы помимо славянского сложения с тем же **pot-. gospodь* и древнее этого сложения. Различные этимологические данные позволяют предположить, что славянский язык в древности знал и.-е. **pot-, *poti-* как чистую основу в одном из ее вторичных индоевропейских значений: 'муж, супруг'. На этом основывается изложенная этимология слав. *panьji* — *ni*-производного от **pot-* со значениями 'госпожа' ('жена'), что позволяет думать о существовании в древнейшем славянском парного мужского **potъ* 'муж, супруг', забытого затем в силу неблагоприятных условий существования такой формы в славянском. Таким образом, в древнейшем славянском языке обнаруживается положение, достоверно известное для литов-

---

[270] *A. Meillet*. Études. P. 251; J. *Lohmann*. Das Kollektivum im Slavischen // KZ. Bd. 58. 1930. S. 206.

[271] *Fr. Sławski*. C. 324.

[272] A. *Brückner*. Etymologische Glossen // KZ. Bd. 43. 1909—1910. S. 324.

[273] Ср. также *Holub—Kopečný*. C. 263.

[274] *V. Machek*. Étymologies slaves. P. 98—100.

ского: *pàts* 'сам', 'муж', *patì* 'сама', 'жена', архаические формы, не знающие вне сложения *viẽšpats* значения 'господин'. Существование слав. **potь* 'муж' подтверждает известное слав. *potьběga* 'разведенная, отпущенная, прогнанная жена': ст.-слав., др.-русск. **подъпѣга** 'ἀπολελυμένη', также **потъпѣга, подъбѣга**, др.-польск. *pоćbiega*, чешск. *podběha*, — слово, очевидно, содержащее в первой своей части **potь*, ср. значения 'отпущенная, разведенная жена' в памятниках. Затемняющие структуру слова колебания в написаниях не удивительны, а лишь свидетельствуют о древней этимологической неясности слова ввиду ранней утраты слав. **potь* и распространения **mǫžь* в соответствующем значении. Тем не менее неясности касаются больше этимологии второй, видимо, отглагольной части: *-пѣга*, *-бѣга*. Первая часть представляет всегда *potь*, *потъ*, иногда озвонченное перед *b*: *podь*. Значение 'разведенная, убежавшая жена' не предполагает какого-то развода в современном смысле[275]. Таким образом, славянскому был известен переход и.-е. **pot-* в имена родства, о примерах которого в других индоевропейских языках — санскр. *páti-*, греч. *πόσις* 'супруг' говорит Б. Дельбрюк[276].

Наконец, видимо, наиболее позднее из старых славянских обозначений старшего, главы, начальника: слав. **voldyka*. Поздний характер этого слова выражается в чисто славянском способе образования, а также в его значении, которое говорит о том, что в слав. **voldyka* мы имеем термин, обозначающий вождя, полновластного начальника и знаменующий начало первых государственных объединений у славян. Потом, как мы знаем, такие государственные вожди у славян стали обозначаться заимствованными терминами, от чего распространение слав. **voldyka* сузилось: оно неизвестно, например, в восточнославянских языках, если не считать заимствования, восходящего к ст.-слав. **владыка**. Говоря о конкретном значении слав. **voldyka* как общественного термина, нужно упомянуть гипотезу И. Ю. Микколы[277]. Миккола касается событий из истории борьбы болгар и авар в VII в., в результате которой болгары были разбиты, частично бежали в Баварию, откуда им опять пришлось спасаться бегством. Они прибыли в Marca Vinedorum, в область словенцев. «Хроника» Фредегара повествует об их пребывании «cum Wallucum, ducem Winedorum». В этом *Walluco* Миккола видит своего рода глоссу

---

[275] А. Мейе сомневается в возможности толковать слово, указывая на неясность его частей (Études. P. 247). Так же — *А. Преображенский*. Т. II. С. 88. Отлично от других — *A. Brückner*. Wzory etymologii i krytyki źródłowej. II // Slávia. Roč. 5. 1927. С. 432. Специально об этом слове см. *Р. Ф. Брандт*. Дополнительные замечания к Разбору этимологического словаря Миклошича. С. 304—305. Подробную литературу см. *M. Vasmer*. Bd. II. С. 385.

[276] *B. Delbrück*. S. 383.

[277] См. *J. J. Mikkola*. Ein altslovenisches Wort in Fredegars Chronik // AfslPh. Bd. 41. 1927. S. 160.

(ср. дальше лат. *ducem*) и читает ее как *Valduco* = слав. *voldyka*, архаическую славянскую звуковую форму до метатезы плавных и до перехода *ū* > *y*.

Слав. **voldyka* отражено, кроме ст.-слав. владыка 'δεσπότης, ἡγεμών', еще в сербск. *вла̀ди́ка*, др.-сербск. *владыка* 'rector et gubernator', чешск. *vládyka*, польск. *włodyka*. Вероятное членение слова: **voldy-ka* вполне закономерно. Суффикс *-k-* здесь, как во многих других образованиях славянского, присоединен к основе на *-y*: ср. *języ-kъ*, *kamy-kъ* и др. Мейе [278] предлагает сравнение в словообразовательном отношении с греч. *κήρῦκος* с последующим присоединением суффикса *-ā-*, ср. *vojevoda*; в общем он считает **voldyka* образованием, единственным в своем роде. В формальном отношении вероятно происхождение от причастия настоящего времени **voldy* : **volděti* [279] с выравниванием основы по влиятельным славянским титулам на *-a*: *starosta*, *sǫdьja*, *vojevoda*. Заимствование **voldǫ*, **voldy* < герм. **waldan* маловероятно, поскольку чрезвычайно близкие и исконно родственные формы (литовск. *veldė́ti* 'наследовать' и др.) имеет балтийский, как указывал еще Брюкнер [280]. Напротив, довольно отчетливо прослеживается древняя германо-балто-славянская изоглосса: расширенная зубным суффиксальным элементом индоевропейская основа **u̯al-* 'быть сильным' [281]. Таким образом, древнейшие этимологические связи слав. **voldyka* более очевидны, чем его конкретное славянское оформление, еще не вполне ясное. В этом отдавали себе отчет исследователи, стремившиеся объяснить форму: так, И. Ломан сравнивал **voldyka* с др.-прусск. *waldūns* 'Erbe' [282], В. Махек [283] видит в слав. **vold-yka* образование с древним непродуктивным суффиксом *-ūka*, ср. санскр. *-ūka* : *jāgarūka-*, *dandaśūka-*.

Несколько слов о терминах, противопоставленных славянским названиям старших, полновластных людей, членов рода и т. д.: *junъ*, *ю́ный*: литовск. *jáunas*, индоевропейского происхождения [284]. Кроме этого древнего названия, славянский имеет в том же значении **moldъ*, *молодо́й*, ср. др.-инд. *mr̥dúṣ* 'нежный, мягкий', лат. *mollis* то же, др.-в.-нем. *smelzan* 'таять' [285], но всюду, кроме славянского, оно фигурирует как технический термин 'молоть' > 'молотый, растертый' [286], ср. наличие характерного суффикса *-d-* в слав. **moldъ*.

---

[278] *A. Meillet*. Études. P. 335—336.

[279] Ср. иначе — *A. Brückner*. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen // AfslPh. Bd. 42. 1929. S. 127. Сноска 1.

[280] Там же.

[281] *Walde—Pokorny*. Bd. I. C. 219.

[282] *J. F. Lohmann*. Abg. vladyka // KZ. Bd. 60. 1932. S. 287.

[283] *Machek*. Récueil linguistique de Bratislava. I. 1948. P. 100—101.

[284] *Walde—Pokorny*. Bd. I. C. 200.

[285] *C. C. Uhlenbeck*. S. 230.

[286] См. *E. Fraenkel*. Zur litauischen Stammbildung und Syntax // KZ. Bd. 57. 1929—1930. S. 174—182.

И только в славянском языке **moldъ* приобретает качественно новое значение 'молодой'. Это слово, наряду с *junъ*, могло возникнуть из первоначального конкретного эпитета. Об исключительно важных в славянских языках собирательных-производных от этого слова подробно говорит Ломан[287].

К названиям молодого, малолетнего примыкают и часто к ним восходят названия зависимых, подневольных лиц, рабов, исторически закономерно вторичные[288], ср. слав. **orbъ*, ст.-слав. **рабъ** < и.-е. **orbho-* 'малый, маленький' (см. выше). Причины такого позднего появления названий подневольных лиц очевидны, при родовом строе в этих названиях не было необходимости. Есть отдельные менее ясные случаи, ср. слав. **xolpъ*: русск. *холóп*, польск. *chłop* 'крестьянин, мужик', чешск. *chlap* 'холоп; крепкий мужчина', сербск. *хлȁп*, *хла̑п* 'холоп, слуга', словенск. *hlâp* 'глупец'. Это слово также определенным образом связано с названиями малолетних и терминами родства, ср. польск. *chłopiec*, болг. *хлáпе* 'мальчик', далее — польск. диал. *xlop* 'муж'[289], кашубск. *xłop* 'человек, мужчина; муж; крестьянин', прибалт.-словинск. x*lùǫp* 'муж, мужчина'. Неясность слав. **xolpъ* объясняется тем, что нам недостаточно известны этимологические связи его корня, хотя в попытках объяснений недостатка нет. Этимологическая невыясненность не дает возможности судить о ходе развития значения слав. **xolpъ*, а следовательно, не позволяет определить генезис значений 'мальчик', 'муж'. Вполне допустимо, что значение 'мальчик' именно в этом примере **xolpъ* развилось как вторичное в части славянских диалектов в отличие от обычного закономерного направления развития таких значений. К слав. **xolpъ*, очевидно, примыкают материально близкие слав. **xolstъ*, русск. *холостóй*, **xolkъ*, ст.-слав. **нєхлака** 'беременная'[290]. К сожалению, кроме видимой материальной близости этих слов и частичных семантических соприкосновений, их также объединяет и общая невыясненность этимологии корня.

---

[287] *J. F. Lohmann*. Das Kollektiven im Slavischen // KZ. Bd. 58. 1931. S. 208 ff.

[288] Этого не выделяет К. Бругман, посвятивший вопросу специальное исследование: «Zu den Benennungen der Personen des dienenden Standes in den indogermani schen Sprachen» // IF. Bd. 19. 1906. S. 377—391.

[289] *Gejza Horák*. Nárečie Pohorelej. C. 158.

[290] Ф. Прусик видит в последних словах первоначальные технические термины 'кастрированный, бесплодный', ср. форму с отрицанием ст.-слав. **нєхлака** («Slavische Miszellen» // KZ. Bd. 33. 1893. S. 157). Первоначальное значение, по его мнению, сохранилось в ст.-слав. **хластити**, русск. *холостить*. Он сопоставляет их с англосакс. *sulh* 'борозда, плуг', греч. *ολκος*, лат. *sulcus* 'борозда', **sḷk*, **solk* 'резать'. В значительной степени трудности, стоящие перед этимологией, объясняются наличием *x* в начале слова, тем более что слав. *x* в этой позиции до последнего времени является предметом споров между лингвистами. Так, Х. Педерсен один раз объяснил это *x* в **хлакъ**

Старые этимологические обзоры форм см. у Ф. Миклошича, Э. Бернекера [291]. И. Зубатый считал корень **xol-* (русск. *хóлить*, зап.-слав. **pa-xolь* 'подросток' и др.) междометным по природе [292], как и многие другие славянские образования с согласным *x-*, упуская из виду слав. **xolpъ*. Последнее может и не быть случайностью, так как производные с суффиксом *-pъ* — редкость в славянском, но они, как уже давно показал в специальной работе Ст. Младенов, вполне реальны [293]. А. Брюкнер производит *x* из **sk*, сравнивая слав. **xolpъ* 'раб' и литовск. *skeliù* 'я должен', *skolà* 'долг', готск. *skalks* 'слуга', ср. нем. *Schalk* 'шут' < 'слуга' [294]. Впрочем, Брюкнер усложняет толкование привлечением этимологически иных основ. В свое время В. Махек объяснял появление придыхательности при задненебном как результат эмоциональной окрашенности слова, его якобы уничижительного значения [295]. Характер задненебного в **xolpъ* Махек был склонен тогда объяснять весьма сложно, как своего рода веляризацию древнего палатального задненебного перед гласным заднего ряда в славянском, сопоставляя его с др.-инд. *jālma-* 'низкий человек' [296]. Слав. *xoliti*, русск. *хóлить*, *paxolę* 'мальчик' Махек объясняет от другого корня, сравнивая с др.-инд. *kšāláyati* 'очищать'.

Балтийский не имеет форм, несомненно родственных слав. **xolpъ*, что затрудняет объяснение последнего. Близость балтийских форм, приводимых А. Брюкнером, еще не достоверна. Остающееся латышек. *kalps* заимствовано

и родственных из *ks*: **ksŏl*, сюда же лат. *sōlus*, другой раз — из *k*, *kh*. ср. нем. *halb* 'полу-, половина', т. е. **хлапъ** 'нечетный, непарный' > 'неженатый'; формы **хластъ** и **хлакъ** он объясняет как производные от **хлапъ**. (*H. Pedersen*. Das indogermanische *s* im Slavischen // IF. Bd. 5. 1895. S. 64; *он же*. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. S. 373, 374, 375). Естественно, что этот второй вариант этимологии совершенно неприемлем, как справедливо отмечал еще Уленбек (*C. C. Uhlenbeck*. Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen // IF. Bd. 17. 1904. S. 97).

[291] *F. Mikłosich*. С. 88; *E. Berneker*. Bd. I. S. 394.

[292] *J. Zubatý*. Studie a články. Svazek I. Č. první. Praha, 1945. С. 164 ff.

[293] *St. Mladenov*. Die labiale Tenuis als wortbildendes Element im Slavischen // AfsiPh. Bd. 36. 1915. S. 116—135. Неправ поэтому Ф. Славский, специально указывающий: «Przeciwko tej etymologii (имеется в виду приводимая у нас ниже этимология Брюкнера. — *О. Т.*) przemawia nieznany skądinąd sufiks *-pъ*» (*Fr. Sławski*. С. 68).

[294] *A. Brückner*. Slavisches *ch* // KZ. Bd. 51. 1923. S. 235; *он же*. Słownik etymologiczny języka polskiego. С. 180.

[295] *V. Machek*. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen // Slávia. Roč. XVI. 1939. S. 195—196; *он же*. Les verbes en-*chati* // Lingua Posnaniensis. T. IV. 1953. S. 127.

[296] Впоследствии сам Махек отказался от этой этимологии слав. **xolpъ*, о чем мне известно по его личному письменному указанию. Впрочем, его толкование нашло отражение у Голуба—Копечного (С. 139).

из русского языка[297]. Ст. Шобер[298] объяснял **xolpъ* вместе с польск. *chochoł* из и.-е. **skel-* || **kel-* 'складывать, спускать', т. е. **xolpъ* = 'низкий человек'. Подробно занимается этим словом В. Конечный в своей недавней рецензии труда В. Махека о начальном *x-* в славянском[299], где он, высказывая сомнение в экспрессивном происхождении этого согласного в таком положении в славянском, специально уделяет внимание примерам с корнем **xol-* в славянском. Впрочем, перечислив слав. **xoliti*, **paxolę*, **xolkъ*, **xolpъ* и некоторые другие, более далекие случаи, Копечный лишь констатирует отсутствие удовлетворительной этимологии самого корня. Подробно останавливается на происхождении слова К. Мошинский в своих замечаниях на словарь Фр. Славского[300]. Он считает возможным объяснять **xol-* в русск. *холу́й*, слав. **xolkъ*, **xolpъ*, **xolstъ* заимствованием из соседивших с древними славянами иранских или тюркских языков, приводя примеры из чувашского. Польск. *pachoł* он объясняет иначе: с суффиксом *-oł*, ср. *warchoł*, от *pachać* 'ч.-л. делать'[301]. Отметим, что русск. *холуй* не имеет ничего общего с слав. **xol-*, **xolpъ*, так как оно связано скорее с русск. диал. *алу́й* 'служба, услужливость', заимствованным из тюркских языков[302]. Соотношение начала слов то же, что и в вариантах другого тюркского заимствования: диал. *овра́шка* 'суслик': укр. *хо̀вра́х*.

Упомянем, наконец, еще одно относящееся сюда слово с неясной этимологией: слав. *sirъ*: ст.-слав. **сиръ** 'jrbus', др.-русск. *сирый*, *сирота*, *сиротина* 'лишившийся отца и матери', 'безродный', польск. sierrota, чешск. *sirý*, *sirotek*, сербск. *сѝра̑к*, болг. *сира́к*, *сира́че*. На древность слав. *sirъ* указывает редкий аффикс *-r-*. В литературе предлагалось неоднократно сближение с греч. *χήρα* 'вдова', *χῆρος* 'лишенный', 'вдовый' и объяснение славянского слова из **kheiros*[303]. Единственно несомненным остается родство слав. *sirъ*:

---

[297] См. в последнее время — *V. Kiparsky*. The Earliest Contacts of the Russians with the Finns and Baits // Oxford Slavonic Papers. Vol. 3. 1952. P. 73. См. еще *K. Mūlenbach*. II. S. 144.

[298] *S. Szober* // PF. T. 14. 1929. С. 599—606.

[299] См. RS. T. XVII. 1952. S. 122 ff.

[300] *K. Moszyński*. Uwagi do 1 zesz. «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego // JP. T. XXXII. 1952. № 5. С. 196—197, 200. Из прочей литературы см. *Г. А. Ильинский*. Праславянская грамматика. С. 216: **xolstъ* < и.-е.- **khel-* 'резать'; *С. Младенов*. ЕПР. С. 668—669: **xolp-* < **xol-* с расширением *-po-* < **ksol-*: **(s)kol-*, ср. готск. *halks* 'бедный'; *T. Lehr-Spławiński*. Pol. *chłonąć*, *otchłań* // JP. T. XXIV. 1939. № 2: о слав. **xol-* 'заботиться, опекать маленьких, слабых', сюда же **xolpъ*.

[301] Ответные замечания Ф. Славского см. JP. T. XXXIII. 1953. № 5. С. 399—400.

[302] О слове *алуй* см *M. Vasmer*. REW. Bd. I. С. 14.

[303] *A. Meillet*. Études. P. 403—404; *H. Pedersen*. Die Nasalpräsenria und der slavische Akzent. S. 395; *W. Vondrák*. Bd. I. С. 346; *C. C. Uhlenbeck*. Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen // IF. Bd. 17. 1907. S. 95.

литовск. *šeirỹs* ‘вдовец’, предполагающее общее **k̑eiros*. Греч. *χῆρος*, лат. *hērēs* ‘наследник’ сюда не имеет отношения, так как предполагают **ĝho*(*i*)- [304]. Литовск. *siratà* заимствовано из белорусского языка [305].

[304] Ср. *J. Kuriłovicz*. Études indo-européennes. I. P. 8.

[305] *P. Scardžius*. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauschen // Tauta ir žodis. T. VII. 1931. S. 197.

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

1. В истории названий родства по праву важное место должно занимать изучение всякого рода образований, указывающих на происхождение, в том числе патронимических. Смысловая сторона и реальная структура многих древних типов затемнена в связи с активизацией других значений. К числу последних относятся прежде всего уменьшительные, встречаемые в тех же образованиях, что и более древние значения [1]. Важно помнить, что уменьшительные образования не имеют в этимологическом отношении своих собственных формантов. Это надо иметь в виду при этимологическом исследовании особенно тех словообразовательных типов, в которых на поздних этапах индоевропейского, например — в славянском, возобладали семантические оттенки уменьшительности, экспрессивности. Ср. **-āko-* в словенск. *dękláča* 'девка' — *dékla* 'девушка', чешск. *synák* 'сынок': латышск. *bērnāks* 'ребеночек' [2], сохраняющее в ряде случаев довольно отчетливо старое этимологическое значение происхождения, принадлежности и в балто-славянском: польск. *rodak*, собственно '(своего) рода человек', литовск. *Simõkas* = *Simo sūnùs* [3]. Этимологическое значение принадлежности обнаруживает слав. *otьcь*, древнее образование с суффиксом **-īko-*, который для собственно славянского периода типичен как уменьшительный и вообще экспрессивный: литовск. *brolìkas* 'сын брата' (подробнее — см. в I гл.). Ср. аналогичные свидетельства для **-ŭko-*, литовск. *kalviùkas* не 'маленький кузнец', как в

---

[1] *K. Brugmann*. KVGr. S. 337—338.

[2] *A. Gāters*. Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung // KZ. Bd. 72. 1954. S. 47 ff.

[3] *Я. С. Отрембский*. Славяно-балтийское языковое единство // ВЯ. Вып. 6. 1954. С. 31.

литовск. *plaktùkas* 'молоточек' и множестве других, а 'сын кузнеца': *kálvis* 'кузнец', ср. патронимические образования с суффиксом *-ek*(*-ъkъ), столь популярные в чешском — восточноляшск. *Bartoš* : *Bartošek* 'сын Бартоша'[4] при общеславянском развитии у этого суффикса уменьшительных и экспрессивных функций. Такое развитие является наиболее типичным, представлено большим числом примеров. Однако не все безусловно случаи уменьшительности продолжают указанные древние значения. Нужно иметь в виду также возможность аналогического распространения образований с уже сложившимся вторичным значением. Это относится к популярным в славянском образованиям, обозначающим молодых существ, детей, с древним суффиксом *-ęt-*; некоторые из них в этимологическом отношении не представляют исконных сочетаний с **-ent-*, так как сами корневые морфемы обозначают детей, маленькие, молодые существа, ср. слав. **orb-ęt-* к и.-е. **orbh-* 'маленький', **mold-ęl-* к слав. **moldъ* 'молодой', **žerb-ęt*: греч. *βρέφος* 'дитя, плод'. Ясно, что во всех этих случаях мы имеем дело уже с поздним присоединением в славянскую эпоху суффикса *-ęt-* (**-ent-*) с вторичным значением уменьшительности. Тем не менее **-ent-* является древнейшим именным формантом индоевропейского. Развитие значений от принадлежности, происхождения — к уменьшительности, отмечавшееся для других суффиксальных образований, можно считать доказанным также для этого суффикса: и.-е. **-ent-*, **-n̥t-*[5]. Тем более важны все случаи отражения в славянском древнего значения суффикса **-ęt-*, ср., например, белорусские фамилии *Рабчéня*, *Кривчéня* < **Rębъč-enę*, **Krivъč-enę*, т. е. собств. 'сын человека по имени Рябко, Кривко', с многостепенным нанизыванием суффиксов. Сюда же относится общеславянский тип патронимических мужских имен, выравненных по *-а*-основам: др.-русск. *Гостята*, *Путята*, др.-польск. *Gościęta*, др.-чешск. *Hosťata*[6].

Что касается происхождения и.-е. **-ent-* = слав. *-ęt-*, то еще А. Мейе указывал на присоединение суффикса *-t-* к *-n-*, *-en-*, ср. слав. **moldęt-* и др.-прусск. *malden-ikis*; русск. *ребен-ок* — *ребята*[7], словацк. *kura*, *kuraťa* — множ. *kurence*[8]. Э. Бенвенист[9] показывает способность согласного *t* расши-

[4] *Ad. Kellner*. Východolašská nářečí. I. Brno, 1946. С. 123.

[5] См. еще *P. Kretschmer*. Das *nt*-Suffix // Glotta. Bd. 14. 1925. S. 84—106.

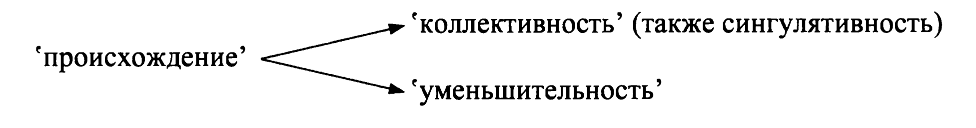
[6] См. *R. Jakobson*. Vestiges of Earliest Russian Vernacular // Word. Vol. 8. 1952. P. 352; в его же рецензии на изданные А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым «Новгородские грамоты на бересте» («Slavic Word». 1953. № 2, С. 83—84) указана основная литература вопроса.

[7] См. рецензию Б. О. Унбегауна на кн.: *Л. А. Булаховский*. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев, 1937 // BSL. Т. 40. 1939. С. 136.

[8] О соотношении этого и других случаев *-en-*, *-ent-* см. *J. M. Kořínek*. Od indoevropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948. С. 73.

17 — 9718

рять *-n*-основы в индоевропейском, например, в греч. *ὕδατος* (*-n̥t-* < *-en-*) При этом распространение согласным, видимо, не сыграло существенной роли в семантическом развитии соответствующих образований, которые и до этого выступали в значениях происхождения, принадлежности, ср. отыменные образования на *-оп* в осетинском < др.-иранск. *ăna*[10]. В. Махек[11] предполагает, что славянские имена среднего рода на *-ęt-* происходят из древних имен среднего рода множественного числа собирательных, ср. собирательные на *-nt-* в тохарском, лувийском и наличие форм *-'at-* (**-ęt-*) в русском только во множественном числе. Вероятнее, однако, собирательность развилась в таких случаях аналогично семантическому развитию образований с индоевропейским суффиксом **-īn-*: 'принадлежность',

Точно так же совершенно отчетливо развитие значений от принадлежности/происхождения — к уменьшительности для слав. **-ītjo-* : ст.-слав. **-ищь**, русск. *-ич*, литовск. *ytis*[12]. Древние значения сохраняют активные в русском патронимические образования *Петрович*, *Иванович* и другие отчества[13]; ср. сербск. *кућић* 'човјек од куће' и множество других патронимических образований сербского языка — фамилий, племенных названий. Последние характеризуют в широких масштабах сербскую топонимику[14], но известны также в других частях славянской территории[15].

2. Исключительное место среди имен родства занимают древнейшие индоевропейские образования[16]. Здесь опять приходится говорить главным образом о предистории славянских форм, но это в конечном счете важно и

---

[9] *É. Benveniste*. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. I. P. 30.

[10] См. *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. I. С. 225.

[11] *V. Machek*. Origines des thèmes nominaux en-*ęt-* du slave // Lingua Posnaniensis. T. I. 1949. P. 87—98, где также дана обстоятельная история вопроса. См. *R. Aitzetmiiller*. Zur slavischen *-nt*-Deklination // KZ. Bd. 71. 1953. S. 65—73, где имеется обзор литературы; сам автор оспаривает индоевропейскую древность суффикса *-ęt-*.

[12] Ср. *F. Mezger*. Ahd. jungīdi, lit. vilkytis, got. nipiis // KZ. Bd. 71. 1953. S. 117—119.

[13] Неверно поэтому объясняет их А. М. Селищев (Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. С. 130).

[14] *St. Rospond*. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-itj*. Kraków, 1937. С. 115, 144 ff.

[15] *W. Taszycki*. Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału. Kraków,1946. С. 27 ff. См. еще об образованиях на **-ītjo—*: *F. Mezger*. Some Formations in *-ti-* and *-tr(i)-* // Language. Vol. 24. 1948. P. 157—158.

[16] Ср. *A. Meillet*. Essai de chronologie des langues indoeuropéennes. P. 21.

для лучшего понимания специально славянского в развитии этих образований. Речь идет о четырех женских *-r*-основах и.-е. **mātēr*, **dhŭghətēr*, **su̯esor*, **i̯enətēr* — и трех мужских и.-е. **pətēr*, **bhrātēr*, **dai̯u̯ēr*, которые представляют чистую *-r*-основу. Судьба этих основ в славянском оказалась неодинаковой. Женские *-r*-основы сохранились в балто-славянском, ср. литовск. *mótė*, *-rs*, ст-слав. **мати**, **-ере**, литовск. *duktė̃*, *-r̃s*, ст.-слав. **дъщи**, **-ере**, литовск. *jentė*, *-rs*, слав. *jętry* (*-r*-основа, перестроенная по *-y*-основам); ср. также перестроенное слав. *sestra* при литовск. *sesuõ*, *-r̃s*. Мужские *-r*-основы в славянском в сущности не сохранились [17]. Так, и.-е. **bhrātēr* и **dai̯u̯er* выровнены по славянским мужским *-o-*, *-jo*-основам, а и.-е. **pətēr* сохранилось в славянском только в производной форме *stryjь*. Тем самым женские формы на *-r-* в славянском представляют несомненный архаизм. К числу редких архаизмов принадлежат следы древнего чередования *-ter* : *tor-*, обнаруживаемые в окаменевшем виде также в славянском. Само чередование было активно в индоевропейскую эпоху, и оно объясняется не местом ударения, как полагают некоторые ученые [18], а отношениями производной и непроизводной формы: и.-е. **mātḗr* — греч. ἀμήτωϱ [19]. В славянском ср. русск. *заматоре́ть*, *заматоре́лый* с *-о*-ступенью при основе *матер-* (подробнее — в I гл.).

Суффикс *-ter*, который выделяют в особых древнейших индоевропейских обозначениях мужчин и женщин **pətēr*, **mātēr*, обладал, видимо, специализирующим значением, которое легло затем в основу известных компаративных значений этого суффикса [20]. Отметим, что славянский сохранил следы только древнейшего специализирующего *-ter-*, в то время как в роли компаративного суффикса в славянском утвердился другой формант *-i̯es-*, упоминаемый Бенвенистом. То же древнее специализирующее значение *-ter-* легло в основу широко известного значения деятеля, закрепленного за множеством индоевропейских образований с этим суффиксом, поэтому нет необходимости принципиально разграничивать имена родства и имена деятеля на *-ter* [21], что в последнее время проводят, например, К. Д. Бак [22] и А. В. Исаченко [23]. Не нужно также усматривать в **pətēr*, **matēr* компаративного употребления *-ter* в порядке противопоставления пар вроде 'отец'—'мать', как это делал В. Штрайтберг [24].

---

[17] См. *F. Specht*. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit. S. 248—251.

[18] Ср. *H. Güntert*. Zur *o*-Abtönung in den indogermanischen Sprachen // IF. Bd. 37. 1916—1917. S. 19.

[19] Ср. *J. Kuryłowicz*. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956. P. 95.

[20] Ср. *É. Benveniste*. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. P. 85. 115 ff.

[21] Ср. *K. Brugmann*. KVGr. S. 330, 331.

[22] *C. D. Buck*. C. 93.

[23] *А. В. Исаченко*. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания. С. 59—60.

[24] *W. Streitberg*. Die Bedeutung des Suffixes *-ter-* // IF. Bd. 35. 1915. S. 196—197.

Новое оригинальное объяснение, предложенное А. В. Исаченко[25], основывается скорее на неточной оценке материала. Так, он возводит *-ter-* > *-tr-* в названиях родства к древнему наречию со значением 'внутри' на том лишь основании, что тот же суффикс имеют названия внутренних частей тела: греч. *ἔντερα*, ст.-слав. **жтроба**. Нетрудно заметить, что единственным носителем значения 'внутри, внутренний' является корневая морфема *in-/en-*, а *-tr-* здесь не более как специализирующий формант. Эта гипотеза, на которой А. В. Исаченко строит весьма важные выводы об отражении деления на брачные классы, к сожалению, неприемлема в этимологическом отношении.

3. Содержание данного параграфа до известной степени уводит нас за пределы специальной темы «Славянские термины родства». Здесь имеется в виду одно из «общих мест» этимологических исследований, а именно так называемые слова «детского языка», Lallwörter. В науке давно утвердилось мнение о происхождении многих простейших названий родства из «детского языка». Так объясняют *tata*, *nana*, *mama* и подобные им образования, отнесенные к различным родственным лицам, главным образом к отцу и матери[26].

Вполне допустима мысль о связи некоторых из этих образований преимущественно с детской речью. Но верно ли будет считать каждое такое простейшее родственное название происходящим из «детского языка»? Позволительно спросить, что это за «детский язык», который на огромном пространстве индоевропейской языковой области выработал небольшое число тождественных по форме и близких по значению названий. Нам трудно судить о далеком для нас предмете, но специалисты по детской речи свидетельствуют, что слова вроде *мама*, *папа* с их значением обязаны своим образованием главным образом педагогическим попыткам родителей. Так, Вернер Ф. Леопольд указывает: «The teaching endeavors of the parents and their persistent misinterpretation of the child's intentions are entirely responsible for this semantic development»[27]. Автор правильно отмечает, что многие лингвисты констатируют лишь факт, что то или другое слово является детским образованием, не давая себе труда подробно остановиться на возможности такого образования. В этом отношении очень поучительны опубликованные польским ученым П. Смочинским в специальной монографии[28] результаты

---

[25] *А. В. Исаченко*. Указ. соч. С. 60.

[26] *P. Kretschmer*. Einleitung. S. 356.

[27] *Werner F. Leopold*. The Study of Child Language and Infant Bilinguism // Word. 1948.

[28] *Paweł Smoczyński*. Przyswajanie przez dziecko podstaw systemu językowego. Łódź, 1955. C. 80 ff.; см. также *L. Kaczmarek*. Kształtowanie się mowy dziecka. Poznań, 1953. C. 11, 15, 19, 21.

О подсознательной функциональной направленности речи взрослого к ребенку см. *K. Ohnesorg*. O mluvním vývoji dítěte. Praha, 1948. C. 29 и в других местах.

его собственных наблюдений над «детской речью». Собранные им материалы убедительно показывают, что звуковые комплексы, внешне близкие к именам родства, в речи детей самого младшего возраста (около момента появления речи), например, *mama*, *tata*, лишены конкретного содержания и только со временем в результате педагогических (часто бессознательных) попыток родителей эти комплексы могут приобрести общеязыковое значение.

Мнение о распространенности в языке таких слов «детского языка» пользуется до сих пор широким признанием в науке[29]. Совершенно очевидно, однако, что конкретный материал не всегда позволяет исследователям удовлетворяться лаконичным признанием того или иного слова «детским» образованием, и следует отметить, что они часто используют возможность объяснить слово в ряду других слов как мотивированное образование. Тем более досадное впечатление производит злоупотребление ссылками на «детский язык», как бы освобождающее этимолога от необходимости определенно объяснять слово и определять в нем объективные фонетико-морфологические моменты. Разумеется, далеко не каждое такое образование поддается объяснению, но ведь то же можно сказать и о множестве других слов. В этом отношении полезно помнить указание Я. Розвадовского[30], что экспрессивные образования нельзя расценивать как полное исключение из общей закономерности. Определенные закономерности отмечаются и для древних индоевропейских корневых морфем **nan-*, **tat-* и др., выступающих в роли названий родства, ср., например, факты такого древнего способа словообразования, как редупликации: *n-an-*, *an-*, *t-at-*, *at-*. О функциональной роли подобной редупликации на первых порах говорит пример из одного древнего языка Эгейской области, отмеченный П. Кречмером: «...характерно ⟨...⟩, что на о. Кос отец некоего человека по имени *Νανναχος* носит имя *"Ανναχος*»[31].

В целом проблему связи разбираемых простейших терминов родства и «детского языка» как такового нельзя еще считать удовлетворительно разрешенной. Предлагавшиеся решения как правило носят в той или иной мере эклектический характер. Само по себе изучение развития «детского языка» имеет очень большое значение при анализе интересующих нас слов, но нельзя не отметить, что им до сих пор обычно занимались только специалисты, далеко стоящие от вопросов этимологии, а этимологи, столь категорически классифицирующие известные термины родства как слова «детского языка», сами почти никогда не обращались к специальному изучению детской речи. Счастливое исключение представляет, пожалуй, только О. Есперсен, объединивший в особом разделе своей известной монографии[32] обширные мате-

---

[29] См. *C. D. Buck*. С. 93—94.

[30] См. его рецензию на словарь Э. Бернекера (RS. Т. II. 1909).

[31] *P. Kretschmer*. Einleitung. S. 356.

[32] *O. Jespersen*. Language, its Nature, Development and Origin. London, 1949.

риалы обеих упомянутых областей исследования. Однако и с ним нельзя согласиться в ряде существенных моментов. Есперсен правильно указывает, что даже большинство звукоподражаний, слышанных от детей, не их собственные изобретения, но усвоены ими, как прочие слова [33]. Это может служить ответом на вопрос, создают ли дети новые слова. В то же время образование слов типа *мама* и *папа* Есперсен склонен расценивать следующим образом: «...ребенок дает звуковую форму, а взрослые придают ей значение» [34]. Далее: «Во всех странах во все времена в детской разыгрывается маленькая комедия: младенец лежит и лепечет свое "мамма" или "амама", или "папапа", или "апапа", или "бабаба", или "абабаб", не сообщая этим упражнениям голосовых связок ни малейшего значения, а его старшие друзья, в своей радости по поводу ранней одаренности ребенка, приписывают этим слогам разумный смысл, поскольку сами они привыкли к тому, что произнесенный звук имеет соответствующее содержание, мысль, понятие. Так мы получаем целый класс слов, отличающихся простотой образования — без стечения согласных, обычно с повторением того же согласного с гласным *a* между ними, часто также оканчивающихся гласным *a*, — слов, находимых во многих языках, часто в различной форме, но с близким значением». Когда ребенок произносит слоги *mama*, мать думает, что он зовет ее и, откликаясь, она тем самым приучает его употреблять их с определенным значением. «Так они становятся признанным словом для понятия 'мать'» [35]. Становясь обычными словами, эти слоги повинуются действующим законам языка; так получено нем. *Muhme* 'тетка'. Очень рано слог *ma* получает в наших языках окончание, откуда *μήτηρ*, *mater*, *mother*. Эти слова становятся признанными словами взрослых, в то время как *mama* остается интимным словом в семье [36].

Нам представляется, что Есперсен не показал главного: взаимодействия между речью взрослого и ребенка. Из его слов следует, что слоги *ma*, *ma-ma* безусловно берутся для обозначения матери из детской речи. Но ведь это не совсем так. Ребенок произносит в известный период очень много комбинаций разных слогов без определенного значения, как бы играя голосовыми связками [37]. При этом особое внимание взрослых сразу привлекают сочетания (*ma-ma* и др.), близкие соответствующим полнозначным словам. Родители, сознательно или бессознательно, сразу выступают в роли воспитателя: они словно отбирают нужные звучания, приучая ребенка употреблять именно их и именно в определенном значении. Это значит, что, например, морфема *ma-* существовала в речи взрослых всегда до того, как они обнаружили что-либо

[33] Op. cit. P. 150.
[34] Op. cit. P. 153.
[35] *O. Jespersen*. Op. cit. P. 155.
[36] Op. cit.
[37] Op. cit. Кн. II («The Child»), в разных местах.

сходное в лепете ребенка. И так происходит в каждом отдельном случае. Несомненно, условия и возможности детской речи учитывались родителями, но это уже особый вопрос. Соответственно вышесказанному взрослые интерпретируют слоги с *p*, иногда с *b* как названия отца [38], хотя положение здесь гораздо сложнее, о чем см. ниже.

Обстоятельный очерк развития речи ребенка дал чехословацкий фонетист и специалист по детской речи К. Онезорг [39], который правильно отмечает важность фактора подражания ребенка и влияния среды, прежде всего — родителей, в начальной стадии развития речи. Онезорг анализирует значительную литературу вопроса. Намеренно избегая постановки вопроса о генезисе слов *мама* и *папа* после О. Есперсена, автор останавливается на формулировке Р. Якобсона, также углубленно изучавшего проблемы детской речи: «...das Kind ist ein Nachahmer, der selbst nachgeahmt wird» [40]. К. Онезорг целиком принимает это положение. Действительно, формулировка Р. Якобсона превосходно схватывает основную сторону развития речи, но она нуждается, как нам кажется, в определенном уточнении — в том, что касается подражания родителей своему ребенку. Роль подражания необходимо учитывать, но она сказывается, по-видимому, только во внешних моментах. Прежде всего сюда относится повышенная эмоциональность, которую родители сообщают первым словам, усваиваемым от них ребенком. Непосредственным следствием этой эмоциональности является бесспорно своеобразие, давно подмеченное у этих слов, например, колебания *p*/*b* в пределах отдельных языков, ср. ит. *padre* — *babbo*, франц. *papa* 'отец, папа'; видимо, сюда же в порядке гипотезы допустимо отнести пару и.-е. **pǝtḗr* : слав. *bat'a*, *batja* 'отец'; *t*/*d*, ср. *tata* : *dada*, например, англ. *dad* 'папа, папаша' и др. [41]; наличие вариантов с экспрессивной палатализацией и без нее: *tata*/*t'at'a*. Описанную неустойчивость внешней фонетической формы обычно стремятся истолковать как доказательство происхождения этих простейших имен из «детской речи». Мы считаем нужным объяснить именно эти фонетические особенности данных слов как главное проявление подражания родителей. Чрезвычайно важно

---

[38] Op. cit. P. 156.

[39] *Karel Ohnesorg*. O mluvním vývoji dítěte. V Praze, 1948.

[40] *R. Jakobson*. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala, 1941. S. 5.

[41] В другом своем сочинении («Fonetická studie o dětské řeči. V Praze, 1948. С. 45—46) К. Онезорг отмечает частые колебания звонкий/глухой именно в период усвоения речи. Любопытно, что автор отмечает бóльшую трудность произнесения *d*, чем *t*. Усиленная, энергичная артикуляция, естественная при начале речи, чаще давала *t*. Исходя из этого, мы укажем на большую распространенность варианта *atta*, *tata* при редких *dad*(*a*) в индоевропейских языках, в чем также надо усматривать подражание родителей детям в произношении. На стр. 49 К. Онезорг отмечает чрезвычайную роль палатализации в первых членораздельных звуках речи ребенка.

иметь в виду, что, приспосабливая слова своего языка к звуковым возможностям своего ребенка, подражая таким образом, родители находятся под свежим впечатлением периода развития речи, непосредственно предшествующего появлению членораздельной речи, который изобилует множеством неартикулированных звуков, допускающих совершенно свободное варьирование глухих и звонких, мягких и твердых согласных, более того — звуков, нередко совершенно чуждых индоевропейской фонетической системе. Оправданным в этой связи будет предположение, что именно здесь коренится причина черт экспрессивности, характеризующих вокализм и консонантизм ряда разбираемых индоевропейских слов. Этим подражание родителей исчерпывается, и в остальном они преподносят своим детям совершенно объективные продукты словообразовательной системы своего языка. Последнее очень важно для правильной оценки образования ряда древних индоевропейских терминов родства: *tata*, *atta*, *mama*, *nana*.

Обыкновение приписывать детям создание «детского языка», самостоятельное образование упомянутых названий родства объясняется недостаточным учетом специальных исследований по детской речи, представленных к настоящему времени уже солидной литературой. Эта точка зрения напоминает попытки средневековых схоластов толковать даже первый крик ребенка как жалобу новорожденного на первородный грех своих родителей, причем мальчик якобы кричит обычно «а!», поминая Адама, а девочка — «е!», жалуясь на Еву. Желательно поэтому, чтобы точные результаты специальных исследований детской речи шире привлекались в помощь этимологии при изучении данной проблемы.

Наконец, изучение этих простейших терминов родства представляет еще одну проблему, имеющую отношение, возможно, к древнейшему периоду развития терминологии родства. В своей известной книге А. Соммерфельт, обращая внимание на первоначальное неразличение между мужчинами и женщинами в терминологии родства аранта, сопоставляет это состояние с индоевропейской терминологией, где, как он считает, названные отличия являются характерными[42]. Но если мы обратимся к пресловутым «Lallwörter», мы сразу отметим нечто напоминающее положение в терминологии аранта: слабое различение между мужскими и женскими терминами, восходящее, если оценить это состояние логически, к древнему неразличению. Так, используя некоторые из многочисленных фактов совмещения мужских и женских значений, рассмотренных на протяжении всей работы, сравним следующие морфемы: греч. *τέττα* (о мужчине) — слав. *teta* (о женщине) — литовск. *tė̃tis* (о мужчине); лат. *acca*, греч. *Ἀκκώ*, болг. *káka* (о женщине) — польск. диал. *kåk* (о мужчине), санскр. *atta-*, *atti-* (о женщине) — готск. *atta* (о мужчине).

[42] *A. Sommerfelt*. La langue et la société. P. 156.

Если взглянуть на эти многочисленные факты так, как А. Соммерфельт смотрел на генезис соответствующей терминологии аранта, то хаос, обычно констатируемый для индоевропейских «Lallwörter» лингвистами, приобретает известную стройность. Имея в виду различие между мужчиной и женщиной, Соммерфельт говорит: «Понятно, что это различие играет меньшую роль для человека аранта, который, по-видимому, не знает природы продления рода. Можно сравнить тот факт, что в индоевропейских языках обычно отсутствуют специальные названия для самок за исключением тех случаев, когда они играют роль в экономической системе и мифологии»[43]. Это правильное сравнение необходимо распространить также и на факты, более близкие терминологии аранта, а именно — на древнейший период истории индоевропейских терминов родства. Нам кажется, что принципиального отличия между системой родства и всем мировоззрением первобытного австралийского племени аранта и исторически вероятной системой родства индоевропейцев нет. Напротив, в различных местах работы мы отмечали много общих моментов в обеих системах, причем документированное знакомство с родственной организацией аранта помогает правдоподобно объяснять различные моменты древнеиндоевропейской системы. В упоминавшихся неоднократно простейших названиях родства мы имеем древнейшие индоевропейские термины, носящие на себе следы родственной системы, которая не делала принципиального различия между мужчиной и женщиной по той же причине незнания природы продления человеческого рода. Путь развития индоевропейской родственной терминологии очень долог и сложен. Если в необычайно архаической системе аранта мы встречаемся с довольно прозрачными способами дифференцированных обозначений мужчины и женщины (ср. присоединение к нужному термину родства слова *woia* [*worra*] 'молодой человек' и *kwaia* [*kwara*] 'девушка' для образования вторичных названий, дифференцирующих мужчину и женщину)[44], то в индоевропейской системе родства мы имеем мощное развитие этих дифференцирующих названий. Тем не менее для исторически правильного понимания индоевропейской родственной терминологии чрезвычайно существенное значение, на наш взгляд, имеет оценка дифференцирующих терминов родства *pətēr*, *mātēr* как вторичных, а остатков недифференцирующих терминов, неверно относимых лингвистами к области детского языкового творчества (*pa-pa*, *ma-ma*, *ba-ba*, *ta-ta*, *at-ta*), как древнейших обозначений родства. Потребность в дифференцирующих обозначениях родства, столь типичная для индоевропейской терминологии, представила благодатную почву для подлинного расцвета так называемого супплетивизма, еще в течение индоевропейской общности пронизавшего всю систему родственных названий. Эта

[43] *A. Sommerfelt*. Op. cit. S. 156.
[44] Op. cit. S. 155, 156.

тенденция привела к значительному преобразованию индоевропейской терминологии родства, старые недифференцирующие обозначения были оттеснены, ограничены в употреблении. Часть старых названий была оформлена супплетивно. Так, еще Г. Остгоф правильно понимал наличие пары *pater*—*mater* как проявление супплетивизма в индоевропейском [45]. Выдающуюся роль в преобразовании имен родства приобрел формант *-ter*, ставший типичным признаком ряда старых общеиндоевропейских названий.

[45] *H. Osthoff.* Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. S. 4, 16.

УКАЗАТЕЛЬ ФОРМ, ОБЪЯСНЕНИЕ КОТОРЫХ ПОМЕЩЕНО В ТЕКСТЕ[1]

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ И СТАРОСЛАВЯНСКИЙ

[1] Цифры обозначают страницы.

РУССКИЙ, УКРАИНСКИЙ, БЕЛОРУССКИЙ

ПОЛЬСКИЙ

КАШУБСКИЙ, ПРИБАЛТИЙСКО-СЛОВИНСКИЙ

СЕРБОЛУЖИЦКИЕ, ПОЛАБСКИЙ

ЧЕШСКИЙ, СЛОВАЦКИЙ

СЕРБСКИЙ

БОЛГАРСКИЙ, МАКЕДОНСКИЙ

БАЛТИЙСКИЙ
(Литовский не обозначается)

ПРОЧИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

1959

ЛИТЕРАТУРА*

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949.
Aitzetmüller R. Zur slavischen *-nt*-Deklination // KZ. Bd. 71. 1953. H. 1/2.
Ankeri S. Beseda «semja» v ruskih bilinah // Slavistična revija. Letnik IV. 1951. Ljubljana, № 1/2.
Arct M. Słownik staropolski. T. I—II. Warszawa, 1914.
Аргиров С. Люблянският български ръкопис от XVII в. // СбНУ. Кн. XVI—XVII. 1900.
Arnim B. von. Macedonisch-bulgarische Studien. T. 3. Neubulgarische Synonyme für *dъšterja* 'Tochter' // ZfslPh. Bd. 12. 1935.
Ascoli G. J. εἰνάτερες, janitrices, yātaras // KZ. Bd. 12. 1863.
Ascoli G. J. γάλως, glos // KZ. Bd. 12. 1863.
Austin W. M. A Corollary to the Germanic Verschärfung // Language. Vol. 22. 1946.
Back R. Medizinisch-Sprachliches // IF. Bd. 40. 1922.
Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1950.
Барјактаровић М. Свадбени обичаји у околини Берана (Иванграда) // Зборник филозофског факултета. Књ. III. Београд, 1955.
Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.
Baudouin de Courtenay. IF. Bd. 4.
Benigny J. Die Namen der Eltern im Indoiranischen und im Gotischen // KZ. Bd. 48. 1918.
Benveniste É. Notes d'étymologie prussienne // Studi baltici. Vol. 2. 1932.
Benveniste E. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. I. Paris, 1935.
Benveniste É. BSL. T. 46. 1950, procès-verbaux. P. XX—XXIX.
Benveniste É. Un emploi du nom du «genou» en vieil-irlandais et en sogdien // BSL. T. 27. 1926.

---

* С указанием принятых в тексте условных сокращений.

Benveniste É. Un nom indoeuropéen de la «femme» // BSL. T. 35. 1934.
Berneker E. = *E. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. *A-morъ.* Heidelberg, 1908—1914; 2. Aufl., 1924.
Berneker E. Von der Vertretung des idg. *ĕu* im baltisch-slavischen Sprachzweig // IF. Bd. 10. 1899.
Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1953
Bezzenberger A. Sprache des preußischen Enchiridions // KZ. Bd. 41. 1907.
Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сб. ОРЯС. Т. LXVIII. № 4. 1901.
Boisacq É. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2ème éd. Heidelberg—Paris, 1923.
Bonfante G. Civilisation indoeuropéenne et civilisaiion hittite // AO. Vol. 11. 1939.
Брандт Р. Ф. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // РФВ. Т. XXIII. 1890.
Брандт Р. Ф. Золовка // Jagić-Festschrift. Berlin, 1908.
Bréal M. Notes étymologiques // MSL. T. 7. 1892.
Brückner A. Etymologische Glossen // KZ. Bd. 43. 1909—1910.
Brückner A. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen // AfslPh. Bd. 42. 1929.
Brückner A. Mythologische Thesen // AfslPh. Bd. 40. 1926.
Brückner A. Slavisches *ch* // KZ. Bd. 51. 1923.
Brückner A. = *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Brückner A. Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Warszawa, 1904.
Brückner A. Über Etymologien und Etymologisieren. II // KZ. Bd. 48. 1918.
Brückner A. Wörter und Sachen // KZ. Bd. 45. 1913.
Brückner A. Wzory etymologii i krytyki źródłowej. II // Slávia. Roč. 5. 1927.
Brugmann K. Die Anomalien in der Flexion von griech. *γυνή*, arm. *kin* und altnord. *kona* // IF. Bd. 22. 1907.
Brugmann K. Griechisch *ἄνθρωπος* // IF. Bd. 12. 1901.
Brugmann K. KVGr = *K. Brugmann.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
Brugmann K. Νυός, *nurus*, *snuṣa* und die griechischen und italischen Feminina auf *-os* // IF. Bd. 21. 1907.
Brugmann K. Zu den Benennungen der Personen des dienenden Standes in den indogermanischen Sprachen // IF. Bd. 19. 1906.
Brugmann K. Griech. *υἱύς*, *υἱός*, *υἱωνός* und ai. *sūnuṣ* got. *sunus* // IF. Bd. 17. 1905.
Buck C. D. = *C. D. Buck.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indoeuropean Languages. Chicago, 1949 (см. раздел «Family relationship», с. 93—134)
Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // KZ. Bd. 32. 1892.

Bugge S. Zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // IF. Bd. 1. 1892.
Bugge S. Zur etymologischen Wortforschung // KZ. Bd. 19. 1870.
Будде Е. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора // РФВ. 1892. № 3.
Будимир М. Λαύριον πεδίον и *Taurisci, Taurunum* // Зборник философског факултета. Књ. III. Београд, 1955.
Buffa F. Nárečie Dlhej, Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.
Būga K. Картотека к Литовскому этимологическому словарю (хранится в ин-те литовского языка и литературы АН Лит. ССР, Вильнюс).
Būga K. Medžiaga lietuvių kalbos žodynui ir šnektoms tirti // Tauta ir žodis. T. I. 1923.
Būga K. Pastabos ir pataisos prie Preobraženskio rusų kalbos etimologijos žodyno (архив Буги, Отдел рукописей Вильнюсского университета).
Бунина И. К. Словарь говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 5. М., 1954.
Бурячок А. А. Названия родства и свойства в украинском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1954.
Бурячок А. А. Поняття «рідна мати» // Лексикографічний бюлетень. Київ, 1955.
«Български тълковен речник» от Ст. Аргиров, Ст. Младенов, Теодоров-Балан и Б. Цонев. Т. 1. София, 1951.
Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Волоцкой В. Сборник материалов для наречия Ростовского говора // Сб. ОРЯС. Т. LXXVII. № 3. 1902.
Волоцкой В. Словарь ростовского говора (Владимирской губ.) // Сб. ОРЯС. Т. LXXII. № 3. 1902.
Вук Стеф. Караџић. Српски рjечник. 4-е изд. Београд, 1935.
Cahen M. «Genou», «adoption» et «parenté» en germanique // BSL. T. 27. 1926.
Chantraine P. A propos de grec ὀθνεῖος // BSL. T. 43. 1946.
Charpentier J. The Original Home of the Indo-Europeans // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1926.
Cimochowski W. Le sandhi dans la langue albanaise // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950.
«Dabartinės lietuvių kalbos žodynas». Vilnius, 1954.
Даль В. И. = *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. 4-е изд. (отдельные ссылки делаются также на 2-е изд.).
Данилевский Н. Я. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1869.
Даничић Ђ. Рjечник из књижевних старина српских. I—III. Београд, 1863—1864.

Delbrück B. Über das got *dauhtar* // KZ. Bd. 19. 1870.
Delbrück B. = *B. Delbrück.* Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen. Leipzig, 1889.
Devoto G. Lit. *úošvis*, lett. *uôsvis* ʻsuoceroʼ // Studi baltici. Vol. 5. 1934—1935.
Диттель. Сборник рязанских областных слов // Ж. Ст. 1898. Вып. 2.
Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Dolobko M. Das sekundäre *v*- Vorschlag im Russischen // ZfslPh. Bd. 3. 1926 // Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Doroszewski W. J. Monografie słowotwórcze // PF. T. 15. Część druga. 1931.
Duchesne-Guillemin J. Tocharica // BSL. T. 41. 1941.
Дурново Н. Н. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московск. губ. // РФВ. Т. XLIV.
Дурново Н. Н. // РФВ. Т. LXVI. 1911.
Дурново Н. Н. Словарь Курской губ., Корочанского у., Лесковской вол., с. Шахово // РФВ. 1912. № 3.
Дурново Н. Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики // Slávia. Roč. 6. 1927.
Дювернуа А. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1885—1887.
Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.
Ердељановић Ј. Етнолошка грађа о Шумадинцима. Београд, 1951.
Елезовић Гл. Речник косовско-метохиског дијалекта, свеска I—II. Београд, 1932—1935.
Ernout—Meillet. = *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. T. I—II. 3ème éd. Paris, 1951.
Feist S. Indogermanen und Germanen. Aufl. 3. Halle, 1924.
Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Aufl. 3. Leiden, 1939.
Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 80. Л., 1949.
Филин Ф. П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. Т. XI. 1948.
Fowkes R. A. The Phonology of Gaulish // Language. Vol. 16. 1940.
Fraenkel E. Baltisches und Slavisches // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950.
Fraenkel E. Kreuzung einheimischer und fremder Synonyma ähnlicher Lautung im Baltischen (Ein Beitrag zur Fremdwortforschung dieser Sprachgruppe) // ZfslPh. Bd. 8. 1931.
Fraenkel E. Lituanica // KZ. Bd. 50. 1922.
Fraenkel E. Miszellen // KZ. Bd. 54. 1926.
Fraenkel E. Morphologisches und Etymologisches // Lingua Posnaniensis. T. IV. 1953.
Fraenkel E. Problemi di grammatica e vocabolario lituani // Studi baltici. Vol. 6. 1936—1937.

Fraenkel E. Slavisch *gospodь*, lit. *viẽšpats*, preuss. *waispattin* und Zubehör // ZfslPh. Bd. 20. 1948.
Fraenkel E. Zur balto-slavischen Grammatik I // KZ. Bd. 51. 1923.
Fraenkel E. Zur Verstümmelung bzw. Unterdrückung funktionsschwacher oder funktionsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen // IF. Bd. 41. 1923.
Friedrich J. Einige hethitische Etymologien // IF. Bd. 41. 1923.
Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954.
Frisk H. Griechische Wortdeutungen // IF. Bd. 49. 1931.
Gasparini E. L'esogamia degli antichi Slavi // Ricerche slavistiche. Vol. II. 1953.
Gäters A. Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung // KZ. Bd. 72. 1954.
Gebauer J. Slovník staročeský. I—II. Praha, 1903—1916.
Georgiev V. Eine gemeinsame Lauteigentümlichkeit des Albanischen, Phrygischen, Armenischen und das Gutturalproblem // KZ. Bd. 64. 1937.
Герасимов М. О говоре крестьян южной части Череповецкого у. Новгородск. губ. // Ж. Ст. 1893. Вып. 3.
Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. Т. LXXXVII. № 3. 1910.
Геров Н. Речник на български език. I—V. Пловдив, 1895—1904.
Горяев Н. В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис, 1896.
Grammont M. L'interversion // Streitberg—Festgabe. Leipzig, 1924.
Грандилевский А. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907.
Гринченко Б. Словарь украинского языка. I—IV. Киев, 1905—1907.
Güntert H. Labyrinth // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse. 1932—1933.
Güntert H. Weiteres zum Begriff «Winkel» im ursprünglichen Denken // WuS. Bd. 11. 1928.
Güntert H. Zur *o*-Abtönung in den indogermanischen Sprachen // IF. Bd. 37. 1916—1917.
Hermann E. Einige Beobachtungen an den idg. Verwandtschaftsnamen // IF. Bd. 53. 1935.
Hermann E. Entstehung der slavischen Substantiva auf *-yňi* // ZfslPh. Bd. 12. 1935.
Hermann E. Idg. *bher-* «tragen» im Baltischen // Studi baltici. Vol. 3. 1933.
Hirt H., Arntz H. Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939.
Hirt H. Untersuchungen zur idg. Altertumskunde // IF. Bd. 22. 1907.
Hodura Q. Nářečí litomyšlské. V Litomyšli. 1904.
Holub—Kopečný = *J. Holub, Fr. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Horák G. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955.
Hruška Fr. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907.
Iljinskii G. Zur slavischen Wortbildung. III. Die Etymologie des Wortes *невѣста* // AfslPh. Bd. 24. 1902.
Iljinskij G. Die Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in den slavischen Sprachen // AfslPh. Bd. 34. 1912.
Iljinskij G. Slavische Etymologien // AfslPh. Bd. 28. 1906.
Iljinskij G. Der Reflex des indogermanischen Diphtongs *ĕu* im Urslavischen // AfslPh. Bd. 29. 1907.
Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежии, 1916.
Ильинский Г. А. Славянские этимологии XXVI—XXX // РФВ. Т. LXV. 1911.
Ильинский Г. А. Славянские этимологии XXXVI—XL // РФВ. Т. LXIX. 1913.
Jacobson R. Slavic Mythology // Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. Vol. II. New York, 1950.
Jacobsohn H. Σχυϑιχά // KZ. Bd. 54. 1926.
Jagić V. Zusatz // AfslPh. Bd. 24. 1902.
Jagić V. Quattuor evangeliorum codex Marianus. Berlin — СПб., 1883.
Jespersen O. Language, its Nature, Development and Origin. London, 1949.
Jokl N. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung // Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse der Kaiserl. Akademie der Wissenschiften. Bd. 163. Wien, 1911.
Jóhannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951—1954.
Исаченко А. В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания // Slávia. Roč. XXII. 1953.
Isačenko A. V. Príspevok k štúdiu najstarších vrstiev základného slovného fondu slovanských jazykov // Studie a práce linguistické na počest... B. Havránka. I. Praha, 1954.
Juret A. La déclinaison de *υιός* chez Homère // Mélanges Émile Boisacq. Bruxelles, 1938.
Kaczmarek L. Kształtowanie się mowy dziecka. Poznań, 1953.
Kálal M. = *M. Kálal.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská-Bystrica, 1924.
Kalima J. Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
Караулов М. Материалы для этнографии Терской области // Сб. ОРЯС. Т. LXXI. № 7. 1902.
Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1—6. Kraków, 1900—1911.
Кедров Н. Слова ладожские // Ж. Ст. 1899. Вып. III—IV.
Kellner Ad. Východolašská nářečí. I—II. Brno, 1946, 1949.
Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. XXXII. 2. 1934.
Kiparsky V. The Earliest Contacts of the Russians with the Finns and Baits // Oxford Slavonic Papers. Vol. 3. 1952.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Aufl. 11. Berlin; Leipzig, 1934.

Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Aufl. 2. Halle, 1899.

Kluge F. Sprachhistorische Miszellen // Beiträge. Bd. 8. 1882; Bd. 9. 1884.

Klek J. Nachträgliches // IF. Bd. 44. 1927.

Kořínek J. M. Slov. *nevěsta* // LF. Roč. 57. 1930.

Kořínek J. M. Od indoevropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948.

Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

Kostrzewski J. Wielkopolska w pradziejach. 3 wyd. Warszawa—Wrocław, 1955.

Krahe H. Über *st.*-Bildungen in den germanischen und indogermanischen Sprachen // Beiträge. Bd. 71. 1949.

Krause W. Die Frau in der Sprache der altisländischen Familiengeschichten // Ergänzungshefte zur KZ. 1926. № 4.

Krause W. Die Wortstellung in den zweigliedrigen Wortverbindungen // KZ. Bd. 50. 1922.

Kretschmer P. Einleitung = *P. Kretschmer.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

Kretschmer P. Indogermanische Akzent- und Lautstudien // KZ. Bd. 31. 1899.

Kretschmer P. Über den Dialekt der attischen Vaseninschriften // KZ. Bd. 29. 1887.

Krogmann W. Das Buchenargument (Schluß) // KZ. Bd. 73. 1955.

Krušina-Černý. Společenský původ zobrazování vícehlavých božstev // Československá ethnografie. Č. 1. 1955.

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

Kulišić S. Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorské // Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву. Историја и етнографија. Св. XI. 1956.

Kuryłowicz. Accentuation = *J. Kuryłowicz.* Accentuation des langues indoeuropéennes. Kraków, 1952.

Kuryłowicz J. Études indoeuropéennes. I. Kraków, 1935.

Kuryłowicz J. Les effets du *ə* en indoiranien // PF. T. 11. 1927.

Kuryłowicz J. La nature des procès dits «analogiques» // Acta linguistica. Vol. V. 1945—1949.

Kuryłowicz J. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956.

Kuryłowicz J. Le degré long en balto-slave // RS. T. XVI. 1948.

Лавровский П. А. = *П. А. Лавровский.* Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867.

Ларин Б. А. Из истории слов. *Семья* // Памяти Л. В. Щербы. Л., 1951.

Leopold W. F. The Study of Child Language and Infant Bilinguism // Word. Vol. 4. 1948.

Leumann, Ernst, Julius. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Lief. 1. Leipzig, 1907.
Lewy E. Etymologien // KZ. Bd. 40. 1905.
Lewy E., Vasmer M. Russ. *мизинец* usw. // ZfslPh. Bd. 8. 1931.
Liewehr E. Über expressive Sprachmittel im Slavischen // Zeitschrift für Slawistik. Bd. I. H. 1. Berlin, 1956.
Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. I—III. Warszawa, 1807—1814.
Locker E. Die Bildung der griechischen Kurz- und Kosenamen // Giotta. 1932.
Lohmann J. F. Das Kollektivum im Slavischen // KZ. Bd. 56. 1929; Bd. 58. 1931.
Loewenthal J. Etymologische Parerga // Beiträge. Bd. 49. 1924—1925.
Loewenthal J. Etymologica // Beiträge. Bd. 52. 1928.
Loewenthal J. Etymologien // ZfslPh. Bd. 8. 1931.
Loewenthal J. ΘΑΛΦΤΤΑ // WuS. Bd. 10. 1927.
Loewenthal J. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga I // WuS. Bd. 9. 1926.
Loewenthal J. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga II // WuS. Bd. 10. 1927.
Loewenthal J. Wirtschaftsgeschichtliche Parerga III // WuS. Bd. 11. 1928.
Lorentz Fr. Slovinzisches Wörterbuch. Bd. I—III. СПб., 1908. 1912.
Льюис Г., Педерсен X. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
Ляпунов Б. М. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899.
Ляпунов Б. М. Семья, сябр — шабер. Этимологическое исследование // Сборник в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928.
Machek V. Česká a slovenská slovesa typu *hanobiti* (odvozená se jmen na *-oba*) // Naše řeč. Roč. 38. 1955.
Machek V. Essai comparatif sur la mythologie slave // RES. T. 23. 1947.
Machek V. Etymologies slaves // Recueil linguistique de Bratislava. I. 1948.
Machek V. Germano-slavische Wortstudien // Časopis pro moderní filologii. Roč. XXVI. 1939.
Machek V. Les verbes en *-chati* // Lingua Posnaniensis. T. IV. 1953.
Machek V. Origines des thèmes nominaux en *-ęt-* du slave // Lingua Posnaniensis. T. I. 1949.
Machek V. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen // Slávia. Roč. XVI. 1939.
Małecki M. Dwie gwary macedońskie (Sucho i Wysoka w Sołuńskiem). Część II. Słownik. Kraków, 1936.
Mann S. E. The Indo-European Vowels in Albanian // Language. Vol. 26. 1950.
Маринов Д. Думи и фрази из Западна България // СбНУ. Кн. XII. 1895.
Martinet A. Non Apophonic *ŏ* in Indo-European // Word. Vol. 9. 1953.
«Материалы и исследования по русской диалектологии». Т. I—II. М.—Л., 1949.

Mátl A. Abstraktní význam u nejstarších vrstev slovanských substantiv // Studie a práce lingvistické na počest... B. Havránka. I. Praha, 1954.
Matzenauer A. Cizí slova v slovanských řečech. Brno, 1870.
Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Lief. 1—6. Heidelberg, 1953—1956.
Meillet A. Des innovations caractéristiques du phonétisme slave // RES. T. 2. 1922.
Meillet A. De la disparition des noms indoeuropéens de parties du corps en slave // RS. T. IX. 1921.
Meillet A. Essai de chronologie des langues indoeuropéennes.
Meillet A. Etudes = *A. Meillet.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. P. I—II. Paris, 1902—1905.
Meillet A. Les dialectes indoeuropéens. Paris, 1922.
Meillet A. Lat. *genaīnus* // BSL. T. 27. 1926.
Meillet A. Les origines du vocabulaire slave // RES. T. 5. 1925.
Meillet A. Les vocabulaires slave et indo-iranien // RES. T. 6. 1926.
Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952.
Meillet A. Sur les correspondants du mot sanscrit *pátiḥ* // WuS. Bd. 12. 1929.
Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
Мейе А. Введение = *А. Мейе.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
Meyer K. H. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt; Hamburg, 1935.
Meringer R. Spitze, Winkel, Knie im ursprünglichen Denken // WuS. Bd. 11. 1928.
Meringer R. Wörter und Sachen II // IF. Bd. 17. 1904.
Mezger F. IE *se-*, *swe-* and Derivatives // Word. Vol. 4. 1948.
Mezger F. Zu einigen indogermanischen *g-* und *l-* Bildungen // KZ. Bd. 72. 1954.
Mikkola J. J. Urslavische Grammatik. T. 1. Heidelberg, 1913; T. 2. 1942; T. 3. 1950.
Mikkola J. J. Zur slavischen Etymologie // IF. Bd. 23. 1908—1909.
Miklosich F. = *F. Miklosich.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich Fr. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867.
Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
Милетич Л. Книжнина и езикът на банатските българи. IV. Словарь // СбНУ. Кн. XVI—XVII. 1900.
Miller M. Greek Kinship Terminology // The Journal of Hellenic Studies. Vol. LXXIII. 1953.
Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.

Младенов С. ЕПР = *С. Младенов.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Molè M. Contributions à l'études du genre grammatical en hittite // Rocznik Orientalistyczny. T. 15. 1949.
Morgenstierne G. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
Мотовилов А. Симбирская молвь // Сб. ОРЯС. Т. XLIV. № 4. 1888.
Moszyński K. Uwagi do 2. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego // JP. T. XXXIII. 1953.
Much R. Der germanische Himmelsgott. «Abhandlungen zur germanischen Philologie. Festgabe für R. Heinzel». Halle, 1898.
Мићевић Љ. Живот и обичаіи Поповаца. Београд, 1952.
Muka E. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. I—III. СПб.—Прага, 1921—1928.
Mülenbach = *K. Mülenbach.* Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1923—1946.
Niederle L. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953.
Nitsch K. Co znaczy rodzina // JP. T. XXXV. 1955.
Nitsch K. Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929.
Nitsch K. ред. Północno-polskie teksty gwarowe / Pod. red. K. Nitscha. Kraków, 1955.
Nitsch K. Wybór pism polonistycznych. T. II. Wroclaw—Kraków, 1955.
Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Obrebska A. «Stryj, wuj, swak» w dialektach i historii języka polskiego // Prace komisji językowej. № 5. Kraków, 1929.
Oertel H. Idg. *voida* «ich habe gesehen» = «ich weiß» // KZ. Bd. 63. 1936.
Ohnesorg K. O mluvním vývoji dítěte. V Praze, 1948.
Ohnesorg K. Fonetická studie o dětské řečí. Praha, 1948.
«Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852.
Osthoff H. Etymologica I // Beiträge. Bd. 13. 1888.
Osthoff H. Μνάομαι «ich freie» // KZ. Bd. 26. 1883.
Otrębski J. Miscellanées onomastiques // Lingua Posnaniensis. T. II. 1950.
Otrębski J. Origine du mot latin «noverca» // Eos. T. XXVII. 1929.
Otrębski J. Słów. *nevěsta* // PF. T. 11. 1927.
Памятники народного творчества. Вып. 1. Сборник западноболгарских песен со словарем. Собрал Влад. Качановский. СПб., 1882.
Pawłowski E. Gwara podegrodzka. Wroclaw—Kraków, 1955.
Pedersen H. Armenisch und die Nachbarsprachen // KZ. Bd. 39. 1904.
Pedersen H. Das indog. S im Slavischen // IF, Bd. 5, 1895
Pedersen H. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent // KZ. Bd. 38. 1902.
Pedersen H. Die Gutturale im Albanischen // KZ. Bd. 36.
Pedersen H. Lit. *iau* // Studi baltici. Vol. 4. 1934—1935.
Pedersen H. Wie viel Laute gab es im Indogermanischen // KZ. Bd. 36. 1898.

Pfuhl. Łužiski serbski słownik. Bautzen, 1866.

Pfuhl. Pomniki Połobjan Słowanscíny // Časopis Macicy Serbskeje. 1863. № 28. Budyšin.

Pietet A. Les origines Indoeuropéennes I—III. 2ème éd. Genève, 1877 (T. III. Ch. 1: La famille).

Писарчик А. К. О некоторых терминах родства таджиков // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953.

Пискунов Ф. = *Ф. Пискунов.* Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро Венгерской империи. 2-е изд. Киев, 1882.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. I—II. Ljubljana, 1894—1895.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

Погодин А. Л. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

Pokorny J. = *J. Pokorny.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949 и след.

Покровский Ф. Особенности в говоре населения по реке Письме Костромской губ., Буйского у. // Ж. Ст. 1895. Вып. IV.

Polák V. K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a slovanskými // LF. Roč. LXX. 1946.

Popović I. Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Arbanasa // Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Radovi, Knjiga II, odjeljenje istorisko-filoloških nauka, knjiga I. Sarajevo, 1945.

Poucha P. Tocharica // AO. Vol. 2. 1930; Vol. 3. 1931.

Prellwitz W. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892.

Prellwitz W. Idg. *vīros* «der Mann» // Giotta. Bd. 16. 1927.

Преображенский А. I—II = *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка. *А — сулея.* М., 1910—1914. Окончание — Труды ИРЯ. Т. I. 1949.

Prusík Fr. Slavische Miszellen // KZ. Bd. 33. 1893.

Preveden F. R. Etymological Miscellanies // Language. Vol. 5. 1929.

Ramult. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.

Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. VI. М., 1954.

Reiter N. Die deutschen Lehnübersetzungen im Tschechischen // Slavistische Veröffentlichungen. Bd. 3. Berlin, 1953.

«Ricerche Slavistische». Roma, 1952 и след.

Richter O. Griech. *δεσποτης* // KZ. Bd. 36. 1898.

Ровинский П. Черногория в ее прошлом и настояшем // Сб. ОРЯС. Т. LXIII. 1897.

Rospond St. Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z suffiksem *-itj*. Kraków, 1937.
Rost P. Die Sprachreste der Dravänc-Polaben im Hannoverschen. Leipzig, 1907.
Roth R. Etymologien: ἤϊθεος // KZ. Bd. 19. 1870.
Salys A. Mūsų gentivardžiai // Gimtoji kalba. 1937.
Sandfeld K. Linguistique balkanique. Paris, 1930.
Schachmatov A. A. Die gespannten Vokale ъ und ь im Urslavischen // AfslPh. Bd. 31. 1910.
Schachmatov A. A. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // AfslPh. Bd. 33. 1911.
Schmidt J. Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen // KZ. Bd. 25. 1879.
Schrader O. Über Bezeichnungen für die Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern // IF. Bd. 17. 1904.
Schrader O. Reallexikon = *O. Schrader.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.
Schulze W. Lesefrüchte // KZ. Bd. 63. 1936.
Schwarz E. Zur Chronologie von asl. *ū* > *y* // AfslPh. Bd. 42. 1929.
Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Учен. зап. МГУ. Вып. 128. 1948.
Semenovič A. Über *malžen*, *-manžel*, *-mandžel*, *-manžen-*, *mažen*, *-mąlžen*, *mąžen* und *mązžen* // AfslPh. Bd. 6. 1882.
Sereiskis B. Lietuviškai-rusiškaš žodynas. Kaunas, 1934.
Seymour C. R. On the change of *d* to *l* in Italic // IF. Bd. 2. 1893.
Šimek Fr. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947.
Simonyi S. Knie und Geburt // KZ. Bd. 50. 1922.
Скаличка В. О фонетической редукции // Сб. Пражский университет Московскому университету. Прага, 1955.
Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
Skok P. Mundartliches aus Žumberak (Śichelburg) // AfslPh. Bd. 33. 1912.
«Slavistična revija». Ljubljana.
Sławski Fr. = *Fr. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952 и след.
Sławski F. Szaber — siabr // JP. T. XXVIII. 1948.
«Słownik staropolski» / Pod red. K. Nitscha, Z. Klemensiewicza, J. Safarewicza, St. Urbańczyka. T. I. Kraków, 1953—1955.
Смирнов И. Т. Кашинский словарь // Сб. ОРЯС. Т. LXXX. № 5. 1901.
Smoczyński P. Przyswajanie przez dziecko podstaw systemu językowego. Łódź, 1955.
Solmsen F. Vermischte Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik // KZ. Bd. 34. 1895.
Solmsen F. Zur griechischen Wortforschung // IF. Bd. 31. 1912—1913.

Sommerfeit A. La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938.

Sørensen H. C. Die sogenannte Liquidametathese im Slavischen // Acta linguistica. Vol. 7. 1952.

Specht F. Eine Eigentümlichkeit indogermanischer Stammbildung // KZ. Bd. 62. 1935.

Specht F. Die Flexion der *n*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Verwandtes // KZ. Bd. 59. 1932.

Specht F. Lateinisch-griechische Miszellen // KZ. Bd. 55. 1928.

Specht F. Zur baltisch-slavischen Spracheinheit // KZ. Bd. 62. 1935.

Срезневский И. И. = *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка. I—III. СПб., 1893—1912.

Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.—Л., 1953.

Stieber Z. Etymologisches // ZfslPh. Bd. 9. 1932.

Streitberg W. Die Bedeutung des Suffixes *-ter-* // IF. Bd. 35. 1915.

«Studi baltici». Roma, 1931 и след.

«Studien zur indogermanischen Grundsprache». H. 4. Wien, 1952.

Sütterlin L. Der Schwund von idg. *i* und *u* // IF. Bd. 25. 1909.

Сырку П. А. Наречие карашевцев // ИОРЯС. Т. 4. Кн. 2. 1899.

Taszycki W. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955 (словарь).

«Tauta ir žodis». Kaunas, 1923 и след.

Tentor M. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres // AfslPh. Bd. 30. 1908.

Thomson G. Aeschylus and Athens. London, 1950.

Thörnqvist C. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen // Etudes de Philologie slave publiées par l'Institut Russe de l'Université de Stockholm. II. 1948.

Тимченко Е. Історичний словник українського язика. Т. 1 (А—К). Харьков—Киев, 1930.

Tomaszewski A. Mowa t. zw. Mazurów wieleńskich // Slávia Occidentalis. T. 14. 1935.

Trautmann R. BSW = *R. Trautmann.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. I—II. Berlin, 1948 и 1949.

Trier J. Vater. Versuch einer Etymologie // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fur Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. Bd. LXV. Weimar, 1947.

Трубецкой Н. О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском праязыке. 1. Слав. *nevěsta* // Slávia. Roč. 1. 1922—1923.

Uhlenbeck C. C. Die Behandlung des indog. *s* im Slavischen // AfslPh. Bd. 16. 1894.

Uhlenbeck C. C. = *C. C. Uhlenbeck.* Kurzgefasstes etymalogisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.
Uhlenbeck C. C. Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen // IF. Bd. 17. 1904.
Uhlenbeck C. C. Die germanischen Wörter im Altslavischen // AfslPh. Bd. 15. 1893.
Urbańczyk St. Religia pogańskich Słowian. Kraków, 1947.
Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Paris—Lyon, 1950.
Vaillant A. La dépréverbation // RÉS. T. 22. 1946.
Vaillant A. Les parlers de Nivica et de Túrija (Macédoine Occidentale) // RÉS. T. 4. 1924.
Vaillant A. Slave *mǫžь* // RÉS. T. 18. 1938.
Vaillant A. Les noms slaves en **-ěn-* // Slávia. Roč. 9. 1930.
Vasmer M. Poln. *niemowlę* 'mfans' // ZfslPh. Bd. 12.
Vasmer M. REW = *M. Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1956.
Verner K. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung // KZ. Bd. 23. 1875.
Vey M. Slave *st-* provenant d'i.-e. **pt-* // BSL. T. 32. 1931.
Vondrák W., I. = *W. Vondrák.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1906.
Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Aufl. 2. Heidelberg, 1910.
Walde—Pokorny = *A. Walde, J. Pokorny.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Berlin—Leipzig, I—II. 1926—1932.
Wanstrat L. Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes. Berlin, 1933.
Weber A. Çvaçura — socer — svaihra — ἑκυρός // KZ. Bd. 6. 1857.
Weber A. Svasṛi Schwester // KZ. Bd. 5. 1856.
Węglarz W. Przyczynek do prasłowiańskiej fonetyki historycznej // Sprawozdania PAU. T. XLI. 1936.
Weinhold. Deutsches und Slavisches aus der deutschen Mundart Schlesiens // KZ. Bd. 1. 1852.
Werchratskij J. Über die Mundart der galizischen Lemken // AfslPh. Bd. 16. 1894.
Wijk N. van. Remarques Sur le groupement des langues slaves // RES. T. IV. 1924.
Windekens A. J. van. Le témoignage du tokharien pour une alternance *sw*: *s*, *w* à l'initiale des mots // BSL. T. 41. 1941.
Windekens. A. J. van. Notes tokhariennes // AO. Vol. 18. 1950.
Zaręba A. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954.
Zimmermann A. Lateinische Kinderworte als Verwandtschftsbezeichnungen // KZ. Bd. 50. 1922.
Zubatý J. Slav. *pastorъкъ* // AfslPh. Bd. 13. 1890.
Zubatý J. Studie a články. Sv. I. Č. 1, Praha, 1945; Č. 2. 1949; Sv. II. 1954.
Zubatý J. Slavische Etymologien // AfslPh. Bd. 16. 1894.

Zubatý J. Zu den slavischen Femininbildungen auf *-yňi* // AfslPh. Bd. 25. 1903.
Zupitza E. Die germanischen Gutturale. 1896.
Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. // Сборник. II Отд. АН. Т. LXXVI. № 2. 1903.
Желеховский Є. Малоруско-німецкий словарь. I—II. Львів, 1886.
Цейтлин Р. М. К вопросу о значениях прииненной приставки *па-* в славянских языках // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. IX. М., 1954.
Чудовский Н. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор // РФВ. 1898. № 3/4.
Шатэрнік М. В. Краёвы слоунік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.
Эндзелин И. М. Латышские предлоги. Ч. 1—2. Юрьев, 1905—1906.
Эндзелин И. М. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв. Т. II. М.—Л., 1948.
Юшкевич А. Литовский словарь. I; II. Вып. 1. Пг., 1897; 1904; 1922.

1960

Книга II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

19 — 9718

ОДОМАШНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ РОЛИ В СВЕТЕ ДАННЫХ ЯЗЫКА

Исследование названий домашних животных неразрывно связано с изучением истории одомашнения животных, выдающегося культурного завоевания человечества. Результатом длительных усилий многочисленных поколений явилось создание целого ряда новых видов животных, генезис которых еще не вполне ясен для зоологов. Такое животное, как собака, полностью обязано своим существованием доместикационной деятельности человека. Неоспоримо огромное значение домашних животных в жизни самых различных народов, начиная с древнейших времен. Говоря о значении, мы сейчас вкладываем в это слово совершенно естественный для нас экономический смысл. О древних носителях индоевропейского языка известно, что у них были такие домашние животные, как собака, овца, крупный рогатый скот, свинья, лошадь. Названия этих животных носят преимущественно общеиндоевропейский характер, вероятно, потому, что они оформились в эпоху наибольшей близости индоевропейских диалектов. Тогда еще должен был преобладать скотоводческий характер культуры. Однако мотивы одомашнения и первоначальное «направление» животноводства совсем не соответствовали современным представлениям. Об этом свидетельствуют различные данные истории материальной культуры, а также факты языка. Не случайно из семи интересующих нас животных — собака, крупный рогатый скот, лошадь, овца, свинья, коза, кошка — только пять являются «полезными» домашними животными. Особняком стоят собака и кошка. Но если кошка как позднее приобретение не может приниматься в расчет, то собака, полезность которой сейчас явно относительна, а в момент одомашнения была еще меньше, оказывается почти всюду древнейшим, первым домашним животным. Глубоко справедливо мнение, что одомашнение животных далеко

не всегда объяснялось их хозяйственной пользой. Напротив, приручение и разведение животных всегда оказывалось в связи с религиозными воззрениями древнего человека. С древнейших времен человек нуждался в домашних животных для совершения жертвоприношения [1]. Кроме того, определенную роль играли также местные условия, характер фауны. Знакомство древних индоевропейцев примерно с одинаковым кругом животных — важное свидетельство их первоначальной общности и культурной однородности. Однако примечательно, что почти всюду, даже за пределами древней индоевропейской территории, первой была одомашнена собака. Там, где не было других подходящих крупных млекопитающих, как, например, в доколумбовской Америке, собака оставалась по сути дела единственным домашним животным. Сравнение роли индоевропейской собаки с ролью собаки у древних цивилизованных аборигенов Центральной и Южной Америки очень поучительно, так как помогает отбросить вторичные элементы и понять подлинный смысл существования этого домашнего животного. Собака древнеамериканских народов тесно связана с их религией и мифологией, это животное приносили в жертву при отправлении культа мертвых. Собака употреблялась также в пищу, но, как правило, на культовых празднествах, при жертвоприношениях, так как принесение животного в жертву обычно завершалось поеданием его мяса. Кинофагия, примеры которой отмечались и в древней Европе (ср. останки съеденной собаки среди неолитических находок в Вормсе), первоначально имела, вероятно, ритуальное значение. Пастушеская функция собаки была совершенно неизвестна в древней Америке. Все это вызывает сомнение в правильности этимологии Г. Остхофа: и.-е. **k̑uõn* ‘собака’ < **pk̑uõn* от *pek̑u* ‘скот’, точно так же, как ст.-слав. *пьсъ* < **пьсо-стражь* ‘хранитель скота’ (см. ниже). Ведь если скотоводство рано стало характернейшим занятием индоевропейцев, то собака была приручена еще раньше, до остальных домашних животных, что делает сравнение с древнеамериканской собакой вполне оправданным. Прав, далее, Э. Ган, который решительно возражает против мнения, что собака была приручена с целью использования на охоте.

Собака сблизилась с человеком как паразит, поедавший отбросы около человеческих стоянок. По-видимому, человек рано оценил такие услуги и не мешал этим диким еще животным следовать за ним и жить неподалеку от его жилищ, как не препятствовал он и позднее собакам-париям пожирать отбросы и избавлять тем самым селения от распространения заразных болезней. Затем сближение приняло более постоянную форму, животное приручалось, особенно детеныши. Использование животного носило случайный

---

[1] См.: *E. Hahn.* Haustier // *M. Ebert.* Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. V. Berlin, 1926. S. 216 ff.

характер. Например, кормящие матери давали иногда отсасывать излишек молока щенкам. Домашняя собака полифилетична, т. е. имеет ряд местных центров одомашнения и восходит при этом к различным диким собакообразным: в более северных районах — к волку, в южных — к шакалу, обнаруживая в разных районах большое сходство с местными видами этих диких животных.

С развитием скотоводства собака приобрела, несомненно, новое значение у индоевропейцев, гораздо более важное, чем использование на охоте, сохранявшееся с древних времен и основанное на врожденных охотничьих качествах этого животного. Однако вплоть до появления письменных памятников у индоевропейцев, а в ряде случаев — до наших дней сохранились ясные следы религиозной роли собаки как животного, окружаемого высокими почестями, неприкосновенного, наделенного божественней силой. Таков миф о четырехглазой собаке, известной из Авесты, а также в реликтовой форме у славян в виде народного поверья о чудесной силе четырехглазой собаки, которая видит и отгоняет нечистую силу. К древнему жертвоприношению может восходить и отмечавшийся у белорусов обряд убивания собаки[2].

Но наиболее яркий пример первоначальных мотивов одомашнения и эволюции роли домашнего животного представляет история крупного рогатого скота и связанной с ним лексики в индоевропейских языках. Если говорить о полезном скоте, то экономическая полезность крупного рогатого скота — коровы — остается вне всяких сомнений. По древности приручения только немногие животные, такие как собака и овца, соперничают с крупным рогатым скотом. Интересно, однако, что и крупный рогатый скот приручен и длительное время разводился, по-видимому, вовсе не из-за своей хозяйственной полезности. Мясо и молоко, ценнейшие продукты крупного животноводства, потреблялись крайне ограниченно В особенности это относится к молоку, пищевого применения которого долгое время, вероятно, не знали. Все эти сведения можно почерпнуть из языка, сопоставляя их с материалами

[2] См.: *F. Termer.* Der Hund bei den Kulturvölkern Altamerikas // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 82. Braunschweig, 1957. S. 1 ff.; *O. Schrader.* Reallexikon S. 515—516; *E. Hahn.* Hund // *M. Ebert.* Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. V. S. 403 ff.; Paulys Realencyclopädie der clastischen Altertumswissenschaft / neue Bearbeitung von G. Wissowa. 16. Halbbd. Stuttgart, 1913. столб. 2540 и след.; *O. Keller.* Die antike Tierwelt. Bd. I. Leipzig, 1909. S. 91 ff.; *В. В. Гольмстен.* К вопросу о древнем скотоводстве в СССР // Труды лаборатории генетики АН СССР. М., 1933. С. 84; *Е. А. Богданов.* Происхождение домашних животных. М., 1937. С. 79, 88 и след.; *H. Willmann—Grabowska.* Le chien dans l'Avesta et dans les Védas // RO. T. 8. 1934. P. 30 ff.; *K. Moszyński.* Pies w wierzeniach i obrzędach // Lud Słowiański. T. I (B). Zesz. 2. Kraków, 1930. S. 257 ff.; T. II (B). Zesz. 1. 1931. S. 70 ff.

этнографии и истории материальной культуры. Но прежде всего несколько слов об одомашнении.

Крупный рогатый скот Центральной и Восточной Европы происходит от местного дикого тура Bos taurus primigenius, широко распространенного в древности. Это особенно относится к крупным длиннорогим породам украинского и подоло-венгерского скота, в то время как мелкий скот обнаруживает тесную связь с западноевропейским неолитическим торфяным скотом Bos taurus brachyceros Rütim. Таким образом, крупный рогатый скот этих районов может считаться автохтонным по происхождению, с допущением определенных влияний с запада и с юга, со стороны средиземноморских стран. Не случайно поэтому ученые рано обратили внимание на наречие в семитских языках форм, близких и.-е. *g^{u}*ou*- и **touro*-. Однако подробности истории и.-е *g^{u}*ou*- (см. ниже) как будто не подтверждают предположения о заимствовании. Что касается **touro*-, то здесь гораздо более осязаемый и достоверный характер носят следы передвижения форм в самих индоевропейских диалектах. Славянский хорошо сохранил древние названия для домашнего и дикого животного: **govędo*, **turъ*. В то же время близкие лат. *taurus*, греч. *ταῦρος* 'бык, тур' явно не законны (иначе ожидалось бы **tarvos*, **σουρος* < и.-е. **touros*), они обнаруживают следы заимствования, причем вокализм и греч. *ταῦρος*) говорит о вероятности заимствования из иллирийского, имевшего, по-видимому, форму **tauros* (из и.-е. **touros*), более близкую балтийской (лит. *taũras*), чем правильным рефлексам латинского и греческого. Может быть, иллирийские индоевропейцы, раньше приблизившиеся к Средиземноморью и имевшие развитое крупное животноводство, передали затем свое **tauros* италийским и греческим племенам — следующей волне индоевропейской экспансии на юг. Ловлю и приручение тура в Средиземноморье иллюстрирует изображение на кубке, найденном в Вафио (1500—1200 гг. до н. э.). На влиятельность центра крупного животноводства в южной части Центральной Европы, возможно, указывают, отмеченные еще И. Иоклем (см. раздел «Крупный рогатый скот») иллирийские соответствия слав. **korva*[3].

Говоря о крупном рогатом скоте индоевропейцев, прежде всего имеют в виду молочное хозяйство. Если стать вообще на современную точку зрения, то крупный рогатый скот — это в первую очередь коровы, что можно было бы подтвердить, например, сравнительной оценкой потребления **korva* и родовых названий со значением 'крупный рогатый скот' в славянских языках. Но в праиндоевропейском языке имелось только родовое название самца и самки *g^{u}*ou*- 'крупный рогатый скот', не дифференцированное

[3] В странах средиземноморской зоны крупный рогатый скот с давних пор является главным домашним животным (ср. культ быка), что наложило также отпечаток на ономастику и топонимию, ср. *Italia*, букв. 'страна тельцов, быков', этноним *Vituli*, *Βοιωτία*, *Εὔβοια*.

относительно пола. Названия для коровы не существовало. Важность этого свидетельства языка трудно переоценить. Сначала кажется малоправдоподобным, чтобы индоевропейцы, разводя коров, не употребляли в пищу молока. Тем не менее в действительности так и было, и это, по-видимому, совершенно закономерная стадия в исторической эволюции животноводства, продолжавшаяся у разных народов разное время.

Так, большая культурная зона, в которой молочное хозяйство отсутствует, находится в Восточной Азии. Вторая аналогичная зона расположена в тропических лесах и саваннах Африки. В момент наибольшего распространения она охватывала 1/3 континента, населенную земледельческими племенами: Камерун и другие территории по берегам Гвинейского залива, весь бассейн реки Конго к западу от озера Ньяса, южные области Западного Судана. Население этих стран не употребляет в пищу ни коровьего молока, ни молока мелкого рогатого скота. Многие туземцы даже не знают происхождения молока. Они находят его столь же отвратительным, как, например, мочу, во всяком случае, вредной жидкостью, которую нельзя пить. Выпивший молоко считается ритуально оскверненным. Доения, как правило, не знают. Кое-где только привилегированные слои населения и жрецы имеют право употреблять молоко в пищу, особенно при исполнении религиозных ритуалов. Причем удивительно, что в зоне отсутствия молочного хозяйства в достаточном количестве имеются все виды дойного скота. Племена Южной Нигерии разводят крупный рогатый скот только как атрибут богатства и для религиозных целей (жертвоприношения); они не пьют молока и не едят мяса этих животных. Ашанти Золотого Берега (теперь Гана) разводят скот, но не употребляют в пищу коровьего молока, которое внушает им отвращение.

Совершенно очевидно, что в древности аналогичное отношение к молоку не ограничивалось описанными зонами. В Египте молоко лишь приносилось в жертву богам. Греки гомеровской эпохи тоже не пили коровьего молока.

И.-е. *g^{u}ou-* 'крупный рогатый скот' только в отдельных индоевропейских языках получило значение 'корова' (герм., индо-иран., ирл.), в то время как другие языки (италийск., греч., слав.) сохранили недифференцированное древнее значение. Переход к новому значению был осуществлен, вероятно, уже после распада общности, независимо в нескольких диалектах. Эта инновация ознаменовала переход к молочному хозяйству.

Не менее красноречиво отсутствие общего индоевропейского названия молока. Все существующие названия молока узко регинальны: др.-инд. *kṣīrá-*, *payas*, авест. *xšvīd-*, греч. *γάλα*, лат. *lac*, др.-ирл. *melg*, гот. *miluks*[4], тохар. А *malke*, алб. *hirë*, лит. *pienas*, лтш. *piens*, др.-русск. *dadan*. Ясно, что все они вторичны. Древние индоевропейцы не случайно не имели названия для

[4] Слав. **melko* 'молоко' скорее всего заимствовано из германского.

молока: они не знали, прежде всего, самого молока. Правда, известен общеиндоевропейский глагол *melĝ- 'доить' но почему-то название для молока образовалось от основы *melĝ- только в части индоевропейских диалектов, тем самым значительно позже эпохи общности. Можно думать, что лингвисты, принимающие существование индоевропейского термина со значением 'доить', допускают модернизацию. Все говорит в пользу того, что носители праиндоевропейского языка не умели доить скот. И.-е. *melĝ- означало что-то другое, быть может, высасывание; в этимологическом отношении оно, возможно, представляет собой ономатопоэтическое образование, передающее звук всасывания губами, ср. аналогичное по происхождению араб. *m-l-g* 'сосать грудь'. Этнографы указывают, что древней формой доения животных на заре развития скотоводства было высасывание молока из их вымени, носившее вначале случайный характер (высасывание вымени животного, убитого на охоте), затем широко практиковавшееся (на одомашненных животных). Высасывание производили лежа под животным, а не сбоку (обычная поза при ручном доении). Ряд элементов этого архаического способа долго сохранялся у разных народов (ср. доение овец сзади у казахов, фризов, восходящее к высасыванию лежа). Во всяком случае, общий результат проверки будет скорее противоположен выводу О. Шрадера, который полагал, что, чем ближе к первобытным условиям существования, тем выше значение молочного питания у индоевропейцев. Напротив, принесение в жертву коровы или быка — самая почетная жертва у всех индоевропейских народов — отмечено печатью глубокого архаизма и восходит к праиндоевропейской древности [5].

---

[5] См. *Е. А. Богданов.* Происхождение домашних животных. С. 150, 158, 166—167; *В. И. Громова.* Материалы к познанию фауны Трипольской культуры // Ежегодник Зоологического музея АН СССР. 1927; *Она же.* Тур и древнейшая история домашнего быка в СССР // Природа. 1930. № 7—8. С. 757, 770; *O. Shrader.* Reallexikon S. 64, 254; *H. Wagner.* Indogermanicsh-Vorderasiatisch-Mediterranes // KZ. 1957. Bd. 75. S. 58 ff.; *M. Budimir.* Ilirski problem i leksička grupa teutā // Vjesnik za arheolodiju i historiju dalmatinsku. 55. Split, 1953. S. 25; *М. Будимир.* Quaestio de Neuris Cimmeriisque // Глас Српске Академиje наука. 207. Одељење литературе и језыка. Нова серија 2. Белград, 1954. С. 32; *F. Simoons.* The non-milking area of Africa // Anthropos. Vol. 49. Freiburg, 1954. P. 58 ff.; *H. Kroll.* Die Haustiere der Bantu // Zeitschrift für Ethnologie. Jg. 60. Berlin, 1929. S. 245; *E. Gottlieb.* A systematic tabulation of Indo-European animal names. Philadelphia, 1931. P. 20; *J. J. Mikkola.* Die baltischen Ausdrüke für Milch und Butter // AfslPh. Bd. 39. 1925. S. 12; *W. Porzig.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelburg, 1954. S. 132; *O. Szemerényi.* Greek *γάλα* and the Indo-European term for «milk» // KZ. Bd. 75. 1958. S. 170 ff.; *H. Pohlhausen.* Das Wanderhirtentum und seine Vorstufen. Braunschweig, 1954. S. 65, 75, 141; *N. Lahovary.* La diffusion des langues anciennes du Proche-Orient. Berne, 1957. P. 161—162; *E. Mayrhoffer—Passler.* Haustieropfer bei den Indoiraniern und den anderen indogermanischen Völkern // AO. Vol. 21. 1953. P. 182 ff.

Аналогию использованию крупного рогатого скота представляет использование овцы, молоко которой употребляется в пищу на значительных пространствах заселения южных и западных славян и неизвестно в Белоруссии и на собственно русских территориях. Точно так же не исконно употребление в пищу молока овцы в других культурных районах. Древний характер имеет связь овцы с религией. Вместе с двумя другими животными овца фигурирует в римском обряде жертвоприношения suovetaurilia. Жертвоприношение овцы могло быть кровавым и бескровным. В последнем случае это было нередко принесение в жертву овечьей шерсти. Использование овечьей шерсти носит очень древний характер. Вполне вероятно поэтому мнение, согласно которому и.-е. **peḱu-* 'скот', связываемое с лит. *pèšti* 'рвать', 'рвать, щипать' первоначально обозначало только овцу, животное, у которого берут, рвут шерсть. В таком случае общеиндоевропейское название овцы **ovis* вторично. Этимологию **peḱu : pèšti* можно полнее использовать для исследования названий овцы. Она подтверждает семасиологическую правильность этимологии **ovis* < **eu-* 'одевать', т. е. 'животное, одетое шерстью'. Новое проявление той же апперцепции находим в индо-иранских названиях овцы, родственных слав. **mě̆хъ*, русск. *мех*. Другой пример такой устойчивости семасиологической характеристики в названиях домашних животных, проходящей через многие новообразования, мы наблюдаем в обозначениях собаки, с той разницей, что там от названия к названию повторяется иная характеристика: 'пестрый, определенного цвета, масти'.

Все сказанное выше доказывает, что шерстистость была отличительной чертой овец древних индоевропейцев. Родоначальником домашних овец палеарктической зоны обычно считают муфлона европейского и западноазиатского (Ovis musimon и Ovis orientalis). Указывают также на значение африканского центра овцеводства, однако не следует забывать, что африканские овцы — волосатые овцы, поэтому, например, о шерсти овец в Африке не может быть речи [6]. Влияния на древнее овцеводство Европы с юга и с востока были вполне возможны, об этом говорит заимствование некоторых названий животного (см. ниже), а также такое качество овцы, как способность к переходам на громадные расстояния [7].

---

[6] См. *H. Kroll.* Die Haustiere der Bantu // Zeitschrift für Ethnologie. Jg. 60. Berlin, 1929. S. 228.

[7] См. *K. Moszyński.* Kultura ludowa Słowian. Część I. Kraków, 1929. S. 114; *Е. А. Богданов.* Происхождение домашних животных. С. 181 и след.; *А. Браунер.* К вопросу о естественноисторическом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей // Труды лаборатории генетики АН СССР. М., 1933. С. 137—138; *A. Nehring.* Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat // Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Jg. 4. Wien, 1935. S. 64—67; *O. Keller.* Die antike Tierwelt. Bd. 1. Leipzig, 1909. S. 309 ff.

Древним домашним животным является коза, происхождение которой, однако, не выяснено полностью. Изучение одомашнения козы встречает ту специфическую трудность, что костные остатки козы очень трудно отличить от остатков овцы. Районов одомашнения козы было, по-видимому, несколько, судя по расселению диких пород козы в горных районах Средиземноморья, Малой Азии, Кавказа, на Среднем Востоке [8]. Все хорошо согласуется с множественностью названий козы в индоевропейском.

Первоначальное одомашнение козы осуществлялось за пределами центрально- и восточноевропейских равнинных районов, очевидно, уже значительно позже расчленения индоевропейского языкового единства, в эпоху индоевропейских экспансий.

Свинья относится к числу домашних животных, автохтонных в Европе (Средней и Южной). Так, простые домашние свиньи Восточной Европы восходят к дикому европейскому кабану Sus scrofa ferus. Восточноазиатский очаг одомашнения с диким прародителем Sus vittatus в расчет не входит. Индоевропейское свиноводство и вообще знакомство со свиньей связано с древних времен с западным районом, что поддается контролю при помощи данных языка. И.-е. **pork̑os*, обозначавшее первоначально детеныша дикой свиньи, убедительно этимологизируется как 'полосатый'. Именно поросята Sus scrofa ferus (Средняя и Южная Европа, Северная Африка, Западная и Средняя Азия) отличаются полосатостью. Для домашней свиньи эта особенность давно уже не свойственна (кроме районов с молодым свиноводством, например, в Африке), но тем ценнее для нас свидетельство этимологии. Во всей умеренной зоне, у многих (в основном западных) индоевропейских народов древности большой популярностью пользовалось мясо свиньи, в отличие от переднеазиатских семитов, исключавших свинину из пищи по гигиеническим и ритуальным соображениям. Известна древняя культовая роль свиньи, ср. праздник *ὑστήρια* в честь Афродиты в Греции [9].

Сложнейший узел вопросов представляет история домашней лошади. Использование этого животного содержит черты, сближающие его с остальными домашними животными. Вместе с тем среди животных, прирученных

---

[8] См.: *Е. А. Богданов.* Происхождение домашних животных. С. 197 и след.; *В. И. Громова.* Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Т. 1. М.: АН СССР. 1940. С. 91, 105—107.

[9] См. *O. Keller.* Die antike Tierwelt. Bd. 1. Säugetiere. Leipzig, 1909. S. 388 ff.; Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft // Neue Bearbeitung von G. Wissowa. H. 3. Stuttgart, 1921. столб. 801 ff.; *М. Е. Сергеенко.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М—Л., 1958. С. 4; *Т. П. Адлерберг.* К вопросу о происхождении домашних свиней // Труды лаборатории генетики АН СССР. М., 1933. С. 186.

человеком, лошадь выделяется своим своеобразием. С большинством домашних животных лошадь сближает возможность употребления в пищу ее мяса и молока, специально с крупным рогатым скотом — возможность ее тяглового применения. Однако ни одна из этих полезных функций не может быть названа причиной, побудившей человека приручить лошадь. Употребление кобыльего молока в пищу не исконно, оно вторично даже у алтайских народов. Тягловое значение лошади было вначале, по-видимому, минимальным. Обращает на себя внимание культовое значение лошади как жертвенного животного, о чем имеется множество древних свидетельств с разных концов индоевропейской территории. Лошадь ближе других животных стоит к божеству в индийской, греческой, римской, германской мифологиях. Замечательная быстроногость лошади дала толчок к отождествлению культа воды и культа лошади, к возникновению распространенного мифа о крылатом коне. Существовали особые конские боги — галльская *Epōna* и иллирийский *Juppiter Menzanas*. Если ставить вопрос о мотивах первоначального приручения и одомашнения, то приоритет следует признать за культовой ролью и жертвоприношением, сопровождавшимся, вероятно, поеданием мяса убитого животного.

И снова те функции, использовать которые нам казалось бы наиболее разумным, явились не сразу, а в виде эволюции. Этому не следует удивляться, примеров эволюции использования домашних животных немало. Сама лошадь относительно поздно была применена на земледельческих работах, вытеснив волов в некоторых районах в течение жизни одного поколения. Но еще в античной Греции подобное применение лошади было совершенно неизвестно.

Важнейший вопрос культурной истории лошади — это вопрос ее транспортной роли. В науке индоевропейских древностей до последнего времени оставалась злободневной проблема первичности способов транспортного использования лошади — как тяги при повозке и колеснице или как животного для езды верхом. Длительное время имела место тенденция рассматривать проблемы «Fahren und Reiten» как дилемму, причем езда и в повозке обычно считалась культурным достоянием праиндоевропейской эпохи, а верховая езда — очень поздним приобретением времени конца индоевропейской экспансии, полученным от других народов. Лингвистическим аргументом служил общеиндоевропейский характер **u̯oĝhos* 'повозка' (: **u̯eĝhō*) при полном отсутствии единого названия езды верхом типа нем. *reiten*, англ. *ride*, арм. *kecanem* 'еду верхом'. Однако эта теория основана на искаженной интерпретации фактов, в чем нужно полностью согласиться с такими специалистами, как Х. А. Потрац и Э. Делебек.

Искажение состоит в том, что ученые отождествляли кавалерийскую езду в военных целях с верховой ездой вообще. Но как раз эти вещи следует

строго разграничивать. Боевой конь — это новшество, которое постепенно внедрялось у индоевропейских народов лишь в течение I тыс. до н. э. В «Илиаде» не удается обнаружить почти ни одного ясного упоминания военного применения верховой лошади. Учителями греков в искусстве военной верховой езды были варвары. Около середины I тыс. до н. э. Ксенофонт, возвратившись после своих мытарств, написал под свежим впечатлением превосходства персидских кавалерийских войск целую книгу «Об искусстве верховой езды» (Περὶ ἱππικῆς). Бесконечные войны и общение с народами Востока быстро устранили недостатки, мешавшие прежде военному использованию верховой лошади. Появились стремена и седло. Но вся эта революция в военном деле не означает позднего происхождения езды верхом. Напротив, приоритет езды верхом на лошади является естественным и несомненным. Только при этом необходимо иметь в виду езду пастушеского значения, которая обходилась без упомянутых усовершенствований. Известно, что ездить верхом можно и на дикой лошади, однако нельзя дикую лошадь запрячь в повозку. Это и есть правильное решение проблемы «Fahren und Reiten».

Повозку с двумя и четырьмя колесами индоевропейцы знали с древнейших времен, ср. и.-е. **u̯oĝhos* 'повозка', **ak̂sis* 'ось', *k^uelos*, **rotos* 'колесо'. Тягловыми животными могут быть лошади и быки. Однако вероятнее всего это были быки. Лошадь не очень подходила или, точнее, еще не использовалась правильно для тяги. Немаловажная причина неправильного использования заключалась в примитивности упряжи, не рассчитанной на лошадь, душившей животное при сколько-нибудь значительной нагрузке повозки. Это была, в сущности, упряжь для быков, с ярмом, название которого носит общеиндоевропейский характер (**i̯ugom*, слав. **jьgo*, русск. *иго*). И здесь потребовались усовершенствования, прежде чем появились летучие колесницы, запряженные лошадьми, надолго ставшие грозным родом войск. Что касается великих миграций III тыс. до н. э., то основной тягловой силой в их осуществлении были быки, а не лошади, хотя, может быть, в глазах отдельных ученых это и наносит ущерб блистательности индоевропейской экспансии [10].

---

[10] См.: *O. Schrader.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. S. 170 ff., 230; *O. Keller.* Die antike Tierwelt. S. 246 ff.; *G. Dumézil.* Rituels indoeuropéens à Rome. Paris, 1954. S. 71, 73 ff.; *J. Hoops.* Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 3. Straßburg, 1915—1916. S. 408 ff.; *J. Wiesner.* Fahren und Reiten in Alteuropa und im Alten Orient // Der Alte Orient. Bd. 38. H. 2/4. Leipzig, 1939; *W. Brandenstein.* Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigweda // Frühgeschiehte und Sprachwissenschaft. Wien, 1948. S. 134 ff.; *Xénophon.* De l'art équestre. Texte et traduction par É. Delebecque. Paris, 1950; *É. Delebecque.* Le cheval dans l'Iliade. Paris, 1951; *H. A. Potratz.* Das Pferd in der Frühzeit. Rostock, 1938; *G. Hermes.* Das gezähmte Pferd im alten Orient // Anthropos. Bd. 31. 1936. S. 364 ff.; *G. Hermes.* Der Zug des gezähmte Pferdes

Развитие еще до начала миграций терминологии повозки, запряженной быками и редко лошадьми, свидетельствует о своеобразии условий жизни, которое не могло не оставить следов в языке. Интересен, например, факт наличия двух, казалось бы, разных индоевропейских основ **sed-* 'сидеть' и **sed-* 'идти'. Имеются основании говорить здесь не об исконном различии омонимов, а об одном исходном и.-е. **sed-*, совмещавшем оба значения, что-то вроде 'передвигаться сидя (в повозке)'. Для обозначения этого состояния глагольная основа **u̯eĝhō* (слав. **vezǫ*) не годилась, так как она выражала действие с точки зрения везущего животного, а не едущего в повозке, ср. страдательный залог лат. *vehi*, греч. *ὀχοῦμαι* 'ехать (в повозке)'. Позднее, после дифференциации двух **sed-*, основа **sed-* 'идти' образовала в славянском отношение глагольного супплетивизма с продолжением и.-е. **ei-*: **iti* — **šьd-/ *xod-*.

***

Предыдущее изложение в основном содержит попытку проникнуть как можно дальше в глубь истории нескольких домашних животных с помощью данных этимологии. Мы имели возможность убедиться в эволюции роли животноводства. Но если говорить о животноводстве, например, праславянского периода или еще более поздней эпохи, отделенной от нас приблизительно тысячелетием, — раннего средневековья, — мы получим картину, уже очень близкую современной. Правда, в ней имеется много пережитков, исчезнувших в последующее время. Ценность этих фактов, как и всей картины животноводства у славян, в целом состоит в прямых свидетельствах письменных памятников, современных эпохе.

Разведение домашних животных играло видную роль у славян в раннее средневековье, соперничая подчас с земледелием. Использование домашнего скота было многообразным. Наибольшей популярностью пользовалась свинья. Разводились коровы, волы (для пахоты), лошади, распространены были овцы и козы, содержались собаки, кошки, ласки. Довольно часто в пищу использовалась конина — обычай, исчезнувший на Руси около X в. В связи с

durch Europa // Anthropos. Bd. 32. 1937. S. 105 ff.; *W. Koppers.* Die Indogermanenfrage im Lichte der historischen Völkerkunde // Anthropos. Bd. 30. 1935. S. 12 ff.; *A. Heicrmeier.* Westeuropäische Heimat und Namen des Pferdes // Paideia. Anno 6. № 6. Firenze 1951. S. 357 ff.; *O. Antonius.* Stammesgeschichte der Haustiere. Jena, 1922. S. 257; *Е. А. Богданов.* Происхождение домашних животных. С. 235 и след.; *Ф. Кеппен.* К истории тарпана в России // ЖМНИ. 1896. Январь. С. 170—171; *Д. Н. Анучин.* К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России // ЖМНП. 1896. Июнь.

этим следует заметить, что слово *конина*, однородное по типу с общеславянскими названиями мяса животных *говядина*, *свинина*, представляет интерес для истории славянской культуры. Оно вполне соответствует историческим свидетельствам о том, что в раннее средневековье славяне ели мясо лошади. Учитывая словообразовательное своеобразие этой группы мяса (например, название коровьего, бычьего мяса образовано не от названий коровы или быка, а от старого *говядо* — *говядина*), мы вправе доверять и другим свидетельствам этих имен. Так, мясо овец, по-видимому, большого значения не имело: русск. *овчина* — от 'овца' — означает не 'мясо', а 'шкура'. Мясо обозначено производным от заимствования: *баранина*. Напротив, значение слова *овчина* говорит о важности овечьей шерсти, что еще больше подтверждается древним словом *руно*. Этимология этого последнего (*руно* : *рвать*) находится в полном соответствии с историческими свидельствами о том, что первоначально шерсть овец не стригли, а рвали. Что касается лошадей, то уже в начале XII в. имеются известия о применении их в своем хозяйстве мелкими земледельцами на Руси. Это указывает на то, что рабочих лошадей имелось довольно много. Вполне возможно, что ощущалась некоторая нехватка в крупных боевых конях [11].

Такова, на наш взгляд, правильная интерпретация источников. Однако нельзя не упомянуть о теории, сохраняющей сейчас значение исторического курьеза. Я. Пайскер опубликовал в 1905 г. книгу, где, за вычетом более или менее научных сведений о ранних германских и тюркских заимствованиях в славянском, согласованных автором со специалистами-языковедами, излагается неправдоподобная теория о славяно-греческих и славяно-тюркских связях [12]. Взяв за основу место из II главы книги Константина Багрянородного «О том, как надо управлять государством», где говорится, что печенеги разоряют соседних росов во время войн, а росы заинтересованы покупать у печенегов крупный рогатый скот, лошадей, овец, которых у самих росов не имеется, — Пайскер построил единственно на этой неточной или случайной информации чудовищную по нелепости концепцию. Сущность ее сводится к тому, что славяне, обираемые попеременно германцами и тюрками, лишились скота и влачили вегетарианское существование. К счастью, научная общественность давно оценила эту книгу как пример абсурда, до которого

---

[11] См. *W. Hensel.* Słowiańszczyna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Wyd. 2. Warszawa, 1956. S. 94 ff.; *В. І. Громаў.* Аб фауне гарадэішч БССР і Смаленскай губ. // Працы археалогічнай камісіі Беларускае Акадэміі навук. Менск, 1930. С. 213.

[12] См.: *J. Peisker.* Neue Forschungen zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Slawen. I. Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung // Sonderabdruck aus der Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte. III. Stuttgart, 1905.

может довести некритическое отношение к источникам. Что касается истории животноводства у славян, то она далека от примитивности, которую ей навязывал Пайскер.

***

Предлагаемая работа представляет собой первый опыт монографического исследования этимологии славянских названий домашних животных. Совершенно очевидно, что самая большая трудность состоит в том, чтобы определить границы привлекаемого материала. За несколькими основными славянскими названиями-терминами стоит множество более ограниченных по распространению, более детализирующих по значению старых и новых слов, которые также необходимо было подвергнуть этимологическому анализу, хотя найти их связи не всегда оказывалось возможным. Представляют интерес следы старых диалектных отношений в названиях домашних животных. В этом, как и в других случаях, сравнение выходит далеко за пределы славянских языков. Важной задачей работы явилось использование и оценка достижений этимологии в этой области словаря. Совершенно естественно, что при этом не обошлось без некоторых коррективов и уточнений.

Первостепенную задачу, точнее даже — смысл этимологического исследования такой группы слов, как названия домашних животных, нужно видеть в изыскании лингвистическими средствами новых данных по истории самих животных, по истории культуры.

СОБАКА

Бесспорно общеславянским названием собаки является *pьsъ*, известное с самого начала как родовое обозначение животного: ст.-слав. *пьсъ κύων*, др.-русск. *пьсъ*, русск. *пёс* (стар., вульг.) 'собака', укр. *пес*, польск. *pies*, кашуб. *pjes*, словин. *pjięs*, в.-луж. *pos*, н.-луж. *ṕes*, *pjas*, полабск. *pasai* (**pьsi*), им. мн. [1], чеш., слвц. *pes*, словен. *pès*, сербохорв. *пȁс*, *псето*, диал. *сето*, болг. *пес*, *пъс*, *псе*, *псéто*.

Большинство форм, производных от слав. *pьsъ*, представляется прозрачным в структурном отношении. Несколько проблематичный характер носит лишь объяснение гидронима *Псёл*, род. ед. *Псла* (левый приток Днепра) из *Пьсьлъ*, производного от *пьсъ* с суффиксом *-ьлъ*, ср. *козьлъ*, *орьлъ*, русск. *козел*, *орел* [2].

Наиболее вероятной фонетически и семантически является этимология, согласно которой слав. *pьsъ* 'собака' развилось из первоначального названия цвета и вместе со слав. *pьstrъ*, русск. *пестрый* (и др.), др.-инд. *piçáŋgas* 'рыжеватый, бурый (также в качестве названия собаки)', *piçás* м. р. 'лань', авест. *paēsa-* 'прокаженный', греч. *ποικίλος* 'пестрый', др.-в.-нем. *fêh* 'пестрый', нем. *Feh* — о пестром животном (серне и под.), гот. *filu-faihs* 'многообразный' восходит к и.-е. **pik̑-/ *peik̑-* 'пестрый, делать пестрым', куда и слав. *pisati*, русск. *писать* [3]. Называние собаки по масти — это бес-

---

[1] См.: *B. Szydłowska.* Hodowla zwierząt domowych u Połabian w świetle zabytków języka połabskiego // Studia z filologii polskiej i slowiańskiej. 1. Warszawa, 1955. S. 458.

[2] См.: *M. Vasmer.* Zur slavischen Namenforschung. 1. Psiol // Mélanges de philologie offerts a J. J. Mikkola. Helsinki, 1931. S. 338—339. — В общем это весьма соблазнительная этимология, если учесть к тому же, что река *Псёл* имеет еще приток под названием *Псинка*, на что М. Фасмер также обращает внимание.

[3] См.: *M. Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch. S. 346—347 (в дальнейшем — REW); там же подробный перечень литературы; ср. еще: *A. Brückner.* Słownik

конечно повторяющийся процесс, начиная с древних его проявлений, устанавливаемых более или менее вероятно при помощи этимологии, и вплоть до новых местных названий, подчас не отличимых от кличек типа укр. *Рябко*. Этнограф Л. Мичович сообщает следующие сведения из Нижней Герцеговины: «Псима даjу имена према длаки: шаров, гаров, бjелов, путо и т. д.» [4]. Сближение собачьих кличек и нарицательных имен с терминологическим значением весьма полезно как указание на правильную этимологию слова *рьсъ*, дающее также возможность восстановить его семантическую историю, не дошедшую до нас в виде прямых свидетельств. Кроме того, эту этимологию слав. *рьсъ* подтверждают опыты этимологического исследования некоторых других семантически близких слов (ср. ниже о слав. *хр̑тъ*).

Другие этимологии *рьсъ* менее убедительны. Наиболее серьезна из них попытка связать это слово с лат. *pecus*, *-oris* 'скот', *pecu*, *-ūs*, *pecus*, *-udis* то же, др.-инд. *páçu* ср. р., *paçús* м. р. 'скот', авест. *pasu* то же, др.-в.-нем. *fihu* 'скот'. Расхождения вокализма и гласного конца основы (праслав. **pĭso-* : и.-е. **peḱu-*), а также совершенно четкое различие значений (слав. 'собака' : прочие индоевропейские 'скот') вынуждают этимологов принимать незасвидетельствованные апофонетические ступени и приписывать решающую роль условно реконструируемым звеньям, как это делал, например, Г. Остхоф, производя *рьсъ* 'собака' из **рьсо-stražь* 'хранитель скота' < и.-е. **pəḱu-* : **peḱu-* [5].

---

etymologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Warszawa, 1957. S. 415 (в дальнейшем — *Brückner*. SEJP), без связи с *pies*, *рьсъ*.

[4] *Љ. Мићовић*. Живот и обичаjи Поповаца. С. 27.

[5] См. также: *F. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. S. 271 (в дальнейшем — EW); *Н. Горяев*. Сравнительный этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Тифлис, 1896. С. 258; *H. Osthoff*. Etymologische Parerga. I. Leipzig, 1901. S. 214 ff. — Г. А. Ильинский, следуя в основном за Остхофом, очень упрощает отношения и связывает *рьсъ* прямо с **peḱu-* 'скот, дающий шерсть', преувеличивая значение форм русск. *псо́вина* 'длинная шерсть у собак', *(густо)псо́вый* (см.: *Г. А. Ильинский*. Славянские этимологии. С. 13; *Он же*. Славянские этимологии. LI—LX. С. 286). Неубедительны, далее, сопоставления *рьсъ* с лат. *speciō* 'смотрю', др.-инд. *páçyati* 'смотреть' [*A. Meillet*. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905. P. 238; ср. еще *А. Преображенский*. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 52 (в дальнейшем — ЭС); *С. Младенов*. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. С. 419 (в дальнейшем — ЕР). Невероятно объяснение *рьсъ* из подзывания *ps*, *p's* (*J. M. Kořinek*. K původu slov. *рьсъ* // LF. Sv. 58. 1931. S. 437 ff.; ср. *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého slovenského. Praha, 1957. S. 364), прочие этимологии см. *M. Vasmer*. // REW. Bd. 2. S. 347.

Мы не можем назвать обозначения самки собаки, суки, которое носило бы, наряду с *рьсъ*, общеславянский характер и могло бы соперничать с этим родовым названием по древности. Слав. *suka*, представленное в русск., укр., блр. *сýка*, др.-русск. *сука*, польск. *suka*, кашуб. *sëka*, полаб. *saukó* 'потаскуха', ср. также русск. диал. (псковск.) *суцáя* 'сука, собака' [6], является северно-славянским словом по своему распространению; оно неизвестно в южнославянских языках, где в этом значении выступают серб., болг. *кучка*. Результатом контакта с западнославянскими языками явилось нем. диал. *Zauke* 'потаскуха' [7]. Таким образом, слово *suka* не может считаться общеславянским названием. Правда, одно лишь это обстоятельство еще не указывает на позднее происхождение слова, но в соединении с некоторыми другими моментами оно также приобретает вес. Наличие, наряду с *suka*, польск. стар. *sula* (XVII в.) [8] позволяет выделить в этом слове суффикс *-ка*. На этом, пожалуй, кончаются положительные сведения, которые можно дать относительно структуры слова *сука*. Популярное сближение славянского слова с и.-е. **kuōn* 'собака' [9] противоречит известным данным об эволюции в славянском древних основ на согласный *-n* (ср. и.-е. **kamōn* > слав. *kamy*, *kamykъ*). Возведение слав. *suka* к и.-е. **(p)k̑eu-kā* [10] как будто лишено оснований. Остается считать пока недоказанным сохранение в славянском формы, продолжающей и.-е. **k̑uōn*, ср. лит. *šuõ*, род. ед. *šuñs*, лтш. *suns*, *suntanā*, др.-прусск. *sunius*, др.-инд. *çúvā*, *çvā*, авест. *spā*, арм. *šun*, греч. *κύων*, лат. *canis*, гот. *hunds*, тохар. *ku*, фриг., фрак, *καν-*, хетт, иероглифич. *śuwana-* [11].

---

[6] См.: Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. С. 261.

[7] См.: *Weinhold.* Deutsches und Slavisches aus der deutschen Mundart Schlesiens // KZ. Bd. 1. 1852. S. 254.

[8] См.: *A. Brückner.* SEJP. S. 525.

[9] См.: *M. Vasmer.* // REW. Bd. 3. Heidelberg, 1958. S. 42.

[10] См.: *H. Osthoff.* Etymologische Parerga. I. S. 256—257; *В. И. Георгиев.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 46—47.

[11] Об и.-е. *k̑uōn* и его продолжениях по языкам см.: *A. Ernout.* Les éléments dialectaux du vocabulaire latin. Paris, 1928. P. 72, 135; *E. Raucq.* Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indo-européen // Rijksuniversiteit te Gent. Werken uitgegeven door de Faculteit van de wijsbegeerte en letteren. 88-e aflevering. Antwerpen-'s-Oravenhage, 1939. P. 1 ff.; *F. Specht.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 32, 121—122; *J. Otrębski.* Rec. *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Aufl. 3. // LP. T. III. 1951. S. 341—342; *E. Fraenkel.* Baltische Etymologien // ZfsPh. Bd. 21. 1953. S. 138 ff.; *Он же.* Baltische, slavische und iranische Beiträge // Münchener Studien zur Slavenkunde. Festgabe für P. Diels. München, 1953. S. 114 ff.; *V. Pisani.* Studi sulla fonetica dell'armeno // Ricerche linguistiche. I. Roma, 1950. P. 172; *В. И. Георгиев.* Исследования... С. 117, 139, 151.

Детеныш собаки имеет название, известное во всех славянских языках: црк.-слав. **щєнѧ** *σκύμνος*, др.-русск. *щеньць*, *щеня*, русск. *щенóк*, укр. *щеня́*, род. *-я́ти*, блр. *щенё*, диал. *щаня́*, *щаню́к* [12], др.-польск. *szczenice*, польск. *szczenię*, *szczeniak*, словин. *ščię́ną*, в.-луж. *šćenjo*, н.-луж. *sćeńe*, полаб. *stėną*, др.-чеш. *ščenĕ*, чеш. *štěně*, слвц. *štenec*, *šteňa*, словен. *ščenè*, *-éta*, *ščenec* сербохорв. *штѐне*, болг. *щéне*. Все эти слова указывают на исходное **ščen-*, **ščenęt-* < **sken-*, обычно связываемое с названиями молодых животных: арм. *skund* 'щенок, волченок', ирл. *cano*, *cana* 'волченок', кимр. *cenaw* 'щенок, волченок', а также со слав. *čędo* 'дитя', *načęti*, русск. *на-ча́ть*, *на-чну́*, греч. *καινός* 'новый', др.-инд. *kániṣṭhas* 'самый младший' [13]. В соответствии с этим можно, по-видимому, объяснить значения вроде словен. *ščenè* 'поросенок', в.-луж. *šćenjo* 'меньший, последний ребенок', болг. диал. *штéни*, *штéнинци* 'ребенок' [14], диал. *Щеню́к* 'молодой' (прозвище) [15], русск. диал. *пащёнок* 'испорченный малолеток' [16], ср. и распространенную украинскую фамилию *Пащенко* [17], — как следы более древней семантической характеристики этого слова, обозначавшего детенышей определенного возраста от разных животных.

Общеслав. *xrtъ* имеет все признаки специального термина, обозначающего собак определенного вида; ср. его значение 'борзая, охотничья собака', представленное во всех языках: русск., укр. *хорт*, польск. *chart*, чеш. *chrt*, н.-луж. *chart*, в.-луж. *khort*, словен. *hr̀t*, серб. *xр̏т*, болг. *хрът*, *хрътка*. Аналогичным специальным названием было вначале, вероятно, и слав. *pьsъ*, но связи последнего уходят глубже в индоевропейскую древность, а именно — в сферу названий цвета; слав. *xrtъ*, которое, как увидим ниже, тоже можно считать по происхождению названием цвета, оформилось, должно быть, позднее. Круг его ближайших соответствий не выходит за рамки балтославянских связей. Слав. *xrtъ* образовалось, по-видимому, из **srtъ* (с развитием *x* < *s* в приставочных и других сочетаниях по «правилу Педерсена»); последняя форма с нулевой ступенью корневого гласного родственна лит. *sar̃tas* 'светло-гнедой (о лошади), желтоватый', сюда же

[12] См.: *А. К. Сержпутовский.* Грамматический очерк дер. Чудина, Слуцкого у. Минской губ. // Сб. ОРЯС. Т. 89. С. 53.

[13] См.: *M. Vasmer.* // REW. Bd. 3. S. 448; *А. Преображенский.* ЭС // Труды Ин-та русского языка. Т. I. М., 1949. С. 117.

[14] См.: *И. К. Бунина.* Словарь говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 3. М., 1953.

[15] См.: *М. Герасимов.* Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. Т. 87. № 3. 1910. С. 97.

[16] См.: *И. Т. Смирнов.* Кашинский словарь // Сб. ОРЯС. Т. 70. № 5. 1901. С. 127.

[17] Сюда же производные с приименной приставкой *su-*: серб. *су̏штен*, словин. *sóu̯ščìęńå* 'щенная (сука)'.

русск. *мухóртый* 'гнедой, с желтоватыми подпалинами' — очевидная гаплология из **мухо-хорт*[18].

Специальным названием является также еще одно слово, широко, хотя и не повсеместно, распространенное в славянских языках: русск. *вы́жлец*, *вы́жлик*, *вы́жлок*, *вы́жлица*, *выжлóвка* 'ищейка, гончая', польск. *wyżeł*, *wyżełek*, чеш. *vyžel*, *vyžle*, слвц. *vyžla*, словин. *vížel*, серб. *вйжао*, *вйжле*. Слав. *vyžьlъ*, если вообще можно для него реконструировать эту архаическую праформу, — это название старой охотничьей породы. Для истории слав. *рьsъ*, *xṛtъ* и *vyžьlъ* из специальных названий представляет интерес поговорка: «Ни пес, ни хорт, ни выжлец» (*Даль*. I^2. С. 289), где в один ряд с бесспорно специальными *хорт* и *выжлец* поставлено общее название *пес*. Происхождение слова *vyžьlъ* неясно[19]. В связи с этим справедливо поставить вопрос о заимствовании этого слова, причем источник заимствования должен был находиться скорее ближе к северным, чем к южным славянским языкам, где данное название известно лишь на северной периферии. Остроумная этимология Я. Мелиха о заимствовании в славянские из венг. *vizsla* 'живой, проворный, бдительный' (прил.), 'гончая' (сущ.) (ср. также глагол *vízsgálni* 'проверять, испытывать', финноугорского происхождения)[20] все-таки маловероятна. Не менее убедительно можно считать само венг. *vizsla* 'гончая' заимствованным из славянских и вторично сблизившимся по народной этимологии с исконным *vizsgálni* и родственными. Однако не более вероятно предположение М. Фасмера о заимствовании славянских слов из нем. **Wîsel*, ср. ср.-в.-нем. *wîsel*, 'пчелиная матка', др.-в.-нем. *wîso* 'вожатый, поводырь' (REW. Bd. 1. S. 239). Очень искусственно и не выдерживает никакой критики толкование Г. А. Ильинского из и.-е. **ūĝ-*, ср. **au̯eĝ-*, в лат. *vigil* 'бодрый,

---

[18] См: Славянские этимологии 1—7 // ВСЯ. Вып. 2. 1957. С. 38 и след. Сводку существующих этимологий см.: *M. Vasmer*. // REW. Bd. 3. S. 265; *F. Sławski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I. Kraków, 1956. S. 60—61; сомнительно объяснение *xṛtъ* < и.-е. **sṛ-to-* < **ser-* 'мчаться' (*K. Moszyński*. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S. 136). Лит. *kùrtas* заимствовано из слав. *xṛtъ*, иначе — и не убедительно — см.: *W. P. Schmid*. Baltisch kurtas und andere Tierbezeichnungen // SYBARIS. Festschrift für H. Krähe. Wiesbaden, 1958. S. 129 ff.

[19] Отсутствие этого слова в болгарском подчеркивают Я. Мелих (см. ниже) и М. Фасмер (REW. Bd. 1. S. 237). Ср., однако, болг. диал. *вижлèц* 'ловджийско куче, малка хрътка' (с. Недевско, Габровско), см.: *Х. Кодов*. Из българския речник // Списание на Българската академия на науките. Кн. 43. Клон ист.-филол. 21. София, 1930. С. 152.

[20] См.: *J. Melich*. Über ung. *vizsla*, serb. *vìžao* etc. // Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му. София, 1933. С. 147 и след.; ср. также: *K. Nitsch*. Rec. названного сборника // JP. T. XIX. P. 56.

живой' [21]. Впрочем, не исключена возможность, что *vyžьlъ* явилось исконно славянским образованием, хотя бы из части славянской языковой территории, откуда оно позднее разошлось как внутриславянский культурный термин. Поэтому не так уж «примитивна» этимология А. Брюкнера, связывавшего польск. *wyżeł* с *wyg-*, ср. польск. *wyga* 'старый пес', которое в свою очередь образовано от *wyć* 'выть' с суффиксом *-ga* [22]. Эта этимология объясняет на польском языковом материале словообразовательные особенности слова *wyżeł*, перед которыми оказываются беспомощными другие попытки.

Чрезвычайно широко распространены названия от фонетических вариантов **kut-/*kuč-/*kuc-*, обозначающие главным образом щенка, реже — суку, вообще собаку, но их пестрота, довольно капризное фонетическое разнообразие, подчас противоречащее нормальному развитию, а также факты близости, не сводимой к общему первоисточнику, говорят о том, что перед нами подзывания животных, ономатопоэтические элементы: русск. диал. *кутёнок* 'щенок', *кутя́*, *кутько́*, *кутю́к*, *ку́тик* то же, *куту́ха* 'сука', *кучко́*, *кичко́* 'кобель, пес', укр. *котю́га* 'собака, пес', ср. слвц. *koťuha* то же, болг. *ку́че* ср. р. 'собака', *ку́чка* 'сука', серб. *ку̏че* ср. р., *кучак*, *ку̏чка*, словен. *kûčək*, *kûček*, сюда же польск. *Kucziuk* — собачья кличка. Далее ср. русск. *куть-куть!*, польск. *kuciu-kuciu!* — подзывания [23], алб. *kutsh* 'собака', лтш. *kuce*, *kucęns*, а также лтш. *kuņa* 'сука' [24], осет. *kyʒ/kuj* 'собака' < вост.-иран. **kuti*, ср. памирск. *kud*, *k'od*, скиф. собств. Κουζαῖος [25], курд. *kūčik*, венг. *kutya* 'собака', коми *kitši*, *kytši* 'щенок' [26]. Поскольку вопрос о принадлежности этих слов к звукоподражательным образованиям решен положительно, они могут быть приравнены как однородные к сходным, но несущим бо́льшую экспрессивность и потому преобразованные соответствующим образом фонетически, укр. *цу́цик* 'щеночек' [27], *цуценя́* то же, русск. *цуцу́* — подзыва-

---

[21] См.: *Г. А. Ильинский.* Славянские этимологии. III. (Прасл. *vyžьlъ* 'canis sagax') // С. 130—131.

[22] См.: *A. Brückner.* // SEJP. S. 640; *M. Rudnicki.* Safiksy ze spółgłoską *-g-* // SO. T. 10. 1931. S. 278. — К сожалению, М. Фасмер (там же) ничего не говорит об этой возможности.

[23] См.: *Л. И. Германович.* Слова клича и отгона животных в русском языке // Известия Крымского пед. ин-та. Т. 19. Симферополь, С. 306.

[24] См.: *E. Fraenkel.* Baltische, slawische und iranische Beirträge // Münchener Studien zur Slavenkunde. Festgabe für P. Diels. München, 1953. S. 115.

[25] См.: *В. И. Абаев.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958. С. 605.

[26] См.: *Л. А. Ивашко.* Заимствованные слова в печорских говорах // Учен. зап. ЛГУ. №243. Серия филол. наук. Вып. 42. 1958. С. 93; *M. Vasmer.* // REW. Bd. 1. С. 705—706.

[27] См. : *F. Miklosich.* EW. S. 145.

ние собак, в.-луж. *ćuća*, *ćućak* 'собака' (в детской речи), сербохорв. *ćuko* 'собака' [28], русск. диал. *тютька* 'собака', лит. *čiùčius* 'собачка' [29].

Узкоспециальным термином является название гончей, охотничьей собаки: серб.-црк.-слав. *огаръ*, серб. *о̀гар*, словен. *ogar*, чеш. *ohař*, др.-польск. *ogarz*, польск. *ogar*. Вероятна его связь с черк. *hager* то же, тюрк. (уйгур.) *ägär*, венг. *agár*, осет. *jegar* [30]. Однако на славянской почве это слово могло довольно быстро сблизиться с исконными *gorěti*, *ogarъ*, *ogarъkъ*, русск. *ога́рок*, по той причине, что у этих собак имелись характерные «подпалины» [31]. В славянских языках, по-видимому, уже существовали прецеденты подобной связи. Так, мне кажется, что русское слово *поджа́рый* 'худощавый, стройный' можно правильно понять лишь в том случае, если видеть в нем первоначальное обозначение гончего пса с подпалинами, а кроме того — с такой выразительной стройностью, худобой, что собаководческий термин, быстро деэтимологизировавшись, стал вообще обозначением чрезвычайной стройности [32]. Связь перечисленных ниже названий собак с серб. *зага̏ре* 'охотничья собака' и под. [33] не вполне ясна.

Любопытно стоящее изолированно в русском словаре древнерусское название овчарки, пастушьей собаки *гричь*, продолжением которого, возможно, является современное русское бранное *хрыч*, с экспрессивной спирантизацией *г* > *х*; сюда же, вероятно, относится чеш. диал. (моравск.) *gryc*, *gric* ругательство 'чучело, пугало' [34].

---

[28] См.: *F. Iveković, J. Broz.* Rječnik hrvatskoga jezika. 1. Zagreb, 1901. S. 185.

[29] См.: Мне осталась недоступной работа: *W. Schulze.* Indogermanische Interjektionen // Aufsätze zur Kultur und Sprachgerschichte, vornämlich des Orientes E. Kuhn gewidmet. Breslav, 1916.

[30] См.: *J. Holub, F. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 252; *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. S. 335; *M. Vasmer.* // REW. Bd. 2. S. 251; *В. И. Абаев.* Историко-этимологический словарь... С. 411.

[31] А. Брюкнер (SEJP. S. 375), например, вообще отождествляет название собак со слав. *ogarъ*, *ogarъkъ*, что едва ли верно.

[32] Таким образом, русск. *поджа́рый* первоначально не должно было означать 'сухой, худощавый' и его не нужно производить *поджа́ристый*, вопреки А. Преображенскому (ЭС. Т. 2. С. 86) и М. Фармеру (REW. Bd. 2. S. 383). Сюда же такое недвусмысленное обозначение цвета, а не сухости, худобы, как польск. *maść podżara* (о лошадях): *W. Kuraszkiewicz.* Nazwy maści końskich dziś i w 1539 r. // JP. T. XXIX. 1949. P. 147.

[33] См.: *Гл. Елезовић.* Речник косовско-метохиског диjалекта. Св. 1. Београд, 1932. С. 187.

[34] См.: Славянские этимологии 1—7 // ВСЯ. Вып. 2. 1957. С. 41—42, где предпринимается, кроме того, попытка реконструировать праслав. **gritjь*, родственное лит.

Названия собак в славянских языках весьма разнообразны по происхождению, как это видно и из настоящего обзора. Тем не менее, и в их образовании проявляется та устойчивая тенденция, на которую уже неоднократно обращали внимание: обозначение собаки по цвету, масти. Устойчивость ее тем более замечательна, что славянские названия собаки — это, в основном, преобразованные из другой лексики слова, не имеющие связи с и.-е. **k̑uōn* 'собака'. Интерес, который представляет эта особенность, отнюдь не снижается тем обстоятельством, что некоторые такие славянские названия, обязанные своим возникновением этой тенденции, так и не развились в общие термины и остались в ранге местных названий, определений, нередко — с ограниченным распространением. Сюда относятся русск. *мурýгий* 'пятнистый, полосатый' (например, о кобеле), укр. *морýгий*, *мурýгий*, польск. *morągi* 'полоса, полосатое животное (например, собака)', *morągi*, *m(o)rągowaty* (ср. собственное имя *Mrąga*), словен. *marǫga* 'пятно' из прасл. **morǫgъ*, родственного русск. *марáть*[35]. Возможно, наблюдения над описанной семасиологической тенденцией помогут также найти ключ к правильной этимологии русского слова *кобéль*. Попытки истолковать это последнее в настоящее время исчерпываются довольно безотрадными сопоставлениями с осет. *k'abula* 'щенок, молодая собака' или со ср.-в.-нем. *koppel* 'свора собак', а также др.-инд. *çabalas* 'пестрый, пятнистый'[36]. Может быть, исследованию слова препятствовало отсутствие данных о развитии его значения; его современное значение 'самец собаки' бралось как исконное, и в этом виде слово считалось исключительно русским, без соответствий в других славянских языках. Однако материал для других суждений об этимологии русск. *кобéль* имеется. Это слово представлено довольно широко в русском народном языке в формах *кобéль* и *кобёл*, *кабёл*[37]. Последняя форма может быть объяснена как вторичное экспрессивное видоизменение первой. Решающее зна-

---

greĩtas 'быстрый'. В правдивости этой этимологии *хрыч* сомневается А. Вайян (см.: BSL. T. 53. 1958. S. 175). Другие объяснения чешского слова приведены у В. Михека (Etymologický slovník. S. 117).

[35] См.: *F. Solmsen.* Über einige slawische Wörter mit dem Wurzelelement *mar-* // Jagjć-Festschrift. Berlin, 1908. S. 576 ff.; *J. Ostrębski.* Życie wyrazów w języku polskim. Poznań, 1948. S. 308; *J. Hrozienčik.* Lexikografické príspevky. II. Morús // Jazykovedný Sborník. Roč. I—II. Č. 1—2. Bratislava, 1946—1947. S. 227 ff.; *M. Vasmer.* // REW. Bd. 2. S. 177; *M. Rudnicki.* Lechici i Skandynawi // SO. T. 2. 1922. P. 222—223; ср. еще: *G. Herne.* Die slavlscben Farbenbenennumgen. Uppsala, 1954. S. 102—103, где высказано едва ли верное предположение об адъективности слов типа ст.-слав. **моѵр(ин)ъ** 'негр'.

[36] См.: *M. Vasmer.* // REW. Bd. 1. S. 582.

[37] См.: *А. Путинцев.* О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии // ЖС. 1906. Вып. 1. С. 114.

чение для этимологии имеет русский диал. (рязанск.) *перкобелый* 'разношерстный, пегий' [38], несомненно, из **перекобелый*, ср. тождественное название цвета польск. диал. *przelcobiały*, которое обозначает шерсть скотины, пересеченную поперек тела белой полосой. Польское слово засвидетельствовано по крайней мере с XVI в.Ср. также польск. *przekoczarny*, *przekognisty*, аналогичные обозначения расцветки, образованные с приставкой *przeko-* и диал. *kobiuły*, *kobielasły*, *kobilaty* = *przekobiały* [39]. Тождество польск. *przekobiały* русск. *пер(е)ко-белый* выражается также в том, что они содержат одинаковую приставку, но эта сложная приставка (*per-ko-*) представляет собой расширение приставки *ko-*, не очень продуктивного, но древнего форманта. Исходным в данном примере было сложение **ko-běl-*, обозначавшее какую-то разновидность светлой окраски, масти и именно в этой функции употребленное первоначально как название собаки. Смутный намек на это первичное значение, возможно, еще живет в пословице «Черного кобеля не отмоешь добела», где слово *кобель* выступает не в обычном современном значении 'самец', а как обозначение цвета по преимуществу.

Важным региональным названием, охватывающим все восточнославянские и небольшую часть западнославянских языков, является др.-русск. *собака*, русск. *собáка* ж. р., укр. *собáка* м. р., блр. *собáка*, польск. диал. *sobaka* [40], кашуб., словин. *sobaka* 'suka, pies' [41], также 'распутный человек' [42], слвц. диал. *sobaka* ж. р. 'сварливая женщина' [43]. В качестве основного родового названия животного это слово безраздельно господствует только на восточнославянской языковой территории. Те из примеров употребления слова *sobaka* в западнославянских диалектах, которые характеризуются как специфически бранные с узким значением 'сварливая баба' и под. (слвц. диал., польск. диал.), можно довольно уверенно расценивать как заимствования из русского, украинского, белорусского, учитывая, что заимствованию нередко сопутствует специализация значения (если они еще с самого начала не были заимствованы как бранная лексика). От них, очевидно, нужно отличать кашуб., польск. *sobaka* 'собака'.

Так как налицо факт ограниченного распространения слова *sobaka* в славянских языках, это слово давно стали считать заимствованным из иранского, ср. авест., мидийск. *spaka* букв. 'собачий', производное от *span-* (< и.-е.

---

[38] См.: *Диттель.* Сборник рязанских областных слов // ЖС. 1898. Вып. 2. С. 220.

[39] См.: *A. Zaręba.* Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954. S. 74.

[40] См.: *E. Majewski.* Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich ... od XV wieku aż do chwili obecnej. T. I. Warszawa, 1890. S. 400.

[41] См.: *A. Berka.* Słownik kaszubski porównawczy // PF. T. 3. 1891. S. 625.

[42] См.: *F. Lorentz.* Slowinzisches Wörterbuch. ч. 2. СПб, 1912. С. 1073.

[43] См.: *F. Buffa.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953. S. 214.

**k̂uon-* : **k̂ᵘn̥-*) 'собака', афган. *spai*, парфян. *sabah*, н.-перс. *sag* 'собака' [44]. Эта, казалось бы, вполне трезвая этимология, оперирующая достоверными формами и вероятными реконструкциями, на самом деле изобилует хронологическими натяжками, лингвистическими неточностями, а с точки зрения лингвистической географии она традиционна в самом худшем смысле слова, напоминая как две капли воды те опыты, к сожалению, весьма многочисленные даже в лучшем современном этимологическом словаре русского языка, когда какое-нибудь северновеликорусское диалектное слово объявляется заимствованным... из замкнутого тюркского диалекта в Центральной Азии.

Говорить об иранском происхождении слова *собака* можно, лишь принимая положение о весьма раннем времени заимствования. Достоверные ранние славянско-иранские языковые связи относятся к скифской эпохе истории Северного Причерноморья. Желая, видимо, примирить факт частичного распространения слова *sobaka* в славянских языках и весьма ранние хронологические рамки иранской экспансии к северу от Черного моря, К. Мошинский полагает, что *sobaka* было заимствовано «возможно, где-то около V в. н. э.» [45]. Но ведь те достоверные формы и правдоподобные иранские реконструкции, из которых производят прасл. диал *sobaka* (см. выше), все относятся к южноиранским языкам, более того — носят типично персидский характер (*sabah*, **sabāka*). Остается неясным, как могли попасть к славянам эти слова из территориально далеких языков. К тому же наиболее близкие по форме слова *sabah* (*sabaka*) являются уже поздними, среднеперсидскими образованиями, когда эпоха эффективных иранославянских языковых отношений давно прошла [46]. С другой стороны, наиболее близкое по времени к упомянутым отношениям авест., мидийск. *spaka-* с *a* кратким (из **k̂ᵘn̥-ko-*) фонетически не могло дать слав. *sobaka*. На сходных соображениях была основана критика иранской этимологии слова *собака* одновременно с попыткой найти положительный ответ о происхождении славянского слова [47].

Против принятой иранской этимологии слова *собака* свидетельствует то существенное обстоятельство, что иранцы, с которыми славяне длительное время общались, говорили на североираиских языках. Это были скифы, затем сарматы, близкие родственники, языковые предки современных осетин. На основании свидетельств современных языков (ср. осет. *kuʒ* 'собака' и др.) и выявления остатков языка скифов некоторые ученые вообще сомневаются в

[44] См. подробно, со сводкой литературы: *M. Vasmer*. REW. Bd. 2. S. 684.

[45] *K. Moszyński*. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S. 90.

[46] Совсем поздними заимствованиями являются ст.-укр. *шах* 'собака' (1627 г.), польск. диал. *saszek* то же — из перс. *sag* 'собака'. См.: *J. Janów*. Szach 'pies' // JP. T. XXVII. 1947. S. 106 ff.; *E. Majewski*. Słownik... T. I. S. 375.

[47] См. мою статью «К этимологии слова *собака*» // КСИС. Вып. 15. С. 48 и след.

том, что в этих языках существовала форма *span* или *spaka*[48]. Впрочем, известна скифская глосса Гесихия *παγαίη* 'собака', но и она может быть использована скорее как аргумент против иранской этимологии слова *собака*. Скиф. *παγαίη* позволяет отнести типично осетинское развитие иран. *-aka-* > *-æg* к весьма раннему времени, поскольку Гесихий жил в IV в. н. э., а многие его глоссы относятся, несомненно, к значительно более древней эпохе. Важно отметить, что среди примеров иран. *-aka-* > скиф. *-ag-* было и достоверное *παγαίη* (< *spaka*), которое могло бы дать в славянском только что-нибудь вроде *(*s*)*paga*, *(*s*)*poga*, что окончательно подрывает прежнюю этимологию слав. *sobaka*.

Что касается гипотезы о связи праслав. диал. *sobaka* с чеш. *sob* 'северный олень', выдвинутой одновременно с критикой иранской этимологии слова *sobaka*, то она была продиктована поисками положительного ответа о происхождении славянского слова. Помимо принципиальной вероятности новой этимологии *sobaka* < *sobъ*[49], опиравшейся на культурно-исторический материал, критика справедливо указала и на главный ее недостаток — невыясненность собственной истории изолированного чешского слова *sob*, которое вполне могло оказаться при проверке языковым новообразованием в духе «Физиолога», а именно *sob*, **sop* — от чеш. *soptiti*, ср. русск. *сопéть*[50]. В самом деле, И. Поливка, перечисляя описания животных в разных редакциях «Физиолога», приводит — как типичный — рассказ об олене, который ищет и вынюхивает змеиные норы: ...spiramine oris sui attrahit serpentem foris — в латинских версиях; *...и обоню(ва)ѥть*, — восстанавливает И. Поливка в ряде славянских текстов[51].

Вопрос о вероятности происхождении слова *собака* еще не решен. Отклоненную точку зрения о заимствовании из иранского пока не удалось заменить другой убедительной этимологией. Эту этимологию еще нужно ис-

---

[48] См.: *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. 1. М.—Л., 1949. С. 57, 97.

[49] Ср.: *А. В. Исаченко.* О книге П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии» // ВЯ. 1957. № 3. С. 123—124; *B. Unbegaun.* // RES. T. 34. P. 212.

[50] См.: *A. Vaillant* [Рец. на КСИС. Вып. 15] // BSL. T. 52. 1957. P. 157—158. И. Голуб и Ф. Конечный (Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 344) характеризуют *sob* как исключительно чешское, старое, неясное слово. В. Махек (Указ. словарь. С. 462) отмечает, что *sob* известно уже со среднечешской эпохи, а также упоминает в.-луж., н.-луж. *sob*, — возможно, из чешского, и н.-луж. *soban* 'большой вол; северный олень'. Для него это тоже, в конечном счете, неясное слово. Ср. еще болг. *собов лишай* 'Cladonia rangiferina' — ботаническое название; однако научная терминология, в частности ботаническая, обычно состоящая из искусственно созданных обозначений, в данном случае может отражать влияние чешского языка и его научной терминологии.

[51] См.: *G. Polívka.* Zur Geschichte des Physiologus in den slavischen Literaturen // AfslPh. Bd. 14. 1892. S. 399—400.

кать. В подобной ситуации полезно взвесить все возможные варианты происхождения слова. В связи с этим представляет интерес название собаки, известное в ряде тюркских языков и диалектов огузской и кыпчакской групп: тур. *köpäk*, сюда же имя собственное *Кобяк*, половецкий хан («Слово о полку Игореве»), из *köbäk* 'собака' [52]. В большинстве тюркских языков распространено другое название собаки — *it*, *yt*. Слово *köbäk* 'собака' признается как будто изолированным в тюркских языках, но его древность не вызывает сомнений, и оно употреблялось, по-видимому, в языке тюркских племен, с давних пор соприкасавшихся со славянами на востоке. Сведения о словаре тюркских диалектов древности очень неполны, и надо сказать, что тюркологи ждут в этом отношении многого от изучения тюркских элементов в славянских, прежде всего — восточнославянских языках. Проблема славяно-тюркских языковых отношений ранней поры разработана недостаточно, может быть, дальнейшие разыскания покажут, что их следует датировать гораздо более ранним временем, чем это делалось до сих пор, что относится, возможно, и к славяно-финским языковым отношениям.

Однако здесь нас интересует пока только судьба слова *собака*. Мы позволим себе высказать предварительную гипотезу, что слово *sobaka* проникло в восточнославянские и некоторые западнославянские диалекты из тюрк. *köbäk* 'собака'. Общий фонетический облик тюркского слова и сейчас чрезвычайно напоминает слав. *sobaka*. Но одного этого, несомненно, еще очень мало, и решающими следует признать такие моменты, как наличие этого слова со значением 'собака' в сопредельных языках в древности. Слав. *sobaka* воспроизводит в общих чертах вокализм тюрк. *köbäk*, заменив чуждые *ö*, *ä* в порядке субституции. Что касается консонатизма (слав. *s* — *b* — *k* из тюрк. *k* — *b* — *k*), то слав. *s* < тюрк. *k* в начале слова говорит, возможно, о том, что заимствование осуществлялось очень давно, когда мягкое *k* в этом тюркском слове с характерным палатальным сингармонизмом могло отразиться в славянском, не знавшем такого звука, в виде *s* (чему, возможно, благоприятствовала склонность к диссимиляции (*k* — *k* > *s* — *k*). Вопрос об отражении палатального *k* как *s* в ранних заимствованиях в славянском уже поднимался К. Мошинским на волжскофинском и тюркском материале. Так, он считает праслав. **karas-*, русск. *карась* заимствованным из марийск. *karaka*, удмурт. *karaka* 'карась', ср. казанско-тат. *käräkä* то же [53]. С дисимилятивными явлениями тоже, видимо, следует считаться, так как и в том и в другом случае характерно наличие в источнике двух *k* [54].

[52] См.: *K. H. Menges.* The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, The Igor' Tale. New York, 1951. P. 30.

[53] См.: *K. Moszyński.* // JP. T. XXXIX. 1959. P. 5—6.

[54] Использование этой возможности, вероятно, позволит определить этимологию также других трудных слов.

Для размышлений на культурно-историческую тему: почему славяне заимствовали слово *собака* у тюрок? — материал отсутствует, да и вообще слишком часто приходится убеждаться в прихотливости заимствований. Впрочем, об одном раннем тюркизме в славянской собаководческой терминологии говорилось выше (см. *огаръ* и под.) [55].

Остальные названия собак носят местный, как правило, поздний характер и обычно являются побочными обозначениями животного. Русские: *сколуха*, *сколушка*, костромск., 'гончая' от *сколить*, *скулить* (Даль. Т. IV^2. С. 202), ср. лит. *skalìkas* 'охотничья собака', *skãlyti* 'лаять' [56], *лепета́* диал. [57], ср. *улепётывать* 'удирать', *во́вка* арханг. [58], *ярчу́к* 'первые щенки от суки первого помета', 'шестипалая собака, с долгим, висячим когтем' (Даль. Т. IV^2. С. 680), также укр., слово, родственное многим другим названиям животных, с первоначальным возрастным значением, от слав. *jar-*; *сы́ма*, *цы́ма*, *сы́мка* — общая кличка собаки, также *сэ́мка*, *се́мка* [59], возможно, экспрессивные преобразования *сем-ка* от *сем* 'сюда' [ср. также *сям* (*там и сям*), ст.-слав. сѣмо], по распространению — северновеликорусское слово; украинские: *ку́ндель* 'мохнатая простая дворняжка', ср. польск. диал. *kundel*, *kondel* (вероятно, заимствованное из украинского), несомненно, родственно русск. *кудла́стый*, *кудла́тый* 'лохматый', *кудло́* и вместе с последним содержит приставку *ку-* с вторичным инфиксом *-н-*; диал. *gájda* [60], *жавра* [61]; польские: *skowera* 'старая собака', *prys*; в.-луж. *beja*, *bjeja*

[55] С самого начала для нас не было самоцелью во что бы то ни стало доказать исконно славянский характер слова *собака*, дискредитировав иранскую теорию. Разумеется, разочарование ввиду замены иранского заимствования тюркским заимствованием неуместны, хотя, как это ни странно, эмоциональная сторона при исследовании вопроса заимствований занимала и занимает в работах некоторых этимологов, по-видимому, не последнее место. Главное — лингвистическая истина, и если предложенная выше гипотеза поможет приблизить к ней исследование слова, это дает ей полное право на существование.

[56] См.: *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. S. 128; *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 642.

[57] См.: *И. Ф. Наумов.* Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля // Сб. ОРЯС. Т. 11. 1875. С. 18.

[58] См.: *А. Подвысоцкий.* Словарь областного архангельского наречия. С. 19.

[59] См.: Труды Московской диалектологической комиссии. Ярославская губерния. Обработал Н. В. Васильев // РФВ. Т. 67—68. 1912. С. 255; *И. Т. Смирнов.* Кашинский словарь // Сб. ОРЯС. Т. 70. № 5. 1901. С. 170; *В. Ф. Соловьев.* Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии // Сб. ОРЯС. Т. 77. № 7. 1904. С. 53; *А. И. Германович.* Слова клича и отгона животных в русском языке. С. 36.

[60] См.: *R. W. Harasymczuk—W. Tabor.* Etnografia połonin huculskich // Lud. T. 35. Lwów, 1937. S. 133 ff.

[61] См.: *Е. Желеховский.* Малоруско-німецкий словар. Т. 1. Львів, 1886. С. 216.

'сука'; полаб. *ťőtrěk*, из н.-нем. *köter* 'дворняжка', *motkə* 'сука'[62]; словин. *kúna*, *kúnica* 'сука', чеш. *púčík*, *fučík*[63]; словен. *kúza*, *kûzla* 'сука'; сербские: *вȁшка*, *ћена*, *гриво* 'собака', *шапов*, *кер*, *кера* 'пес, кобель', *kyja* 'сука'[64]; болг. *дживгáр* 'охотничья собака'[65], *пáлé* 'маленькая собачка', *копóй* 'лягавая собака'.

[62] См.: *B. Szydłowska.* Hodowla zwierząt domowych u Połabian w świetle zabytków języka połabskiego // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. I. Warszawa, 1955. S. 458, 459.

[63] См.: *F. Bartoš.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906. S. 347.

[64] См.: *Т. Р. Ђорђевић.* Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. 1. Београд, 1958. С. 239; *Љ. Мићовић.* Живот и обичаји Поповаца. Београд, 1952. С. 26.

[65] См.: *Д. Х. Петричев.* Принос към изучване на Трънския говор // Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София. Кн. 7. 1931. С. 60.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Общим названием животного является *govędo*, известное всем славянским языкам: ст.-слав. **говѧждь** *βοός*, др.-русск. *говядо* 'бык', русск. *говя́дина*, блр. *гавя́да* 'рогатый скот' [1], польск. диал. *owięzina* 'говядина', *owięzi* 'говяжий' [2], чеш. *hovado*, слвц. *hovädo* 'крупный рогатый скот', н.-луж. *goẃedo*, *goẃeż* 'рогатый скот', в.-луж. *howjado* то же, словен. *govę́do* 'рогатая скотина', др.-сербск. *говедо* 'bos', сербохорв. *го̀ведо* 'бык', болг. *гове́до* 'крупный рогатый скот'.

Слав. *govędo* и его история в отдельных языках носит сложный характер. Совершенно очевидно, что оно является архаизмом. Об этом говорят, с одной стороны, связи с и.-е. *$*g^{u}ou$-* 'крупный рогатый скот' [3], с другой— взаимоотношения форм в самом славянском. Употребление *govędo* значительно сократилось в связи с выдвижением новой, хотя и имеющей собственные индоевропейские связи, специфически женской формой **korvā*, русск. *корова*, вплоть до того, что в некоторых славянских языках о былом употреблении *govędo* свидетельствуют косвенно лишь производные, ср. польск. *owięzina*, русск. *говя́дина*. Последние также имеют большую древность, например праслав. **govędina*, русск. *говя́дина*, **govędjь*, русск. *говя́жий*. Сокращение употребления **govędo* за счет **korvā* — весьма любопытный вопрос, правда, несколько выходящий за рамки лингвистического анализа и вместе с тем

[1] См.: *Н. Чудовский*. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. С. 70; *М. В. Шатэрнік*. Краевы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929. С. 61; *А. Сержпутоўскі*. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукоў. Менск, 1930. С. 19 и др.

[2] См.: *J. Karłowicz*. Słownik gwar polskich. T. 3. Kraków, S. 488.

[3] См.: *F. Miklosich*. EW. S. 75; *E. Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. S. 338 (в дальнейшем — SEW); *R. Trautmann*. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923. S. 94 (в дальнейшем — BSW); *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 283.

данного конкретного раздела. Слав. *korva — термин молочного хозяйства по преимуществу. Создание такого особого термина помимо *govędo говорит о том, что последнее не подходило для этой роли, т. е. что его история сложилась иначе, чем в целом ряде индоевропейских языков, где именно *g^u^ou- дало название коровы. Разнобой и самостоятельное образование последнего названия — надежное свидетельство того, что необходимость в нем явилась не сразу, во всяком случае не существовала с самого начала, что может быть использовано и как указание по истории молочного использования крупного рогатого скота у индоевропейцев.

Слав. *govędo в основном унаследовало значение общего названия от и.-е. *g^u^ou-, но и здесь не обошлось без серьезных преобразований. Кроме *korva, славянский развил также конкретные термины для мужской особи животного — bykъ, volъ, и это не могло не отразиться на рефлексе и.-е. *g^u^ou-. Форма, продолжающая и.-е. *g^u^ou- в славянском, приобрела новое значение собирательности, с чем связано и соответствующее оформление при помощи суффикса -ęd-. Таким образом, слав. *govędo совместило в себе значения общего названа различия пола (архаическое) и собирательного. Это объясняет удобство образования названия мяса животного от этой основы уже в праславянском: *govę-do > *govęd-ina.

Но история и.-е. *g^u^ou- в славянском начинается не с суффиксального производного *govędo, так как этимологии удалось выявить несомненный след непроизводной основы *g^u^ou- в сложении слав. gumьno, русск. гумнó и др. < gu- + mьno от męti, русск. мять букв. 'место, где скот топчет (снопы)' [4]. Эта достоверная этимология свидетельствует о реальности существования еще в раннем праславянском основы *gu-/*gov- с общим значением типа греч. (ὁ, ἡ) βοῦς 'бык, корова' [5], до того как появилось собирательное *govędo. Что касается сингулятивного значения словен. govédo, сербохорв. гȍведо, то оно, по-видимому, вторично для слав. govędo.

Ввиду тесных генетических связей славянских форм в и.-е. *g^u^ou- этимологическое исследование последнего имеет прямое отношение к этимоло-

[4] См.: *А. Л. Погодин.* Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903. С. 234; *E. Berneker.* SEW. Bd. 1. S. 362; *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 321; *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. S. 150. — Сомнения в этой этимологии необоснованны. Значения этого слова в ряде языков 'часть двора', 'сад', 'луг' явно вторичны.

[5] Менее уверенно сюда же относят слав. *govьno* первоначально 'скотский, коровий помет' (см.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 282). Ср. также попытки выделить *gŭ-, ступень редукции *g^u^ou-, в русск. *гиль* 'снегирь' < *gъjьl- (*M. Vej.* BSL. T. 56. P. 55 ff., *R. Jakobson.* Word. Vol. 8. 1952. P. 387; против — см.: *F. Sławski.* Słownik etymologiczny. T. I. S. 279) и в слав. *gъmyzъ* < *gъ-mysъ 'овод', ср. афган. *γu-mašā* 'москит', *gъzъ* то же (см.: Slawische Etymologien. 10—19 // ZfS. Bd. 3. 1958. S. 677 ff.).

гии славянских названий домашних животных. Однако приходится пока признать, что происхождение *g^uou- не выяснено и отсутствуют дополнительные указания, которые бы облегчили окончательный выбор между разнообразными существующими этимологическими решениями. Трудности состоят в том, что вопрос о происхождении и.-е. *g^uou- выходит за рамки лингвистики и связан с историей домашних животных, генетикой, в которой, к сожалению, еще много неясного. Достаточно сказать, что в вопросах ранней истории эта отрасль естествознания сама не пренебрегает помощью сравнительного языкознания.

Часть ученых склонна предполагать в и.-е. *g^uou- (слав. *govędo*, лтш. *gùovs*, др.-инд. *gā́uş*, авест. *gāuš*, арм. *kov*, греч. *βοῦς*, умбр. *bum* 'bovem', ирл. *bō*, др.-в.-нем *chuo*, хет. иероглифич. *wawas*) очень древнее заимствование из шумер. *gu*, *gud* 'бык', ставя его в непосредственную связь с вопросом расположения индоевропейской прародины вблизи сферы влияния центров цивилизации Двуречья. Довольно близка к этой точке зрения другая, основанная на сходстве названий скота в большом числе языков Восточной и Северной Азии. При этом, однако, не решено окончательно, видеть ли в сходстве и.-е. g^uou- с кит. *ngū*, тибет. *go-lang* 'бык', кетск. (енисейско-остякск.) *kuos* 'крупный рогатый скот' свидетельства древних связей или близость звукоподражаний, не связанных общим происхождением [6]. По поводу этих этимологий можно ограничиться одним общим предостережением о рискованности прямых сопоставлений индоевропейских слов со словами языков, история которых недостаточно изучена или возможности реконструкции которых ограничены. Вероятность ошибки здесь слишком велика, о чем свидетельствует поучительный пример объяснения Е. А. Поливановым и.-е. *sū-s* 'свинья' как заимствованного из китайского языка, что было опровергнуто впоследствии Э. Бенвенистом (см. раздел «Свинья»).

Другая часть ученых отстаивает исконно индоевропейский характер *g^uou-, используя его архаическую флексию и богатство ступеней чередования гласных (с участием ларингальних или без него) как нечто коренным образом отличающее и.-е. *g^uou-, в частности, от шумерского слова и

[6] См.: *G. Ipsen.* Sumerisch-akkadische Lehnwörter im Indogermanischen // IF. Bd. 41. 1923. S. 175 ff.; *A. Nehring.* Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat // Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Jg. IV. 1935. S. 73 ff., 77; *H. Wagner.* Indogermanisch-Vorderasiatisch-Mediterranes // KZ. Bd. 75. 1957. S. 63 ff.; *P. Naert.* La situation linguistique de l'aïnou I. Aïnou et indoeuropéen. Lund, 1958. P. 20—21 (с библиографией); *E. Gottlieb.* A systematic tabulation of Indo-European animal names = «Language» dissertations publisched by the Linguistic Society of America. № VIII. Philadelphia, 1931. P. 20. — О звукоподражательном характере этих слов см. еще: *D. Boranić.* Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. Zagreb, 1909. S. 22, 74.

придающее ему специфически индоевропейский вид [7]. Возможно, что правда на стороне этих лингвистов. Однако этим вопрос об этимологии и.-е. *g^u*ou-* еще не решен. Сторонник исконности *g^u*ou-* М. Будимир предложил, например, этимологию, которой нельзя отказать в остроумии и оригинальности постановки вопросов культурно-исторического характера: он объяснял *g^u*ou-* из и.-е. **geu̯a-* 'сгибать' (ср. греч. *γύαλον*, *γυϱός*, *γύης*), считая, что этим словом первоначально обозначался горбатый скот вроде зебу, который легче поддается одомашнению и предположительно обитал в древности в степях Восточной Европы и Западной Азии [8]. Этимологию М. Будимира едва ли можно считать вероятной, между прочим, потому, что слав. *volъ*, *korva*, которые он также попытался объяснить как первоначальные обозначения «горбатых» животных, правильнее объяснять иначе. Быть может, наиболее простая и вместе с тем правдоподобная этимология и.-е. *g^u*ous* 'крупный рогатый скот' заключается в давно подмеченной связи греч. *βοῦς* 'бык, корова' и *βόσκω* 'пасу' с тем лишь существенным уточнением, что оба они продолжают и.-е. *g^u*e-*/*g^u*o-* 'идти' (ср. расширенные формы гот. *qiman*, греч. *βαίων*, лат. *venio*, хетт. *wem-*); *g^u*ous* образовано от нерасширенной глагольной основы, что в совокупности с его крайне нерегулярной флексией свидетельствует о древности образования. Исходным значением *g^u*ous* могло быть 'идущее (стадо)', т. е. это было название, аналогичное греч. *πϱόβατα*, др.-исл. *gan-gandi fé*, образованным, кстати, от той же глагольной основы и засвидетельствованным на разных стадиях превращения в названия отдельных домашних животных. Таким образом, и.-е. *g^u*ous* было архаическим названием, определявшим скот как группу перегоняемых животных, ср. еще лит. *gúotas* 'стадо' от того же глагола.

Как уже было сказано, специальное название взрослой самки крупного рогатого скота оформилось значительно позднее общего названия — путем семантической или лексической инновации, как, например, слав. **korva*: русск. *коро́ва*, укр. *коро́ва*, блр. *каро́ва*, польск. *krowa*, кашуб. *karva*, *krova*, словин. *krùǫvă*, н.-луж. *krowa*, в.-луж. *kruwa*, полаб. *korvó*, чеш. *kráva*, слвц. *krava*, словен. *kráva*, сербохорв. *кра̏ва*, болг. *кра́ва*. Слав. **kórvā* соответствует в основном точно, вплоть до интонации, лит. *kárvė* 'корова'. Последнее отличается от славянского слова только концом основы, продолжая **karvi̯ā*. Обе формы представляют собой производные женского рода от основы на *-u* **koru-* (сюда же, со ступенью редукции корневого вокализма, польск. диал. *karw* 'старый ленивый вол', др.-прусск. *curwis*), которая в свою очередь явля-

[7] См.: *J. Kuryłowicz*. Les effets du ə en indoiranien // PF. T. 11. 1927. P. 229—230; *F. Specht*. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 32—33; *М. Будимир*. Грци и пеласти. Београд, 1950. С. 16.

[8] *М. Будимир*. Ономасиолошки и граматички прилози. 3. *korva* // ЈФ. Књ. 6. 1926—1927. С. 171 и след.

ется древним расширением гетероклитического типа *kor-u/*kor-n от названия рога и.-е. *k̂er-/*k̂or-/*k̂r̥- (ср. лат. cornu 'рог', греч. κερα(ϝ)ός 'рогатый'). Отсюда ведут свое начало различные названия рогатых животных: лат. cervus 'олень', др.-в.-нем. hiruz 'олень', др.-исл. hjǫrtr, кимр. carw, бретон. caru то же. Собственно говоря, все это названия оленя. Тем интереснее тот факт, что в нескольких индоевропейских диалектах Европы эта основа развила значение 'корова, крупный рогатый скот'. Впервые обратил внимание на эту особенность, объединяющую слав. *korva, лит. kárvė и алб. ka 'вол' (из *k̂ₑrou̯o-) (ср. далм. собств. имя Carvius, Carvanius), как на свидетельство древней территориальной близости этих индоевропейских диалектов Н. Иокль.

Общность наименований должна была проявиться в виде переноса названия оленя на домашних коров и быков в связи с распространением новой длиннорогой породы скота. Импульс в том и другом отношении мог идти с запада, из крупного скопления диалектов «кентум». Действительно, если бы все сводилось лишь к сосуществованию форм с рефлексами k и s из *k̂, например, в славянском, то их можно было бы истолковать как обычное нарушение спирантизации k̂ > š, s на периферии, не прибегая к вмешательству извне. Но то, что старые закономерные рефлексы являются исключительно именами диких животных — слав. *sŕna, русск. се́рна, лтш. sirna, др.-прусск. sirwis 'козуля', а нарушения имеются только в названиях домашнего животного — лит. kárvė, слав. korva, которое к тому же носит характер новообразования, не может быть не признано симптоматичным. Из западных форм сюда следует отнести др.-в.-нем. hrind, нем. Rind 'крупный рогатый скот', близкое по значению, но отличающееся расширителями производное от названия рога, оленя[9]. Разумеется, русск. диал. коро́ва 'самка оленя, самка сохатого или изюбра' есть не более как локальное семантическое новообразование, а не реликт древности.

Название самца, быка имеет форму слав. bykъ: русск.-црк.-слав. быкъ, русск. бык, укр. бик, польск. byk, словин. bi̋k, н.-луж., в.-луж. byk, чеш. byk, словен. bìk, сербохорв. бȋк, болг. бик. Слав. bykъ близко лит. bũkas 'выпь'[10],

[9] См.: *E. Berneker.* SEW. Bd. 1. S. 577; *R. Trautmann.* BSW. S. 119; *N. Jokl.* // WuS. Bd. 12. S. 68; *W. Porzig.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 175—176; *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 629—630; *E. Gottlieb.* A systematic... P. 20; *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 127, 138; *E. Raucq.* Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indoeuropéen. P. 22, 25, 26, 32, 85, сноска 1 (где предлагаются невероятные реконструкции, противоречащие очевидным фактам). Критск. κάρτην · τὴν βοῦν (Гесихий) не имеет ничего общего со слав. *korva, лит. kárvė (*E. Fraenkel.* Zur griechischen Wortforschung // Glotta. Bd. 35. 1956. S. 87). — Невероятна этимология В. Махека (Etymologický slovník. S. 233): *korva — к др.-инд. cárvati 'жует'.

[10] См.: *И. Эндзелин.* Две этимологии // LP. T. I. 1949.P. 3.

но вместе с тем оно тесно связано с глаголами настолько отчетливого звукоподражательного характера, что само представляется первоначальным звукоподражанием. Такое обозначение быка, самца-производителя (по мычанию) — в порядке вещей (ср. хорв. *bukati* 'мычать', чеш. *býkati*, *búkati*, словен. *búkati*, а также лтш. *bucêt* 'звучать, греметь', лит. *bukti* 'мычать'). Ономатопоэтическое происхождение оправдывает неустойчивость вокализма, ср. русск. *бык* наряду с диал. (вологодск.) *бучень* 'бык', н.-луж. *buk* 'бык', блр. *бýчóк*. Эти происхождение делает также неактуальными вопрос генетического родства форм и сравнения вроде слав. *bykъ* : лит. *bũkas*. С другой стороны, допустимо сопоставление слав. *byk* и тюрк. *buka*, *buga* тоже как слов с аналогичным происхождением. В отличие от слав. *bykъ* и укр. *бик* укр. *бугáй* (откуда польск. *buhaj*) заимствовано из тюркского. Сербохорв. *бȁк* 'бык' происходит из далм. *bu̯ák* < лат. *vacca* 'корова' и с *bykъ* не связано [11].

Кроме *bykъ*, славянские языки насчитывают, особенно по диалектам, еще ряд местных, в основном поздних названий быка-производителя. Особое место среди них занимает слав. **porzъ*, выделяющееся прежде всего своей древностью. От него произошли русск. диал. *пóроз*, *пóрос*, *пóрас*, *порозóк*, *порозéйка* 'нехолощеный бык, производитель', также 'кабан', главным образом северновеликорусское, сюда же др.-русск. *порозъ* 'кладеный баран', црк.-слав. *празъ* 'баран', сербохорв. *прȃз*, словен. *prâz* то же, русск. диал. *порозовáть* 'быть в поре случки', *порозить* 'быть яловой, не телиться' (о корове). Слав. **porzъ* обнаруживает, таким образом, по языкам большое разнообразие значений. О том, что это довольно древняя особенность и что, например, значение '(нехолощеный) бык' не является местной северновеликорусской инновацией, говорит сравнение с родственными формами. Слав. **porzъ* не связано с **porsę*, русск. *поросенок* (и.-е. **pork̂-*), как в свое время полагал Ф. Миклошич, но продолжает **porsъ* (*-rz-* < *-rs-* подобно через: лит. *skers-*), близко родственное нем. *Färse* 'телка' < герм. **fársī*, нем. *Farre*, др.-в.-нем. *far*, *farro* 'бык' < герм. **farz-*, далее сюда же, с иными расширителями др.-инд. *pṛthukam* 'бык, теленок, детеныш', арм. *ort'u* 'теленок, детеныш', греч. *πόρις*, *πόρταξ*, *πόρτις* 'телка, теленок', чеш. *spratek* 'недоношенный теленок' — все это от и.-е. **per-* 'рождать', 'производить', ср., лит. *perëti* 'высиживать (яйца)'. Семантическая емкость исходной глагольной основы и первоначальное значение отглагольного имени 'молодое животное, детеныш (определенного возраста)' вполне объясняют семантические различия славянских слов [12].

---

[11] См.: *D. Boranić.* Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. S. 9, 43; *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 158; *F. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1. S. 52.

[12] См.: *Ф. П. Филин.* Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии. М.—Л., 1936. С. 116; *F. Miklosich.* EW. S. 260;

Прочие названия быка: русск. диал. *подпáль* 'молой, недорослый и обыкновенно черный бык' — от *палúть*, *хнóрос* 'некладеный бык' (подробнее см. раздел «Свинья»), *орéвина* (череповецк.) 'бык', *лошшак* 'двухлетный бык' из *лонщак* (ср. *олонесь*, *лонись* 'в прошлом году'), *кавбат* (вологодск.) 'бычок', укр. *рингáч* 'плохо выхолощенный бык', блр. *буя́к* 'племенной бык' (ср. слвц. *bujak*, *bujaček* 'некладеный бык'), в.-луж. *heńca* 'племенной скот', полаб. *bólə* 'бык-производитель' из н.-нем. *bolle* 'бык'.

Важное значение с древних времен приобрело кастрирование домашних животных, в том числе крупного рогатого скота. Это явление скотоводческой культуры распространялось легко от народа к народу, поэтому здесь немало заимствованных названий. Но слав. *volъ* 'кастрированный бык', имеющее все признаки старого слова, вместе с тем не имеет за пределами славянских языков соответствий, которые можно было бы считать этимологически родственными или источником заимствования славянского слова. Это слово известно во всех славянских языках: ст.-слав. **волъ**, русск. *вол*, укр. *віл*, род. *волá*, др.-русск. *волъ*, польск. *wół*, словин. *vǒu̯l*, н.-луж. *wół*, в.-луж. *woł*, чеш. *vůl*, полаб. *vål*, словен. *vòl*, сербохорв. *вô* род. *вòла*, болг. *вол*. Слав. *volъ* — древняя основа на *-u*, ср. прилагательное ст.-слав., др.-русск. *волуи* 'воловий'. Однако при всей своей древности слово *volъ* является славянской лексической инновацией, о чем достаточно убедительно говорит отсутствие соответствий этой форме и значению вне славянских языков. Искать объяснение слову *volъ* можно только в славянском словаре. Сближения с *velikъ* [ср. русск. *великий* (Мейе), польск. *wołać* 'звать' (Младенов)] с названиями цвета — греч. *ἄϝλαξ · λαμπρῶς*, лат. *lūteus* (Левенталь), нем. *schwellen* 'набухать' (Махек) и с этнонимом *волóх* (Преображенский)[13] носят необязательный характер. Большинство этимологов, занимаясь этимологией слова *volъ*, упустили из виду, что это прежде всего технический термин, о чем, казалось бы, говорит и его значение. Самое беглое ознакомление с техникой холощения животных может быть очень полезным для этимологии слова *volъ*. Древнейшим способом является бескровное механическое повреждение семенников перетягиванием, подвязыванием[14]. Поэтому единственно приемлема этимология *volъ* :

Р. Ф. Брандт. Дополнительные замечания к Этимологическому словарю Миклошича. С. 304; *E. Gottlieb*. A systematic... S. 22—23; *M. Ptatschek*. Lamm und Kalb. Bezeichnungen weiblicher Jungtiere in deutscher Wortgeographie. Giessen, 1957. S. 37 ff. — Иначе о *пороз* см.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 2. S. 408. — Неверно о русском слове: *Б. А. Серебренников*. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Труды АН Литовской ССР. Серия А. 1. 1957. С. 71.

[13] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 216.

[14] См.: *K. Moszyński*. Kultura ludowa Słowian. Część I. Kultura materialna. Kraków, 1929. S. 113.

valjati 'вертеть, катать, зажимать', откуда слав. *volъ* = 'castratus, compressis testiculis'[15]. Странно, что эта этимология еще не нашла доступа даже в славянские этимологические словари. Ср. еще русск. диал. (брянск.) *вал* 'кастрированный бык', *валушóк* 'кладеный бычок', *вáлух* 'кладеный баран, кабан', *валя́ть* 'кастрировать (животных)'.

Славянский не сохранил или, быть может, не развил названия теленка из и.-е. **gel-bho-s*, **gol-bho-s*, греч. *δελφύς*, *δολφός* 'чрево, утроба матери', откуда герм. **kalƀaz*, нем. *Kalb* 'теленок'. Молодое животное имеет новое название неясного происхождения слав. *telę*, *telьcь* : ст.-слав. **тєльць** *μόσχος*, др.-русск. *телѧ*, *тельць*, *телица*, русск. *теленок*, диал. *тели́ца*, *тели́чка*, *тéлятко*, *тёлыш*, *теля́ш*, *теля́*, укр. *теля́*,*-я́ти*, блр. *целя́*, польск. *cielę*, кашуб., словин. *celą*, *cìęlą*, н.-луж. *ćěle*, *śele*, полаб. *tĕlą*, чеш. *tele*, слвц. *teľa*, словен. *téle*, сербо-хорв. *тѐле*, болг. *телé*. Это название дало множество производных во всех славянских языках, среди которых есть временные (типа русск. *стéльная*) и глагольные (типа русск. *тели́ться*) формы. Исходная именная основа также многократно преобразовывалась, как, например, в русск. *телен-ок* при мн. ч. *теля́та*; польск. *cielak* наряду с *cielę*. Тем не менее очевидна древность основы на согласный *telęt-* из **telen-* наряду с основой на *-i* : *telьcь*. Обе эти древние по виду основы находят также в вост.-лит. *tẽlias*, лтш. *tęl̨ęns* 'теленок'. Далее обычно следуют малоправдоподобные сближения[16].

Параллельно с *telę*, *telьcь* существовало другое название теленка слав. *junьcь*: ст.-слав. **юньць**, **юнѧ** *ταῦρος*, *taurus*, *juvencus*, др.-русск. *уньць* 'бык, телец', польск. *juniec*, *junica* 'телок, телка', кашуб. *junc*, словин. *jũi̯nc*, полаб. *jáu̯nəc* 'бычок, телок', др.-чеш. *junec*, *jinec*, чеш. диал. *junec*, слвц. *junec*, *junča*, *junček*, *junčok*, словен. *junè*, *júnec*, *junica*, сербохорв. *јуне*, *ју́нац*, *ју̀ница*, болг. *юнéц*, *юница*. Между *telę* и *junьcь* существовало вполне определенное различие значений, еще сохранившееся в ряде диалектов. Болг. *телé* обычно обозначает теленка от нескольких дней до нескольких месяцев; *юнé*, *юнéц* — это уже телок, бычок от одного до трех лет. На острове Крк *telec* означает 'теленок помоложе', *juńec* — постарше. В Малопольше и на юге Великопольши, например, возобладало в обоих значениях *ciołek*, тогда как северо-

---

[15] *Ђ. Грубор.* Етимологије. *Вȍље*, *вȏ*, *вáљāње* (сукна), *вѐљача* // ЈФ. Књ. 8. 1928—1929. С. 13 и след.

[16] См.: *F. Specht.* Der Ursprung... S. 35, 156; *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 90; *F. Sławski.* Słownik etymologiczny. T. I. S. 99; *J. Otrębski.* O pochodzeniu słowiańskich formacyj typu **telę* // Przyczynki słowiańsko-litewskie. Seria II. Wilno, 1935. S. 118 ff.; *М. Будимир.* *Λαύριον*·*Πεδίον* и Taurisci, Taurunum // Зборник филозофског факултета Универзитета у Београду. Књ. III. 1955. С. 277; *G. R. Solta.* Gedanken über das nt-Suffix // Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenchaften. Philosophisch-historische Klasse. Bd. 232. Abh. 1. 1958. S. 12 ff.

западная Великопольша и Поморье знают *juniec*[17]. Совершенно ясна связь слав. *junьcь* с *junъ* 'юный, молодой'. В то же время значения 'телок, бычок, телка' также не являются новыми, ср. лат. *juvencus* 'бычок', *jūnīx* 'телка', далее, сюда же — имя римской богини *Jūnō* букв. 'телка'[18].

Не телившаяся еще телка, нетель, бесплодная корова имеют названия от слав. *jalovъ* 'бесплодный', очевидно, древнего слова, этимология которого неясна[19]: др.-русск. *яловица* 'нетель', русск. диал. *яловка*, *я́лавая карова*, укр. *ялови́ця*, *я́лівка*, *яліва́* 'теленок', блр. *яло́шка* 'телка', польск. *jałowica*, *jałówka*, 'телка', кашуб. *jałojca*, *jałovica* то же, н.-луж. *jałowica*, в.-луж. *jałojca* 'телка', полаб. *jòlüvåįćə*, *jolüvə korvó* 'телка, бесплодная корова', словен. *jálovka*, *jálovica*, *jalovína*, сербохорв. *jа̏ловица*, болг. *я́лова кра́ва*, *ялови́ца* то же.

Прочие названия коровы: русск. диал. *не́тель*, *ломи́ха* 'долго не телящаяся корова', *тро́ка* 'корова, доящая только из двух сосков', *жу́колы* мн. ч. 'коровы', также 'телята, рожденные в феврале', заимствованное из финно-угорских языков (ср. марийск. *škol*, *škal*, *uškal*, морд. *skal*, удмурт. *iskal*, *əskal*, *səkal*), *матуха* 'корова' (вятск.), *буре́ница* то же (смоленск.) *красу́ля* то же (смоленск.), *бутыга* то же (Великий Устюг, запись 1757 г.), *лейма* то же — из финск. *lehmä* 'корова' или близкой формы; ряд названий в зависимости от дня и времени отела (все — смоленск.): *полднёха*, *вечарёха*, *понеделка*, *вторёха*; укр. диал. (зап.) *кля́па* 'старая корова' (ср. польск. *klępa* 'старая корова, баба')[20], *багра* 'черная корова', *бучуля* 'корова', *ва́ка* < рум. *vácă*, молд. *вакэ*, *неля́пка* 'телка с теленком на втором году' < молд. *неляпкэ* то же[21]; польск. диал. *ciosia* 'корова', *siutka* 'однорогая корова' от слав. *šutъ* 'комолый, безрогий', с мазурением, *kuza* 'старая корова', кашуб. *kuza* то же; н.-луж. *póńźela* то же, что русск. диал. *понеделка* (см. выше); чеш. *jarka* 'телка этого года', диал. (ходск.) *raška* 'старая корова', слвц. *becka* 'коровка', чеш. диал. *štira*, болг. *щирица*, сербохорв. *штиркиња* 'бесплодная телка', из романских языков, ср. лат. *sterilis* 'бесплодный', ср.-лат. *stirica* 'телка'[22];

---

[17] См.: *A. J. Van Windekens*. 'Ηϱα' (die) junge Kuh, (die) Färse // Glotta. Bd. 36. 1958. S. 309 ff.

[18] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 3. S. 488—489.

[19] См.: *M. Räsänen*. Altaisch und Uralisch im Russischen etymologischen Wörterbuch von M. Vasmer // Festschrift für M. Vasmer. Wiesbaden, 1956. P. 422.

[20] См. о последнем слове: *F. Sławski*. Oboczność *ǫ : u* v językach słowiańskich // SO. T. 18. 1939—1947. P. 283.

[21] См.: *В. П. Дроздовський*. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говорів Татарбунарського, Тузлівського і Саратського районів Одеської області. Лексика, пов'язана з тваринництвом // Праці Одеського державного університету. Т. 148. Збірник молодих вчених. Вип. 2. 1958. С. 233 и след.

[22] *V. Machek*. Etymologický slovník... S. 515.

словен. *íca*·'телка' < нем. *Heizel*[23], *čîka* 'корова', *cíka* 'корова с беловатой спиной'[24].

Прочие названия теленка, бычка: русск. диал. *molóсник*, *молóчник* (ростовск.-владим.) 'теленок, отпаиваемый молоком', *зи́мняк* 'теленок одной зимы' (вятск.), *слеток* 'однолетний теленок', *ососок* 'молодой теленок или поросенок', *поводни́к* 'годовалый бычок', *мяки́нник* 'двухгодовалый бычок', *опóек* 'теленок', *опóчек* 'теленок' (рязанск.), *щáник* 'теленок по первому году' (костром.), *лямошник* 'однолетний бычок' (костром.), *коры́тник* 'бычок по второму году' (костром.), *полу́торка*, *полу́торник* 'телушка, бычок по второму году', *коленка* 'нетель', *кóлинка* 'первый теленок', *хóленка* 'телка' (ростовск.-владим.), *гунáк*, *гунáн* 'трехгодовалый бычок' (вост.-сиб.), из тюркских, монгольского[25]; укр. *бу́зівок*, *бу́зимок* 'перезимовавший теленок', др.-польск. *bukat* 'бычок', словин. *bîdlą* 'молодой вол', серб. диал. *воловодак* 'теленок трех—четырех лет', *воловодка* 'только что отелившаяся телка', болг. *данáк*, *данáче*, *навóдник* 'бычок от одного до трех лет', *шу́ле* 'теленок', *вóлче*, *тосу́м* то же.

[23] Цит. по рукописи этимологического словаря славянских языков Г. А. Ильинского.

[24] Там же.

[25] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 321.

ЛОШАДЬ

Единственным названием лошади, которое приближается к функции родового термина, является слав. *konь*, слово общеславянского распространения: ст.-слав. **конь** *ἵππος*, др.-русск. *конь*, русск. *конь*, укр. *кінь*, род. *коня́*, блр. *конь*, польск. *koń*, словин. *kȍu̯n*, н.-луж. *kóń*, даил. (вост.-луж.) *kъń* [1], в.-луж. *kóń*, чеш. *kůň*, слвц. *kôň*, диал. *kôm*, *kjun*, словен. *kònj*, сербохорв. *kȍњ*, болг. *кон*, диал. *койн*. Столь же справедливым будет сказать, что общий, родовой термин для животного Equus caballus в славянском фактически отсутствует. Напротив, существуют уже с праславянской эпохи названия *konь* и *kobyla*, обозначающие самца и самку. Детализирующее половое значение славянских названий и их отношение — как новообразований — к древним индоевропейским названиям — вот главные моменты, которые следует учитывать при этимологической характеристике славянских названий лошади.

В славянском отсутствует и.-е. **ek̂u̯os* 'лошадь', известное в большинстве индоевропейских языков: лит. стар. *ašvà* 'кобыла', др.-инд. *áśva* 'лошадь', авест. *aspa-*, тохар. А *yuk*, В *yakwe* то же, греч. *ἵππος*, лат. *equus*, галльск. *epo*, *Epŏna*, галльская богиня, букв. 'большая кобыла', др.-ирл. *ech-* 'жеребенок', гот. *aíhatundi*, др.-сакс. *ehu*, фрак. *esb* 'лошадь' [2].

Вполне возможно, что **ek̂u̯os* еще существовало в праславянском или протославянском, а затем исчезло, как это, например, произошло уже в период письменной истории в литовском языке, а также во всех романских

---

[1] См.: *Л. В. Щерба.* Восточнолужицкое наречие. I. Приложение. Пг., 1915. С. 9, 14.

[2] См. о последней форме: *В. И. Георгиев.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. С. 120. — Подробности развития отдельных форм из и.-е. **ek̂u̯os* мы вынуждены здесь опустить, в том числе интересное греч. *ἵππος*.

языках. Довольно сомнительны следы этого древнего названия лошади в восточнославянском гидрониме Осва[3].

Исчезновение и.-е. **ek̑u̯os* в славянском нужно, по-видимому, рассматривать в первую очередь как лингвистическую проблему, т. е. искать причину в местном своеобразии развития соответствующих форм языка, а не в позднем знакомстве славян с разведением лошадей или в длительном влиянии со стороны других народов, более сведущих в коневодстве. Как это ни курьезно, но в противном случае исследователь рискует уподобиться лингвисту, который вздумал бы, исходя из наличия франц. *être debout* 'стоять' и *être assis* 'сидеть', доказывать, что французы разучились сидеть и стоять, поскольку их язык не сохранил рефлексов и.-е. **sta-* и **sed-*.

Причина вытеснения и.-е. **ek̑u̯os* в славянском коренится также в стремлении к развитой животноводческой терминологии, связанной с половой дифференциацией, с четким различением названий самца и самки животных, важных в хозяйственном отношении. И.-е. **ek̑u̯os* плохо подходило для этой роли. Прежде всего это был типичный общий термин для животного[4], который относился как к мужской, так и к женской особи. Языки, употребляющие член, пользовались формами типа греч. *ὁ ἵππος* 'жеребец', *ἡ ἵππος* 'кобыла'. Латинский прибегнул к вынужденному новообразованию женского рода *equa*[5]. Случай с и.-е. **gᵘ̯ou-* 'крупный рогатый скот' отчасти напоминает судьбу **ek̑u̯os*, но результаты развития их в славянском оказались различными: **ek̑u̯os*, термин безразличный в половом отношении, был заменен новыми дифференцированными названиями *konь*, *kobyla*. Говорить о каких бы то ни было связях **ek̑u̯os* и *konь* нет поэтому никаких оснований.

Предыдущие замечания, возможно, облегчат этимологический анализ славянских слов. Что касается взаимоотношений этих последних, то целесообразно, по-видимому, считать самостоятельными и не родственными этимологически формами не только *konь* и *kobyla*, но и такие близкие, как *konь* и *komonь*. Маловероятна этимология М. Фасмера, согласно которой противоположные названия *konь*, *komonь* и *kobyla* объединяются в одной парадигме основы на согласный им. ед. **ko-bō(n)* > **koby-* > **kobyla*, род. ед. **kobnes* > **kom-nes* > **kones* > **konь*, вин. ед. **kobonm̥* > **komonь*[6]. Отноше-

[3] См.: *J. Rozwadowski.* Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948. S. 176 ff.; *M. Rudnicki.* [Рец. на указ. книгу Я. Розвадовского] // LP. T. 1. 1949. P. 268—269.

[4] И.-е. **ek̑u̯os* представляет собой тематизированную основу на *-u* **ek̑u-*, которую часть ученых связывает с и.-е. **ōk̑u-* 'быстрый', ср. др.-инд. *āśúṣ*, авест. *āsu-š*, греч. *ὠκύς*.

[5] См.: *A. Ernout.* Remarques sur l'expression du genre féminin en latin // Mélanges F. de Saussure. Paris, 1908. P. 212.

[6] См.: *M. Vasmer.* Sprachliche Miszellen // ZfslPh. Bd. 9. 1932. S. 141; *Он же.* REW. Bd. 1. S. 618; — К. Мошинский, объясняя слав. *konь* < **(s)kopnь* : *skopiti* 'кастри-

ния славянских форм между собой действительно сложны, и это является основной причиной, затрудняющей их этимологию. Тем не менее, есть основания видеть здесь вторичное сближение, а не исконное единство форм. Между прочим, именно в названиях лошади, точнее — в формах, сближаемых непосредственно с обсуждаемыми здесь словами, есть, по меньшей мере, два примера обманчивой близости этимологически не родственных форм. Во-первых, это слав. *konь* и лит. *kuĩnas*, *kuinà* 'кляча', неправомерно сравнивавшиеся Ф. Миклошичем, ср., однако, лит. *kùika*, *kuĩkė* то же, др.-прусск. *kaikan* (*paustocaican* 'дикая лошадь'), *kaywe* 'кобыла', лит. *kė̃vė* 'кляча', которые говорят о том, что *kuĩnas* — всего лишь словообразовательный вариант в ряду прочих чисто литовских форм[7]. Во-вторых, слав. *komonь*, *kobyla* : лит. *kumė̃lė* 'кобыла'. Литовское название кобылы, так напоминающее по виду слав. *kobyla* и тождественное ему по значению, однако, вместе с лит. *kumelỹs*, лтш. *kumeľš* 'жеребенок', вероятно, родственно др.-инд. *kumār* 'юноша' < **kumēl-*[8]. Нечто аналогичное представляют собой отношения слав. *konь* и *komonь*. И то и другое слово обозначает лошадь, однако пристальное наблюдение позволяет сделать вывод, что каждое из этих двух слов имеет свое значение и живет своей особой жизнью. Слав. *konь* — основной технический термин 'конь-самец', 'кастрированный самец', а также 'конь' вообще. В отличие от слова *konь* слав. *komonь* никогда не употребляется в качестве половой характеристики, вообще выступает в ином значении, ср. др.-русск. *комонь* 'боевой конь'. Такими семантическими деталями никогда не следует пренебрегать при этимологии. В данном случае они подтверждают, например, точку зрения К. Мошинского, который разделял *konь* и *komonь*, объясняя второе как родственное др.-инд. *camaráḥ* 'Bos grunniens', норв. *humre* 'тихо ржать', нем. диал. (шваб.) *Hummel*

ровать', исходит из распространенного (Польша, Западная Белоруссия, Западная Украина), но все-таки, вероятно, вторичного значения 'мерин' (Kultura ludowa Słowian. Część 1. S. 116; *Он же.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S. 235). Еще менее убедительны другие этимологии — из сложений *ko-monь*, **kob-monь* (см.: *P. Skok.* Südslawische Beiträge // ZfslPh. Bd. 8. 1931. S. 407 ff.; *J. Charpentier.* Zur arischen Wortkunde // KZ. Bd. 40. 1906. S. 435; *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 609—610; *E. Gottlieb.* A systematic.... P. 35). Некоторые, наконец, склонны видеть в *konь*, *komonь* заимствование из доиндоевропейских языков или довольствуются признанием его не ясного характера.

[7] Ничего общего не имеет лит. *kuĩnas* с сев.-укр. диал. *куі̂нь*, *куе̂нь* (< *конь*), вопреки Я. Эндзелину (ЖМНП. 1910. Июль. С. 197). О литовских словах. См: *К. Буга.* Baltica // РФВ. Т. 65, 66. 1911. С. 223 или *K. B. Rinktiniai.* Raštai. T. I. Vilnius, 1958. S. 296—297.

[8] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 609—610; *A. Augstkalns.* Baltische Miszellen 1 // Studi baltici. Vol. 4. Roma, 1934—1935. P. 63—65.

'название быка' [9], сюда же от общей основы *kom-/*kim- русск. *комáр*, слав. *čьmelь*, русск. *шмель*. Эта этимология вполне соответствует значению слова *komonь*, описательного названия, лишенного половой характеристики. 'Ржущий (конь)' — таково было древнее значение *komonь*, удобное для названия боевого коня. Слав. *konь*, возможно, повлияло на его оформление, результатом чего явилась форма *komonь*, «Reimwort» к *konь*. Таким образом, очень рано была заложена предпосылка для их сближения, основательно смутившего многих этимологов, хотя первоначально это были две разные, этимологически не родственные основы.

После того как была предпринята попытка определить отношения слав. *komonь* и *konь*, обратимся к этимологии этого последнего. Может быть, слав. *konь* продолжает **kopn̥i̯o-* < **kap-n-*, название самца, родственное и.-е. **kapro-* 'самец', ср. лат. *caper*, нем. *Haber-geiß* 'козел', греч. *κάπρος* 'кабан', 'козел' и далее — др.-инд. *kápr̥t* 'membrum virile' [10]. Все говорит как будто в пользу того, что слав. *konь* генетически и по преимущественному употреблению является названием самца. Со значением 'кобыла' известно только производное слав. *konjica*, в общем довольно эфемерное образование, реконструируемое на основании венг. *kanca* 'кобыла', чеш. диал. (моравск.) *konica*, *konice*, ср. ст.-укр. *коница* в Лексиконе Памвы Берынды: *Ксанѳíппа, рыжая кóнница* [11].

Для объединения слав. *kobyla* с *konь* нет никаких оснований, точно так же, как и для реконструкций древней основы и.-е. **kabōn*, слав. **koby*. Слово *kobyla* известно во всех славянских языках: ст.-слав. **кобыла** *ἵππος*, др.-русск. *кобыла*, русск. *кобы́ла*, диал. (колымск.) *кобула*, укр. *кобúла*, *кобúлúця*, блр. *кабы́ла*, польск. *kobyła*, кашуб. *kœbéla*, словин. *kùo̜nbă̄lă*, полаб. *ťüb̄ălə*, н.-луж. *kobyła*, *kobuła*, в.-луж. *kobła*, чеш. *kobyla*, слвц. *kobyla*, *kobola*, *kobula*, словен. *kobíla*, сербохорв. *kòбила*, болг. *кобúла*. В слове *kobyla* мы имеем, по всей вероятности, заимствование. Его общеславянское распространение показывает, что в славянский это слово проникло давно. Тем не менее анализировать слав. *kobyla* с точки зрения славянского словообразования, как поступает М. Фасмер, сравнивая *koby-la* и *mogy-la*, не дают возможности очевидно близкие неславянские формы лат. (галльск.) *caballus* 'лошадь', греч. (Гесихий) *καβάλλης*. Существующая между ними близость не может быть

---

[9] См.: *K. Moszyński*. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S. 238.

[10] Об и.-е. **kapro-*, др.-инд. *kápr̥t* см.: *E. Gottlieb*. A systematic... P. 17; *M. Mayrhofer*. Kurzgefaßtes etymologisches Wöterbuch des Altindischen. Bd. I. Heidelberg, 1956. S. 157.

[11] См.: *I. Kniezsa*. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. kötet. 1. rész. Budapest, 1955. S. 247; см. также мою статью: *О. Н. Трубачев*. Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ. 1959. № 1. С. 27.

объяснена как происхождение родственных слов из общей праформы. Все это, по-видимому, заимствования из какого-то общего источника. В качестве культурного заимствования названное слово распространилось очень широко в Европе, однако оно не является исконным ни для одного из местных индоевропейских языков. Следует отметить, что большинство относящихся сюда слов трактуется древними авторами как глоссовые, нуждающиеся в переводе, толковании: *cabonem*... quem nos caballum dicimus (*caballus* распространено, в свою очередь, в галльских диалектах, наряду с *epo-* [*para-*] *veredus*, *mannus*, *marcus*); *καβάλλης ἐργάτης ἵππος*. Сходство лат. *caballus* и греч. *καβάλλης* слишком «разительно», чтобы объясняться результатом закономерного фонетического развития, которое достаточно резко отличает латинский и греческий языки друг от друга.

Затрудняясь пока в определении и локализации первоисточника, мы тем не менее вынуждены предположить заимствование в индоевропейские языки Европы через посредство Малой Азии из какого-то азиатского языка, ср. тюрк. *käväl*(*at*) 'быстрая (лошадь)' у Махмуда Кашгарского (XI в.), перс. *kaval* то же. Не случайно также сходство с фин. *hevonen*, диал. *hepo* 'лошадь кобыла', карельск. *hebo*, *hebońe*, эст. *hobu*, *hobo*, *hobune* то же, заимствованными из какого-то азиатского источника независимо от индоевропейских слов[12].

Название жеребенка представлено в слав. **žerbę*, *-ęte*: ст.-слав. **жрѣбѧ** *πῶλος*, др.-русск. *жеребѧ*, *жеребьць*, *жеребь*, русск. *жеребенок*, укр. *жереб'я*, род. ед. *жереб'яти*, блр. *жарабя́*, польск. *źrebię*, диал. *zgrzebię*, кашуб. *zgřebčą*, *gřebją*, словин. *zdřêbją*, н.-луж. *žrčb'e*, в.-луж. *žrěbjo*, полаб.

---

[12] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 583; *E. Berneker.* SEW. Bd. 1, S. 535; *О. Гуйер.* Введение в историю чешского языка. М., 1953. С. 106—107; *А. Мейе.* Общеславянский язык. С. 377. — Объяснение из **(s)kab-/*(s)kap-* 'кастрировать' (*С. Младенов.* // ЕР. С. 243) и из **kob-/*kъb-* 'выпуклое, круглое' (*K. Moszyński.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. S. 236) неправдоподобно, как и этимология Н. Левенталя (Zur baltisch-slavischen Wortkunde // AfslPh. Bd. 37. 1920. S. 378). См. далее: *J. Whatmough.* Hi omties lingua inter se different // Orbis. T. 1. Louvain. 1952. P. 431; *A. Nehriing.* Die Wortsippe von griech. *καβάλλης* // Die Sprache. Bd. 1. Wien, 1949. S. 164 ff. — Эрну (*A. Ernout.* Aspects du vocabulaire latin. Paris, 1954. P. 53) считает *caballus* заимствованием из лидийского языка; *A. J. Van Windekens.* // KZ 76. 1959. С. 79. См. также: *A. Leskien.* Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891. S. 277—278; *Y. H. Toivonen.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I. Helsinki, 1955. S. 69. — Мне остались недоступны работы: *H. Grégoire.* L'étymologie de caballus ou de l'utilité du grec moderne // Récueil publié en l'honneur du bimillenaire d'Horace. P. 8 ff.; *Он же.* L'étymologie de caballus // Travaux de la Faculté de philosophie et lettres de l'Universite Bruxelles. VII. 1937. P. 81 ff.

zríbą, чеш. *hříbě*, слвц. *žriebä*, словен. *žrebè*, сербохорв. *ждрȇбе*, болг. *жребé*. Слав. **žerbę*, нормальное образование с суффиксом *-ent-*, обычное для славянских названий молодых животных, продолжает древнее название чрева, утробы и.-е. **gerbh-*/**gᵘerbh-*/**gᵘrebh-*, ср. греч. *βρέφος* 'плод во чреве', 'детеныш', др.-инд. *gárbha-* 'чрево, плод', авест. *garəva-* то же [13]. Правильное образование со значением 'беременная (кобыла)' русск. *жеребая*, *сужеребая* (ср. польск. *źrebna*, н.-луж. *sužřebna* < **žerbьna* то же) сблизилось с русским продолжением праслав. **berdjā*, повлияв на значение последнего (ср. русск. диал. *берёжая*, *суберёжая* 'жеребая'), в то время как в других славянских языках лучше сохранилось широкое значение этого древнего производного от и.-е. **bher-* 'носить, вынашивать (во чреве)', а именно 'беременная' (о скоте вообще): русск.-црк.-слав. *брѣжда*, чеш. *březí*, словен. *bréja* (об овцах), сербохорв. *брȇђа* (также о человеке). Влиянию значения русск. *жерёбая* на русск. *берёжая* благоприятствовала вторичная фонетическая близость этих различных по происхождению слов.

Остальные названия лошади ограничены пределами одного или нескольких славянских языков и весьма пестры по составу; большая часть их заимствована из других языков, некоторые представляют собой поздние новообразования.

Русск. *лóшадь*, широко распространенное в южновеликорусских и средневеликорусских диалектах, образует как бы клин между северновеликорусской, белорусской и украинской территориями, где преобладают в общей функции формы от слав. *konь*. Несколько шире известен тип *лошá* ср. р. 'жеребенок', ср. укр. *лошá*, *лошáти*, польск. *łoszę*, *łoszęcia* то же. В основе этих слов лежит тюрк. (*a*)*laša* 'лошадь, мерин', значительно преобразованное под влиянием местных морфологических категорий, например названий молодых животных на *-ęt-*. От *лоша* образованы прочие русские формы: *лошáк* и *лошадь* (с XII в.), ср. русск.-црк.-слав. *ослѣдь* 'дикий осел' [14]. В диалектах обнаруживаются варианты *лошадь* м. р. (*харошаво лошадю...* — смоленск.), *лошáдь* (смоленск.), *лашáга* 'двухлетняя лошадь' (Пушкинск. р-н Псковск. окр.).

Этим исчерпываются наиболее широко употребляемые· названия в славянских языках. Прочие названия фигурируют, как правило, с самого начала как второстепенные, с относительно узкой сферой употребления, хотя и при этом нельзя не отметить экспансивности отдельных форм. Неясно происхождение русск.-црк.-слав. *орь*, русск. диал. (рязанск., уральск.) *орь*

---

[13] См.: *M. Vasmer.* // REW. Bd. 1. S. 420; *H. Chr. Sørensen.* Die sogenannte Liquidametathese im Slavischen // Acta linguistica. Vol. 7. Copenhague, 1952. P. 59; *V. Machek.* Etymologiský slovnik... S. 148; о чеш. *hříbě* см. также: *Г. А. Ильинский.* К вопросу о переходе *ž* в *h* в чешском языке // Slávia. Roč. 8. 1929—1930. С. 50 и след.

[14] См: *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 63—64, с подробной библиографией.

'лошадь, жеребец', сюда же др.-чеш. *oř* 'конь', др.-польск. (*h*)*orz*[15], а также укр. диал. (гуцульск.) *wór* 'жеребец'[16].

От старой глагольной основы слав. **kľus-/*klus-* < **kleup-s-/*kloups-* (лит. *klaũptis*, *klū̃poti* 'преклонять колени', гот. *hlaupan*, нем. *laufen* 'бежать') происходит слово, выступающее также и в качестве названия лошади, но со следами первоначального более широкого значения ст.-слав. **клюсѧ, -ѧте** *ὑποζύγιον*, *ἄλογον*, *ὄνος*, *ζῷον*, др.-русск. *клюсѧ* 'жеребенок' (ср. русское крестьянское прозвище *Клюс*)[17], др.-польск. *klusię* 'лошадь', польск. *kłus* 'рысь', *kłusować* 'бежать рысью', словин. *klûsą* 'лошадь', в.-луж. *klusak* 'иноходец', др.-чеш. *klusák* 'конь, рысак', *klusati* 'бежать рысью', *kľusě* 'жеребенок, вьючная скотина', *kľusice*, *kľusna* 'кобыла', чеш. *klisna* 'кобыла', словен. *kljúsa* 'кляча', *kljusáč* 'иноходец', *kljúse*, *-eta* 'кляча', сербохорв. *кљу̑се* 'лошадь', болг. *клюсе* 'жеребенок', *клюса* 'кляча'. Сюда же, с другой ступенью вокализма и без расширителя *-s-*, русск. диал. (зап.) *клыпа́ть* 'хромать', близко родственное приведенным выше литовским словам[18].

Др.-русское *кляча*, русск., укр. *кля́ча*, откуда польск. *klacz*, *klacza*, происходит из **klękja* от **klen-* 'гнуть, кривой, гнутый' (также о куске дерева) с формантом *-k-*[19] (ср. польск. *klępa*, укр. диал. *кля́па* 'коровенка' с другим формантом). Однако русск. диал. (курск., обоянск.) *korяшу́ра* 'изнуренная, дурная лошадь, кляча'[20], возможно, связано с польск. *kreatura* 'создание, тварь', которое могло затем сблизиться по народной этимологии с *кля́ча* или с *кля́тый*, *клясть*.

Интересно русск. диал. (южн., зап.) *шка́па* 'кляча', укр. *шка́па*, блр. *шка́па* то же, польск. *szkapa*, чеш. *škapa* 'кляча', кашуб. *škapa* 'лошадь (без презрительного оттенка значения)'. Наименее ясно др.-русск. *шкабатъ* 'лошадь' в Псковской I летописи, а также русск. диал. *шка́ба* 'кляча' (смо-

---

[15] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 2. S. 279; *V. Machek*. Etymologiský slovník... S. 341; *A. Brückner*. SEJP. S. 382.

[16] См.: *R. W. Harasymczuk—W. Tabor*. Etnografia połonin huculskich // Lud. T. 35. Lwów, 1937. S. 133 ff.

[17] См.: *М. Герасимов*. Прозвища крестьян южной части Череповецкого уезда. ЖС. 1899. Вып. 3—4. С. 399.

[18] См.: *G. Iljinskij*. Der Reflex des indogermanischen ĕu im Uslavischen // AfslPh. Bd. 29. 1907. S. 491; *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 574, 575—576; *L. Sadnik, R. Aitzetmüller*. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955. S. 250; *V. Machek*. Etymologiský slovník... S. 205; *A. Brückner*. SEJP. S. 238.

[19] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 577—578. — Мнение о заимствовании слова *кляча* из тюрк. *yqyłač* 'породистый конь' (только у Махмуда Кашгарского) не обосновано (*K. H. Menges*. Slavo-altaische Wortforschungen // Festschrift für D. Čyževśkyj. Berlin, 1954. S. 189).

[20] См.: Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. С. 82.

ленск.). Остальные формы очень удовлетворительно объяснил В. Махек из **skapa* от *skopiti* 'кастрировать, оскоплять', т. е. с первоначальным значением 'кастрат' — о крупном, сильном, но не очень подвижном животном, поскольку кастрация вообще ускоряет рост и повышает рабочие качества скота; затем легко могло развиться значение 'неповоротливая скотина', чему сопутствовало и экспрессивное изменени *sk* > *šk*, ср. чеш. диал. *škára*, русск. *шку́ра*, укр. *шкір(к)а*, н.-луж. *škora* — от слав. *skora*[21].

Довольно широко распространены заимствованные, вероятно, в разное время из одного и того же источника — тюрк. (тур.) *at* 'лошадь, конь', укр. *гачу́р* 'жеребец', *гачу́ра* 'трехлетняя кобыла' (с дополнительным формантом), диал. *гача* 'лошадь', слвц. *haiča*, *hače*, *hačurek*, *háčko*, *háše* 'жеребенок, жеребец', сюда же, наверное, польск. *chetka*, *hetka* 'кляча', наконец серб. диал. *хат* 'породистый жеребец', также *ȁт*, болг. *ат*, уменьш. *а̀тче* 'конь, жеребец'.

В словен. *máhin* 'мерин' (ср. еще укр. диал. *ман'е́к* 'торба для годівлі коней')[22], возможно, сохранились реликты важного древнего названия проблематичного происхождения. Его отражения в лат. диал. *mannus* 'маленькая лошадка' из **mandus*, мессап. (Juppiter) *Menzanas* 'Лошадиный (Юпитер)', фрак. Μεζηναι, а также в алб. *mëz*, *mâz* 'жеребенок', рум. *mînz* 'жеребец', далее, нем. диал. (тирольск.) *Menz* 'яловая корова' позволяют с большой степенью вероятности восстановить источник — иллирийск. **manza* из **mandia/*mendia*[23]. Сюда же можно, по-видимому, отнести венг. *mén* 'жеребец', др.-венг. *menu*[24], происхождение которого еще не выяснено[25]. В таком

---

[21] См.: *V. Machek.* Etymologický slovník… S. 501. — Прочие, устаревшие этимологии см.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 405.

[22] См.: *П. Ф. Шило.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957. С. 247.

[23] См.: *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Aufl. 2. S. 462; *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3e éd. T. II. Paris, 1951. P. 684; *N. Jokl.* Albanier // *M. Ebert.* Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. I. Leipzig, 1924. S. 87; *O. Schrader.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, herausg. von A. Nehring. S. 170; *A. Ernout.* Aspects du vocabulaire latin. Paris, 1954. P. 53; *W. Porzig.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 150; *H. Krahe.* Baltico-Illyrica // Festschrift für M. Vasmer. Wiesbaden, 1956, S. 250; *E. P. Hamp.* Albanian and Messapic // Studies presented to Joshua Whatmough. 's-Gravenhage, 1957. S. 79; *W. Cimochowski.* De l'origine de la langue albanaise // Buletin i Universitetit shtetëtor të Tiranës. Seria shkencat shaqerore. 1958. № 2. S. 53; *В. И. Георгиев.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. С. 127.

[24] См.: *G. Szarvas, Zs. Simonyi.* Magyar nyelvtörténeti szótár. II. Kötet. Budapest, 1891. Столб. 738.

[25] См.: *G. Bárczi.* Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941. S. 202.

случае слово *mén* пополнит (пока еще очень скудное) число идентифицированных элементов иллирийского субстрата, усвоенных венгерским языком в Дунайской котловине.

Прочие названия: др.-русск. *аргамакъ*, русск. *аргама́к* 'конь', как и польск. *rumak* 'породистый скакун' заимствовано из тюркских, ср. казанско-тат. *arγamak*, тур. *arğymak*[26]; др.-русск. *скокъ* 'скакун', русск. *скаку́н*, ср. также полаб. *skocąikə* 'жеребец-производитель' представляют собой совершенно прозрачные самостоятельные образования от общей глагольной основы слав. *skok-*, *skakati*, русск. *скакать*; др.-русск. *бахматъ* 'лошадь' (XVI—XVII вв.), русск., укр. диал. *бахма́т*, *бахме́т* 'маленькая, крепкая лошадка', польск. *bachmat* представляет собой вариант мусульманского имени собственного тур. *Mühmät*, *Mähmät*, ср. др.-русск. *Бохмитъ* с обычной меной *m/b*, сюда же — местное название *Бахмут* и рум. *hahmet* 'буджакская лошадь'[27]; русск. *битю́г* 'сильная ломовая лошадь' объясняют двояко — от названия реки Битюг, левого притока Дона, или как тюркское заимствование[28]; русск. диал. *баро́нка*, *боро́нка* 'лошадь по третьему году, когда ее запрягают в борону', сюда же *борноволок* 'лошадь двух лет' из *бороноволок*, ср. польск. *bronowłoka* м. р. то же; диал. (моздокск., донск.) *машта́к* 'мерин, маленький толстенький конь'; диал. (олонецк., рязанск.) *одёр*, *о́дрань* 'дрянная, ленивая лошадь' — от *драть*, ср. в семантическом отношении нем. *Schindmähre* 'кляча' : *schinden* 'сдирать шкуру'; диал. (олонецк., рязанск.) *лонча́к*, *лоньча́к* 'годовалый жеребенок' от диал. *лони́* (с.-в.-р.) 'в прошлом году' (ср. слвц. диал. (липтовск.) *lanštiak* 'годовалый баран' : слвц. *lani* 'в прошлом году'), отсюда в результате контаминации с *лош-* (лошадь) — диал. *лошня́к* 'годовалый жеребенок'; диал. *сосу́н* 'жеребенок'; диал. (олонецк.) *молодя́жка* 'жеребенок' — местное образование от *молод*, *молодой*, ср. др.-прусск. *maldian* 'жеребенок', аналогичное образование от родственной основы; диал. (сиб.) *черпел* 'жеребенок по второму-третьему году до кладева'; диал. *ши́нька*, *ше́нька* 'лошадка, жеребенок'[29]; диал. *сколуди́на* 'старая, негодная лошадь'; диал. *прсьо́нка* 'лошадка', очевидно, из подзывания; диал.

---

[26] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 22—23.

[27] См.: *K. H. Menges*. Slavo-altajische Wortforschungen // Festschrift für D. Čyževškyj. Berlin, 1954. S. 187 ff. — От собственного имени *Бахмат* 'Магомет, Махмуд', несомненно, происходит и местное название *Бахмач*, город на Украине (собственно, *Бахматъ* + *jь* > *Бахмачь* 'Бахматов, Магометов', ср. др.-русск. *бохмичь*), которое не приводилось К. Г. Менгесом.

[28] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 88; *K. H. Menges*. Slavo-altajische Wortforschungen. S. 18).

[29] Ср. олонецк. *шинь* — окрик, подгоняющий лошадей, а также удмурт. *tśuńi* 'жеребенок' (*M. Vasmer*. REW. Bd. 3. S. 400).

(олонецк.) *варжа* 'жеребенок' заимствовано из карельск. *varža* то же [30]. Общерусское название холощеного жеребца *мерин*, укр. *мерин*, др.-русск. *меринъ* (с 1500 г.) заимствовано из монг. *mörin*, *morin*, калм. *mörn̥* 'лошадь' [31]. Польск. *mierzyn* 'ломовая лошадь' (с 1617 г.) заимствовано, в свою очередь, из русского языка.

Ст.-укр. *бербига* 'лошадь, кляча' [32]; укр. диал. *нýтер*·'плохо кастрированный жеребец', ср. русск. диал. *нутрец*, чуш. диал. (моравск.) *ňutr*, польск. диал. *wnęter* 'плохо кастрированный жеребец', ср. болг. диал. (разложск.) *ватрáк* 'наполовину оскопленный вол или другое домашнее животное', а также лит. *iñtris* 'кастрированный жеребец' [33]; диал. (одесск.) *гармасáр* 'жеребец' < молд. *хэрмэсáр*, рум. *armasár*; диал. *гýчик*, *гýча* 'жеребенок-сосунок'.

Польск. *chabeta*, также диал. *chaba* 'кляча' [34]; *świerzopa* 'кобыла', *świerzepa* (с XV в.), откуда заимствовано др.-прусск. *sweriapis* 'жеребец', ср. далее др.-чеш.·*sveřěpec* 'племенной жеребец', *sveřěpicě* 'племенная кобыла', слвц. *sverepka* 'крепкая маленькая лошадка' — от праслав. *sverěpъ* с первоначальным значением 'дикий, дикорастущий' из местоименной основы *sve-* и *rěp-* 'цепляться, хвататься', ср. русск. *репéй* [35]; перенос этого слова на лошадь ограничен названными западнославянскими языками: *walach* 'мерин' — от названия валахов, бродячих пастухов-румын в районе Карпат, занимавшихся также кастрированием животных [36]; *ogier* 'жеребец', ср. русск. диал. *огéр*, болг. *айгъ́р*, серб. *ajгир* то же, заимствовано из тюркских языков; *bedewia*, ср. слвц. *bedelija* 'кобыла' < тур. *bedevi at* 'бедуинский, арабский конь' [37]; *cwałek* 'маленькая, но быстрая лошадка' от *cwał* 'рысь', *cwałować* 'скать галопом'; диал. *kiziak*, *kiziaczek*, *kiźlak* 'жеребенок', ср. подзывание лошади *kiś*, *kiś!*, *kizia*, *kizia!*, *ksio*, *ksio!* [38]; диал. *gerlak*, *jarlik*, *jarlak* 'жеребенок' < нем. *Jährling*

---

[30] См.: *J. Kalima.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. S. 84; *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 170.

[31] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 121.

[32] См.: *Е. Тимченко.* Історичний словник українського язика. Т. I. Київ—Харків, 1930. С. 83.

[33] См.: *K. Būga.* Kalba ir senovė. I. Kaunas, 1922. S. 268.

[34] Сопоставления см.: *F. Sławski.* Słownik etymologiczny. T. I. S. 58.

[35] См.: *V. Machek.* Etymologický slovník... S. 488; иначе — *A. Brückner.* SEJP. S. 536—537; очень гадательно — *M. Vasner.* REW. Bd. 2. S. 594. — Местоименная основа *sve-* выступает, кроме слав. *sverěpъ* 'дикорастущий', в аналогичном сложении *svepetь* 'рой диких пчел', первоначально, вероятно, 'дико, сам по себе летающий' (*sve-petъ*) (иначе —·*M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 588—589).

[36] См.: *A. Brückner.* SEJP. S. 600.

[37] См.: там же. С. 19.

[38] См.: *H. Horodyska.* Słownictwo Warmii i Mazur. Hodowla. Wroslaw, 1958. S. 34—35, 47.

22 – 9718

'годовалый'[39]; *drygant* 'конь-жеребец', *dybionko*, *gleniak*, *hyska*, кашуб. *hiska* 'лошадка', *kuc*, *měra*, кашуб. *mera* 'кляча' < нем. *Mähre* то же, *inst* 'жеребец' < нем. *Hengst* то же, *kraga* 'кляча', кашуб. *raga* < нем. *Ragge*, *stadnik* 'жеребец' от *stado*, *stępak*, *strzyżniak* 'годовалый жеребенок', ср. русск. *стрижáк*, *стригýн*, *szczawręga*, *sztabręga* 'кляча', *zaparta* 'старая лошадь'[40]; кашуб. *vérga* 'кляча', ср. польск. *wierzgać* 'ржать'; словин. *prãs* 'жеребец', *prûsą* 'жеребенок'.

В.-луж. *klepc* 'кладеный жеребец', ср. чеш. *klepec* 'плохо, наполовину кастрированный жеребец'[41]; слвц. *kolek*, *kolík* 'жеребенок', *mazga* 'конь, кобыла', возможно, связанное с названиями мула, распространенными на Балканском полуострове: сербохорв. *мазга*, ст.-слав. **мьзгъ** и др.; словен. *celák*, *célec* 'жеребец' от *cêl* 'целый', т. е. 'некастрированный'; *harè*, *-ęta* 'лошадь, кляча', *klę̂vsa* 'кляча'; *pastúh* 'жеребец', ср. серб. *пàстӯх* то же, болг. *пастýх* 'некладеный жеребец' — типичный южнославянский термин, основанный на скотоводческой фразеологии: (сербохорв.) *пастух скаче на кобилу или jу опасе*; (болг.) *препáсуе* — о случке лошадей; *кобúла се пасé*, *распáсла се е*[42].

Серб. *парип* 'мерин' < греч. *παρίππος*, хорв. *bùîn* 'большая извозчичья лошадь', серб. *рага*, *курада*, *дртина*, *кљуверина* 'плохая лошадь, кляча', *омак* 'жеребенок старше года', также болг. *омáк* 'жеребенок от одного до трех лет'; *дорат*, *крхат*, *ђогат*, *алат* 'породистый конь'.

Болг. диал. *úдица* 'кобыла', *идúч* 'мерин', *кáтана* 'крупная лошадь', сравниваемое с венг. *katona* 'солдат, воин', т. е. первоначально 'боевой конь'[43], *крáнта* 'кляча', *грáсния*, *грасня́* 'кобыла, кляча' < цыганск. *grasni*[44], *скопáк* 'мерин'.

---

[39] См. там же.

[40] Большинство названий см.: *E. Majewski.* Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich... od XV wieku aż do chwili obecnej. T. 1. Warszawa, 1890.

[41] См.: *V. Machek.* Etymologický slovník... S. 203.

[42] См.: *И. Бояджиева.* Кюстендилските полчани и техният говор // Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София. Кн. 7. 1931. С. 326; *И. П. Кепов.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко // СбНУ. Кн. 42. 1936. С. 175 и след.; см. также СбНУ. Кн. 48. 1954. С. 551 (Народописни материали от Разложко); *F. Kurelec.* Imena vlastita i splošna domaćih životin u Hrvatov a ponekle i Srbalj. Zagreb, 1867. S. 9.

[43] См.: *С. Младенов.* ЕР. С. 233.

[44] См. там же, с. 107.

СВИНЬЯ

Славянская номенклатура свиньи имеет прочные связи с индоевропейскими названиями. Это относится прежде всего к двум основным названиям слав. **svinьja* и **porsę*, имеющим общеславянское распространение.

Ст.-слав. **свинья** *χοῖρος*, др.-русск. *свиния*, русск. *свинья́*, укр. *свиня́*, польск. *świnia*, кашуб. *svína*, словин. *svjîńă*, в.-луж. *swinja*, н.-луж. *swińa*, полаб. *svéińa*, чеш. *sviňe*, слвц. *sviňa*, словен. *svínja*, сербохорв. *сви̏ња*, болг. *свиня́*.

Црк.-слав. *прасѧ*, *-ѧте*, др.-русск. *поросѧ*, русск. поросенок, стар. диал. *поро́ся*, укр. *поро́ся*, *-я́ти*, блр. *парася́*, польск. *prosię*, *-ęcia*, кашуб. *parsą*, *prosą*, словин. *pãrsą*, н.-луж. *prose*, в.-луж. *proso*, полаб. *porsą*, чеш. *prase*, слвц. *prasa*, словен. *prasè*, род. ед. *praséta*, сербохорв. *пра̏се*, род. ед. *пра̏сета*, болг. *прасé*, диал. (ольшанск.) *прашчé*.

Слав. **svinьja* является в полном смысле слова общим термином, обозначавшим, по-видимому, как домашних, так и диких животных обоего пола, ср. др.-русск. *бити свиньи* 'охотиться на кабанов' [1]; вместе с тем это название удобно для обозначения самок. Но главной его особенностью, сохраненной, вероятно, от более древнего времени, является то, что слово *svinьja* всюду значит 'взрослая свинья'. Производные и значения типа словин. *svîńą* 'поросенок' очевидно вторичного, позднего происхождения. Столь же последовательно слав. **porsę* употребляется в значении 'детеныш свиньи, поросенок', в то время как отклонения вроде болг. *прасé* 'свинья' являются вторичными местными семантическими инновациями.

Слав. *svinьja* восходит, в конечном счете, к и.-е. **sū-* (**sūs*)/**sui̯-*, ср. лат. *sūs*, греч. *ὗς*, а также *σῦς*, др.-в.-нем. *sū*, нем. *Sau*, авест. *hū-*, алб. *thi*, тохар. В *suwo* 'свинья', ср. также др.-инд. *sūkarás* 'свинья'. Непосредственно

---

[1] См.: *Г. Е. Кочин.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937. С. 28.

примыкает слав. *svinьja* к расширениям на *-n-*, первоначально, вероятно, адъективного характера: гот. *swein* 'свинья', нем. *Schwein*, лтш. *suvęns*, 'поросенок', а также, возможно, хетт. иероглифич. *suwana-*. Однако в своей полной форме слав. *svinьja* представляется сугубо славянской инновацией не совсем ясного морфологического характера: и.-е. **su̯īnos*, слав. **svinъ*, ср. русск. *свиной* + суффикс *-ьja*.

И.-е. **sū-s* трудно поддается этимологизации. Из существующих толкований лучше всего, пожалуй, выдержала экзамен этимология названия свиньи от звукоподражания *su*, передающего крик животного. В этом смысле, быть может, допустимо говорить о сходстве и.-е. **sū-* и др.-кит. **ču* 'свинья, боров'; заимствование и.-е. **sū-* < др.-кит. **ču*, которое предполагал Е. А. Поливанов, противоречит китайская праформа **t̂i̯o*, хронологически наиболее близкая к эпохе существования и.-е. **sū-s*. Сближению **sū-s* 'свинья' и **sū-* 'рождать'(ср. и.-е. **sūnus*, слав. *synъ* 'сын') препятствует, в свою очередь, общий, а не женский характер **sūs*[2]. Слав. **porsę* 'поросенок' восходит к и.-е. **pork̂os*, которое, как это можно сейчас считать доказанным, тоже исконно являлось обозначением детеныша свиньи, поросенка. Сюда относятся лит. *par̃šas* 'поросенок', др.-прусск. *parstian* 'поросенок', лат. *porcus* 'поросенок' (а не 'домашняя свинья'), др.-в.-нем. *far(a)h*, нем. *Ferkel* 'поросенок', ирл. *orc* 'поросенок', иранск. (хотан.) *pâsa* 'свинья'. Таким образом, и.-е. **sūs* — **pork̂os* представляли собой пару соотнесенных возрастных названий 'взрослая свинья' — 'поросенок'. Тезис об исконности значения и.-е. **pork̂os* 'домашняя свинья' при **sūs* 'дикая свинья' одновременно с тезисом о западноиндоевропейском распространении **pork̂os* опровергнут уточнениями в истории значений **pork̂os* по языкам, а также находкой слова *pâsa* 'свинья' < **parsa-* в иранском словаре. Решающее значение для этих коррективов имеет замечательная этимология Э. Бенвениста: **pork̂o-* из **perk̂-*, название цвета, ср. греч. *πέρκος*, др.-инд. *pṛśni-* 'пятнистый'. «Известно, что у поросят дикой свиньи при рождении и примерно до шестимесячного возраста шкура покрыта черными и белыми пятнами и поло-

---

[2] См.: *D. Boranić.* Onomatopej ske riječi za životinje u slavenskim jezicima. Zagreb, 1909. S. 73; *E. Schwentner.* Tocharische Tiernamen. T. 1. B *suwo* 'Schwein' // IF. Bd. 63. 1958. S. 165 ff.; *A. J. Van Windekens.* Lexique étymologue des dialectes tokhariens. Louvain, 1941. P. 117; *E. Gottlieb.* A systematic… P. 11; *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S.593; *E. A. Polivanov.* A propos d'un mot indo-européen de provenance chinoise: **(t)sūs* < ancien chinois **ču* 'cochon' // AO. Vol. 1937. P. 405—406; *E. Benveniste.* Noms d'animaux en indoeuropéen // BSL. T. 45. 1949. P. 90. — Маловероятно сближение **sūs* с гот. *bi-sauljan* 'марать' (*F. Specht.* Der Ursprung…), а также гипотеза о заимствовании из финно-угорск. **ŝuvo* (фин. *sika*, род. ед. *sian*, морд. *tuwo*) 'свинья' (*A. Nehring.* Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat // Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Jg. IV. Wien, 1935. S. 112 ff.).

сами». Значит, *porḱo- оформилось как название для поросенка. Всюду на индоевропейской территории *sūs, *porḱos служили названиями диких свиней вообще, и лишь с появлением свиноводства стали возможны вторичные сдвиги[3].

Славянский знает только производное *pors-ent-, аналогического происхождения в отличие, например, от *telen-t-, где есть какие-то основания допускать следы более древних отношений конца основы (: *telь-сь*, лит. *teli-as* и др.). Прочие славянские глагольные и именные производные от *porsę совершенно прозрачны и аналогичны другим подобным образованиям от названий домашних животных. Замечание вызывают формы русск. диал. *прося́та*, *прасу́к*, *просу́к*, которые, однако, вряд ли являются церковнославянскими элементами (*прас-*), проникшими в русскую народную речь, как думал Л. П. Якубинский, и могут быть объяснены полной редукцией второго предударного гласного (*порося́тки*) в соседстве с сонорным[4]. Этому не противоречит диал. *пра́ська*, по-видимому, вторично полученное из *прася́тки*, *прасу́к*. Диал. (рязанск.) *парсу́к*, *парсю́к*, 'боров, легченый кабан', приводимое В. И. Далем, стоит обособленно, но здесь тоже можно видеть несколько иначе осуществленную редукцию. В отличие от них, зап.-блр. *poršúk*, *paršúk* '(кастрированный, худой, плохо откормленный) поросенок', вероятно, заимствовано из литовского или вымершего ятвяжского языка[5]. Диал. (тамб·) *барсу́к* 'боров'[6], по-видимому, возникло по причине контаминации *боров* и *барсук* в обычном значении.

При абсолютной важности мясного направления именно в свиноводстве понятна древность названий борова, кастрированного самца свиньи. Этим объясняется наличие соответствий, объединяющих, например, славянский и германский. Таким названием является слав. *borvъ претерпевшее в отдельных славянских языках важные семантические изменения: др.-руск. *боровъ* 'скотина породы овец и коз; кабан и баран холощеный', русск. *бо́ров* 'кастрированный кабан', также диал. 'кабан', 'вепрь' *боровча́к* 'годовалый теленок, выросток, бычок или яловка', польск. диал. *browek* 'откармливаемый

---

[3] См.: *E. Benveniste.* Noms d'animaux en indo-européen... P. 77, 85 ff., 90; *F. Specht.* Der Ursprung... S. 34—35; *E. Gottlieb.* A systematic... P. 10, где проводится другая этимология — от *perḱ- 'рыть'; см.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 409. — Остроумно, но маловероятно объяснение и.-е. *porḱos как слова с первоначальным значением 'животное огня', 'жертвеное животное' от и.-е. *pr̥/per*, греч. *πῦϱ* 'огонь' и родств. (*J. P. Rona.* El culte indoeuropeo del fuego. Montevideo, 1957. P. 14).

[4] См.: *Л. П. Якубинский.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 116; см. также соответствующее примечание редактора П. С. Кузнецова.

[5] См.: *W. Kuraszkiewicz.* Domnieniany ślad Jadźwingow na Podlasiu // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. I. Warszawa, 1955. S. 344 ff.

[6] См.: Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. С. 6.

кабан' [7], др.-чеш., *brav* 'скот, в частности мелкий скот', чеш. *brav* 'мелкий скот', диал. (моравск.) *brav*, *brávek* 'кастрированный кабан' [8], слвц. *brav*, *bravec* 'кабан, поросенок, кастрированный или некастрированный', болг. диал. *брав* 'баран', *бра́ва* 'голова (единица счета скота)', например, *сто бра́ви овци́*, 'сто голов овец', сербохорв. *бра̑в* 'овцы', диал. 'кастрированный кабан', словен. *brȃv* 'мелкий скот'.

Значение 'мелкий скот, овцы, козы' оформилось вторично, видимо, в результате потребности в собирательном термине вроде **govędo* 'крупный рогатый скот'. Любопытно преобразование по народной этимологии макед. болг. диал. *пра́вда* '(мелкий) скот' < *брав-та*, членная форма. Слав. **borvъ* 'кастрированное животное' продолжает **bor-u̯-*, расширенное и.-е. **bher-* 'резать', ср. этимологически родственные и синонимичные др.-в.-нем. *barug*, *barh*, самостостоятельно образованные от общей основы с суффиксом *-ko-*. Разумеется, о заимствовании слав. **borvъ* из германского говорить нет оснований [9].

В отличие от **borvъ* целиком славянским новообразованием является название кабана, представленное в таком множестве фонетико-морфологических вариантов, что реконструкция исходной праславянской формы, важная, в частности, и для этимологии, затруднительна: др.-русск. *кнорозъ* 'вепрь, кабан' (XV в.), русск. диал. *кнорос* 'некастрированный бык, вепрь' (смоленск.), укр. *кно́рос*, *кно́рус* 'кабан', сюда же укр. *кнур* 'боров', блг. *кнорез* 'нутрец, животное, у которого по оскоплении остается одно ядро', *кнур*, *кныр* 'кабан', польск. *kiernoz*, *kiernos* 'кабан, боров', *kierda*, *kierdak*, *kiendra*, *kinder*, *kiender* то же, также *kiędroz*, *kiędróz*, кашуб. *knôrz*, род. ед. *knarza*, словин. *knårz*, н.-луж. *kjandroz*, в.-луж. *kundroz* 'кабан', слвц. *kurnaz* 'кабан', *kundrák* (1611 г.), из южнославянских ср. болг. *къ́дрез* [10].

Из существующих этимологий следует отметить предложенную Э. Бернекером: слав. **kъrno-orzъ* 'с вырезанными яичками', ср. русск. *ко́рный* (*корноухий* и проч.), *корна́ть* и греч. *ὄρχις* 'ядро, яйцо'. Форма *кнур* является сокращением полного слова [11]. Слово **kъrnorzъ* представляется довольно древним

[7] См.: *J. Karłowicz.* Słownik gwar polskich. T. I. Kraków, S. 121. // Ни Брюкнер, ни Славский не поместили этой формы в свои этимологические словари.

[8] См.: *F. Bartoš.* Dialektický słovnik moravský. Praha, 1906. S. 25.

[9] См.: *E. Gottlieb.* A systematic... S. 11; *E. Berneker.* SEW. Bd. I. S. 75; *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 108—109; *V. Machek.* Etymologický slovník... S. 41, с другой этимологией. — О германских названиях животных с суффиксом *-k-* см.: *Margret Sperlbaum.* Tiernamen mit k-Suffix in diachronischer und synchronisclier Siebt. Giessen, 1957.

[10] См.: *Х. Вакарелски.* Принос към диалектологическия речник на българите // Известия на Народнѝя етногнографски музей в София. Година XIII. 1939. С. 216—217.

[11] См.: *E. Berneker.* Slavische Wortdeutungen // Jagić — Festschrift. Berlin, 1908. S. 601; *E. Berneker.* SEW. Bd. I, иначе: *M. Rudnicki.* Sufiksy ze spółgłoską *-g-* // SO. T. 10. 1931. P. 281 ff.

образованием; гипотетическое **orzъ* 'ядро, яйцо', вероятно имеющееся в его составе, нигде больше не сохранилось в свободном виде в славянских языках. Довольно рано **kъnorzъ* в отдельных диалектах стало сближаться с производными от слав. **rěz-*, ср. блр. *кнóрез*, болг. *кѝдрез*. Случаи диссимиляции *r* — *r*, появления вставного *d* тоже умножили число вариантов слова. В некоторых языках преобладает другое название кабана: полаб. *nerésəc* < **nerězьсь*, сюда же серб. диал. *нерец*, болг. *нéрез*, *нéр(ес)*. Надо сказать, что это как раз те языки, где слабо представлено слав. **kъrnorzъ* (ср., однако, также русск. диал. *нéрезь* 'некладеный кабан' (Даль². Т. II. С. 534)).

Самца свиньи (чаще дикой) обозначает слав. **veprъ*, црк.-слав. *вепрь* ὗς, aper, др.-русск. *вепрь*, русск. *вепрь*, диал. *вéперь*, *вепрь* 'боров', *вéприк* 'кабан, боров' (олонец.), *веперь*, *вапéрь кормный*, *вепрючëк* 'боров?' (смоленск.), *вепрëнок* 'боров' (тобольск.), укр. *вéпер* 'вепрь, дикий кабан, кастрированный кабан'; блр. *вепéр* 'вепрь, кабан кормленый', *вяпрýк* 'кабан', польск. *wieprz* 'свинья, вепрь, боров', словин. *vjìępř* 'боров, кладеный кабан', н.-луж. *wjapś* 'боров, кабан'; в. луж. *wiapŕ*, полаб. *viper*, чеш. *vepř* 'свинья, боров', слвц. *vepor*, *veper* то же, словен. *vę̂per* 'кабан', сербохорв. *вȅпар* 'боров', блгр. *вéпър*, диал. *вънѝр* 'вепрь, кабан'. Развитие формы слав. *veprъ* затемнено. Вполне возможна в этом слове еще в древности какая-то контаминация разных основ. Слав. *veprъ* 'кабан, дикая свинья' сближается поэтому с разными группами слов: лтш. *vepris* 'боров', далее — др.-инд. *vápati* 'испускает (семя)', с другой стороны — лат. *aper*, др.-в.-нем. *ebur*, нем. *Eber* 'вепрь, кабан', наконец с др.-инд. *yábhati* 'futuere' и родственными [12].

Однородный семантический характер, определяемый спецификой свиноводства, носят производные от слав. **kŗmiti*: русск. диал. *коромнáк* 'боров, откармливаемый на убой' (со вторым полногласием *кором-*), серб. *кр̀мак* 'кабан', *кр̀мача* 'свинья самка', *кр̏ме*, род. ед. *кр̏мета* 'свинья', болг. *кърмáк*, также диал. *крѐвнак*, *крѐвняк* (с диссимиляцией *-мн-* *-вн-*) 'боров', ср. др.-прусск. *nomaytis* 'боров', лит. *meĩtelis* 'боров': лит. *maitinti* 'кормить'.

Несколько названий объединяются происхождением от названия клыка: болг. *глиган*, *глиг* 'кабан, вепрь' < *глиг* 'клык кабана, вепря', русск. диал. *клыкáч* 'кабан' < *клык*, а также русск. диал. *килýн*, *килáк* 'кабан, боров' < **кыль* 'клык', ср. лит. *kuilỹs*, лтш. *kuĩlis*, др.-прусск. *cuylis* 'кабан', вероятно, заимствованные из древнерусского [13]; ср. еще нем. *Hauer* 'клык; кабан, вепрь'.

Естественно наличие самых разнообразных половых и возрастных обозначений от названий физических свойств, действий, например русск.

---

[12] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 183; *С. Младенов*. ЕР. С. 63. — О протетическом *v-* (слав. *veprь*, лтш. *vepris*) под влиянием лит. *veȓšis*, лтш. *versis*, лат. *verres*, др.-инд. *vŗṣa-* см.: *E. Gottlieb*. A systematic… S. 10.

[13] См.: *K. Mülenbachs, E. Endzelins*. Latviešu valodas vārdnīca. S. II. S. 300.

диал. *вáлах* 'кладеный кабан' (смоленск.), ср. *валя́ть*, а также см. специально о *вол* (раздел «Крупный рогатый скот»), русск. диал. *подсóсок* 'немного выросший поросенок': *сосать*; болг. диал. *нэjéла* 'тощий, худой поросенок'[14]; польск. диал. *chujec*, *chujczak* 'некастрированный кабан' < *chuj* 'membrum virile'; чеш. диал. *ňutr* 'боров, мерин, вол плохо кастрированный' < *v-ňutr*, ср. аналогичное русск. диал. *нутрéц* 'плохо кастрированный жеребец' (см. раздел «Лошадь»); слвц. *nazimenča* ср. р. 'поросенок, рожденный зимой'[15], ср. серб. *нáзиме* 'годовалая свинья'; аналогичны слвц. диал. *järníčä*, *jäsienčä* (оравск.) 'поросенок весеннего, осеннего опороса', польск. *samura*, *samora* 'свинья-самка, свиноматка', ср. русск. диал. *саму́р* 'дикий кабан', укр. диал. *саму́ра* 'свинья', образовано от местоименной основы *sam*, ср. русск. *сам* — *сáмка*.

Слвц. *ošipaná* 'свинья' (ср. *chov ošipaných* 'свиноводство') от *šíp* 'шип, колючка', а также, возможно, словен. *ščetînec*, *ščetinjáča* 'свинья' (от словен. *ščetína* 'щетина') представляют собой, по всей видимости, кальки венг. *sertés* 'свинья' — от *serte* 'щетина'. Ареал называния свиньи «щетинистой»: словенский, венгерский, словацкий (с центром в венгерском) — четко выделяется в отношении остальной славянской языковой территории. Нелингвистические мотивы этого явления заключаются, вероятно, в значении венгерского свиноводства. Кстати, из другого венгерского названия свиньи *disznó* заимствовано слвц. диал. *disnov* 'свинья'.

Внушительна группа названий звукоподражательных и вообще экспрессивных: русск. диал. *скоголь* 'поросенок', ср. укр. *скиглити* 'визжать, скулить', *хряк*, *хрёк*, *хряч*, *крех* 'кабан, боров', *нохрóк* 'боров', *нахрáт* 'боров' (вятск.); *чу́ха*, *чухнá*, *чухня́* 'свинья' (симбирск.), ср. подзывание свиней *чух-чух!*, сюда же *чу́шка*, *чучка* 'свинья', ср. аналогичные лит. *čiuka*, *čiukė* 'свинья', *čiukas* 'кабан'; русск. диал. (смоленск.) *дюшка*, *дюк*, *дзюк*, *дю́хман* 'свинья', *зю́шка* 'поросенок', ср. укр. диал. *дзюня*; русск. диал. *юс* 'поросенок', *ю́сочка* 'свиночка', ср. *юз!* — окрик на свиней (смоленск.); укр. *льóха* 'свинья', ср. польск. *locha* 'свинья', 'свиноматка', укр. *ри́нда*, *ри́ндя* 'свинья'; кашуб. *buχla* 'свинья', ср. *buχ!* — окрик на свиней, словин. *búčka* то же от *buč!*; н.-луж. *chŕochawa* 'хрюшка', *hunča*, *hunčo*, *hunčka*, *hunčko* 'свинка', в.-луж. *hanč*, *kunč* 'кабан'; словен. *krokelj* 'свинья, хрюшка' от *krokati*; польск. диал. *guda*, *gudza* 'свинья', ср. словен. *gúda* 'свинья', *gûdek* 'поросенок', серб. *гу̏да* 'свинья', *гу̏дûн* 'поросенок', болг. диал. *гу́дка* 'хрюшка', от подзывания, ср. серб. *гуду, гуду, гуду!*; польск. диал. *giera* 'свинья', словин. *ђi̯eră* 'старая свинья'; словен. *čúna*, *čûnka*, *čúnja*, *čúnjoga* 'свинья'.

---

[14] См.: *Н. В. Державин*. Заметка о болгарском говоре с. Терновки Мелитопольского уезда Таврической губ. С. 144.

[15] См.: *K. Habovštiaková*. Jazykový rozbor pamiatky inventarium rerum Arcis Avensis z r. 1611 // Jazykovedné štúdie II. Dialektológia. Bratislava, 1957. S. 258.

К. Мошинский давно обратил внимание на целесообразность изучения, в том числе в плане лингвистической географии, междометных выкриков, связанных со свиньей. Так, сходство укр. *pać*, славон. *packo*, далм. *paće* представляет собой, по его мнению, нечто большее, чем простая случайность [16]. Его указание ценно тем, что помогает связать несколько далеких территориально названий животного, образованных от описанного подзывания: укр. *пацюк* 'поросенок, кастрированный кабан' (и вторично — 'крыса'), диал. (гуцульск., буковинск.) *паця́*, *пац'é*, мн. ч. *паця́та* 'поросенок, поросята', словен. *pâce*, род. ед. *-eta*, *pâcek* 'свинья', сюда же сербохорв. диал. (кайк.) *pâjcek* 'свинка' со вторичным *j* [17], ср. еще словен. *pâčej* 'кабан, самец', *pûjs*, *pûjsek*, *pûjska* 'свинья'.

Обращает на себя внимание характерная вытянутость ареала этих образований (словенский, кавказский, украинский), а также отсутствие современной связи его западной и восточной частей, что как будто говорит о древности отношений. Правда, отдаленно сходные названия можно указать также в стороне от этих районов: польск. *fus*, *fusik* 'свинья, боров', чеш. диал. *pašík* 'поросенок', но это вполне самостоятельные экспрессивные образования, ср. др. чеш. *pašú-pašú* подзывание [18].

Русск. *кабáн*, укр. *кабáн*, блр. *кабáн*, а также польск. *kaban* заимствовано из тюрк. *kaban* 'вепрь, дикая свинья' [19].

Прочие названия: русск. диал. (тамб.) *корюх* 'кабан', *кузенóк* 'поросенок' (донск.), с.-в.-р. *сúка* 'свинья' — из западнофинских языков, ср. фин. *sika* 'свинья'; *хавронья* < *Хавронья/Февронья*, *дóчка* 'свинья', *казáк* 'кабан, боров', др.-польск. *prys* 'кабан, боров'; н.-луж.. *batšo* 'боров', в.-луж. *bač* то же из нем. *betze* 'боров' [20]; в.-луж. *kjabor* 'кабан'; слвц. *tujša* 'свинья'; болг. диал. *бúшка* 'свинья' [21], *шипáр*, *шопáр*, *шупáр* 'кабан', *вилáк*, *вилáр* то же, *папоáр*, *папýряк* 'слабый маленький поросенок'; чеш. *kanec* 'кабан' [22].

---

[16] См.: *K. Moszyński.* Kultura ludowa Słowian. Część. I. Kultura materialna. Kraków, 1929. S. 119.

[17] См.: *F. Fancev.* Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie // AfslPh. Bd. 29. 1907. S. 385.

[18] См.: *V. Machek.* Etymologický slovník... S. 356.

[19] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 495.

[20] См.: *A. Matzenauer.* Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870. S. 100.

[21] Об этимологических связях см.: *С. Младенов.* ЕР. С. 30.

[22] См.: *V. Machek.* Etymologický slovník... S. 190.

ОВЦА

Основным названием взрослой особи животного выделяется слав. **овьса*, **овьнъ* : ст.-слав. **овьца** *πρόβατον*, русск. *овьца*, *овьнъ*, русск. *овца́*, укр. *вівця́*, блр. *ове́чка*, польск. *owca*, кашуб. *wœvca*, словин. *vôufčą* 'молодая овца', *vùofca* 'овца', н.-луж. *wojca*, в.-луж. *wowca*, полаб. *vüćə*, чеш. *ovce*, диал. (моравск.) *ovajka* (ласк.), слвц. *ovca*, словен. *óvca*, *ovčák* 'баран', *óven* 'баран', сербохорв. *ѐвца*, *ѐван* 'баран', болг. *овца́*, *ове́н* 'баран', диал. *ове́н* 'овца' [1].

Слав. **овъса* является развитием более древней формы **ovьkā*, обычно объясняемой как уменьшительное производное с суффиксом *-k-ā* от основы на *-i -ovi-*. И.-е. **o̯ui̯s* 'овца', бесспорно, относится к числу древнейших слов и широко распространено, ср. греч. (аркадск.) *ὄϝις*, др.-инд. *áviḥ*, лат. *ovis*, лит. *avs*, сюда же лтш. *aita*, *avita*, ирл. *ói*, кимр. *ewig*, гот. *aveþi* 'стадо овец', *awistr* 'овчарня', др.-исл. *ǽr*, англосакс. *eowu*, др.-в.-нем. *ou* 'овца', нем. диал. *Aulamm*, *Au* 'ягненок', нидерл. *ooi*, арм. *hoviw* (**oui̯-pa-*) 'овчарь, овечий пастух'. Производное на *-k-* представлено, кроме слав. *овьса, еще только в др.-инд. *avikā* ж. р. 'овца'. Уже в близкородственных балтийских языках неизвестна эта форма, если не считать изолированного лит. *avikiena* 'баранина', тогда как в них употребляется исключительно основа на *-i* балт. **avis*, совершенно неизвестная в свободном виде в славянском. Другое, тоже вполне прозрачное производное слав. **овьнъ*, лит. *āvinas*, лтш. *àuns*, *avins*, др.-прусск. *awins* было использовано для обозначении самца, барана. Непроизводное архаическое по типу склонения основы и.-е. **oui̯s* было с самого начала общим родовым термином для овцы. Такой характер древнейшего обозначения животного, ценного своим руном, может послужить полезным указанием при выборе этимологии и.-е. **oui̯s*. Возможно, все известные

---

[1] См.: *Н. В. Державин.* Заметка о болгарском говоре с. Терновки Мелитопольского уезда Таврической губ. С. 145.

попытки малодоказуемы, но объяснение *o*u̯*is* 'овца' : *e*u̯*-* 'одевать' (ср. русск. *обуть, разуть*) более других заслуживает внимания. И.-е. *o*u̯*is* может быть понято как отглагольное именное производное со всеми чертами нерегулярности архаического образования, обозначавшее животных по их густому шерстному покрову, который действительно производит впечатление чего-то одетого сверху, шубы. Вероятно, только так можно толковать связь *o*u̯*is* : *e*u̯*-*, едва ли нужно предполагать первоначальное значение 'животное, дающее одежду' [2]. Эта этимология находит существенное подтверждение в образовании одного более позднего, чем *o*u̯*is*, названия овцы, ограниченного рамками индо-иранской группы языков: др.-инд. *mēṣás* 'баран, мех', авест. *maēša* 'овца', ср.-перс., н.-перс. *mēš*, марийск. *miž, mež* 'шерсть, волос' (из иранского), ср. родственные слова с более древними значениями слав. *mě̆xъ*, русск. *мех*, лит. *maĩšas* 'мешок', лтш. *màiss* то же, др.-исл. *meiss* 'плетеная корзина' [3].

Целесообразно, далее, поставить вопрос о возможности реликтов в славянских языках древней нерасширенной основы *o*u̯*(i)*. Позволим себе высказать здесь гипотезу о происхождении названия насекомого, вредящего скоту, слав. *ovadъ* (др.-русск. *овадъ*, русск. *óвод*, сербохорв. *ȍвâд*, чеш., слвц. *ovad*, польск. *owad*) из *ov-adъ*, где *ov-* — чистый корень-основа со значением 'овца', а *ād* (*ōd-*) — апофонический вариант корня *ed-* 'есть'. Обычное сравнение с лит. *úodas* 'комар' (*ōdos*) остается в силе, но оно относится лишь ко второму компоненту вложения *ov-ōdos* 'едящий, жалящий овец'. Аналогичный образом название овцы заключено, вероятно, в греч. *οἶστρος* 'слепень', если анализировать последнее как *ὄϝιστρος*, ср. компонент в русск. диал. *строка́* 'овод' из *str̥-k-ā* 'жалящее, стрекающее насекомое', *стрека́ть* 'жалить, колоть' из *str̥kati* [4]. Не исключена возможность, что некоторые названия насекомых, в частности древних преследователей скота — мух, слепней, в состоянии дополнить наши сведения по истории названий соответствующих домашних животных, ср. аналогичные

---

[2] См.: *F. Miklosich.* EW. S. 229; *R. Trautmann.* BSW. S. 20—21; *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 248, 251; *J. Frank, N. Van Wijk.* Etymologisch Woordenboek der Nederlandsche Taal, 's-Gravenhage. 1949. S. 474; *E. Gottlieb.* A systematic... S. 13—14; *F. Specht.* Der Ursprung... S. 32; *A. Gāters.* Gedanken zum Alter der baltischen Vokalkontraktion *avi* > *ai* // IF. Bd. 63. 1957. S. 79; *M. Ptatschek.* Lamm und Kalb. Bezeichnungen weiblicher Jungtiere in deutscher Wortgeographie. Giessen, 1957. S. 9.

[3] См.: *M. Vasmer.* Zur Terminologie der Viehzucht in den finnisch-ugrischen Sprachen // Ungarische Jahrbücher. Bd. 15. Berlin; Leipzig, 1935. S. 599; *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 127.

[4] Другие этимологии слав. *ovadъ* см.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 249; иначе о греческом слове см.: *E. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grecue. 2ème éd. Heidelberg; Paris, 1923. P. 693.

попытки объяснения слав. *gъmyzъ*, *gъzъ* (см. раздел «Крупный рогатый скот»).

Значительным архаизмом является название ягненка слав. **agnę*, род. ед. *-etę*, **agnьcь* : ст.-слав. **агнѧ** *ἀμνός*, **агньць** *ἀρήν*, др.-русск. *ягнѧ*, русск. *ягнёнок*, диал. *ягня́*, *ягнок* (астрахан.), *juhnók* (рязанск.), *игнóк* (моздок.), *ягу́шка* (арханг.), укр. *ягня́*, род. ед. *-я́ти*, польск. *jagnie*, кашуб. *jagńą*, *jagńôk*, словин. *jãgńą*, *jãgńôk*, н.-луж. *jagńe*, в.-луж. *jehnjo*, полаб. *jogną*, чеш. *jehně*, диал. (моравск.) *jahul'ka*, *jehnička*, слвц. *jahňa*, словен. *jágnjé*, *jâgnjec*, *jánje*, *jânjec*, *jânjka*, сербохорв. *jȁгње*, *-ета*, *јањац*, болг. *áгне*, *я́гне*. Слав. **agnę*, **agnьcь* произведены при помощи типичных формантов славянских названий молодых существ *-ęt-*, *-ьcь* от основы **agno-*/**ag^{u}no-*, лат. *agnus*, греч. *ἀμνός*, ирл. *ūan*, кимр. *oen* 'ягненок', нидерл. диал. *oonen*, англосакс. *ēanian* 'котиться' (об овце), англ. (*to*) *yean* 'то же'. Кроме расширения основы, славянское слово отличается от других родственных долготой начального гласного. Ареал и.-е. **agno-* и его вариантов ограничен латинским, греческим, кельтским, германским и славянским. Балтийский имеет другие названия ягненка. Интересно отметить полное отсутствие **agno-s* в индо-иранском. Это слово, таким образом, оказывается в значительной степени западноиндоевропейским элементом словаря. Везде отмечается только значение 'ягненок'. Образование **agnos* имеет вид прилагательного на -(*n*)*o*-. Эти особенности допускают мысль о словообразовательной и семантической инновации, давшей новое название ягненка в части индоевропейских диалектов. Однако судить о происхождении **agnos* трудно. Уругвайский исследователь Х. П. Рона в своей работе о культе огня у индоевропейцев, получившей, правда, суровую оценку критики, высказал мнение о происхождении названия ягненка от названия огня [5]. Возможно, что эта этимология имеет право на существование, хотя бы в качестве предварительной гипотезы. В ее пользу говорят несколько немаловажных аргументов: во-первых, в таком случае **agnos* 'ягненок' с ограниченным распространением объясняется как производное от слова с общеиндоевропейским распространением, инновация на базе этого последнего; во-вторых, объяснение **agnos* как 'животное огня, жертвенное животное' не противоречит отдельным моментам значения **agnos*, ср. греч. *ἀμνός* 'жертвенный годовалый ягне-

---

[5] См.: *E. Berneker.* SEW. Bd. I. S. 25; *R. Trautmann.* BSW. S. 2; *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 481; *F. Sławski.* Słownik etymologiczny. T. 1. S. 488; *V. Machek.* Etymologický slovník… S. 174; *E. Gottlieb.* A systematic. P. 15; *F. Specht.* Der Ursprung… S. 34; *José Pedro Rona.* El culto indoeuropeo del fuego. Montevideo, 1957. P. 20. — Критику названной книги см.: *V. Pisani.* // Paideia. Anno XII. № 6. 1957. C. 396; *C. A. Mastrelli.* Le innovazioni nel mondo indeuropeo // Archivio glottologico italiano. Vol. 43. Firenze, 1958. P. 4, сноска 9. — Крайне сумбурны ларингальные манипуляции в кн.: *E. Raucq.* Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indoeuropéen. P. 91.

нок'[6]; наконец, именно и.-е. *ognis/ *egnis (слав. *ognь, лит. ugnìs, др.-инд. agníṣ м. р., лат. ignis 'огонь') выступает как религиозный термин, обозначение одушевленного огня[7], при помощи которого совершались и которому также могли предназначаться жертвоприношения. Кроме того, известно, что именно молодые животные по целому ряду религиозных и практических соображений чаще всего приносились в жертву богам. Различия в вокализме названий ягненка и огня не представляются существенными, напротив, они минимальны по сравнению со сложными взаимоотношениями между отдельными вариантами самого названия огня.

Из славянских форм, производных от *agnę, специального упоминания заслуживают с этимологической точки зрения результаты раннего переразложения слав. *ob-agniti sę > *(o)bagniti sę : слвц. bahniť sa 'котиться, ягниться', bahniatko 'ягненок', bahnica 'объягнившаяся овца', болг. бáгня се 'ягниться', кашуб. bagńic są, словин. bãgńic są то же, н.-луж. bagniś se, польск. bagniątko 'ягненок', блр. багня́ то же.

Чрезвычайно сложной представляется судьба одного из важных славянских названий самца овцы — барана: русск. баранъ, боранъ, русск. барáн, диал. (холмогорск.) борáн, укр. барáн, польск. baran, кашуб. barôn, словин. bãrǒu̯n, н.-луж. baran, в.-луж. boran, чеш. beran, слвц. baran, baranča 'ягненок'. Трудно не считать знаменательным факт наличия слова только в западных и восточных славянских языках. В южнославянских языках употребляются другие названия самца — от слав. *ovьnъ, от некоторых других славянских корней и отдельные заимствованные слова. В свою очередь эти последние мало известны или почти не известны в северных славянских языках, где широко употребляются баран, beran и под. Бернекер и Фасмер отмечают в своих словарях также и сербохорв. баран, но ни Вук С. Караджич, ни М. Плетершник, ни А. Дювернуа и Н. Геров этого слова не указывают ни в одном из южнославянских языков. Все эти данные должны быть полностью использованы при этимологии слова баран. Оно известно лишь части славянских языков. Общеславянский исконный характер слова *ovьnъ, позднее утраченного некоторыми языками в результате экспансии слова баран, говорит о вторичности последнего. К этому надо добавить непрозрачность формы слова баран с точки зрения славянского словообразования, чтобы видеть в нем заимствование. Вопрос о заимствовании слова баран поднят давно, однако имеющиеся предложения относительно источника заимствования нельзя признать убедительными.

---

[6] См: *P. Chantraine.* Les noms de l'agneau en grec: ἀρήν et ἀμνός. См.: Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer. Wiesbaden, 1955. S. 19.

[7] См.: *F. Specht.* Der Ursprung… S. 19.

Большинство исследователей считает вероятной связь *baran*, *beran* с созвучными названиями овцы, барана греч. *βάριον ·πρόβατον*, *βάριχοι ·ἄρνες* (Гесихий), алб. *berr* 'мелкий скот', 'овцы', ит. диал. *bero* 'баран', *bera* 'овца', франц. диал. *berri* 'баран'. Наличие этих слов в глоссах Гесихия, в албанском, впитавшем много элементов иллирийского языка, в диалектах Северной Италии побудило, например, А. Мейе считать слав. *baran*, *beran* старым термином центральноевропейского происхождения. Некоторые лингвисты уточняют это толкование, производя все названные слова из праевропейского (иначе — доиндоевропейского языка жителей Центральной Европы). Однако привлекаемый материал, а затем и вытекающие из него выводы нуждаются в ревизии. Греч. *βάριον*, *βάριχοι* (Гесихий) ставятся в один ряд с алб. *berr*, ит. *bero*, *bera*, франц. *berri*, как это ни странно, лишь на основании зрительного подобия. В действительности *βάριον* и *βάριχοι* следует читать как формы на *ϝ*: *ϝάριχοι*, ср. также *ἄριχοι*, — все это просторечные производные от *ἀρήν* (*ϝαρήν*) 'овца, баран, ягненок', этимологически связанные с *εἶρος* (**ϝέρϝος*) 'шерсть'. Новые названия овцы и барана, сменившие лат. *ovis* в романских языках и диалектах, восходят в значительной своей части к древнему обозначению самца **u̯ers-*, откуда лат. *verex* 'баран', затем франц. *brebis* 'овца', а также перечисленные выше франц. *berri* 'баран', ит. диал. *bero* 'баран', *bera* 'овца' и, вероятно, алб. *berr*. Все они отразили широко распространенную в романских диалектах тенденцию перехода *v* > *b*. Следовательно, уже близость греческих форм с романскими является иллюзорной. Кроме того, отпадает как будто надобность в праевропейской этимологии.

Убедившись в сомнительности существования какого-то центра, очага, из которого распространялось бы по Европе древнее название овцы **ber*, **bar*, само по себе нереальное, как показала проверка, обратимся снова к славянским словам. Вторичность появления названия *баран*, *beran* в славянских языках признается всеми, но вся трудность заключается в определении направления экспансии слова, слово не могло прийти с Балканского полуострова, бывшего наиболее древним связующим звеном между раннеславянской территорией и центром и югом Европы. В противном случае нельзя объяснить отсутствия слова *baran* в южнославянских языках. Распространение слов *баран*, *baran*, *beran*, их соперничество с **ovьпъ* и ряд других соображений позволяют думать, что экспансия слова *баран* шла с востока.

Существующие этимологии слова *баран* грешат либо полным невниманием к его словообразовательной структуре (если можно говорить о словообразовании в данном случае), либо недооценкой этой структуры. Все исходят из «корня» *ber-/-bar*, отсекая *-an* как не представляющее интереса. Однако именно это слово как нельзя лучше демонстрирует полезность для этимологии обратного порядка процедуры: от форманта к корню, на что указывал в своем выступлении на IV Международном съезде славистов

А. Вайян. Знают ли славянские языки древний суффикс мужского рода *-anъ* в названиях животных? А если нет, что дает основание считать *бар-ан*, *ber-an* производным с этим суффиксом от корня *bar-/ber-*? Можно ли вообще расчленять это слово (*бар-ан*) на славянской почве? На все эти вопросы приходится ответить отрицательно. Слово *баран* заимствовано с востока, вероятно, из тюркских языков, однако едва ли его источником послужило слово *бäрäн* 'ягненок' в тюркских языках Поволжья, само, по-видимому, заимствованное из русского языка. Возможно, что взаимоотношения при заимствовании славянского слова из тюркских оказались сложными, как это часто бывает. Вообще образования на *-an/-γan* очень характерны для тюркских названий животных и птиц, но в данном случае непосредственным тюркским прототипом славянского слова могло послужить употребительное причастие настоящего времени др.-тюрк. **baran* 'идущий', позднее *barγan*, туркм. *baran*. Употребление этого слова в разговоре об овцах вполне естественно: овца — это скот кочевника, она идеально приспособлена к дальним переходам. Известен ряд названий овцы, образованных самостоятельно от названий ходьбы, движения: греч. (τα) πρόβατα 'овцы', др.-исл. *gangandi fé*, оск. **eituvo* 'pecunia', хетт. UDU *i̯ant-* от *i̯a-* 'идти', т. е. 'идущий (скот)', далее ср. тохар А *śemäl* 'мелкий скот' < и.-е. **gu̯em-* 'идти', лит. *kéltos*, *kéltuva*, *keltuvà*, *kéltava* 'скот' < *kelti* 'поднимать', *kẽlias* 'путь'.

Время и место заимствования слова *баран* определить не представляется возможным. Славяно-тюркские языковые связи отличались большим территориальным и хронологическим разнообразием. Наконец междометные подзывания типа укр. *бирь*, русск. *барь*, *барька*, из которых иногда хотят объяснить слово *баран*, сами вторичны по происхождению, ср. еще русск. диал. *бара́ш*, *ба́ша*, *бя́ша*, *ба́лька*[8].

Значительное место среди названий овцы занимают возрастные термины, самыми древними из которые являются производные от и.-е. **i̯ēr-*, а также слав. *dvizь* и *trizь*.

Др.-русск. *ярька* 'молодая овца', *яра* 'ягненок', русск. *я́рка* 'годовалая не ягнившаяся овца, молодая овца, самка', диал. (олонецк.) *я́рица* 'полугодова-

[8] См.: *E. Berneker.* SEW. Bd. I. S. 43; *A. Meillet.* [рец. на словарь Бернекера] // RS. T. 2. P. 69 ff.; *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 53—54; *F. Sławski.* Słownik etymologiczny. T. I. S. 27; *V. Machek.* Etymologický slovník… S. 29; *Hj. Frisk.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 2. Heidelberg, 1954. S. 137; *K. Moszyński.* Uwagi do 2. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» F. Sławskiego // JP. T. 33. 1953. P. 365—366; *Н. К. Дмитриев.* Тюркские элементы русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. III. М., 1958. С. 18—19; *E. Fraenkel.* Worgeschichtliches // KZ. Bd. 72. 1955. S. 176 ff.; *É. Benveniste.* Noms d'animaux en indoeuropéen // BSL. T. 45. 1949. P. 92 ff.; *А. И. Германович.* Слова клича и отгона животных в русском языке. С. 308.

лая овца-самка', *поя́рок* 'шерсть, руно с ярки первой осени', *е́ретина*, *я́ретина* 'лучшая овечья шерсть', укр. *яро́та* 'овцы возрастом до одного года', *ярча́*, род. ед. *-а́ти* 'ягненок', *ярчу́к* то же, *я́рка* 'однолетняя овца', *під'я́рок* 'полугодовалые ягнята', польск. диал. *jarezuk*, *jarlak* 'годовалая овца', словин. *jǎrlěk* 'годовалая овца', *jarližǎcǎ* 'овца-самка', чеш. диал. (моравск.) *jarka* 'овца, объягнившаяся весной', слвц. *jarča*, *jarčiak*, *jarčiatko* 'молодая овца', *jarka* 'не ягнившаяся овца', словен. *jȃrče* 'ягненок весеннего окота', болг. *е́рина*, *я́рина* 'овечья шерсть'. Эти названия с отчетливым возрастным значением, несомненно, родственны таким названиям времени, как русск.-црк.-слав. *яра* 'весна', чеш. *jaro* то же, др.-польск. *jarz* 'весна, весенний, яровой посев'; производные от этих основ служили, помимо этого, удобными обозначениями и для других домашних животных, птицы, особенно молодняка, а также злаков и овощей. Распространение этой основы в названиях домашних животных не является новшеством славянских языков; оно имело место также и в других древних индоевропейских языках, ср., например, имя греческой богини Ἥρα (< **i̯ērā*) при латинском ее названии *Jūnō*, букв. 'телка'. Дальнейшие этимологические связи слав. **jarь*, **jara* 'весна, определенное время года' установлены вполне надежно, ср. гот. *jēr* 'год', нем. *Jahr* то же, греч. ὥρᾱ 'время года, пора', авест. *yārə* 'год', восходящие к и.-е. **i̯ōro-/*i̯ēro-*, именному производному от **i̯ē-/*i̯ā-*, апофонического варианта и.-е. **ei-* 'идти'.

С другой стороны, как будто очевидна связь др.-русск. *ярька*, *ярѧ* 'молодая овца, ягненок' с названиями животных лит. *ė̃ras* 'ягненок', др.-прусск. *eristian* то же, лат. *aries* 'баран', умбр. *erietu* то же, греч. ἔριφος 'козел', арм. *erinǰ* 'теленок', ирл. *earb* 'лань, коза'. Между корнем этих названий животных и.-е. **er-* и упомянутым выше и.-е. **i̯ēro-/*i̯ōro-* < **i̯ē-/*ei-* нет этимологически ничего общего. Связь славянских названий животных с основой **jar-* с только что перечисленными лит. *ė̃ras* 'ягненок', лат. *aries* и родственными можно истолковать лишь как совпадение на славянской почве двух разных основ и.-е. **i̯ēr-* и **er-*. Странно, однако, что эти очевидные связи и отношения излагаются в этимологических словарях в искаженном виде: русск. *я́рка* 'молодая овца' и прочие названия молодых животных относятся к *яра* 'весна', и.-е. **i̯ōro-*, а *ярина* 'овечья шерсть' отрывается вопреки всякой очевидности от этих слов и прямо сближается с лит. *ė̃ras*, лат. *aries*, греч. ἔριφος. Думается, что это — неоправданное упрощение, даже, пожалуй, невнимание к свидетельствам языка. Ближе к истине был Миклошич, отмечавший трудность разграничения между *jarъ* и *jarina* в названиях животных [9].

[9] См.: *F. Miklosich.* EW. S. 100; *R. Trautmann.* BSW. S. 70; *F. Specht.* Der Ursprung… S. 156; *F. Sławski.* Słownik etymologiczny. T. I. S. 502, 505—506; *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 492, 493.

Номенклатура овцы в различных славянских языках знает ряд довольно старых возрастных названий. Основная семантическая особенность этих названий — счет возраста по годам. Образование и происхождение названий неоднородно, есть среди них заимствованные слова. Словен. *bînec* 'двухлетний ягненок' < ит. *bina*, лат. *bimus* 'двухгодовалый' [10]. Серб. диал. *шиљег* 'ягненок на втором году', а также болг. диал. *шиле* 'подросший ягненок' заимствованы непосредственно из алб. *shilek*, которое, в свою очередь, происходит из слав. **selětъkъ*, ср. серб. *сȅлетак*, род. ед. *сȅлетка* 'годовалый козел', укр. *сéліток* 'родившийся в этом году' [11]. Аналогичные названия существуют во всех языках, например н.-нем *Twenter* 'двухгодовалая лошадь' из *twē-winter* '(возраста) двух зим', лат. *bīmus* < **bi-himus* : *hiems* 'зима' [12]. Особенного интереса заслуживают слав. **dvizъ* 'двухгодовалое животное' и **trizъ* 'трехгодовалое животное'. Известное распространение этих слов можно охарактеризовать скорее как остаточное. Форма **dvizъ* сейчас является исключительно южнославянской, где она хорошо известна в диалектах: болг. диал. *двúска, двизáк, двизéц, дзвúзе, дзвúсче, дзвизáче, дзвúска, дзвизáрка* 'ягненок по второму году; двухгодовалая овца и коза', серб. *звиска, двиска, двизе* 'ягненок, козленок по второму году' [13]. Что касается **trizъ*, то эта ныне повсеместно вымершая форма известна лишь в древнерусском языке: *тризь, триза* ж. р. 'трехгодовалое животное'. Но словообразовательная близость этих слов, а также архаичность их образования с суффиксом *-z-* (**-go-*), редким и непродуктивным формантом, дает право отнести их возникновение к праславянскому периоду. Об этом свидетельствуют тождественные лит. *dveigỹs, dveigẽ* 'двухгодовалый', *treigỹs, treigẽ* 'трехгодовалый' (о животных), образованные с тем же суффиксом от числительных [14].

Большую важность и широкое распространение в славянских языках имеют названия кастрированного барана, образованные от слав. **skep-* 'резать, раскалывать': польск. *skop, skopek* 'баран', диал. *szkop* 'кладеный ба-

---

[10] См.: *R. Perušek.* Beiträge zur Etymologie slovenischei Wörter und zur slovenischen Fremdwörterkunde // AfslPh. Bd. 34. 1912. S. 26.

[11] См.: *P. Skok.* Slave et Albanais // Архив за арбанаску старину, језик и етнологију. Књ. II. Београд, 1924. С. 110.

[12] См.: *H. Hirt.* Etymologie der neuhochdeutschen Sprache. Aufl. 2. München, 1921. С. 167.

[13] Изменение по народной этимологии представляет собой болг. диал. (видинск.) *звездарка* (из *дзвизарка*) 'двухгодовалая коза' : *звезда.*

[14] См.: *M. Vasmer.* // REW. Bd. 3. S. 137. — Попытка определить след слав. *trizъ* в слове *тризна*, первоначально — 'жертвенное заклание трехгодовалого животного', была предпринята в моей статье: Следы язычества в славянской лексике // ВСЯ. Вып. 4. М., 1959. С. 134—135.

23 — 9718

ран', кашуб. *skoep*, словин. *skúǫp*, н.-луж. *skop*, в.-луж. *skop* 'кладеный баран, валух', полаб. *sťüp* (**skopъ*), словен. *skópec* то же, др.-чеш., чеш. *skopec*, диал. *škop* 'кладеный баран', укр. диал. *скоп*, *скопець* '(кладеный) баран'. Образованные от древней глагольной основы с более широким значением **skep-* (русск. *щепúть* и родственные), эти названия послужили основой нового, более специального глагола, деноминативного по происхождению: **skopiti* 'кастрировать, скопить' [15]. Последний глагол, образованный от названия кастрированного животного, является техническим термином общеславянского происхождения. Имея налицо очевидное свидетельство древности этого слова и, по-видимому, соответствующего способа кастрации, мы должны будем охарактеризовать праслав. **skopъ* 'кастрированное животное', также **skopьcь* как достаточно древнее образование. Преимущественным и, вероятно, древним было употребление этого слова как названия оскопленного барана, хотя и представленное главным образом в западнославянских языках. О важности этого названия и его экспансии за пределы славянской территории достоверно говорит ср.-в.-нем. *schöpȥ*, нем. *Schöps* 'баран', заимствованное из зап.-слав. (чеш.) *skopec*. В связи с этим и аналогичными словами высказывалось наблюдение о легкости, с которой заимствуются названия для кастрированных животных [16]. Однако есть основания думать, что в данном случае славяно-германские связи уходят в гораздо более глубокую древность. Исследователи обратили внимание на близость более древней славянской формы **skopъ* 'кладеный баран' и зап.-герм **skap-* 'овца', лексической инновации, вытеснившей продолжение и.-е. **o̯uis* 'овца' в этой группе германских языков. Возможно, что герм. **skap-* (др.-в.-нем. *scāf*, нем. *Schaf*, англ. *sheep* 'овца') заимствовано из славянского [17]. Сомнительно, чтобы зап.-герм. **skap-* было исконным продолжением какой-нибудь древней основы. Важно помнить, что оно пришло на смену индоевропейскому названию овцы и что замена эта ограничилась рамками западногерманских языков. Неясности происхождения зап.-герм. **skap-* 'овца' противостоит прозрачность связей **skep-* > **skopъ*, **skopiti* в славянском. Заимствование, представленное также в островных западногерманских диалектах, должно было проникнуть из славянского не позднее первой половины I тыс. н. э. Состоявшееся при этом расши-

---

[15] См.: *V. Machek.* Etymologický slovník… S. 447.

[16] См.: *V. Kiparsky.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen // AASF. Bd. XXXII. 2. Helsinki, 1934. S. 61.

[17] Ср.: *K. Moszyński.* Pierwotny zasiąg jeżyka prasłowiańskiogo. Wrocław. 1957, S. 319. — Вопрос о заимствовании зап.-герм. **skap-* 'овца' из слав. **skopъ* 'кладеный баран' впервые поставил В. В. Мартынов в устном докладе «Лингвистическое обоснование гипотезы о висло-одерской прародине славян», прочитанном на заседании сектора языкознания Института славяноведения АН СССР в мае 1959 г.

рение значения 'оскопленный баран' > 'овца' не является чем-то необычным.

Прочие названия кастрированного барана: русск. диал. *ва́лух*, сюда же *ва́лу́шить*, укр. *ва́лах*, ср. слав. *volъ*, русск. *вол*, диал. *вал* (см. раздел «Крупный рогатый скот»); русск. диал. *кладене́ц* : *класть* 'оскоплять'; русск. диал. (вост.-сиб.) *ирге́нь* 'кастрированный баран' < монг. *irge* то же [18]; болг. *ялъва́к* 'кладеный баран-вожак', ср. слав. *jalovъ*, русск. *яловый* 'бесплодный'; болг. диал. *бурма́*, *каца́к* 'кладеный баран'.

Из второстепенных названий барана-производителя интересно своими связями в славянских языках и за их пределами болг. диал. (дупницк.) *мъркале́ц*, ср. также *мъ́ркам се*, *мъ́рля се* — о случке овец, сюда же, вероятно, блр. *марка́ч* 'баран-производитель', восходящие к слав. **mŕk-*, родственному лит. *meȓkti* 'мочить', *miȓkti* 'мокнуть', ср. с другими расширителями русск. *ѝзморось*, *мороси́ть*, греч. *βϱέχω*, *βϱέχειν* 'идти (о дожде), увлажнять', др.-инд. *marṣati* 'опрыскивает' [19]. Вообще, близость образов самца, извергающего семя, и дождя можно считать очень древней чертой.

Прочие названия барана-производителя: русск. диал. *куца́н*, блр. диал. *трык*; серб. диал. *у̀гич* 'баран-вожак' < алб. *ogiç*, которое, в свою очередь, заимствовано из слав. *(j)agnьсь* [20], ср. также болг. *йоги́ч*, *ю́гич*; серб., болг. *коч*, болг. *кюсе́м*, серб. диал. *балабан* [21]; болг. диал. *ма́турец*, *ма́тор* — название как для зрелого барана-производителя, так и для старого, уже бесплодного барана от слав. **matorъ*, ср. русск. *матёрый*.

Остальные названия: русск. диал. *шу́рка* 'овца', *чига́ра* 'овца' от подзывания *чи́га* [22]; *вачу́жка* (рязанск.) 'овца', *глазу́нья* 'овца', *зеленчу́к* 'годовалая овца', *сарга́* 'овца' (казанск.), *курпе́к* (донск.) 'ягненок', ср. укр. диал. *цурпе́к* 'ягненок, родившийся поздно, после весеннего подсчета приплода'; русск. диал. *ко́тька* 'ягненок', ср. *коти́ться* 'ягниться', *око́т*; *бу́рши* 'ягнята', *ма́ся*, *ма́ська*, *мись*, *ми́ська* 'овца, овечка' (подзывание).

Укр. диал. *лунча́к* 'годовалый баран', ср. русск. диал. *лонща́к* 'жеребенок на втором году' (см. раздел «Лошадь»), *дроб'ята* мн. ч. 'овцы', *ме́цька*, *ми́цька* 'овца, шерсть молодых ягнят', *плеку́н* 'ягненок без матери, вскармливаемый козою' от *плека́ти* 'кормить грудью, холить', *скидча́*, род. ед. *-а́ти* 'ягненок недоносок', *хурда́* 'больные или захудалые овцы, выделенные в особое стадо', *кирла́нка*, ср. молд. *кырла́нэ*, рум. *cârlánă* 'объягнившаяся годовалая овца', *баба́на* 'старая, беззубая овца', ср. рум. *babánă*, *нівора* 'овца

[18] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 486.

[19] См., в основном верно, уже: *С. Младенов.* ЕР. С. 307, 311.

[20] См.: *P. Skok.* Ùgič en monténégrin // Архив за арбанаску старину, језик и етнологију. Књ. II. Београд, 1924. С. 134—136.

[21] См.: *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. С. 654.

[22] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 336.

с первым ягненком, молодая овца', *мендзáря*, *минзéра* 'дойная овца' [23]. Блр. диал. *шýхна* 'овца-самка', ср. польск. диал. (мазовецк.) *siuchna* от *siuta*, *szuta* 'безрогая овца'.

Польск. диал. *puga* 'паршивая, захудалая овца', *sysak* 'ягненок-сосунок', *mendak* 'барай', ср. *mądo* 'testes', *tryk* 'баран'.

Н.-луж., в.-луж. *šep, šep!* кличка для овец, *šepka*, *šepa* 'овечка', в.-луж. *šepc* 'баран', вероятно недавние заимствования из нем. *Schäfchen* 'овечка', *Schöps* '(кладеный) баран'; в.-луж. *zubak* 'годовалый ягненок', *cak* 'род козоподобных овец с длинной шерстью' < нем. *Žake* [24]; слвц. *cicák* 'ягненок'.

Словен. *bîc* 'баран', *bîcek*, *bîček* 'барашек ягненок', *bíca* 'овца-самка'.

Серб. *штирка* 'овца, которая вообще ягнится', *ỳхотка*, *ỳвотка* 'яловая овца' [25], *peja*, *реаста* 'овца с длинною, грубою шерстью', *младунак*, *младунче* 'ягненок еще не стриженый'.

Болг. диал. (видинск.) *марии* 'овцы, закалываемые осенью для пастармы', ср. диал. (хасковск.) *мар'á* 'дойная овца', *чипúшка* 'ягненок или козленок женского пола до полутора лет', *шишéк*, *шишéчка* 'ягненок до двух лет', *брдáк* (трынск.) 'баран с выпрямленными вверх рогами', *подóек* (белослатинск.) 'ягненок, сосущий двух маток', *яловица*, *щирúца* 'яловая овца', *цицáрка* 'овца, которую «ягнищата още цицат»' [26], *сагмáл*, *сагмалúца* 'дойная овца' из турецкого языка, *сугарé* 'запоздалый ягненок, козленок', *ваклú* 'бараны, имеющие черные кружки около глаз', *ваклошúна* 'ягненок', ср. диал. *вáкъл* 'черный (трынск.)'.

Любопытны несколько названий меха, шкурок овцы, ягнят и изделий из них, как, например, русск. *бекéша* 'вид короткого верхнего платья на меху'. Это слово, полученное из венг. *bekes* 'полушубок' через польск. *bekiesza* то же, восходит в конечном счете к большой группе карпатских названий овцы: чеш. диал. (моравск.) *vakeša* 'овца с черными кругами вокруг глаз', *bakošistá ovce* 'белая овца с бурыми пятнами', слвц. (гемерск.) *bakeša* 'овца с черной мордой', *vakeša*, *bakeša*, *bakeš* 'тулуп, кожух', сюда же венг. *bekes*, укр. диал. *ваклеша* 'вiвця чорна коло очей, решта бiла', болг. *вакъл* (см. выше) — все из рум. *oacheş*, *-ă* светлошерстные овцы с темными кругами вокруг глаз' от

---

[23] *В. П. Дроздовський.* Спостереження над сiльскогосподарською лексикою українських говорiв Татарбунарського, Тузлiвського Саратського районiв Одеської областi. Лексика, пов'язана з тваринництвом. С. 238—231.

[24] *A. Matzenauer.* Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870. S. 128.

[25] Соображения относительно этимологии см.: *Ђуро Шкарић.* Прилог за српскохрватску етимологију // Зборник у част Белића. Београд, 1937. С. 141 и след.

[26] См.: *И. П. Кенов.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко // СбНУ. Кн. 42. 1936. С. 175 и след.

ochiu 'глаз' [27], ср. русск. диал. *глазу́нья* 'овца'. Такого же рода названием является русск. *сму́шка*, *смух* 'ягнячья овчина', неясного происхождения [28], *мерлу́шка*, диал. *мерло́к* 'шкурка павшей овцы', 'ягнячья шкурка', объясняемое из слав. **mьrlъ*, русск. *мёрлый* [29], ср. еще польск. диал. (цешинск.) *mierloki* 'ягнята'.

---

[27] См.: *D. Crânjală.* Rumunské vlivy v Karpatech. Praha, 1938. S. 401—411.

[28] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 678.

[29] *В. Р. Кипарский.* [Рец.] *M. Vasmer.* REW // ВЯ. 1956. № 5. С. 134. Иначе см.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 122.

КОЗА

Славянские названия козы сравнительно с названиями других животных стоят в наиболее сложных отношениях с индоевропейскими терминами. Собственно говоря, речь идет в первую очередь о слав. *koza*, которое, вопреки усилиям этимологов, не обнаруживает достоверных связей с индоевропейскими словами. Но прежде чем обратиться к анализу основного славянского названия, полезно остановиться на составе индоевропейских обозначений козы в целом. Ознакомление с этими обозначениями говорит о том, что обособленность слав. *koza* в индоевропейском словаре не представляет исключения. Названия козы в индоевропейских языках отличаются большим разнообразием. Нельзя назвать ни одного из них, которое бы обладало преимуществами общеиндоевропейского термина и было распространено в большинстве, если не во всех языках. Напротив, характерно наличие целого ряда названий этого животного с четкими ареалами, часто взаимно исключающимися, реже наслаивающимися друг на друга. Отнюдь небезынтересно знать распределение индоевропейских названий козы и географическое размещение их ареалов в различные периоды времени.

И.-е. **ghaid-/*ĝhaid-/*gheid-* : лат. *haedus*, сабин. *fēdus*, гот. *gaits*, др.-исл. *geit*, др.-в.-нем. *geiȝ*, нем. *Geiß*, древняя основа на согласный, след которой обнаружен также в слав. **ži-molztь*, **ži-mḷza* 'жимолость Lonicera xylosteum', первоначально — 'козлячье горлышко' [1]; название с преимущественно западным ареалом распространения (италийский, германский, славянский).

---

[1] См. статьи: Slawische Etymologien [10—19] // ZfS. Bd. 3. 1958. S. 679—681; Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ. 1959. № 1. С. 22—23.

Только кельтским ограничено название др.-ирл. *gabor* 'козел', кимр. *gafr*, др.-корн. *gauar*, н.-брет. *gaor* 'коза' [2].

Др.-инд. *ajá-* 'козел', *ajā̆* 'коза', ср.-перс. *azak* 'коза', лит. *ožỹs*, лтш. *âzis* 'козел', лит. *ožkà* 'коза', др.-прус. *wossux*, *wosee*, сюда же др.-инд. *ajínam* 'кожа', также др.-русск. *язьно* 'кожа' и, возможно, русск. *язь* 'рыба Idus melanotus', как полагают, происшедшее из утраченного названия козла; основа с преимущественно восстановленным ареалом распространения (индоиранский, балтийский, славянский) [3].

Характер локальной изоглоссы носит греческо-армянское соответствие: греч. *αἴξ*, род. ед. *αἰγός* 'коза', арм. *ayc* 'коза'.

И.-е. **digh-/*dig-/*dik-*, которое реконструируют для др.-в.-нем. *ziga*, нем. *Ziege* 'коза', греч. (лаконск.) *δίζα* 'коза' (Гесихий), арм. *tik* 'бурдюк, мех для вина', характеризуется скорее спорадическим распространением, насколько можно судить по имеющимся данным [4].

Трудно говорить о каком-то определенном ареале и.-е. **bhūgo-*, куда относят цыганск. *buzni* 'коза', авест. *būza* 'козел', н.-перс. *buz* 'коза', козел', арм. *buc* 'ягненок', герм. **bukka* 'козел'.

Не выходят за рамки отдельных языков и близко родственных языковых групп такие названия, как алб. *keth*, *kedhi* 'козленок', герм. **hōkina-* (др.-исл. *hōken* 'козленок', ср.-нидерл. *hoekijn*), слав. *koza* [5], др.-инд. *chágaḥ* 'козел' [6].

Перед нами ряд этимологически не родственных названий, которые связывает между собой лишь семантическая близость [7]. Множественность обозначений козы, как полагают, объясняется древней культовой ролью этого животного и неизбежными при этом запретами языка [8]. Это создало исключи-

[2] См.: *W. Porzig.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 114.

[3] См. *там же*, с. 181; *M. Vasmer.* REW. Bd. 5. S. 485, 486. — Поиски близких форм в догреческом индоевропейском субстрате, например, фриг. *Zeus Aseis* или греч. *ἀσκός* 'мех, бурдюк' < *ǟ̆ĝ-ko-s* : лит. *ož-kà*, недостаточно убедительны (см.: *O. Haas.* Substrats et mélange de langues en Grèce // LP. T. 3. 1951. P. 87; *Он же.* Das Öl und die ersten Indoeuropäer Griechenlands // LP. T. 7. 1959. P. 74).

[4] См. еще: *V. Pisani.* [Рец.] *J. Hubschmid.* Schläuche und Fässer // Paideia. Anno 12. 1957. S. 327.

[5] Эти последние названия, скорее всего, не связаны со слав. *koza* (ср. подробнее ниже).

[6] См.: *M. Mayrhofer.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I. Heidelberg, 1956. S. 406.

[7] Только безответственное «жонглирование» ларингалами могло позволить отдельным авторам свести к некоему абстрактному **$ə_3$g-* такие разные основы, как **og-* (*ajá-* и др.), **kog-* (*koza* и др.), **bhūg-*. См.: *E. Raueq.* Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indoeuropéen. Antwerpen -'s-Gravenhage, 1939. P. 47 ff.

[8] Ср.: *H. Kronasser.* Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952. S. 172.

тельно благоприятные условия для обновления терминологии, для местных преобразований и, вероятно, заимствований. Определенное влияние могло также иметь размещение главных очагов одомашнения козы, но этот вопрос как нелингвистический относится, скорее, к специальному разделу работы. Однако уже из предыдущего суммарного изложения лингвистических данных можно сделать вывод, что самая заметная межа пролегает между западным и восточным ареалами распространения по крайней мере некоторых названий. Далеко не все названия дают такую яркую картину, но, например, исключительно западный характер **ghaid-*, **gheid-* и исключительно восточный характер др.-инд. *ajá-*, *ajikā*, лит. *ožkà* (для которых мы умышленно не реконструируем праиндоевропейской формы) как будто очевиден, что окажет нам важную услугу при анализе слав. *koza*.

Слово *koza* в качестве основного названия животного безраздельно господствует во всех славянских языках: ст.-слав. **коза** *αἴξ*, др.-русск. *коза*, *козьлъ*, *козьлѧ*, русск. *козá*, *козёл*, *козлёнок*, укр. *козá*, *козéл*, *козля́*, род. ед. *-я́ти* ‘козленок’, блр. *казá*, *казёл*, *казенё* ‘козленок’, польск. *koza*, *kozioł*, *koźlę*, кашуб. *koeza*, *koezêł*, *koezlą*, словин. *kù̵o̭ză*, *kù̵o̭zĕl*, *kù̵o̭zlą*, н.-луж. *kóza*, *kózoł*, *kózle*, в.-луж. *koza*, *kozoł*, *kózlo*, полаб. *ḱüöza*, *ḱüöz'al*, *ḱüözle*, чеш. *koza*, *kozel*, *kůzle*, слвц. *koza*, *kozel*, *kozľa*, словен. *kóza*, сербохорв. *kо̀за*, *кȍзле*, болг. *козá*, *козéл*, *козлé*. Общеславянским является не только само слово *koza*, но и производные **koz-ьlъ*, **kozьl-ęt-*[9]. Все это говорит о *koza* как о старом элементе славянского словаря. Однако этимологическое исследование выявляет неисконность этого слова. Достоверные индоевропейские родственные связи за пределами славянского отсутствуют. Отдельные названия козленка алб. *keth*, *kedhi*, др.-англ. *kǽcen*, др.-исл. *hōken* едва ли родственны слав. *koza*; реконструируемая на основе их сходства праформа последнего — **koĝ(a)-* — вряд ли когда-нибудь существовала. К тому же слав. *koza* тяготеет к группе названий, с которыми у перечисленных обозначений козленка совсем нет ничего общего. Попытки связать славянское слово с неясным др.-инд. *chā́-gaḥ* маловероятны. То же можно сказать о сравнениях *koza*, *kozьlъ* с фракийской ономастикой *Cozeilas*, Κοζας, Κοζιστης, Κοσις, Κόσιμος, Κοσων, Κοσσίνιτης, Κυζικός. Что касается лтш. *kaza* ‘коза’, то оно заимствовано из русск. *коза*. Предположение А. Мейе о приставочном *k* в слове *koza*, как-будто устранившее трудности в объяснении слова, не может быть принято, так как не учитывает близких названий, для которых такое объяснение недопустимо. Одна лишь аналогия *kostь* : *ὀστέον* не может спасти эту этимологию. Таким образом, слав. *koza* является изолированным словом в индоевропейском словаре. Нельзя его считать собственным славянским новообразованием, потому что с

[9] Сюда же слав. **koža*, русск. *кóжа*, сербохорв. *кȍжа* < **kozi̯ā*, производная от *koza*, собственно, ‘козья’.

точки зрения славянского словообразования это совершенно темное, изолированное слово. Налицо все признаки заимствования. Еще не ставя вопроса о заимствовании, А. Брюкнер обратил внимание на своеобразное сходство слав. *koza* и лат. *ožkà*, высказав догадку о метатезе. В принципе метатезы в названиях козы не редкость, им придавали, по-видимому, даже культовый смысл, но данные факты литовского и славянского, скорее всего, отражают не собственное развитие, а воздействие иноязычных форм. Таковыми были алтайские названия козы. Вполне возможно, что слав. *koza* заимствовано из тюрк. *käzä*, что предполагал еще Ф. Е. Корш. В пользу проникновения слав. *koza* из восточного источника говорит вероятная история самого тюркского слова, а также наличие в тюркском и монгольском форм, косвено связанных с *käzä*, а с другой стороны, вплотную примыкающих к лит. *ožkà*, др.-инд. *ajikā*, *ajá-* и другим, образующим характернейший восточный ареал (см. выше).

В тюркских языках есть название домашней козы (отличное от названия дикой козы), представленное в двух вариантах: тур. *keči*, казанско-тат. *käǰä*, башк. *käzä* и уйг. *äčkü*, н.-уйг. *öčkä*, кыпч., узб., кирг., караим. *äčki*, казах. *äški*. Это дает право ставить вопрос о близости не только слав. *koza* : тюрк. *käzä*, но также лит. *ožkà* : тюрк. *äčkü*, *öčkä*. Сходство формы и тождество значения столь полно, что трудно думать о случайности. Более того, кажется допустимым говорить о связи с тюркскими не только индоевропейских форм с задненебным элементом (лит. *ožkà*, др.-инд. *ajikā*, перс. *azak*), но и форм без названного элемента. Таким образом, восточная периферия индоевропейской языковой территории получила достаточно рано из расположеных, вероятно, далее к востоку древнетюркских диалектов некоторые термины, связанные с разведением домашних коз. Важно отметить, что оба индоевропейских региональных варианта *koza/ožka*, необъяснимые средствами индоевропейской морфологии, находят объясние в алтайских языках. Тип *käzä*, *käči* в тюркском представляет собой, как полагают, метатезу типа äčkü (> **käču* > *käči*, *käzä*), который является первичной формой слова, общетюркским названием домашней козы, возможно с преобладающим мужским значением ‘козел’, ср. монг. *äšigä*, *äsigä* ‘козленок, молодой козел’.

Гипотеза об алтайском происхождении восточноиндоевропейских названий козы представляет в ином свете историю спирантов в словах *koza*, *ožkà*, *ajikā*, *ožỹs*, *ajá*. Исключительное распространение их в так называемых языках «сатэм», где названные согласные совпали с рефлексами индоевропейских палатальных задненёбных, привело к тому, что и в *koza*, *ožkà*, *ajá* исследователи восстанавливают *$\hat{g}$, хотя правильнее, по-видимому, считать эти спиранты отражением соответствующих звуков алтайского источника. Балтийские формы (*ožkà*, *ožỹs*) так же, как индо-иранские (*aj-*), заимствованы из более древней тюркской формы, слав. *koza* заимствовано позднее, из

вторичного тюрк. *käzä*. Что касается самих алтайских названий, то в них видят первоначальные междометные подзывания животных [10].

Несмотря на достаточную древность заимствования, еще и сейчас различимы вторичные признаки более нового характера слав. *koza* сравнительно с названиями других домашних животных. Представляется возможным связать лингвистические факты с более поздним временем появления домашних коз сравнительно с овцеводством, свиноводством и разведением крупного рогатого скота. Так, терминология домашней козы в славянском совершенно не знает супплетивизма типа *ovьca — jagnę, svinьja — porsę, govędo, korva — telę*, но имеет взамен *koza/kozьlъ — kozьlę*, выражающие те же отношения новым, упрощенным способом. О позднем разведении может свидетельствовать отсутствие названия соответствующей скотоводческой специализации, ср. слова одной македонской народной песни: «Веселине, весел домакине ⟨...⟩ Весели ти кони со коняри. Весели ти овци со овчари. Весели ти кози со овчари!» [11].

В связи с изложенными выше комментариями по этимологии слав. *koza* интересно остановиться на сходных моментах истории одного названия, частично проникшего в славянские языки; укр. *цап* 'козел', польск. *cap*, кашуб. *cap*, чеш. *cap*, слвц. *cap*, словен. *càp*. Это название козла, известное главным образом на компактной территории, примыкающей к Карпатам, является заимствованным. Уже в великорусских диалектах слово *цап* 'козел' отсутствует. Характерный карпатский ареал этого названия и наличие близких форм в румынском и в итальянских диалектах дают основание считать укр. *цап*, польск. *cap* и др. заимствованным у романского пастушеского населения. Близкие формы, тождественные по значению, распространены в различных романских диалектах по обе стороны Адриатики, в албанском языке, но ни на Балканах, ни в Альпах они не исконны. Дальше на восток указывает крымско-гот. *stap* 'козел', затем ряд иранских форм (н.-перс. *čapiš*, *čapuš*, *čapeš* 'годовалый козел', осет. *cæw* 'козел'), наконец алтайск. *čāp* 'годовалая козуля', др.-тюрк. (XI в.) *čäbiš*, 'полугодовалый козленок'. На основании

---

[10] См. *E. Berneker.* SEW. Bd. I. S. 575; *R. Trautmann.* BSW. S. 22; *E. Gottlieb.* A systematic... S. 15; *А. Мейе.* Общеславянский язык. С. 376; *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 587—510; *В. Георгиев.* Въпроси на българската етимология. София, 1958. С. 18, 58—59; *I. T. Russu.* Etimologii trace // Studii şi cercetari lingvistice. Anul VIII. Bucuresti, 1957. S. 166; *В. В. Георгиев.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. С. 121; *K. Mülenbachs, J. Endzelins.* Latviešu valodas vārdnīca. S. II. S. 183; *K. Moszyński.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S. 227; *A. Brückner.* SEJP. S. 262; *L. Bazin.* Noms de la «chèvre» en ture et en mongol // Studia Altaica. Festschrift für Nikolaus Poppe. Wiesbaden, 1957. S. 28 ff.; *Hasan Eren.* Zurufe an Tiere bei den Türken // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. 24. Wiesbaden, 1952. S. 134.

[11] *П. Михайлов.* Български народни песни от Македония. София, 1924. № 46 (цит. по кн.: *А. М. Селищев.* Полог и его болгарское население. София, 1929. С. 205).

сравнения этих и множества близких форм И. Хубшмид пришел к выводу, что древним очагом распространения этого названия, развившегося из подзывания, была тюркская, а не индоевропейская языковая территория, откуда очень рано слово стало двигаться на запад вместе с распространением домашних коз — культурным завоеванием Азии [12].

Таким образом, этимологический анализ названий козы дает немало для изучения самих названий, а также для истории домашней козы у древних носителей славянских диалектов и близких им языков. Картину древних отношений дает в первую очередь исследование основных терминов. Прочие названия не могут добавить ничего существенного. Это большей частью местные, поздние, иноязычные слова, а также названии, связанные с терминологиий других домашних животных.

Техническим термином, обозначающим физиологические действия козы, козла, являются чеш. диал. (моравск.) *prča* 'коза', сюда же *prč, prč!* (подзывание), *prk*, *prkotina*, *prčina* 'козлиная вонь', словен. *pȓč* 'некастрированный козел', сербохорв. *прч* 'козел', болг. *пърч*, *пръч* 'козел' [13], ср. также укр. диал. *перч* 'некастрированный козел'.

От основы, общей с некоторыми названиями овцы и с другими терминами — слав. **jar-*, поглотившее и.-е. **er-*, — образованы сербохорв. *jȁрац*, 'козел', *jȁре* 'козленок', болг. *épe* 'козленок', *я́ре*.

Укр. диал. *барзій* 'черный козел, черная овца, грудь у которой белая' представляет собой балканизм, восходящий в конечном счете к албанскому, но непосредственно полученный, вероятно, из румынского языка. Укр. диал. *бе́дра* 'коза', *watujký* 'козлята'. Польск. диал. *maciek* 'козел' < *Maciej*, имя собственное [14]; польск. диал. *cyka* 'крупная коза', словин. *cẽγă* 'коза', *cẽžą* 'козленок' заимствованы из нем. *Ziege*; польск. диал. *buk* 'козел' < нем. *Bock* 'козел', в.-луж. *hilatko* 'козленочек'.

Чеш. диал. *košut* 'козел' (моравск.) — сложение приставки *ko-* со слав. *šutъ* 'безрогий, комолый', весьма древней праславянской основой, известной

---

[12] См.: *J. Rozwadowski.* [Рец.] *E. Berneker.* SEW // RS. T. 2. 1909. S. 109; *G. Rohlis.* Vermischtes zur Wortgeschicte. 7. Zu röm. zappo 'Ziegenbock' // ZfromPh. Bd. 48. 1928. S. 436—437; *D. Grânjală.* Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k Moravskému Valašsku. Rraha, 1938. S. 231—232; *J. Hubschmid.* Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen // Neue Zürcher Zeitung. 8. XII. 1953. № 2983 (рец.: *A. Ribi.* // Orbis. T. 3. Louvain, 1954. S. 245—247); *J. Hubschmid.* Pirenäenwörter vorromanischen Ursprungs und das vorrromanische Substrat der Alpen // Acta Salmanticensia. T. VII. № 2. 1954. (рец. *V. Čihař.* // AO. Vol. 25. 1957. P. 160); *F. Sławski.* Słownik etymologiczny. T. I. S. 54—55; *В. И. Абаев.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. С. 307; *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 281.

[13] См.: *V. Machek.* Etymologický slovník… S. 392.

[14] См.: *H. Horodyska.* Słownictwo Warmii i Mazur, Hodowla. Wrocław, 1958. S. 13.

в южнославянских, западнославянских языках и диалектах украинского и белорусского языков. Великорусские диалекты, по-видимому, не знают этого слова в отличие от прочих славянских языков, в основном — карпато-балканского региона. Однако слав. *šutъ* представляется исконно славянским словом, сохраненным именно в районе интенсивного и иного разведения овец и коз. Впрочем, его этимология не совсем ясна [15].

Болг. диал. (разложск.) *пра́нгари́ца* 'старая коза'.

Специальные возрастные термины нередко общие у козы и овцы, ср. выше об основе *jar-*, а также, например, сербохорв. *двизе*, болг. диал. *дзви́зе* 'козленок по второму году' (см. раздел «Овца»).

[15] Ср.: *P. Skok.* Prilog ispitivanju predrimskih leksičkih ostataka u slovenačkom i srpskohrvatskom jeziku // Slav. Rev. Let. 3. 1950. S. 352—353.

КОШКА

История названий кошки гораздо короче истории названий других домашних животных, и можно сказать, что в целом она изучена достаточно хорошо, как и история домашней кошки у славян и других народов. Этот единственный в истории домашних животных случай интересен в том отношении, что дает возможность сличить показания истории животного и факты языкознания и убедиться в объективной ценности свидетельств языка, этимологии слов, полностью совпадающих с историческими сведениями. В данном разделе нам придется привлекать нелингвистические аргументы несколько шире, чем это делалось в других местах нашего исследования, однако это объясняется неповторимостью данного случая.

Прежде всего обращает на себя внимание различие древних названий дикой и домашней кошки в славянских языках. Эту разницу наименований следует объяснять так: дикая кошка, с которой славяне были знакомы на своей территории с древности, имела свое название в их языке; значительно позднее у славян появился и приобрел популярность новый домашний зверек — кошка, которая, однако, была позаимствована у народов древней средиземноморской цивилизации вместе со своим названием. Обстоятельства появления домашней кошки у славян как атрибута цивилизации и первоначально даже — роскоши так мало благоприятствовали естественному, как казалось бы нам, переносу на нее названия ее ближайшей родственницы — дикой кошки, крайне дикого животного, не поддающегося одомашнению, что господство заимствованного названия домашней кошки с самого начала было безраздельно. Больше того, со временем это название в значительной степени вытеснило старые и без того, по-видимому, не очень широко употреблявшиеся названия дикого животного. Так объясняются названия вроде нашего *дикая кошка*, нем. *Wildkotze*, дающие, вероятно, повод для недоразумений.

Следует помнить, что это не более как вторичное перемещение в терминологии.

Различные названия дикого и домашнего животного — лучшее доказательство того, что животное не было одомашнено на месте, а заимствовано извне. Древним названием дикой кошки является др.-польск. *zdeb*, *step* (XV в.), польск. *żbik*, *źbik* а также ст.-слав. **стьбль, стьпль**. Уточнение значения старославянского слова, которое еще Миклошич переводил как '*sus*, свинья', является заслугой Г. А. Ильинского [1]. Итак, резкое различие этих названий и название домашней кошки слав. *kotъ* как нельзя лучше соответствует различию в биологическом происхождении обоих животных — европейской дикой кошки (Felis catus, Felis sylvestris, Felis chaus) и домашней кошки, потомка нубийской кошки (Felis maniculata).

Прежде чем обратиться к главному вопросу — истории названий домашней кошки, интересно специально остановиться на приведенных выше названиях дикой кошки. Их употребление носит реликтовый характер. Об этом говорят примеры с неясным значением старославянского слова в памятниках, указываемые Г. А. Ильинским. Печатью остаточности отмечено также употребление польских слов. В других славянских языках пока не удалось найти близких форм. Однако древний вид польского и старославянского слов и прерывистость их географического ареала делают допустимой мысль, что это слово, засвидетельствованное в двух не связанных тесно друг с другом славянских языках, ранее было распространено шире. Впрочем, название дикой кошки не выходит за рамки славянского. Например, в литовском языке, близко родственном славянскому и обнаруживающем аналогичное различие названий дикой и домашней кошки, дикая кошка называется иначе — *vilpišỹs*. Существенное значение имеет этимология славянского названия дикой кошки. Этимология Г. А. Ильинского, принятая также А. Брюкнером [2], в общем неправильна, хотя в ней имеются элементы, которые надо будет сохранить. Оба ученых реконструируют исходное слав. **stъbь/*stъpь* и сближают его прямо с лит. *stiprùs* 'сильный', греч. *στιφρός* 'плотный', лат. *stipulus*. Развитие значения они представляют себе, видимо, так: 'сильный, крепкий, плотный' > 'дикий кот'. Однако у нас есть все основания усомниться в правильности этого объяснения. Прежде всего неверно толкуется фонетико-морфологическое развитие слова, точнее сказать, полностью игнорируется словообразовательная структура. Др.-польск. *zdeb*, род. ед. *zdbia* (откуда расширенные суффиксом формы польск. *żbik*, *źbik*) и **стьбль, стьпль, стьбло** старославянских и русско-церковнославянских текстов продолжают первона-

[1] См.: *Г. А. Ильинский.* Славянские этимологии. XXIII. Цсл. **стьбль** 'дикая кошка' // ИОРЯС. Т. 23. Кн. 1. 1918.

[2] См.: *A. Brückner.* SEJP. S. 649.

чальное **stьbjь* (а не **stьbь/*stъbь*), как об этом выразительно свидетельствует наличие *l* epentheticim в старославянском и отсутствие его в польском. Полученное таким путем прaслав. **stьbjь* является прилагательным на *-jь* (**stьb-jь*) от **stьb-* 'стебель, камыш' родственного лтш. *stiba* 'палка, прут', лит. *stíebas* 'ствол, стебель' и далее греч. *στιφρός* 'плотный, крепкий' и другим словам, приведенным выше, которые восходят в конечном счете к общей основе и.-е. **sta-* ('стоять > 'крепкий, твердый, плотный'). Та же основа **stьb-*, но уже расширенная суффиксом -(ъ)*lo*, представлена в названии стебля слав. **stьblo/*stьblь* (русск. *стебель*, црк.-слав. **стьбло**, **стьбль** *καυλός*, *στέλεχος*, *καλάμη*, польск.·*źdźbło*), но в морфологическом отношении следует различать слав. **stьb-jь* 'дикая кошка' из **stьbъ* 'стебель, камыш'[3] и слав. **stьb*(ъ)*lo* 'стебель, камыш', произведенное с суффиксом -(ъ)*la* из **stьbъ*. Аналогичное суффиксальное расширение ср. в лат. *stip-ula* 'соломинка'.

Естественным выводом будет объяснение праслав. **stьbjь*, лежащего в основе названия дикой кошки, как прилагательного со значением 'камышовый', «стеблевой», иными словами — 'животное, обитающее в камышах', ср. одно из современных названий дикой кошки русск. *камышовый кот* (Felis chaus). Различные виды европейской дикой кошки обитают преимущественно в зарослях, камышах, в плавнях рек. Область распространения этого животного могла со временем резко сократиться, тем более что дикий кот всегда истреблялся человеком как вредный хищник. В древности он был распространен гораздо шире. Так, Felis sylvestris, живущая на западе Восточной Европы (не восточнее плавней р. Днестра и кроме того в плавнях р. Кубани и в горах Кавказа)[4], судя по ископаемым следам, обитала также за пределами этих областей.

Заметим попутно, что древнее распространение вида Felis sylvestris в западной части Восточной Европы, а также праславянский характер названия *stьbjь для дикой кошки можно использовать как дополнительный аргумент в вопросе о первоначальной территории праславянского языка.

Основным славянским названием домашней кошки является *kotъ*, ср. др.-русск., црк.-слав. *котъка*, *кошька*, *котъ*, русск. *кот*, *ко́шка*, *котёнок*, диал. *котки́* 'котята'[5], укр. *кіт*, *кíшка*, польск. *kot*, *kotka*, кашуб. *kœt*, *kœtka*, словин. *kùọt*, *kùọtkă*, *kùọcą*, н.-луж. *kót*, *kóca*, *kócka*, *kócor*, в.-луж. *kóčka*, *kocor*, *kacor*, чеш. *kočka*, *kocour*, *kotě* 'котенок', диал. (моравск.) *kot*, слвц. *kot*, *kocúr*, *koča*, *kočiatko*, болг. *ко́тка*, *кота́к*, *котара́к*, *ко́те*.

---

[3] Црк.-слав. **стьбло** вместо **стьбль** 'дикая кошка' отражает уже забвение первоначальной формы и контаминацию со **стьбло** 'стебель, камыш'.

[4] См·: *А. А. Бируля.* Предварительное сообщение о хищниках из четвертичных отложений Крыма // Доклады АН СССР. 1930. № 6. С. 142.

[5] См.: *Н. Каринский.* О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа. А. Несколько говоров Тесовской волости // РФВ. 1898. С. 104.

Слав. *kotъ* первоначально было, вероятно, общим, родовым названием животного — самца и самки, что сохраняется в отдельных славянских языках, ср., например, польск. *kot* 'кошка'. Однако внешняя характеристика формы мужского рода делала такое употребление неудобным, особенно это неудобство сказалось спустя некоторое время, когда кошка прижилась и стала домашним животным в полном смысле слова. Для обозначения самки стала пользоваться производная форма **kotja*, особенно **kotjьka* > н.-луж. *kóca*, *kócka*, русск. *кóшка*, укр. *кíшка*, чеш. *kočka*; также **kotъka* : болг. *кóтка*, польск. *kotka*. Название женского рода в некоторых языках стало играть роль основного, родового названия животного, например русск. *кошка*. Само собой разумеется, одновременно с этими семантико-морфологическими новшествами форма *kotъ* приобрела специальное значение 'кот, самец кошки'.

Заслуживает особого внимания восточнославянская форма женского рода: др.-русск. *кошька*, русск. *кóшка*, укр. *кíшка*. Соболевский, Бернекер, Преображенский, а вслед за ним Фасмер[6] объясняют ее как производное от **коша*, уменьшительной формы типа *Маша* (от *Марья*) др.-русск. *котъка*, *котъ*. Однако при этом они упускают из виду формы от слав. **kotjьka* : н.-луж. *kócka*, чеш. *kóčka* < **kocka* (под влиянием *mačka*)[7]. В русском языке им соответствовало бы **кочка*, откуда *кошка*, возможно, через диссимиляцию смычных *-чк* > *-шк-*[8]. Прежняя форма названия кошки оставила след, вероятно, в русск. *кóчка* 'бугор, неровность земной поверхности', о чем свидетельствует сравнение с польск. *kocie łby*, чеш. *kočičí hlavy* 'булыжник', букв. 'кошачьи головы'[9].

Исключительно западнославянской является новая форма на *-r* для названия самца: польск. *kocur*, чеш. *kocour*, слвц. *kocúr*, ср. названия самцов *gęsior* 'гусак' — *gęś* 'гусь; гусыня', *kaczor* 'селезень'. Потребность в новообразовании мужского рода вызвана сохранением формы *kot* в роли общего названия животного.

Слав. *kotъ* — слово заимствованное. Его источником было народнолат. *cattus*, первоначально обозначавшее разных диких животных, в том числе и дикую кошку. В раннее средневековье это слово попало в славянские и балтийские языки уже с вторичным значением 'домашняя кошка': слав. *kotъ*, лит. *katẽ*. Происхождение лат. *cattus* не совсем ясно, правда, оно уже не имеет прямого отношения к дальнейшей судьбе славянских названий. Близкие формы находят и в кельтском. С другой стороны, ищут в соответствии с

---

[6] См.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 651.

[7] В. Махек (Etymologický slovník... S. 211) считает, что чеш. *kočka* получено под влиянием *mačka* из **kotka*.

[8] Ср.: *A. Brückner*. SEJP. S. 261.

[9] Прочие этимологии слова *кочка* см.: *M. Vasmer*. REW. Bd. 1. S. 650.

историей самого животного первоисточник европейских названий в Африке, в нубийском языке. Важно подчеркнуть, что центром распространения названия домашней кошки в Европе был латинский язык, откуда *cattus* проникло также в Восточное Средиземноморье (греческий язык), в славянские языки [10]. Время заимствования слав. *kotъ* не нужно относить к общеславянскому периоду; распространению культурного заимствования не могли помешать межславянские языковые границы. Вместе с тем осуществилось оно относительно рано, вероятно во второй половине I тыс. н. э. Для более точной датировки отсутствуют факты, но если правильна этимология имени великоморавского князя Коцела, сына Прибины (IX в.), *Косьлъ* < зап.-слав. **koca* < **kotja* 'кошка-самка' [11], то в VIII—IX вв. в части славянских языков уже было распространено **kotъ*, **kotja* 'домашняя кошка' [12].

Слав. **kotъ*, **kotę* 'котенок' очень близко по форме слав. **kotiti sę* 'рожать (о мелких животных)': русск. *котúться* (об овце, кошке, кролике, зайце), укр. *котúтися*, польск. *kocić się*, кашуб. *kœcéc są*, чеш. *kotiti se*, словен. *nakotíti* 'народить детенышей (уничиж. о человеке)', *pokótniti* : *krava je pokotnila*, *skotíti* 'родить', *skȍt* 'детеныши, выводок', сербохорв. (*о*) *кòтим*, *кòтити* (*се*), *кȏт*, род. ед. *кȍта* 'выводок', болг. *окóтвам се*, *окóтя се*. Отношения форм **kotę* — **kotiti sę* как будто носят совершенно регулярный характер, ср. **ščenę* — **ščeniti sę*, **jagnę* — **jagniti sę*, **porsę* — **porsiti sę*. Это впечатление еще более усиливается, если принять во внимание прилагательные русск. диал. *сукóтая* 'щенная собака', *сукóтная*, *сукóчая*, *скóтна* 'беременная (о мелких животных — кошке, кунице, соболе, норке, выдре)', сербохорв. *скȍтна* 'беременная (о собаке, лисице)', ср. русск. *стéльная*, *супорóсая*. Однако некоторые обстоятельства заставляют осторожно отнестись к упомянутым отношениям. Во-первых, возражение семантического порядка. Кажется сомнительным, чтобы название животного, которое до XII в. не имело, в сущности, никакого экономического значения, да и позже имело весьма относительное значение, послужило базой для образования термина с очень емким содержанием ('рожать'). Во-вторых, нельзя недооценивать несоответствия географических зон распространения слав. **kotiti sę* и **kotъ*, **kotę*. Названный глагол является общеславянским словом. Он широко употребля-

---

[10] См.: *K. Miklosich.* EW. S. 135; *E. Berneker.* SEW. Bd. I. S. 590; *O. Schrader.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, herausgeg. von A. Nehring. Bd. 1. Lief. 5. S. 562—566; *V. Kiparsky.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen // AASF. Bd. 32. № 2. Helsinki, 1934. P. 273—274; *V. Pisani.* [Рец.] *C. H. Balmori.* Cattos: gato, «Paideia». Anno 6. Firenze, 1951. P. 419; *M. Vasmer.* REW. Bd. I. S. 643.

[11] См.: *J. Stanislav.* Koceľ // Slovenská reč. Roč. 15. 1950. S. 165 ff.

[12] Появление кошки и ее заимствованного названия **kotъ* у славян не следует смешивать с более поздним ее хозяйственным применением — для истребления крыс (XII в.).

ется также в южнославянских языках. Что же касается заимствованного названия кошки, то за вычетом болгарского оно не известно другим южнославянским языкам — словенскому и сербохорватскому.

Слав. **kotъ*, **kotę* является почти исключительно элементом словаря северных славянских языков. По наличию или отсутствию этого названия южнославянские языки разделяются на две группы. Восточную образует болгарский с его словами *котка* и другими из **kotъ*, западную — другие два языка, где преобладает друг название кошки: словен. *mȃčka*, *mačák*, *máček*, сербохорв. *мȁчка*, *мáчак*. Исследования показали, что это лексическое размежевание совпадает с границами распространения ряда других слов на Балканах [13]. Периферийными по отношению к западнобалканскому названию кошки являются, вероятно, слвц. *mačka* 'кошка', болг. *мáчка* то же. Возможно, это различие в словаре является древним, если допустимо вообще говорить о древности, имея в виду славянские названия кошки. Тем более странным покажется развитие форм от слав. **kotiti sę* именно в тех из южнославянских языков, которые не знают слова **kotъ*. Остается наиболее правдоподобным предположение о ранней контаминации, которая происходила всюду, где встречались **kotiti sę* и заимствованное **kotъ*. Что касается названия действия, то оно, по-видимому, образовано аналогично **telę* — **teliti sę* и другим от какого-то особого названия молодого животного (но не *kotę* 'котенок'!), поглощенного затем производными от **kotъ* 'кошка'. Трудно сказать что-либо более определенное, поэтому ограничимся ссылкой на известные сравнения с лат. *catulus* 'детеныш, щенок', умбр. *katel* то же, др.-исл. *haðna* 'козленок, козочка', ср.-в.-нем. *hatele*·'коза', швейц.-нем. *hatle* 'коза' [14].

Западнобалканские названия кошки, отличающиеся от обычного для других славянских языков **kotъ*, примыкают к нем. диал. *Matz* 'кошка', также нем. *Mietzchen* 'киска', далее — франц. *matou* 'кот'. По всей вероятности, это — образования звуковой символики, для которых нет надобности принимать единый генетической источник. Об этом свидетельствует общее начало слова (*m*-) с звукоподражаниями, передающими крик кошки: русск. *мяукать*, *мяу*, болг. *мякам*, *мяукам*, нем. *miauen*, франц. *miauler*. Призывные междометия, нем. *mietz, mietz!*, болг. *мац-мац!* и под. 'кис-кис!' могут быть также вторичными, от названий *Mietzchen*, *мачка* [15]. Однако полезно также иметь в виду смежность перечисленных южнославянских, немецких и французских названий, образующих более или менее цельную область. Возможно, это

[13] См.: *В. М. Иллич—Свитыч.* Лексический комментарий к балканской миграции славян. I // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. Т. XIX. Вып. 3. 1960.

[14] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 1. S. 645.

[15] Ср.: *J. W. Bruknier.* Etymologien. 3. Katze. Matz. // KZ. Bd. 34. 1895. S. 380—381; *D. Boranić.* Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. Zagreb, 1909. S. 43; *J. Holub — Fr. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 176.

говорит о том, что образование этих слов не проходило совершенно независимо в каждом языке.

Остальные названия: русск. *ки́ска* от подзывания *кис-кис!* [16], диал. *ка́вонька* — от *ка́вкать* 'мяукать' [17]; польск. диал. *pujka*, словен. *pə̀i̯kă* 'кошка', *mḯska* то же < нем. *Mietzchen*, ср. еще. в.-луж. *mica, micka*; н.-луж. *ajtka, hajtka* 'кошечка', ср. междометное подзывание *ajt, ajt!* 'кис-кис!', в.-луж. *hajtka, hica* 'киска', чеш. диал. *manda* 'кошка', *čiča, čaňa, cicka* то же, слвц. *cica, cicka*.

---

[16] Не исключена возможность, что это, казалось бы, позднее и не имеющее истории междометное подзывание кошки (*кис-кис!*) на самом деле гораздо старше не только самого названия кошки, но и названий некоторых других животных, с которыми обычно связывают такие подзывания. Наше *кис-кис!* (к кошке) вместе с польск. диал. *kiś, kiś!, ksio, ksio!* (подзывание лошади), русск. диал. *кось-кось! кося!* (подзывание жеребенка), лтш. *kuze, kuzeliŋ!*, лит. *kužiukas* 'жеребенок' может продолжать старое, слабо дифференцированное подзывание животного или детеныша животного; ср. аналогичное образование в тюркской языковой области близкого по звукам *äčkü/ käzä* 'коза', откуда слав. *koza*.

[17] См.: *А. Грандилевский.* Родина М. В. Ломоносова. Областный крестьянский говор // Сб. ОРЯС. Т. 83. № 5. С. 164.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Сюда входят названия домашних животных во всей их совокупности и названия стада, группы, относящиеся исключительно к сельскохозяйственным животным. Это слав. **skotъ*, **stado*, **čerda*, а также ряд менее важных, местных названий. Сразу же отметим поразительный факт почти полного отсутствия соответствий основным и, по-видимому, наиболее древним славянским терминам в балтийских языках. С другой стороны, при образовании некоторых более поздних, местных названий в славянских диалектах наблюдаются случаи тесного взаимодействия с балтийскими языками. Воздерживаясь от дальнейших выводов, ограничимся одним таким наблюдением, которое позволим себе предпослать разбору славянской терминологии.

Славянскому названию *skotъ* противостоит древнебалтийское название скота, сохранившееся в лит. *pekus* 'скот', диал. (слоним.) *p'äkus* 'мелкий скот', также 'овцы', др.-прусск. *pecku* 'скот', которое возводят с некоторыми оговорками к и.-е. *pek̑u-* (лат. *pecus*, гот. *faihu*, др.-инд *paśu-ḥ*, *páśu*, *paśú-*, авест. *pasu-*), древнему названию скота, обнаруживающему соприкосновения с лексикой алтайских языков [1]. Но употребление этого древнего слова, например в литовском языке, является ограниченным, в то время как роль основного названия играет местное *gyvulỹs*, мн. ч. *gyvuliaĩ* 'животные, скотина', диал. *gývolis*, связанное с основой *gýti*, *gyvénti*, ср слав. *žiti*, *živǫ*. Производное с суффиксом *-l-* *gývolis*, *gyvulỹs*, *gyvuliaĩ* 'скотина, животные'

---

[1] См.: *E. Hermann.* Litauisch pekus // AfslPh. Bd. 40. 1926. S. 161—162; *А. Мейе.* Общеславянский язык. С. 397; *E. Fraenkel.* Baltische und slavische Etymologien // ZfslPh. Bd. 11. 1934. S. 49; *В. И. Георгиев.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. С. 43—44; *G. J. Ramstedt.* The relation of the Altaic languages to other language groupы. JSFOu. T. 53. № 1. Helsinki, 1946—1947. P. 25—26.

очень близки смежным территориально блр. *жывёла* 'скот', польск. диал. *żywioła* 'домашний скот' (Виленщина)[2]. Производные от *žiti* со значением 'домашний скот' известны в различных местах славянской языковой территории и представляют собой скорее всего независимые местные новообразования, ср. др.-русск. *животина*, серб. диал. (черногорск.) *живо*, словен. *živina*, польск. диал. *żywina*, *żywizna* (Вармия, Мазовше). Однако характерное производное на *-l-* с этим значением распространено только в одном районе — в белорусском языке и смежных говорах польского языка; оно неотделимо ни в территориальном, ни в генетическом отношении от упомянутого литовского слова. Вероятно, было бы ошибкой считать польск. диал. *żywioła* простым словообразовательным вариантом наряду с *żywina*, *żywizna*[3].

Основным и наиболее распространенным славянским собирательным названием является **skotъ* : ст.-слав. **скотъ** *κτῆνος*, *ζῷον*, др.-русск. *скотъ* 'скотина, домашнее животное, скот', 'имущество, деньги', 'пóдать', русск. *скот*, *скотúна*, диал. *скатúна* (собир.), *скатúнина* (сингулятивное)[4], *ускóтье* 'место, где пасется скот' (череповецк.), *поскóтина* 'выгон' (олонецк., томск.), укр. *скот*, блр. *скацíна*, др.-польск. *skot*, польск. диал. *skot*, *skotnia* 'выгон', кашуб. *skœt*, н.-луж., в.-луж. *skot*, полаб. *sk̂üöt*, чеш. (стар.) *skot*, сербохорв. *скȁт*, болг. *скот*.

Этимология слова *skotъ* неясна. Большинство лингвистов считает это слово очень древним заимствованием из германского, возможно — времен ранних славянско-восточногерманских (готских) языковых связей (до II в. н. э.), ср. гот. *skatts* *δηνάριον*, *μνᾶ*, др.-сакс. *skat* 'монета, состояние', нем. *Schatz* 'сокровище'. Преобладание у германских слов вторичного значения могло выработаться позднее, ср. также др.-фриз. *sket* 'деньги, скот'. Фонетические и акцентологические данные как будто говорят только о возможности заимствования из германского в славянский, а не наоборот. Серьезным препятствием для этой этимологии является, однако, то, что герм. **skatt-*, представленное только в готском и западногерманских (др.-исл. *skatts* 'дань, сокровище' заимствовано из западногерманских), является темным словом также с точки зрения германского словообразования. Точно таким же темным словом в составе славянского словаря является слав. *skotъ*. Попытки объяс-

---

[2] *K. Būga.* Kalbos dalykai // *K. Būga.* Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. S. 122—123; *E. Fraenkel.* Litauisch, etymologisches Wörterbuch. Lief. 2. S. 154—155; *H. Horodyska.* Słownictwo Warmii i Mazur. Hodowla. Wrocław, 1958. S. 15.

[3] Ср., например: *W. Doroszewski.* Z zagadnień kartografii lingwistycznej // Archeologia Polski. T. 1. Zesz. 2. Warszawa—Wrocław, 1958. S. 237. — Еще один пример взаимодействия в том же районе: лит. *ragúočiai* мн. ч., блр. *рагаччó*, польск. *rogacizna* 'крупный рогатый скот' — от *рог*, лит. *rãgas*.

[4] См.: *В. И. Чернышев.* Сведения о народных говорах селений Московского уезда // Сб. ОРЯС. Т. 68. С. 129.

нить его как исконное слово приводили до сих пор только к неудаче. Таковы этимологии Г. А. Ильинского — *skotъ* : *щетина*, М. Рудницкого — *skotъ* < **skok-to*, ср. *skakati*, В. В. Мартынова — из приставочного **sъkotъ* 'выводок, приплод' : **kotiti sę*. К невероятности собственно славянской словообразовательной аргументации этих этимологий добавляется еще невероятность одновременно выдвигаемого тезиса о заимствовании из славянского в германский [5].

Кроме слова *skotъ*, славянские языки знают немало других названий скота, которые являются более поздними образованиями, чем слав. *skotъ*, но успешно соперничают с ним и в некоторых языках почти совершенно вытеснили древнейшее славянское название. Отличительной чертой всех этих новых названий является очевидность словообразовательных связей. Знакомство с ними поучительно в семасиологическом отношении. Новые славянские названия последовательно противоречат классическому в семасиологии примеру изменения значения 'скот' → 'деньги' (лат. *pecu* → *pecunia*). Этот семантический переход хорошо известен, его относят даже к числу «необратимых» переходов значения, т. е. семантических процессов, которые могут протекать только в одном направлении [6].

Однако славянские примеры, которые имеют характер массовой аргументации, убедительно демонстрируют, что обратный переход значений не только возможен, но является во всех этих примерах единственным путем, приводящим к значению 'скот'. Сомнения в этом быть не может даже после попытки А. Матла дать некоторым из этих слов другую этимологию [7].

Так, к основе, обозначающей приобретение, стяжание, имущество, имение — слав. **by-* (*byti*, *bytъ*, *do-by-*, ср. русск. *добы́ча*), — восходит чеш. *dobytek* 'скот', ср. др.-чеш. *dobytek* 'имущество, имение', словин. *dəbătk* 'скот', н.-луж. *dobytk* 'скот', болг. *доби́тък* 'скот', ср. др.-серб. *добытькь*

[5] См.: *F. Miklosich.* EW. S. 303; *A. Brückner.* SEJP. S. 495—496; *J. Kuryłowicz.* L'accentuation des langues indo-européennes. S. 275—276; *Он же.* Germánsko-słowiańskie stosunki językowe // Słownik starożytności słowiańskich (zeszyt dyskusyjny). Wrocław, 1958. S. 34; *Г. А. Ильинский.* Славянские этимологии. LI—LX // РФВ. Т. 73. 1915. С. 281 и след.; *M. Rudnicki.* Sufiksy *z-r-* // SO. T. 13. 1934. P. 111—112; *А. Мейе.* Общеславянский язык. С. 397; *C. Thörnqvist.* Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala—Stockholm, 1948. S. 252 ff.; *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 649; *В. В. Мартинов.* Проблема первісної префіксації і найстаріші слов'яно-германські мовні зв'язки // Труды Одесского ун-та. Т. 147. Серия филол. наук. Вып. 6. 1957. С. 182—183.

[6] См.: *W. Brandenstein.* Etymologica // Studies presented to Joshua Whatmough. 's-Gravenhage, 1957. S. 23—24.

[7] См.: *A. Mátl.* K výkladu slov dobytek a statek // Studie ze slovanské jazykovědy. Sborník k 70. narozeninám akad. Trávnička. Praha, 1958. S. 315 ff.

'facilitates' [8]; польск. *bydło* 'скот', кашуб. *bédło* то же, ср. др.-польск. *bydło* 'жилье, имение', слвц. *bydľa* 'скотинка' [блр. *бы́дла* 'рогатый скот', русск. диал. (смоленск.) *бы́дло* 'худая скотина' заимствовано из польского]. В качестве названия скота употребляется такое название имущества, добра, как словен. *blagǫ̑*, ср. в диалектах: *ąnzàt nì-jo-dadŏ̃ blàω, kь̀-to-snèj* 'затем они дают ее скоту, чтобы он съел' [9]; хорв. *blâgo* 'скот', ср. др.-серб. *благо* 'bonum, res, fortunae'. Совершенно аналогично развитие значения др.-серб. *имане*. «В одной записи 1582 г. стоит такое выражение: утверждено подъ страшномъ клетвомъ и кастизiомъ ферманима отъ Цетиня и тапияма ни *иманѣ* пасти, ни орати, ни лаза сѣщи безъ упроса церковнаго» [10]. Н.-луж. *zbóžo* 'скот', также 'имущество, товары', имеет основу, общую с укр. *збі̂жжя* 'пожитки, добро', сюда же слав. *bogatъ*. Блр. *ста́ток* 'домашний скот', русск. диал. (смоленск.) *ста́тэк* 'скот' — тоже первоначальные названия имения, имущества.

Тоже от названия имущества, обозначаемого как 'му̀ка, мучение', отпочковалось болг. диал. (ольшанск., СССР) *мăкắ* 'скот', этимологически тождественное болг. *мъка* 'мука' диал. *ма́ка* 'имущество' [11].

От названия имущества, достояния, выражаемого отрицательно, как видно, по мотивам табу, получены укр. *худо́ба* 'домашний скот, имущество', русск. диал. (астрах.) *худо́ба* 'скотина', ср. польск. диал. *chudoba* 'домашний скот', а также блр. диал. (слуцк.) *худо́ба* 'имущество', ср. еще русск. диал. *худо́ба* 'имущество, не так большое' [12], собственно, с первоначальным значением 'бедность', ср. польск. диал. *ubóstwo* 'домашний скот' (Вармия, Мазовше), букв. 'бедность'.

Сербохорв. *стока* 'домашний скот', болг. *стока*, 'товар'.

Оба упомянутых значения имеет укр. диал. *това́р* 'рогатый скот, товар', ср. русск. *това́р*, заимствованное из тюркских, но эти значения были представлены в языке-источнике, ср. тур. *tavar* 'товар, имущество, скот' [13].

Прочие названия скота: др.-русск. *нута* 'рогатый скот', сюда же русск. диал. (череповецк.) *ну́тник* 'мясник', полаб. *nǫ̑tə* 'крупный рогатый скот' (с вторичным носовым), довольно раннее заимствование из германского, ср.

---

[8] См.: *Ђ. Даничић.* Рlечник из књижевних старина серпских. Књ. I. Београд, 1863. С. 285—286: «... а стока се зове и жив добитак, а остало евс мртав...».

[9] См.: *И. А. Бодуэн де Куртене.* Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах терских славян, в северо-восточной Италии // Сб. ОРЯС. Т. 78. № 2. С. 126.

[10] *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 63. № 3. С. 634 и след.

[11] См.: Славянские этимологии. 28. Болг. диал. *мăкắ* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. МГУ, 1960. С. 87—89.

[12] См.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 251.

[13] См.: *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 112.

др.-сакс. *nōt* 'крупный рогатый скот' (герм. **nauta*), сюда и нем. *Nutzen* 'польза' [14]; словен. *márha* 'скот, кляча', ср. венг. *marha* 'скот, скотина', сербохорв. *мâрва* 'скот' (с заменой *х* > *в*), заимствование из германского сербохорв. диал. *хајван* 'домашний скот', *мал* то же (*живи мал*); кашуб. *χoeva*, словин. *χùǫvă* 'скот', ср. польск. *chów* 'разведение (скота)'.

Существуют различные названия стада. Слав. *studo* : ст.-слав. **стадо** *ἀγέλη, ποίμνη*, др.-русск. стадо, русск. *стадо*, укр. *стáдо*, польск. *stado*, чеш., слвц. *stado*, в.-луж. *stadło*, сербохорв. *стȁдо*, *стâдо*, болг. *стáдо*. Этот древний общеславянский термин интересен тем, что вполне ясно отражает уже точку зрения оседлого земледельца, а не скотовода-кочевника: **stado* связано со **stati*, и.-е. **sta-* 'стоять'; первоначально оно относилось, очевидно, к скоту, содержимому в стойлах, постоянных помещениях. На древний характер образования указывает наличие непродуктивного суффикса *-do*. Остатков значения 'стоять, стойло' не сохранилось, но о таком развитии, помимо этимологических связей **stado*, свидетельствует аналогия русск. *стáя* (диких птиц, диких быстроногих животных) при диал. *стáя* 'скотный двор, сарай', болг. *стáя* 'комната', сербохорв. *стȁја* 'хлев, стойло, загон'. Трудно сказать, было ли **stado* обобщающим названием или относилось к определенным животным. А. Мейе считает, что оно обозначало большей частью стадо баранов [15]. Однако есть древние примеры употребления ст.-слав. **стадо** как названия стада свиней. Родственные слова германских языков обнаруживают раннюю специализацию, но эти значения, вероятно, вторичны: др.-исл. *stóð* 'конный завод, стадо', англосакс. *stód* 'конный завод', др.-в.-нем. *stuot* то же, нем. *Stute* 'кобыла', *Gestüt* 'конный завод'. Полное отсутствие семантической общности с близкими балтийскими образованиями лит. *stodas*, лтш. *stā̃ds* 'растение, саженец' показывает самостоятельность их образования. Идущее, двигающееся стадо называлось, по-видимому, другим, еще более древним словом — слав. **čerda*: ст.-слав. *чрѣда βουκόλιον, πρόβατον*, др.-русск. *череда* 'очередь', русск. диал. *чередá* 'стадо', сюда же русск. *черёд*, *óчередь* с другими значениями, укр. *чередá* 'стадо', польск. *trzoda* 'стадо, скот', чеш. *třída* 'ряд, класс', слвц. *črieda* 'стадо', словен. *črę́da* 'очередь, порядок; стадо', сербохорв. *чријѐда* 'очередь, порядок; стадо', чакав. *црēдȁ*, болг. *чърдá*. На древнее наличие родственной балтийской формы **kerda* 'стадо' указывает производное лит. *ker̃džius* 'старший пастух'. Далее, ср. гот. *haírda* 'стадо' (герм. **herðō*), ирл. *crod* 'скот, богатство', кимр. *cordd* 'группа, толпа'. др.-инд. *çárdhas* 'стадо, стая', авест. *sarəda-* 'вид, род' [16].

[14] См.: *V. Kiparsky.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen // AASF. Bd. 32. №. 2. Helsinki, 1934. S. 183; *M. Vasmer.* REW. Bd. 2. S. 232.

[15] См.: *А. Мейе.* Общеславянский язык. С. 397.

[16] *R. Trautmann.* BSW. S. 128; *P. Skardžius.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. S. 78; *M. Vasmer.* REW. Bd. 3. S. 320.

Прочие названия стада: русск. *табу́н* 'стадо лошадей', укр. *табу́н* то же, из тюркских, диал. *ота́ра*, укр. *ота́ра* 'стадо овец', тюркское заимствование, укр. диал. *кирд*, *ту́рма* из молдавского языка [17]; болг. диал. *гу́ла* 'стадо крупного рогатого скота', *чупор* (белослат. переселенч.), *брани́ца*, *сури́а*, *сюре́к*, *сюрия*, *сирјӑ̈* (дупницк., ольшанск. — СССР и др.) 'стадо овец'.

[17] См.: *В. А. Прокопенко.* Деякі особливості сільськогосподарської лексики буковинських говірок // Наукові записки Чернівецького державного університету. Вип. 4. Збірник наукових робіт аспірантів. 1958. С. 69.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Родо-половая дифференциация названий хозяйственно-полезных животных имеет большое практическое значение. Однако нужно отметить, что оформление грамматического рода и вместе с ним различение пола в названиях домашних животных не отличается четкостью, обнаруживает массу местных конкретных особенностей и обычно не прослеживается до древнейшего состояния. Различные средства выражения грамматического рода, родо-половой характеристики в славянских названиях домашних животных представляются довольно поздними, не исконными. Такова гетеронимия пар *баран* — *овца*, *корова* — *бык*. В первой паре дифференциация осуществлена путем использования заимствования (*баран*), во второй — путем оформления двух новых по отношению к праиндоевропейской терминологии названий различной древности. Поздний характер имеет такое средство родо-половой дифференциации, как образование парных названий от общей основы при помощи суффиксации: *ov-ьca*, *ov-ьnъ*.

Все это говорит о том, что родо-половая характеристика не свойственна древнейшей индоевропейской терминологии. Архаической особенностью является существование общих названий для самца и самки греч. (*ὁ*, *ἡ*) *ἵππος*, лат. (*hic*, *haec*) *canis*. Отдельные остатки такого употребления общих названий еще имеются в славянском (например, *govędo* < и.-е. *g^{u}*ou-*), но они с самого начала не были характерным элементом новой славянской терминологии.

Более четко прослеживаются в глубь индоевропейской древности различия между названиями взрослых и молодых особей домашних животных, ср. **svinьja* — **porsę*, *Schwein* — *Ferkel*, **ovьca* — **jagnę*, *ovis* — *agnus*. В пользу большей древности возрастных различий говорит тот любопытный факт, что

название молодой особи прежде всего обозначает ее как отличную от взрослого животного и никаких родо-половых признаков не носит. Возрастные различия названий животных получили лексическое выражение уже в праиндоевропейскую эпоху.

Названия молодых животных вместе с названиями детей человека и его потомков имеют в славянском яркую, только им свойственную словообразовательную структуру. В основном этими словами ограничивается употребление древнего форманта *-ęt-*, который первоначально указывал исключительно на происхождение.

Таким образом, можно говорить о двух разных продлениях супплетивизма в названиях домашних животных: более древнем — возрастном (и.-е. **sūs* — **porḱos*) и более позднем — родо-половом (слав. **bykъ* — **korva*)[1].

---

[1] См.: *H. Osthoff.* Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Akademische Rede. Heidelberg, 1899; *A. Ernout.* Remarques sur l'expression du genre féminin en latin // Mélanges. F. de Saussure. Paris, 1908. P. 211 ff.; *М. Я. Немировский.* Способы обозначения пола в языках мира // Памяти акад. Н. Я. Марра. М.—Л., 1938. С. 200 и след.; *А. Мейе.* Общеславянский язык. С. 368: *E. Benveniste.* Noms d'animaux indo-européen // BSL. T. 45. 1949. P. 74 ff.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

kraga — польск. диал.
кр́мак — серб.
кр̏ме — серб.
kuilỹs — лит.
kuĩnas — лит.
kumẽlė — лит.
ку́ндель — укр.
кутёнок — русск. диал.
kutya — венг.
ку́че — болг.
ку́чка — болг.
кучко́ — русск. диал.
къ́дрез — болг. диал.
кърма́к — болг.
ле́йма — русск. диал.
лепета́ — русск. диал.
лонча́к — русск. диал.
ло́шадь — русск.
лоша́ — укр.
лошня́к — русск. диал.
mazga — слвц.
мăкă̈́ — болг. диал.
mánih — словен.
ма̑рва — серб.
марка́ч — блр.
márha — словен.
mačák — словен.
ма́чак — сербохорв.
mȃčka — словен.
ма̏чка — сербохорв.
ма́чка — болг.
**melĝ-* — и.-е.
mendak — польск.
mén — венг.
ме́рин — русск.
mera — кашуб.
mi̋ska — словин.
mica, micka — в.-луж.
мерлу́шка — русск.
mierloki — польск.
молодя́жка — русск. диал.
morągi — польск.
муру́гий — русск.
мухо́ртый — русск.
мъркале́ц — болг.
неля́пка — укр.
не́рез — болг.
nerézac — полаб.
не́резь — русск. диал.
nǫ́tə — полаб.
нута — др.-русск.
**ovadъ* — слав.
ovajka — чеш. диал.
**ovьпъ* — слав.
**ovьca* — слав.
**o̯uis* — и.-е.
одёр — русск. диал.
одрань — русск. диал.
ogar — польск.
ohař — чеш.
ogier — польск.
ožỹr — лит.
ožkà — лит.
орь — др.-русск.
oř — др.-чеш.
Осва
ošípaná — слвц.
парсу́к, парсю́к — русск. диал.
**porsę* — слав.
pastúh — словен.
па̀сту̑х — серб.
пасту́х — болг.
папуп — серб.
pȃce, pȃcek, pȃčej — словен.
пацю́к — укр. диал.
pašik — чеш. диал.
**pek̑u* — и.-е.
pekus — лит. диал.
перч — укр. диал.
плеку́н — укр.
поджа́рый — русск.
podżary — польск.
подпа́ль — русск. диал.

шипáршо, *пáр*, *шупáр* — болг.
шéнька, *шúнька* — русск. диал.
шúле — болг.
шиљег — серб. диал.
шкáпа — укр.
szkapa — польск.
škapa — кашуб.
**šutъ* — слав.
ščenę — слав.
ščetȋnec, *ščetinjáča* — словен.
ю́гич — болг.
ю́сочка — русск. диал.
**jalovica*, **jalovъka* — слав.
**jar-* — слав.
i̯ōr-*/i̯ēr-* — и.-е.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест. — авестийский
алб. — албанский
алтайск. — алтайский
англ. — английский
англосакс. — англосаксонский
арм. — армянский
афган. — афганский (пушту)
балт. — балтийский
башк. — башкирский
блр.— белорусский
болг. — болгарский
венг. — венгерский
в.-луж. — верхнелужицкий
герм. — германский
гот. — готский
греч. — греческий
диал. — диалектный
др. —древний
др.-англ. — древнеанглийский
др.-в.-нем. — древневерхне-немецкий
др.-инд. —древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-кит. —древнекитайский
др.-корн. — древнекорнский
др.-польск. — древнепольский
др.-прусск. —древнепрусский
др.-русск. — древнерусский
др.-сакс. —древнесаксонский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-фриз. — древнефризский
др.-чеш. — древнечешский
и.-е. — индоевропейский
иран. — иранский
ирл. — ирландский
ит. —итальянский
казах. — казахский
казанск.-тат. — казанско-татарский
караим. — караимский
карельск.— карельский
кашуб. — кашубский
кетск. — кетский (енисейско-остякский)
кимр. — кимрский
кирг. — киргизский
кит. — китайский
крымско-гот. — крымско-готский
курд. — курдский
кыпч. — кыпчакский

25 — 9718

лат. — латинский
лит. — литовский
лтш. — латышский
марийск. — марийский
мессап.— мессапский
мидийск.— мидийский
молд. — молдавский
монг. — монгольский
моравск. — моравский
морд. — мордовский
н.-брет. — новобретонский
н.-луж. — нижнелужицкий
н.-нем. — нижненемецкий
н.-перс. — новоперсидский
нем. — немецкий
нидерл. — нидерландский
осет. — осетинский
оск.·— оскский
перс. — персидский
полаб. — полабский
польск. — польский
рум. — румынский
русск. — русский
сабин. — сабинский
с.-в.-р. (русск.) — северно-великорусский
сербохорв. — сербохорватский
слав.— славянский
славон. —славонский
слвц. — словацкий
словен. — словенский
словин. — (прибалтийско-) словинский
ср.-в.-нем. —средневерхне-немецкий
ср.-лат. — среднелатинский
ср.-нидерл. — средненидер-ландский
ср.-перс. — среднеперсидский
ст.-слав. — старославянский
ст.-укр. — староукраинский
тат. — татарский
тохар. (А. В.) — тохарский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
удмурт. — удмуртский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
укр. — украинский
умбр. — умбрский
фин. — финский
фрак. — фракийский
франц. — французский
фриг. — фригийский
хетт. — хеттский
хотан. — хотанский
цыганск. — цыганский
црк.-слав. — церковно-славянский
чакав. — чакавский
черк. — черкесский
чеш. — чешский
шумер. — шумерский
эст. — эстонский

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ

RO — Rocznik Orientalistyczny. Kraków
KZ — Kuhn's Zeitschrift. Göttingen
AfslPh — Archiv für slavische Philologie. Berlin u. Leipzig
AO — Archiv Orientální. Praha
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
РФВ — Русский филологический вестник. Варшава
LF — Listy Filologické. Praha
LP — Lingua Posnaniensis. Poznań
ZfslPh — Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin u. Leipzig; Heidelberg
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., Пг.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., Пг.
КСИС — Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР
SO — Slávia Occidentalis. Poznań
JP — Język Polski. Kraków
BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris
ЖС — Живая старина. СПб.
ZFS — Zeitschrift für Slavistík
IF — Indogermanische Forschungen
PF — Prace Filologiczne. Warszawa
JФ — Јужнословенски филолог. Београд
WuS — Wörter und Sachen. Heidelberg
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
СбНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София

Книга III

РЕМЕСЛЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обширность темы «Ремесленная терминология в славянских языках» делает естественным ограничение плана исследования, особенно если основное внимание сосредоточено, как в данном случае, на этимологии и групповой реконструкции. Поэтому автору показалось целесообразным отобрать для анализа лексику нескольких наиболее древних видов производственной, ремесленной деятельности — текстильного, деревообрабатывающего, гончарного и кузнечного производства. Масштабы темы и жесткие рамки монографического исследования, хотя и сильно разросшегося в ходе работы, не позволяют считать, что в итоге был исчерпан весь существующий материал. Что касается интерпретации самого лингвистического материала, то, несомненно, и здесь найдется работа для других исследователей в дальнейшем. Вместе с тем хочется думать, что по ряду общих и частных проблем в настоящем исследовании даются правильные ответы и этимологические решения, которые можно назвать точными.

Объем избранной темы, повторяем, огромен, но следует ли усматривать в этом обстоятельстве указание на необходимость дальнейшего ограничения, например, одной текстильной терминологией и т. п., иначе говоря, свидетельствует ли это о неоправданно широкой постановке темы? Думаем, что нет. Разумеется, работа по текстильной или по гончарской терминологии славянских языков или одного какого-либо славянского языка явилась бы не менее желательной и актуальной. Она дала бы, возможно, более детальные ответы на более частные вопросы, актуальность и значение которых скрадываются с точки зрения более обширной темы. Но такая более частная работа оставила бы без ответа ряд важнейших проблем, она в лучшем случае лишь наметила бы их постановку, оставляя решение открытым. Предлагаемая ра-

бота организована и построена на стремлении проследить на материале нескольких частных ремесленных (производственных) терминологий, наряду с оригинальными чертами структуры, также общие черты и закономерности их образования, взаимоотношения их компонентов. Было бы ошибкой считать эту книгу объединением самостоятельных монографий о перечисленных терминологиях. Во всяком случае работа была задумана и, как мы надеемся, выполнена именно под знаком преимущественного учета общих организующих принципов и отношений между компонентами терминологии в ее разных разделах. Из этого не следует, что работа в каждом разделе строилась по абсолютно тождественной схеме, в чем, кстати, и не было необходимости. Вместе с тем каждый раздел занимает свое как бы обязательное место в едином плане исследования и по возможности анализируется в целях получения ответов на вопросы, касающиеся также всей работы в целом. Направленность настоящей работы на более общие проблемы изучения групп терминологической лексики, на реконструкцию старых состояний этих групп не могла не оттеснить на второй план некоторые частные в хронологическом и территориальном отношении факты лексики, которые трактуются здесь с вынужденным лаконизмом. Однако, с другой стороны, конкретный анализ слов занимает в работе, построенной преимущественно на этимологии, центральное место. Одним из основных наших стремлений было выяснение специфики именно славянской ремесленной терминологии, поэтому, трактуя общие вопросы организации группы терминов, мы намеренно никогда не покидали, в сущности, почву конкретных фактов соответствующей лексики. Таким образом, эти последние никогда не служат для нас на протяжении всего исследования чем-то вроде иллюстраций или примеров, имеющих только разъяснить некую общую схему, но являются главным объектом исследования.

Работа была запланирована уже довольно давно, и, как это нередко бывает, вначале автор не имел достаточно четкого представления о тех аспектах, которые к моменту завершения работы выдвинулись в число центральных и как бы переросли тематические рамки исследования. Из них назовем проблематику индоевропейских диалектных отношений на материале нашей лексики; итогами рассмотрения этих отношений и завершается книга.

I. ТЕРМИНЫ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

От профессора славистики Венского университета д-ра Ф.Пастрнека ... мы получили письмо из Вены, датированное 12.X.1892 г., следующего содержания: «Когда я проводил прошлые летние каникулы в венгерской Словакии, г-н Крижко, кремницкий архивариус, обратил мое внимание на свою статью о ткачестве в словацком журнале "Slovenské pohľady". Цель этой статьи — дать словацкую терминологию этого поистине древнего ремесла. Г-н К. выразил также пожелание, чтобы я осветил эту терминологию с филологической точки зрения и определил, насколько она является общеславянской. Эта мысль действительно важна для выяснения состояния промыслов всех славян, в особенности же — праславян, а тем самым и наших древностей, и ее можно бы было постепенно распространить на все ремесла. Я не думаю, чтобы мне удалось осуществить исследование этой сравнительной терминологии при помощи наших словарей, разве лишь в том случае, если бы у меня под руками были монографии вроде работы г-на Крижко. Поэтому я прошу сообщить, где я мог бы найти польскую ткаческую терминологию, а если до сих пор не существует ни одного ее собрания, то соблаговолите, по моей просьбе, пригласить заняться этим специалистов, опубликовав обращение в "Висле". Я обращаюсь с этим и к остальным славянам и надеюсь, что этим путем удастся достигнуть какого-то результата».

Wisła. T. VI. Warszawa, 1892. S. 998—999
[материал от редакции журнала]

Нет надобности доказывать значение прядения и ткачества в истории человеческой культуры, и вместе с тем чрезвычайно заманчиво попытаться обобщить некоторые отражения этого значения в культуре и мышлении

человека в связи с отражением в языке, в терминологии производства, для того чтобы, сравнивая внеязыковой план и специально лингвистический план, лучше увидеть характерные особенности этого последнего и, постепенно отвлекаясь от реальной, материально-исторической типологии и диахронии, основываясь на знании этой внеязыковой типологии и диахронии, которые так или иначе причастны к формированию терминологии, обратиться к лингвистическому анализу слов — терминов текстильного производства. Собственно лингвистический анализ в том смысле, в каком понимает его современное исследование, т. е. анализ, включающий изучение основных современных и исторических особенностей словарной, терминологической группы, ее относительную хронологию, терминологическую стратиграфию и реконструкцию древнего группового состояния и пытающийся, далее, дать ответы на все вопросы более общего языкового значения — о словообразовании, этимологических связях, древней и новой лексической географии и изоглоссах, — этот анализ займет вторую (и основную) часть раздела, посвященного текстильному производству. В качестве первой и, естественно, меньшей части раздела лингвистическому анализу текстильных терминов предпослана в интересах дела специальная преамбула по истории реалий, — принцип, который более или менее последовательно соблюдается и в остальных разделах нашей работы — о плотничьей, гончарской и кузнечной терминологии.

Ссылки на влияние прядения и ткачества на развитие духовной культуры, религии, этики, социальных учреждений давно принадлежат к числу общих мест исследований истории культуры[1]. «Ремесла, и особенно прядение и ткачество, явились источником многих переносных и образных выражений во многих языках. Орудия, которые они применяют, по причине своей формы, функций и движений, сделали заметный и важный вклад в общий словарь»[2]. В качестве примера, который бы доказывал мощность влияния, казалось бы, довольно специальной по своему употреблению текстильной терминологии на самое формирование важнейших слов и понятий, можно предложить исключить из нашего философского, научного языка слово *основа*, а, скажем, из соответствующей сферы польского языка — слово *wątek* 'сюжет' (< 'уток'). Даже временное обхождение без этих терминов в порядке эксперимента настолько неудобно и неэкономно, что оно дает представление о том, какими катастрофическими перемещениями и изменениями в системе слов и понятий чревато

[1] Ср.: *E. H. O. Johannsen.* Die Geschichte der Textilindustrie. Leipzig—Stuttgart—Zürich, 1932. S. 245.

[2] *Ch. H. Livingston.* Skein-winding reels. Studies in word history and etymology. Ann Arbor [б. г.] = University of Michigan Publications. V. XXIX. P. 109.

было бы исключение этих слов на длительный период времени в масштабах всего языка.

Способность к участию в формировании подобных «базисных» терминов и понятий закладывалась у текстильной терминологии, а также у совокупности образов и представлений, связанных с прядением и ткачеством, еще в глубокой древности, примеры чего тоже хорошо известны. Это древнегреческие мойры Клото, Атропос, Лахесис, женщины-пряхи в роли богинь судьбы, и древнегерманские норны — прядильщицы судьбы. Дж. Томсон, занимающийся этим вопросом, в одном из своих социологических исследований обращает внимание в равной степени и на женский пол мойр и норн, и на их связь с прядением, говоря: «Spinning was the women's task» [3]. Действительно, трудно назвать какой-либо другой вид ремесленного производства, который бы столь неизменно выполнялся женщиной. Даже в рамках одного текстильного производства мы наблюдаем переход производства из рук женщины в руки мужчины, например ткачество (говоря так, мы всегда имеем в виду народное текстильное производство, народное ткачество, тогда как рассмотрение перехода от народного промысла к промышленному производству не входит в наши задачи). В том же народном текстильном производстве прядение дольше и прочнее всего сохраняло до последнего времени женский характер. К числу исключений можно отнести свидетельство средневекового немецкого хрониста Дусбурга о древних прусах: ... mulieres et viri solebant nere, aliqui linea, alii lanea, prout credebant diis suis complacere [4] «... прясть имели обыкновение женщины и мужчины, одни — лен, другие — шерсть, смотря по тому, как они надеялись умилостивить своих богов». В остальном преобладающие и повсеместные указания говорят о том, что прядение — исключительно женское занятие. В гомеровских поэмах, бедных сведениями о ремесленных производствах, нередко женщина, хозяйка дома, изображается прядущей на веретене [5]. Имя жены Одиссея — *Πηνε-λόπεια* — давно и правильно проэтимологизировано как 'ткущая одежды'. Так вырисовывается еще одна важная особенность древнего, а также вообще традиционного, народного текстильного производства — его стойкий домашний характер, содействовавший тому, что, например, ткачество стало поздно ремеслом в подлинном смысле. При древности упоминаний женщины, прядущей или ткущей дома, столь же древние сведения о ремесленниках-ткачах отсутствуют у Гомера, их, бесспорно, не знала также ни экономика древнего Рима, ни славянская и германская древность. Всюду, где мы располагаем данными о древнем

[3] *G. Thomson.* Aeschylus and Athens. A study in the social origins of drama. London, 1950. P. 46, 52, 54.

[4] Цит. по: *A. Fischer.* Etnografia dawnych Prusów. Gdynia, 1937. S. 14.

[5] A companion to Homer / Ed. by A. J. B. Wace and F. H. Stubbings. London—New York. 1962. P. 431.

прядении и ткачестве, они предстают перед нами как домашнее женское производство [6].

Для нашего дальнейшего исследования необходимо составить элементарное представление о внутренней культурно-исторической проблематике эволюции текстильного производства. Мы встретим здесь немало поучительных моментов, размышления над типологической сущностью которых могут оказаться полезными при анализе лингвистического материала. Даже современное прядение в его народной домашней форме мы называем примитивным и архаическим. Однако мы судим при этом, так сказать, ретроспективно, исходя из представлений о современной же промышленной текстильной технике, сравнения с которой, понятно, оказываются для народной техники невыгодными. Но если взглянуть на современное народное текстильное производство как на таковое шире, то станет ясно по меньшей мере то, что оно не существовало извечно в раз и навсегда данной форме, а сложилось в результате огромного предшествующего труда и выдающихся достижений. Оказывается, что, например, прядильная техника в современном народном быту (не говоря о более сложной проблеме эволюции ткачества, о которой — ниже) изобилует важными усовершенствованиями труда. К ним относится почти весь технический инвентарь народного прядения: веретено в его классической форме, с утяжеляющим пряслицем или специальным утолщением вместо пряслица, прялка и ее части, — потому что прясть можно даже и без настоящего веретена, и тем более без специальной прялки, которой не знала вначале древнеримская женщина, хотя по своему времени текстильная техника древнего Рима была достаточно развита. Ниже мы подробнее коснемся вопросов эволюции разных орудий, а сейчас нужно выделить главное, о чем говорит проведенное более глубокое сравнение. «Само собой разумеется, для всех орудий нужно предполагать предшествующее существование эпохи без орудий» [7]. Эта посылка приводит к выводу, важному с точки зрения общей культурной, этнологической типологии. Естественно, что там, где наблюдается обилие орудий труда и производственных приспособлений, архаическое состояние выражается в бедности или полном отсутствии даже простейших орудий, которые еще предстоит изобрести. С этого последнего состояния начинала в общем каждая отрасль производственной деятельности человека.

---

[6] *O. Schrader.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Bd. 1. Aufl. 2. hrsg. von A. Nehring. Berlin und Leipzig, 1917—1923. S. 392—393 (Gewerbe); *W. Klump.* Die altenglischen Handwerkernamen sachlich and sprachlich erläutert. Heidelberg, 1908 (= Anglistische Forschungen. hrsg. von J. Hoops. H. 24), S. 32—33; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 185 и след.

[7] *R. Jirlow.* Zur Terminologie der Flachsbereitung in den gormanischen Sprachen // Göteborgs kungl. Vetcnskaps- och Vitternetssamhälles handlingar. fjärde följden. Bd. 30. № 5. Göteborg, 1926. S. 17.

Дальнейшая их эволюция протекала иногда очень различно, поэтому не лишены интереса, как нам кажется, наблюдения в плане сравнительной типологии над результатами культурно-исторической эволюции отдельных народных ремесел. Так, если текстильное производство и в народном быту неизменно эволюционирует к технической сложности и оснащенности, а кузнечное ремесло относительно стабильно в своем пользовании примерно одним и тем же ассортиментом орудий, то, как увидим, гончарство удовлетворялось почти всегда минимальным инвентарем.

Мы далеки от мысли смешивать внеязыковой план с языковым, напротив, далее мы стремимся показать автономность языкового плана по отношению к реальному и те формы, в которые, по нашим наблюдениям, эта автономность облекается на материале терминологии текстильного и других традиционных производств. Но автономность не есть полное отсутствие связи, наоборот, при этом всегда наличествует связь, нередко весьма своеобразная и опосредствованная. Поэтому в исследовании лингвистическом по преимуществу данные о реалиях, о предметах и орудиях труда занимают законное место, поэтому также выводы о сравнительной типологии орудий не безразличны и для лингвистического анализа названий этих орудий и их типологий. Важной спецификой языкового плана, терминологии (правда, мы обратимся всецело к ее лингвистическому изучению несколько ниже) является преимущественное отражение последнею не современного ей состояния реалий, а предшествующего (одного из предшествующих состояний). Мы говорим «преимущественное», так как не хотели бы абсолютизировать этого положения, понимая возможность (в общем весьма условную) моментального словообразовательного акта, одновременного с соответствующей инновацией реального плана — введением какого-либо орудия или приспособления. Однако эти условно принимаемые исключения ничего не меняют в сущности терминологии, особенно в народной, традиционной терминологии. Эту сущность мы определим как архаизирующую, и понять ее помогают особенно красноречивые в этом отношении «пустые места» в терминологии. Не вдаваясь пока здесь в конкретные примеры, укажем на такое свойство терминологии, как способность обходиться какое-то время традиционным, прежним инвентарем названий даже тогда, когда уже есть налицо дополнительные, новые реалии, еще не имеющие своих специальных названий. Эта как бы постоянная недостаточность терминологии, отстающей от реально-технического прогресса, представляет собой архаизирующую сущность любой традиционной терминологии. Язык имеет тенденцию прийти в соответствие с материальным прогрессом, но, во-первых, это соответствие осуществляется с неизбежным опозданием, а во-вторых, сам способ достижения этого соответствия обычно выдает себя. В ходе осуществления названной тенденции «пустое место» в терминологии, действительно,

заполняется. В итоге возникает ситуация, которая на первых порах может ввести в заблуждение. Прялка, например, стала в итоге известна населению древнего Рима, у нас есть также твердые основания полагать, что прялкой пользовались славяне еще в древности. Далее, лат *colus* 'прялка' и слав. **prędlica*, **pręslica*, **pręsnica* 'прялка' обнаруживают черты местных относительно поздних новообразований. Значит, с одной стороны, мы имеем относительно древнюю реалию — прялку, а с другой стороны — несомненно инновационные по природе, местные названия этой реалии. Можно, конечно, ограничиться констатацией того и другого. Однако мы не можем выдавать подобный результат за возможный вообще предел познания. Как кажется, можно пойти дальше и сделать — главным образом на лингвистическом материале — самостоятельный вывод, полезный и для понимания эволюции реалий. Так, представляется очевидным, что язык прибег к новообразованию, стремясь ликвидировать неравновесие, диспропорцию в терминологии, особенно в том, что касается ее соответствия реалиям. Ликвидированная таким образом диспропорция заключалась в наличии «пустого места», уже упоминавшегося ранее. Наша методика реконструкции в отношении многих новообразований предполагает восстановление именно таких первоначальных «пустых мест». Понятие «пустого места» в терминологии приобретает для нас большое значение. Следует иметь в виду, что функция «пустого места» в терминологии не равноценна в разные периоды времени, чем объясняется то, что заполнение его следует не сразу, а лишь тогда, когда в этом ощущается потребность. Важно отметить, что «пустое место» в терминологии в конечном счете символизирует древнее отсутствие также соответствующей реалии. Таков реальный план случая *colus* — *prędlica* (см. выше). Свидетельства терминологии в этом смысле трудно переоценить. Стремление к их выявлению должно быть одной из важных задач лингвистического анализа и реконструкции древней терминологии. Архаизирующая сущность исследуемой ниже терминологии — ценнейшее свойство, на котором базируются наши попытки проникнуть дальше в глубь этого существенного раздела лексики.

Но вернемся к основной сейчас для нас культурно-исторической проблематике текстильного производства, начав с прядения. Смысл прядения состоит в крутке нити, образуемой из соединения отдельных волокон пряжи. Простейшим и бесспорно первоначальным способом было вытягивание и сучение, ссучивание нити вручную, без посторонних приспособлений. Но ускоряющее приспособление не замедлило появиться; им оказалось «ручное веретено» (Handspindel), собственно говоря, — простая прямая палка, которую катали правой рукой на бедре, наматывая тем самым на нее образующуюся нить. Этот вид техники с выразительными чертами переходности хорошо известен до сих пор из быта отсталых народностей и из исторических свиде-

тельств многих культурных народов Европы. «Можно ... обозначить как переход от ссучивания (Drillen) к прядению тот случай, когда, например, индейцы-екуана́ в Венесуэле катают на бедре очень длинное веретено, которое верхней своей частью лежит на бедре, а нижней — на полу»[8]. О традиционном народном прядении в Эстонии сообщаются аналогичные сведения: «Стержень веретена вращали правой рукой на правом бедре, а затем отпускали, чтобы оно свободно висело и вращалось»[9]. Знаменательно в этом отношении звучит одно место в древнерусской Ипатьевской летописи под 6485 г., где в похвалу доброй жене говорится, что она ... *руцѣ свои простирать на полезнаꙗ. локти же свои оутвържае*ᵗ *на веретено*[10]. — Совершенно ясно, что и здесь описывается, вероятно, обычный в древнем, примитивном прядении способ крутки нити на несвободном, ручном веретене. И лишь после этого функциональная эволюция классического веретена завершается введением более быстрого прядения на висячем веретене, которое держится на натянутой нити[11]. В этой функции веретено служило главным орудием прядения до того момента, когда ручную прялку стала вытеснять новая, колесная прялка. Но этот последний момент наступил уже совсем недавно, в Европе — в конце средневековья, т. е. исторически незадолго до машинной революции в текстильной промышленной технике (XVIII в.), и практически он остается вне рамок нашего исследования в основном древнего текстильного производства и его терминологии. «Изобретение веретена представляло собой, с точки зрения развития принципов механической технологии, огромное достижение первобытно-общинного строя. Наряду со сверлильными инструментами, колесом, воротом и ручным жерновом оно явилось одним из важнейших объектов применения вошедшего в арсенал техники поздней родовой коммуны ротационного принципа»[12].

Значит, принципиальная эволюция прядения протекала по линии: сучение → «ручное веретено» → «висячее веретено». С развитием веретенного способа прядение приобщилось к технике вращения, важной также в развитии других видов производственной деятельности, ремесел. Собственно говоря, даже в своей наиболее законченной форме традиционное веретено представляет собой приспособление с низшей техникой вращения, под которой подразумевается вращение с подвижной, нефиксированной осью, тогда как высшая техника вращения предполагает неподвижную, фиксированную

---

[8] *W. La Baume.* Die Entwicklung des Textilliaiidwerks in Alteuropa. Bonn, 1955. S. 32—33.

[9] *T. Leinbock.* Die materielle Kultur der Esten. Tartu, 1932. S. 50.

[10] ПСРЛ. Т. II. Вып. 1. Изд. 3. Пг., 1923. Стб. 69.

[11] *Е. А. Цейтлин.* Очерки истории текстильной техники. М.—Л., 1940. С. 16; *W. La Baume.* Op. cit. P. 32—33.

[12] *Е. А. Цейтлин.* Указ. соч. С. 17.

ось вращения, ср., например, принцип колеса или (позднего) гончарного круга [13]. Таким образом, в плане внешней сравнительной типологии прядильное веретено народного ремесла более архаично, чем гончарный круг, который проделал эволюцию от вращения на незакрепленной подставке к вращению на круге со стабильной осью вращения (см. специально раздел III настоящей работы). Но особенно крупные, коренные изменения испытало прядильное веретено в плане внутренней, структурной типологии, проделав путь от простой палки к специальному хорошо центрированному орудию вращения, форма которого идеально способствует быстрому и длительному круговому движению: сильно заостренное с верхнего конца веретено постепенно утолщается книзу до значительной толщины в нижней трети, после чего снова делается тоньше (это облегчает веретено) и заканчивается в самом низу пряслицем, т. е. кольцом, шайбой из материала, более тяжелого, чем дерево, — из глины, камня, что, подобно маховому колесу, сообщает веретену нужную тяжесть и инерцию вращения; иногда роль пряслица выполняет утолщение на нижнем конце веретена.

Выше мы уже упоминали о том, что прядение на определенной ступени своего развития обогатилось веретеном и прялкой, став прядением в подлинном смысле слова. Далее, отвлекшись от реального плана на короткий момент, мы говорили о ценных для нас лингвистических свидетельствах древних «пустых мест» в терминологии, а также коснулись отсутствия в древности прялки как особой реалии. Теперь мы обращаемся к этому последнему вопросу специально, согласно намеченному выше плану культурно-исторической проблематики текстильного производства. Рассмотрев вкратце проблему веретена, мы видим решающую роль его при прядении. «В то время как веретено представляет собой приспособление, безусловно необходимое для процесса прядения, прялка является вспомогательным орудием, которое хотя и облегчает работу существенно благодаря распределению пряди, однако отнюдь не абсолютно необходимо для прядения» [14]. Прялка была неизвестна в древней Азии и в Америке до Колумба, по преобладающему мнению, ее не знали также в Египте, древней Греции и Риме [15]. В этих цивилизованных средиземноморских странах пряли, вытягивая пряжу из клубка, положенного в горшок. Надо думать, что типологически сходные явления могли встречаться всюду, при полном отсутствии генетической взаимосвязи между ними, иначе говоря, полигенез ручной, примитивной прялки может считаться в порядке вещей. Эволюция прядения с точки зрения применения

[13] *H. Th. Horwitz.* Die Drehbewegung in ihrer Bedeutung für die Entwicklung der materielien Kultur // Authropos. Bd. XXVIII. Wien, 1933. S. 726.

[14] *E.—O. Thiele.* Der Wocken, від aordisch-germanisches Spinngerät // Tracht und Schmuck im nordischen Raum. Hrsg. von A. Funkenberg. Bd. 2. Leipzig, 1938. S. 94.

[15] *Е. А. Цейтлин.* Указ. соч. С. 45, 46.

прялки напоминает случай с веретеном: сначала прядение без прялки, затем появляются различные виды ручной прялки (о чем — несколько ниже). Правда, между эволюцией веретенного способа и эволюцией прядения на прялке есть еще и серьезное различие в хронологии, проверяемое разными методами. О позднем возникновении реалии прялки и отражении этого в поздней номенклатуре прялки мы уже говорили. Было бы напрасным делом искать здесь древности, выходящие, например, за пределы славянской терминологии. Напротив, более широкие древние терминологические соответствия знаменательным образом обнаруживаются в связи со следами допрялочного прядения, при котором основной реалией, помимо веретена, был прежде всего клубок самой пряжи. Ср. ниже о праслав. **klǫbъ* и его соответствиях. Точно так же древность реалии веретена и его частей (прежде всего пряслица) подтверждается терминологией, свидетельства которой об этом мы разбираем далее, говоря о праслав. **verteno* и его соответствиях.

Возвращаясь к генезису самой прялки, можно упомянуть, что из факта относительно более или менее компактного ее географического распространения (исключая районы мира, названные выше), делались определенные выводы о самом источнике ее распространения. Так, немецкий автор Тиле в своей цитированной выше довоенной статье «Ручная прялка, скандинавско-германское орудие» (1938 г.) приходит к несколько одностороннему выводу о северном, германском происхождении в конечном счете всех видов прялки. Учитывая то, что прялка имела элементарно простую первооснову — палку для насаживания клубка пряжи, в чем сходятся все исследователи, а также принимая во внимание сомнительность тезиса об отсутствии прялки в странах, не подвергавшихся германскому влиянию (Тиле)[16], мы считаем более вероятным полигенез примитивной ручной прялки. Целесообразно пока вообще воздержаться от обобщающих однозначных выводов на основании всего ареала распространения ручной прялки. Более реальными могут оказаться наблюдения над ареалами отдельных видов прялки в силу гораздо большей выразительности ареалов последних, хотя и ясно, что в этом случае мы вправе судить о более частных и местных культурных перемещениях и влияниях, а не о начальном генезисе прялки вообще. Правда, это гарантирует в свою очередь бóльшую осязаемость результатов наблюдения. Мошинский, много занимавшийся

[16] Ср., например: *F. Krüger.* Die nordwestindische Volkskultur // WuS. Bd. X. 1927. S. 129: «С одной необычайно примитивной формой (прялки — *О. Т.*) я встретился в деревеньке Вилар близ Энтримо, отмеченной печатью чрезвычайной первобытности. Прялка, которой пользуются для прядения шерсти, состоит здесь из простой палки, на верхнем конце три подрезанных сучка, хотя и довольно правильной формы... Этой простой формой прялка из Вилара соприкасается с прообразами этого орудия, которые иногда встречались в других первобытных странах».

26 — 9718

изучением прялок и их географии [17], различает пять важнейших видов прялки на славянских и прочих европейских территориях: 1) иглообразная, 2) конусообразная, 3) округлая, 4) вилообразная, 5) лопатообразная. При этом лопатообразная прялка охватывает часть юга Европы, значительную часть севера и северо-востока. Округлая форма прялки распространена в Средиземноморье, дальше — вдоль Атлантического океана вплоть до Скандинавии, где этот вид встречается с лопатообразным. Конусообразная и иглообразная прялки заполняют промежутки между двумя ареалами лопатообразной прялки. Можно к этому добавить наблюдение о связи вилообразной прялки со Средиземноморьем, ср. описание примитивной прялки-развилка с Пиренейского полуострова у нас в сноске 16, а также ряд фактов из самой терминологии (ниже). Особенное внимание уделил Мошинский конусообразной прялке, отмечая обширность ее ареала. Первоначально он высказывал мнение, что конусообразная или близкая к ней иглообразная прялка с округлым утолщением верхушки была характерна для древних славян, тогда как господство лопатообразной или вилообразной прялки у них представлялось ему сомнительным [18]. Незадолго до своей смерти Мошинский снова возвращался к этому вопросу, решая его следующим образом: «...на основании распространения названий мы можем с полной уверенностью констатировать, что подавляющая часть славян должна была уже очень давно пользоваться конусообразными прялками. Но, с другой стороны, общий ареал лопатообразных прялок в Европе, а также их примитивность, особенно же более низкий типологический уровень сравнительно с конусообразными прялками, согласно указывают на их большую архаичность на нашем континенте. И вообще невероятно, чтобы в Полесье и Белоруссии, Великороссии, где они теперь фигурируют, они сменили конусообразные прялки. Отсюда простой вывод: часть славян должна была с древних времен применять конусообразные прялки, а другая часть — лопатообразные. Можно ли эту дифференциацию отнести уже к праславянским временам? Кажется, да; но это решат последующие разыскания» [19]. Лингвисту, возможно, лестно читать эту цитату, особенно ее первые строки, где автор — крупнейший этнолог — возлагает главные надежды при решении важных вопросов древней культуры и этнологии славян на лингвистический материал; впрочем, подобного рода заявления — не редкость на страницах работ по древней культуре вообще, и они в общем отражают действительное положение вещей. Возрастающее по мере обращения к более глубокой, дописьменной древности значение лин-

[17] *K. Moszyński.* Kultura ludowa Słowian. Część. 1. Kultura materialna. Kraków, 1929. S. 303 ff.

[18] *K. Moszyński.* Kultura lodowa Słowian. Część. I. S. 303 ff.

[19] *K. Moszyński.* O sposobach badaaia kultury materialnej Prasłowian. Wrocław—Kraków—Warszawa, 1962. S. 233.

гвистической аргументации должно повышать одновременно и ответственность в ее использовании как лингвистами, так и нелингвистами. Однако в вопросах интерпретации истории материальной культуры необходимо максимальное использование собственных, внутренних данных материальной культуры, оценка их типологических особенностей.

Нам, например, не совсем понятно, почему лопатообразные прялки (кстати, чрезвычайно вычурно разработанные) типологически ниже, чем конусообразные и иглообразные. Казалось бы, наоборот, именно иглообразные прялки с утолщением наверху и — как их ближайшая эволюция — конусообразные типологически наиболее низки и примитивны. Ведь их близость к простой палке очевидна, чего нельзя сказать уже о лопате, вообще о лопасти, так как эта в известном смысле удобная форма могла появиться лишь в результате длительной эволюции. Ясно, что ручная прялка восходит к палке; говоря иначе, выделению прялки в роли особого инструмента должен был предшествовать довольно долгий период случайного, окказионального употребления в этой роли простой палки, на которую оказалось удобным насаживать или привязывать кудель при прядении. Ясно, что уловить вероятное время, когда прялка была осознана и тем более названа как особый инструмент, сейчас не представляется возможным, когда речь идет о древности вообще или хотя бы об античной Греции и Риме в частности. Верно, что прядение там долго обходилось без прялки, но столь же правдоподобно, что уже тогда там стали практиковать насаживание на палку пучка пряжи. Кстати, Мошинский указывал на существование у греков такой простейшей иглообразной прялки в своей ранней книге (1929 г.). Таким образом, в античном Средиземноморье мы наблюдаем явно переходное состояние к еще недостаточно зафиксированному в терминологии применению простейшей прялки. Это объясняет и определенную двусмысленность обычных сведений об античном прядильном инвентаре, о наличии или отсутствии в нем прялки. Поэтому мы придерживаемся первоначальной теории Мошинского, оставленной им позднее, о большей древности у славян иглообразной и конусообразной прялки. Уже упоминавшийся Тиле пишет: «Может ли быть использована простая палка без расширения в качестве прялки? Один взгляд на изображение прядильщицы на листе работы Венцеля Голлара из середины XVII в. дает утвердительный ответ на этот вопрос… Прядильщица сидит в большом помещении и держит между колен простую длинную палку, на верхнем конце которой привязана кудель. Здесь тоже видно, что простейшие формы орудий часто сохраняются в течение долгого времени также тогда, когда уже известны существенные усовершенствования»[20].

[20] *E.-O. Thiele.* Op. cit. S. 98—99.

Главный для нас вывод, который мы основываем и на общетипологической оценке, и на только что упомянутой возможности регрессивного возвращения к более первоначальным, примитивным формам даже на хронологически позднем этапе, это то, что наиболее исконная форма ручной прялки — ветка, сук, палка.

Прялкой пользовались, держа ее в левой руке (правая была занята веретеном) или заткнув нижним концом за пояс. Затем появились и другие способы закреплять прялку, одновременно освобождая тем самым руки для прядения: прялку стали втыкать в сидение скамейки, и это стало восприниматься все вместе как одно целое. Однако нововведение сидячей прялки оказалось ограниченным определенным ареалом, за пределами которого этот вид остался неизвестен: территории славян, финнов и смежных народов. Появление в Восточной Европе особой сидячей прялки было, несомненно, значительным фактом, о чем можно судить по важности его отражений в отдельных местных языках. Особенно яркий характер носит случай лексико-семантического перехода '(сидячая) прялка' > 'сидение, стул'. Так, если на материале разных языков более известна лексико-семантическая связь 'стол' — 'стул', обычно упоминаемая в пособиях по индоевропейским древностям, то в литовском языке употребляется в роли основного названия стула историческое название прялки или веретена. Ср. лит. *kėdẽ* 'стул' при лтш. *ķedra*, *ķedriņa*, *ķeda* 'веретено' — все из эст. *keder*, *kedra*, род. *kedra* 'колесо, прялка', *kedervars* 'веретено'. Эстонское слово — исконного финно-угорского происхождения, ср. родственное фин. *kehrä*, морд. (эрзя), *śtef́e* 'веретено', мар. *šəδər* то же[21]. Интересно, что именно в Восточной Европе пример такого рода — не редкость. О некоторых славянских названиях стула, сидения можно сказать, что они являются порождением семантического поля 'сидячая прялка' — 'сидение при ткацком станке'. Это особенно относится к названиям, так сказать, без сохранившихся признаков семантической эволюции вроде праслав. **kreslo*, русск. *кресло* и др., которые на основании обобщенных здесь данных обретают утраченное звено развития значения и отправную семантическую базу. По нашему мнению, слово **kreslo* не всегда значило 'сидение вообще', о чем говорит его возможное этимологическое родство с праслав. **krosno* 'ткацкий станок, часть ткацкого станка'. Ниже мы еще вернемся к этому термину, который здесь затронут постольку, поскольку он представляет интерес как пример для иллюстрации более общей проблемы, обсуждаемой нами. Праслав. **kreslo* и **krosno* оба являются относительными инновациями, полных соответствий или параллелей которым мы за пределами славянского пока не знаем; об этом же говорят и вполне вероятно выделяемые в обоих близкие форманты *-sl-*, *-sn-*, праславянская продуктивность которых, кстати,

[21] *Y. H. Toivonen.* Suomen kielon etymologinen sanakirja I. Helsinki, 1955. S. 176—177.

видна и в таких называвшихся выше близких по времени новообразованиях, как *pręslica, *pręsnica, собственно, *pręd-sl-, *pręd-sn- 'прялка'. Таким образом, мы понимаем словообразовательную структуру *kreslo, *krosno, как *kre-slo, *kro-sno. На след первоначального значения этих слов наводит их родство с более далеким и самостоятельным в словообразовательном отношении праслав. диал. *kromy мн.—русск. диал. кро́мы 'ткацкий станок' (см. ниже). Это последнее хронологически старше первых двух и обнаруживает черты дославянского происхождения своим словообразованием (*kro-m-) и несомненным наличием древних лексических соответствий вне славянского, ср. др.-в.-нем. (h)raman, соврем. нем. Rahmen ('рама, в том числе прядильно-ткацкое приспособление для снования и т. п.)'. Вместе с тем именно это дальнее родство дает, как нам кажется, ключ к новой этимологизации и семантической реконструкции всего словообразовательного ряда — от старых до новых производных: *kre-sl-o, *kro-sn-o, *kro-m-y обозначали четырехугольную раму ткацкого станка (*krosno, *kromy) или ту часть этой рамы, которая служила сидением (*kreslo). Значение 'сидение' у этого производного, повторяем, могло появиться вначале факультативно, более существенным и броским было отношение к раме станка, одну из поперечных граней которой обозначало до этого *kreslo. Об этом свидетельствует и этимология основы *kre-slo, обозначавшей 'грань, выступ, острое' (с конкретными вариациями), ср. польск. krokiew 'стропило' (*kro-k-y, ж.), праслав. *krojiti 'резать', отсюда отглагольное *krajь, русск. край. В отношении вокализма основы к праслав. *kreslo, *krosno примыкает лит. kraštas 'край' (*kro-st-o-s).

Можно допустить, что по крайней мере часть названий сидения при ткацком станке, разбираемых нами ниже — праслав. *šedadlo, *sědьсь, *sědišče, *stolica, оформились именно в недрах текстильной терминологии, однако решающего подтверждения этому возможному объяснению этимология последних слов не приносит. Напротив, этимология *kreslo с выразительной связью этого слова и номенклатуры ткацкой рамы, а также единственно правдоподобная семантическая интерпретация сочетания морфем *kre-slo как первоначального обозначения (поперечной) планки этой рамы сообщают данному случаю выигрышный характер. Аналогичную семантическую реконструкцию 'подпорка или распорка ткацкой рамы' позволяет, возможно, лексема *obslonъ (: *sloniti), откуда укр. ослі́н (род. ослóну) 'сидение ткацкого станка' (см. также ниже), ввиду своеобразия избранной здесь исходной основы: именно *sloniti, а не *sěděti или *stolъ. Блр. услóн 'скамья' представляет как бы дальнейшую семантическую эмансипацию, аналогичную предполагаемому нами выше семантическому развитию слова кресло. Возвращаясь к главной идее этого нашего лингвистического экскурса, мы можем, наверное, отметить характерность наличия семантического поля 'сидячая прялка' — 'сидение при ткацком станке' > 'сидение, стул' именно с такой порождаю-

щей способностью для части территории Восточной Европы (район примерного распространения сидячей прялки). Уже на немецкой языковой территории мы наблюдаем обратную картину, ср. относительно позднее использование слова *Stuhl* 'стул, сидение' в названии ткацкого станка — *Webstuhl* или слова *Schemel* 'скамейка' — в более редком *Schemelkunkel* 'сидячая прялка'. Здесь уже нет признаков существования описанного семантического поля.

Продолжая знакомство с культурно-исторической проблематикой текстильного производства, мы переходим от эволюции прядения к проблеме эволюции ткачества. Некоторые специалисты-технологи говорят при этом об эмансипации ткацкой техники от прядения, завершившейся созданием ткацкого станка [22]. Основной принцип ткачества заключается в последовательном переплетении утком нитей основы, причем уток пропускается через специально (механически) образуемый между нитями основы зев. Несмотря на важные различия в самом характере переплетения и на новшество зевообразования, ткачество внешне очень напоминает простейшее плетение. Учитывая это принципиальное сходство, а также значительно бóльшую древность плетения, ученые обычно считают, что ткачество произошло из плетения [23]. Плетение — это простейшая и вместе с тем древнейшая производственная операция, которой надлежит занять почетное место в нашем исследовании, посвященном терминологии древнейших видов ремесленного производства у славян. Не будучи выделено в особый раздел, плетельное искусство и его лексика присутствует как осязаемый субстрат в терминологии и технологии таких ремесел у славян, как текстильное, плотничье и гончарное. По этой проблеме существует огромный материал, который не только не может быть исчерпан весь в одном этом разделе, но и по существу более тесно связан с другими разделами. Элементы техники плетения и связанная с этим лексика пронизывают текстильное, плотничье и гончарное производство и связанную с ними терминологию в славянских языках, представляя одновременно и благодатный материал для исследования, и мотивацию плана самого нашего исследования, а также его рамок. Последовательное рассмотрение этого вопроса представляется для нас делом первостепенной важности, и мы надеемся, что анализ лингвистического материала — как уже известного, так и нового — внесет ясность в изучение довольно обширного круга слов. Перенесение этого вопроса из ограниченных рамок отдельных этимологий и небольших разрядов лексики в масштабы всей имеющей сюда отношение древней ремесленной терминологии обещает, как нам кажется, и другие выгоды. Во всяком случае удобство перспективы, с которой одновременно обозревается большая совокупность материала, говорит само за себя, как, например,

[22] *Е. А. Цейтлин.* Указ. соч. С. 22.

[23] Illustrierte Völkerkunde. Hrsg. von G. Buschan. Bd. I. Aufl. 2. Stuttgart, 1922. S. 22—23.

переход от топографической работы на местности к аэрофотосъемке в больших масштабах. В связи с этим общая схема реально-семантических субстратов славянской ремесленной терминологии будет выглядеть следующим образом:

плетение

текстильная	терминология
плотничья	»
гончарская	»
кузнечная	»

связь с огнем

Как уже было сказано, ткачество более всего напоминает плетение. Если продолжать далее это сравнение реального плана, то связь, например, плотничества и плетения уже не так очевидна, а для того чтобы знать о связи гончарства с плетением, нам, как увидим ниже, нужно прибегать к изучению ископаемых остатков и современных культурных реликтов, т. е. необходимо специальное научное исследование. Таков результат сравнения реального плана. Постановка аналогичного вопроса в плане лингвистическом по всем разделам — задача всей нашей работы в целом, и решать ее здесь преждевременно, но нам трудно отказаться от соблазна обобщить уже сейчас, хотя бы в самой предварительной форме, имеющиеся данные, тем более что связь этих наблюдений с настоящим ходом изложения бесспорна. Дело в том, что картина отражения следов плетения в терминологии разных ремесел весьма поучительна своей самостоятельностью и полной противоположностью тому, что отмечено выше для реального плана. Мы видим в этом блестящее проявление уже упоминавшейся автономности реального и языкового планов. Напомним, что ткачество — родное детище плетения, тогда как плотничество и особенно гончарство — далеко эволюционировавшие отрасли производства. В диахронической терминологии как раз наоборот: следы связи с плетением наиболее ярко и полно реконструируются для лексики гончарства, менее четко — для плотничества и минимально — для терминологии ткацкого производства. Именно лексика гончарства, разнообразные древние названия глиняной посуды, как об этом в подробности говорится у нас в разделе III, содержит ряд образований от важных индоевропейских терминов 'плести, вязать'. Гончарская терминология содержит данные, позволяющие проникнуть еще далее

вглубь, к истокам самих терминов 'плести' и 'вязать' (подробно — ниже). Плотничеству известны и реально-семантические образы, и лексика типа 'плести, вязать', ср. хотя бы роль именного производного **plotъ* и образований от него в плотничьей лексике. В остальном же плотническая терминология занимает явно промежуточное положение. Собственно ткаческой терминологии неизвестны отражения даже слова **pietǫ*, **plesti* 'плести', несмотря на кажущуюся парадоксальность этого факта. Тем не менее все это вполне естественно. Мы наблюдаем здесь сохранность древностей в периферийных областях и постепенно «размывание» их в центре эволюции.

«...Происхождение плетения и ткачества следует, по-видимому, искать в процессах связывания и сшивания, восходящих ко времени палеолита» [24]. Известны различные — более простые и более сложные — способы плетения, из них самым примитивным и, видимо, древним считают плетение сети из ячеек, образуемых одной нитью [25]. Как обычно, в области теории генезиса техники ткачества борются две противоположные точки зрения, одна из них (Лушан) отстаивает моногенетическое происхождение техники ткачества, зародившейся якобы на древнем Востоке, в Египте или Вавилоне, и разошедшейся затем повсюду [26]. Другая точка зрения допускает полигенез ткачества. И снова, как в уже разбиравшихся аналогичных случаях на культурной истории, плодотворность споров повышается по мере ограничения предмета спора, например, каким-либо одним видом ткацкою станка (см. ниже). В любом случае остается нерешенным вопрос, явилось ли ткачество собственным изобретением каждой отдельной культуры на базе развития плетения с нетекстильным сырьем или распространилось из одного определенного культурного центра, принося с собой всюду также орудия ткачества, не связанные с орудиями туземного плетельного искусства [27].

Мы переходим к рассмотрению собственной проблематики ткацкого станка и его видов. В силу целого ряда специфических обстоятельств и трудностей основные вопросы этой проблематики сравнительной этнологии до сих пор не решены. Помощь археологии здесь невелика, так как ни один деревянный ткацкий станок древности не мог сохраниться, поэтому наши представления о древних ткацких станках основываются на более или менее удачных конструкциях отдельных ученых. В изобилии находимые при раскопках глиняные или каменные грузила с отверстиями допускают однознач-

---

[24] *Дж. Г. Д. Кларк.* Доисторическая Европа. М., 1952. С. 227.

[25] Там же.

[26] Illustrierte Völkerkunde. Bd. I. S. 22—23.

[27] *H.-F. Rosenfeld.* Wort- und Sachstudien. Untersuchungen zur Terminologie dea Aufzugs, zu Webstuhl und Schermethode der germanischen Bronze- und Eisenzeit und zur Frauentracht der Bronzezeit sowie der Frage ihres Fortlebens in der Volkstracht. Berlin, 1958. S. 62.

ную интерпретацию их как принадлежности вертикального станка, оттягивающей нити основы, хотя некоторые сомневаются в этом. Более или менее согласно все называют изображением древнейшего в Европе вертикального ткацкого станка рисунок на урне гальштатской эпохи из Шопрона в Западной Венгрии, более известного в европейской научной литературе под немецким названием *Ödenburg*. Кроме этого, ученые используют этнографические данные о сохранении вертикальных станков архаического типа на Фарерских островах в Атлантическом океане и в отдельных более отсталых горных районах Европы — в Родонах (Болгария), местами в Югославии. К числу свидетельств о древней ткацкой технике относится, например, поэтическое описание (вертикального) ткацкого станка в «Метаморфозах» Овидия и другие показания древних авторов. Согласно мнению многих ученых, все эти данные говорят об исконности или по крайней мере древности наличия в Европе вертикального ткацкого станка[28]. Очевидно, целесообразнее всего решать этот вопрос применительно к конкретному культурному району, а не в плане абсолютной культурно-технической иерархии вертикального и горизонтального ткацкого станков относительно друг друга в масштабах всего мира. Классический вертикальный ткацкий станок, действительно, типологически проще и первобытнее классического горизонтального ткацкого станка. Появление второго из них со всеми его техническими усовершенствованиями в Европе может все-таки вполне вероятно считаться более поздним сравнительно с вертикальным станком, несмотря на возражения, части которых мы подробнее коснемся ниже. Вместе с тем нужно считаться с реальностью существования чрезвычайно примитивных и архаичных ткацких устройств горизонтального типа, граничащих с еще более архаическим полным отсутствием специального станка — вроде колышков, втыкаемых в землю (как это делали до недавнего времени в европейском культурном районе, снуя пряжу). Но следует помнить, что этот последний архаический горизонтальный станок, типологически, несомненно, более примитивный, чем простейший древнеевропейский вертикальный станок, представляет собой реалию, экзотическую по отношению к Европе (ср. также ниже), и у нас явно недостаточно оснований предполагать, что в Европе он предшествует примитивному вертикальному станку. Даже если и допускать возможность такого древнейшего гори-

[28] *E. O. Johannsen.* Op. cit. S. 259; *Дж. Г. Д. Кларк.* Указ. соч. С. 238. — В более специальных, ковровых производствах вертикальный или близкий станок встречается даже в передовых европейских станах. Так, в августе 1961 г. мне пришлось наблюдать на Французской национальной выставке (Москва, Сокольники) работу французского ткача гобеленов из города Обюссон, центра гобеленного производства (с XVI в.). Ткач работал на старинном деревянном наклонном станке, близком по конструкции к вертикальному — без бёрда и набилок (батана), но с двумя подножками для зевообразования, как у горизонтального станка.

зонтального станка, то едва ли ему может быть современна сложная славянская терминология горизонтального станка, пользующаяся популярностью у многих этнологов и историков, которые решают этот вопрос. Ниже мы с достаточной подробностью приведем и эти аргументы, и свой анализ этой лексики, а здесь лишь укажем, что наивно было бы проецировать в таком случае чуть ли не в протоиндоевропейскую древность славянскую лексику горизонтального станка, сложенную почти исключительно из славянских инноваций. Авторов теории древности горизонтального станка извиняет в их смелом обращении с лексикой то, что они, как правило, не являются специалистами языкознания. Общая сложность проблематики делает простительными и более крупные неточности в подобных исследованиях. Чтобы оставаться логичным, надо было бы предпринять реконструкцию вероятного состояния терминологии, современного гипотетическому простейшему горизонтальному станку. В свете аналогичных случаев из других областей, которых мы касались, говоря об архаизирующей сущности всякой традиционной терминологии, мы могли бы предположить здесь скорее некое дотерминологическое состояние, которое вернее бы соответствовало этому минимуму орудий. Но это reductio ad absurdum предпринято нами лишь для того, чтобы показать несоразмерность хронологии славянской лексики развитого (вторичного) горизонтального станка и гипотетических простейших горизонтальных устройств, которые до древнего вертикального станка в культурно-географических рамках Европы сами по себе маловероятны.

До сих пор в вопросе конструкции ткацкого станка у славян древности остается много неясного. Особенно основательно этот вопрос дебатируется в польской науке, причем в его обсуждении принимают участие авторитетные археологи, этнографы и этнологи. Например, проблеме появления в Польше горизонтального ткацкого станка была посвящена дискуссия в 41-м томе этнографического журнала «Lud» за 1954 г. Крупнейший археолог Костшевский [29] сообщает в своей статье, что примитивный вертикальный ткацкий станок типа шопронского употреблялся на территории Польши с неолита до начала периода переселений народов (V в. н. э.). Обычные ископаемые остатки при этом — глиняные грузила, но начиная с V в. н. э. последние уже не встречаются, что можно объяснить введением в вертикальном станке нижнего навоя или же распространением горизонтальных станков. Но древнейшие материальные остатки горизонтальных станков на территории Польши датируются не ранее X—XII вв. (Ополе в Силезии и Гданьск), причем это самые древние находки такого станка во всей центральной, западной, северной и восточной Европе. В Германии и Дании в XII в. еще были в ходу вертикальные станки. Лишь с XIII в. там можно говорить о горизонтальных ткацких

[29] *J. Kostrzewski.* Kiedy zjawiły się w Polsce krosna poziome? // Lud. T. XLI. Wrocław, 1954. S. 667 ff.

станках. Общеславянское распространение близких или тождественных по происхождению терминов, связанных с горизонтальным станком (см. ниже), Костшевский понимает как результат изменения значения слов, вначале связанных с иным типом станка. Основная мысль Костшевского заключается в том, что горизонтальный ткацкий станок вторично проник на территорию Польши с юго-востока, тогда как древнейшим ткацким станком славян был вертикальный, спорадически известный им и сейчас. В публикуемой вслед за тем статье Врублевского[30] выражена гораздо более сдержанная позиция по обсуждаемому вопросу. Автор отмечает, что наиболее распространенным типом в мировом масштабе, представленным также на территориях древних земледельческих культур, является горизонтальный станок. Кроме того, он наиболее производителен и универсален. Существуют горизонтальные станки, гораздо более примитивные, чем вертикальные. Вертикальный станок более оправдан как орудие производства специальных (неплатяных) тканей. Автор заключает: «В свете представленных в настоящей статье замечаний, для доказания гипотезы о большей древности вертикального станка на территории Европы и более позднем появлении горизонтального ткацкого станка не хватает достаточных подтверждений со стороны этнографических материалов».

Дискуссия так и не пришла к решающим результатам, и к этому важному вопросу истории культуры продолжали возвращаться в последующие годы. Прямо по следам дискуссии 1954 г. идет яркая и оригинальная статья Нахлика «К вопросу о развитии ткацкого станка»[31], на которой нам будет интересно остановиться. Автор принимает древность вертикального ткацкого станка. Касаясь мнений о древности на польской (и славянской) территории горизонтального типа станка в связи главным образом с общеславянским характером терминов вроде *бёрдо*, *челнок*, *навой*, он вполне резонно указывает на эволюцию их значения. Далее автора занимает наиболее примитивный вид горизонтального ткацкого станка, также известного с древности, в котором нити растягиваются по земле во всю длину основы и прикрепляются к двум парам колышков, вбитых в землю. Допуская древность и одного и другого устройств, автор изучает их несовпадающие ареалы и приходит при этом к следующим выводам, основанным на экономико-географических и климатических аргументах. В умеренной зоне, в наших широтах, ткачество, обычно носящее зимний характер (в деревне ткут в январе, феврале и марте), возможно практически только в домашних условиях, под крышей. Понятно, что это налагает ограничения на размеры станка, и наиболее экономным оказывается в силу обстоятельств вертикальный станок. В странах с теплым климатом ткут

---

[30] *T. Wróblewski.* Kilka uwag o geograficznym zasięgu występowania krosien poziomych i pionowych // Lud. T. XLI. 1954. S. 677 ff.

[31] *A. Nahlik.* W sprawie rozwoju krosna tkackiego // Kwartalnik historii kultury materialnej PAN. Rok IV. № 3. Warszawa, 1956. S. 519 ff.

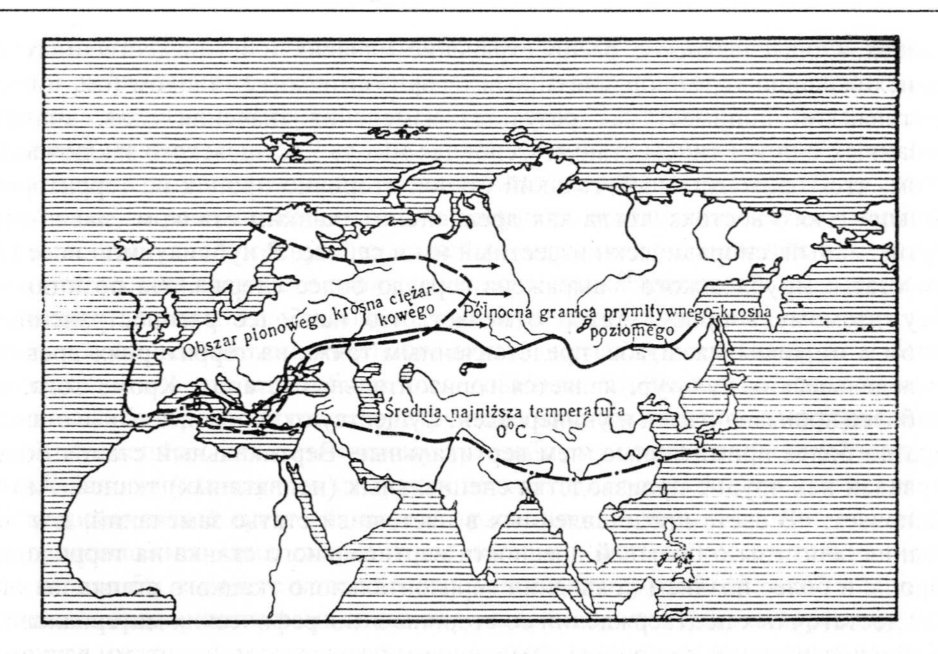

Рис. 1. Гипотетические границы ареалов вертикального ткацкого станка с грузилами и примитивного горизонтального ткацкого станка в дофеодальную эпоху — из: Kwartalnik historii kultury materialnej PAN. Rok IV. №. 3. Warszawa, 1956. S. 531.

ткут обычно под открытым небом, и пространственное ограничение отпадает. На прилагаемой к статье карте Нахлик вычерчивает гипотетические границы ареалов вертикального ткацкого станка с грузилами (бóльшая часть Европы) и примитивного горизонтального ткацкого станка (южная часть Евразии) в дофеодальную эпоху. При этом он обнаруживает относительную близость северной границы второю ареала и изотермы среднегодовой минимальной температуры 0° по Цельсию, что как бы подкрепляет южный характер примитивного горизонтального станка.

Говоря о проблемах вертикального и горизонтального ткацкого станка у славян, нельзя пройти мимо авторитетных высказываний Мошинского, который обращался к этой проблеме неоднократно. Мошинский — последовательный сторонник теории древности славянского горизонтального станка, который в историческую эпоху господствует во всех славянских странах. В последнем своем, посмертно изданном труде о методике исследования праславянской материальной культуры, касаясь метода характеристики по фрагментарным данным археологии, Мошинский критикует огульное истолкование всех ископаемых глиняных или каменных грузил с отверстиями как грузил вертикального ткацкого станка. Равным образом они могли служить для плетельных рам (для изготовления рогож, циновок). «Добавлю, что все, что до настоя-

щего времени говорится о применении вертикального ткацкого станка в Европе, еще нуждается в коренном критическом пересмотре. А по меньшей мере древний мнимо ткацкий вертикальный станок с Фарерских островов и рисунок на гальштатской погребальной урне из Шопрона в западной и Венгрии не имеют тут абсолютно никакой доказательной ценности, поскольку их можно интерпретировать совершенно отличным образом»[32]. Столь решительно формулируемые выводы Мошинского коренятся, однако, далеко не в одной только критической переоценке культурных, археологических данных. Эти взгляды, сложившиеся у Мошинского уже давно, в значительной степени несамостоятельны и объясняются влиянием концепции другого известного славянского этнографа — хорватского ученого Гавацци. В своем энциклопедическом труде по народной культуре славян Мошинский говорит об этом сам довольно отчетливо. Так, например, он следующим образом отзывается о теории, согласно которой вертикальный ткацкий станок, спорадически встречаемый у славян и известный на Фарерских островах, в Риме и древней Греции, также приписывается всем древним славянам: «Но этот тезис не был основан ни на каких доказательствах, и он легко был подвергнут сомнению Миланом Гавацци»[33]. И несколько выше, на с. 326 части I названного труда, Мошинский ссылается на один из важных аргументов Гавацци о том, что праслав. **bъrdo* 'бёрдо' служило первоначально названием ткацкой дощечки.

В связи с этим нам совершенно необходимо обратиться к работе самого Гавацци, чем мы и займемся далее подробно. Но уже сейчас ясно, что речь идет об исследовании по этнографии и истории материальной культуры, основанном почти исключительно на лингвистической аргументации. Дело, конечно, не в том, что лингвистическая аргументация в руках этнолога нуждается, по-видимому, в специальной проверке со стороны лингвистов, но и в соображениях методологии. Нельзя выводы одной науки строить целиком на показаниях другой науки, т. е. на внешних данных. Мошинский, обращавший неоднократно внимание на методологию различных славяноведческих дисциплин, справедливо критиковал в 1957 г. выводы лингвиста о прародине славян, основанные на археологических данных. Аналогичный методологический недостаток мы вынуждены констатировать и в концепции древнего славянского ткацкого станка у Мошинского и Гавацци.

Статья Гавацци «Праславянский ткацкий станок и ткацкая дощечка»[34] представляет несомненный научный интерес по богатству заключенных в ней данных. Обилие материала, компетентность автора и известная логичность его

---

[32] *K. Moszyński.* O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian. S. 89—90.

[33] *K. Moszyński.* Kultura ludowa Słowian. Część. 1. S. 334.

[34] *M. Gavazzi.* Praslavenski tkalački stan i tkalačka daštica // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena·(далее — ZbNŽ). Kń. XXVI. Zagreb, 1928. S. 1 ff.

построений объясняют то, что эта относительно небольшая работа приобрела известность и влияние в научной литературе. Оценивая состояние вопроса в науке, автор пишет: «А для культуры индоевропейской группы можно более или менее уверенно констатировать только существование некоторого ткацкого станка, о котором на основании лингвистического анализа известных аналогий др.-инд. *sthāvī* 'ткач', греч. *ἱστός* 'ткацкий станок', лит. *stãklės* то же, др.-исл. *vef-staðr* то же, лат. *stamen* то же и слав. *stavъ*, *stanъ* регулярно делается вывод, что он был вертикальным — он сам и его основа, возможность этого подтверждает и доисторическая археология, и история развития ткацкой техники вообще, о чем здесь достаточно лишь напомнить». Вместе с тем подробности техники ткачества у индоевропейцев и праславян недостаточно ясны. Как на одно из связанных с этим противоречий Гавацци указывает на общеславянский характер таких терминов, как 1) русск. *подножка*, укр. *поножи*, *підніжки*, польск. *podnóżki*, *podnóże*, н.-луж. *ponozyja*, чеш. *podnož*, *podnože*, *podnůžka*, словен. *podnožka*, сербохорв. *подножи*, *подножници*, *подножњаци*, болг. *поднож*, *подножка*, *подножие*; 2) укр. *скрипиця*, в.-луж. *křipk*, чеш. *skřipec*, *skřipci*, словен. *škripec*, сербохорв. *шкрипци*, болг. *скрипец*; 3) русск. *набилки*, укр. *бильця*, *набівки*, польск. *bidły*, *bijadła*, в.-луж. *bidmo*, н.-луж. *biwadła*, *bijadła*, чеш. *bidlo*, *bidla*, сербохорв. *била*. — Эти термины, общеславянский и праславянский характер которых как будто очевиден, находятся в явном противоречии с вертикальным ткацким станком, так как обозначаемые перечисленными выше словами (по порядку) подножки, блоки и набилки, т. е. в современной текстильной терминологии — ремизный аппарат и батан, были известны только горизонтальному ткацкому станку. Точно к такому же выводу склоняет автора общеславянский характер названия челнока, который, по мнению Гавацци, выполнял в древности ту же функцию и на таком же горизонтальном станке. Вывод автора: праславянский и предшествующий ему ткацкий станок были горизонтальными.

Оспаривая древность вертикального станка у славян, Гавацци вынужден искать какие-то иные архаические материальные формы, предшествующие историческому горизонтальному станку. Он и здесь возлагает основные надежды на показания терминологии, и прежде всего на праслав. **bьrdo*, русск. *бёрдо* 'гребень с деревянными зубьями, между которыми проходят нити основы'. Автор обращает внимание на значения 'доска, планка, дощечка', встречаемые у продолжений **bьrdo* в отдельных славянских языках, ср. и германское название доски (др.-сакс. *bord* и др.), откуда некоторые лингвисты производят славянское слово. Гавацци допускает, что праслав. **bьrdo* вообще обозначало первоначально доску, дощечку, и в этом с ним можно в принципе согласиться (см. также ниже). Этому противоречит тот факт, что ткацкое бёрдо не является дощечкой. Автор полагает, что разгадка проблемы коренится в применяемом кое-где у славян способе тканья на дощечках с отверстиями, с помощью чего изготовляют пояса и подобные узкие предметы.

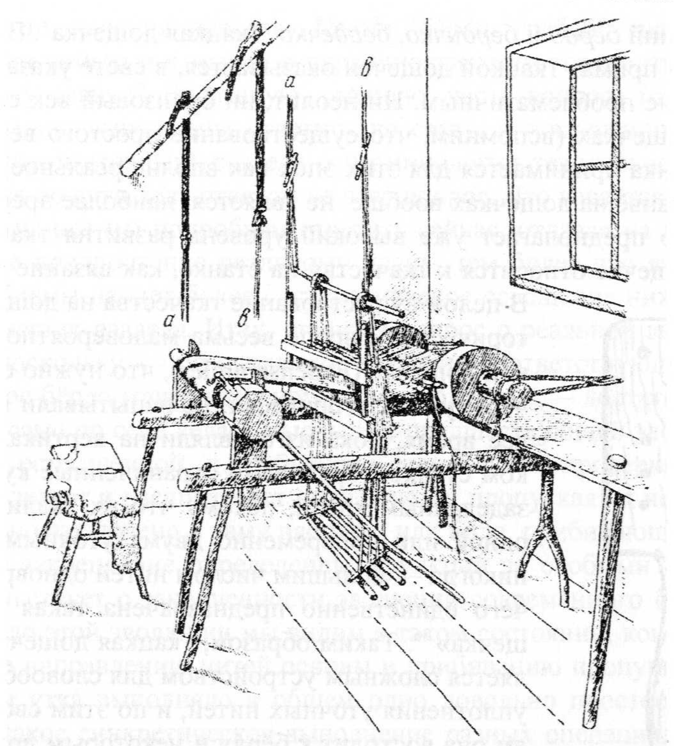

Рис. 2. Ткацкий (горизонтальный) станок из дер. Дерешевичи, Вост. Полесье — из: *K. Moszyński.* Polesie wschodnie. Warszawa, 1928. рис. 7.

«В славянской номенклатуре ткацкой дощечки встречаются неоднократно названия *брдо*, *брдце*, *бердо*, *бердичко*, (*бръздо*) и подобные, причем у различных и совершенно разделившихся племен. С другой стороны, часто встречается название той же самой вещи *deščica* (*prkénko*), *deseczka*, *дощечка* и аналогичные, кроме того, поскольку и у немцев имеется абсолютно аналогичное название *Brettchenwebstuhl*, *Webebrettchen*, — не может быть сомнения в том, что именно *бёрдо* является первоначальным названием этого орудия» (с. 17—18). Таким образом, у Гавацци появляется мысль о возможности генетической связи ткацкой дощечки с разными типами ткацкого станка, которую он расценивает наравне с другими возможностями происхождения горизонтального ткацкого станка у славян.

Тем самым в спорной проблеме происхождения горизонтального ткацкого станка выделяется как бы узловой вопрос о бёрде и ткацкой дощечке в связи с гипотезой о первичности именно ткацкой дощечки. Этот вопрос нужно отличать от родства вообще реалий бёрдо и ткацкая дощечка, которое в принципе может не вызывать сомнения, как и лингвистическая связь, тож-

дество названий *бёрдо* и *бердичко*, *бердечко* 'ткацкая дощечка'. Вопреки мнению Гавацци примат ткацкой дощечки оказывается, в свете указаний специалистов, крайне проблематичным. Ни неолит, ни бронзовый век еще не знали тканья на дощечках (вспомним, что существование простого вертикального ткацкого станка принимается для этих эпох как вполне реальное). Полагают, далее, что тканьё на дощечках вообще не является наиболее древним видом ткачества, но предполагает уже высокий уровень развития ткачества. Ткачество на дощечке относится к ткачеству на станке, как вязание к плетению. В целом существование ткачества на дощечке в доисторической Европе весьма маловероятно[35]. «В ткацкой дощечке (Fadensammler), что нужно еще раз подчеркнуть категорически, не испытывали потребности все время, пока изготовляли на вертикальном ткацком станке с грузилами ограниченные куски ткани с заделанным краем, потому что их ткали всегда ⟨...⟩ одной или попеременно двумя уточными нитями и никогда — большим числом нитей одновременно, для чего единственно предназначена такая ткацкая дощечка»[36]. Таким образом, ткацкая дощечка представляется сложным устройством для словообразования и уплотнения уточных нитей, и по этим своим функциям она восходит к бёрду и некоторым другим частям развитого горизонтального станка, с которым ее сближает и сложность уточного переплетения. Напоминая бёрдо такого станка и отдаленно по форме, и особенно по функции, ткацкая дощечка сама восходит к ткацкому бёрду, являясь результатом его побочной эволюции. Это, видимо, наиболее вероятная интерпретация родства реалий бёрдо и ткацкая дощечка. Отсюда следует естественный шаг к осмыслению употребления слов *брдо*, *брдце*, *бердечко* в значении 'ткацкая дощечка' в славянских языках как вторичного, первоначально же праслав. **bьrdo* относилось к упоминавшемуся уже и описанному выше ткацкому гребню горизонтального станка.

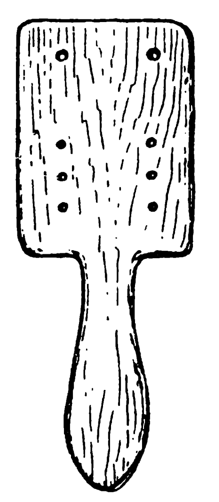

Рис. 3. Ткацкая дощечка (Трансильвания) — из: *M. von Kimakowicz-Winnicki.* Spinn- und Webewerkzeuge. Würzburg, 1910. S. 28, рис. 51.

Но не привела ли нас логика наших собственных рассуждений о вторичном появлении ткацкой дощечки из станочного бёрда к предположению об

[35] *M. von Kimakowicz-Winnicki.* Spinn- und Webewerkzeuge. Entwicklung und Anwendung in vorgeschichtlicher Zeit Europas. Würzburg, 1910 (= Darstellungen über früh- und vorgeschichtliche Kultur-, Kunst- und Völkerentwicklung. Hrsg. von G. Kossinna. H. 2). S. 41—42; *O. A. Erich, R. Beitl.* Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Aufl. 2. Stuttgart, 1955. CS. 108—109; *W. La Baume.* Op. cit. S. 64.

[36] *H.-F. Rosenfeld.* Op. cit. S. 33.

изначальности значения праслав. **bьrdo* 'бёрдо, гребень горизонтального станка', а тем самым и к мысли о первичности этого горизонтального ткацкого станка у славян? На вторую, главную, часть вопроса (о первичности типа станка) мы вынуждены ответить не сразу, а постепенно, потому что бóльшая часть настоящего раздела о терминологии текстильного производства является по сути дела ответом на этот вопрос. Что касается первой части вопроса, то на нее мы попробуем ответить сейчас, отдавая на первых порах естественное предпочтение реальному плану, тем более что языковой план той же проблемы найдет более систематическое освещение ниже, в соответствующих местах раздела. Итак, ставится вопрос о реальной эволюции и — постольку-поскольку — об эволюции значения соответствующего термина. Историческое бёрдо горизонтального ткацкого станка — достаточно сложная реалия, что само по себе делает мысль о ее предшествующей эволюции одновременно и естественной, и требующей специальной проверки. Бёрдо, как гребень, разделяет и распределяет нити основы, пропуская их через свои частые зубья; оно заключено в раму набилок, или била, прибивающую утóк. Выразительное закрепление определенных функций за особыми деталями как бы свидетельствует о законченности эволюции современного бёрда. Естественное начало этой эволюции мы видим в таком состоянии, когда описанные операции по направлению нитей основы и прибиванию пропущенной сквозь основу нити ткá выполняло в общем одно довольно простое орудие. Понятно, что такое синкретическое выполнение разных операций, разделенное впоследствии между специальными деталями устройства, было сопряжено с медленностью и не очень высоким качеством исполнения. Это простое орудие не было ни закреплено, ни подвешено как бёрдо горизонтального станка, но занимало (во время операции) руку. Все эти конструкционные неудобства как бы в зародыше определяли направление последующих поисков усовершенствования. Снимая в порядке ретроспективного анализа эти вторичные усовершенствования, мы переходим сначала к свободному, лишенному стабилизирующей рамки гребню. Это приспособление соответствует приблизительно понятию гребня, поскольку его продолговатое (иногда сигарообразное) тело увенчивают с одного или с обоих концов зубья, служащие для распределения нитей основы. Примерно о таких ткацких гребнях (с изображениями экземпляров из окрестностей Шверина и Владимира) говорит Нидерле[37], проницательно предполагая, что именно для обозначения этого гребня (при вертикальном ткацком станке) употреблялся общеславянский термин **bьrdo*, *бёрдо*, проделавший после этого большую эволюцию. Но функция гребня (с зубьями для направления нитей) обнаруживает себя как вторичная у этого приспособления. Важнейшей и первичной задачей было прибивать нити утка

[37] *L. Niederle.* Život starých Slovanu. Základy kulturních starožitností slovanských. Díl III. Sv. 1. Praha, 1921. S. 341.

27 — 9718

друг к другу по мере их продевания сквозь основу. Это видно из достоверных исторических свидетельств о развитии средиземноморского вертикального станка. Так, на более простом и древнем станке уток прибивали тяжелой деревянной лопаткой — лат. *spatha* (из греч.), греч. *σπάθη*; гребня еще не было. На более новом станке уток уже прибивается не лопаткой, а гребнем — лат. *pecten*[38]. О характере этого ткацкого гребня не оставляет никаких сомнений довольно точное описание работы на ткацком станке, имеющееся в «Метаморфозах» Овидия:

> Tela iugo vincta est: stamen secernit arundo:
> inseritur medium radiis subtemen acutis;
> quod digiti expediunt, atque inter stamina ductum
> percusso feriunt insecti pectine dentes[39].
>
> «Сверху навой на станке; основу тростник разделяет;
> Острым введен челноком уток в середину основы;
> Пальцы его извлекли, и проброшенную меж основы
> Гребень ударом зубов уточную нить прибивает».

Соответственно этому мы характеризуем употребление древних праславянских лексем **greby, -ene* (русск. *гребень* и др.), **česlь* в значении 'ткацкий гребень, бёрдо' как вторичное (подробнее об этих терминах будет говориться ниже). Праслав. **bьrdo* 'бёрдо, гребень горизонтального станка', слово достаточно архаичного образования, с полным лексическим соответствием в германском, лучше всего, по-видимому, соответствовало древнему простейшему заостренному с концов приспособлению, не имевшему еще специальных зубов и служившему для прибивания утка.

Проведение в слове **bьrdo* семантической эволюции может быть, как нам кажется, проверено также иным путем. Известный в славянской лексикологии факт перехода праслав. **bьrdo* 'бёрдо' > 'гора, горная вершина', ограниченный южнославянскими языками и современный, вероятно, миграции славян на Балканский полуостров, говорит об этом довольно ясно. Этот переход едва ли мог совершиться, если бы к его моменту **bьrdo* имело значение, близкое к историческому, т. е. соответствовало бы прямоугольной раме с зубьями: зубья со всех сторон ограничены гладкими планками набилок, и считать, что именно такое бёрдо послужило подходящим образом для сравнения с вершиной (пусть даже зубчатой), было бы слишком большой натяжкой. Ясно, что перенос 'бёрдо' > 'гора, вершина' произошел при условии иного семантического наполнения праслав. **bьrdo*. Если при этом принимать первоначальное

---

[38] *H. Blümner.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. 1. Aufl. 2. Leipzig und Berlin, 1912. S. 154, 159.

[39] *Publii Ovidii.* Nasonis opera omnia. Textum ad codicum lipsiensium aldinarumque fidem accurate recognovit G. H. Weise. T. II. Lipsiae, 1845. V. 55—58.

значение праслав. **bьrdo* за своего рода неизвестное, для раскрытия которого могут послужить изложенные выше типологические наблюдения над реалиями и значение 'вершина, гора' у ряда южнославянских продолжений **bьrdo*, то можно реконструировать древнее значение ткаческого термина **bьrdo* как 'остроконечное (или остроконечное и зазубренное с концов) орудие для прибивания утка', 'заостренная палка особой формы'. О правдоподобии нашей семантической реконструкции 'ткацкое бердо' < 'заостренный конец, заостренная палка' говорит аналогичное происхождение диалектного итальянского слова *tǫ́pa* 'бёрдо, ткацкий гребень' (Корсика) из герм. *top* 'вершина, верхушка, кончик' [40]. Первоначальный вид соответствующей реалии — деревянная лопасть или заостренная сигарообразная, достаточно тяжелая палка. Это и есть древнейшее бёрдо вертикального ткацкого станка. Зубы появляются на нем позднее (на уже упоминавшемся выше, в сноске 28, французском гобеленном станке работают с довольно архаичным свободным ручным массивным гребнем сигарообразной формы, на конце которого нарезаны зубы; как мы уже говорили, образец такого прототипа бёрда приводит Нидерле по данным из Владимира, см. выше сведения в сноске 37). Никаких указаний о древнем наличии зубов не получаем мы и из лингвистического анализа названий — слав. **bьrdo*, греч. *σπάϑη*, лат. *spatha*. Напротив, все они говорят о массивной, заостренной (деревянной) лопасти или палке. Тут показательно, с одной стороны, развитие значений вроде лат. *spatha* 'орудие для прибивания уточной нити' > народнолат. *spata* > ит. *spada* 'меч, шпага', сюда же франц. *épée* 'шпага, меч', а с другой стороны, использование в роли названий этого ткацкого орудия названий меча, ср. нем. *Webeschwert*, чеш. *mečík* 'ткацкий гребень'. Лексемы 'ремесленное орудие' и 'меч' очень часто образуют одно семантическое поле, порождающее названия то одной, то другой реалии. Примеры этого еще будут отмечены в этом и в следующих разделах нашей работы.

Отсутствие даже простейшего гребня с зубьями в практике работы на вертикальном станке (состояние, как мы знаем, исторически засвидетельствованное для древнегреческого и древнеримского ткачества) должно было, по-видимому, отрицательно сказываться на правильности распределения также нитей основы, так как это была одна из функций зубьев гребня и позднейшего бёрда. Частота зубьев в современном бёрде как бы отражает частоту и равномерность расположения нитей основы. Можно думать, что древние ткани ткались подчас на редкой основе. Свидетельств на этот счет, как и вообще описаний, например, античного ткачества, сохранилось мало, а существующие далеко не в одинаковой степени ясны. Ср., однако, интересное место из «Трудов и дней» Гесиода, где автор советует, что́ надо сделать для того,

---

[40] *W. Giese.* Die volkstümliche Kultur des Niolo (Korsika) // WuS. Bd. XIV. 1932. S. 138 (со ссылкой на Meyer—Lübke. № 8787).

чтобы потеплее одеться, и, в частности, касаясь изготовления теплого плаща и длинной туники, говорит: *στήμονι δ' ἐν παύρῳ πολλὴν κρόκα μηρύσασθαι* «на редкой основе тките густым утком»[41].

Мы подходим к суммированию наблюдений над материально-исторической эволюцией основных орудий прядения и ткачества, т. е. к итогу, важному для нас не только в интересах лучшего уяснения развития реалий и их функции, но и в интересах правильного понимания всей последующей собственно лингвистической части — правильного представления об отношениях слов и правильной этимологизации. Выше мы уже рассмотрели в сжатой форме данные по реальной истории веретена, прялки, бёрда. Такие приспособления, как подножки и блоки, обнаруживают свой вторичный характер как дальнейшие усовершенствования процесса зевообразования, и тут не может быть двух мнений ни среди специалистов-технологов, ни среди лингвистов («общеславянский» характер названия подножек и некоторых других деталей в немалой степени может объясняться параллелизмом терминологических новообразований в условиях большой близости славянских языков, а также типологического сходства реальной ситуации; это открывает перед нами возможность довольно поздней хронологизации оформления ряда важных и формально общеславянских терминов горизонтального станка, подробности чего будут нами обсуждены ниже; во всяком случае ясно одно, — что ни раннепраславянская, ни тем более дославянская древность образования соответствующих терминов не обладают достаточным вероятием). Здесь можно еще коснуться реальной истории двух важных приспособлений прядильно-ткацкого производства, одновременно представляющих достаточно красноречивые примеры эволюции, — мотовила и челнока. Мотовило применяется для намотки и измерения готовой пряжи, перематываемой при этом с веретена. Более сложный вид мотовила — вращающееся мотовило округлой формы, нередко образованное из перекрестных рам, вращающихся на одной оси; простейшее мотовило — это ручное мотовило в форме палки с одной или двумя перекладинами, помещенными под углом друг к другу, или с развилкой. Ясно, что мотовило было подсобным приспособлением и в известном смысле вторичным орудием, без которого могли обходиться. Мошинский указывал, что в ряде районов Белоруссии и Полесья население до последнего времени обходится без мотовила[42]. Вместе с тем мотовило представляет собой известнейший и широко распространенный атрибут народного текстильного производства. Это нашло, между прочим, отражение и в емкости бытовых представлений, связанных с мотовилом, и в словаре. Можно при этом сослаться на опыт американского исследователя Ливингстона, написавшего

[41] Цит. по изд.: *Hésiode.* Théogonie — Les travaux et les jours — Le bouclier. Texte établi et traduit par P. Mazon. Paris, 1951. P. 106, стих 538.

[42] *K. Moszynski.* Kultūra ludowa Słowian. Część. I. S. 312.

содержательную книгу «Мотовило. Исследования по истории и этимологии слов». В ней сообщаются весьма поучительные соображения, в частности о новой этимологии франц. *travailler* 'работать', которое вместе с англ. (*to*) *travel* 'путешествовать' отпочковалось от ст.-франц. *travaillier* 'ходить туда-сюда'; последнее слово явилось глагольным производным от имени франц. *travouil*, *treuil* 'мотовило, ворот' (ср. наше *сновáть* 'беспрестанно ходить, бегать туда-сюда' < 'натягивать пряжу для основы между колышками, расположенными на значительном расстоянии друг от друга'). Однако более непосредственно нас интересует в связи с нашими задачами другое указание Ливингстона, а именно то, что различные названия мотовила восходят в разных языках к названиям палки, дверного засова, задвижки. Таковы англ. *reel*, ст.-франц. *travouil*, порт. *sarilho*, *serilho*, исп. диал. *sarillo*, *serillo*, нем. *Haspel*[43]. Праслав. **motovidlo*, **motadlo* (подробности — ниже) представляется явным местным новообразованием, которое, правда, не имеет никакого отношения к названиям палки, в отличие от перечисленных слов, но самим своим инновационным характером указывает на первоначальный смысл своего существования, который состоял в том, чтобы заполнить «пустое место» древней терминологии. Реальный план, соответствующий этой «недостаточности» в терминологии (заметим, что все вообще приведенные выше европейские названия мотовила — новообразования), представлен отсутствием постоянных инструментов в строгом смысле. Здесь имел место, наверное, достаточно длительный период окказионального употребления палки для намотки пряжи, т. е. ситуация, встречавшаяся нам выше в других случаях (ср. пример прялки).

Второе приспособление, о котором мы собираемся здесь сказать специально, — это челнок. Челнок проделал, бесспорно, большую эволюцию, прежде чем приобрел разработанную форму исторического челнока. Начнем с того, что едва ли существует малейшее основание предполагать, как это делает Гавацци, опираясь на общеславянскую терминологию (см. выше), что челнок в древности выполнял ту же функцию и на таком же горизонтальном станке, что и в новое время. Как правило вертикальный ткацкий станок древности и современных более отсталых районов совершенно не знает челнока в настоящем смысле. На архаическом вертикальном ткацком станке в Перу уток намотан на длинную тростинку или деревянную иглу, которая и выполняет в принципе функцию челнока, проводя нить утка через зев основы[44]. Такая же острая длинная палочка с утком используется на старом вертикальном станке в Сербии, четкий рисунок которого мы находим в книге путешественника Капица о Сербии и сербах. Собственно говоря, палочка с утком уже предваряет по своему назначению цевку (шпульку) будущего челнока.

[43] *Gh. H. Livingston.* Op. cit. S. 8.

[44] Illustrierte Völkerkunde. Bd. I. S. 389—390.

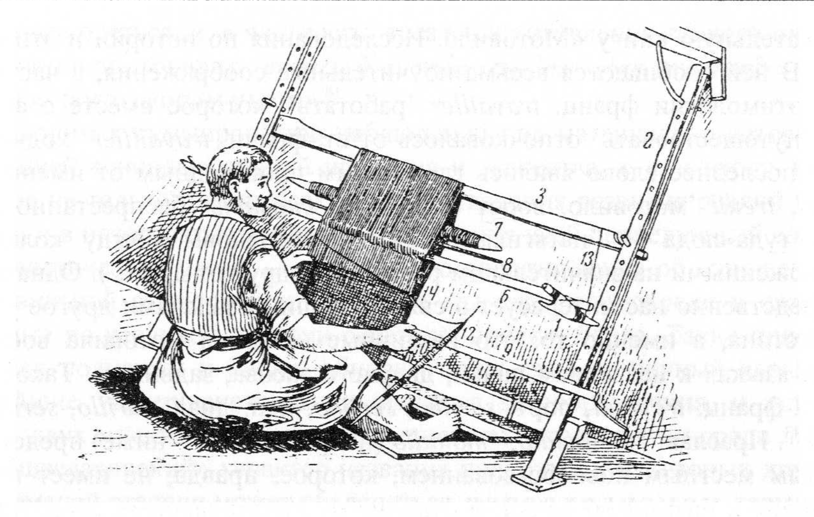

Рис. 4. Старый сербский вертикальный ткацкий станок — из: *F. Kanitz.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart, Bd. II. Leipzig, 1909. S. 242.

1 — Gabelkeil; 2 — Webstunlfüsse; 3 — oberer Weberbaum; 4 — unterer Weberbaum; 5 — Durchschub; 6 — Zettelbaum; 7 — Durchzug; 8 — Stab; 9 — Unterlage; 10 — Zettel; 11 — Weberschlag; 12 — Weberpfeil; 13 — Weberschnur; 14 — Zettel.

Особенно наглядно наблюдаются все стадии эволюции на материале античного ткачества и античной терминологии. Как полагают, греч. *κερκίς*, лат. *radius*, обозначало, по-видимому, первоначально очень легкую, острую палочку, тростинку, обмотанную уточной нитью, возможно, иглообразной формы, с расщепленными концами, или — катушку простой формы. Позднее эти же слова начали обозначать настоящий челнок [45]. При этом само исконное значение слова *radius* 'палочка, тростинка, спица' яснее других аргументов говорит об исходной материальной форме челнока, который стал затем называться этим словом. По описанию Овидия, уток вводится в основу *radus ... acutis*, что может быть передано и как 'острыми челноками' и — еще более точно — как 'острыми палочками'. Считается, что ткацкий челнок был изобретен римским ткачеством. «Единственным вкладом Рима в технику ткацкого производства было создание конструкции челнока в наиболее рациональной форме» [46]. Изобретение полого челнока с формой, соответствующей этому названию, внутри которого свободно вращается цевка (шпулька) с утком, нить которого выпускается через боковое отверстие в челноке, было, несомненно, важнейшим усовершенствованием, зародившимся еще в недрах

[45] *H. Blümner.* Op. cit. S. 151—153.

[46] *Е. А. Цейтлин.* Указ. соч. С. 50.

ткачества на вертикальном станке. Это изобретение определило весь характер последующего развития ткачества вплоть до современной эпохи. Челнок обеспечил значительное ускорение процесса тканья. В руках опытной ткачихи (а позднее, на горизонтальном станке, и ткача) челнок летает справа налево и обратно с большой скоростью. Ср. слова Мефистофеля в «Фаусте» Гёте, где в иронической форме мыслительная работа сравнивается с ткачеством:

> ... Die Schifflein herüber hinüber schiessen,
> Die Fäden ungesehen fliessen ...

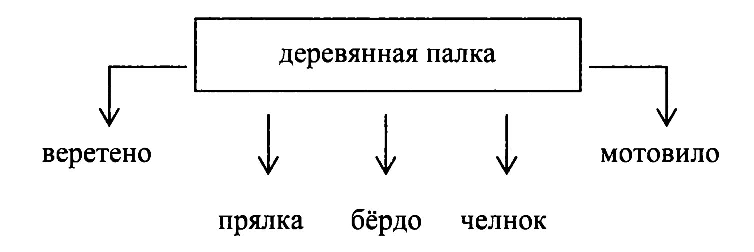
Характерность формы и функции ткацкого челнока и хорошая документированность его древней истории в римском ткачестве, с одной стороны, и достаточно раннее появление челнока в германской и славянской зоне Европы, с другой стороны, как бы подсказывают мысль о том, что ткацкий челнок распространился на север и северо-восток вместе с римским влиянием. Однако других данных, которые бы подтверждали эту мысль, у нас нет. Терминология ткацкого челнока в германских и славянских языках ничего не говорит в поддержку этой возможности, скорее напротив. Прежде всего восприятие этого приспособления как челнока, кораблика в античной терминологии отражения не получило, тогда как оно известно и германским, и славянским языкам. Ср. нем. *Schiffchen*, *Schifflein* 'челнок' : *Schiff* 'корабль'; праслав. **čьlnъkъ* (русск. *челнóк* и др.), **čьlnikъ* (укр. *чóвник* и др.), о которых говорится также далее. Но даже и тут, при такой очевидности подобия семантического развития 'корабль' > 'ткацкий челнок', едва ли можно говорить о результате влияния, скажем, германской терминологии на славянскую. Подобных старых случаев германского влияния славянская текстильная терминология вообще почти не знает, но об этом мы подробнее скажем в своем месте. Славянские названия челнока **čьlnъkъ*, **čьlnikъ* оформились как особые ткаческие термины, видимо, достаточно рано, может быть, в позднепраславянскую эпоху, отражая уже совершившееся усовершенствование ткацкого челнока. Причем вероятнее всего, что и материальная рационализация, и описанное обновление терминологии осуществилось без заметных культурных импульсов извне. Во всяком случае самостоятельное название челнока челноком ввиду явного конструкционного сходства с лодочкой лежит в природе вещей. Таким образом, семантическое родство терминов нем. *Schiffchen* и слав. **čьlnъkъ* имеет типологические корни, является своего рода «элементарным родством», не обусловленным генетически. К тому же употребление нем. *Schiffchen*, уменьшительного от *Schiff*, в роли термина ткачества едва ли должно считаться очень древним. Значения 'ткацкий челнок' еще не знало др.-в.-нем. *scif*, *skif*, исключительно обозначавшее корабль и сосуд, ср. и ум. *skifilîn* 'суденышко, кораблик, лодка' при соврем, нем. *Schifflein* 'ткацкий челнок' (ср. выше пример из Гёте). Более древним нам представляется друѓое

немецкое название ткацкого челнока — *Schütze* или *Weberschütze*, сюда же, видимо, *schätz, schätz*, название ткацкого челнока в диалекте трансильванских немцев, которые, по свидетельству Кимакович-Винницкого, сохранили довольно архаическую текстильную терминологию в том виде, в каком она была в Германии в XV—XVI вв. О древности употребления нем. *Schütze* в значении 'ткацкий челнок' говорят различные моменты контекста; например, о новом названии *Schiffchen*, *Schifflein* говорится: die Schifflein herüber hinüber s c h i e s s e n (Гёте) «челноки снуют туда-сюда». Уток носит по-немецки название *Ein-schuss* (наряду с *Eintrag*, *Einschlag*). В итоге мы получаем возможность отделить нем. *Schiffchen* 'ткацкий челнок' как новообразование, оставив характеристику более древнего названия челнока за нем. *Schütze* < **skutja-*, сюда же глагол, обладавший очень емким значением — др.-в.-нем. *scioȥan* 'стремительно 'двигаться, лететь, вскакивать, прыгать; стрелять, метать, двигать, совать' < **skiutan*.

Возвращаясь к славянским данным, мы должны будем аргументировать высказанное выше мнение о позднепраславянском времени образования или использования праслав. **čьlnъkъ*, **čьlnikъ* 'ткацкий челнок' в терминологии ткачества. Достаточно ранний, еще праславянский характер этого термина может явствовать из широкого его распространения по славянским языкам в близкой форме и тождественном значении (правда, и тут не следует забывать о возможности параллельного, независимого образования близких терминов в отдельных славянских языках в связи с большим типологическим сходством итогов эволюции реалии, ср. выше аналогично о названиях подножек горизонтального станка). Вместе с тем принятие п о з д н е праславянского времени выдвижения ткацкого термина **čьlnъkъ*, **čьlnikъ* надо понимать как признание его инновационного характера по отношению к более древнему, раннепраславянскому и — тем более — дославянскому времени. Выдвижение мысли о термине **čьlnъkъ* как позднепраславянской инновации ткаческой терминологии обусловлено, помимо высказанных выше, также еще некоторыми другими соображениями, главным образом в связи с тем, что противоположное толкование слова **čьlnъkъ* оставило бы необъясненными названия, которые никак не могут быть отнесены к новообразованиям. Речь идет о названии, для которого можно предположить праславянскую форму **sovadlo*, **sovidlo* (болг. *совалка*, сербохорв. диал. *sovilo*, *soviļka* 'ткацкий челнок', см. также ниже). Эти названия, в которых не отмечена челнообразная форма ткацкого челнока, восходят, скорее всего, к эпохе господства архаического бесчелночного вертикального ткацкого станка. Вернее сказать, функцию позднейшего челнока выполняла на этом станке, как мы уже знаем, примитивная деревянная игла (*radius*), обмотанная уточной пряжей и быстрым, ловким движением вбрасываемая в зев. Знаменательным для нас в этой связи кажется тот факт, что ареалы распространения продолжений праслав.

sovadlo*, **sovidlo* совпадают отчасти или близки к местам, где до недавнего времени сохранялся вертикальный станок с палочкой вместо настоящего челнока (и то и другое — на Балканском полуострове, в Сербии и примыкающих районах). Никто не может всерьез предположить, что слово **čьlnъkъ* вторично вытеснено в этих районах словом **sovadlo*, **sovidlo*. Это было бы столь же абсурдно, как и предположение о замене развитого ткацкого челнока примитивной палочкой с утком. Хотя иногда нельзя не считаться с регрессом, деградацией в области культуры, все-таки в данном примере и соображения внутренней материально-исторической эволюции, и показания терминологии, и внешние лингвистические свидетельства согласно говорят, что мы имеем дело с архаизмом. Посвятив выше достаточно внимания реальной стороне вопроса, скажем здесь несколько слов о языковой его стороне. Ареал распространения *sovadlo*, *sovidlo* 'палочка с утком' ясно носит реликтовый характер. Аналогичные показания дает словообразовательно-морфологическая характеристика **sovadlo*, **sovidlo* как названий орудия с формантом *-dlo* (встречаемым и в архаических именах, и в образованиях поздней продуктивности, как мы в этом еще не раз убедимся). При этом важно отметить, что производное **sovadlo*, **sovidlo* сохраняет связь с достаточно древними значениями исходной глагольной основы **sovati* 'стремительно двигать, бросать, метать'. Тем самым **sovadlo*, **sovidlo* 'палочка с утком' обнаруживает признаки генетической, формально-словообразовательной и семантической близости с праслав. **sudlica* (русск. *сулица* и др.) 'копье', собственно, **su-dl-* : **sovati*. Это сравнение позволяет нам окончательно осмыслить праслав. **sovadlo*, **sovidlo* как название своеобразного метательного орудия, каким в известном смысле была ткацкая палочка с утком. Праслав. **sovati* вместе с лит. *šáuti* 'стрелять', нем. *schiessen* 'стрелять, стремительно двигаться', др.-в.-нем. *sciozan*, герм. **skiutan* (см. выше) продолжает и.-е. **k̑eu-*, *sk̑eu-*. К числу независимых параллельных образований (о независимости говорит слишком явная разнооформленность имен) следует отнести, по-видимому, достаточно древние производные с первоначальным значением 'палочка, с утком': праслав. **sovadlo*, **sovidlo*, нем. *Schütze* (skutja-*) 'ткацкий челнок', лит. *šaudỹklė*, лтш. *šaudekle*, *šautuva*, *šautuva* 'ткацкий челнок'.

После экскурсов о мотовиле и челноке можно вернуться к общим итогам наблюдений над материально-исторической эволюцией основных реалий прядения и ткачества. Суть этих итогов заключается в том, что относительная техническая сложность и формальное несходство исторических форм таких орудий, как веретено, ручная прялка, бёрдо, челнок, мотовило, могут быть в большой степени примирены и возведены к более простому состоянию и что на основании собранных выше данных по типологии и формальной стратиграфии на архаизмы и новообразования может быть предложена следующая упрощенная схема:

Если добавить сюда вероятность генетической связи разных типов ткацких станков с плетельной рамой, с одной стороны, и с простейшей конструкцией из колышков, вбитых в землю, — с другой, то мы получим в итоге тот уровень материально-исторической реконструкции, достижение которого можно считать удовлетворительным для нашего исследования. На этом уровне мы довольно близки к восстановлению того прошлого, о котором можно сказать словами одного ученого, которые уже приводились в самом начале настоящего раздела: «...для всех орудий нужно предполагать предшествующее существование эпохи без орудий».

Анализируя с такой подробностью проблематику материально-исторической типологии и эволюции, мы постоянно имели в виду терминологию, собственно лингвистический анализ этой терминологии как конечную цель всей работы. Использование свидетельств реалий можно признать правильным в этой и в других подобных работах в том случае, если оно служит более глубокому пониманию характера названий. В такой своеобразной области, как лексика, связанная с производством, с материальной культурой, изучение реалий из факультативного становится непременным условием, залогом правильности лингвистического анализа и этимологии. «Лишь после того, как мы уточнили типологическую родословную орудия и благодаря этому узнали его праформу, мы получаем право этимологизировать наименования»[47]. — Такова точка зрения лингвиста, этимолога. Совершенно естественно, что при перемене отправной точки и конечной цели исследования ситуация меняется. Историк материальной культуры, преследующий конечную цель — воссоздание первоначального облика этой культуры, рассматривает изучение лексики, терминологии, т. е. лингвистических свидетельств, как одно из условий правильной реконструкции культурного уровня. Наблюдается своего рода обратный порядок процедуры, однако при этом же обозначаются вполне отчетливо некоторые безотносительные характерные признаки каждого из используемых исследовательских методов. Историк материальной культуры до известной степени свободен, независим от языкового материала тогда, когда речь идет об относительно недавних эпохах или когда материальные

[47] *R. Jirlow.* Op. cit. S. XXXI.

находки по изучаемой проблеме культуры представлены особенно полно. Поскольку эти условия редко могут быть соблюдены, зависимость от использования языкового материала практически постоянно налицо. Приведем высказывание специалиста: «Для выяснения системы древнерусского ткацкого стана X—XIII вв. в нашем распоряжении есть две группы материалов: во-первых, общеславянская терминология, а во-вторых, — остатки подлинных тканей»[48]. Именно так: во-первых, лингвистические свидетельства и только во-вторых — действительно, весьма скудные остатки ткаческих реалий. И это для X—XIII вв., т. е. для очень позднего времени с точки зрения общей эволюции материальной культуры! Мы хотим подчеркнуть объективную важность этого свидетельства о значении языковых данных в устах специалиста-историка, — свидетельства, далекого от преувеличений. Что же можно сказать против первостепенного значения языковых данных для 'изучения материальной культуры славян I тыс. н. э. или дославянских индоевропейцев? Вместо ответа можно отослать к трудам этнологов и доисториков, где можно найти большие пассажи, чрезвычайно ответственные в цепи аргументов и показывающие, как историки культуры под давлением преобладающего материала вынуждены сменить метод исторического исследования на методику лингвистического, нередко этимологического анализа. Следовательно, для исторического исследования, посвященного реконструкции древнейших уровней материальной культуры, лингвистический материал и методика лингвистического анализа сохраняют первостепенное, самостоятельное значение. При этом более или менее удачное обращение с лингвистическим материалом определяется главным образом соответствующей квалификацией историка культуры. Однако самая сущность исторического исследования, независимо от возможных частных лингвистических удач (гораздо чаще встречаются, как мы знаем, очень грустные ошибки), диктует пассивное обращение историка культуры с языковыми данными, т. е. историк делает на основании языкового материала выводы по истории культуры, но никак не выводы о характере языковых фактов, современных какому-либо уровню культуры, по данным этой последней.

Лингвистический анализ, преследующий цель реконструкции древнего состояния лексики, группы терминов, а также углубленного проникновения в характер и происхождение этой лексики, значительно выигрывает от знания истории реалий, особенно, если речь идет о наименованиях конкретных реалий материальной культуры и соответствующих операций, как мы уже говорили. Однако действительное значение этого условия все-таки различно от случая к случаю, и оно уменьшается с оскудением конкретных прямых материально-исторических свидетельств для древних эпох. Мы не хотели бы преуменьшать роли свидетельств по истории материальной культуры в лингвис-

---

[48] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч. С. 187.

тическом исследовании, подобном нашему, но едва ли правильно было бы считать, что в нем может иметь первостепенное значение какой-либо другой материал вместо лингвистического и какая-либо другая методика исследования вместо лингвистического анализа. Это наблюдение трудно обвинить в тавтологичности, особенно, если иметь в виду уже сказанное выше об историческом исследовании материальной культуры, о первостепенной роли в последнем именно лингвистических свидетельств. Первостепенную роль лингвистические свидетельства играют в конечном счете и для лингвистического исследования наиболее «производственной» по своему характеру лексики — терминологии ремесел. И в историческом, и в лингвистическом исследовании из данной области по мере углубления в древние эпохи значение лингвистических свидетельств одинаково повышается. Важное отличие этих двух видов исследования состоит а том, что лингвистическое исследование терминологии, не имея основной целью реконструкции культурного уровня (как это находит место в историческом исследовании культуры), дает возможность в известных пределах выдвигать на основании языковых данных выводы внеязыкового значения, активно обращаясь с исторической аргументацией и пополняя ее. В тех же выражениях, в которых мы выше говорили об историческом исследовании древней культуры, мы можем сказать, что сама сущность лингвистического исследования культурной терминологии наделяет лингвиста известной широтой полномочий в смысле активного обращения также с историческими данными.

Из сравнения двух исследовательских методов примерно в одной области мы делаем важный для нас вывод о безотносительном примате лингвистического свидетельства и лингвистического анализа в применении к древним хронологическим уровням как языка, так и культуры.

Собственно лингвистическую часть исследования текстильной терминологии в славянских языках удобнее начать с изложения проблематики и задач. Можно начать с того, что мы не хотели бы проводить резкой грани между одной и другой частью настоящего раздела, так как это слишком ригористическое разграничение не вытекает из природы самих изучаемых объектов и не является полезным с точки зрения задач данного исследования. Не случайно поэтому в общем ходе предшествующих наблюдений по истории материальной культуры заметное место занимает периодическое обращение к избранным примерам из терминологии, языка, к которым мы обязательно вернемся в более систематическом контексте лингвистического анализа терминологии. Точно так же отсылки к соответствующим местам обзора материально-исторической проблематики не должны звучать диссонансом в специально лингвистическом, тем более этимологическом исследовании. Может быть, это и не единственный правильный путь, но нам представилось достаточно оправданным с точки зрения специфики нашего материала осущест-

вить переход от обзора реалий к исследованию слов постепенно, в виде постепенного нарастания лингвистического материала, отодвигающего на второй план материал и проблемы, бывшие для нас вначале как бы основными. Уместно поэтому вначале еще раз упомянуть о внешнем, внеязыковом значении лингвистического исследования ремесленной, в частности текстильной, терминологии. Подчеркивая переходный характер этого тезиса, имеющего отношение и к реальному, и к лингвистическому плану, укажем в дополнение к тому, что выше уже было сказано о важности лингвистических комментариев по истории культуры, на возникновение еще в прошлом веке своеобразной исторической по задачам, но лингвистической по материалу, исследовательскому методу и по своему генезису дисциплины — науки об индоевропейских древностях (indogermanische Altertumskunde). С отдельными исследованиями и положениями этой науки мы еще встретимся далее, поскольку мы сознательно отнесли соответствующий материал в лингвистическую часть раздела.

Собственно лингвистическую проблематику исследования имеет смысл рассматривать концентрично: терминология текстильного производства в свете словообразовательно-этимологического анализа, на основании этого затем — терминологический анализ текстильной лексики в плане стратиграфии на генуинные и статуальные компоненты (понятие этих элементов терминологической лексики неоднократно освещается ниже на материале разных разделов работы); затем на основании данных предшествующих аспектов будет предпринята попытка выйти за рамки данной терминологической группы путем более широкой постановки вопроса в новых планах — лингвистической географии и древней диалектологии, славянских и внеславянских изоглосс. Итогом этого постепенного концентрического расширения лингвистической проблематики явятся выводы достаточно общего языкового характера, по своей направленности уже не связанные рамками совокупности терминологической лексики, послужившей отправной базой и исходным материалом этих лингвистических построений, которые не обязательно должны исчерпать настоящее исследование.

Материал текстильной терминологии славянских языков служил неоднократно объектом собирания, материально-исторической и этимологической интерпретации. Еще Будилович в своем труде «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» (Исследование в области лингвистической палеонтологии славян. Ч. II. Вып. 1. Киев, 1882) в специальном разделе «Ремесла и рукоделия» собрал внушительный материал по названиям кудели, прялки, пряжи, веретена, нити, мотовила, мотка, ткача, ткацкого станка, основы, навоя, бёрда, челнока, цевки, утка. Особенной известностью — главным образом среди историков материальной культуры — пользуются наблюдения выдающегося чешского ученого, археолога и исто-

рика Нидерле, который посвятил в составе своего монументального энциклопедического труда о быте древних славян целую главу проблеме прядения и ткачества. Интересно отметить, что труд Нидерле известен в этой своей части не столько непосредственными сведениями о находках остатков материальной культуры, орудий и их анализом, сколько главным образом лингвистическим анализом группы славянских терминов ткачества. До сих пор, например, популярна наглядная таблица этих терминов у Нидерле [49], ср. соответствующее место в книге Рыбакова о древнерусском ремесле, где материал этой таблицы использован довольно полно. В оценке славянской ткаческой терминологии у Нидерле присутствует элемент этимологии, с помощью которого он стремится обосновать вывод о характере самой техники ткачества. Так, Нидерле указывает на то, что названия станка *stanъ*, *stavъ*, произведенные от *stati*, свидетельствуют о древности у славян с т о я ч е г о, вертикального ткацкого станка.

Классическим для своего времени анализом текстильной терминологии и исследованием из области науки индоевропейских древностей явилась книга Шрадера под своеобразным названием «Историко-лингвистические исследования по истории торговли и товароведению», собственно, глава II «К терминологии прядения и ткачества в индоевропейских языках» [50]. Эта книга нацелена в основном на реконструкцию фрагментов древней культуры, как можно заключить также из приведенного выше жанрового определения. Автор видит в подробном исследовании терминов прядения и ткачества средство получения ответа на вопрос о существовании в индоевропейской древности техники прядения и ткачества в подлинном смысле. Наряду с греческой, латинской, германской, кельтской, балтийской, индоевропейской лексикой этих производств Шрадер собрал и подверг этимологическому анализу также славянскую терминологию: ст.-слав. **нить, ништа, ништичица** '*στήμων*, stamen', **прѧсти, прѧдено** '*νῆμα*', **прѧслица** 'веретено', **вретено, кѫдѣль** '*κρόκη*, trama', **навои** 'liciatorium', **тъкати, тъкалии** 'ткач', **ѫтъкъ** '*στήμων*', **вкѫтъкъ** '*κρόκη*', **опона, клъкъ** '*κρόκη*, trama'.

Наконец, можно упомянуть книгу Дж. Лейна «Лексика одежды в основных индоевропейских языках» [51], исследование референтивного значения, опирающееся в этимологии на словарь Вальде—Покорного и запланированное в свое время, кстати сказать, в качестве главы для известного семантического словаря Бака, выпущенного значительное время спустя. Из славянских назва-

---

[49] *L. Niederle.* Op. cit. S. 336.

[50] *O. Schrader.* Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. T. I. Jena, 1886. S. 172 ff.

[51] *G. Sh. Lane.* Words for clothing in the principal Indo-European languages (= Language dissertations, published by the Linguistic society of America. № IX). Baltimore, 1931.

ний ткани, привлеченных Дж. Лейном, нас может заинтересовать *sukno*, ср. цслав. **соукати**; русск. *ткань*, *ткать*. Затем автор дает обзор терминов прядения, где мы найдем и уже упоминавшиеся славянские слова, и терминов ткачества.

Центральный интерес для нашей работы о ремесленной (а в настоящем разделе — текстильной) терминологии с преимущественным вниманием, направленным на проблемы этимологии и групповой реконструкции слов, естественно, представляет диахрония, история, генезис явлений, фактов словаря. Но столь же очевидно, что успех диахронических построений зависит от правильности и полноты представлений исследователя об исходной базе любого диахронического исследования — современном составе и состоянии анализируемого лексического материала, т. е. терминологии прядения и ткачества в современных языках и их говорах. Иногда в силу своеобразия местных условий, когда, например, речь идет о ныне мертвых славянских языках (старославянский, полабский), к сведениям о современном состоянии терминологии приходится приравнивать более или менее синхронную письменную фиксацию данных лексики этих языков. Мы обращаемся, таким образом, к обзору народной текстильной терминологии по различным славянским языкам. В связи с этим особенно остро встает вопрос об источниках этих сведений. Стоит вспомнить слова Пастрнека из его письма редакции польского этнографического и краеведческого журнала «Висла», написанные свыше 70 лет тому назад, которые мы умышленно избрали в качестве эпиграфа к нашему разделу о терминах текстильного производства: «Я не думаю, чтобы мне удалось осуществить исследование этой сравнительной терминологии при помощи наших словарей, разве лишь в том случае, если бы у меня под руками были монографии вроде работы г-на Крижко (по словацкому ткачеству. — *О. Т.*)». Мы всецело разделяем точку зрения чешского слависта, и нижеследующий обзор и анализ славянской народной текстильной терминологии будет как бы ответом на обращение Пастрнека, от которого нас отделяют, правда, уже три четверти века. Дело в том, что даже сплошной просмотр всех словарей общенародных славянских языков, при всей его трудоемкости, не дал бы сколько-нибудь надежной картины действительно народного состава изучаемой терминологии, не говоря уж о том, что мы не получили бы тогда ни правильного представления о действительном взаимоотношении терминов в рамках одного реального конкретного местного варианта народной текстильной терминологии, ни, наконец, знакомства с одним хотя бы местным вариантом этой терминологии. Иными словами, связь и сочетаемость отдельных терминов, т. е. в конечном счете то, что представляет большой исследовательский интерес и до сих пор в этимологии часто игнорировалось, продолжали бы и далее ускользать от нас. Сказанное относится и к другим группам ремесленной терминологии, к чему мы еще вернемся в иной ситуации

ниже. Поэтому мы по возможности пользовались сведениями в первую очередь из монографических описаний ткачества и его терминологии у отдельных славянских народов. Это представляет также удобство в смысле возможностей наиболее полного учета соответствующего фона реалий. Работы такого рода писались и пишутся довольно редко лингвистами, обычно же они выходили из-под пера этнографов, краеведов и других подобных специалистов, т. е. не языковедов, и это полезно иметь в виду. Но даже в этом случае словари общего типа играли для нас роль проверочных, а не основных источников. Даже лучший словарь с наиболее точными и полными толкованиями не может соперничать с точным и полным монографическим описанием производства и его терминологии, не говоря уже о степени отражения плана реалий. Нельзя сказать, чтобы сейчас описание народного текстильного производства было удовлетворительно представлено у всех славян. Здесь есть еще значительные пробелы, есть материалы неравноценные. Однако хотя и медленно, но прогресс сказался и в этой области славяноведения, и к настоящему моменту мы располагаем более полными сведениями о славянском народном прядении и ткачестве, чем это было возможно во времена Пастрнека. Точно так же пополнилась за этот период большими и малыми словарями славянская лексикография.

Возникает вопрос, общий, по-видимому, для всех отраслей знания, — нужно ли отложить синтез до получения в отдаленном будущем полных систематических специальных описаний для всех славянских языков и важнейших диалектов или предпринять синтетическое исследование имеющихся сведений уже теперь с тем, чтобы стимулировать дальнейшие частные описания и исследования и одновременно дать для последних по возможности более полную сравнительную базу? Мы хотели бы решительно высказаться за необходимость безотлагательного синтеза в этой и во всех подобных ситуациях, полагая, что это будет всегда на пользу науке. В таких случаях возможны, как кажется, два мнения и о «преждевременности синтеза». В этих словах, назначение которых, видимо, как и большинства других жупелов, действовать скорее на чувства, чем на сознание, мы не усматриваем, кстати сказать, научного осуждения самой идеи синтеза, основанного на неполных сведениях (другой синоним — современных). Ранний, или «преждевременный», синтез, вполне осознаваемый как таковой, нередко несет большую пользу науке. Известен пример, как оба автора этимологических словарей древнеиндийского языка — Уленбек и шестьдесят лет спустя после него Майрхофер — вынуждены были признать, каждый на своем опыте, что время создания полного древнеиндийского этимологического словаря еще не пришло. Тем не менее едва ли кто-нибудь станет спорить против того, что оба эти труда, признанные авторами как бы преждевременными, играют огромную роль и что древнеиндийская этимология двигается вперед главным обра-

зом благодаря этим двум словарям. Следовательно, синтез нередко, а практически всегда предполагает сознательный компромисс в ограничении круга привлекаемых данных. Второй — и более близкий нашей филологической общественности — пример это вопрос необходимости безотлагательного выпуска возможно полного этимологического словаря русского языка. Этому часто противопоставляют необходимость сначала создать полный грандиозный словарь русских говоров, полный новый атлас этих же говоров, полный исторический словарь русского языка, полные описания и этимологические исследования важнейших групп лексики, полные топонимические словари, а заодно уж пересмотреть коренным образом заново и все принципы семасиологии и этимологии... Добавим только, чтобы закончить это грозящее затянуться отступление, что из этой увлекательной маниловщины легко рождаются потоки статей, но никогда еще ни один этимологический словарь не был создан в этих идеальных условиях.

Сделав все необходимые, как нам кажется, оговорки, мы можем приступить к обзору народной текстильной терминологии по отдельным славянским языкам.

Болгарский[52]: *сновá* 'сную', *тъкá* 'тку', *тъкáч* 'ткач', *сукá-* 'сучу', *сукáло*, *предá* 'пряду', (устар.) *прéлка*, *прéл(и)ца*, *прéслица* 'прялка', *хýрка*, *фýрка* то же, *прéжда* 'пряжа', *веретéно* 'веретено', *прéшлен* 'пряслице у веретена', *къдéл*, *къдéля* 'кудель', *тръ̀лица* 'мялка', *мотовѝло* 'мотовило', *оснóва* 'основа', *въ̀тък* 'уток', *стан* '(горизонтальный) ткацкий станок', диал. *стать* 'вертикальный ткацкий станок', *стáтюв стан*, мн. *стетьове* то же, *рáзбóй* '(весь) стан', диал. *д'узéн* 'ткацкий станок', диал. *смóкове* мн. 'ткацкий станок', 'продольные брусья ткацкого станка', диал. *креватѝни* 'ткацкий станок', диал. *стáтила* то же, диал. *тезгя́ф*, *тезгя́х* 'ткацкий станок', *рахт* 'два боковых стояка у станка с горизонтальной перекладиной между ними', *крóснó* (*прéдно*, *зáдно*, *дирно*) 'навой, вал станка', *бъ̀рдо*, диал. *бъ̀рду*, *брѣ̀ду* 'бердо, ткацкий гребень', *грéбен* то же, *набърдѝло*, диал. *набръдѝло*, *набърдѝлу* 'набилки, рама для бёрда', *вáтали*, *въ̀тъли* 'набилки', *нѝти* мн. 'ниты', *нѝщелки* мн. 'ниченки', *скрипцѝ* мн., диал. *скрип*, мн. *скрѝпове*, *шкрипълцѝ*, *скрѝпалъцi* 'блоки', *скъ̀ркалца* мн. то же, *поднóжки* мн., диал.

[52] *St. Mladenov.* Etymologisches aus einer Kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache // Списание на Българската академия на науките. Кн. XLIII. София, 1930. С. 102—103. § 5. Weberei; *Хр. Бакарелски.* Принос към проучването на българските тъкачни станове // Известия на Народния етнографски музей в София. Година X—XI. София, 1932. С. 209—210; *В. Венедикова.* Един старинен начин на тъкане в Родопите // Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан. София, 1955. С. 165 сл.; *Ст. Стойков.* Названията на тъкачния стан в български език // Известия на етнографския институт и музей. Кн. VI. София, 1963. С. 311 сл.; *С. Цветко.* Болгарський варстат // Матеріяли до етнології. Всеукраїнська академія наук. Музей антропології та етнології ім. Хведора Вовка. II. Київ, 1929. С. 89 сл.

28 — 9718

пóднóшки, *пуднóшки* 'подножки', *цéпове* мн., диал. *цéпуве*, *цáпове*, *цáпуви*, *ця́пуви* 'цены, палочки, разделяющие нити основы', *совáлка*, диал. *сувáлка*, *суфáлка* 'челнок', *пръжéц*, диал. *пражéц* 'железный прут, растягивающий ткань', *крак* 'стояк станка', диал. *кору́на* 'половина ткацкого станка'; в архаическом родопском вертикальном ткацком станке различают *горно кросно* 'верхний вал', *стъпалки* мн. 'нижний вал', *разредáлно* кросно 'средний вал', *чепове* мн. 'стояки станка', *устá* мн. 'зев', *óтези* 'камни-грузила', *шúло* 'деревянная палочка для образования зева в нитках основы', *търкáло* то же, *ключ* 'сновалка', *уклю́чване* 'снование', *чúнове* мн. 'расстояние между колышками при сновании', *плúтва*, *óплит* 'основа', *чу́пка*, *цевúя* 'продолговатый клубок уточной пряжи'; далее — диал. *рудáн* 'мотальное приспособление, скало, сукало', *лéтка* то же, диал. *къжил* 'верхушка ручной прялки', *клув'я́* мн. 'сновальная рама с железными проволочками'.

Сербохорватский[53]: *тр̏лица* 'мялка', *грȅбēн* 'гребень (для чесания шерсти, льна, конопли), *чȅшаљ* 'гребень', *кỳдеља* 'кудель, пряжа', диал. *кућеља* 'ручная прялка', (Полица) *kudiļa* 'деревянная прялка длиной 1 м, с кружком наверху; кружок называют *kèva*' *прȅслица* 'прялка в виде лопаточки, рукоятку которой держат подмышкой (черногорск.)', диал. (Славония) *preļa*, *prelo* 'прялка, верхний конец которой называется *bašļuk*, а нижний, более тонкий, — *prelo*'; там же употребляется и *preļa lopatica*; диал. (Крале, в «турецкой» Хорватии) *prela* 'прялка', диал. (Полица) *kužeļuča* 'прялка плоской формы', *plasteńača* то же, *okrugļica* 'прялка круглой формы', *spińela*, *вретèно*,

[53] *Вук Стеф. Караџић.* Српски рјечник. Изд. 3. Београд, 1898, passim; *П. А. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 1. Этнография // Сб. ОРЯС. Т. LXIII. СПб., 1897. С. 492 сл.; *М. Ђ. Милићевић.* Живот орба сељака // Српски етнографски зборник. Књ. I. Београд, 1894. С. 19—21; *Љ. Мићовић.* Живот и обичаји Поповаца. = «Српски етнографски зборник». Књ. LXV. Београд, 1952. С. 54 сл.; *Vl. K. Petrović.* Zaplańe ili Leskovačko (u Srbiji). Narodni život i običaji // ZbNŽ. Sv. V. Zagreb, 1900. S. 98 ff.; *I. Klarić.* Kraļe (u turskoj Hrvatskoj). Narodni život i običaji // ZbNŽ. Sv. VI. 1901. S. 88 ff.; *Fr. Ivaniševic.* Polica. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. IX. 1904. S. 68 ff.; *B. Širola.* Novaļa na Pagu. Narođni život i običaji // ZbNŽ. Knj. XXXI. 1937—1938. S. 91—92; *I. Žic.* Vrbnik (na otoku Krku). Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. VII. 1902. S. 318 ff.; *V. Valetić Vukasović.* Narodna kuća ili dom s pokućstvom ti Dalmaciji, u Hercegovini i u Bosni // ZbNŽ. Sv. I. 1896. S. 40; *J. Lovretić.* Otok. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Sv. II. 1897. S. 292 ff.; *V. Rožić.* Prigorje. Narodni život ī običaji // ZbNŽ. Kń. XII. 1907. S. 184 ff.; *M. Lang.* Samobor. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. XVI. 1911. S. 220 ff.; *J. Kotarški.* Lobor. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. XX. 1915. S. 244 ff.; *L. Lukić.* Varoš. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. XXIV. 1919. S. 123 ff.; *M. Lang.* Op. cit. // ZbNŽ. Kń. XVII. 1912. S. 45, 75 ff.; *F. Fancev.* Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie. Der kai-Dialekt von Virje // AfslPh. Bd. XXIX. 1907. S. 384; *M. Tentor.* Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Gherso) // AfslPh. Bd. XXX. 1909. S. 202; *J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina.* Govor otoka Suska // Hrvatski dijalektološki zbornik. I. Zagreb, 1956. S. 181.

вртѐно, диал. (Далмация, Босния, Герцеговина) *vrateno* 'веретено', *пре́дем*, *пре̏сти* 'прясть', диал. *prelica* (о-в Паг) 'пряха', *пре̏ђа* 'пряжа', диал. *preja*, *пре̏шљен*, *пр̏шљен* 'пряслице, кольцо из глины на веретене', *дру̏га* 'большое веретено, служащее для перемотки пряжи с обычного веретена, 'простень', веретено имеет части, которые носят, например в врбникском диалекте о-ва Крк, названия *babica* 'головка', *vrat* 'шейка', *terbušić* 'утолщение, пузо', *rep* 'нижнее острие'; точно так же в ручной прялке различаются названия частей (в Славонии) *držlo*, *bašluk*, *prevezitak*, *koštica*; диал. (каик.) *kolôvrat* 'колесная прялка', *drajslek*, *mahalo*, *ра̀шак* 'простейшее мотовило в виде палки с развилкой на одном конце и перекладиной — на другом', *ви̏тао* 'более сложное, вращающееся мотовило', диал. (каик.) *vikel*, серб. диал. *витлић*, диал. (Славония, Далмация) *vito* то же, *мотòвило* 'мотовило', *су̏кати* 'сучить', *чѐкрк* 'сукало, сукалка', диал. (хорв.) *lȅtnjâk*, (сремск.) *лечàни̑к*, (хорв.) *sùkalo*, *sukalnlk*, (хорв.) *cjèvnjâk*, *цевљаник* — все с тем же значением 'сукало, сукалка'; это приспособление для намотки пряжи на цевку челнока имеет части, называющиеся *лȅтка* 'железный стержень для насадки цевки при сучении', *колесо/о̀бо̄д*, *кȍтӯр*, *кȍлӯт*, *кòта̂ч* 'диск, маховое колесо', *цȉјев* 'цевка, шпулька'; *мȍсӯр*, *на́врт*, *кàлам*, *кàлем* 'большая деревянная шпуля, цевка, с помощью которой снуют основу', *прȅди̑во* 'прядиво, то, что прядут: лен, шерсть', *снòвати* 'сновать (основу)', *о̀снова* 'основа', *осну́так*, *основутак* то же, *клу̏пко*, *клу̏пчић* 'клубок пряжи', *по́вјесмо* 'повесмо, пучок', *кàнура* 'моток ниток', диал. (Славония) *motak*, *točić* 'моток пряжи в 5—6 пасм', *па̏смо* 'определенное количество пряжи — 20 и более числениц', *чисмица* 'двойная нить', *чи̑саоница* 'численица — 3 нити вместе', диал. (Полица) *čiznica*, *čismenica* то же, диал. (Полица) *snovačica* 'доска для снования длиной 1 м', *snovača* 'сновальня, которая бывает двух родов: одна — вроде вращающегося мотовила, другая имеет вид кольев, забиваемых в стену, на которых затем снуют основу для тканья на станке', *кòлац*, *ко́чић* (Сербия) 'колышек для снования', *klȉn* (хорв., каик., чак., славонск.) 'гвоздь, колышек для снования', *снòва̄љка* = *snovača*, *чини* мн. 'промежутки, зевы при сновании'; прочие названия основы — диал. (Полица) *kosa*, *tàra*; *тка̏ти* 'ткать', *тка́лац*, *тка̂ч* 'ткач', *тка̂ља* 'ткачиха', *по̏тка* 'уток', диал. (хорв.) *poutka* то же, *ри́čica* (*роučica*), диал. (чак., каик.) *ūtàk*, *utȅk* 'уточная пряжа, уток', *ùtak* (Полица), *vutek* (Самобор), серб. диал. (Заплане) *вутак* то же, *ста̂н* 'стан, ткацкий станок', *ра́збо̄ј* 'ткацкий станок', диал. *крȍсна* мн. ср. 'ткацкий станок', *та̏ра* 'ткацкий станок' (см. выше значение 'основа'), *на̏тра* 'ткацкий станок; намотанная пряжа; один оборот ткани в станке (как ткацкая мера)', *статив*, *статива* (Черногория), *стативе* мн. 'ткацкий станок', диал. (каик., Вирье) *nâ°rъd* 'ткацкий станок', диал. (Лобор) *premà* то же; *стативица* (также *полутка*) 'одна из двух продольных половинок, бок ткацкого станка; связаны поперечными досками друг с другом', диал. (хорв.) *statve* мн. то же, (Далмация,

Герцег., Босния) *stative* мн., *stativnice* мн. (Славония) 'четыре стояка по углам стана', *statvenice* мн. (Варош, Славония) 'половины, бока стана', *вр̀атило* 'навой, вал ткацкого станка, на который наматывают основу', *предње, стражње вратило* 'передний, задний навой', *на́вој* 'навой, вал', *нòга* 'ножка, стояк стана', *ст̑уп* 'столб, стояк', диал. (Полица) *prešnica* то же, (о-в Крк) *kobila* 'один из четырех стояков', *грѐдица* 'одна из двух продольных балок станка или поперечная перекладина', *венчаница, горња поличица* 'верхняя продольная балка', диал. (каик., Пригорье) *grȕšt* 'основные деревянные конструкции стана, поддерживающие навои и набилки', диал. (каик., Самобор) *stranice* мн. 'продольные балки и планки', задняя перекладина, связывающая бока стана, называется в Сербии *пречага* или *веза* (иначе — *предњи* и *стражњи саставац*), передняя, которая служит сидением, — *стòлица, сѐдӣште*, диал. (Полица) *sidalica, kretina*, (Славония) *sidalica, sidačica*, (каик., Пригорье) *sedàlu*; в Полице перекладины называются *saponice* мн.; диал. *štanti, jarbolce* мн. (Врбник, о-в Крк) 'стояки, поддерживающие ниты и бердо', *нити* мн. 'ниты', диал. (каик., Пригорье) *nićavnice* мн. 'ниченицы', *nićenice* мн. (каик., Самобор) то же, *бр̏до*, диал. (чак.) *berdo* 'бёрдо, ткацкий гребень', *грѐбе̄н* то же, *чѐшаљ*, то же, *набрдило* 'внешняя рама, в которую вставляются и которой поддерживаются набилки с бёрдом', *вучерци* мн., *вучила* мн. 'подвязки, которые держат набилки', *брдило*, мн. *брдила* 'набилки, било, батан с бёрдом', внешняя рама бёрда или набилок называется в некоторых говорах (например, в Полице) *oglobḷe*; *бѝло*, мн. *бѝла* 'набилки, било, рама бёрда, которой прибивают уток', диал. (каик., Самобор) *žlaga* 'било, батан с бёрдом', бёрдо вставляется между верхней и нижней планками била — *навлак* и *потплек*, кайкавцы Самобора различают в набилках *gorno drevo, sredno i dolno drevo*, в верхней дощечке имеются *žinge*, по которым средняя часть била двигается вверх-вниз, в середине выдолблен *žlêb*, в который вставлено бердо; *ч̑унак* 'челнок', *чуњак* то же, особенно распространено название челнока *sovilo* (Полица), *совиља* (Цетиње), *софия* (Черногория, племя кучи и пиперы), *совељка* (серб, диал.); далее — *létka, brodić* (Полица), *ladvice* (Врбник, на о-ве Крк: *retko ka hkalica ono zove čunek* «редко какая ткачиха зовет его челноком — *čunek*»), каик. (Самобор) *čunek* то же, серб. диал. (Черногория) *чун, метик* то же, обыкновенный челнок имеет выемку — диал. *žleb* (каик.), сбоку — отверстие для нити утка — *rupica, luknica* (диал. каик., Самобор), внутри выемки — цевку с утком — *cev, cijev* (там же); *зе̏в*, диал. (Славония) *ziv* 'зев, промежуток между нитями основы, образуемый нитами, которые двигаются в блоках нажатием на подножки', *штапац, цепац*, мн. *штапци, цепци* 'цены, ценовные дощечки', *цијепци* (Попово, Ниж. Герцеговина) то же, *чини* мн. — 'зев между ними' (см. выше), диал. (Славония) *cipci* мн. 'ценовные дощечки', *шкрипка*, мн. *шкрипке, шкрипац*, мн. *шкрипци* 'блоки, в которых ходят ниты', *скочиħи* мн., *скочци* мн., *колотуриħи* мн., *ско-*

крци мн. то же, диал. (Полица) *koščaci* 'блоки', (Славония) *skošci* мн. то же, *пȍдношке* мн. 'подножки, педали ткацкого станка', *подножници* мн., *потплаци* мн. то же, *ногари* мн., *подлоге* мн., диал. (хорв.) *podložnice* мн., (Полица) *potplati* мн., *podnogača*, чак. (о-в Крк) *pedal* 'подножка', каик. (Самобор) *podložnaki* мн. 'подножки', (Черногория) *падногаче* мн. то же, *награђача*, *повраћача*, *запињача*, диал. *suračica* — названия второстепенных устройств для вращения и закрепления навоя; части бёрда называются *обрв* и *зупци* мн. 'зубья'; систему связи подножек с прочими частями зевообразующего механизма хорошо показывает следующее описание с кайкавской территории (см. работу М. Ланга о Самоборе в книге XVII «Сборника народной жизни и обычаев южных славян», уже цитированную в библиографии в сноске 53): «Polag *žlage* [било, набилки. — *О. Т.*] nalazi se na gornjim stranicama poprječno drvo, na kojem vise *škripci* na *žnôrah* [блоки на бечевках. — *О. Т.*]. Na škripcima su također žnore, na njima vise *nićenice* [ниченицы, ниченки. — *О. Т.*]. I nićenice imadu ozgo i ozdo žnore; na gornjima vise nićenice, a na donjima *vagiri*, na vagirima vise pak *podložnaki* [подножки. — *О. Т.*]...».

Из прочей номенклатуры подсобных аксессуаров ткацкого станка и ткачества можно назвать следующие: (Славония, Варош // ZbNŽ. XXIV. S. 125) *korîce* s kameńem i klinoin ⟨...⟩, da se pređa opruži i što boļe rastegni, (там же) *upeļač* 'тонкая и длинная железка, которой продевают пряжу в бёрдо', (каик., Пригорье) *sprušci* мн., 'прутья, распределяющие, натягивающие ткань ровно', чак. (Врбник, на о-ве Крк) *raštela*.

Вертикальный ткацкий станок для изготовления мешковины (*uzgorita krosna* — Полица) имеет одну перекладину — *grečica*, покоящуюся на двух стояках — *bandenice*, *bedrenice* мн., на этих последних есть два навоя — верхний и нижний (*dońe i gorńe vratilo*), основу разделяет *nitńak*, *dilačica*, уток прибивает гребень — *češaļ*; в качестве общего названия этого станка употребляется также *stan*.

Наконец, из терминологии тканья на дощечке (так называемый *мали стан*, не имеющий основы, — Попово, Ниж. Герцеговина) — *зупци* мн. 'зубы в количестве 4—5', *рупица* 'дырочка в середине каждого зубца, или пластинки', в эти отверстия вводится уток — *потка*; весь этот *мали стан*, т. е. пряжа, растягивается одним концом — за ногу, другим — за пояс, челнок — вид цевки с расщепленными концами, зев — *зијеви* — получается путем поднятия и опускания всего стана правой рукой.

Словенский[54]: *trlica* 'мялка', *greben* 'гребень, чесалка', *čeljusti*, *žleb*, *láloke* мн. 'щеки мялки', *trlec*, *nož*, *meč*, *jezik* 'меч, било мялки, мяло', *pazderje*, *pezdir* 'кострика, отходы при трепании льна', *predivo* 'прядиво, то, что идет на пряжу после трепания льна на мялке', *češelj* = *greben*, *mikati* 'мыкать',

[54] *B. Račič.* Domače tkalstvo v Beli krajini // Slovenski etnograf. Letnik III—IV. Ljubljana, 1951. S. 142 ff.; *V. Novak.* Slovenska ljudska kultura. Ljubljana, 1960. S. 79 ff.

povesmo 'пучок пряжи', *kudelja* 'грубый сорт пряжи', *preslica* 'ручная прялка, которую втыкают за пояс', *predica* 'пряха', *vreteno* 'веретено', *nit*, *žica* 'нить', *preja* 'пряжа, прядение', диал. *prelo* (Бела краина) 'супрядки', *kolovrat* 'колесная прялка', *prèdeno* 'напряденная пряжа', *štrene* мн. то же, *motovilo* 'мотовило', *rašek* то же, *presti* 'прясть', *tkati* 'ткать', *osnova*, *osnutek* 'основа', диал. (Бела краина) *kita* то же, *snovati* 'сновать', *statve* мн. 'ткацкий станок', (Поляна) *státive* мн., (Бела краина, Прекмурье) *krosna* мн. то же, (Бонна, Мариндол, Жумберак) *tara* 'ткацкий станок, в том числе вертикальный ткацкий станок для тканья грубых тканей (горянск.)'; названия отдельных частей горизонтального станка: *sprednje vratilo*, *žleb*, *palice sestrice*, *palica prebiralka*, *sklopnjača*, *ničalnice*, *bilo*, *brdo*, *čolniček* (*čunek*), диал. *suvalnica*, *suvavnica*, *cev*, *palica razpenjalka*, *srednje vratilo*, *dolnje vratilo*, *klop*, *stranice*, *kolesa*, *zobata kolesa*, *klinci*, *zev*; вертикальный ткацкий станок ускоков — *tara* — имеет части: *gornje vratilo*, *dolnje vratilo*, *palica nitnica*, *pomičnica*; применяется и ткацкая дощечка — *brdce za tkanje trakov*, *greblja*; *tkač*, *tkalec* 'ткач', *vitljen* 'мотовило, сновальня', *votek* 'уток'.

Словацкий[55]: *trlo*, *trlica* 'трепало', *trepačka* то же, *hrebeň* 'гребень', *česák* 'чесалка', *pazderie* 'очески', *pačesy*, *pačesky* мн. 'очески', диал. *klke* мн. 'грубая пеньковая пряжа', *kúdeľ* 'кудель, также — веретено', *priasť*, диал. *prádať* 'прясть', *priadka* 'пряха', *pradivo* 'пряжа', *priadza*, диал. *praza*, *pr̯iadza*, *praďenia* то же, *mykať* 'трепать', *praslica* 'прялка', *priadky* мн., диал. *priatke* 'посиделки', *vreteno* 'веретено', *kužeľ* 'прялка' (также значит 'конус', 'булава'), *niť* 'нить, нитка', *kolovrat* '(колесная) прялка, самопрялка', *motovidlo* 'мотовило', *súkať* 'сучить', *snovať* 'сновать', *osnova* 'основа', *motok* 'моток', *pásmo* 'пасмо, пучок пряжи', *snovadlo* 'сновальня', *tkať* 'ткать', *tkáč* 'ткач', диал. *kallec* то же, *útok* 'уток', *krosná* мн. 'ткацкий станок', *člnok* 'челнок', *cieva*, *cievka* 'цевка, катушка, шпулька', *návoj* 'навой, вал станка', *bidlá*, диал. *billo*, *bilo* 'набилки, батан', *brdo* 'бёрдо', *sedisko* 'сидение у ткацкого станка', *niteľnica*, диал. *niťeuňica* 'ниченка', *ziva* 'зев', диал. *kotúľke* мн. 'блоки ткацкого станка', диал. *ponože* мн. 'подножки станка', диал. *zvíjačke* мн. 'навой'.

Чешский[56]: *trdlice* 'мялка', *hřeben* 'гребень', *pazdeří* 'очески после трепания льна и конопли', *pačesy* мн. 'очески', *koudel* 'кудель, волокна,

---

[55] *A. V. Isačenko.* Slovensko-ruský prekladový slovník. D. I. Bratislava, 1950; D. II. — 1957; *K. Palkovič.* Z vecného slovníka Slovákov v Madarsku // Jazykovedné štúdie. II. Dialektológia. Bratislava, 1957. S. 341 (Tkáčstvo); *V. Uhlár.* Krosná, ich časti a činnost (Štúdia z ľudového názvoslovia tkáčstva) // Československý terminologický časopis. Ročn. II. Bratislava, 1963. S. 321 ff.

[56] *L. Niederle.* Op. cit. S. 336, таблица; *А. Будилович.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян. Ч. 2. Вып. 1. Киев, 1882. С. 38 сл.; *F. Trávníček.* Slovník jazyka českého[4]. Praha, 1952. passim.

идущие на пряжу', *předu*, *přísti* 'прясть', *příze* 'пряжа', *přadeno*, *předeno*, *předivo* 'прядиво, пряжа', *přádlo* 'прядение', *přadlena* 'пряха', *mykati* 'трепать', *kužel* 'головка ручной прялки' (также — 'конус'), *přeslice* 'прялка', *přeslen* 'пряслице, пряслен на веретене', *pásmo* 'пасмо, пучек нитей', *vřeteno* 'веретено', *kolovrat* 'колесная прялка', *motovidlo* 'мотовило', *soukati* 'сучить', *sukadlo* 'скально, сукало', *snovati* 'сновать', *snovadlo* 'сновальня', *osnova* 'основа', *nit* 'нить', *tkáti* 'ткать', *tkadlec* 'ткач', *útek* 'уток', *stav* '(ткацкий) станок', *krosna* мн. 'ткацкий станок '(а также 'корзина для ношения тяжести на спине'), *stativo* 'деревянные конструкции ткацкого стана', диал. (валашск., ляшск.) 'ткацкий станок', *stativky* ж. мн. 'сновальная рама на 12 шпулек', *vratidlo* 'вал, навой ткацкого станка, на который наматывается основа', *naviják* 'навой', *brdo* 'бёрдо', *člunek* 'челнок', *cívka* 'цевка, шпулька', *podnože*, *podnůžka* 'подножка', *skřipec*, мн. *skřipci* 'блоки ткацкого станка', *bidlo*, *bidla* мн. 'набилки'.

Серболужицкие[57]: в.-луж. *cěrlice* 'мялка', *pazdźeŕ* 'очески', *kudźel* 'прялка', *přasć* 'прясть', *přaslica* 'стержень прялки', *přasleń* 'пряслице веретена', *přaza* 'пряжа', *wrjećeno* 'веретено', *pasmo* 'пасемо, пучок пряжи', *motadło* 'мотовило', *sukać* 'сучить', *sukadło* 'скально, сукало', *snować* 'сновать', *nić* 'нить', *tkać* 'ткать', *tkalc* 'ткач', *wutk* 'уток', *krosna* мн. 'ткацкий станок', (н.-луж. *staśiwa* мн. ср., *staśiwy* мн. ж. 'ткацкий станок и его остов'), *nawójno*, *nawijadło* 'навой', *bardo* 'бёрдо', *česel* 'гребень', *bidmo* 'набилки, батан', (н.-луж. *ponozyja* 'подножки'), в.-луж. *křipk* 'блок'.

Полабский[58]: *lånąićə* (ср. отсюда нем. диал., люнебургск., *leineitz* 'ein Webekamm'), *püzdér*, мн. *püzdérə* 'отходы от трепания льна', *dargrnǫ́t* 'чесать (лен)', *kǫdíl'ə* 'расчесанный и связанный пучками лён', *aiprąst* 'выпрясть, спрясть', *nait* 'нить', *prątkə* 'пряха', *vriténə* 'веретено', *prąsléna* 'прялка', *glávkə* то же, *såkódlə* 'колесная прялка, самопрялка', *motüvąidlə* 'мотовило, скально, сукало', *prądénə* 'прядиво', *stren* 'пучок пряжи', *d'olü* 'очески'.

Польский [59] : *międlica*, диал. (Куявы) *miądlica*, (Ягодне) *miedlica* 'мялка', *cierlica*, (Куявы) *terlica* то же, (Ягодне) *klepadło* — мялка, представляет

[57] *L. Niederle.* Op. cit. P. 336; *Pfuhl.* Lausitzisch-wendisches Wörterbuch. Bautzen, 1866; *F. Jakubaš.* Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954. passim.

[58] *J. Heydzianka-Pilatowa.* Słownictwo połabskie w zakresie wyprawy lnu // Slavia Occidentalis. T. 12. Poznan, 1933. P. 258 ff.

[59] *O. Kolberg.* Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Seria III. Kujawy. Część. I. Warszawa, 1867. S. 86; Seria V. Krakowskie, Część. I. Krakow, 1871. S. 182; *Z. Kowerska.* Chata // Wisła. T. VI. Warszawa, 1892. S. 428 ff.; *Z. Wasilewski.* Tkactwo w Jagodnym // Wisła. T. VII. 1893. S. 80—81; Ks. A. Pl. Przyczynek do art.: Tkactwo // Wisła. T. VII. 1893. S. 291 ff.; [без подписи] Tkactwo // Wisła. T. X. 1896. S. 114—115 (из работы: *J. Świętek.* Lud nadrabski. Krakow, 1893. S. 31—32); *M. Wysłouchowa.* Przyczynki do opisów wsi Wisły w Ci-

собой доску с ложбинкой на стояках для очистки льна и пеньки, *cierlica* — орудие последующей обработки и чистки волокна, *trzepaczka*, *trzepak* 'трепало, трепалка', *szczotka* 'щетка для чесания льна, собственно, — доска с двумя дырками на концах и деревянным кружком с 65 гвоздями', *paździerze* мн. 'отходы от обработки льна на мялке', диал. *paździury*, *działo*, *zgrzebia* мн., *paczesie*, *paczoski* мн. 'очески', *kłaki* мн. 'очески конопли', *pakuły* то же, диал. (Висла, Цешинский край) *łomka*, *cirka* 'мялка', *szczeć* 'щетка', *kraca* то же, *kądziel* обычно значит 'ручная прялка', последняя состоит из доски, скамейки в которой укреплена сама прялка — *przęślica*, *kij u kądzieli*, диал. (Люблинский повят) *przęślica* 'сидение пряхи, доска', *pióro* 'стержень прялки, заостренный кверху', *krężel* 'короткий деревянный валик, заканчивающийся наверху острым конусом; к нему привязывается кудель — *kądziel* и сам он насаживается на *pióro*', диал. (краковск.) *krężal* 'верхушка прялки, насаживаемая на острие последней', *krążołek*, *krążel* то же, *prząść* 'прясть', *wrzeciono* 'веретено', *przęśleń*, *przęślik* 'пряслице на веретене', *motać* 'мотать', *przędza* 'пряжа', *talka* 'мера пряжи; мотовило простейшей формы для перемотки шерстяной пряжи', *wiatuch*, *kłębek* 'клубок, моток пряжи', *motowidło* 'большое мотовило', тогда как малое, ручное мотовило называется *talka* (Седлецкий повят), *motek* 'моток, пряжа, снятая с мотовила', *potak*, *zwijadło*, *toczak* 'скально, сукало для наматывания утка на цевку', *cewka* 'цевка, шпулька челнока', диал. (надрабск.) *spulárz* 'скально, сукало', *falfa* = *cewka*, (Висла, Цешинский край) *kiwa* 'мотовило', *fajfa* 'цевка', *kółko*, *kołowrot* 'колесная прялка, самопрялка', *wijadła* мн. = *zwijadło* 'скально, сукало', кроме того, *wijadła*, диал. *kiwki* мн. (Спиш) выступают также как названия мотовила с прямоугольными рамами на оси, прочие названия мотальных приспособлений — *szybak*, *ocedzarka*, *sukać* 'сучить', *sukadło* 'скально, сукало', *snować* 'сновать', (Ягодне) *snowalnia* 'сновальня', (надрабск.) *snuwalnia* то же, (цешинск.) *szafarka* 'сновальная дощечка', (любартовск.) *snowadel* ж., мн. *snowadle* 'сновальня', *snowadła* мн. 'сновальня из двух рам, насаженных под прямым углом друг к другу на палку', на сновальне снуютcя нити — 22—24 *gonków* по 50—60 локтей в одном *gonku*, все это потом снимают и делают из основанной пряжи так называемой *łańcuch*, буквально — 'цепь', иными словами — основу, главные названия которой — *osnowa*, диал. (Седлецкий повят) *snucie* то же, *postaw* 'основа, натянутая на навои и закрепленная в ткацком станке', *tkać* 'ткать', *tkacz* 'ткач', диал. (краковск.) *knap* 'ткач', *wątek*

---

eszyńskim // Lud. T. II. Zesz. 2. Lwów, 1896. S. 131 ff.; *L. St. Liciński.* Tkactwo w osaclzie Kamionce w powiecie Lubartowskim // Wisła. T. XIX. 1905. S. 2 ff.; *A. Fischer.* Lud Polski. Podręcznik etnografii Polski. Lwów—Warszawa—Krakow, 1926. S. 56 ff.; *Он же.* Zarys etuograficzny województwa Pomorskiego. Toruń, 1929. S. 22 ff.; *J. Kostrzewski.* Kultura prapolska. Wyd. 2. Poznań, 1949. S. 231 ff., *А. Будилович.* Указ. соч.; *L. Niederle.* Op. cit.; *K. Moszyński.* Kultura ludowa Słowian. Część I. S. 296 ff.

'уток', *krosna* мн. 'ткацкий станок', *warsztat* то же, диал. (Седлецкий повят) *staciwa* мн. 'более простой ткацкий станок', тогда как *warsztat* обозначает в соответствующем говоре усовершенствованный ткацкий станок, а *krośna* (диалектная форма) — сам продукт ткачества; в терминологии сельских ткачей Камёнки Любартовского повята различаются такие виды ткацкого станка, как *stojaki*, *półstojaki* и *ścienne* — последние прикрепляются к балке и к стене над окном; *nawój* 'навой', *wałki*, *wały* мн. 'навои, валы', диал. *staciwe* мн. 'рама ткацкого станка', 'перекладины, соединяющие столбики станка', *słupki* мн. 'столбики ткацкого станка', *boki*, *zadek*, *sztoga* — названия частей остова ткацкого станка, *karkulce* мн. 'планки, которыми станок прибит к стене', *nić* 'нить', *nicielnice* мн. 'ряды бечевок с петлями, через которые проходят нити основы, ниченки', *nicionki* мн. то же, диал. (любартовск.) *niciennice* мн. 'ниченки', *naczynia* мн. (диал., любартовск.) 'приспособление, выполняющее роль ниченок в ткацком станке и состоящее из четырех частей друг над другом'; эти части называются в народной терминологии данного диалекта *sochty*, *szefty* мн., (Ягодне) *oczy* мн. 'ячейки, петли ниченок, через которые пропускаются нити основы', *klocki* мн. поддерживают ниченки сверху, *bardo* 'бёрдо', *płocha* 'бёрдо, ткацкий гребень', диал. *láda*, *loda* то же, *blat* то же, *listwa* 'нижняя планка набилок, в которую вставлено бёрдо', *treść*, *trzcina* 'зубец в бёрде (тростинка)', *bidły*, *bijadła*, *nabitki*, *zbijacze* мн. 'набилки, батан', *czółenko* 'челнок', диал. (седлецк.) *czółnik*, (надрабск.) *cólno* то же, (цешинск.) *czołnek* то же, внутри челнока — цевка с утком, насаженная на стержень — *trzpień*, (любартовск.) *cwak* то же; *cyny*, *czyny* мн. 'ценовные дощечки — узкие планочки, разделяющие нити', (любартовск.) *grządki* мн. 'поперечные планки, на которых держатся набилки (рама с бёрдом) и ниченки', (любартовск.) *poły* мн. 'продольные планки, соединяющие передние и задние ножки станка', *łątki*, *sztaki* мн. (см. выше — *sztoga* из другого диалекта) — названия дополнительных деталей, направляющих полотно на товарный вал, *podnóżki*, *podnóże*, *pedały*, *stopnie* мн. 'подножки ткацкого станка — дощечки, соединенные внизу с ниченками', *natłoczki* мн. (цешинск.) то же, (там же) *bierca* мн. — части, соединяющие подножки с ниченками, *trakować nogami* (любартовск.) 'нажимать на подножки', *prątki* мн. 'прутья, вставляемые в основу на ткацком станке', *rytki* мн. 'частая решетка, через которую пропускают нити, чтобы они не путались', *szparutki* мн. 'прутья, растягивающие уже сделанное полотно, чтобы нити утка не расходились', (любартовск.) *spirytki* мн. то же, *głowa* — утолщение на конце вала, *rogi* 'колышки на конце вала', когда поворачивают, натягивают вал, то один из этих колышков входит в отверстие *kocur'a*, *swaczyna* 'груз, гиря, подвешиваемая в задней части станка', (Каменка, Любартовск. повят) *synki* мн. 'планочки, разделяющие нити основы попарно', *szynki* мн. (дер. Студзянки) то же, *kółko*, *maciek*, *maciuś*, *suka* — приспособления, запирающие навой в требуемом положении, (любартовск.)

fakówka, *synka* 'планка, прокладываемая между нитей поперек основы и служащая для образования зева при нажимании правой ногой на подножку станка', *fak* 'зев', *ziew*, *przesmyk* то же, диал. (поморск.) *warp* 'ткань, в которой и уток, и основа из шерсти'.

Русский[60]: *мя́ло*, *мя́лка*, *мя́лица*, *мя́льница* 'устройство, с помощью которого мнут, ломают лён и коноплю', части мялки — *ножки*, *щеки*, *щёчки*, диал. (ряз.) *шшо́ки* мн., между щеками — *прага́л*, *наря́* 'щель', в которой ходит *меч*, *ме́чик*, *би́ло*, *язы́к*, *палка* (на шарнире), *костри́ка*, *треста* 'отходы, то, что откалывается от волокна при ломанье льна, конопли', *трепа́ло* 'орудие трепания льна и конопли', отходы трепания — *отрепье*; *горсть* 'единица измерения выбранной, а также измятой конопли', *сту́па*, *толкач*, ряз. *талка́чь*, *пест*, *пехтиль*, *толче́я* — устройства, с помощью которых толкут, измягчают волокно измятой и вытрепанной конопли, *повесмо*, диал. (ряз.) *паве́сма* 'пучок измятой конопли, равный десяти горстям', *мы́кать*, диал. (ряз.) *пиремы́кать*, *атмы́кать*, *намы́кать* 'разбирать, расправлять с помощью гребня и гребенки волокна поскони после толчения и трепания', на территории рязанской Богословщины *намы́ка* — 'сверток конопли', *куде́ля* 'сверток шерсти', *гре́бень* 'большой деревянный гребень с длинной ручкой, на который во время мыканья надевается расчесываемое гребенкой волокно', *чеса́ть*, диал. *пирчеса́ть* 'растягивать, раздвигать руками шерсть, подготовляя ее к обработке, расчесывать намыку специальной щеткой', *щётка* 'пучок навощенных свиных щетин, посредством которого из намыки вычесываются остатки отходов и пыль', диал. (ряз.) *шшетить* — то же, что *чесать*, *верхо́вина*, *клочанки* мн. 'очески', *па́чеси*, *пачосы* мн. 'продукт второго чесания', яросл. *и́згре́би* мн. 'очески льна', диал. (ряз.) *хлоп* (sing. tant.) 'отходы конопли, остающиеся после мыканья, чесанья, пряденья в виде спутавшихся волокон', яросл. *охло́пок*, *куде́ль*, *куде́ля* 'лучший сорт волокон; сверток избитой или тщательно расчесанной руками шерсти, поступающей пряхе или валяльщику', 'пучок льну, конопли для пряжи; льняные очески', *прясть*, *испря́сть*, *напря́сть*, *атпрѣ́сть*, *прѣ́дево*, *прѣ́диво*, диал. *пря́дива* 'шерсть или

[60] См.: *Н. И. Лебедева.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX в. // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 31. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 459 сл.; *Ю. П. Чумакова.* Лексика, связанная с обработкой конопли и шерсти, прядением и ткачеством в районе «Богословщина» Рязанской области // Ученые записки Рязанского гос. нединст-та. Т. XXV. Вып. кафедры русского языка. 1959. С. 341 сл.; Словарь орехово-зуевских текстильщиков; историко-диалектологические исследования / под ред. М. Н. Шабалина (= Труды кафедры русского языка [Орехово-Зуевский пединститут]). М., 1960; *D. Zelenin.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927. S. 149 ff.; *Г. Г. Мельниченко.* Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.). Т. I. Ярославль, 1961; *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., passim.

конопляное волокно как материал для прядения', *пря́лка*, *гре́бень* 'простая прялка — палка с гребнем для кудели наверху, вставляющаяся в доску сиденья', диал. (ряз.) *рага́тка* 'толстая палка, менее метра длиной, с развилиной на верхнем конце, на которую привязывается куделя шерсти при прядении', *до́нце*, диал. *до́нца*, *копы́л*, *гузно́* 'доска — сидение пряхи, в которое вставлена сама прялка с куделью', *пря́ха*, *пря́лья* 'пряха', усовершенствованная колесная прялка носит названия *самопря́лка*, *пря́лка*, *пря́лица*, *пря́ха*, диал. *снапря́ха*, последняя состоит из частей, которые носят следующие названия — диал. (ряз.) *крух* 'колесо', *спицы*, *ось*, *вертено́*, *гребенка с зубьями*, *струны*, *подножка*, *махалка* 'дощечка'; волокна, которые насаживаются на прялку, носят, помимо названия *кудель*, также названия *ку́жель*, *мо́чка*, *мы́чка*; если простая прялка не имеет гребня, то кудель привязывается к стержню прялки поясом или особой бечевкой — *муто́вязь*, верхняя часть такой прялки называется *ло́пасть*, *личи́нка*, а вся прялка в целом — *пря́сница*, *пря́селка*, *пря́слица*; *веретено́*, диал. *вертено́*, яросл. *варе́шка*, *варю́шка* 'веретено', *пря́слице* (ряз.), *коте́лочка* (брянск.), *пря́слен*, *попрясёлок*, *попрядо́к* (яросл.) — разные названия пряслица на веретене, *прядь*, *пря́жа* 'отпрядённые нити', диал. (ряз.) *жы́чя* 'шерстяная пряжа из предварительно вымытой шерсти, не садящаяся при стирке', *верчь* 'толстая, грубая конопляная пряжа, которую крутят руками из отходов мыканья, пряденья', *сучи́ть*, *крути́ть* (прядь, нить), *руче́нька* 'веретено с нормальным количеством намотанных при прядении нитей', если нитей намотано еще мало, такое веретено называется *поча́ток*, *почи́нок*, *зача́тыш*, *заря́дыш*; *мота́ть*, диал. (ряз.) *мату́шка* 'пряжа, смотанная с початков кругами', *мотови́ло*, *мота́лка* 'снаряд для размотки пряжи с веретена', *мот*, *мото́к*, диал. (ряз.) *разма́тка* 'приспособление для разматывания мотушки в клубок (крестообразное)', диал. (яросл.) *воро́бы*, *сну́йки* мн., *ба́ба*, *кресты* (ю.-в.-р.) 'ворот, на который пряжу перематывают с мотовила', диал. (ряз.) *крута́я* (*пряжа*) 'сильно скрученная п.', (там же) *праста́я* 'слабо скрученная, мягкая пряжа', *клубо́к* 'смотанная в виде шара пряжа', диал. (ряз.) *калы́шка* 'часть клубка из параллельных витков', (там же) *па́йма* 'количество пряжи, которое можно захватить двумя пальцами', единицами счета, меры пряжи, мотков являются *па́смо*, диал. *па́сма*, (ряз.) *па́сам* то же, *чи́сменка*, *чи́сленка*, диал. (ряз.) *чи́слинка* '1/10 пасма', в одной численке — три нити, новая мера льняной пряжи — *та́лька* = с.-в.-р. *пяти́на*, диал. (ряз.) *трасти́ть*, *страсти́ть*, *стра́шывать* 'сдваивать пряжу без перекручивания, подготовляя ее к сученью', (там же) *ссыка́цца* 'закручиваться', *снова́ть*, диал. (ряз.) *снава́ть*, *аснава́ть*, *наснава́ть* 'натягивать в определенном порядке продольные нити будущей ткани', *осно́ва*, снуют основу часто на стене строений, откуда *стена́* — как название меры холста, единица длины основы, при таком сновании применяют *юро́к*, или сновальную лопатку с двумя дырочками, *снова́льня* 'снаряд, на котором снуют основу',

диал. (ряз.) *сну́льница* 'сновальная рама', (там же) *шшо́чᶦк* 'колышек на нижней стороне сновальни, собственно — счетчик', иначе — *починальный колик*, *начин* то же, *ткать*, диал. *тка́лья* 'ткачиха', *ткач*, диал. *точея́* 'ткачиха'; кроме обычных ткацких станков, великорусам известно тканье на дощечках, на картах, причем уток прибивают особым деревянным ножичком — *кордиком*, также известно *тканье на бердёчке* — дощечке, разделенной на *тро́сти* параллельными щелями, наконец, тканье *на ниту́*, когда нити прикрепляются одним концом к гвоздю на стене, а другим — к поясу ткачихи (*нит*, *нито́чек* — это петля из суровой нитки, перевязывающая нижние нити и подтягивающая нити кверху), диал. (ряз.) *до́шшыки* мн. 'примитивное приспособление для тканья шерстяных поясов — квадратные деревянные пластинки с четырьмя отверстиями по углам'; *стан* 'ткацкий станок', диал. *став* то же, *кро́сна* мн. то же, диал. (ряз.) *красна́* 'холст в процессе тканья или вскоре после; единица измерения длины холстов', *наби́лки*, *набе́лки*, мн. 'деревянная рамка, которая состоит из двух параллельных горизонтальных брусков с продольными желобками, соединенных двумя боковыми планками; в эту рамку и в эти желобки вводится бёрдо; все вместе служит для прибивания каждой новой нити утка', диал. (вологодск.) *боталы* мн. 'набилки', *бёрдо*, диал. (орехово-зуевск.) *бердо́*, (яросл.) *бе́дра*, (ряз.) *бе́рда*, мн. *бе́рды/а* 'ткацкий гребень, бердо', *трость*, мн. *тро́сти*, *зу́бья* 'палочки в бёрде', разновидности бёрд носят разные местные названия: (ряз.) *адиньшык* 'бёрдо, используемое при тканье самого тонкого полотна (на 11 пасм основы)', далее — *деся́тня*, *девя́тня*, *васму́ха*, *сему́ха*, *шесту́ха*; *цепки* мн., *ни́ченки*, *ни́чинки*, *ни́ты*, *ни́ченицы*, *ни́тницы* мн. 'нитяные петли между двух поперечных горизонтальных прутьев для подъема нитей основы подножкой в целях образования зева', *цепо́к*, (ряз.) *цапо́к* 'одна ниченка', *це́ны* (pl. tant.) 'веревочка, перевивающая основу и разделяющая ее на пасма на перекрещивании нитей', также *це́ны*, *ценовны́е до́ски*, *ceно́вки* 'прокладки поперек основы', *подно́жки* мн., *ве́кошки* мн., *соба́чки* мн. 'блоки, на которых двигаются ниченки, иногда просто — палочки или кости овцы, с помощью которых ниченки соединяются между собой и подвешиваются к веревкам, спускающимся с потолка', *коте́лочки* мн. 'диски в блоках', *наво́й* 'вал станка', *при́шва*, *при́швица* 'полотняный, передний навой', *лучо́к*, *попря́жки*, *распря́жки*, *рашпо́ры* мн. 'прутья, натягивающие полотно на навое', сюда же диал. (ряз.) *снарежа́льник*, *припира́льник*, *спуспальник* 'палочка, спускающая основу', *уто́к* 'поперечная нить ткани, переплетающая основу', *це́вка* 'шпулька с намотанным утком, вставляемая в челнок', *пружи́на*, *пружо́к*, *пруто́к* 'ось цевки в челноке, палочка', *челно́к*, диал. *чё́лнак*, *чо́лнак* (ряз.) 'челнок', *кобы́лка* 'петля ниченки', *пожильни*, *сволоки* мн. 'продольные брусья рамы ткацкого станка', *чу́рки* мн. 'поперечные планки рамы', *сво́лок* 'основный вал', *зев* 'отверстие, образуемое в нитях основы движением ниченок от нажатия на подножки и

используемое для пробрасывания челнока с утком', *касá*, *плетенка* (и то и другое — ряз.) 'основа в виде длинного ряда петель', *удóрка* 'задний конец косы', *близнá*, *блюзнá* 'брак в ткани, когда нить основы оказывается не переплетенной утком (ряз.) или когда одна или две нити основы отсутствуют на некоторой длине ткани (орехово-зуевск.)', *сýчья* мн. 'изъян ткани в виде неровностей', диал. (ряз.) *прасéть* 'участок полотна от пришва до бёрда', обычный продукт народной ткацкой техники на описанных станках — *ватола*, *холст* (*полотно*, *точиво*, *тканúна*), пониточная шерстяная ткань; *скалó*, *скáльница* 'снаряд, употребляемый для навивки пряжи на катушки, вкладываемые в челнок ткацкого стана (скало имеет вид звезды)'.

Украинский[61]: диал. (гуц.) *horstký* мн. 'пучки, горсти сорванного льна и конопли', (там же) *pránnyk* 'палка, которой толкут на расстеленном полотне лен или коноплю, связанные в горсти', (там же) *termit'e* 'кострика', *терниця*, *бúтка*, диал. (гуц.) *szmórhawkai*; *terłycia* 'мялка', части такой мялки называются *rébra*, *stéhna* мн. 'щеки', *zolib* 'желоб', *méczyk z fostóm* 'мечик, било', *sóchy* мн. 'ноги мялки', *mінати* 'мять (лен, коноплю на мялке)', *м'яти*, *кострика* 'отходы от ломания, кострика', *мúчка* 'пучок волокон, связанных для чесания', *грéбінь* 'гребень, на котором чешут волокна', *прядка* 'прялка', *грéбінь* 'стержень такой простейшей прялки', *днúще* 'донце, сидение прялки', локальный западноукраинский (гуцульский) тип прялки с верхней вращающейся деревянной частью с куделью называется *кужілка*, *kuźiwka*, *кружілка*, прочие ее части носят названия *sidéc* 'сидение' *dérźiwno* 'вертикальный стержень', *kóczieło* 'шайба, кружок', *kuźiwnýk* 'верхний деревянный стержень для кудели'; *кýжилъ* 'кудель, пучок волокна на прялке', *прядиво* 'прядиво', *пря́жа*, *пря́сти* 'прясть', *веретéно* 'веретено', части веретена — (диал., гуц.) *spiń* 'острие', *czérewo* 'утолщение веретена', *zátyczka*, *húska* 'нижний, тупой конец веретена', *koczalcé* 'пряслице', *прясли́ця* то же, *prósteń* 'нить, намотанная на веретено', *почúнок* 'начатое веретено, с небольшим количеством нитей', *weretýnnyk* 'приспособление для размотки веретен', его части — *ławka* 'основание', *prawýło* 'верхняя дощечка с отверстием для острия веретена', *rozsócha* 'развилок, в который вставляется веретено', *мотовúло* 'мотовило',

[61] *W. Szuchiewicz.* Huculszczyzna. T. I. Krakow, 1902. S. 171 ff.; *В. Н. Василенко.* Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии. Харьков, 1902. С. 29 сл.; *Ф. Волков.* Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. II. Пг., 1916. С. 490 сл.; *Л. Шульгина.* Ткацькі варстати в с. Мартиновичі на Київщині. Матеріяли до історії розвитку ткацтва // Матеріяли до етнології [Всеукраїнська академія наук. Музей антропології та етнології ім. Хв. Вовка]. II. Київ, 1929. С. 69 сл.; *Й. О. Дзендзелівський.* Лингвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), частина II. Ужгород, 1960. Карты 239, 240, 241; *D. Zelenin.* Op. cit. P. 149 ff.; *Н. И. Лебедева.* Указ. соч.; *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинского языка, особенно т. I: *Верстат*.

wýłyсі мн. 'развилок простейшего мотовила', *samotóka* 'мотовило в виде двух перекрестных рам, вращающихся на одной оси', диал. (закарпатск.) *самóт'ачка*, *самóт'эч'ка*, *самóк'эч'ка*, *самôт'ачкы* мн., *самôт'ачкы́*, *замôт'ачкы*, *замôт'ачкы́*, *вúрт'алки*, *вúрт'алкы*, *війалкú*, *вiйáлки*, *вiйавкú*, *вiйавкы́* мн. — все в значении 'рамное мотовило', *swóreń* 'ось мотовила', *jérta* мн., 'рамы', *мітоκ* 'моток', *клубок* 'клубок', мотовила имеют также названия *витýшка*, *бúльця*, *свіяжка* (диал., полт.), *пáсмо* 'пасма', пасмо', *числиця* '1/10 пасма', *снувáти* 'сновать', диал. (гуц.) *snuwáwka* 'сновальная рама', *pobédryny*, *kołudrabky* мн. 'перекладины сновальной рамы', *czopý* мн. 'колышки сновальни, на которых снуют, натягивают основу', *snuwáwnyk* 'приспособление для снования в форме ложки или дощечки с дырочками', прочие названия сновальни — *оснівниця*, *сновниця*, *снувальнúця*, *сновáл'а*, *сновáл'н'а*, *сновáл'н'і*, *снувáлка*, *сновáл'ка*, *сновáлка*, *сновалкú*, *снувалкú* (pl. tant.), *сновáлниц'а*, *сновáлниц'і*, *снýвалниц'і*, *снýвниц'а*, *снýйниц'а*, *оўснýвниц'а*; *оснóва* 'основа', *пiткання* 'уток', прочие диалектные варианты названия утка — (закарпатск.) *ткан'á*, *ткан'э́*, *ткан'é*, *пiткáн'а*, *путкáн'а*, *путкан'á*, *пӥткан'á*, *потыкан'а*, *потыкан'е*, *потыкан'á*, *потыкан'а*, *потыкан'е*, *потúкан'*, *потыкан'*, *потикáн'*, *потыкáн'*, *путкáн'*, *пӥткан'*, *пýткан'*, *пӥткан'*, *пӥтка*, *быт'á*, *побыт'á*, *побыт'é*, *побúван'а*, *побыван'е*; *ткáти* 'ткать', (полт.) *робóта* 'подготовленный, т. е. пряденный и основанный материал с пряжей для утка', *крóснá* мн. 'вертикальный стан (для рогож, ковров) и обычный горизонтальный стан', *верстáт(ь)* 'горизонтальный ткацкий станок', (зап.-укр., Лебедева) *разбои* 'вертикальный стан для рогож и ковров', *стан*, *статива* 'костяк, остов, на котором укрепляют разные подвижные части ткацкого станка', обычные горизонтальные станки имеют ряд видов — *кросна на сохах* (стативы не имеют), *кросна до ослона*, *кросна пiд широке полотно*, *кросна простi*; *перéднi*, *зáднi кóники*, *сохи*, (полт.) *стоякú* мн, 'столбы станка', *слýпки* мн. то же, *ставкú*, *побéдрини*, мн., *жéрдки* мн. 'продольные планки', *поперéчницi* мн. 'горизонтальные поперечные перекладины', *сíдавка*, *sidéc*, *сiдáк*, диал. (киевск.) *ослíн* (род. *ослóну*) 'сидение', (гуц.) *lónyky*, *lonký* мн. 'вертикальные упоры, на которых покоится горизонтальный *mágol*', ниже — *sztak*, *спiднiй навíй*, *воротúло* (гуц., черниг.), *навойка пуiдполотенна* (диал. киевск.) 'передний вал', (полт.) *магiвнúця* = (гуц.) *magol* 'наставка на лоне, грудница, через которую переходит основа к бёрду', *шáйда* 'передняя поперечная перекладина', *сýчка з зубáми*, *триб*, *трибóк*, *жáбка* 'задержка, запор переднего, товарного навоя', *вéрхнiй*, *горiшнiй навíй*, *воротúло*, (киевск. диал.) *навойка* (*воротило пуiд основу*) 'задний, оснóвный навой', *сýчка*, (гуц.) *kiehło*, *цýга*, *дзýга*, *плянлра* 'задержка, запор заднего навоя', *чiп*, *шнур*, *кáмiнь* — 'дополнительные приспособления для запора', *пóножi*, (полт.) *пiднiжки* мн. 'подножки', (гуц.) *swóreń*, (полт.) *швóрень* 'горизонтальный прут, на котором ходят подножки', *скраклi з кiльцями* мн., *мúшки*, *žiebký*

мн. (гуц.), в которых наверху подвешены и вращаются блоки — (гуц.) *riwczićti koliścláta* мн., (киевск. диал.) *покатьолки* то же, (полт.) *жидкú з покотьóльцями* мн. 'блоки ремизок', *нúчиниці* мн. 'ниченки, горизонтальные параллельные прутья, подвешенные к блокам, между ними — ряды вертикальных нитов с петлями, глазками', *нáчинь* то же, *шóхта* 'прут, обрамляющий ниченки снизу и сверху', *барцóшки*, *парцóшки* мн. то же, *мотузú* мн. 'завязки ниченок за подножки', *нúти* мн. 'ниты, ниченки из толстых нитей', (гуц.) *cipký* мн. = *шохти*, *барцошки*, *вічка* мн. 'петли ниченок, глазки галев', *кобúлка* 'нижняя петля ниченок', *кóник* 'верхняя петля', (гуц.) *nábiwka*, (киевск. диал.) *набіелки* мн., (полт.) *ляда* 'набилки, батан, рама бёрда', *стрілá* 'верхняя горизонтальная планка набилок', *снизькú* мн., (киевск. диал.) *снуізки* 'две вертикальные боковые планки набилок', *бéрдо* 'бёрдо, ткацкий гребень', (полт.) *блят* то же, *трость* 'зубец в берде', (галиц.) *сказівки* мн. 'зубья', *прутки* мн. 'верхняя и нижняя планки бёрда', (гуц.) *комірки́* мн. 'щели для нитей основы между зубьями бёрда', *чóвник* 'челнок', *рівчáк* 'паз в челноке для цевки с утком', *хлучик*, *флýдець*, *флýдик* 'палочка с цевкой в челноке', *цівка* 'цевка, шпулька в челноке', (полт.) *сватóк*, *сват* 'железный стержень внутри челнока', *шпарýтка* 'прут, растягивающий полотно', *горобéць*, *шляшчúна*, *перебóрки* 'цены, ценовные доски', *сукáло*, (гуц.) *remisnýk*, *poták* 'скально, снаряд для навивки утка на цевку'.

Белорусский[62]: *тéрница*, *ciernica*, *мя́лица*, *мя́ло* 'мялка для выламывания кострики из льна и конопли', *ciérci* 'обрабатывать на мялке', *trepło*, *trepáło* 'трепало', *hrébień* 'гребень для чесания волокна', *pázdzirki* мн. 'очески', *czesáć* 'чесать', *zhrébje* 'грубое волокно', *kúżel*, *кýжиль* 'более тонкое волокно, лен, очищенный и чесанный несколько раз', *kłóczcze*, *pákulla*, *пáчись*, *оттрéпыши*, *вярьхóчись* — названия продуктов различных стадий чёски, *żmiénia* 'горсть льну', *pawiésma* '10 пасм', *кудéля*, *прáсница*, *прáлица* 'простая ручная прялка', *kudziéla* также обозначает моток очищенного льна, *пря́дзиво* 'прядение; прядильный материал', *práża* 'пряжа', *верацянó*, *виръцянó*, *wierecienó* 'веретено', *ручáйка* 'веретено с пряжей', *прóсцинь* 'несколько свитых и связанных вместе нитями ручаек на одном длинном веретене', *paczýnak* 'полное веретено', *кружáло* 'пряслице', *sukáć níci* 'сучить нити', *czeszújka* 'слой ниток на клубке', *matawiło*, мотовила 'мотовило', *matók* 'моток', *kłubók* клубок', *снувáць*, *snowáć* 'сновать', (витебск.) *снувáлка*

---

[62] *Н. Я. Никифоровский.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (этнографические данные). Витебск, 1895. С. 145 сл.; *Cz. Pietkiewicz.* Polesie Rzeczyckio. Materiały etnograficzne. Część I. Kultura materialna. Kraków, 1928. S. 263 ff.; *K. Moszyński.* Polesie wschodnie. Warszawa, 1928. S. 91 ff.; *D. Zelenin.* Op. cit. S. 149 ff.; *Н. И. Лебедева.* Указ. соч. С. 459 сл.; *И. И. Носович.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. — Нами сохраняется написание, принятое в этих источниках.

'плоская круглая ложка с 5—6 дырочками, для снования основы', *пычинáльный кóлик* 'колышек сновальни, с которого начинают сновать основу', *кросённые клубки, уюшки* мн. 'клубки пряжи, приготовленные для снования', *снувáльня* 'вертящаяся сновальня', *pásmo* 'пасма, пасмо', (вост.-полесск.) *czísleniса* 'чисменка', (витебск.) *чúслина* то же, *сукáлка, сукáла* 'станок, на котором насучивают цевку челнока', *сцёрин* (витебск.) 'ось сукалки, на которую насажено маховое колесо', *кóло* 'маховик сукалки', *крóсны* мн. 'ткацкий станок', также 'основа, ткань, непосредственно сотканная', (витебск.) *став, крóсинный став* 'ткацкий станок' (витебский вариант белорусского ткацкого станка — и соответственно его терминология — сложнее, чем полесский вариант), *нарад* 'ткацкий станок', *колóдка* 'навой, вал станка', *головá* 'передний навой', *nawójka* то же *навоé* (дв. чис.) 'два навоя', *dószczeczki* мн. 'планочки, раздвигающие нити основы перед задним навоем', *staciwa* 'стояки стана', *нáбелки* мн., *нáбилица, нáбильницы* мн. 'набилки, рама бёрда', *бёрдо, bérdo* 'бердо', *níty* мн., *нúчельницы* мн. 'ниченки', *trość* 'тростинка, зубец бёрда', *зýбья* мн., *kaciúszki* мн. 'блоки', *бирýльки, волчкú, горностáйки, собáчки, чепёлочки* мн. то же, *цыны́* 'ценовные дощечки, цены, разделяющие основу', *челнóк, czóqnik* 'челнок', *prutóczok, прýтик* 'стержень в челноке', *цéвка*, (вост.-полесск.) *cíйoczka* 'цевка', *utók* 'уток', *поножú, пыножú* мн. 'подножки', *понёбница* 'верхняя горизонтальная перекладина, которая держит блоки и ниченки', *пруг* 'прут, растягивающий ткань', *кобы́лка* 'петля ниченки', *ткаць* 'ткать', *ткáнка* 'головная повязка'.

На этом мы заканчиваем более или менее синхронный обзор народной текстильной терминологии большинства славянских языков. Нам пришлось при этом назвать форму и описать значение не одной сотни терминов. Употребляя в этой работе большое число раз слова т е р м и н о л о г и я, т е р м и н, мы чувствуем необходимость оговориться, что пользование этими словами продиктовано здесь в значительной мере соображениями удобства, а не какими-то принципиальными установками. Дело в том, что строгость и однозначность употребления в языке названий такого рода, обозначаемых нами как термины, обычно не превышает средние величины этих показателей для прочих компонентов словаря и не составляет, по-видимому, той обязательной характеристики, которая должна отличать термин от слова вообще. В нашем материале строго единообразная дефиниция обозначаемого возможна, пожалуй, в меньшинстве случаев, тогда как в большей части случаев она будет наталкиваться на непреодолимое сопротивление самого материала. Поэтому, если речь идет о выделении древнего пласта обозначений, целесообразно довольствоваться более косвенными указаниями на значение слов, получаемыми из анализа засвидетельствованных продолжений древней формы по языкам и родственных слов в более отдаленных языках. Колебание значений слов в известных пределах, отношения текстильной лексики к остальной лек-

сике языка, случаи вовлечения этой последней в сферу лексики текстильного производства, степень и характер этой терминологизации — все это свидетельствует о том, что перед нами типичный пример народной терминологии со всеми ее отличиями от книжной, научной терминологии. Сказанное сохраняет значение для всей настоящей работы, во всех разделах исследуемой нами ремесленной терминологии.

Мы обращаемся теперь к диахронической проблематике — основной для нас проблематике лингвистического аспекта нашего исследования. Нас будут интересовать этимологизация, словообразовательный анализ, общая (групповая) реконструкция и связанные с ними терминологические и прочие наблюдения. Но главное для нас среди этой бегло намеченной диахронической проблематики — это, бесспорно, этимология, в которой мы видим основу для всех остальных действий. Центральное место, занимаемое этимологическим анализом в нашей дальнейшей аргументации, заставляет относиться к возможностям этимологии в этой области трезво и с пониманием ответственности. Мы оцениваем возможности этимологии очень высоко, как это мы стремились показать уже с первых страниц, включая отдельные чисто этимологические примеры и аргументы в число широкого круга «культурных» доказательств. Правда, речь вначале велась, так сказать, о внешнем, внеязыковом эффекте этимологических данных, но самую суть дела это едва ли меняет, и теперь мы можем взглянуть на тот же предмет с другой стороны — с точки зрения надежности и доброкачественности этимологической исследовательской процедуры как таковой. Общие недостатки этимологического исследования, определяющие относительную надежность его результатов, известны читателю, как мы полагаем. Предлагаемое этимологическое исследование славянской текстильной (а дальше и плотничьей, гончарской, кузнечной) терминологии преследует также цель сократить по возможности момент субъективного и случайного в аргументации этимологического анализа привлекаемой лексики; во всяком случае мы всюду стремимся взглянуть на каждый отдельный этимологизируемый случай в плане более широких и регулярных соответствий. Отсюда первостепенное внимание к словообразованию, с одной стороны, и к цельным словам, лексике — с другой. Сказанное выше о моменте случайного не следует понимать так, будто нас интересуют только регулярные образования; речь идет об ограничении случайности в аргументации этимологии, тогда как «случайное», изолированное в образовании самих слов (различные индивидуальные изменения и деформации — нем. *Entgleisung*, польск. *wykolejenie*) представляет собой столь же достойный объект этимологического исследования, как и всякий другой. Наши усилия направлены на то, чтобы ограничить свободу выбора аргументов, а следовательно, и свободу выбора самого этимологического решения также в отношении «случайных» образований.

29 — 9718

Групповой аспект помогал нам при определении и уточнении значений терминов текстильного производства одного языка и одного диалекта там, где описания оказались слишком лаконичными, а словари давали двусмысленные или попросту неверные характеристики (подробное сличение и перечисление таких расхождений нами опущено, так как оно удлинило бы наш и без того достаточно объемистый обзор). При этом нередко устанавливалась семантическая и терминологическая граница между отдельными терминами с удовлетворительной четкостью и как бы проступали наружу контуры мозаической, а в некоторых примерах — симметричной, основанной на парных корреляциях организации совокупности терминов. Верность групповому аспекту рассмотрения нашего лексического материала мы постараемся сохранить на всем протяжении нашего исследования, во-первых, потому, что одна из основных целей всей работы — дать групповую реконструкцию исследуемой лексики для предшествующих эпох; во-вторых, групповой аспект изложения заключает в себе подчас информацию первостепенной важности о происхождении того или иного слова, наиболее доступным образом подводит к его этимологии. Наконец, удобство группового аспекта рассмотрения целой совокупности лексики текстильного производства (и других подобных совокупностей) заключается, естественно, еще и в том, чтобы дать материал дальнейшим исследованиям. Для нас это представляется желательным особенно в тех случаях, когда мы вынуждены констатировать неясность этимологии слова.

Говоря об этимологии, мы хотели бы выделить некоторые наиболее существенные, с нашей точки зрения, моменты в понимании ее задач для данного исследования. Поиски взаимосвязей и общих тенденций, необходимость которых диктуется и характером реального аспекта нашей проблемы образования и развития основной славянской ремесленной терминологии, и особенностями ее лингвистического аспекта, привели нас к выбору группового аспекта рассмотрения этой терминологии. Именно эти поиски побуждают отдать предпочтение не серии изолированных этимологических этюдов (что-нибудь вроде этимологического словаря славянской терминологии ремесел, что также формально было бы одним из допустимых решений нашей проблемы), а этимологическому анализу слов, перекрываемому многократно различными связывающими планами, или аспектами. Помимо других, здесь можно в первую очередь выделить лексический и словообразовательный аспекты. Эти тесно связанные аспекты имеет смысл рассматривать как достаточно самостоятельные и не совпадающие друг с другом. В каждом случае связи уводят нас за пределы материала нашей терминологии, что особенно очевидно для словообразовательного аспекта. В свою очередь то, что может быть названо как инвентарь текстильной терминологии, накладываясь на оба упомянутых аспекта, не покрывает их полностью. Поэтому, ставя здесь среди

прочих также задачу инвентаризации ранней текстильной терминологии, мы вынуждены понимать лексический и словообразовательный аспекты проблемы гораздо шире, привлекая уже в этом разделе другие термины, кроме текстильных. К этому нас побуждает то естественное наблюдение, что один и тот же (в некоторых приблизительных и не очень строгих границах) инвентарь ремесленных названий может обнаруживать в родственных языках различные, нередко калейдоскопические и всегда взаимосвязанные внутренние перемещения, т. е., оставаясь в общем производственной лексикой, одни и те же названия в разных языках занимают разное положение относительно собственно текстильной терминологии. То же может быть отмечено и внутри текстильной терминологии одного и того же языка в разные периоды истории. Отдельные названия приобретают новые значения, переносятся на новые реалии, новые детали ткацкого станка. При этом оказывается, что, как мы уже упоминали, ряд названий лишь употреблены в роли терминов, в то время как другие можно считать с самого начала сложившимися в данной терминологической совокупности. Обследование в этом плане будет уже терминологическим анализом, опытом проведения терминологической стратиграфии, соответственно чему наша лексика распадается на статуальные (вре́менные) и генуинные (исконные) терминологические компоненты, о чем мы будем говорить далее, а также подробно и в других разделах.

Семантическая сторона проблемы не представляется нам самостоятельным аспектом наравне с перечисленными выше лексическим и словообразовательным, но выступает лишь в лексической обусловленности (значения слов) и в связи с функциональной характеристикой языковых образований (ср. разбор некоторых важных словообразовательных моделей, их генезиса и особенностей употребления). Исключение составляют отдельные своего рода семантические универсалии, находящиеся в косвенной связи с реально-семантическим субстратом изучаемой лексики. Ср. уже упоминавшуюся в начале раздела связь с плетением и ее отражение в семантической истории слов.

Задачи настоящей работы, направленной в основном на реконструкцию раннего состояния, объясняют наш положительный интерес именно к древним, в том числе исконным названиям. Современная терминология, конечно, не однородна в этом плане. Она содержит также немало поздних заимствований, выделение которых как правило не представляет трудности. В интересах полной инвентаризации всех терминов прядильно-ткацкого производства мы учитываем также и поздние заимствования, и их этимологию. Кроме того, появление новых, заимствованных элементов в рамках одной группы терминов не могло не сказаться на судьбе древних, исконных ее компонентов, с которыми новые элементы лексики вступили в определенные отношения. Результаты при этом получались самые различные: древние названия, оттесняясь, приобретали более специализированные значения, вытеснялись почти

совершенно из активной терминологии. Ср. отношения слов *bardo* и *blat*, *lada* в польском. Заимствования отличаются по своему составу в текстильной лексике разных славянских языков. Так, в болгарской терминологии мы отметим единичные (балкано-)романские элементы и ряд турецких и новогреческих слов, довольно многочисленные позднезаимствованные элементы сербохорватского состоят из турецких, а в особенности — романских и немецких названий текстильного производства, словенская терминология имеет некоторые немецкие заимствования, которые в особенности характерны для западнославянских языков, так, например, польская лексика прядения и ткачества содержит очень много заимствованных слов, пожалуй, больше, чем соответствующая лексика в любом другом славянском языке, и притом почти все заимствованные элементы польской терминологии текстильного дела — немецкого происхождения, кроме одного литуанизма *pakuły*; немало заимствований — полонизмов и опосредствованных польским языком германизмов — имеется в украинской ткаческой лексике, тогда как терминология белорусского и великорусского ткачества почти не затронута немецким и польским влиянием и состоит, можно сказать, целиком из исконно славянских элементов древнего и нового образования. Таким образом, по доле участия поздних иноязычных включений в местную народную текстильную терминологию славянские языки как бы образуют шкалу, максимум которой олицетворяют польский и сербохорватский, а минимум — белорусский и великорусский; остальные славянские языки занимают на этой шкале менее выразительную, т. е. промежуточную, позицию. Такое положение с заимствованиями наиболее удовлетворительно может быть объяснено, как и всякий другой не узко лингвистический вопрос, только на общем культурном фоне, на основании отношений соответствующих славянских языков, их промежуточного положения с точки зрения культурной и экономической географии, их близости к культурно авторитетным районам, длительным вхождением в политические границы государств с немецким и турецким языком и т. д.

Если мы в порядке эксперимента попробуем выделить заимствованные элементы (этого так или иначе требует элементарная реконструкция более старого состава терминологии), то, например, сербохорватская и в особенности польская лексика текстильного производства понесет заметный урон. Но и в этих языках, как и вообще во всех славянских языках, внутри данной терминологии заимствования в свою очередь распределяются неравномерно. Дело в том, что бóльшая часть упомянутых поздних заимствований, естественно попадающих под исключение при реконструкции раннего состава, приходится на терминологию ткацкого станка, вообще на терминологию ткачества. Обычно мало или совсем нет заимствований в лексике прядения, причем даже в языках, испытавших сильнейшее разрушительное влияние других языков. Причина — по большей части внеязыковая — может тем не менее

представить для нас здесь интерес. На эту причину указывал как-то Брюкнер в своем отзыве об одном исследовании полабской терминологии обработки льна. Он писал: «Я. Хейдзянка-Пилятова констатирует, что вся терминология прядения, за исключением одного-двух незначительных элементов, у полабян является чисто славянской, и в этом нет ничего удивительного, ведь прядут одни женщины, а они в языковом отношении консервативнее мужчин»[63]. Действительно, только два полабских термина прядения — _d'olů_ и _stren_ — заимствованы из немецкого (из них первое, собственно, явилось в результате неправильного калькирования немецкого названия пакли, очесок).

Таким образом, сам материал навязывает нам группировку наших данных на термины прядения и ткачества или, точнее, прядения, мотания (и снования) и ткачества. Поэтому мы начнем с лексики прядения. Эту лексику мы понимаем достаточно широко, включая сюда названия, связанные с подготовкой волокна к прядению, его ломанием, очищением и т. д. Расширять круг привлекаемой лексики еще дальше мы не считаем нужным. Это одновременно может служить ответом на вопрос включать или не включать в наш анализ также названия технических культур — льна, конопли и под. У нас есть основания полагать, что термины, связанные с этими последними, входят в совершенно самостоятельную лексическую группу названий культурных растений со своей собственной оригинальной проблематикой. Пополнять этими названиями и без того обширную и сложную группу терминов ремесленного производства было бы едва ли полезно и целесообразно. Кроме того, у названий упоминавшихся выше технических культур слишком незначительны связи с прядильной и ткаческой терминологией в собственном смысле, что помогает нам окончательно решить этот вопрос. Эта оговорка для нас тем существеннее, что совершенно аналогичные моменты будут повторяться в последующих разделах, но ни названий пород дерева, ни названий пород глины и названий металлов мы принципиально не будем включать в свое рассмотрение (несколько более подробная аргументация такой практики будет сообщена ниже, в соответствующих местах работы).

К терминологии прядения в славянских языках относится довольно большое число слов. Опуская менее значительные словообразовательные варианты и подробности, мы можем представить старые элементы этой лексики в виде вероятных праславянских реконструкций (за информацией о современном употреблении и значении продолжений этих форм в живых языках целесообразно возвращаться выше, к обзору всей терминологии; детали истории и этимология разъясняются далее): *_mykati_, *_gьrstь_, *_žьmena_, *_stǫpa_, *_mędlo_, *_mędlica_, *_tьrdlo_, *_tьrdlica_, *_tьrnica_, *_mečь_, *_želbъ_, *_trepadlo_, *_greby/-ene_, *_česlь_, *_česadlo_, *_ščetь_, *_ščyeъka_, *_volkъno_, *_pъrtъ_, *_pazderьje_, *_pazderъky_, *_jьzgrebьje_, *_vьrxovina_, *_obtrepьje_, *_tьrmetьje_, *_pačesь_, *_pačesy_, *_pačesъky_,

[63] _A. Brückner_. Polonica. Tl. 5 // ZfslPh. Bd. XII. 1935. S. 166.

**kostrika*, **tresta*, **klъkъ*, **klъčьje*, **xlъpъ*, **pręsti*, **prędati*, **prędlьja*, **prędlica/ *prędlъka*, **prędlo*, **pręslica*, **pręsnica*, **prędja*, **prędeno*, **prędivo*, **krǫželь*, **dьržadlьno*, **kopylъ*, **lopastь*, **motovęzь*, **verteno*, **pręslenъ/*rpęslenъ*, **krǫžadlo*, **kotidlo*, **kotjadlo*, **spěnь*, **počętъkъ*, **počinъkъ*, **kǫdelь*, **nitь*, **žica*, **pověsmo*, **pasmo*, **čislьnica*, **čismenica*, **čismica*. К старой славянской лексике подготовки и прядения волокна примыкают новые заимствования отдельных языков: польск. *kraca*, полаб. *d'olü*, польск. диал. *działo*, польск. *pakuły*, блр. *pakulla*, сербохорв. *drajslek*, болг. *хурка*, сербохорв. диал. *spińela*, *bašļuk*, словен. *štrene*, полаб. *stren*, польск. *talka* (и русск. *талька*).

Аналогичным образом может быть представлена славянская терминология мотания и снования (старая или исконная лексика): **motati*, **motъ/ *motъkъ*, **klǫbъ/*klǫbъkъ*, **motovidlo*, **vьrbъ*, **sukati*, **sučiti*, **sъkati*, **sukadlo*, **sъkadlo*, **vitьlъ*, **vijadlo*, **maxadlo*, **kolǫtъ*, **čěva/*čěvъ*, **letъka*, **stьrnъ*, **pravidlo*, **orzъsoxa*, **snovati*, **snovadlo*, **snovadlьna*, **obsnova*, **kolьcь*; (местная и заимствованная лексика) сербохорв. *канура*, *калам*, *tosur*, *čekrk*, *rašak*, словен. *rašek*, *kita*, болг. *рудан*, польск. *fajfa*, *kiwa*, *spulárz*, *szybak*, *szafarka*, *łańcuch*, *potak*, укр. *потак*, *самотока*.

Праслав. **mykati*, реконструируемое на основе словен. *mikati*, чеш. *mykati*, слвц. *mykat'*, укр. *мúкати*, русск. *мы́кать* со значениями 'дергать, чистить, чесать (лен, коноплю для кудели, мычки)', давно удовлетворительно проэтимологизировано как родственное лит. *maũkti* 'лупить, драть (например, кору с дерева)', др.-инд. *muñcáti* 'освобождает, развязывает', нем. *sich anschmiegen* 'прижаться, прильнуть', вместе с которыми оно отражает индоевропейскую исходную основу **(s)mūk-/*(s)meuk-*, по-видимому, первоначально с довольно общим значением резкого, дергающего движения [64]. Следы этого старого более широкого значения ясно сохраняются и в слав. **mykati*, и в его апофонических вариантах **mъknǫti*, **mъčati*. Столь же слабо или даже еще слабее терминологизировано в исследуемой здесь области праслав. **gъrstь*, ср. в качестве названий меры сорванного льна, конопли укр. (гуц.) *horstký* мн., русск. *горсть*. Что касается происхождения праслав. **gъrstь*, то оно образовано от основы глагола **gъrnǫti* (укр. *горнýти*, польск. *garnąć* и др. 'сгребать, загребать') с помощью суффикса *-ti-*: **gъrt-tь* > **gъrstь* [65]. Вторичный характер специализации значения 'горсть, мера льну' побуждает к тому, чтобы видеть в лтш. *gurste*, *linu gurste* 'горсть льна' (родственное, по мнению Зубатого) слово, заимствованное из древнерусского. Незначительный и, вероятно, локальный, вторичный характер носит терминологизация, например, блр. *zmiénia* 'пасмо, пучок пряжи' тоже из первоначального общего значения 'горсть', ср. укр. *жмéня*, блр. *жмéня* — из праслав. **žьmena/*

[64] *А. Г. Преображенский.* I. С. 541; *M. Vasmer.* II. S. 141; *V. Machek.* Etymologicky slovnik. S. 314.

[65] Ср.: *Machek.* S. 146.

**žьmenь* или **žьmьnь*, ср. чеш. *žemně* 'повесмо, пучок льна'[66]. Дальнейшая связь этого слова с глаголом **žьmǫ*, **žęti*, русск. *жму*, *жать* и родственными совершенно очевидна, а относительно возможного возраста этого отглагольного именного производного можно — как курьез — напомнить гипотезу Генриха Якобсона о заимствовании финского числительного *kymmenen* 'десять' из прарусск. **gĭmen-*, давшего впоследствии *жмéня* 'горсть, сжатая пятерня'.

Праслав. **stǫpa*, особенно русск. *стýпа* и сербохорв. *стŷпа* 'толчея, в которой ломают, размягчают волокно', интересны тем, что это по сути дела единственный вообще пример вероятного древнего заимствования из германского в славянский в пределах исследуемой терминологической группы, во всяком случае перечисленные выше славянские термины мотания и снования (общим числом около 100) не знают другого достоверного древнего германизма. Вместе с тем и в случае со **stǫpa*, как и в примерах **mykati*, **gъrstь*, **žьmenь*, мы имеем дело с вторичной терминологизацией, употреблением в качестве специального термина обработки растительного волокна слова с первоначальным более широким значением. Во всех этих примерах терминологизация к тому же выражена весьма слабо, и они тем самым как бы представляют периферию нашей терминологической группы как самостоятельно функционирующей совокупности специальных слов. Эта констатация имеет для нас еще и тот смысл, что косвенно свидетельствует о вероятности названной терминологизации уже значительное время спустя после факта заимствования праслав. **stǫpa* < герм. **stampa*. Разновременность этого заимствования, с одной стороны, и вторичной терминологизации слова **stǫpa* среди лексики обработки волокна, с другой стороны, сама по себе очевидная, делает возможным вывод о практически полном отсутствии достаточных следов германского влияния на нашу терминологию в древности.

Праслав. **mędlo*, **mędlica* представляет собой довольно яркий ареальный, севернославянский элемент лексики, ср. польск. *międlica*, диал. *miądlica*, *miedlica*, чеш. *mědlice*, блр. *мя́ло*, *мя́лица*, русск. *мя́ло*, *мя́лица*, *мя́льница*. Ср., впрочем, также макед. *мелица* 'мялка'. В отличие от только что рассмотренных слов, название **mędlo*/**mędlica*, очевидно, с самого начала было образовано с целью обозначения орудия ломания, разминания волокон конопли и льна (: праслав. **męti*, **mьnǫ* 'мять'), поэтому терминологическая характеристика этого названия будет принципиально отличаться от вышеупомянутых случаев. Здесь вообще не приходится говорить ни о ранней, ни тем более о поздней терминологизации, как это мы делали в тех случаях, когда нужно было считаться с очевидностью вторичного приобщения к лексике обработки волокна таких слов, которые в данной своей форме сложились уже раньше.

[66] *Vasmer*. I. S. 427.

Слово **mędlica* с самого начала, вероятно, сложилось в сфере терминологии обработки волокна и, по-видимому, никогда не имело других значений, помимо значений 'орудие для ломания льна и конопли' или значений, которые можно бы было определить как более древние. По крайней мере это можно утверждать для праславянского. Об этом же свидетельствует значение и употребление продолжений праслав. **męti*, **mьnǫ* и его родственных соответствий в других индоевропейских языках, ср. лит. *minù*, *mìnti* 'топтать, мять (например, лен)'. Далее ср. греч. *ματεῖ · πατεῖ* (глоссы Гесихия). Но если нас заинтересует вопрос о круге более полных (именных и близко оформленных) соответствий, а также о доистории образования праслав. **mędlica*/**mędlo*, то балтийские данные нам уже не помогут. В балтийских языках отсутствуют точные производные соответствия славянскому слову: латышский язык образовал совершенно самостоятельное *mīstiklas*[67] (pl. tant.) 'мялка для ломания льна' (< балт. **minkštiklā-s* : **minkštas* 'мягкий', **minkštītēi* 'размягчать'), а литовский, избрав ту же глагольную основу, что и в слав. **męti*, русск. *мять*, построил название орудия по иной словообразовательной модели, которая в свою очередь неизвестна среди однозначных славянских терминов текстильного дела, ср. лит. *mintuvas*, *mintuvė* 'мялка'. Решая вопрос о дославянской древности нашего названия, мы, конечно, должны будем отнести форму **mędl-ica* к числу новшеств славянского словообразования; только праслав. **mędlo* имеет смысл сохранить как более авторитетную форму. Распространение **mędlo* лишь в части славянских языков не имеет непосредственного отношения к вопросу о древности этого образования, как и во многих других случаях. Проблема этимологии слова **mędlo* в более традиционном понимании едва ли должна ставиться, поскольку в таком виде она уже решена бесспорным отнесением **mędlo* к **męti* (см. выше). Вообще вопрос о составе **mę-dlo*, о его частях ясен: это инфинитивная основа **mę-* и известный, обычно отглагольный именной формант *-dlo*, почти неизменно продуктивный в славянском и давший много производных. Остается, однако, гораздо более трудный и существенный вопрос о связи этих элементов **mę-dlo*, о характере их соединения в одно слово и о времени этого соединения. Едва ли на этот вопрос последует единый ответ. Ведь если и основа, и формант сохраняют свою словопроизводную активность, а связь их в данном слове нельзя не признать прозрачной, то ничто не мешает видеть здесь не один словообразовательный акт, совершившийся в древности раз и навсегда, а множество беспрерывно повторяющихся тождественных словообразовательных актов. Условно сократив их не поддающееся учету число, мы можем сказать, что точно такое же соединение морфем с этим же значением возможно и на хронологи-

[67] *A. Bielenstein.* Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Ein Beitrag zur Etlinographie, Culturgeschichte und Archäologie der Völker Russlands im Westgebiet. T. 2. Die Holzgeräte der Letten. Petrograd, 1918. S. 520.

ческом уровне *мя-* и *-ло* (русск.), и на уровне **mę-* и **-dlo* (праслав.), и на уровне **men-* и **-tlo-* (дослав., и.-е.). Больше того, при описанных условиях не трудно представить себе, что и на каждом из таких хронологических уровней в принципе возможны независимые друг от друга тождественные словообразовательные акты, приводящие к возникновению слова **mędlo*, *мяло* 'орудие ломания льна'. Помощь свидетельства других славянских языков здесь практически не очень велика и надежна, поскольку в изучении словообразовательных сходств отдельных славянских языков между собой нужно постоянно учитывать момент параллельного, независимого развития в условиях близкого родства. Тем не менее не следует понимать сказанное выше как признание полного отсутствия организующего начала при подобном повторении тождественных образований. Мы предпочитаем сослаться здесь на следующее положение, выдвинутое по этому вопросу, хотя и в несколько иной связи: «Принципиально важным понятием для реконструкции праславянского лексического состава является воспроизводство словообразовательной модели (подчеркнуто мной. — *О. Т.*). Выделяя новообразования при реконструкции, мы не должны забывать, что число абсолютных новообразований, по-видимому, весьма невелико, что, напротив, огромное большинство случаев содержит новые черты наряду со старыми чертами, старой структурой, или представляет собой фактически повторение старых моделей в новых условиях, с добавлением новых, регуляризирующих, тематизирующих особенностей. Исходя из длительной устойчивости основного репертуара словообразовательных моделей и снимая вторичную тематизацию, регулярные черты позднего происхождения, мы сможем приблизиться к решению задач словообразовательно-морфологической реконструкции»[68]. Мы хотели бы акцентировать понимание описываемого процесса именно как воспроизводства словообразовательной модели, а не как обычной эволюции исходной формы. Так могут быть расценены отношения в примерах, формантно довольно близких к слову **mędlo*, а именно русск. *по-мело* и *метла*: *метла* может не обязательно продолжать древнее **metъla*, как иногда думают, но может также быть результатом относительно недавнего соединения *мет-* и *-л-*(*а*), формально по сути тождественного соединению **met-* и **-l*(*o*) на более раннем уровне, сохраненному в русск. *по-мело*. Видеть в *метла* эволюцию этого праслав. **metl-* нельзя, тогда как усматривать здесь воспроизводство словообразовательной модели последнего в новых условиях допустимо. Аналогичные отношения мы видим в русск. *жило* : укр. *житло́*. Мы не можем решать вопрос о границах здесь произвольного, индивидуального начала и организующего начала, отождествляемого нами с понятием упомянутого воспроизводства словообразовательной модели. В наших силах — ис-

[68] Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963. С. 17—18.

следовать лишь этот последний чрезвычайно важный момент, в противном случае мы рискуем потерять почву под ногами.

Вопрос о вероятной доистории праслав. **mędlo* было бы, возможно, перспективнее решать в рамках более широкого специального аспекта, называвшегося нами выше, а именно словообразовательного, поскольку **mędlo* по праву должно рассматриваться в одном ряду с другими однородными производными с формантом *-dlo*, которые играют видную роль в текстильной терминологии. Но другие важные обстоятельства и весь план нашего исследования заставляют нас отложить этот вопрос в числе других проблем скорее общелингвистического свойства до рассмотрения в конце настоящего раздела. Здесь мы касаемся этого вопроса, а главным образом конкретных фактов и соответствий постольку, поскольку последние имеют отношение к предлагаемым словообразовательно-этимологическим этюдам, расположенным тут отчасти по внеязыковому признаку принадлежности к лексике прядения и смежной. Опуская пока аргументацию, укажем прежде всего, что праслав. **mędlo* может продолжать и.-е. **men-tlo-*, куда примыкают такие близкие германские слова, как др.-исл. *mǫndull* 'рукоятка жернова', ср.-в.-нем. *mandel* 'каток, скалка' < герм. *manþla-/*manđla-*. Соответственно этому мы членим германские слова на корень **man-* и суффикс *-þla-* имен орудий и видим здесь большую близость к славянским фактам как в отношении генетического родства морфем, так и в отношении модели образования самого слова в целом. Сближение германских названий с терминами для мутовки, мешалки — лит. *mentùre*, слав. **mǫty*, *-ъve*, предполагающее в германских словах корень **manþ-/*manđ-*, мы считаем менее вероятным. Определенная близость наблюдается и между значениями герм. 'рукоятка жернова', 'каток, скалка' и слав. 'мяло, орудие для ломания льна, скалка с рукояткой, которой разламывают лен в мялице'. Разумеется, здесь нет абсолютного тождества значений, и значения германских имен уже не связаны прямо с обработкой растительного волокна, но этого трудно было бы ожидать при значительности расхождения названных языков, зато есть налицо определенные элементы тождества морфем, словообразования и значения. Несколько дальше отстоит от славянских слов лат. *adminĭculum* 'столб, кол' < **-mine-tlo-*, т. е. 'нечто упираемое, давящее', производное по той же модели и с участием близких морфем.

И по терминологическому употреблению, и по способу образования сюда примыкает другое название мялки — праслав. **tьrdlo/*tьrdlica* : болг. *тръ-лица*, сербохорв. *тр̏лица*, словен. *trlica*, чеш. *trdlice*, *trdlo*, слвц. *trdlo*, польск. *cierlica*, *terlica*, в.-луж. *čěrlice*, зап.-укр. *térłycia*, *тéрлиця* 'мялка, орудие ломания льна'. Реалия, обозначаемая словом **tьrdlica*, едва ли существенно отличается от реалии, носящей название **mędlica*; в обоих случаях имеются в виду простейшие мялки в форме жёлоба, образуемого двумя боковыми дос-

ками на стояках, и скалки, ходящей на оси в этом жёлобе и разламывающей стебли. Языковым мотивом названия мялки словом **tьrdlica* послужило наличие подходящих значений и употреблений у соответствующего глагола праслав. **terti*, укр. *терти* и др., особенно в применении к данному трудовому процессу: 'тереть' в смысле 'ломать (стебли)'. Мы получаем, таким образом, пару терминов **mędlica* : *tьrdlica* примерно в одной функции для большинства славянских языков. Ответить на вопрос, насколько первоначально такое парное употребление, не представляется легким делом. Однако кое-какие наблюдения можно сделать и при современном состоянии данных. В любом случае характеристику распространения **tьrdlo*/**tьrdlica* удобнее строить с учетом аналогичных сведений о его синониме. Опираясь на эти последние сведения, мы приходим к выводу, что в противоположность слову **mędlica* термин **tьrdlica* не может быть признан преимущественно севернославянским элементом. Как раз наоборот, и хотя, повторяем, восстановление первоначальной картины распространения и взаимоотношения этих форм сейчас затруднительно, все-таки можно констатировать как факт распространение слова **tьrdlica* во всех южнославянских языках, которые к тому же почти не знают **mędlica* (ср. выше). Сведения о втором синониме вообще оказывают нам важные дополнительные услуги в поисках ответа на вопрос о древней территории **tьrdlica*. Строгих границ между обоими ареалами сейчас нет, вернее, они не сохранились; больше того, есть языки, употребляющие в близком значении и **tьrdlica*, и **mędlica*, например польский, чешский, болгарский (с македонским). Помимо этих как бы нейтрализующих ситуаций, есть случай, когда употребляется только **mędlica*, а **tьrdlica* неизвестно (великорусский), и другой полярный случай, охватывающий уже несколько славянских языков, когда употребляется **tьrdlica* и неизвестно **mędlica* (словенский, сербохорватский, словацкий, серболужицкие, украинский). В итоге отношения между отдельными языками в плане распределения пары терминов **mędlica*—**tьrdlica* складываются следующим образом: **mędlica*—*ø* (русский), **mędlica*—*tьrdlica* (польский, чешский, болгарский), *ø*—**tьrdlica* (словенский, сербохорватский, серболужицкие, украинский, словацкий). Даже если учесть, что полученный итог основан на современных данных и отражает древние взаимоотношения только частично, тем не менее объективность и поучительность этого наблюдения очевидна. Мы получаем возможность судить о вероятном древнем различии в обозначении орудия для ломания льна между великорусским и украинским, что само по себе очень любопытно (ниже мы не раз вернемся к аналогичным отношениям между этими языками на другом материале), далее, кроме промежуточной позиции чешского материала и сходства ситуации в польском и болгарском, мы особенно обратим внимание на то, что в данном случае серболужицкий идет вместе со словенским и сербохорватским, с одной стороны, и украинским —

с другой (*ø*—**tьrdlica*), выделяясь среди остальных западнославянских, а из южнославянских обнаруживая тесное сходство с ситуацией прежде всего в их западной группе. Курьез ли это, не дающий права пересматривать отношения между славянскими языками, или нечто большее? Мы помедлим пока с ответом на этот вопрос, однако, забегая несколько вперед, можно указать, что не составляет исключения такой пример, когда серболужицкие языки обнаруживают в своей старой лексике несходство, расхождение в номинации с польским или со всеми остальными западными славянскими языками, а взамен этого обладают общими словами вместе с сербохорватским, словенским, иногда с украинским или с западными диалектами последнего (как правило это всегда будут одновременно элементы, общие для украинского и сербохорватского). Здесь не место ни для полного изложения соответствующих фактов, относящихся к лексике гончарства, кузнечного дела и др., о чем будет сказано в следующих разделах, ни тем более для окончательных обобщений или выводов, которые целесообразнее сформулировать в самом конце. Однако о распределении слов **mędlica*—**tьrdlica* по отдельным славянским языками полезно будет вспомнить, например, в разделе III, там, где речь идет о распределении **misa*—**bľudo*, а также в других аналогичных случаях. В остальном, предвосхищая лишь в самой малой части возможные общие выводы, можно сказать, что рассмотренные отношения принципиально не укладываются в обычную тройственную классификацию славянских языков.

Хотя **tьrdlica* распространено значительно шире, чем **mędlica*, его, однако, как и это второе название, нельзя признать общеславянским. Оба термина могли быть ареальными названиями в рамках праславянского языкового пространства и вместе с тем очень древними образованиями с самостоятельными связями за пределами славянского. Считать одно из них древнее другого у нас нет оснований, что же касается внешних соответствий, то они обладают не менее серьезным характером, чем в предыдущем случае с **mędlo*, и так же, как там, уживаются с прозрачностью словообразовательной структуры славянского слова, которое к тому же в последнем отношении очень близко производному **mędlo*. С точки зрения синхронного праславянского состояния **tьrdlo* представляет собой отглагольное именное производное со значением названия орудия и тем же формантом *-dlo*, что и производное **mędlo*. На этом кончаются показания внутренних славянских данных. Обращаясь к внешним соответствиям за пределами славянских языков, мы, естественно, имеем в виду только **tьrdlo*, оставляя форму **tьrdlica* как новое, типично славянское производное. Дальнейшие внешние, индоевропейские сопоставления показывают несомненную древность словообразования праслав. **tьrdlo* и вместе с тем выявляют очевидную диахроническую двусмысленность его формы. Формант *-dlo* может продолжать как и.-е. **-tlo-*, так и **-dhlo-*, но если для **mędlo* преобладали свидетельства о первом варианте

праформы, то для **tьrdlo* не менее реальна возможность происхождения из и.-е. **tr̥-dhlo-m*. Основное полное морфемно-словообразовательное соответствие славянскому слову известно в лат. *tribulum*, которое вплоть до деталей формы (нулевая ступень вокализма корня, форма суффикса, грамматический род) исторически тождественно праслав. **tьrdlo*, продолжая ту же древнюю форму, что и славянское слово. Значение латинского слова 'брус или доска, усаженные снизу камнями или железом, утяжеленные грузами и приводимые в движение волами', правда, не обнаруживает настоящей терминологической общности со славянским, но имеет единую с ним семантическую основу: и *tribulum*, и **tьrdlo* — это орудия трения. Можно ограничиться приведением одного этого полного индоевропейского соответствия славянскому слову, не ослабляя его более свободными соответствиями, которые все, однако, группируются примерно в том же секторе индоевропейского языкового пространства (лат. *terebra* 'сверло', греч. *τέρετρον* то же, собственно — 'то, чем трут') и имеют очень близкий формант, происходя из **tr̥-dhr-ā*, **tr̥-tro-m* (*-dhr-* и *-tr-* и в генетическом, и в функциональном отношении — близкие варианты индоевропейских формантов *-dhl-* и *-tl-*, о чем у нас еще будет возможность поговорить далее).

Особым островком среди славянских названий мялки льна, конопли стоит праслав. **tьrnica*, связанное вместе с тем очевидными отношениями общности корня с только что разобранным **tьrdlo*. Форму **tьrnica* мы реконструируем на основании укр. *терни́ця*, блр. *тéрница*, диал. (вост.-полесск.) *ciernica* 'мялка для выламывания кострики из льна'. Как видим, это слово ограничено только территорией украинского и белорусского языков. Связь его с глаголом тереть в значении 'ломать, мять стебли льна, конопли' (блр. *церці*, укр. *терти*) совершенно очевидна. Не случайно поэтому ареал этого названия мялки отчасти совпадает с рассмотренным выше другим ее названием, произведенным в конечном счете от того же корня. В масштабах всей славянской языковой территории это белорусско-украинское название сугубо провинциально. Однако ни эта черта локальности распространения, ни прозрачность этимологических, точнее, словообразовательных связей не мешают нам, во-первых, восстановить праславянскую форму **tьrnica* и, во-вторых, поставить вопрос о ее словообразовательной древности. При этом полезно принять во внимание, что распространение **tьrnica* 'мялка' в белорусском и украинском и отсутствие этого слова, а также вообще отсутствие таких терминологических значений у производных с тождественным корнем в великорусском разделяются той четкой изоглоссной границей, которая и в других примерах отделяет собственно великорусскую территорию от восточнославянского юго-запада и в важности которой мы еще будем иметь возможность убедиться на нашем материале в дальнейшем. Основу **tьrn-* в праслав. **tьrnica*, представляющую не совсем обычное производное от глагольной основы **ter-* 'тереть', мы сбли-

жаем с греч. *τόρνος* 'токарный станок', которое вместе со славянской основой может продолжать и.-е. **tṛ-no-* 'то, что имеет отношение к трению'. Здесь также отсутствует подлинная терминологическая общность, но вместе с тем должна быть отмечена общая тенденция использования тождественного производного от одной и той же глагольной основы в целях пополнения производственной лексики (значения 'тереть' и 'обтачивать', 'сверлить' в общем очень близки друг к другу).

Сюда же примыкает интересное местное название оческов, кострики — укр. диал. (гуц., Шухевич) *termite*, в других, восточных украинских диалектах — *термíття* (Гринч.) 'кострика, твердые части конопли и льна', с недостаточно ясным словообразовательным оформлением — **tьrmetьje*?

Все эти в основном старые производные **mędlo*, **tьrdlo*, **tьrn-*/**tьrm-*, по-видимому, с самого начала были связаны с обработкой растительного волокна и ее терминологией, по крайней мере с точки зрения славянского. Если заняться стратиграфией в плане хронологии и терминологического статуса лексики первичной обработки волокна, предваряющей прядение в собственном смысле слова, то мы обратим внимание на вероятную древность и устойчивость названий основных орудий ломания волокна и, далее, названий самих продуктов ломания — прямых и побочных (отходов). Соответствующие термины, уже перечисленные выше в виде списка, будут рассмотрены ниже по порядку. В отличие от названий этих реалий названия деталей, частей, например самой мялки, напротив, интересны своей неустойчивостью и обычной вторичностью; они довольно охотно заимствуются из иных лексических групп, в их качестве употребляются слова с более общим первоначальным значением, т. е. мы снова можем говорить о вторичной терминологизации. Ср. словен. *čeljusti*, *láloke* 'щёки мялки', собственно, названия частей лица, черепа, *žleb* 'жёлоб, щель мялки', *nož*, *meč*, *jezik* 'меч, язык мялки', русск. *щёки* мн. 'боковые доски, образующие щель мялки', *меч*, *мéчик*, *бúло*, *язы́к* 'скалка, мнущая стебли в пазу мялки', укр. *рéбра*, *стéгна* мн. 'щёки мялки', *жóліб* 'жёлоб, паз', *мéчик*. Можно сказать, что актуальной потребности в детализованных наименованиях немногочисленных частей такого несложного приспособления, как мялка, долгое время не было. Практически эта потребность оставалась всегда незначительной. Об этом говорит терминология, в которой отсутствуют оригинальные древние образования для обозначения частей мялки. Ясно, что древними терминами в этом смысле не могут считаться названия щёк, челюстей и т. п., поэтому специальный анализ этих слов здесь не имеет смысла. Наиболее важная часть мялки — ее скалка, мечик. Имея в виду словен. *meč*, русск. *меч*, *мéчик*, укр. *мéчик*, мы даже реконструировали праслав. *mečь* в функции названия мечика мялки, хотя совершенно очевидно, что здесь имело место фактическое заимствование из одной терминологической области в другую и первоначально **mečь* (независимо от его

этимологического происхождения) обозначало боевой клинок. Интересно отметить — и дальше мы увидим это на ряде примеров из терминологии других ремесленных производств, — что именно продолжения праслав. **mečь* охотнее всего переносятся на различные ударные орудия и приспособления. С другой стороны, названия «меч, боевой клинок» вообще бывают подчас генетически разносторонне связаны с названиями различных орудий производства. Но и это название меча, как и первоначальные названия ножа, языка, рёбер, бёдер, жёлоба в силу своего откровенно вторичного употребления в терминологии мялки, могут быть опущены нами в нашем словообразовательно-этимологическом анализе текстильной терминологии. Подробная характеристика праслав. **bidlo* также явится более уместной в части раздела, посвященной ткаческой лексике.

Для дальнейшего удаления кострики волокна льна и конопли обрабатывают на трепале — польск. *klepadło* (праслав. **klepadlo* : **klepati* 'бить, колотить'), *trzepak*, *trzepaczka* то же, русск. *трепáло*, блр. *trepáło* — все со значением 'орудие для вытряхивания, трепания волокна, трепало'; для последних из этих слов можно предположить позднепраславянскую праформу **trepadlo* — относительно новое производное со значением орудия и формантом *-dlo* от основы, получившей славянскую тематизацшо **trep-a-* от и.-е. *trep-* 'трясти', вариант к **trem-* и **tres-* с близкими значениями. Очевидно, перед нами сравнительно молодая лексика.

Значительно большую характерность и своеобразие, а также признаки древности образования обнаруживают названия гребней, применяемых для чистки волокна, как и вообще вся терминология чесания волокна, идущего на пряжу. Праслав. **greby* (род. **grebene*, вин. **grebenь*) реконструируется на основе болг. *грéбен*, сербохорв. *грȅбе̑н*, словен. *grebȇn*, чеш. *hřeben*, слвц. *hrebeň*, польск. *grzebień*, н.-луж. *grjebjeń*, русск. *грéбень*, укр. *грéбінь*, блр. *hrébień*. Значение этих слов и вероятное значение их праславянского прототипа можно лучше понять, ознакомившись, например, с рисунком реалии под названием *hrébiń* в известной книге о народном быте гуцулов Вл. Шухевича, называвшейся нами в свое время выше: *hrébiń* — это расширяющаяся кверху лопатой плоская дощечка на подставке, имеющая на верхнем конце ряд глубоких прорезей (говоря иначе, заостренных зубьев). В этом виде приспособление, вероятно, может считаться достаточно примитивным и архаичным. Наглядное представление о реалии будет нам полезно как само по себе, так и с точки зрения языковых связей, их иерархии и истории. С лингвистической точки зрения праслав. **greby* характеризуется как весьма древнее имя с чертами архаичности уже для праславянского, основа на согласный, с дославянской формой **grebōn* < и.-е. **ghrebh-ōn*, где *-ōn* было первоначально формантом, встречаемым в именах с согласной основой, производимых как от именных в свою очередь основ, так и от глагольных, как в нашем случае. Праслав.

greby*, дослав. **grebōn*/grebehes* связано с глаголом праслав. **grebǫ*, и.-е. **ghrebhō*, который обладал значениями 'рыть, царапать, драть, прочесывать, продергивать', судя по значениям славянских продолжений этого глагола, а также родственных балтийских и германских слов[69]. Помимо значений глагола **grebǫ*, **grebti*, которые можно суммировать как 'рыть, грести, сыпать', картину существенно дополняет семантика весьма разнообразных именных производных от этой основы в праславянском: **grebъl'a*/**grobъl'a* 'насыпь, дамба', **grobъ* '(могильная) яма', далее — **greby*/-*ene* 'дощечка с зубьями для продергивания, чесания, гребень', **jьzgrebьje* 'отходы от чесания, очески', с продленной ступенью вокализма корня — **grabiti* 'рвать, вырывать, срывать, грабить', **grabji* мн. 'орудие для сгребания, зубья, насаженные на перекладину с длинной рукоятью'. Нам не удается лишь найти достаточно ранних подтверждений наличия в древности современного специализированного значения 'гребень для волос, принадлежность человеческого туалета'. Потому что если продолжения самого **greby* проделали эволюцию, завершившуюся этой специализацией (ср. русск. *грéбень* и др.), то уже одно сличение с прочими славянскими именами и глаголами того же корня говорит о том, что данная специализация вторична. То обстоятельство, что **greby*/**greben-* представляет собой название орудия действия и вместе с тем связано с таким названием действия, как глагол **grebǫ*, не имеющий значения 'причесывать, приводить в порядок волосы', служит для нас вполне достаточным доказательством вторичности значения 'гребень для волос, туалетная принадлежность'. Глагол **grebǫ*, **grebti* обладал достаточно широким значением вроде описанного выше, но на его именных производных лежит бесспорная печать специализации, позволяющая судить о том, что как **jьzgrebьje* (см. о нем ниже), так и **greby*/-*ene* — термины, изначально связанные с обработкой волокна, возникшие в рамках лексики обработки волокна, текстильной терминологии. Таковы вполне доступные нашему наблюдению элементы семантической реконструкции слова *грéбень*, праслав. **greby*: 'дощечка с зубьями, орудие для чесания волокна' > 'гребень для волос'. Сказать, что гребень для волос — вообще позднее достижение культуры, едва ли можно, и мы не собираемся этого делать, тем более что этот предмет неоднократно встречался в раскопках различных древних цивилизаций (примеры излишни). Мы хотели бы здесь лишь отметить, во-первых, типологическое сходство чесалки волокна и гребня для волос, во-вторых, очевидную первичность значения 'орудие чесания волокна' у праслав. **greby*, русск. *грéбень* и др. и, в-третьих, возвращаясь к плану реалий, отметить вероятность происхождения гребня для волос в результате эволюции первоначальной чесалки волокна (по крайней мере на материале истории материаль-

[69] Ср.: *Berneker.* I. S. 348; *Vasmer.* I. S. 305—306 (s. vv. *грéбень, гребý*). См. еще русск. изд.: *М. Фасмер.* Т. I. М., 1964. С. 454—455.

ной культуры славян). Возможность вторичного происхождения значений 'гребень для волос', а также вообще 'чесать волосы на голове' убедительно показывает знакомство с целым рядом других слов, объединяемых вокруг корня **kes-/kos-* и образующих ряд важных терминов того же порядка, что и предыдущие. Сюда относятся и рассматриваемые ниже названия чесалок (льна и т. п.) и отходов чесания, и этимологически более отдаленно родственные слова с тем же примерно, что и у и.-е. **ghrebh-*, празначением 'рыть, копать, продергивать, царапать, прочесывать' (с той, может быть, разницей, что с **ghrebh-*, праслав. **grebǫ* рано ассоциировалось значение хватания, загребания руками, а с **kos-/kes-*, праслав. **češǫ* и др. — значение действия при помощи острого орудия, предмета).

Из названий чесалки может быть прежде всего упомянуто праслав. **česadlo*, откуда болг. *чесалка*, словен. *česalo*, чеш. *česadlo*, в.-луж. *česadło* (в значении скребницы), польск. *czesadło* 'гребень для чесания', русск. *чесалка*. Праслав. **česadlo* — внешне совершенно прозрачное и, возможно, позднее производное со значением орудия действия, образованное с известным суффиксом *-dlo* от основы глагола **česati*. Однако Махек, анализируя последний, справедливо выделяет в нем на основании сравнений, например, с балтийским (лит. *kàsti* 'копать, рыть') и другими родственными такую инновационную черту, как вторичную тематизацию **čes-a-ti-* более раннего атематического **čes-ti*[70]. После этого логично предположить, что данную тематизацию обобщило и имя **čes-a-dlo*, т. е., что оно, наряду с поздними чертами, вроде означенной, могло отражать также какое-то более древнее имя типа и.-е. **kes-tlo-* (о чем говорят и некоторые внутриславянские резервы реконструкции, упоминаемые нами ниже, в связи с русск. *кострика* и родственными). Праслав. **česadlo* и его возможный индоевропейский прототип **kes-tlo-m* мы связываем на правах параллелизмов с балт. **kasĭtla-* (лит. *kasìklis* 'заступ'), с одной стороны, и лат. *castrum* (**kastro-m*) — с другой. Это сопоставление имеет в виду этимологическое родство составляющих морфем (**kos-* и **-tl-/*-tr-*) и параллелизм самой модели образования слова. Сближение славянских названий чесалки (**česadlo*, сюда же с некоторыми оговорками может быть отнесено название режущего орудия **kosidlo*), в частности с лат. *castrum* 'укрепление', требует особого пояснения. Последнее можно понять как **kas-tro-m* 'выкопанное (и насыпанное)' ≃ 'вал со рвом'[71]. В образованиях с формантом *-tlo-/-tro-*, как мы увидим ниже, нередки функционально-семантические переходы 'название деятеля' ⇄ 'название орудия' ⇄ 'название действия' ⇄ 'название результата действия'. В лат. *castrum* 'укрепление' представлено значение названия результата действия (ср. отмечаемый ниже особый параллелизм в этом отношении между латинским

[70] *Machek*. S. 71.

[71] *Ernout—Meillet*[3]. I. S. 185.

словом и славянскими названиями кострики). Впрочем, о наличии и другого лат. **castrum* 'то, чем режут' (nomen instrumenti) есть все основания заключать косвенным путем — из производного *castrāre* 'вырезать, кастрировать'[72]. Сюда же, далее, др.-инд. *śastrám* 'острое орудие, нож' (*k-* : *k̂-*). Ясно, что и слав. **česati*, и.-е. **kes-* (как и и.-е. **ghrebh-*, см. выше) не обозначало первоначально причесывания волос, но относилось с достаточно раннего времени к производственной лексике, ср., с одной стороны, упомянутое лит. *kasti* 'копать, рыть', а с другой стороны, особенно греч. *κέσκεον* (**kes-kes-*) 'пакля, очески', *ξέω* 'скребу', *ξαίνω* 'чешу (шерсть)', ирл. *cír* (**kēs-rā*) 'гребень', которые вместе с праслав. **česadlo*, **kostrika*/**kostrica*, **pačesь*, **česlь* группируются вокруг текстильного производства.

Другое название чесалки, гребня для чесания волокна от той же основы, отличающееся значительно более характерным распространением, — праслав. **česlь* : сербохорв. *чѐшаљ*, словен. *češelj*, в.-луж. *česel* 'гребень'. Сюда же примыкает такой нетекстильный термин, как чеш. *česle* ж. мн. 'густой частокол, задерживающий разный мусор (листья, ветки), чтобы он вместе с водой не попадал в мельничное колесо'. В остальном текстильный термин **česlь* очень четко ограничен территорией сербохорватского, словенского, и — как в случае с распределением **tьrdlica*—**mędlica* — к этой характерной общности присоединяется серболужицкий (собственно, верхнелужицкий). Правда, на всех названных здесь территориях функционирует и уже знакомое нам **česadlo*, а также **greby*, но за пределами сербохорватского, словенского и серболужицкого известны лишь эти два последние. Не менее своеобразно и словообразование **česlь*, если взять хотя бы тот факт, что суффикс *-li̯o-* оформил здесь глагольную основу **čes-* до описанной выше тематизации **čes-a-*, проникшей и в производное *česadlo*. Эта черта свидетельствует о древности производного **čes-lь*, о его бесспорно праславянском возрасте, несмотря на ограниченное распространение. Мы находим, далее, параллельное образование с несколько отличным значением в лтш. *kaslis* 'скребница, щетка'[73].

Орудием чесания волокна является также щетка, в отличие от гребня — не один ряд зубьев, а несколько параллельных рядов или пучок щетин для вычесывания. Названием этого инструмента служило праслав. **ščetь*, **ščetъka*, откуда русск. *щётка*, *щеть* 'льняная щетка', диал. (ряз.) *шшóтка*, *шшéтка* 'пучок навощенных свиных щетин, посредством которого из намыки вычесываются остатки отходов и пыль', укр. *щíтка* то же, польск. *szczeć*, *szczotka* 'сосновая доска с двумя дырками на концах с деревянным

---

[72] *Walde²*. S. 138.

[73] Ср.: *О. Н. Трубачев.* О составе праславянского словаря // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 189.

кругом с 65 гвоздями для чесания конопли', точно такая же щетка, усаженная острыми гвоздями, под названием *ščet'*, *štět'* (чеш. диал.) описывается Махеком в его этимологическом словаре (с приложением рисунка); далее — чеш. *štět*, *štětec*, *štětka*, в.-луж. *šćeć*, н.-луж. *šćotka*, словен. *ščet*, *šetice*, сербохорв. *че̏тка*, макед. *четка*, болг. *че́тка* 'щетка'. Праслав. **ščetь*, предполагающее дославянскую фонетическую форму **sket-*, родственно, возможно, балт. **skēt-* в лит. *skė̃sti*, *skė̃čia*, *skė̃te* 'раздвигать, растопыривать', *skėtrùs* 'расширяющийся', однако это довольно далекое родство, поэтому имеет смысл обратить особое внимание на близость формы и значения праслав. **ščetь* 'щетка для чистки растительного волокна', вариант **četь* (болг., макед., сербохорв., слвц.), и нем. *Hede* 'пакля, очески', т. е. тоже текстильный термин, название отходов от чесания, чистки волокна.

Название самого волокна — праслав. **volkъno* (болг. *влакно́*, сербохорв. *вла́кно*, словен. *vlákno*, чеш., слвц. *vlákno*, в.-луж. *włokno*, н.-луж. *łokno*, польск. *włókno*, русск. *волокно́*, укр. *волокно́*) — слово типично славянское и прозрачное этимологически. Оно образовано с помощью суффикса *-ъno* подобно **ok-ъno*, **luk-ъno* от названия действия **volkъ*, ср. далее праслав. **velkǫ*, **velkťi* 'тащить, протягивать'. Волокно — это то, что вытянуто, получено после обработки на мялке, трепале, гребне, щетке. Ср. *мы́чка*, *намы́чка* 'пучок льна, конопли': *мы́кать*. Мы повторяем, что **volkъno* — чисто славянское образование, поэтому его внешние сравнения, приводимые иногда без разбору, нуждаются в пересмотре, особенно те из них, которые претендуют на право считаться прямыми соответствиями. Используя изложенные оговорки и наблюдения над структурой праслав. **volkъno*, мы можем согласиться с тождественностью его основы и др.-инд. *valká-* 'лыко' постольку, поскольку в основу и того и другого, возможно, параллельно и независимо, легло название действия от глагола и.-е. **u̯elk-* 'тянуть, тащить'. Остальные сближения слав. **volkъno*, например с греч. *λάχνος*, *λάχνη* 'шерсть, волос', сомнительны с фонетической и словообразовательной точки зрения, главная же суть сомнений относительно правильности сравнения **volkъno* с *λάχνη* и слав. **volsъ*, русск. *волос*[74] и родственными заключается в том, что *волокно*, **volkъno* обозначает и всегда, по-видимому, обозначало растительное волокно, в том числе технические культуры, использовавшиеся в прядении и ткачестве, а не шерсть. Шерсть вообще стали использовать в этом производстве позже, чем растительное волокно, и в этом сходятся мнения разных ученых. Правда, это утверждение нужно понимать относительно, поскольку и хозяйственное применение шерсти стало известно достаточно рано, ср. праслав. **vьlna* 'шерсть', слово с индоевропейской этимологией, **runo*, **sьrstь* и др. Здесь мы не хотели бы выходить за рамки задач конкретной данной этимологии праслав. **volkъno* и ее реального обоснования.

[74] Ср.: *Фасмер*. I. С. 342; *Machek*. S. 569.

Чрезвычайно разнообразна лексика, обозначающая отходы от ломания, трепания и чесания волокна. Она включает названия, соответствующие различным видам обработки и различным стадиям каждого вида обработки. Здесь целый ряд бесспорно древних образований, чей праславянский, а подчас и дославянский возраст не нуждается в доказательствах. Из них мы разобрали выше только одно слово — укр. *термíття* и его возможные связи, а прочие названия нами были лишь перечислены или упоминались вскользь. Теперь интересно обратиться к их систематическому анализу.

Праслав. **pazderьje*, **pazderь*, **pazderьky* широко распространено в славянских языках, ср. цслав. (Миклошич. LP) *паздеръ*, *поздеръ*, *поздерик* 'stuppa, assula lini', болг. *паздер*, *паздúр*, *пъздéр* 'кострика', сербохорв. *пòздер*, *пòздēрка* 'кострика, костра', словен. *pazderje*, *pezdir*, *pozder*, чеш. *pazdeří*, *pazdero*, слвц. *pazderie*, в.-луж. *pazdźer*, н.-луж. *pazdźeŕ*, польск. *paździerze*, *paździor*, полаб. *püzdér*, русск. диал. *пáздира*, *паздерá* 'луб, наружный слой на мочале', укр. *пáздір* 'содранное лыко или кострика', *паздíр'я* 'кострика', блр. (вост.-полесск.) *pázdzirki*. Форма **paz-derьje* (собир.), **pazderь*, как видим, общеславянская по распространению, объясняет, почти без серьезных отклонений, все варианты в отдельных славянских языках. Само образование **paz-derь*/**paz-derъ* ясно в словообразовательно-этимологическом отношении: перед нами чисто славянская инновация лексики, достаточно древняя, бесспорно, праславянской эпохи. Так же как и ряд слов, рассмотренных выше, и следующих далее названий отходов ломания, трепания и чесания, праслав. **paz-derь* с самого начала было образовано для нужд терминологии обработки волокна. Им стали называть отодранные твердые части стебля, поэтому ясно, что это слово всегда было термином обработки растительного волокна, а не шерсти. Словообразовательная структура славянского слова для кострики довольно точно соответствует его значению — основа **der-* : **dьrati* 'драть, сдирать' в сложении с приставкой *paz-*, весьма своеобразным и редким формантом значительной древности, служившим, по-видимому, средством образования производных со значением побочности и наблюдаемым в составе немногочисленных, но важных слов, ср. праслав. **paz-nogъtь*, **paz-duxa*. Формант праслав. **paz-* произошел, вероятно, из и.-е. **pōs-* в особых условиях, определить которые трудно из-за ограниченности числа и относительной однородности случаев употребления этого форманта.

Праслав. **jьzgrebьje*, **jьzgrebi* мн., об ономасиологической природе которого мы успели сказать несколько слов в связи с условиями происхождения и употребления термина **greby* (см. выше), продолжается в русск. *ѝзгреби* 'остатки после вычески льняного волокна; второй сорт льна', *изгрéби* 'очески льна', *изгрéбь* 'счески со льна при первой его чёске', блр. (вост.-полесск.) *zhrébje* 'волокно худшего сорта', польск. *zgrzebie*, *zgrzebia* 'вычески, очески,

охлопья, пакля', ср. еще сербохорв. *изгребѐнати* 'вычесать (шерсть, коноплю)'. Русск. диал. *верхо́вина* 'очески', в общем правильно продолжающее возможную древнюю форму **vьrxovina*, (от **vьrxov-*, **vьrxъ*), перекликается в способе обозначения отходов грубой чистки с сугубо местным блр. (витебск.) *вярьхо́чисъ*. Русск. *отре́пье*, диал. *отре́пьё*, *отре́пья* 'отходы при трепке льна, льняные вычески' образовано от уже известной глагольной основы **trep-* по принципу, который для названий всякого рода отрепья и очесок можно считать основным, а именно сложение соответствующей глагольной основы с префиксом. Так построены **paz-derьje*, **jьz-grebьje*, **pa-česь*, **pa-česy*, **pa-česъky*. Это последнее сложение основы **čes-* с именным префиксом *pa-* (ср. приимённый характер также префикса *paz-* и общий, глагольно-именной характер, *ob*, *jьz-*, образующих другие соответствующие сложения вроде *отрепье*, *очески*) представлено в чеш., слвц. *pačesy* мн. 'очески, отходы при чесании льна', польск. *paczesie*, *paczoski* мн., русск. (диал., яросл.) *па́чеси* мн. 'чески со льна при второй его чёске', блр. (речицк.) *paczóski* мн. 'отходы после обработки льна щеткой', (витебск.) *па́чись*, укр. *па́чо́си*, *пачі́скú* мн. 'очески, вычески'.

Но особенно интересно и важно также в плане высказанных ранее суждений еще одно название отходов от чёски льна, связанное, как уже давно признано, с **česati*[75] и представленное в русск. *костёря* 'шелуха, остающаяся после трепания льна; также — *костерь*, сорное растение во ржи', диал. (ряз.) *кастрúка* 'треста, жесткий покров стеблей конопли', далее — *костра́* 'жесткая кора волокнистых растений, например конопли', 'род сорной травы', *кострúца* то же, укр. *кострúця* 'кострика', блр. *костра*, *кострица* 'костра из пеньки, льна', — из **kostrica*, **kostrь*, **kostra*. Сюда примыкают, с одной стороны, русск. *костёр* 'куча поленьев дров; горящая куча дров, веток', укр. *костер* 'стог, скирда', а с другой стороны — распространенные в западных и отчасти южных славянских языках названия сорняков в особой производной форме, ср. польск. *kostrzewa* 'род растения Festuca', в.-луж. *kosćerwa*, *kostŕawa*, н.-луж. *kostŕowa*, словен. *kostrêba* 'род остистого растения', сербохорв. *ко̏стрика* 'название растений — копытень, иглица'; ср. также *ко̏стрēт* ж. 'грубая шерсть (козья, верблюжья и т. п.)'. Совершенно очевидно, во-первых, что значение 'костер, горящая куча дров, веток' восходит к значению 'куча вообще, поленница' (ср. аналогию нем. *Scheiterhaufen* 'костер', собственно, 'куча поленьев': *Scheit* 'полено', *Haufen* 'куча'), как, впрочем, это явствует и из синхронно представленных значений слова *костёр* в русском — 'куча дров, поленьев' и *костер* в украинском — 'стог, скирда'. Следовательно, у русского слова *костёр* в общенародном значении не может быть собственной самостоятельной этимологии, так как оно этимологически тождественно русскому же слову *костра́* 'жесткая кора, треста' и

[75] *Преображенский*. I. С. 367—368; иначе: *Vasmer*. I. S. 642.

значение 'костер, куча дров, горящая куча' восходит к значению последнего слова — 'треста, очески' как к более архаичному. Первоначально *костёр* называлось сложенное кучей некоторое количество этой тресты, кострики, оставшейся после ломания стеблей льна или конопли. Далее это же название было распространено, по-видимому, более широко на кучи всякого другого материала, идущего на сжигание, на топку, тем более что именно такое употребление более всего подходило для самих отходов от обработки волокна. Прочие этимологии слова *костёр*, в частности как заимствования из разнообразных источников — из исл. *köstr*, лат. *castrum*[76], попросту невозможны, что ясно уже из предыдущих замечаний о связи *костёр* и *костра*. Во-вторых, очевидно также, что более древняя и, вероятно, охватывавшая уже в праславянскую эпоху (судя по распространению в серболужицких, польском и словенском) ряд диалектов форма **kostrěva*/**kostr'ava*, обозначавшая разные виды сорных растений, восходит — вместе со своим упомянутым значением — к праслав. **kostra* 'кострика, треста, отходы при ломании льна и конопли'[77]. Этому нас учит и пример сербохорв. *кȍстрика* 'растение копытень, иглица', абсолютно тождественное по форме русск. *кострика*, *кострица* 'треста, отходы льна, конопли', и факт сосуществования значений 'сорняк во ржи' и 'кострика, треста' у одного и того же русского слова *косте́рь*. Реальный субстрат родства перечисленных значений и, наконец, форм этих слов можно видеть в сходстве употребления сорняков, которые выпалывают, складывают в кучи и сжигают, и куч ненужной костры, оставшейся от льна или конопли. Мы думаем, что 'сорняк' < 'костра' и что форма праслав. **kostra*, собственно **kos-tr-a*, произведена с суффиксом *-tr-* от основы **kos-*/**kes-*, ср. **česati*, русск. *чеса́ть*, причем здесь также есть все основания говорить о термине исконно текстильном (в широком смысле слова), имевшем отношение первоначально только к обработке волокна. Думается, что едва ли имеется повод для попытки внешне допустимого объяснения **kostra*, **kostrika*, **kostrěva* 'сорное растение' как изначально самостоятельного производного от основы **kos-*, ср., скажем, **kositi*, русск. *коси́ть*, в смысле 'полоть (сорную траву)'. Оригинальные семантические и формально-словообразовательные производные от основы **kostr-* со значениями '(горящая) куча'; 'сорная трава', примыкающие к прямым продолжениям праслав. **kostra* 'костра, треста, отходы', как бы дополняют и расширяют первоначальный ареал этого последнего слова и значения. Как мы уже сказали мельком выше, праслав. **kostra* 'отходы от ломания, чистки льна, конопли' происходит от основы **kos-*/**kes-*, ср. праслав. **česati*, в соединении с суффиксом *-tr-*. Иначе говоря, **kostra* — это производное с суффиксом *-tr-* и значением результата действия, выраженного глагольной основой: **kostra* =

[76] См.: *Преображенский*. I. С. 367; *Vasmer*. I. S. 641.

[77] Ср.: *Brückner*. S. 259.

'начесанное'. (Само собой разумеется, что этимологии вроде **kostra* : **kostь* и другие объяснения нами не принимаются.) Здесь нам представляется оригинальная возможность вернуться к сопоставлению лат. *castrum*, мн. *castra* 'укрепленный лагерь, вал со рвом' и праслав. **kostra* 'треста, кострика, отходы, очески', русск. *костёр*, но на совершенно иной, новой основе. Выше мы говорили о неправдоподобности мысли относительно заимствования русск. *костёр* из лат. *castrum*, и это наше мнение сохраняет свою силу. Сейчас мы хотим напомнить о том, как еще несколько выше лат. *castrum* упоминалось в связи с реконструкцией его формы и значения как **kas-tr-om* 'выкопанное (и насыпанное)' ≃ 'вал со рвом'. Там же велась речь о близкой по основе и форманту к этому латинскому слову праформе славянского слова **česadlo—*kes-tlo*. Но сейчас можно сказать, что совершенно особый, исключительный параллелизм в сочетании этимологически тождественных основ и суффиксов, а также в развитии принципиально близких значений результата действия, выраженного латинским и славянским континуантами общего и.-е. **kes-/*kos-* 'рыть, копать, скрести, продергивать, прочесывать', наблюдается между лат. *castrum* 'вал со рвом' < **kas-tr-om* 'выкопанное (и насыпанное)', с одной стороны, и праслав. **kostra* 'кострика, отходы льна, конопли' < **kos-tr-a* 'начесанное, надранное' — с другой. Конечно, параллелизм и независимость развития здесь достаточно ярко выражены, и это нельзя не учитывать. Но и сам этот параллелизм образования и развития, и тождественность избранных морфем, а также самого способа их сочетания здесь по-своему замечательны и поучительны. Можно высказать, наконец, мнение, что слово **kostra*, бесспорно, принадлежит к дославянскому наследию в праславянском, так как оно, наряду с другими дославянскими образованиями последнего, характеризуется чертами и формантом, о продуктивности которых в собственно праславянское время не приходится говорить. Значение свидетельства праслав. **kostra* трудно переоценить, поскольку это слово, важное для нас в вопросе отражения образований на *-tr-* и *-tl-* в славянском, является классическим резервом внутренней реконструкции, настоящим народным, живым словом современных славянских языков. Таким образом, лат. *castrum* оказывается родственным русск. *костёр*.

Русск. *треста* 'кострика' (Лебедева) может находиться в своеобразном отношении чередования согласных (*-st-* : *-sk-*) с *трескать*, праслав. **trěskati*, дальнейшие связи которых здесь не представляют специального интереса. Ср. аналогичные отношения *пустить* : *пускать*. Впрочем, нужно считаться и с другой возможностью, а именно с происхождением из **trьstь/*trъstь* 'сухой, тонкий стебель, тростник, камыш', ср. приводимое Далем диал. вятск. *трестá* 'стебель конопли и льну, по высушке'.

Праслав. **klъkъ* можно восстановить на основе болг. *кълчúща* мн. 'волокна конопли, готовые для пряжи', макед. *колчишта* мн. то же, сюда же цслав. *клъкъ* 'уток ткани', сербохорв. диал. *ку̑к* 'пакля, грубое волокно', *ку̏чине* мн.

'пакля, изгреби', словен. *kólke* ж. мн. 'пакля', *kôlč* 'пучок льну', чеш. *klk* 'сгусток жидкости (например, крови)', диал. *kluk*, др.-чеш. *kluky* мн. 'пакля, изгреби, хлопья', слвц. *klk* 'клок, пучок, клубок', *klky* мн. 'пакля', польск. *kłak*, мн. *kłaki* 'очески льна или конопли, пакля' 'клок, клочья', русск.-цслав. *клокъ*, русск. *клок*, диал. *клочанки* 'очески', укр. *клóччя* ср. 'пакля, охлопки', блр. *kłóczcze* то же. В общем все почти эти формы соответствуют праслав. **klъkъ* или же его производным *klъčišče*, *klъčanъ-*, **klъčьje*, только польск. *kłak* не может считаться прямым рефлексом этой праславянской формы (ожидалось бы **kłek*), но отражает производное от того же корня с другими суффиксом **kl-akъ*. Все остальные славянские формы продолжают производное с суффиксом *-ъkъ* от **kl-* (**kl-ъkъ*), корня в ступени редукции, сюда же, далее, праслав. **kolti*, **kolʼǫ* 'колоть, наносить удары' [78]. Ср. лит. *pãkulos* мн. 'пакля, кострика', образованное от родственного *kùlti* 'бить, молотить', но другим способом. Отклонение от обычной рефлексации *tlъt* в украинском и белорусском производит такое впечатление, как будто словообразовательный состав **kl-ъkъ* ощущался в них до относительно позднего времени. Интересно отметить наличие, несомненно, произведенного от той же основы с совершенно особым суффиксом укр. *кóвмо* 'вязка конопли или льна' < **колмо* < **kl-ъmo*, сюда же блр. *калмáты* 'косматый, лохматый'.

Вокруг праслав. **xlъpъ* объединяются русск. *хлоп* 'отходы конопли, остающиеся после мыканья, чесанья, прядения в виде спутавшихся волокон', *хлóпок*, *хлóпки* мн., *охлóпок*, *охлóпья* 'пакля, очески', *хлóпья* мн., *хлопóк*, *хлопéнь* 'клок пеньки, льну, кудели', слвц. *chlp* 'пучок льну, соломы', 'волос', чеш. *chlup* 'волос'. Праслав. **xlъpъ*, возможно, наряду с **xъlpъ*, скорее всего родственно глаголу **xъlpiti*, ср. русск. диал. (пермск.) *холпúтъ* 'тихо дуть, подувать, веять (о ветре и тяге)', польск. *chełpić się* 'хвастать, похваляться', звукоподражательные по природе. Махек ошибочно пытается отделить слвц. *chlp*, русск. *хлóпье* от чеш. *chlup* и сблизить с лит. *kìlpa* 'петля', в то время как чешское слово (вместе с польск. диал. *chłup*) он отождествляет с лит. *plaukas*, акцентируя их однозначность (и то и другое — 'волос') и возможность метатез согласных [79]. Все это в достаточной мере сомнительно, тем более что и славянское, и литовское слово хорошо объясняются каждое на местном материале. Лит. *plaũkas* 'волос' вместе с *plunksna* 'перо' (< **pluk-sna*) связаны, несомненно, прежде всего с лит. *plaukti* 'плыть' < и.-е. **pleu-k-* 'лететь, плавно двигаться', ср. герм. **fleugan*, нем. *fliegen* 'лететь'. Чеш. *chlup* 'волос' отражает праслав. **xlъpъ* (а не **xlupъ*) и не имеет с *plaukas* ничего общего,

---

[78] *Sławski.* II. S. 247. — Менее вероятно мнение о звукоподражательном происхождении (*Преображенский.* I. С. 317), о родстве с лтш. *plaũkas* ж. мн. 'волокна, хлопья, пакля', лит. *pláukas* 'волос' (*Vasmer.* I. S. 571), точно так же, как и о родстве с лит. *klèkti* 'густеть, свертываться' (*Machek.* S. 205).

[79] *Machek.* S. 158. Ср.: *Vasmer.* III. S. 247.

кроме значения, но слишком очевидны различные пути, которыми оба слова пришли к сходному значению. Значение 'волос' у чешского слова, бесспорно, вторично, оно развилось из значения 'охлопок, пучок спутавшихся волокон'. В основе славянских имен лежит глагол со значением, передававшим, по-видимому, движение, хлопание, движение воздуха, дуновение (см. примеры выше), — семантическая база, вполне подходящая для образования названий охлопка, клочка легких волокон.

Разобрав различные славянские названия волокна и его отходов, а также орудий производства и чистки этого волокна и некоторые примыкающие сюда названия, мы только сейчас подошли к лексике прядения в настоящем смысле, хотя, при более широком взгляде на вещи, описанная выше терминология самым естественным образом предваряет лексику прядения и по праву входит в обширную терминологию текстильного дела.

Основным, общим для всех славян и, по сути дела, единственным названием главного действия — прядения, т. е. отделения волокна от кудели, ссучивания волокон и накручивания их на веретено, — является глагол праслав. **pręsti*, **prędati*, откуда ст.-слав. **прѧсти**, **прѧдѫ**, болг. *предá* 'пряду', макед. *преде* 'прясть', сербохорв. *прȅсти*, *прȅдēм*, словен. *prêsti*, чеш. *přísti*, слвц. *priasť*, в.-луж. *pŕaść*, н.-луж. *pšesć*, полаб. *prãst*, польск. *prząść*, русск. *прясть*, *пряду́*, укр. *пря́сти*, блр. *пра́сцi*. Сопоставление глаголов 'прясть' в нескольких важнейших ветвях индоевропейской группы языков — праслав. **pręsti*, лит. *ver̃pti*, нем. *spinnen*, лат. *neo*, *nere*, греч. *κλώϑειν*, *νέειν* — показывает, что здесь отсутствует единство и что почти все названные термины ограничены пределами одной какой-либо семьи, ветви языков. Такая ситуация обычно свидетельствует о самостоятельном развитии соответствующих образований в период обособленной жизни языков. Иными словами, мы, по-видимому, имеем дело с инновациями словообразования и терминологии. Это следует помнить при этимологизировании местных терминов 'прясть', в частности праслав. **pręsti*. Данные культурного плана, которые мы привлечем в качестве побочной аргументации (отчасти в связи с уже высказанными в начале этого раздела соображениями), не противоречат выводам лингвистического характера, как увидим ниже. Собственно говоря, уже перечисленные только что термины 'прясть' достаточно разнородны хронологически. Так, при инновационном характере одних, другие могут быть уверенно определены как архаизмы. Самым древним и архаическим термином 'прясть' из рассмотренных являются, очевидно, те, которые образованы от основы и.-е. *(*s*)*ne*-, ср. лат. *neo*, *nere*, греч. *νέω* (*σνε̯ίω*). Об этом говорит не только то важное обстоятельство, что термины 'прясть' с этим корнем представлены в двух достаточно обособленных ветвях индоевропейского, не связанных чертами исключительной общности, — италийском и греческом. Не менее важны другие обстоятельства, прежде всего черты

древности самой основы *(*s*)*ne*-, выражающиеся в наличии в свою очередь различных расширений ее — *(*s*)*nei*-, *(*s*)*neu*-, обособленное и самостоятельное функционирование которых не только в разных индоевропейских языках, но сплошь и рядом в одном и том же языке (ср. слав. **nitь* и **snovati* — ниже) позволяет говорить об очень сложных и далеких от унификации и регуляризации отношениях. Мы затрагиваем очень мощно разветвленную словообразовательно и семантически очень значительную основу, которая могла бы без преувеличения представить сюжет для довольно крупной монографии по индоевропейскому словообразованию и этимологии. Естественно, что в плане наших задач мы не можем отвести этому вопросу подробной истории, этимологии и словопроизводной активности и.-е. *(*s*)*ne*- много места. Поэтому ограничимся отдельными замечаниями, которые вместе с тем будут полезны при анализе других терминов 'прясть', а также некоторых других разбираемых далее слов. Говоря об и.-е. *(*s*)*ne*-, нужно расценивать материал по крайней мере в двух аспектах. Первый, и более узкий, — это термины 'прясть', образованные от *(*s*)*ne*- и представленные, как мы знаем, в латинском и греческом. Второй, значительно более широкий, так сказать, лексический аспект — это все случаи образования слов на базе и.-е. *(*s*)*ne*-, не ограниченные терминологическим планом прядения. Оказывается, что слова, производные от и.-е. *(*s*)*ne*-, имеются, по сути дела, во всех ветвях индоевропейской группы. При этом они насчитывают целый ряд значений: 'вязать, связывать', 'прясть', 'шить', 'облекать', 'жила', 'нить', 'веревка', 'иголка', 'корзина, плетенка'. Таким образом, значение 'прясть' — одно из многих значений всего семантического комплекса, объединяемого основой и.-е. *(*s*)*ne*-. И подобно тому как в плане лингвистической географии ареал лат. *nere*, греч. *νέω* 'прясть' занимает лишь небольшую часть индоевропейского языкового пространства, на котором распространены прямые или опосредствованные продолжения и.-е. *(*s*)*ne*-, точно так же значение 'прясть' составляет лишь небольшой отрезок полного семантического спектра этого емкого словарного гнезда. Мы думаем, что и то и другое говорит о вторичности появления значении 'прясть', подтверждение чему мы видим и в сугубо терминологическом характере этого значения и употребления (однозначность). Сказанное не может ставить под вопрос древность самой основы и.-е. *(*s*)*ne*-. Напротив, эта основа с некоторым более общим значением ≈ 'связывать' должна была существовать задолго до выделения специального значения 'прясть'. Признание вторичности значения 'прясть' одновременно означает признание реальности длительного времени, в течение которого не было специального термина 'прясть'. Такое состояние в языке, в терминологии могло сохраняться и тогда, когда человек уже освоил прядение. Вспомним, что мы говорили раньше о такой важной для исследования черте лексики, как недоста-

т о ч н о с т ь т е р м и н о л о г и и. Сначала обходились наличными способами обозначения, определяя процесс примитивного прядения как «связывание» (ссучивание вытягиваемых волокон, нитей в одну нить, действительно, трудно определить удачнее), затем контексты употребления хотя бы того же *(*s*)*ne-* в отношении прядения приобрели известную жесткость, несовместимую с употреблением *(*s*)*ne-* в иных, более широких значениях. Так, семантическим путем, совершилось терминологическое новообразование, приведшее к лат. *neo*, *nere* и греч. *νέω*. Семантический характер этого словообразовательного акта явствует из полноты вытеснения прочих, прежде абсолютно преобладавших значений 'связывать' именно в греческом и латинском, где последним убежищем их стали лексически изолированные случаи, главным образом имена вроде греч. *νεῦρον*, тоже в достаточной мере деэтимологизированные. В этой связи полезно отметить, что продолжения более древних значений 'связывать', отсюда 'шить, мотать', сохранились, в тех языках, которые не были затронуты терминологическим новообразованием 'вязать' > 'прясть', т. е. в большинстве индоевропейских языков (индоиранских, германских, славянских, кельтских). Таким образом, *(*s*)*ne-* в значении 'прясть', охарактеризованное нами вначале как в известном смысле архаичное, тоже представляется новообразованием. Инновационная сущность остальных называемых здесь локальных индоевропейских терминов 'прясть', в частности праслав. **pręsti*, не может быть предметом споров. Чтобы покончить — в рамках прядильной терминологии — с и.-е. *(*s*)*ne-*, приведем старую, сохраняющую и сейчас свое значение точку зрения о его истоках: «В качестве основного корня можно считать с вероятностью выделяемое в санскр. *ṣnā́-van* 'связка в теле человека и животного', *snā́yu*, *snasā* то же исходное *snā*, *sna* 'связывать', 'скручивать'...»[80], т. е. в современных терминах — и.-е. **snĕ̄-*. Нам нет надобности сейчас стремиться проникнуть дальше этого осязаемого уровня семантической реконструкции, на котором мы получаем и.-е. *(*s*)*nĕ̄-* 'связывать', хотя можно порекомендовать читателю обратить внимание далее на то место в первой части III раздела нашей работы, где специально говорится о доистории ряда терминов 'связывать, плести'.

Если в греческом и латинском новообразование термина 'прясть' совершилось семантическим путем, на базе древнего термина 'вязать' (что как бы переносит нас в древнюю атмосферу эпохи зарождения самого прядения с ее реакцией на самый принцип этого культурного новшества), то остальные известные нам термины 'прясть' получены в результате словообразовательно-лексического новообразования. Локальный и относительно поздний

[80] *O. Schrader.* Op. cit. S. 174—175.

характер, например, гот. *spinnan*, лит. *verpti*, праслав. **pręsti* 'прясть', связанных всякий раз с иными древними основами и более частными значениями, отсутствие у них доистории и преемственности с соответствующим термином 'вязать', наблюдаемой нами у *(*s*)*ne*-, — все это вместе представляет некоторое типологическое основание для заключения о том, что здесь мы имеем дело всякий раз с гораздо более поздними новообразованиями лексики и терминологии. Интересующая нас суть реального плана этого сложного явления, к которой мы еще вернемся ниже, говоря о названиях прялок, состояла, видимо, в том, что среди носителей северных индоевропейских языков в древности стало распространяться, возможно, раньше, чем у более южных римлян и греков, особое приспособление — прялка (материально-исторические подробности приводились выше). Образование специального термина 'прясть' в этих условиях — если оно по различным причинам не состоялось до сих пор (что вполне возможно, ср. выше) — должно было проходить под знаком наиболее актуальной формы производственного процесса. Иными словами, если мы хотим воссоздать хотя бы в какой-то части реально-семантический контекст, современный эпохе выделения особых терминов 'прясть' у германцев, балтов и славян, с одной стороны, и у греков и римлян — с другой, мы должны, очевидно, будем предположить, что с точки зрения первых, во всяком случае для того хронологического уровня, на котором дело дошло до упомянутого терминообразования, «прясть» значило 'прясть с помощью прялки', чего мы не можем сказать о вторых. Именно поэтому становится понятным то обстоятельство, что терминообразование у германцев, балтов и славян имело место в данном случае не на базе глагола 'вязать', а на базе более броских и актуальных реально-семантических ассоциаций и слов к этому моменту. Отсюда — более частные и местные семантические и этимологические связи терминов 'прясть' в этих языках, тогда как иная ситуация в Средиземноморье, где долгое время отсутствовала прялка и само прядение было достаточно архаичным, термин 'вязать' явился наиболее подходящей основой для нового термина 'прясть'.

Германский термин 'прясть' — гот. *spinnan*, нем. *spinnen* — обнаруживает этимологическое родство с и.-е. *(*s*)*pen*- 'тянуть, вытягивать, упирать', откуда также слав. **pьnǫ*, **pęti* 'натягивать', лит. *pinti* 'плести', арм. *henum* 'тку', причем каждое из этих слов и значений самостоятельно восходит к более древней форме и значению *(*s*)*pen*- 'натягивать, тянуть'. Германское значение 'прясть' вторично, оно произошло из 'тянуть', т. е. вытягивать волокна для прядения, по-видимому, из пучка, кудели, фиксированной на прялке[81]. Лит. *verpti*, лтш. *vērpt* 'прясть' (откуда также и название веретена — лит.

[81] *G. Sh. Lane*. Op. cit. S. 16—17.

varpstė) вместе с греч. *ῥάπτω* (* < *u̯r̥pi̯ō*) 'шью' объединяются вокруг и.-е. **u̯erp*-, собственно, **u̯er-p*- — расширенная форма от и.-е. **u̯er*- 'поворачивать, вращать'[82]. Очевидно, называние здесь было стимулировано главным образом ролью веретена и его функцией вращения. Последняя так или иначе обычно бывает отражена в различных названиях веретена по языкам, как увидим ниже, поскольку это характернейшая черта самого веретена. Подробности того, как это осуществлялось в нескольких индоевропейских языковых ветвях, будут приведены далее. При более известном расширении **u̯er-t*- от упомянутого корня в индоевропейских языках в общем довольно широко известно и расширение **uer-p*-, обычно выступающее, как показывают примеры, в более специфических значениях — не столько 'поворачивать', сколько 'выполнять особый процесс, связанный с поворачиванием', затем — 'окружать, огораживать, покрывать' и другие, еще более эволюционировавшие, ср. тохар. *wārp*- 'окружать', хетт. *u̯arpa*- то же, авест. *varəp*-, лит. *varpýti* 'огораживать вехами'[83]. Сюда же, далее, др.-русск., русск.-цслав. *вьрпу, вьрпсти* 'рвать, грабить' *воропъ* 'налет, нападение'[84] — возможно, из 'окружение'? Здесь можно выделить производные с этим расширением, пополнившие текстильную лексику, а именно уже упоминавшиеся лит. *verp̃ti* 'прясть', греч. *ῥάπτω* 'шью' и герм. **werpan*, нем. *werfen*. Последнее развило свое современное значение 'бросать (вообще)' вторично, из более древнего 'сновать, навивать основу', ср. нем. стар. *Werft* 'основа', причем имелась в виду такая особенность процесса снования, как хождение или поворачивание туда и сюда, что делает осязаемой связь германского слова с и.-е. **uer-p*- 'поворачивать'[85]. Но даже эти текстильные термины германского, балтийского и греческого, имеющие этимологически единую индоевропейскую основу, обнаруживают настолько самобытную и несхожую эволюцию, что независимость их развития и подключения к местной текстильной лексике очевидна. Надо сказать, что славянский и в этом случае выказывает серьезное расхождение с балтийским, потому что славянская терминология текстильного производства не знает основы **u̯erp*-.

Предыдущие замечания, как мы надеемся, позволят глубже проникнуть в типологическую сущность этимологизируемого ниже слав. **pręsti*, **prędǫ*, которое нас интересует в первую очередь. Славянская основа **pręd*- 'прясть' лучше всего может быть объяснена как продолжение дославянского **prend*- < и.-е. **sprend*(*h*)-, передававшего, по-видимому, резкое движение, рывок рукой, бросок, прыжок. Близкие праслав. **pręsti* термины 'прясть' за пределами

---

[82] Там же.

[83] *В. Н. Топоров.* Заметки по индоевропейской этимологии // Этимология. М., 1963. С. 187—188.

[84] Ср.: *Фасмер.* I. С. 300, 354 (где сравнения характеризуются противоречиво).

[85] *H.-F. Rosenfeld.* Op. cit. S. 17.

славянского отсутствуют, так что у нас сейчас нет ни малейших оснований говорить о **pręsti* как о «балто-славянском» термине прядения. Лтш. *prēst* 'прясть на веретене', которое раньше приводилось в связи с славянским словом, заимствовано из восточнославянского [86], прочие балтийские сравнения довольно далеки от семантики слав. **pręsti*, древнюю стадию которой мы охарактеризовали выше как 'резко двигать, дергать (рукой), прыгать'. Этим более древним значениям, сохраненным до сих пор в таких славянских формах, как ст.-слав. **прѧдати** 'скакать', русск. *пря́дать* 'прыгать, скакать', 'трясти (ушами — о лошади)', лучше всего соответствуют значения германских слов, тоже восходящих к и.-е. **(s)prend(h)-*; ср.-в.-нем. *sprenzen* 'брызгать', англ. (*to*) *sprint* 'бежать во весь дух (на короткое расстояние)'. Из материала германских языков может быть также приведено такое специальное терминологическое соответствие, как англос. *sprindil* 'прялка', на что указывал Брюкнер. Близкое родство праслав. **prędati* 'скакать', 'трясти', **prędǫ*, **pręsti* (и производных) 'прясть' и герм. **sprintan* 'брызгать, разбрасывать', 'стремительно бежать', **sprindila-* 'прялка' находится в резком контрасте с балто-славянскими отношениями в этом вопросе, потому что приводимые обычно в числе близко родственных слав. **pręsti* форм такие балтийские слова, как лит. *spręsti*, *sprę́ndžiu* 'пялить, распирать, растягивать; отмеривать пядью', *sprìndis* 'пядь', *sprándas* 'затылок, шея', лтш. *spriest* 'вытягивать' [87], позволяют думать лишь о самом отдаленном родстве, практически ничтожном по сравнению со степенью близости между соответствующими славянскими и германскими словами. Необходимо подчеркнуть, что семантической основой термина **pręsti* 'прясть' послужило значение 'двигать рывком, резко', но никак не 'натягивать, тянуть', как нередко думают. Об этом свидетельствуют и достаточно солидные внутриславянские факты вроде **prędati* 'скакать, трясти', с другим вокализмом — **prǫdъ* 'быстрое, стремительное течение', и родственные германские слова, среди которых которых также имеется термин прядения. Мы говорили выше о реально-семантической стороне развития значения 'прясть' у и.-е. **(s)ne-*, затем у герм. (гот.) *spinnan*, лит. *ver̃pti*. Относительно праслав. *pręsti* мы можем сказать, что его семантика была ориентирована, по-видимому, не на веретено, а на прялку, собственно, на гребень, палку с куделью, из которой достаточно быстрым движением левой руки вытягивались несколько волокон (русск. *прядь* — сюда же!), ссучивались и затем накручивались на веретено. Праслав. **pręsti*, строго говоря, явилось первоначально обозначением действия именно левой руки пряхи. Это определило и выбор корневой морфемы при данном

---

[86] *Mũlenbacha—Endzelīna.* Latviešu valodas vārdnīca. XXVI. Burtnīca. Rīgā, 1927. S. 390.

[87] *Преображенский.* II. С. 145; *Младенов.* С. 506; *Brückner.* S. 440; *Holub—Kopečný.* S. 302; *Machek.* S. 402; *Vasmer.* II. S. 455.

терминообразовании в славянском. Первоначальным в терминологии прядения нужно считать, наверное, такое положение, когда лексика, описывающая работу левой руки пряхи, и лексика веретена, находящегося в ее правой руке, достаточно четко различаются. В соответствии с этим мы относим к выравниваниям и вторичным унификациям случаи единства той и другой лексики вроде нем. *spinnen* 'прясть' — *Spindel* 'веретено' (но *Wirtel* 'пряслице на веретене', ср. ниже), лит. *verpti* 'прясть' — *varpstė* 'веретено', далее, считаем вторичным наше современное словоупотребление *прясть на веретене*. Более первичным мы назовем разграничение той и другой лексики, например лат. *neo* 'пряду' — *fūsus* 'веретено', греч. *νέω* 'пряду' — *ἄτρακτος* 'веретено', слав. **pręsti* 'прясть' — **verteno* 'веретено'. Не случайно в этом же ряду мы назвали и славянскую пару терминов, хотя незадолго до этого речь велась об инновационном характере праслав. **pręsti* 'прясть'. Мы говорим сейчас о первичности самого п р и н ц и п а разграничения лексики прядения (вытягивания и сучения) волокна и лексики веретена, о первичности разграничения терминов пары 'прясть'—'веретено', независимо от способов выражения каждого из членов такой пары. В случае со славянской парой терминов название веретена оказывается, как увидим ниже, гораздо древнее, чем термин 'прясть' в этом виде. Значит, для какого-то этапа реконструкции слово **pręsti* как специальный термин придется снять. Но предшествующее его выдвижению отсутствие твердо определенного термина (иначе — «пустое место», *ø*) выполняет в нашей схеме парного отношения ту же роль: *ø—*verteno*. Следовательно, удобнее говорить об унаследовании и отражении самого принципа разграничения пары терминов. Принципиально ничем не отличается от славянской та картина, которую мы наблюдаем в греческом и латыни, тем более что и там можно говорить о местном и, возможно, позднем характере некоторых терминов (например, лат. *fūsus* 'веретено'). Важно, что парное противопоставление разных названий прядения и веретена выражено там столь же четко.

Инновационный характер термина праслав. **pręsti* 'прясть' хорошо согласуется с той замеченной у него чертой, что ни одно производное, ни одно слово из этого лексического гнезда, объединяемого значением прядения, не знает, казалось бы, вполне мотивированного отклонения вокализма в той форме, в какой знала аблаут *e* : *o* эта основа до развития прядильной семантики. Так, **prǫdъ* не имеет уже ничего общего с терминологией прядения [88]. Эта регулярность и единообразие основы, её вокализма во всех производных от **pręsti* 'прясть' служит свидетельством вторичного выделения всей этой терминологической лексики. Производных с прядильными значениями от **pręsti*

[88] Ср.: *P. Diels*. Altkirchenslavisch *praprǫdъ* 'purpur' // Serta Monacensia. Franz Babinger als Festgruss dargebracht. Leiden, 1952. S. 53 ff.

много, и они играют важную роль в текстильной терминологии, но все они — славянские новообразования. Их роль при реконструкции дославянских отношений может быть признана значительно меньшей, в вопросах же древнеиндоевропейских диалектных отношений на материале текстильной лексики роль этих терминов минимальна, потому что все это — молодые образования праславянского. Разумеется, при перемене исходной точки наших рассуждений, например при оценке этих производных от **pręd-* с точки зрения современного состояния текстильной терминологии, мы без колебания определим их как архаизмы, образование которых восходит еще к праславянскому. Сюда относятся праслав. **prędlo* 'прялка', иногда — 'прядение', производное от **pręd-* с суффиксом *-l-*, и дальнейшие производные от него на *-ica*, *-ka* — **prędlica*, **prędlъka* со значением 'прялка' (болг. *пре́лка*, *пре́лица*, сербохорв. диал. *prela*, *preļa*, *prelo*, словен. *prelo*, чеш. *přádlo*, русск. *пря́лка*, *пря́лица*, блр., вост.-полесск. *prálica*). Не сомневаясь в позднем, праславянском оформлении *-ica/-ъka*, мы можем привести в качестве терминологической и словообразовательной параллели праслав. **prędlo* только упоминавшееся ранее англос. *sprindil* 'прялка', *-l*-овое производное от близкой основы. Сюда же примыкает дальнейшее производное от **prędlo* с *-i-* суффиксальным **prędlьja*, обозначающее прядущую женщину (сербохорв. *прêља*, русск. диал. *пря́лья*). Древнее производное с суффиксом *-i̯-* непосредственно от основы **pręd-* представляет собой слово **prędja* 'то, что напрядено, продукт прядения, пряжа': цслав. **прѧжда**, болг. *пре́жда*, макед. *пре́ѓа*, сербохорв. *прѐђа*, словен. *preja*, чеш. *příze*, (диал. ляшск.) *přaza*, слвц. *priadza*, *prädza*, *predza*, в.-луж. *přaza*, польск. *przędza*, русск., укр. *пря́жа*, блр. *пра́жа*. Непосредственно от основы **pręd-* произведено праслав. **prędica/*prędъka*, ср. словен. *predica* 'пряха', слвц. *priadka* то же, полаб. *prątkə* то же, польск. *prządka*, укр. *пря́дка* 'прялка'. Бесспорно праславянскими суффиксальными образованиями являются **prędeno* и **prędivo*, обозначающие материал для прядения, пряжу: цслав. **прѧдено**, сербохорв. *предено*, словен. *prèdeno*, чеш. *přadeno*, *předeno*, слвц. *pradeno*, полаб. *prądénə*, польск. *przędziono*, в.-луж. *předźeno*, русск. диал. *пря́дено*[89], цслав. **прѧдиво**, болг. *преди́во* 'пряжа', сербохорв. *прѐдӣво* то же, словен. *predivo*, чеш. *předivo*, польск. *przędziwo*, русск. *пря́диво*, *пря́дево* 'куделя, мочка, приготовленная для пряжи', укр. *пря́диво* то же. Весьма разветвленно представлены по славянским языкам производные имена от **pręd-*, образованные с суффиксами *-sl-*, *-sn-* и некоторыми другими дополнительными формантами: **pręslica*, **pręsnica*, **pręslenъ/*preslenь*. Они обозначают либо всю прялку, либо деталь веретена — пряслице (маховичок), причем

[89] Махек, указывая на причастный характер *-eno*, решительно оспаривает праславянский характер этой формы. Так же, впрочем, он относится и к следующей форме, считая ее только чешской (*Machek.* S. 402).

последнее употребление можно считать в соответствии с предшествующим анализом **pręsti* и родственных форм новообразованием[90]. Сюда относятся цслав. **прѧслица** 'веретено', болг. диал. *пре́слица* 'прялка', *прешлен* 'пряслице', макед. *прешлен* то же, сербохорв. *прѐслица* 'прялка', *пр̏шљēн* 'пряслице', словен. *preslica*, *preslen*, чеш. *přeslice*, слвц. *praslica* 'прялка', чеш. *přeslen* 'пряслице', польск. *przęślica* 'прялка', *przęśleń* 'пряслице', в.-луж. *přasleń* то же, *přaslica* 'прялка', полаб. *prąslénə* 'прялка', русск. *пря́слица*, *пря́слице* 'прялка, ее донце', *пря́слень*, *пря́слен* 'пряслице, кружок на веретене', укр. *пря́слиця* 'донце прялки', 'пряслице, пряслень веретена', блр. *прясле́н* 'кружок на веретене'. Форма **pręsnica* восстанавливается на основании русск. диал. *пря́сница*, блр. *пра́сница*, *prásnica* 'вся прялка'. За небольшими исключениями вроде только что названных двух последних примеров все остальные собранные здесь производные известны большинству славянских языков.

Различные части простой ручной прялки (если есть вообще основание говорить о ее частях, особенно в тех случаях, когда речь идет о достаточно архаических экземплярах в виде палки, затыкаемой за пояс или находящейся в левой руке) получили как правило свои особые наименования уже позже, поэтому даже отнесение их к праславянскому бывает обычно нецелесообразным; естественно, что, говоря так, мы разграничиваем аспект текстильной терминологии и аспект истории слова как такового вообще. Поэтому, нисколько не сомневаясь в праславянской древности слов **kopylъ*, **dъbnъce*, **lopastь*, мы не беремся утверждать, что столь же достоверна праславянская древность п р я д и л ь н ы х т е р м и н о в русск. *до́нце*, *копы́л*, *ло́пасть*. Ясно, что первые были употреблены в роли вторых лишь позднее. Это и есть одновременно указание на статуальный (в противоположность генуинному, исконному) характер данных прядильных терминов. Сходные замечания могут быть высказаны о различных славянских наименованиях деталей прялки. Ср. русск. *мутo̒вязь* (**motovęzь*) 'веревка, которой привязывают кудель к прялке', укр. *дни́ще* 'донце, сидение прялки' (**dъbnišče*), части западноукраинской прялки называются *sidéc* (**sědьcь*) 'сидение', *déržiwno* (**dьržadlьno*) 'стержень прялки', русск. *копы́л* (см. выше) 'донце прялки или сама прялка, часть гребня', диал. (ряз.) *рага́тка* 'толстая палка с развилиной, к которой привязывается куделя шерсти; нижним концом вставляется в донце', польск. *kij* (**kyjь*) 'стержень прялки', *pióro* то же (собственно, 'перо') полаб. *gláukə* 'прялка' (собственно, 'головка', по-видимому, из-за сходства прялки с куделью и лохматой головы). Местным образованием является сербохорватское

[90] По удачному наблюдению Махека, употребление, например, цслав. **прѧслица** в значении 'веретено', а не 'прядка' облегчалось тем, что прялка, вероятно, в древности была иглообразной, похожей на веретено (*Machek*. S. 402). См. выше, в начале раздела, о реальной стороне вопроса.

диалектное название прялки (Полица) *plasteňača*; ср., далее, сербохорв. диал. (славонск.) *privezutak* 'веревка для привязывания кудели', *lopatica* 'лопатообразная прялка'.

Лишь для одного из названий деталей прялки мы должны будем сделать особое исключение. Праславянскую форму этого слова мы реконструируем как **krǫželь*, вокруг которого объединяются болг. *къжел* 'конус', диал. (у болгар на Украине) *къжил* 'верхушка, головка прялки'; к ней ремешком привязывается *къде́ля* 'кудель', сербохорв. *кужељ*, диал. (Полица) *kužeļuča* 'вид прялки', словен. *koželj*, чеш. *kužel'* слвц. *kužel'* 'верхушка, головка прялки', (новое значение) 'конус', польск. *krężel*, *krężal*, *krążołek* 'конусообразная насадка на прялке', русск. диал. *ку́жель*, *ку́жень* 'кудель, талька, мочка, вычесанный и перевязанный пучок льну, пеньки, изготовленный для пряжи', *ку́жел* 'сверток, 5—10 мочек льну, конопли', сюда же (тульск.) *кужульня́* 'веретено, ось, на которой ходит жернов, порхлица', *кужеле́вина* 'кружловина, деревянная втулка в исподнем жернове, сквозь которую пропущено веретено' (оба последних слова относятся к мельнице), укр. *ку́жіль* 'чесаный лен, приготовленный для прядения', зап. укр. *кужілка*, *кужівка*, *кружілка* 'вид прялки, верхняя часть которой с куделью может вращаться', блр. (вост.-полесск., речицк.) *kúžel* 'лен, очищенный и чесанный несколько раз, хорошее волокно'. Как видим, и значения, и форма соответствий в разных славянских языках колеблются и отличаются друг от друга. Так, среди значений далеко не все относятся к части прялки, есть и значения 'кудель, чесаное волокно'. Что касается форм, то они разделяются на варианты с *-r-* и варианты без *-r-*, причем последних даже большинство, а формы на *-r-* отмечены в польском (как абсолютно господствующие), в великорусских диалектах и на западе Украины. Тем не менее мы уверенно восстанавливаем праславянскую форму и значение **krǫželь* 'верхушка, насадка прялки' (оставляя открытым вопрос о первичности или вторичности текстильного значения). Дело в том, что понять эволюцию формы и значения праслав. **krǫželь* можно только с помощью параллельного изучения этого термина и праслав. **kǫdelь*/**kǫdel'a* 'кудель, связка льну или конопли, привязанная к прялке'. Последним названием мы займемся дальше. Но уже сейчас можно заранее объяснить специфику этих отношений. Оба слова обозначали реалии, связанные в буквальном смысле теснейшим образом, так как **krǫželь* — это верхушка прялки, а **kǫdelь* — пучок волокон, привязанный к верхушке прялки. К этому следует прибавить известное подобие внешнего звукового образа (но только подобие, потому что слова этимологически различны, см. ниже), и все предпосылки для парного употребления, взаимовлияния формы и значений и контаминации будут налицо. Поэтому совершенно ясна ошибочность попыток этимологизировать каждое из этих слов отдельно от другого, в соответствии с некими правдоподобными прямолинейными закономерностями развития

формы. Так, обычно считают (исходя, возможно, из того, что упомянутые варианты без *-r-* составляют решительное большинство), что праславянская форма имела вид **kǫželь*. Дальнейшая этимологизация и попытки реконструировать значение уже не так единодушны, ср. предположения о первоначальном **kǫželь* 'кривой, гнутый, выпуклый предмет' или сближение с др.-в.-нем. *kugel-* 'палка с шарообразным утолщением на конце'[91]. Нельзя сказать, чтобы мысль о тесной связи данного слова с **kǫdelь* была совсем нова. Ср. то, что пишет Махек (там же): «Поскольку к верхушке прялки (*kužel*) привязывается кудель, с давних пор имели место между ними двусторонние фонетические и семантические влияния ⟨...⟩ Кажется, что в основе лежит др.-нем. *kugel-* ⟨...⟩ (родственное нем. *Kegel* 'конус'), скрещенное у славян с исконным названием кудели **kǫdělь*. Это означало бы, что конусообразная прялка пришла к нам с запада; местные прялки имели другой тип». Мы положительно не согласны ни с этимологией, ни с рядом аргументов Махека. Праславянское название верхушки прялки, восстанавливаемое нами в виде **krǫželь*, мы этимологизируем как суффиксальное производное **krǫž-elь* с примерным первоначальным семантическим содержанием 'то, что кружится, вращается', ср. праслав. **krǫžiti*, **krǫgъ* (возможно, следует отдать предпочтение мысли о произведении **krǫželь* именно от глагольной основы **krǫž-*). Формально это предположение не нуждается в обосновании. Его подкрепляют и такие моменты значения, как укр. *кужілка*, *кужівка* 'прялка, верхняя часть которой может вращаться' и особенно близкие значения тождественных нетекстильных терминов русск. диал. *кужульня́* 'ось, на которой ходит жернов', *кужеле́вина* 'деревянная втулка в исподнем жернове, через которую пропущена ось' (см. выше, где примеры из Даля). Можно предположить одно из двух: или в мельничную терминологию **krǫž-elь* попало из прядильной[92], или в обоих разделах специальной лексики было употреблено первоначально более общее **krǫž-elь* 'то, что кружится'. Если возразят, что столь массовое выпадение *-r-* в **krǫželь* на большей части славянской территории маловероятно, то самым резонным ответом может служить указание на то обстоятельство, что всюду **krǫželь* сосуществовало с **kǫdelь*/**kǫdělь* и вступало с ним в тесное взаимодействие, к чему мы считаем нужным снова вернуться. Схематическое представление об этих действительно двусторонних отношениях можно сформулировать так:

---

[91] Ср.: *K. Moszynski.* Kultura ludowa Słowian. Część I. S. 309; *Holub—Kopečný.* S. 195; *Machek.* S. 250 (названные чешские ученые вообще полагают, что это славянское слово заимствовано из данной немецкой формы).

[92] Следует иметь в виду, что речь идет о терминологии большой сложной мельницы, которую нельзя считать чем-то древним. Простейший древний ручной жернов такой оси не имел.

праслав. *krǫželь 'верхушка прялки' ←→ *kǫdelь 'пучок волокна на прялке'

↓ ↓

*krǫželь, вар. *kǫželь ←→ *kǫdelь

'верхушка прялки', вар. кудель', вар. 'прялка'

'кудель, связка волокна'

Из этой схемы, выдержанной — для простоты — в терминах праславянского, ясен характер взаимодействия двух слов и видны его результаты: огласовка *kǫželь и появление у этого слова значений 'кудель, связка волокна для пряжи' обязаны сближению с *kǫdelь, в то время как *kǫdelь в значении 'прялка' обязано сближению с *k(r)ǫželь. Отношения *k(r)ǫželь—*kǫdelь эволюционировали далее, что выразилось в превращении в ряде случаев вариантных значений в основные. Итоги этой тесно взаимосвязанной парной эволюции могут считаться классическим примером того, как члены одной пары полностью поменялись значениями. В результате в отдельных славянских языках, как, например, в украинском, первоначальное праславянское отношение *krǫželь 'верхушка прялки'—*kǫdelь 'связка волокна' превратилось в новое отношение *k(r)øželь 'связка волокна'—*kǫdelь 'прялка' [93].

Теперь уместно сказать несколько слов об этом последнем названии. Болг. *къдéля* 'кудель', цслав. **кѫдѣль**, сербохорв. *кỳдеља* 'конопля, пенька; кудель, пряжа', словен. *kodêlja* 'пучок льна, конопли, насаженный на прялку', чеш. *koudel* 'пакля', слвц. *kúdeľ*, польск. *kądziel* 'прялка', в.-луж. *kudźel*, н.-луж. *kuźel* 'прялка', полаб. *kǫdéľa*, русск. *кудéль*, *кудéля* 'лен, приготовленный для прядения', укр. *кудéля* 'прялка', блр. *kudziéla* 'моток очищенного волокна' объединяются вокруг праслав. *kǫdelь/*kǫdělь/*kǫdeľa. Кроме того, что выше было сказано о парной связи с *krǫželь и перестановках значения, своего рода семантических метатезах 'связка волокна' ⇄ 'прялка, верхушка прялки', надо отметить случаи, когда оба слова обозначают сорта волокна, как в белорусском, или случаи, когда оба слова функционируют в роли названий прялки, как в польском. Ясно, что здесь дело не ограничивается парным отношением, но речь идет о более сложном и многочисленном взаимодействии с другими терминами — соответственно в роли названий прялки или названий сортов волокна. Что касается происхождения праслав. *kǫdelь, то мы можем отослать к опубликованной ранее попытке этимологии, со-

---

[93] Праслав. *krǫželь нельзя считать заимствованным из германского, а на его происхождении строить вывод о западных истоках соответствующей прялки. В качестве курьеза здесь можно назвать и более разительный случай близости праслав. *kǫželь и нем. *Kunkel* 'прялка', но эта близость явно вторична, так как *kǫželь < *krǫželь, как мы знаем, а нем. *Kunkel* — из народнолат. *colucula < лат. *colus* 'прялка'.

гласно которой это слово — сложение приставки *kǫ-* с корнем *del-*, однородное по типу с другими случаями употребления этой приименной приставки, ср. **kǫ-drъ*, русск. *кудéрь*, *кýдри*, **kǫ-dьlo*, русск. *кудлó*[94]. Этимологические связи и древние значения самого корня **del-* обсуждаются у нас в иной связи далее, в III разделе. Распространенное мнение об ином членении слова (**kǫd-elь*) и родство с лит. *kedénti* 'трепать, чесать (шерсть)' тем самым отпадает. После сказанного выше первоначальная этимологическая и семантическая самостоятельность слов **krǫželь* и **kǫdelь* не должна вызывать сомнений.

Предшествующие более или менее подробные наблюдения над терминологией прядения и прялки, особенно над последней, можно завершить довольно кратким итогом, указав на относительно новый характер этой лексики. Даже наиболее почтенные образования в составе праславянской терминологии прялки оказываются славянскими инновациями. Правильно оценить значение этой инновации мы можем, представив себе вероятные условия ее возникновения. Характер последних мог быть двояким: или славянская лексика, в частности названия прялки, появилась, вытеснив более древнюю лексику, или славянская лексическая инновация явилась, восполнив предшествующее отсутствие термина. Разнородность и местный характер терминов 'прясть' по разным индоевропейским языкам (ср. выше) и разнородность также названий прялки свидетельствуют в пользу второй возможности. В начале настоящего раздела уже говорилось о том, что лексическая инновация в этом случае пришла на смену архаическому отсутствию термина 'прялка', что может быть распространено на славянские, латинский и другие языки. Можно повторить также, что отсутствие в древности названий праслав. **pręslica*, **prędlo*, лат. *colus* 'прялка' говорит об отсутствии на определенном предшествующем этапе самой реалии — прялки настолько, насколько под последней можно подразумевать специальный инструмент, а не случайные подспорья, применение которых не вызывало и не могло еще вызвать потребности в терминологизации их названий. «Но поскольку прялка тоже первоначально была не чем иным, как простой палкой для прикрепления кудели без всякого искусственного устройства, наш интерес вызовут прежде всего наименования веретена и пряслица»[95].

Праслав. **verteno* 'веретено' : ст.-слав. **врѣтєно**, болг. *вретéно*, макед. *вретено*, сербохорв. *вретѐно*, *вртено*, словен. *vreteno*, чеш. *vřeteno*, слвц. *vreteno*, в.-луж. *wřećeno*, н.-луж. *ŕešeno*, полаб. *vriténə*, польск. *wrzeciono*, русск. *веретенó*, укр. *веретéно*, блр. *вирьцянó*, *wiercienó*, *wierecienó*. Это единственное, общее для всех славян название веретена замечательно сохранением своей полной этимологической прозрачности (современное русск.

[94] *О. Н. Трубачев.* Славянские этимологии 24—27 // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София, 1960. С. 140.

[95] *O. Schrader.* Op. cit. S. 176.

веретенó так же осмысливается говорящими в связи с *верчý*, *вертéть*, как и праслав. **verteno* в связи с **vьrtjǫ*, **vьrtěti*), а также наличием полных лексических и терминологических родственных соответствий в других индоевропейских языках, позволяющих отнести начало истории праслав. **verteno* в глубокую древность. Ср. др.-инд. *vartana-m* ср. р. 'кручение, верчение', 'веретено', далее ср. с той же основой лат. *verticillus* 'пряслице на веретене', ср. в.-нем. *wirtil*, соврем. нем. (*Spinn*)*wirtel* 'пряслице', ирл. *fertas*, наконец, сюда же относят лат. *urtīca* 'крапива' (растение якобы получило название по сходству формы листьев с веретеном) [96]. Общность лексики веретена охватывает в данном случае славянский, древнеиндийский, германский, латинский, кельтский. Балтийский и греческий обнаруживают — каждый в отдельности — другие связи. Различные достаточно характерные части веретена носят в славянских языках относительно более молодые названия, в большинстве — инновации славянского, ср. разбиравшиеся выше названия пряслица с основой **prę̨d-*. Локальный характер носят блр. *кружáло* 'пряслице', русск. диал. (брянск.) *котéлочка*, укр. диал. *koczalcé* то же (**kotidlo*, **kotjadlo* : **kotiti* 'катить'). Любопытно укр. диал. (гуц.) *spiń*, *спінь* 'острый, верхний конец веретена', возможно, родственное н.-луж. *šṕeńc* 'заноза, ость, колючка, жало (пчелы, осы); стрела; росток' и далее — лат. *spīna* 'игла, шип', *spīnus* 'терн, терновник'. Очевидно вторичными употреблениями в роли текстильного термина являются русск. *почáток* 'веретено с пряжей', блр. *paczýnak* то же; блр. *прóсцинь* 'несколько свитых и связанных вместе нитями ручаек — веретён с пряжей — на одном длинном веретене' (< **простьнь* : *простой*).

Основным названием выпрядаемой нити было праслав. **nitь*, откуда ст.-слав. **нить, ништа**, болг. *нúшка*, макед. *нишка*, сербохорв. *нŷт*, словен. *nit*, чеш. *nit*, слвц. *nit'*, в.-луж. *nic*, н.-луж. *niś*, полаб. *nai̯t*, польск. *nić*, русск. *нить*, *нúтка*, укр. *нить*, блр. *ніць*, *нітка*. Выше уже упоминалась связь праслав. **nitь* с и.-е. **(s)nē̆-* 'связывать, ссучивать'. Славянское слово продолжает вариант этой древней основы, расширенный с помощью *-i-*: **(s)nei̯-*, точнее, **nitь* представляет собой производное с суффиксом *-t-* в функции, близкой к форманту страдательного причастия прошедшего времени. Эта черта сближает праслав. **nitь* с герм. **nēþa-* (нем. *Naht* 'шов'), лат. *nētus* 'пряжа', др.-ирл. *snāthe* 'нить'. Лит. *nýtis*, лтш. *nītis* 'ниченка, ремизка' очень точно соответствует слав. *nitь* вплоть до конца основы, однако именно это обстоятельство вместе с тем, что балтийскому слову известно только вторичное значение 'ниченка', заставляет предполагать здесь заимствование из славянских в балтийские. Впрочем, значение 'нить (вообще)' могло также оказаться вытесненным у балтийского слова под влиянием семантической экспансии дру-

---

[96] *Преображенский*. I. С. 74; *Фасмер*. I. С. 297; *O. Schrader*. Op. cit. S. 177; *Klugo—Götze*[17]. S. 865.

гого названия нити — лит. *gijà*, лтш. *dzija*, имевшего первоначально более специальное значение, обусловленное этимологией этого слова, о чем — ниже. Важно отметить, что и **nitь*, и разбираемое далее **snovati*, и, по-видимому, их праформа и.-е. *(*s*)*ne-i̯-*/**sne-u̯-* относились первоначально только к нити, которую пряли из растительного волокна. К этому выводу побуждает нас сопоставление с другим названием нити — праслав. **žica*: болг. *жúца* 'проволока, провод; нить, нитка; шпагат', макед. *жица* 'проволока; нить; струна; жила', сербохорв. *жӥца* 'прядь; проволока, провод; струна; жила', словен. *žica*, русск. *жица*, диал. *жúцка*, *жúчка* 'цветная шерстяная пряжа, гарус', (ряз.) *жы́чя* 'шерстяная пряжа из предварительно вымытой шерсти', укр. *жúчка* 'красная шерстяная нитка, нитка гаруса'. Значения 'проволока, провод' как заведомо вторичные (болг., макед., сербохорв.) не должны вводить нас в заблуждение. Первоначально праслав. **žica* обозначало шерстяную нить, нить, прядь из животного волокна, ср. последовательные значения в восточнославянском, а также значение 'жила' в южнославянских языках. В связи с этим совершенно очевидно, что **žica* образовано с суффиксом *-ca* от той же основы, от которой с другим суффиксом произведено праслав. **žila*, т. е. от **ži-*, и.-е. *$g^{u̯}$i-* 'жить'. Употребление производных от этой основы для обозначения жилы, а также животного волокна вполне естественно и элементарно, поэтому не случайно мы находим в других языках синонимичные образования от этой основы с различными суффиксами, ср. производные на *-i-* лит. *gijà*, лтш. *dzija* 'нить', далее — др.-инд. *jyā́* 'тетива', авест. *ǰya*, греч. *βιός* 'лук', кимр. *gi* 'тетива' [97].

Целый ряд старых славянских названий мер как волокна, идущего на пряжу, так и выпряденных нитей, готовых для тканья, образован с участием близких формантов *-m-o*, *-sm-*, *-smen-*, хотя очевидно, что здесь могут быть представлены разновременные и разнородные образования. Это прежде всего относится к словам **pověsmo* и **pasmo*. Праслав. **pověsmo*: болг. *повя́смо* 'кудель; очески (шерсти, льна, конопли)', *повесмó*, сербохорв. *пȍвесмо*, диал. *povesma*, *povismo*, (кайк.) *povèsmo* 'кудель, пучок очищенного волокна', словен. *povesmo* 'кудель, пучок волокна', чеш. *pověsmo*, слвц. *povesmo*, *povesno* 'десять горстей льняного волокна', н.-луж. *powězmo*, русск. *повéсмо* 'пучок выделанного льна, горсть', диал. (ряз.) *павéсма* 'пучок измятой конопли, равный 10 горстям', *повесочко*, укр. *повíсмо* 'связка льна или конопли в 10—12 горстей', блр. *pawiésma* 'пучок в 10 жмень волокна'. Вероятнее всего, **pověsmo* образовано с суффиксом *-m-o* от глагола **pověsiti*, ср. русск. *повéсить* и др. Это новообразование обозначало, действительно, пучок волокна, который затем прикреплялся к прялке. Объяснение Махека из **po-vęz-ьmo* от **vęzati* 'вязать' [98] не считается с вокализмом славянских слов. Праслав. **pasmo* отно-

[97] *Преображенский*. I. С. 234; *Младенов*. С. 167; *Vasmer*. I. S. 426—427.

[98] *Machek*. S. 387—388.

сится исключительно к уже выпряденным нитям, которые распределяются пучками определенных размеров, например в ткацкой основе. Отсюда болг. *пасмó*, макед. *пасмо* 'прядь, прядка', сербохорв. *пȁсмо* 'прядь, пучок', словен. *pasmo*, чеш. *pásmo* 'пучок из 20—40 нитей', в.-луж., н.-луж. *pasmo*, польск. *pasmo*, полаб. *pasmã*, укр. *пáсмо*, блр. *пáсмо*, русск. *пáсмо, пáсмецо, пáсменка* 'отдел мотка льняных или пеньковых ниток'. Судя уже по одному этому перечню, реконструкция праслав. **pasmo* недостаточна, поскольку отдельные формы указывают на праслав. **pasmę* (основа на согласный **pasmen-*), ср. хотя бы русск. *пáсменка, пáсменный*. В таком случае **pasmo* могло оказаться даже вторичным по отношению к более полному **pasmę*, род. ед. **pasmene*. Архаический конец основы и формант говорят о древности образования. Лтш. *puosms* 'щепоть льну, отделяемая пальцами от кудели' оказывается соответственно этому заимствованным из славянского, как и лит. *põsmas* 'пасмо', поскольку балтийские слова представляют собой вторичный, сокращенный вариант, а полный им неизвестен. Уяснив себе характер суффиксального оформления славянского слова (*-smen-* : *-sm-*), мы, к сожалению, не можем так же уверенно судить о его этимологии. Здесь можно высказать предположение о родстве основы праслав. **pasme* (**pat-smen-*) и герм. **faþma-* 'определенное количество пряжи', откуда др.-в.-нем. *fadum*, нем. *Faden* 'нить' [99], которые, таким образом, оказываются объединенными вокруг и.-е. **pet-/*pot-*. Конечно, при этом не все ясно, например, продление вокализма в славянском слове. Слав. **pasmo* сравнивают еще с др.-в.-нем. *fasa*, *faso*, соврем. нем. *Faser* 'волокно' [100]. В том, что касается суффиксальной части, особенно ее дублетности, формы **pasmo/*pasmen-* очень напоминают отношения названий меньших количеств нитей, к которым они близки, таким образом, и по контексту своего употребления: праслав. **čismenica/ *čismenъka* : **čismica* (сюда же менее характерно оформленное синонимичное **čislьnica*). Вокруг этих праславянских форм объединяются сербохорв. *чисмица* 'нить (иногда двойная)', диал. *čiznica*, *čismenica*, *čisanica*, *čisonica*, *чȉсаоница* 'чисменка, три нитки имеете', русск. *чúсменка*, *чúсменица*, *чúсленка* 'три нитки в мотке или в составе ткацкой основы, зубок', (ряз.) *чúслинка* 'три нити в основе, 1/10 пасма', укр. *чúсниця* 'чисменка', блр. *czíslenica*, *czíslina* то же. Это название минимальной единицы счета нитей, (обычно — три нити вместе) непосредственно произведено от праслав. **čismę* (род. **čismene*) 'число', образованного с уже известным нам старым суффиксом *-smen-* от глагольной основы **čitati* в значении 'считать (вслух)', сюда же с другим суффиксом праслав. **čislo*, также давшее название чисменки **čislьnica/-ъka* (см. выше). В общем значении 'число, количество' ср. цслав. *чисмѧ*. Независимую словообразова-

[99] См. о последнем: *Kluge—Götze*. S. 185.

[100] *Преображенский*. II. С. 21. Прочие этимологии славянского слова см.: *Vasmer*. II. S. 320.

тельную параллель к праслав. *čismen- в общем нетерминологическом значении 'число' представляет лит. *skaitmuõ*, род. ед. *skait-meñs* 'цифра'.

Как уже было сказано в начале этого разбора, количество новых заимствований сравнительно с довольно большой группой исконных праславянских образований в составе терминологии обработки и прядения волокна невелико. Польск. *kraca* 'щетка' заимствовано из нем. *Kratze* 'карда, кардная машина, чесалка'. Полаб. *ďolü* 'пакля, очески', продолжающее формально праслав. **dělo* 'дело, работа', сюда же польск. диал. *działo*, словин. *ʒãlɵ*, в.-луж. *dźěło*, н.-луж. *źěło* в значении 'пакля, очески от льна' объясняются немецким влиянием, ср. н.-нем. *wark* в значениях литературных нем. *Werk* 'дело' и *Werg* 'пакля'. В славянском, таким образом, имело место ошибочное семантическое калькирование [101]. Польск. *pakuły* мн. 'пакля, отходы от трепания волокна' заимствовано довольно поздно из лит. *pãkulos* ж. мн. то же; оттуда же происходит и блр. *пакулле*, *pakulla* ср. собир. 'пакля'. Русская форма пакля непосредственно заимствовано, очевидно, из белорусского, причем в русском слове женского рода сохранена примета белорусской формы среднего рода [102]. Болг. *ху́рка* 'прялка' заимствовано народными говорами из лат. *furca* 'вилы, развилок' [103] или его балканских соответствий, ср. рум. *fúrcă* 'ручная прялка'. Сербохорв. диал. *spińela* 'прялка' происходит из верхненемецкого диалектного варианта нем. *Spindel* 'веретено'. Сербохорв. диал. *bašļuk*, *bašluk* 'верхний, более толстый конец ручной прялки' заимствовано из турецкого, причем источником послужило слово, тождественное тюркскому источнику русск. *башлы́к* 'вид головного убора', ср. тур. *baş* 'голова'+ суфф. *-lik*, *-luk*. Словен. *štréna*, мн. *štrene* 'пасмо, определенное количество пряжи на мотовиле' заимствовано из ср.-в.-нем. *strëne* 'прядь волос, пучок льна', нем. *Strähne* 'прядь, пучок' [104], как и полаб. *stren* 'некоторое количество пряжи' — из н.-нем. *strän* [105]. Название новой меры льняной пряжи — польск. *talka*, русск. *та́лька* — заимствовано через ср.-н.-нем. *tallige* из ит. *taglia* 'зарубка', 'налог' [106].

Центральным словом в группе терминов мотания пряжи, естественно, является **motati*, откуда ст.-слав. **мотати сѧ**, болг. *мота́я* 'мотать, наматывать', макед. *мота*, сербохорв. *мо̀тати* 'мотать, сматывать (в клубок)', словен. *motati*, чеш. *motati*, слвц. *motat* 'мотать, наматывать (пряжу, нити)',

---

[101] *T. Lehr-Spławiński, K. Polanski.* Słownik etymologiczuy języka Drzewian połabskich. Zesz. I. Wroclaw—Warszawa—Krakow, 1962. S. 136—137.

[102] *Brückner.* S. 391; *Преображенский.* II. С. 5; *Vasmer.* II. S. 303.

[103] *Младенов.* С. 673.

[104] *H. Striedter-Temps.* Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin—Wiesbaden, 1963. S. 231.

[105] *J. Heydzianka-Pilatowa.* Op. cit. S. 262.

[106] Ср.: *Vasmer.* III. S. 73. Ошибочно: *Brückner.* S. 564.

в.-луж. *motać*, н.-луж. *motaś*, польск. *motać*, русск. *мотáть*, диал. (ряз.) *матýшка* 'пряжа, смотанная с початков кругами', *размáтка* 'приспособление для разматывания мотушки в клубок (крестообразное)', укр. *мотáти*, блр. *мотáць*. Праслав. **motati* необходимо рассматривать прежде всего в связи с другими терминами, содержащими ту же основу — праслав. **motovęzъ*/ **motovǫzъ*, уже упоминавшееся выше, **motъ*/**motъkъ*, **motovidlo*. Только в этом случае представление, которое мы получим о слове **motati*, будет правильным. Мы имеем в виду менее удачный путь, который обычно избирали этимологи, связывая **motati* с *мясти*, *мяту* и прочими от и.-е. **ment-* 'трясти, болтать', в данном случае — без носового инфикса [107]. Важно помнить, что **motati*, **motъ*/**motъkъ*, **motovęzъ*/**motovǫzъ*, **motovidlo* — это прежде всего текстильные термины, и они сложились как таковые, по-видимому, с самого начала. Всякие поиски их этимологии или этимологии, объединяющей их основы, должны строиться на учете специфики их семантики и употребления. Существенным моментом специфики славянских текстильных терминов, объединяемых корнем **mot-*, может считаться связь с и з м е р е н и е м напряденной нити. Значение 'мотать, мотаться (вообще)' так же вторично по отношению к этому специальному значению 'измерять (пряжу)', как, например, наше общее значение *сновать* 'двигаться туда-сюда' по отношению к первичному специальному значению 'навивать (основу будущей ткани)'. Есть основания думать поэтому, что этимологии, исходящие из значения **motati* 'шатать, болтать, качать' как основного, порочны уже с самого начала. Эти значения относительно поздно развились из более древнего 'навивать для измерения', и в силу обычной для текстильных терминов роли в формировании важных бытовых понятий и их выражений значения 'шатать, болтать, качать' имеют тенденцию в общенародном языке занять место основного значения продолжений праслав. **motati*. Но и первичное значение праслав. **motati* 'навивать для измерения (пряжу)' является, по-видимому, инновацией постольку, поскольку можно отнести к праславянским инновациям лексики (и терминологии) все славянское лексическое гнездо **motъ*/ **motъkъ*, **motovęzъ*/**motovǫzъ*, **motovidlo*, **motati*. Мы говорим здесь одновременно о новообразованиях лексики и терминологии, так как эти слова были с самого начала образованы как термины текстильного производства, измерения нитей, и в этом смысле они вполне подходят под употребляемое нами определение генуинных элементов данной терминологии. Вместе с тем это не архаические, а новые для праславянского языка образования. Следовательно, дальнейшая важная задача — выяснить этимологическую и словообразовательно-морфологическую основу этих образований. Правда, и здесь, прежде чем обратиться к рассмотрению более далеких задач и аспектов, в интересах правильного понимания этих последних нужно решить проблему

---

[107] См.: *Преображенский*. I. С. 561; *Vasmer*. II. S. 164.

более близких отношений слов между собой. Эта первостепенная ближайшая задача затрудняется явным единообразием облика терминов измерения нити с основой **mot-*, например единством их вокализма. Названная черта в свою очередь затрудняет выяснение иерархии слов с основой **mot-* по отношению друг к другу, И однако некоторые объективные возможности стратиграфии слов на **mot-* в праславянском и, следовательно, сокращения их числа в диахроническом плане существуют и поддаются выявлению. Мы начали разбор названных слов с термина **motati* и признали его центральным, отражая как бы тем самым более или менее синхронное, современное представление об иерархии слов с основой **mot-* и об их организующем центре. Метод, при котором суждения о словах и словообразовании отправляются от своего рода синхронного, современного восприятия, вполне естествен и не может встретить споров. Ясно также, что уже на следующей стадии эти средства окажутся недостаточными, если перед нами цель — реконструкция более ранних отношений. Вся дальнейшая методика этого исследования строится на проверке, выяснении древности современных восприятий и отношений. И столь же естественно, что, снимая и отделяя в ходе этой проверки новшества структуры и значения, мы приходим нередко к отношениям, прямо противоположным тем, которые были избраны в качестве отправной точки. Сказанное имеет прямое отношение к истории слов с основой **mot-*. Дело в том, что если мы сохраним точку зрения о **motati* как словообразовательном центре всего гнезда (**motъ/motъkъ*, **motovǫzъ*, **motovidlo*) также для праславянского уровня, то это заведет нас в тупик. Любопытно, что уже элементарную пару терминов **motati*—**motovidlo* объяснить в этом случае будет крайне трудно, просто невозможно. Признавая первичность глагола **motati* ‘навивать пряжу для измерения’, мы ожидали бы наиболее естественное название орудия этого измерения — праслав. **motadlo*. Но как раз формы такого рода всякий раз локальны (например, в.-луж. *motadło*) и едва ли древни. Напротив, бесспорно древним, праславянским названием приспособления для измерения пряжи является форма **motovidlo*, известная повсеместно, ср. болг. *мотовила*, сербохорв. *мотовило*, словен. *motovilo*, чеш., слвц. *motovidlo,* н.-луж. *motowidło*, *motejdło*, полаб. *motüvāi̯dlə*, польск. *motowidło*, др.-русск. *мотовило*, русск. *мотови́ло*, укр. *мотови́ло*, блр. *мотовило*, *matawiło*. Объяснить образование праслав. **motovidlo* на базе праслав. **motati* нельзя. Более того, единственным обязательным условием представляется именно отсутствие глагола **motati* ко времени образования слова **motovidlo*. В связи с этим мы придерживаемся той этимологии, согласно которой последнее слово сложено из именных основ: *moto-vidlo* [108], т. е. вило для мотка, точнее, ‘то, на чем вьют

---

[108] Махек (С. 306) производит первую часть сложения от глагола **motati*, что, по нашему мнению, является анахронизмом.

(*vidlo) меру пряжи (*motъ)'. Эта констатация очень важна для нашей аргументации, так как иначе отношения *motati—*motъ, будучи лишены прямых указаний на направление деривации, как будто подсказывали мысль об отглагольном происхождении имени *motъ. Мы, напротив, получаем косвенное свидетельство о первичности как раз имени, от которого в таком случае был произведен глагол *motati 'мерить пряжу единицами под названием *motъ; навивать пряжу мотками'. Далее, оказывается, что и некоторые другие образования из этой же группы нельзя объяснить из *motati, но можно только из имени, ср. сложение *motovęzъ, *motovǫzъ. Таким образом, позднепраславянскому наличию форм *motati—*motъ-(kъ)—*motovǫzъ—*motovidlo предшествовал более ранний состав *motъ—*motovǫzъ—*motovidlo. О последнем слове мы уже говорили, что касается первых двух, то они распространены тоже широко, ср. сербохорв. диал. (чак.) motak, močić 'моток', слвц. motok, польск. motek, русск. *мот*, *мотóк* 'пряжа, смотанная на мотовило, нитки в кругах, шлейкою' (Даль), укр. *мiток* 'мера ниток в 40 или 50 пасм', *мóток* то же, блр. *матóк*, *matók*; словен. *mot(v)oz*, чеш. *motouz*, польск. *motowąz*, русск. диал. *мутовя́з(ь)*, *мотузóк* 'завязка, бичевка или тесьма ⟨...⟩ для завязки чего-либо (напр, кудели)', укр. *мотузóк*, *моту́зка* 'веревка, тонкая бичевка'. Собственно говоря, наши интересы в данный момент сосредоточиваются на их компоненте *moto-*, иначе говоря, на имени праслав. *motъ. Эта форма со значением 'единица меры пряжи' знаменует собой низший достижимый уровень праславянской реконструкции в данных терминологических границах. Далее, праслав. *motъ с описанным значением специфической меры можно наиболее правдоподобно связать с праслав. *metǫ, *mesti 'выпускать, бросать (на определенное расстояние или в определенном количестве)' [109], причем *motъ — закономерное именное производное с *o*-вокализмом от глагольной основы с гласным *-e-*. Хорошую словообразовательно-семантическую параллель к отношениям праслав. *metǫ : *motъ, но абсолютно вне всякой связи с лексикой текстильного дела находим в лит. *metù*, *mèsti* 'бросить, метнуть': *mãtas* 'мера', от которого в свою очередь образовано лит. *matúoti* 'мерить' (дальнейшее определение круга родственных индоевропейских форм требует особенной осторожности, так как существующие сопоставления, объединяющие разнородный материал различных языков под и.-е. *mē- 'мерить', неудовлетворительны ввиду своей небрежности и едва ли способствуют выяснению действительных отношений форм и слов, ср. хотя бы обычное приведение лит. *matúoti* 'мерить' в числе родственных соответствий слав. *mĕra*, русск. *мéра*). О существовании праслав. *motъ в значении названия определенной меры 'на глазок' косвенно свидетельствуют, как мы думаем, праслав.

[109] Махек (С. 306) связывает с *mesti* непосредственно *motati* как итератив, но мы ожидали бы *matati, тогда как в действительности есть *motati* с именным вокализмом *-o-*.

motriti*, **motrěti* (ст.-слав. **мотрити, русск. *с-мотреть*, диал. *мотреть* 'смотреть'), образованные от прилагательного на *-r-* **motrъ* < **motъ*, т. е. **motrěti* развило значение 'смотреть' из более специального, аналогичного франц. *regarder* 'смотреть' < *garder* 'стеречь, сторожить', польск. *patrzyć* 'смотреть' < праслав. **patriti* 'быть осмотрительным (**patrъ*)'. Лит. *matýti* 'смотреть', которое обычно легко непосредственно связывают с русск. *смотре́ть*, на самом деле допустимо привлекать для сравнения только в типологическом смысле, как совершенно независимый параллелизм, местное производное от лит. (балт.) *matas* 'мера' (см. выше). Прочие сравнения ненадежны.

Разбор названных выше терминов делает для нас удобным и естественным переход к другим тематически смежным названиям. Так, опираясь на анализ праслав. **motъ*(*kъ*), мы оценим нижеследующие названия клубка, а после праслав. **motovidlo* обратимся к остальным славянским названиям мотовила. Праслав. **klǫbъ*, **klǫbo*, **klǫbъkъ*; ст.-слав. **кліжбо**, болг. *кълбó* 'шар, клубок', макед. *клобо*, *клопче* 'клубок', сербохорв. *клу̏пко* 'клубок, моток (ниток)', диал. (чак.) *kluko*, словен. *klôbko*, чеш. *kloub* 'пучок, повесмо льна в 60 горстей', диал. *klubo*, *klubko* 'клубок', слвц. *klbko*, польск. *kłąb*, *kłębek* 'клубок', в.-луж. *kłubk*, н.-луж. *kłub*, русск. *клуб* 'шаровидная вещь, всякое толсто-круглое тело, особенно составное, сборное, смотанное', 'смотанная кругловато пряжа' (Даль), *клубóк*, укр. *клубóк*, блр. *клубóк*. Название пряжи, смотанной кругами, и название пряжи, смотанной в виде шара, представляются в понятийном отношении чем-то достаточно близким, родственным, и поскольку праслав. **motъ* семантически эволюционировало в сторону значения 'пряжа, нитки, смотанные кругами', а праслав. **klǫbъ* имело значение 'пряжа, смотанная в виде шара', отношение определенного семантического родства установилось именно между этими двумя терминами. Это отношение нашло, между прочим, также формальное выражение в виде тождественной суффиксации **motъkъ*, **klǫbъkъ*. Общность этой словообразовательной инновации как будто свидетельствует в пользу нашего объяснения. Формальное выражение сближения этих слов в свою очередь закрепляло их близость. Может быть, именно этому процессу мы обязаны нашим ощущением близости понятий 'моток' и 'клубок', особенно если речь идет не о профессиональном, строгом понимании, а о бытовом понимании значения соответствующих слов. Описанное сближение сказалось и на стирании первоначального самостоятельного значения праслав. **motъ* 'мера (пряжи, ниток)'. Что касается названия собственно клубка пряжи, то реконструкция его праславянской формы до упомянутого сближения будет иметь вид **klǫbъ*, **klǫbo*. В этимологическом отношении этот случай интересен тем, что перед нами очень древнее слово. И если о праслав. **motъ* мы говорили как о славянской лексико-терминологической инновации, от силы имеющей парал-

лельные образования за пределами славянского, то в праслав. **klǫbъ* представлен дославянский архаизм лексики и текстильной терминологии, объединяющий, как увидим, славянский и латинский. Праслав. **klǫbъ* 'клубок (ниток), шар' родственно лат. *glomus* 'клубок' [110], далее — лат. *globus* 'шар, ком; клубок', причем *glomus* < **clomus* [111]. Праслав. **klǫbъ* вместе с лат. *glomus* и, возможно, *globus* восходит к и.-е. **kl-o-m-o-*/**kl-o-m-b-o-*. И славянское, и латинское слова имеют общее значение 'клубок пряжи' наряду с более широкими значениями 'шар, ком', т. е. здесь можно говорить об общей семантической инновации, терминологическом новообразовании славянского и латинского. Родство с лтш. *klambars* 'ком' (которое само, возможно, — из немецкого, ср. ср.-в.-нем. *klamben* 'скреплять') или с нем. *Klumpen* 'ком' исключается. Можно сказать, что в балтийском отсутствуют сколько-нибудь надежные соответствия, тогда как славянский и латинский объединены здесь несомненным параллелизмом употребления этимологически родственной основы в роли тождественного текстильного термина. С того момента, как мы обратились к лингвистическому анализу славянской текстильной терминологии, это первый или, вернее, второй случай славяно-италийского соответствия, если иметь в виду, помимо пары **klǫbъ* 'клубок' : *glomus* 'клубок', также пару **verteno* 'веретено' : *verticillus* 'пряслице (веретена)'. Этим ограничиваются исключительные славянско-италийские параллели в лексике прядения, но следует признать, что эти связи схватывают, пожалуй, главное. Отсутствие более детальных связей по-своему естественно и архаично, потому что, как подробно было показано вначале, прядение древности не знало прялки. Реалии, и тем более термины 'прялка', 'кудель', выработались позднее и носят характер местных новообразований — соответственно культуры и языка. В подобной ситуации не удивительно, что раньше всего фиксировалась в терминологии такая осязаемая реалия, как клубок пряжи.

Здесь уместно напомнить об относительно позднем происхождении реалии мотовила, которое, собственно, и сейчас в своей простой форме представляет собой палку, ветку, развилку с перекладиной. Эти элементарные сведения по истории материальной культуры полезно иметь в виду, занимаясь исследованием названий мотовила в славянских языках. Опыт изучения эволюции и типологии ткацкой техники в этой области и терминологии мотовил в других языках, затронутый в первой части этого раздела, свидетельствует о согласии показаний анализа реалий и языковых данных. В обоих

[110] Сближение с лат. *glomus* выдвинул уже Махек (С. 207), однако детали его объяснения для нас неприемлемы. Прочие этимологии см.: *Berneker*. I. S. 524; *Преображенский*. I. С. 318; *Bruckner*. S. 236—237; *Младенов*. С. 264; *Vasmer*. I. S. 573.

[111] См.: *O. Schrader*. Op. cit. S. 175. Иначе о лат. слове см.: *Walde—Hofmann*. I. S. 609.

планах доказана связь мотовила с палкой. О славянских названиях также можно сказать, что они относительно молоды. Это справедливо и в отношении *motovidlo, и *vijadlo, *vitьlъ. Праслав. *motovidlo разбиралось нами выше, но тогда в центре нашего интереса был его первый компонент — *moto-, *motъ, теперь мы должны обратить специальное внимание на вторую его основу — -vidlo, тем более что она связана тесной связью с другими названными праславянскими формами *vijadlo, *vitьlъ. Это и есть, в узком смысле слова, название мотовила, но, в отличие от *-vidlo в составе названного сложения, простые образования *vijadlo и *vitьlъ носят более локальный характер. Ср. макед. *вител*, сербохорв. *вȉтао* 'мотовило', диал. *vitlić*, *vito*, *vikel*, *vital*, польск. *wijadła* 'мотовило, три прямоугольные рамы, соединенные между собой', укр. диал. *війáлки́*, мн. *війавки́*. Несколько спорадический характер распространения простых форм объясняется, по-видимому, наличием сложения *motovidlo. Констатируемое разнообразие названий мотовила, примеры чего мы далее умножим, имеет несколько причин. Определенную роль играет состояние самих реалий, а именно отсутствие мотовила вообще в некоторых районах Белоруссии, далее — появление, кроме простейшего мотовила, также крестообразного или колесного мотовила, на котором мотки мотают в клубки, — все это не могло не вызвать перемещений и пополнений в составе терминологии. Например, простая форма названия обозначает более сложное мотовило для размотки, а сложение *motovidlo закрепляется как раз за простейшим мотовилом. Или, наоборот, эволюционирует значение слова *motovidlo, а простое мотовило-палка обозначается заимствованием, как увидим ниже. Или же пополняются специальными словами обозначения приспособления для размотки, ср. ниже — *воробы*, *кресты*, слова разной древности. Одна из причин увеличения количества названий проявляется во вторичном осмыслении их формы с последующими ее изменениями. Не составляют исключения и случаи, когда господствует одно название *motovidlo. Анализ всех этих взаимоотношений и тенденций должен помочь уяснить отправную точку славянского новообразования (или новообразований) и характер пополнения другими терминами.

Суть этимологии основы *vidlo, так или иначе участвующей в образовании названий мотовила, состоит, с нашей точки зрения, во-первых, в констатации продолжения более древней формы *vitlo (по отношению к которой форма *vitьlъ, *vitьlo, восстанавливаемая для южнославянского, является как бы новым воспроизводством, ср. выше об отношении *помело* : *метла*) и, во-вторых, в сближении этой праформы *vitlo с однокоренными названиями деревьев (прежде всего различных пород ивы) и их частей, веток. Ср. польск. *witwa*, греч. *ἰτέα*, нем. *Weide*, др.-прусск. *ape-witwo* — названия деревьев, ивы, чеш. диал. *vitra*, словен. *vitra* 'прут', праслав. *vidlo (из *vitlo) 'раздвоенная ветка, развилок', далее, сюда же различные названия веток с другим вокализ-

мом — праслав. **vetvь*, **věja*. В общем не оставляет сомнений то, что здесь представлены образования от и.-е. **u̯ei̯-*/**u̯oi̯-*/**u̯i-* 'вить, гнуть', но точно так же совершенно ясно, что этим способом отмечалось наиболее явное свойство самих веток и отдельных пород деревьев. Что касается праслав. **vidlo*, мн. **vidla*, то в любой его вторичной функции ('сельскохозяйственные вилы', или 'мотовило') его празначением было 'раздвоенная ветка, развилок'. Поэтому мы уверены, что значение 'вило для мотания' и текстильное терминообразование здесь вторичны. Думать, что **vidlo* с самого начала было образовано как название орудия от глагола **viti*, вить, было бы неверно, потому что тогда это слово вырывалось бы из группы однокоренных и близких названий деревьев и веток, которые никогда не имели связи с мотанием пряжи и тем самым указывают на иное образование с иной мотивацией и для **vidlo*. О семантическом развитии 'ветка' > 'мотовило' говорят объективно и другие славянские примеры с иной этимологией, приводимые ниже. Самостоятельное развитие значения 'ветка, развилок ивы' > 'мотовило' представлено в лит. *vytùvai* мн. 'вид мотовила'. Мы не хотели бы начисто отрицать связь близких названий мотовила с термином 'вить, навивать (пряжу), сматывать клубки', но после сказанного выше есть основания думать, что она проявилась вторично, если не говорить, конечно, о поздних образованиях. Так, результатом вторичного осмысления, получившего формальное выражение, могут считаться появившиеся в польском префигированные формы вроде *z-wijadła* или тематизированные вроде *wi-ja-dła*. Поздние, местные названия мотовила, конечно, основаны целиком на описанном осмыслении, ср. слвц. *zvíjačke* мн., укр. диал. *свіяжка*, *вúрт'алки*. Дальнейшие подтверждения направления семантического развития 'ветка' > 'мотовило'нам дает этимология русск. диал. *ворóбы*, мн. 'снаряд для размотки пряжи' (то же, что русск. диал. *кресты́*), которое, как мы теперь думаем, не связано ни с гот. *hwalrban* 'обращаться', ни с др.-в.-нем. *warf*, нем. диал. *Werft* 'основа ткани', ни тем более с лит. *ver̃pti* 'прясть' [112]. Более обстоятельное знакомство с типологией мотовила и названий мотовила заставляет искать другое решение. Нельзя, например, пройти мимо очевидной в этом свете связи слова *ворóбы* мн. 'мотовило' и *верба* 'вид ивы'. Последнее восходит к праслав. **vьrba*. Не совсем ясно, насколько мы имеем право возводить прямолинейно русскую форму *ворóбы* к праслав. **vorb-* или же здесь можно говорить о вокализации типа русского второго полногласия, что позволяет связать *верба* и *ворóбы* непосредственно, ср. **vьrvь* : русск. диал. *варóвина* 'веревка'. Таким образом, из германского сюда могут быть отнесены только те формы, которые родственны праслав. **vьrba*, т. е. название ивы — диал. *Werf*, *Werft*, *Werftweide* 'Salix caprea, Salix cinerea'. Ср. еще лтш. *irbulis* 'деревянная спица, на которую надевается шпулька с (колесной) прялки' — ум. от *irbs* 'деревянный стержень, па-

[112] См.: *Преображенский*. I. С. 96; *Фасмер*. I. С. 351.

лочка' [113], очевидно, из *virbs, родственного слав. *vьrba. Ср. аналогию лтш. *sakas* 'мотовило', собственно, множественное число от *saka* 'развилок', приводимую Биленштейном в названном труде.

Иноязычные и неясные местные названия мотовила еще будут затронуты ниже, а теперь можно обратиться по порядку к той терминологии, которая соответствует дальнейшим важным производственным операциям — насучиванию уточной пряжи на цевку челнока и, наконец, снованию, навиванию основы будущей ткани. Праслав. **sučiti*, **sukati*, **sъkati* и название самой сукалки, скальна — **sukadlo*, **sъkadlo* распространены в славянских языках широко, ср. болг. *су́ча* 'сучу', макед. *сука* 'сучить', *сукало*, цслав. *соукати* 'torquere', сербохорв. *су́кати*, диал. (кайк.) *sukalo*, *sukalnik*, словен. *sukati*, др.-чеш. *súkati*, чеш. диал. (ляшск.) *sukať*, слвц. *súkať*, чеш. *soukati*, *skáti*, в.-луж. *sukać*, *sukadło*, н.-луж. *sukaś*, полаб. *såkódlə* 'колесная прялка', польск. *sukać*, *sukadło*, диал. *sokadło*, *siokadło* 'скально для навивания утка', русск. *сучи́ть*, диал. *скать*, *скало́*, *ска́льница*, *скально*, укр. *сука́ти*, *су́кало*, блр. *сука́ць*, *сука́лка*. Праслав. **sukati*, **sъkati*, **sučiti* как текстильный термин продолжает слово с более древним значением 'крутить, скручивать особым образом (мелко, туго)', ср. примеры значения **sukati* и **sъkati* 'тонко раскатывать (тесто)' в русском и других языках. Будучи праславянскими элементами словаря, все эти текстильные термины вместе с тем являются славянской семантико-терминологической инновацией, так как родственное балтийское слово (лит. *sùkti* 'крутить, вертеть') этого значения не знает. Название орудия **sukadlo*, **sъkadlo* (на *-dlo*) особых замечаний не вызывает, а его параллелизм с лит. *sukeklis* 'маслобойка' носит самый свободный характер. Прочая терминология сучения уточной нити (помимо поздних местных названий, о которых — ниже): праслав. **cěva*, **cěvь* 'цевка, трубочка, шпулька для навивки уточной ткани', откуда болг. *цевия*, сербохорв. *цијев*, словен. *cev*, чеш. *céva*, *cívka*, слвц. *ceva*, в.-луж. *cywa*, н.-луж. *cewa*, польск. *cewa*, *cewka*, русск. *це́вка*, укр. *ці́ва*, *ці́вка*, блр. *це́вка*. Праслав. **cěva*, вероятно, с первоначальным более общим значением 'трубочка' продолжает более древнее **koi̯u̯ā*, родственное, как известно, лит. *šeivà*, *šaivà* 'цевка', лтш. *saiva* 'челнок для плетения сетей' [114], с той разницей, что балтийское слово продолжает форму **k̂oi̯u̯ā*. Другие названия, связанные со скалом, гораздо менее универсальны, ср. **letъka*, откуда болг. диал. *ле́тка*, сербохорв. *летка* 'стержень (с маховиком), на который надевается цевка для уточной нити', от основы глагола **letěti* 'лететь'; отсюда сербохорв. диал. *лечаник* 'скало, скально'; названия маховика, придающего вращение оси с цевкой, — сербохорв. *котур*, *kotač*

[113] *A. Bielenstein.* Op. cit. S. 387.

[114] См. прочие латышские варианты и рисунок предмета в книге: *Z. Ligers.* Ethnographie lettone. I. Bâle—Paris, 1954. P. 125.

32 — 9718

(: *kotiti 'катить'), *obod* (**obvodъ*), *kolo*, *koleso*, ср. польск. *kółko*, блр. *кóло*; ср. еще блр. *сцёрин* 'стержень скала' (**stьrnъ?*).

Снование осуществляется путем натягивания будущей основы между колышками на стене (архаический способ, ср. название такого колышка — сербохорв. диал. *kočić*, *kolčić* < **kolъkъ*, **kolьcь*) или на разновидности крестообразного мотовила — сновальне. И в том и в другом случае действие обозначается древним праславянским глаголом **snovati*, приспособления для снования — рама и особая лопаточка с дырками — носят соответственно названия праслав. **snovadlo*, **snovadlьna* (есть, впрочем, и отклонения), а главным названием продукта снования служит повсеместно еще праслав. **obsnova* (словообразовательные и лексические варианты будут оговорены). Ср. ст.-слав. **сноѫ сѧ** *στημονίζομαι*, болг. *сновá* 'сную', *оснóва* 'основа', макед. *снове* 'сновать', сербохорв. *снòвати*, *снòвача* 'сновальня', диал. *snovačica*, *ồснова*, *оснýтак* 'основа', диал. *сноваљка* 'сновальня', словен. *snovati*, *osnova*, *snutek* 'основа', чеш. *snovati*, *snovadlo*, *snovadlice*, *osnova*, слвц. *snovať*, *snovadlo*, *osnova*, в.-луж. *snować*, н.-луж. *snowaś*, польск. *snować*, *snowadło*, диал. *snuwalnia*, *osnowa*, русск. *сновáть*, *оснóва*, диал. *снýльница* 'рама для снованья', укр. *сновáти*, *оснóва*, диал. *snuwáwka* 'сновальная рама', *snuwáwnyk* 'сновальная дощечка с дырочками для нитей', блр. *снувáць*, *снувáльня* 'вертящаяся сновалка', *снувáлка*, диал. (витебск.) *снова* 'основа'. Для нас в одинаковой степени интересны и этимологические связи корня, и словообразовательное оформление этих слов. Собственно говоря, происхождение праслав. **snovati* от и.-е. **(s)ne-*, расширенного элементом *-ṷ-*, уже затрагивалось нами в общей связи выше, и этот вопрос представляется ясным. Ср. еще — с тем же расширением и относительно близким значением — др.-исл. *snúa* 'крутить, плести'. Своеобразием славянского, выделяющим его из среды прочих индоевропейских языков, явилось использование в качестве термина 'сновать, заготовлять или натягивать продольные нити будущей ткани' именно продолжения и.-е. **(s)ne-ṷ-*, которое за пределами славянского обычно известно в значениях 'связывать' (и производных), иногда — 'прясть'. Вообще термины 'сновать' преимущественно локальны и не охватывают больше одного индоевропейского языка или языкового семейства. Ср., кроме слав. **snovati*, лит. *mèsti* 'сновать' (собственно, 'бросать'; может быть, относительно недавняя калька нем. *werfen* в том же значении?), *mestùvai* мн. 'сновальня', лтш. *audeklu mest* 'сновать', *ielōki* мн. 'основа', лит. *mẽtmenys*, *apmataĩ* мн. 'основа', герм. **werpan* 'сновать', **warp-* 'основа', лат. *ordiri* 'сновать, прикреплять основу к навою', *licium* 'основа', греч. *διάζεσθαι*, *ἄττεσθαι* 'сновать, прикреплять нити основы к верхнему валу', *στήμων* 'основа'. Разумеется, даже эти немногие привлеченные здесь термины 'сновать' — неодинакового возраста, и одна их локальность еще не говорит определенно о позднем характере всех названных с л о в. Напротив, мы различаем и здесь древность слова, и древность термина, полагая, что слова

u̯erp-*, **stāmōn* существовали задолго до своего включения в ткаческую терминологию, о чем говорят и мощные этимологические родственные связи каждого из них в нетекстильной индоевропейской лексике. Но констатируя их подключение к текстильной терминологии лишь на какой-то вторичной стадии развития этих слов, следовательно, — их статуальный характер как текстильных терминов, мы тем самым показываем поздний, вторичный характер терминов 'сновать', 'основа' в индоевропейских языках. Словообразование праслав. **ob-snova* 'основа' представляется достаточно новым и ясным (возможно, с него калькировано, например, лит. *ap-mataĩ* 'основа', образованное, когда *mèsti* уже получило значение 'сновать', и повторяющее модель славянского сложения: 'об-снованное'). Из славянских образований с основой *snova-* наиболее интересно **snovadlo*. Интерес к нему объясняется также полной славяно-германской лексико-терминологической идентификацией **snovadlo* и др.-сакс. *nâtdla*, *nadla*, гот. *nēþla*, нем. *Nadel* 'игла' (nēplō-*), др.-исл. *snǽlda* 'веретено' (*snājađlō-*)[115]. Это означает возможность продолжить дославянскую историю, помимо самой основы **sneu̯-*, также для одного из ее производных, сравнительно с другими, исключительно славянскими образованиями. Продолжения праслав. **snovadlo* объединяют, как известно, названия сновальной рамы и тонкой дощечки с дырочками для снования. Второе значение весьма древне и близко значению 'игла с ушком', которое характерно для всех продолжений прагерм. **nēþlō-*. Слав. **snovadlo* обнаруживает своего рода вторичную тематизацию, связанную с аналогичным процессом в основе соответствующего глагола (факт, который встречается в целом ряде подобных случаев): **snov-a-dlo* — **snov-a-ti*. Признавая возможность достаточно позднего и независимого образования таких nomina instrumenti от глаголов (ср. примеры выше), мы, однако, считаем нежелательным упускать из виду другую реальную возможность, которая не находит внутренних препятствий, а главным образом поддерживается древностью и авторитетностью внешних сравнений. Это возможность древнего образования принципиально той же модели, которая с развитием языка претерпевала видоизменения вроде упомянутой тематизации, т. е. в основном несущественного характера, которые не могут от нас заслонить постоянного воспроизводства или фактического сохранения все той же древней модели. Мы предполагаем, что форме **snovadlo* до упомянутого импульса в виде тематизации глагола предшествовало реальное **sne(u̯)-tlo*[116], непосредственно близкое прагерм. **nēþlō* < и.-е. **(s)nē-tlā* и даже тождественное последнему, за вычетом различий количества и конца основы (детерминатив *-u̯-* в славянском). С другой стороны, славяно-германский параллелизм идет дальше, и тематизированному праслав. **snov-a-dlo* почти точно соответствует прагерм. диал. **snāj-a-đlō-* с его встав-

---

[115] Этот ряд соответствий можно пополнить греческим *νῆτρον* 'прялка' (**snētrom*).

[116] О праслав. *-dl-* < *-tl-* специально говорится ниже.

ным гласным. Пара прагерм. **nēþlō* — дослав. **sneutlo* представляет еще интерес в культурном и семасиологическом аспекте. Шитье не имело, по-видимому, актуального значения для изготовления одежды в древности, когда на вертикальном ткацком станке изготовлялся сразу кусок ткани ограниченных размеров. Сшивание или связывание отдельных кусков носило подчиненный характер. Термины 'шить' не только ареальны в индоевропейских диалектах, но и вторичны, а выступающие в этой функции **si̯ŭ-* и *(*s*)*nē̆-* имели сначала значение 'связывать' и близкие. Семантическое расстояние между герм. **nēþlō* 'игла' и слав. **snovadlo* 'деревянная дощечка с дырочками для нитей, с помощью которой снуют основу для тканья' вторично в том смысле, что славянское слово сохраняет элементы более древнего значения, а значение герм. **nēþlō* 'игла с ушком для продевания нити' развилось, вероятно, из какого-то более древнего, близкого к славянскому, вроде термина немецких этнографов *Filet-nadel* 'пластинка с намотанной нитью для плетения сети'. Можно напомнить еще, что гуцульский снувавник представляет собой пластинку с двумя ушками для основных нитей в широкой части.

Рассмотрение лексики мотания и снования мы также завершим характеристикой местных поздних заимствований. Сербохорв. *канура* 'моток пряжи, снятый с мотовила' происходит из макед.-рум. *canură* 'цевка для уточной пряжи', 'уток' (< народнолат. *cannŭla* 'тростинка')[117]. Сербохорв. *кàлам*, *кàлем* 'катушка, цевка, моток' также заимствовано из романского, от одного из продолжений народнолат. *calămus* 'тростник'[118], Сербохорв. *rašak*, обозначающее простейшее мотовило, ср. также словен. *rašek*, происходят из румынского, ср. рум. *răşchia* 'мотать на мотовиле', *răşchitor* 'мотовило' от основы народнолат. **rasclāre* 'царапать, скрести' (значение 'мотовило' развили только румынские продолжения, как указывает Майер-Любке). Словен. диал. *kita* 'ткацкая основа' заимствовано из диалектного варианта нем. *Kette* в значении 'основы ткани' (Штридтер-Темпс в новом исследовании немецких элементов словенской лексики пропустила это слово, отразив только *kita* 'вереница, стая (птиц)' из ср.-в.-нем. *kütte* 'стая, стадо, толпа'). Болг. *рудáн* 'скало для насучивания уточной пряжи на цевку челнока' происходит из греческого, ср. греч. *ῥοδάνη* 'уток'. Польск. диал. *fajfa*, *falfa* 'цевка' < нем. *Pfeife* 'трубка'. Польск. диал. *spulárz* 'скало' заимствовано из нем. *Spuler* или его варианта. Немецкого происхождения и польск. диал. *szafarka* 'сновальная дощечка с дырочками', и *łańcuch* 'основа' < 'цепь' (довольно распространенный семантический переход, давший названия основы также в других языках).

Терминология ткачества, естественно, не только не уступает, но превосходит по численности и сложности состава и происхождения рассмотренные

---

[117] См.: *Meyer—Lübke*[3]. S. 150. № 1607.

[118] Там же. S. 137. № 1485 (без славянских слов).

группы лексики прядения и мотания-снования. Мы анализируем ниже по порядку славянскую лексику ткачества, постепенно переходя от праславянских образований к более поздним, и окончим, как обычно, поздними заимствованиями: **tъkati*, **tъkačь*, **tъkadlьcь*, **tъkadlьja*, **tъčeja*, **tъčivo*, **tъkanь*, **ǫtъkъ*, **potъka*, **tъkanьje*, **čьlnъkъ*, **čьlnikъ*, **sovadlo*, **sovidlo*, сербохорв. диал. *brodić*, *ladvice*, **stanъ*, **stavъ*, **statь*, **stativa*, мн. **stativy*, **stativo*, **krosno*, **kromy*, мн. **natьra*, **narъdъ*/**narъtъ*, **tьra*, **orzbojь*, сербохорв. диал. *prema*, балг. диал. *смокове*, **obplel-*, **kosa*, **vortidlo*, **navojь*, **sъvolkъ*, **valъ(kъ)*, **stъlpъ*, **perčьnica*, **gręda*/**grędъčica*, **polica*, **stornica*, **sъponica*, **bьrdo*, **bьrdьce*, **bьrdidlo*, **bidlo*, **nabidlъky*, мн., **nitъ*, **nitjenici*/**nitjenъky*/**nitjьnici* мн., **cěny* мн., **ciny* мн., **cěpъ*, **ščapъ*, **zěvъ*, **sъnizъky* мн., **prǫžьcь*, **sědadlo*, **sědьcь*, **sědišče*, **stolica*, **obslonъ*, **prišьva*, **postavъ*, **poltьno*, **rǫbъ*, **blizna*, **po(d)noži* мн./**podnožьky*/**podnožьnici* мн., **podъ-platьci* мн., **obtęgy* мн., **skripъ*/**skripьcь*, **skočьčь*, сербохорв. *колотуриħи*, мн., слвц. *kotúľke* мн., слвц. *obrtačky* мн., **kotědlo*/**kotidlo*, укр. *горобець*, русск. *вековшки*, *собачки*, блр. *волчки*, *бирýльки*, укр. *мишки*, польск. *warsztat*, укр. *верстáт*, укр. *шайда*, польск. *karkulce*, мн., укр. *каркульцi*, польск. *szynki*, *synki* мн., укр. *шинки*, польск. *magol*, укр. *маголь*, польск. *sztaki* мн., *sztoga*, укр. *штак*, укр. *слупки*, укр. *трибок*, укр. *цуга*, укр. *пляндра*, укр. *гнипель*, укр. *барцохи*, *барцошки*, мн., укр. *шлiхта*, польск. диал. *warp*, польск. *blat*, укр. *блят*, польск. *lada*, укр. *ляда*, польск. *listwa*, укр. *скраклi* мн., польск. *cwak*, укр. *сват(ок)*, польск. *szparutki* мн., укр. *шпарута*, польск. *fak*, укр. *комiрки* мн., болг. *ватали*/*въртъли* мн., польск. *szeft*/*socht*, болг. *д'узен*, болг. *креватини* (pl. tant.), сербохорв. диал. *kretina*, болг. *тезгяф*/*тезгях*, сербохорв. *žlaga*, сербохорв. *žnor*, болг. *рахт*, болг. *коруна*, сербохорв. *grušt*, сербохорв. *štanti* мн., сербохорв. *jarbolce*, мн., сербохорв. *žinge*, мн., сербохорв. *pedal*, польск. *pedały*, мн., сербохорв. *raštela*, польск. *knap*.

Действительно, уже один этот суммарный сводный перечень свыше ста терминов ткачества и ткацкого станка по славянским языкам, не считая вариантов и продолжений генетически единой праславянской формы в разных славянских языках (количество большее, чем численность всех рассмотренных выше названий прядения, мотания и снования), дает основание для некоторых выводов. Прежде всего мы видим подтверждение высказанных выше соображений, что максимум поздних заимствований приходится именно на лексику ткацкого станка, а не на прядение и мотание-снование; из ста с лишним названий ткачества не менее половины составляют поздние местные заимствования. Конечно, и здесь полезно не терять из виду необходимость дифференцированного подхода, потому что ясно, что эти поздние заимствования всегда относятся к развитому типу ткацкого станка. Уже заранее можно сказать, что, отобрав примерный состав лексики более примитивного древнего станка, мы не увидим среди них ни одного из этих поздних заимст-

ваний. Больше того, тот состав славянской терминологии ткачества и ткацкого станка, который можно назвать праславянским, является удивительно цельным с точки зрения происхождения и свободным от иноязычных элементов. Это, разумеется, не означает хронологической монолитности славянских компонентов ткаческой терминологии славянских языков. Напротив, здесь много новообразований и фактов вторичной терминологизации, на что мы обратим специальное внимание ниже. Раннепраславянская и дославянская реконструкция состава этой терминологии закономерно приведет к редукции общего числа исконных элементов. В остальном оказывается возможным распространить ранее высказывавшееся наблюдение также на ткаческую терминологию и констатировать, что не только праславянская лексика подготовки и прядения волокна, мотания и снования пряжи, но и праславянская лексика ткачества свободна от известных древних иноязычных влияний, которым подвергался праславянский язык и словарь, в частности здесь нет следов сколько-нибудь достоверных германских заимствований или каких-либо других.

Основным термином ткачества служит праслав. **tъkati* (болг. *тъка́* 'тку', сербохорв. *ткати*, словен. *tkati*, чеш. *tkáti*, слвц. *tkať*, в.-луж. *tkać*, н.-луж. *tkaś*, польск. *tkać*, русск. *ткать*, укр. *тка́ти*, блр. *ткацъ*). Уже элементы праславянской парадигмы этого глагола — 1 л. ед. **tъkǫ*, 2 л. ед. наст. **tъčeši* ... — достаточно ясно показывают вторичный характер конца инфинитивной основы **tъka-ti*, не говоря об определенном несоответствии корневого вокализма типу основы в данном случае (ср. ниже). Поэтому историческому инфинитиву **tъkati* здесь предшествовал, вероятно, раннепраславянский **tъkťi*. Его этимология не представляет трудности: это слово из того же семейства, что и праслав. **tъknǫti*, **tykati*, передающее короткое и довольно быстрое движение с толчком, и немногочисленные внеславянские родственные связи будут в основном связями последнего слова с общим значением. Собственных этимологических соответствий праслав. **tъkati* не имеет, а тем самым и собственной индоевропейской этимологии. Праслав. **tъkati* 'ткать' явилось семантико-терминологической инновацией праславянского, и механизм этой инновации будет ясен ниже, когда мы коснемся названий утка в праславянском. С точки зрения словообразовательно-морфологической первичны отношения праслав. **tъkťi*—**tykati* (итератив), а образование **tъkati* можно объяснить мотивами терминологизации. Формально неблагополучны и семантически наивны старые сближения лат. *texere* 'ткать' и слав. **tъkati* 'ткать', во-первых, потому что латинскому слову строго родственно этимологически только праслав. **tesati* 'тесать, обрабатывать острым орудием', а во-вторых, потому что эта этимология наивно предполагает, что оба слова — и латинское и славянское — всегда значили 'ткать', тогда как нет примеров, более дружно опровергающих эту предвзятую точку зрения, чем каждое из

этих слов (ниже, в III разделе, мы касаемся вопроса семантической эволюции и.-е. *teks-). Точно так же неверной мы считаем мысль о продолжении праславянским словом *tъkati 'ткать' гипотетического и.-е. *t_ek- 'ткать, плести'. Слав. *tъkati — новообразование, только вторично вовлеченное в круг текстильной лексики, и едва ли какое другое слово из праславянской текстильной терминологии лучше и полнее схватывает ее смысл и своеобразие. Дело в том, что, как мы уже говорили выше, при всей очевидности того факта, что ткачество — плоть от плоти плетельного искусства, славянская терминология ткачества в своих ведущих элементах как бы «игнорирует» этот основной принцип организации реального плана или, как это можно признать естественным и логичным для лексической инновации праславянской эпохи, не фиксирует того, что банально и очевидно ('переплетение нитей основы нитями утка'), а отражает какие-то более актуальные и поэтому броские признаки, например, большая стремительность проведения уточной нити или под. Исходя из этого мы не можем реконструировать для праслав. *tъkati семантическую предысторию 'плести, вить' > 'ткать'. Но прежде чем перейти к особенно показательным в плане нашей аргументации названиям утка, мы упомянем другие производные от праслав. *tъkati : *tъkačь м. р., обозначающее лицо, которое ткет (болг. *тъкач*, макед. *ткаеч*, сербохорв. *ткâч*, слвц. *tkáč*, польск. *tkacz*, русск., укр., блр. *ткач*), наряду с равнозначными праслав. *tъkadlьcь м. р. (сербохорв. *ткалац*, словен. *tkalec*, чеш. слвц. *tkadlec*, в.-луж., н.-луж. *tkalc*) и *tъkadlьja ж. р. (сербохорв. *ткаља*, др.-чеш. *tkadlii*, русск. диал. *ткалья* 'ткачиха'). Географическое распределение этих производных довольно своеобразно, хотя за его древность поручиться трудно, учитывая также то, что известно о самом глаголе *tъkati. Формально образование слов не вызывает вопросов: *tъkačь — имя деятеля с суффиксом -ačь от глагола с a-основой, а *tъkadlьja, собственно, первоначально основа на -i ж. р., производная от *tъkadlo 'ткань, то, что ткут'. Форма мужского рода *tъkadlьcь, как кажется, образована вторично как парное мужское соответствие первоначальному женскому *tъkadli, причем это совершилось не везде. От a-основы *tъkati, как и предыдущие, образовано название продукта ткачества — *tъkanь (болг. *тъкан*, сербохорв. *тка̏нина*, польск. *tkanina*, русск. *ткань*, укр. *тканúна*), собственно, субстантивированное в форме собирательного женского рода страдательное причастие прошедшего времени. Напротив, по-своему архаичны и своеобразны своей атематичностью *tъčeja (откуда русск. диал. *точея́* 'ткачиха'), *tъčivo (русск. диал. *точиво* 'холст').

Наиболее распространенное и, по-видимому, древнейшее славянское название утка — нити, намотанной на прут, а затем на цевку челнока и проводимой в зев между нитями основы, — это праслав. *ǫtъkъ : ст.-лав. **жтъкъ** *στήμων*, **вжтъкъ** *κρόκη*, болг. *вътък*, сербохорв. диал. *vutak*, *utek*, словен.

votek, чеш. *útek*, слвц. *útok*, в.-луж. *wutk*, польск. *wątek*, русск. *уто́к*, блр. *уто́к*. Вместе с тем это не единственное название утка в славянских языках. Помимо праслав. **ǫtъkъ* в подавляющем большинстве языков, обращают на себя внимание выделяемые нами условно также как праславянские формы **tъkanъje* (зап.-укр. *tkanié* 'уток'), **bitъje* (укр., закарп., *бит'á* 'уток') и особенно **potъka* (сербохорв. *по̀тка*, диал. *poutka*, *poučica* 'уток', укр. диал., закарп., *пи̂тка* 'уток', далее сюда же более широко распространенное украинское название утка — *пітка́ння* ср. р., контаминированное, вероятно, из двух других названных выше украинских слов для утка). Различные моменты заставляют здесь видеть новообразование. Во-первых, если мы представим себе географическое соотношение **ǫtъkъ*, **potъka* и **tъkanъje* на карте (самым схематическим образом), то *potъka* и **tъkanъje* займут более или менее срединные области, обрамленные обширными территориями **ǫtъkъ*, что говорит о **tъkanъje* и **potъka* как инновациях. Во-вторых, сравнительная словообразовательно-морфологическая характеристика **ǫtъkъ* (старое именное сложение с префиксом **on-tŭk-* при глагольном *^{v}*ŭn-tŭk-*/*^{v}*ŭn-tūk-*, т. е., с точки зрения отдельных славянских языков, это скорее остатки отношений, чем продуктивные отношения) и, с другой стороны, **tъkanъje* (отглагольное имя при *tъkati*, ср. активность образований на *-ння* вообще в украинском) и **potъka* склоняют к принятию того же вывода.

Но особенно интересно отношение **ǫtъkъ* — **tъkati*, причем именно в плане семантики и терминообразования. Перед нами слова одного корня, и чисто формально направление деривации может быть понято как **tъkati* → **ǫtъkъ*. Но **tъkati* отличается емкостью терминологического значения, а **ǫtъkъ* обнаруживает ему одному свойственные особенности, которые трудно считать производными от слова и значения **tъkati* 'ткать'. Мы имеем в виду и характер префиксального сложения **ǫ-tъkъ* (соотносимого скорее с **vъ-tъknǫti*/**vъ-tykati*, а не с бесприставочным **tъkati*), и функции реалий, что все вместе дает право на семантическую реконструкцию **ǫ-tъkъ*, 'то, что воткнуто (между нитями основы)'. Праслав. **tъkati* как термин 'ткать, texere' — инновация, а **ǫ-tъkъ* — одно из свидетельств относительной хронологии этой инновации, поскольку оно помогает восстановлению дотерминологического значения **tъkati*. Праслав. **ǫ-tъkъ* было образовано, когда **tъkati*, по-видимому, еще не укрепилось в своем терминологическом значении. Вообще отношения между терминами 'уток' и 'ткать' могут быть вполне свободными, ср. нем. *Ein-schlag* 'уток' (очень близкое по семантической и словообразовательной модели слав. **ǫ-tъkъ*) — *weben* 'ткать', лат. *subte(g)men* 'уток'— *texere* 'ткать', греч. *ὑφαίνειν* 'ткать'—*κρόκη* 'уток'. Иначе говоря, если взглянуть на термины 'ткать' в различных индоевропейских языках с точки зрения их семантической эволюции, то любопытные типологические различия между ними можно будет сформулировать следующим образом: ряд терминов

'ткать', действительно, получены от более древних слов со значениями 'вить, плести, связывать' — и.-е. *teks-, *uebh-/*ubh-, в то время как в славянском новое образование термина 'ткать' фиксирует прежде всего функцию утка; к третьей группе терминов 'ткать' в плане их отношения к названию утка могут быть отнесены такие, которые тоже объединены одной основой с последним, но уток явно назван по процессу ткачества, причем мотивы этого могут носить местный характер, ср. др.-англ. *áwebb*, *óweb* < герм. диал. *an-web- 'уток'—*weban 'ткать'; лит. *at-audaĩ* мн., лтш. *ie-audi*, *iekš-audi* мн. 'уток' — лит. *áusti*, *áudžiu* 'ткать' (близость словообразовательно-семантического рисунка балтийских, особенно латышских, слов и славянского названия утка позволяет думать о вторичном сближении и, возможно, влиянии славянского, хотя нельзя забывать и о возможности параллельного, независимого развития).

От названий утка удобно перейти к названиям челнока, в котором обычно уток помещен на цевке, однако в силу обстоятельств мы еще в начале этого раздела, отвлекаясь от реалий, подробно высказались об отношениях славянских названий челнока, так что здесь нам остается только отослать к упомянутому месту выше, дополнив его лишь деталями. В остальном мы можем повторить, что праслав. *čъlnъkъ, диал. *čъlnikъ (сербохорв. *чу̑нак*, диал. *čuńak*, *čunek*, словен. *čolniček*, *čunek*, чеш. *člunek*, слвц. *člnok*, польск. *czółenko*, диал. *czołnek*, *czółnik*, русск. *челнóк*, укр. *чóвник*, блр. *чóўнiк*, диал. *czóunik*) является относительно поздним новообразованием, отражающим уже законченную форму челнока, ср. нем. *Schiffchen*, *Schifflein*. При этом семантико-терминологическом новообразовании еще праславянской эпохи было использовано название суденышка, челнока, сходство которого с ткацким челноком очевидно. С точки зрения реальной типологии, а также некоторых родственных этимологических связей более архаично праслав. диал. *sovadlo, *sovidlo, обозначавшее, очевидно, палку, иглу, на которой был намотан уток, которое мы восстанавливаем на основе болг. *сóвалка* 'ткацкий челнок', сербохорв. диал. *sovilo*, *soveļka*, *совиља*, *совјело* то же, словен. *suvalnica*, *suvavnica* то же. Праслав. *sovadlo, *sovidlo образовано, как и название метательного копья — праслав. *sudlica, от глагола *sovati, *sują (и.-е. *skeu-), ср. лит. *šandỹklė*, лтш. *šaudekle*, *šautava* 'челнок' : лит. *šauti*, лтш. *šaut* 'стрелять', а также нем. (*Weber*)*schütze* 'ткацкий челнок' : *schiessen* 'стрелять'. Новшеством диалектного распространения является сербохорватское областное (чак.) *ladvice*, (Полица) *brodić*, собственно говоря, употребленное в качестве названий челнока местное название маленьких судов. Но и все вообще названия ткацкого челнока — с их различиями в возрасте — могут быть без колебания признаны новообразованиями.

Мы рассмотрели уже несколько терминов ткачества, которые оказались инновациями праславянского или более позднего времени. Это были до-

вольно важные в терминологическом отношении названия утка, челнока и даже такой термин, как 'ткать'. Ни один из этих терминов, по-видимому, не существовал в дославянский период. Тем не менее ткаческое производство, как мы знаем, бесспорно старше, так как в примитивной форме оно должно было быть известно еще древним индоевропейцам. Взаимоотношения между древнеиндоевропейской текстильной лексикой и пышно расцветшей, сложной и разветвленной ткаческой терминологией исторических славянских языков — трудная научная проблема. Эта лингвистическая проблема характеризуется большой сложностью, которая сказывается, в частности, в том, что при решении данной диахронической проблемы преследуется цель реконструкции не только формы терминов, но и их состава. Едва ли будет при этом признано тонким такое рассмотрение или решение проблемы, которое удовлетворится выделением заимствованных элементов и исконных, оставив за последними фактическое право претендовать на любую древность. Такой подход неизбежно исказит собственно лингвистическую картину и даст, кроме того, недоброкачественный лингвистический материал в руки историков, интересующихся другими сторонами проблемы. Во избежание путаницы как раз основные (и вместе с тем труднее всего выполнимые) требования должны быть предъявлены к реконструкции более древнего и древнейшего состава исконно славянских элементов ткаческой терминологии. Изучение материала заставляет убеждаться в том, что очень большой процент того, что принимается нами за праславянскую лексику ткачества, получен путем относительно не очень древних переносов, переосмыслений лексики, до того времени не имевшей ничего общего с ткачеством. Таким образом, констатацией ее общеславянского распространения и праславянской древности, а также формальной реконструкцией условной праславянской формы под звездочкой история слова для нас не кончается, а только начинается. И это действительно так, потому что примеры на каждом шагу подтверждают справедливость этого взгляда. Было бы странно и наивно думать, что праславянская древность слова (точнее, обычно — возможность его существования в конце праславянского периода) служит одновременно гарантией древности существования этого же слова в том же терминологическом значении также задолго до названного момента. На самом деле нет ничего ошибочнее, поскольку если позднепраславянский период в составе лексики относительно мало отличается от исторического периода жизни славянских языков, то уже между позднепраславянским периодом, с одной стороны, и раннепраславянским — с другой, можно предполагать очень большие количественные изменения, а тем более между позднепраславянским и дославянским. Мы отнюдь не придумываем воображаемые возражения: достаточно напомнить точку зрения такого ученого, как Гавацци, который придавал решающий вес наличию в позднепраславянской лексике ткачества названий

подножек, блоков и т. д. и делал отсюда выводы вообще о древней ткацкой технике славян (см. выше). Дело в том, что архаизирующая сущность всякой традиционной терминологии (инновация как способ заполнения «пустого места» ← «пустое место», длительное отсутствие особого термина даже при наличии особой реалии ← отсутствие термина ← отсутствие реалии) великолепно уживается в славянской терминологии ткачества с такой ее чертой, как преимущественно инновационный характер. Правильное понимание этих особенностей данного языкового материала принесло бы пользу как лингвистам, так и историкам материальной культуры и этнологам. Однако архаизмы тоже поддаются выделению в этой пестрой и стратиграфически разнородной массе названий, и хотя глубоких архаизмов относительно немного, это не снижает ни их важность, ни значение в связи с этим всей славянской текстильной терминологии для реконструкции древнейших уровней языка и культуры в этом вопросе. Архаизм и инновация закономерно стоят рядом, сосуществуют, взаимодействуют и преобразуют друг друга. Чтобы в этом убедиться, можно обратиться к названиям ткацкого станка, тем более что мы должны их теперь рассмотреть в соответствии со своим планом. Поздние заимствования с этим значением отнесены нами в конец, а здесь мы рассмотрим разные исконно славянские названия.

Праслав. **stanъ* (болг. *стан*, сербохорв. *ста̑н*, русск., укр. *стан* ʽткацкий станок') представляет собой древнее именное производное и.-е. **stānu-* или **stāno-* с суффиксальным *-n-* от глагольной основы **stā-* ʽстоять'. С точки зрения славянского слово **stanъ* — бесспорный архаизм, однако ткаческое значение зафиксировано только в славянском, и оно, возможно, явилось в результате терминологической специализации какого-то более широкого значения, также, собственно говоря, известного из славянского, ср. сербохорв. *ста̑н* в значении ʽжилище, квартира', русск. *стан* ʽпоселение, жилье и т. п.' Аналогичное значение было у этого индоевропейского слова древнейшим, ср. др.-инд. *sthānam* ср. р. ʽобиталище, место'. И первичное и вторичное специальное значение тут хорошо объясняются как производные от значения ʽстоять'. Неясно, в какой мере можно считать значение ʽткацкий станок' новообразованием славянского, поскольку, как увидим ниже, производные от упомянутого корня нередко фигурируют в значении ʽткацкий станок' в самых различных индоевропейских языках. Но в любом случае это образования с суффиксами *-to-*, *-u̯o-*, *-mn̥*, а производное **stānu-*, **stāno-* встречается, кроме славянского, лишь в индоиранском, ср. пример выше (балтийские слова походят в данном случае на заимствования из славянского). Природа исходного значения и.-е. **stā-* ʽстоять' делает понятным соприкосновение значений ʽстоянка' и ʽ(ткацкий) станок' также и в других случаях, из них особенно замечателен пример производного с суффиксом *-t-*. Сюда относятся болг. диал. *стать* (Родопы) ʽвертикальный ткацкий станок', *ста́тила* (Бело-

слатинско) 'ткацкий станок', прил. *статюв стан*, сербохорв. *стативица* 'бок станка', диал. *statva* 'боковая горизонтальная планка ткацкого станка', *stativa* 'бок станка', *stative* мн. (Славония, Оток) 'ткацкий станок', диал. (Черногория) *статив*, *статива* 'ткацкий станок', словен. *statve* мн. 'ткацкий станок', чеш. диал. (валашск., ляшск.) *stativo* 'ткацкий станок', также вообще 'деревянная станина', н.-луж. *staśiwa* ср. р. мн., *staśiwy*, ж. мн. 'ткацкий станок и его станина', польск. *staciwa* 'рама ткацкого станка', укр. *статива* 'рама, станина ткацкого станка'. По этим данным уверенно реконструируется, во-первых, праслав. **statь*, во-вторых, праслав. **stativь*. Последняя форма первоначально была прилагательным на *-ivъ*, которое затем претерпело субстантивацию в формах разных родов и чисел в различных славянских языках: **stativa*, **stativo*, **stativy* и др. Органичность и древний характер словопроизводной связи прилагательного на *-iv-* и существительного явствует из *i*-основы последнего: **statь*. И тут тоже есть несомненные следы более широкого значения, ср., например, праслав. **postatь*, укр. *пóстать* 'фигура, осанка', 'участок пахотной земли', не говоря о праслав. **statъkъ* и его значениях достояния, угодья, имения в разных видах, вплоть до посуды (ср. ниже). Но и ткаческие значения могут восходить к дославянской древности, ср. др.-исл. *vef-staðr* 'ткацкий станок'. Особенно яркое словообразовательно-морфологическое, цельнолексемное родство связывает (правда, при отсутствии общности текстильного значения) праславянское прилагательное **stativъ* и латинское прилагательное *statīvus* 'стоящий на одном месте' [119], сюда же сущ. *statīva* ср. р. мн. 'лагерь, стан', *statīvae* ж. р. мн. то же, ср. выше о родстве значений 'стан, стоянка' и 'ткацкий станок' в рамках производных от и.-е. **stā-*. Из сказанного следует, что мы не имеем права объяснять славянские формы или их часть как заимствованные из нем. *Stativ*, как это иногда делалось раньше [120].

Наконец, сюда же примыкает праслав. **stavъ* (чеш. *stav* 'ткацкий станок', русск. диал., блр. *став* то же, укр. диал. *stawký* мн. 'нижние горизонтальные планки ткацкого станка'), которое вместе с некоторыми другими однокоренными образованиями из лексики текстильного и других производств (**postavъ*, **stavъ*, последнее также как название запруды, пруда) характерно для словарного состава скорее северных славянских языков, хотя в конечном счете мы здесь имеем отглагольное производное от основы **staviti*, известной на всей славянской территории. В любом случае расширение *-u̯-*, и особенно имя с этим формантом, носит специфически славянский характер, поэтому близость лтш. (*aužami*) *stāvi* мн. 'ткацкий станок' наводит на мысль о заимствовании его из белорусского или русского.

---

[119] *Machek.* S. 471.

[120] Ср. например: *D. Zelenin.* Op. cit. P. 167.

Этим мы ограничим разбор наиболее важных производных от и.-е. **sta-* в славянском со значением 'ткацкий станок или его рама, стояки'. Внимание ученых рано привлекло выразительное участие образований от этого корня в составе древнейших названий ткацкого станка в разных индоевропейских языках, ср. лат. *stāmen* 'ткацкий станок и основа на нем', греч. *ἱστός* 'ткацкий станок', др.-инд. *sthāvī* 'ткач', лит. *stãklės* мн. 'ткацкий станок', см. аналогичные другие примеры выше. Из этого, казалось бы, совершенно недвусмысленного свидетельства языка делался популярный вывод о том, что древнейшим ткацким станком индоевропейцев был вертикальный станок (фамилии многочисленных ученых прошлого и настоящего времени, которые относят это свидетельство к основной аргументации упомянутого взгляда, я здесь не привожу, к тому же они назывались в разных местах выше). Были и сомнения в значении этого свидетельства. Так, на славянском материале его пытались опровергнуть ссылками на общеславянский и праславянский характер некоторой номенклатуры горизонтального станка. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы проверить с лингвистической точки зрения и те и другие аргументы. Мы считаем сомнения в данном случае оправданными в принципе, но направленными неудачно. Прежде всего вернемся к и.-е. **sta-*, его производным и его гипотетическому древнему значению. Если мы постараемся хотя бы элементарно представить себе реально-семантический субстрат такого процесса, как называние вертикального ткацкого станка с помощью производных от **sta-*, то, на наш взгляд, не может не показаться наивным мнение, будто этот станок был так назван за свою в е р т и к а л ь н о с т ь. Во-первых, у древних индоевропейцев Европы едва ли был одновременно также и горизонтальный станок, чтобы, отталкиваясь от этого, они назвали стоячий «вертикальным». Последний был попросту единственным известным им ткацким устройством. Мы не говорим уж о том, что, строго говоря, этот древний станок мог быть и наклонным, прислоненным к стене, а не только вертикальным. Но не это главное. Поэтому, во-вторых, основной изъян этой концепции носит уже сугубо лингвистический характер. Сторонники теории об отражении названиями на **sta-* в е р т и к а л ь н о с т и древнего станка выделяли в качестве основных и существенных моменты значения корня **sta-* и его производных, которые таковыми едва ли были в древности. Мы имеем в виду то, что и.-е. **sta-*, по-видимому, значило не 'стоять отвесно, прямо', а 'с т о я т ь   н е п о д в и ж н о', при этом было, очевидно, несущественно, — в какой позе или под каким углом к горизонтали сохранять это неподвижное положение (отсюда естествен переход к 'жить, жилище, обиталище'). Понятно, что в какой-то части позиций противопоставление между значениями 'быть неподвижным вообще' и 'находиться в прямом положении, стоять' нейтрализуется, но, с другой стороны, все продолжения и производные от и.-е. **sta-* почти прозрачно указывают на то, что древнейшим, исходным зна-

чением этого корня было 'сохранять неподвижное положение'. Это согласуется и с тем, что производные от **sta-* прекрасно выполняют свои функции и в отношении горизонтального станка, причем нам не нужно предполагать здесь какие-то переносы 'вертикальный станок' > 'горизонтальный станок', просто и в том и в другом случае праслав. **stanъ*, **statь*, **stativъ*, **stavъ* продолжают обозначать неподвижные установки. Наконец, в отношении такого древнего производного от и.-е. **sta-*, как праслав. **stolъ* 'сидение, стол', вообще как-то нелогично было бы утверждать, что здесь отразилась вертикальность реалии, поскольку и в этом случае особенно ясно выделена при назывании именно неподвижность, устойчивость. Следовательно, как аргумент в пользу доказательства отражения вертикальности древнего ткацкого станка и.-е. **sta-* было с самого начала избрано неудачно с лингвистической точки зрения. Значит ли это, что мы вообще отвергаем идею первичности знакомства индоевропейцев и славян с вертикальным ткацким устройством и отражений этого знакомства в языке? Нет, напротив, мы полагаем, что эта культурно-историческая в своей сущности идея имеет здравую основу, и единственное или главное, что нуждается в пересмотре, — это лингвистический материал и его интерпретация. При этом, как мы уже отчасти старались показать, лингвистическая аргументация древности вертикального и вторичности горизонтального ткацкого станка должна быть направлена по пути постепенного выделения новообразований терминологии, естественно, связанных с более развитым горизонтальным станком, по пути сведения вторичного сложного множества терминологической лексики к древнему малочисленному составу слов, современному эпохе существования единственного вертикального ткацкого станка.

Далее следуют в основном уже только славянские новообразования, обозначающие ткацкий станок, и прежде всего праслав. **krosno*, мн. **krosna* : болг. *кро́сно* 'навой, вал ткацкого станка', сербохорв. *кро̏сна* мн. 'ткацкий станок', словен. *krosna* мн. то же, слвц. *krosná* мн., в.-луж. *krosna* мн. 'ткацкий станок; козлы (для пилки дров)', польск. *krosna* мн. 'ткацкий станок', русск. диал. *кро́сна́* мн. 'ткацкий станок; холст вскоре после снятия со станка', укр. *кросна́* мн. 'ткацкий станок', блр. *кро́сны* мн., *krósna* 'ткацкий станок, холст на ткацком станке'. Правильно понять происхождение слав. **krosno*, обозначающего то часть (одну из граней) рамы всего ткацкого станка, то всю ткацкую раму (обычно в форме множественного числа), то плетельную, вязальную раму или просто раму (ср. укр. *кро́сна*, *кросо́ні* [возможно, из праславянской формы двойственного числа **krosně*], *кросе́нка*, *кросе́нця* мн. 'рама, например оконная; пяльца' в словаре Желеховского), то, наконец, козлы, станину, можно лишь при внимательном учете всех близких славянских образований и их значений. Слово **krosno*, бесспорно, является славянским новообразованием, связанным со славянской же лексикой нетек-

стильного характера (ср. ниже), поэтому слишком односторонние и поспешные внеславянские сближения с «похожими» словами из текстильной терминологии, выдвинутые довольно давно, должны быть пересмотрены и по большей части отвергнуты, ср. греч. *κερκίς* 'ткацкий челнок', *κρέκω* 'тку' [121], собственно, из древнего **kr̥k-*. Можно полагать, что древнейшим значением праслав. **krosno* (обычно — мн. **krosna*) было 'рама определенной формы, служащая для различных целей'. Об этом достаточно ясно говорят приведенные выше непосредственные продолжения этой праславянской формы, подчас совершенно не имеющие ничего общего с ткачеством. Об этом же свидетельствует старое производное с суффиксом *-i̯-* праслав. **krośńa*, обозначающее в ряде славянских языков род заплечных носилок в виде деревянной рамы [122]. В этом же смысле могут быть использованы изложенные нами выше на основе мнения, известного в литературе, замечания о родстве праслав. **krosna* '(ткацкая) рама' — **kreslo* 'лавка, сидение, стул, кресло'. Слово **krosno* — чисто славянское производное с суффиксом *-sno* (как правильно указывал Махек) от основы **kre-/*kro-* со значениями 'край' и близкими (сюда же **krajь*, **kroma*) и удачно подходившее поэтому для обозначения всякого рода деревянных рам, стоячих и переносных, в том числе вторично — ткацких рам. Сближение Махека только с германскими названиями таких носилок — нем. *Reff*, др.-исл. *hrip* — несет с собой насильственные ограничения семантической эволюции славянского слова, элементы которой были намечены выше. 'Носилки' — такой же частный вид реализации первоначального широкого значения 'рама', как и 'ткацкий станок, ткацкая рама'. Что касается этимологических связей и формальной реконструкции, то наиболее простой и наилучшим образом все объясняющей возможностью будет не гипотетическое **krob-sno* у Махека, якобы восходящее вместе с германскими названиями (выше) к доиндоевропейскому (!) прототипу, а праформа **kro-sno*, которая, повторяем, явилась праславянской инновацией, производным с активным суффиксом *-sno* от того же корня, что и **kro-m-a* (с другим формантом, ср. ниже), ср. с другим вокализмом и иным продуктивным суффиксом праслав. **kre-slo* [123]. Здесь нельзя говорить ни о какой специальной германо-славянской терминологической общности, но самое большее — лишь об общности корня, который, как увидим ниже, фигурирует также в гораздо более близких производных формах соответственно славянского и германского.

---

[121] *Преображенский.* I. С. 392 (где дано неверное значение первого греческого слова); *Младенов.* С. 258. Ср.: *Vasmer.* I. S. 668.

[122] Ср. о последнем слове: *Machek.* S. 236—237; *И. Поповић.* Прилог испитивању неких народних термина // Гласник Етиографског института Српске академике наука и уметности. Књ. VIII. Београд, 1959. С. 137 сл.; *V. Uhlár.* Op. cit. S. 322—323.

[123] См. (с отличиями в деталях): *Berneker.* I. S. 615; *Преображенский.* I. С. 383; *Brückner.* S. 270.

Сопоставляя названия с основой *sta-* и *krosno*, мы видим, что каждое из них могло выступать в функции главного ('ткацкий станок'); но при этом и на той же территории другие формы не исключались полностью, а сосуществовали в подчиненной функции названия детали станка. Так, приводя первым название станка, мы получаем для отдельных районов славянской территории: **krosno—*stativy* (польск., укр.), **stanъ—*krosno* (болг.) или **statь—*krosno* (болг.), а также неразличение **stanъ*, **stavъ*, **krosno* (блр., русск., сербохорв.) или **stativy*, **krosna* (словен.). Какие-то элементы этих отношений, бесспорно, вторичны. Об этом, возможно, свидетельствуют случаи исключительного семантического развития, ср. только у **krosno* значение 'холст, ткань' (русск., блр.). В соответствии с вышесказанным мы допускаем, что **krosno* обозначало вначале деревянную раму станка, а **stanъ*, **stavъ*, **statь*, **stativъ* — главным образом его устои, стояки и еще — весь станок в собранном виде. Но мы должны постоянно помнить, что в общем каждая из приведенных древних лексем была употреблена в текстильном значении вторично. Те же оговорки действительны и при анализе еще одного названия ткацкого станка — русск. диал. *кро́мы*, собственно мн. ч. от *крома*, праслав. **kroma* 'край, грань', близко родственного др.-в.-нем. *(h)rama* 'рама, станина' [124]. Здесь уже упоминавшаяся выше основа **kro-* оформлена суффиксом *-m-* как в славянском, так и в германском.

Следующие названия ткацкого станка сугубо локальны, хотя и основаны на праславянских образованиях. Сюда относятся сербохорв. *та̏ра* 'ткацкий станок; основа', *на̏тра* 'ткацкий станок; намотанная пряжа; один оборот ткани в станке (как ткацкая мера)', словен. диал. *tara* 'ткацкий станок', по-видимому, условно может быть возведено к праслав. **tьra*, **na-tьra* : **tьrǫ*, **terti* 'тереть', но является, скорее всего, поздним названием, фиксирующим систему натягивания основы на станке. Недостаточно ясно в этой связи диал. (кайк.) *nā°rъd* 'ткацкий станок' (блр. *нарад* в значении 'ткацкий станок' может, естественно, продолжать только **narędъ*). Болг. *ра́збо́й* 'ткацкий станок', сербохорв. *ра́збо̄ј* то же — слово, несомненно, новое и экспансивное, типичный балканизм южнославянского происхождения, давший, с одной стороны, заимствования в виде укр. *разбои* 'вертикальный стан для рогож и ковров', рум. (трансильванск.) *rĕsbóiu* 'ткацкий станок', с другой стороны, кальку в виде алб. *pilivan* 'ткацкий станок' — из тур. *pelivan* 'борьба', употребленного здесь для передачи славянского слова [125]. Это — южнославянское приставочное сложение с основой **bojь* : **biti*, которую мы еще встретим в номенклатуре развитого горизонтального станка. Болг. диал. *смо́кове* мн. 'ткацкий станок', 'продольные брусья ткацкого станка', по-видимому, продолжает древ-

---

124 *Berneker.* I. S. 622; *Vasmer.* I. S. 667.

125 См.: *F. Nopcsa.* Albanien. Bauten, Trachten und Geräte Nordalbaniens. Berlin und Leipzig, 1925. S. 125.

нее **съ-тъкъ*, имя, связанное с глаголом **съ-тък(нǫ)ti* 'сомкнуть, крепко соединить'; тождественное или близкое праславянское имя лежит в основе чеш. диал. *somík* 'перекладина, притолока', русск. диал. *сомóк* (**съ-тъкъ*) 'кровельное стропило' [126]. Сербохорв. диал. *prema* 'ткацкий станок', вероятно, одного корня с сербохорв. *с-пре́мати* 'готовить'.

Весьма разнообразна картина названий такой важной рабочей части ткацкого станка, как навой, вал, которых в народном ткацком станке бывает минимум два (обычно три: передний, задний и нижний). Эти валы вращаются для натягивания и навивания готовой ткани, что было характерно уже для станка праславянской поры и ясно зафиксировано поэтому в праславянских названиях этих деталей. Все эти особенности применения и функции валов четко эмансипируют их в народном станке исторической эпохи от неподвижных конструкционных деталей того же станка, в частности горизонтальных перекладин. Вместе с тем именно эти отличия реалии — ткацкого вала — от перекладины явились результатом инновации, так как в древнейшей ткацкой раме (все равно — горизонтальной или вертикальной) валы, во-первых, не вращались, а во-вторых, их функции и они сами синкретически совпадали с перекладинами — простыми деревянными планками или брусками, закрепленными неподвижно. Это дает нам тот минимум представления об исходной точке эволюции ткацкой техники, к которому закономерно приходит культурная реконструкция. Свидетельства названий ткацкого вала не противоречат сказанному. Едва ли целесообразно видеть в них древности терминологии, восходящие к дославянской или праиндоевропейской эпохе. С точки зрения особенно последней они все — молодые образования. Кроме продолжения праслав. **krosno*, которое выступает в болгарском языке как название вала, наиболее важны в этой функции праслав. **vortidlo* и **navojь*. Первое представлено в сербохорв. *вра̀тило* 'навой, вал, на который наматывают основу', словен. *vratilo*, чеш. *vratidlo*, укр. *воротúло* и характеризуется как прозрачное по структуре название орудия на *-dlo* от основы **vorti(ti)*. Второе из них прослеживается в сербохорв. *на́авоj* 'навой, вал', слвц. *návoj*, (ср. чеш. *navijàk* 'навой', в.-луж. *nawójno* то же), польск. *nawój*, русск. *навóй*, укр. *навíй*, *навойка*, блр. *nawójka* 'передний навой', *навоé* (первоначальная форма двойственного числа), 'два навоя'. Структура этого второго названия навоя также находится в русле продуктивных словообразовательных тенденций славянского относительно недавней эпохи: сложение **navojь*, апофонически производное от глагольной основы **viti* 'вить'. Обращает на себя внимание, во-первых, известная выразительность географического распределения обоих названий, особенно **vortidlo*, которое главным образом характерно для западной группы южнославянских языков, отчасти для западных (сербохорв., словен., чеш.), а из восточных — только для украинского, причем не только

[126] Совершенно ошибочно толкование, даваемое этим словам Махеком (с. 464).

для закарпатских диалектов последнего. Остальные два восточнославянских языка широко употребляют (с дополнениями, о которых — ниже) **navojь*, известный также в западных и отчасти в южных славянских языках. Во-вторых, должна быть упомянута важная ономасиологическая черта, объединяющая слова **vortidlo* и **navojь*: оба они согласно фиксируют такое свойство ткацкого вала, как вращение, навивание на него основы или готовой ткани. Мы знаем, что на определенной ступени развития ткацкой техники это явилось важной рационализацией, с другой стороны, лингвистический анализ обоих слов показывает без труда, что мы имеем тут дело с новообразованиями языка. Значит, при более глубокой реконструкции в рамках данной терминологии **vortidlo* и **navojь* отпадут. Еще более молодые, местные образования, вернее, использования в роли названий ткацкого вала представлены в польск. *wały*, *wałki* мн. (**valъ*), русск. диал. *своло́к* (**sъ-volkъ*), наконец, такие специальные, частные, как русск. *при́шва*, *при́швица* 'полотняный, передний навой', блр. *голова́* 'передний навой'. Из рассмотренных названий, пожалуй, только **navojь* и **prišьva* (: **prišiti*, русск. *пришва*) могут считаться изначально текстильными терминами, родившимися в недрах данной специальной терминологии, при всей возможной разнице в их возрасте. Большинство названий, как и в других примерах, лишь вторично реквизированы из других разделов лексики. Однако типологически древнейшую стихию знаменует из всех названий блр. *коло́дка* 'навой, вал станка', которое представляет собой просто использование местного продолжения праслав. **kolda* 'колода' и не отражает еще ни вращения, ни навивания. Естественно, что мы в данном случае имеем в виду лишь типологическое сходство с древней семантикой и ономасиологией, быть может, самое большее — своеобразный местный возврат к такому простейшему способу называния, а не категорическое утверждение, что именно в блр. *коло́дка* представлено конкретно древнейшее славянское название навоя. Мы как раз думаем, что древнейшее состояние выражалось, как и в иных подобных случаях, скорее в отсутствии строгой терминологизации названия ткацкого вала/перекладины, в роли которого более или менее свободно употреблялись названия вроде 'брусок', 'палка', 'планка'.

Еще разнообразнее лексика, обозначающая конструкционные части станка — столбы и горизонтальные доски (продольные и поперечные), и разобщенность наименований, а также прозрачный или явно вторичный их характер свидетельствуют все вместе о позднем времени терминологизации. Ступень, предшествующая выдвижению этих исторических названий, в общем может быть охарактеризована так же, как и доисторическое состояние в названиях навоя, только что служившее предметом обсуждения. Ср. сербохорв. *сту̑п* 'столб, стояк станка' — польск. *słupki* мн. 'столбики ткацкого станка' (**stъlpъ*); сербохорв. *грѐдица* 'одна из двух продольных балок или

перекладина станка', ср. польск. диал. *grządki* мн. 'поперечные планки, на которых держатся рама с бёрдом и ниченки' (**gręda*); сербохорв. диал. *prešnica* 'стояк станка' — укр. *поперéчниці* мн. 'горизонтальные поперечные перекладины' (**perčьnica*); сербохорв. диал. *поличица* 'одна из продольных балок станка' (**polica*); сербохорв. диал. *stranice* мн. 'продольные, боковые балки'—словен. *stranice* мн. (**stornici*); сербохорв. диал. *saponice* мн. 'перекладины' (**sъponici* мн. : **sъpinati*). Не говоря о таких названиях тех же деталей, как польск. *boki* мн., *zadek*, перечисленные термины вряд ли нуждаются здесь в специальной этимологизации именно как термины ткачества, поэтому мы сочли достаточным ограничиться для них уточнением праславянской формы.

Продвигаясь далее в своем суммарном обследовании лексики ткацкого станка, мы встречаем и такие бесспорно древние образования, как праслав. **bьrdo* и **bidlo*, широко и весьма единообразно представленные во всех славянских языках. Ср. болг. *бъ́рдо* 'бердо, ткацкий гребень', сербохорв. *бр̏до* то же, словен. *brdo*, чеш., слвц. *brdo*, в.-луж. *bardo*, польск. *bardo*, русск. *бёрдо*, укр. *бéрдо*, блр. *бёрдо*. В начале раздела мы достаточно подробно обсуждали эволюцию реалии, опираясь отчасти на данные языкознания. Здесь можно добавить, что праслав. **bъrdo* замечательно своей прочной связью с текстильной терминологией, причем эта связь имеет, по-видимому, дославянское прошлое. Повторяя здесь уже сообщавшуюся выше гипотетическую семантическую реконструкцию для праслав. **bьrdo* — 'остроконечное орудие для прибивания утка', мы обращаем внимание на архаический уже для праславянского языка характер словообразования **bьrdo*. Со своим редким зубным расширителем *-d-* и значением названия примитивного вспомогательного ткацкого орудия праслав. **bьrdo* находит свое место как продолжение и.-е. диал. **bhr̥dho-* рядом с герм. **burþa-* 'край ткани' (нем. *Borte*) и герм. **burda-* 'доска' (англ. *bord*). Значение 'край ткани', вероятно, вторично и, по-видимому, указывает именно на край со стороны бёрда, прибиваемый бёрдом. Общее использование корня и.-е. **bhr-* 'острый' в ступени редукции с одинаковым формантом, а главное — в тех же терминологических рамках ткачества составляет важную германско-славянскую общность в текстильной терминологии (заимствование из германского здесь невероятно). Отношение праслав. **bьrdo* к лтш. *birde* 'ткацкий станок' недостаточно ясно, но кажется, что латышское слово, уже в литовском не имеющее родственных соответствий, заимствовано из соседних славянских языков по примеру некоторых других латышских текстильных терминов славянского происхождения. Семантические параллели объяснению праслав. *bьrdo* 'ткацкий гребень' < 'заостренная палка (для прибивания утка)' мы видим в уже упоминавшемся раньше происхождении итальянского областного слова *topa* 'бёрдо' из герм. *top* 'верхушка, кончик', а также, например, в лит. *skiẽtas* 'бердо, ткацкий гре-

бень', которое родственно польск. *szczyt* 'вершина, верхушка' и нем. *Scheit* 'полено'. Праслав. **bidlo* (сербохорв. *бйло* 'било, набилки, рама бёрда', словен. *bilo*, чеш. *bidlo*, мн. *bidla* 'набилки, батан', слвц. *bidlá* мн., диал. *billo*, *bilo* то же, польск. *bidły* мн., сюда же русск. *набилки* мн., укр. диал. *nábiwka*, блр. *нáбелки* мн., *нáбилица*) представляет известные отличия от **bьrdo* и в присущей для первого слова определенной свободе значения, употребления ('то, чем бьют', откуда — 'батан в ткацком станке', но и 'мечик, скалка мялицы' и т. п.), и в словообразовательной прозрачности на славянской почве: **bidlo* — название орудия на *-dlo* от глагола **biti*. Это могло бы послужить указанием на относительно поздний характер образования **bidlo*. Во всяком случае обозначаемая этим словом реалия — ударный механизм, батан в виде висячей рамы, в которую вставлено бёрдо, явно вторична по происхождению. Древнейшее бёрдо, насколько нам теперь известно, не нуждалось ни в какой раме. Кроме того, именно батан, рама для бёрда, подвешенная у народных станков к потолку помещения или к верхней перекладине самого станка, представляет собой, как мы знаем, одну из основных отличительных деталей горизонтального станка. Итак, все говорит о том, что **bidlo* включено в текстильную терминологию вторично. Апеллировать к древности и общеславянскому распространению слова **bidlo*, как делают ученые, считающие горизонтальный тип станка древнейшим, мы не можем, потому что нужно различать два совершенно различных вопроса — вопрос древности **bidlo* как термина ткацкого станка и вопрос древности **bidlo* как лексемы вообще. Для нас здесь вполне достаточно ответа на первый вопрос, который гласит, что **bidlo* как название части (горизонтального) ткацкого станка — вторичное явление, славянская инновация. Следовательно, столь естественная для исторической ткаческой терминологии славянских языков пара близких по употреблению терминов **bьrdo* — **bidlo* при глубокой (раннепраславянской, дославянской) реконструкции распадается, и остается только термин **bьrdo*. Положения не меняет то обстоятельство, что лексема **bidlo* (вопрос древности **bidlo* как лексемы) может иметь длительное дославянское прошлое, о чем говорят словообразовательные параллели: праслав. **bidlo* 'то, чем бьют' — нидерл. *beitel* 'резец, долото, зубило', ср.-в.-нем. *beiȝel* 'клин', норв. диал. *beitel* 'долото, зубило'.

Основные термины ремизного устройства — праслав. **nitъ*, **nitjenici* мн., **nitjenъky*, **nitjьnici* (болг. *нúщелки* мн., *нúти* 'ниченки, ниты', сербохорв. *нити* мн., диал. *nićenice* мн., словен. *ničalnice*, др.-чеш. *nyitidl*(*n*)*icze*, слвц. *niteľnice* мн., польск. *nicielnice*, *nicionki*, *niclennice*, русск. *нити*, *нúтницы*, *нúченки*, *нúченицы*, укр. *нúчиниці*, *нúти* мн., блр. *нúчельницы*). Это вполне регулярные по своему словообразованию названия, большей частью — производные с различными суффиксами (*-ъka*, *-ica*) от прилагательного праслав. **nitienъ*, **nitjьnъ* 'нитяной' : **nitь*. Форма **nity*, ед. **nitъ* находится в несколько своеобразном отношении деривации к основному слову **nitь*: будучи

семантически производным от последнего, она лишена формальной приметы деривации. Отношение **nitъ* : **nitъ* можно попытаться истолковать таким образом, что новое значение 'бечевка, толстая нитка с петлей для пропускания нити основы' закреплено за старой непроизводной формой **nitъ* (< **nito-*, ср. герм. **nēþa-*, лат. *netus*), а старое значение 'нить' — за новой *i*-основой **nitь*. Все перечисленные названия нитов и ниченок оформились уже в период обособленной жизни славянского. Реалии, обозначаемые этими терминами, применяются только в горизонтальном ткацком станке.

Непосредственное отношение к зевообразованию, столь важному в ткачестве, имеют, кроме терминов самого ремизного устройства, еще следующие термины: праслав. **činy* и **cěny* мн. Ср. сербохорв. *чини* мн. 'зев между ценовными дощечками', болг. *чи́нове* мн. 'расстояние между колышками при сновании', польск. *cyny*, *czyny* мн. 'ценовные дощечки, узкие планочки, разделяющие нити', русск. диал. *це́ны* мн. 'веревочка, перевивающая основу и разделяющая ее на пасма на перекрещивании нитей', также *це́ны* мн., *ценовны́е доски*, *ценóвки* 'прокладки поперек основы', блр. *цыны́* 'ценовные дощечки, цены, разделяющие основу'. Праслав. **cěny*, **činy*, обозначающие то свободное пространство между нитями основы, зев, то веревочки и дощечки, образующие этот зев, являются довольно древними словами, принадлежность которых к ткаческой терминологии может считаться ранней, но не исконной, первоначально этот корень обозначал зев, оскал вообще, безотносительно к ткачеству. Ср., например, чеш. *ceniti* (*zuby*) 'скалить (зубы)' [127]. Естественнее всего объяснять праслав. **cěn-*, **čin-*, относящееся к зеву, оскалу, как апофонические варианты древнего **(s)koi̯-n-/*(s)kein-*. Родственное образование, самостоятельно произведенное с иным формантом и также употребляемое в близком текстильном значении, представлено в балт. **skai̯-men-*, откуда лит. *skiemuõ*, мн. *skiẽmenys* 'цены; зев' [128], лтш. *šķyiemenis* 'цены', *šķyiemeņi*, *šķeimiņi* мн. 'зев'. И уже явно вторично использовано в ткаческой терминологии для обозначения зева праслав. **zěvъ* (: **zěvati*), ср. сербохорв. *зе̑в*, диал. *ziv* 'промежуток между нитями основы, образуемый нитами, которые двигаются в блоках нажатием на подножки', словен. *zev*, слвц. *ziva* ж. р. 'зев', польск. *ziew*, русск. *зев*. Ср. аналогичное болг. *устá* 'зев'.

С ремизным аппаратом ткацкого станка тесно связаны детали, обозначаемые словами **cěpъ* и **ščapъ*, ср. болг. *це́пове* мн., диал. *це́пуве*, *ца́пове*, *ца́пуви*, *ця́пуви* 'цены, палочки, разделяющие нити основы', сербохорв. *штапци*, *цепци* 'цены, ценовные дощечки', *цијепци* то же, *cipci*, слвц. *ciepky* мн. 'верхняя и нижняя палочка, между которыми висят ниты', 'палочки, проло-

---

[127] Махек (С. 56) производит это слово из **cehniti*, якобы вульгарного, просторечного варианта *čeriti*, это кажется менее вероятным.

[128] См. о литовском слове: *Fraenkel.* S. 805, где специальное сближение со слав. **cěnъ* отсутствует.

женные между четными и нечетными нитями основы перед навиванием последней на ткацкий станок', русск. *цепóк*, диал. *цапóк* 'одна ниченка', укр. диал. (закарпатск.) *cipký* мн. 'прутья, палочки — нижняя и верхняя, между которыми висят ниченки'. Хотя, как видим, значения и употребление продолжений праслав. **cěръ* и **ščapъ* в ткаческой терминологии тесно переплелись (так, и то и другое выступают в значении 'ценовная дощечка', кроме того, если отвлечься от подробностей, оба слова обозначают палочки), тем не менее первоначально это два разных слова, первое из которых — отглагольное имя от **cěpiti* 'расщеплять, раскалывать' < *(*s*)*koi̯-p-*, ср. выше другие расширения того же корня *(*s*)*koi̯-n-*, *(*s*)*koi̯-r-*. Что касается праслав. **ščapъ* 'палочка, ценовная дощечка, образующая зев', то оно может продолжать дославянское **skēpo-*, близко родственное лат. *scapi* мн. 'прутики, образующие зев'. Эта реалия, одинаково важная для развития горизонтального и древнего простейшего вертикального ткацкого станка, восходит сама к глубокой древности. Относящееся сюда терминологическое соответствие между латинским и славянским, касающееся обозначения простейшего ткаческого орудия — ценовной дощечки, следует относить к числу древнейших. Вообще всевозможные названия прутьев, палок и дощечек используются вторично в разных значениях в ткаческой терминологии, ср. еще болг. *пръжéц*, диал. *пражéц* 'железный прут, растягивающий ткань' (**prǫžьcь*), сербохорв. диал. *sprušci* мн. 'прутья, распределяющие, натягивающие ткань ровно' (**sъprǫžьcь*), словен. *police sestrice*, *palica prebiralka* (**palica*), польск. *treść*, *trzcina* 'зубец в бёрде (тростинка)' (**trъstь*), польск. *łątki* мн. (**lǫtъky*), *prątki* мн. 'прутья, вставляемые в основу на ткацком станке' (**prǫtъky*), русск. *трость*, мн. *трости* 'зубья в бёрде', *пружи́на*, *пружóк*, *прутóк* 'ось цевки в челноке, палочка', укр. диал. *снизькú* мн. 'боковые планки набилок', *трость* 'зубец в бёрде', *прутки* мн. 'верхняя и нижняя планки бёрда', *флу́дець*, *флу́дик*, *хлучик* 'палочка с цевкой в челноке' (все из **xlǫdьcь*), блр. *dószczeczki* мн. 'планочки, раздвигающие нити основы перед задним навоем', *trość* 'зубец бёрда', *пруг* 'прут, растягивающий ткань' (**prǫgъ*).

Весьма разнообразна и древня лексика, обозначающая скамью, сидение ткача перед станком. О степени связи самих реалий — скамьи и станка — говорилось еще ранее, как, впрочем, и о том, что эта связь не могла остаться без последствий для терминологии. Ср., например, то, что говорилось там о праслав. **kreslo*, первоначально — название передней перекладины ткацкой рамы, а затем — сидения вообще. В недрах терминологии ткацкого станка, как указывалось выше, зародилось и такое название скамьи, как **obslonъ* (укр., блр.). К праславянской древности по меньшей мере относится ряд названий ткацкой скамьи (по большей части с корнем **sěd-*) — **sědadlo*, **sědьcь*, **sědišče*, **stolica*. Ср. сербохорв. диал. (кайк.) *sedàlu*, (Полица) *sidalica*, (Славония) *sidačica*, *сѐдӣште*, *стȍлица*, укр. *сíдавка*, *sidéc*, *сідáк*. Мы

выделим среди них особенно **sĕdadlo* (сербохорв., укр.), имеющее параллели в лит. *sėdeklė*, лтш. *sēdekle* 'сидение (у ткацкого станка)' и лат. *sediculum* 'сидение'.

Важнейшая в горизонтальном ткацком устройстве деталь — подножки, педали, приводящие в действие все приспособления для механического образования зева между нитями основы, — носит, несомненно, поздние или же вторично употребленные в роли ткаческих терминов названия: праслав. **ponoži*/**podъnozi* мн., **podъnožьky*, **podъnožьnici* и другие словообразовательные варианты, включая построенное по тому же типу сербохорв. *потплаци* мн., собственно, 'подошвы' (**podъplatьci*). Ср. болг. *поднóжки*, диал. *пóднóшки*, *пуднóшки*, сербохорв. *пȍдножке* мн. 'подножки, педали ткацкого станка', *подножници*, диал. *подлоге* мн. (с диссимиляцией), *podložnice*, *podnogača*, *podložnaki*, *падногаче*, словен. *podnožnik*, чеш. *podnože* мн., *podnůžka*, слвц. *podnože*, *ponože*, н.-луж. *ponozyja*, польск. *podnóżki*, *podnóże*, русск. *поднóжки*, укр. *пóножі*, *підніжки* мн. блр. *поножú*, *пыножú*. Поздний облик этих слов со словообразованием продуктивного типа (ср. преобладание сложений с вторичным, по-видимому, *podъ-*, а не с *po-*) заставляет довольно сдержанно оценить их общеславянское распространение. К тому же обозначение столь красноречиво однообразной реалии сходным (и не всегда тождественным) образом в очень близких языках, изобилующих даже более сложными проявлениями параллелизма, делает не очень обязательной мысль о праславянском образовании абсолютно всех этих названий подножек, которые в какой-то части могли возникнуть самостоятельно уже в отдельных славянских языках. Относительно молодое название обозначало в данном случае относительно новую деталь ткацкого устройства. Блоки, на которых движутся вверх и вниз с помощью педалей ремизки, носят в ряде славянских языков название с праславянской формой **skripъ*/**skripьcь*, ср. (иногда с отклонениями в частностях) болг. *скрипцú* мн., диал. *скрип*, мн. *скрúпове*, *шкрипълцú*, *скрúпалъцi* 'блоки', сербохорв. *шкрипка*, мн. *шкрипке*, *шкрипац*, мн. *шкрипци* 'блоки, в которых ходят ниченки', словен. *škripec*, чеш. *skřipec*, мн. *skřipci*, в.-луж. *křipk*, укр. *скрипиця*. Едва ли это название дает право делать какие-то решающие заключения о древности горизонтального ткацкого станка, потому что само оно прежде всего — относительно молодой термин, существительное, образованное от звукоподражательного глагола **skripěti* и вторично употребленное в роли ткацкого термина (достаточно сказать, что в своей главной роли обозначения характерного шума слово **skripъ* известно значительно шире, в том числе в тех языках, которые не знают для него значения 'блок в ткацком станке'). Далее идут сугубо локальные и поздние обозначения блоков, ср. сербохорв. *скочиħи* мн., *скочци*, *skošci* мн. (**skočьcь* : **skokъ*), они прозрачно описывают функцию блоков (ср. сербохорв. *колотуриħи* мн. 'блоки', слвц. диал. *kotúľke* мн. то же, *obrtačky* мн., блр. *kaciúszki*,

русск. диал. *котéлочки* мн. 'диски в блоках', укр. диал. *покатьолки* мн. 'блоки' < **kotidlo*/**kaťadlo*), производимый ими шум (болг. *скъркалца* мн. 'блоки'). Многие названия обозначают блоки фигурально, ср. русск. диал. *вéкошки* мн., *собáчки* мн. 'блоки, на которых двигаются ниченки, иногда просто — палочки или кости овцы, с помощью которых ниченки соединяются между собой и подвешиваются к веревкам, спускающимся с потолка', укр. *мúшки* мн., блр. *бирýльки*, *волчкú*, *горностáйки*, *собáчки*, *чепёлочки* мн. 'блоки'.

Мы подошли к заимствованиям позднего времени, которых, как уже говорилось выше, много в ткаческой терминологии отдельных славянских языков. Строго говоря, уже *векошки*, *бирульки* и *горностайки*, только что упомянутые нами, являются заимствованиями большей или меньшей давности, но они заимствованы не как ткаческие названия, а нас здесь, естественно, интересуют в первую очередь заимствования ткаческих терминов. Польск. *warsztat*, обычно обозначающее усовершенствованный ткацкий станок, заимствовано из нем. *Werkstatt* 'мастерская', ср. и слвц. диал. *verštat*, *varštat*, *varštak*, *vrštak*, *vrštat* 'ткацкий станок', укр. *верстáт(ь)* 'горизонтальный ткацкий станок'. Укр. *шáйда* 'передняя перекладина станка' < нем. *Scheide*. Польск. *karkulce* мн. 'планки, которыми станок прибит к стене' (откуда непосредственно укр. *каркульці* мн. < нем. *Kerbholz*. Польск. диал. *szynki*, *synki* мн. 'ценовные дощечки'< нем. *Schiene* (укр. *шинки* — из польского). Немецкого же происхождения польские термины *magol*, *sztaki*/*sztoga*, украинские (как правило, через польское посредство) *маголь*, *штак*, *трибок*, *цуга*, *пляндра*, *гнипель*, *шліхта*. Укр. *слýпки* мн. 'устои станка' заимствовано из польск. *słupki*. Укр. *барцóшки* мн. 'прутья, между которыми висят ниченки' также происходит из польского. Польск. диал. *warp* 'ткань, в которой и уток, и основа из шерсти' заимствовано из немецкого диалектного названия основы. Польск. *blat* 'бёрдо', давшее укр. *блят*, заимствовано из нем. (*Weber*)*blatt*; польск. *lada* 'бёрдо' (откуда укр. *ляда*) — из нем. (*Weber*)*lade*. Польск. *listwa* 'нижняя планка рамы берда' — из стар. нем. *liste*, соврем. нем. *Leiste* 'планка'. Польск. диал. *cwak* 'пруток внутри челнока' (откуда с народноэтимологическим изменением укр. *сват*, *сватóк* 'железный стержень внутри челнока') заимствовано из нем. диал. *zwack* 'гвоздь'. Польск. *szparutki* мн. 'прутья, растягивающие готовое полотно' (откуда укр. *шпарýтки*, русск. диал. *шпарутки* мн.) < нем. *Sperruten*. Польск. диал. *fak* 'зев' заимствовано из нем. *Fach*. Польск. диал. *sochty*, *szefty* мн. 'прутья для ниченок' отражают различные немецкие диалектные варианты *Schacht*/*Schaft*, мн. *Schäfte*, (*Weber*)*schäfte*. Из немецкого заимствовано и польск. стар. диал. *knap* 'ткач'. Сербохорватские диалектные названия разных частей ткацкого станка — *žlaga*, *žnore*, *grušt*, *žinge* — обнаруживают немецкое происхождение, ср. нем. диал. *die Schlagen*, нем. *Schnur*, *Gerüst*, *die Schlingen*. Болг. диал. *креватúни*

мн. 'ткацкий станок', сюда же, возможно, сербохорв. диал. *kretina* 'сидение ткацкого станка', происходят из греческого. Болгарские областные названия ткацкого станка *д'узён*, *тезгя̀х*, *тезгя̀ф* заимствованы из соответствующих турецких форм. Сербохорв. диал. *raštela*, очевидно, заимствовано из ит. *rastello*, точно так же итальянского происхождения сербохорв. диал. (чак.) *jarbolce* мн. 'стояки бёрда и ремизок'.

Совершенно ясно, что ключ к пониманию основных особенностей и закономерностей развития славянской текстильной терминологии находится не в этом относительно поверхностном слое заимствованной лексики, хотя, разумеется, эти новые термины в ряде случаев не могли не влиять на старые, оттесняя и замещая их, ср. упоминавшиеся уже отношения польск. *bardo* и *blat*, *lada*. Но всюду определяющим оставался исконный состав терминологии, поэтому именно его компоненты, их взаимоотношения внутри славянского и отношения к другим индоевропейским названиям сохраняют для нас первостепенный интерес. Выше мы попытались очертить состав праславянской лексики прядения, мотания, снования и ткачества, затем эти представления уточнялись и корректировались в последующем словообразовательно-этимологическом анализе слов. При этом постепенно вырисовывалась картина расслоения исконно славянской текстильной лексики на элементы исконно терминологические, образованные на потребу текстильной терминологии, которые нам кажется удобным назвать генуинными (имея при этом в виду, что акты образования лексемы и термина здесь в некотором роде одновременны, совпадают), и элементы статуальные (когда существовавшая уже до этого лексема вторично использована как новый текстильный термин). Однако хотелось бы подчеркнуть, что мы имеем дело с очень древней и своеобразной группой терминов, в отношении которой понятия новизны и вторичности весьма растяжимы.

Нередки случаи, когда очевидно вторичная терминологизация совершилась очень давно, захватив ряд древних индоевропейских диалектных групп; в то же время термин генуинный, специально образованный и не имеющий дотекстильной истории, оказывается сравнительно поздним. Все это усложняет и вопросы относительной хронологии и изоглоссных связей. Но едва ли следовало ожидать, что анализ происхождения и состава такой сложной лексической группы приведет к совершенно однозначным ответам. Поэтому мы представляем получившуюся картину, не преуменьшая ее сложности. Предпринятая нами в начале лингвистического анализа реконструкция праславянского состава славянской текстильной терминологии носила элементарный и предварительный характер. Она имела смысл как близкая реконструкция, дающая материал для более далеких реконструкций. Приводимые ниже реконструированные перечни слов более ограничены и облегчены от некоторых менее интересных и менее существенных подробностей лексики и словообра-

зования, которые не могут повлиять на общую картину. Мы стараемся в остальном и здесь не покидать праславянского уровня реконструкции. Но при этом материал располагается и рассматривается в новом, специальном аспекте, который соответствует членению нашей терминологии на генуинные и статуальные компоненты. Отсюда наше представление о составе старой славянской терминологии[129].

Болгарский: *česadlo, *snovati, *nitja, *kǫdelь, *klъčišče, *volkъno, *motati, *motovidlo, *obsnova, *klǫbъ, *pasmo, *bьrdo, *greby, *pověsmo, *nitь —— *tъkati, *tъkačь, *sukati, *sukadlo, *pręsti, *prędlъka, *prędlica, *pręslica, *prędja, *prędivo, *verteno, *pręslenь, *tьrdlica, *mędlica, *ǫtъkъ, *stanъ, *statь, *stativъ, *sъmъkъ, *krosno, *skripъ, *skripьcь, *podъnožky, *cěpъ, *sovadlo, *prǫžьcь, *usta, *činъ, *cěvьja, *krǫželь.

Сербохорватский: *česlь, *greby, *klъkъ, *kǫdelь, *motati, *motovidlo, *snovati, *obsnova, *klǫbъkъ, *pověsmo, *motъkъ, *pasmo, *snovadlo, *nitъ, *bьrdo —— *tьrdlica, *pręsti (*prędja, *prędivo, *prędlo, *prędlьja, *prędlica, *pręslica, *pręslenъ), *krǫželь, *verteno, *vitьlъ, *sukati, *sukadlo, *letъka, *kolo, *cěvь, *čismenica, *čismica, *kolьcь, *tъkati, *tъkačь, *tъkadlьja, *tъkadlьcь, *potъka, *ǫtъkъ, *krosna, *tьra, *stativъ, *vortidlo, *navojь, *stъlpъ, *perčьnica, *grędica, *polica, *stornici, *stolica, *šedišče, *sědadlo, *sъponici, *bidlo, *želbъ, *čьlnъkъ, *sovidlo/*sovadlo, *zěvъ, *ščapъ, *cěpьcь, *činy, *skripъ, *skočьcь, *podъnožьnici, *zǫbьcь, *sъprǫžьci, *stanъ.

Словенский: *česadlo, *greby, *pazderьje, *klъky, *česlь, *pověsmo, *kǫdelь, *nitь, *žica, *pasmo, *motati, *motovidlo, *klǫbъ, *snovati, *obsnova, *bьrdo —— *tьrdlica, *čeľusti, *želbъ, *pręsti (*prędivo, *prędica, *pręslica, *prędja, *prędeno, *prędlo), *mykati, *verteno, *tъkati (*tъkačь, *tъkadlьcь, *ǫtъkъ), *stativy, *krosna, *tьra, *vortidlo, *palici, *bidlo, *čьlnikъ, *sovadlo, *cěvъ, *podъnožьnikъ, *stornici, *kolo, *zěvъ, *vitьlъ.

Чешский: *greby, *česadlo, *pazderьje, *klъkъ, *kǫdelь, *pověsmo, *pasmo, *motati, *motovidlo, *klǫbъ, *snovati, *snovadlo, *obsnova, *nitь, *bьrdo —— *tьrdlica, *mędlica, *pręsti (*prędja, *prędeno, *prędivo, *prędlo, *prędlьna, *pręslica, *pręslenъ), *mykati, *krǫželь, *verteno, *sukati, *sukadlo, *tъkati (*tъkadlьcь, *ǫtъkъ), *stavъ, *stativo, *vortidlo, *čьlnъkъ, *cěvъka, *podъnoži, *skripьcь, *bidlo.

Словацкий: *greby, *pazderьje, *pačesy, *klъky, *kǫdelь, *pověsmo, *nitь, *motovidlo, *motъkъ, *klǫbъ, *snovati, *obsnova, *motati, *snovadlo, *pasmo, *bьrdo — *trьdlo, *pręsti (*prędъka, *prędivo, *prędeno, *prędja, *pręslica), *mykati, *verteno, *krǫželь, *sukati, *tъkati (*tъkačь, *tъkadlьcь, *ǫtъkъ), *krosna, *čьlnъkъ, *cěva, *navojь, *bidlo, *sědisko, *ponoži.

Серболужицкие: *česadlo, *pazderь, *kǫdelь, *pověsmo, *pasmo, *motati, *klǫbъ, *nitь, *snovati, *bьrdo, *česlь —— *tьrdlici, *pręsti (*pręslica,

[129] До черты даются генуинные термины, после черты — статуальные.

**preslenь, *prędja, *prędeno), *verteno, *sukati, *sukadlo, *tъkati (*tъkadlьcь, *ǫtъkъ), *krosna, *stativa/y, *navojь, *bidlo, *po(d)nožьja, *skripъkъ.*

П о л а б с к и й: **pazderь, *kǫdelь, *nitь, *motovidlo — *prędъka, *vypręsti, *pręslьna, *prędeno, *verteno, *sъkadlo.*

П о л ь с к и й: **česadlo, *ščetъka, *pazderьje, *jьzgrebьja, *pačesi/*pačesъky, *klaky, *kǫdelь, *motati, *motovidlo, *motъkъ, *pasmo, *klǫbъkъ, *snovati, *snovadlo, *obsnova, *nitь, *bьrdo —— *mędlica, *tьrdlica, *pręsti (*prędivo, *pręslica, *prędja, *preslenь), *kyjь, *pero, *krǫželь, *verteno, *cěvъka, *kolo, *sukati, *sukadlo, *tъkati (*tъkačь, *ǫtъkъ), *krosna, *navojь, *valъkъ, *stativъ, *stъlpъkъ, *bokъ, *oči, *trъstь, *bidlo, *čьlnъkъ, *čьlnikъ, *činy, *grędъky, *poly, *lǫtъky, *podъnožьky, *stopьni, *natolčьky, *prǫtъkъ, *zěvъ.*

Р у с с к и й: **česadlo, *kostra, *pověsmo, *greby, *kødelь, *česati, *ščetъka, *klъkъ, *pačesi, *jьzgrebi, *nitь, *nitъ, *žica, *motati, *motovidlo, *motъ(kъ), *klǫbъkъ, *pasmo, *snovati, *obsnova, *snovadlo/*snudlo, *bьrdo —— *mędlo/ *mędlica, *mečъ, *grъstь, *stǫpa, *mykati, *xlъpъ, *pręsti (*prędivo, *prędeno, *prędlъka, *prędlьja, *prędlica, *pręsnica, *pręslenъ, *prędь, *prędja), *dъbnьce, *kopylъ, *krøželь, *lopastь, *verteno, *kotidlo, *sučiti, *krǫtiti, *počętъkъ, *počinъkъ, *vьrbъ, *cismenъka, *cislьnъka, *tъkati (*tъkadlьja, *tъkačь, *tъčivo, *tъčeja, *ǫtъkъ), *stanъ, *stavъ, *krosna, *nabidlъky, *trъstь, *zǫbъ, *cěpъky, *cěny, *podъnožьky, *navojь, *sъvolkъ, *lǫčьkъ, *prǫžьkъ, *prǫtъkъ, *čьlnъkъ, *zěvъ, *sъkadlo.*

У к р а и н с к и й: **greby, *kostra, *motati, *motovidlo, *pověsmo, *nitь, *pasmo, *motъkъ, *klǫbъkъ, *snovati, *snovadlo, *obsnova, *bьrdo —— *gъrstь, *pьranikъ, *tьrnica, *bitъka, *smъrgavъka, *tьrdlica, *želbъ, *mečikъ, *soxa, *těpati, *męti, *pręsti (*prędja, *prędъka, *prędivo, *pręslica), *dъbnišče, *krǫzelь, *sědъcь, *dьržadlьno, *kotjadlo, *verteno, *spěnь/*spinь, *počinъkъ, *pravidlo, *vidlici, *samotoka, *vьrtědlo, *vijadlo, *sъvorьnь, *čislьnica, *tъkati (*tъkanьje, *potъka), *krosna, *stanъ, *stativa, *stojaky, *stavъky, *poperčьnici, *sědadlo, *sědьcь, *obslonъ, *lono, *navojь, *vortidlo, *načinьje, *cěpъky, *očьka, *nabidlъka, *sъnizъky, *trъstь, *prǫtъky, *čьlnikъ, *xlǫdьcь, *cěvъka, *sukadlo.*

Б е л о р у с с к и й: **kostra, *greby, *pazderъky, *česati, *jьzgrebьje, *klъčьje, *pačesь, *pověsmo, *kǫdelь, *motati, *motovidlo, *motъkъ, *klǫbъkъ, *snovati, *snovadlo, *pasmo, *bьrdo, *nitъ —— *tьrnica, *mędlo/*mędlica, *terti, *trepadlo, *krǫželь, *žьmenь, *pręsti (*pręsnica, *pręslenъ, *prędlica, *prędivo, *prędja), *verteno, *počinъkъ, *krǫžadlo, *sukati, *krosna, *stavъ, *narędъ, *kolda, *golva, *navojь, *stativa, *nabidlъky, *trъstь, *zǫbъ, *cěny, *čьlnъkъ, *čьlnikъ, *prǫtъ, *cěvъka, *tъkati (*ǫtъkъ, *tъkanь), *ponoži, *prǫgъ.*

Рассмотренные одиннадцать локальных вариантов праславянской реконструкции текстильной терминологии показывают всю сложность терминологической характеристики лексем. Часть наших характеристик, в зависимости от которых тот или иной термин отнесен к генуинным или статуальным, не-

избежно спорна, поскольку ряд терминов допускает двоякое решение вопроса, особенно при перемене уровня и точки зрения — праиндоевропейской, праславянской. Тем не менее значительная часть всего материала может быть охарактеризована уверенно. Мы наблюдаем определенную устойчивую разницу между генуинными и статуальными терминами, причем генуинных терминов всегда меньше, чем статуальных. Число последних, как вторичных, может постоянно увеличиваться, в конечном счете сюда примыкают и иноязычные заимствования. Чисто генуинные термины понимаются как специфическое порождение данной терминологической среды — сложное взаимодействие особо выбранной корневой морфемы и уникального словообразовательного и семасиологического акта. Эти факты языка всегда наилучшим образом свидетельствуют о нормальном и достаточно длительном функционировании данной терминологической группы как самостоятельной совокупности. Их всегда меньшинство. Названные черты генуинных элементов терминологии, естественно, диктуют строгость при их отборе, которую не всегда, быть может, удается правильно соблюсти. Одна из серьезных помех — коллизия между диахронической направленностью этимологической характеристики, лежащей в основе терминологического анализа, и более или менее синхронизированной проекцией результатов этого анализа, всегда приурочиваемой к определенному временнóму (например, праславянскому) уровню. Праславянская терминология лишь в части своих элементов создана словотворчеством праславянского, другая ее часть восходит к дославянской гомогенной терминологии, а некоторая часть элементов — к праиндоевропейским задаткам в этой терминологической области.

Как складываются изоглоссные отношения между отдельными славянскими языками? На материале генуинных терминов — относительно единообразно. К числу исключений может быть отнесена изоглосса **česlь* (сербохорв., словен., серболуж.) и скорее вторичная по ареалу изоглосса **kostra* (русск., укр., блр.). Более многочисленны различия и изоглоссные связи среди статуальных текстильных терминов. Ср. отношения пары **mędlica*—**tьrdlica*, причем отсутствием первого и наличием второго термина характеризуется довольно своеобразная группа языков (словен., сербохорв., серболуж., укр., слвц.). Изоглосса **tьrnica* объединяет только белорусский и украинский. Целый ряд других подобных достаточно старых расхождений разделяет юго-запад восточного славянства (блр., укр.) от собственно великорусского. Так, русский не знает **stativъ/a/y* (есть в украинском, а также в большинстве славянских языков), не участвует в изоглоссах **vortidlo* (укр., сербохорв., словен., чеш.), **potъka* (укр., сербохорв.), **sědadlo* (укр., сербохорв.), **čьlnikъ* (укр., блр., словен., польск. диал.), зато, напротив, русский разделяет с сербохорватским изоглоссу **čismenica*/**čismenъka*, неизвестную украинскому. Из местных изоглосс ср. еще **sovadlo* (болг., сербохорв., словен.),

**tьra* (сербохорв., словен.). Некоторые образования, вероятно, праславянского возраста, ограничены пределами одного языка. Из изоглосс более или менее регулярного характера можно выделить (опуская частности) по крайней мере две группы объединений — сербохорватско-(словенско-)серболужицкая и украинско-(словенско-)сербохорватская, встречаемые нами нередко в том же составе и на материале терминологии других народных производств. Других столь же заметных изоглоссных группировок выделить не удается.

Переходя к славянско-неславянским изоглоссным связям, мы дадим в основном результаты предшествующих этимологических этюдов, что позволяет ограничиться предельно краткими сопоставлениями лексемных пар без подачи значений и аргументации, о которой можно справиться выше. Сначала перечислим все идентификации недифференцированно (первой идет славянская форма): **mędlo* — др.-исл. *mǫndull*, ср.-в.-нем. *mandel*; **tьrdlo* — лат. *tribulum*; **tьrnica* — греч. *τόρνος*; **česlь* — лтш. *kaslis*; **kostra* — лат. *castrum*; **pręsti*/**prędati* — англ. (*to*) *sprint*; **prędlo* — англос. *sprindil*; **verteno* — др.-инд. *vartanam*, лат. *verti-cillum*, нем. *Spinn-wirtel*; **spinь*/**spěnь* — лат. *spīna*; **nitь*/**nitъ* — герм. **nēþa-*, лат. *nētus*; **pasmen-* — герм. **faþma-*; **klǫbъ* — лат. *glomus*, *globus*; **cěva* — лит. *šaivà*, лтш. *saiva*; **snouadlo*/**snudlo* — герм. **nēþlō-*; **stativъ* — лат. *statīvus*; **kromy* — др.-в.-нем. (*h*)*rama*; **bьrdo* — герм. **burþa-*/**burda-*; **bidlo* — нидерл. *beitel*, норв. диал. *beitel*; **cěnъ* — лит. *skiemuõ*; *ščapъ* — лат. *scapi*; **sědadlo* — лит. *sėdeklė*, лат. *sediculum*. Этот сплошной перечень представляет собой лексический аспект славянско-неславянских изоглоссных связей, при котором индоевропейским (неславянским) соответствиям не предъявляется жесткое требование той же терминологической принадлежности, что и у славянского термина. При этом славяно-германские лексические связи составляют десять пар, в которых участвуют праслав. **mędlo*, **pręsti*, **prędlo*, **verteno*, **nitъ*, **pasmen-*, **snovadlo*, **kromy*, **bьrdo*, **bidlo*; славяно-латинские лексические связи — девять пар, в которых участвуют праслав. **tьrdlo*, **kostra*, **verteno*, **spinь*, **nitъ*, **klǫbъ*, **stativъ*, **ščapъ*, **sědadlo*. В двух пунктах (**verteno*, **nitъ*) славяно-германские и славяно-латинские связи тут совпадают, как видим. Славяно-балтийские лексические связи составляют четыре пары, в которых участвуют праслав. **česlь*, **cěva*, **cěnъ*, **sědadlo*. Перенесение этих лексических отношений в узкотерминологический план принесет обязательное сокращение числа парных соответствий. При этом останется шесть пар славяно-германских соответствий терминов с текстильным значением (участвуют праслав. **prędlo*, **verteno*, **nitъ*, **pasmen-*, **snovadlo*, **bьrdo*), четыре пары славяно-латинских соответствий в текстильной терминологии (участвуют праслав. **verteno*, **nitъ*, **klǫbъ*, **ščapъ*) и только два текстильных терминологических соответствия между славянским и балтийским (для праслав. **cěva* и **cěnъ*). Иначе говоря,

в любом из аспектов — лексическом и узкотерминологическом — балто-славянские связи в старой текстильной терминологии поразительно минимальны. Строго характеризуя эти соответствия, мы должны были бы даже еще более сократить их число, поскольку, например, праслав. **cěnъ* = балт. **skaimen-* — в сущности не более как корневые соответствия, оформленные разными суффиксами. И вообще заслуживает удивления тот факт, что при несомненно длительном территориальном соседстве и определенных задатках развития параллельных особенностей балтийского и славянского, они в действительности насчитывают весьма незначительные по удельному весу в соответствующей терминологии ('цевка', 'зев') и невыразительные соответствия, которые в любом отношении уступают более многочисленным и важным славяно-латинским и славяно-германским соответствиям в области старой текстильной терминологии. Незначительность славяно-балтийских изоглосс как бы еще усугубляется законным подозрением непервичного, контактного их происхождения. Тем значительнее для нас в связи с этим славяно-германские и славяно-латинские общности, которые не только многочисленнее, но и охватывают почти весь семантический спектр древней текстильной терминологии ('прялка', 'веретено', 'нить, пряжа', 'пучок нитей', 'клубок', 'сновалка', 'палка для прибивания утка', 'ценовная дощечка'). И это чисто лингвистическое свидетельство для нас тем важнее и автономнее, что пока еще неясна древняя географическая картина, вообще — возможность пространственной проекции этих языковых связей. Но само лингвистическое свидетельство для нас ясно и лишено всякой двусмысленности, поэтому мы, приглашая специалистов соответствующих наук заняться совместно с лингвистами разработкой выводов по истории древней культуры и экологии этой части индоевропейцев, обобщаем в нескольких словах свое решение вопроса, поиски которого были главной целью этого исследования: вырабатывая и развивая свою древнюю лексику текстильного производства, носители раннеславянских диалектов были совершенно явно ориентированы не на связи с балтами, а на языковые связи с индоевропейцами, сидевшими ближе к центру Европы — германцами и италийцами. Мы кончаем настоящий раздел, чтобы в следующих разделах заняться другим материалом, вместе с тем задача проверки на этом новом материале выдвинутых нами положений, расходящихся с довольно распространенными в науке мнениями, продолжает стоять перед нами.

Но прежде чем перейти к следующему разделу, мы считаем нужным задержаться на одном вопросе словообразования. До сих пор в изложении, посвященном преимущественно вопросам лексико-терминологического аспекта, нам приходилось пользоваться реконструкцией, символическое выражение которой заслуживает специального комментария. Ниже мы отведем

некоторое место этому комментарию, иначе говоря, словообразовательному аспекту, влиятельному разряду имен орудия на *-dl-*, которые занимают видное место в нашей терминологии, но в целом гораздо шире нее. Проблема названных производных и моменты из истории ее изучения подробнее и систематичнее изложены в другом месте[130], здесь же мы по возможности кратко приведем некоторые наиболее важные положения: 1) наличие в праславянском, наряду с несомненными древними *-dl-*, также потенциальных *-tl-*, ср. примеры *-tl-* > *-kl-* в сербохорв. *гр̀кљан*, польск. *wikłać* и другие резервы внутренней реконструкции; 2) недостаточная авторитетность западнославянских свидетельств — для суждений о праслав. *-dl-*, поскольку сам западнославянский материал в известном смысле диалектен и отражает вторичные выравнивания; 3) достоверное наличие в балтийском только *-tl-* при фактическом отсутствии форманта *-dl-* (нет ни одного достоверного случая). Тем самым балтийский обнаруживает состояние, диаметрально противоположное славянскому, который содержит следы и.-е. *-tlo-*, *-tro-*, *-dhlo-*, *-dhro-*, что объединяет славянский с латинским, германским и греческим, как указывал еще Бругман. В славянском возобладало *-dlo-*, а *-tlo-* сведено до рудиментов, в балтийском исключительно представлено *-tlo-*(> *-kl-*), а о *-dl-* едва ли можно говорить; 4) балтийские и славянские имена соответственно на *-tl-* и на *-tl-*/*-dl-* глубоко различаются по составу. Старые славянско-латинские параллели с этими формантами преобладают фактически над достоверными славянско-балтийскими параллелями.

[130] См. мою статью в сб.: Этимология. М., 1963. С. 36 и сл.

II. ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

«...Житель Полесья, появившись на свет, начинает свои дни в сосновой колыбели и, живя всю жизнь в сосновой хате, отапливаемой и освещаемой сосной, спит, отдыхает и ест на сосновой утвари. В свободное от работы время он слушает звуки, усиленные тонким слоем сосновой деки скрипки, а отходя на вечный покой, он забирает с собой четыре сосновые доски в форме гроба».

Cz. Pietkiewicz. Polesie Rzeczyckie. Materialy etnograficzne. Część I. Kultura materialna. Krakow, 1928. S. 159.

Если задаться целью сравнить различные виды сырья для производственной деятельности, употреблявшиеся где-нибудь в довольно отсталом районе славянской территории в недавнем прошлом, то, бесспорно, наиболее важным видом такого сырья, которым преимущественно пользовался и которым жил славянский крестьянин, окажется дерево. Ученые единогласно говорят о «деревянной» культуре славян и их ближайших исторических соседей с севера и северо-востока — балтов и финно-угров. «Можно было бы также ⟨...⟩ сказать, что более глубокие крестьянские массы лесных народов северо-восточной Европы почти до последнего времени жили в "деревянном веке"» [1]. Примерно такая же оценка подходит и для остального индоевропейского населения северной Европы, и прежде всего для германцев. Правда, обрабатывали древесину и славяне, и германцы с очень раннего времени орудиями из металла, и для правильного понимания действительного уровня их культуры это необходимо постоянно помнить, но дерево было всюду и во всем. Огром-

[1] *K. Moszyuski.* Kultura ludowa Słowian. Cześć I. S. 280.

ные лесные богатства областей обитания славян располагали к всестороннему использованию этого доступного материала. Так гласят исторические свидетельства и этнография. Показания доистории, в частности данные, поставляемые археологией, тут крайне скудны и лаконичны по той простой причине, что деревянные предметы не могут сохраняться в земле длительное время и уничтожаются тлением. Полнота наших представлений о жизни в древности терпит в связи с этим тяжелый урон, многие подробности приходится восстанавливать условно и на основе косвенных данных. Достаточно напомнить затруднения, в которые поставлена наука в вопросе о древнейших конструкциях ткацкого станка в Европе; бесчисленное множество ископаемых керамических грузил и двусмысленные изображения на древних вазах и т. п. не могут заменить одного ископаемого экземпляра деревянного ткацкого станка. Как справедливо полагал Мошинский, картина жизни древних славян значительно обогатилась бы, если бы мы располагали всем богатством их многочисленных изделий из дерева. То, что до нас из древних культурных слоев доходят в изобилии только керамические изделия, говорит, разумеется, не о том, что у древних славян керамические изделия абсолютно преобладали над деревянными, как у древних обитателей безлесного Двуречья, а лишь об ограниченных возможностях археологии. Поэтому в данном случае синхронное этнографическое изучение материальной культуры какого-нибудь отсталого района славянской территории может дать более правильное представление о характере древнейшей славянской культуры, чем изучение ископаемых остатков из культурного слоя, скажем, середины I тыс. н. э. Но было бы ошибкой думать, что дерево и деревообделочное производство у славянского населения более отсталых районов всегда безоговорочно знаменует древность. Напротив, как показывает знакомство с материалом, более широкое понятие обработки дерева включает разнообразные виды производства, которые нередко сильно эволюционировали, причем не без внешних культурных влияний, и в итоге содержат немало новых, вторичных элементов. В том же до недавнего времени отсталом Полесье рядом с архаическим теслом превосходно уживался рубанок, который специалисты решительно характеризуют как позднее нововведение. Следовательно, совершенно ясно, что такое древнее производство, как обработка дерева, отнюдь не монолитно в хронологическом отношении, но при ближайшем ознакомлении расслаивается на архаизмы и инновации культуры точно так же, как мы наблюдаем это на материале текстильного производства, гончарства и кузнечного дела (см. соответствующие разделы настоящей работы). Больше того, оказывается, что обработка дерева представляет собой вообще, быть может, самое пестрое из всех названных народных производств. Понятием обработки дерева охватываются чрезвычайно различные, вполне друг от друга не зависящие, самостоятельные производства, в том числе более древние и относительно поздние виды

34 — 9718

обработки дерева. Мы придаем большое значение этой особенности, поскольку ниже именно ею мотивированы наши непосредственные задачи. Подобно тому как обработка дерева в широком смысле (первичная и вторичная) распадается на ряд более специальных производств (бондарное и вообще производство домашней утвари, колесничество, сюда же прочее тележно-санное производство, домостроение, столярное, ложкарное производство и т. п.), точно так же терминология обработки дерева мыслится как распадающаяся на соответствующее число групп. Нет сомнения в том, что монографические исследования по народной обработке дерева как в плане изучения материальной культуры, реалий, так и в плане лингвистического исследования терминологии всего производства составляют одну из насущных потребностей науки. Однако совершенно ясно, во-первых, что подобное полное исследование терминологии всей обработки дерева заняло бы книгу, по объему по крайней мере такую же, как эта. Во-вторых, вопрос объединения и примирения всех разнообразных деревообделочных производств в одной монографии, может быть, более естествен и правомерен для исследования реалий, материальной культуры. Если же говорить о задачах лингвистического исследования соответствующей терминологии, причем такого исследования, которое через призму синхронии стремится разглядеть диахронические особенности материала и преследует специфические цели групповой реконструкции, то разнородность и разнохарактерность материала разных отделов деревообделочной терминологии решает вопрос скорее в пользу ограничения рамок исследуемого материала. Для такого ограничения у нас в настоящем исследовании имеются также особые основания, диктуемые общим планом всего исследования терминологии древнейших видов ремесленной деятельности у славян. Эти основания заставили нас удержать в нашей работе только ту (вместе с тем древнейшую) часть деревообделочной лексики славянских языков, которая представляет, помимо самостоятельного интереса, также значение важного аргумента в общем, сугубо лингвистическом, плане исследования, и одновременно с этим опустить большое количество (целые разряды) терминов, обычно — вторичной обработки дерева, которые обременили бы данную работу излишним балластом.

Мы ограничиваем, таким образом, нашу тему простейшей обработкой дерева, исходя при этом также из необходимости учета этой последней терминологии в связи с терминологией других древних ремесленных производств — текстильного, гончарного, кузнечного. Как уже говорилось в I разделе, первые два ремесла объединяет с обработкой дерева такая древнейшая производственная операция, как плетение, занимающее видное место также в обработке и использовании дерева (см. ниже). Соответственно тому, что было сказано выше, мы говорим о двух возможных редакциях темы «терминология обработки дерева» — полной и краткой. О полной редакции мы уже

сказали выше. Здесь взята за основу краткая редакция названной темы как более отвечающая цели всего исследования. Нас интересует терминология, отражение в языке того, что может быть определено как первичная, грубая обработка древесины — рубка, обтесывание, сверление, долбление, т. е. плотничные работы, с некоторыми дополнениями. «Под примитивной обработкой дерева мы понимаем такую, которая без сложных инструментов и без специальной выучки производится в лесу и в крестьянском обиходе или же производилась до недавнего прошлого». Эти слова принадлежат Г. Ф. Розенфельду, немецкому исследователю, уже упоминавшемуся в предыдущем разделе, автору специального труда о примитивной обработке дерева в германских районах Прибалтики[2]. В плане примитивной обработки дерева Розенфельд рассматривает рубку леса, пилку, затем — обработку дерева на крестьянском дворе. Автор выделяет использование преимущественно естественных форм и свойств дерева — стволов, колод, долбленых колод как различных сосудов. На уровне такой обработки кривой или естественно углообразно согнутый кусок дерева служит излюбленным материалом. Так, вилообразные сучья идут на изготовление прялок, из развилка дерева изготовляется соха. Как свидетельствует Розенфельд, перекликающийся здесь с Триром, к работам которого мы не раз обратимся в следующем разделе, плетение принадлежало к числу способов примитивной обработки дерева в условиях крестьянского быта. Обычный вид плетения — это плетение из прутьев различной толщины. Сюда относятся плетни, корзины, грубые сита.

На этом, собственно, можно и кончить наши краткие вводные замечания о реалиях, обозначаемых терминологией, которая анализируется в настоящем несколько переходном и поэтому кратком разделе. К тому же если сравнивать в данном случае вклад изучения реалий и их языковых обозначений, названий, в дело раскрытия глубокой исторической эволюции в этой области культуры, то свидетельство нескольких древних и сохранившихся почти в нетленной свежести названий явно перевесит прямые показания и типологические свидетельства легко разрушимых, подверженных тлению и потому всегда фактически поздних реалий — предметов, продуктов обработки дерева. Лишь для таких реалий, как орудия обработки дерева, в этом отношении можно сделать исключение, потому что металл, из которого они делались с достаточно раннего времени, делает древность некоторых экземпляров соизмеримой с древностью соответствующих языковых обозначений, терминов. Но в любом случае значение показаний лингвистического анализа терминологии здесь свободно от конкуренции.

---

[2] *H.-F. Rosenfeld.* Urtümliche Holzbearbeitung nach Wort, Sache und Brauchtum diesseits und jenseits der Ostsee // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Bd. 2. Jg. 1956 (Berlin). S. 147—178.

Соответственно предшествующим замечаниям об обозначаемых предметах и процессах наиболее примитивного и первичного цикла обработки дерева мы можем расположить рассмотрение языкового материала в следующем порядке: термины, относящиеся к рубке; термины, обозначающие простейшие плетеные поделки из дерева (плетни, корзины, грубые сита); названия долбленых сосудов; элементы бондарной терминологии.

Совершенно естественно, что мы начнем этот суммарный лингвистический анализ с праслав. **sěkťi* (ст.-слав. **сѣкѫ**, **сѣшти**, болг. *секá* 'секу', сербохорв. *cjeћu*, словен. *seči*, чеш. *sekati*, диал. *síct*, слвц. *sekať*, в.-луж. *syc*, н.-луж. *sec*, польск. *siec*, русск. *сечь*, укр. *сíкти*). Этот праславянский первоначально атематический глагол обозначал, судя по историческим и родственным свидетельствам, разрубание, разделение на части ударом острого предмета, режущего лезвия. С формальной стороны, судя по древним производным внутри славянского, а также по некоторым внеславянским родственным формам, основа праславянского глагола **sěkǫ*, **sěkťi* содержит такую, по-видимому, исключительно славянскую инновацию, как продление количества гласного корня. В остальном праслав. **sěkǫ* продолжает и.-е. **sekō* 'рублю, рассекаю, разделяю ударом острого' с основой, дальнейшее этимологическое членение которой неясно. Это, бесспорно, древнее слово, известное нескольким древним индоевропейским группам диалектов, ср. прежде всего лат. *secō*, *secāre* 'резать, отрезать, отсекать', др.-в.-нем. *saga* 'пила' (глагол в германском не сохранился). Балтийским языкам продолжение и.-е. **sek-* 'рубить, рассекать' в общем неизвестно, обычно приводят лишь ст.-лит. *į̨sekti* 'насечь, вырезать', *išsekti* 'sculpere' [3], народный характер которых, однако, по причине специфичности их значения несколько сомнителен. Картину довершает наличие в балтийском особых старых слов со значением 'сечь, рубить', ср. лит. *kir̃sti*, *kapóti*. Напротив, в славянском продолжение и.-е. **sek-* отличается широким распространением, развитием и древним характером словопроизводных связей. Достаточно назвать имена праслав. **sěčь*, **pasěka*, **prosěka*, **zasěka*, **sǫsěkъ*. Эти праславянские существительные, несущие на себе признаки славянского новообразования по продуктивным моделям и одновременно почти лишенные черт собственных дославянских индоевропейских связей, позволяют глубже заглянуть в древнюю семантическую историю производящего глагола. Интересно, что все эти имена относятся к лесу, вырубке леса, очистке части площади из-под деревьев и т. п. и что среди производных или сложений с основой **sěk-* нет ни одного подлинного строительного термина. Таким особым строительным термином 'рубить' явилось праслав. **rǫbati*/**rǫbiti*, ср. русск. *рубúть* 'строить из дерева' (например, избу; уже в древнерусском), по-видимому, образованное вторично от праслав. **rǫbъ* 'край, обрезанный кусок' — слова, известного во всех славянских язы-

[3] *Vasmer*. II. S. 604; *Brückner*. S. 488; *Machek*. S. 442; *Fraenkel*. Lief. 10. S. 773.

ках и нередко специализированного в значениях 'край, кусок ткани, (грубая) ткань'. Праслав. **rǫbъ* характеризуется выразительно именным *о*-вокализмом, но дальнейшие его связи затруднительно определить. Можно лишь указать на нем. *Rumpf* 'туловище', а что касается приводимых обычно, помимо этого, балтийских форм, то они могут быть заимствованиями из польского или из славянского на более ранней стадии. Праслав. **rǫbiti*/ **rǫbati*, так или иначе, имело значение, близкое к 'обрабатывать край', и этот его семантический признак установим бесспорно даже сейчас. Значение 'рубить, рассекать вообще' у этого глагола явилось вторично, и это подтверждается тем обстоятельством, что старых названий секущего, рубящего орудия, топора, с этой основой не существует вообще. И хотя новый глагол оказался очень удобным для обозначения технических процессов и деталей, связанных с обработкой рубящим орудием в строительстве, ср. **sъrǫbъ*, русск. *сруб*, тем не менее основным названием такого орудия оставалось древнейшее производное от и.-е. **sek-* — праслав. **sekyra*, заслуживающее особого внимания архаизмом образования и несомненно дославянским прошлым. Праслав. **sekyra* (ст.-слав **секъıра**, болг. *секúра*, сербохорв. *cjèкира*, чеш. *sekyra*, слвц. *sekera*, польск. *siekiera*, русск. *секúра*, укр. *сокúра*, блр. *сакéра*) мы вынуждены для краткости толковать, или глоссировать, как 'топор', между тем как это дает далеко не полное и не совсем точное представление об обозначаемом. Праслав. **sekyran* и праслав. **toporъ* (независимо от происхождения последнего, — см. ниже) никогда не смешивались, не отождествлялись и относились к разным орудиям с разным назначением. Точность специального, терминологического употребления обоих слов вполне сохранилась до недавнего времени, для праславянского же времени она была абсолютной. Секира обозначает узкое прямое лезвие, рассчитанное в основном только для рубки дерева, а не для обработки; топор всегда характеризовался наличием длинного дугового лезвия с изогнутыми боковыми гранями, о чем говорят и ископаемые, и современные экземпляры, и старинные рисунки [4]. Можно полагать, что описанные выше особенности и функции секиры как реалии позволяют ее считать более архаичной, чем топор. Во всяком случае ее обозначение — праслав. **sekyra-* — очень архаично даже в сравнении с родственным праславянским материалом. Здесь можно отметить и вокализм основы (ср. ст.-слав. **секъıра**), а именно краткость гласного, не затронутого, с одной стороны, инновационным удлинением в **sěkťi* и всех прямых дериватах последнего, а с другой стороны, количественно тождественного корневому гласному внеславянского соответствия (см. ниже); помимо этого явно дославянского наследия, подчеркивающего относительную изолированность, этого имени, нужно выделить и архаическое, редкое словообразовательное

[4] *J. Kostrzewski.* Kultura prapolska. Wyd. 2. Poznan, 1949. S. 210; *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 184 сл.

оформление **sek-yra*, ср., с иным концом основы, праслав. **mě̆xyrъ*, **mezgyrь*. Праслав. **sekyra* (быть может, наряду с праслав. диал. **sokyra* — с другой апофонической ступенью гласного, — охватывающим восточнославянский юго-запад: украинский и белорусский) продолжает дославянское **sekūrā*, близко родственное и почти тождественное лат. *secūris* 'топор' [5]. Латинское слово, единственное соответствие праслав. **sekyra* за пределами славянского, имеет ту же основу с тем же вокализмом, оформленную тождественным суффиксом, и, кроме того, все это закрепляется и объединяется терминологическим тождеством славянского и латинского слов. Нет надобности считать, вслед за некоторыми лингвистами и этнографами, что причина близости славянского и латинского слов состоит в том, что славянский заимствовал из латыни. Особенности праслав. **sekyra* и его апофонический вариант **sokyra* говорят против этого. Кроме того, мы можем привести немало других славяно-латинских параллелей из производственной лексики, которые также не являются результатом заимствования, но отражают иные древние отношения. Мошинский ошибается, говоря, что этнография свидетельствует о более позднем появлении названия **sekyra* [6]. Как раз с точки зрения реально-исторической типологии орудие, обозначаемое словом **sekyra*, архаичнее и примитивнее каждого из двух остальных рубящих орудий для простейшей обработки дерева — топора, обозначаемого праслав. **toporъ*, которое Мошинский вместе с другими толкует как иранское заимствование, и тесла, обозначаемого праславянским словом **teslo*, **tesla*. Мошинский в указанном сочинении склонен был относить как **sekyra*, так и **toporъ* к культурно-языковым напластованиям, признавая древним и исконным орудием и названием только тесло — праслав. **teslo*, **tesla*. Мы скажем о последнем слове ниже, здесь же мы подчеркнем лишь, что между реалиями — секирой и теслом — лежит глубокое внешнее и функциональное различие, говорящее о том, что это орудия разного плана и они не исключают друг друга. Тесло обеспечивает более тонкую обработку дерева, о типе секиры уже сказано выше. Они не противопоставлены в реальном плане, далее, у нас отсутствуют веские основания противопоставлять их также и в чисто языковом плане. Мысль Мошинского неудачна, языковые факты, которыми он подкрепляет вторичность названия секиры — например, польск. *toporzysko* 'топорище', употребляемое также и о секире (ср. уникум диал. *siekierzysko*) — недостаточно авторитетны, так как сами хронологически вторичны. Правильнее считать, что оба слова — **sekyra* и **tesla*/**teslo* — исконно-славянские лексемы, восходящие еще к дославянскому времени. Говоря о дославянской истории и индоевропейских соответствиях слова **sekyra*, мы сталкиваемся с полным отсутствием близких форм в балтийском. Балтийские языки, по-видимому, никогда не знали фор-

[5] *Vasmer.* II. S. 603; *Brückner.* S. 488; *Machek.* S. 442.
[6] *K. Moszynski.* Op. cit. I. S. 281 ff.

мы вроде дославянского **sekūrā*, судя по наличию в них особой древней формы для обозначения топора — лит. *kir̃vis*, лтш. *cirvis*. Балт. **kirvis* 'топор' (: лит. *kir̃sti* 'рубить') было еще в древности заимствовано западнофинскими языками, ср. фин. *kirves* 'топор' и, может быть, достаточно рано попало также в словарь части русских говоров, ср. русск. диал. *черв* 'серп'.

Продолжая рассмотрение славянских образований от основы **sek-* 'рубить, сечь', мы можем пополнить число известных латинско-славянских лексемных параллелей парой праслав. **sěčivo* — лат. *secīvum*[7]. Праслав. **sěčivo* 'то, чем секут, рубят, топор' (др.-русск., цслав. *сѣчиво*, болг. *сéчиво*, сербохорв. *сjѐчӣво* 'молот') в своем вокализме, как видим, объединяется с праславянским глаголом (см. выше), но в отношении словообразования представляет собой древнее слово с формантом *-ivo*. Словообразовательно тождественную параллель, правда, без строгого терминологического единства, славянское слово имеет в лат. *secīvum* 'отрезанный ломоть'. Общность именного словопроизводного форманта *-īvo-* объединяет на материале терминологии различных производств ряд славянских и латинских слов, ср. еще праслав. **stativъ* — лат. *statīvns* (в I разделе), праслав. **kladivo* — пралат. **kladivom*, о котором см. в конце работы. Таким образом, не выходя за рамки словопроизводного гнезда **sek-* 'рубить, сечь', мы можем насчитать несколько славянско-латинских словообразовательно-лексических параллелей: **sěkǫ—secō*, **sekyra—secūris*, **sěčivo—secīvum*. Что эта особенность не является исключением, а в какой-то мере характерна для древних славяно-италийских отношений в области словаря и словообразования, покажут аналогичные примеры, отнесенные нами к следующему разделу работы.

Термином, обозначающим обработку дерева, следующую за рубкой, служило праслав. **tesati* (цслав. *тесати*, болг. *тéша* 'отесываю', сербохорв. *тѐсати*, чеш. *tesati*, польск. *ciosać*, русск. *тесáть*). Праслав. **tesati* 'сглаживать поверхность дерева специальным острым орудием' продолжает очень древний термин обработки дерева, строительства и т. п., древнейшее название производственного ремесленного процесса и.-е. **tek̂s-*. Будучи сохранено в ряде индоевропейских языков, и.-е. **tek̂s-*, бесспорно, выступало всюду как архаизм, поэтому общность праслав. **tesati* 'отесывать', лит. *tašýti* то же, др.-инд. *takṣati* 'отесывает, обрабатывает (дерево и т. п.)', авест. *tašaiti*, лат. *texō* 'тку, плету, строю', греч. *τέκτων* 'плотник, строитель', не показательна в вопросе выявления специальных терминологических общностей. Напротив, картина становится более выразительной и однозначной, стоит нам лишь обратиться к производным от и.-е. **tek̂s-*. Речь идет исключительно об именном производном, которое мы условно обозначим как и.-е. **tek̂slā*, **tek̂slom*. Несмотря на примененную нами праиндоевропейскую символику, это имя, будучи производным от основы **tek̂s-*, совершенно логично воспри-

[7] *Brückner*. S. 488; *Vasmer*. II. S. 619; *Walde—Hofmann*. II. S. 504.

нимается как новообразование. Его ареал у́же, чем ареал исходной основы. Так, сюда относятся праслав. **tesla*, **teslo* (русск.-цслав. *тесла*, русск. *тесло́*, *тесла́*, укр. *тесло́*, болг. *тесла*, сербохорв. *тесла*, словен. *tesla*, чеш. *tesla*, *teslice*, польск. *ciosła*, *cieślica*), др.-в.-нем. *dehsala* 'топор', др.-исл. *þexla* 'тесло', лат. *tēlum* (**tecslom*) 'метательное оружие', *tēla* (**tecslā*) 'ткацкий станок; ткань'. Мы видим здесь несомненное славяно-германо-латинское терминологическое единство на основе общей лексико-словообразовательной инновации, охватившей только эти названные ветви индоевропейского. Балтийский остался неохвачен инновацией. В славянском сюда примыкает местное новообразование, имя деятеля **tesľa*, производное от названия орудия с суффиксом *-i̯-*: цслав. *теслю* 'faber', русск. *тесля* 'плотник', польск. *cieśla* то же. Мнение Мошинского о том, что тесло — единственное древнейшее плотничье орудие славян, нуждается в коррективах, как мы попытались показать выше. Тесло с его характерным поперечным вогнутым лезвием, расположенным на рукояти так же, как у мотыки (ср. немецкое название тесла *Hohlbeil*, собственно, — 'полый топор' или 'топор для долбления'), великолепно подходит для различных операций по обработке дерева, но совершенно не годится для рубки леса, поэтому трудно представить себе древнюю рубку и обработку дерева у славян без секиры, не говоря о чисто лингвистических аргументах в пользу древнего знакомства славян с секирой. Из балтийских названий тесла мы можем отметить совершенно особое лит. *skliūtas*.

Третье славянское название топора — известное праслав. **toporъ* (цслав. *топоръ*, болг. *топо́р*, словен. *topor*, чеш., слвц. *topor*, польск. *topór*, русск. *топо́р*, укр. *топо́р*, *-ора́*, блр. *тапо́р*) правдоподобнее всего объясняется как раннее заимствование из др.-ир. **tapara-* 'топор'[8]. Иноязычное происхождение праслав. **toporъ* хорошо согласуется с той особенностью его употребления, что это слово выступает иногда в древних источниках как название оружия. Так, например, древнерусские источники именуют рабочий топор секирой, а слово *топоръ* употребляется как название оружия[9]. Новый термин импортировался, очевидно, приблизительно одновременно с соответствующей импортной реалией — особым топором с широким изогнутым лезвием с бородкой. Выше мы уже касались различия между реалиями — секирой и топором в их историческом виде. Это различие было, по-видимому, определяющим в данном фрагменте культурных и межъязыковых отношений. Характерно, что заимствованное тоже достаточно рано праслав. **bordy* (род. **bordъve*) 'вид топора' происходит из герм. **bardō*, собственно, — 'бородатая', название, также прямо указывающее на важнейшую деталь ввозимого рубящего орудия (и оружия) — широкое лезвие с длинной бородкой (или двумя — сверху и снизу, ср. контур исторической алебарды).

---

[8] Ср.: *Vasmer*. III. S. 121.

[9] *Б. А. Рыбаков*. Ремесло древней Руси. С. 183.

Важнейшее значение в числе терминов простейшей обработки дерева имели названия процессов и орудий, объединяемых вокруг праслав. **dьlbiti*/**dьlbati*/**dьlbti* 'долбить, выковыривать особым орудием древесину для получения углубления, отверстия или полости': ст.-слав. **длъбж**, болг. *дълбя́*, *дълба́я* 'долблю, выдалбливаю', сербохорв. *ду̏бе̄м*, *ду̏псти*, словен. *dolbem*, *dolbsti*, чеш. *dloubati*, *dlubati* 'долбить', слвц. *dlbať* 'толкать', н.-луж. *dłypaś* 'долбить', польск. *dłubać* 'ковырять, долбить', русск. *долби́ть*, укр. *довба́ти*, блр. *долбiць*. Этот праславянский глагол теснейшим образом родствен германскому глаголу — др.-англ. *delfan* 'копать' [10], вместе с которым он представляет собой одинаковое расширение *-b*(*h*)- индоевропейского корня **del-*/**dol-*/**dl-* 'резать, рассекать'. Славянское и германское слова родственны, далее, лат. *dolō*, *dolāre* 'отесывать, обрабатывать' (без названного расширения). Праслав. **dьlbati*, **dьlbiti* сравнивают еще с лит. *nu-dilbstù*, *nu-dìlbti* 'потупить (глаза)', *délba*, *dálba* 'древко, рукоять (вил)', лтш. *dal̃ba*, *dal̃bs* 'ботало, шест, которым пугают, загоняют рыбу' [11]. Однако по крайней мере первый литовский глагол настораживает и требует особых замечаний. Специфическое значение 'потупить взор' не позволяет отрывать лит. *nudìlbti* от литовского выражения *iš padilbų* 'исподлобья', которое оказывается литуанизацией, заимствованием из соответствующего славянского выражения — польск. *spodełba*, русск. *исподлобья*. Ясно, что в таком случае это литовское слово должно быть удалено из круга форм, родственных слав. **dьlbati* 'долбить'. Об остальных балтийских сравнениях мы не можем судить столь же определенно, но ясно, что все это имена, не имеющие фактически глагольной опоры в балтийском. Литовский язык имеет совершенно особый глагол со значением 'долбить' — *skaptúoti*, *skãptas* 'долото' — с собственными древними соответствиями, ср. греч. *σκάπτω* 'копаю'.

От упомянутого праславянского глагола 'долбить' произведено с полной ступенью корневого вокализма название орудия в двух вариантах — праслав. **delbto* (болг. *длето́*, сербохорв. *длето*, *длијѐто*, *глијѐто*, словен. *dleto*, *dletvo*) и **dolbto* (ст.-слав. **длато**, чеш. *dlato*, в.-луж. *błócko*, польск. *dłóto*), причем восточнославянские примеры (русск. *долото́*, укр. *долото́*, блр. *далато́*) двусмысленны, так как допускают возведение как к первому, так и ко второму варианту праславянской формы названия. Славянское название долота связывают обычно с др.-прусск. *dalptan* [12], однако, учитывая, что это название пробоя, как и другие близкие балтийские имена (см. выше), лишено глагольной

---

[10] *Преображенский*. I. С. 188; *Berneker*. I. S. 250; *Vasmer*. I. S. 359; *Machek*. S. 88.

[11] О латинском слове см. дальше: *Walde—Hofmann*. I. S. 364—365; сравнения с балтийскими словами см.: *Преображенский*. I. С. 188; *Brückner*. S. 89; *Vasmer*. I. S. 359.

[12] *Преображенский*. I. С. 189; *Vasmer*. I. S. 360.

опоры в балтийском, а сверх того, до мелочи повторяет форму одного из вариантов славянского названия долота (др.-прусск. *dalptan* — праслав. диал. **dolbto*), мы можем думать о заимствовании древнепрусского слова из северных диалектов древнепольского языка, где долго могли сохраняться дометатезные огласовки. Наконец, сюда же относится такое отглагольное производное, как праслав. **dьlbьna*, откуда др.-чеш. *dlubně* 'колотушка, дубинка, палица', русск. *долбня́*, укр. *довбня́*, блр. *dóu̯bnia*.

Праслав. **strugъ* 'струг, вид острого орудия для сглаживания и окончательной формовки деревянного изделия' и **strъgati* 'сглаживать, строгать' (сербск.-цслав. *стругъ*, ст.-слав. **стръгати**, **строужѫ** *ξεῖν*, болг. *струг* 'токарный станок', *стружа* 'строгаю', сербохорв. *стру̑г*, *стругати*, словен. *strûg* 'струг, ложкарь', *strgati*, чеш. *struh* 'скребок', *strouhati*, в.-луж. *truhak* 'рубанок', *truhadło* 'скребок', *truhać*, н.-луж. *tšngaś*, польск. *strug*, русск. *струг*, *строга́ть*, укр., блр. *струг*). Отношения имени и глагола **strugъ* : **strъgati* продолжают более древние **streug-* : **strug-*.

Исходная основа, очевидно, обозначала скребущие, соскабливающие движения. Круг родственной индоевропейской лексики очень узок, собственно говоря, праславянское слово определенно родственно только др.-исл. *striúka* 'гладить, тереть' [13].

В балтийском нет ни одной достоверно родственной формы. Дальнейшее родство германских и славянских слов должно выявляться с учетом их собственной фонетической реконструкции. Существенная черта последней заключается в снятии общей фонетической инновации германского и славянского *str* < *sr*, примеры чего известны и в других словах, ср. праслав. **strumy/mene*, герм. **s(t)raumaz* 'река, ток' < и.-е. **sreu̯-m-*. Следовательно, праслав. **strъgati*, **strugъ* < и.-е. **sreug-/*srŭg-*, по всей вероятности. К этой же индоевропейской основе со значением 'скоблить, сдирать' (возможно, также 'срывать плоды') правдоподобно будет возвести латинский глагол с эволюционировавшим значением *frŭor*, *frŭi* 'пользоваться, наслаждаться' и имя *frux*, род. *frūgis* 'плод', сюда же *fructus* 'польза; плод' [14]. Лат. *fr-* < *sr-*, как в *frīgus* 'холод', родственном праслав. **s(t)rěžь* 'иней'. Семантически латинское значение 'плод' развилось подобно греч. *καρπός* 'плод' < **kr̥p-* 'обрывать'. Аналогичным образом получено в ряде славянских языков название ежевики: чеш., слвц. *ostružina*, сербохорв. *оструга*, т. е. 'то, что сорвано' (ср. **brusiti* : **brusьnica/-nika*). Таким образом, славянский объединяет также и с латинским наличие тождественного и.-е. **sreug-/*srūg- *srŭg-* 'скоблить, сдирать' с тождественными моментами семантического развития. Что касается балтийского, то и в этом пункте он обнаруживает отклонение, ср. особое лит. *dróžti* 'строгать, вырезать (из дерева)'.

---

[13] *Machek.* S. 477; *Vasmer.* III. S. 28, 30.

[14] Ср. о латинских словах: *Walde—Hofmann.* I. s. vv.

Исторические свидетельства о применении сверла в обработке дерева у древних славян почти полностью отсутствуют, но широкое распространение праслав. **svьrdьlъ*/**svьrdьlo*, о котором мы говорим специально ниже, в разделе о кузнечном ремесле, свидетельствует о раннем знакомстве с этим инструментом. К тому же заключению приводит наблюдение над родственной связью праслав. **svьrdьlъ* 'сверло' и герм. **swerda-* 'меч'. Конечно, сохраняя свое древнее наименование, сверло как реалия должно было сильно эволюционировать начиная с доисторической древности. Принимая в расчет возможность развития сверла из простого острого стержня, мы обращаем также внимание на вероятную близость славянского и германского слов с лат. *sorbus* 'рябина', очевидно, из **su̯erdhos*. Литовский язык не знает родственных терминов и обозначает сверло особым *grą̃žtas*.

Определенную вспомогательную роль в обработке дерева играет молот, старое название которого — праслав. **moltъ* — мы сочли более целесообразным отнести во вторую часть III раздела. Знаменательно близкое родство праслав. **moltъ* и латинских названий молотков — *marculus*, *malleus* (о чем также см. ниже) при полном отсутствии балтийских соответствий.

Основными орудиями славянского плотника в древности были секира, тесло, струг, долото. Нож имел в общем второстепенное значение и именовался первоначально как колющее орудие. Праслав. **nožь* (ст.-слав. **ножь**, болг. *нож*, сербохорв. *нȏж*, словен. *nož*, чеш. *nůž*, в.-луж., н.-луж. *nož*, польск. *nóż*, русск. *нож*, укр. *ніж*, блр. *нож*) произведено с именным *o*-вокализмом и суффиксом *-i̯-* (**nozi̯o-*) от основы глагола праслав. **nьziti*/**nizati* 'продевать, прокалывать' и представляет собой чисто славянское новообразование. За пределами славянского можно указать родственные формы лишь для глагольной основы, ср, греч. *νύσσω* 'колю, толкаю', нем. *nagen* 'грызть, глодать' и именное производное *Nagel* 'гвоздь' [15]. Сюда же может быть и лит. *niežė́ti* 'зудеть, чесаться'. Приводимое обычно в числе родственных слов лтш. *nazis* 'нож', скорее всего, заимствовано из славянского. Литовский имеет свое отличное древнее название ножа — *peĩlis*.

Раскалывание больших кусков дерева на продольные части в то время, когда основным орудием была секира, а пила (о которой см. в кузнечной терминологии) еще не появилась, осуществлялось с помощью клиньев, которые заколачивались в трещины. Об этом говорит и само название этого простейшего орудия — праслав. **klinъ* (болг. *клин*, сербохорв. *клӣн* 'клин, гвоздь', чеш. *klín*, в.-луж., н.-луж. *klin*, польск. *klin*, русск. *клин*, укр. *клин*), образованное с суффиксом *-inъ* от корня в нулевой огласке *kl-* : **kol'ǫ*, **kolti* 'колоть' и отражающее основную функцию клина, а не его форму [16].

[15] *Преображенский*. I. С. 604—605, 611; *Brückner*. S. 367; *Младенов*. С. 359; *Vasmer*. II. S. 225; *Machek*. S. 329.

[16] *Berneker*. I. S. 519; *Преображенский*. I. С. 316; *Vasmer*. I. S. 570.

Древним названием специального поперечного ножа, скребка с двумя ручками, было праслав. **skob*(ь)*lь* (цслав. *скобль* 'скребница', словен. *skôblja*, *skóbelj*, чеш. *skobla*, *skoblice*, польск. *skobel*, *skobla*, русск. *ско́бель*), производное с *-l-* суффиксальным от глагола, прослеживаемого в целом ряде индоевропейских языков, ср. лит. *skabė́ti* 'резать, рубить', *skõbti*, *skabiù* 'скрести, срывать', лат. *scabō* 'скребу, скоблю, чешу', гот. *skaban* 'стричь, обрезать (волосы), скрести', сюда же прежде всего германские названия скребущих орудий — др.-исл. *skafa* 'скребок, скребница', англос. *sceafa*, др.-в.-нем. *scaba*, употреблявшиеся с древности также как обозначения специального скребка по дереву, скобеля, ср. др.-в.-нем. *boumscaba*[17].

Из прочих достаточно старых местных названий вспомогательных орудий обработки дерева могут быть упомянуты хорв. *bat* 'большой деревянный молот (для забивания клиньев в бревно при раздирании его на доски)'[18], возможно, от **batati*, **botati* 'бить, колотить'; **koserъ*/**kosorъ*/**kosyrъ* (ст.-слав. **косоръ**, болг. *ко́сер* 'кривой садовый нож', сербохорв. *ко̀сӯр* 'садовый нож, тесак для рубки сучьев, прутьев', диал. *kosor*, др.-русск. *косоръ*, *косорь*, русск. *коса́рь*, *косы́рь*) < **kositi*. Из названий деталей орудий более специальный и устойчивый характер носят праслав. **obuxъ* (чеш. *obuch*, *obušek* 'палка; обух', польск. *obuch* 'обух', русск. *обу́х* 'задняя, тупая часть топора над ухом для топорища', укр. *обу́х*, блр. *обу́х*) — сложение **ob-uxъ* от **uxo* и **ostrъje* 'лезвие, топора'. Для обозначения раскалывания, расщепления дерева употреблялось праслав. **scěpati*/**scěpiti* (откуда цслав. **цѣпити**, болг. *цепя*, сербохорв. *цијепити*, др.-русск. *поскепати*, укр. *скепати*, *скiпати*, блр. *скепаць*), связанное несколько сложными апофоническими отношениями с праслав. **ščepati*, впрочем, приводятся также внеславянские сепаратные соответствия праслав. **scěpati* — греч. *σκοῖπος* 'брус, стропило', *σκίπων* 'палка', лат. *scīpiō* 'посох', др.-в.-нем. *scîba* 'ломоть, кусок, пласт'[19]. Сдирание коры и верхних, молодых слоев дерева обозначалось с помощью праслав. **lupiti*/**lupati*, куда относятся ст.-слав. **лоупити** 'грабить', болг. *лупя* 'сдираю, луплю', сербохорв. *лу́пити* 'лущить', словен. *lupiti*, чеш. *loupati* 'лупить', в.-луж. *łupać*, н.-луж. *łupaś* 'драть, щипать', польск. *łupić* 'грабить, срывать', русск. *лупи́ть*, укр. *лупи́ти*, блр. *лупиць*. Славянское слово родственно лит. *lùpti*, *laupýti* 'лупить', лтш. *làupît* 'шелушить, обдирать, грабить', гот. *laufs* 'лист', др.-в.-нем. *loub* то же, др.-в.-нем. *louft* 'кора дерева', др.-инд. *lōpayati* 'ранит'[20], хотя совершенно ясно, что по крайней мере часть балтийских слов или их значений появились в результате общения со славянским, не говоря уж о вторичных

[17] *Преображенский*. II. С. 301; *Vasmer*. II. S. 640; *M. Heyne*. Das altdeutsche Handwerk. Strassburg, 1908. S. 12.

[18] *K. Moszynski*. Op. cit. I. S. 280.

[19] *Machek*. S. 57, 514; *Vasmer*. II. S. 636.

[20] *Преображенский*. I. С. 479; *Vasmer*. II. S. 70.

употреблениях вроде 'грабить'. Праслав. **derti*, **dъrati* 'драть, сдирать, раздирать' не связано своим образованием исключительно с обработкой дерева, но его производные **dъranь* (русск. *дрань*, *дрáнка*, *дрáница* 'тес; планка', чеш. *draň* 'дранка, дощечка', польск. *dranica* 'кровельная дранка'), **dorъ* оформились, по-видимому, в среде плотничьей терминологии.

Последнее в ряду рассматриваемых нами здесь названий, связанных с черновой обработкой древесины, — праслав. **iverъ*/**jьverъ* (болг. *úвер* 'щепка, стружка', сербохорв. *ȉвêр* то же, словен. *ivêr* 'осколок, щепа', чеш. диал. *vejr*, *vèr* 'щепки, зарубки', слвц. *íver*, *ivor*, *ivera* 'щепка,' польск. *wiór* 'щепка, стружка', русск. *úверень* 'щепка', укр. диал. *úверень* 'щепка, отрубленная поперек дерева', *úверь* 'зарубка поперек дерева', также *вúверні* мн. 'щепки'). Это слово упорно сопротивляется попыткам этимологизации и признано неясным[21]. Возможно, заслуживает внимания мысль Младенова о родстве со словом *ива*. Правда, это предложение целесообразно развить, указав, что праслав. **iva*/**jьva*, по-видимому, продолжает более древнее **viva*, которое образовано от **u̯ei̯-* 'вить' (черта, свойственная различным названиям ивы), давшего также **viverъ* 'вьющаяся стружка'. Начальное *v-* отпало вторично, ср., впрочем, некоторые украинские примеры (выше).

Как важное древнее слово из плотничьей лексики может быть отмечено праслав. **pazъ* : русск. *паз* 'углубление, желобок в столбе, брусе, куда вставляется доска или другой брус', сюда же глагол *пáзúть* 'делать паз, выемку для стыка', укр. *паз* то же, чеш., словен. *paz* 'паз'. Праслав. **pazъ* с близким значением: родственно др.-в.-нем *fah* 'перегородка, отделение', нем. *Fach* то же, лат. *pangō* 'укрепляю', *compāgēs* ж. 'стык', греч. *πήγνυμι* 'укрепляю', вместе с которыми славянское слово продолжает и.-е. **pāĝ-*. Сюда же тесно примыкают др.-в.-нем *fuoga*, нем. *Fuge* 'стык (в пазах)', лат. *pālus* (**pak-slos*) 'кол' < и.-е. **pak̂-*[22]. Сходство, например, между славянским и германским распространяется и на производные глагольные образования. Так, и слав. **pažǫ*, **paziti*, и др.-сакс. *fōgian*, нем. *fügen* 'прилаживать, связывать' продолжают близкие и.-е. **pāĝi̯ō*/**pāk̂i̯ō*.

Перед нами бесспорно архаичная основа, судя по нерегулярному оформлению конца ее; в значении 'скрепление, соединение/стык, паз' она известна славянскому, латинскому, германскому, греческому, кельтскому. Более точные формально-семантические соответствия охватывают славянский, германский и латинский. Балтийский исконно родственных форм не обнаруживает.

Терминология рубки, отесывания, долбления и выглаживания поверхности дерева объединяет, как мы видели, много старых образований, связывающих славянский с другими индоевропейскими языками. Следующие затем термины, отражающие использование естественных форм дерева, просты

---

[21] *Berneker*. I. S. 439; *Преображенский*. I. С. 263; *Vasmer*. I. S. 468.

[22] *Преображенский*. II. С. 4—5; *Vasmer*. II. S. 300—301; *Kluge—Götze*[15]. S. 184, 230.

и немногочисленны по составу, но по своему образованию они, как правило, не менее архаичны и выказывают при этом по меньшей мере столь же значительную общность с соответствующими терминами других, индоевропейских языков, что соответствует архаичности реального плана — использования естественных древесных форм, т. е. практики на уровне культуры собирательства. Такой способ использования дерева лежит в основе всякой обработки дерева в настоящем смысле и тем самым архаичен по своей природе. Мы назовем здесь такие термины, как праслав. **kolda*, **kl'uka/*kl'učь*, **žьrdъ*, **soxa*. Праслав. **kolda* (ст.-слав. клада, болг. *клада*, сербохорв. *кла̏да* 'колода, чурбан', словен. *klada* 'обрубок', чеш. *klada*, в.-луж., н.-луж. *kloda*, польск. *kłoda* 'колода', русск. *коло́да* 'обрубок, чурбан; лежачее срубленное дерево', укр., блр. *колода*) давно убедительно проэтимологизировано как родственное др.-исл. *holt*, др.-в.-нем. *holz* 'роща, дерево', нем. *Holz* 'дерево (как материал)', далее греч. *κλάδος* 'ветвь', ирл. *caill* 'лес' (**kaldet-*)[23]. Особенно близки славянские и германские слова, которые объединяет между собой и вокализм корня, производного от и.-е. **kel-* 'колоть, разрубать' (сюда же праслав. **kolti*, **kol'ǫ*), и тождество суффикса *-d-*, и терминологическое тождество всего слова, относящегося и в германском главным образом к дереву как материалу — срубленному, но не обработанному стволу и т. п. Позднейшая эволюция, правда, внесла в значение слова *колода* элемент какой-то (грубой) обработки, но первичным для праслав. **kolda*, по-видимому, может считаться значение 'срубленный, сваленный, лежачий ствол', ср. хотя бы характерное противопоставление по этому признаку пня и колоды, известное из устойчивого русского словоупотребления *через пень-колоду*. Полезно попутно отметить, что и особое название ствола, не только срубленного, но и очищенного от сучьев и ветвей, — праслав. **brъvьno* — имеет близко родственные формы опять-таки именно в германском, ср. германские названия моста, перекладины — англос. *bruggia*, др.-в.-нем. *brucka*, нем. *Brücke* (герм. **bruwjō*), галльск. *briva* 'мост' — значение, известное и праслав. **brъvь*. Литовский язык образовал название бревна совершенно самостоятельно, ср. лит. *rą̃stas* 'бревно' : *rę̃sti* 'рубить', не говоря о других, более поздних обозначениях. В одном ряду по своим показаниям стоит с этими праславянскими терминами и интересное праслав. **kl'uka/kl'učь* (ст.-слав. ключь, болг. *ключ*, сербохорв. *кљу̏ка* 'щеколда', 'вешалка, крючок', *кљу̑ч* 'ключ', словен. *kljuka* 'щеколда', *kliuč*, чеш. *klika* 'изгиб, крюк; дверная ручка', *klič* 'ключ', в.-луж. *kluka*, *kluč*, н.-луж. *kluc*, полаб. *kleuc*, польск. *kluka* 'крюк', *klucz*, русск. *клюка́* 'палка с загибом на одном конце', *ключ*, укр. *клю́ка*, *ключ*). Праслав. **kl'učь* означало первоначально 'палка изогнутой формы', как и **kl'uka*, и лишь вторично — 'орудие для запирания'. Ср. у Даля: *журавли летят ключом* 'крюком, изломом'. Это интересное славянское слово родственно прежде всего лат. *clāvus*

---

[23] *Berneker*. I. S. 543; *Преображенский*. I. С. 336; *Vasmer*. I. S. 601.

'гвоздь', *clāva* 'палка с утолщением, дубинка', *clāvis* 'ключ', греч. *κληΐς, κλαῖς* 'ключ', далее др.-в.-нем. *sluȝȝil*, нем. *Schlüssel* 'ключ', др.-в.-нем. *slioȝan* 'запирать' [24].

Все эти слова объединяются вокруг и.-е. **kleu̯-/*klāu̯-* или **skleu̯-* (как германские) и восходят к обозначению определенным образом изогнутой палки. Значение 'ключ' в этой связи типологически вторично, при этом ценно, что данная общность, новообразование охватывает латинский, славянский, германский и греческий. Особенно полной представляется семантическая близость латинского и славянского, где с обеих сторон представлены значения первого и второго порядка; 'палка, дубинка, ключ'. Как выглядят в этом фрагменте балто-славянские лексические отношения? Обычно приводят без пояснений в числе родственных соответствий славянского слова лит. *kliū̃ti* 'зацепиться, попасть', *kliáuti* 'гнуть', лтш. *kļaût* 'наклонять, прижимать'. Действительно, эти балтийские слова продолжают и.-е. **kleu̯-* 'гнуть, кривить'. Но на этом сохранении архаизма сходство и кончается, так как названные общие задатки не получили в балтийском развития, сколько-нибудь напоминающего отношения форм и значений в славянском, латинском, германском. Эта индоевропейская основа не дала в балтийском терминов 'загнутая палка, клюка', 'ключ'. Образуя последний технический термин, литовский, например, пошел особым путем, ср. лит. *sklą́stis* 'запор, засов', *rãktas* 'ключ'. Пример данного балто-славянского лексико-терминологического расхождения знаменателен именно тем, что речь идет о ситуации, когда в балтийском, быть может, даже явственнее, чем в славянском (ср. выше литовские и латышские глаголы), были заложены предпосылки, задатки, которые, однако, совершенно не получили ожидаемого, судя по славянским данным, развития, потому что, вероятно, отсутствовали самые условия для подобной общей терминологической инновации: не существовало древнего языкового общения.

Праслав. **žьrdь* — название длинной, тонкой палки (ст.-слав. **жрьдь, жръдь**, словен. *žrd*, чеш. *žerd*, в.-луж. *žerdź*, польск. *żerdź*, русск. *жердь*) сравнивают с нем. *Gerte* 'прут' и родственными германскими обозначениями.

Однако по-прежнему неясен круг родственных форм и древнейшая формальная история такого важного термина, относящегося к использованию естественных форм дерева, как праслав. **soxa* 'развилок, толстая ветка, сук с ответвлением у одного конца' (ст.-слав. **соха**, болг. *соха* 'столб, кол', сербохорв. *cȍxa* 'вилообразный шест', словен. *soha* 'двурогие вилы', чеш. *socha*, польск. *socha* 'столб; соха', в.-луж., н.-луж. *socha* 'столб', русск. *coxá*, укр. *coxá*, блр. *coxa*). Это слово всегда пользовалось вниманием этимологов и ис-

---

[24] *Berneker.* I. S. 528 ff.; *Преображенский.* I. С. 319—320; *Trautmann.* BSW. S. 137; *Vasmer.* I. S. 575—576; *Walde—Hofmann.* I. S. 229.

следователей исторической фонетики, но сохраняющаяся невыясненность происхождения слав. *x* в ряде примеров и ситуаций придает большинству объяснений лишь относительную ценность. Отводя мысль о заимствовании как маловероятную, мы останавливаемся перед дилеммой (или даже своеобразной «трилеммой»): *x* в **soxa* < и.-е. *kh* или *x* < *ks* (или же, наконец, *x* < *k* как экспрессивное изменение). Соответственно тому, на какой из этих возможностей мы остановим свой выбор, должны быть одобрены или забракованы сближения праслав. **soxa* с лит. *šakà* 'ветка', др.-инд. *śā́khā-* 'сук, ветвь', н.-перс. *šāx* 'ветка, сук, рог', арм. *çax* 'ветвь', др.-в.-нем. *sahs* 'меч, нож', наконец, лат. *saxum* 'скала, глыба'[25]. К сожалению, обилие этих сближений обратно пропорционально качеству многих из них, причем не только в вопросе отражения какого-либо звука в праслав. *x*. Если объяснение праслав. **soxa* < **soksā* и сближение его с др.-в.-нем. *sahs*, лат. *saxum* в какой-то мере искусственно и придумано ad hoc, то некоторые другие из предлагаемых соответствий продолжают и.-е. **k̂āka*, к которому никак нельзя возвести слав. **soxa*.

Так, к форме **k̂āka* (а не **k̂ākha*!) восходит гот. *hōha* 'плуг', сюда же индоиранские примеры. Ни с одним из этих слов слав. **soxa* нельзя без натяжек признать родственным. Отношения праслав. **soxa* : лит. *šakà* представляются крайне затруднительными. Следует отметить, что балтийское слово обозначает ветвь дерева (в том числе прежде всего неотделенную ветвь, ср. и такое значение одного из местных производных, как 'корень' : лит. *šaknìs*). Значение 'ветвь', 'корень', вообще значения 'неотделенная часть дерева' слав. **soxa* не знает, насколько можно судить по его продолжениям в живых языках. Эти славянские продолжения древнего **soxa* в целом согласно относятся только к отрубленной части дерева (обыкновенно определенной формы, — ср. выше). Праслав. **větvь*, **věja*, **galǫzь*, **sǫkъ* становятся **soxa*, только будучи отделены от ствола, отрублены от пня, от корней. При объяснении происхождения слова мы не можем не считаться с этой важной особенностью его употребления, противоположной тому, что мы видим в балтийских словах. Лит. *šakà*, лтш. *saka* этимологически, по-видимому, не связаны со славянским словом, но обнаруживают моменты вторичного сближения с последним в производных значениях, ср. лит. *šakes* мн. 'вилы'. Первоначально же праслав. **soxa* целесообразнее возводить к более древнему **soka* : **sěkǫ*, **sěkťi*, объясняя *x* как спирантизацию *k*, вслед за Брюкнером, по семантическим мотивам («огрубление», возможно, отражающее крупные размеры обозначаемого). Ср. вокализм слова *осока*, того же происхождения. Словообразовательно-морфологический параллелизм раннепраславянскому **soka* (но, разумеется,

---

[25] Ср.: *Преображенский.* II. С. 363; *Bruckner.* S. 505; *Vasmer.* II. S. 703—704; *Machek.* S. 463.

отнюдь не общность терминологии) может быть указан в др.-в.-нем. *saga* 'пила' (< **sekā́*/**sokā́*[26]).

Старых заимствований праславянской эпохи в славянской терминологии обработки дерева очень мало. По сути дела, это только два слова — названия орудий **bordy* и **nebozězъ*, оба — германского происхождения. Первое из них — праслав. **bordy*, о котором уже упоминалось выше (отсюда ст.-слав. **брады**, род. ед. **брадъве**, болг. *бра́два* 'секира; топор для рубки дерева', сербохорв. *бра̏два*, словен. *brâdva*), — заимствовано из герм. **bardō*, ср. др.-исл. *barða*, др.-в.-нем. *barta* 'топор'[27], ср. выше о предполагаемой реальной стороне заимствования этого названия топора. Второе слово — праслав. **nebozězъ*, **nobozězъ*, ср. чеш. *nebozez* 'сверло', диал. *nábozez*, польск. диал. *niebozas*, словин. *ńebᵘozωř*, в.-луж. *njeboz*(*ac*), н.-луж. *njab*(*o*)*zec*, словен. *nabozec*, сюда же полаб. *nebóizier*, *neboízier*, *nebützgárr*, *nebütgárr* 'сверло'), — заимствовано из древнегерманского или западногерманского слова **nabagaiza-* 'сверло для просверливания отверстия для оси в колесной ступице, втулке', др.-в.-нем. *nabagēr* то же (последнее, можно полагать, дало некоторые славянские формы на *-r*)[28]. Заимствование в данном случае отразило, возможно, проникновение соответствующей новой реалии — особого большого сверла — герм. **naba-gaiza-*, буквально 'ступичное копье', — нужного в колесничестве. Такие специальные сверла бытовали, по-видимому, с древности в народном ремесленном производстве романских и германских территорий, ср., например, изображение этого сверла в действии в книге Майсена об орудиях и способах обработки дерева в романских кантонах Швейцарии[29]. Формы на *ne-* в славянском рано выступают, вероятно, в связи с вторичным осмыслением начала данного слова как отрицания. Полезно помнить, что названные заимствования, при всей их допустимой древности, представляют собой относительно новые факты, не имеющие, в сущности, ничего общего с примерами германско-славянской совместной инновации в области словообразования, лексики и терминологии, которые представляют для нас первоочередной интерес. Важно также, что единичным односторонним ранним заимствованиям некоторых германских

---

[26] Попытка нащупать еще одну общность в названии ветки, развилка между слав. **dvigъ* (откуда **dvigati*) и герм. **twīga-*, нем. *Zweig* предпринята нами в ст.: Славянские этимологии 41—47 // Этимология. 1964. М., 1965.

[27] Ср.: *Младенов*. С. 42; *В. Георгиев* [и др.]. Български етимологичен речник. Св. 1. София, 1962. С. 72—73 (авторы обоих словарей допускают родство с германским).

[28] *F. Lorentz*. Polabisches // ZfslPh. III. 1926. P. 323; *A. Brückner*. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen // AfslPh. XLII. 1929. S. 131; *Machek*. S. 321.

[29] *A. Maissen*. Werkzeuge und Arbeitsmethoden des Holzhandwerks in romanisch Bünden. Die sachlichen Grundlagen einer Berufssprache. Genève—Zurich, 1943 (= Romanica Helvetica. Vol. 17). S. 141.

35 — 9718

терминов обработки дерева противостоит большое количество — по меньшей мере десяток — древних родственных славяно-германских пар терминов, которые носят нередко характер совместной инновации этих языков в данном разделе словаря и терминологии. Ниже мы приведем соответствующие перечни, которые послужат одновременно как резюме этимологических наблюдений настоящего раздела, а сейчас назовем в соответствии с планом некоторые древние обозначения плетеных изделий из дерева в славянских языках и их родственные связи. Обращение к терминологии плетения из прутьев, веток и коры деревьев сейчас, после того как мы рассмотрели несколько древних названий, относящихся к использованию естественных форм дерева, уместно и закономерно, поскольку такое плетение, особенно примитивные его разновидности, в общем продолжает древнейшую практику использования естественных форм дерева. Выше, в I разделе, на материале реалий ткачества мы наблюдали дальнейшую эволюцию плетения, в III разделе, в части, посвященной гончарному ремеслу, будет вестись речь о рудиментах плетения; если же мы возьмем ту часть примитивной обработки дерева, которая связана с плетением, то найдем здесь плетение в наиболее выраженном виде, как бы квинтэссенцию этого процесса (хотя, разумеется, плетение не составляет сущности всей обработки дерева даже в том объеме, в котором мы берем ее здесь). Рудименты плетения, унаследованные гончарным делом, относятся именно к плетению из прутьев и коры, как мы увидим ниже. Это последнее нашло отражение в таких праславянских терминах, как **plo*(*k*)*tъ*, **košь*, **lǫkъno*, **lyko*, **sito*,**rěšelo*. Отобранные нами древние названия относятся к плетням, корзинам и ситам, определяя тот круг простейших плетеных поделок из дерева, которым мы считаем нужным ограничиться.

Праслав. **plotъ* или **ploktъ* (макед. *плот* 'плетень, забор', сербохорв. *плȏт* 'изгородь, забор, плетень', чеш., слвц. *plot* то же, чеш. диал. *oplot*, *oplota* 'ограда гумна', польск. *płot*, укр. *плiт*, род. *плóту*, *плотá* 'изгородь, сплетенная из хвороста', блр. *плот* 'бревенчатый забор') представляет собой именное производное с *о*-вокализмом от глагольной основы, продолжаемой в праслав. **pletǫ*, **plesti* 'плести' < и.-е. диал. **plektō* с расширением *-t-* при более древнем **plekō*, например в греч. *πλέκω* 'плету'. Форма с названным зубным расширением характеризует только славянский, латинский и германский, являясь как бы совместной инновацией словообразования и морфологии этих языков, ср. лат. *plectō*, др.-в.-нем. *flehtan*, нем. *flechten* 'плести'. Этот термин 'плести' относился, надо думать, изначально к плетению из гибких, тонких побегов, прутьев и веток дерева. Праслав. **plo*(*k*)*tъ* 'изгородь, сплетенная из хвороста, прутьев' имеет параллелизм в герм. **flahtō*, ср. прежде всего нем. диал. (Вестфалия) *flachte* 'доска, образующая борт телеги', сюда же нем. *Flechte* 'коса', именное производное женского рода с тем же вокализмом

корня, что и славянское слово[30]. Первоначально так обозначался, по-видимому, решетчатый борт воза, возможно, сплетенный из веток. Балтийский не знает ни близкого термина-имени, ни соответствующего глагола. Праслав. *košь* (ст.-слав. **кошь** *κόφινος*, болг. *кош* 'большая корзина', сербохорв. *кȍш* 'верша, корзина для ловли рыбы', 'соломенный улей', словен. *koš*, чеш. *koš*, слвц. *kôš* 'корзина', польск. *kosz*, др.-русск. *кошь* 'корзина', русск. диал. *кош* 'плетеная корзина', 'шалаш', 'загон', укр. *кош*, блр. *кош*) продолжает дославянское **kosi̯o-*, родственное лат. *quālus* 'плетеная корзина', которое восходит к **quas-lo-*, ср. уменьшительное *quasillus* 'корзиночка (для шерсти у прялки)'[31]. Особо следует выделить тот факт, что славянский в данном случае объединяет с латинским не только давно известная общность именной основы **kʷas-/*kos-* с терминологическим значением 'плетеная корзина', но и параллелизм в образовании производного с общим суффиксом *-l-*, что, в сущности, игнорировалось предыдущими исследованиями. Ср. русск. *кошéль*, диал. *кошóлка*, польск. *koszałka* 'корзина' — из праслав. **koslь*, с одной стороны, и лат. *quālus* < **quaslos* — с другой стороны. Таким образом, и в данном случае мы имеем возможность наблюдать интенсивный и многостепенный, сложный характер инновационной общности славянского и латинского материала — в основе, производной форме и в терминологическом значении. Все балтийские формы (приводимые, например, еще у Преображенского) заимствованы из славянского.

Праслав. **lǫkъno* (сербохорв. *лŷкно* 'вид сбора в пользу священника', словен. *lokno* то же, чеш. (стар.) *lukno* 'мера сыпучих тел', др.-русск. *лукъно* 'кадочка, лукошко; мера', русск. *лукнó* 'корзина из прутьев, коробок из луба', ум. *лукóшко*), первоначально — название небольшой корзинки, сплетенной из коры, образовано по типу имен **okъno*, **sukъno* с суффиксом *-ъno* от основы **lǫk-*, ср. праслав. **lǫkъ*, **lǫka* — названия различных дугообразных, изогнутых предметов и особенно глаголы праслав. **lǫčiti* 'связывать, соединять', с другой ступенью чередования гласного — праслав. **lękǫ*, **lękťi* 'гнуть'. Эти глаголы имеют родственные соответствия в балтийском, ср. лит. *leñkti* 'гнуть', лтш. *likt*, лтш. *lùocît* 'гнуть, направлять'[32], но образование и оформление слова **lǫkъno* 'корзина, лукошко из коры' — факт исключительно славянский и, по всей видимости, новый. Это слово не оставляет сомнений в том, что касается его образования, поэтому характеристика праслав. **lǫkъno* как неясного (у Махека) неуместна. Но не более оправданно отнесение слова **lǫkъno* к **lyko*, *лыко*, предпринятое, например, Преображенским. Фасмер в статье о *лукнó* уже не связывает два эти названия непосредственно, тем не менее в современной литературе признается родство праслав. **lyko* (ст.-слав.

---

[30] *Преображенский*. II. С. 77 (путанно); *Vasmer*. II. S. 374.

[31] *Berneker*. I. S. 586 ff.; *Преображенский*. I. C. 375; *Vasmer*. I. S. 650—651.

[32] *Berneker*. I. S. 740; *Vasmer*. II. S. 68.

лъıко, болг. *лико*, сербохорв. *лйк*, *лйко*, словен. *lik*, чеш. *lyko*, в.-луж. *łyko*, н.-луж. *łyko*, *łuko*, польск. *łyko*, русск. *лыко*, укр. *лико*) с лит. *lùnkas*, др.-прусск. *lunkan*, которые также обозначают лыко. Характер фонетического соответствия этих случаев отличается от обычных регулярных звуковых корреспонденций балтийских и славянских языков, однако это не мешает лингвистам допускать здесь родство и даже тождество слов с изолированной фонетической эволюцией (*-un-* > *-y-* внутри слова) в славянском. Понятно, что именно такие случаи постоянно должны привлекать внимание исследователя, тем более что примеры предполагаемого перехода единичны и число их практически не увеличилось, причем в общем каждый такой новый пример скорее усиливает, а не ослабляет сомнения (ср. обстоятельную и остроумную попытку Топорова в последнее время объяснить *-y-* в праслав. **ryba* из близкого дифтонгического сочетания гласного с сонорным). Повторяем, что слабая сторона сближения др.-прусск. *lunkan*, лит. *lùnkas* и слав. *lyko* — в изолированности предполагаемого славянского процесса *y* < *-un-*, тогда как сильная сторона этого сближения состоит в тождестве значений. Тем не менее сближение нуждается в проверке. Потребность в проверке мотивируется недостаточной выясненностью связей данных балтийских слов в кругу балтийской лексики. Давно известно, что лит. *lunkas* и др.-прусск. *lunkan* родственны лит. *leñkti*, *lenkiù* 'гнуть' и другим балтийским словам с этой основой; следовательно, дифтонгические сочетания лит. *-un-* и др.-прусск. *-un-* в этих названиях лыка представляются не как нечто извечно существующее само по себе, а как одно из звеньев акцентно-апофонической глагольно-именной парадигмы соответствующей основы: *lenkiù—linkstù—lañkas—lùnkas*. Последнее — название лыка — может отражать лексикализованную эволюцию первоначального **lánkas* или **lánkan*, мужского или среднего рода. Это объяснение мы распространяем и на др.-прусск. *lunkan* 'лыко' < **lankan*. Ср. др.-прусск. *lunkis* 'угол' < **lankis*[33]. Балт. **lanka-*, полученное в результате внутренней реконструкции для лит. *lunkas* 'лыко', можно сравнивать только с праслав. **lǫkъ*, **lǫka*, но ни в коем случае не с праслав. **lyko*, чему противились бы самые либеральные представления об исторической фонетике. Наше мнение, прямо противоположное общепринятой точке зрения, заключается в том, что праслав. **lyko* не имеет ничего общего ни с праслав. **lǫkъno* (см. выше), ни с балтийскими названиями лыка — лит. *lùnkas*, др.-прусск. *lunkan*. При всем подкупающем подобии последних их близость нужно объяснять как угодно, но только не генетическим родством и не этимологическим тождеством. Остается праслав. **lyko*, над которым уже не тяготеет, в свете изложенных наблюдений, необходимость объяснять *-y-* из *-un-*. Гораздо естественнее теперь объяснить праслав. **lyko* 'лыко, светлое, белое подкорье де-

[33] См.: *В. М. Иллич-Свитыч.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963. С. 116.

рева' из дославянского **lūko-*, связав его — в рамках славянского — с **lučь*, **lučina*, **luna* (< **louki̯o-*, **louksnā*), а из других индоевропейских — с нем. *Lohe* '(дубильная) кора', *lohen* 'пылать, пламенеть' (герм. **lauha-*), далее — греч. *λοῦσσον* (**louki̯om*) 'белая часть древесины', лат. *lūx* 'свет' и т. д. — из и.-е. **leuk-* 'светить(ся), светлый, белый'. Ясно, что именно светлая окраска молодых слоев древесины, подкорья, лыка послужила мотивом для такой номинации. Особенно поучителен при этой этимологии праслав. **lyko* параллелизм германского, где представлено у родственной основы и значение 'пылать, пламенеть', 'быть светлым' и значение 'кора', ср. и значение 'белая часть древесины' в родственном греческом слове, также подкрепляющее нашу этимологию слова **lyko*.

Праслав. **sito* (болг. *сито*, сербохорв. *сйто*, словен. *sito*, чеш. *síto*, польск. *sito*, русск. *сúто*, укр. *сито*) обычно объясняют из **sēi-to-* в связи с праслав. **sějati*, и.-е. **sē-* 'сеять', приводя в числе родственных слов лит. *síetas* 'сито', лтш. *siêts* (которые могут быть заимствованы из славянского), греч. *ἠθμός* 'цедилка, сито', кимр. *hidl* 'сито', др.-исл. *sāld* (и.-е. **sētlo-*)[34]. Ср. еще др.-в.-нем. *sib*, нем. *Sieb* 'сито'. Однако эта этимология не очень успешно справляется с фонетическими трудностями, поскольку в славянском, как и в большинстве других индоевропейских языков, глагол 'сеять' и его достоверные производные имеют основу **sē-*, а не **sei-* или **sēi-*. Кроме того, праслав. **sito* явно связано со славянскими словами, которые не имеют ничего общего с сеянием или просеванием сквозь сито. Ср. польск. *sitowie*, *sit*, русск. *сúтник* 'тростник' — с тем же вокализмом и суффиксальным расширением *-t-*, что и **sito*, далее — праслав. **sětь*, русск. *сеть* и родственные. Эти последние названия тростника, растения, используемого для плетения, и сети давно правдоподобно проэтимологизированы из и.-е. **sei̯-* 'связывать, вязать'. От них, по всей вероятности, нельзя отрывать и славянское название сита, которое, таким образом получило обозначение как нечто сплетенное, связанное. Праслав. **rešeto* (или **rěšeto?*) тоже могло бы получить этимологию как '(нечто) сплетенное, связанное', если бы сближению его с **rěšiti* '(раз)вязать' не препятствовала неясность первоначального вокализма, ср. укр. *péшето*, сербохорв. *решѐто*, цслав. (сербск.) *решето*[35].

Названия долбленых сосудов содержат ряд старых, в том числе неясных, образований. Это обстоятельство не в последнюю очередь говорит об архаичности соответствующих названий. Мотивация этого языкового явления со стороны реалий тоже не оставляет сомнений. Так, если мы возьмем для сравнения народное производство посуды и утвари с помощью долбления цельных стволов дерева и бондарное производство посуды и утвари из клепок, то первое из них, бесспорно, характеризуется как более примитивное и архаич-

---

[34] *Преображенский*. II. С. 290—291; *Vasmer*. II. S. 629; *Machek*. S. 445.

[35] Ср.: *Vamer*. II. S. 518—519.

ное. Бондарное производство почти повсеместно оказывается относительным нововведением, причем не без внешних импульсов. Особенно яркий пример такого рода представляет собой латышский язык, где бондарная терминология — немецкого происхождения. «Все сосуды этого рода и все бондарное дело латыш перенял впервые у немцев»[36]. Отличие славянской материальной культуры, довольно точно отраженное языком, терминологией, состоит в относительно более высоком уровне культуры, в том числе обработки дерева у славян сравнительно с балтами. Достаточно сказать, что, например, латыши были вынуждены заимствовать у немцев название такого важного орудия, как тесло — лтш. *slīmests* < н.-нем. *snîd*(*e*)*messet*, или название такой элементарной детали бондарного сосуда, как утор — лтш. *kimenes* мн. < нем. *Kimme*, не говоря об остальной, более специальной лексике бондарства. Славяне располагали исконным древнейшим названием тесла — праслав. **teslo*, **tesla*, как мы уже знаем; исконного, праславянского образования также ряд других бондарных терминов, прежде всего название утора, места плотного («впритирку») примыкания клепок дна и боковых клепок — **ǫtorъ*, сложение приименной приставки *ǫ-* 'в' и *-torъ* : **terti* 'тереть', ср. образование аналогичных праславянских сложений **ǫ-tъkъ*, **ǫ-dorbь* в других разделах ремесленной терминологии. Но и это слово не ведет свою родословную раньше праславянского периода, будучи праславянским новообразованием. Примерно такая же характеристика может быть распространена на другие древнейшие термины славянского бондарного дела: **obrǫčь* 'обруч' — **rǫka*, **obvodъ* 'обод' — **obvedǫ*, **klepъka* 'клепка' — **klepati* 'бить' (ср. *набивать обручи*). Последнее название клепки, инновационный праславянский характер которого мы показали, имеет к тому же севернославянское распространение — восточнославянские языки, значительная часть Польши[37]. Такой ареал тоже не позволяет видеть в этом слове древнее образование. Мошинский, сделавший это наблюдение, указал, что в Малопольше, в Чехии и у южных славян известно в качестве названия бондарной клепки слово *dǫga*. Это значение продолжений праслав. **dǫga* (другие его значения — 'дуга (вообще), радуга' — более позднего происхождения) может считаться довольно древним, ср. н.-нем. *tangen* мн. 'сваи (которые забивают в болотистую почву под фундамент дома)', сюда же нем. *Zange* 'щипцы'. Вернее будет сказать, что наиболее древним элементом значений родственных славянского и немецкого слов является '(деревянная) пластина', а собственно бондарное терминологическое значение 'изогнутая пластинка, клепка, дуга' может быть отнесено уже к семантической инновации праславянского. Более древние

[36] *A. Bielenstein.* Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Ein Beitrag zur Ethnographie, Culturgeschichte und Archäologie der Völker Russlands im Westgebiet. T. 2. Die Holzgeräte der Letten. Petrograd, 1918. S. 319.

[37] *K. Moszynski.* Op. cit. I. S. 292.

образования не характерны также и для славянской бондарной терминологии, которая отличается значительным числом относительно поздних заимствований, ср. хотя бы такие, как русск. *бóндарь*, польск. *bednarz* — из старой формы нем. *Büttner* 'бондарь, бочар'; русск. *бóчка*, польск. *beczka* и др., также немецкого происхождения. Польск. *kubeł*, *gbeł* < нем. *Kübel* и из предшествующих последнему форм. Сюда примыкают уже совсем недавно заимствованные названия бондарных и плотничьих орудий — польск. *cyrkiel*, *hebel* 'рубанок', *warsztat* 'верстак' (ср. нем. *Zirkel*, *Hobel*, *Werkstatt*); русск. *рубáнок*, *фугáнок*, *стамéзка* (нем. *Ruhebank*, *Fugebank*, *Stemmeisen*); сербохорв. *blajštift*, *vinkl*, *hobl*, *hoblić*, *kinoblin*, *štemajzl*, *štemoblin*, *žaga*, диал. *žajga* (нем. *Bleistift*, *Winkel*, *Hobel*, *Kienhobel*, *Stemmeisen*, *Stemmhobel* или *Stemmhoblein*, *Säge*). Как видим, более оснащенная обработка дерева широко обслуживается у славян в новое время терминами немецкого происхождения.

Возвращаясь к названиям долбленых сосудов, мы коротко остановимся на таких терминах, как **nъktji* (род. ед. **nъktjьve*), **koryto*, **kadьlbъ*, **lъžica*/**lъžьka*. Праслав. **nъktji* (ст.-слав. **нъштвы** 'mactra', болг. *нъщви*, *нощви* мн. 'квашня', сербохорв. *нȁħве* мн. 'ночвы, дежа', словен. *načke*, *neške*, *nešče*, *nične*, чеш. *necky* мн. 'ночвы, корыто (для стирки)', в.-луж. *mjecki*, н.-луж. *njacki*, польск. *niecki*, русск. *нóчвы*, *ночёвки* мн. 'род корыта (для муки, зерна)', укр. *ночви* мн.), собственно говоря, обычно — plurale tantum **nъktjьvy*/**nъktjьky* — представляет собой слово с недостаточно выясненной этимологией. Достоверно лишь, что перед нами название, бесспорно, еще дославянского происхождения, о чем говорит темный характер этимологической принадлежности корня, оформленного по древнему, непродуктивному типу основ на *-ū* (> *-y*/*-ъve*) женского рода. Из этимологии в последнее время пользуется признанием сближение славянского слова с незасвидетельствованным в славянских языках корнем и.-е. **nig^u-*, ср., например, греч. *νίζω* 'мою', а слав. **nъktjьvy* мн. ср. специально с греч. *νίπτρον* 'вода для мытья' (в связи с чем вносится корректив в славянскую праформу: **nьkt-...*)[38]. Однако принимаемое в этом случае за исконное значение 'корыто для мытья, Waschtrog' было несвойственно большинству продолжений праславянского слова, которые показывают преимущественно значение 'квашня, дежа, корытце для муки, зерна'. Такое корытце было заведомо мелким и не годилось, естественно, для мытья. Исследователи обращали внимание на то, что ночвы представляют собой корытце в форме челнока, долбленой лодочки. Отсюда следует, что наибольший вес сохраняет старое сближение праслав. **nъktjьvy*/**nъktjьky* с герм. **nakwan-*, ср. др.-исл. *nökkvi*, др.-в.-нем. *nacho* 'челн, небольшое судно'[39], которые в свою очередь связаны с и.-е. **nā̆u̯-* 'судно, корабль'. Детали отношения славянских и германских форм до конца не

[38] *Vasmer.* II. S. 229; *Machek.* S. 321.
[39] См.: *Преображенский.* I. С. 614.

выяснены, не исключена формальная вероятность заимствования славянского слова из германского. В отличие от названия ночев, праслав. **koryto* — чисто славянское образование, хотя и достаточно раннее: ст.-слав. **корыто** 'canalis, cisterna, concha', болг. *корито*, сербохорв. *ко̀рито* 'корыто; русло', словен. *korito*, чеш. *koryto*, польск. *koryto* 'корыто, русло', н.-луж. *koryto*, русск. *корыто*. Обычно членили праслав. **koryto* на корень **kor-*, относя остальное к суффиксальной части, а основу связывали с др.-прусск. *pracartis* 'корыто', лит. *prãkartas* 'ясли, кормушка, корыто', а также с *кора́*, *корень*, греч. *κείρω* 'стригу', наконец — лтш. *kaŗuôte* 'ложка' [40]. Эти взаимно исключающие друг друга и необязательные сближения (так, балтийские названия корыта и ясель явно локальны и сюда не относятся) не могут нас удовлетворить. Более целесообразным кажется пока отказаться от несколько поспешных внешних сравнений. Праслав. **koryto* обозначало первоначально, по-видимому, продолговатый, желобообразный (долбленый) резервуар, впрочем, столь же древним представляется значение 'русло, углубление, вырытое рекой, потоком', отмеченное в ряде славянских языков. Заключать из сравнения этих значений, что второе имеет переносный характер, мы пока не можем. Внутриславянское родство остается не вполне ясным, почему сопоставление со сходно оформленным **kopyto* трудно принять без колебания, так как оно предполагало бы позднюю употребительность глагольной основы **kor-* 'рыть и т. п.', чего на самом деле в праславянском не было (вроде **kopyto* : **kopati*). Сближения с *кора́*, *корень* еще труднее мотивировать. Может быть, для этимологизации **koryto*, вопрос о происхождении которого мы оставляем открытым, полезно свидетельство структуры близкого по времени образования и в известной мере соседнего по значению праслав. **kadьlbъ* (чеш. *kadlub* 'колода с выдолбленным отверстием или углублением, с толстыми стенками', 'сруб колодца', польск. *kadłub* 'долбленая колода', укр. *ка́довб*, блр. *ка́доўб*, русск. *калдо́ба*), которое совершенно ясно этимологизируется как сложение именной приставки *ka-* с основой глагола **dьlb-*, уже рассмотренной выше. К этим названиям сосудов, долбленых из дерева, примыкает в общем совершенно самостоятельное **lъžьka*/**lъžica* 'ложка' (ст.-слав. **лъжица**, болг. *лъжица*, сербохорв. *ла̀жица*, *жлѝца*, словен. *žlica*, чеш. *lžice*, *žlice*, в.-луж. *łžica*, н.-луж. *žyca*, русск. *ло́жка*, укр. *ло́жка*), которое, скорее всего, продолжает форму **lъža* < **lъz-ja* от и.-е. **luĝh-*/**leuĝh-* 'ломать', ср. лит. *laužti* 'ломать', которое, однако, не дало подобного славянскому термина, далее — др.-инд. *rujáti* 'ломает'. Сюда же праслав. **lyža* < **lyz-ja* < **lūĝh-*, давшее польск. *łyżka* 'ложка'. Отправное значение в данном случае: '(деревянная) щепка', ср. аналогичное известное англ. *spoon* 'ложка' — нем. *Span* 'щепка' [41].

---

[40] *Преображенский.* I. С. 364; *Vasmer.* I. S. 638.

[41] См. (с отличиями в толковании): *Vasmer.* II. S. 53.

Сосредоточивая в этом разделе внимание почти исключительно на древних, праславянских терминах обработки дерева, мы рассмотрели выше слова: **sěkťi*, **rǫbiti/*rǫbati*, **sekyra*, **sěčivo*, **tesati*, **tesla/*teslo*, **toporъ*, **dьlbiti/*dьlbati*, **delbto/*dolbto*, **strъgati*, **strugъ*, **nožь*, **klinъ*, **skoblь*, **kosorъ/*kosyrь*, **scěpati/*scěpiti*, **lupiti*, **jьverъ*, **pazъ*, **kolda*, **brъvь(no)*, **kľuka*, **kľučь*, **žьrdь*, **soxa*, **bordy*, **nobozězъ*, **plo(k)tъ*, **košь*, **koslь*, **lǫkъno*, **lyko*, **sito*, **rěšeto*, **ǫtorъ*, **obrǫčь*, **obvodъ*, **klepъka*, **dǫga*, **nъktjьvy*, **koryto*, **kadьlbъ*, **lъžьka/*lyžьka*. Все эти названия уверенно характеризуются как праславянские. Среди них заимствования единичны, ср. **toporъ*, **bordy*, **nobozězъ* как наиболее вероятные иноязычные термины. Подавляющая масса этих сорока старых славянских деревообделочных терминов — исконно славянские лексемы. Обращает на себя внимание большое содержание изначально деревообделочной (старой и новой) лексики, которая подходит с успехом под определение генуинной. В этом отношении данная производственная терминология демонстрирует удивительную монолитность, чем выгодно отличается от других разделов ремесленной терминологии с их сложной картиной терминологического расслоения. Это говорит о древности данной терминологической группы как самостоятельной группы, которая содержит сравнительно немного вторично терминологизированных включений или заимствований из других производственных терминологий (таких практически нет); это говорит и о древности реального плана — процессов обработки дерева. Гораздо чаще мы встречаем в других разделах ремесленной терминологии примеры влияния и проникновения первоначально деревообделочных терминов.

Если мы обратимся к характеристике изоглоссных отношений между языками на материале данной лексической группы, то внутриславянская картина будет маловыразительной, как бы подтверждая с новой стороны уже высказанное выше определение группы славянских терминов элементарной обработки дерева как исключительно монолитной в лингвистическом отношении совокупности. Напротив, славянско-неславянские изоглоссы в рамках данной терминологии стоят того, чтобы о них сказать особо. Вот краткие данные на основании предшествующего анализа этимологии слов:

славянско-латинские параллели — **sěkťi* : *secō*, **sekyra* — *secūris*, **sěčivo* : *secīvum*, **tesati* : *texō*, **tesla* : *tēla/tēlum*, **strъgati/*strugъ* : *frūor*, *frūgem*, **scěpiti* : *scīpiō*, **pazъ* : *pangō*, **kľuka/*kľučь* : *clāva/clāvis*, **košь/*koslь* : *quālus*;

славянско-германские параллели — **tesla* : др.-в.-нем. *dehsala*, **dьlbiti* : др.-англ. *delfan*, **strъgati* : др.-исл. *striúka*, **skoblь* : др.-в.-нем. *scaba*, **scěpiti* : др.-в.-нем. *scîba*, **lupiti* : др.-в.-нем. *loub*, **pazъ* : нем. *Fach/Fuge*, **kolda* : нем. *Holz*, **brъvь* : герм. **bruwjō*, **kľučь* : нем. *Schlüssel*, **žьrdь* : нем. *Gerte*, **plo(k)tъ* : нем. диал. *flachte*, **lyko* : нем. *Lohe*, **døga* : н.-нем. *tangen*, **nъktjьvy* : герм. **nakwan-*;

славянско-балтийские параллели — **tesati* : лит. *tašýti*, **lupiti* : лит. *laupyti*.

Принимая во внимание малочисленность данной терминологической группы, мы должны будем назвать ее изоглоссные показания особенно внушительными; по своей значимости и определенной направленности они красноречиво превосходят соответствующие показания предыдущей группы терминов текстильного производства, которая может считаться абсолютно крупнейшей из всех привлеченных в нашей работе групп по своей численности. Это дает право предполагать, что свидетельства терминов обработки дерева не только в силу условной композиции, избранной нами, но и в силу своего удельного веса займут центральное место в исследовании и его выводах. Предыдущие списки пар соответствий говорят за себя сами: на материале древней славянской терминологии простейшей обработки дерева соответствия в лексике и терминологии между славянским и латинским, славянским и германским абсолютно преобладают. В числе пар между славянско-латинскими и славянско-германскими соответствиями есть расхождения, но они имеют второстепенное значение, как и сама точная цифра тех и других соответствий. По меньшей мере в трех случаях, касающихся праслав. **tesla*, **pazъ*, **kľučь*, наблюдается инновационная общность, охватывающая славянский, латинский и германский (один раз — также греческий). Наш несколько сплошной перечень захватил и случай общности архаизмов, но совершенно очевидно, что большинство собранных здесь славянско-латинских и славянско-германских соответствий по природе своей — совместные инновации. Их очевидный характер, а также сложность и многостепенность в плане словообразования (ср. общность целых гнезд, особенно характеризующая славянско-латинские соответствия), в плане семантики (общность значений первого и второго порядка) делают логически обязательным вывод о совместности языковых переживаний носителей древних славянских, италийских и германских диалектов в какой-то ближе не поддающийся определению древний период их истории. Ничего этого мы не можем сказать о балто-славянских отношениях в данной терминологической группе, где этимология и реконструкция встречает одни лакуны и реальное отсутствие общности даже в том, в чем подчас традиция усматривала тесное родство и взаимодействие. Приведенные выше два пункта балто-славянских соприкосновений в древней лексике обработки дерева могли бы с таким же успехом быть опущены, не изменив общей картины, поскольку в одном случае налицо лишь сохранение архаизма (**tesati* — *tašyti*), а в другом — возможность славянского влияния (**lupiti* — *laupyti*). Эта область славянской ремесленной терминологии сложилась тоже без видимого общения с балтами, в условиях иных контактов, которые не охватывали балтов, оформивших аналогичные термины совершенно обособленно, о чем, например, свидетельствует — в прямом, реальном, и в косвенном, лингвистическом, смысле — высказывание Даукантаса,

известного историка и знатока быта литовского народа: «Ir taip, jų grąžtai, kaltai, strūnos, skaptai, skritulės, kirviai, skliutai yra pačių dirbti. Lygia dalia dailidavo sau patys namų baldus, beje: kubilus, bosus, verpeles, aktainius, legeres, rakandas, pintines, kurvius, rėčius, kretilus, sietus, sėtuves, minkytuvius, lovius, raugtines, kipius, geldas, muldas...» [42].

[42] [*S. Daukantas.*] Būdą senovės lietuvių kalnėnų ir žemaičių išrašė pagal senovės raštų Jokūbas L a u k y s [псевдоним. — *O. T.*] / E. d. *J. Talrnantas.* Kaunas, 1935. S. 98.

III. ТЕРМИНОЛОГИЯ РЕМЕСЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЯ

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО

«Гончар бросает ком глины на середину круга. Круг быстро и беззвучно вращается, приводимый в движение ногами. Человек вонзается соединенными вместе большими пальцами обеих рук в центр вращения массы и разламывает ее. Глине, расступающейся от середины наружу, противостоят с краев ладони обеих рук. Масса, которой закрыт путь вниз, внутрь и наружу, стремится под давлением пальцев кверху, врастает утончающейся стенкой в сгибы ладоней ваятеля, льнет как бы по собственной воле к формующим пальцам. А руки, которые тем временем переменили свое положение так, что одна из них теперь находится внутри, а другая — снаружи, казалось бы, всего лишь направляют стремление к форме, чудесным образом живущее в самой материи, вытягивая сосуд с непонятной быстротой из бесформия.

Тот, кто видел это когда-нибудь, не сможет этого забыть. Каждый, кто это видел, всегда будет стремиться увидеть это еще. Это один из тех трудовых процессов, богатство материальных и духовных связей которых не может исчерпать ни одно описание.

Но гончарный круг существовал не всегда».

J. Trier. Topf // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. I. H. 4. Stuttgart, 1947—1949. S. 337.

Гончарный круг существовал не всегда. Полагают, что он стал известен раньше всего в Месопотамии (4000 лет до н. э.), откуда, видимо, распро-

странился на Восток — в Индию и Китай — и на Запад — в Европу. Впрочем, важнее, да и целесообразнее, ввиду недостаточной ясности состояния этого культурно-исторического вопроса не настаивать ни на этой моногенетической, ни на противоположной ей полигенетической точке зрения (хотя именно идея неподвижного центрирования оси вращения, лежащая в основе принципа любого гончарного круга, была способна зародиться независимо в гончарской практике различных народов разных культурных районов), — важнее, повторяем, иметь в виду несколько наиболее вероятно установленных вех, знаменующих появление гончарного круга: Азия и Египет — III тыс. до н. э., Греция — II тыс. до н. э. (Шлиман свидетельствует о находке при раскопках первого города на территории Трои небольшого глиняного кувшина, замечательного как первое целиком сохранившееся изделие на гончарном круге из этого культурного слоя), Италия — I тыс. до н. э., Центральная и Северная Европа — раннеримский период. Все те германские племена, которые не находились в непосредственном контакте с кельтами и римлянами, не знали гончарного круга еще в III в. н. э. Славяне осуществляют в своем керамическом производстве переход к гончарному кругу с V по IX—X вв. н. э., при этом наблюдается распространение круга с юга на север по славянской территории. Раньше этого знаменательного перехода глиняные сосуды изготовлялись вручную [1].

Таким образом, эволюция керамического производства, гончарного дела распадается на две крупнейшие стадии: до введения гончарного круга и после введения гончарного круга. Но, как всегда бывает, старые формы производства продолжали, а местами продолжают существовать еще и сейчас наряду с господствующей новой формой на правах культурного архаизма, обусловленного почти всякий раз экономически: отсталостью района бытования старой формы, сугубо домашней, не рыночной направленностью производства (обычно в таких случаях женского). Таков, например, характер женского гончарного производства у таджиков на юге Таджикистана наряду с городским гончарным производством, знающим гончарный круг и осуществляемым мужчиной (в тех же районах). Примерно столь же прими-

[1] *J. Trier.* Topf // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. 70. H. 4. Stuttgart, 1947—1949. S. 338; *H. Th. Horwitz.* Die Drehbewegung in ihrer Bedeutung für die Entwicklung der materiellen Kultur // Anthropos. Bd. XXVIII. H. 5/6. Wien, 1933. S. 755; *A. Rieth.* Die Entwicklung der Töpferscheibe. Leipzig, 1939, passim; *H. Schliemann.* Troja. Ergebnisse meiner neuesten Ausgrabungen auf der Baustelle von Troja, in den Heldengräbern, Bunarbaschi und ändern Orten der Troas im Jahre 1882. Leipzig, 1884. S. 38—39; Die deutsche Volkskunde. Hrsg. von Prof. Dr. A. Spamer. Bd. I. Aufl. 2. Leipzig, 1934. S. 440; *L. Niederle.* Život starých Slovanů Základy kulturních starožitností slovanských, díl III, sv. 1. Praha, 1921. S. 303 ff.; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 163 сл.

тивна лепка сосудов; без круга в бывш. Дмитровском уезде Московской губернии [2].

И от терминологии гончарства мы вправе также ожидать тесного переплетения нововведений и архаизмов, что, как увидим далее, подтверждается лингвистическим анализом самой терминологии. Мы не станем здесь предрешать выводов, которые найдут свое естественное место в заключении предлагаемого ниже исследования терминологии славянского гончарства, и уделим здесь еще некоторое внимание суммарному изложению того, что можно определить как historia universalis гончарства, керамического производства, включая сюда в немалой степени и гипотетические построения, известные в науке. И здесь, как и в других частях этой работы, культурно-историческая, этнологическая преамбула к сугубо лингвистическому анализу терминов не только уместна, но необходима органически хотя бы в силу специфики данного лингвистического материала.

Среди археологов, этнографов и лингвистов-специалистов по культурным древностям индоевропейских народов известна теория эволюции керамического производства, разработанная и дополненная представителями различных наук. Основное положение этой теории заключается в том, что керамическое производство восходит к плетению как к своему костяку. Плетенка различной формы, корзина обмазывалась глиной, сообщавшей ей водонепроницаемость. Что касается форм плетения этих древних керамических сосудов, то последние могут быть объяснены, согласно плодотворной теории К. Шухардта, как продолжения докерамических прототипов — уже упоминавшихся корзин, затем различных

---

[2] См., например: *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство Средней Азии // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XLIL. М.—Л., 1959; *D. Zelenin.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927. S. 101 ff. — Так, на примере хотя бы одних только славян можно наблюдать эволюцию производства сосудов от грубых глиняных ручных изделий (минуя их доисторические прототипы, о которых — далее, в тексте) к более совершенным, изготовленным на гончарном круге, с последующим более или менее интенсивным вытеснением их металлической посудой, котлами. Ср. любопытное высказывание специалиста по этнографии Польши: «Поляки и вообще славяне отличаются тем, что варят в глиняных горшках, которые ставятся к огню или на огонь, тогда как котел не свойствен польской территории; наши горали переняли его вместе со многими другими балканскими влияниями, а кашубы применяют котел под немецким влиянием» (*A. Fischer.* Lud Polski. Podręcznik etnografii Polski. Lwów—Warszawa—Krakow, 1926. S. 36). Автор исследования о гончарном производстве Средней Азии отмечает, что манера варить пищу в глиняной посуде, горшках, которая среди равнинного населения Средней Азии совершенно исчезла, «несомненно, является очень древней и могла возникнуть в то время, когда в жилище просто раскладывался костер; с постепенным переходом к очагу, вероятно, возникла форма глиняного круглодонного котла...» (*Е. М. Пещерева.* Указ. соч. С. 297).

форм, подсказанных самой природой соответствующих областей, — формы тыквы, огурца, отсюда понятия «стиля корзинного плетения» (Korbflechtstil), «тыквенного стиля» (Kürbisstil). Как и в целом ряде других общественных дисциплин, исследовательская процедура в этом важном узле проблем истории материальной культуры может опираться на критерии внешней и внутренней реконструкции. Внешняя реконструкция представлена культурными параллелями и аналогиями. Например, говоря о праславянском и индоевропейском керамическом производстве, для которого мы восстанавливаем стадию обмазки плетеных сосудов гипотетически, мы можем сослаться на тот факт, что в Руанде, Меланезии, Южной Америке до сих пор плетеные сосуды обмазывают снаружи и изнутри глиной. Внутренняя реконструкция присутствует, видимо, в тех случаях, когда мы узнаем, например, в орнаменте сосудов, в традиционных деталях, не мотивированных синхронно (или осмысленных явно вторично), отражение важных древних структурных элементов прототипов тех же сосудов. «Уже давно признано также, что многие орнаменты, особенно на керамике, подражают расположению веревок или ремней, служивших для переноски иди подвешивания сосудов. Хорошим примером может служить угольчатый орнамент, часто встречающийся среди нарезных узоров дунайской керамики, особенно на сосудах с ушками. Точно так же орнамент древнейшей шнуровой керамики, состоящий из ряда горизонтальных линий вокруг шейки, часто с отходящим от них вниз узором в виде бахромы, несомненно, воспроизводит ременные или веревочные приспособления для носки...»[3].

Говорят о следующих стадиях развития гончарства: 1) сосуды плелись и уплотнялись с помощью глины; 2) эти сосуды обжигались, причем плетение сгорало и оставался глиняный сосуд; 3) научились формовать вручную сосуды из одной глины с последующим обжигом; 4) формовка сосудов из глины на гончарном круге и обжиг (Мерингер). Зеленин дает следующую статическую классификацию известных сейчас четырех типов гончарной техники: 1) формовка на моделях (кокосовые орехи, камни, тыквы, корзины, комья песка, травы); 2) налéп = Tonwulsttechnik = au colombin; 3) вытяжной метод (из одного куска глины, главным образом на гончарном круге); 4) мало распространенный способ (Египет, Китай): литье[4].

Таким образом, главным достижением изучения доисторического гончарства является тезис о происхождении гончарства из плетения. Первоначаль-

[3] *Дж. Г. Д. Кларк.* Доисторическая Европа. М., 1953. С. 209.

[4] Illustrierte Völkerkunde. Hrsg. von G. Buschan. Bd. I. Aufl. 2. Stuttgart, 1922. S. 23; G. Schuchhardt // Prähistorische Zeitschrift. Bd. I. 1909. S. 37 ff,; *R. Meringer.* Die ältesten Gefässe // WuS. Bd. VII. 1921. S. 1—20, особенно S. 14; *A. Rieth.* Op. cit. S. 3; *D. Zelenin.* Zur Entwicklungsgeschichte der primitiven Töpferei // ZfslPh. Bd. XX. H. 2. 1950. S. 209 ff.

ное гончарство — разновидность плетения; стенка древнейшего сосуда родственна плетеной стене древнего жилища. «Древнейшие сосуды были подобны стенам дома постольку, поскольку они имели сердцевину из плетенки, на которую наносился слой глины: *fidelia*, *testa*, *dolium*, *graal*, *Hafen*»[5].

Действительно, нельзя отказать в справедливости наблюдению Трира, что семасиологическое отношение '(плетеная) изгородь' : 'глина, глиняный сосуд' плодотворно этимологически (wortgeschichtlich fruchtbar), что названный ученый подтверждает убедительным анализом приведенных выше слов и ряда других. Мерингер и Трир дали несколько интересных исследований лингвистического, этимологического аспекта проблемы на материале названий сосудов латинского и других романских языков, греческого, древнеиндийского, германских. Обращает на себя внимание скудость в этих работах славянского материала, почти полное его отсутствие. Но прежде чем перейти к вопросу о том, насколько собрана и изучена терминология славянского гончарства, славянская номенклатура глиняной посуды, мы не можем не отметить недостаточной еще степени разработанности истории самого гончарства у славян. Полная история славянского гончарства, которая бы включала в свои широкие рамки обстоятельное осмысление доисторических материалов, еще не написана. То, что сделано до сих пор, носит слишком эскизный характер и в немалой степени провинциально. Мы имеем в виду статьи и частные исследования по гончарству у славян, строящиеся обыкновенно на местном этнографическом материале с допущением некоторых культурных параллелей и на данных археологии, обычно не очень глубоких. Наиболее древний технический уровень славянского гончарства, доступный для исследователя, это, судя по большинству существующих работ, — ленточная или жгутовая лепка сосудов на примитивном ручном гончарном круге или без круга: «... славянская керамика X—XIII веков нашей эры несет в себе все признаки описанной выше техники (имеется в виду архаический способ в селах Куликове и Глазачеве близ г. Дмитрова под Москвой. — *О. Т.*). Славянские сосуды лепились, безусловно, ленточным способом, на кругу 'легкого' типа с добавочным кружком, посыпавшимся песком или золой. За это говорит отсутствие следов срезки на дне, остатки налипшей подсыпки, выступающий ободок по краю дна, получающийся благодаря затеканию сырой глины за край верхнего кружка, и отпечатки сходных клейм на дне. Вся древнеславянская посуда без поливы, со следами томления или обварки, и несет следы обработки поверхности деревянным ножичком и мокрой тряпкой, и наконец самые формы горшков сходны с дмитровскими»[6]. Примерно такую

---

[5] *J. Trier.* Lehm. Etymologien zum Fachwerk. Marburg, 1951 (= Münstersche Forschungen. H. 3). S. 7.

[6] *М. В. Воеводский.* К истории гончарной техники народов СССР // Этнография. 1930. № 4. С. 57.

же картину рисует Нидерле в своем монументальном труде, посвященном жизни и культуре древних славян, Рыбаков и Костшевский в своих книгах соответственно — о древнерусском ремесле и о прапольской культуре [7], и эта картина, по-видимому, близка к исторической правде, хотя — и это главное, что мы хотели бы выделить, — лишена более широкого фона. Едва ли можно винить в этом названных авторов, обобщивших в своих трудах богатые сведения и большой исследовательский опыт.

Описанная ситуация довольно правильно отражает состояние науки. Вдаваться более подробно в критику этой области истории материальной культуры нам трудно, потому что это выходит за рамки нашей компетенции. Решающее слово здесь остается за специалистами. Единственное, чем мы намерены заняться, наряду с другими, более специальными задачами этой части нашей работы, это попытаться силами языкознания оказать некоторую помощь в установлении «докерамического» прошлого отдельных славянских гончарных терминов, которые, как нам кажется, хранят память об этом прошлом.

Если капитальное синтетическое исследование по истории и доистории славянского гончарства пока отсутствует и его отсутствие ощутимо сказывается на нашей работе, то в хороших областных, региональных синхронных описаниях польского, русского, белорусского и т. п. гончарства недостатка нет. Эти этнографические работы, полезность которых мы с благодарностью отмечаем, очень нужны для лингвиста, решающего задачу, аналогичную нашей, как, впрочем, мы констатировали в таких же случаях в других разделах нашей работы. Этнографическое описание определенного ремесла, промысла, дающее, как правило, хорошую подборку терминов, названий, главным образом важно для лингвиста-лексиколога, этимолога потому, что он получает через это описание систематическое представление о самом ремесле и его реалиях, о производстве, чего не способен дать лингвисту в столь же систематизированной форме ни один лексикографический источник, ни один самый хороший словарь. Поэтому при изучении терминологии гончарства, как и в аналогичных случаях с другими затронутыми в этой работе ремеслами и промыслами, словари общенародного языка и диалектов отступают на второй план как проверочные, а не основные источники. Суть дела состоит в том, что лексикограф, составитель словаря языка, диалекта едва ли разбирается в данной производственной терминологии лучше, чем этнограф-специалист или краевед, которые хорошо владеют реалиями (кроме случаев, составляющих меньшинство, когда оба специалиста совпадают в одном лице).

Совершенно естественно, что нас интересует н а р о д н о е керамическое производство, а вместе с ним — и в первую очередь— народная гончарская терминология. Обзор существующих терминов, который мы помещаем ниже,

[7] *J. Kostrzewski.* Kultura prapolska. Wyd. 2. Poznań, 1949. S. 257 ff.

основан в значительной степени на материалах из этнографических описаний, дополняемых в ряде случаев и проверяемых нами по словарям.

В своем обзоре мы постараемся освещать по возможности равномерно как названия, связанные с гончарным производством, так и названия изделий гончарства — глиняной посуды.

Весьма поучительно знакомство с гончарской терминологией восточных славян, которые сохранили немало архаического в этой области, особенно северновеликорусы. Знанием русского гончарства и в значительной степени его терминологии мы обязаны главным образом выдающемуся знатоку русской народной материальной культуры, этнографу и лингвисту Зеленину. Он дал известное описание примитивного ручного гончарного круга, станка, который насажен на вертикальную ось, называемую *веретенó*. Ножной гончарный круг, «немецкий», характеризуется как позднейшее усовершенствование, культурный импорт; он имеет два диска, насаженных на веретено — *ножни́к* и *верши́к*, названия которых говорят сами за себя. Формовка посуды на круге называется у великорусов *круже́ние*. Для окончательной формовки посуды используется деревянный инструмент — *нóжик*. «Выражение *лепи́ть посýду*, — отмечает Зеленин, — очень распространено среди всех северновеликорусских гончаров, откуда можно сделать вывод, что этот способ был обычным еще недавно». Из терминологии обжига следует упомянуть прежде всего *горн* 'печь для обжига (с одним или двумя ярусами)', затем — *черень*, *черинь* 'горизонтальный под между верхней и нижней камерами с продухами для прохода горячих газов'. Великорусские названия глиняной посуды: *горшóк*, *корчáга* 'сосуд для пива, кваса', ю.-в.-р. *махóтка* 'маленький горшочек', великорусск. *кáшни́к*, с.-в.-р. *штени́к*, великорусск. *егóльник*, *ягóльник* 'маленький горшок для каши', *кри́нка*, *балáкирь*, *горлáч*, *кубáн*, *кубышка*, *лáтка*, *плóшка*, *жарóвня*, *мóлостóв*, *бéрестень* 'непрочный горшок, оплетенный берестой', *черепушки* 'глиняные миски для еды, жаровни для обжаривания картофеля в печке', *дойник*, *мастю́шка*, *кухлик*, *кухля*, *пекиш*, *кувши́н*, *кумгáн*, *солóнка*, *чáшка*, *ми́ска*, *блю́до*, *крýжка*.

В древней Руси, как отмечают исследователи, виды гончарных изделий были однообразны, что должно было отразиться и на гончарской терминологии. Тем не менее еще в домонгольский период были известны такие древнерусские названия глиняной посуды, как *гърньць* (с XI в.), *плóскы* 'плошка, миска', *кръчагъ*, *кръчага*, *крина*, *кринъ*, *окринъ*, *латка*, *черпало*, *почьрпальникъ*, *чьбъръ*, *цебръ*, *чьбанъ*, *чьванъ*, *скудель*, *удоробь*[8], *коморгъ* (Срезн. I, стб. 1266).

---

[8] См. *D. Zelenin.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. S. 101 ff.; *Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья // Мат-лы и иссл-ния по этнографии русского населения Европейской части СССР = Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Довольно разнообразны описания украинского гончарства. Как свидетельствует этнограф-украиновед Волков, «гончарное искусство на Украине развивалось в гораздо большей степени, чем в Великороссии, где и до сих пор преобладает главным образом деревянная посуда». Вся посуда делается на круге, причем исключительно на усовершенствованном тяжелом ножном круге. Части круга — *верхня́к*, *голо́вка*, *кружа́лко* 'верхний диск', *спідня́к*, *спо́день*, *кру́жка* 'нижний диск', *верете́но* 'ось круга', *копи́л*, *лиси́чка*, *ко́ник*, *яремцо́*, *ру́чка* 'дощечка, при помощи которой круг опирается на *ла́ву* 'сидение'. Инструментом при формовке сосуда, помимо пальцев, служит *но́жик* 'тонкая деревянная пластинка почти полукруглой или удлиненной формы'. Посуда ставится для просушки на *п'я́тра* 'длинные доски'. Горн состоит из двух частей, находящихся под уровнем почвы: *пригре́биці* или *погре́биці* 'преддверия печи' и самой *печі* (*піч*). Потолок печи — укр. *че́рінь* — имеет многочисленные *прогони* 'сквозные отверстия для прохода пламени'. Этот потолок служит дном горна, который выходит в виде купола наружу. Яма для помещения горна называется *каби́ця*. Украинские названия главных гончарных изделий: *горн*, *горне́ць*, *горщо́к*, *го́рщик* 'горшок', *макі́тра*, *ма́ко́терть* 'посуда для воды и квашеного теста', *підворотень* 'горшок высотою от 5 до 7 вершков', *ма́хітка*, *ка́шник*, *борщівни́к* — разновидности горшков, *стовбу́н* 'высокий горшок', *плоску́н* 'широкий горшок', *ба́ньки* 'почти шарообразные сосуды с узким отверстием', *кру́жка*, *глек*, *гле́чик* 'горшок, кувшин (для молока)', *ста́вець* 'цилиндрический сосуд с дном для печения пасхальных хлебов', *тиква*, *сло́їк* 'банка', *ми́ска*, *кури́шка*, *курушка* 'курильница', *ноcа́тка* 'старинный умывальник с носком', *каганéць*, *мазни́чка*, *покривець* 'крышка для ульев', *гладу́щик* 'глиняный кувшин для молока с широким и коротким горлом', *вазка*, *поросятник*, *ри́нка*, 'род глиняной кастрюли', *кухля́* (род. *-я́ти*), *ку́хлик*, *ку́холь* 'глиняная, деревянная или металлическая кружка', *селерка*, *бари́ло* 'бочонок', *бакла́жка*, *кала́ч* 'баклажка на воду, а на середині дюрка, на руку можно накладати', *тарілка*, *боде́нька череп'яна*[9].

Т. LVII. М., 1960. С. 167; *О. А. Ганцкая, Н. И. Лебедева, А. С. Парникова.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей // Там же. С. 209; *А. Б. Салтыков.* Русская керамика. Пособие по определению памятников материальной культуры XVIII—начала XX в. М., 1952; *О. С. Попова.* Русская народная керамика (Гжель. Скопин. Дымково). М., 1957; *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч. С. 173; *В. Ф. Ржига.* Очерки из истории быта домонгольской Руси = Труды Государственного исторического музея. Вып. 5. М., 1929. С. 34 сл.

[9] *P. Zelenin.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. S. 103 ff.; *Ф. Волков.* Этнографические особенности украинского народа // Сб. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. II. Пг., 1916. С. 480 сл.; *И. А. Зарецкий.* Гончарный промысел в Полтавской губернии. Полтава, 1894; *W. Szuchiewicz.* Huculszczyzna. T. I. Krakow, 1902.

Что касается белорусского гончарства и белорусской гончарской терминологии, то еще не так давно Зеленин в своем компендиуме по восточнославянской этнографии вынужден был признать тот печальный факт, что материал о современном состоянии гончарного ремесла у белорусов почти отсутствует. И действительно, в разделе его труда, посвященном изготовлению глиняной посуды, сведения с белорусских территорий представляют исключительную редкость, а белорусские соответствия украинским и великорусским названиям вообще не приводятся ни разу. Хотя и сейчас мы знаем белорусский материал несравненно хуже, чем русский или украинский (положение, к сожалению, слишком знакомое также лексикологам), все же благодаря некоторым специальным трудам в основном польских этнографов ситуация изменилась в лучшую сторону. Белорусская гончарская терминология: *круг* 'гончарный круг (весь)', *станóк*, *кружóк*, *шпенёк* 'ось круга', *кáчáлка* 'жгут из глины'; названия посуды из глины — *гóршчык*, *гаршчóк*, *макóтра*, *макацёр* 'широкая глиняная ваза', *цёрла*, *цёрнiца*, *цéрлiца* то же, *лáдушка*, *лáтушка*, *лáтка* 'миска', *мiска*, *чарóпка*, *гарля́к* 'жбан', *гарлáч*, *(г)лады́ш*, *глады́шка* 'посуда для молока', *берастéнь* 'посуда, обернутая; берестой', *стаўбýн*, *збан*, *малачнiк*, *гля́чек*, *гляк*, *глёк* 'круглый горшок с коротким горлышком'; *лýпы* 'края горшка', *кушы́н*, *каўшы́н*, *кукшы́н*, *жбанóк*, *бýнька*, *бáнька*, *пазíнка*, *суды́нка*[10].

Мастер, производящий глиняную посуду, называется на всех восточнославянских языках примерно одинаково: русск. *гончáр*, укр. *гончáр*, ст.-укр. *горчаръ* (XVI—XVII вв.)[11], блр. *ганчáр*, др.-русск. *гърньчарь*.

Польское гончарство имеет следующую терминологию: *koło* 'гончарный круг', обычно усовершенствованной формы, тяжелый, ножной, с двумя дисками; *piec* (*garncarski*) 'горн, гончарская печь', *garncarz* 'гончар', *zdun* то же, *garnek* 'горшок', *dzbanek*, *rynik* 'мисочка на треножнике', *misa*, *kubek*, *dwojaki* 'спаренные глиняные горшочки с ручкой', *puhar*, *donica* 'ковшик', '(цветочный) горшок', диал. (силезск.) *piekocz* 'широкая миска с ручкой', *łatka* 'горшок для молока', *czepnik* то же, *baniak* 'пузатый кувшин для напитков', *tygiel* 'тигель', *talerz* 'тарелка', *waza* 'ваза', *bolka* (кашуб.) 'сосуд в виде миски или

S. 310 ff.; *М. Ф. Кривчаньска.* Про деякі гончарські назви // Діалектологічний бюллетень. Вип. VII. Київ, 1960. С. 109 сл. (слабая компиляция); *Л. Шульгина.* Ганчарство в с. Бубнівці на Поділлі // Матеріяли до етнології [Всеукраінська академія наук. Музей антропології та етнографіі ім. Хв. Вовка]. II. Київ, 1929. С. 111 сл.

[10] См.: *D. Zelenin.* Russisene (Ostslavische) Volkskunde. S. 101 ff.; *K. Moszyński.* Polesie wschodnie. Warszawa, 1928. S. 103; *W. Hołubowicz.* Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi (= Towarzystwo naukowe w Toruniu. Prace prehistoryczne. 3/4). Toruń, 1950. — Термины даны здесь в современной белорусской орфографии, а не в польской записи данных исследований; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. Карта № 250, с. 822 сл.: «Назвы глінянай пасуды для малака».

[11] *М. Л. Худаш.* Лексика українських ділових документів кінця XVI—початку XVII ст. (на матеріалах Львівського Ставропігійського братства). Київ, 1961. С. 59.

вазы', *warznik* (диал.) 'большой горшок', *babka*, *statek* 'сосуд, посудина', диал. *gładyszka* 'кувшин для молока', *bańka* 'пузатый кувшин' [12].

Чешская и словацкая терминология: *hrnec/hrniec*, *mísa/misa*, *džbánek*, *solnička/soľnička*, *talíř/tanier*, *látka*, *rendlík/randlica*, диал. чеш. *vrhlík*, *zelák*, *pernice*, диал. слвц. *čutora*, *verežďura*, *ploska*, *butela*, *nosák*, *dvojnačky*, *vandla*, *baňka*, *kubaň*, *šálka*, *šialka*, *čepák*, *kalich*, *škutelka*, *misa fízlová*, *lavor* 'умывальник, рукомойник', *kamenáček*, *čabanka*, *vaj(d)lihg* (см. подробно: *H. Landsfeld.* Lidové hrnčířství a džbánkářství. Praha, 1950; VI. Scheufler. Hrnčířství na Jičínsku, Novopacku, Novobydžovsku a Královémestecku // Český lid. Ročn. 45. Praha, 1958. S. 119 ff.).

Южнославянская гончарская терминология представляет значительное своеобразие, отражая яркую оригинальность материальной культуры в целом южнославянских народов.

Словенская терминология: *lončar* 'гончар', названия гончарного круга по диалектам — *vreteno*, *kolobár*, *lončarsko kólo*, *šajba*, *kalúrat*, *kolourat*; *lončarska peč*, *pečníca* 'горн, гончарная печь', *ožiga*, *ožaga* то же; в отдельных местах сохранился обычай обжигать глиняную посуду на костре, *na pálišču*. Названия глиняной посуды достаточно разнообразны: *skleda* 'миска', *kozica* 'вид горшка без горла, с носиком', *pekva* 'вид сковороды', *vrč* 'кувшин', *pütra* (*putriha*) 'вид кувшина с узким горлом', *lonec* 'горшок', *piskra* 'горшок для варки', *kropnjek* то же, *župnek*, *južnar* — посуда, в которой носили еду в поле, *latvica* 'широкая миска, сковорода', *polička*, *skodela*, *skodelica* 'миска', *kibla* 'горшок для масла', *krogla* 'большой кувшин', *firkel* 'кувшин с узким горлом для вина', *šalčka*, *umivalnik*, *vaza*, *model* 'большая сковорода', *kolač* то же, *sodček*, *potičnica* 'вид сковороды', *tepsija*, *laboška*, *bidrača*, *vajdling/bajdl*, *têgl*, *kàmenec*, *solénka*, *pâr* [13].

Довольно обильны сведения по терминологии гончарства с территории сербохорватского языка. Здесь немало архаизмов и ярких регионализмов, нередко загадочного происхождения.

---

[12] *R. Reinfuss.* Garncarstwo ludowe. Warszawa, 1955; *A. Fischer.* Lud Polski. Podręcznik etnografii Polski. S. 90 ff.; *J. Kostrzewski.* Kultura prapolska. Wyd. 2. S. 257 ff.; *O. Kolberg.* Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Seria III. Kujawy. Cz. I. Warszawa, 1867. S. 85; *Он же.* Lud. Seria V. Krakowskie. Cz. I. Kraków, 1871. S. 155, 166; *Z. Kowerska.* Chata // Wisła. T. VI. Warszawa, 1892. S. 428 сл.; *E. Frys.* Garncarstwo ludowe Lubelszczyzny // Polska sztuka ludowa. Rok XI. Warszawa, 1957. S. 37, 40; *L. Dubiel.* Cieszyńska ceramika ludowa // Polska sztuka ludowa. Rok XI. 1957. S. 195 ff.; *J. Krajewska.* Ceramika kaszubska // Polska sztuka ludowa. Rok XII. 1958. S. 217 ff.; *B. Bazielichówna.* Garncarstwo starosądeckie // Polska sztuka ludowa. Rok XII. 1958. S. 94 ff.

[13] *V. Novak.* Slovenska ljudska kultura. Ljubljana, 1960. S. 86; *Он же.* Slovenski etnograf. Letn. III—IV. Ljubljana, 1951.

Само собой разумеется, есть и ряд местных заимствований. Известен ножной гончарный круг с двумя дисками — *коло* (Пирот, Рашка, Хорватия и др.), *точак* (Млава, в Вост. Сербии), *вретено*, *вретенце* 'ось круга'= хорв. *šiļak* (Крале), *горње*, *доње табанче* 'верхний, нижний диск (круга)' (Пирот, Млава), *струшка* 'деревянный ножик гончара', *колач* 'ком глины', *грнчар* 'гончар' (в восточных областях страны), *лончар* то же, *жежница* 'место обжига глиняной посуды'. Наряду с развитыми формами гончарного круга жил до недавнего времени способ ручной лепки грубой глиняной посуды, не подвергавшейся обжигу, которую женщины *савијале су* 'свивали, лепили', например в окрестностях Нового Пазара, Млавы, для домашних нужд. Внушительна и терминология глиняной посуды: *суд*, *судови* 'крупные глиняные сосуды', например *крчаг* 'глиняный кувшин', *грне* (вост.-серб.) 'горшок', *шерпа* 'тигель, горшок', *ћуп* 'горшочек', *чабрица* 'вид сосуда (также из глины)', *бардак* 'сосуд, кувшин', *буренце* 'бочонок', *пљоска* 'фляжка', *посуђе* 'мелкая глиняная посуда', *тањир* 'тарелка', *чанак* 'миска', *сланик* 'солонка', *тепсија* 'миска', *ђувече* 'миска, вид сковороды', *ђевђир* 'миска, крышка', *чирак* 'светильник', *вангла*, *кадионица*, *саксија* 'миска, крышка для выпечки', *вазна*, *лонац* 'горшок', *црепуља* 'особая крышка для выпечки'. В Приморье распространено в качестве общего названия сосуда слово *okrut*; далее — *čeber*, *čebrić*, *otakač* 'сосуды для вина', *žmujić* 'чаша', *latica*, *lapiž* 'железный или глиняный сосуд для варки' (остров Крк), *čaša* 'чаша, кубок', *padela* 'глиняный сосуд с ручкой и носиком', *čripja* — то же, что и *čaša*, но без поливы, *pjat*, *pļat* 'круглое блюдо', *zdila* 'миска', *kacol*, *rukatka* 'глиняный сосуд с ручкой' (Крале, в турецкой Хорватии), *cripńa* 'pekva', чак. (о-в Сусак) *podȳć* 'горшок', там же — *solnȳca* 'солонка', *palarija*, *bļudva*, хорв. диал. (каик.) *râjnglek* 'глиняный горшок на треножнике', *pôvna*, *labora* 'посуда для молока', *lat*, стар. (чак.) *žara* 'глиняный сосуд для вина', каик. *pokļuka* 'круглая, узкая кверху посуда с ручкой', *стуцка* 'сосуд с горлом (для жидкостей)' [14].

---

[14] См.: Прилози проучавању наше народне керамике (= Етнографски музеј у Београду. Посебна издања. Св. 6. Уредник Б. М. Дробњаковић). Београд, 1936; *J. Božičević.* Šušnevo seló i Čakovac. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Sv. V. Zagreb, 1900. S. 181; *I. Žic.* Vrbnik na otoku Krku. Narodni život i običaji // Там же. S. 232 ff.; *Š. Varnica.* Iz Gradišta. Narodni život i običaji // Там же. S. 303; *I. Klarić.* Krale (u turskoj Hrvatskoj). Narodni život i običaji // ZbNŽ. Sv. VI. Zagreb, 1901. S. 69, 93; *A. Jovičević.* Hrana i posuđe (Riječka nahija u Crnoj Gori) // ZbNŽ. Kn. XIII. 1908. S. 140—141; *M. Lang.* Samobor. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kn. XVI. 1911. S. 89, 99; *R. Strohal.* Nešto o životu Vrbničana na otoku Krku u prvoj polovini 17 vijeka // ZbNŽ. Kn. XVI. S. 286, 287; *L. Lukić.* Varos. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kn. XXIV. Zagreb, 1919. S. 48; *В. Ткалчић.* Керамика народна // *Ст. Станојевић.* Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Књ. II. Загреб [б. г.]. С. 291; *J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina.* Govor otoka Suska // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. I. Zagreb, 1956. S. 172, 177.

Болгарская терминология: *гърне* 'горшок', *латвик*, *латвица*, *черепче*, (диал.) *кърчаг*, *делва* 'большой глиняный сосуд с ручками', *стомна* 'кувшин', *паница* 'миска', *гювеч* 'блюдо', *подница* 'глиняная миска для выпечки теста', *кюп* 'горшок с ручками', *ръкатка* 'сосуд с ручкой сверху', *чиния* 'тарелка', *ибрик* 'глиняный кувшин' (см.: *Б. Кенчев.* Болгарское керамическое искусство. София, 1947).

Суть дальнейшего нашего словообразовательно-этимологического анализа названий и гипотетической реконструкции древнего состава группы гончарских терминов заключается в попытке хронологизации, отбора новых, в том числе заимствованных, и более древних названий, так сказать, праславянского слоя изучаемой терминологии. Нельзя сказать, что такая попытка предпринимается в этой области впервые. Еще Будилович в своей книге о первобытных славянах по данным языка, сохраняющей, правда, уже только историческое значение, приводит различные названия гончара по славянским языкам (терминология круга, горна и глиняной посуды автором почему-то не была отражена): русск. *гончар* 'figulus', цслав. *грънчарь* 'figulus' (Mikl. LP), серб. *Грнчара два села у Јадру* (Вук), хорв. *garncsar* 'figulus' (Стулли), чеш. *hrnčíř*, в.-луж. *hornčer*, польск. *garncarz*, *garnczarz*. Областные названия: цслав. **скѫдѣльникъ** 'figulus' (Mikl. LP), польск. *zdun*[15]. Гораздо более обстоятельную попытку отбора древней терминологии дал Нидерле, не будучи при этом языковедом. В его известном труде мы находим перечень славянской терминологии посуды конца языческой эпохи. Конечно, сюда включены также названия некерамических изделий, и это нужно иметь в виду, знакомясь со списком Нидерле: *gъrnъ*, *gъrnьсь*, ст.-слав. **грьньЧаръ**; *lonьcь* 'горшок', словен. *lončár* 'гончар'; *sǫdъ*, ст.-слав. **съсѫдъ**, **сѫдьно**; *čьbanъ*, *čъvanъ*, *laty*, род. ед. *latъve*, цслав. **латъвъ**, **латъва**, **латъка**; **čerpъ*, *kubъ*, *grotъ* (чеш. *hrotek* 'небольшой сосуд остроконечной формы'), *lagъvь*, *kupa*, *čьbъrъ*, *krъčagъ*, *krъčaga*, *bljudo*, *bljudъ*, *misa*, *čaša*, **kony*, *konъvъ*, *krina*, (*o*)*krinъ*, *krinica*, *чара* (др.-русск.), *plosky*, *ploska*, *лохань*[16]. Как видим, Нидерле собрал много древних названий глиняной посуды. Отдельные термины он снабдил примечаниями о происхождении и хронологии. Так, слово *lonьcь* он характеризует как исключительно южнославянское, неясное по происхождению. Целый ряд названий относит к заимствованиям, например *čьbъrъ*, *krъčagъ*, *krъčaga*, *misa*, *krina*, (*o*)*krinъ*, *krinica*, *plosky*, *ploska*.

Прежде чем перейти непосредственно к хронологизации и этимологизации славянской гончарской терминологии, повторим еще раз, что терминология гончарства в целом распадается на терминологию гончарного круга, гон-

[15] *А. Будилович.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян. Ч. 2. Вып. 1. Киев, 1882. С. 35.

[16] *L. Niederle.* Život starých Slovanů. Dil III. Sv. 1. S. 320 ff.

чарного горна и терминологию гончарных изделий, посуды. Наличие этих трех разделов внутри гончарской терминологии важно помнить ввиду их несомненного своеобразия и неравноценности. Мысль об этом постоянно сопутствует лингвистическому анализу терминологии, который должен выявить степень автономности разделов гончарской терминологии, а также сравнительные перспективы их изучения.

Сразу делается очевидным, что термины, связанные с гончарным кругом, несамостоятельны этимологически: русск., укр., блр. *круг*, польск. *koło*, словен. *vreteno*, *kolobár*, *lončársko kólo*, *šajba*, *kalúrat*, *kolourat*, сербохорв. *коло*, *точак* 'гончарный круг'. Правда, за вычетом позднего заимствования словен. диал. *šajba* (< нем. [Töpfer]scheibe 'гончарный круг'), все остальные приведенные славянские слова являются исконными и большей частью древними образованиями. Однако их вместе с тем нельзя этимологизировать как самостоятельные термины, поскольку они все-таки заимствованы — из других терминологических сфер, из номенклатуры других ремесел. Так, **kolo* — праславянское название колеса (ср. франц. *roue* и англ. *wheel* 'колесо', тоже употребленные в функции обозначения гончарного круга). Словен. *vreteno* 'гончарный круг' заимствовано прямо из текстильной терминологии (см. I раздел), что вызвано некоторым сходством диска гончарного круга, насаженного на ось, и прядильного веретена с пряслицем. Словен. *kalúrat*, *kolourat* тоже не может считаться специфическим порождением гончарской терминологии; формально это слово может продолжать праслав. **kolovortъ*, ср. русск. *коловорот*, лексему, манифестирующуюся в терминологии различных промыслов и видов производственной деятельности (названия усовершенствованной колесной самопрялки, сверла и т. д.). Подобно слову *kolo* к праславянской лексике с широким, «негончарским» значением восходят и вост.-слав. *круг* (**krǫgъ*), и сербохорв. диал. *точак*, собственно, деминутив **točьkъ* от древнего имени действия **tokъ*, обозначающего быстрое, обычно вращательное движение.

Из текстильной же терминологии взято название оси гончарного круга — укр. *веретéно*, русск. *веретенó*, сербохорв. *вретено*, *вретенце*, ср. выше словен. *vreteno* 'гончарный круг'. Продуктом поздней метонимии, несомненно, является хорв. диал. *šiļak* 'ось круга' < **šidlo*. Примерно таким же ономасиологическим признаком мотивировано блр. *шпенёк* 'ось круга' (в основу положен признак 'острое, остроконечное'), не говоря о том, что и тут нащупывается нить, связывающая с текстильной терминологией, ср. укр. диал. *spiń* 'острый конец веретена' (Шухевич). Названия дисков более позднего ножного гончарного круга представляют собой, вполне естественно, новообразования: русск. *ножни́к*, *верши́к*, укр. *верхня́к*, *спідня́к*, *спóдень*, сербохорв. *горње табанче* 'верхний диск', *доње табанче* 'нижний диск'. Этимологическая прозрачность этих слов не оставляет сомнений. Названия простейшего

деревянного орудия, облегчающего формовку посуды на круге, заимствованы обычно из негончарской терминологии или вообще из нетерминологической лексики, как, например, русск., укр. _ножик_. Сербохорв. _стружка_ 'деревянный ножик гончара' (< _*stružьka_) уводит нас в терминологию обработки дерева, откуда оно вторично заимствовано гончарством. Выразительная печать непервичного употребления лежит, например, на таких названиях, как укр. _копи́л_, _лиси́чка_, _ко́ник_, _яремцо́_, _ру́чка_, обозначающих дощечку, при помощи которой круг опирается на сидение гончара. Они не нуждаются здесь в специальных разъяснениях, нужно лишь иметь в виду, что все это старая лексика из иных терминологических разделов.

Какой же общий вывод можно сделать на основании знакомства с названиями гончарного круга и его частей в славянских языках? Что можем мы сказать о праславянском состоянии этой терминологии? Конечно, поставленный вопрос достаточно сложен, и, ища ответ на него, мы вынуждены пойти путем гипотез. Нам кажется, что практически удобнее и методологически правильно будет, если мы расчленим вопрос о праславянском состоянии терминологии гончарного круга на два момента: 1) вопрос о праславянском характере (prasłowiańskość) относящихся сюда лексем и 2) возможность праславянского характера терминологии гончарного круга как совокупности. То, что мы в первом случае ответим утвердительно, ясно уже как будто из предшествующих замечаний по отдельным терминам: действительно, никто не станет отрицать реальности существования в праславянскую эпоху лексем _*krǫgъ_, _*kolo_, _*verteno_, _*tokъ/*točьkъ_, _*kolovortъ_, _*šidlo_, _*spinь_, _*nožikъ_, _*stružьka_, _*lisičьka_, _*konikъ_, _*(j)arьmьce_, _*rǫčьka_.

Но все эти почтенные, бесспорно древние лексемы не образуют особой, самостоятельной терминологии, о чем говорит их разнородная специфика и уже упомянутая первоначальная принадлежность к иным разделам словаря. Когда же в таком случае была организована из этого материала самостоятельная терминология гончарного круга? О сколько-нибудь глубокой праславянской древности мы здесь едва ли вправе говорить, скорее можно условно допустить как вероятное время оформления эпоху интенсивного выделения отдельных славянских языков. К этому выводу нас склоняет выразительный факт отсутствия хотя бы одного термина, имеющего, во-первых, отношение только к гончарному кругу, а во-вторых, не обнаруживающего при проверке иных терминологических связей и вместе с тем обладающего признаками праславянской древности. Реальное функционирование самостоятельной группы терминов в определенную эпоху находит свое выражение в оформлении хотя бы какого-то одного или нескольких только ей свойственных образований с чертами соответствующей эпохи, с чем мы многократно имеем возможность встретиться на материале терминологии разных

ремесел. Таких относящихся исключительно к гончарному кругу и вместе с тем вероятно праславянских названий терминология гончарного круга не знает, насколько мы можем судить. В этом мы усматриваем косвенное доказательство позднего оформления этой специальной группы терминов в отдельных славянских языках, доказательство того, что для собственно праславянского периода мы не можем говорить о специальной терминологии гончарного круга.

Этим своим выводом мы признаем позднее происхождение почти всех терминов, связанных с изготовлением глиняной посуды. Своеобразие древнего гончарного ремесла заключается в том не могущем не вызвать удивления факте, что специальные названия, связанные с производством гончарных изделий (процесс производства, орудия производства), почти полностью отсутствовали. Перед нами редкий и единственный в нашей работе случай: безусловно древнее ремесленное производство, не имеющее собственной терминологии. Это, однако, не означает, что значение языковых данных в настоящем случае сводится к нулю. Исследователь тематических групп лексики должен регистрировать и ценить все отрицательные показания своего материала, при правильной интерпретации они дают науке щедрую информацию. В свое время указывалось, например, на архаический характер отсутствия общеславянского и индоевропейского названия брака и на исторические корни этого явления. Бедность терминологии производства глиняной посуды (т. е. того, что практически остается после вычета поздней по происхождению терминологии гончарного круга) как нельзя лучше отражает простоту древнейшего керамического производства. Праславяне и другие древние индоевропейцы, занимавшиеся гончарством на уровне примитивного домашнего промысла, почти лишенного орудий и приспособлений, по всей вероятности, обходились при этом немногочисленной слабо терминологизированной общеязыковой лексикой. Сказанное как бы освобождает нас от необходимости очерчивать хотя бы приблизительно возможный круг лексики ввиду зыбкости грани, а также ввиду случайности терминологизации отдельных лексем в тех или иных условиях. Тем не менее мы все-таки можем более или менее уверенно указать некоторые лексемы, которые могли быть достаточно рано использованы как термины, т. е. можем попытаться реконструировать элементы производственной терминологии до гончарного круга, заглушенные вторичными терминологическими напластованиями в связи с ходом культурной эволюции. Речь идет о нескольких глаголах.

Это, во-первых, русск. *лепи́ть*, с.-в.-р. *лепи́ть посу́ду* (Зеленин). Не настаивая на древности контекста в последнем примере (*посуда* — слово, взятое из бондарной, деревообделочной терминологии), мы можем без особых натяжек допустить здесь отражение праслав. **lěpiti* 'лепить, формовать

(вручную) посуду из глины'. Во-вторых, следует остановиться на словах, представляющих с разных точек зрения большой интерес, хотя более полное осмысление их удобнее будет отложить до знакомства с материалами, сообщаемыми несколько дальше. Это сербохорв. диал. (см. выше) *савиjати* 'свивать, лепить (посуду из глины)' и ст.-слав., делав. **ваıати** 'sculpere'. Первое из них можно с достаточной степенью правдоподобия реконструировать как праслав. **sъvijati* (: **viti*). Сюда же примыкает и второе слово — ст.-слав. **ваıати** 'sculpere, *γλύφειν*', которое мы считаем продолжением праслав. **vajati*, с продленной ступенью корневого вокализма к глаголу **viti* (отношение **u̯āi̯-* : **u̯oi̯-*/*u̯ei̯-*/**u̯ī-*). Это толкование, известное в принципе уже давно, постепенно вытесняется и покидает этимологические словари, поэтому повторение его в нашей работе требует специальной мотивации. Хотя авторы обычно признают фонетическую вероятность сближения **ваıати** и **вити**, они считают его неприемлемым со стороны семантики: зафиксированное значение **ваıати** 'sculpere, *γλύφειν*', т. е. 'высекать (статую из камня)', делает связь с **вити** сомнительной [17]. Формальная логика, действительно, как будто на стороне критиков этого сближения, делающих акцент на несопоставимости значений, невероятности семантического перехода 'вить' > 'ваять, высекать (статую из камня)'. И однако эта критика таит в себе порок чистой умозрительности, забывающей о характере древней славянской культуры, о своеобразии отражения этой культуры славянским словарем, о тех высоких требованиях, которые были предъявлены к тому и другому в эпоху первых переводов с греческого языка книг, несущих новые, ранее неизвестные культурные понятия. Надлежит помнить (а в практике первых переводов с греческого на старославянский это обычный случай), что **ваıати** послужило эквивалентом или, точнее, п р и р а в н е н н ы м по валентности к греч. *γλύφειν*. Из наличного славянского словарного состава оно более всего подходило для передачи греческого слова, скорее всего, за неимением, добавим, более точной передачи. В общем достаточно хорошо известен факт, что подлинное значение слов мертвого старославянского языка — это величина, подчас отнюдь не поддающаяся непосредственному наблюдению, несмотря на известность греческих соответствий в оригиналах; подлинное значение представляется нам иногда как некий субстрат, перекрытый книжным употреблением в роли эквивалента нужному греческому слову. Проникнуть до названного субстрата и реконструировать это подлинное значение удается, разумеется, не всегда; но подобная ситуация возможна в достаточно большом числе случаев, почему те, кто занимается интерпретацией старославянского словарного состава,

---

[17] См.: *Преображенский.* I. С. 68; *Vasmer.* I. S. 175; Менгес выдвигает в связи с этим даже новую этимологию заимствование из тюркского, протоболгарского **vāj-* 'рыть, выдалбливать, высекать' (*K. H. Menges.* Altaische Kulturwörter im Slavischen // UAJb. Bd. XXXIII. 1961. S. 114—116).

обычно имеют в виду специфичность взаимоотношений старославянских и греческих эквивалентов.

К этому лингвистическому замечанию следует добавить замечание о культурном фоне. Славяне древности не знали скульптуры, ваяния в настоящем смысле слова, не высекали каменных статуй. Как можно было передать в этих условиях греч. *γλύφειν*? Праслав. **dьlbati* и его продолжения для этой цели явно не подходили, будучи связаны прочно с обработкой дерева. Тут скорее приходило на помощь отдаленное сходство каменной статуи с местными глиняными поделками, небольшими незатейливыми фигурками, игрушками, которые гончар вылепливал из глины наряду с основной продукцией, посудой. Мыслительные ассоциации из сферы обработки дерева (— возможный ответ на вопрос, почему не было использовано **dьlbati*) здесь подходили менее всего: древний славянин, наряду с древним скандинавом и др., рано достаточно хорошо осознал из сравнения с более южными, средиземноморскими образцами д е р е в я н н ы й характер своей культуры. Сопоставление славянских вытесанных деревянных идолов с высеченной каменной скульптурой юга, таким образом, исключалось по причине несоизмеримо разных уровней [18].

После сказанного мы полагаем возможным существование у ст.-слав. **ваꙗти** древнего значения 'вить, лепить (из глины)'. Кратко эта реконструкция забытого семантического субстрата может быть передана следующим образом: **ваꙗти** 'вить, лепить (из глины)' > 'высекать, ваять (из камня), *γλύφειν*', 'sculpere'. Таким образом, праслав. **vajati* (вместе с **lěpiti* и **sъvijati*, — см. выше) может отражать так называемую Tonwulsttechnik, налéп эпохи до гончарного круга, когда, лепя сосуд из глины, н а в и в а л и его стенки, края, накладывая жгуты из раскатанной глины спираль за спиралью.

Это одно объяснение ст.-слав. **ваꙗти** с праславянским нижним хронологическим пределом. Второй, более расширенный, или углубленный, вариант объяснения выводит нас на арену дославянских лексико-семантических, корневых связей, гипотетическая сущность которых обязывает нас двигаться с максимальной осторожностью. Тем не менее упомянем и об этой возможности, связав ее с рядом наблюдений над дальнейшим славянским материалом ниже и с некоторыми внешними, в том числе культурными, данными. Речь идет об отражении в праслав. **vajati* индоевропейского **u̯ei̯-* 'вить, плести (из прутьев)', иными словами, об отражении в более позднем термине керамического производства древнего термина плетения, что должно стать понятным в

[18] История словаря знает подобные примеры: так, импортированная домашняя кошка носила у славян совершенно особое название, несмотря на то что славянам было известно родственное ей животное — дикий, камышовый кот. Причина была в том, что за домашней кошкой стояла более высокая цивилизация. Сопоставимость обоих животных исключалась.

свете культурно-исторического тезиса о развитии керамического производства из плетения (см. выше). Любопытно отметить, что Мерингер в своей важной статье о древнейших сосудах, обобщая большой материал по связям керамики с докерамическими образцами, об отражении плетения в терминологии керамического производства и древних сосудов у различных индоевропейцев, не может назвать примеров на и.-е. **u̯ei̯-* 'вить, плести', хотя и надеется, что они будут обнаружены [19]. Знакомство со славянским материалом тем самым существенно пополняет индоевропейский лингвистический комментарий к всеобщей истории гончарства. Разумеется, наши соображения о древнейшей семантической эволюции праслав. **vajati*, **sъvajati* остаются гипотезой. Этим объясняется то, что этимологию **vajati* представилось целесообразным разбить на две возможности с разными нижними хронологическими пределами.

Итак, анализ всей терминологии гончарного круга и керамического производства как будто оставляет для праславянского периода только единичные слова вроде разобранных **lěpiti*, **vajati*, **sъvajati* и, может быть, некоторых других, близких им по семантике. Кроме этой скромной по результатам реконструкции, мы имели случай сделать наблюдения, которые могут оказаться полезными при дальнейших более обобщенных суждениях как в лингвистическом, так и в культурно-историческом плане.

К терминологии гончарного производства в узком смысле примыкает терминология гончарного горна, образующая вместе с тем достаточно самостоятельную небольшую группу названий, которая обнаруживает собственную проблематику.

Собственно говоря, это терминология обжига глиняной посуды. Обжиг не всегда был да и сейчас не везде является горновым. Наиболее ранняя форма обжига — костровой обжиг, на открытом огне, до сих пор сохраняющийся в качестве культурного архаизма, в отдельных частях славянской территории, ср. словен. *pališče*, сербохорв. *жежница* (см. выше). Примитивность и простота обжига на костре до применения горна, видимо, не предполагала какой-либо терминологии в собственном смысле слова, что до известной степени напоминает нам аналогичную ситуацию в истории керамического производства до и после введения гончарного круга, хотя сразу же отметим, что перед нами отнюдь не абсолютная аналогия, в чем убеждает знакомство с относящимися сюда отдельными названиями и с группой слов в целом. Но прежде чем заняться вплотную соответствующей лексикой, мы хотели бы напомнить — в интересах правильного представления о месте горна в эволюции гончарства, — что не только горновой обжиг, но и более древний костровой обжиг в свою очередь явился новшеством на известной стадии развития и что керамическое производство само по себе гораздо старше этих культурных

[19] *R. Meringer*. Op. cit. S. 16.

явлений, старше обжига, о чем говорят культурные начала керамического производства и лежащие в основе ряда относящихся сюда названий, терминов смысловые и лексические связи, в определенном числе случаев доступные нашему лингвистическому анализу.

Но то, что закономерно представляется новообразованием в плане общей эволюции гончарства и его терминологии, столь же закономерно воспринимается нами как архаизм при более или менее четком ретроспективном подходе. Некоторые ситуации обязывают нас считаться с фактом наличия параллельных архаизмов разного возраста как в области истории культуры, так и в области языка. Наряду с костровым обжигом (уточнения относительно иерархии здесь только что предпринимались выше) гончарный горн также весьма древен и архаичен в плане истории славянской культуры, он по крайней мере ровесник самой группе славянских языков. Таковы свидетельства истории материальной культуры. Обратимся к самим названиям, которые дают кое-что для уточнения картины древней культуры в этой области, но прежде всего сами по себе представляют для нас глубокий интерес.

Названия гончарного горна в славянских языках группируются вокруг двух основных лексем, праславянская древность которых не подлежит ни малейшему сомнению: **gъrnъ* и **pekťь*. Случаи вроде словен. *ožiga*, *ožaga* 'гончарный горн' необязательно древни, здесь могло иметь место локальное новообразование на базе бесспорно праславянского глагола, обозначающего соответствующий процесс обработки глиняных изделий — **obžegťi*/**obžigati*. Далее, распределение форм от праслав. **gъrnъ* и **pekťь* в функции обозначения горна в современных славянских языках носит непервоначальный характер.

Активно употребляется в народном языке *горн*, *горен* 'гончарный горн' у восточных славян (русск., укр., блр.), ср. также русск.-цслав. *гърнъ* 'котел; горн' (Срезн. I, стб. 616). В то же время у остальных славян в этом значении обычно фигурируют продолжения праслав. **pekťь* (польск. *piec*, чеш. *pec*, словен. *peč*, *pečnica*, сербохорв. *пећ*, болг. *пещ*), достаточно хорошо известные в смежных значениях и на востоке славянства. Однако мы располагаем простыми и надежными средствами для того, чтобы констатировать редукцию некогда более широкого, по сути дела, общеславянского употребления **gъrnъ* '(гончарный). Дело в том, что самые разнообразные производные от этого древнего имени существуют до сих пор и там, где само **gъrnъ* как обозначение гончарной печи неизвестно. Это прежде всего названия горшка, глиняной посуды: *garnek*, чеш. *hrnec*, в.-луж. *hornc*, н.-луж. *gjaŕnc*, сербохорв. *гр̏не*, болг. *гъ́рне* — главным образом отражающие праслав. **gъrnъkъ*, **grъnьcь*, которые можно кратко предварительно охарактеризовать как уменьшительные от **gъrnъ* (более подробно взаимоотношения этих форм и вообще названий 'гончарный горн' и 'горшок', в том числе в типологическом

плане, мы еще рассмотрим ниже). Далее, современную территорию распространения непроизводного имени **gъrnъ* далеко перекрывает современный же ареал родственного названия гончара — польск. *garncarz*, чеш. *hrnčíř*, в.-луж. *hornčeŕ*, н.-луж. *gjarncaŕ*, сербохорв. диал. *грнчар* — от праслав. **gъrnьčarь*, непосредственно производного от названия посуды **gъrnьcь* с помощью суффикса имени деятеля *-arь*. Добавим, что все эти формы — в том или ином осложненном виде — мы находим и на восточнославянской территории, ср. названия горшков русск. *горшóк*, сюда же блр. *гаршчóк* — оба из праслав. **gъrnьščьkъ*, возникшего на базе прилагательного **gъrnьskъ*, собственно, 'горновой, имеющий отношение к горну'; далее —укр. *гóрщик*, блр. *гóршчык* из **gъrnьščikъ* (от **gъrnьskъ* с суффиксом *-ikъ*), наконец, сюда же русск. *гончáр*, блр. *ганчáр*, укр. *гончáр*, кстати, интересные еще и тем, что косвенно указывают на достаточно широкое первоначальное распространение также и у восточных славян форм **gъrnьcь* или **gъrnъkъ* в роли названий основного вида глиняной посуды, — форм, в исторический период представленных слабо (укр. *горнéць* наводит на мысль о западнославянских импульсах) и вытесненных местными производными образованиями (см. выше).

Итак, если на востоке славянства более или менее четко представлено отношение **gъrnъ*—**gъrnьcь*—**gъrnьčarь* (второстепенные словообразовательные детали опускаем), то на западе имеем только пару **gъrnьcь*—**gъrnьčarь* и то же — в более затемненном виде — находим на юге[20]. Наиболее полный и первоначальный вид здесь следует признать именно за тройственным отношением **gъrnъ*—**gъrnьcь*—**gъrnьčarь*, которое затем в отдельных славянских языках подвергалось разрушению и различным деформациям, а его ареал сокращался. Причем, как это обычно бывает и как это хорошо известно из опыта лингвистической географии, наиболее коренным преобразованиям и сдвигам подверглось основное, непроизводное имя, тогда как производные образования в силу своего маргинального положения эволюционировали слабо и как правило хорошо сохранились, сохранив для нас вместе с тем и важный резерв реконструкции праславянских отношений, которая сводится к двум констатациям в данном случае: 1) общеславянский характер распространения праслав. **gъrnъ* 'гончарная печь'; 2) праславянский характер отношений **gъrnъ*—**gъrnьcь*—**gъrnьčarь*.

Наконец, здесь же нужно сказать еще об одном производном, точнее сказать, о родственной праслав. **gъrnъ* форме, которая, будучи более ограниченной по распространению, заслуживает при всем том самого серьезного внимания и как лишний аргумент, подтверждающий сказанное выше о праславянском ареале **gъrnъ*, и как оригинальное древнее образование. Это

---

[20] Впрочем, здесь создает сильную помеху явно вторичная по времени оформления пара *lonec*—*lončar*, характерная, судя по всему, для западной группы южнославянских языков.

русск.-цслав. *гърнило*, *горнило*, *гърниль*, *гръниль*, *гърныль* 'горнило, *χώνη*, *χωνευτήριον*, fornax ad conflanda metalla' (Срезн. I, стб. 616). Строго говоря, это уже термин металлургии, кузнечного дела, но это образование, несомненно, сложилось в такую древность, когда кузнечная функция горнила еще не была строго специализирована. Это слово ближайшим образом родственно прaслав. **gъrnъ*, все производные которого, будучи достаточно древними, целиком принадлежат гончарской терминологии. Правда, именно основное слово этого словопроизводного ряда — **gъrnъ* и его оригинальный по форме родственник — цслав. *гърнило*, *гърниль* сопротивляются строгой реально-семантической классификации, принадлежа (особенно **gъrnъ*, *горн*) и к гончарской, и к кузнечной терминологии славян. В этом обстоятельстве мы видим, впрочем, показатель древнего возраста образований, которые хорошо сохранили свою архаическую характеристику. Допуская поэтому известную широту семантического употребления как древнюю черту обоих слов (как кажется, то же самое подтверждают и внешние словообразовательно-этимологические соответствия), обратим прежде всего внимание на выразительную парность употребления *гърнъ* и *гърнило*. Отметим, что *гърнило*, *горнило* соответствовало, видимо, понятию, более широкому, чем горн, ср. хотя бы по довольно расплывчатому значению русского (книжного!) слова *горнило*: 'место для калки, плавки, очистки огнем' (Даль[2] I. С. 380). Кстати, из внешнелингвистических данных для нас существенно, пожалуй, то, что слова *горнило* не знают народные говоры восточных славян, как, впрочем, очевидно, и большинства остальных; и что это слово занесено, по всей вероятности, церковнославянской письменностью со славянского юга. Перед нами древний лексический диалектизм ограниченного распространения. На этом кончаются свидетельства внутриславянских данных, которые, как мы видели, проливают явно недостаточный свет для того, чтобы мы могли себе составить представление об эволюции формы и значения слова *гърнило*. Внеславянские свидетельства о слове *гърнило* до сих пор игнорировались, и это было естественно при такой практике, когда форма *горнило* или опускалась этимологами вовсе (ср. статью *gъrnъ* у Бернекера), считаясь слишком рядовым производным, или упрятывалась в безликий перечень форм, связанных со словом **gъrnъ*. Между тем в данном случае именно внеславянские соответствия, специально выявляемые для слова *гърнило*, позволяют нам с гораздо большей определенностью судить о праславянской и дославянской форме этого слова, о его примерном значении и возрасте, наконец, о характере его связи со словом **gъrnъ*, которое мы этимологизируем наряду с *гърнило* как равноправные слова. Как часто бывает, гнездовое представление о характере связи между словами языка такого типа, как славянский, который очень многое унаследовал от дославянских индоевропейских диалектов, навязывает слишком жесткую, неправомочную иерархию там, где разумнее говорить о р о д с т в е. Мы

имеем в виду утверждения, обладающие кажущейся бесспорностью, вроде того, что *горнило* — производное от *горн*. Проверка показывает, что даже для праславянского уровня мы скорее всего будем неправы, выдвигая подобное утверждение, потому что и *горн*, и *горнило* могут на этом уровне продолжать самостоятельные более древние модели.

Этимологическую характеристику начнем с праслав. **gъrnъ*, для которого основные индоевропейские соответствия выяснены уже давно. Ср. родственные др.-инд. *ghṛṇáh* 'жар', др.-исл. *gorn* 'огонь' и, самое главное, лат. *furnus* 'печь (для выпечки хлеба)' [21]. Этимологически родственная пара слов праслав. **gъrnъ* и лат. *furnus*, действительно, выделяется среди прочих сближений. Оба слова, как и их древнеиндийское и древнеисландское соответствия, продолжают исходное и.-е **ghr̥no-s*/**ghu̯r̥no-s*, но, в отличие от индийского и исландского слов, с самым общим значением, которое только может иметь имя, образованное от глагольной основы (и.-е. **ghu̯er-*/**ghu̯or-* 'жечь, гореть' : **ghu̯r̥no-s* 'жар, огонь'), славянское и латинское слова согласно обнаруживают конкретное значение 'печь (для обжига, для выпечки)', в котором следует признать о б щ у ю с е м а н т и ч е с к у ю и н н о в а ц и ю. Мы квалифицируем этот сам по себе хорошо известный факт тождества *furnus* = *gъrnъ* столь решительно еще и потому, что ниже мы сообщаем еще несколько выразительных словообразовательно-лексических и семантических общностей из области славянско-италийских отношений на тематически ограниченном материале терминологии горна. Тем самым обычно столь роковой, хотя и ничего не значащий упрек в единичном характере примера здесь отпадает. Приводимые далее соответствия, помимо уже названного *furnus* = *gъrnъ*, выглядят явно как общие инновации в культурно важном отделе терминологии. Конечно, трудно определить, какая доля приходится на подлинно совместные инновации и какая может быть отнесена за счет параллелизма развития. Вполне возможно, что параллелизм играл здесь не последнюю роль. Больше того, один пример курьезного соответствия (*fornicānus* — *gъrnьčarь*) иначе и не может быть объяснен, как оригинальное проявление независимого параллельного развития. Но как в этом, так и в остальных примерах соответствия здесь носят удивительный характер, они, как правило, не обсуждались в этимологической литературе, что побуждает нас остановиться на них подробнее. Формальное тождество основ и общая направленность словообразовательных тенденций бесспорны, и мы не снизим важности этих особенностей, даже если станем делать акцент на сугубом параллелизме явлений. Возможности доказать межъязыковое влияние или заимствование, по-моему, здесь минимальны.

Русск.-цслав. *гърнило*, *гърниль*, *гърныль* 'горнило, fornax' имело неизвестную нам праславянскую форму, почему мы воздерживаемся пока от выбора

---

[21] См.: *Berneker*. I. S. 371; *Ernout—Meillet*[4]. I. S. 248.

одного какого-либо из приведенных вариантов как наиболее авторитетного. С целью прояснить историю славянского слова рассмотрим одно характерное производное от лат. *furnus*, распространенное в романских языках: франц. *fourneau* 'печь, горн', диал. и стар. *fornel*, соврем. франц. *fournil* 'пекарня', 'прачечная', ит. *fornello* 'печь, горн', диал. *furnel*, прованс. *fornelh*, *fornel*, катал. *fornell*, исп. *hornillo*, порт. *fornilho*, сюда же, возможно, франц. *fournilles* 'топливо для печки', исп. *hornija* то же. Майер-Любке[22], из словаря которого мы взяли отчасти перечень этих форм, не указывает их народнолатинского источника, еще лаконичнее сведения на этот счет у авторов этимологических словарей отдельных романских языков, ср., например, этимологические словари французского языка Блока—Вартбурга и Доза. Нам кажется допустимым объединять эти романские формы вокруг гипотетического народнолатинского слова **furniculum* (ср. отношения франц. *peril* — лат. *periculum*), которое в свою очередь можно понимать как эволюцию долатинского, индоевропейского диалектного **gh$^{u̯}$r̥nitlo-m*. Близкая форма, как нам кажется, лежит также в основе славянских названий горнила, из которых мы в связи с этим отбираем как наиболее авторитетную форму цслав. *гърнило*, далее реконструируем праславянскую форму **gъrnidlo* и потенциальную дославянскую *gh$^{u̯}$r̥nitlo-m*; последняя покрывает долатинскую праформу франц. *fournil*, *fornel* и других родственных романских слов (см. выше). Выясняя реконструкцию цслав. *гърнило*, мы одновременно приближаемся, насколько это возможно, к ответу на вопрос о возрасте этого слова: ясно, что перед нами возможное диалектное образование дославянской древности. Вопрос о примерном значении праслав. **gъrnidlo* нельзя решать в отрыве от анализа его словообразования и его связи со словом **gъrnъ*. Значение и функция **gъrnidlo* определялись парным характером связи с **gъrnъ*. Все говорит за то, что понятие **gъrnidlo* как бы включало в себя понятие **gъrnъ*. Об этом свидетельствуют и расплывчатость зафиксированных значений славянского слова (цслав. *гърнило*, соврем. русск. *горнило*), и своеобразие словообразовательного оформления — модель с формантом праслав. *-dlo* < и.-е. *-tlo-m* — и, наконец, аналогичные семантические отношения романских слов. Например, франц. *fournil* 'пекарня, прачечная' — это, собственно говоря, 'помещение, где есть печь (*four*, *fourneau*)'. Праслав. **gъrnidlo* — это, по-видимому, первоначально 'вместилище горна'. Предлагаемая реконструкция и отнесение *гърнило* к модели с формантом *-dlo*, безусловно, усложняет и расширяет наши представления об этих образованиях в славянском и индоевропейском. Образования на *-dlo*, которым уделяется много внимания в настоящей работе, составляют обычно nomina instrumentorum с постоянным признаком отглагольности. Здесь мы сталкиваемся со специфическим отклонением семантической

[22] *Meyer-Lübke*^{3}. S. 308. № 3602; *E. Littré*. Dictionnaire de la langue française. T. I. 2nde partie. Paris, 1863. P. 1755.

модели, что, однако, не ставит под сомнение вероятность выдвигаемого толкования (и реконструкции) праслав. **gъrnidlo*. Как пример близкой семантической модели аналогичного образования с суффиксом *-dlo*, хотя, возможно, более позднего, чем обсуждаемые здесь слова, интересно назвать сербохорв. *brdilo* 'набилки, часть ткацкого станка', иначе говоря, 'то, в чем помещается *brdo*, бёрдо' .

Итак, к тождеству *furnus* = *gъrnъ* мы можем добавить тождество народнолат. **furniculum* = праслав. **gъrnidlo*, пример выразительной словообразовательно-лексической и семантической общности, важную италийско-славянскую изоглоссу. Значение этой несомненной общей инновации для нас даже большее, чем первой названной пары — *furnus* = *gъrnъ*, так как в случае **furniculum* = *gъnidlo* общность носит более сложный характер, охватывает большее количество особенностей. Трудный вопрос о природе данной общности (совместная инновация в условиях контакта или независимый параллелизм?) мы оставляем здесь открытым, к тому же он не имеет в нашем случае решающей актуальности, поскольку любое решение этого вопроса оставляет неизменной важную для нас констатацию общности.

Италийско-славянские параллели в терминологии горна не ограничиваются только что разобранными *furnus* = *gъrnъ* и **furniculum* = *gъrnidlo*. Чем внимательнее мы присматриваемся к внутренним словообразовательно-лексическим связям, с одной стороны, латинского материала, с другой — славянского и сличаем затем между собой встречаемые модели, тем больше убеждаемся в этом. Во всяком случае наличие нескольких прекрасных примеров тождественной селективной характеристики морфем [23] в строго ограниченной семантической сфере сближает славянскую терминологию горна именно с латинской. Это очень интересный вопрос, и к нему целесообразнее будет вернуться специально ниже, после конкретных словообразовательно-этимологических наблюдений над терминологией горна. Особенный интерес вопрос об италийско-славянских изолексах в терминологии горна приобретает при сравнении с характером балто-славянских отношений в этой области, чем нужно заняться подробно.

В плане проводимых здесь наблюдений обращает на себя внимание праслав. **gъrnьcь* и его всеславянские связи. Выше уже упоминалось это древнее название глиняного сосуда, горшка, характеризовавшееся как общеславянское название. Сознательно разграничивая различные группы гончарской терминологии (терминология керамического производства и гончарного круга, терминология горна и терминология глиняной посуды), мы будем говорить о терминологии посуды специально ниже. Но из этой терминологии именно **gъrnьcь* является таким названием, которое неразрывно генетически

---

[23] Под селективной характеристикой морфем здесь понимается предпочтительная сочетаемость одних морфем с другими.

связано с номенклатурой горна. Вообще семантическая связь '(гончарный) горн'—'(гончарный) сосуд' относится к числу весьма стойких отношений и если не абсолютно регулярно, то вполне закономерно проявляется в ряде названий, в то время как другие древние названия гончарной посуды не менее последовательно обнаруживают докерамические связи — с терминологией плетения и т. п. (подробно см. далее). Связь 'горн'—'горшок' относится к числу хрестоматийных в науке, ср., например, др.-инд. *ukhá-* 'горшок' : гот. *aúhns* 'печь' [24] и некоторые другие. Сюда же давно отнесена и связь **gъrnъ* : **gъrnьсь*. Мы попытаемся указать некоторые новые данные, проливающие дополнительный свет на связь праслав. **gъrnъ* : **gъrnьсь*. Речь идет о внеславянских соответствиях праслав. **gъrnьсь*, а также об относительном возрасте и примерном первоначальном значении этого слова. Ничто не мешает нам в принципе принять существование у праслав. **gъrnьсь* гипотетической дославянской праформы **gh*^{u}*r̥nik-*, что одновременно свидетельствовало бы о древнем и стойком характере сочетания морфем **gh*^{u}*r̥n-ik-*. Конкретно деминутивное значение могло сложиться у этого имени с формантом *-ik-* позже, для более древней стадии достаточно констатировать указание на отношение обозначаемого к горну (**gh*^{u}*r̥no-*). Невольно напрашивается сравнение с отношением лат. *furnus—fornix* (основа *fornic-*) 'свод, арка', последнее из которых также продолжает **gh*^{u}*r̥n-ik-*. Связь *furnus* и *fornix* нам кажется абсолютно несомненной, ее принимают и составители новейшего латинского этимологического словаря: «Но можно также сблизить (с *furnus*. — *О. Т.*) *fornix* 'свод, арка', ср. греч. *κάμινος* наряду с *καμάρα*, поскольку горн имеет форму свода» [25]. Чтобы полнее осмыслить связь **gh*^{u}*r̥no-* с **gh*^{u}*r̥nik-*, вернее, реальный фон связи между этими двумя словами, полезно ознакомиться с кратким описанием типичного древнего гончарного горна и его частей. Древнеримский горн (в историческую эпоху обычно обозначаемый производным *fornāx*) состоял из двух камер, расположенных одна над другой, причем в нижней камере горел огонь, а в верхней помещались сосуды. Камера обжига постоянно увенчивалась сводом, для сооружения которого часто применялись обожженные глиняные сосуды. В Помпее сохранился образец свода небольшого горна из горшков, надетых друг на друга [26]. Нечто похожее встречаем в самых разных описаниях древнего и современного народного гон-

---

[24] *Berneker*. I. S. 371 (s. v. *gъrnъ*).

[25] *Ernout—Meillet*^{4}. I. S. 248. — Сомнения в близости *furnus* и *fornix* и попытки произвести *fornix* не из **gh*^{u}*er-*, а из **dher-* 'держать подпирать' неуместны, так как не считаются с типичным именно для **dh*^{u}*er-* словообразовательным оформлением (см.: Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hrsg. von G. Wissowa und W. Kroll. XIII. Halbbd. Stuttgart, 1910. стб. 8).

[26] Paulys Realencyclopädie der classichen Altertumswissenschaft. Hrsg. von G. Wissowa und W. Kroll. XIII. Halbbd. стб. 1 ff.

Рис. 5. Гончарный горн, крытый сводом из горшков. Польша, Келецкий повят — из: *R. Reinfuss.* Garncarstwo ludowe. Warszawa, 1955. S. 27. Рис. 12.

чарства. Достаточно взглянуть на специально помещаемое здесь фото (см. рис. 5) с изображением гончарного горна, крытого сводом из горшков, с территории Польши. В некоторых областях Словении при обжиге глиняной посуды еще обходятся без горна, укладывают прямо над открытым огнем горшки в форме конической пирамиды [27]. Эволюция горна из первоначальной груды топлива вокруг обжигаемых горшков к куполообразной глиняной камере, хорошо прослеженная в Конго (см. рис. 6), также представляет интерес в этой связи. Вспомним тут замечательное историко-этнографическое исследование М. Мурко о медицинских банках у славян [28] и такой хотя бы известный пример реально-семантической связи между названием купола, свода и сосудом, как распространенное в славянских языках *ban'a* 'купол' и наше слово *банка* 'сосуд определенной формы' (см. также ниже). Название сосуда как бы отпочковалось от номенклатуры купола, свода горна. На первой стадии эти отношения могут носить диффузный, нечеткий характер. Слабо расчлененный, диффузный семантический комплекс ('горн', 'свод горна', 'сосуд [как образующий стенку горна, так и напоминающий по

[27] *V. Novak.* Slovenska ljudska kultūra. S. 87.

[28] *M. Murko.* Die Schröpfköpfe bei den Slaven // WuS. Bd. V. 1913.

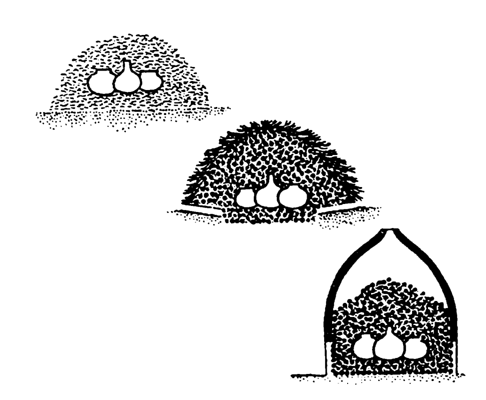

Рис. 6. Эволюция горна в Конго — из: *L. Franchet.* Céramique primitive. Paris, 1911. P. 127, рис. 20.

форме купол горна]') с единым реальным субстратом (горн и его устройство) явился порождающей средой для целого ряда различных относительно новых названий горшка в разных языках. В этой иерархии понятие сосуда оказывалось младшим, а не наоборот. Мнение о том, что у слова *горн* более древним значением было 'котел'[29], можно извинить только незнанием культурно-исторической эволюции и лингвистических аналогий, часть из которых была только что показана. В случае с долатинским **ghᵘr̥nik-* (откуда лат. *fornix* 'свод, арка') будущие отношения 'горн' : 'сосуд' представлены еще как бы в зародыше. Полное их развитие мы наблюдаем уже на славянской почве: **gъrnъ*—**gъrnьcь*.

Разобранный пример с лат. *fornix*, дающий повод к интересным наблюдениям и довольно широким обобщениям непосредственно по истории гончарской лексики, не менее интересен в том специальном лингвистическом плане, который, как постепенно выясняется, объединяет ядро терминологии горна, — в плане италийско-славянских отношений. В результате нашего словообразовательно-этимологического анализа мы насчитали уже несколько полных лексемных соответствий между латинской и славянской терминологией: *furnus*—*gъrnъ*, **furniculum*—*gъrnidlo*, *fornix*—*gъrnьcь*. Чтобы представить себе, насколько согласно работал здесь механизм параллельного развития, мы добавляем к этому перечню очевидных италийско-славянских изолекс еще одну вскользь упоминавшуюся выше параллель на правах своеобразного курьеза или словообразовательного эксперимента: *fornicarius*—*gъrničarь*. Лат. *fornicarius* — очевидно позднее слово со значением 'блудо-

[29] См.: *М. Ф. Кривчанська.* Про деякі гончарські назви // Діалектологічний бюллетень. Вип. VII. Київ, 1960. С. 112.

дей', понятным в плане смысловой эволюции исходного *fornix* 'свод' > 'подземная трущоба, гнездилище разврата', откуда, как известно, весь словообразовательный ряд *fornicare*, *fornicatio*, пышно представленный в церковной латинской литературе. Таким знает слово *fornicarius* средневековая литература, media latinitas. У нас очень немного данных, позволяющих возводить это слово к большой древности. Более древними, вероятно, можно признать случаи употребления *fornicarius* как варианта *fornācārius* в значении «quis ad fornacem pertinens, горновой рабочий (!)»[30]. Таким образом, *fornicarius* = *gъrnьčarь* и по значению, и по форме, поскольку формально оба слова могут быть достаточно строго возведены почти без отклонений к древнему **ghᵘr̥nikārio-*, хотя в пользу долатинской древности этой праформы у нас имеется меньше вероятия, чем для других наших примеров. Выявленные италийско-славянские соответствия и реконструкцию их общих праформ можно представить в виде таблицы:

праславянский	латинский	реконструированная праформа
**gъrnъ*	*furnus*	**ghᵘr̥no-s*
**gъrnidlo*	**furniculum*	**ghᵘr̥nitlo-m*
**gъrnьcь*	*fornix*	**ghᵘr̥nik-*
**gъrnьčarь*	*fornicarius*	

Конечно, констатируя эти замечательные общности словообразования и лексики между двумя индоевропейскими языками, древние контакты между которыми всегда будут оставаться более или менее проблематичными, мы ищем подтверждений в данных исторических наук, насколько последние могут в этом конкретном случае удовлетворить наш запрос. Действительно, наличие контактов и римских культурных влияний в области печи, домашнего очага, его устройства и места в жилище славян уже предполагалось в науке[31]. Это, конечно, немного, особенно если учесть, что римские культурные влияния относятся обычно уже к сравнительно позднему времени (первая половина I тыс. н. э.). Нам кажется, что собранные выше словообразовательно-лексические параллели между италийской и славянской терминологией горна говорят о качественно ином контакте (— не одностороннее влияние и не заимствование, а общие инновации в условиях близости) и иной эпохе. Больше пока сказать о них трудно.

Прежде чем мы перейдем к другим терминам, связанным с горновым обжигом, обратим внимание на то несколько пестрое распределение по отдель-

---

[30] См.: Thesaurus linguae latinae. Vol. VI. Pars prior. Lipsiae, 1912—1926. Стб. 1117.

[31] См.: *J. Czekanowski.* Wstęp do historii Słowian. Wyd. 2. Poznań, 1957. S. 412—413. — Там же, на с. 420, рис. 50, дается изображение печи для выпечки хлеба в Помпее, напоминающей русскую печь.

ным славянским языкам, которое характеризует сейчас названия 'печь' и 'очаг, открыто разложенный огонь', а также упомянем о возможности реконструкции первоначальной славянской стадии отношения между этими терминами. О существовании, современном распределении и древних взаимоотношениях праслав. **pektь*, **gъrnъ* уже говорилось раньше. Здесь можно отметить, что с самого начала у праслав. **gъrnъ* прослеживается только специальное значение 'особая печь для обжига'. В отличие от **gъrnъ* с его чертами архаизма и внеславянскими соответствиями, **pektь* выглядит как праславянское новообразование 'печь вообще (для варки пищи, обогревания)' на базе первоначального названия действия и.-е **pek^{u}ti-s* 'выпечка, варка', о чем говорят внешние соответствия: др.-инд. *paktí-ḥ*, греч. *πέψις*. Несравненно разнообразнее представлены по отдельным славянским языкам названия очага, открытого огня, костра. Сюда относятся русск. *очаг*, при др.-русск. *огнище* (Срезн. II. стб. 603—604), укр. *вóгнище*, блр. *вогнішча*, зап.-укр. диал. *вáтра*, польск. *ognisko*, диал. *watra*, чеш. *krb*, *ohniško*, *ohniště*, слвц. *ohnisko*, *ohnište*, *vatra*, сербохорв, *огњиште*, *ватриште*, *оџак*, болг. *огнúще*, *оджáк*. Безусловно общеславянским словом праславянской древности можно считать **ognišče* (вариант **ognisko*), собственно, 'место, где разложен огонь', наряду с названиями специальных сооружений, закрытых печей с постоянным местом — праслав. **pektь*, **gъrnъ*. Думается, что именно **ognišče* было древнейшим славянским обозначением открытого огня, очага. Связь **ognišče* с **ognь* и примерная функция суффикса в общем ясны. Любопытна дальнейшая история первоначального тройственного отношения **pektь* 'печь для обогревания и для варки пищи' — **gъrnъ* 'специальная печь для обжига и накаливания' — **ognišče* 'открытый огонь' в отдельных славянских языках. Достаточно сказать, что с развитием материальной культуры славян значение простого очага, открытого огня неуклонно падало, резервировалось за отдельными формами быта (например, пастушество). Соответственно этому в тройственном отношении **pektь*—**gъrnъ*—**ognišče* последнее название теряло свою устойчивость и жизненность, что привело в ряде случаев к его редукции и вытеснению. Кроме того, эволюция материальной культуры привела, по-видимому, и к сдвигу во взглядах на соответствующие реалии. Очаг, открытый огонь постепенно приобрел оттенок экзотичности, чего-то неславянского, противоречащего оседлому образу жизни. Все это, как нам кажется, подготовило выдвижение на место старого, общеславянского **ognišče* ряда новых региональных слов различного происхождения. Уже a priori можно, принимая во внимание сказанное выше, предполагать естественным неславянское, заимствованное происхождение новых местных названий очага, хотя, конечно, нет смысла придавать этому утверждению категорический характер. Русск. *очаг* и близкие южнославянские названия заимствованы довольно поздно из тюркских

языков[32]. Что касается слов *vatra* и *krb*, из которых первое выразительно захватывает те из славянских языков, которые прилегают к карпатскому ареалу, а второе — исключительно чешский регионализм, то было бы заманчиво видеть в них праславянские лексические диалектизмы **vatra* и **kъrbъ* (или **kьrbъ*, — см. ниже) и синонимы праслав. **ognišče*. Это, однако, вызывает сомнения в связи с приводившимися выше суждениями. С равным, если не с большим успехом оба слова могут быть заимствованиями. Более уверенно можно судить о слове **vatra*. Хотя его родственная связь с ир. (авест.) *ātar-* 'огонь' и допустима, если принять протезу *v-* перед *a* вроде чеш. *vejce* 'яйцо' из *(*v*)*ajьce*, все же более вероятно заимствование этого слова в карпатском ареале из романской речи кочующих валашских пастухов примерно в конце I тыс. н. э. Слав. *vatra* < ром., др.-рум. **oatra*, которое в свою очередь из и.-е. **ātr-* или само заимствовано из иранского[33]. Происхождение чеш. *krb* 'очаг' остается неясным[34]. Впрочем, Махек в самое последнее время возвращается к этому загадочному слову и устанавливает соответствие между чеш. *krb* и греч. *κλίβανος*, точнее, его вариантом *κρίβανος*, признавая их родственными словами. В связи с этим он реконструирует для чешского слова праформу **krьbъ*[35]. В принципе трудно что-либо возразить против этой этимологии, тем более что до сих пор чешское слово вообще не имело ни одной этимологии. Правда, имеет смысл более внимательно присмотреться к греческому слову. Греч. *κλίβανος*, *κρίβανος*, *κρίβανον* 'печка', собственно, 'глиняная или железная посуда, суживающаяся кверху и снабженная отверстиями для прохода воздуха, в которой пекли хлеб' специалисты по греческой этимологии склонны считать заимствованным культурным словом, происхождение которого в точности неизвестно[36]. Действительно, характер фонетических колебаний отдельных вариантов *l*/*r*, изолированное положение слова в греческом словаре как будто делают вероятным предположение о его негреческом происхождении. Методологически риско-

---

[32] См.: *Vasmer.* II. S. 295; *Э. В. Севортян.* О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера // Лексикографический сборник. V. M., 1962. С. 18 сл.

[33] В. Георгиев в последнее время говорит о слове *vatra* как об одном из слов субстратного дакийского языка (*В. И. Георгиев.* Праславянский и индоевропейский языки // Славянска филология. Т. III. София, 1963. С. 13). Это, наверное, несколько архаизирует действительное положение вещей, в остальном фонетическую интерпретацию мы позаимствовали у Георгиева. Заимствованным через цыганское посредство из иранского считает *vatra* Махек (*Machek.* S. 557). Ср.: *Vasmer.* I. S. 173.

[34] *Machek.* S. 233.

[35] *V. Machek.* Vývoj praslovanské slovní zásoby // Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii. Praha, 1963. S. 99.

[36] *Hj. Frisk.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 10. Heidelberg, 1960. S. 873.

ванно этимологизировать неясное чеш. *krb* с помощью еще более неясного греч. *κλίβανος*, *κρίβανος*. Единственное, что мы можем уверенно констатировать, — это изолированное, обособленное положение чешского слова в славянском словаре. Оно относится к той довольно значительной группе лексики чешского языка, которую составляют по большей части этимологически неясные слова, не имеющие соответствий в остальных славянских языках. Общую причину наличия этого компонента в чешском словаре мы можем усматривать (наряду с возможными другими, нам неизвестными причинами) в раннем выделении чешского языка и в субстратных включениях. По крайней мере часть этой старой, исключительно чешской лексики могла быть заимствована (речь, разумеется, идет не о языковых контактах чешского языка, развернувшихся на глазах истории, а о более древнем общении). Более конкретно высказаться об источнике чеш. *krb* мы пока не можем. На всякий случай можно еще обратить внимание на такие слова, как нем. *Herd* 'очаг', др.-в.-нем. *hërd* 'очаг; пол, почва, под', сюда же лат. *carbō*, *-ōnis* '(древесный) уголь' (< **kr̥-dh-ōn*), — слова, которые обычно не сближаются с чеш. *krb* 'очаг'[37] и которые вместе с тем могут рассматриваться, особенно нем. *Herd* 'очаг' и чеш. *krb* то же, как одна и та же основа, расширенная с помощью различных суффиксов (*-dh-*, *-bh-*). Возможно, с чеш. *krb*, наконец, связано и диал. (моравск.) *krbaň* 'старый горшок' — в духе наблюдаемой неоднократно реально-семантической и лексической связи 'горн, печь для обжига'— 'горшок'. Иначе судит о последнем слове Махек, глухо упоминающий в соответствующей статье своего словаря близкие средиземноморские названия сосудов.

Пока что ясно одно, — что, по-видимому, ни для чеш. *krb*, ни для более распространенного *vatra* мы не можем с полной уверенностью реконструировать праславянское состояние.

Но отношение праслав. **pekťь—*gъrnъ—*ognišče*, которое наиболее достоверно для раннеславянской эпохи, также обусловлено исторически, причем ему, по всей вероятности, предшествовала еще большая простота терминологического выражения. Мы уже говорили о праслав. **pekťь* как о лексико-семантическом новообразовании праславянской эпохи. При всей древности слова **gъrnъ*, хорошо документируемой внешними соответствиями, оно тоже явилось инновацией определенной эпохи для группы индоевропейских диалектов. Словообразовательные приметы праслав. **ognišče* уже совсем легко поддаются снятию как славянское новообразование. Что же остается после нашего отбора? Остаются различные индоевропейские названия огня — **ogni-s*, **igni-s*/**ugni-s*, **pū(u̯)r*/**pun-* (как обожествляемого явления, как реальной субстанции) при первоначальном длительном отсутствии особого на-

[37] См. о германском и латинском словах: *Kluge—Götze*[15]. S. 316; *Walde—Hofmann*. I. S. 165—166.

звания для очага, разложенного огня, именно на той ступени культуры, когда открытый очаг был единственным источником тепла и огня. Потому что «наша кухонная печь в конечном счете произошла из той же древней ступени, что и всякий очаг человека, таким образом, как и возвышенный открытый очаг (*ara*), а именно из горящего на земле открытого огня...»[38].

Древний гончарный горн мог быть однокамерным и двухкамерным. В последнем случае обычно в верхней камере помещали обжигаемую посуду, а в нижней разводили огонь. Дно камеры обжига образовывал глиняный под с продухами для прохода горячего воздуха кверху. Этот горизонтальный под был характернейшей частью такого двухъярусного горна. Не удивительно поэтому, что в небогатой терминологии горна под, наряду с самим горном, носит древнее название. Это, во-первых, русск. *под*, реконструируемое как праслав. **podъ* и родственное лит. *pãdas* 'подошва; гумно; очаг', лтш. *pads* 'каменный пол', греч. *πούς*, род. *ποδός* 'нога', лат. *pēs*, род. *pedis*, гот. *fōtus* то же[39]. Во-вторых, сюда относится такое своеобразное и трудное слово, как русск. *чéрен* 'сковорода для выпарки соли, под, жаровня с углями', укр. *черíнь* 'под печи', польск. *trzon* 'очаг', далее Фасмер приводит др.-русск. *черенъ*, русск.-цслав. *чрѣнъ* в близких значениях[40].

Срезневский дает, если не считать иного *чрѣнъ* 'рукоять, черен', только *чрѣнова*, *чренова* 'груда (камней)' (т. I. стб. 1539) — слово, которое может представить интерес в этой связи. Если перечисленные формы восходят к праслав. **černъ*/**černь*, то близкие сербск.-цслав. *черѣнъ* 'железный треножник с угольями', сербохорв. *чѐрјен* 'свод над очагом с отверстием наверху у дымохода; жаровня над огнем в крестьянских домах; низкая корзина для сушки хлеба над огнем' объясняются из праслав. **čerenъ*. Праслав. **černъ*, **černь*, **čerenъ* с их, вероятно, древними значениями 'под печи, горна; жаровня, (глиняная) сковорода' почему-то считается маловероятным по семантическим соображениям сближать с названиями сосудов — греч. *κέρνος*, *κέρνον* 'миска, сосуд для жертвоприношений', ирл. *cern* 'миска', др.-исл. *hverna* 'горшок', гот. *hvaírnei* 'череп', причем отдается предпочтение более очевидному, с точки зрения авторов известных этимологических словарей, сравнению с лтш. *cęri*, *cęras* мн. 'раскаленные камни на печи в риге или бане'. Но, надо сказать, именно это последнее сближение наивно и уязвимо как раз с семантической стороны, не говоря о симптомах отсутствия здесь (**černъ*: *cęri*) непосредственной словообразовательно-лексической связи. С другой стороны, именно значение 'сосуд' дано уже в самих славянских словах, ср.

---

[38] *V. Geramb.* Die Kulturgeschichte der Rauchstuben. Bin Beitrag zur Hausforschung // WuS. Bd. IX. 1926. S. 27.

[39] *Vasmer.* II. S. 382.

[40] *Berneker.* I. S. 146; *Vasmer.* III. S. 322; ср.: *F. Bezlaj.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963. S. 12.

выше *черен* 'сковорода', против этого резерва внутренней реконструкции нельзя спорить. Опираясь на эту семантическую общность с греч. *κέρνος* 'глиняный сосуд, обставленный вокруг плошками, который применялся в культе мистерий', а также на морфемно-словообразовательное тождество между греческим и славянским словом (из общего **ker-no-s*), мы принимаем упомянутую старую этимологию. Этимологическое тождество праслав. **černъ* — греч. *κέρνος* (и других вышеприведенных названий сосудов из и.-е. **k^uerno-*) имеет, таким образом, семантический аспект 'часть горна, под'—'глиняный сосуд'. В числе родственных греч. *κέρνος* форм назовем прежде всего *κέραμος* 'глина' [41], далее — ряд образований от того же корня **ker-* с формантом *-p-*, в первую очередь праслав. **čerpъ*, русск. *чéреп*, *черепóк*, о которых подробно ниже, в разборе терминологии глиняной посуды. Древнейшим, как нам кажется, значением в этой группе производных **ker-n-*, **ker-p-* было 'глина', 'сосуд из глины', сюда же **kr-in-* в ст.-слав. **криница** 'сосуд, кувшин' (Трир). Основываясь на сугубо априористических представлениях о важности якобы в первую очередь обжига и связанной с ним лексики при формировании таких названий, как 'глина', 'глиняный сосуд', 'под горна', исследователи обычно подбирали при этимологизации слав. **černъ*, греч. *κέραμος* более или менее созвучные лтш. *cę̄ri*, *cę̄ras* 'раскаленные камни на печке', лит. *kárštas* 'горячий', в целом относя наши названия перегородки горна и глины к и.-е. **qer-* (**k^uer-*) 'гореть, раскаляться, обогревать' [42]. Однако эта наивная семасиологическая аргументация при проверке уступает место убеждению, что в общем ни одно название глины, а соответственно и сосуда из глины, не образовано от основы со значением 'жечь, обжигать'. Этимологов явно обременяли поздние представления о важности обжига, который, как мы еще не раз будем наблюдать, не изначален, а обусловлен исторически, что нашло отражение и в соответствующей древней лексике. 'Лепить' и особенно 'плести' — таковы отправные семантические признаки старых названий глины и глиняных сосудов, в том числе с основой и.-е. **k^uer-* [43].

---

[41] Правда, Фриск относится к этому сравнению скептически, допуская как в *κέρνος*, так и в *κέραμος* догреческо-малоазийские заимствования (*Hj. Frisk.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 9. Heidelberg, 1959. S. 823, 832), в чем, однако, нет необходимости.

Оригинально, но едва ли верно реконструирует праслав. **černъ* < **kertno-* 'сосуд для жертвоприношений' В. М. Иллич-Свитыч в своей книге: Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963. С. 127.

[42] *Mūlenbacha—Endzelīna.* Latviešu valodās vārdnīca. S. I. S. 375; *Vasmer.* III. S. 322; *Hj. Frisk.* Op. cit. S. 823.

[43] О связи 'глина' — 'плетенка' см. специально в работах Трира: *J. Trier.* Lehm. Etymologien zum Fachwerk; *Он же.* Holz. Etymologien aus dem Niederwald. Münster/Köln, 1952 (= Münstersche Forschungen. H. 6).

Покончив с основной терминологией горна, и прежде чем заняться большой группой названий посуды, используем возникшую паузу для того, чтобы обобщить некоторые наблюдения в одном чисто лингвистическом плане, уже не раз вырисовывавшемся в ходе предыдущего изложения. В нашей работе мы неоднократно вынуждены обращаться к этому плану, прежде всего под давлением самого материала. Речь идет о плане балто-славянских языковых отношений в том виде, в каком они представляются нам на материале гончарной лексики. Правда, этот экскурс можно было бы отложить до полного рассмотрения гончарской терминологии, включая названия посуды. Но есть основания полагать, что анализ названий сосудов не принесет отрицательных свидетельств, а скорее, наоборот, подтвердит еще раз общую картину отношений между двумя старыми индоевропейскими диалектными группами, которая сложилась у нас к настоящему моменту. Кроме того, почти все более или менее существенные выводы по гончарству и его лексике, естественно, сосредоточатся в конце раздела, поэтому мы решились с целью разгрузки, хотя и не без риска получить обвинение в недостаточности фактического материала, высказаться здесь о характере балто-славянских языковых (лексических) отношений в рамках исследуемой здесь терминологии.

Сразу же отметим, что нас занимают именно прабалтийско-праславянские отношения в этой области. Обычная методика связанных с этим сопоставлений предполагает — в интересах правильности сравнений — восстановление праязыкового состояния с обеих сторон. Правда, неравномерность языкового развития и прочие известные данные обязывают нас здесь оперировать более строго праязыковой реконструкцией прежде всего в отношении славянского материала. Намерение говорить о балто-славянских отношениях в гончарской терминологии только для праязыковой эпохи конкретизирует и значительно облегчает задачу, а соответствующая реконструкция позволяет сосредоточить внимание на небольшом количестве сравниваемых единиц. Само собой разумеется, что мы не ставим под сомнение возможность иных аспектов исследования балто-славянских отношений даже в данной терминологической области, например синхронного изучения современного состояния гончарской лексики в славянских и балтийских языках и диалектах. Здесь же имеется в виду в первую очередь приблизительно та эпоха, для которой одни лингвисты принимают существование особой близости или даже первоначального единства между этими языковыми группами, тогда как другие лингвисты оспаривают и то и другое, — словом, здесь имеется в виду именно та эпоха и то языковое состояние, которые составляют фактическую базу балто-славянской проблемы в ее наиболее актуальном для языкознания последних десятилетий варианте. Сообщаемые ниже конкретные замечания и наблюдения можно рассматривать как небольшое слово на дискуссии по балто-славянской проблеме.

Итак, что касается реконструкции праславянского состояния уже рассмотренных выше терминов гончарного производства и горна, мы можем назвать праслав. **lěpiti*, **vajati*/**sъvijati*, **gъrnъ*/**pekťь*, **gъrnidlo*, **gъrnьcь*, **gъrnьčarь*, **podъ*, **černъ*/**černь*, **čerěnъ* (подробности характеристик этих слов и их реконструкции уже известны из предыдущего изложения). В семантическом плане это термины со значениями (по порядку): 'лепить (сосуды из глины)', '(гончарный) горн', 'горшок', 'гончар, горшечник', 'под (горна, печи)'. Предприняв, как это видно, некоторые упрощения в семантической схеме, вызванные специфическим состоянием балтийской терминологии (например, отсутствие четкой пары 'горн'—'горнило'), мы можем сказать, что эта схема значений в основном действительна и для балтийского, где она получает следующее лексическое выражение: лит. *žiẽsti*, *žiedžiù* 'лепить, делать из глины (горшки)', *krósnis* 'печь, горн', *púodas* 'горшок', *puõdžius* 'гончар', *púodininkas* то же, *pãdas* 'под (печи)'. Для удобства мы здесь ограничились данными литовского языка как наиболее характерного представителя балтийских языков. Прабалтийская реконструкция основных литовских терминов будет выглядеть следующим образом: **žeistei*, **krāsnįa-*, **pōda-s*, **pada-s*. Близость к славянской терминологии гончарства установима здесь только в одном случае: праслав. **podъ* — прабалт. **pada-s*, причем тут, действительно, можно говорить об исконном родстве, а не заимствовании, скажем, из славянского в литовский. О древности этого слова в балтийском говорит в особенности отношение количественного чередования корневого вокализма между прабалт. **pada-s*, вернее даже добалтийской его праформой, и другим балтийским словом, названием сосуда, о котором ниже. Прабалт. **pada-s* (лит. *pãdas*, сюда же лтш. *pads* 'каменный пол') связано этимологически с и.-е. **pěd-*, **pŏd-* 'нога' [44] и может продолжать и.-е. **podo-s*, тематизированное производное от древней основы на согласный и.-е. **pod-s* 'нога'. Сюда же, как нам кажется, относится и прабалт. **pōda-s* : лит. *púodas*, лтш. *puôds* 'горшок'. Это последнее слово можно охарактеризовать как достаточно раннее и вместе с тем сугубо локальное новообразование прабалтийского или лежащих в его основе еще добалтийских, индоевропейских диалектов (о чем мог бы свидетельствовать добалтийский, индоевропейский вокализм связываемых здесь праформ): **pōdo-s* явилось производным от **podo-s*, причем как способ деривации здесь использовано удлинение корневого вокализма исходной основы, vrddhi *ō* : *o*. Аналогичный пример этого не очень частого словопроизводства видим в отношении праслав. диал. **vъgnъ* (из **ugni-s*, ср. литовские и латышские формы) 'огонь' и **vygnь* (из **ūgni-s*) 'кузница, место, где разводится огонь для кузнечных работ', о котором мы еще будем говорить в специальном разделе работы. Но вернемся к названию горшка в балтийском. Связь прабалт. **pōda-s* и **pada-s* нам кажется вполне очевидной,

---

[44] *Fraenkel.* Lief. 7. S. 521.

однако понять ее можно только на добалтийском уровне отношений, поскольку апофонии *ō* : *a* в балтийском не существует как таковой. Если же мы продолжим реконструкцию до протобалтийского состояния, то увидим, как эти обломки отношений оказываются закономерной апофонической парой *ō* : *o*. Это интересно для нас и как косвенное доказательство исконного характера лит. *pãdas*, лтш. *pads*, с которым исключительно балтийское производное **pōdas* было связано еще в протобалтийский период. Что касается самого названия горшка лит. *púodas*, лтш. *puôds*, то оно вообще-то обычно этимологизируется иначе, как родственное др.-в.-нем. *faz* 'бочка, сосуд, ящик, шкаф' и, возможно, позднелат. *pottus* 'горшок'[45]. Но, во-первых, продленная ступень вокализма лит. *púodas*, как легко заметить, остается при этом без всякого объяснения. Во-вторых, нем. *Fass* 'бочка', др.-в.-нем. *faz* с еще более широким значением — 'резервуар, ящик' вполне удовлетворительно этимологизируется как местное производное от герм. **fat-* 'держать вместе, схватывать', нем. *fassen* 'хватать', не имеющее, таким образом, ничего общего ни с глиняной посудой, ни с гончарством. Сравнение лит. *púodas* — нем. *Fass* тем самым должно быть отвергнуто. Менее ясно отношение к лат. *pottus* 'горшок', с одной стороны, и фин. *pata* (род. *padan*) 'горшок' — с другой. Последнее слово, может быть, заимствовано из балтийского. При нашем толковании лит. *púodas* 'горшок' оказывается ранним местным производным от *pãdas* 'под печи' и, таким образом, пополняет семантический ряд 'горн, гончарная печь'—'горшок', примеры которого мы встречали в разных языках: гот. *aúhns* 'печь'—др.-инд. *ukhá-* 'горшок', праслав. **gъrnъ—gъrnьcь*, праслав. **černъ* 'под горна' — греч. *κέϱνος* 'глиняный сосуд'.

Значит, за вычетом общности в названиях пода печи, далее следуют серьезные расхождения в гончарской лексике между славянским и балтийским. Как мы видели, совершенно по-разному в них образовано название горшка. Точно так же велики различия в способе образования названия печи, в том числе горна: при слав. **gъrnъ* и **pekťь*, о которых подробно говорилось выше, балтийский имеет единое **krāšn̦i̯a-*, лит. *krósnis* 'печь, горн', лтш. *krâsns* 'печь', первоначально 'куча камней', ср. лтш. *krât* 'собирать, наваливать'[46]. Правда, балт. **žeistei* < **žeid-tei* 'лепить (горшки)' тоже имеет славянские соответствия, ср. польск. *zdun* 'гончар' (праслав. **zъdunъ*), также свидетельствующее о ранних гончарских значениях праславянского глагола **zьdati*, **zьděti*, **zidati*, обычно обнаруживающего негончарские значения 'строить, возводить (стены, дом из глины, камня)', ср. ст.-слав. **здьти**, сербохорв. *зи̏дати*, праслав. **zьdь*, откуда чеш. *zeď* '(каменная) стена'. И балтийский, и славянский обнаруживают здесь общую метатезу согласных первоначального и.-е. **dhei̯ĝh-*, откуда, например, слав. **děža*, русск. *дежа*. Но уже

[45] *Fraenkel*. Lief. 9. S. 668; *Kluge—Götze*[15]. S. 191.

[46] *Fraenkel*. Lief. 4. S. 301—302.

здесь трудно говорить об исключительной совместной инновации в сфере гончарской терминологии балтийского и славянского, особенно если учесть то, что ниже говорится о латинских соответствиях. В остальном мы вообще не имеем возможности констатировать какие-либо заметные общие новообразования в этой области, которые можно было бы возвести к предполагаемой эпохе близости прабалтийского и праславянского языков. Анализируемые ниже названия сосудов в славянских языках тоже не дают ни одного старого балто-славянского соответствия. Любопытно отметить, что сравнение балтийской и славянской терминологии выявляет в общем глубокие различия между ними при полном отсутствии чего-либо отдаленно напоминающего замечательные групповые словообразовательно-лексические параллели из одной реально-семантической сферы гончарской, точнее, горновой терминологии, которые мы наблюдали при сравнении славянских и латинских названий. Балто-славянские языковые отношения в области гончарской терминологии не породили ничего равноценного таким параллельным, совместным праславянско-италийским инновациям, как праслав. **gъrnъ* 'горн' — лат. *furnus* 'печь, горн', праслав. **gъrnidlo* 'вместилище горна' — лат. (народн.) **furniculum* 'помещение с печью', праслав. **gъrnьcь* 'горшок' — лат. *fornix* 'свод (горна), арка', праслав. **gъrnьčarь* 'гончар, горшечник' — лат. *fornicarius* (см. выше). Из соответствий, не носящих такого же исключительного характера, а как бы подключающихся к балтийскому и славянскому в равной степени, можно здесь назвать лат. *fingo*, *fingere* 'лепить (из глины)', *figulus* 'гончар' из и.-е. **dhiĝ(h)-*, **dheiĝ(h)-*, которые развили, как и часть славянских и балтийских производных, гончарские значения, но не охвачены метатезой согласных, имевшей место в балтийском и славянском, кроме отдельных старых производных.

Совсем немного соприкосновений в гончарской терминологии между славянским и германским, здесь почти нет этимологически общих основ, если не считать нескольких не очень ярких случаев этимологического родства, уводящих за пределы нашей терминологической сферы, которые будут нами упомянуты при разборе названий посуды. В остальном германская и славянская терминология гончарства складывались совершенно обособленно, вовлекая всякий раз отличные индоевропейские основы в орбиту терминологизации. Кроме отражения некоторых общих семантических универсалий вроде 'плетение' > 'гончарство, гончарная посуда', здесь действовали различные семантические схемы, не накладывающиеся одна на другую. Достаточно указать на нем. *Topf*, *Hafen* — названия горшков из и.-е. **dhubh-*, **dheubh-* 'углубление, яма' и **kəp-*, **kap-* 'сдерживать, охватывать', чтобы стало понятно, о чем идет речь, особенно если вспомнить о праслав. **gъrnьcь* 'горшок' и породившей его терминологии горна. Сама терминология горна выглядит здесь совсем иначе, четкое различие между печью и горном для

обжига, подобное тому, что мы видим в славянском начиная с древнейшей праславянской эпохи, здесь отсутствует. Правда, все еще нет до сих пор в нашем распоряжении исследований по лексике ремесла у германцев, особенно по германской гончарской терминологии, хотя бы в виде пособий обзорно-справочного характера, каков, например, великолепный многотомный труд Г. Блюмнера о технологии и терминологии ремесел и искусств у греков и римлян. Пока приходится довольствоваться более частными исследованиями и этнографическими описаниями, что, естественно, не может не отразиться на полноте наших суждений о характере отношений славянской терминологии гончарства к соответствующим разделам словаря других индоевропейских языков.

Нашей задачей теперь является рассмотрение довольно большой и разнородной группы названий гончарной посуды в славянских языках. Приступая к анализу названий глиняных сосудов, мы вместе с тем вынуждены соблюдать этот основной критерий отбора весьма снисходительно не только в диахроническом, историческом плане, к чему нас побуждает, как известно, сама логика внутренней эволюции гончарства, керамического производства, но и в синхронном плане, привлекая, например, слова, обозначающие сейчас деревянную, металлическую посуду. Потому что далеко не всегда значение 'глиняный сосуд' приходит на смену значению 'деревянный сосуд', сосуд, плетенный из прутьев' (ср. ниже о семантической истории и отражениях праслав. **sǫdъ*, **obkrǫtъ*), а значение 'глиняный сосуд' уступает место значению 'сосуд из металла', как мы можем наблюдать на примере наших слов *горшок*, польск. *garnek*. Иногда более новым, вторичным оказывается как раз значение 'сосуд из дерева', что может быть истолковано и как отражение некоего спиралеобразного возврата в культурной эволюции и — что еще более вероятно — как следствие каких-то местных условий. Не меньше число случаев, когда одна и та же лексема, бесспорно восходящая к праславянской и даже дославянской древности, выступает на одной части славянской территории как название деревянной посуды, на другой — как название керамической или металлической посуды.

Если брать собранные в этой работе названия синхронно, т. е. так, как они представлены к настоящему времени в разных славянских языках, то это будет, бесспорно, самая многочисленная лексическая группа в рамках всей гончарской терминологии, насчитывающая несколько десятков различных слов (не считая соответствий по славянским языкам и вариантов). Конечно, уже проведение самой элементарной этимологической анкеты среди этой массы названий сразу выявит сложное расслоение на поздние словообразовательные инновации, заимствования (новые и старые) и исконную древнюю лексику. Для исследования в любом из этих аспектов названия керамической посуды представляют благодарный материал, щедро подавая сюжеты для разнооб-

разных этимологий и семасиологических наблюдений. Этимологические исследования в этой области уже привели в ряде случаев к надежным результатам, однако всю работу по этимологизации славянских названий глиняной посуды рано еще считать законченной. Об этом говорят и приводимые нами ниже этимологические наблюдения. Но и после проведения этимологической проверки и отбора с целью реконструкции старого состава остается очень значительная группа названий, которые можно более или менее точно отнести к праславянскому периоду, как мы можем судить об этом предварительно, забегая вперед. Наше исследование направлено преимущественно на восстановление этого первоначального состава данной лексической группы, как и остальных, рассматриваемых в других частях этой работы.

Сама специфика славянской гончарной терминологии уже заставляла нас обращаться к отдельным названиям посуды до того, как мы приступили к их систематическому анализу. Основанием для этого предварительного экскурса в терминологию посуды послужила вскрываемая стойкая древняя лексико-семасиологическая связь 'горн'—'горшок', породившая в гончарских терминологиях разных языков новые названия сосудов из глины. В связи с этим выше была подробно рассмотрена, особенно в некоторых своих новых аспектах, этимология и история названий, группирующихся вокруг праслав. **gъrnъ* : **gъrnьcь*, **gъrnъkъ*, **gъrnьščkъ*, **gъrnьščikъ* 'горшок'. Напомнив эти связи и констатацию праславянской древности большей части этих производных, перейдем к другому, гораздо менее ясному, хотя и древнему, по всей видимости, названию горшка — сербохорв. *лонац*, словен. *lonec*.

Рассмотрение сложного вопроса об этимологии этого последнего слова целесообразно начать с попытки реконструкции его древней формы. Некоторые черты в исторически засвидетельствованном облике этого южнославянского слова могут быть довольно уверенно охарактеризованы как вторичные, обязанные длительному влиянию близкого по значению и употреблению слова. До сих пор праформа словен. *lonec* и сербохорв. *лонац* чисто условно восстанавливается как праслав. **lonьcь*[47]. Для правильной оценки древности или исконности этой формы, как и в целом для правильного понимания ее эволюции, нам нужно постоянно иметь в виду факт существования праслав. **gъrnьcь*. Наличие у **gъrnьcь* прочных внутриславянских и внеславянских связей, делающих бесспорным древний характер именно такого вида этой лексемы, а также возможность отражения в праслав. **gъrnьcь* еще дославянского **ghʷr̥nik-* (см. выше) отнимают у нас всякое право искать следы новообразовании в форме **gъrnьcь*, как, впрочем, и в **gъrnьčarь*, которому выше была специально посвящена часть разбора интересного семейства **gъrnъ*—**gъrnьcь*—**gъrnьčarь*. Если мы после этого обратимся к сравнению пары **gъrnьcь*—**gъrnьčarь* с парой словен. *lonec*—*lončar*, то эта поистине удиви-

[47] См.: *Berneker*. I. S. 732.

тельная параллельность словопроизводства и употребления приобретет совершенно определенный смысл. Ясно, что в случае с *lonec—lončar* (в праславянских терминах — **lonьcь—*lonьčarь*) мы имеем дело с неисконным положением вещей и что эти формы были вторично подравнены (angelehnt) к первичным праслав. **gъrnьcь—*gъrnьčarь*. Формы **lonьcь—*lonьčarь* характерны для лексики западной группы южнославянских языков: словенского и сербохорватского. Правда, в деталях картина выглядит несколько сложнее. В диалектах Восточной Сербии мы найдем пару *грне—грнчар*. Чем дальше к западу, тем абсолютнее становится употребление другой пары: *лонац—лончар*. Чакавские и кайкавские диалекты западных и северных окраин сербохорватского языкового пространства знают только *lonac/lonec*, *lončar*. Наконец, классическим ареалом исключительного распространения этой последней пары лексем является территория словенского языка: *lonec—lončar*. В топонимии, (сербохорватской!) следы употребления лексемы *грнчар* несколько шире современного ее употребления в апеллативной лексике. Кроме того, очень важное свидетельство приносит соседний венгерский язык, который заимствовал свое *gerencsér* 'гончар, горшечник' (в местных названиях известно с конца X в.) из формы **gъrnьčarь* местных славянских диалектов, причем это название горшечника знают т о л ь к о венгерские диалекты Трансданубии (= венг. Dunántúl, местность на запад от Дуная), т. е. района, непосредственно граничащего с Хорватией и Словенией[48]. Все это говорит о том, что в древности западные диалекты южнославянских языков могли употреблять шире праслав. **gъrnьcь*, **gъrnьčarь*. Позднее эти названия были вытеснены другими, местными, которые, однако, сами подверглись естественному влиянию этих общеславянских терминов. Эпицентр распространения местных названий, видимо, лежал в районе древнесловенских диалектов. Распространившиеся оттуда **lonьcь* и **lonьčarь* получили эту окончательную форму под воздействием праслав. **gъrnьcь—*gъrnьčarь*. При этом **lonьčarь* было целиком построено по модели **gъrnьčarь*, и вопрос о его древности для нас отпадает. Остается **lonьcь*, которое в своем отношении к **gъrnьcь* обнаруживает возможность позднего присоединения суффикса *-ьcь*, откуда наиболее архаический, доступный для нас вид этого отношения: др.-словен. **lonъ* — праслав. **gъrnьcь*. Только теперь мы можем ставить вопрос о дальнейших, этимологических связях этого древнесловенского (или праславянского диалектного?) слова **lonъ* 'глиняный сосуд, горшок'. Не исключена возможность, что это название было усвоено предками словенцев на территории их новой родины из уст какого-то неславянского населения. Такое предположение находит оправдание в этимологической неясности словен. *lonec*, сербохорв. *лонац*, констатируемой исследовате-

[48] *Kniezsa.* I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. Kötet I. Rész. Budapest, 1955. S. 190—191.

лями[49]; слово *lonьсь* нерешительно сравнивают с греч. *λεκάνη* (название сосуда), но, не говоря уже о фонетической затруднительности и малой вероятности этого сближения, само греческое слово могло быть культурным заимствованием, ср. также греч. *λάχανον*. Имея в виду невыясненность происхождения слова *lonec*, *лонац*, мы должны более обстоятельно взвесить возможные аргументы в пользу его исконно славянского характера. Мысль Даничича об образовании слова *lonac* от индоевропейского корня **ar-*/**al-*, в данном случае со значением 'гореть'[50], сохраняет, как нам кажется, лишь историческое значение, не говоря о том, что праформа **aln-*, **oln-* дала бы ю.-слав. **lan-*, а не *lon-*, которое существует в действительности. Следовательно, реальной праформой можно считать только праслав. **lonъ*. Трудность этимологизации этого слова объясняется многозначностью формы праслав. **lonъ*, которая с одинаковой вероятностью могла явиться результатом фонетической эволюции весьма различных протославянских и дославянских форм, по крайней мере таких, как **lotn-*, **lodn-*, **logsn-*, с последующим ранним упрощением группы согласных. Формально ничто не мешает нам возводить **lonъ* к дославянскому **logsno-s*, сюда же праслав. **lono* 'чрево, утроба, лоно' (< **log-sno-m*) в соответствии с наиболее вероятной, как мы думаем, этимологией последнего слова[51], которую как будто дополнительно подтверждает прозрачное по своей структуре ст.-слав., цслав. **ложесно**, мн. **ложесна** 'утроба, матка' (собственно, форма с полным вокализмом суффикса **log-esno-m*, вариант к **log-sno-m* > **лоно**). Более или менее благополучно обстоит дело и с реально-семантической стороной этимологии **lonъ* 'глиняный горшок' : **lono* 'чрево, лоно', поскольку известно, что сосуды иногда называются по сходству с частями человеческого тела, ср. праслав. **kъrčagъ/a* : **kъrkъ* 'шея, горло' (об этом см. также ниже), греч. *λάγυνος* — название сосуда: *λαγών* 'пах (у человека)'[52], в данном случае **lonъ* было бы чем-то вроде 'пузатого сосуда'. И однако, при всем правдоподобии сообщаемых выше аргументов в поддержку исконно славянской этимологии праслав. диал. **lonъ*, мы не можем отделаться от мысли, что перед нами потенциальное заимствование. Об этом говорят и выразительная региональность слова *lonec*, *лонац* даже в рамках южнославянской территории, и общие соображения вероятности в данном случае культурной инновации с отражением ее в лексике. Древнесловенские диалекты, распространившиеся на новых территориях в эпоху славянской экспансии, несомненно, много лексики,

---

[49] *Berneker*. I. S. 732.

[50] *Gj. Daničić*. Korijeni s riječima od njih postalijem u hrvatskom ili srpskom jeziku. Zagreb, 1877. S. 13.

[51] Прочие, менее убедительные сближения в изобилии собраны в этимологическом словаре Фасмера.

[52] *R. Meringer*. Op. cit. S. 10.

культурных слов заимствовали из языка более древнего местного населения, в том числе, очевидно, из кельтского субстрата и адстрата. Мы, к сожалению, до сих пор не имеем удовлетворительного представления о составе древней заимствованной лексики словенского языка, которая впервые будет развернуто показана и прокомментирована в объявленном словенском этимологическом словаре Безлая. Можно лишь сказать, что прослойка местной субстратной лексики в словенском языке является гораздо более ощутимой и внушительной, чем, очевидно, соответствующая прослойка словаря хорватских или сербских диалектов, что объясняется, возможно, сравнительно большей авторитетностью и мощностью субстрата у словенского языка. В связи со сказанным выше можно со всей осторожностью предложить гипотезу о заимствовании словен. *lonec*, **lonъ* из кельтского. Разумеется, мы почти ничего не знаем о языке кельтов, распространившихся из Центральной Европы по Дунаю и Балканам, если не считать следов в топонимии. Мы можем лишь указать на фонетическую и семантическую близость местного праслав. **lonъ* 'горшок' и слов островных кельтских языков — ирл. *lann.*, др.-корн. *lann* 'сковорода'. Последние возводятся к **landhā*[53]. Праслав. диал. **lonъ* могло быть заимствовано из кельт. *lann* при условии, если эта форма существовала в языке местных кельтских племен.

Выше уже было затронуто вскользь название праслав. **kъrčagъ*, **kъrčaga*, которое мы реконструируем на основании ст.-слав. **кръчагъ** *κεράμιον*, болг. *кърчáг* 'глиняный кувшин для воды', сербохорв. *кр̑ча̄г* 'глиняный кувшин (для вина, воды); ковш', чеш. *krčah*, др.-русск. *кърчага*, русск. *корчáга* 'сосуд для пива, кваса', укр. *корчáга* 'сосуд с узким горлом для водки'. Известна этимология этого слова как тюркского заимствования, причем источником считают форму, близкую тур. *korčak* 'кишка, мех, бурдюк', алт. *kurčuk*, *karčak* 'ящик, гроб'[54]. Действительно, некоторые формальные признаки условного праслав. **kъrčagъ/*kъrčaga*, а именно характерный исход *-agъ* (с вариантом *-aga*, возможно, вторичным), делают подозрение о восточном, в частности тюркском, происхождении обоснованным. Однако сближение с приведенными выше тюркскими словами довольно сомнительно в фонетическом и семасиологическом отношении. Сомнения усиливаются еще более, когда при проверке оказывается недостаточной надежность самих тюркских форм, которыми оперируют исследователи. Так, тюрк. *korčak* 'бурдюк, мех', которое, например, Фасмер (там же) цитирует по Мункачи, в действительности не засвидетельствовано и фигурирует у последнего под звездочкой, как обратил на это внимание Хубшмид, который ставит под сомнение и вариант алт. *ḳurčuk* (наряду с *kurďuk* 'бурдюк, мех'), также приводимый Мункачи в книге об арийских и кавказских элементах в финно-угорских языках. Правда, сам

[53] О кельтском слове см.: *J. Trier.* Topf. S. 345.
[54] *Vasmer.* I. S. 637.

Хубшмид все-таки полагает возможным настаивать на тюркской этимологии нашего славянского слова, считая его источником формы вроде телеутск. *kurčak* 'обруч бочки', сагайск. *kurčag*[55]. Хотя он сам при этом делает уверенный вывод, что «таким образом, благодаря более детальному этимологическому исследованию тюркских слов, подтверждается тюркская основа семьи славянских слов, не получившей до сих пор удовлетворительного объяснения», мы тем не менее не убеждены в правоте его слов настолько, чтобы отказаться от поисков более приемлемых, на наш взгляд, решений. Поэтому мы и сейчас считаем возможным повторить свою этимологию славянского слова, выдвинутую несколько лет назад, согласно которой праслав. **kъrčagъ*, **kъrčaga* получает объяснение как производное с суффиксом *-(j)aga* от праславянского же **kъrkъ* 'шея'[56], старого, довольно широко представленного слова (наряду, с другими названиями шеи — праслав. **šьja* < **vortъ*). Семантическая сторона этой последней этимологии как будто безукоризненна, так как значения, реально представленные в продолжениях праслав. **kъrčagъ* **kъrčaga* по отдельным славянским языкам, лишь подтверждают этимологически устанавливаемые связи, ср. 'сосуд с узким горлом для водки' (укр.), 'кувшин для воды, вина' (болг., сербохорв.). Во всяком случае связь со значениями тюркских слов 'бурдюк', 'ящик', 'обруч' гораздо проблематичнее. Напротив, для праславянского периода, учитывая вышесказанное, можно помимо формы **kъrčagъ*, **kъrčaga* реконструировать также значение *'сосуд с высокими стенками и горлом'. Исконно славянская этимология слова **kъrčagъ/a*, предлагаемая нами, как будто не имеет и того обычно распространенного и по необходимости терпимого недостатка многих этимологий, 'когда при всех остальных удовлетворительных условиях исследователь устанавливает словопроизводную связь между формами, ареалы которых не совпадают. Это слишком общее место этимологических исследований, чтобы сказанное нуждалось в примерах. И однако большинство ошибок таких этимологий коренится именно в этом их звене. Например, выдвигается идея о наличии древней словообразовательной связи, причем производная и исходная основа имеют каждая свой обособленный ареал. Такова, кстати, классическая в своем роде ошибка этимологии южнославянского по своему первоначальному ареалу слова *врач*, рассматриваемого как производное от сугубо великорусского слова *врать*. Худший случай представляют при этом этимологии, в которых отсутствует сознательная постановка вопроса в лингвогеографическом аспекте. Правда, не меньше трудностей ждет исследователя и в том случае, когда он вынужден гипотетически реконструировать древние бо-

[55] *J. Hubschmid.* Schläuche und Fässer. Bern, 1955 (= Romanica Helvetica. Vol. 54). S. 122, прим. 2.

[56] *О. Н. Трубачев.* Славянские этимологии 29—39 // Сб. Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II. М., 1962. С. 39.

лее обширные и взаимно покрывающие друг друга ареалы при явном недостатке средств. В нашем случае с этимологией **kъrčaga* < *kъrkъ* мы как будто избавлены и от этой трудности, поскольку почти всюду, где засвидетельствовано **kъrčagъ/a*, представлено и исходное для него, по нашей мысли, **kъrkъ*: в западных, южных, а по реликтам и в восточных славянских языках мы находим почти не нарушенные пары терминов **kъrčagъ* — **kъrkъ*.

Почти ту же семантическую модель, что и в последнем случае, мы встречаем в русском названии сосуда *горла́ч*, сюда же блр. *гарла́ч*, *гарля́к* 'жбан'. Отсутствие формальных препятствий позволяет нам восстановить, по крайней мере для одной из этих форм, праслав. **gъrdlačь*. Далее, сюда же примыкает — в более широком семантическом плане — номенклатура вроде укр. *носатка* 'старинный умывальник с носиком', сербохорв. диал. *rukatka* 'глиняный сосуд с ручкой', наконец, словен. *ročka* 'сосуд для хранения воды', т. е. попросту 'ручка', название части тела, употребленное в качестве названия сосуда. Для первых двух мы, по-видимому, можем восстановить достаточно древние собственные праформы **nosatъka*, **nosata* и **rǫkatъka*, **rǫkata*, первоначально прилагательные с формантом *-at-* от соответствующих названий частей человеческого тела. В целом вырисовывается небольшая группа потенциально весьма старых, объединяемых общей семантической сферой названий глиняных сосудов в славянских языках с реконструируемыми праславянскими формами. Сюда может быть отнесено — как одна из приводившихся выше равноправных возможностей — праслав. **lonъ*, далее, более определенно, — **kъrčagъ/*kъrčaga*, **gъrdlačь*, **nosaitъka*, **rǫkatъka*. Семантически это названия сосудов с отмеченным наличием выпуклого тела, обнаруживающих более или мене условное сходство с частью тела живого существа, человека. Сохраняя свое семантическое своеобразие, эта группа названий примыкает к наиболее многочисленным названиям сосудов, несущим отпечаток технологии изготовления или применения. Это наиболее богатая и разнообразная группа старых и более новых названий глиняной посуды, охватывающая основную массу исконных славянских терминов. Она открывается, или увенчивается, если можно так выразиться, лексемой **gъrnъcь*, **gъrnъkъ*, о которой мы уже неоднократно говорили, но которая отнюдь не претендует на первенство по древности среди прочих названий данной группы. Дальше мы сможем познакомиться с терминами, донесшими память о сугубо архаических, догончарских реально-семантических отношениях и связях.

В большую группу названий глиняной посуды, отражающих технологию изготовления и применения сосудов, входит несколько названий, указывающих на связь с глиной. Все это старые образования. Их самостоятельность и отсутствие связи друг с другом проявляется также в том, что из четырех приводимых ниже случаев только в одном представлено родство с основным

славянским названием глины, в остальных же можно говорить об этимологической близости к названиям глины, уже неизвестным из славянского. Это показывает сложность отношений, усугубляемую фрагментарностью картины, косвенно восстановимой из сравнительного и этимологического анализа слов, а также из реконструируемого древнего их состояния. Вот эти случаи.

Укр. *глек*, *глéчик* 'горшок, кувшин (для молока)', блр. *глёк*, *гляк*, *гля́чек* 'круглый горшок с коротким горлышком' — характерный юго-западный восточнославянский диалектизм, неизвестный собственно великорусским говорам. Представленное в древнерусских памятниках слово *гълькъ*, *голкъ* 'сосуд, кувшин', *голькъ* 'рукомойник', *глек* 'сосуд' (с XII в.) могло быть элементом южнорусского распространения. Южные и западные славянские языки также не знают этого названия. Считать это украинско-белорусское региональное название новообразованием мы никак не можем. Скорее всего, перед нами старое, еще праславянское **glьkъ*, название ограниченного распространения, связанное (**glь-kъ*) непосредственно не с общеслав. **glina* (*glī-nā*, ср. греч. *γλίνη* 'клей'), а с праслав. **glьjь*, также ограниченного распространения: укр. *глей* 'вязкая, глинистая почва', блр. *глей* 'ил', для собственно великорусских территорий это слово не характерно, польск. *glej* выступает поздно и только на востоке, почему его можно считать заимствованным из белорусских или украинских диалектов[57]. Праславянское региональное **glьjь*, восстанавливаемое также только на базе украинских и белорусских данных, имеет все признаки старого образования, продолжающего и.-е. **gli-i̯o-s*, ср. близкую форму женского рода греч. *γλία* 'клей' < *gli-i̯ā*. Таким образом, **glь-kъ*, образованное непосредственно от непроизводной основы праслав. диал. **glь-*, а не от **glьjь* (ожидалось бы **glьjьkъ*), что предполагает прозрачную членимость **glьjь* к моменту образования **glь-kъ*, обнаруживает через эти свои особенности значительную древность. Вместе с **glьjь*, **glina*, **glěnъ* 'слизь, осадок' наше **glьkъ* входит в одну праславянскую семью слов, замечательную богатством апофонических вариантов своего корневого вокализма. Описываемые отношения носят достаточно архаический характер, о чем можно судить по утрате словообразовательной продуктивности. Так, интересно отметить, что нам неизвестно вообще в славянских языках ни одно название гончарной посуды, образованное от наиболее активного варианта основы — **glin-*. Связь праслав. **glьkъ* 'вид гончарного сосуда, глиняный кувшин' со славянскими на-

---

[57] *F. Sławski*. I. S. 282. — Естественно, что с праслав. **glьkъ*, **glьjь* не связаны, по-видимому, поздние и заимствованные названия глазури, поливы — болг. *глеч* 'полива' (БТР) и русск. *глет*, *свинцовый глет* (ср., например, упоминания последнего: *А. Соколов*. Гончарное производство // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. Т. I. СПб., 1913. С. 162, 163). Слово *глет* 'окись свинца' объясняют из нем. *Glätte* 'гладкость'.

званиями глины, глинистой земли, как видим, достаточно сложна и должна трактоваться на уровне праславянского диалектного членения, а в известных моментах подводит нас к взаимоотношению праиндоевропейских диалектных форм. Связь остальных, семантически, по-видимому, однородных, славянских названий ('сосуд из глины') с близкими им названиями глины вообще уводит нас за пределы славянского материала и доказуема только путем внешних аргументов и сравнений. Это, конечно, придает соответствующим этимологиям сильный привкус гипотетичности, но еще не означает их неправильности или порочности.

Таково, например, известное почти во всех славянских языках название, объединяемое нами вокруг основных праславянских форм **laty* (род. **latъve*), **latъka* (особенно широко) и **latь*, не говоря о словообразовательных вариантах подчиненного значения. Ср. цслав., др.-русск. *латъка*, *ладъка* 'горшок', *латы*, *латъвъ* то же, русск. диал. *ла́тка* 'глиняная сковорода, плошка, черепушка, миска', блр. *ла́тка*, *ла́тушка*, *ла́душка* 'миска', польск. *łatka*, диал. (силезск.) *łotka*, собственно *łåtka* 'горшок для молока', чеш. диал. (мор.), слвц. *látka* 'кувшин, горшок для молока', *latuška* то же, словен. *latvica* 'глиняная сковорода', сербохорв. диал. (чакавск. Приморье) *lat*, *latica* 'вид глиняной посуды', кайкавск. *lajt*, мн. *lajti*, *lajte* 'сосуд для хранения вина, обычно из деревянных клепок, стянутых обручами' [58]. Праслав. **laty* (основа на *-ū-* ж. р.) и непосредственно связанное с ним **latъka*, а также словообразовательный вариант **latь* с примыкающим к нему расширением **latica* (форму **latъvica*, откуда словен. *latvica*, опускаем ввиду ее очевидной вторичной контаминации) в своей корневой части выяснены пока еще недостаточно. Совершенно ясно лишь то, что наиболее древним и исконным видом корня может считаться праслав. **lat(ᵘ/i)-*.

Формы вроде блр. *ла́душка*, *ладыш*, *гладыш*, *гладышка* 'посуда для молока', польск. диал. (люблинск.) *gładyszka* то же отражают вторичное осмысление в связи с другими словами и поэтому довольно уверенно снимаются нами при реконструкции древнего состояния. Праслав. **latŭ-*, **latĭ-*, которое осталось после реконструкции, надежной этимологии не имеет, представляясь вместе с тем основой, по всей видимости, древней и исконной Этимологизацию затрудняет неясность фонетической эволюции, а также наличие близких, по-видимому, вторично омонимичных основ **latati*, **latiti* в разных

[58] См.: *V. Rožić.* Prigorje. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. XII. Zagreb, 1907. S. 90; *M. Lang.* Samobor. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. XVI. 1911. S. 91, 99; *Он же.* Samobor // ZbNŽ. Kń. XVII. 1912. S. 88. — Кайкавск. *lajt*, несмотря на свою современную принадлежность к номенклатуре деревянных сосудов, тесным образом связано с остальными приводимыми здесь названиями. Эта форма отражает обычную кайкавскую эпентезу *j* в связи с отвердением последующего первоначально мягкого: *lajt* < **latъ*, мн. **lati*.

значениях. Сближение с лит. *luõtas* 'челн'[59] нам кажется неудачным, как и предположение о родстве со ст.-слав. **лакъть** 'горшок', тем более объясняемым как заимствование из греч. *λήκυθος* 'сосуд для масла или благовоний'[60]. Наиболее привлекательно, особенно в семантическом отношении, сравнение с одним из германских названий глины — **laþjon-*, откуда нем. *Letten*, однако обычно указывают на обнаруживаемые при этом фонетические несоответствия[61]. Действительно, сравнение герм. **laþjon-* с праслав. **laty*, **latь* выявляет различие в вокализме корня (герм. *ă* : слав. *ā*), достаточно серьезное и необъясненное. Вместе с тем это единственное важное различие, в остальном близость формы и значения **laty*, **latь* 'глиняная посуда' и **laþjon-* 'глина' кажется очевидной. Конечно, на упомянутое расхождение в вокализме (вернее, его количестве) должно быть обращено самое пристальное внимание как на наиболее ответственное и одновременно слабое звено всей этимологии. Естественным тут является допущение о вторичном характере славянской долготы, явившейся уже на славянской почве в каких-то условиях, т. е. **lat-* < **lot-*, возможно, как средство словообразовательного акта. Понимая, что в данном случае у нас недостаточно данных для категорического утверждения, мы все-таки считаем целесообразным выдвинуть осторожную гипотезу о родстве праслав. **laty*, **latь* и **lotokъ* (**lotъkъ*). Последняя форма основана на современных русск. *лото́к* 'корытце, выдолбленная плоским кузовком плаха', также 'желоб кровельный', 'совок', укр. *лоті́к*, род. *лото́ку* 'мельничный лоток', блр. *лоток* 'водосточный желоб', польск. *łotok* 'русло'. Это не вполне ясное слово, охватывающее к тому же лишь часть северославянских языков. Изделие из дерева, мелкое деревянное корытце это слово могло означать в результате вторичного переноса, примеры чего известны. С формальной точки зрения оно сохраняет более первоначальный вид (вокализм), а отношения между этой первоначальной формой и новой формой, явившейся в результате словообразовательного акта, могли сложиться таким образом, что именно старой форме было придано новое значение (**lotokъ* 'изделие из дерева'), тогда как на новую форму было перенесено старое значение (**laty*, **latь* 'глиняная сковорода, посуда'). Любопытно отметить, что довольно часто семантическое новообразование если и сопутствует формально-фонетическому новообразованию, то отнюдь не обязательно совпадает с ним в одном слове; напротив, при этом нередко складываются отношения своеобразного парного равновесия, при котором новообразование формы одного слова компенсируется новообразованием значения другого слова.

[59] *Vasmer*. II. S. 18.
[60] Ср.: *Machek*. S. 259.
[61] Ср.: *Berneker*. I. S. 694.

Следовательно, для праслав. **lotokъ*, **lotъkъ*(?), **lotъ*(?) мы предполагаем иное начальное значение, имеющее связь с обозначением глины, земли. Ср. значение польск. *łotok* 'русло', а также производного русск. диал. *лото́чи́на* 'долинка, овраг'. Едва ли можно в обоих случаях видеть семантический переход 'деревянное корытце' > 'долина, овраг', естественно было бы обратное. Кроме того, о древности значения 'долина, овраг' также у непроизводного русск. *лоток* (или его праформы) косвенно свидетельствует морд. *la·tka* 'овраг' [62], судя по всему, рано заимствованное из русского (хотя Срезневский соответствующих древнерусских форм и не приводит). В предположении того, что праслав. **lotъ*/**lotъkъ*/**lotokъ*, родственное герм. **laþjon-*, нем. *Letten* 'глина', первоначально значило '(глинистая) долина, углубление, овраг', а затем дало форму **laty*/**latь* 'глиняная сковорода, сосуд', само же стало обозначать 'лоток, плоское корытце', — нас укрепляет удивительно полная аналогия эволюции значений соврем. нем. *Mulde* 1. 'корыто (деревянное), лохань, квашня, лоток', 2. 'лощина, углубление (в земле)' из прагерм. **muldōn-* 'земля, персть' [63].

Если в двух только что разобранных выше семантически однородных случаях — праслав. **glьkъ* и **laty*/*ъve*, **latъ*, **lotokъ* — мы могли говорить о происхождении от соответствующих названий глины с известной уверенностью, то, переходя к анализу двух других названий с предполагаемой близкой семантической эволюцией ('глина' > 'глиняный сосуд'), мы вступаем уже на гораздо более зыбкую почву. Хотя мы все-таки относим и эти два следующих слова к числу примеров той же эволюции значения, совершенно очевидно, что здесь нам противодействуют еще большие трудности, чем в этимологии **laty* ~ **lotokъ*.

Ст.-слав. **криница** '*στάμνος*' (Супр.), **окринъ** 'миска, плошка' (Син. требн.), цслав. **кринъ** 'сосуд', русск.-цслав. **крина** 'мера хлебная', **криница** '*πίναξ*', русск. диал. *кри́нка*, *кры́нка* 'узкий высокий молочный горшок с раструбом', ст.-польск. *krzynów* 'миска', чеш. *okřín* 'блюдо', слвц. *okrín* '(деревянная) чаша, миска', в.-луж. *křinca* 'коробка, маслёнка', н.-луж. *kśinica*, *kśinka* 'ступка', *hokśin* 'корытце, лоток', др.-сербск. *крина* 'большая мера зерна', 'сосуд с крышкой', сербохорв. *кр̑иница* 'миска', словен. *krínja* 'мучной ларь', диал. *krníca* 'квашня', болг. (стар.) *крина* 'мера зерна'. Эта крайне разнооб-

[62] Ср. эрзянск. *латко* 'овраг'. См.: *М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов.* Эрзянско-русский словарь. М., 1949. С. 120; *H. Paasonen.* Mordwinische Chrestomatie mit Wörterbuch. Helsingfors, 1909. S. v. Ср.: *А. А. Шахматов* [сост.]. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. — Диалектные тексты на эрзянском языке мордовского населения Саратовского уезда. Тут неоднократно в записях встречается слово *la·tka* 'овраг' (например, с. 2). В мокшанском языке этого слова нет.

[63] Слова *łatka* 'глиняный горшок' и *łotok* 'корытце, русло' объединял, правда, на совершенно другой основе — вокруг **lat-* 'хватать', уже Брюкнер (*Brückner.* S. 307).

разная по формам и значениям группа старых в своей основе слов поддается праславянской реконструкции не без труда. Прежде чем назвать эти обобщенные праславянские формы, предпримем некоторые предварительные уточнения и ограничения. Сомнительно, например, отражение этой основы в украинском. Так, этимологические словари обычно дружно приводят укр. *крúновка* 'вид сковороды' (Бернекер, Преображенский, Фасмер), не указывая, однако, источника. В словаре Гринченко этого слова мы не находим. Вообще это не первый и не единственный пример расхождения в терминологии гончарной посуды между восточнославянским югом и севером. Уже на разобранном материале мы можем документировать такие любопытные различия, как отсутствие заведомо старых названий глиняных сосудов **laty*/**latъka*, **krin-* в украинском при наличии их в великорусском и большинстве славянских, с одной стороны, и наличие названия **glьkъ* в украинском и белорусском при отсутствии его в великорусском (и прочих славянских) — с другой. В случае с формой и значением *крина* 'хлебная мера' (русск.-цслав., болг., сербохорв.) трудно отличить книжный церковнославянский штамп от первоначального народного употребления. Несомненно влияние в отдельных случаях формы *skrin'a*, заимствованной из др.-в.-нем. *scrīni* 'сундук' и получившей почти общеславянское распространение; это заставляет нас исключить из нашего перечня, например, в.-луж. *křina*, *křinja* 'ящик', где начальное *kř-* получено через закономерное упрощение *skr-* германского слова.

В остальном мы можем, по-видимому, свести это множество форм к следующим праславянским словам: **krina*, **krinica*, **krinъka*, **krinъ*, **o(b)krinъ* со значениями 'сосуд, кувшин, миска (из глины)'. Указание на дерево как на материал, из которого изготовлена посуда, в данном случае мы также считаем вторичным. Следует вопрос об этимологических связях праславянских слов. Уже предварительно можно высказать мнение, что общий вид и форма слов говорят против предположения о заимствовании. Об этом свидетельствует наблюдаемое словообразовательное богатство, причем особенно ответственным аргументом в пользу исконности представляется сложение с приставкой **obkrinъ*, которое выглядит как уцелевший фрагмент более обширной словообразовательно-лексической семьи. Сравнение праслав. **krina*, **krinica*, **o(b)krinъ* с лат. *scrīnium* 'свиткообразный футляр для бумаг и книг' [64] неубедительно, особенно же натянутой кажется его семантическая сторона ввиду явной неродственности значения латинского специального культурного термина и славянских значений (см. выше). Путь к этимологии разбираемых здесь праславянских названий сосудов лежит через оценку не совсем ясных отношений к целой группе внешне весьма близких славянских названий родника, колодца. От решения этой внутриславянской проблемы

---

[64] *Berneker*. I. S. 617; *Преображенский*. I. С. 386; *Vasmer*. I. S. 664; сомнения на этот счет см.: *Walde—Hofmann*. II. S. 500.

наша этимология зависит в данном случае гораздо больше, чем от характеристики внеславянского родства, к которой мы обратимся после этого.

В противоположность продолжению праслав. **krina*, **krinъka*, которые, как мы специально отметили выше, типичны для собственно великорусского, название колодца, родника — *крини́ца, крени́ца* — может считаться великорусским довольно условно, судя по его распространению вдоль западных и южных окраин территории русского языка (ср. пометы Даля: юж. зап. твр.). Ввиду того, что нам известно о роли соответствующих названий на украинской территории, эти русские диалектные слова следует расценивать как распространившиеся вторично с юго-запада. Русск.-цслав. **криница** 'источник', фигурирующее в этимологических словарях (например, у Бернекера), основано на недоразумении. Существующие примеры явно следует толковать иначе. Из их числа сразу надлежит выделить пример из жалованной грамоты галицкого князя Льва 1301 г. (Срезн. I, стб. 1324): *съ потоки и съ криницями*. Совершенно ясно, что это народное древнеукраинское слово, о чем говорит также характер памятника и его территориальная принадлежность. Южнорусский характер носит слово *криница* в том же значении и в Ипатьевской летописи под 6658 (1150) г.: *Изяславъ же оттолѣ шедъ и ста у Святославли криницѣ*. В современном украинском языке широкое распространение слова *крини́ця* 'ключ, родник, источник' и его фонетических вариантов бесспорно. Я не говорю уже о тех примерах, которые, в частности у Срезневского, приведены в статье **криница** 'источник' совершенно ошибочно, по недосмотру: *Не притяжи изъ лиха съсоудъ даже и до* **ѥдиноѩ** *криница* (Пандекты Никона Черногорца). Ясно, что здесь речь ведется отнюдь не об источнике, а о сосуде, и последние слова *даже и до* **ѥдиноѩ** *криница* можно перевести только как 'вплоть до (единой) миски'. Особенно недвусмысленно это явствует из варианта в другом переводе: *доже до единоу паницꙋ*, где *паница* значит 'чаша, блюдо' (Срезн. II, стб. 875), несомненно церковнославянский лексический элемент, как и единственная *криница*, о которой можно говорить достоверно для церковнославянской лексики, — со значением 'миска, блюдо'.

Наиболее важный вывод из сказанного — это то, что ареалы укр. *крини́ця* 'ключ, родник, источник' и русск. *кри́нка* 'горшок' как бы исключают друг друга взаимно. Близкие примеры со значением 'источник' с западнославянской территории — только польск. *krynica*, стар. *krzynica* — объясняются, хотя бы в своей части, украинским влиянием. С южнославянской территории можно привести только многозначное в фонетическом отношении (ср. об этом ниже) словен. *krníca* 'глубокое место в воде, омут, водоворот', которое вызывает также наши сомнения и с точки зрения семантики: вполне может быть, что здесь представлено метафорическое употребление названия сосуда *krníca* (см. выше) по типу нашего *воронка*, однако это еще не дает права ста-

вить данный пример в один ряд с названиями источника, колодца. 'Омут, водоворот' и 'источник, колодец' — это две независимые семантические сферы, соприкосновения между которыми вовсе не обязательны. Значения 'источник, колодец' словен. *krnica* не имеет. Таким образом, проделанные уточнения помогают приблизиться к реальной картине отношения и распространения форм. Можно ставить вопрос о почти исключительно украинском ареале (или, точнее, об ареале, охватывающем первоначально только юго-запад восточнославянской территории) форм, действительно связанных с укр. *криниця*[65].

Теперь о фонетической истории и этимологии последнего слова. Укр. *криниця* с его диалектными фонетическими вариантами *кирниця*, *керниця* содержит, судя по всему, типично украинское отражение древнего слогообразующего плавного и восходит к праслав. **krъnica*, ср. укр. *кривáвий* 'кровавый', диал. *кирвáвий*, *кервáвий* < праслав. **krъvavъjь*. Разумеется, о заимствовании укр. *криниця* из греч. *κρήνς* 'ключ, источник, родник'[66] не может быть и речи. Между праслав. диал. **krъnica* и греч. *κρήνη* не существует также вообще никакой другой связи, кроме случайного созвучия, поскольку *κρήνη* представляет собой результат сугубо местного семантического развития 'источник' < 'голова' (**kr-*), ср. *κάρα*, *κάρηνον* 'голова'[67] и известный в разных районах, в частности на Балканах, способ образования названий источника, родника от названия головы. Что касается укр. *криниця*, праслав. диал. **krъnica*, то оно может быть, как нам кажется, объяснено единственным путем — как образованное с помощью форманта *-ica* от причастной основы **krъn-* 'выкопанный, вырытый', что для названий колодца, источника не требует доказательств. Ср.: *...копав, копав криниченьку у зеленім у саду...* Мы касаемся, таким образом, терминологии родников и колодцев и ее происхождения в славянских языках, — темы, имеющей важное самостоятельное значение и представляющей определенный интерес для нас в плане наших рассуждений об отношениях праслав. **krin-* : **krъn-*. Наряду с праслав. диал. **krъnica* 'источник, (вырытый) колодец', которое мы производим от **krъnъ* 'выкопанный', сюда же праслав. **krъtъ*, русск. *крот*, польск. *kret* и т. д. (от и.-е. **kr-/*ker-* 'резать'), терминология родников и колодцев в славянских

---

[65] В. А. Никонов в важной статье «Ручей—ключ—колодезь—криница—родник» (Материалы и исследования по русской диалектологии. Нов. серия. Вып. II. М., 1961. С. 192) прямо указывает (ср. также прилагаемую карту), что и в топонимике основная масса местных названий *Криница* сосредоточена именно на Украине сравнительно с остальной восточнославянской территорией.

[66] *J. Rozwadowski.* // Rozprawy Akademii Umiejętności. 28. S. 259. Цит. по Бернекеру (I. S. 617).

[67] См. о греческом слове: *Boisacq*[4]. S. 515 (где *κρήνη*, *κρᾶνᾶ* без надобности связывается с др.-исл. *hrǫnn* 'поток'); см. еще: *Frisk*. S. v.

языках охватывает целый ряд достаточно древних названий, распадающихся на несколько реально-семантических групп. Вот примеры: 1) названия от естественного характера источника ('горячий', 'холодный', 'бьющий струей'): **trusk-*, **trysk-* (ср. *Трускавецъ*, местное название в Западной Украине, лечебные воды), **pryščina* (ср. сербохорв. *Приштина*, название города в Югославии), **verdlo* (чеш. *vřídlo*), **studьna*, **studenьсь*, **jьzrojь*, **jьzvorъ*; 2) названия от рытья: **kopanь* (укр. *копань*, *копанка* 'род маленького колодезя без венца', 'ямный колодец'), *krъnica (укр. *криниця*); 3) названия от деревянного сруба: **koldęzь*, ср. **kolda* 'колода' (подобно лит. *šulinys* 'колодец' : *šulas* 'столб', другие этимологии праслав. **koldęzь* все-таки менее убедительны); 4) названия от воды (?): **ǫbelъ/ǫbьlъ*, ср. болг. *въбел* 'колодец', ст.-слав. (др. болг.) **ѫбєлъ**, сербохорв. *убао* — от и.-е. **a(m)bh!* **ap-* 'вода' [68], сюда же полаб. *wumbal* 'Brunnen' [69].

Небольшой обзор наиболее известных основ со значением 'родник, колодец' не обнаруживает у них практически никаких морфемных и семантических соприкосновений с номенклатурой посуды. Только после этого мы можем перейти к этимологии праслав. **krina*, **krinъka*, **krinica*, **krinъ*, **obkrinъ* 'сосуд из глины' и обратиться уже к внешним ресурсам этимологического анализа.

До сих пор мы приводили одни лишь отрицательные суждения относительно этимологии этих праславянских названий сосудов. Так, было указано на малую вероятность родства **krina*, **krinъka*, **krinica*, **obkrinъ* и лат. *scrīnium*, далее предпринималась попытка доказать отсутствие этимологической связи между праслав. **krina*, **krinica* 'глиняный сосуд' и праслав. диал. **krъnica* 'копаный колодец' [70]. Внутренние ресурсы для положительных суждений об этимологии нашего названия сосуда носят словообразовательный характер. Это, во-первых, наиболее вероятное морфемное членение праслав. **krina*, **krinъka*, **krinica* на древний корень **kr-* и суффикс *-in-* (не считая дальнейших расширений). Во-вторых, известные указания можно извлечь из структуры приставочного сложения праслав. **ob-krinъ*.

Корень **kr-* характеризуется здесь наличием признаков варианта с нулевой ступенью вокализма, вообще это типичный пример краткого варианта корня, что косвенно подтверждается тем, что он оформляется «полным» суффиксом *-īn-*. Значит, поиски должны вестись в направлении выявления образований с полным вариантом того же корня. Для названия глиняного сосуда **kr-in-* таким этимологически родственным соответствием может считаться **ker-n-* или — с иным формантом — **ker-p-*, ср. семантически близкие

---

[68] *Младенов*. С. 85.

[69] *A. Brückner*. Drawenisches // ZfslPh. Bd. VIII. 1930. S. 45.

[70] Вопреки известной точке зрения, о которой см.: *Berneker*. I. S. 617; *Vasmer*. I. S. 664.

праслав. **černъ* 'под печи, горна; жаровня, глиняная сковорода', о котором подробно говорилось выше, а также праслав. **čerpъ* 'глиняный черепок, глиняная посудина', к которому мы еще вернемся специально. Что касается связи праслав. **krina*, **krinъka*, **krinica* с названиями глины, то здесь прежде всего нужно упомянуть греч. *κέραμος* 'гончарная глина; кирпич; горшок'. Это сближение, вслед за Триром, нами уже приводилось бегло выше. Дальнейшие связи с лексикой глины нами указываются в тех местах работы, где говорится о праслав. **černъ* и праслав. **čerpъ*. Трир[71] считает возможным понять правильно названия глины и глиняных сосудов, образованные от и.-е. **ker-* (или, как он пишет, -**qer-*), только как отражающие древнюю тесную связь номенклатуры плетения и глиняной обмазки с различимым приматом значений 'плетение'. Он относит к этому **ker-* целый ряд различных индоевропейских названий крючков, петель, развилок, такие термины, как 'вешать', 'жесткий', 'плотный', 'плотная корка', наконец, обширную номенклатуру круга. Ср. лат. *crux* 'крест', собственно, 'развилка', лит. *pakarti* 'повесить', греч. *κρεμάννυμι* 'вешаю', англос. *heorr*, др.-исл. *hjarri* 'дверная петля', гот. *hramjan* 'распять (на кресте)', др.-в.-нем. *rama* 'столб, подпорка', ср.-в.-нем. *rame* также — 'ткацкий станок', русск. диал. *кромы* мн. 'ткацкий станок', лат. *crudus* 'жесткий', *crusta* 'кора', греч. *κρύσταλλος* 'лед', др.-исл. *hruðr* 'струпья', русск. *кора*, *корка*, нем. *Ring* (герм. **hringa-*) 'кольцо', цслав. **кржгъ** 'круг', др.-исл. *hringja* 'маленький круглый — сосуд', др.-в.-нем. *hringan* 'кружить', польск. *kręžel* 'прялка'. Из перечня ясно, что здесь представлены варианты корня **ker-*, **kor-*, **kr-*, причем последний (нулевая ступень) особенно богат разнообразными расширениями, увязанными друг с другом в свою очередь отношениями апофонии, ср. **kr-engh-*, **kr-ongh-*. Совершенно логично можно продолжить список Трира за счет иных расширений этого **kr-*, представленных в семантически родственной лексике, например **kr-en-t-*, **kr-on-t-*, ср. праслав. **krętati*, **krǫtiti*. В терминологии посуды, в частности глиняной, эта основа представлена лексемой **ob-krǫtъ*, по-видимому, еще праславянского образования, которой мы подробно займемся ниже. Здесь уместно вспомнить праслав. **ob-krinъ*, у которого с **ob-krǫtъ* общий не только различно расширенный древний корень (**kr-in-* : **kr-on-t-*), но и такая существенная деталь структуры, как сложение с одной и той же приставкой *ob-*. При этом в одном случае (**ob-krǫtъ* : **krǫtiti*) связь с соответствующей глагольной основой сохраняется вполне отчетливо и носит регулярный для праславянского характер. В другом случае (**ob-krinъ* : *ø*) мы имеем как бы фрагменты несохранившихся отношений, и соотнесенность с глагольной основой отсутствует. Мы полагаем, что **ob-krinrъ* — более древняя форма, чем **ob-krǫtъ*, но существующая между ними преемственная связь позволяет и в праславянском словообразовательно-морфологическом новообразовании **ob-krǫtъ* выделить

[71] *J. Trier.* Holz. Etymologien aus dem Niederwald. S. 73, 77, 80.

черты значительно более глубокой древности. Это связь с терминологией глины и плетения, в плане относительной хронологии эволюции реалий, — догончарская стадия изготовления посуды. Названные черты семантики, проступающие более обнаженно в новообразовании **ob-krǫtъ*, помогают нам лучше понять через его посредство более старую форму **ob-krinъ*. В целом отношения **ob-krinъ* : **ob-krǫtъ* мы понимаем как воспроизводство словообразовательно-морфологической и семантической модели — сложение *ob-* + корень со значением 'обкрученное, облепленное' > 'сосуд (из глины)'.

Прежде чем заняться некоторыми специфическими проблемами, связанными с праслав. **obkrǫtъ* и его судьбой в отдельных славянских языках, завершим то, что говорилось выше о праслав. **čerpъ*. В древнейшей славянской терминологии гончарной посуды оно замыкает ряд названий, указывающих на связь с глиной (**glьkъ*, **laty/ъve*, **latъka*, **latь*, **krina*, **krinъka*, **krinica*, **obkrinъ*, **čerpъ*), относясь к той специфической и интересной части их, которые сохраняют диффузное указание на глину и плетение (**kr-/*ker-*). Правда, в праслав. **čerpъ* это указание более стерто и сомнительно, чем в формах от **kr-in-*, рассмотренных выше. Праслав. **čerpъ* продолжают в отдельных славянских языках: русск. *че́реп* 'жесткая покрышка, костяной покров', *черепо́к* 'обломок разбитой посуды', *черепу́шка* 'плошка, глиняная сковорода', диал. с.-в.-р. (вост.) *черепа́н* 'гончар, горшечник', русск.-цслав. *чрѣпина* 'черепок, глиняный осколок', *чрѣпъ* то же, *чрѣпьникъ* 'глиняный сосуд', **чрѣпьныи** 'глиняный', **чрѣпѧныи** то же, укр. *че́реп* 'череп; большой черепок', *черепо́к* 'черепок', *черепу́шка*, *чере́п'я*, ср. собир. 'черепки', *череп'я́ний* 'глиняный (о гончарных изделиях); блр. *чаро́пка* 'посуда из глины', польск. стар. *trzop* 'черепок', 'горшок', чеш. *střep* 'черепок', 'глиняная посуда', слвц. *črep* 'черепок', 'горшок', 'изразец', 'череп', в.-луж. *črjop* 'черепок', н.-луж. *crjop* то же, словен. *črêp* 'черепок, разбитый горшок', сербохорв. *цре̑п*, *цри̏јеп* 'черепок', *цре́пња*, *цриjѐпња*, *црѐпуља* 'глиняная крышка, Backglocke, особый глиняный горшок, который нагревают, а затем накрывают им хлеб', диал. *čripja* 'миска', сюда же *црепу̀ља̄р* 'горшечник', болг. *че́реп*, *чреп* 'черепок', *че́репче* 'глиняная посуда'.

Собственно говоря, отбор и стратиграфия значений славянских слов не представляют здесь особенно больших трудностей. Прежде всего вторичному переносу обязаны все значения 'череп человека', 'костная покрышка' ('testa' > 'caput'). Показательно в этом отношении уже то, что все производные от главной основы согласно обнаруживают значения 'глиняный черепок', 'глиняная посуда, горшок'. Часто эти значения оказываются закрепленными также за явно молодыми производными с суффиксами субъективной оценки. Выше, на другом материале, нам уже приходилось касаться такого положения, когда словообразовательная инновация не совпадает с семантической, а наоборот, новая, производная форма лучше сохраняет более древ-

нее значение, чем непроизводная, обычно в таких случаях эволюционирующая. Поэтому можно усматривать немаловажный резерв семантической реконструкции данной основы в изучении ее производных. При реконструкции праславянского состояния часть производных форм, таким образом, отсеивается, а основные их значения остаются. Значения ‘гончар’, ‘глиняный сосуд’, ‘глиняный’ определенно говорят о древней связи с терминологией глины, хотя едва ли можно отнести к числу поздних семантических новообразований и значение ‘черепок, осколок, обломок глиняной посуды’. О том и о другом свидетельствуют также внешние сравнения. Таков примерный круг значений праславянских форм, к которым мы, наверное, можем отнести **čerpъ*, **čerpъkъ*, **čerpьnъjь*, **čerpěnъjь*, **cerpьje*, **cerpьja*.

Обращаясь к внешним сравнениям, этимологии славянских слов, мы должны иметь в виду, что **čerpъ*, **čerpъkъ*, **čerpьje* могла (особенно первоначально), по-видимому, обозначать не всякий черепок, осколок, обломок, а только глиняный черепок. Это дает нам право критически взглянуть на несколько прямолинейное сравнение данных слов с глаголами ‘резать’ от и.-е. **(s)ker-* и, пожалуй, даже пока исключить его из числа принимаемых нами сближений как дезориентирующее. Ограничимся приведением таких более очевидных соответствий, как др.-инд. *karpara-s* ‘черепок, чаша, череп’, особенно же др.-в.-нем. *scirbi* ‘черепок’, ‘глиняный горшок’, нем. *Scherbe* ‘(глиняный) черепок’, сюда же англос. *scripp* ‘сумка, котомка’ [72]. Следом за этим уместно вспомнить, более далекую перспективу этимологического родства с и.-е. **ker-/*kor-/*kr-*, морфемой-носителем сложного семантического комплекса ‘плетение ~ глина’, чего мы уже касались.

Итак, мы рассмотрели несколько старых славянских названий сосудов, содержащих указание на связь с глиной. Суммируя то, что выше говорилось с необходимой обстоятельностью, мы можем сказать, что в двух основах была отмечена связь с различными названиями глины как субстанции с конкретными физическими свойствами — ‘вязкость, клейкость’ и т. п. (**glь-/*gli-*, **lat-/lot-*). В двух других случаях мы имели дело с более специфической ситуацией, когда различные варианты одной древней основы **kr-/*ker-* > праслав. **kr-/*čer-*, хотя и выступали достаточно устойчиво в функции обозначения глины или, точнее, глиняных изделий, при пристальной проверке уводили нас к более общим реально-семантическим связям, в системе которых значения ‘глиняный’, ‘глина’ фигурируют как сугубо промежуточные звенья, вторично конкретизированные значения, восходящие к иным значениям, к обозначениям иных технических действий, подчас достаточно общего характера: ‘вертеть’, ‘крутить’, ‘плести’. Особенно интересна при этом удивитель-

[72] *Berneker*. I. S. 147; *Vasmer*. III. S. 323; *Th. Kross*. Die Namen der Gefässe bei den Angel-Sachsen. Inaugural-Dissertation. Erlangen, 1911. S. 116—117.

ная живучесть семантической модели 'оплетенное, окрученное' > 'глиняный сосуд', различные словообразовательно-морфологические реализации которой приводились уже нами выше. На примерах этимологического выявления ее реликтов, а также на констатации активного воспроизводства этой семантической модели мы вплотную касаемся докерамической древности материальной культуры предков носителей славянских диалектов. Само собой разумеется, проблема в первую очередь представляет для нас значительный лингвистический интерес. Если говорить конкретно о праславянских отношениях, то очевидно, что воспроизводству названной семантической модели в особенно четком виде немало способствовало наличие активного продолжения и.-е. **kr-/*ker-* в виде праслав. **krøtiti*.

Мы снова подошли к праславянскому слову **obkrǫtъ*. Выше нас неоднократно занимала предыстория этого слова в различных аспектах, включая внелингвистический. Нижеследующие строки, которые опять посвящены этому интересному слову, должны, как нам кажется, послужить подтверждением того, какой благодарный сюжет для лингвистического исследования представляет собой данная праславянская лексема в плане семантики, словообразования, лексической стратиграфии, относительной хронологии и проблематики «слов и вещей». Кроме всего прочего, предыдущие достаточно отвлеченные рассуждения с упоминанием праслав. **obkrǫtъ* нуждаются в дополнениях и систематической аргументации. Прежде всего о праславянской древности настоящей лексемы. Соответствующие свидетельства по славянским языкам носят откровенно фрагментарный характер, но вместе с тем обладают такими особенностями, которые позволяют отнести этот случай к числу весьма убедительных. Несомненное тождество формы и словообразования в условиях, исключающих возможность контактного распространения, и семантическая оригинальность каждой из реально засвидетельствованных форм, сводимая вместе с тем к начальному единству (историческое тождество значения), бесспорная ясность реального плана — таковы, вкратце, черты, делающие этот случай как бы классическим. Словообразовательная прозрачность отношений между морфемами, делающая почти излишним прикосновение этимологического зонда, сообщает случаю с праслав. **obkrǫtъ* особую поучительность в общем плане этимологического исследования.

Основанием для реконструкции праслав. **obkrǫtъ* является, во-первых, сербохорватское слово регионального распространения (чакавское Приморье) *okrut* 'сосуд вообще (деревянный, из клепок, и глиняный)'. Ср. два места из описания народного быта населения острова Крка: «...bečve, bečvice, karateli i karatelčiće, z jednun besedun o k r u t i za pivo: vino i bivandu». Там же: «...bedeń, čeber, čebrić, otakač: o v o s u o k r u t i za nakińivat, kuhat vino (da rečen: mest)».

Как видим из описания, здесь слово *okrut* выступает как название сосуда вообще, в частности как название бондарной посуды (bečve, bedeń). Далее, там же, встречаем достаточно выразительное место, где исключительно глиняная, гончарная посуда — *čaša*, *padela*, *čripja*, *pjat*, *lonac*, *lončić*, *latica* — именуется *osudi ali okruti*[73]. Слова *okrut*, *окрут* мы не находим ни в хорватском словаре Ивековича и Броза, ни в сербском словаре Вука. Загребский академический словарь знает слово *okrut*, причем с тех же территорий, что и приведенные нами только что материалы (подробно к сведениям Загребского словаря целесообразно будет вернуться ниже). Интересно, что Лавровский в своем устаревшем, но весьма богатом словаре дает окрут 'приемник, сосуд'[74]. Во-вторых, к тому же праслав. **obkrǫtъ* восходит, по нашему мнению, польск. *okręt* 'корабль, судно'. Любопытно, что говорит об этом слове Брюкнер: «*okręt*, *okrętowy*, с XVI века общее название ("то, чем крутят [kręci się], управляют"), наше новообразование, не менее странное, чем, например, похожее название *nasad*»[75]. Замечательный образец того, насколько неправильно может быть истолковано, казалось бы, совершенно прозрачное слово, потому что наши поиски вполне определенно приводят к противоположному результату, в свете которого оказываются ложными все существенные моменты объяснения Брюкнера: относительная хронология, поскольку *okręt* является в действительности не польским новообразованием, а праславянским словом, и исходная семантическая модель — не 'то, чем крутят, управляют', а 'то, что обкручено, оплетено'[76]. Таким образом, этимология польск. *okręt* может быть продолжена до праславянского и получает новое, единственно возможное осмысление в связи с этимологически тождественным названием сосуда. Вообще при этимологизации названий корабля, судна как правило приходится считаться с неисконностью, вторичностью значения 'корабль'. Обычные при этом семантические переходы, известные из множества примеров: 'древесный ствол' > 'корабль'; 'сосуд, посуда' > 'корабль'. Семантическая предыстория польск. *okręt* 'корабль' не оставила о себе в польском языке даже косвенных следов. Однако его исконный вид дает нам право, даже не располагая никакими инославянскимих данными, чисто условно реконструировать для него праслав. **obkrǫtъ*. С неменьшим правом мы реконструируем праслав. **obkrǫtъ* и для семантически отличного хорватского слова *okrut* 'сосуд'. Опираясь на словообразовательно-морфемное тождество этих двух праславянских форм **obkrǫtъ* известных нам из двух изолированных районов славянской территории, а также

---

[73] *I. Žic.* Op. cit. S. 232, 240.

[74] *П. Лавровский.* Сербско-русский словарь. СПб., 1870. Стб. 417.

[75] *Brückner.* S. 377—378.

[76] Семантическое толкование Брюкнера оказывается, следовательно, своего рода народной этимологией.

на известные семасиологические аналогии, мы принимаем для польск. *okręt* происхождение из праслав. **obkrǫtъ* 'сосуд'. Независимый параллелизм образования польской и хорватской форм в данном случае очень мало вероятен. Здесь очевидно наличие общей исходной праформы. Так или иначе, польскому названию корабля должно было предшествовать местное праславянское **obkrǫtъ* со значением 'сосуд'.

Между прочим, очень близко подошел к этому объяснению Маретич, один из составителей Загребского словаря сербохорватского языка. Приведем это место из словаря: «*okrut*, м. 'сосуд, посуда'. Происхождение неясно: *-u-* возникло из предшествующего *-ǫ-* (точно так же, как оно образовалось в прилагательном *krut*, но связь значения с этим прилагательным непонятна); это доказывает польское слово *okręt*, обозначающее корабль, первоначальное значение которого — 'сосуд, посуда'; ср. русск. *судно* ⟨...⟩ Нет ни в одном словаре, известно только в чакавском диалекте. *Postavi na studenac okrut, tr mu se zurnu*. Korizm. 48^{b}. *Da smo slobodnl* ⟨...⟩ *les seć za dugi* (напечатано *dogi*) *bačav i badań i za ostale okruti* (из грамоты XIII века, известно в списке XVI в.). Mon. croat. 5. *Vino se leva va okrut po traturu* (из врбникского диалекта на Крке). "Zbornik za narodní život" 7, s. 325. Употребляется в Истрии: *ȍkrut*, род. ед. *ȍkruta* 'doliolum', Неманич (1883), 30»[77]. Действительно, достаточно поставить эти два слова — хорв. *okrut* и польск. *okręt* — рядом, и их близость станет очевидной для любого человека, элементарно знакомого со сравнительной грамматикой славянских языков. Тем не менее это правильное сближение было вскоре же, видимо, забыто, потому что Брюкнер, публикуя несколько лет спустя свой этимологический словарь, мог написать о польск. *okręt* те слова, которые мы полностью привели выше. Возможно, здесь сыграло свою роль и то, что Маретич не знал всей правды и сам был вынужден признать, что происхождение хорватского слова, мотивы образования формы, *okrut*, прежде всего — семантика, остались для него неясными.

Попробуем шаг за шагом проделать семантическую реконструкцию для праслав. **obkrǫеъ*, используя внешние аналогии и внутренние резервы. Трир в своем важном исследовании, к которому нам приходится неоднократно обращаться, выделяет специальный раздел, посвященный связи названий горшка и корабля в разных индоевропейских языках: «Но то, что горшок и корабль обозначаются одним и тем же словом или родственными словами, вообще не является редкостью. *Kahn* и *Kanne* связаны друг с другом. Гессенское *Hümpel* 'чёлн' неотделимо от *Humpen* 'чаша, кубок', и оба они родственны греч. *κύμβη* 'чёлн', 'кубок', 'сумка', *κύμβος* 'сосуд'. Греч. *γαῦλος* 'купеческое судно', нем. *Kiel* в значении 'корабль' происходят из семьи *γαυλός* 'ведро', 'кувшин', 'улей'. Арм. *kur* имеет значения 'лодка', 'чашка' и

[77] Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio VIII (obradio T. Maretić). Zagreb, 1917—1922. S. 872.

'сковорода', франц. *vaisseau* < *vascellum* значит 'посуда' и 'корабль', др.-в.-нем. *scapf* — 'чан' и 'чёлн', немецкое *Asch* в составе слов *Blumenasch* и *Milchasch* ['цветочный горшок' и 'подойник' — *О. Т.*] скрывается также в *Hallasch* 'судно для перевозки соли'. Слово *Fass* на старом среднерейнском наречии означало 'корабль'. Наше *Schiff* также имеет оба значения. *Schiff* еще и сейчас на западе и юге Германии, в Австрии и Швейцарии значит 'крупный резервуар для воды, вмурованный в очаг или в печь'. Это то, что осталось от прежнего более широкого значения, выступающего в др.-в.-нем. *scif* 'vas' и производных *sciphi*, *sciffi* 'phiala'»[78]. Так может быть представлена внешняя сторона проблемы лексико-семантической связи 'сосуд'—'корабль'.

Интересно последовать за рассуждениями Трира дальше: «Как получилось, что одно слово может означать и 'горшок' и 'корабль'?.. Причина должна корениться в технологии, в одинаковом способе изготовления. Мы можем вспомнить вместе с Мерингером о тех первобытных лодках, которые состоят из большой корзинообразной рыхлой плетенки, обтянутой кожей животных. В таком случае *Schiff* 'сосуд' оказывается плетеной корзиной, обмазанной глиной, а *Schiff* 'судно' — плетеной корзиной, обтянутой кожей или шкурой, и оба они называются по их плетению. Очень прозрачна связь лат. *corbita* 'грузовое судно' (> *корвет*) : *corbis* 'корзина'»[79]. Еще раньше Мерингер писал об интересующей нас связи: «Я думаю, что там, где мы находим рядом друг с другом значения 'горшок' и 'корабль', нам надо спросить себя, не были ли горшок и корабль в свое время плетеными»[80].

Больше того, принимая во внимание все вышесказанное, мы можем уверенно заключить, что в тех редких случаях, когда само название судна еще не утратило отчетливой этимологической связи с внутриязыковой терминологией 'крутить, плести', можно принять как исходное для этого слова значение '(плетеный) сосуд'. Поэтому полный вариант реконструкции этапов семантической эволюции польск. *okręt* (в фонетической реконструкции — праслав. **obkrǫtъ*) внутренними средствами будет следующим: '*плетеный сосуд' > '*небольшое плетеное судно (для плавания по внутренним водоемам)' > 'корабль'. Внешний (внепольский) ресурс подтверждения этой интерпретации польского слова *okręt* мы, как уже говорилось, видим в хорв. диал. *okrut* 'сосуд'. Значение этой этимологии, словообразовательной и семантической реконструкции польск. *okręt* выходит за узкие рамки задач этимологизации данного слова. Этими связями не может не заинтересоваться историк материальной культуры, поскольку, как выясняется, приводимые здесь лингвистические свидетельства ощутимо возмещают пробелы в собственно исторической документации и аргументации. По словам Трира, «внутри индоевропейского

[78] *J. Trier.* Topf. S. 348—349.
[79] Там же.
[80] *R. Meringer.* Die ältesten Gefässe // WuS. Bd. VII. 1921. S. 15.

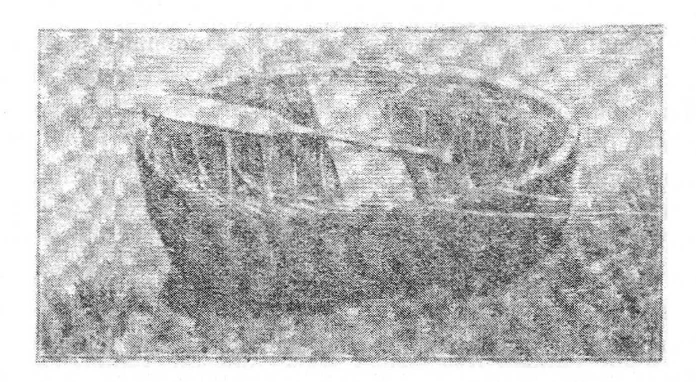

Рис. 7. Плетеная ирландская лодка — из: *W. Vogel.* // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Hrsg. von J. Hoops. Bd. 4. S. 100, табл. 12, рис. 12.

ареала Европы лодки-плетенки, обтянутые кожей, почти совершенно вымерли. Одним из последних представителей, может быть, самым последним, является ирландский *curach*»[81]. Опираясь на свидетельства с ирландской территории, мы считаем допустимой и интересной также попытку реконструкции промежуточной древней реалии, связывающей современное значение польск. *okręt* с современным значением хорв. *okrut*. А именно праформе польского слова мог соответствовать, как нам кажется, примитивный плетеный челнок типа сохранившегося до сих пор ирландского плетеного челнока, изображенного на приложенном фото (рис. 7).

Несколько задерживаясь на вопросах культурно-исторической реконструкции в связи с древними значениями праслав. **obkrǫtъ*, мы обращаем внимание на несомненные внутренние резервы этой реконструкции в виде своеобразной отделки глиняных сосудов, носящей характер простейшей орнаментовки или якобы преследующей утилитарные цели. Это известное в разных частях славянской территории оплетание глиняных сосудов стеблями растений (например, на славянском юге, где эта операция осмысливается утилитарно) или полосками бересты, как на значительной части восточнославянской территории. На выставке русского народного гончарства в Музее народного искусства в Москве (июнь 1963 г.) был представлен среди изделий Кировской области 20—30-х годов небольшой глиняный сосуд с носиком и ручкой, оплетенный полосками бересты. Это был один из берестней. Под названием *дойник* представлен в нескольких экземплярах большой оплетенный берестой сосуд из глины в Государственном музее этнографии народов СССР

[81] *J. Trier.* Op. cit. S. 349.

(постоянная экспозиция «Русские») в Ленинграде. Берестни представляют собой весьма любопытную проблему истории материальной культуры. Было бы полезно, если бы этой проблемой занялся соответствующий специалист, этнограф. Мы, конечно, далеки от мысли решать за этнографов вопросы их специфической компетенции и полагаем лишь, что в этом до некоторой степени комплексном вопросе должно быть учтено и мнение лингвистов. Дело в том, что авторы обычно толкуют наличие берестяного плетения как предохранение непрочного сосуда или же сосуда поврежденного. Зеленин характеризует русский диал. *берестень* как «непрочный горшок, оплетенный берестой»[82], из Западной Белоруссии упоминается *берастéнь* (в польской записи — *bierastiéń*) с примечанием: «pęknięte dzbany owijano korą, brzoẑwa»[83]. Вполне может быть, что в ряде случаев оплетание служило той цели, о которой говорят авторы. Однако нам кажется, что этим суть самого способа не только не исчерпывается, но даже и не затрагивается. Едва ли правильно усматривать единственный мотив оплетания в дефектности сосуда. Такое воззрение напоминает то, что в языкознании мы называем народной этимологией, т. е. вторичное осмысление. Об этом говорит также то простое соображение, что едва ли нарочито надбитый или особо непрочный горшок, обмотанный берестой, должен был бы попасть тогда в число отборных экспонатов выставки народного гончарства. А между тем он по праву занимает там свое место как один из интереснейших образцов. Мы видим в оплетании глиняных сосудов берестой вторично утилитарно осмысленный древний реликт тесного соседства плетения и древнего гончарства. Только при этом плетение потеряло свое значение каркаса посуды, его первоначальная функция забыта, и оно как бы вышло наружу, играя роль отчасти простейшего орнамента, как на примере с вятским горшочком на упомянутой выставке, отчасти же выступая в роли крепления. Как видим, современные берестни, помимо того что они сами нуждаются в пересмотре их историко-этнографической интерпретации, нужны нам для более глубокого понимания проблемы праславянского названия **obkrǫtъ* во всех ее аспектах, а также как документированная преемственность традиций материальной культуры.

Кроме праслав. **obkrǫtъ* — польск. *okręt*, лексико-семантическая связь 'сосуд' > 'корабль' представлена в славянских языках еще несколькими известными примерами, также имеющими отношение к названиям глиняной посуды. Это, во-первых, продолжения праслав. **sǫdъ* и, во-вторых, лекальное польск. *statek*. Но можно сразу сказать, что здесь мы не найдем полной аналогии классической семантической эволюции, прослеженной нами на примере **obkrǫtъ* 'плетенка' > 'плетеный сосуд' > 'плетеный челнок' > 'корабль'. Хотя форма **sǫdъ* не моложе формы **obkrǫtъ*, она проделала иную семанти-

[82] *D. Zelenin.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. S. 107.
[83] *W. Hołubowicz.* Op. cit. S. 231, прим. 402.

ческую эволюцию, из которой здесь выделено только отношение к судну, кораблю. Это объясняется, видимо, другой отправной точкой семантического развития **sǫdъ*, тем, что оно первоначально связывалось исключительно с деревянной, бондарной посудой. Еще вернее будет, впрочем, сказать, что праслав. **sǫdъ* характеризовалось первоначально очень широким емким значением, что подтверждается показаниями наиболее вероятной из его этимологии. К единому праслав. **sǫdъ* мы относим: I. ст.-слав. **сѫдъ** 'суд', др.-русск. *судъ* 'суд, разбор дела, судебное дело, тяжба, приговор', русск., укр., блр. *суд*, польск. *sąd* 'суд, суждение', в.-луж. *sud* 'приговор, суд', н.-луж. *sud*, чеш. *soud*, слвц. *súd*, словен. *sôd*, сербохорв. *сŷд*, болг. *съд* 'суд'; II. ст.-слав. **сѫдъ** *μέλος*, *σκεῦος*, др.-русск. *судъ* 'сосудъ', 'судно, лодка, корабль', русск. (только в сложениях и производных) *посýда*, *судóк*, *сýдно*, укр. *судúна* 'посудина', 'судно', диал. *судúнє* (Гринч.) 'деревянная посуда', блр. *суднó*, *судзúна* 'речное судно', *судочки* 'ведра', польск. *sąd* 'сосуд', диал. *sondek* 'бочонок' [84], в.-луж. *sud*, *sudk* 'бочка, ведро', н.-луж. *sud*, чеш. *sud*, *soudek*, слвц. *sud* 'бочка', *súdok* 'бочонок', словен. *sôd*, *posôda*, *posôdva*, диал. *sodček* 'маленький глиняный сосуд' [85], сербохорв. *сŷд* 'сосуд, посудина', диал. (хорв.) *sud* 'большой бондарный сосуд, бочонок (для вина)', диал. (серб.) *суд* 'крупный глиняный сосуд', *посуђе* 'мелкая глиняная посуда', болг. *съд* 'сосуд, посуда'.

Уже в праславянском, по-видимому, самостоятельно употреблялись **sǫdъ* 'собрание членов рода, племени, суд' и **sǫdъ* 'сосуд'. Свидетельства раннего обособления мы видим в таких проявлениях самостоятельной жизни, как древние, в обоих случаях характерные производные: от первого **sǫdъ* было образовано имя деятеля **sǫdi* (русск. *судья* и т. д.), глагол **sǫditi*, от второго **sǫdъ* — производное **sǫdъkъ* и сложение **posǫda*. И те и другие производные также могут быть отнесены к праславянскому. И все-таки мы здесь принимаем не самостоятельное происхождение, а именно обособленное развитие первоначально тождественных этимологически форм от единого праслав. **sǫdъ*, которое, согласно хорошей старой этимологии, образовано из сложения полной приименной приставки *sǫ-* и древнего корня в ступени редукции *-dъ* < и.-е. **dh*(*ē*)- 'класть, ставить; делать' [86]. Каким семантическим наполнением характеризовалось это единое первоначальное праслав. **sǫdъ*, какова иерархия его значений? Как ни странно, особенно если учесть принципиаль-

---

[84] *O. Kolberg.* Lud. Seria III. Kujawy. Cz. I. Warszawa, 1867. S. 86.

[85] *J. Karlovšek.* Lončarstvo na Slovenskem // Slovenski etnograf. Letn. III—IV. Ljubljana, 1951. S. 99.

[86] *Преображенский.* II. С. 361, 414; *Brückner.* S. 483; *Vasmer.* III. S. 38; *Machek.* S. 464—465, 484. — Новая этимология Семереньи — слав. **sǫdz*, 'суд' : лат. *censeo* < и.-е. **kend*(*h*)- 'судить, заседать' — явно неудачна (*O. Szemerényi.* Principles of etymological research in the Indo-European languages // II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962. S. 183).

ную ясность этимологии слова, на эти вопросы не так легко ответить однозначно. Праслав. **sǫdъ* как термин общественной жизни оказывается близким по структуре таким праславянским общественным терминам, как **sъn-ьmъ*, **sъjьmъ* (чеш. *sněm*, польск. *sejm*), **sǫborъ*, **sъborъ*. Праслав. **sǫ-dъ* в этом значении имеет, далее, как известно, довольно близкие этимологические соответствия из той же семантической сферы общественной жизни: лит. *samdas* 'наем, договор', греч. *συν-θήκη* (**k̑som-dhē-*), др.-инд. *saṁ-dhā-* 'соглашение, договор'. Наконец, здесь же полезно отметить, что основа **dhē-*, образующая это **sǫ-dъ*, играет выдающуюся роль в образовании древней социальной терминологии индоевропейцев, ср. лат. *credo*, греч. *ἔθος*, др.-инд. *svadhā́* и др. Ощущение внутренней формы, словообразовательной модели утеряно для данного **sǫdъ* давно, в чем интересно сравнить его с **sǫdъ* как названием сосуда, которое, как увидим ниже, может быть, позднее пережило эту деэтимологизацию (или лучше сохраняло ощущение членимости из-за специфики своего сугубо конкретного значения?).

Если мы обратимся к праслав. **sǫdъ* 'сосуд', то здесь тоже как будто нет недостатка в подтверждениях древности такого образования именно в таком значении. Праслав. **sǫ-dъ* 'сосуд' может быть убедительно объяснено как слово с древним значением 'составленный (из клепок)' и формальной структурой, уже охарактеризованной выше. Как название сосуда оно оказывается тесно связанным с таким локальным праславянским бондарным термином, как **pridъ*, реконструированным нами на основании блр. диал. *прыд* 'край в дне деревянного сосуда' и некоторых семантически более отдаленных форм [87]. Мы получаем словообразовательный ряд **sǫ-dъ*, **pri-dъ*, сюда же **u-dъ* 'член тела, конечность'. Сюда же — за пределами славянских языков — лит. *iñ-das* 'сосуд' ('то, во что [*in-*] помещают, наливают, кладут [*-da-*]'). О более стойком сохранении ощущения членимости **sǫ-dъ* 'сосуд' мы говорим на основании таких избыточных новообразований, повторяющих старую модель, как ст.-слав. **съсѫдъ**, ст.-польск. *ssąd*. Полное тождество морфем, структуры и вероятного гипотетического исходного значения 'сложенное, составленное' дает нам право говорить о едином праслав. **sǫdъ*, тогда как наблюдения над жизнью, употреблением и собственными связями **sǫdъ* I и **sǫdъ* II создают впечатление, что перед нами результаты как бы двух омонимичных словообразовательных актов.

Возвращаясь к основному для нас здесь сюжету, мы должны будем отметить, что связь с глиной и гончарным производством у продолжений праслав. **sǫdъ* 'сосуд' локальна и вторична. Столь же или еще более поздним оказывается семантический переход 'сосуд' > 'корабль', отмеченный только для восточнославянских *судъ*, *судно*, *судина*.

---

[87] *О. Н. Трубачев.* О составе праславянского словаря // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 182.

Польск. *statek* 'состояние, достояние; сосуд; судно, корабль' тесно связано с названиями имущества (и его конкретных форм — 'скот', 'земельные угодья') в западнославянских языках и на примыкающих территориях, ср. еще чеш. *statek* 'поместье, хозяйство', слвц. *statok* 'имущество, скот', укр. *ста́ток* 'имущество; скот', блр. *ста́ток* 'домашний скот'. Праслав. **statъkъ*, которое можно предположить на основании этих слов, имело весьма широкое значение, поэтому польск. *statek* 'сосуд' и 'судно' — факт относительно поздний, если иметь в виду семантический переход (форма **statъkъ* реконструируется для праславянского без сомнений).

Покончив с семантической связью 'сосуд'—'корабль' и ее отражениями в славянской лексике гончарной посуды и близких словах (польск. *okręt*, праслав. **sǫdъ*, польск. *statek*), мы снова возвращаемся к главному направлению настоящего исследования — к выявлению прежде всего старого состава славянской терминологии глиняной посуды, к поискам исходных для этой лексики этимологических связей, словообразовательных и семасиологических моделей, конкретно — к определению отношений к старым названиям глины и характера отношений между лексикой глины и глиняной посуды, с одной стороны, и терминологией плетения — с другой. Последний узел отношений составляет в некотором роде пафос значительной части нашего исследования, что объясняется актуальностью изучения догончарских связей славянской гончарской терминологии с целью более глубокого понимания последней в общей связи с родственной терминологией прочих индоевропейских языков, на фоне всеобщей эволюции гончарства как одного из важнейших разделов материальной культуры человека.

Рассмотрение праслав. **glьkъ*, **laty*, **krina*, **čerpъ*, **obkrǫtъ* было построено выше по мере постепенного «затухания» в них связей с названиями глины и — соответственно — все более четкого выражения родства с терминами 'крутить, плести'. Продолжим эти наблюдения на новом материале. Два нижеследующих примера представляют собой названия г л и н я н о й посуды, судя по исторически засвидетельствованным значениям, однако этимологический анализ и в том и в другом случае констатирует лишь совершенно четкие связи с т е р м и н о л о г и е й п л е т е н и я. В обоих случаях мы имеем дело, очевидно, с архаизмами, интерес которых усугубляется тем обстоятельством, что это — региональные элементы, за пределами своих ареалов неизвестные на остальной славянской территории. Эти слова этимологизируются в значительной мере на основании своих связей с неславянской лексикой посуды или плетения. Для предположений о редукции первоначальной более обширной зоны употребления этих слов и тем более для принятия для них утраченного со временем общеславянского характера данные у нас отсутствуют. Столь же, если не еще более, вероятна мысль, что известная часть славянских языков и диалектов никогда не знала разбираемых здесь названий.

Таковы общие предварительные замечания о праславянских диалектных лексемах **ǫdorbь* и **dьly*.

Первая из них реконструируется на основании засвидетельствованного др.-русск. *ѹдоробь*, которое Срезневский (Т. III, стб. 1154) оставил без значения и снабдил даже вопросительным знаком, хотя приводимый там же пример из Изборника Святослава 1073 г. не оставляет насчет значения слова никаких сомнений: *водоу черепл'ѭ и въ оудоробъ оутьлоу лѣѭть* 'черпая воду, льют (ее) в худой горшок'. Для современного языка Даль сообщает (с вопросом) диал. яросл. *удорóба* 'худой, надбитый горшок' (т. IV². С. 474). Авторы правильно отмечают только русский характер слова. При этой ограниченности распространения оно замечательно архаизмом своей структуры, выражающимся в типе словообразовательной модели слова и в этимологических связях основы. Последняя также принадлежит к числу малоизвестных и, можно сказать, реликтовых в славянских языках и вместе с тем идентифицируется вполне надежно. Др.-русск. *ѹдоробь* родственно блр. *дорóбиць* 'гнуть', русск. диал., блр. *дóроб* 'короб, сито', укр. *доробáйло* 'сито', в соответствии с чем оно обычно этимологизируется[88]. Реконструируемое достаточно легко праслав. диал. **ǫdorbь* родственно, далее, таким характерным словам в индоиранской и германской группах языков, как др.-инд. *dr̥bháti* 'связывает, сшивает, вьет', ср.-в.-нем. *zirben* 'вертеться' с типичным глагольным вокализмом и.-е. **dr̥bh-*/**derbh-*, при специально именных формах с корневым *-o-* др.-инд. *darbhá-* 'пучок травы', др.-в.-нем. *zurb* 'дерн, травяной покров', др.-сакс., др.-н.-франк., др.-фриз., англос. *turf*, др.-исл. *torf*, шв. *torf*, датск. *tørv* 'дёрн, торф, почва' (нем. *Torf* проникло в литературный верхненемецкий из нижненемецких диалектов)[89]. Праслав. **ǫdorbь* содержит, таким образом, вполне закономерно именную ступень вокализма. Ту же ступень вокализма содержат остальные идентифицированные родственные славянские формы: *дороб*, *доробайло*, *доробиць*. Естественно предположить, что эти отношения неисконны, обязаны позднейшему выравниванию и унификации. Поэтому и для славянского можно допустить их следующий первоначальный характер: **ǫdorbь* (имя) — **dьrb-* (глагол). Нам кажется, что эта основа также сохранилась и может быть идентифицирована, причем на той территории, что и продолжения праслав. **ǫdorbь*, яросл. *удороба*. Мы имеем в виду русск. диал. (костромск.) *дербúть* 'чесать, скрести, царапать, драть, теребить' (Даль² I. С. 429). Это сравнение нуждается в разъяснениях. До сих пор указывалось на признанное родство названия сосуда *ѹдоробь*, *удороба* с терминами плетения *dr̥bháti*, *zirben*. Однако уже внешнее сравнение этих форм, продолжающих и.-е. **dr̥bh-*, **derbh-*, с русск. *дербить*, которое тоже восходит, как мы ду-

[88] *Vasmer*. I. S. 363: *дóроб*.

[89] См. о германских словах: *Kluge—Götze*¹. (Berlin, 1951). S. 800 (*Torf*), 904 (*Zirbel*).

маем, к **dr̥bh-*, говорит достаточно ясно, что формальное сходство этих слов полное, и нам лишь остается искать его причины. Следовательно, не выяснена семантическая сторона развития этих форм, которая должна помочь нам определить, имеем ли мы здесь дело с омонимией или с родством. Различия значений 'вить, вертеть, связывать', с одной стороны, и 'драть, теребить, чесать' — с другой, могут быть примирены, если мы примем для соответствующих слов общее происхождение от такого своеобразного древнего термина плетения, который, в отличие, возможно, от **plek(t)-*, **u̯ei̯-*, **del-* и др., включал в себя значение 'теребить, чесать (волокна), дергать (побеги)'. О возможности именно такого оттенка значения у и.-е. **derbh-* говорит такой его несомненный признак, как связь с и.-е. **der-* 'драть', от которого оно образовано с помощью расширителя *-bh-*. Последняя особенность структуры и.-е. **derbh-* достаточно хорошо известна. Что касается русск. *дербить*, то его особенностью является сохранение незатемненного древнейшего значения данной основы. На связь *дербить* с плетением и примитивным ткачеством указывает наличие другого русского диалектного слова — *дербéнь* (пермск., Даль) 'дерюга, реднина, самый толстый льняной холст из оческов'.

Так мы получаем возможность восстановления праславянской пары узкодиалектного распространения **ǫ-dorbь* (имя) — **dъrbǫ/*dьrbjǫ* (глагол), в семантическом плане: 'плетенка' — 'дергаю, плету'. Ср. аналогичные парные отношения родственных форм: др.-инд. *darbhá—dr̥bháti*, др.-в.-нем. *zurb* — ср.-в.-нем. *zirben* (см. выше). И хотя в своем полном лексико-семантическом виде славянская пара 'название сосуда'—'термин плетения' не находит полных внешних соответствий и является исключительным достоянием славянского, круг ее словообразовательно-морфологических соответствий с обоими членами пары достаточно широк. Он может быть даже увеличен за счет привлечения балтийских соответствий. Сразу же отметим, что последние не объединяются со славянскими примерами чертами какой-либо инновационной общности. Общее в них можно без остатка отнести за счет параллелизма независимого развития форм с общей исходной основой. Здесь имеются в виду парные отношения лит. *dárbas—dìrbti*, которые могут быть приравнены к названным выше парам. То, что эти слова родственны др.-инд. *dr̥bháti* 'вьет, плетет', русск. *дербить*, нем. *Torf*, и то, что они в конечном счете восходят к и.-е. **der-bh-* < **der-*, было хорошо известно и раньше[90]. Тем не менее те же слова и значения, поставленные в круг более широких отношений, дают как бы возможность получения более полных представлений об их лексико-семантическом развитии и отличиях. Делая акцент лишь на известных связях, мы более определенно относим лит. *dárbas* 'работа' — *dìrbti* 'делать, работать' к лексике п л е т е н и я, отмечая одновременно, что здесь дело не дошло до полной терминологизации, напротив, своеобразие местного развития вы-

[90] *Fraenkel.* Lief. 2. S. 82.

разилось в оформлении общих значений 'работа, работать'. Тут можно вспомнить о тесном соседстве значений 'работать' и 'плести, ткать' в нем. *wirken*. И тем не менее в случае с лит. *dárbas*, *dìrbti* нужно иметь в виду, что значение 'плести' (или следы его) где-то совсем рядом. Поэтому мы отнесемся более снисходительно, чем Френкель, к специальному сближению ст.-лит. *palmischki darbaj* 'Laubge flechtwerk' (Бреткунас) с др.-инд. *dṛbháti* 'вьет, плетет' и прочими терминами плетения. Признавая в общем правоту утверждения Френкеля, что особого слова *darbas* 'плетение' в литовском не существует и что перед нами всего-навсего употребление единственного *darbas* 'работа', мы должны будем вместе с тем внимательнее отнестись к этому старолитовскому употреблению у Бреткунаса, поскольку в этом словоупотреблении потенциально активизировались старые семантические связи, подсказываемые нам всем кругом форм, объединяемым около и.-е. **derbh-* 'плести, крутить'.

Другая морфема праслав. **ǫ-dorbь*, а именно начальное *ǫ-*, видимо, представляет собой не *ǫ-* «привативное» в праслав. **ǫ-tьlъ*, русск. *у-тлый*, первоначально 'не имеющий дна (**tьlo*), худой', а древнюю полную именную ступень предлога-приставки *ǫ-* при краткой, глагольной ступени, *vъ-*, ср. **ǫ-vozъ* (польск. *wąwóz* 'овраг) : **vъvezǫ*, **ǫ-valъ* (русск. *увáл*) : **vъ-vaľǫ*. Исключительно именное образование без глагольного соответствия представлено в праслав. **ǫ-dolъ* (польск. *wądół* и др.). Таким образом, достаточно четко вырисовывается пространственное, местное значение приименной приставки *ǫ-*, омонимичной отрицанию *ǫ-* в **ǫ-tьlъ* и под. Все образования с приименной приставкой *ǫ-* относятся к значительной древности и могут быть реконструированы для праславянского. Древняя праславянская терминология различных ремесел насчитывает несколько таких сложений, соотнесенных с соответствующими глаголами: **ø-tъkъ* (русск. *утóк*) — **vъ-tъkǫ*; **ǫ-torъ* (русск. *утóр*) — **vъ-tьrǫ*; **ǫ-dorbь* (русск. *удоробь*) — **vъ-dьrbjǫ*. Праслав. диал. **ǫ-dorbь* получает в этом свете как бы значение 'вплетенное'. Таковы элементы фонетико-морфологической, словообразовательной и семантической реконструкции праформы древнерусского названия глиняного сосуда *ѹдоробь*.

Не меньший интерес по проблематике своей реконструкции и связей представляет региональное название сосуда, восстанавливаемое как праслав. диал. **dely* (род. ед. **delъve*), основа на *-ū*. Данная праформа выводится главным образом на основании русск.-цслав. *делва*, *дельвь* 'род бочки, dolium, cadus. *κάδος*', *дьлы*, *дълы* (род. ед. *дьлве*) 'бочка', ср.-болг. *дьли*, болг. *дéлва* 'большой глиняный кувшин с двумя ушками', диал. *делвé*, *делвéнце*. Насколько нам известно, близкого слова ни русские народные говоры, ни другие восточнославянские языки не знают. Вполне возможно, что приведенный выше церковнославянский лексический элемент происходит из древнебол-

гарского. Факты говорят о том, что в болгарском это *делва* — народное слово, известное в говорах. В то же время его не знают, далее, не только все остальные южнославянские языки (не говоря о западнославянских), но, по всей вероятности, даже диалекты, легшие в основу македонского языка, ближайше родственного собственно болгарскому. Вместе с тем древность слова не может быть подвергнута сомнению. Праслав. **dьly*/**dely*, правильно восстанавливаемая праформа этого территориально ограниченного круга форм, носило узкодиалектный характер. У нас нет также оснований считать его заимствованием, всего вероятнее, что праслав. диал. **dьly* принадлежит к числу исконной лексики. Этимологические исследования названия **dьly* содержат указания на его индоевропейское родство. Прежде всего констатируется родство с лат. *dōlium* 'большой глиняный сосуд', далее — с англос. *tala* 'горшок', а помимо названий сосудов, — с др.-ирл. *dolb*(*a*)*id* 'формует, лепит', др.-инд. *dalíh* 'глыба земли', которые все вместе восходят к и.-е. *dol-*/*del-*/**dl̥*[91]. Внешне ясная этимология праслав. диал. **dьly* в своих деталях и их интерпретации скрывает достаточно противоречий. Особенно неблагополучно дело обстоит с семасиологической стороной этимологии, в частности с реконструкцией исходных значений. Этим вопросом целесообразно специально заняться еще и потому, что, как кажется, перед нами особо поучительный случай, который может дать повод к дополнительным обобщениям, сделать осуществимым дальнейший шаг в более глубокой семантической реконструкции. Лишний подтверждающий случай помогает объединить разрозненные указания, известные и ранее из материала, увидеть в них нечто большее, чем незначительные факты, мимо которых обычно проходят не останавливаясь. Если наши ожидания оправдаются, то догадка обретет вероятность, омонимия якобы синхронных индоевропейских праформ получит более простое объяснение в виде диахронической стратиграфии этих quasi-омонимов, а мнимая несовместимость значений будет сведена к диахронической иерархии значений, взаимно связанных эволюцией. В результате, наверное, вопрос об этимологическом родстве отдельных индоевропейских основ можно будет ставить смелее.

Но пока нас интересуют конкретные связи **dьly*, сначала, так сказать, современное состояние вопроса. Младенов, насколько можно понять, исходит в своем этимологическом словаре из и.-е. **dol-*/**del-*/**dl̥-* 'разделять', относя сюда же русск. *до́ля*, польск. *dola*. Хубшмид говорит об и.-е. **del-*/**dol-* 'раскалывать, вырезать'; Трир аналогично другим примерам в своей работе принимает для и.-е. **del-* значения 'глина', 'глиняный', 'формовать' и 'плетение', заключая далее «mit aller ⟨...⟩ Vorsicht», что здесь представлено указание на сосуд первоначально из плетенки, обмазанной глиной. Нас вполне удовлетворяет в первом приближении этимология и реконструкция

[91] *Младенов*. С. 124; *J. Trier*. Topf. S. 340; *J. Hubschmid*. Op. cit. S. 156.

значения у Трира, тем более что вскрываемые таким образом этимологические и семасиологические связи аналогичны другим примерам из гончарской терминологии, собранным тем же ученым, а также дополненным нами в настоящем исследовании. Об этом говорят изложенные выше этимологии праслав. **vajati*, **krina*, **čerpъ*, **ǫdorbь*, т. е. на индоевропейском уровне — **u̯ei̯-*, **ker-*, **derbh-*. Более того, можно и в последнем примере с и.-е. **del-*, праслав. **dьly* 'глиняный сосуд' существенно пополнить аргументацию Трира новыми фактами, говорящими о наличии здесь реальных значений 'плести' даже в относительно новых производных, тем более что именно эти утверждения Трира для **del-* звучат особенно гипотетически. Эти факты можно почерпнуть из видоизмененной этимологии праслав. **kǫdelь*, предлагавшейся нами несколько лет тому назад. Суть нашей этимологии русс. *куде́ль*, *куде́ля* 'лен, приготовленный для пряденья', цслав. **кѫдѣль**, болг. *къде́ля* 'кудель', сербохорв. *ку̏деља* 'конопля, пенька; кудель', словен. *kodêlja* 'Rupfe (soviel Flachs, Hanf, als man auf einmal um den Rockenstock windet)', чеш. *koudel* 'пакля', слвц. *kúdeľ* сводится к пересмотру старого толкования, предполагавшего родство с лит. *kedenù*, *kedénti* 'трепать, чесать шерсть' и имевшего дело с неразрешимыми трудностями вокализма. Взамен было предложено принимаемое нами и сейчас членение **kǫ-delь*, сложение с местоименной приставкой *kǫ*[92], с той лишь существенной поправкой, что основу **-delь* мы теперь склонны связывать не с **dьl-* 'длина', а с и.-е. **del-*, входящим в состав приведенных выше названий сосудов лат. *dōlium*, праслав. **dьly* и родственной лексики. В этой связи особенно должны цениться семантические показания славянских форм от **kǫ-delь*, указывающие на прядение, собственно, 'то, что о б в и т о вокруг прялки'. Следовательно, определенный фрагмент из семантической истории и.-е. **del-/*dol-*, запечатленный в таких вехах, как связь с г о н ч а р с к о й т е р м и н о л о г и е й и с номенклатурой п л е т е н и я, п р я д е н и я, поддается довольно надежной реконструкции. Родство названия гончарного сосуда праслав. **dьly* с термином текстильного дела праслав. **kǫdelь*, говоря иначе, встреча гончарской и текстильной терминологии в продолжениях общего и.-е. **del-*, исполнены, на наш взгляд, глубокого интереса. Важно подчеркнуть, что ряд древних производных от и.-е. **del-* в нескольких индоевропейских языках обозначал именно гончарную, глиняную посуду: лат. *dōlium*, англос. *tala*, болг. *де́лва*. Русск.-цслав. *делва* тоже толкуется отчасти как 'dōlium', поэтому едва ли можно придавать решающее значение остальным его толкованиям — как 'род бочки, cadus', тем более проецировать последнее значение в праиндоевропейское прошлое, как это делает Хубшмид: «Единственное установимое для древней индоевропейской эпохи название д е р е в я н н о й б о ч к и, по-видимому, сохранилось

[92] *О. Н. Трубачев.* Славянские этимологии 24—27 // Езиковедски и етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София, 1960. С. 140—141.

в др.-русск. *делва* 'бочка, сосуд' (из дерева ?). Однако в болгарском языке *де́лва* означает 'большой глиняный горшок с двумя ручками', а родственное ему лат. *dolium* обозначает исключительно глиняные сосуды (как греч. *πίϑος*). Лишь сравнение с основой и.-е. **del-/*dol-* 'раскалывать, искусно вырезать' (*Покорный.* Indo-germ. etym. Wb., S. 194—195) выявляет, если оно оправданно, для названия сосуда основное значение 'деревянная бочка' [93]. Дальше мы попробуем показать, что, во-первых, это сравнение с и.-е **del-/*dol-* оправданно, однако не в том смысле, который в него вкладывает автор процитированных строк, а следовательно, во-вторых, нет причин усматривать в праслав. **dьly* праиндоевропейское название бочки из деревянных клепок. В таком случае что мы можем сказать по поводу семантической реконструкции и.-е. **del-*? В соответствии с изложенными ранее фактами мы считаем, что глагольная основа **del-*, непосредственно примыкающая к названиям гончарных сосудов, была термином плетения, следовательно, предполагаем существование и.-е. **del-* 'плести' вслед за Триром. Мы попытались выше путем привлечения некоторых новых этимологических материалов показать реальность существования и.-е. **del-* 'плести, связывать', которое, кстати сказать, не выявлено Покорным в его индоевропейском словаре. Напротив, там с достаточной полнотой выявлено и.-е. **del-/*dol-* 'раскалывать, вырезать, искусно отесывать', против чего едва ли можно спорить. Таким образом, единственно возможный результат наших лексико-семантических реконструкций в этой области, казалось бы, должен иметь вид констатации и.-е. **del-* I 'плести, связывать' и **del-* II 'раскалывать, вырезать', как мы это и наблюдаем у Покорного в целом ряде абсолютно аналогичных примеров, которыми полезно будет заняться ниже. Но как раз знакомство с этими удивительными аналогиями, которые без преувеличения могут быть определены как закономерности, а также с производными от **del-* вызывает серьезные сомнения в правильности традиционных воззрений на отношения этих основ. Суть сомнений в правильности обособленного выделения **del-* I и **del-* II сводится к тому, что это не омонимы. Иначе говоря, если мы вместе с Триром признаем связь названий сосудов с и.-е. **del-* 'плести', то это не значит, что мы против мысли Хубшмида о связи их с **del-* 'раскалывать, вырезать', а также Младенова — о связи с **del-* 'разделять'. Все эти значения мы признаем свойством, эманацией единой основы **del-*, рассматриваемой диахронически. Отношения между значениями 'раскалывать' и 'плести' носят характер семантической иерархии, их объединяет эволюция, направление которой лучше покажут близкие аналогии. Единственное, что можно оставить из традиционного деления на **del-* I 'плести' и **del-* II 'раскалывать', это вероятие, что оба лексико-семантических варианта одновременно и на равных правах активно не употреблялись.

---

[93] *J. Hubschmid.* Op. cit. S. 156.

40 — 9718

Ценное достижение предшествующих исследований учит нас, что если имеется близкое названию глиняного сосуда слово 'плести', то название сосуда восходит генетически к термину плетения. Непосредственная связь старой терминологии глиняной посуды и терминологии плетения может считаться безусловно доказанной. Для терминологии гончарной посуды названия плетения — в случае действительного родства и тех и других — служат исходной базой. Попытки установить аналогичные непосредственные связи между названиями глиняной посуды и терминами 'раскалывать, резать' не будут иметь под собой оснований. Встает вопрос о генезисе терминов плетения — в порядке естественной очередности по мере перехода от более выясненных и вторичных, производных объектов наблюдения к первичным, непроизводным (с точки зрения вторичных!) и одновременно менее выясненным. Надо сказать, что генезис терминов плетения систематически, действительно, как будто не исследовался. Во всяком случае с точки зрения этимологии названий глиняной посуды термины плетения до сих пор считались наиболее глубоко залегающей реально достижимой исходной базой. Нам хотелось бы попытаться сделать шаг дальше в связи с имеющимися указаниями о регулярной неисконности, вторичности самих названий плетения. Поиски исходных баз, отправных семантических точек, по отношению к которым вторична терминология плетения, — таков вкратце смысл наших попыток преодоления тезиса об омонимичности и отсутствии родства сначала **del-* I и **del-* II, а там и ряда других во всем существенном аналогичных пар. Отложив обобщения в лингвистическом (лексико-семантическом) и культурном плане до ознакомления читателя с самим материалом, приступим к характеристике примеров.

Прежде всего и.-е. **del-* и его продолжения. «Индоевропейский этимологический словарь» Покорного, который поставляет нам в современной интерпретации основной материал для настоящих наблюдений и показания которого используются — с необходимыми поправками и дополнениями — здесь и далее, содержит, как уже говорилось, одно интересующее нас **del-*, которое мы обозначим как **del-* I: **del-* (**dol-*), **delə-* 'раскалывать, резать, искусно высекать, отесывать', ср. др.-инд. *dăláyati* 'раскалывает', *dálati* 'лопается, трескается', *dala-m* 'часть, кусок, половина, лист', *dalí-ḥ* 'глыба земли', греч. *δαίδαλος* 'искусно обработанный (из **δαλδαλ-*), алб. *dalloj* 'разделяю, делю', лат. *dolō* 'тешу, обрабатываю', др.-ирл. *delb* ж. 'фигура, форма', ср.-н.-нем. *tol*, *tolle* 'кончик ветки, ветвь', герм. **telda-*, др.-в.-нем. *zelt*, нем. *Zelt* 'палатка', лит. *délna*, ст.-слав. **длань** 'ладонь', лит. *dalìs* 'часть'[94]; **del-* II 'плести, вить' > 'плетеный сосуд, обмазанный глиной': праслав. **kǫ-delь* (см. о нем выше подробно), возможно, сюда же упомянутое под

[94] *Pokorny*. I. S. 194.

**del-* I др.-ирл. *delb* 'фигура, форма', др.-кимр. *delu*, н.-кимр. *delw* 'imago, figura, effigies', далее — др.-ирл. *dolb*(*a*)*id* 'формует, лепит', *doilbthid* 'figulus, гончар', праслав. **dьly*, *-ъve* (см. выше), лат. *dōlium* 'большой глиняный сосуд', англос. *tala* 'горшок'. Это **del-* II Покорным особо не выделяется, мы же выявляем его на основании вышеизложенной аргументации, относя сюда различные формы, в частности такие, которые Покорный помещает под **del-* 'вырезать, раскалывать', как, например, лат. *dōlium*, слав. **dьly* или **dely* и другие названия гончарства, которые, по нашему мнению, не могут быть связаны с **del-* I, минуя терминологию плетения.

И.-е. **derbh-* I: **derbh-*/**dr̥bh-* 'раздирать, дергать, чесать', ср. чеш. *drbati* 'царапать, драть; колотить', русск. диал. *дербúть* 'чесать, скрести, царапать, драть, теребить'; **derbh-* II 'вить, скручивать, плести', ср. др.-инд. *dr̥bháti* 'связывает, вьет', греч. *δάρπη* 'корзина' (из **δάρφη* и *τάρπη*), ср.-в.-нем. *zirben* 'вертеться', русск. диал. *дербéнь* 'толстый льняной холст'; сюда же именное образование с о-вокализмом **dorbho-* : др.-инд. *darbhá-* м. 'пучок травы, трава', арм. *toṙn* '*σχοινίον*, funiculus, laqueus', блр. *дóроб* 'корзина, короб', др.-русск. *ѹдоробь*, русск. диал. *удороба* (см. выше), сюда же глагол с именным вокализмом блр. *доробúць* 'гнуть', англос. *tearflian* (**tarbalōn*) 'кататься'. К глагольно-именной паре и.-е. **dr̥bh-* : **dorbho-* 'вить', 'витье, плетенье', несомнено, восходит, как уже говорилось выше, лит. *dìrbu*, *dìrbti* 'работать', *dárbas* 'работа'. Крупной ошибкой Покорного в интерпретации этих последних слов было то, что он выделил их особо как и.-е. **dherbh-* 'работать' [95], не распознав особенно четких здесь этимологических связей с и.-е. **der-* 'драть, рвать' (как это следует из его реконструкции **dherbh-* вместо правильного **derbh-* для лит. *dirbti*, *darbas*, если учесть родство с и.-е. **der-*), не говоря о связях с лексикой плетения, собранных Покорным под **derbh-*.

Точно так же ошибочно Покорный не выделяет особого **derbh-* 'раздирать, дергать', которое мы рассматриваем как **derbh-* I (выше). Примеры русск. *дербá*, *дербúть*, чеш. *drbati* с их известными значениями Покорный помещает под единым **derbh-* 'вить, скручивать', с оговоркой: «Может быть, в последнюю группу вмешалось расширение на *-bh-* от **der-* 'драть', слав. *derǫ*, *dьrati*» [96]. Наличие **derbh-* 'раздирать, дергать' и **derbh-* 'плести' и четкая этимологическая связь их обоих с **der-* 'драть' делают этот случай особенно красноречивым, поскольку именно он побудил нас обратиться к регулярной проверке остальной лексики плетения, которая первоначально представлялась нам сложившейся отлично (см. выше).

Нижеследующую группу слов мы рассматриваем как **ker-* I и **ker-* II, удобства ради включая сюда также суффиксальные расширения и варианты с начальным *s-*:

---

[95] *Pokorny*. I. S. 257.

[96] Там же. С. 211—212.

*ker- I 'резать', ср. греч. *κείρω* 'отрезаю', лат. *corium* 'толстая кожа, шкура, мех', умбр. *karu* 'часть', др.-исл. *skera* 'резать, колоть', др.-в.-нем. *sceran* 'стричь', др.-инд. *kr̥ntati* 'режет', лит. *kertù, kir̃sti* 'рубить, наносить сильные удары', русск.-цслав. *чрьту, чрѣсти* 'резать';

*ker- II 'крутить, скручивать, сплетать', ср. авест. *skarəna-* 'круглый', греч. *κυρτός* 'кривой' др.-инд. *kr̥nátti* 'крутит, сучит нитку, прядет', *karttar-* 'прядильщик', *cr̥táti* 'вяжет, скрепляет', *kaṭa-* 'плетенка, цыновка' (из *kr̥ta-), *kuḍya* (*kr̥tya-) 'стена (*плетеная)', греч. *κάρταλ(λ)ος* 'корзина', алб. *kjerthull* 'круг, мотовило', лат. *crātis* 'плетение из веток или прутьев, загон, решетка', гот. *haúrds* (*kr̥tis) 'дверь', др.-исл. *hurð* то же, др.-сакс. *hurth* 'плетение', русск.-цслав. *чрьствъ, чьрствъ*, 'крепкий; чистый', сербохорв. *чврст* (*kr̥t-tu̯-os), слав. *krętati, *krøtiti, *krǫgъ;

из лексики глины и гончарной посуды сюда относятся греч. *κέρνος* 'глиняный сосуд для культа мистерий', праслав. *černъ, *čěrěnъ 'глиняная сковорода, под печи', греч. *κέραμος* 'глина, горшок', праслав. *krina, *o(b)krinъ 'сосуд из глины', *čerpъ (о переходе значений 'глиняный сосуд' < 'плетеный сосуд' у этих слов подробно говорилось выше); возможно, к *ker- II относится хотя бы часть слов, приводимых Покорным под *kᵘer- 'миска, чашка': др.-инд. *carú-* 'котел, горшок', *karkarī* 'кувшин для воды', *karaŋka-* 'череп', др.-ирл. *co(i)re*, кимр. *pair*, корн. *pêr* 'котел', ср.-ирл. *cern* 'миска'.

Между *del- I и *del- II, *derbh- I и *derbh- II, *ker- I и *ker- II и следующими далее аналогичными парами, к которым мы еще обратимся, существуют различные связи и различные отношения. Это прежде всего основная связывающая их семантическая универсаль, намеченная нами выше предварительно, которую удобнее будет охарактеризовать после всего обозрения собранных здесь форм. Но есть между каждыми двумя группами и более тонкие, внешне эпизодические отношения, которые, однако, свидетельствуют о парной связи соответствующих групп объективнее и надежнее, чем самая бесспорная внешняя очевидность и внешние аналогии. Речь идет о таких встречах, скажем, *del- I и *del- II, *derbh- I и *derbh- II, *ker- I и *ker- II в производных формах, когда трудно или почти невозможно определить, с каким из членов пары мы, собственно, имеем дело, или, точнее сказать, одинаково возможно образование от любого члена соответствующей пары, т. е. речь идет о н е й т р а л и з а ц и и противопоставлений между основами I и II. Подобную лексико-семантическую ситуацию имел в виду Бенвенист в случае с семантической двузначностью (нейтральностью) словоупотребления греч. *βασιλέ τιθέναι* 'п о с т а в и т ь царем' или 'с д е л а т ь царем' при возможных и.-е. *dhē- I 'ставить, класть' и *dhē- II 'делать'. Если мы, вернувшись к *ker- I и *ker- II, возьмем такое производное, как праслав. *čertъ, *o(b)čertъ, название камыша, тростника, то встречу обоих *ker- достаточно удобно будет пронаблюдать косвенно на сличении основных двух соперничающих этимо-

логических решений. Согласно одному, **černъ*, **občertъ* — это 'то, что связано с резанием, отрезанное и т. п.', согласно другому решению, — 'то, что служит для плетения'[97]. Оба значения, надо сказать, устанавливаются с одинаковым правом. Перед нами налицо нейтрализация противопоставления исходных основ. И если это наблюдение разочарует любителей однозначных этимологий (в частности, для слова укр. *очерéт* и т. д.), то нам оно как нельзя кстати, поскольку факт наличия нейтрализации говорит о наличии парной связи **ker-* I и **ker-* II, наконец, о родстве этих двух основ. Это дает нам право видеть в таких парах единство исходной лексемы, рассматривая парные основы I и II на уровне вариантов. В принципе случаи нейтрализации есть в любой из рассматриваемых здесь древних пар I 'раздирать, резать, рвать' и II 'связывать, плести', только возможности их выявления неодинаковы.

Продолжим рассмотрение и характеристику других привлекаемых нами парных индоевропейских основ:

plek-* I (plēk-*, **plāk-*, **plāg-*), сюда же **plē-*, **plə-* 'бить', 'откалывать, отрывать', а также **plēk̂-*, **plək̂-*, **plēik̂-*, **plīk̂-* 'рвать, отрывать, сдирать, обдирать', ср. греч. *πλήσσω* (**plākįō*), лат. *plangō* 'бью', лит. *plakù*, *plàkti* 'бить, стучать', ст.-слав. **плачѫ, плакати(сѧ)**, лат. *plectō*, *plectere* 'наказывать' др.-исл. *flasa* ж. 'тонкий ломоть, осколок', норв. *flasa* 'откалывать', др.-исл. *flā* (**flahan*), англос. *flēan* 'сдирать шкуру', норв. *flaga* 'отдираться (о коре)', лит. *plē̃šiu*, *plē̃šti* 'драть', лтш. *pluôsît* 'рвать, драть'[98];

plek-* II (plek̂-*) 'плести, свивать', ср. др.-инд. *praśna-* м. 'плетение, тюрбан', греч. *πλέκω* 'плету', лат. *plectō* 'плету, сплетаю', др.-в.-нем. *flehtan* 'плести', ст.-слав. **плєтѫ, плєсти**. Из названий посуды от и.-е. **plek-* II 'плести' прежде всего можно назвать нем. *Flasche* 'бутылка' < герм. **plok-skō*, первоначально 'плетение, плетенка'[99].

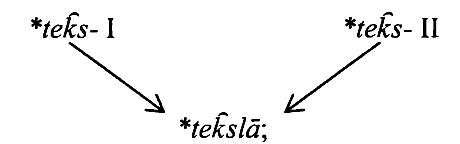
И.-е. **tek̂s-* I 'тесать, рубить, ломать', ср. др.-инд. *takṣati* 'тешет, обрабатывает, плотничает', авест. *tašaiti* 'плотничает, кроит, изготовляет', греч. *τέκτων* 'плотник', др.-в.-нем. *dehsa*, *dehsala* 'тесла, топор', др.-исл. *þexla* 'тесла', ср.-в.-нем. *dehsen* 'мять (лен)', лит. *tašýti* 'тесать', лтш. *tešu* 'отесываю, тешу', ст.-слав. **тєсати, тєшѫ**, русск.-цслав. *тесла* 'тесла, вид топора', чеш. *tes* 'тес, дерево', русск. *тес*;

tek̂s-* II 'плести, ткать', ср. лат. *texō*, *texere* 'плести, ткать', *tēla* 'ткань' (tek̂slā*, ср. слав. *tesla*, др.-в.-нем. *dehsala* с иными значениями), сюда же из лексики глины и гончарства относится лат. *testa* 'черепок, чашка'.

Вопреки всей очевидности наличия двух **tek̂s-*, Покорный говорит только о едином и.-е. **tekþ-*, снабжая его весьма искусственным гипотетическим

[97] Ср.: *Vasmer*. III. S. 324.
[98] *Pokorny*. I. S. 833, 834, 835.
[99] *R. Meringer*. Op. cit. S. 12.

значением ‘плести, соединять деревянные части плетеного дома’ [100]. Ясно, что даже с помощью натяжек не удастся объяснить совершенно последовательно наблюдаемое значение ‘тесать, обрабатывать (дерево) острым орудием’ из предлагаемого Покорным исходного гипотетического значения. Напротив, столь же несомненное наличие у ряда других продолжений единого и.-е. **tek̂s-* значения ‘плести, ткать, связывать’ может рассматриваться как восходящее генетически к исходному ‘тесать, рубить’, о чем, во-первых, говорит, помимо прочего, знаменательное единство такой важной производной формы, как **tek̂slā*, в которой встречаются оба варианта **tek̂s-* в названных значениях:

во-вторых, о справедливости сказанного может косвенно свидетельствовать и такая семантическая аналогия, как наличие, с одной стороны, праслав. **rǫbiti*, русск. *рубить* в общем исходном значении ‘рубить, разрубать, расщеплять на части’ и, с другой стороны, достаточно раннее словоупотребление того же *рубить* в значении ‘строить, соединять из рубленых кусков дерева’. Например, ср. эпизод из Ипатьевской летописи под 1015—1016 гг., где рассказывается, как воевода Святополка корил и унижал новгородцев, обращаясь к ним со следующими словами: *а вы плотници суще, а приставимъ вы. хоромъ рубить нашихъ* «а раз вы плотники, то мы поставим вас строить наши дома» [101]. — Перед нами еще один из множества случаев семантического перехода «рубить, резать, рвать» > «связывать, плести».

И.-е. **u̯edh-* I ‘толкать, бить, раскалывать’, ср. др.-инд. *vadhati* ‘бьет, толкает, уничтожает’, авест. *vada-* ‘клин для раскалывания дерева’, греч. *ὠθέω* ‘толкаю’, др.-инд. *vádhri-* ‘кастрированный’, лит. *vedegà* ‘вид топора’, лтш. *vedga* ‘пешня, лом’, др.-прусск. *wedigo* ‘топор’;

**u̯edh-* II ‘завязывать, связывать’, ср. др.-инд. *vi-vadhá-* ‘заплечные носилки для переноса тяжестей, продовольствия’, др.-ирл. *fedan* ж. ‘упряжка, сбруя’, гот. *gawidan* ‘связывать’, др.-в.-нем. *wetan* ‘связывать, запрягать в ярмо’, хетт. *u̯eda-*, *u̯ete-* ‘строить (о доме, сплетенном из прутьев)’; сюда же и.-е. **au̯-dh-* ‘вязать, ткать’, ср. арм. *z-aud* ‘завязка’, лит. *áudžiu*, *áusti* ‘ткать’.

---

[100] *Pokorny.* I. S. 1058—1059.

[101] См.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Вып. 1. Изд. 3. Пг., 1923. Стб. 128.

И.-е. **u̯ĭ-* I 'разделять (надвое, пополам)', откуда, например, др.-инд. *vi-* 'раз-', предлог-приставка;

u̯ĭ-* II (u̯ei̯-*) 'крутить, гнуть, вить', ср. др.-инд. *váyati* 'ткет, плетет', *vāya-* м. 'ткач, тканье', лат. *vieō*, *viēre* 'вязать, плести', лит. *vejù*, *výti* 'вить, крутить', ст.-слав. **виѭ**, **вити** 'вить'. Сюда же из терминологии гончарного дела разбиравшиеся выше праслав. **vajati*, **sъviti*, **sъvijati*.

Итак, мы рассмотрели целый ряд семантически аналогичных основ: **del-* I 'раскалывать, резать, искусно высекать, отесывать', **del-* II 'плести, вить', **derbh-* I 'раздирать, дергать, чесать', **derbh-* II 'вить, скручивать, плести', **ker-* I 'резать', **ker-* II 'крутить, скручивать, сплетать', **plek-* I 'бить, рвать, драть', **plek-* II 'плести, свивать', **tek̑s-* I 'тесать, рубить, ломать', **tek̑s-* II 'плести, ткать', **u̯edh-* I 'толкать, бить, раскалывать', **u̯edh-* II 'завязывать, связывать', **u̯ĭ-* I 'разделять (надвое, пополам)', **u̯ĭ-* II 'крутить, гнуть, вить'. Нам кажется, что обозрение форм, преследовавшее цель наиболее объективной характеристики материала, явилось вместе с тем и лучшим доказательством того, что термины 'плести, вить, крутить' здесь получены из более древних терминов 'резать, рвать, рубить, ломать' и что мы можем говорить не о двух рядах семантически аналогичных омонимов, а о единых исходных и.-е. **del-*, **derbh-*, **ker-*, **plek-*, **tek̑s-*, **u̯edh-*, **u̯ĭ-* с древними значениями, близкими значениям вариантов I описанных индоевропейских лексем. Впечатление множества индоевропейских синонимов 'бить, ломать, рубить, резать, рвать' происходит от недостатков, присущих семантической реконструкции, вскрывающей более уверенно лишь семантические универсалии, что, разумеется, не обходится без абстрагирования и неизбежного обеднения конкретных значений. Однако само по себе вскрытие семантических универсалий вроде описанного перехода 'резать, рубить, ломать' > 'плести, вить, крутить' — это уже немало и в плане общей диахронической семасиологии индоевропейского словарного состава, и в плане углубленной реконструкции лексико-семантической предыстории названий глиняной посуды в славянском и других индоевропейских языках. Удается сделать еще один шаг на пути выявления следов догончарного прошлого славянской и родственной индоевропейской гончарской терминологии в дополнение к апробированным достижениям индоевропейской этимологии и науки о древностях в этой области, а именно: признанная в науке лексико-семантическая эволюция «термины гончарного дела, глиняная посуда» < «термины плетения» пополняется новым, доисторическим звеном: «термины плетения» < термины «рвать, рубить, резать, ломать».

Напомним, что нами рассматриваются названия глиняной посуды в славянских языках, отразившие — в разной степени отчетливо — технологию изготовления и применения самой посуды, прежде всего старые образования, которые могут претендовать как минимум на праславянскую древность. Яр-

чайшая семантическая характеристика ряда старых праславянских и дославянских названий гончарной посуды — это, как уже говорилось, помимо указаний на связь с глиной, прежде всего связь с терминологией плетения, куда нами были отнесены праслав. **krina*, **obkrinъ*, **čerpъ*, **obkrǫtъ*, **ǫdorbь*, **dьly*. Этот перечень отражает наши знания, добытые этимологическим исследованием к настоящему моменту, но никак не означает, что достигнут предел. Очевидно, сведения такого рода еще будут в дальнейшем пополняться новыми интересными данными. Один пример мы еще можем привести здесь. Это русск. диал. (ряз.) *мастю́шка* 'кашничек, чашка для каши' [102]. Даль ставит слово *мастю́шка*, правда, не совсем ясно, в один ряд с поздними экспрессивными вариантами слова *ма́ленький*, а именно *ма́сенный*, *ма́сенький*, *ма́стенький*, отмечая вместе с тем распространение последних на совершенно иных, северновеликорусских территориях. Сближение с *ма́сло*, которое было бы возможно через посредство формы *масть* (< **маз-ть*), делается сомнительным, как только мы обратим внимание на последовательную и строгую ограниченность значения и употребления слова *масть* (книжного по своей природе?) — 'цвет шерсти животного, например лошади; цвет и разряд карт'. Особенно книжное впечатление производит образование *масти́тый*. Быть может, южнорусизм *мастю́шка* представляет собой акающую форму от **мостю́шка* < *мост-* с вторичным суффиксальным оформлением, которая родственна русск. диал. (псковск., тверск.) *мости́на* 'корзина', (яросл.) 'плетенка для ношения сена' [103]. Ясно, что основа *мост-*, судя по этим свидетельствам, функционировала первоначально как название плетенки. Именно это значение мы предполагаем у исходной формы — праслав. **mostъ* < **mozg-to-*, прич. прош., родственное лит. *mezgù*, *mègzti* 'завязывать, вязать', *mãzgas* 'узел', сюда же, далее, нем. *Masche* 'петля.' Близость этого праслав. **mostъ* 'плетенка, плетеное, связанное' к праслав. **mostъ* 'мост', повидимому, не есть омонимия, это, скорее, тождество, т. е. праслав. **mostъ* 'мост' мы объяснили бы, в отличие от известных этимологий [104], тоже как **mozg-to-* 'плетенка', допуская, что так обозначалась первоначально определенная разновидность моста — некое фашинное сооружение, подобие гати, настил из вязанок хвороста, прутьев, веток, в то время как праслав. **bьrvь* обозначало деревянную кладку, положенную через поток.

Конечно, не одна только семантическая связь 'глиняная посуда' < 'плетение' (< 'ломать, резать, рвать') лежит в основе старых славянских названий гончарной посуды, отразивших характер производства и применения этих изделий. Словообразовательно-семантические модели многих доста-

---

102 *В. И. Даль*[2]. Т. II. С. 301; *Е. Будде*. К диалектологии великорусских наречий // РФВ. Т. XXVIII. 1892. С. 59.

103 Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 116.

104 См. подробно: *Vasmer*. II. S. 163.

точно древних образований не имеют столь глубоких корней и созданы по другим принципам. Об этом свидетельствуют выясненные в достаточной степени этимологии таких слов, как *čьbьrъ, *čьbanъ, *kolačь, *mьlztъvъ, *sъlojь, *sъlojikъ, *čьrpadlo, *dojьnica, *dojьnikъ, *solnikъ, *solenъka, *solьnica, *solnъka, *varьnikъ, *umyvadlьnikъ, *perьnica, *peky, -ъve, *tьrdlo, *makotьra, *makotьrtь, *maxota, *stavьcь, *pokl'uka, *potyčьnica. Старые исконные названия глиняных сосудов в славянских языках, как увидим ниже, в основном удовлетворяют этой лексико-семантической классификации.

К старой терминологии гончарной посуды, реконструируемой нами для праславянского периода, относятся, естественно, и некоторые менее ясные этимологически, хотя безусловно старые слова, а также ранние заимствования из других языков. Этим словам, о которых будет сказано далее, соответствуют праславянские реконструкции *čaša, *bl'udo, *plosky, -ъve, *skǫdela, *skъtьl'a, *ban'a, *misa, *kubъ, *pany, -ъve, *vъrčь.

Праслав. *čьbьrъ восстанавливается на основании следующих форм, широко распространенных на большей части славянской территории (быть может, за исключением только восточнославянских языков, где можно говорить лишь о вторичных, относительно поздних проникновениях с запада, из польского): Ржига приводит среди древнерусских названий глиняной посуды слово чьбъръ (наряду с цебръ)[105], но Срезневский формы чьбъръ не знает; неизвестны формы вроде *чебр, чебер и современным восточнославянским языкам (о формах на ц- будет сказано ниже); польск. ceber 'бондарная посуда — ушат, жбан, кадка', ст.-польск. czebr, czeber, czber, dzber, в.-луж. čwor 'кадка'; 'ушат', чеш. džber, др.-чеш. čber 'большая деревянная посуда', слвц. džber 'ушат, жбан', словен. čeber, сербохорв. ча̀бар, диал. čeber, čebrić 'деревянный ушат, кадка', 'вид глиняной посуды', болг. че́бър, чъ́бър 'ушат'. Как видим, праслав. *čьbьrъ бесспорно известно западно- и южнославянским языкам, тогда как восточнославянская группа составляет интересное исключение. Теперь о значении: продолжения *čьbьrъ в отдельных славянских языках выступают в подавляющем большинстве примеров как названия деревянной, бондарной посуды; тем не менее есть и примеры употребления в качестве названий глиняной посуды (сербохорв. чабрица, čeber, čebrić), кроме того, родственное образование праслав. *čьbanъ также имеет связи с терминологией гончарной посуды. Вполне может быть, что значения 'деревянная посуда' и 'глиняная посуда' явились результатом вторичных уточнений и перераспределений, а первоначальные лексемы прежде всего указывали на форму или внешнюю особенность сосуда. В этом отношении могут быть использованы данные этимологии, сообщаемые ниже. В плане исторической фонетики важно упомянуть о польск. ceber, в частности об отражении им мазурения (c вместо cz). Тем самым такие восточнославянские формы, как

[105] *В. Ф. Ржига.* Указ. соч. С. 34 сл.

русск. диал. *цéбар*, укр. *цéбéр*, блр. *цэ́бар*, несут на себе печать заимствований из польского[106]. Этимология праслав. **čьbьrъ* давно ясна во всех подробностях. Ближайшим образом родственные формы находятся на этот раз в балтийском, ср. лит. *kibìras* 'ведро'. Дальнейшая связь с лтш. *ciba* 'небольшая деревянная посуда' и особенно с глаголом лит. *kìbti* 'повиснуть', *kibė̃ti* 'висеть' дает указания относительно словообразования праслав. **čьbьrъ*: глагольная основа **čьb-*, оформленная суффиксом *-ьrъ*. Эта основа **čьb-* представлена в славянском слабо, лишь в реликтовом виде. Второй ее достоверный случай, причем в той же терминологии, известен в праслав. **čьbanъ* (см. ниже). В общем эта основа в обоих случаях вполне логично использовалась для обозначения сосудов, специально приспособленных для подвешивания, подхватывания, ношения, сосудов, имеющих ручки. Несмотря на большое внешнее и семантическое сходство, например, польск. *ceber* и нем. *Zuber*, др.-в.-нем. *zubar*, *zwibar* 'ушат', они не могут иметь ничего общего друг с другом, как правильно указывал Брюкнер, по причине достаточной выясненности этимологии как со славянской, так и с германской стороны. Суть славянской этимологии **сьbьrъ* уже изложена выше, а немецкое слово представляет собой сложение основы числительного *zwei* и др.-в.-нем. *bëran* 'нести', что соответствует обозначаемой реалии — ушату, переносимому за две ручки. Отрицательные показания этимологии не мешают нам, однако, оценить эту удивительную встречу в форме и значении двух этимологически совершенно чужих слов. Принимать какие-либо иные связи между праслав. **čьbьrъ* и др.-в.-нем. *zwibar* мы едва ли должны. Я имею в виду произведение славянских слов из германского (Младенов) или же истолкование праслав. **čьbьrъ* (с лит. *kibìras*) и др.-в.-нем. *zwibar* как параллельных заимствований из неизвестного «праевропейского» субстрата (Махек)[107]. Формы вроде в.-луж. *čwor* не авторитетны в вопросах этимологии славянского слова, с чем мы столкнемся и на примере ст.-слав. **чьванъ**. В этих обоих словах зафиксирован результат диссимиляции согласных по смычности *č—b* > *č—v*, ср. аналогию русск. *ствол* < **stьbolъ*. Следовательно, первоначальна лишь форма **čьbьrъ*.

Непосредственно примыкающее к **čьbьrъ* праслав. **čьbanъ* реконструируется на основании слов: ст.-слав., цслав., др.-русск. **чьбанъ, чьванъ** 'сосуд, кувшин, чаша', русск. *жбан* 'деревянная посуда с обручами, в форме кувшина с крышкой', укр. *жбан*, *джбан* 'жбан, металлический кувшин', блр. *збан* 'глиняный кувшин', польск. *dzban* 'сосуд с ушком', диал. *żban*, *dzbanek* 'глиняный кувшин', чеш., слвц. *džbánek* то же, сербохорв. *жбȁн*, *жбȁњ* '(деревянный) жбан, кувшин'. Интересно прежде всего отметить, что в случае с праслав. **čьbanъ* значение 'керамическое изделие' представлено гораздо

[106] *Bruckner*. S. 56; *Sławski*. I. S. 55.
[107] *Machek*. S. 105.

шире, чем у *čьbьrъ, можно даже сказать, что в большей части языков оно преобладает. Польск. *dzban*, *dzbanek* и *zban* затронуты мазурением (иначе было бы **dżban*), поэтому белорусская форма *збан* безошибочно характеризуется как полонизм. О форме ст.-слав., цслав. **чьванъ** как неисконной мы только что говорили выше (*č—v* < *č—b*). Праслав. **čьbanъ* не вызывает сомнений ни в отношении фонетической реконструкции, ни в отношении этимологии. Согласно объяснению, выдвинутому еще Зубатым, праслав. **čьbanъ* образовано от корня **čьb-* с суффиксом *-anъ*, ср. **čьbьrъ*. Правда, на этот раз тождественное производное в балтийском отсутствует (ожидалось бы, например, лит. **kibonas*). Праслав. **čьbanъ* — это тоже первоначально, по-видимому, 'вид сосуда с ушками для подвешивания и подхватывания'. Прочие этимологии, например сближение с греч. *κύμβος* 'сосуд', др.-инд. *kumbhá-* 'горшок', нем. *Humpen* 'кубок, чаша', не говоря уже о предположении родства с греч. *ἴβανος* 'сосуд', едва ли могут быть предпочтены[108]. Некоторые формы неясны, нет даже полной уверенности, что они имеют отношение к слав. **čьbanъ*. Это слвц. *čabanka* 'вид высокой глиняной посуды'[109] и укр. диал. (закарп.) *чобáн* 'деревянный сосуд для молока' (Гринченко. IV. С. 467). Первое слово отсутствует в этимологических словарях, а второе упоминается без комментариев среди продолжений праслав. **čьbanъ* (Фасмер вслед за Коршем). Оба слова могут быть связаны с тюркизмом *čaban*, *čoban* 'пастух', известным на Балканах, в Карпатах и на территории украинского языка (т. е. 'пастуший сосуд'). Об этом, возможно, свидетельствует и формант *-ka* ж. р. словацкого слова, необычный для продолжений **čьbanъ*. С другой стороны, как одна из возможностей может быть упомянута вероятность связи слвц. *čabanka—*čьbanъ*, поскольку словацкий знает также рефлекс *a* для праслав. *ь*, *ъ*. Ср. сербохорв. *чабар* — праслав. **čьbьrъ*. Точно так же с известной осторожностью укр. диал. *чобáн* можно объяснять как продолжение праслав. **čьbanъ*.

Праслав. **čьbanъ*, видимо, достаточно рано стало обозначать глиняный кувшин, высокий сосуд с ручкой, для воды и напитков. Интересно то, что первоначальный ареал праслав. **čьbanъ* мог быть значительно шире, а впоследствии сократился. Это произошло в первую очередь в периферийных областях славянской территории. Так, в русском языке *жбан* было оттеснено, по-видимому, заимствованным *кувшин*, к которому мы ниже еще вернемся. Этому же воздействию можно приписать и сужение семантической сферы употребления слова *жбан*. В словенском словаре продолжение праслав. **čьbanъ* как будто неизвестно. Если оно было вытеснено, то здесь сыграло определенную роль заимствованное название кувшина — *vrč* (подробнее

---

[108] *Преображенский.* I. С. 223; *Brückner.* S. 107; *Sławski.* I. S. 187—188; *Vasmer.* I. S. 411—412; *Machek.* S. 105.

[109] *H. Landsfeld.* Lidové hrnčířství a džbánkářství. Praha, 1950. S. 138.

также ниже). В известном смысле более или менее общие наблюдения над отношениями внутри совокупности названий гончарной посуды было бы удобнее отнести в конец раздела, после рассмотрения всех по возможности отдельных терминов. Тем не менее хотелось бы уже здесь, на месте, обратить внимание читателя на характер отношений лексем 'горшок, глиняная посуда вообще' и 'кувшин, посуда для питья, для напитков'. Если для первой из этих двух лексем мы констатируем относительную устойчивость, то вторая, напротив, подвержена заменам в довольно высокой степени. Природу этого явления правильнее можно понять, если не ограничиваться лексико-семантическим, языковым планом, но учитывать также и культурный план. Будучи хозяйственно менее универсальным, кувшин, особый сосуд для воды и напитков, одновременно становился как бы «слабой позицией», предметом роскоши, пусть в самом элементарном смысле, объектом более изощренной орнаментовки, а также самым податливым проводником международных (культурных) и межъязыковых влияний. Думаю, что сказанное применимо вообще к этому лексико-семантическому типу 'сосуд для воды и напитков', с чем нам еще придется столкнуться.

Точно так же, как и *čьbьrъ*, **čьbanъ*, не дает указаний на материал (глину, металл или дерево) на уровне праславянской реконструкции слово **kolačь*. Еще в большей степени, чем названные два первых слова, лексема **kolačь* определяет ф о р м у обозначаемого сосуда — 'круглая, кольцеобразная посуда'. С равной свободой **kolačь* служит обозначением хлеба круглой, кольцеобразной формы (русск., укр., болг., сербохорв., словен., чеш., слвц., польск., в.-луж, н.-луж.), хотя по характеру соприкосновений обоих значений, пример чего мы увидим ниже на словенском материале, мы можем думать о реально-семантической связи того и другого значения. Интересующее нас в первую очередь значение 'глиняная посуда особой формы' известно нам во всяком случае из двух языков — украинского и словенского, причем оба значения характеризуются яркими чертами самостоятельности. Это укр. диал. *колáч* «род посуды: глиняная труба, согнутая в виде кольца, с горлышком; употребляется для водки и носится на шнурке через плечо» (*Гринченко*. II. С. 267, вслед за Шухевичем). Помимо этого диалектного словоупотребления, укр. *колáч* отмечено еще в нескольких значениях: «калач, крендель, вообще белый хлеб», *сúрiний колáч* «кушанье: овечий творог лепится в форме круглого хлеба с отверстием посредине и затем варится в масле» (Шухевич), «свясло, витень из сена длинный, которым обматывается на верху стога конец *остреви́*, чтобы дождь не проникал внутрь стога по *остреві*» (Шухевич). Все эти значения являются как бы конкретными реализациями более общего древнего значения праслав. **kolačь* 'предмет, напоминающий по форме kolo, колесо'. Некоторые значения мы можем опустить, как явно местные и эпизодические. На общеславянский характер значения 'хлеб круглой, кольцеоб-

разной формы (с дыркой в центре)' уже указывалось выше. Возможная связь этого последнего значения со значением 'кольцеобразная глиняная посуда' ставится нами здесь на обсуждение и может показаться правдоподобной после ознакомления с нижеследующими материалами. Прежде всего подчеркнем, что зап.-укр. *кола́ч* обозначает именно круглую кольцеобразную посуду, которая, кроме того, имеет горлышко и ножки и служит кувшином для напитков [110]. Этот кувшин, иначе называемый *куманець* (ср. ниже *кумга́н*), распространен на значительной части территории Украины и представляет собой наиболее характерный образец украинской народной керамики. Вторая область реализации керамического значения праслав. **kolačь* — это территория словенского языка. Словен. диал. *kȕlač* известно, во-первых, как название фляги, бутылки для напитков, т. е. то же, что *čutara* (редко), ср. значение укр. (гуцульск.) *кола́ч*. Во-вторых, кроме этого диал. словен. *kȕlač* 'čutara' (Прекмурье), существует вызывающее наш особый интерес словен. диал. (Шентъерней, Коменда) *kolač* 'особая глубокая сковорода, большая глиняная миска круглой формы с коническим возвышением посредине, для выпечки больших хлебов'. Этнограф свидетельствует, что эти посудины «...имеют посредине закрытое или открытое круглое, несколько коническое возвышение для того, чтобы тесто пропеклось более равномерно» [111]. По своему типу словенские *kolači* напоминают современные формы для выпечки бабок, изготовление которых известно славянскому гончарству также других районов, ср. чеш., слвц. *babovka*, *babovečka* с этим значением. Этот способ выпечки изделий из теста в таких круглых посудах-формах с возвышением посредине, по-видимому, достаточно древен. Колач-хлеб в своем наиболее первоначальном виде повторяет форму такой посуды-колача, как фотоснимок повторяет свой негатив, откуда следует предположение о генетической связи по крайней мере этих двух значений. Значение укр. диал. *кола́ч* 'кувшин, кумган' при учете тождества обоих слов, относящихся к керамической терминологии и соответствующих реалии с близкой формой (круглая посуда), могло явиться результатом местной реально-семантической эволюции: 'круглая посуда с отверстием в центре (для выпечки хлеба)' > 'кувшин, кумган для водки'. Аргументом в пользу именно этого направления реально-семантической эволюции служит то наблюдение, что структурные особенности, имеющие у словенского *kolač*'а прямое практическое назначение (признак первичности), у ук-

---

[110] Между прочим, в статье Ю. П. Лащук (Косівські гончарі // Народна творчість та етнографія. Кн. 1. Київ, 1957. С. 64—65, вкладка, рис. 2 и 3), которая содержит нужное нам указание о посуде *колач* в Прикарпатье, явно перепутаны подписи под изображениями: рис. 2 с характерным кольцеобразным колачом подписан «Банька на олію», а рис. 3 с типичной пузатой банькой носит подпись «Колач».

[111] *V. Novak.* Lončarstvo v Prekmurju // Slovenski etnograf. Letn. III—IV. Ljubljana, 1951. S. 122; *J. Karlovšek.* // Там же. S. 99, 107—108.

раинского колача-кумгана выступают как чисто декоративные особенности. Здесь можно учесть, что оба обсуждаемые керамические значения ('миска для выпечки' и 'бутылка') представлены рядом друг с другом на словенской территории. Впрочем, нельзя не считаться с возможностью параллельного развития значения укр. *кола́ч*, тем более что первоначальные семантические признаки праслав. **kolačь* наилучшим способом содействовали такому независимому развитию местных значений, имеющих общий исходный семантический пункт.

О характере применения сосуда говорит совершенно недвусмысленно такое своеобразное название, как русск. диал. *мо́лосто́в* 'подойник', также относимое к названиям керамической посуды. Из близких форм в других славянских языках мы можем указать польск. *młost* 'молочный горшок' (< праслав. **molztъ*), однако русская диалектная форма представляет, несомненно, наибольший интерес. Связь ее с глаголом праслав. **mьlzǫ*, **melzti*/**mьlzti* абсолютно ясна и позволяет восстановить для русск. *молостов* праславянскую форму **mьlztъvъ*. Для этой праформы мы располагаем полным балтийским соответствием в виде лит. *milžtuvẽ* 'подойник'[112]. Для названия сосуда со специальным назначением — для дойки — было использовано образование от расширенной (супинной?) основы на *-u* со значением цели: **mĭlztŭ* > **mĭlztŭu̯o-*.

Основанием для реконструкции праслав. **sъlojь* служат главным образом польские формы — *słój*, обычно — *słoik* '(стеклянная)' банка', откуда заимствовано укр. *сло́їк* 'вид глиняного сосуда'. Восстанавливая праслав. **sъlojь*, мы оговариваем эту особую реконструкцию только для названия сосуда, не отрицая, а ограничивая праформу **slojь*. По нашему мнению, это были два совершенно различных самостоятельных слова, причем праслав. **sъlojь* 'вид сосуда' образовано с помощью приставки от именной основы **lojь* (: *liti*, — см. также ниже), а праслав. **slojь* 'слой, прослойка, пласт' продолжает и.-е. **k̑lei̯-*. Внешнее сближение и омонимизация этих двух слов наступила позже, например в период обособленного существования польского языка, в котором и то и другое дало *słój*. Такие случаи вторичной омонимизации вполне естественны в ходе истории разных языков, ср. отношения *скал-* I (*скала́*, блр. *ска́лка* 'кремень', праслав. **skala*) и *скал-* II (*ска́ло* 'прибор для сучения, наматывания ниток на цевку челнока' < праслав. **sъkadlo*) в восточнославянском. Насколько можно понять, Брюкнер рассматривает польск. *słój* I 'банка' и *słój* II 'слой, пласт' как этимологически единое слово, точнее, он говорит вообще лишь об одном польском *słój*, сближая его со *słonić*, далее — с лит. *šlajos*, *šlitės* мн., и т. д.[113]. Тем не менее потребность в реконструкции праслав. **sъlojь* — в очерченных лексико-

---

[112] См.: *Vasmer*. II. S. 152.

[113] *Brückner*. S. 500.

семантических рамках — очевидна. Сомнения морфологического характера — почему **sъlojъ*, а не **sǫ-lojь*[114] — не носят решающего характера, тем более что наряду с **sъ-lojь* можно указать родственные по происхождению и образованию имена, в их числе — названия сосудов, где представлена и полная ступень *sǫ-*. Таковы *сулóй* 'кисельный раствор, подлива; мутное питье; рассол, подливаемый в бочки с соленым товаром, рыбой' < праслав. **sǫ-lojь*; *сулея́*, *сулейка* 'бутылка, фляжка, вообще горлатая посудина' (Даль. IV. С. 359), **sǫ-lěja* : **liti*.

Др.-русск. *чьрпало* (сюда же *почьрпальникъ*) 'ковш', также отмечаемое в качестве обозначения глиняной посуды, продолжает nomen instrumenti праслав. **čьrpadlo* : **čьrpati*, русск. *черпáть* и родственные.

Русск. диал. *дойник* 'большой высокий глиняный сосуд (оплетенный берестой)', польск. *donica*, *dojnica* 'горшок, посуда для молока, подойник' могут быть использованы как основание для реконструкции праславянского названия сосуда **dojьnikъ*/**dojьnica* от **dojiti* 'доить'.

Близкая словообразовательная модель повторяется в русск. *солони́чка* (диал.), *солóнка*, сербохорв. *сла̀нӣк* 'солонка', словен. *solénka*, сербохорв. диал. *solnyca* (о-в Сусак), чеш. *solnička*, слвц. *soľnička* то же, которые восходят соответственно к праслав. **solnica*, **solnikъ*, **solnъka*, **solьnica* — от **solь* 'соль' или от прилагательного **so̥lnъ(jь)* 'соленый' с суффиксами *-ica*, *-ikъ*, *-nica*.

Для суждений об образовании **solьnica* представляет интерес высказывание Скока: «*Solnica* 'солонка' — прилагательное *solьnъ*, субстантивированное с помощью суффикса *-ca*. Имеется только в словацком, чешском и польском языках 〈...〉 Когда-то оно существовало и в паннонско- и дакославянском, как доказывает венг. *szelënce* (XVI в.) и дакорум. *sólniţă*, которое преобразовано в современном рум. *sarniţă* ввиду лат. sal > sare» (*P. Skok.* Leksikologijske studije // Rad JAZU. Knj. 272. 1948. S. 68: Rekonstrukcija dačkoslavenskog vokabulara).

Тот же словообразовательный формант образует на базе глагола **variti* название гончарного сосуда праслав. **varьnikъ*, откуда польск. диал. *warznik* 'garnek większy'[115], от слов **umyvadlo*, **umyvati*—**umyvadlbnikъ*, откуда словен. *umivalnik* 'большая, широкая глиняная миска'[116], ср. русск. *умывáльник*; с женским вариантом форманта -(*ьn*)*ica* произведено от апофонически богатой глагольной основы **perǫ*, **perti*, **par-* название глиняного сосуда специального назначения **perьnica* > чеш. *pernice*[117].

---

[114] Ср.: *В. М. Иллич—Свитыч.* Указ. соч. С. 134.

[115] *O. Kolberg.* Lud. Seria V. Krakowskie. Gz. 1. Kraków, 1871. S. 166.

[116] *J. Karlovšek.* Op. cit. S. 99.

[117] *V. Scheufler.* Hrnčířství na Jičínsku. Novopacku, Novobydžovsku a Králové-městecku // Ceský lid. Ročn. 45. Praha, 1958. S. 120.

К этому же семейству непосредственно относится словен. диал. *pâr* 'самая крупная глиняная посуда для стирки белья' [118].

Мотивы называния ясно видны при рассмотрении такого названия глиняной посуды, как словен. *pekva* 'глиняная миска, которой накрывают на очаге тесто, присыпая ее сверху жаром, для выпечки хлеба' [119], сербохорв. *пеква* то же [120]. Соответствующая реалия — своеобразная глиняная крышка, накрывающая выпекаемое тесто на очаге (в этнографической литературе известна еще под названием Backglocke), яркий древний атрибут материальной культуры Балкан — обозначается производным от глагола **pekǫ*, **pekťi*. Правда, древность реалии еще не решает судьбу данного названия; в частности, не следует, по-видимому, на основании известных южнославянских слов реконструировать праслав. *peky*, род. **pekъve*. Напротив, современное ю.-слав. *pekva* обязано, как нам кажется, своим окончанием такому древнему имени с основой на *-ū*, как **pany*, **panъve*/**pony*, **ponъve* (германского происхождения), ср., например, сербохорв. каик. *pȍtva*, (Жумберак) *póvna* [121]. От той же глагольной основы, что и ю.-слав. *pekva*, но совершенно независимо образовано польск. диал. (цешинская Силезия) *piekocz* 'большая миска для выпечки и жарения' [122] (собственно, *piekacz*), внешне — глиняная посудина, применяемая по принципу обыкновенной сковороды; далее — русск. диал. (ряз.) *пеки́ш* 'горшок' из **пекышь* от *пеку́*, *печь*, суффиксацию ср. со *спорыш* и под. [123].

Столь же очевидный характер носит ономасиологическая природа нескольких названий, представляющих собой разные именные производные от глагола **tьrǫ*, **terti*, которые обозначают глиняные сосуды, служащие для растирания главным образом зерен. Сюда относятся укр. *макíтра* 'род большой глубокой глиняной посуды с круглым дном и значительно большим дна широким отверстием, употребляющейся для помещения муки, теста, масла и пр. и для растирания соли, пшена и пр.' (*Гринч.* II. С. 399), *ма́ко́терть* 'посуда для воды и квашеного теста', блр. *мако́тра*, *макацёр* 'широкая глиняная ваза', а также блр. *цёрла*, *цёрніца*, *це́рліца* то же. Сложения с основой *мак-* характерны почти исключительно для украинско-белорусской языковой территории, тем не менее они имеют приметы старых образований, ср. облик вторых компонентов сложений, позволяющих допускать для них значительный возраст. Поэтому мы не видим препятствий для реконструкции соответ-

---

[118] *V. Novak.* Lončarstvo v Prekmurju. S. 122.

[119] *J. Karlovšek.* Op. cit. S. 93—94.

[120] *В. Ткалчић.* Керамика народна // *Ст. Станојевић.* Указ. соч. С. 29.

[121] *P. Skok.* Fremde Deklinationen in slavischen Lehawörtern // ZfslPh. Bd. II. 1925. S. 399.

[122] *L. Dubiel.* Op. cit. S. 200.

[123] *Vasmer.* II. S. 330.

ствующих праславянских слов **makotьra*, **makotьrtь*, **makoterъ* (?). Следует заметить, что не только самая основа глагола **tьrǫ*, **terti*, но и приводимые производные **tьra*, **-tьrtь* выступают также в других разделах терминологии ремесел славянских языков, ср. хотя бы сербохорв. *тара*, *натра* (терминология ткацкого станка, — см. выше). Существенной особенностью **-tьra* и **-tьrtь* служит то, что они обычно выступают в сложениях, гарантируя вместе с тем известную древность самого сложения. Аналогичные суждения вызывают блр. *цёрла*, *цёрніца*, *це́рліца* — названия широкого глиняного сосуда, макотры. Правда, если сложения **makotьrtь*, **makotьra* уникальны и, по-видимому, с самого начала были созданы как обозначения гончарной посуды, то связь с терминологией гончарной посуды праславянских лексем **tьrdlo*, **tьrnica* эпизодична и поверхностна, основной ономасиологический признак этих праформ для слов *цёрла*, *цёрніца* — 'приспособление, орудие для растирания', способствовавший тому, что тождественные лексемы (особенно *tьrdlo*) играют важную роль в терминологии других ремесленных производств, и прежде всего текстильного. Если отвлечься от связей с гончарской терминологией, то праслав. **tьrdlo* и **tьrn-* могут быть признаны чрезвычайно древними образованиями с точными формальными и близкими семантическими соответствиями в других индоевропейских языках.

Относительно русск. диал. *махо́тка* (ю.-в.-р.) 'маленький горшочек', укр. *ма́хітка* 'малый горшочек' мы находимся в затруднении, поскольку недостаточно ясно, имеем ли мы здесь дело с экспрессивно суффигированными, поздними производными от прилагательного *ма́лый* (*ма́хонький* и т. д., ср. подобную догадку еще у Даля) или же здесь положено в основу название действия, отглагольное имя вроде укр. *махо́та* 'колебание, качание'. Значение и местный, по-видимому, не очень старый характер слов как будто подсказывают первую возможность.

Укр. *ста́вець* 'цилиндрический сосуд с дном для печения пасхальных хлебов' (Гринченко), а также др.-русск. *ставьць* 'род сосуда', *ставъ* то же дают достаточное основание для восстановления праславянских лексем **stavъ*, **stavьcь*, которые могли обозначать и гончарную посуду, но находились с гончарской терминологией в довольно свободном отношении. Это объясняется необычайной емкостью семантического содержания отглагольного имени **stavъ* (: **stati*), что получило конкретное выражение в присутствии продолжения праслав. **stavъ* в лексике различных ремесленных промыслов. Особенно ярко и надежно документируется **stavъ* для славянской текстильной терминологии, мы находим его и в названии ткацкого станка, и в названии цельного куска ткани. Древность употребления слова **stavъ* в роли ткаческого термина не вызывает сомнений, тогда как для гончарской терминологии это всего лишь периферийный случай. Наши занятия старой и по возможности исконной лексикой гончарной посуды в славянских языках ес-

41 — 9718

тественно завершаются такими периферийными случаями, когда мы говорим лишь об употреблении той или иной лексемы в качестве гончарского термина, кончая такими словами, для которых само это употребление не носит вполне определенного характера. Именно эта старая, исконная лексика, образующая терминологию керамической посуды, дает неоднократно пищу для наблюдений под самым различным углом зрения. Но прежде чем уделить место общим наблюдениям, назовем еще некоторые аналогичные образования.

Таково, например, праслав. **pokl'uka*, реконструируемое на базе следующих слов, указывающих на старую связь с гончарством: чеш. *poklička* 'крышка горшка', ср. сербохорв. диал. (Славония) *pokļuka* 'округлая, узкая кверху посуда с ручкой, изготовляется гончарами' [124]. Как этимологическая связь **pokl'uka* : **kl'učь*, так и основная семантическая черта 'закрытая посуда' или 'то, что закрывает посуду' вполне для нас ясны [125]. Совершенно очевидно, впрочем, также и то, что засвидетельствованные значения чешского и сербохорватского слов — это единственное, что связывает наше слово с гончарством, в противном случае мы имели бы лишь ясную этимологическую связь праслав. **pokl'uka* : **kl'učь*, которая в силу своего достаточно общего характера не содержит никаких указаний на исключительную связь с гончарской терминологией.

Наконец, словен. диал. (Шентъерней, Коменда) *potičnica* 'большая миска, сковорода для выпечки крупного хлеба' [126], возможно, продолжает более древнее **potyčьnica* (: **tykati*).

Поскольку дальнейший анализ названий керамической посуды будет посвящен менее ясным словам и ранним заимствованиям, в довершение чего будут рассмотрены также поздние местные образования и поздние заимствования, имеет смысл попытаться оценить отдельно довольно внушительную группу лексики, которую мы имеем право определить как достаточно древнюю группу слов в основном исконно славянского происхождения. Эта группа составляет костяк терминологии гончарной посуды. Кроме того, она привлекает вполне закономерно наше внимание также рядом других своих особенностей. С внешней стороны это — единство и устойчивость форм, чего мы, естественно, не находим ни у местных новообразований, ни у заимствованных названий. С внутренней стороны это — наличие определенных черт структуры, объяснимое лишь у лексической группы большой древности. Нечто подобное мы ожидали, судя по отдельным этюдам, представленным выше. Наша задача теперь — обобщить единичные наблюдения и проверить правильность этих предварительных ожиданий. Общий взгляд на старую ис-

[124] *L. Lukić.* Op. cit. S. 48.
[125] Иначе — и малоубедительно — см.: *Machek.* S. 382.
[126] *J. karlovšek.* Op. cit. S. 99, 107—108.

конную терминологию гончарной посуды удобнее всего сформулировать аналогично подобным характеристикам старых пластов других разделов ремесленной терминологии (см. выше о текстильном и деревообрабатывающем ремесле), а именно в виде соотношения двух основных составляющих компонентов: генуинных и статуальных терминов. Напомним, что́ подразумевается под этими обозначениями. Генуинные термины — это такие, которые возникли и сложились в недрах данной терминологии и несут на себе печать своего происхождения; в отличие от них статуальные термины — это такие, которые входят в данную терминологию лишь на какой-то стадии своего развития, связь их с данной группой слов есть лишь определенное состояние (status), одно из состояний.

Как выглядит соотношение генуинных и статуальных компонентов старой славянской терминологии гончарной посуды? На этот вопрос мы можем ответить следующим образом. К числу генуинных терминов гончарной посуды в славянских языках можно более или менее уверенно отнести по крайней мере такие слова, как *gъrnьcь/*gъrnъkъ, *glьkъ, *laty/*latъka/*latь, *krina/*krinъka/*krinica/*krinъ/*obkrinъ, *čerpъ/*čerpъkъ/čerpьje, *obkrǫtъ, *ǫdorbь, *dьly.

Этимологический анализ, которому выше было уделено много места, с достаточной степенью правдоподобия показал, что перечисленные выше названия связаны непосредственно с лексикой обжига (*gъrnьcь < *gh^{u}r̥nik-), глины и плетения (*glī̆-, *lat- : *lot-, *kr-/*ker-, *derbh-, *del-) и что хотя семантическая эволюция отдельных корней может быть продолжена вспять значительно глубже (ср. и.-е. *ker-, *derbh-, *del-), каждый из только что названных праславянских терминов посуды сложился и соответственно этому может быть определен как генуинный (genuinus) термин гончарного производства. К числу статуальных терминов могут быть отнесены многочисленные слова: *sǫdъ/*sødъkъ/*posǫda, *čьbьrъ, *čьbanъ, *kolačь, *mьlztъvъ, *sъlojъ/ *sǫleja, *čьrpadlo, *dojьnikъ/*dojьnica, *solnica/*solnikъ/*solnъka/ *solьnica, *varьnikъ, *umyvadlьnikъ, *perьnica, pekva (словен.), *pekyšь, *tьrdlo, *tьrnica, *makotьra, *stavъ/*stavьcь, *pokl'uka, *potyčьnica, махотка/ махiтка, *rǫkat(ъk)a.

Статуальных терминов, как видим, довольно много, гораздо больше, чем генуинных. Соотношение между теми и другими выражает, в частности, самую природу статуальных терминов: они многозначны по преимуществу, что нам приходилось видеть в аналогичных случаях в других разделах настоящей работы. У генуинных терминов, напротив, качество многозначности сохраняет лишь маргинальную роль, поскольку генуинные термины всякий раз составляют костяк соответствующей данной одной терминологии (за примерами читатель может вернуться к подробным обзорам значений старой генуинной терминологии гончарства и других ремесел выше).

Если мы проверим под этим углом зрения статуальные термины гончарной посуды, то найдем в избытке примеры многозначности: так, **sǫdъ* значило не только 'глиняный сосуд', но главным образом 'деревянный бондарный сосуд', более того, целая группа значений лексемы **sǫ-dъ* уводит нас в сферу социальной жизни, (см. выше); **čьbanъ*, а особенно **čьbьrъ* опять-таки в немалой степени тяготеют к терминологии деревообделывающего бондарства; **tьrdlo*, **tьrnica* и **stavъ*, помимо гончарской терминологии, и даже в большей степени характерны для терминологии текстильного производства (конкретно — ткачества). Если идти в семантической реконструкции глубже, то мы вынуждены будем констатировать, что древние значения основ **tьrdlo*, **tьrn-*, **stavъ* исключительно широки, можно сказать, семантически нейтральны относительно терминологии любого из привлекаемых нами древних ремесленных производств. Мы имеем здесь дело, разумеется, с древними лексемами, играющими видную роль в образовании целого ряда разделов славянской терминологии ремесел. Эта черта семантической нейтральности характерна и для многих терминов явно локального распространения и не столь древних: **mьlztъvъ*, **sъlojь*, **čьrpadlo*, **dojьnikъ*/**dojьnica*, **solnica*, **solnikъ*, **solьnica*, **varьnikъ*, **umyvadlьnikъ*, **perьnica*, **pokľuka*, **potyčьnica*. Это в полном смысле статуальная гончарская лексика. О гончарском статусе этих названий мы узнаем лишь из прямых письменных и устных свидетельств об их значении и употреблении. Вполне естественно могут возразить, что по меньшей мере некоторые из таких терминов могли оформиться впервые только как гончарские. Это вполне вероятно, например, для названий **kolačь*, *махотка* и **makotьra* (ср. выше), однако мы можем более уверенно судить о генуинности того или иного термина, лишь располагая более полными доказательствами. Заканчивая высказанную выше мысль, добавим, что, если бы у нас не было прямых свидетельств о значении и употреблении большинства статуальных терминов, мы не имели бы основания относить к гончарской лексике слова вроде **stavъ*, **stavьcь*, **pokľuka*, **tьrdlo*, так как этимология дает здесь слишком общие указания, которые могут подчас ввести в заблуждение, вместо того чтобы дать правильное представление о статусе названия. Ср., например, такие доступные элементы лексико-семантической реконструкции, как отношения **stati* 'стоять' : **stavъ* 'то, что стоит, поставлено, имеет отношение к стоянию?' (знание реальных, засвидетельствованных непосредственно значений различных продолжений праслав. **stavъ*: 1) 'стояк ткацкого станка, ткацкий стан', 2) 'вид (глиняного) сосуда', 3) 'запруда, пруд', 4) 'член тела, сустав' и т. д. — показывает нам, как далеко этимологически установимое наличие основного семантического признака от этих реальных значений); далее — **kľučь* 'ключ, засов, палочка', **kľuka* 'клюка, палка', **kľučiti* 'запирать' : **pokľuka* 'нечто имеющее отношение к запиранию, закрыванию?' (ср. сербохорватское значение 'округлая, узкая

кверху глиняная посуда с ручкой'); **tьrti*, **terti* 'тереть' : **tьrdlo* 'то, чем трут' (ср. блр. *цёрла* 'макотра'). У генуинных терминов уже одна этимология содержит указание на первоочередную связь их с одной определенной терминологией, например на связь лексем **gъrnьcь*, **glьkъ*, **laty*, **cerpъ* с обжигом и глиной.

Многозначность лексемы, как известно, связана отношением обратной пропорциональности с такой характеристикой лексемы, как частотность и, видимо, широта употребления. Нетрудно заметить, что свойственная статуальным компонентам нашей терминологии преимущественная многозначность, принципиально не укладывающаяся в семантические рамки данной одной специальной терминологии, сочетается с относительно небольшим употреблением именно этих терминов в гончарской терминологии. В то время как четыре генуинных лексемы — **gъrnьcь*, **čerpъ*, **laty*, **krinъ*(*ka*) — почти повсеместно наиболее употребительны, наиболее универсальны и одновременно наиболее едины семантически, в то время как эти несколько слов составляют (с известными вариациями и отклонениями) основной костяк терминологии гончарной посуды в различных славянских языках, статуальные гончарские названия фигурируют эпизодически, как бы подключаясь к основной терминологии, и выполняют при этом функции дополнительных, частных, неосновных обозначений.

Так, если мы предпримем попытку представить суммарно такие характеристики старой терминологии гончарной посуды по отдельным славянским языкам на уровне праславянской реконструкции (за малыми исключениями), как соотношение генуинной и статуальной номенклатуры и одновременно соотношение основных терминов и дополнительной, частной, варьирующей терминологии, то получим, по-видимому, следующую картину:

великорусский: **gъrnьščьkъ*, **latъka*, **krinъka*, **čerpъ*, **ǫdorbь* — **mьltzъvъ*, **čьrpadlo*, **dojьnikъ*, **pekyšь*, **kъrčaga*, **gъrdlačь* (как видим, цитируемые в начале перечня названия объединяют в себе качество генуинности и роль основных терминов, может быть, при несколько особом положении этимологически генуинного **ǫdorbь* — др.-русск. *удоробь* — диал. *удороба*, 'худой горшок'; завершающие перечень после черты статуальные названия довольно согласно показывают частные, окказиональные значения);

белорусский: **gъrn-*, **glьkъ*, **latъka*, **čerpъ* — **makotьra*, **tьrdlo*, **tьrnica*, **gъrdlačь*, **čьbanъ*, **sǫdъ*[127];

украинский: **gъrnьcь*, **glьkъ*, **čerpъ* — **makotьrtь*, **makotьra*, **stavьcь*, **kolačь* (ясно проступают отличия и белорусского и украинского состава терминологии, и особенно очевидны старые отличия в этой терминологии восточнославянского юго-запада в совокупности от великорусского,

[127] Ср. еще: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. С. 822 сл. (карта 250: «Назвы глінянай пасуды для малака»).

ср. отсутствие в украинском генуинных названий *latъka, *krinъka и, наоборот, наличие очевидно генуинного локального *glьkъ, неизвестного великорусскому; белорусский занимает несколько промежуточное положение — в нем известно *latъka и слабее, чем в украинском, представлено *glьkъ);

польский: *gъrnъkъ/*gъrnьcь, *latъka, *krinovъ, *čerpъ, *obkrǫtъ (? — ср. выше о польск. okręt) — *čьbanъkъ, *sъlojь, *dojьnica, *varьnikъ, *pekačь (?);

чешский/словацкий: *gъrnьcь, *latъka, *obkrinъ, *čerpъ — *čьbanъkъ, *solьnica, *umyvadlo, *perьnica, *pokľuka;

словенский: *laty/*latica, *čerpъ — *sǫdъ, *kolačь, *solьnъka, *solьnica, *umyvadlьnikъ, *potyčьnica (распределение терминов в словенском, как видим, совершилось весьма своеобразно, что можно объяснить или как утрату ряда важных терминов, или как исконное их отсутствие в связи с своеобразным развитием предшествующих словенскому праславянских диалектов; в зависимости от этого надо решать вопрос о судьбе праслав. *gъrnьcь, *krin- в словенском, народная гончарская терминология которого этих названий не знает; сложен и вопрос о местном *lonъ, основном названии горшка, — см. выше);

сербохорватский: *gъrnъ, *latь/*latica, *čerpъ/*čerpьje, *obkrǫtъ — *sødъ/*posǫda/*posǫdьje, *čьbьrъ, *solnikъ, *pokľuka, *kъrčagъ, *rǫkat(ъk)a;

болгарский: *gъrn-, *laty, *krina, *čerpъ, *dьly — *kъrčagъ[128], *čьbьrъ, *rǫkat(ъk)a.

Если сравнить ранее сообщавшиеся списки реально засвидетельствованных названий гончарной посуды по отдельным славянским языкам и наши представления о составе этих групп слов для тех же языков (диалектов) на праславянском уровне, то бросается в глаза определенное численное сокращение состава групп. Но то, что может показаться схематизмом в представлении о древнем составе, на самом деле отражает неизбежный и вполне закономерный отсев лексем при праславянской реконструкции. Как и во многих аналогичных случаях, отсеву подвергаются образования, инновационный характер которых вероятен, которые образованы с помощью формантов достаточно поздней продуктивности. По-видимому, отпадают, например, сопротивляющиеся праславянской реконструкции (если видеть в последней не формальную и условную операцию, а средство к выявлению реальных древних лексем) русские диалектные названия *егольник*, *кашник*, *квасник*... Если и после этого мы не собираемся утверждать, что на все результаты проведенной реконструкции можно положиться в одинаковой степени, то тем не менее значительная часть лексем реконструирована вполне надежно. Главный же результат предпринятой нарочито групповой реконструкции мы усматриваем

[128] Некоторые сведения см.: *St. Mladenov.* Etymologisches aus einer Kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache // Списание на БАН. Кн. XLIII. София, 1930. С. 105—106 (§ 8. Töpferei).

во вскрытии основных организующих отношений и основных лексем, организованных этими отношениями, — ядра генуинных компонентов терминологии и менее стабильной среды статуальных терминов.

Не нужно думать, что при противопоставлении генуинных и статуальных терминов допускается смешение диахронического и синхронного аспектов и сопоставляется несопоставимое. Это противопоставление не носит произвольного характера, оно базируется на убеждении, что в современных (или исторически засвидетельствованных) свойствах употребления и значениях тех и других терминов отразились особенности их генезиса.

Как видим, наиболее общие (универсальные), основные значения — на стороне генуинных терминов, в то время как на стороне статуальных доминирует детализация и спецификация. Если переформулировать эти отношения (сохранив порядок расположения компонентов) в терминах семантического содержания, то получим: 'глиняный сосуд, горшок' — 'кувшин', 'горшок, сосуд для молока, воды, напитков', 'сосуд особой формы' и т. п. Специализация, присущая главным образом статуальным терминам, означает своего рода постоянную необходимость обновления состава названий, что и имеет место в действительности. Пополнение состава именно статуальной терминологии станет очевидно, если мы сравним реконструированное праславянское состояние, скажем, великорусской группы названий гончарной посуды (см. выше) и современный состав этой группы (в том же порядке):

горшóк, *лáтка*, *крúнка*, *черепóк*/*черепýшка*, *удорóба* — *мóлостóв*, *дойник*, *пекúш*, *корчáга*, *горлáч*, *махóтка*, *кáшнúк*, *штенúк*, *егóльник*/*ягóльник*, *квасник*, *берестень*, *мастюшка* и др. (не говоря о заимствованиях).

Генуинная терминология в общем осталась без изменения, статуальная терминология резко разрослась. Обогащение последней шло по линии внутренних новообразований, ср. целый ряд названий с суффиксом *-ник*, далее см. образования вроде польск. *czepnik*, слвц. *čepák*, укр. *стовбýн*, блр. *стаўбýн*, чеш. *vrhlík*, *zelák*, словен. *krogla* и другие подобные инновации лексики и семантики в области нашей терминологии (значения слов даны в соответствующих местах выше). Второй, не менее популярный способ пополнения состава терминов — заимствование. Заимствования как правило примыкают к статуальным терминам и пополняют их, соперничая при этом иногда с исконной терминологией, ср. выше о реальной и лексико-семантической природе замены исконно славянского названия кувшина **čьbanъ* заимствованиями — русск. *кувшин*, словен., сербохорв. *vrč*. Сказанное относится к большому числу новых местных заимствований, но также и к весьма древним заимствованиям, восходящим к праславянской эпохе. До сих пор мы старались не говорить о заимствованной лексике в этой области, стремясь сосредоточить внимание на исконных славянских образованиях, между тем заим-

ствованиям принадлежит видное место в нашей терминологии, о чем будет сказано ниже.

Генуинные термины, как видим, наиболее устойчивы. Конечно, мы могли бы указать и на их материале примеры специализации и предположить единичные примеры древнего заимствования слов (см. место, где говорится об истории и этимологии словен. *lonec*, сербохорв. *lonac*), но нас в первую очередь интересуют основные свойства, отношения и тенденции, и в этом смысле сомнений в устойчивости состава и центральности генуинных терминов быть не может. После того как мы провели суммарное обозрение старой терминологии гончарной посуды на праславянском уровне, генуинные термины выделяются из общей массы особенно легко и очевидно. Общее ядро, которое поддается выделению при сличении праславянских состояний составов терминологии гончарной посуды по отдельным славянским языкам, образуют главным образом генуинные термины. Иная картина — по-своему интересная — складывается при сличении составов статуальной терминологии, чем мы займемся ниже. Вместе с тем взаимоотношения в достаточно монолитном генуинном ядре терминологии при проверке также обнаруживают известную сложность. Мы наблюдаем здесь тоже несовпадения, немаловажные, если учесть общую малочисленность генуинных терминов. Составы генуинной терминологии также варьируют от языка к языку, по-разному группируясь относительно неварьирующего, действительно общеславянского стержня. Каждый вариант или часть из них может претендовать на значительную древность, во всяком случае у нас нет данных для признания местных вариантов генуинной терминологии более поздними сравнительно с неварьирующим костяком. Их отношение удобно представить графически (см. рис. 8).

Материалом для предложенной схемы послужили данные девяти основных живых славянских языков, которые занимают основное место также в других разделах настоящего исследования: русский, украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, словенский, сербохорватский, болгарский (т. е. по три языка от каждой группы славянских языков). Эту схему отношений между генуинными компонентами старой народной терминологии гончарных сосудов нужно читать следующим образом. Центральное место отведено четырем лексемам: **čerpъ*, **gъrnьcь*, **laty*, **krina*. Это наиболее встречающиеся из генуинных терминов, хотя, строго говоря, абсолютно общеславянским является одно **čerpъ*! (Кроме этого названия, известного всем девяти привлеченным языкам, *gъrnьcь* достоверно засвидетельствовано в восьми, **laty* — тоже в восьми, **krina* — в пяти.) Одновременно эти четыре лексемы, являющиеся как бы костяком, стержнем генуинной гончарской терминологии славянских языков и заключенные на рисунке в замкнутую окружность, абсолютно совпадают по составу с генуинной терминологией гончарной посуды чешского и словацкого языков, что обеспечивает последним

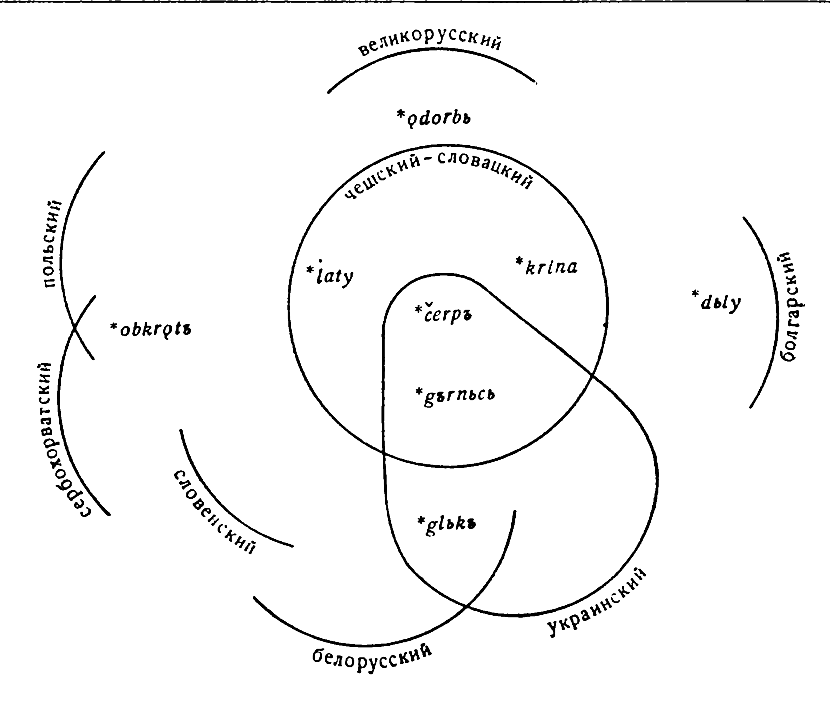

Рис. 8. Схема генуинной терминологии гончарной посуды.

центральное место в схеме. Варианты генуинной терминологии остальных языков являются как бы местными модификациями названного основного костяка, представленного в них полностью либо почти полностью с добавлением обычно одного генуинного термина ограниченного распространения. Такова ситуация великорусского, польского, сербохорватского, болгарского, определяющая как их отношение к центру, так и отношение друг к другу (названные языки насчитывают в общем по одному важному расхождению между каждыми двумя из них), что намечено и схемой. О позиции словенского, характеризующейся возможным значительным количеством утрат в этой области, сказано выше. Особо выделен инвентарь украинской генуинной терминологии гончарной посуды, поскольку он занимает довольно оригинальное положение относительно большинства других вариантов этой славянской лексики, в том числе относительно великорусского, что было интересно выделить в схеме специально. Между старой исконной терминологией украинского и великорусского имеется наибольшее возможное число расхождений: украинский (вместе с белорусскими) обладает древним локальным названием **glьkъ*, неизвестным из великорусского, а великорусский широко употребляет, наряду с другими славянскими языками, **laty* и **krina*, отсутствующие в украинском. Выше уже говорилось однажды об этом древ-

нем изоглоссном рубеже. Он представляет интерес, не говоря о проблематике нашего исследования, также в общем плане изучения ранних диалектных отношений восточнославянских языков и в целом всего славянства. Остальные моменты схемы понятны без дополнительных разъяснений.

Такова схематическая и ареальная внутриславянская характеристика генуинной терминологии гончарной посуды. Несколько слов о наиболее существенных внеславянских связях этого материала, что интересно само по себе, а также в сравнении с нижеследующей характеристикой статуальной терминологии. Ограничимся при этом кратким резюмированием результатов этимологизации, подробно изложенных выше.

Слав. **gъrnьcь* 'горшок' имеет наиболее полное соответствие в лат. *fornix* 'свод, арка' (**ghᵘr̥nik-*); слав. **čerpъ* 'глиняный горшок, черепок' — др.-в.-нем. *scirbi* 'черепок', 'глиняный горшок', др.-инд. *karpara-* 'черепок, чаша, череп'; слав. **krin* — греч. *κέρνος* 'глиняный сосуд, миска'; слав. **laty* — герм. **laþjon-*, нем. *Letten* 'глина'; слав. **dьly* — лат. *dolium* 'большой глиняный сосуд'; слав. **ǫdorbь* — др.-в.-нем. *zurb* 'дёрн', ср.-в.-нем. *zirben* 'вертеться', др.-инд. *dr̥bháti* 'связывает'; слав. **glьkъ* — греч. *γλία* 'клей'. Генуинная славянская терминология гончарных сосудов, как видим, имеет родственные формы различной степени близости в других индоевропейских языках. Слав. **čerpъ*, **laty*, **ǫdorbь* имеют родственные формы в германском, но остальные формы, за вычетом соответствия **laty*—**laþjon-*, не носят исключительного славяно-германского характера ввиду наличия соответствий еще и в других индоевропейских (например, в древнеиндийском). Общих славяно-германских семантических или словообразовательно-лексических инноваций здесь нет, во всяком случае нет, по сути дела, ни одного старого общего славяно-германского названия глиняного сосуда. Могут быть названы славяно-греческие соответствия для слав. **krin-*, **glьkъ*, но они также не очень выразительны и не имеют исключительного славяно-греческого характера. Напротив, славяно-италийские соответствия, которые можно назвать для слав. **gъrnьcь* и **dьly*, наиболее полны и замечательны, потому что именно здесь мы можем говорить об общих и с к л ю ч и т е л ь н о с л а в я н о - л а т и н с к и х новообразованиях словообразования, лексики и семантики, об общих в подлинном смысле названиях глиняных сосудов. Тут уместно вспомнить важные славяно-италийские общности, в терминологии горна (**gъrnъ*—*furnus*, **gъrnidlo*—**furniculum*, **gъrnьcь*—*fornix*, **gъrnьčarь*—*fornicarius*, см. подробно выше), рядом с которыми может быть поставлена славяно-италийская изолекса в старой терминологии гончарной посуды **dьly*— *dalium*. Наконец, б а л т о - с л а в я н с к и й аспект характеристики наших названий. После того, что было сказано о славяно-италийских изолексах и инновациях в терминологии горна и в терминологии гончарной посуды, особую весомость приобретает информация, что у с т а р о й г е н у и н н о й с л а в я н с к о й т е р м и н о л о г и и г о н ч а р н о й п о с у д ы о т с у т с т в у ю т к а к и е - л и б о т е р м и н о л о -

гические соответствия в балтийских языках (единственное исключение — слав. **ǫ-dorbъ*, лит. *dárbas* почти не играет при этом роли, см. его оценку выше). Тот, кто хотя бы бегло знаком с этимологией слав. **gъrnьcь*, **čerpъ*, **laty*, **krina*, **dьly*, *glьkъ*, согласится с этим утверждением.

Прежде чем поставить те же или аналогичные вопросы перед исследованием статуальной терминологии, что заставило бы нас сразу перейти к конкретным деталям и соответствиям, дополним общую характеристику статуальной терминологии, в основном уже намеченную выше. Статуальная терминология представляет собой менее стабильную среду, совокупность лексем, легко пополняемую путем внутреннего новообразования и иноязычных заимствований. Статуальная терминология не составляет сущности терминологии данного ремесленного производства, она комплектуется из лексем, более или менее нейтральных семантически относительно данного ремесла. Выше уже говорилось о многозначности и потенциально большой широте употребления этих лексем. То, что такие лексемы, будучи в принципе связаны с реально-семантической сферой производственной деятельности, вместе с тем нейтральны семантически, сообщает им ценное качество подвижности, удобства применения в разных отделах ремесленной терминологии. Нам уже приходилось рассматривать терминологию иных ремесел в плане соотношения генуинных и статуальных компонентов, и, по-видимому, можно признать этот подход плодотворным. Наличие или отсутствие, состояние тех и других компонентов, их отношения друг к другу представляют ценный ресурс для суждений о возрасте, относительной хронологии и характере эволюции целых групп лексики, терминологии. Выше уже высказывалась мысль (применительно к терминологии гончарного круга), что реальное функционирование самостоятельной группы терминов в определенную эпоху находит выражение в оформлении хотя бы какого-то одного или нескольких только ей свойственных образований с чертами соответствующей эпохи! (С. 187) Этот тезис можно формулировать иначе: признаком образования и функционирования самостоятельной группы лексики, терминологической группы, служит наличие собственных генуинных терминов. Судя по глубокой древности (см. выше еще о догончарских истоках) и относительной многочисленности генуинных терминов, группа терминологии гончарной посуды в славянских языках восходит как лексическая совокупность к древней, во всяком случае дославянской, эпохе. Но сравнительной оценкой терминологии гончарного производства, горна и гончарной посуды мы еще займемся ниже; тогда уместнее будет поставить вопрос и об относительной древности и удельном весе этих разделов в рамках всей гончарской терминологии в целом. Здесь достаточно иметь в виду, что сущность каждой данной частной терминологии составляет ее генуинная часть. Функционирование последней обычно ограничивается рам-

ками соответствующего частного раздела ремесленной терминологии. Что касается статуальной терминологии, к которой мы теперь переходим, то она комплектуется отчасти из таких уже упоминавшихся выше особо подвижных, семантически емких и вместе с тем нейтральных лексем, которые с успехом могут употребляться, скажем, не только в гончарской, но и в текстильной и другой какой-либо производственной терминологии. В каждом из этих своих состояний такие лексемы приобретают вполне конкретные и точные значения терминов (текстильных, гончарских), но в сущности одно их конкретное состояние не более связано с их генезисом, чем другое. Ср., например, слав. **tьrdlo*, **bidlo*, **stanъ*, **stavъ*, которые генетически не являются ни текстильными, ни плотничьими, ни гончарскими, ни кузнечными обозначениями, особенно если судить по их индоевропейским соответствиям за пределами славянского. Это в своем роде классические примеры, дающие нам право говорить о существовании некоего общего подвижного фонда статуальной терминологической лексики в масштабах всей терминологии ремесленного производства. Таковы, как нам кажется, возможности постановки вопроса о генуинной и статуальной терминологии в общих рамках ремесленной терминологии в целом.

Как складываются отношения внутри статуальной части славянской терминологии гончарной посуды? Стараясь ответить на этот вопрос, мы, как и при аналогичной характеристике генуинной терминологии, опираемся в основном на проведенный выше отбор праславянских форм, образованных главным образом из исконного славянского материала. Наш интерес к результатам обследования статуальной терминологии повышает только что полученная характеристика генуинных терминов, относящихся к гончарным сосудам. Сравнение этих двух характеристик, действительно, поучительно, потому что оно свидетельствует о коренных отличиях генуинных и статуальных компонентов в каждом вопросе. Во-первых, уже из предыдущего ясно, что статуальные названия не образуют ядра нашей терминологии. Говоря о генуинном ядре, мы констатировали его монолитность в общеславянском масштабе, применительно к статуальной терминологии об этом не может быть и речи. Здесь все меняется от языка к языку. Несовпадения и местные образования в генуинной терминологии лишь оттеняли ее монолитность, в статуальной терминологии они преобладают. Вместе с тем решение вопроса об общеславянском или местном характере того или иного слова имеет здесь свои трудности и почти всегда влечет за собой двоякий ответ в зависимости от того, является ли данное образование общим (или локальным) как статуальный термин или как слово вообще. Случаи с простыми, однозначными ответами составляют меньшинство: **mьlztъvъ*, **pekyšь* (только русские), **sъlojь* (только польское). Обратных случаев гораздо больше. Например, **čьrpadlo*, **gъrdlačь*, **tьrdlo*, **sǫdъ*, **stavьcь*, **kolačь* получают совершенно

различную ареальную характеристику, рассматриваем ли мы их как гончарские названия или в более широком плане. Примерно то же может быть сказано и о названиях сосудов **kъrčaga*, **čьbanъ*, **čьbьrъ*, которые с равным успехом обозначают в ряде славянских языков сосуды, сделанные не из глины. Проверка лишь подтверждает мнение о вторичном характере статуальной терминологии, хотя праславянский возраст многих образований вполне вероятен. Во-вторых, по-иному, сравнительно с генуинными терминами, проходят изоглоссы, отмечаемые для статуальных названий. Эти изоглоссы связывают между собой области, не обладающие сколько-нибудь заметными или исключительными общностями на материале старой генуинной лексики гончарной посуды. Что любопытно, — такие изоглоссные зоны статуальных терминов нередко совпадают с зонами распространения явно поздних заимствований, в частности названий гончарной посуды и вообще посуды. Это последнее обстоятельство, которое сделается вполне ясным далее, когда мы перейдем к рассмотрению таких заимствований, особенно убедительно говорит о поздней хронологии возникновения изолекс формально исконной, не заимствованной статуальной терминологии. Из внутриславянских общностей можно выделить следующие: **pokľuka* (чешский — сербохорватский), **solьnica* (сербохорватский, чешский, словацкий, польский), **kolačь* (словенский — украинский), **dojьnica*, **dojьnikъ* (польский — великорусский). Особенно интересен ареал, более или менее полно охватываемый изоглоссами названий глиняной посуды **pokľuka*, **solьnica*, т. е. область с центром в словацком и чешском языковом пространстве и с периферийными районами польского и сербохорватского языков. Собственно говоря, факты убеждают нас в том, что это, скорее, чехословацко-словенско-сербохорватская языковая область. Для нас существенно, что на уровне генуинной терминологии гончарной посуды между чешско-словацкой группой, с одной стороны, и западной группой южнославянских языков, с другой, не отмечено нами ни одной исключительной изоглоссы. Сюда относится — и то не полностью — хорватско-польская изоглосса **obkrǫtъ* (см. выше). Местный древний термин **lonъ* за пределами словенского и отчасти сербохорватского к северу уже неизвестен. Напротив, некоторые древние славянские генуинные названия, широко известные в чешско-словацкой группе, по сути дела отсутствуют в словенском. Граница между севером и югом проходила в древности очень четко. Она начинает сглаживаться, как только мы переходим к более поздним образованиям, и отношения между чешско-словацкой группой и словенским (а также сербохорватским) на уровне статуальной терминологии выглядят уже иначе. В этом случае можно говорить об изоглоссной области, охватывающей названные территории. Несколько рассматриваемых далее заимствований, носящих нередко уже довольно новый характер, выразительно охватывают словацкий и словенский, словацкий и сербский, как максимум — чешский,

словацкий, сербохорватский. Речь идет о верхненемецких диалектных влияниях, связанных отчасти с колонизационными переселениями групп немецкого населения в Карпаты и на Балканы начиная со средневековья. Но настойчивое совпадение этих сравнительно поздних изоглосс-заимствований в сфере гончарной терминологии с более древними исконными славянскими изоглоссами на уровне статуальных терминов свидетельствует о том, что и в более позднее время продолжали действовать те же межъязыковые связи. Относительно вторичные чехословацко-словенские общности терминологии гончарной посуды и их отголоски в распределении заимствованной лексики из той же сферы соответствуют сложившимся в науке представлениям о контактах и постепенном сближении древнечешских и древнесловацких диалектов с древнесловенскими в их новых ареалах, освоенных после сложных славянских миграций. Наши термины отражают эти движения весьма опосредствованно и со всеми привходящими и наслаивающимися помехами, которые трудно снимаются. Ясно, что изоглоссы статуальной терминологии гончарной посуды не имеют самостоятельного значения в изучении проблематики ранних славянских диалектных отношений. Решающее слово всякий раз в этом вопросе остается за генуинной терминологией — и там, где статуальные изоглоссы противоречат генуинным, как в случае с отношениями чешско-словацкой и словенско-сербохорватской группы, и там, где статуальные изоглоссы в общем продолжают наслаиваться на генуинные, ср. стабильность древнего изоглоссного рубежа между восточнославянским юго-западом и северо-востоком, прослеживаемого и на более новой, так сказать, статуально гончарской лексике: белорусско-украинское **makotьra* (белорусско-великорусские общности, видимо, вторичны и менее авторитетны, ср. **gъrdlačь*).

Таковы внутриславянские отношения статуальной терминологии гончарной посуды на уровне праславянской реконструкции. В том же порядке, как мы проделали это для генуинных компонентов выше, предпримем теперь попытку охарактеризовать внеславянские отношения статуальных терминов, опираясь опять-таки на уже рассмотренные нами ранее результаты этимологизации названий. Наиболее интересен следующий итог: слав. **mьlztъvъ* точно соответствует лит. *milžtuvẽ* 'подойник', слав. **čьbьrъ* — лит. *kibìras* 'ведро', слав. **čьbanъ* в корне также примыкает к лит. *kibìras* и родственным балтийским (см. выше), слав. **sǫdъ* тоже коррадикально с литовским названием сосуда *iñ-das* (точное славянское соответствие последнему имело бы вид **vъ-dъ*) и формально целиком тождественно лит. *sam̃-das* (значения и анализ см. выше). Это значит, что четыре статуальных славянских названия гончарных сосудов дают материал для балто-славянских сопоставлений, образуют исключительные или преимущественные балто-славянские лексико-словообразовательные общности. Конечно, здесь могут быть указаны кое-какие ограничения (ср. наличие **mьlztъvъ* только в великорусских диалектах,

далее — негончарскую семантику большинства славянских продолжений *čьbьrъ и *sǫdъ, а также то, что балтийские их соответствия — лит. *milžtuvẽ*, *kibìras* — обозначают обычно не керамические, а деревянные, бондарные сосуды), но эти замечания не снимают главного. Остается фактом, что на уровне статуальной терминологии славянская номенклатура гончарной посуды обнаруживает целый ряд балто-славянских параллелей и общностей, близких этимологически и семантически. Кроме упомянутых только что названий, только *tьrdlo и *tьrnica (оба в составе белорусских названий сосудов из глины) обнаруживают почтенные далекие внеславянские соответствия, ср. лат. *tribalum* 'то, чем трут, мнут, молотят хлеб', греч. *τόρνος* 'токарный станок', но о какой-либо исключительной терминологической близости в рамках нашей терминологии здесь не приходится и говорить (ср. выше, неоднократно). Установление внеславянских соответствий для остального лексического материала неактуально: ясно, что *dojьnikъ, *dojьnica, *pekyšь, *kъrčagъ/*kъrčaga, *gъrdlačь, *makotьra, *kolačь, *sъlojь, *varьnikъ, *pekačь, *solьnica, *solnikъ, *solnica, *perьnica, *pokľuka — результаты специфически славянских словообразовательных актов. Дальнейшее увязывание этих славянских новообразований с соответствующими индоевропейскими корнями в принципе допустимо, но ничего в данном конкретном случае не даст, если мы не хотим потерять из виду их специфический характер как новых славянских лексем. Следовательно, у статуальной терминологии гончарной посуды в славянских языках имеются единственные бесспорные внеславянские лексемные связи — с материалом балтийских языков, обнаруживающим весьма близкую статуальную характеристику.

В генуинной терминологии, рассмотренной выше под таким же углом зрения, мы наблюдали в общем довольно сложное переплетение этимологических и лексемных славяно-неславянских связей (см. выше о славяно-германских, славяно-италийских и прочих сближениях). Эта разнородность, вернее, генетическая сложность древних и относительно немногочисленных компонентов генуинной терминологии свидетельствует об архаичности генуинных терминов. В этом пласте лексики, как мы видели, балто-славянских соответствий нет. Иная картина в статуальной терминологии, где господствует инновационная славянская лексика, а на ее фоне выделяется ряд опять-таки более или менее однородных балто-славянских соответствий. Эта черта однотипности говорит о том, что перед нами более поздний пласт лексики. Балто-славянские общности нашей терминологической группы появляются только в этом инновационном пласте. Это влечет за собой вывод о вторичности балто-славянской близости в нашем материале — вывод, который может в соединении с другими сходными наблюдениями в нашей работе заинтересовать лингвистов, работающих над балто-славянской проблематикой. Важно также отметить, что именно генуинно-статуальная стратиграфия

исследуемой терминологии дала нам возможность видеть динамику балто-славянских языковых отношений в нашей терминологической сфере. Думается, что при иной методике мы получили бы смазанное, сугубо статическое изображение.

Граница между исконной и заимствованной лексикой абсолютно ясна лишь тогда, когда речь идет о новых заимствованиях. Заимствования, которые были осуществлены в древности, поддаются выделению уже с некоторым трудом. В отдельных случаях эти трудности превышают возможности этимологии. Есть в свою очередь такие примеры, когда слово относят с колебаниями и к исконному словарному составу, и к иноязычной лексике. Чем дальше вглубь, тем больше граница между исконной и заимствованной лексикой утрачивает свою четкость, граница в прямом смысле сменяется прослойкой слов неясного происхождения. Эту картину можно наблюдать в больших масштабах на материале всего словарного состава языка, а также на более ограниченном материале лексической группы. С таким положением мы сталкиваемся и в рассматриваемой нами здесь славянской терминологии гончарной посуды. Поскольку мы начали обзор и анализ форм с рассмотрения исконно славянских названий, то естественнее будет обратиться теперь к случаям неясным, чтобы после этого перейти, в согласии со сказанным выше, к терминам иноязычного происхождения, сначала — древнейшим, затем — более поздним: и местным, и этими последними закончить основную часть раздела, посвященного терминологии гончарного ремесла.

К неясности этимологического происхождения некоторых названий присоединяется еще и не совсем определенное отношение их к бесспорно гончарской терминологии. Обе эти характеристики приложимы к словам **čaša*, **kubъ*/**kubъkъ*, **bľudo*. Ясно лишь, что данные названия повсеместно обозначают посуду, правда, это лишь в небольшой части примеров посуда из глины, в остальном же — металлическая, стеклянная и деревянная посуда.

Праслав. **čaša*, известное большинству славянских языков в роли названия сосуда для питья, по форме обычно близкого к полушарию, выступает у южных славян как преимущественное обозначение стакана, у западных — 'чаша, кубок', у восточных, особенно в производной форме, — как обозначение не только небольшого, довольно широкого и открытого керамического сосуда для питья, но и широко в народных говорах как название миски. Известны указания о связи этого слова с керамической, гончарной посудой, ср. сербохорв. диал. *čaša* как обозначение глиняной посуды (см. выше). Названия сосудов для питья ('кувшин', 'чаша') представляют собой нередко типичные «культурные слова», подвижную лексику, легко переходящую из языка в язык. Праслав. **čaša*, обозначавшее первоначально, по-видимому, низкий сосуд для питья древней формы с широким отверстием, возможно, было именно таким «культурным словом», т. е. это слово заимствовано из другого

языка. С точки зрения славянской этимологии это — темное слово, что как будто подтверждает мысль о заимствовании. К этому следует добавить, что с внеславянскими соответствиями, которые можно было бы трактовать как исконно родственные, дело обстоит тоже неблагополучно. Приводимое при этом др.-прусск. *kiosi* 'кубок' обладает, скорее всего, лишь видимостью исконно родственного соответствия, на самом же деле заимствовано из древнепольского, как правильно предполагая уже Брюкнер[129], причем для этого не обязательно предполагать особенно архаический фонетический облик славянского прототипа — **kjasja* или под. Просто заимствование, как и во многих других случаях, которыми в свое время особенно успешно занимался Брюкнер, было осуществлено при соблюдении пересчета, выработанного польско-прусским двуязычием (по крайней мере соответствие польского *cz* древнепрусскому *k* перед гласным переднего ряда ощущалось населением при этом двуязычии наиболее четко).

Поэтому хотя формально мы имеем право попытаться восстановить для праслав. **čaša* исконную дославянскую праформу **kjasja* < **kēsi̯a*, она едва ли поможет нам продвинуться вперед в этимологии этого слова, напротив, скорее сведет нас с правильного пути. Не имея возможности назвать родственные формы из западных индоевропейских языков, исследователи склонялись к тому, что **čaša* заимствовано из иранских языков[130].

Праслав. **kubъ*/**kubъkъ* : др.-русск. *кȣбъ* (*винной*), *кȣбъкъ*, *кȣбьць* — сосуды для питья, обычно металлические (Срезн. I, стб. 1356), русск. *куб* 'перегонный сосуд' «...стеклянный, глиняный, медный и пр.» (Даль^2 II. С. 210), *ку́бок* 'питейный стакан, рюмка, чаша, стопа', сюда же, далее, целый ряд русских народных гончарских названий — курск., казанск. *куба́н* 'большая кринка, балакирь, горлач', арханг. *куба́тка* то же, *кубыня*, *кубы́шка* 'узкогорлая посудина с раздутыми боками; глиняный, пережабистый в горле кувшин; бутылка, фляга, пузыристая склянка; кожаный или деревянный дорожный сосуд для питья' (Даль^2 II. С. 209), укр. *куб* 'куб, кубок (деревянный)', *ку́бка* 'деревянная посуда для брынзы', *ку́бок* (Гринч. II. С. 317), польск. *kubek* 'кубок, стакан, чаша', диал. 'глиняный горшочек, кружка', н.-луж. *kub*(*k*) то же, чеш. диал. (моравск.) *kúbík*, *kubko* — обо всяких футлярах, слвц. *kúb*, *kubík* 'футляр для точильного бруска', диал. *kubaň* 'вид глиняного сосуда'. Разбираемое слово представляет немалую трудность для этимологического анализа. Мы считаем прежде всего наиболее вероятной праславянскую реконструкцию **kubъ*, **kubъkъ*. Древность словообразовательного оформления вариантов *кубан*, *kubaň*, *кубыня*, *кубатка* более проблематична.

[129] *Brückner*. S. 73.

[130] *Berneker*. I. S. 137; *Machek*. S. 75; *Sławski*. I. S. 114; *Vasmer*. III. S. 306 (последний оспаривает иранское происхождение).

Махек восстанавливает праформу с иным вокализмом — **kǫbъ*, что нам представляется сомнительным, так как не может объяснить большей части форм и соответствий. Праслав. **kubъ* не связано прямо с праслав. **kъbьlъ* — названием меры емкости, резервуара, представленным в ряде славянских языков, — из др.-в.-нем. *kubil*, ср. соврем. нем. *Kübel* 'ведро, подойник'. Предположение о заимствовании слав. **kubъ* из лат. *cūpa* 'чаша для вина'[131] непосредственно или через германские языки может считаться вероятным, по крайней мере для части форм. Категорически распространять эту этимологию на все случаи в славянских языках, впрочем, нецелесообразно, потому что, как кажется, история относящихся сюда названий сосудов сложилась далеко не так единообразно. Во-первых, для праслав. **kubъ* может быть указан целый ряд вероятно родственных форм в германском, греческом, индоиранских языках: нем. *Humpen* 'чаша, кубок', др.-инд. *kumbhá-*, авест. *xumba-* 'горшок', греч. *κύμβος* 'сосуд', *κύμβη* 'чаша'[132]. Названные слова продолжают древнее **ku-m-bh-o-*, **ku-m-b-o*, **kṃbho-*. Во-вторых, если взглянуть на праслав. **kubъ* и его возможные соответствия шире, то наши слова станут рядом с большим количеством близких по форме и значению слов разных языков Евразии: тюрк. *küp* 'бочка', стар, 'кувшин', тур., крым.-тат. *küp* 'кувшин, глиняный сосуд, горшок', казах. *kübi* 'бочка', чагат. *köpü* 'сосуд для сбивания масла', ср.-тюрк. *kowa*, тур. *kova* 'ведро', осет. *ḱopp* 'деревянная чаша, коробка', 'чаша', груз. *k'op'e*, абх. *k'op'ey*, сван. *k'ob* 'ковш'[133]. Хотя бы часть названных слов может расцениваться как потенциальные культурные слова, распространившиеся в порядке заимствования из одного языка в другой. Ср., например, бесспорное заимствование болг. *кюп* 'глиняный кувшин', сербохорв. *ћӱп* из тур. *küp*. Вместе с тем более древние близкие формы наводят на мысль об ином происхождении. Об этих словах Абаев пишет: «Наличие идентичных по звучанию слов с одинаковым значением в различных, неродственных и несоприкасавшихся языках не оставляет сомнения, что мы имеем дело с "изобразительными" словами, возникшими на почве звуковой символики»[134].

Праслав. **bľudo*: ст.-слав. **блюдъ, блюдо, блюдва** 'корзина', др.-русск., русск.-цслав. *блюдо* 'блюдо, поднос, сосуд', русск. *блю́до*, укр. диал. (зап.) *блю́до* 'деревянная посуда для брынзы', в.-луж., н.-луж. *blido* 'стол', сербохорв. диал. (черногорск.) *бљӱда*, *бљӱдо*, *бљудва* 'вид глиняной посуды'[135], макед. *бљудо* 'блюдо, тарелка', болг. *блю́до* 'блюдо'.

---

[131] *Brückner*. S. 279; *Преображенский*. I. С. 403.

[132] *Berneker*. I. S. 636; *Vasmer*. I. S. 676.

[133] *J. Hubschmid*. Op. cit. S. 124—125; *В. И. Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958. С. 636.

[134] Там же. С. 637.

[135] *Вук Караџић*[3]. С. 33; *A. Jovićević*. Op. cit. S. 140—141.

Наиболее существенное реально-семантическое отличие, характеризующее праслав. **bl'udo* и обозначаемую им реалию, состоит в том, что оно всегда связывается с открытой, низкой посудой — блюдом, подносом, тогда как **čaša* и **kubъ* обозначают более или менее глубокую посуду для питья. При всем разнообразии значений продолжений **bl'udo* в отдельных славянских языках, они никогда не обозначают сосуд для питья. Еще более периферийными, чем в случае с **čaša* и **kubъ*, являются здесь гончарские значения, ср. более или менее яркий пример обозначения словом **bl'udo* керамической посуды в сербохорватских диалектах Черногории, отмеченный нами выше. В основном **bl'udo* относится к деревянным и прочим подносам. Внешние сравнения подтверждают вероятную древность именно значения 'деревянный поднос, подставка, доска' для **bl'udo*. Констатируя отсутствие реально-семантической близости между **čaša* и **kubъ*, с одной стороны, и **bl'udo*, с другой, мы находим гораздо больше аналогий в развитии значения и употребления между **bl'udo* и **misa*. Сходства в их развитии и даже в этимологическом происхождении, действительно, велики, как увидим ниже, хотя есть, несомненно, и существенные различия. И в том и в другом случае характеристику обеих лексем удобно давать параллельно. Конечный результат семантического развития этих слов различен: продолжения праслав. **bl'udo* означают, как мы видели, широкое блюдо, поднос, а продолжения **misa* — менее крупный, зато более глубокий сосуд, род глубокой тарелки. Этот контраст, противопоставление значений **bl'udo* и **misa* налицо, когда оба слова представлены в одном языке, как, например, в русском. Интересно, что такое сосуществование **bl'udo* и **misa* является для большой части славянских слов не правилом, а исключением. Обычно мы наблюдаем, что языки, знающие **bl'udo*, не знают **misa* и наоборот. Но и в этом случае значение **misa* примерно соответствует описанному выше. Продолжения праслав. **misa* наиболее характерны для языков: др.-русск. *миса* 'блюдо', 'дискос' (Срезн. II, стб. 153), русск. *ми́са*, *ми́ска* 'чаша, чашка; посуда, в которой подают на стол щи, похлебку, чаша к самовару, кумка' (Даль[2] II. С. 329), укр. *ми́са* 'миса, род большой глубокой тарелки' (Гринч. II. С. 427), блр. *мíска*, польск. *misa*, чеш. *mísa*, слвц. *misa* 'миска, блюдо (из керамики)'. Остальные языки требуют в этом отношении особых комментариев. Южнославянские языки, в сущности, не знают слова **misa*, которое, например, неизвестно в сербохорватском. Современный болгарский и современный македонский языки тоже не знают этого слова. Особняком стоит единственное свидетельство Облака о форме *misa* 'tiefe Schüssel' в одном северо-восточном диалекте Македонии, повторяемое за ним последующими этимологическими словарями. Как бы то ни было, существование **misa* на собственно болгарской территории сомнительно. В этой связи особой осторожности требует древняя форма **миса** '*πίναξ*', приводимая обычно как древнеболгарская (altbulgarisch), но встре-

чающаяся в действительности в Мариинском евангелии — старославянском памятнике с западными чертами[136]. Не знает продолжения праслав. **misa* также, по-видимому, и словенский язык. Словен. *míza* 'стол', цитируемое словарями в одном ряду с правильными продолжениями **misa*, несомненно, выделяется и фонетически (звонкое интервокальное *-z-*), и по значению — 'стол', что не всегда должным образом отмечается исследователями. Ясно, что на фоне праслав. **misa* 'вид глиняной посуды', тоже заимствованного, но гораздо древнее и сильнее эволюционировавшего (см. ниже), словен. *míza* представляет самостоятельный и поздний, местный акт заимствования из итальянской диалектной формы названия стола со звонким *-z-*, ср. далекие территориально луккское и логудорское (сардинское) *meza*[137]. К вопросу об отражении праслав. **misa* словенское *míza* относится так же мало, как болг. *ма́са* 'стол', заимствованное поздно из рум. *masă* то же, к аналогичному вопросу для болгарского. Праслав. **misa* в общем, насколько мы можем судить, — типичное северно-славянское слово. Если говорить о возможных движениях и первоначальной экспансии этого слова в пределах северной Славии, то можно высказать предположение, что центр экспансии лежал в области западных славян, откуда **misa* попало, — правда, очень рано — к предкам белорусов, украинцев и части великорусов. Чешский, словацкий и польский безусловно употребляют слово **misa*. Эта безусловность будет выглядеть еще убедительнее, когда мы вернемся к положению с праслав. **bľudo* на тех же территориях.

И тут особенно бросается в глаза фактическое отсутствие **misa* в целой ветви западнославянских языков — нижнелужицком и верхнелужицком (для нижнелужицкого Мука приводит как единичное и устаревшее только *miska* у протестантского просветителя Мегизера, который мог взять его из другого славянского языка). Неизвестность формы **misa* именно в лужицких языках с одновременным наличием в них праслав. **bľudo* резко контрастирует на фоне остальных западнославянских данных с прямо противоположной ситуацией и напоминает южнославянские отношения, в частности сербохорватский. Таким образом, условно реконструируемое праславянское отношение **bľudo*—**misa* отражается как **bľudo*—*ø* в сербохорватском и серболужицких, что может быть причислено к другим изоглоссам, связывающим эти части славянской языковой территории. Возвращаясь к праслав. **bľudo*, займемся также прежде всего пересмотром лингвогеографического аспекта. Посредствующим звеном между **misa* и **bľudo* может служить в этом отношении собственно великорусская территория с чертами типичной переходной зоны, т. е. наличием как **misa*, так и **bľudo*, вероятно, с достаточно раннего времени.

[136] См.: *Sadnik-Aitzetmüller*. S. 56, ср: *А. С. Львов*. // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 56.

[137] *W. Meyer—Lübke*[3]. S. 451. № 5497.

Остальные районы славянства, особенно некоторые из них, нуждаются в дополнительных разъяснениях.

Наличие блр. *блю́да* проблематично. Новые словари современного белорусского литературного языка, как, например, «Русско-белорусский словарь» 1953 г., приводят эту форму, но это очевидный русизм. Остальные старые словари не дают слова *блюда*, но известно, что все они, почти без исключения, строились по дифференциальному принципу, т. е. при этом слова, характерные для русского литературного языка, опускались. Этому глубоко ошибочному, искажающему действительную картину правилу следовали составители большинства русских областных и белорусских словарей, и прежде всего Носович, кстати, тоже не имеющий *блюдо/блюда*. Поэтому существующие словари, к сожалению, не могут нам дать надежного ответа на вопрос о позиции белорусского в отражении праслав. **misa* — **bl'udo*. Однако мы предполагаем, что в белорусском существует западнославянский вариант **misa—ø* (ср. ниже).

Несколько яснее чрезвычайно интересная по-своему картина отношения праслав. **misa—*bl'udo* в украинском языке. Концепция украинской лексикографии, несравненно более самостоятельная по отношению к великорусской, чем белорусская, имела своим следствием то, что словари украинского языка и его диалектов были свободны от дифференциальной схемы русской областной лексикографии. Поэтому мы можем больше верить отсутствию тех или иных слов в украинских словарях. Судя по сведениям Гринченко, на большей части Украины известно широко **misa* и нет **bl'udo*. Но при этом для крайнего запада Украины там же указывается диал. *блю́до* 'деревянная посуда для брынзы'. Забегая несколько вперед, отметим, что собственно балканские славянские языки — сербохорватский, македонский и болгарский — не знают, как уже говорилось выше, формы **misa* и употребляют слово **bl'udo*. Действует ли в полной форме этот южнославянский вариант **bl'udo—ø* также и в карпатских, западноукраинских диалектах, трудно сказать. Но и специфически карпатское значение зап.-укр. *блю́до* 'деревянная посуда для брынзы', и сам факт наличия этого слова в карпатско-украинских говорах при типичности слова **bl'udo* как раз для восточной группы южнославянских языков — все это очень напоминает нам множество других, постоянно пополняемых новыми исследованиями изолекс, охватывающих сербохорватские и болгарские диалекты, с одной стороны, и карпатско-украинские — с другой. Этим отношением могли бы заинтересоваться наши исследователи языковых следов карпатской миграции славян. На остальной части Украины представлено **misa—ø*.

Формы *бљӱда*, *бљӱдо*, *бљудва* отмечаются обычно для собственно сербских говоров (Черногория, см. выше) и на хорватской территории, по-видимому, неизвестны. Не знает их и словенский язык. Нет на этих территориях

и продолжений слова **misa*, как мы уже упоминали. В роли названия широкой глиняной миски в Словении и на примыкающих пространствах сербохорватской языковой области употребляются иные древние и более новые заимствования, о которых мы скажем ниже, Таким образом, на западе южнославянской территории отношение праслав. **bľudo*—**misa* вообще не отражено, что представляет некоторый антипод к великорусскому варианту с наличием обоих названий **bľudo*—**misa*. Вообще отношения этих двух лексем в разных частях славянства складываются чрезвычайно красноречиво, что, учитывая относительную древность данных слов, может, особенно при поддержке других однородных свидетельств, быть использовано для суждений о старых диалектных внутриславянских связях.

Чешский, словацкий и польский языки не знают слова **bľudo* и не обнаруживают никаких следов его исконного местного употребления в прошлом. Для этого района славянства безусловно характерен вариант **misa*—*ø*. Предшествующие этимологические исследования, не интересуясь специально географией **bľudo* и **misa* как слов этимологически более или менее ясных, скорее способствовали запутыванию представлений о старом территориальном распределении форм, что вынуждает нас задержаться на этом дольше. Прежде всего — о так называемом польском слове *bluda*. Начиная с Миклошича Бернекер и Фасмер последовательно включают эту форму в перечисление продолжений праслав. **bľudo* по отдельным славянским языкам. Но если раньше это было простительно ввиду очевидной некритичности отдельных польских лексикографических источников, то после Варшавского словаря Карловича, Крынского и Недзведзкого всякие сомнения должны отпасть: форма *bluda*, приводимая только из Папроцкого, который ее употребил в контексте рассказа о московском посланнике, представляет собой эфемерное заимствование из русского. Ни Брюкнер, ни Славский в своих словарях ее не дают. Польский язык не знал праслав. **bľudo*. Эта грубая ошибка, повторяемая новыми этимологическими справочниками, должна быть, следовательно, исправлена, точно так же как и содержащееся в них без комментариев укр. *блю́до*, которое после сообщенных выше уточнений выглядит в ином свете.

Суммируя изложенные выше наблюдения, мы получаем такое распределение отношений: **misa*—**bľudo* (великорусский), **misa*—*ø* (чешский, словацкий, польский, белорусский, украинский), *ø*—**bľudo* (верхнелужицкий, нижнелужицкий, сербский, македонский, болгарский), *ø*—*ø* (словенский, хорватский). Эти отношения не могли бы сложиться таким образом, если древнее территориальное взаимное расположение славянских диалектов и языков в принципе было бы такое же, как и сейчас. Столь выигрышный пример **misa*—**bľudo* сохраняет память об ином предмиграционном расположении и соседстве диалектов. Особенно ярко видно это на серболужицком материале, который близок в нашем примере не к чешскому и польскому, а к

сербскому. Сходную близость обнаруживает серболужицкий и в другом названии миски, к которому мы перейдем после анализа **misa* и **bľudo*.

Теперь — об этимологии слов **misa* и **bľudo*.

Слово **misa* заимствовано из народнолат. *mēsa* (лат. *mēnsa*) 'стол', очевидно, все-таки через посредство древневерхненемецких диалектов, вопреки мнению большинства ученых [138], так как именно это посредство помогает убедительно восстановить недостающее звено перехода между лат. *ē* и слав. *i*. Прямое заимствование из народнолат. *mēsa* дало бы праслав. **měsa*. Древневерхненемецкое посредство выразилось в такой яркой особенности, как преломление долготы корневого гласного романского слова: *ē* > *ia* (> н.-в.-нем. *ie*). Названный процесс отражен в зафиксированной древневерхненемецкой форме *mias* 'стол' [139]. Древняя немецкая форма с преломленным вокализмом типа *miăs* как раз и могла послужить источником праслав. **misa*. Эпицентр заимствования слова **misa* должен был находиться, в соответствии со сказанным выше о географии слова **misa*, первоначально, по всей вероятности, в области древнечешских и древнесловацких диалектов, скорее всего — на стыке этих двух диалектных районов, в Моравии, откуда **misa* рано распространилось в польские земли и далее на восток. Все это соответствует нашим представлениям о древних немецких заимствованиях в славянском и о ранних латинизмах, полученных через немецкое посредство. Несоответствие в конце основы между немецкой и славянской формами нам не кажется серьезным препятствием для избранного объяснения. Мысль о греческом посредстве с целью объяснить лат. *ē* > слав. *i*, справедливо оставленная исследователями, в свете вышесказанного не только не обязательна, но и невозможна. Предполагать в словен. *miza* местное, особое развитие из праслав. **misa* с ассимиляцией по звонкости *m—s* > *m—z* (Бернекер) было бы абсурдно (см. выше специально о происхождении словенской формы).

Праслав. **bľudo* давно получило правильную этимологию как древнее заимствование из германской формы, близкой готскому слову *biuþs* (род. ед. *biudis*) 'стол' [140]. Гот. *biuþs* является исконным германским словом (ср. др.-в.-нем. *biutta* 'дежа, квашня', 'улей', др.-англ. *bēod*, др.-в.-нем. *beat*, *piot* 'стол' 'миска'), новообразованием, отглагольным производным, ср. гот. *biudan*, нем. *bieten* 'предлагать'. Едва ли уместны сомнения в верности названной этимологии славянского слова, высказывавшиеся отдельными исследователями прежде и теперь. Так, критика германской этимологии слав. **bľudo* в одной из ранних работ Обнорского обнаруживает определенный

---

[138] *Miklosich.* S. 198; *Berneker.* I. S. 61; *Преображенский.* I. S. 539; *Brückner.* S. 338; *Vasmer.* II. S. 138; *Machek.* S. 297—298.

[139] *O. Schade.* Altdeutsches Wörterbuch. Aufl. 2. Halle, 1872—1882. S. 607.

[140] *Miklosich.* S. 15; *Berneker.* I. S. 64; *Преображенский.* I. S. 31; *Фасмер.* I. M., 1964. C. 178.

схематизм в понимании германо-славянских звуковых соответствий: автор, между прочим, отвергал объяснение **bl'udo* из герм. *biud-* на том основании, что тогда ожидалось бы слав. **blьdo*[141]. Мы полагаем, что вовсе не обязательно вместе с Фасмером выставлять в качестве контраргумента доводам Обнорского тот факт, что герм. *-iu-* здесь восходит к **-eu-*, которое закономерно рефлексируется на славянской почве как *-ju-*. Было бы излишне предполагать, что славяне, заимствуя герм. *biud-*, знали этот момент его доистории. Скорее всего, переход сочетания *jŭ* в делабиализованное *jь* к моменту заимствования уже давно перестал быть активным процессом, поэтому герм. *-iu-* было передано как слав. *-ju-* в порядке субституции, что было, несмотря на количественные различия гласных, наиболее удобным способом. Еще менее убедительны попытки исконно славянской этимологии слова **bl'udo*. Отрицательная их аргументация отчасти повторяет изложенные выше сомнения Обнорского. Положительные доводы основаны на том, в частности, что, подобно тому как герм. *biud-* 'стол', 'миска' имеет соответствующий глагол герм. *biudan*, слав. **bl'udo* признается этимологически родственным славянскому глаголу **bl'udǫ*, **bl'usti*. Оба глагола (германский и славянский) восходят к и.-е. **bheudh-/*bhudh-* 'бодрствовать, быть в состоянии бдения и т. п.', откуда следует вывод и о родстве имен герм. **biud-* и слав. **bl'udo*. Но нетрудно заметить, что при очевидности словообразовательного акта герм. **biudan* > **biudis* связь **bl'usti* > **bl'udo* на славянской стороне крайне сомнительна. Германское новообразование возникло на базе удобного глагольного значения 'предлагать ≃ подавать', тогда как слав. **bl'udǫ*, **bl'usti* оставалось глаголом специфически абстрактного, морального значения 'хранить, стеречь, оберегать'. И здесь хорошее знание этимологической предыстории и первичного тождества герм. **biudan* и слав. **bl'usti* скорее вредило исследователям при оценке слов **bl'udo* и **biud-*, как это ни парадоксально. Разумеется, еще менее удачны толкования Петерсона или Ильинского гот. *biuþs* и слав. **bl'udo* от и.-е. **bheut-* 'бить, колоть' или **bheut-* 'надуваться, быть овальным'. К сожалению, не прибавляет ясности новое исследование В. В. Мартынова, напротив, оно содержит утверждение о возможности проникновения в данном случае из праславянского в германский, что уж никак не вытекает из известных фактов[142]. Напротив, после изложенных замечаний по географии и этимологии слов мы полагаем, что праслав. **bl'udo* было, несомненно, заимствовано из германского, причем эпицентр заимствования на

---

[141] *С. П. Обнорский.* Готское ли заимствование слав. *блюдо*? // РФВ. Т. LXXIII. 1915. С. 82 сл.

[142] См. из литературы: *Г. А. Ильинский.* Славянские этимологии XLIX. Праслав. *bljudo* 'блюдо' // ИОРЯС. Т. XXIII. Кн. 2. С. 207 сл.; *Младенов.* С. 36; *В. В. Мартынов.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963. С. 192—195.

этот раз лежал, скорее всего, к востоку от Карпат, в районах возможных контактов славян с германскими племенами. Контактом в данном случае (как и в ряде аналогичных) была охвачена часть славян, с германской стороны в контакте участвовали, видимо, носители восточногерманских диалектов, готы. Этому как будто соответствует и наличие реальной формы-источника в готском, и ряд моментов географии, которые характеризуют слав. **bl'udo* как неизвестное, наряду с некоторыми другими древними германизмами, именно западнославянским языкам (лужицкие по признаку наличия **bl'udo*, а также но некоторым другим изолексам отличаются от остальных западнославянских и обнаруживают юго-восточные связи), а также неизвестное славянским языкам, мигрировавшим на юг, по-видимому, к западу от Карпат (словенский, хорватский). К этим выводам нас побуждает конфронтация возможного этимологического решения с данными о географии праслав. **bl'udo* (сербские диалекты, македонский, болгарский, серболужицкие, карпато-украинские диалекты, великорусский).

Предшествующий пассаж, содержащий сравнительную географическую, лексико-семантическую и этимологическую характеристику преимущественно двух названий — **misa* и **bl'udo*, можно как будто завершить констатацией, что проведенное сравнение почти во всех пунктах оказалось плодотворным и дало возможность, взглянув на эти слова в новом аспекте, получить дополнительные данные по их истории. Случаи эти характерны и сходны тем, что оба слова имеют выясненную в общих чертах этимологию, согласно которой они оба заимствованы из соседних языков в древности, причем и тут и там представлен переход значения 'стол' > 'миска, блюдо'. Дальше идут любопытные взаимодополняющие различия, наблюдения над которыми изложены выше. Основной вывод из предыдущих наблюдений тот, что нельзя говорить об общеславянском характере слов **misa* и **bl'udo*. И хотя оба слова относятся к праславянской древности, они представляют собой красноречивые диалектизмы, дающие материал для важных лексических изоглосс. Целью сравнительной характеристики географии и употребления **misa* и **bl'udo* как раз и было показать неслучайность отсутствия *misa* (или **bl'udo*) в тех или других районах, поскольку там примерно в той же роли выступает другое название из этой пары. Абсолютная хронология заимствования **misa* и **bl'udo* для нас не так важна. Можно допустить, что **bl'udo* (в восточной части праславянской территорий) появилось раньше, чем соответственно **misa* (юго-запад праславянской территории эпохи ранней южной экспансии). Само собой разумеется, это нисколько не влияет на известное наблюдение лексикологии старославянских текстов, что **миса**, характерное для древнейших памятников (видимо, моравской редакции), сменяется в ряде случаев позднее словом **блюдо**, **блюдъ** в текстах восточноболгарской редакции.

Следующее затем интересное слово, играющее видную роль в лексике гончарной посуды отдельных славянских языков и обнаруживающее в географии своего распространения определенные черты сходства с рассмотренными случаями, представляет значительное разнообразие вариантов. Сюда относятся ст.-слав. **скѫдель** 'κέραμος' (Мар., Ассем. и др.), **скѫдѣлъ, скѫделъ, скандьлъ** 'ὄστρακον, testa, laguncula' (Mikl.), откуда имя деятеля **скѫдельникъ** 'κεραμεύς, горшечник' (Зогр., Мар., Ассем., Савв. кн., Син. пс.), **скѫдѣльникъ** 'гончар' (Остром.), русск.-цслав. *скѫдѣлъ*, *скѫдьлъ* 'черепица; черепичная крыша', 'сосуд глиняный', *скѫдѣль*, *скѫдьль*, *скѫдель* 'черепок', 'глиняный сосуд', *скѫдѣльникъ*, *скѫдьльникъ*, *скѫеѣльникъ* 'гончар', 'глиняный сосуд', *скѫдѣльница*, *скѫдьльница*, *скѫдельница* 'глиняный сосуд', *скѫдѣльныи* 'глиняный', в.-луж., н.-луж. *škla* 'миска, чашка', словен. *škandêla*, *škodêla*, *škedêla*, *skodela*, *skedêla* 'миска', *sklêda*, диал. *skleîca* 'миска', *zdêla*, хорв. *zdila*, *zdela*, серб. *зд̏ела* 'миска'.

Это название, как видим, неизвестно многим славянским языкам. В частности, оно чуждо русскому, украинскому и белорусскому. Формы, приводившиеся выше, носят сугубо церковнославянский характер и не могут считаться древнерусскими в подлинном смысле. Вне всяких сомнений находится отсутствие сколько-нибудь близких форм в польском, чешском и словацком языках. Слвц. диал. *škutelka* 'глиняная миска' является самостоятельным и относительно поздним местным заимствованием из языка, вероятно, немцев-переселенцев (возможно, из диалектной немецкой формы саксонского типа, — ср. ниже). Зато серболужицкие языки обнаруживают соответствующее слово, отличаясь и в этом термине от соседних западнославянских. Минуя чешско-словацкую область с многозначительным отсутствием именно в ней близких слов, переходим к словенскому, наталкиваясь здесь на необычайное обилие и разнообразие вариантов и форм названия. На сербохорватской территории имеется одна основная форма, а далее — на македонской и болгарской территории — соответствия снова прекращаются. Даже самое беглое ознакомление с наличием и географическим размещением форм приводит к мысли, что эпицентром распространения рассмотренных выше слов и их вариантов могла быть территория словенского языка или непосредственно примыкающие к ней районы. Речь, разумеется, идет о заимствовании из неславянского источника. Наличие разных вариантов, мешавшее нам до сих пор без предварительных комментариев произвести реконструкцию древних форм, требует, конечно, в отдельных случаях особых объяснений, хотя в принципе ясно, что все эти варианты в конечном счете восходят к одному источнику — лат. *scŭtĕlla* 'миска'. Однако уже довольно рано на этот основной прототип стало влиять, наслаиваться при заимствовании другое, этимологически не связанное слово — лат. *scandŭla*/*scĭndŭla* 'дранка, доска' [143].

[143] Лат. *scutella* представляет собой уменьшительное образование от *scutum* 'щит', а *scandula*/*scindula* образовано от *scindo* 'раздираю'.

Кроме того, часть вариантов славянских названий находит объяснение в разной хронологии заимствования, что также следует иметь в виду при отборе более поздних и древних форм.

Констатируя самый факт контаминации *scutella* × *scandula*, мы тем самым уже определяем вторичность ее отражении, что должно быть учтено при отборе и реконструкции наиболее ранних форм. Быть может, эта контаминация берет начало еще на народнолатинской почве, до попадания в славянскую среду. Основная форма и значение славянских слов восходят, несомненно, к лат. *scatella*, что понимал правильно уже Миклошич, который, перечислив славянские формы, высказывает следующее мнение: «Слово связано, несмотря на наличие *-on-* [имеется в виду носовой в ст.-слав. **скѫдѣлъ** и т. п. — *О. Т.*], с лат. *scutella*, ит. *scodella*, которое дало др.-в.-нем. *scuȝȝila*. В значении 'tegula, *κέραμος*' 〈...〉 оно не отражает лат. *scandula*, ср.-лат. *scindula*, др.-в.-нем. *scindala*, но, по-видимому, проделало семантическое развитие 'черепок, миска, глиняная миска, все глиняное, в том, числе черепица, крыша'»[144]. С известными поправками это толкование, бесспорно, вернее, чем, например, этимология, исключающая вообще лат. *scutella* из числа источников, ср. у Фасмера: «*скуде́ль*, церк., др.-русск. *скѹдѣль* 'черепок', *скѹдѣлъ*, 'черепица', ст.-слав. **скѫдель** '*κέραμος*' 〈...〉 Заимствовано из латинского, причем следует иметь в виду преобразование лат. *scandula* 'дранка' под влиянием суффикса *-ella*»[145].

Смешение продолжений народнолат. *scutella* и *scandula* потенциально было легко осуществимо, независимо от того, состоялось ли оно на романской почве или уже в славянском. При этом достаточно обратить внимание на то, что *scandula* 'дранка' приобретает также значение 'доска', ср. рум. *scîndurǎ* 'доска'. Это обеспечивало ему большую семантическую близость к *scutella* 'миска', поскольку известно достаточно примеров связи значений и терминов 'доска, стол' — 'миска, блюдо', и мы уже наблюдали сходные случаи в **misa* и **bl'udo* (выше), ср. также греч. *δίσκος* 'блюдо' — нем. *Tisch* 'стол' — слав. **dъska* 'доска (в частности, столовая)'.

Специфичность романо-славянских лексических отношений в вопросе *scutella*/*scandula* — **скѫдель** состоит в том, что между ними не стоит германский, в отличие от большинства известных древних примеров, когда латинские слова попадали в славянский через германское посредство. Посредство германских языков здесь исключается еще и потому, что хорошо известные нам продолжения лат. *scutella* и *scandula* в германском четко отличны и независимы друг от друга. Так, лат. *scandula*, собственно *scindula*, дало др.-в.-нем. *scintila*, *scintala*, *scintula*, *scindila*, *schindala*, нем. *Schindel* 'дранка', а из лат. *scutella* было заимствовано др.-в.-нем. *scaȝȝila*, *scuȝila*,

---

[144] *Miklosich.* S. 301.

[145] *Vasmer.* II. S. 653.

ср.-в.-нем. *schuȥȥel*, др.-сакс. *skutala*, англос. *scutel*, нем. *Schüssel* 'миска'[146]. Как видим, ни *Schindel* и *Schüssel*, ни предшествующие им формы на германской почве между собой не смешивались, возможно, ввиду изначального четкого терминологического различия между 'кровельной дранкой' и 'миской'.

По крайней мере часть славянских слов, собранных выше, восходит к праславянскому времени. Среди них можно выделить формы без носового и формы с носовым, общее объяснение которых дано выше. Формы без носового гласного: **skъtьľa* (откуда в.-луж., н.-луж. *škla*), **skъdela*/**skъděla* (откуда словен. *zdêla*, хорв. *zdela*, *zdila*, серб. *здѐла*). Формы с носовым гласным: **skǫdelь*/**skǫdělь*, **skǫdela* (ст.-слав. **скѫдель, скѫдѣлъ**, словен. *skodela*). Кроме того, можно отметить ряд позднее заимствованных вариантов, ср. цслав. **скандьлъ**, словен. *škandela*, а также, наверное, словен. *skleda*, широко известное в говорах словенского, но отсутствующее за его пределами. Последнее происходит, возможно, из ит. диал. **sklonda*, местную метатезу из *scandula*, ср. форму *šlonda*, приводимую в словаре Майер-Любке[147]. Если заняться оценкой праславянских вариантов нашего заимствованного названия, то безусловно наиболее архаический облик обнаруживает прасерболужицкое **skъtьľa*, содержащее интервокальный *-t-* и в общем соответствующее лат. *scutella* 'миска'. Правда, нам могут указать не без основания на возможность заимствования луж. *škla* (**skъtь'la*) из соседних древних германских диалектов, ср. др.-в.-нем. *scuȥȥila*, др.-сакс. *skutala*. Если не эти формы, то какие-нибудь им близкие могли послужить непосредственным источником для серболужицкого названия. Но, с другой стороны, основные импульсы, которым обязано происхождением большинство близких славянских названий, шли, как мы знаем, из романских диалектов, и лужицкие языки и здесь обнаруживают близость к южнославянским, где сосредоточена основная масса близких форм, при загадочном молчании соседних лужицким западнославянских языков. Заимствования **skъtьľa*, **bľudo*, характерные для лужицких языков, резко отличают их от чешского, словацкого, польского и ставят рядом с южнославянскими, где, как, например, в сербском, представлены близкие **skъdela* и **bľudo*. Вариант **skъdela*/**skъděla* тоже, видимо, имеет праславянскую древность, если иметь в виду хотя бы отражение лат. *-ŭ-* (лат. *scŭtēlla*, др.-ит. *scudella*, энгадин. *sk'üdela* 'миска') как слав. *ъ*. Здесь, правда, уже представлена такая народнолатинская инновация, как озвончение интервокального *t* > *d*. Едва ли словен. *zdela* произошло от синкопы предударного гласного из **skudela*, поскольку именно форма *zdela* прослеживается также на сербохорватской территории. Помимо этого, о наличии древнего **skъdela* говорит и словен. *skedêla* (см. выше).

---

146 *Kluge—Götze*[15]. S. 667, 701.

147 *Meyer-Lübke*[3]. S. 634. № 7652.

Суммируя предыдущее, мы можем повторить, что эпицентром заимствования и распространения праслав. **skъtьľa*, **skъdela*, **skǫdela* была территория древнесловенских диалектов. Ст.-слав. **скѫдель**, **скѫдѣлъ** явилось, по-видимому, паннонским (древнесловенским) элементом старославянской лексики и как таковой сохранялось долго в церковных текстах. Следует поэтому остерегаться называть его древнеболгарским словом, особенно если учесть, что народный болгарский и македонский вообще не знают этого слова. Таким образом, **skъdela* и **skǫdela*, сосредоточенные в словенском и сербохорватском, и **skъtьľa*, представленное в серболужицких, связывают эти районы в качестве лексических изоглосс значительной древности наряду с такой частичной для названных пространств изолексой, как **bľudo* (серболужицко-сербское, на словенской и хорватской территории нет), четко отмежевывая серболужицкие, словенский и сербохорватский от территорий распространения праслав. **misa*.

Вероятным паннонизмом является древнее заимствованное название кувшина для воды, ограниченное западной частью южнославянской территории — праслав. **vъrčь*: ст.-слав. **връчь** 'urceus', **връчьва** 'dolium', словен. *vrč* 'кувшин (для воды или вина)', сербохорв. *вр̏ч*, род. ед. *вр̀ча* 'глиняный кувшин', диал. чак. (XVII в.) *varč* то же [148]. Другим славянским языкам неизвестно. Как и другие местные заимствованные названия кувшина для воды, ср. русск. *кувши́н*, болг. *сто́мна*, это слово, по-видимому, вытеснило древнее исконное праслав. **čьbanъ*. Праслав. **vъrčь* было достаточно рано заимствовано в местные славянские диалекты, скорее всего, из романского источника, ср. лат. *ŭrceus* 'кувшин', откуда также гот. *aúrkeis* 'кувшин' [149].

Романского происхождения также другое название сосуда, довольно широко представленное в славянских языках, — праслав. **ban'a*, **banъka*, собственно, первоначально название бани, нагреваемого помещения для купания, мытья. Праслав. **ban'a* в качестве названия сосуда обозначает, как увидим ниже, особо пузатые сосуды. Если учесть наличие значения 'купол, сводчатый круглый потолок' у ряда продолжений праслав. **ban'a*, а также общеизвестное существование **ban'a* до сих пор как обозначения помещения для мытья, парильни, то семантическая эволюция слова **ban'a* будет представлена во всех звеньях: 'закрытое помещение для мытья и купания' > 'круглый свод, купол' > 'закрытый сосуд круглой формы'. Здесь уместно также вспомнить разбиравшуюся нами в соответствующем месте ранее связь горна и горшка и лексико-семантическую эволюцию названия горшка на примере слав. **gъrnьcь*, **gъrnъ*. Праслав. **ban'a* I 'баня', II 'банка, сосуд круглой формы' заимствовано, по-видимому, из употребительной формы мн.

---

[148] *R. Strohal.* Nešto o životu Vrbničana na otoku Krku u prvoj polovini 17. vijeka // ZbNŽ. Kń. XVI. 1911. S. 287.

[149] Ср.: *Miklosich.* S. 383; *Meyer-Lübke*³. S. 756; *Walde*². S. 859.

числа ср. рода народнолат. *banea, собственно, *banja от ед. *banjo (лат. balneum < греч. βαλανεῖον), которая легла в основу современных романских форм: ит. bagno и др. Народнолат. *banja, *banjum через *baineum (франц. bain) восходят к классическому лат. balneum. Возведение русск. ба́ня, слав. ban'a к народнолат. *bāneum[150] недостаточно в морфологическом отношении и схематично в плане исторической фонетики, так как не выделяет основные моменты развития в ходе разных диссимиляций и эпентез и возникающего отсюда смягчения согласного, столь характерного для романских форм и для праславянского заимствования.

Праслав. *ban'a представлено в ст.-слав. банꙗ, др.-русск., русск.-цслав. баню 'баня, balneum', русск. ба́ня 'помещение, где моются, парильня', ба́нка 'стеклянная или гончарная посудина столбцом, с широким горлом' (Даль I. С. 45), укр. ба́ня 'купол на церкви, вообще на строении', диал. (зап.) 'солеварня, солеварный завод', 'минеральный, целебный источник', ба́нька 'глиняный или стеклянный узкогорлый сосуд', 'почти шарообразный сосуд с узким отверстием', блр. ба́нька 'глиняная посуда для молока', польск. bania, bańka 'пузатый глиняный сосуд', диал. 'шахта, копь', 'свод, купол', baniak 'вид глиняного сосуда', чеш. báň, стар. báně 'купол, вообще шарообразный предмет', baňka 'сосуд шаровидной формы', слвц. baňa 'рудник, копь', 'свод', в.-луж., н.-луж. banja, bańka 'кувшин', словен. bânja 'ванна', bânjka 'вид сосуда', сербохорв. ба̏ња 'ванна', 'водолечебница, курорт', макед. бања 'баня, ванная; горячие источники, курорт', болг. ба́ня 'баня, ванна'.

Географическая характеристика продолжений праслав. *ban'a, а главным образом их значений подтверждает и уточняет известные сведения по этимологии слова и его семантической эволюции. Очевидная в свете упомянутых ранее данных реально-семантическая вторичность значения 'сосуд определенной формы' соответствует позднему инновационному характеру географического ареала этого последнего. Действительно, значение 'сосуд определенной формы' знают для слова *ban'a только севернославянские языки, и — как и все почти севернославянские изоглоссы — эта изоглосса относительно поздняя. Может быть, восточнославянские банка, банька в значении 'сосуд' обязаны западнославянскому влиянию, как склонны думать некоторые исследователи.

Центр этой семантической инновации ('купол, свод' > 'пузатый сосуд') лежал, видимо, в области западнославянских языков. Этим признаком охвачены в общем все западнославянские языки, что побуждает нас опять-таки усматривать здесь относительно позднюю интенсивную семантическую ин-

---

[150] Ср.: Vasmer. I. S. 51—52. Близкие толкования, с отклонениями в деталях, см.: Преображенский. I. С. 15—16; Brückner. S. 14 (критика названной этимологии); Младенов. С. 17; В. Георгиев [и др.] Болгарски етимологичен речник. Св. 1. София, 1962. С. 32; Sławski. I. S. 26; Machek. S. 24.

новацию. Акт семантического новообразования **ban'a* I 'баня, купальня, сводчатое помещение' > **ban'a* II 'пузатый сосуд' носил сугубо внутриславянский характер, без участия внешних импульсов. Во всяком случае эти значения и вообще подобная семантическая продуктивность романскому balneum как будто неизвестны. Отчасти переходный характер имеют данные словацкого языка, в котором *ban'a* почти исключительно значит 'рудник, шахта, копь'. Это последнее значение свойственно в целом карпатскому району и встречается диалектно в польском, украинском, а также проникло в соседние неславянские языки, например венг. *bánya* то же. Значение **ban'a* 'рудник, сводчатая шахта, яма' образует мост между западом и югом славянской территории, где **ban'a* выступает в значениях культурного термина, уже непосредственно примыкающих к романскому прототипу: 'баня, ванна, водолечебница, курорт, горячие источники' (словен., сербохорв., макед., болг.). Заимствование могло быть осуществлено где-то на Балканах из народной латыни, причем весьма рано, в начальную эпоху южнославянской миграции. Наблюдения над праслав. **ban'a* и его значениями в плане лингвистической географии и относительной хронологии вызывают мысль о возможности чрезвычайно широкого распространения отдельных культурных слов, заимствованных в одном конце славянской территории, а также о живости связей в то время, по крайней мере между позднейшими южными и восточными славянами. Слово **ban'a* распространилось с юга на северо-восток тоже очень рано, оно является народным на всей великорусской территории, до самого севера. Оно проникло так далеко в значении 'помещение для мытья', т. е. в своем древнейшем значении, связывающем восточную и южную группы славянских языков. Столь же глубокая древность или исконный местный восточнославянский характер появлений значений 'купол' и 'сосуд' сомнительны. Семантическая изоглосса **ban'a* 'сосуд', связывающая запад и восток славянства, значительно моложе. Она как бы наслаивается на более древнюю изоглоссную связь **ban'a* 'помещение для мытья' (восточно-южная) к тому времени, когда контактов восточных славян с южными уже давно не существует.

Вернемся к западнославянско-южнославянским отношениям в вопросе **ban'a*. Как это следует из предыдущего, южная окраина славянской территории была эпицентром заимствования слова **ban'a*. Этапы распространения **ban'a* сказывались на его семантическом наполнении. Одновременно с этим область древнейшего употребления слова **ban'a* как раз не знает некоторых его важных значений, которые выдвинулись в районе его вторичной экспансии. Так, южнославянские языки не имеют **ban'a* 'сосуд' (если не считать примера из пограничного словенского). Если пойти дальше, то можно указать, что они не знают и значений 'купол, свод', 'рудник, шахта'. Можно заключить, что на первом этапе экспансии праслав. диал. **ban'a* 'баня, поме-

щение для мытья' контактов юга с собственно западнославянской территорией по сути дела не было. Сближение западных славян с южными документируется в нашем примере значительным семантическим расширением **ban'a*, которое, видимо, начало употребляться и в значениях 'горячий источник, яма'. Этот семантический вариант **ban'a* современен второму этапу экспансии этой лексемы, которая в карпатском районе выступает в значении 'рудник, сводчатая шахта, яма', и, продвигаясь дальше на север, все более удаляется от значения южнославянского прототипа, проделывая местные, вместе с тем вполне логичные, семантические эволюции: > 'свод, купол' > 'все шарообразное' > 'пузатый, круглый сосуд'. Так можно понять то обстоятельство, что западнославянские языки, собственно говоря, не знают исходного древнего значения **ban'a* 'баня, купальня, парильня' [151], т. е. отправной точки самой эволюции, конечный результат которой представлен в зап.-слав. **ban'a* 'сосуд особой формы', тогда как южнославянские языки, имея отправную форму и значение, по сути дела непосредственно не участвовали в самой инновации. Оба описанных этапа экспансии **ban'a*, стратиграфию и относительную хронологию которых мы попытались выше суммарно представить, помогают нам проверить наличие известных в истории славянских языков изоглоссных рубежей. В конечном счете в обоих случаях направление идет с юга, где древнее существование слова **ban'a* подтверждает и топонимия, в том числе гидронимия. Ср. местные названия болг. *Баня*, *Баница*, *Банките*, *Банкя*. В центральной и северо-западной части Балканского полуострова первоначальное положение затемняется тем, что целый ряд топонимов и гидронимов с близко звучащей основой одинаково могли быть образованы и от праслав. **ban'a* 'balneum', и от *ban*, *bajan* 'бан, правитель', *banja* 'принадлежащая бану' [152], ср. сербохорв. *Бања лука*.

Основные моменты изложенного удобно представить в виде схемы (см. рис. 9).

Таким образом, по меньшей мере несколько старых славянских названий глиняной посуды заимствовано непосредственно из романского, народнолатинского источника, ср. выше о словах **skǫdela*, **vъrčь*, **kubъ*(?), **ban'a*. Посредство германских здесь или совершенно исключается ввиду очевидных свидетельств терминологии, как, например, для **ban'a/balneum*, соответствие

[151] В значениях 'ванна', 'баня, помещение для мытья' в западнославянских выступают исконные праслав. **kǫpělь*, **laznь/*lazn'a*.

[152] Ср.: *F. Bezlaj*. Slovenska vodna imena. I. Del. Ljubljana, 1956. S. 46—47. — Это название сана происходит из тюрк. *bajan*, как известно. По-видимому, того же происхождения — вернее, от древнетюркского (аварского) варианта *pajan* — и западнославянское название господина: чеш., слвц. *pán*, польск. *pan*. Прочие этимологии этого слова неубедительны. Любопытно, что серболужицкие языки не знают в общем этого слова, отходя и здесь от западнославянского стереотипа.

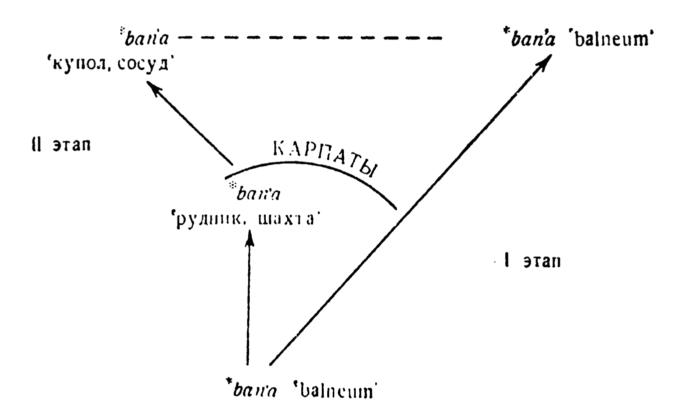

Рис. 9. Схема распространения праслав. **ban'a.*

которому в германских неизвестно, или маловероятно по другим соображениям, изложенным выше, как для **skǫdela* и **vъrčь*. Далее следуют примеры, когда посредство германского при заимствовании из народной латыни весьма правдоподобно, ср. **misa*. Наконец, идут случаи прямого заимствования древних названий глиняных и других сосудов из германских языков. Сюда относится разобранное выше **bľudo* и упоминавшееся **pany* и слово **plosky*, которым мы завершим наблюдения над ранними заимствованиями в этой терминологической области:

др.-русск. *плосковь* (вин. ед.) 'fiasca, плошка, плоский сосуд', сюда же *плошька* 'род пошлины с соляных варниц', *площька* то же, русск. *плóшка* 'низкий, широкий, развалистый сосуд, большей частью глиняный', 'чашка для вставки светильни' (Даль III. С. 130), диал. *плóска*, *плоскýша* 'плоский деревянный лагунец, баклажка для воды', 'плоская фляга, бутылка, иногда обшитая, обвитая', 'неглубокая, мелкая чашка', *плосковéнька* 'неглубокая, плоская деревянная чашка, а также плоская тарелка' (там же, с. 128), сюда же др.-русск. *площки*, мн., 'светильники, жирники', моск. грам. 1473—1478 гг. (Vasmer. II. С. 375), укр. *плоскýн* 'широкий глиняный горшок', диал. (зап.) *плóска* 'плоская бутылка', чеш. диал. (ляшск.) *pľaskačka* 'плоский глиняный сосуд', слвц. диал. (тренчинск.) *ploska* 'вид глиняной фляжки или бутылки', сербохорв. *плоска*, *пљоска*, макед. диал. *плоска*, болг. диал. *плóска* 'фляжка (для воды, вина)', ср.-болг. *плосква* 'λάγυνος'.

Приведенные слова, которые можно объединить вокруг праслав. **plosky* (род. ед. **ploskъve*) и **ploska*, объясняются как заимствования из др.-в.-нем. *flasca* или герм. **flaskō*, в конечном счете и то и другое — из **flah-skō* < и.-е.

**plek-*, т. е. 'оплетенный сосуд'[153]. Германское слово рано попало в романские языки, ср. лат. *flasca*, ит. *fiasco* 'бутылка' и др., что относится к славянским данным постольку, поскольку часть славянских форм типа **ploska* могла быть заимствована на Балканах и из романских диалектов. Иное дело — вариант **plosky*, который (если он не носит характера славянской словообразовательной инновации с помощью форманта *-y/-ъve*) может быть более удовлетворительно объяснен как заимствование из герм. **flaskō*, ср. ряд других основ на *-y/-ъve* германского происхождения. К этому следует добавить, что западнославянские языки почти не знают ни **ploska*, ни **plosky*, кроме районов, примыкающих к Карпатам (вост.-чеш., слвц.). Шире всего **ploska* и **plosky* представлены в восточной группе южнославянских языков и в восточнославянских языках, кроме изоглоссы, связывающей южнославянскую территорию, например, со словацким. Положение усложняется близостью исконного праславянского прилагательного **ploskъ(jь)*, русск. *плóский* и родственных, но едва ли эта связь имеет природу первичной этимологии, скорее всего, перед нами стойкие ассоциации в духе народной этимологии, т. е. вторичные осмысления. Большинство форм, бесспорно, заимствованы из германского или через романское посредство из того же источника. О наличии здесь заимствования говорит своеобразный ареал названий, охватывающий лишь часть славянских языков, и сохранение, наряду с новыми, также старых значений вроде 'бутылка, фляжка', близких значениям германского прототипа, ср. хотя бы нем. *Flasche* 'бутылка'.

Более поздние и новые заимствования насчитывают не так уж много принципиальных отличий от старой заимствованной лексики, рассмотренной выше. Если говорить о преимущественно местном, провинциальном характере распространения новых заимствованных названий гончарной посуды, то не нужно забывать сложности картины распространения также древнейшей исконной лексики (ср. выше такие провинциальные названия, древнейшие диалектизмы, как **glьkъ*, **dьly*, неизвестные на большей части славянской территории) и четко провинциального характера некоторых праславянских заимствований, привлекавших наше внимание раньше. Как увидим, поздние заимствования тоже могут расходиться довольно широко, образуя при этом ареалы, иногда не менее важные и знаменательные, чем ареалы ранних заимствований. Разумеется, наряду с этим преобладают среди новых иноязычных названий местные слова. Более определенно новую заимствованную лексику отличает от старых заимствований, а подчас и вообще от древней лексики ясность происхождения и этимологических связей, хотя так бывает не всегда. Наконец, как правило, говорит сам за себя формально-фонетический облик нового заимствованного слова, особенно если речь идет о хронологии заимствования. При этом исследователь может плодотворно оперировать всякого

[153] *Vasmer*. II. S. 374, 375; о германском слове см.: *R. Meringer*. Op. cit. S. 12.

рода ограничениями и отводить те или иные представления о времени проникновения названия на том основании, что слово, заимствованное из того же источника, но раньше какого-либо показательного в данной связи момента в истории заимствующего языка, должно было бы иметь другую форму. Естественно, далее, что статус всех новых заимствований далеко не равноценен и что наряду с важными, употребительными элементами терминологии глиняной посуды мы встречаем здесь немало слабо известных, местных слов, случайных заимствований, трудно поддающихся исчерпывающему учету.

Сосредоточивая свое внимание на наиболее узловых вопросах, мы должны будем в первую очередь заинтересоваться теми из поздних заимствований, которые охватывают ряд языков и образуют важные ареалы. Речь идет об ареале, установленном нами выше по данным исконной статуальной терминологии, т. е. прежде всего о вторичной ареальной лексической общности, объединяющей словацкую, чешскую, словенскую, иногда — сербохорватскую и польскую языковые территории. Тогда же высказывалось предварительное мнение, что к этой относительно новой ареальной общности, прослеженной на статуальных примерах чеш. *solnička*, слвц. *soľnička* — сербохорв. диал. (чак., о-в Сусак) *solnÿca* 'солонка', чеш. *poklička* — сербохорв. диал. *pokļuka* (подробнее см. выше), далее — слвц. *kamenáček* 'высокий глиняный сосуд' [154] — словен. диал. (прекмурск.) *kàmenec* 'высокий глиняный кувшин с узким горлом' [155], примыкают распространенные в пределах примерно той же новой изоглоссной области несколько относительно недавно заимствованных названий гончарной посуды.

Сюда относятся слвц. диал. (Модра) *vandla* 'большая миска для замешивания теста' [156] — хорв. диал. (каик.) *vandlina*, на этот раз в качестве названия деревянной, бондарной посуды [157], вост.-серб., диал. *вангла* 'небольшая глиняная посуда' [158]. Это интересное областное слово, объединяющее ряд словацких, сербских и хорватских диалектов и обнаруживающее немалое разнообразие значений и фонетических особенностей, заимствовано из немецких диалектов Австрии и Баварии, ср. нем. *Wandel* 'небольшой противень в форме ванны (в Австрии)', диал. *Wännel*, *Wannel*, *Wandel*, *Wändl*, *Wendl* — уменьшительные формы от *Wanne*, диал. швабск. *wándlá* 'низкая соломенная корзинка для опары', силезск. *Wandel* 'деревянный сосуд оваль-

[154] *H. Landsfeld.* Op. cit. S. 138.

[155] *V. Novak.* Lončarstvo v Prekmurju. S. 121.

[156] *H. Landsfeld.* Op. cit. S. 24.

[157] *M. Lang.* Samobor. Narodni život i obicaji // ZbNŽ. Kń. XVII. S. 88.

[158] *П. Ж. Петровић.* О народноj керамици у неточноj Србиjи // Прилози проучавању наше народне керамике [Етнографски музеj у Београду. Посебна издања. Св. 6]. Београд, 1936. С. 28.

ной формы', бав. *Wandel* 'кухонная посуда', *Wandl* 'форма для выпечки в виде ванны' [159].

Как видим, этимология этого типичного верхненемецкого слова совершенно прозрачна: *wannl* представляет собой уменьшительное производное с суффиксом *-l-* от *Wanne*. Развитие *-d-* в группе *-nnl-* было осуществлено достаточно рано еще на немецкой почве, ср. приводимые в словарях датированные формы *wendl* (1586 г.), *wandel* (1679 г.), а также другие известные примеры такого рода, и прежде всего нем. *Spindel* 'веретено' < *spinnel* (впрочем, примеры такого перехода из нашей же терминологии будут приведены ниже). Немецкие слова имеют отношение к посуде, но среди них нет ни одного с керамическим значением. Приведенные нами славянские диалектные названия отражают немецкую диалектную форму *wandl*, но у славянских слов, заимствованных отсюда, преобладает уже значение 'глиняная посуда', по крайней мере его знают диалекты Западной Словакии и Восточной Сербии. Направление распространения этого вторичного гончарного названия немецкого происхождения уже по славянским диалектам не вполне ясно. Нам кажется, что это во всяком случае не «югославизм» в словацком, т. е. слвц. диал. *vandla* не заимствовано из сербских диалектов подобно ряду известных особенностей некоторых словацких диалектов. При этом мы основываемся не только на вероятном ходе распространения других близких по происхождению названий керамической посуды (см. далее), но и на такой специфической фонетической особенности восточно-сербского слова, неизвестной словацкому названию, как переход *dl* > *gl* «балтийского» типа, иногда встречаемый в сербохорватских диалектах, ср. *гљето* < *дљето* [160].

В том же плане интересно упомянуть чеш. *rendlík* 'кастрюлька, горшочек, тигель (на трех ножках)', слвц. диал. *randlica*, хорв. диал. (каик.) *râjnglek* 'глиняная или железная посуда на трех ножках' [161]. Эти слова также заимствованы из немецкого, ср. древневерхненемецкие и современные диалектные верхненемецкие формы *reindel*, *rindel*, *reinel* 'трехногий глиняный горшок или железный тигель', 'низкая миска для молока' [162]. Как видим, и здесь *-d-* развилось очень рано еще на немецкой почве, что явствует из наличия старых вариантов *reindel*, *rindel* наряду с *reinel*. И это название представляет собой типичное верхненемецкое уменьшительное производное с суффиксальным

---

[159] *J. Grimm, W. Grimm.* Deutsches Wörterbuch. Bd. XIII. Leipzig, 1922. Стб. 1557; *J. A. Schmeller.* Bayerisches Wörterbuch^2. Bd. II. München, 1877. S. 921.

[160] Ср., впрочем, приводимую Махеком (*Machek.* S. 555) словацкую диалектную форму *vangľa*, наряду с *vandľa*, и ю.-чеш., вост.-чеш., мор. *vandla*. Махек считает, что *-d-* развилось на славянской почве, что едва ли обязательно, ср. выше обзор немецких форм.

[161] *M. Lang.* Samobor. Narodni život i običaji. Kń. XVI. S. 89, 99—100.

[162] *J. Grimm, W. Grimm.* Op. cit. Bd. VIII. Leipzig, 1893. Стб. 699.

-(*e*)*l* от названия посуды др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *rain* 'глиняная сковорода на трех ножках', др.-в.-нем. *rīna* 'olla', нем. *Rein* ж. 'таз, тигель'. Перечисленные выше славянские названия нет надобности рассматривать как результат единовременного заимствования из немецкого. Вполне возможно, что здесь имели место определенные различия и в месте, и во времени. Например, упомянутое хорв. диал. *räjnglek* (кстати, тоже с интересной особенностью *dl* > *gl*, ср. вост.-серб. *вангла* и др.) могло быть довольно поздно заимствовано из известного верхненемецкого диал. *reind*(*e*)*l*, собственно, *raindl*. Самостоятельное прямое заимствование из в.-нем. *Reindl* предполагает для слвц. *randlica* Махек [163]. Наиболее старыми в этом ряду представляются чешские формы, включая ст.-чеш. *renlík* (без *d*!), у Кларета, приводимое Махеком (там же). Самая удивительная черта этих чешских, словацких и хорватских слов, которые, казалось бы, вполне могут сойти за самостоятельные, разрозненные заимствования, — это их ареал, совпадающий у них с рядом других разбираемых нами названий, вместе с которыми и эти слова не переступают его рубежей. Любопытно, конечно, и почти полное словообразовательное совпадение зап.-слав. *rendlík* и хорв. *rajnglek*. Некоторым образом подключается к этому ареалу польск. *rynik* 'глиняная миска на трех ножках', известное, например, в польском Цешине (Тешине), т. е. на территории, пограничной с чешской языковой областью [164]. Здесь уменьшительный характер немецкого производного как бы калькирован с помощью польского суффикса *-ik* (от исходной основы др.-в.-нем. *rina* произошло польск. *rynka*, *ryneczka*). Все эти польские, чешские, словацкие, хорватские слова последовательно отражают значение немецкого прототипа, обозначая горшочек на трех ножках.

Слвц. простореч. *vajdling* 'лохань' (Isačenko. II. S. 550) > диал. (зап.-слвц.) *vajling* — «velké mísy zvané *vajlingy*» [165] — стоит в несомненной связи со словен. диал. (прекмурск.) *vájdling*, *bájdl* 'глубокая глиняная посудина с ручками по обе стороны — салатница или лохань для мытья посуды' [166]. Это словенско-словацкое название для большой миски, лохани, в общем двухручной посуды, заимствовано аналогично предыдущим случаям из немецкого, причем источником могла послужить верхненемецкая (баварская, австрийская) диалектная форма типа **baidl*, **baidling*, которую, правда, не удалось обнаружить в фундаментальном «Баварском словаре» Шмеллера. Немецкое слово — в своем кратком словообразовательном варианте — представляет собой опять-таки производное на *-l* (ср. *Wandl*, *Reindl*) от местоименного числительного *beid*(*e*) 'оба', что как нельзя лучше подходит в качестве обозначения двухручной посуды. Своеобразные колебания начального

---

[163] *Machek.* S. 418.

[164] Ср.: *L. Dubiel.* Op. cit. S. 196, 206 (с изображениями).

[165] *H. Landsfeld.* Op. cit. S. 195.

[166] *V. Novak.* Lončarstvo v Prekmurju. S. 121.

согласного — слвц. *v-*, словен. *v-/b-* — хорошо объясняются в свою очередь на немецкой почве, делая еще более вероятным баварско-немецкое происхождение слов ввиду характерности переходов *b* > *w*, *w* > *b* именно для баварских диалектов немецкого языка. Несколько отклоняясь от ареалов подобных названий, очерченных выше (чешский и сербохорватский не участвуют, охвачен словенский), настоящий словацко-словенский ареал в принципе очень близок к предыдущим, повторяя и северно-южное основное направление изоглосс, обнимающих часть западнославянских (чешско-словацкую группу) и западную группу южнославянских языков, и самый дух языкового факта — названий из лексики гончарной посуды, заимствованных из немецкого и однородных в словообразовательном отношении.

Иная по происхождению, хотя и имеющая в принципе то же меридиональное направление и охватывающая частично тот же западнославянско-южнославянский ареал, изоглосса представлена хорватским диалектным (чакавским) названием *padela* 'глиняная посуда с ручкой или двумя'[167] и известным польским *patelnia* 'сковорода', хотя наличие изоглоссы в собственном смысле здесь сомнительно, во всяком случае по сравнению с другими примерами выше. Оба названных слова объединяет романское происхождение, причем в конечном счете и тут и там источником послужило народнолат. *patella* 'сковорода'. Разумеется, облик хорватского слова очень ясно говорит о прямом заимствовании из ит. *padella* 'горшок', к которому оно примыкает и семантически. Польское слово могло быть самостоятельно заимствовано из средневековой книжной латыни. Народнолат. *patella* представляет собой деминутив от *patina* с тем же примерно значением. Интересно, что из словообразовательных романских пар на *-inus*(*-ina*) : *-ellus*(*-ella*), примеры которых известны и из лексики посуды, кухонной утвари (*patina* : *patella*, *catinus* : *catillus*), и прочей лексики (*asinus* : *asellus* 'осел'), особенной силой экспансии отличились именно деминутивные по природе формы на *-ellus*/*-ella*, эти, по-видимому, преимущественно народнолатинские новообразования. Об этом можно судить, кроме только что названного примера, главным образом по размерам экспансии таких слов, охвативших большую часть германских и (через их дгосредство) все славянские, как *catillus* 'котел' и *asellus* 'осел'.

Уже принципиально иной, более широкий — балканский — ареал характеризует распространение следующего слова. Собственно гончарские значения, правда, и тут ограничены ареалом, приближающимся к только что рассмотренному: словен. диал. (прекмурск.) *čutara* 'вид глиняной посуды', слвц. диал. *čutora* 'вид глиняной бутылки'. Однако эти вторично гончарские названия — лишь варианты слова с первоначальным иным значением, ср. сербохорв. *чỳтура* 'фляга (для вина, воды), баклажка', диал. (каик.) *čùtora* 'деревянная фляга для вина', макед. *чутура* 'баклажка, фляга', болг. *чýтура*

[167] *I. Žic*. Op. cit. S. 240.

'баклага'. Все эти последние формы с более или менее единообразным значением 'деревянная фляжка' известны из языков балканских славян. Они заимствованы из рум. *ciúturӑ* с тем же значением [168]. При этом слвц. *čutora* (см. выше), одиноко стоящее в западнославянской лексике, заимствовано из южнославянских языков или представляет собой один из карпатских лексических элементов, происходящий непосредственно из румынской речи валашских пастухов. Само румынское слово, столь ярко отразившее фонетические тенденции румынского языка, восходит через народнолат. **ciŭtŭla* (ср. ит. *ciotola* 'глиняная чашка') опять-таки, как известно, к названиям керамической посуды — греч. *κοτύλη*, *κότυλος*. Этимологическая связь и семантическая преемственность этих греческих, романских и славянских названий с их сначала керамическими, затем «деревянными» и снова керамическими значениями очень поучительна и нужна нам как наглядный пример, во-первых, нередкой сложности эволюции керамических значений и, во-вторых, возможных влияний на эту эволюцию местных культурных условий. Совершенно очевидно, что романское **ciŭtŭla*, лежащее в основе рум. *ciúturӑ*, обозначало глиняную посуду (ср. значение итальянского слова выше), и если румынское слово (а за ним и славянские) значит уже только 'деревянная фляжка', то это есть проявление специфики бродячего образа жизни румынских пастухов-валахов: как известно, бродячая, кочевая жизнь невольно ограничивает пользование бьющейся глиняной посудой, вытесняемой более удобными деревянными фляжками, бурдюками из кожи животных и т. п.

Следующие затем заимствования в области терминологии глиняной посуды сохраняют почти исключительно местное значение. Слвц. диал. (тренчинск.) *misa fizlová* отражает, вероятно, заимствование верхненемецкого диал. *Füss*(*e*)*l* 'ножка'. Сербохорв. *nèxāp*, *nȅxāp* 'кубок, бокал' происходит из др.-в.-нем. *pehhari* (соврем. нем. *Becher*) 'кубок', откуда и близкие формы в других славянских языках — польск. *puhar* то же и другие, собственно, уже выходящие за границы керамической лексики. Словен. диал. *têgl*, *teîglin* 'цветочный горшок' заимствовано из немецких форм, близких нововерхненемецкому литературному *Tiegel*, *Tieglein* 'тигель, горшочек'. Словен. диал. *pütra*, *putriha* 'вид глиняного кувшина' заимствовано также из немецкого, ср. диалектные бав. *püterich* 'мех, бурдюк', швейц.-нем. *bütteri* 'посуда для питья' и др. [169].

Словен. диал. (прекмурск.) *láboška* 'вид глиняной миски, иногда на ножках' заимствовано из венг. *lábas* (прилагательное) 'имеющий ноги'. Словен. *šàlica*, *šalčka* 'глиняная миска, чашка', слвц. диал. *šálka*, *šialka* 'вид глиняной чашки', сербохорв. диал. *šalica* — все эти названия произошли из нем. *Schale* 'чаша'. Словен. диал. *kibla* 'горшок для масла (с крышкой)' — из верхнене-

[168] *Berneker*. I. S. 164.

[169] См. об этих словах: *J. Hubschmid*. Op. cit. S. 58.

мецкой диалектной формы литературного *Kübel* 'миска (для молока)'. Словен. диал. *firkel* 'кувшин с ручкой, для вина, с носиком, высоким горлом и широким, как у горшка, дном' заимствовано, по-видимому, из варианта нем. *Ferkel* 'поросенок'; сосуды иногда обозначались названиями животных, причем им нередко придавались черты сходства с животными, ср. аналогичное укр. *поросятник* в качестве названия глиняного сосуда.

Словен. диал. *model* 'глиняная миска-сковорода для выпечки крупного хлеба', возможно, примыкает к сербохорв. диал. *žmûl* м. 'čaša'[170], *žmujić*[171], которые были уже ранее объяснены как местные метатезы более старого **mžul* (*-j-* в *žmujić*, на Крке, отражает к тому же чакавский переход *-lj-* > *j*), которое заимствовано прямо из местных романских диалектов, ср. особенно вельотское (= романский диалект о-ва Крк) *medyul*, вариант народнолат. *mŏdiŏlus*, название чаши, кубка[172]. Сюда же Скок относил сербохорв. *munčjela*, *čmula*. Сербохорв. диал. *pođ̈ć* (о-в Сусак) 'горшок' представляет собой уменьшительное производное с суффиксом *-ić* от заимствованного *pȍt* (романское). Сербохорв. диал. (чак.) *lapiž* 'железная или глиняная посуда для варки' (о-в Крк) происходит, несомненно, от далматинско-романского *lapideus* 'каменный'. Романского же происхождения такое диалектное сербохорватское (чакавское) слово, как *pjat* (о-в Крк) 'тарелка', ср. ит. *piatto* 'блюдо, тарелка'.

Ряд балканско-славянских локальных названий глиняной посуды заимствован из турецкого, ср. сербохорв. *бȁрдāк* 'кружка, корчага; сосуд, бутыль'; сербохорв. *ћаса* 'вид глубокой глиняной или металлической миски' (Вук, Ивекович—Броз), макед. *ќасе* 'глиняная миска'; сербохорв. *чѝни́ја* 'миска', макед. *чинија* 'тарелка; миска', болг. *чини́я* 'тарелка' заимствовано из тур. *čini* 'фарфор', собственно, 'китайский'[173]; болг. *ибри́к* 'глиняный кувшин для умывания', сербохорв. *ѝбрӣк* 'оловянный или медный кувшин', макед. *ибрик* 'кувшин' — через турецкий из персидского[174], ср. также польск. *imbryk* 'кофейник', независимо от южных славян полученное из того же турецкого источника[175]; сербохорв. *тѐпсија* 'круглый противень', макед. *тепсија* то же, болг. *тепси́я* 'широкий медный противень', сюда же словен. диал. (прекмурск.) *tèpsija* 'широкая низкая глиняная посуда', заимствованы из турецкого[176]; сербохорв. *ђу̏веч* 'посуда овальной формы', макед. *ѓувеч* 'жаровня', болг. *гюве́ч* 'круглая глиняная посуда, блюдо' — также турецкого

[170] *J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina.* Op. cit. S. 185.
[171] *I. Žic.* Op. cit. S. 236.
[172] *Meyer—Lübke³*. S. 461. № 5628.
[173] *Младенов.* С. 685; *Vasmer.* III. S. 340 (др.-русск. *чини* 'фарфор').
[174] *Младенов.* С. 196.
[175] *Sławski.* I. S. 452; несколько иначе см.: *Brückner.* S. 190.
[176] *Младенов.* С. 632.

происхождения [177]. Болг. *стóмна* 'глиняный кувшин для воды' заимствовано из греч. *στάμνος* [178].

Заимствованием широкого распространения является польск. *talerz* 'тарелка', чеш. *talíř*, в.-луж. *taler*, н.-луж. *talaŕ*, русск. *тарéлка* (последнее — с метатезой *л* и *р*) — из ср.-в.-нем. *talier* (соврем. нем. *Teller* 'тарелка'), которое в свою очередь из ит. *tagliere* 'доска для разрезания мяса'. Отличные от них формы слвц. *tanier*, сербохорв. *тањир* получены через посредство венг. *tányér*, в конечном счете — того же происхождения, что и прочие славянские варианты.

В восточнославянской терминологии поздние заимствования обнаруживают сходное западно-восточное расслоение (кроме таких очевидно заимствованных названий неясного происхождения, как русск. диал. *балáкирь*). Вот несколько примеров. Укр. диал. *боденька* (*боденька череп'яна*) 'глубокая глиняная глазурованная мисочка с ушками, для сала, масла' [179], наряду с более распространенным употреблением укр. *бóдня* 'кадка с крышкой' (Гринч. I. С. 81), польск. диал. *bednia* то же, чеш. *bedna* 'ящик, коробка', словен. *bedenj*, сербохорв. *бадањ*, — все со значениями 'чан, кадка, бондарный деревянный сосуд', восходит (условно можно здесь, правда, допускать еще праслав. **bъdьnь*, **bъdьna*) к др.-в.-нем. *budin* романского происхождения [180]. Русск. *крýжка*, особенно укр. *крýжка* 'глиняная кружка', ср. еще др.-русск. *крѹжька*, *крѹшька* 'металлическая кружка' (XV в., Срезн. I. Стб. 1334), польск. *kruż*, происходят из нем. *Krug* 'кувшин' или средневерхненемецких форм типа *krûse* [181]. Укр. *кýхоль* 'глиняная, деревянная или металлическая кружка', *кýхлик*, *кухля́* (*-ля́ти*), сюда же русск. диал. (ю.-в.-р.) *кухлик* 'горшок с высоким горлом и ручкой', *кухля* 'глиняный сосуд в виде бочонка' заимствовано, возможно, через посредство польск. *kufel* — из нем. *Kufel*, *Küfel* от *Kufe* 'кадка' [182]. С другой стороны, имеются слова восточного происхождения, ср., например, русск. *кумгáн* 'глиняный кувшин' [183], сюда же укр. *кумáн*, *куманéць* (с выпадением фрикативного *-г-* после согласного), — из тюрк. *kumγan*, известного ряду соседних тюркских

---

[177] Там же. С. 117.

[178] Там же. С. 610. См. также: *St. Mladenov.* Etymologisches aus einer Kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache. S. 105.

[179] *Л. Шульгина.* Гончарство в с. Бубнівці на Подідлі // Матеріяли до етнології [Всеукраїнська академія наук. Музей антропології та етнографії ім. Хв. Вовка]. II. Київ, 1929. С. 149.

[180] *Brückner.* S. 19—20; *Sławski.* I. S. 29; *J. Hubschmid.* Op. cit. S. 64; *Machek.* S. 28.

[181] *Vasmer.* I. S. 670; *Brückner.* S. 273.

[182] *Brückner.* S. 280.

[183] См.: *А. Б. Салтыков.* Русская керамика. Пособие по определению памятников материальной культуры XVIII — начала XX в. М., 1952 (там же даны изображения кумгана); *О. С. Попова.* Русская народная керамика. М., 1957.

языков[184]. Восточное заимствование также целесообразно видеть в русск. *кувшин*, диал. (южн., зап.) *кукшин* «глиняный, стеклянный или металлический; сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом, с ручкой и носком» (Даль². II. С. 210), др.-русск. *кȣвшинъ* (XVII в.), блр. *кушын*, *каўшын*, *кукшын* 'глиняная посуда для молока'. Связь с *ковш* вероятна, но не в том смысле, в котором ее обычно принимают, объясняя *ковш* как заимствование из лит. *káušas* 'ковш, черпак', а *кувшин* соответственно — из незасвидетельствованной производной формы лит. **kaušinas*[185]. Более правильной нам представляется тоже уже давно высказывавшаяся мысль о заимствовании литовского слова в относительно позднее время из вост.-слав. *ковш*, блр. *коўш*. Нужно рассматривать русск. *ковш* и лит. *káušas* в ряду довольно обширного круга близких культурных слов Восточной Европы и Азии, ср. осет. *k'ūs/k'os* 'миска, чашка', др.-инд. *kośa-* 'кадка, чан', алт. *köš*, якут. *küös* 'горшок, чашка', чан. *k'uzi*, груз. *k'ovzi* 'ложка', перс. *kūza* 'кружка, горшок', арм. *kuž* 'горшок'[186]. Очевидная восточная ориентация этого ареала говорит о заимствовании лит. *káušas* из восточнославянских, а не наоборот. Наличие фин. *kauha* 'ковш' отнюдь не служит бесспорным свидетельством о заимствовании его из др.-балт. **kaušas*. Во-первых, тогда было бы естественнее ожидать фин. **kauhas*, ср. отношение конца слов лит. *avinas* — фин. *oinas*. Во-вторых, гораздо более вероятным в свете изложенных выше данных представляется, например, заимствование фин. *kauha* (прафин. **kauša*) из др.-ир. **kauša-*, входящего в названный выше ареал близких названий сосудов. Финско-иранские контакты носили, как известно, древний характер. Отношение русск. *ковш* и *кувшин* не имеет природы местной словообразовательной связи, но и та и другая форма, по-видимому, параллельно восходят к соответствующим восточным иноязычным прототипам. Ср. осет. *kusinæ*, сопоставлявшееся с русск. *кувшин* (Абаев, там же).

На этом заканчивается наше исследование терминологии гончарной посуды в славянских языках, в ходе которого было привлечено свыше ста разных славянских названий керамических сосудов, не считая вариантов. Внешнее сравнение количества славянской терминологии посуды с количеством терминов гончарного производства и гончарного горна приводит к бесспорному выводу о многократном численном превосходстве названий гончарной посуды. Можно было бы счесть этот вывод вполне естественным и понятным, так как известному разнообразию терминологии здесь соответствует известное разнообразие реалий — видов сосудов, тогда как простота и бедность терминологии производства посуды и горнового обжига, напротив, всего лишь отражает внешнюю простоту и несложность производственного

[184] *Vasmer*. I. S. 692.
[185] *Vasmer*. I. S. 679.
[186] *В. И. Абаев*. Указ. соч. Т. I. С. 642.

процесса и примитивность инструментария. Однако уже обычная доступная реконструкция праславянского состояния соответственно каждой из названных групп терминологии гончарного ремесла показывает, что мы имеем здесь дело отнюдь не с таким фактом, который не представлял бы дальнейшего интереса для исследователя. Во-первых, количественное преимущество и на праславянском уровне сохраняется за терминологией посуды. Здесь на помощь приходит стратиграфия состава терминологической лексики, а именно расслоение последней на исконно терминологическую (генуинную) и временно терминологическую (статуальную), что позволяет заострить отдельные существенные наблюдения. В связи с этим оказывается, что древнейшая собственно гончарская производственная лексика представлена словами **lěpiti*, **viti*/**vajati* и, возможно, **zъdati*; древнейшая специальная лексика горна — **gъrnъ*, **gъrnidlo*; древнейшая генуинная лексика глиняной посуды — **čerpъ*, **čеrnъ*, **dьly*, **glьkъ*, **krina*, **laty*, **obkrǫtь*, **ǫdorbь*. И, наконец, во-вторых, ценнейшие и наиболее определенные свидетельства приносит этимологический анализ всей совокупно представленной здесь терминологии. Этимология вскрывает лексические и семантические отношения терминологии гончарной посуды, которые могут характеризоваться как древнейшие: связь с горном и обжигом почти не отмечена (ср. выше специально о **gъrnъ* и **gъrnьcь*), что сохраняет память о стадиях, предшествующих введению этих процессов, указание на связь с глиной представлено уже несколькими древними названиями, но еще более последовательно указание на связь с «догончарской» лексикой и семантикой, и прежде всего с лексикой плетения. Далее, оказывается возможным установить совершенно очевидную связь между этой лексикой плетения и предшествующей ей еще более древней лексико-семантической стадией — терминами 'рвать, рубить, разделять'. Эти исключительные возможности восстановления подобной сложной преемственной связи и многоступенчатой эволюции представляет в рамках терминологии гончарного ремесла именно номенклатура гончарной посуды. Этимологизация других, малочисленных отделов гончарской терминологии гораздо менее перспективна. Иными словами, центр тяжести эвристических возможностей изучения происхождения гончарской терминологии приходится на названия посуды. Это важная специфическая черта терминологии гончарства, поскольку не для всех древнейших ремесленных производств характерна первостепенная важность названий продуктов производства. Обычно дело обстоит как раз наоборот. Во всяком случае если мы возьмем лексику текстильного производства, обработки дерева или лексику кузнечного дела, то всякий раз наиболее древнюю и важную часть образует терминология орудий. Конечно, и тут и там вопрос теряет узколингвистическую специфику, и его надлежит трактовать шире — как факт истории культуры, поскольку причина всякий раз в немалой степени коренится в меньшей или большей

сложности реалий. Действительно, достаточно при этом сослаться на сложность ткацкого станка и процесса ткачества, сложность производственного процесса и аксессуаров кузнечного дела, чтобы увидеть мотивировку соответствующих принципиальных отличий терминологии этих ремесел от терминологии гончарства, так сказать, со стороны реалий. Однако мы отдаем себе отчет в том, что дело здесь не исчерпывается одним лишь соответствием терминологии плану реалий, вернее, это соответствие носит неизбежно сложный характер, что становится понятным, если иметь в виду, что перед нами в этом, как и в других разбираемых нами здесь случаях, — своего рода естественно сложившаяся, а не искусственная терминология (типа современной стандартной научной, технической). Соответствие реалиям имеет в нашей терминологии в силу сказанного сложный характер. Это выражается прежде всего в том, что нескольким разным реалиям при этом может соответствовать один «термин» (практически это равносильно положению, когда одна реалия имеет название, тогда как другие несколько реалий постоянного специального названия не имеют), и наоборот, — и в этом выражается исторически сложный характер нашей естественной терминологии — одной реальной связи, одному узлу реальных отношений, как оказывается, соответствует явно избыточное количество отражений в терминологии (ср. хотя бы несколько выражений одной и той же связи гончарства с плетением, примеры чего см. выше). Все это вместе взятое создает некоторое представление об автономности значения свидетельств терминологии, лексики, а подчас даже о приоритете этих свидетельств для получения, например, новой информации по палеонтологии, по эволюции культуры. Следовательно, отвечая на вопрос о сравнительных перспективах изучения различных разделов гончарской терминологии, мы укажем на плодотворность изучения именно названий изделий для суждений о ходе эволюции гончарного дела в целом у славян как звена в единой эволюции керамического производства вообще. Именно в этом, как мы постарались показать, нашло выражение своеобразие гончарской терминологии.

Чем дальше мы отходим в своем анализе от реалий, тем очевиднее для нас автономное значение свидетельств изучаемой терминологии. В предыдущем изложении был обобщен некоторый материал, позволяющий оценить изучаемую терминологию при решении ареальных и изоглоссных проблем общеязыкового характера. Стараясь сделать показания терминологической лексики более однозначными и строгими с помощью генуинно-статуальной стратиграфии и вытекающей из нее относительной хронологии, мы получили, например, для древнего состава гончарской лексики внушительное количество италийско-славянских изоглосс при полном отсутствии специальных балто-славянских изоглосс. Переходя к более новому слою гончарской лексики, мы наблюдаем известное нарастание балто-славянских изоглосс. Этот опыт реконструкции группы лексики с одновременным проведением ее стра-

тиграфии и хронологизации вносит элемент динамики в изучение изоглосс, в частности лексических, сильно страдающее и проигрывающее обычно именно от неизбежной статичности в оценке изоглоссных явлений.

После сказанного удобно дать — как один из основных итогов исследования — более или менее полное перечисление вероятного праславянского состава терминологии гончарной посуды (о терминах гончарного производства в собственном смысле слова, включая лексику горна, и об их праславянской реконструкции уже говорилось). После того как выше были изложены комментарии, наблюдения по этимологии и реконструкции, критика существующих точек зрения, разного рода поправки, а также было проведено раздельное обследование древнейших и более поздних пластов исконной лексики и разных иноязычных элементов, мы полагаем, что в заключение будет достаточно ограничиться перечнем названий в реконструируемой форме по алфавиту, не выделяя особо диалектизмы и заимствования (в случае необходимости можно возвращаться за консультацией к соответствующим местам предыдущего изложения).

Итак, праславянский состав терминологии гончарной посуды: *ban'a, *bľudo, *čaša, *černъ, *čerpъ, *čьbanъ, *čьbьrъ, *čьrpadlo, *dьly, *dojьnikъ/*-nica, *gъrdlačь, *glьkъ, *gъrnьcь, *kolačь, *krina, *kubъ, *kъrčagъ/-a, *laty, *lonъ, *makotьra, *makotьrtь, *misa, *mьlztъvъ, *nosat(ъk)a, *obkrǫtъ, *ǫdorbь, *perьnica, *ploska/*plosky, *pokľuka, *potyčьnica, *pany, *rǫkat(ъk)a, *skǫdela/*skъtьľa, *sъlojь, *solnica/*solьnica, *sǫdъ, *stavьcь, *tьrdlo, *tьrnica, *umyvadlьnikъ, *varьnikъ, *vъrčь.

Наш анализ, возможно, окажется неполным, если мы ограничимся предыдущим исследованием предмета почти исключительно изнутри. Действительно, если забыть об аналогиях из сферы реалий, то мы почти ни разу не меняли этого (внутреннего) аспекта исследования, поскольку и там, где нам удавалось, казалось бы, выйти далеко за пределы изучаемой терминологии, мы все равно продолжали двигаться внутри круга родственных форм. Правда, мы не собираемся уравновесить этот генетический аспект столь же обстоятельным изложением возможностей иного аспекта. Речь идет о весьма скромной попытке поставить вопрос о сопоставительно-типологическом изучении семантически близких групп лексики двух языков, связанных весьма отдаленным родством, которое при этом столь незначительно выражено в материале сравниваемых групп, что его можно не принимать в расчет. Мы предлагаем сопоставление праславянской терминологии гончарной посуды с англосаксонской терминологией гончарной посуды. Почему именно англосаксонской? Потому что доля прямого генетического родства соответствующей праславянской и англосаксонской лексики исчезающе мала и вместе с тем англосаксонская номенклатура глиняной посуды, кстати сказать, более или менее близкая праславянской по времени употребления, кроме того, не

менее богата, чем праславянская, что подкрепляется и рядом сходств других внешних условий — близость праславянского и англосаксонского культурного уровня в этой области (англосаксы первоначально тоже не знали круга и практически не знали даже особого горна), обилие свидетельств о важности глиняной посуды как для праславян, так и для англосаксов[187]. К этому следует добавить удобное для типологического сравнения отсутствие сколько-нибудь правдоподобных непосредственных территориальных контактов между праславянами и англосаксами. Нам кажется целесообразным говорить о диахронической типологии, поскольку, занимаясь нашим материалом, а в особенности — стремясь ответить на интересующие нас вопросы, очень трудно и едва ли обязательно удерживаться в одной определенной хронологической плоскости.

Англосаксонская терминология гончарной посуды выгодно отличается от праславянской в том отношении, что о праславянских названиях мы можем лишь говорить на уровне реконструкции, а почти современные им англосаксонские названия засвидетельствованы как совершенно реальные формы с точными значениями.

Англосаксонские названия гончарной посуды: *bledu* 'чаша, миска', *bolla* 'круглый сосуд, горшок, кубок', *canne* 'кувшин, кубок', *crocc* 'глиняный сосуд для варки, кувшин для воды', *crōg* 'горшок, кувшин, бутылка', *crūce* 'горшок, кувшин, черпак, ковш', *cumb* 'мера жидкости', *cȳf* 'бочка', *cȳfel* 'чан', *fæt* 'сосуд, бочка', *ful* 'кубок, бокал', *greofa* 'горшок', *gripu* 'котел, горшок', *hnæp* 'миска, чаша, кубок', *hwer* 'горшок, котел для варки', *mundleow* 'таз для умывания рук', *ofnet* 'маленькая закрытая посуда для варки', *orc* 'кувшин', *pott* 'горшок, кувшин', *scĕalu* 'чаша, миска', *scenc* 'кубок, кувшин', *scutel* 'миска', *sester* 'сосуд, кувшин, мера', *stǣna* 'каменный кувшин', *steap* 'сосуд для питья, кубок', *stoppa* 'сосуд, ведро', *þolle* 'горшок, сковорода', *wǣge* 'чаша, кубок, кувшин', *wĕar* 'кубок, чаша'.

Количественно, как отмечалось, праславянская и англосаксонская терминология гончарной посуды более или менее близки между собой: праславянских названий — около 40, англосаксонских — около 30 (число праславянских названий могло бы еще больше приблизиться к англосаксонским, если бы мы говорили, например, более ограниченно — о праславянском состоянии великорусской терминологии глиняной посуды, что дало бы тоже менее 30 названий).

Внешнетипологические различия приведенных праславянских и англосаксонских групп названий в целом неярки, они вполне укладываются в

[187] Англосаксонский материал в удобной форме представлен в одной старой диссертации, от полноты содержания и этимологического анализа которой мы, естественно, целиком зависим: *Th. Kross.* Die Namen der Gefässe bei den Angel-Sachsen. Inaugural-Dissertation. Erlangen, 1911.

обычные представления о соотношении соответствующих черт германского и славянского, далеко не исчерпывая сущности, типа этих отношений. Так, именное сложение с германской стороны здесь почти не представлено (единственный пример — англос. *mund-leow* = «руко-мойник»). Правда, пышное развитие славянского аффиксального способа словообразования очевидно даже на этом небольшом материале (примеры имеются в изобилии), тогда как англосаксонские названия посуды, как и следовало ожидать, насчитывают лишь немногие случаи аффиксального словопроизводства: *cȳfel*, *ofnet*, *stǣna* (**stainja-*). Заимствованные элементы сохраняют маргинальное значение и в той и в другой сравниваемой лексических группах. В праславянской терминологии их несколько больше, чем в англосаксонской, но в обоих случаях они составляют абсолютное меньшинство слов. Что касается характера проникновения и размещения заимствований, то это по большей части названия сосуда для питья ('кувшин', 'кубок') и миски, примеры чего могут быть указаны как с англосаксонской, так и с праславянской стороны. Наиболее устойчиво и менее податливо замене заимствованиями название основного сосуда — горшка, что опять-таки справедливо как для праславянских, так и для англосаксонских названий (впрочем, есть и единичные исключения — заимствованные названия горшка праслав. диал. **lonъ* < кельт. и англос. *pott* < роман.).

Вот, пожалуй, то немногое, что мы можем сформулировать в виде общих наблюдений по формальной типологии и составу праславянской терминологии сравнительно с англосаксонской. Для исследователя в общем ясно, что подавляющее большинство названий и там и тут должно быть отнесено к местным новообразованиям. Характер лексических и семантических (этимологических) связей этих новых, как, впрочем, и старых, новообразований входит в компетенцию внутреннего, генетического аспекта исследования соответственно праславянских и англосаксонских названий, и он в немалой степени уже выяснен. Наша задача сейчас, поскольку мы не хотим терять из поля зрения задач более общего, типологического плана, — сличить известные данные генетических, этимологических анализов с целью выделения основных семантических типов сравниваемых терминологий, определения их преемственного, или инновационного характера. Понимая, что на поставленный вопрос можно ответить и весьма пространно и очень кратко, мы предпочтем вторую возможность и упомянем лишь о главном, с нашей точки зрения, отличии семантической типологии праславянской лексики гончарной посуды от аналогичной лексики англосаксонского языка. А именно: в то время как в древнейшем пласте праславянской терминологии весьма мощно представлена в ряде примеров архаическая семантическая модель 'плести' > 'лепить (из глины)' (**čerpъ*, **čеrnъ*, **krina*, **ǫdorbь*), еще продолжающая некоторым образом функционировать и воплощаться вновь (**obkrǫtь*), на мате-

риале привлеченной англосаксонской терминологии она почти совершенно не прослеживается, здесь господствуют и продуктивно функционируют совсем иные, по-видимому, более новые и частные семантические модели. Различие по этому семантическому признаку, пронизывающему старую праславянскую терминологию гончарной посуды и уводящему нас в глубокую древность и, с другой стороны, почти полностью отсутствующему в инновационной по своему характеру англосаксонской терминологии, — это и есть важнейшее или одно из важнейших различий двух сравниваемых терминологий.

Сличение с однородной англосаксонской терминологией, таким образом, еще раз оттенило архаическую сущность старой славянской лексики гончарной посуды, гончарства вообще и поставило вне всяких сомнений огромную ценность ее свидетельств с самых разных точек зрения, и не в последнюю очередь — с точки зрения культуры, культурной эволюции, реконструкции почти полностью утраченных важнейших звеньев истории материальной культуры, а в равной степени — её осмысления, т. е. и духовной культуры человека, пришедшего долгим и сложным путем к гончарному ремеслу.

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО

«На противоречие между металлом и народным искусством уже указывалось часто. Таким образом, в ряду материалов, используемых народным искусством, металлам принадлежит последнее место. Их добывание, как и добывание стекла, требует больших вспомогательных сооружений и высоких температур, а обработка связана с многочисленными орудиями».

W. Bernt. Metalle // Die deutsche Volkskunde. Hrsg. von A. Spamer. Aufl. 2. Bd. I. Leipzig, 1934. S. 469.

«Впрочем, мы можем со всей смелостью сказать, что за целое тысячелетие в кузнице почти ничего не изменилось и что она была в римскую эпоху и эпоху городищ такой же, что и сейчас».

L. Niederle. Život starých Slovanů. Základy kulturních starožitností slovanských, dílu III. Sv. I. Praha, 1921. S. 233.

«Кузнечный промысел является по времени своего возникновения старейшим из всех металлических кустарных производств, наиболее распространенным в территориальном отношении, но в то же время и наименее прогрессирующим в отношении техники производства».

Кустарная промышленность России. Разные промыслы. Т. I. СПб., 1913. С. 299.

В предшествующих разделах, или очерках, мы анализировали терминологию народного текстильного производства, обработки дерева и гончарства у славян. То, что мы лишь теперь, в конце нашей работы, обращаемся к изучению названий, связанных с кузнечным ремеслом, нельзя считать результатом произвольной композиции исследуемого материала. Древнейшие ремеслен-

ные производства — если говорить о реалиях — связаны друг с другом множеством сходств и различий, как бы диктующих определенный порядок рассмотрения материала реалий, а вместе с ним и языкового материала. С другой стороны, отношения настолько тесны и органичны, что исследование гончарного ремесла и его терминологии сильно страдало бы от отсутствия параллельного исследования по текстильной терминологии и ремеслу, кузнечное ремесло с его терминологией лучше осмысливается в связи с гончарством, и материал названий всех этих ремесел связан определенными отношениями с терминологией плотничьей обработки дерева. Таким образом, изучение терминологии кузнечного дела в связи и параллельно с терминологией остальных привлекаемых здесь ремесел в достаточной степени целесообразно.

Вместе с тем, обращаясь к кузнечной терминологии, мы видим перед собой существенно новый раздел лексики, складывавшийся согласно иным закономерностям. Ведь, в конце концов, текстильное ремесло, гончарство и плотничество, подчас такие глубоко оригинальные и несхожие между собой сферы, особенно в синхронном плане, ср. прежде всего текстильное и гончарное производство, при последовательном диахроническом анализе открывают нам удивительные черты принципиального сходства и родства, даже изначального единства. Это касается их реальной сущности и ее своеобразного и сложного отражения в терминологии. С точки зрения реалий мы можем вспомнить о том, что зародыши и текстильного ремесла, и гончарства коренятся в плетении. Оттуда вышли ткачество и производство посуды из глины. Плетение и вязание лежит в основе главных производственных действий плотника. Языковой план — терминология названных производств — хорошо отразил эту сущность реалий, и мы не раз в этом убеждались, констатируя на основании лексико-семантической связи и этимологии в терминологии плотничества и гончарства следы древних значений 'плести', 'вязать'. Генезис ткачества из плетения принадлежит к числу довольно очевидных истин, тогда как аналогичный генезис гончарства и его терминологии из плетения и из терминологии последнего означает большую победу, триумф этимологии и языкознания, возможности которых идут еще дальше, и в итоге мы вскрываем совершенно убедительно генезис самих терминов плетения и вязания, выросших на базе лексики 'рвать, драть, резать'.

Эти универсалии в терминологии кузнечного ремесла не действуют и, по-видимому, не действовали никогда. Связи лексики кузнечного дела с перечисленными выше производствами или с некоторыми из них носят другой характер соответственно природе кузнечного ремесла. Эти связи к тому же невелики, и они не исчерпывают сущности кузнечной терминологии, сложенной из оригинальной лексики.

Далее мы еще будем неоднократно конкретно говорить об отношениях кузнечной терминологии, о связях кузнечного ремесла в лингвистическом

плане с другими ремеслами, но сейчас необходимо сказать несколько слов о реальной стороне их отношений. Временное сознательное удаление от языкового плана не должно принести ущерба нашему лингвистическому исследованию, напротив, оно, как нам кажется, создает перспективу, благодаря которой будут лучше видны связи между языковыми явлениями.

Большая часть ремесел, рассмотренных нами через призму терминологической лексики до сих пор, являются генетически женскими ремеслами. Таково примитивное ткачество на простейшем ткацком станке (особенно вертикальном и без подножек), таково же и примитивное гончарство до введения гончарного круга. Ретроспективное прослеживание их генезиса, подкрепляемое данными языка, подтверждает изначально женский, домашний характер названных ремесел; породившее их плетение было, безусловно, женским делом. Плотничество и вообще обработка дерева требуют специального замечания, но и здесь значительное развитие и специализация явились позднее в связи с появлением более совершенных, металлических орудий труда. Стратиграфия плотничества позволяет различать и в последнем результаты вторичной культурной эволюции и первооснову — опять-таки плетение, связывание деревянных частей, т. е. в принципе женское, домашнее производство. Ибо все интересовавшие нас до сих пор в этой работе древнейшие производства оформились и в значительной мере продолжают существовать как домашние ремесла. Кузнечное ремесло, ковка металлов и изделий из них тоже может быть поставлено рядом с ткачеством, плотничеством и гончарством, будучи также древнейшим народным ремеслом. Но дальше начинаются его отличия от других перечисленных производств, и прежде всего его исключительно мужской характер, а затем та существеннейшая особенность кузнечного дела, что оно в силу своей специфики и сложности с самого начала выходило из рамок домашнего обихода. Железо в различных видах, наковальня, молотки, щипцы, клещи, кузница с горном, который сеет искры и может вызвать пожар в деревянном селении, а также, с другой стороны, предпочтительность работы на большой круг клиентов — все это вместе взятое с абсолютной логичностью способствовало буквальному и переносному выделению и отделению кузнечного ремесла. Ведя производство, лишенное домашнего характера, кузнец, таким образом, стал первым ремесленником по преимуществу. Этот факт, хорошо известный из истории культуры человечества, прекрасно иллюстрируют германские языки, в которых древнейшее обозначение мастера, ремесленника очень рано стало названием кузнеца, ср. нем. *Schmied*, англ. *smith* 'кузнец', тогда как др.-исл. *trésmiðr* 'плотник, древоделя' еще хранит память о более древнем употреблении. В славянских языках мы, правда, не встречаем ничего похожего — название *ремесленник* продолжает сохранять весьма общее значение, а кузнеца обозначают целым рядом особых названий, образование и распространение которых заслуживают того, чтобы мы занялись ими специально.

Ученые не раз обращали внимание на «деревянный» характер народной культуры славян, германцев и других народов более северных районов Европы. Непосредственно к славянам имеют отношение наблюдения, проводившиеся исследователями над населением белорусского Полесья, исключительно отсталого района в недавнем прошлом, где поражает скудость металлических изделий среди царства деревянных поделок (см. также выше). И однако важнейшие орудия труда — топор, нож, сошник — и здесь в любом случае всегда железные, что лишает основной силы упомянутое сравнение и не оставляет места для сомнений в том, что славяне, жители Центральной и Восточной Европы, вступили в железный век примерно одновременно с другими древними обитателями Европы. Кроме того, синхронные наблюдения современных этнографов и краеведов вообще не следует безоговорочно распространять на древние стадии культуры населения того же района, так как это предполагало бы несколько наивное представление об идеально прямом направлении развития культуры или даже об отсутствии всякого развития (подобная мысль не чужда обычно разным исследователям Полесья — этнографам и лингвистам, нередко преувеличивающим, как нам кажется, его «архаичность»). На самом же деле нам часто нужно считаться с регрессом в культурном развитии, с разными обстоятельствами из области вторичного национального профессионального расслоения, с сопутствующими осложнениями мировоззренческого (религиозного) характера. Скажем кратко, что все это имеет отношение к проблеме кузнечного ремесла у славян, его места, его эволюции, к вопросу о месте кузнеца, о названиях кузнеца, его орудий труда и его деятельности. Только в таком случае мы сможем правильно понять такие заметки наблюдателей: «Промыслов у полешука почти нет, ремесл он не знает. В Полесье вообще нет кузнецов — не евреев, а полешуков. Таким образом, крестьянин, чтобы сделать подкову или какой-нибудь гвоздь, должен ехать к жиду кузнецу нередко за пятьдесят и более верст»[1]. Или еще: «Кузнечное ремесло, которое пользуется особенным уважением с древности у большинства европейских народов, у сербов презирается, потому что оно почти исключительно находится в руках цыган, которые, однако, являются оседлыми и чувствуют свое превосходство перед своими кочующими братьями»[2]. Нужно ли говорить о том, что в древности положение у тех же сербов не могло не быть иным, особенно если учесть, что до XV в. цыган не было вообще в Европе. А за предков полешуков и всех белорусов в целом свидетельствует их язык, в котором народная кузнечная терминология не беднее, чем у прочих славян.

---

[1] *В. Маракуев.* Полесье и полешуки (из путевых записок). М., 1879. С. 10.

[2] *E. Schneeweis.* Serbokroatische Volkskunde, erster Teil. Volksglaube und Volksbrauch (= Grundriss der slav. Philologie und Kulturgeschichte. Hrsg. von M. Vasmer). Berlin, 1961. S. 170—171.

И однако совершенно особую, тесную, генетическую близость кузнечное дело обнаруживает в отношении к гончарству[3] — близость, которая позволила нам поставить эти два ремесла совершенно сознательно вместе, включив их в один раздел о ремеслах, связанных с применением огня. Кузнечное ремесло справедливо поставлено в этом разделе вторым номером. Можно полагать, что оно позаимствовало у гончарства идею горна. В любом случае гончарство древнее ковки металлов, как мы узнаем из реконструкции его догорновой предыстории, тогда как имевшая место в древности спорадическая холодная ковка металлов еще не сознала кузнечного ремесла, которое начинается с горна. В вариант простейшего горна — нагревательной печи — кузнечное дело рано внесло важные для обработки металлов усовершенствования, инновационная сущность которых особенно ясно видна с точки зрения принципа гончарного горна. Так, обжиг керамических изделий совершается вполне нормально в гончарном горне, если имеется свободный доступ воздуха. Аналогичным образом получали на первых порах и железо в кузнечном горне путем так называемой сыродутной плавки или варки бурого железняка — болотной руды, из которой при недостаточно сильном нагревании от естественного притока воздуха получалось тестообразное железо. Это мягкое железо затем освобождалось от породы и формовалось механическим путем кузнецами на наковальне. Так выглядела в самых общих чертах примитивная черная металлургия и кузнечная обработка у славян в течение достаточно длительного времени[4]. Последующие затем коренные усовершенствования выразились главным образом во все более широком применении дутья. Появился кузнечный мех, подающий сильную струю воздуха в горн сначала вручную, затем — силой воды (о более поздних усовершенствованиях здесь можно не говорить). Получаемая отсюда большая интенсивность горения и высокая температура в горне открывали новые возможности обработки металла и все более удаляли кузнечный горн, а затем металлургическую печь от их прообраза, представленного в древнем горне гончарного типа. Выдающаяся роль искусственной подачи воздуха, дутья привели к созданию особых печей, основанных на этом принципе, — домниц, доменных печей. Эти печи постепенно росли вверх в интересах увеличения емкости, результатом чего явилось глубокое качественное различие между древними низкими печами, горнами и позднейшими «высокими» печами.

Терминология, лексика кузнечного дела, к которой мы теперь возвращаемся, представляет не менее убедительные свидетельства о ходе материальной эволюции и о ее исходной точке. Исходную точку материальной эволю-

---

[3] Мы не говорим здесь о близости иного рода — как бы сюзерена к вассалу — между кузнечным ремеслом и плотничьим, которому кузнечное ремесло дает орудия труда.

[4] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 124—126.

ции кузнечного дела язык запечатлел в факте употребления тождественного праслав. *gърнъ как в лексике гончарства, так и в лексике кузнечного ремесла, и там и тут, примерно в одном и том же значении — 'печь для обжига (нагревания, накаливания)' Ср. ст.-слав., русск.-цслав. **гърнъ**, русск. *горн*, укр. *горн*, *гóрен*, блр. *hóreń*[5]. И эти продолжения праслав. *gърнъ, и тождественное ему этимологически лат. *fornus*, *furnus* с производным *fornax* представляют в общем с самого начала оба значения — 'гончарный горн' и 'кузнечный горн, печь для накаливания' или, вернее, широкое, несколько неопределенное и тем самым наиболее древнее значение 'печь (для нагревания)'. О наличии здесь важнейшей исключительно италийско-славянской лексико-семантической изоглоссы, а также о равноценных ранее неизвестных изоглоссах названий, производных от этой древней основы, уже говорилось подробно выше. Здесь нас больше интересует вопрос сравнительной древности соперничающих значений — гончарского и кузнечного — и возможности его решения в определенном смысле. Как видно, основная исходная форма *gърнъ в этом вопросе наименее показательна ввиду примерного равновесия двух основных ее значений. Как и во многих других примерах, решающее слово тут принадлежит старым производным. При этом оказывается, что из тождественных производных от и.-е. *gh^{u}r̥nos*, представленных как в латинском, так и в славянском (за подробностями анализа и тех и других мы отсылаем читателя назад, к с. 577, раздел о гончарном ремесле), ни одно не обнаруживает четкого кузнечного значения. Единственный более или менее сомнительный пункт — цслав. **гърнило** 'fornax ad conflanda metalla', но и это слово на достаточно раннем уровне обладает скорее всего широким значением 'вместилище, помещение для горна' (праслав. *gърнъ — **gornidlo*), ср. особенно приводившиеся выше многочисленные романские продолжения народнолат. **furniculum* 'вместилище для furnus, помещение с печью'. Что касается остальных древних производных — праслав. *gърньсь и *gърньць, высокий возраст которых тоже обсуждался нами ранее, то это слова с исключительно гончарскими значениями. То же можно сказать и об италийском соответствии — лат. *fornix* 'арка, свод' (*gh^{u}r̥nik-*), которое как бы семантически предваряет славянское значение гончарной посуды. По сути дела все семантические и словообразовательно-лексические связи праслав. *gърнъ уводят в терминологию гончарства, вся словообразовательная продуктивность этого слова ограничивается рамками названной терминологии.

Из названий, которые почти в одинаковой степени относятся как к гончарской, так и кузнечной терминологии, мы можем привести еще два — праслав. **pekťь* и **ěstěja*. Первое активизируется и в гончарской, и в кузнечной

---

[5] *Cz. Pietkiewicz.* Polesie Rzeczyckie. Materiały etnograficzne. Część. I. Kultura materialna. Kraków, 1928. S. 277.

(металлургической) терминологии, очевидно, вторично, чему доказательства мы видим и в географическом плане, поскольку **pekt'ь* обычно заполняет территориальный вакуум, возникающий от редукции первоначального ареала **gъrnъ*, как мы видели на примере западных и южных славянских языков (выше); это же доказывают и наблюдения с учетом культурной стратиграфии и хронологии, так как продолжения праслав. **pekt'ь* выдвигаются на новой стадии для обозначения плавильных устройств даже там, где в полной силе еще существуют формы от праслав. **gъrnъ*, как в современных восточнославянских языках. Ср. русск. *доменная печь*, название, семантически адекватное европейским терминам нем. *Hochofen*, англ. *blast-furnace*, франц. *haut-fourneau*, тогда как старое *горн* уже не годилось для этой функции. В остальном **pekt'ь*, *печь* не представляет в этой связи особого интереса. О его природе как лексической инновации в этой области славянского словаря мы уже говорили.

Второе слово, уточнениями по этимологии которого мы займемся ниже, представляет известные трудности для атрибуции его к терминологии того или другого ремесла, почему, несмотря на связи с гончарством, оно не было нами упомянуто в соответствующем разделе, а отнесено к кузнечной лексике. Это вызвано главным образом серьезностью этимологических связей праслав. **ěstěja* и кузнечной семантикой его неславянских соответствий, о которых ниже. В остальном мы не считаем нужным настаивать на его только гончарном или только кузнечном значении, во-первых, потому, что, не совершая насилия над языковыми фактами, мы должны будем признать реальность существования подобных двузначных, или нейтральных семантически, слов относительно двух смежных терминологий (см. выше замечания о статуальной терминологической лексике), а во-вторых, для наших целей вполне достаточно удовольствоваться таким более или менее нейтральным значением, восстановимым для праслав. **ěstěja*, как 'отверстие печи'. Слово, для которого выше названа праславянская форма **ěstěja*, известно в нескольких славянских языках. Весьма широко продолжения праслав. **ěstěja* представлены в словенском языке, который насчитывает большое количество формальных вариантов этого слова по диалектам: основная форма *istéje* ж. мн. 'отверстие печи', диал. *ístje* мн., *isijȅ* ср. ед., *îstje*, *jîstje*, *stéja* ж. ед., *ostéja* ж. ед., *stêje*, *histênje*, *gistâje* мн. (Штирия), *ostéje* (резьянск.), *mestéje* (горицк.), *vestéje*, *ústje*, сюда же прекмурск. *gèski* 'istéje' [6]. Достаточно хорошо известны родственные формы чешскому языку и его диалектам: др.-чеш. *niestějě* 'очаг, дверца печи', чеш. *nístěj*, диал. (вост.-чеш.) *nístěň*, *místěj*, — также в значении 'жаровня'. Сюда же примыкают в.-луж. *něsć* 'очаг, отверстие печи; печь', н.-луж. *jesće*, *jesćeje*, *jesćije*, *jěsćije*.

[6] *F. Bezlaj.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963. S. 15—16; *V. Novak.* Slovenska ljudska kultūra. Ljubljana, 1960. S. 88.

Все эти названия, обозначающие в основном чело, устье печи, объясняются удовлетворительно как продолжения праслав. **ěstěja* ж. и его словообразовательных вариантов **ěstьje* ср. и **ěstь* ж. Как мы думаем, различия между ними касались словообразовательных деталей — этих и других, называемых ниже, но не вокализма корня, который всюду на древнем уровне одинаков (праслав. *ě*). К этому праславянскому вокализму восходят в конечном счете и многочисленные варианты вокализма в современных словенских диалектах, в которых (начальное *i-* с разными протезами; *e*, *o*, *u*, даже нуль звука) целесообразно усматривать местную вторичную перестройку в зависимости от места ударения, синкопы и, возможно, народноэтимологических ассоциаций (*ústje*), но никак не продолжения самостоятельных древних форм или вариантов вроде **ьsteja* (Бернекер). Формы со своеобразным началом *m-* или *n-*, представленные более или менее равномерно во всех относящихся сюда языках (словен., чеш., луж.), а в чешском — единственно употребляемые, находят хорошее объяснение как остатки старых сложений типа **vъn-ěstěja*, скорее — из устойчивого сочетания предлога с формой местного падежа **vъn ěstěje*[7].

После этой предварительной попытки уточнить формально-словообразовательную реконструкцию праславянских форм упомянем о географии славянских слов этого происхождения. Это сложная и неясная проблема, особенно если иметь в виду генезис и первоначальное распространение слов. Ареал продолжений праслав. **ěstěja* (**ěstьje*, **ěstь*) охватывает лишь небольшую часть славянского языкового пространства на западе. Этого слова не знают восточнославянские языки, оно неизвестно и большинству южнославянских, кроме словенского. Впрочем, и западнославянские свидетельства содержат немало загадочного, так как это слово имеется в чешском, но отсутствует в словацком, есть в серболужицких языках, но неизвестно в польском. Изоглоссы складываются на этот раз необычно и очень капризно, и у нас не хватает данных для того, чтобы уверенно высказаться о характере первоначального распространения. Изоглоссный рубеж, как видим, пролегает между чешским и словацким, с чем мы сталкивались очень редко. С другой стороны, слово отмечено и у чехов, и у словенцев при фактическом отсутствии его у других соседних славян. Поскольку речь идет об очевидно старой лексике, мы ожидали бы скорее наличие здесь старого широтного западнославянско-южно-славянского изоглоссного рубежа. Лужицкие формы достаточно самобытны, и их не приходится считать импортированными с чешской территории. В известном смысле решающим кажется вопрос о генезисе чешских форм, потому что за их вычетом остается лишь противопоставление серболужицких форм отсутствию их в остальных западнославянских языках, и это противопоставление укладывается в знакомые уже нам отношения сер-

[7] *Machek.* S. 326.

болужицких языков к основным западнославянским языкам по ряду слов. Мы, конечно, в данном случае еще не имеем пока никаких оснований утверждать о наличии и здесь серболужицко-южнославянской (словенской) изолексы, но некоторые вопросы тем не менее могут быть поставлены. Это прежде всего, как только что было сказано, вопрос о чешских формах, соответствия которым отсутствуют, например, в польском. Возможно, польско-чешское расхождение в вопросе отражения праслав. **ěstěja* и приближает нас к получению искомого ответа. Мы знаем, что многие расхождения между польским и чешским языком вызваны тем, что их внешняя история сложилась различно, в частности чешский язык рано вступил в субстратные и контактные отношения, в которых польский уже не участвовал. Может быть, праслав. диал. **ěstěja* проникло в чешские диалекты с юга, из древнесловенских диалектов, хотя это не более чем гипотетическая возможность.

Как видим, у нас в распоряжении не очень много средств для того, чтобы уточнить и конкретизировать наши представления о древнем ареале **ěstěja* и родственных праславянских форм. Несколько более существенные соображения могут быть высказаны по этимологии слова **ěstěja*, прежде всего — в виде критики существующей этимологии, которая, по нашему мнению, исходит из неправильных посылок, а главным образом — в виде возможной новой этимологии праслав. **ěstěja*, т. е. о его вероятных новых соответствиях за пределами славянского, вместе с тем — об уточнениях и поправках в этимологии самих этих неславянских соответствий и, наконец, о более общих перспективах и изоглоссах, основанных на новой этимологии.

Праслав. **ěstěja*, вернее, его засвидетельствованные славянские продолжения главным образом обозначают отверстие печи. Его обычно объясняют, принимая для *ě* дифтонгическую природу, как производное от и.-е. **aidh-* 'гореть, жечь'[8]. Эта этимология обладает внешним правдоподобием и строится как будто на учете значения слова, поскольку речь идет об отверстии печи, т. е. о чем-то смежном лексемам и значениям 'гореть, жечь'. И тем не менее перед нами чистейшей воды априорное сближение, абсолютно не учитывающее отношения этого названия части печи к другим синонимичным названиям той же части печи, а также к названиям других частей печи, их

---

[8] См.: *Pokorny*. I. S. 12: **aidh-*. — Мы не придаем серьезного значения сближению Махека (*Machek*. S. 326) праслав. **ěstěja* с греч. *ἑστία*, которое якобы из **jestijā* неизвестного доиндоевропейского происхождения. Греческое слово, обозначавшее не всякий очаг, а очаг культовый, жертвенный, и мифологически, и этимологически неразрывно связано с лат. *vesta* 'жертвенный огонь', 'богиня огня', с которым вместе оно, без всяких сомнений, произведено от и.-е. **u̯es-* 'жечь' с помощью суффикса *-t-* и прочих расширителей. Сюда же сложное греч. *ἐσχάρα* 'очаг, огонь в яме' < **ἑσ-χάρα* (с диссимиляцией по придыхательности) < **u̯es-ĝhr-ā* (второй компонент — к лит. *žėrė́ti* 'сиять, пламенеть').

семантике и происхождению. Соблюдение этих условий приводит к совершенно иной этимологии слова **ěstěja*. Если говорить о других названиях печного отверстия, то обращает на себя внимание их связь с названиями пасти, рта, части лица, т. е., попросту говоря, последние сплошь и рядом употреблены в роли названия печного отверстия, как, например, русск. *устье*, *чело*, польск. *czeluść*. В этом есть своя определенная закономерность. Знакомство с приведенными и с другими подобными примерами заставляет нас согласиться с естественностью мотива обозначения печного отверстия как пасти жерла, и наоборот, мы воочию убеждаемся в искусственности сближений названия устья печи со словами 'жечь, гореть'. Называние, при всей стихийности его характера, все-таки определяется чаще всего наиболее броским, выделяющим признаком называемого. Связь с горением не есть выделяющий и наиболее броский признак устья печи, по упомянутому признаку выделяется прежде всего сама печь, очаг, что и определяет, как мы знаем, названия последних. Напротив, выделяющий признак печного устья — это его сходство с пастью живого существа, животного; это определило употребление соответствующей лексики в значении 'устье печи'. Этот же мотив мог привести к созданию достаточно древних самостоятельных слов, обозначающих печное отверстие.

Предыдущие замечания, как нам кажется, создают условия для предпринятия более систематизированной попытки этимологизации праслав. **ěstěja* 'устье печи'. Мы думаем, что ни в слове **ěstěja*, и ни в каком другом слове из области лексики печи (как гончарной, так и кузнечной) в славянских языках не отражено и.-е. **aidh-* 'гореть, жечь'. Корневой гласный *ě*, допускавший двузначное толкование своего происхождения, оставляет известную свободу для этимологизации праслав. **ěstěja*, что скорее свидетельствует о сложности случая, но вместе с тем предоставляет в наше распоряжение некоторый набор возможностей. Правильность выбора, видимо, находится в прямой зависимости от наличия условий и показаний, ограничивающих момент произвольности. В соответствии с предыдущим изложением, в котором содержится перечень ограничивающих условий, мы считаем, что *ě* здесь монофтонгического происхождения и что **ěstěja* восходит не к **ai̯d-t-* или **ai̯d-s-t-*, а к **ēd-t-*. Последняя форма представляет собой отглагольное производное от и.-е. **ĕd-* 'есть, поедать'. Следовательно, праславянские варианты **ěstěja*, **ěstьje*, **ěstь* 'устье печи' дают основание для более или менее условной дальней реконструкции дославянских **ēd-t-āi̯ā*, *ēd-t-i̯om*, **ēd-t-is*. Ни реконструкция формальных и словообразовательных особенностей этих прототипов, ни этимологизация их основы в связи с и.-е. **ĕd-* 'есть, поедать' не должны как будто встретить возражений.

Теперь, когда вопрос этимологии праслав. **ěstěja* в основном решен нами изнутри, средствами славянского языкового материала, уместно начинать

поиски родственных форм в других индоевропейских языках. Разбираемый нами случай выгодно отличается тем, что для него находится не родственная инакооформленная основа, а почти тождественное родственное производное с близким, в вариантах почти тождественным значением, другими словами, близко родственная лексема с близкими терминологическими функциями. Речь идет о нем. *Esse* '(кузнечный) горн, очаг', диалектно — 'вытяжная дымовая труба', которое обычно этимологизировалось от и.-е. **as*- 'гореть' (откуда, например, действительно произошло нем. *Asche* 'зола, пепел'). В соответствии с этим реконструировалось прагерм. **asjō*, давшее затем др.-шв. *æsja*, шв. *ässja*, др.-в.-нем. *essa* (через **assi̯a* > **essja*), ср.-в.-нем. *esse*, соврем. нем. *Esse*[9]. Нам кажется необходимым высказать предположение о происхождении нем. *Esse* из прагерм. **essjō* < догерм., и.-е. **ed-t-i̯ā* (возможно, наряду с вариантом прагерм. **ēssjō* из догерманского, индоевропейского **ēd-t-i̯ā*?). Праформа **ed-t-i̯ā*, лежащая в основе нем. *Esse*, по-видимому, произведена от и.-е. **ĕ̄d*- 'есть' точно так же, как и праформы **ēd-t-ēi̯ā*, **ēd-t-i̯om*, *ēd-t-is*, лежащие в основе праславянских слов **ěstěja*, **ěstьje*, **ěstь*. Изменение тех и других праформ протекало в духе регулярной трактовки звукосочетаний, например и.-е. *-dt-* дало в германском *-ss-*, а в славянском *-st-*. Конечный результат эволюции — нем. *Esse* и слав. *ěstěja* — внешне весьма отличаются друг от друга, но, во-первых, знаменательно бесспорное родство значений современных немецкого и славянских слов. Ср. нем. 'кузнечный гори, очаг', 'дымоход' — словен. 'устье печи', чеш. 'очаг, дверца, устье печи', серболуж. 'очаг, устье печи, печь'. Мы считаем с обеих сторон значения 'очаг', 'горн', 'печь' вторичными. Остающиеся после отсева значения 'дымоход' и 'устье печи', несомненно, ближайшим образом родственны друг другу. С лексико-семантической и реальной, культурно-исторической, точки зрения оправданно усматривать в этой паре родственных значений первоначальное единство реалий и слов, т. е. наличие двух особых печных отверстий — вытяжного и устья — закономерно восходит к примитивной печи с единственным отверстием, которое служит одновременно и устьем для доступа воздуха, закладки топлива и т. д., и вытяжным отверстием для выхода дыма, что переносит нас в эпоху курных изб древности. Таким образом, родство и историческое тождество немецкого значения 'дымоход' и славянского значения 'устье печи' не должно вызывать сомнений.

Во-вторых, столь же правдоподобна мысль о близком родстве и историческом тождестве формы и словообразования нем. *Esse* и слав. *ěstěja*. Это утверждение весьма перспективно в лингвистическом аспекте, поскольку **ed-i-iā*, лежащее в основе немецкого слова, и **ēd-t-ē-i̯ā*, **ēd-t-i̯om*, лежащее в основе славянских слов, не только образованы от одного и того же индоевропейского корня, но и повторяют друг друга вплоть до деталей словообразова-

[9] *Kluge—Götze*[15]. S. 180.

ния (группы суффиксов *-t-*, *-i̯-*) и, наконец, имеют практически тождественное значение. Перед нами факт общего новообразования, совместной (параллельной?) лексико-словообразовательной и семантической ('пасть; то, чем едят' > 'печное отверстие') инновации, образование общего для части германских и части славянских языков термина, относящегося к печи или кузнечному горну. Видеть в слав. *ěstěja* древнейший германизм нет оснований, как, впрочем, и предполагать противоположное направление заимствования. Мы говорим это, отдавая себе отчет в реальности германского влияния на славянское кузнечное дело в принципе. Ниже мы еще не раз упомянем о влиянии германских языков на славянские в области славянской кузнечной терминологии. Здесь будут и особенно многочисленные, хотя сравнительно поздние заимствования названий кузнечного инвентаря в отдельных славянских языках, и случаи посредствующей роли германских языков при распространении на славянскую языковую область римского, латинского влияния в более отдаленные времена. Германо-славянские языковые отношения в области кузнечной лексики представляют собой исключительно сложную лингвистическую проблему. Сложность ее не исчерпывается вышесказанным. Во-первых, как это обычно бывает, по мере перехода к более древнему материалу критерии различения заимствования от близости иного рода постепенно утрачивают желательную определенность. В отдельных примерах даже полное словообразовательное сходство, так сказать, дублирование словообразовательной модели, может быть с равным правом объяснено как типологическое, независимое сходство при наличии полного тождества реального субстрата (хотя вероятность калькирования сохраняется при учете культурного влияния в соответствующей материальной области). Во-вторых, значительными могут оказаться такие славяно-германские лексические встречи в сфере изучаемой терминологии, когда неуместно говорить ни об одностороннем заимствовании, ни о словообразовательно-семантической кальке, а, по-видимому, об особых видах родственной связи, документированной некоторыми древними слабо изученными примерами этимологического и словообразовательного единства лексем, терминов с близким значением. Реконструкция дает возможность охарактеризовать такие примеры как лексические соответствия догерманской и дославянской древности и, учитывая их локальное распространение (часть германских и часть славянских языков), трактовать их как древние диалектные изолексы на индоевропейском уровне. Один такой пример дал нам сравнительный анализ нем. *Esse* и слав. *ěstěja*.

Названиями **gъrnъ*, **pekt'ь*, **ěstěja*, разобранными выше, ограничивается общий лексический фонд гончарской и кузнечной терминологии. Далее следуют оригинальные уже только кузнечные названия (по крайней мере с точки зрения славянского материала), хотя древность последних бывает нередко синонимична докузнечному, более широкому употреблению. Мы перейдем,

таким образом, к знакомству с различными славянскими названиями места разведения кузнечного огня, кузницы, подвергнув их опросу в плане терминологическом, географическом, этимологическом и ареально-изоглоссном. Вслед за этим будет интересно подвергнуть аналогичной процедуре разные названия кузнеца по славянским языкам, старые названия основного, элементарного инвентаря кузнечного дела. Не пренебрегая контролирующими указаниями реального плана, мы расширим постепенно круг привлекаемой для анализа лексики, пополняя его сначала названиями очевидно вторичных реалий и технических усовершенствований, а затем вторичными, поздними (заимствованными) названиями независимо от возраста обозначаемых ими реалий. В плане лингвистическом один из основных вопросов, к которому мы будем периодически возвращаться, — это характер славянско-неславянских языковых отношений в свете анализа нашей лексики. В специально терминологическом плане нас, как и в предшествующих разделах, будет интересовать выявление терминологической сущности исследуемых слов (генуинно-статуальная стратиграфия). Вся работа, проделанная в этом направлении, будет необходима в конечном счете при реконструкции древнего состава славянской кузнечной терминологии.

Нам еще не раз придется, вероятно, убедиться в оригинальности кузнечной лексики, чего мы лишь кратко касались в начале раздела. Эта самобытность, безусловно, сказывается и в ином отношении названий орудий ремесла и названий производственной деятельности к названиям изделий. Рассуждая в тех же терминах, например, о гончарской и о кузнечной лексике, мы определим центр наибольшей информации и наибольших эвристических возможностей в плане генезиса для кузнечной терминологии, очевидно, не там, где для гончарской терминологии, потому что отношение названий кузнечных изделий к основной кузнечной лексике вообще более свободное, чем у гончарской терминологии, где основной лексикой, квинтэссенцией гончарской терминологии служат именно названия изделий. Немало проявлений самобытного характера кузнечной терминологии ждет нас, судя уже по предварительным данным, в картине географических, ареальных отношений этой лексики, во многом отличной от известных нам отношений по другим терминологическим группам. Впрочем, эти отличия всякий раз требуют очень осторожного подхода и интерпретации, постоянного сознания недостаточности и неполноты сведений, имеющихся в нашем распоряжении. Дело в том, что многое отличное на самом деле могло возникнуть в результате своего рода «помех», искажающих, естественно, и затемняющих ситуацию, возможно, близкую характеру древних отношений на материале лексики иных терминологических групп (см. выше о распространении **ěstěja* в связи с проблемой древнего широтного западнославянско-южнославянского изоглоссного рубежа). Кроме того, кузнечной лексике наряду с этим известно определенное

количество фактов, без труда интерпретируемых в духе ареальной и изоглоссной картины, сложившейся на материале текстильной терминологии, терминологии гончарства. Ясно без лишних слов, что картина ареальных и изоглоссных отношений, древних, диалектных отношений, получаемая на материале систематически реконструируемых в своем древнем состоянии и составе лексико-терминологических групп, приобретает особую четкость и убедительность от перемены объекта исследования (терминология текстильная, плотничья, гончарская и кузнечная), черпая в самом этом факте перемены объекта ресурсы проверки и контроля. В итоге же мы надеемся получить несколько более конкретизированное представление не только о древних языковых отношениях в сфере текстильной, плотничьей, гончарской и кузнечной терминологии в отдельности, но и главным образом более полное и подкрепленное новыми данными знание основных древних диалектных (ареальных) отношений и изоглоссных связей и различий одного из районов индоевропейского языкового пространства. Но об этих лингвистических результатах, выходящих за рамки данного раздела, уместно сказать в Заключении всей работы.

Кузнечное дело, начальная металлургия и ее терминология как бы неразрывно связаны с металлами и их названиями. Эта связь, может быть, даже более очевидна, чем связь других производств с их сырьем. И все-таки мы не сочли полезным безоговорочно включить лексику металлов в круг исследуемой кузнечной лексики, как, впрочем, мы поступили и в других разделах в подобной ситуации. Вследствие этого за рамкой исследования остались названия растительных и животных волокон (лен, конопля, шерсть), названия дерева (или деревьев), названия глины и ее сортов, названия металлов. Поступая таким образом, мы старались ограничить исследуемую и без того многочисленную лексику тем, что имеет более непосредственное отношение к деятельности человека, его *ἐνέϱγεια*, является плодом его рук, хотя не везде этот критерий действовал одинаково строго. Кроме того, указанные отграниченные группы названий, не включенных в исследование, имеют — в большей или меньшей степени — специфику самостоятельных групп, вполне заслуживающих особых исследований и отчасти исследовавшихся в этом плане различными учеными.

Но вернемся к начатому выше рассмотрению материала кузнечной терминологии в соответствии с намеченным планом. Нам предстоит заняться в первую очередь названиями кузницы в славянских языках. Известно два основных ономасиологических способа образования исконных славянских названий кузницы — 1) от названия огня и 2) от названия основного действия кузнеца, — и соответственно этому существуют два основных древних названия кузницы в славянских языках: **vygnь* и **kuznь/*kuzn'a/*kuznica*. Каждое из этих названий охватывает несколько языков, причем, насколько можно

заметить, одно из них обычно исключает другое, т. е. языкам, употребляющим в качестве основного термина **kuznь/*kuzn'a*, неизвестно **vygnь* и наоборот. Кроме этих двух основных названий, в роли обозначения кузницы выступают некоторые другие узколокальные названия или местные поздние заимствования, о которых будет сказано ниже.

Праслав. **vygnь* известно лишь небольшой части славянских языков и распространено только на западе славянской языковой территории. Его образованием и связями мы подробно займемся ниже, но можно сразу отметить, что это — бесспорно древнее, более того, архаическое образование. Во всяком случае каковы бы ни были терминологические отношения между **vygnь*, и **kuznь/*kuzn'a* (если, действительно, такие отношения реально существовали в древности на одной и той же языковой территории), на **kuznь* можно смотреть только как на типично славянскую инновацию **kuti/*kovati* — **kuznь*, для которой едва ли имеет смысл восстанавливать даже условно дославянские стадии, тогда как **vygnь* всем своим образованием обращено в дославянское прошлое, а некоторыми своеобразными связями прочно связано с проблематикой индоевропейского диалектного членения. Праслав. **vygnь* в ряде отношений, о которых ниже, — архаический реликт. Не менее интересно **vygnь* и в других отношениях. Начнем с того, что его ареал почти совпадает с областью распространения праслав. **ěstěja* (см. выше), а именно продолжения праслав. **vygnь* отмечены в следующих славянских языках: словен. диал. *vígenj* м. 'кузнечный горн, кузница'[10], сербохорв. *вѝгањ* м. 'кузнечный горн', 'кузница', макед. *вигна* 'кузнечный горн', чеш. *výheň* ж. 'кузнечный огонь', диал. (ю.-чеш.) 'кузница', слвц. *vyhňa* 'горн, кузница', в.-луж. *wuheń* 'кузнечный горн, дымовая труба', н.-луж. *wugeń* то же. Вопрос распространения **vygnь* требует особых примечаний. Продолжения этого древнего слова, как видим, известны все-таки шире, чем **ěstěja*, но распространение **vygnь* едва ли было точно таким же в праславянскую эпоху. Если выше мы считали нужным указать на вероятность вторичной экспансии продолжений праслав. **ěstěja* в отдельных славянских языках, то, наверное, в еще большей мере это относится и к несравненно более весомой лексеме **vygnь*, обозначающей основную реалию кузнечного обихода — 'горн' и 'кузницу' (о семантической иерархии его см. также ниже). Подвижность и экспансивность слова **vygnь* в эпохи, последующие за праславянским периодом, могла активизироваться и какими-нибудь благоприятными обстоятельствами, скажем, употреблением его в устах полукочевой прослойки населения. По другим примерам мы знаем, как это обычно способствует распространению слова. Аналогичную роль играло в ряде случаев кочующее валашское пастушеское население, служившее носителем коммуникации между Карпатским и балканским районами. Некоторые кузнечные термины разно-

---

[10] *F. Bezlaj.* Op. cit. S. 26.

сили цыгане, полукочевые и оседавшие впоследствии на постоянное время кузнецы среди южнославянского населения Балканского полуострова (о них мы бегло упомянули в начале настоящего раздела). Так, цыг. *vigna* 'очаг, горн', *vignja* 'горн, кузница', заимствованное из славянского источника, могло затем попасть в язык тех славян, которые ранее не знали праслав. **vygnь*. Например, мы думаем, что макед. *вигна* заимствовано с севера — с помощью цыган или без нее. Сказанное хорошо согласуется с отсутствием продолжения **vygnь* в собственно болгарском, где известны, наряду с новыми названиями, остатки праслав. **kuznь* в диалектах. Диал. болг. *ви́гня* 'горн', *ви́дня* 'кузница', кстати сказать, характеризуется наличием исключительно в западноболгарских диалектах, что позволяет считать его занесенным с запада и северо-запада указанным путем. Мы располагаем данными о том, что и в Болгарии кузнечное дело в немалой степени практиковалось цыганами. Кроме того, существенно и то обстоятельство, что для старого вероятного ареала этого названия (см. ниже) мы отметим скорее древнюю основу на *-i* **vygnь*, тогда как формы типа *vigna*, *vign'a* свойственны прежде всего вероятным районам экспансии и не случайно совпадают с огласовкой цыганских слов (см. выше). Возможно, вся македонско-болгарская группа южнославянских языков не знала первоначально слова **vygnь*. При достаточно раннем наличии **vygnь* в сербохорватском следует также считаться с определенными следами **kuznь*/**kuzn'a*/**kuznica* и на сербохорватской территории, о чем говорят сербохорватские топонимы вроде *Kuznica*[11]. Вся восточнославянская территория не знает **vygnь* и охвачена продолжениями праслав. **kuznь*/**kuznica* точно так же, как и вся польская языковая территория. Дальнейшие уточнения первоначального ареала **vygnь*, при всей их желательности, крайне затруднительны. Серболужицкие формы от праслав. **vygnь* сомнений не вызывают, так как и в.-луж. *wuheń*, и н.-луж. *wugeń* закономерно отражают древнее **vygnь* (противоположные рассуждения Безлая ошибочны), ср. хотя бы массовый характер рефлексации праславянской приставки *vy-* в виде серболужицкого *wu-*. Названия огня существуют наряду с этим в форме самостоятельных в.-луж. *woheń*, н.-луж. *wogeń*. В соответствии с очевидным древним наличием праслав. **vygnь* в серболужицких языках должно быть отмечено фактическое отсутствие там праслав. **kuznь*. И в том и в другом случае противопоставление серболужицкой и, например, польской языковой территории совершенно очевидно. Наиболее трудный случай представляют данные чешско-словацкой языковой группы. С одной стороны, это район раннего наличия **vygnь* (ср. выше), но, с другой стороны, здесь известны также — пусть на правах диалектных, подчиненных лексических вариантов — продолжения праслав. **kuznь*, **kuznica*, отмечаемые в ляшских, валаш-

[11] Ср.: *P. Ivić.* Beiträge zur slavischen Etymologie und Wortgeographie // Die Welt der Slaven. I. 1956. S. 144.

ских, южночешских и словацких диалектных формах [12]. Это придает именно чешско-словацкой территории характер переходного района. Рассмотренные данные могут, конечно, толковаться по-разному. Праслав. **vygnь* и **kuznь* могли не быть и скорее всего первоначально отнюдь не были синонимами в полном смысле, что оправдывало бы их одновременное сосуществование на одной и той же территории. Слово **kuznь* могло образоваться вторично на тех же территориях, что и **vygnь*, а также в районах, не знавших употребления **vygnь*. Слово **kuznь* могло в качестве культурного импорта проникнуть вторично на территории, знавшие ранее только **vygnь*, и наоборот, **vygnь*, как уже высказывалось, могло вторично расшириться за счет **kuznь*, в результате чего мы говорим о переходных районах и в том и в другом случае. Современное географическое распределение говорит как будто о том, что первоначально районы **vygnь* и **kuznь* взаимно исключали друг друга и что **kuznь*, хотя и известное на обширной территории, явилось инновацией, которой не охвачен небольшой район на западе славянства, где, видимо, необходимость в названном новообразовании отсутствовала (словенский, серболужицкие, чешский? словацкий?). В этом небольшом древнем западнославянском районе («западнославянский» здесь, разумеется, не следует понимать в обычном современном смысле, ср. хотя бы предположительные компоненты этого древнего языкового района, только что названные нами) функционировало праслав. диал. **vygnь*, для которого мы, таким образом, констатируем параллелизм территориального распространения с другим важным праславянским диалектным словом — **ěstěja*, описанным на предыдущих страницах. Было бы интересно знать, идет ли этот параллелизм дальше и в чем отличие происхождения праслав. диал. **vygnь*.

Современные значения продолжений праслав. *vygnь* — 'кузнечный горн', 'дымоход', 'кузница' — не все могут считаться одинаково древними. Семантическая реконструкция праслав. **vygnь* тесно связана с его этимологией. В последней имеются сложные и неясные моменты, если иметь в виду этимологию в наиболее развернутом варианте, которой мы далее тоже займемся, но основная идея этимологии **vygnь* ясна науке, и мы принимаем ее без колебаний: **vygnь* образовано от названия огня. Несколько забегая вперед, мы подчеркнем тот факт, что характер производной формы **vygnь* оправдывает примерную семантическую реконструкцию для него — 'место огня, место для разведения огня'. Отсюда ближайшая лексико-семантическая конкретизация — 'кузнечный горн'. Значение 'дымоход, труба' вторично, но вторично, наверное, и такое достаточно древнее значение, как 'помещение для горна, для ковки', 'кузница'. Совершенно реальна ситуация, когда для такого помещения долгое время не существовало, да и не требовалось настоятельно, специального названия.

[12] См.: *Machek.* S. 250.

В свое время мы говорили о различных славянских названиях очага, места для огня и отмечали, в частности, такую славянскую словообразовательную инновацию, как **ognišče* < **ognь*, наделенную чертами продуктивности. Локальное **vygnь* тоже связано с соответствующим названием огня, но только с другим его вариантом и другой словопроизводной связью. Праслав. **vygnь* 'место для разведения огня' вполне удовлетворительно этимологизируется как **ūgni-s*, производное способом удлинения корневого гласного от **ŭgni-s* 'огонь'[13]. Этот словообразовательный способ занимает уже в праславянской словообразовательной системе бесспорно периферийное, изолированное положение, должен быть причислен к архаизмам словообразования и лучше прослеживается в примерах дославянского происхождения. Ср. праслав. **aje*, **ajьce* (польск. *jajo*, русск. *яйцо*) < и.-е. **ōi̯om*, *ō(u̯)i̯om*, удлинение *vrddhi* вокализма и.-е. **ou̯is* 'птица'. Но в отличие от названия яйца, где производное удлинение достоверно известно нескольким индоевропейским языкам (греч. *ᾠόν*, лат. *ovum*), праслав. **vygnь* не имеет таких же доказательных параллелей. Тем не менее мы считаем вероятным дославянское происхождение праслав. **vygnь* и на основе одного лишь этого слова реконструируем и.-е. **ūgni-s*.

К этому нас уполномочивает дославянский словообразовательно-фонетический облик получаемой реконструкции. По-видимому, это могло быть индоевропейское диалектное слово, свойственное части диалектов, из которых позднее развились славянские языки и диалекты. Исходное для дославянского **ūgni-s* слово **ŭgni-s* 'огонь' должно бы было развиться в праслав. **ъgnь* > **vъgnь*, однако никаких следов последнего не обнаружено в славянских языках, единообразно отражающих только праслав. **ognь* 'огонь'. Но реальность существования праслав. **vъgnь* (или, точнее, дославянского **ŭgni-s*, лежащего в основе **vъgnь*), хотя и доказываемая косвенным путем, не может возбуждать никаких сомнений. Это дославянское **ŭgni-s* тождественно прабалтийскому **ŭgni-s* (лит. *ugnìs*, лтш. *uguns* 'огонь'), но оно связано с ним не общей инновацией, а общностью архаизма, поскольку в обоих случаях отразилось и.-е. диал. **ŭgni-s*, известное в древности, по-видимому, еще некоторым индоевропейским диалектам (ср. также далее), тогда как в праслав. **ognь*, др.-инд. *Agní-* отразилось и.-е. **ogni-s*, а в лат.

[13] *Machek.* S. 578; *F. Bezlaj.* Op. cit. S. 26 (с дальнейшей литературой). — Производить все без исключения варианты не из **vygnь*, а из праслав. **vygnja* и объяснять последнее как слово дакийского происхождения, игнорируя при этом связи с и.-е. **ŭgni-s* (ср.: *В. Георгиев* [и др.]. Български етимологичен речник, свезка II. София, 1963. С. 143), по меньшей мере рискованно. Постулируя генетическую связь дакийского с албанским, автор указанной этимологии должен был бы в первую очередь в связи с затронутым вопросом поставить проблему о судьбе и.-е. **ognis* в албанском языке.

ignis — и.-е. **egni-s*. В наши задачи не входит выяснять здесь действительно сложные отношения и.-е. **ŭgni-s*, **ogni-s*, **egni-s* друг к другу. Неясные моменты в форме этого древнего и, по-видимому, магически важного названия огня не должны нас удивлять. Но, с другой стороны, сама проблематика славянских названий огня и производных от них в исследуемой нами терминологии ремесел побуждает нас вынести в интересах дела рассмотрение некоторых вопросов за границу славянской языковой области и проверить на индоевропейском материале отражение тех или других вариантов индоевропейского названия огня в разных индоевропейских языках, наличие или отсутствие в отдельных языках этого названия, а также его словообразовательную и семантическую продуктивность в разных языках. Вообще вопрос о распределении форм от этого названия огня, как и других древнейших названий огня, — один из узловых в географии индоевропейских слов, в индоевропейской диалектологии.

Достаточно напомнить, что в одном только праславянском материале наблюдаются следы столь важных с точки зрения индоевропейского диалектного членения **ogni-s* и **ŭgni-s* в виде праслав. **ognь* и **vъgnь*. О балтийском, латинском, древнеиндийском рефлексах этого названия уже говорилось выше. Далее следуют индоевропейские языки с практическим отсутствием любого из вариантов и.-е. **egnis*, **ognis*, **ŭgnis* 'огонь'. Число таких языков оказывается значительным. Помимо возможных специально языковых причин, это отсутствие вполне логично объясняется практиковавшимся, по-видимому, умолчанием по религиозным, табуистическим мотивам. Избегая употребление своего собственного названия от и.-е. **egnis*, **ognis*, **ŭgnis*, которое обозначало обожествляемый огонь (ср. др.-инд. *Agní-* как имя бога), отдельные ветви индоевропейцев охотнее прибегали к заимствованию. Точно так же следы былого употребления и.-е. **ognis* или его вариантов можно обнаружить в виде древних производных и там, где само **ognis* 'огонь' было поражено запретом и забыто. Все эти в основном косвенные ресурсы помогают восполнить пробелы в нашем представлении о древней картине диалектного распределения названия огня. Что касается производных от названной древней основы, то это были, очевидно, в первую очередь лексемы со значениями 'вместилище, жилище огня, печь' и 'животное огня'. Это вполне соответствует религиозным воззрениям древних на огонь и связанному с ним жертвенному культу. Дальнейшими лексическими реализациями намеченных выше значений могли оказаться слова с более вещественными значениями 'очаг, печь, горн' и какое-то животное, например 'ягненок' [14]. Нас здесь интересуют производные со значениями первого рода. Одно из них — дослав.

[14] Соответствующие предположения, а также дальнейшую литературу можно найти в книге: *О. Н. Трубачев.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. См. наст. изд., с. 289—386.

ūgnis*, праслав. **vygnь* 'место для разведения огня, горн' — уже было разобрано выше. В свете сказанного выше вопрос о подобных производных со значением 'место огня, печь' особенно важен там, где нет прямых следов самого названия огня. Мы не собираемся и не можем исчерпать здесь этот вопрос в масштабах всего индоевропейского и ограничимся избранными примерами. Речь идет об отражениях и.-е. **egnis*/ognis*/**ŭgnis* в греческом и германском. Интересно отметить, что прямых, исконных продолжений этого индоевропейского названия огня мы не знаем ни в греческом, ни в германском. Для большей наглядности отведем здесь некоторое место лингвистическому эксперименту, поставив при этом вопрос следующим образом: как должны были бы выглядеть исконные продолжения данной лексемы в названных языках? Возможно, это были бы греч. **ἔγνις*/**ὄγνις*/**ὕγνις* (с более исконным ударением на последнем слоге или с новым ударением на начальном). Облик германских форм находится в более сложной зависимости от ряда условий, в частности от места ударения. Поэтому окситонированные индоевропейские **egnís*, **ognís*, **ugnís* дали бы герм. **ikkis*, **akkis*, **ukkis*, а баритонированные и.-е. **égnis*, **ógnis*, **úgnis* (древнее существование которых менее вероятно) — герм. **iknis*, **aknis*, **uknis*. Таким образом, в отношении германских языков мы вынуждены считаться с вероятностью по крайней мере вдвое большего числа вариантов. Ни одно из предположенных в порядке опыта названий неизвестно. В действительности известно, с одной стороны, лишь греч. *ἰπνός* 'печь', с другой стороны — гот. *aúhns*, др.-исл. *ofn*, др.-дат. *ogn*, шв. *ugn*, англос. *ofen*, англ. *oven*, др.-в.-нем., ср.-в.-нем., ср.-н.-нем., нидерл., др.-фриз. *oven*, нем. *Ofen* 'печь'. Прямая связь с и.-е. **egnis*, **ognis*, **ŭgnis* элементарно невозможна, разумеется, ни для греч. *ἰπνός*, ни для германских слов с их праформами **úhna-*/**óhna-*, **úhwna-*, **uʒná-*. И все-таки мы постоянно возвращаемся к мысли о связи этих названий печи с и.-е. **egnis*, **ognis*, **ŭgnis* 'огонь' и дослав. **ūgnis* 'печь, горн'. Эта связь полнее в формальном отношении, чем известное сближение греческого и германских слов с др.-инд. *ukhá-*, *ukhā́-* 'горшок', так как в нашем сближении и.-е. **ognis* : греч. *ἰπνός* : герм. **uh(w)na-* последовательно прослеживается элемент *-n-*. Выдвигаемая нами связь весьма вероятна и семантически, потому что эволюция значения 'огонь' > 'место огня, печь' совершенно бесспорна и необратима. Связь значений 'горшок' и 'печь', на которую ссылаются при сближении греч. *ἰπνός* 'печь', герм. **uh(w)na-* 'печь' : др.-инд. *ukhá-* 'горшок', лат. *auxilla* 'горшочек', тоже очевидна, но ее обычное направление — 'печь' > 'горшок' (ср. праслав. **gъrnъ* : **gъrnьсь* и т. д. выше, англос. *ofen* 'печь' > *ofnet* 'горшочек'), т. е., объясняя лексему 'горшок', эта связь обычно не объясняет названия печи.

Безоговорочно сблизить и.-е. **egnis*/**ognis*/**ŭgnis* 'огонь' и греч. *ἰπνός*, герм. **uh(w)na-* 'печь' мешает серьезное расхождение в консонантизме, но

оно не означает абсолютной порочности нашего сближения, а носит характер стойкой помехи, которая нуждается сама в объяснении. На регулярные отношения исконно унаследованных слов здесь наслоились усложняющие общую картину соответствий субстратные заимствования по мотивам, возможно, близким к изложенным выше. Такую точку зрения о причине греческого и германского отклонения как будто должно подкреплять констатируемое выше отсутствие именно в этих языках правильных исконных рефлексов индоевропейского названия огня[15]. В связи с этим мы выдвигаем новые гипотетические этимологии как греческого, так и германского названий печи как восходящих к более древним субстратным названиям огня, которые уже непосредственно отражают известную праиндоевропейскую форму. Из общих соображений, положенных в основу наших этимологии, укажем главное: невероятность существования в праиндоевропейском, наряду с **egnis*/**ognis*/**ugnis* 'огонь', также еще и особого дублета **uk^{u}nos* 'огонь, очаг', откуда якобы развились греч. *ἰπνός* и герм. **uhwna-*[16]. В остальном общность греческого и германского слов для печи может быть кажущейся; каждое из них восходит к собственному локальному субстрату. Греч. *ἰπνός*, по нашему мнению, заимствовано из какого-либо догреческого индоевропейского языка, где существовало слово **iknos*, **ik^{u}nos* 'огонь, печь' < и.-е. **egn-* 'огонь'[17]. Трактовка индоевропейских гласных и согласных, как видим, здесь очень напоминает германскую. Германские формы названия печи, по-видимому, заимствованы из местного субстратного слова **ukn-* 'огонь, печь'. Можно осторожно допустить, что это слово было известно кельтским диалектам территорий, позднее освоенных германцами. Тем самым мы предполагаем в этом (кельтском?) **ukn-* 'огонь' усиление смычного компонента в сочетании «смычный+сонорный»: **ukn-* < и.-е. **ŭgn-* подобно другим случаям усиления (lenis → fortis) индоевропейских смычных в кельтском. Ср. и.-е. **maĝ^{u}(h)-* > др.-ирл. *macc*, др.-кимр. *map* 'сын', а особенно — др.-ирл. *claideb*, кимр. *cleddyf*, корн. *klethe*, брет. *kleze* из лат. *gladius*. Это предположение имеет отношение к тому факту, что и.-е. **egnis*/**ognis*/**ugnis* как будто не сохранилось в исторически известных кельтских языках. При этом надлежит помнить, что как раз континентальные кельтские диалекты, в частности те из них, которые послужили субстратом для части германских языков, остались неизвестны почти полностью. Это относится, естественно, и к их названию

---

[15] Таковым, например, нельзя считать греч. *ἤγανον* 'сковорода, жаровня' (вопреки А. Бецценбергеру, — см.: *A. Bezzenberger*. [Рец. на кн.] *L. Meyer*. Handbuch der griechischen Etymologie // BB XXVII. 1902.S. 161), см.: *Boisacq*. S. 314; *Frisk*. I. S. 621.

[16] Ср. эту традиционную точку зрения: *Э. Прокош*. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 63, 68; *Kluge—Götze*[16]. S. 535.

[17] Традиционное сравнение греч. *ἰπνός* и герм. **uhwna-* как регулярных родственных соответствий см. в словарях: *Boisacq*[4]. S. 379—380; *Frisk*. I. S. 732—733.

огня. Субстратное **ukn-* 'огонь, печь' дало герм. *'*uhn-/**'*ohn-* (откуда гот. *aúhns*), далее — лабиализованный вариант **úhwn-* (откуда нем. *Ofen* и все остальные формы с *f* < *hw*) и первоначально акцентный вариант **uʒn-'/*oʒn-'* (откуда скандинавские формы на задненебный согласный).

Мысль о заимствованном происхождении герм. **uhwna-* высказывалась и раньше [18]. Нам кажется, что только что предложенная попытка разработать ее на новой основе помогает проще объяснить многое в отношениях слов; так, например, германские факты представляют большую трудность, если стремиться их связать непосредственно с праиндоевропейской лексикой. Иного рода общности у германской лексики маловероятны. Др.-прусск. *wumpnis* 'печь', собственно, **upnis*, заимствовано из германского диалектного варианта **ufnis*, интересного концом основы, в остальном балтийский не содержит близких форм. Таким образом, обобщая наиболее интересные для нашей работы итоги, мы повторим, что ряд индоевропейских диалектов оказался охвачен семантическим параллелизмом, осуществленным, правда, различными словообразовательными средствами, а именно: местные продолжения и.-е. **egnis/*ŭgnis* 'огонь' выступили в значении 'печь' или 'горн', откуда праслав. **vygnь* (дослав. **ūgnis*), прагерм. **uh(w)na-* (из субстратного **ukn-*), греч. *ἰπνός* (из догреч. **iknos*). Иными словами, перед нами весьма древняя лексико-семантическая изоглосса дослав. **ūgnis* — догерм. **ukn* — догреч. **iknos* 'огонь' > 'печь'. Не будет большой натяжкой допустить, что этот важный в культурном отношении словообразовательно-терминологический акт в одной и той же примерно терминологической области и на базе одного и того же праиндоевропейского названия огня совершился не в полной взаимоизоляции, а на смежной территории в центре Европы и в примыкающих к ней с востока районах в условиях определенного культурного общения. Хотя разобранный пример имеет в себе немало сложного и до конца нерешенного, все-таки вероятность такого прослеживаемого по древним изоглоссам культурного района в Центральной и Центрально-Восточной Европе, заселенного различными родственными индоевропейскими диалектными группами (догерманскими и прагерманскими, пралатинскими, дославянскими и догреческими), усиливается после изложенных выше наблюдений, которые по своему центральноевропейскому изоглоссному материалу логично примыкают к примеру нем. *Esse* — праслав. **ěstěja*, рассмотренному до этого. Нам хотелось бы подчеркнуть здесь еще по крайней мере два обстоятельства. Первое — это то, что мы совершенно не стремимся использовать интерпретируемый здесь материал для каких бы то ни было заключений об индоевропейской прародине, т. е. об области первоначального формирования и распространения индоевропейского языка; не только потому, что языковые данные, рассматриваемые нами, оказались бы для этой цели, разумеется,

---

[18] См.: *R. Meringer.* // IF. XXI. S. 295 ff.; *Boisacq*[4]. S. 379—380.

неполны, но и главным образом потому, что мы не считаем достаточно актуальной и современной задачу во что бы то ни стало определить границы первоначальной индоевропейской родины и к экстремистским попыткам решить этот вопрос раз и навсегда и однозначно мы относимся скорее отрицательно. Соображения, высказанные выше, о группе древних изоглоссных соответствий из близкой культурной и терминологической области должны быть поняты только в одном смысле, а именно как материал для гипотезы о существовании в центральных частях Европы древнего культурного района, охватывавшего частично или полностью места расселения нескольких ветвей индоевропейцев: германцев и носителей догерманских субстратных диалектов, древних славян или их части, древнеиталийских племен (о чем см. главным образом ниже), а также, возможно, некоторых других (греков или носителей догреческих языковых субстратов?). Конечно, это неизбежно влечет за собой признание древних контактов в приблизительных границах упомянутого центральноевропейского культурного района между германцами и частью славян, точно так же — между славянами (или их частью) и италийцами, может быть, даже до окончательной миграции последних на Апеннинский полуостров. Каждое такое утверждение мы основываем на вполне очевидных новых этимологиях. Затронутые здесь аспекты культурных, территориальных общений между различными частями индоевропейцев могут, как нам кажется, заинтересовать тех, кто думает над проблемами индоевропейского диалектного членения. Установление изоглоссных соответствий герм. **essjō* : слав. **ěstěja*, герм. **uhwna-* (догерм. **ukn-*) : слав. **vygnь* и вытекающие отсюда более общие наблюдения имеют целью также пополнить проблематику исследования славяно-германских языковых отношений, ставшую традиционной от самых ранних и до новейших работ, новыми фактами, а возможно, и новыми аспектами. Ср., например, новую проблему раннего контактирования части германских и части славянских языков и ее изучение по данным родственной лексики диалектного, локального распространения. То же соображение может быть выдвинуто и по италийско-славянским связям. В дополнение к сказанному выше отметим, что проблема древнего центральноевропейского культурного района совершенно не зависит от традиционной проблемы индоевропейской прародины хотя бы потому, что между первоначальным расселением индоевропейцев в этой условной прародине, последующим диалектным формированием и распространением их, с одной стороны, и возникновением культурного района в Центральной Европе, с другой стороны, могло пройти достаточно много времени.

Второе обстоятельство, которое тоже нужное выделить, базируется на наблюдениях, которые, можно сказать, не сходят со страниц нашей работы.

Это — неучастие балтийских языков ни в одной из уже отмеченных пар лексических соответствий и в некоторых важных терминологических идентификациях, которые будут выведены ниже. Иными словами, полная непричастность балтийского к культурному району в центре древней Европы, отсутствие равносильных древних балто-славянских терминологических общностей.

Запланированное вначале рассмотрение славянских названий кузницы в соответствии с двумя основными ономасиологическими способами обозначения последней было прервано размышлениями об индоевропейских диалектных названиях огня, о производных от них со значением 'вместилище огня, горн, печь' и о значении этих данных для индоевропейской диалектологии. Вынужденная задержка помогла вместе с тем глубже проникнуть в доисторию формирования отдельных важных славянских терминов кузнечного дела и одновременно явилась естественной паузой между анализом архаического прaслав. диал. **vygnь* и уже относительно нового **kuznь*.

Праслав. **kuznь*/**kuzn'a*/**kuznica* реконструируется на основе др.-русск., русск.-цслав. *кȣзнь* 'все кованое, кованые сосуды, украшения, оклады у икон', *кȣзница* 'кузница', русск. *ку́зня*, *ку́зница*, укр. *ку́зня* 'кузница', польск. *kuźnia* 'кузница; горн', чеш. диал. *kúzňa*, *kúzeň*, валашское, ляшское *kuzňa*, ю.-чеш. *kouzeň*, *kouznička*, болг. диал. (родопск.) *ку́зня*, *ку́зница*, *ку́зничка* 'кузница' [19]. Если добавить сюда следы в сербохорватской топонимии — *Kuznica* (см. выше), то картина будет более или менее полной. В связи с иными задачами (речь шла тогда об ареале **vygnь*) выше уже было сказано все существенное о географическом распространении **kuznь*, **kuznica*. Отсюда следует, что последнее, хотя и известное во всех трех славянских языковых группах, представлено, во-первых, в остаточном виде у южных славян (ср. диалектные реликты на юге болгарской территории и топонимические реликты на сербохорватской территории), из западных славян употребляется в полной мере поляками и диалектно — на чешско-словацкой территории, абсолютным же употреблением **kuzn'a*/**kuznica* характеризуются только восточнославянские языки. Серболужичане и словенцы не знают этого названия. Во-вторых, именно эти последние активно употребляют в этой функции слово **vygnь*, слабо представленное или по большей части полностью отсутствующее в языках с активным употреблением **kuznь*/**kuznica* (см. выше).

Образование **kuznь*/**kuzn'a*/**kuznica* совершенно прозрачно и ясно. Словообразовательно-этимологический анализ этих форм приводит к следующим результатам: в основе всех трех обычно называемых нами вариантов лежит форма **kuznь* как, по всей видимости, наиболее древняя из них. Праслав.

[19] *St. Mladenov.* Etymologisches aus einer Kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache // Списание на Българската академия на науките. Кн. XLIII. София, 1930. С. 93 сл.; *С. Стойков.* // БЕз. V. 1955. С. 11.

kuznь*, первоначально — название действия, что-то вроде нашего слова *ковка*, образовано от глагольной основы **kov-/*ku-* (ср. **kovati*) с помощью суффикса *-znь*, ср. **žiznь*, **bojaznь*. О том, что первоначальное значение праслав. **kuznь* было не 'кузница', а какое-то более свободное — 'ковка' или 'кованые металлические предметы', свидетельствует и значение др.-русск. *кȣзнь* (см. выше). В связи с этим словообразовательно вторичное **kuznica*, представленное почти так же широко, как и **kuznь*, может быть понято как производное с суффиксом *-ica* и специализированным значением 'кузница', 'место ковки'. Так выглядит словообразовательно-семантическое отношение **kuznь* — **kuznica*. Вариант **kuzn'a* тоже бесспорно вторичен. Он всюду выступает в значении 'кузница', а что касается его словообразовательной, формальной природы, то либо перед нами попросту расширение *-ja* от *i*-основы **kuznь*, функционально строго не мотивированное, либо **kuzn'a* представляет собой производное от основы **kuzn-* с суффиксом *-ja*, что опять-таки объясняло бы значение **kuzn'a* — **kuznica* 'место ковки' (kuznь*).

В любом случае самый древний словообразовательный вариант — праслав. **kuznь* 'ковка' — явился, как видим, славянской инновацией, которая затем дала новое название кузницы — по основному действию кузнеца: праслав. **kovati*. В дальнейшем мы еще много раз коснемся этого основного глагола кузнечной терминологии, различных его именных производных, их роли в изучаемой терминологии, эволюции значений всего относящегося сюда гнезда слов в славянском и других родственных индоевропейских языках. Можно и из поздних названий кузницы по отдельным славянским языкам привести целый ряд производных с этой основой, но уже, так сказать, во второй степени — от соответствующего названия кузнеца. Это чеш. *kovárna*, словен. *kovačnica*, сербохорв. *ко̀ва̄чница*, макед. *ковачница*, болг. *кова́чница* 'кузница'. Таким образом, эволюцию ономасиологической природы всех рассмотренных исконно славянских названий кузницы, начиная от наиболее древних и кончая поздними локальными, можно представить так: 'место разведения огня' → 'место, где куют' → 'место работы кузнеца'.

Помимо слов исконно славянского происхождения, есть отдельные заимствованные названия кузницы, правда, древних заимствований здесь нет, ср. польск. *huta* 'металлургический завод', стар. 'кузница' — из нем. *Hütte*, *hutte* 'литейный, металлургический завод' [20].

Переходя к **kovati* и его производным, мы сначала поставим вопрос несколько иначе и разберем различные славянские названия кузнеца. Производные от основы глагола **kovati* составляют среди них подавляющее большинство, хотя есть и некоторые особые образования и среди них — довольно древние, нуждающиеся в специальном этимологическом комментарии. Поэтому имеет смысл рассмотреть названия кузнеца как совокупность, характе-

---

[20] *Brückner*. S. 174.

ризующуюся к тому же и некоторыми другими чертами сходства. Прежде всего определенное сходство между ними следует усматривать в такой их черте, как преобладающая пестрота состава, наличие главным образом местных образований и обозначений. Различные именные суффиксальные производные от основы глагола **kovati* выступают при этом в качестве названия кузнеца в части западных и части восточных славянских языков, только в южнославянских языках и т. д.

Праслав. **kovalь* представляет собой преимущественно северославянский термин, ср. др.-русск., русск.-цслав. *коваль* 'кузнец', русск. диал. *кова́ль*, укр. *кова́ль*, блр. *кава́ль*, польск. *kowal*, н.-луж. *kowal*, слвц. *kováľ* 'кузнец'. Праслав. **kovarь* реконструируется на основе чеш. *kovář* 'кузнец', в.-луж. *kowar* то же, кроме того, сюда же, несомненно, относятся ст.-слав. **коварьнъ**, др.-русск. *коварьныи* 'мудрый, благоразумный', 'искусный', 'хитрый, лукавый'. Довольно широко известно преимущественно южнославянское **kovačь*: болг. *кова́ч*, макед. *ковач*, сербохорв. *ко̀ва̄ч*, словен. *kovač*, сюда же др.-чеш. *kováč*, слвц. *kováč* 'кузнец', цслав. *ковачь* 'faber ferrarius'. Совсем спорадично представлены такие производные, как **kuznьcь*: др.-русск. *кѹзньць* 'кузнец', русск. *кузне́ц*; **kuznikъ*: др.-русск. *кѹзникъ*, чеш. диал. (ляшск.) *kuzník* 'кузнец'.

Очевидная пестрота и продуктивный характер образований названий кузнеца **kovalь*, **kovan*, **kovačь*, **kuznьcь*, **kuznikъ* говорят об их сравнительно новом происхождении с точки зрения словообразования, а отсутствие каких бы то ни было признаков докузнечной семантики свидетельствует о том, что они сложились как чисто кузнечные термины. При всем том более веских аргументов против существования этих слов уже в праславянских диалектах, хотя бы и самого позднего времени, у нас нет. В словообразовательном плане часть этих названий получена путем при соединения суффиксов -(*a*)*lь*, -(*a*)*rь*, -(*a*)*čь* к основе инфинитива *kova-*: **kovalь*, **kovarь*, **kovačь*. Другая часть образована от именной основы *kuzn-* с разными суффиксами — *-ъcь*, *-ikъ*: **kuznьcь*, **kuznikъ*. Этимологические замечания требуются только для **kovarь*, правда, исключительно в плане его внешних соответствий и относительной хронологии образования. Мы скажем по этому поводу несколько слов ниже. Прочие перечисленные выше названия кузнеца в этимологических комментариях не нуждаются, сколько-нибудь определенных соответствий в виде целых лексем за пределами славянских языков не имеют и представляют, пожалуй, более существенный интерес для славянской лингвистической географии. Минуя спорадически представленное **kuznikъ* и главным образом великорусское **kuznьcь*, упомянем специально о таких терминах, как бы противопоставленных друг другу, как **kovalь* и **kovačь*. Первое из них характеризует, за небольшим исключением, северославянские языки, точнее будет сказать, что **kovalь* за пределами северославянских языков неиз-

вестно. В свою очередь **kovačь* — типичный элемент южнославянской лексики. Тут нужна оговорка, касающаяся чешско-словацкой территории, поскольку почти исключительно южнославянское **kovačь* представлено также и на этой территории в виде др.-чеш. *kováč*, слвц. *kováč*. Их можно, по-видимому, считать импортированными вторично со славянского юга. Есть и другие признаки, позволяющие считать в отношении названий кузнеца чешско-словацкую территорию переходной областью. Что касается словацкого языка, то в нем сталкиваются как бы севернославянская стихия с южнославянской, ср. наличие в словацком названий *kováľ* и *kováč*, при отсутствии собственного оригинального термина. Чешский язык занимает уже более самостоятельную позицию прежде всего потому, что он, не зная севернославянского **kovalь* и частично соприкасаясь с югом славянства (*kováč*), имеет оригинальный термин *kovář*. Чеш. *kovář* вместе с в.-луж. *kowar* (вторично из чешского?) объясняют как производное образование с заимствованным суффиксом[21]. Однако дело обстоит, по-видимому, не так просто. Прежде всего судьбу чешского слова нельзя решать отдельно от ст.-слав. **коварьнъ**, русск.-цслав. *коварьныи* 'мудрый, благоразумный, хитрый, лукавый'. В любом случае очевидность связи между этими формами сразу отодвигает вероятную хронологию образования чеш. *kovář* далеко вспять. Мы не уверены в том, что свидетельства церковнославянских текстов надо понимать как признаки былого очень широкого распространения **kovarь*, **kovarьnъ(jь)*. Остается весьма проблематичным народный характер употребления этих слов у восточных и южных славян. Было бы интересно проверить, не может ли **коварьръ** считаться западнославянским, точнее, моравским элементом церковнославянской лексики. Ясно одно, — что в основе прилагательного *коварьныи* лежит незасвидетельствованное цслав. ***коварь** с вероятным значением 'кузнец', тождественное чещ. *kovář*. Только такую исходную точку своего семантического развития предполагает явно вторичное отвлеченное значение 'мудрый, хитрый' упомянутого церковнославянского прилагательного. Об этом же говорят известные из материала разных языков образы кузнеца-хитреца, образования вроде *ковы*, *коварство* и т. д. Возвращаясь к формальному, словообразовательному аспекту вопроса, мы принимаем вероятное существование первоначально на ограниченной территории праславянского диалектного **kovarь*. Вполне возможно, что определенные импульсы для его образования могли последовать извне, т. е. в конечном счете праслав. **kovarь* было образовано, правда, в достаточно раннее время, с иноязычным суффиксом -(*a*)*ri*-. Но тот же суффикс мы встречаем и в праслав. **gъrnьčarь*, для которого правдоподобие иноязычного влияния минимально. Единственное и наиболее существенное обстоятельство, заставляющее считаться с возможностью влияния иноязычного образца при создании праслав. **kovarь*, состоит в наличии

[21] *Machek*. S. 229.

ср.-в.-нем. *hawer*, соврем. нем. *Hauer* 'рудокоп, забойщик' < **hauari-*, имя деятеля с суффиксом *-ari-* от основы глагола **hauan*, нем. *hauen* 'рубить, бить'. Ср.-в.-нем. *hawer*, как известно, уже в более позднее время было заимствовано чешским языком, откуда чеш. *havíř* 'забойщик', так что в отношениях нем. *Hauer* — чеш. *havíř* мы имеем как бы повторение отношений герм. **hauari-* — слав. **kovarь*. При этом можно допустить, что влиянию словообразовательной модели германского имени **hauari-* на славянский в раннюю эпоху весьма способствовало, по-видимому, сознававшееся в условиях контакта обоих языков сходство, близость глагольных основ герм. **haua-* и слав. **kova-*, которые, как мы еще увидим ниже, и в других случаях выступали почти в тождественных функциях при образовании германских и славянских кузнечных терминов.

Бóльшую часть славянских названий кузнеца охватывает, таким образом, поле словопроизводной активности основы глагола **kovati*. Кроме того, сохранились сведения о некоторых названиях кузнеца особого происхождения. Русск.-цслав. *кърчи, кръчи, корчи, кърчии* 'кузнец' заимствовано, согласно наиболее вероятной этимологии Кнутссона, из тюркского, ср. тюрк. *kurč* 'сталь' + суффикс имени деятеля *-či*[22].

Второе название тоже, как и *кърчии*, давно вымерло, нигде в живом употреблении неизвестно и доступно нам лишь в виде письменных свидетельств. Вместе с тем оно в меру своей этимологической неясности нуждается в специальном анализе и в правильной оценке своих внешних соответствий. Другое его отличие от бесспорно заимствованного *кърчии* заключается в том, что на этот раз рассматриваемое нами областное слово восходит к праславянской древности и может считаться исконным словом. Во всяком случае это одна из вероятных возможностей объяснения праслав. **vъtrь*: ср.-болг. *вътрь* 'кузнец' (XIII в.), сербск.-цслав. *вътрь* (XVI в.)[23], русск.-цслав. *вътрь* 'кузнец'. Не оставляет сомнений то, что это слово активно употреблялось только на славянском юге, вернее, на болгарской и, может быть, отчасти на сербской территории. У восточных славян, как и у всех остальных, оно никогда не было известно народным говорам. Принимая при этом для него достаточно ранний возраст, мы можем определить **vъtrь* как праславянское диалектное слово. Миклошич (там же) этимологизировал его, производя из и.-е. **u̯ē-* 'ткать', или буквально, как он говорит, санскр. *vê*. Мы не можем сейчас принять эту этимологию, потому что есть возможность лучше объяснить слово *вътрь*, однако важно отметить, что уже Миклошич правильно членил слово, поскольку при его толковании *-tr-* оказывается на положении суффиксальной группы. Именно так поступаем и мы, начиная при анализе **vъtrь* с

---

[22] *Vasmer*. I. S. 636. Прочие приводимые там этимологии маловероятны.

[23] *F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865. S. 113.

выделения *-tr-* как суффиксального элемента. Но к словообразованию слова **vъtrь* мы еще вернемся после того, как рассмотрим его соответствия за пределами славянского. Дело в том, что церковнославянское название кузнеца *вътрь* давно убедительно сближено с др.-прусск. *wutris* 'кузнец' [24]. Сходство цслав. *вътрь* 'кузнец' с др.-прусск. *wutris* 'кузнец' в самом деле поразительно и полно; его можно назвать тождеством. В иных условиях можно было бы без колебания объявить прусское слово заимствованным из славянского. В других балтийских языках близкие формы неизвестны (сближение *wutris* с лит. *jùtryna* 'прочно задвинутый замок двери', обычно цитируемое авторами, сомнительно). Все решило бы наличие в польском языке формы вроде **wetrz* или **wetr*, из древней стадии которой — **vъtrь* — могло бы происходить древнепрусское название кузнеца подобно многим другим словам этого языка, заимствованным из древнепольского. Но ни польский, ни другие соседние славянские языки не знают такого слова, хотя это само по себе еще не значит, что такое слово никогда не было известно в некоторых из местных славянских диалектов. Важно, что сам древнепрусский язык располагает доказательствами исконного древнепрусского характера слова *wutris*. Это др.-прусск. *autre* ж. 'кузница', с которым *wutris* 'кузнец' связано отношением чередования гласных как полная дифтонгическая ступень (*au*) с краткой ступенью (*u*). Давно известная в науке связь этих слов по аблауту лучше всего показывает вероятность исконного происхождения *wutris*. На этом, собственно, кончаются результаты этимологического исследования названия кузнеца. Поскольку исследователи пока что довольствовались идентификацией цслав. *вътрь* = др.-прусск. *wutris*, можно сказать, что вопрос этимологии, дальнейшего происхождения этих слов по сути дела не ставился.

Для нас вопрос этимологии, особенно в данном проблематичном случае, имеет первостепенное значение. Как понятно из предыдущего, оба эти во всех деталях тождественные слова в одинаковой степени неясны пока для нас этимологически, что как бы довершает полноту тождества этих слов еще одним курьезным штрихом. Однако уже с самого начала мы видим с балтийской стороны большую полноту материала, поэтому этимологический анализ начнем с древнепрусских слов. Структура этих слов в общем довольно ясна, на наш взгляд. В др.-прусск. *wutris* м. (собственно, **utris*, **utri̯a-*) 'кузнец' и в др.-прусск. *autre* ж. 'кузница' мы выделяем общий словообразовательный элемент *-tr-* и общий корень в разных апофонических вариантах *u-/au-*, который, вероятно, происходит из и.-е. **u̯ē-* 'дуть, веять'. Тогда *wutris* 'кузнец' получает семантическую реконструкцию 'тот, кто дует, раздувает (горн)', а *autre* 'кузница' — 'место, где дуют'. Из реальных подтверждений ср. то, что говорилось вначале о внедрении в кузнечное дело искусственного дутья.

[24] *R. Trautmann.* Altpreussische Sprachdenkmäler. T. 2. Göttingen, 1910. S. 466; *Он же.* // BSW. S. 336. Там же литература.

Славянские названия мехов и другие связанные с дутьем термины еще будут обсуждаться далее. Здесь можно только напомнить, что сами эти приспособления и соответственно их названия обычно не принадлежат к числу древнейших и разнятся друг от друга по языкам. Едва ли они попадут также в реконструкцию древнейшего состава нашей терминологии. Сейчас же речь ведется о другом — о природе древнепрусских и славянских слов. Немалый интерес представляет апофоническая характеристика др.-прусск. *wutris* и *autre*. Как отмечалось, уже эти два слова содержат две апофонические ступени корневого гласного. Как только мы принимаем, далее, происхождение от индоевропейской основы **u̯ē-* 'дуть, веять', сразу оказывается возможным расширить круг сравниваемых форм, и прежде всего в балтийских языках. Это важно потому, что именно балтийский материал сохраняет в настоящем вопросе контрольное значение. Дело в том, что как раз балтийские языки богаты апофоническими разновидностями и.-е. **u̯ē-* 'дуть, веять', чем они отличаются в первую очередь от славянских с присущим для последних единообразием продолжения названного индоевропейского корня. Так, лит. *vė̃jas* 'ветер', *vė̃tra* 'буря', др.-прусск. *wetro* 'ветер', лит. *áudra* 'буря, гроза' свидетельствуют о том, что балтийский знал формы **u̯ē-* и **au-*, наша этимология слова *wutris* говорит о наличии еще варианта **u-*, ступени редукции. Славянские языки обнаруживают известную (вторичную?) регуляризацию аблаута, так как они отразили, насколько мы знаем, только **u̯ē-* : праслав. **větrъ* 'ветер', **vě(ja)ti* 'веять, дуть'. С подобным богатством аблаута в балтийском при регулярном проведении одной огласовки в славянском мы сталкиваемся и в других примерах, ср. лит. *vakaras* 'вечер' : *ūkana* 'туман', при слав. *večerъ*. Важно отметить в нашем случае, что славянские языки не отразили, кроме **u̯ē-*, других вариантов корня, в частности ступень **au-* осталась им неизвестна. Тем более ступень **u-* 'дуть, веять' оказывается с точки зрения славянского материала изолированной, а само слово праслав. **vъtrь* — темным. Это, по нашему мнению, решает судьбу славянского названия, которое мы вначале не имели оснований исключать из числа исконной лексики.

После анализа словообразовательных связей и этимологии соответственно древнепрусского названия кузнеца на балтийском материале и церковнославянского — в кругу материала славянских языков мы смотрим на связь др.-прусск. *wutris* и цслав. *вътрь* уже иначе и имеем, как нам кажется, основания интерпретировать их удивительное и полное сходство более тенденциозно. Ср.-болг., сербск.-цслав. *вътрь*, по-видимому, заимствовано из балтийского. Это утверждение отнюдь не висит в воздухе, как может показаться с первого взгляда, поскольку именно в последнее время наука, праславянская диалектология, вступила в стадию целенаправленного изучения и систематизации многочисленных лексических соприкосновений отдельных славянских диалектов древности с балтийскими диалектами. Известной по-

пулярностью и определенными правами на существование пользуется тезис о наличии сепаратных древних контактов между балтийскими языками и восточной группой южнославянских языков (болгарский, отчасти сербский). Не прибегая к более полному изложению материала, ограничимся лишь перечислением ряда примеров (значения слов для краткости не даются): ст.-слав. **сѣтити сѧ** — лит. *saisti*, ст.-слав. **десьнъ** — лит. *dešinas*, ст.-слав. **азьно** — лит. *ožinis*, ст.-слав. **овьнъ** — лит. *avinas*, ст.-слав. **млъзѫ** — лит. *melžti*, сербск.-цслав. *бруть* — лтш. *braukts*, цслав. *пътишть* — лит. *putytis*, болг. *бърна* — лит. *burna*, болг. *джуна* — лит. *žiaunos*, болг. *трап* — лит. *tarpas*, болг. *слана* — лит. *šalna*, ст.-слав. **отълѣлъ** — лит. *atlaikas*, болг. *гръклян* — лит. *gurklys*, болг. *лъхвам*, *лъхна* — лит. *ilsti*, *alsuoti*, болг. *гръздав* — лит. *gruzdus*, болг. *диря* — лит. *dyrėti*, болг. *глезя* — лит. *glěžti*, болг. *газя* — лит. *gožti*, болг. *читав* — лит. *kietas*, болг. *стобор* — лит. *stabaras*, болг. *кук*, *кукер* — лит. *kaukas*, др.-прусск. *cawx*, сербохорв. *кланац* — лит. *klanas*, сербохорв. *брздица* — лит. *burzdus*, сербохорв. *думача* — лтш. *duomis*, сербохорв. *гиван* — лтш. *gūt*, сербохорв. диал. *глада* — лтш. *galds*, сербохорв. *грумен* — лит. *graumenys*, сербохорв. *гурити се* — лтш. *gaorit*, сербохорв. *враниħ* — лит. *varnytis*, сербохорв. *вучиħ* — лит. *vilkytis*.

Конечно, отмеченные южнославянско-балтийские сепаратные изолексы неоднородны. Есть среди них общие унаследованные архаизмы лексики, к которым относятся прежде всего слова, известные, кроме южнославянских и балтийских, также некоторым другим индоевропейским диалектам. Таковы, очевидно, ст.-слав. **десьнъ**, **азьно**, **млъзѫ**, болг. *бърна*. Но есть среди сепаратных изолекс немало таких, которые практически нигде на остальной индоевропейской территории не находят соответствий. Здесь мы можем говорить об общих совместных южнославянско-балтийских инновациях лексики и словообразования. Ср. цслав. *бруть* (болг. *брут*; балтийские соответствия см. выше), болг. *джуна*, болг. *слана*, ст.-слав. **отълѣкъ**, болг. *лъхвам*, болг. *диря*, болг. *читав*, сербохорв. *брздица*, сербохорв. *грумен*, цслав. *пътишть*, сербохорв. *враниħ*, *вучиħ*. Те из соответствий последнего рода, которые на южнославянской языковой почве стоят как изолированные образования, а на балтийской почве включены в цепь апофонических вариантов корневого вокализма или располагают местными широкими словообразовательными связями, могут быть сочтены заимствованными из балтийских диалектов в эпоху древних территориальных контактов. Надо сказать, что сюда попадают почти все слова из последнего списка, некоторые же из них — особенно надежно. Ср. болг. *лъх-* при балт. *ils-/als-*, болг. *диря* — лит. *dyr-/dair-*.

Этот экскурс в область одного из современных аспектов изучения балтославянских языковых отношений потребовался для того, чтобы поставить цслав. *вътрь* 'кузнец' в естественное окружение довольно многочисленной лексики, близкой по происхождению. Здесь есть названия разнообразных

важных бытовых понятий и реалий, например, даже название гвоздя — сербск.-цслав. *бруть*, болг. *брут*. Подобно последним из перечисленных несколько выше примеров мы считаем изолированное праслав. диал. **vъtrь* (сербск.-цслав., ср.-болг. *вътрь*) заимствованным из балт. диал. **utri̯a-* 'кузнец', которое прочно связано апофонией и словообразованием с рядом других балтийских названий кузницы, ветра, бури, грозы: **u-tr-*, **au-tr-*, **au-dr-*, **u̯ē-tr-*, **u̯ē-i-*.

Предвидя возможную скептическую реакцию на наше мнение о заимствовании одного важного кузнечного термина из балтийского в славянский (поскольку известно, что материальная культура древних балтов была относительно более простой и примитивной, чем у славян, а некоторые ученые, как, например Брюкнер, вообще начисто отвергали возможность каких бы то ни было балтийских заимствований в славянских языках), мы тем не менее сохраняем свое объяснение как пока что наиболее обоснованное лингвистически. Из внеязыковых, реальных обоснований мы укажем прежде всего на очевидность древних вторичных территориальных сближений и контактов части балтов с частью славян эпохи, близкой, по-видимому, к концу праславянского периода. Что же касается сугубо реальной, материальной мотивировки влияния (пусть эфемерного и местного) балтийского кузнечного дела и его терминологии на славянскую кузнечную терминологию, то ведь известна своеобразная медленность темпов развития кузнечного дела, особенно в древности, о чем мы говорили на первых страницах раздела, поэтому разницы в уровне кузнечного дела у древних славян и древних балтов практически, наверное, почти не было.

Праслав. диал. **vъrtь* является довольно верным отражением характера языковых отношений в изоглоссном районе, охватывающем балтийские языки и часть южнославянских диалектов. Мы можем судить по этому и по другим подобным примерам о названных отношениях и их относительном времени. Говоря о балто-южнославянском локальном изоглоссном районе, мы не можем не вспомнить о другом культурном и изоглоссном районе, явно не совпадающем с только что упомянутым ни по времени, ни по месту, ни по языковым проявлениям. Речь идет о культурном районе в центральных частях Европы, к которому нам приходится возвращаться по поводу разных терминов. Состав возможных участников этого последнего района (праславянский или его часть, прагерманский и догерманские диалекты, праиталийские диалекты), общее совместное словотворчество в области самых основных терминов в условиях близкого родства древних контактирующихся диалектов, свидетельствующее о возможности высокой датировки древних языковых отношений в рамках названного района, — все это принципиально отличает центральноевропейский культурно-изоглоссный район от локального балто-южнославянского изоглоссного района. Занимаясь дальше изучением языковых

следов существования древнего центральноевропейского культурно-изоглоссного района, мы констатируем такую важную его особенность, как отсутствие признаков ощутимого перевеса роли и значения какого-либо одного или части древних диалектов-участников. Может быть, кое-что можно отнести за счет недостаточности наших средств и своеобразного оптического обмана времени, но нельзя не отметить такую интересную черту изолекс центральноевропейского района, как исконный, незаимствованный характер каждого члена любой пары терминологических соответствий с точки зрения соответствующего языка. И прагерм. **essjō*, и праслав. **ěstěja*, догерм. **ukn-* и праслав. диал. **vygnь*, лат. *furnus* и праслав. **gъrnъ*, точно так же как разбираемые нами далее лат. *gladius* и праслав. **kladivo*, лат. *malleus/marculus* и праслав. **moltъ*, — все они представляются незаимствованными, исконными элементами лексики соответственно германского, славянского и италийского и удовлетворительно этимологизируются средствами этимологии каждой из этих древних диалектных групп, т. е. могут быть сведены к более простому и более древнему состоянию в рамках лексического материала каждой из этих групп независимо. Значит, перед нами совместные инновации лексики, словообразования и семантики, поскольку речь идет о важной области производственной терминологии. Такое удивительное тождественное развитие из примерно тождественного языкового материала с тождественным результатом в конце было возможно лишь в условиях реального существования культурного района в центре Европы, населенного носителями первоначально довольно близких диалектов. Возвращаясь к высказанной мысли о наличии культурного равновесия в центральноевропейском районе, мы находим для нее подтверждение в том факте, что ни для одного из языков-участников эти новые совместно образованные кузнечные и другие культурные термины не были (насколько можно судить хотя бы по нашим примерам) словами провинциальными, периферийными. Наоборот, это всякий раз основные, так сказать, родовые названия в каждом соответствующем языке, ср. роль *furnus* в латинском и романских, **uhwna-* и **essjō* — в германских, *gladius* и особенно *malleus/marculus* — в латинском. Совершенно аналогичную картину важности названий **gъrnъ*, **vygnь*, **ěstěja*, **kladivo*, **moltъ* находим и в славянском, с той лишь разницей, что **vygnь*, **ěstěja* и **kladivo* (о котором — ниже) распространяются лишь на часть славянского ареала.

Сказанное не является ни в коей мере повторением уже сообщавшихся выше суждений о центральноевропейском культурном районе. Некоторый дополнительный материал, вопрос о балто-южнославянских контактах, затронутый в связи с анализом этимологии праслав. диал. **vъtrь* 'кузнец' дали повод для сравнения и новых наблюдений над проблемами формирования изучаемой нами терминологии. Сопоставление центральноевропейского культурного района с локальным балто-южнославянским изоглоссным районом необ-

Рис. 10. Центральноевропейский культурный район и распределение древнейшей славянской кузнечной терминологии.

ходимо и плодотворно во всех отношениях. Совершенно очевидно, во-первых, что оба района были достаточно удалены территориально, хотя это не так важно ввиду резкого расхождения во времени тех и других отношений. Балтийские языки ни одним из названных кузнечных терминов в центральноевропейском культурном районе не участвовали. Единственный кузнечный термин **vъtrь*, который имеет отношение ко второму названному району, был сугубо провинциальным, периферийным и довольно легко подвергся утрате (кстати, термины, происходящие из центральноевропейского района, все без исключения очень устойчивы). Надо сказать, что на положении провинциальных, областных, народных элементов словаря находится и большая часть остальных культурных терминов, полученных от балто-южнославянского общения. Наконец, самое существенное с лингвистической точки зрения наблюдение над различиями отношений внутри двух очерченных районов сводится к тому, что для балто-южнославянских отношений мы должны почти с полной уверенностью в ряде случаев констатировать наличие заимствований, во-первых, потому, что сам вопрос обнаружения заимствований опирается на какие-то осязаемые аргументы и критерии, чего мы лишены для

отдаленной эпохи существования центральноевропейского культурного района (примеры заимствования из балтийского в славянский см. выше). Но особенно следует выделить то, что, во-вторых и в главных, языковой механизм контактирующихся диалектов принципиально отличался в том и другом случае. Контакты времен центральноевропейского культурного района совершались, можно сказать, в эпоху становления основных языковых черт контактирующихся диалектов. Контакты в локальном балто-южнославянском изоглоссном районе, напротив, совершались между достаточно резко обособленными языками, каждый из которых подчас обладал жесткими чертами, признаками давно проведенной регуляризации. Для наглядности принципиального различия обеих языковых ситуаций скажем, что оно напоминает различия двух пар терминов, однажды уже рассмотренных нами: герм. **hauari* — праслав. диал. **kovarь* и нем. *Hauer* — чеш. *havíř*. Мы умышленно выбрали этимологически принципиально тождественные слова с тем, чтобы показать, какие различия может обнаруживать более поздний контакт и ранний контакт или раннее схождение даже в тождественном материале. Так, если заимствованное происхождение чеш. *havíř* для нас несомненно, то отношения праслав. диал. **kovarъ* к герм. **hauari-* не допускают подобных категорических утверждений, оставляя место самое большее для признания возможности частичного влияния (германская модель с суффиксом *-ari-*).

Исследовав праслав. диал. **vъtrь* и некоторые сопутствующие обстоятельства, мы возвращаемся к центральной в праславянской кузнечной терминологии глагольной основе **kovati*. Праславянский глагол **kovati*, обозначающий основное действие кузнеца — 'ковать, бить молотом', имеет продолжения во всех славянских языках без исключения. Их перечисление поэтому излишне, и мы здесь его опускаем. Гораздо важнее для нас другие вопросы, связанные с **kovati*: вопрос сравнительной эволюции его значения и вопрос словопроизводной активности основы **kova*(*ti*) в связи с обзором производных от родственных основ в других языках и отношение к кузнечной терминологии тех и других. Мы уже говорили выше о ряде производных кузнечных терминов с основой **kov-*/**ku-*. Это были названия кузницы (праслав. **kuzn'a*, **kuznica*), названия кузнеца (**kovalь*, **kovarь*, **kovačь*, **kuznьcь*, **kuznikъ*), не говоря уже о производных от названия кузнеца со значением 'кузница' (болг. и др. *ковачница* у южных славян, чеш. *kovárna* и др.). Ниже нам предстоит разобрать интересный вопрос о производных от этой основы и ее словообразовательно-апофонических вариантов в роли названий таких важных реалий кузнечного дела, как молот и наковальня. Мощная всепроникающая словопроизводная активность основы праслав. **kovati*, особенно ощутимая, если ограничить поле наблюдения в основном материалом кузнечной терминологии, порождает естественную при преимущественном диахроническом, этимологическом аспекте исследования потребность уяснить

себе исходную точку этой активности, выделить основные моменты истории и этимологических связей праслав. **kovati*. Вполне возможно и даже более всего вероятно, что целый ряд праславянских именных производных от **kovati* — относительно поздние, исключительно славянские новообразования. Таковы среди рассмотренной кузнечной терминологии названия **kuzn'a*, **kuznica*, пожалуй, сюда же может быть отнесена часть названий кузнеца. С другой стороны, мы, несомненно, имеем дело среди образований от **kovati* (или его апофонических вариантов) с названиями, явно вторично наделенными кузнечной семантикой. Учитывая характер и значения этих отдельных более изолированных образований с докузнечными значениями, а также то, что основная словообразовательная активность **kovati* обращена к кузнечной терминологии, мы постепенно можем получить элементы представления о семантической эволюции и степени продуктивности этой основы, так сказать, внутренними средствами, после чего остается проверить их правильность на внешних сравнениях. Мощная активность одной глагольной основы со значением 'ковать' в кузнечной терминологии — это отнюдь не что-то само собой разумеющееся. Здесь будут полезны сопоставления типологического характера с ситуацией в других кузнечных терминологиях, которые покажут данную особенность славянской терминологии как черту довольно своеобразную, но сделают, как нам кажется, очевидным вторичный характер этой регуляризации и унификации целой терминологии за счет ресурсов одной основы.

Итак, праслав. **kovati* родственно др.-в.-нем. *houwan*, *hauwan* 'рубить, срубать, разрубать, разрезать', нем. *hauen* 'рубить, бить', лат. *cūdo*, *cūdere* 'ударять, стучать, бить', ирл. *cuad* 'бить', лит. *káuti* 'убивать, бить, рубить, разить', *kovóti* 'бороться', *káustyti* 'оковывать, подковывать', лтш. *kaut* 'бить, убивать', тох. А *ko-*, тох. В *kau-* 'убивать'[25]. Мы сознательно не приводим здесь пока наиболее важных именных производных в славянском и других языках, потому что они, как увидим, могут быть использованы особо для контроля и мы посвятим им позднее специальное место. Собственно этимологическая часть анализа праслав. **kovati* кончается этим перечислением очевидно родственных глагольных основ в ряде индоевропейских языков. Сравнение выявляет возможности гипотетической реконструкции дославянского, индоевропейского фонетико-морфологического облика праславянской основы и одновременно с элементами морфологической инновации указывает на проведенную в славянском инновацию значения. С точки зрения формы **kovati* содержит позднюю тематическую регуляризацию основы (*kov-a-ti*), независимую параллельную аналогию чему мы находим в лит. *kovóti* 'бороться' (**kāu̯ātēi*). Индоевропейская основа, лежащая у истоков развития

[25] *Miklosich*. S. 153; *Berneker*. I. S. 593; *Преображенский*. I. C. 327; *Brückner*. S. 279; *Младенов*. C. 243—244; *Walde—Hofmann*. I. S. 301; *Fraenkel*. S. 232; *Vasmer*. I. S. 584; *Machek*. S. 229.

позднейшего праславянского **kovati*, могла иметь в принципе вид **kou̯-*, продолжения которого мы находим и в других индоевропейских языках. Интересен и семантический аспект внешних сопоставлений праславянского слова: если **kovati* всюду в своих продолжениях по славянским языкам имеет только одно значение 'ковать, бить молотом по металлу' и иных, некузнечных значений, не знает, то этим своим семантическим признаком оно выделяется среди различных отражений и.-е. **kou̯-* по индоевропейским диалектам не меньше, чем морфологическим признаком тематизации старой основы (см. выше). Уже эти наблюдения показывают инновационный характер славянского семантического отличия. Наиболее общее и последовательно прослеживаемое по языкам значение продолжений и.-е. **kou̯-* — это 'бить', возможно, — 'бить определенным образом', например тупым, тяжелым предметом, орудием; что уже таило в себе будущую способность именно этой основы дать кузнечный термин, название основного действия кузнеца. Однако путь от этих семантических задатков до окончательной терминологизации в указанном смысле был очень длинным. Важно отметить, что и.-е. **kou̯-* нигде, кроме славянских языков, не обнаруживает значения 'ковать'. Это существенно тем более, что о некоторых формах судят иногда ошибочно, что, возможно, не обходится без влияния всякий раз некоторого постороннего семантического штампа. Так, например, считаем нужным отметить, что литовский, в отличие от славянского, тоже не знает значения 'ковать' для продолжения и.-е. **kou̯-*. Лексико-семантическими и терминологическими эквивалентами слав. **kovati* и его производных являются лит. *kálti* 'ковать' и его производные — *kálvė* 'кузница', *kálvis* 'кузнец', *príekalas* 'наковальня', знаменуя тем самым принципиальное различие славянской и литовской кузнечной терминологии. Махек, цитируя лит. *káuti*, *káuju* со значениями 'bíti, kovati, bojovati', допускает, несомненно, ошибку под влиянием славянских форм и значений, потому что литовское слово значит только 'бить, убивать'. Любопытную и вместе с тем труднее уловимую ошибку допускают, далее, трактуя несколько по-славянски такие литовские формы, как *káustyti* 'заковывать, оковывать, подковывать'. Казалось бы, степень терминологизации кузнечного значения здесь самая полная. Тем не менее, если мы переменим исходную точку зрения и посмотрим на то же слово глазами человека, говорящего на немецком языке, все окажется далеко не таким очевидным. Так, лит. *káustyti* соответствует по значению нем. *beschlagen*, собственно, 'обивать', например *mit Eisen beschlagen* или даже *fesseln* 'заковывать, сковывать'. Уже слово *beschlagen* не имеет характера чисто кузнечного термина в немецком языке, не говоря уже о совершенно постороннем *fesseln*. Поэтому славянский, скажем, русский с его однородными *ковать*, *подковать*, *заковать*, которые все вместе производят впечатление кузнечных терминов из-за своего близкого взаимного родства, во-первых, очень отличается в принципе от немецкого, обнаруживающего разнородные семантические эк-

виваленты этим русским словам — *schmieden, beschlagen, fesseln*, из которых одно *schmieden* — чисто кузнечный германский термин; во-вторых, исследователь, не вполне освободившийся от внушений какой-либо одной, например русской, схемы или не владеющий ей сознательно как удобной исходной точкой в оценке иноязычных отношений, невольно судит предвзято о таких фактах, как значение литовских слов, рассмотренных выше. Суть предыдущих рассуждений в том, что и литовский в полной мере не развил кузнечного значения 'ковать' у своих продолжений и.-е. **kou̯-*. В конце концов, если не значения, то употребления в связи с кузнечным делом, несомненно, должны были знать и другие индоевропейские формы от **kou̯-*, в чем мы еще убедимся по их именным производным в некоторых языках. Тем не менее преобладающими как правило оставались значения 'бить, рубить', а закрепления кузнечных употреблений этих слов не происходило.

Но сначала закончим обозрение производных именных форм от основы **kovati* в славянских языках, что вместе с тем даст нам наиболее близкий материал для наблюдения над семантической, терминологической эволюцией этих многочисленных компонентов кузнечной терминологии. Как уже удалось заметить, они в большинстве своем произведены от инфинитивной основы *kova-*, реже — от основы настоящего времени *ku-*. К первым относятся уже разобранные нами выше **kovalь*, **kovarь*, **kovačь*, ко вторым — **kuzn'a*, **kuznica*, **kuznikъ*, **kuznьčь*. Можно было бы, конечно, считать, что производные с суффиксом *-znь* образованы от более древней инфинитивной основы до тематического расширения последней с помощью элемента *-a-*, но глубокая древность инфинитива **kuti* в праславянском не очень вероятна, и скорее правы исследователи, принимающие исконную праславянскую пару основ **kujǫ*, **kovati* с позднейшими выравниваниями то по инфинитиву (**kovǫ*, **kovati*), то по настоящему времени, как в польском: *kuję*, *kuć*. Инфинитив польск. *kuć* мы считаем, таким образом, скорее инновационным по природе сравнительно с праслав. **kovati* аналогично тому, как в некоторых славянских языках единственно древнее, праслав. **žьvati* 'жевать' было с течением времени вытеснено формами типа *žuti* под влиянием презентной основы **žujǫ*, откуда, например, польск. *żuć* 'жевать'. Кстати сказать, именно польский, в отличие от большинства славянских языков, провел также инновацию **kovati* > *kuć*.

Бóльшая часть производных кузнечных названий, относящихся сюда, образованы от праславянских форм **kujǫ*, **kovati*, иными словами, так или иначе связаны с проведенной в праславянском морфологической инновацией — тематизацией индоевропейской основы **kou̯-* > праслав. **kov-a-*. Перечисленный выше ряд названий, произведенных от этой тематизированной основы, должен быть пополнен еще двумя: **kovadlo* и **nakovadlo*, **nakovadlьna*. Эти образования очень близки друг к другу по своему значению, так как и то и

другое всюду обозначает наковальню, массивную металлическую болванку определенной формы, на которой куют; формально их тоже, бесспорно, объединяет факт наличия общей основы **kovadl-*, собственно, 'то, с помощью чего куют, орудие ковки'. И тем не менее перед нами два особых, самостоятельных образования, которые целесообразно разграничить. Вопрос о праслав. **kovadlo* ясен: это регулярное образование с суффиксом названия орудия *-dlo* от известной нам основы. Сложнее вопрос о происхождении слова **nakovadlьna* (вариант **nakovadlo*). Внешне как будто мы и тут имеем дело с прозрачным образованием, сложением *na-kovadlьna* из знакомых элементов, однако, будучи поставлено рядом со структурно однородными названиями той же реалии в других, неславянских языках, праслав. **nakovadlьna* вынуждает нас объяснить эту близость, решить вопрос о ее природе — типологической, контактной или какой-либо другой. Но этот вопрос генезиса формы **nakovadlьna* лучше отнести в конец наших рассуждений о гнезде кузнечных терминов, объединяемых основой **kova*(*ti*) и ее вариантами.

Сколько-нибудь четкие различия между ареалами продолжений праслав. **kovadlo* и **nakovadlьna*, **nakovadlo* провести трудно. Собственно говоря, уже заранее логично предполагать, что всюду, где известно **nakovadlьna*, которое, кстати, характеризуется почти общеславянским распространением, должна была быть известна в свое время и производящая основа **kovadlo* в свободном виде. Об этом говорят нередкие случаи, когда обе формы известны на территории одного языка, наряду с такими случаями, когда есть только сложение, а простое **kovadlo* не встречается. Случаи, когда известно только **kovadlo*, а **nakovadlьna*, **nakovadlo* отсутствует, представляют исключение. Тем не менее вторичность образования **nakovadlo*, **nakovadlьna* как бы налицо. Остается вопрос об импульсе, который вызвал такое необычное взаимоотношение, своеобразную чересполосицу форм названия наковальни в отдельных славянских языках:

ст.-слав. **наковало**, **наконально**, болг. *нако́вáлня*, макед. *наковалнa*, *наковало*, сербохорв. *на̂ко̄ваڻ* м., *наковало*, диал. *nakovajna*, словен. *nakovalo*, *nakovenj*, чеш. *kovadlo*, *kovadlina*, диал. (кладск.) *nákovadlo*, (моравск.) *nákova*, др.-чеш. *kovadlo*, *nákovadlé*, *nákovadlo*, *nákovadlen*, *nákouadlna*, *nákovadlno*, *nákovadlně*, *nákovadlnicě*, *nákovadlník*, слвц. *kovadlina*, *kovadlo*, *nákova*, в.-луж. *kowadło*, *nakow*, *nakowadło*, н.-луж. *nakowa*, польск. *kowadło*, *nakowadło*, ст.-польск. *nakowalnia*, *nakowadlnia*, др.-русск., русск.-цслав. *наковальнѭ*, *наковальна*, *наковально*, *ковальнꙗ*, русск. *нако́ва́льня*, укр. диал. (зап.) *на́кованьʼ* ж. 'маленькая наковальня' (при заведомом полонизме в роли основного названия наковальни — укр. *ковáдло*), блр. *кавáло*[26]. В порядке комментария к

[26] Подборку разных славянских названий наковальни можно найти еще в старой книге: *А. Будилович*. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Ч. 2. Вып. 1. Киев, 1882. С. 36. Ср.: *Machek*. S. 229.

этому более или менее подробному перечню форм по отдельным славянским языкам укажем, что одна из реконструированных выше основных праславянских форм ведет себя как прилагательное — **nakovadlьnъ*, **nakovadlьna*, **nakovadlьno*, но форма женского рода отличается при этом наиболее широким распространением. Чеш. диал. (моравск.) *nákova*, слвц. *nákova*, в.-луж. *nakow*, н.-луж. *nakowa* довольно четко выделяются по форме среди продолжений других, более сложно аффигированных образований — **nakovadlo*, **nakovadlьna*. Условно принимаемое нами локальное праслав. **nakovъ*, **nakova* с его характером преимущественного сложения, без суффиксации, стоит несколько особняком даже среди наиболее близких славянских сложений, рассмотренных выше, поэтому о нем будет уместно вспомнить ниже, когда мы будем рассматривать внеславянские параллели среди названий наковальни и их отношения друг к другу. Специального замечания заслуживает, далее, укр. диал. (зап.) *наќовань* и его отношение к сербохорв. *наковањ*, словен. *nakovenj*. Эта украинско-сербохорватско-словенская изолекса может быть причислена к большой группе связей такого рода между названными языками и их диалектами. Впрочем, природа данного соответствия недостаточно ясна для нас, потому что сербохорватское и словенское слова, продолжающие скорее древнее **nakovьnь*, будто бы свидетельствуют об относительно позднем заимствовании западноукраинского слова *нaковань* из сербохорватского языка (ср. сербохорватский рефлекс *а* < *ь*).

Выше уже отмечалась определенная связь, соотнесенность морфологической инновации и.-е. **kou̯-* > праслав. **kov-a-* с семантической инновацией 'бить' > 'бить молотом по металлу, ковать'. Связь этих инноваций формы и значения подтверждается не только таким положительным аргументом, как закрепление за тематической основой **kova-* только кузнечных значений (примеры — выше), но и — даже в большей степени — отрицательным аргументом. Этот последний состоит в том, что изолированный случай архаического словообразования от анализируемой основы — праслав. **kyjь*, не охваченный вторичной продуктивной тематизацией **kov-a-*, не знает, по сути дела, кузнечных значений, о чем говорит большинство засвидетельствованных значений продолжений праслав. **kyjь* по отдельным языкам: др.-русск. *кыи*, *кии* 'дубинка' (ср. место из Суздальской летописи под 6724 г., приводимое Срезневским: *Удариша на Ярославлихъ пѣщцев и кликнуша, оні вергъши кии, а они топоръ, отбѣжати имъ*; даваемое у Срезневского [I. стб. 1416] значение 'молот' больше подходит для другого, церковнославянского примера из Изборника 1073 г., где речь идет о кузнеце), русск. диал. (южн., зап.) *кий* 'палка, трость, посох, жезл; костыль, дубина, палица', (сев., сиб.) 'долбня, толкач', диал. (вост.) *киéц* 'большой пест, толкач, боёк в деревянной ступе, для толчения алебастра', (волжск.) *киёк* 'стойка, на которую навивают, причал', сюда же *кия́нка* 'деревянная колотушка, для долбления, вытесанная из

одного полена', 'молот камнетесцев, двухобушный, тупой', укр. *кий* 'палка, трость', 'дубина, палка, на конце которой шаровидное утолщение от оставленной части корня', *киянка* 'небольшой деревянный молоток у столяра', блр. *кій* 'палка, дубинка', польск. *kij* 'толстая, неотесанная палка, дубинка', *kijanka* 'дощечка, палка', ст.-польск. *kij* — также в значении 'колода для преступников', чеш. *kyj* 'палица, толстая палка, дубинка', *kyjanka* 'палка, дубинка', др.-чеш. *kyjěnicě* 'палка, дубинка', слвц. *kyj* 'дубинка', *kyjak* то же, *kyjaňa*, *kyjanica* 'палка', в.-луж. *kij* 'палка', *kijenc* 'дубинка; колотушка для обивания льна; стиральный валёк', *kiješk* 'палочка, стебель', н.-луж. *kij* 'палка, дубинка', *kijašk* 'палочка, стебель', словен. *kȋj* 'дубина, деревянный молоток', сербохорв. *кӣјак* 'дубина', *кӣјача* то же, стар. *kuj* 'боевой молот', болг. диал. *кий* 'палка, дубинка'.

Итак, мы получаем на основании этих свидетельств форм и значений реконструированные праславянские слова **kyjь*, **kyjьсь*, **kyjanъka*, **kyjanica* с вероятными древними значениями 'деревянная палка, дубинка, молоток' или еще более собирательно — 'деревянная колотушка'. Наличие именно таких значений и прежде всего связь с деревом кажутся вне всяких сомнений. Точно так же не подлежит сомнению окказиональность употребления в значении 'железный, кузнечный молот', которое трудно не признать здесь вторичным. Для праслав. **kyjь* мы не считаем возможным реконструировать подобное кузнечное значение. Словообразовательная связь праслав. **kyjь* < **kujǫ* и ее характер (удлинение корневого вокализма *u* > *ū* > *y*) совершенно бесспорны, но этот способ словопроизводства довольно рано утратил свою продуктивность в славянском, о чем говорит деэтимологизация почти всех примеров такого рода и то обстоятельство, что производящая основа **kujǫ* к моменту образования слова **kyjь* еще не имела кузнечной терминологической специфики, которая характеризует **kovati* и весь ряд его непосредственных производных. Праслав. **kyjь* получает, таким образом, осмысление как архаизм формы и значения, ценный для нас в последнем отношении именно как внутриславянский реликт докузнечной семантики основы **koṷ-*.

Комментируя праслав. **kyjь*, исследователи обычно обращают внимание на его историческое тождество с балтийскими словами, ср. лит. *kū̃jis* 'большой, кузнечный молот'. Действительно, с точки зрения эволюции славянских звуков и форм лит. *kūjis* представляется необычайно архаичным образованием, чем-то вроде реконструкции дославянского состояния для праслав. **kyjь*. Отношения **kyjь* : *kūjis* всецело заслуживают нашего внимания, и мы остановимся здесь на них специально. Только при этом имеет смысл несколько изменить обычную методику исследования этого случая, когда для выяснения славянского образования берется иноязычное, балтийское образование, которому предъявляется, по сути дела, одно основное требование, — чтобы оно формально соответствовало исследуемому славянскому слову. В

самом деле, если оставаться на этой точке зрения, то сближение *kyjь : kūjis нужно признать безукоризненным, как обычно и поступают: «[чеш.] *kyj* ⟨…⟩ Первоначально *kyjь* ⟨…⟩ общеславянское. Родственно лит. *kūjis* 'молот'. И то и другое от корня *kovati*, лит. *káuti*, лтш. *kaut* 'убивать'. Это балто-славянское имя образовано, когда глагол имел еще первичное значение, не суженное, не ограниченное ковкой» (Machek. S. 253). Однако, при всей внешней убедительности этого сопоставления в его обычной версии, мы предлагаем проверить связи как прaслав. *kyjь, так и лит. *kūjis* как бы изнутри, в их отношении к материалу соответствующего языка, надеясь, что такой способ окажется плодотворным, даже если подтвердится известное мнение, выраженное в нашей цитате из Махека.

Начнем с изложенных выше наблюдений над праслав. *kyjь. В то время как праслав. *kujǫ, *kovati и его производные *kuznь, *kuzn'a, *kuznica, *kovalь, *kovarь, *kovačь, *kovadlo, *nakovadlo, *nakovadlьna имеют новые, кузнечные значения, *kyjь сохраняет древнее некузнечное значение. Формально *kyjь представляет непродуктивную словообразовательную модель с продлением корневого вокализма, ср. образованные аналогично слова *čary, *krajь, *kara, *slava, *trava, *garь, *tvarь бесспорно праславянской древности[27]. Если мы в той же последовательности поставим те же самые вопросы перед литовским словом в его отношении к литовскому же материалу, то получим прямо противоположные ответы. Лит. *káuti* и его производные *kovà*, *kovóti* сохранили древние некузнечные значения, тогда как *kū̃jis* имеет новое, кузнечное значение. Формально лит. *kūjis* может вполне быть относительно новым словом ввиду продуктивности представленной в нем словообразовательной модели для литовского языка: *kauti* — *kūjis*, ср. *smaugti* — *smūgis*, *braukti* — *brūkis*, *šauti* — *šūvis*. Продуктивность этой модели в литовском словообразовании вплоть до нового времени показывают такие примеры, как *įspūdis* 'впечатление', собственно, калька нем. *Eindruck*, — лит. *įspausti* 'вдавливать'. Определенную активность и независимость словообразовательной связи лит. *kauti* — *kūjis* показывает наличие словообразовательных вариантов с иным суффиксом, но в том же значении, ср. лит. *kūgis* 'молот' (др.-прусск. *cugis* 'молот' двусмысленно, так как может отражать произношение [*kugis*] и [*kujis*]). Суммируя эту сравнительную характеристику праслав. *kyjь* и лит. *kūjis*, мы должны будем признать, что славянское слово — архаизм, а литовское — потенциальное новообразование, о чем свидетельствуют и в том и в другом случае семантические и формальные признаки обоих образований. Таким образом, кроме формального тождества *kyjь* = *kūjis*, все остальное в их характеристике прямо противоположно. У нас больше оснований говорить здесь о совпадении, но отнюдь не о совместной инновации.

[27] Ср.: *J. Kuryłowicz*. L'apophxmie en indo-européen. Wrocław, 1956. P. 296 (где подробная характеристика этой долгой ступени).

Здесь можно видеть лишь параллелизм, причем весьма неполный и отдаленный. Сравнение праслав. *kyjь* и лит. *kūjis* заставляет нас утверждать, что совместного балто-славянского или даже параллельного новообразования кузнечного термина в данном случае не было.

На этом замыкается круг привлекаемых нами здесь кузнечных названий терминов кузнечного ремесла, связанных с праслав. **kują*, **kovati*[28]. И кузнечная терминологизация древних значений, и другие стороны эволюции целой группы славянских слов для нас более или менее ясны. Картину могло бы дополнить знакомство с некоторыми производными от и.-е. **kou̯-* и их кузнечными употреблениями в других индоевропейских языках, кроме балтийского и славянского. Помимо типологического интереса, который может представить вопрос об эволюции значения и.-е. **kou̯-*, скажем, в латинском и германском, особенно в производных формах, и об отношении их к кузнечной терминологии, наблюдения над этими образованиями могут иметь и более непосредственный интерес в вопросе происхождения отдельных славянских производных. Речь, собственно, будет идти снова о названиях наковальни.

Мы говорили уже раньше о тех семантических задатках, предрасположении к развитию кузнечных значений, которые характеризовали древнюю основу и.-е. **kou̯-*, видимо, с самого начала. Далее, мы упомянули, правда, совершенно вскользь, о несомненности случаев употребления продолжений и.-е. **kou̯-*, по крайней мере в связанном виде, в производных как терминов кузнечного ремесла даже в языках, где семантическое развитие основного и.-е. **kou̯-* 'бить' > 'ковать' подобно славянскому в общем не состоялось. Мы имели тогда в виду близкие по типу и по составляющим компонентам сложные названия наковальни в латинском и германских языках: лат. *incūs*, др.-англ. *onhēaw*, ср.-в.-нем. *anehou*, *anhau*. Образование этих слов вполне ясно. Лат. *incūs* < **en-cūd-s*, ср. *cūdō* 'бью, стучу, толку'. Приведенные выше западногерманские слова восходят к древнему германскому сложению **ana-hau̯a-*, ср. герм. **hau̯an*, нем. *hauen* 'бить, рубить'. Хотя свести эти названия к единому общему прототипу, который бы лежал в основе как латинского, так и германских слов, вряд ли возможно и несомненные черты их местного образования определенно помешают это сделать, все-таки близость и тех и других образований разительна во всех отношениях — по своему типу, духу, по значению полученных слов и по самим компонентам. Основа пралат. **en-cūd-s* и герм. **ana-hau̯a-* восходит к одному и тому же и.-е. **kou̯-* (см. выше), а приставки пралат. **en-* и герм. **ana-* продолжают различные, но этимологи-

[28] Ср. еще русск. *кува́лда́* 'тяжеловесный молот', 'наковальня' (Даль. II. С. 210), которое едва ли является древним словом и, возможно, заимствовано (через украинское посредство? — ср. *-у-*) из польск. *kowadło*. Фасмер (I. С. 678) вряд ли правильно видит здесь сложение *ку-валда*.

чески родственные служебные элементы и.-е. *en, *ana/*anō. Конечно, не следует забывать о том, что и удивительные совпадения в словообразовании могут объясняться типологическим сходством, которое имеет к тому же такую яркую реальную мотивировку, как наличие плахи, колоды, пня с металлической болванкой, по которой или на которой (*en, *ana/*anō) бьют, куют (*kou̯-). То, что совпадение идет так далеко и что близкие типологически названия образованы из сложения генетически родственных морфем, может находить свое объяснение в том, что речь идет о типологическом схождении относительно близко родственных языков (латинский и германский), поэтому выбор морфем при реализации этого типологического лексико-словообразовательного схождения был в известном смысле ограничен, т. е. вероятность попадания в число выбранных морфем также генетически родственных элементов была довольно велика. Типологическое понимание близости латинского и германского названий наковальни могли бы поддержать другие известные примеры: др.-в.-нем. *anabōȝ*, соврем. нем. *Amboss* 'наковальня' — др.-в-нем. *bōȝan* 'бить, обрабатывать путем битья, ковки', др.-в.-нем. *anafalz* 'наковальня' — др.-в.-нем. *falzan*, *valzan* 'сбивать, сколачивать', сюда же др.-англ. *anfilte*, *anfealt* 'наковальня', англ. *anvil* то же; аналогично образовано сложное нидерл. *aanbeeld* 'наковальня'. Все эти разнородные по основам германские названия наковальни образованы от сложения приставки *ana-* с глаголами 'бить, колотить', т. е. в принципе абсолютно аналогично ср.-в.-нем. *anehou*. Впрочем, имеется еще одна серьезная возможность осмысления германских слов, выдвинутая некоторыми немецкими учеными: перечисленные названия, столь точно соответствующие лат. *incūs* 'наковальня', калькировали последнее, причем *ane-hou* — один из вариантов кальки. Внеязыковым основанием для кальки было культурное влияние с юга на германское кузнечное дело, которое раньше обходилось более примитивной каменной наковальней, ср. хотя бы греч. *ἄκμων* 'наковальня', тождественное индоевропейскому названию камня. Наковальня современного типа — из железа «...представляется импортированной из Италии, по крайней мере немецкие названия *ana-bōȝ* и *ana-falz*, др.-сакс. *ana-falt*, ср.-нидерл. *aenvilte*, *aenbilt*, англос. *anfilt*, *onfilt* являются точными соответствиями латинского наименования *in-cus* (от *in-cudo*) и выглядят как перевод, так что из факта заимствования слова можно было бы сделать вывод о заимствовании вещи»[29]. Таким образом, в распространении сходных названий наковальни мог сыграть свою роль, помимо культурного влияния, контакт языков.

[29] *M. Heyne*. Das altdeutsche Handwerk. Strassburg, 1908. S. 20—21; *C. Brasch*. Die Namen der Werkzeuge im Altenglischen. Eine kulturhistorisch-etymologische Untersuchung. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1910. S. 44, 60—61, 117—118. Иначе см.: *Kluge—Götze*[15]. S. 19 (*Amboss*), где мысль о кальке с латинского и вообще о влиянии с юга на германское кузнечное дело оспаривается.

Из совокупности привлеченных выше для сравнения германских названий нас интересует больше всего **ana-haua-* (ср.-в.-нем. *anehou*), которое вместе с лат. *incūs* помогает лучше представить себе условия образования славянских названий наковальни. Прозрачность структуры последних приводила к тому, что для их осмысления довольствовались славянским материалом, не прибегая к более широким сравнениям. Махек в своем словаре (С. 229), перечислив приводившиеся выше славянские, преимущественно сложные, названия, дает им следующее, скорее нелингвистическое, толкование: «По этим словам, по средневековым изображениям и по современному состоянию в отсталых странах можно полагать, что *kovadlo* — это была, собственно, колода или каменная глыба, на которой была укреплена небольшая наковальня примерно такой формы, как наковаленка или брусок для отбивания косы, называвшаяся *na-kovadl-ьje*, откуда чеш. *náko-vadlé* > *nákovadlo* или субстантивированное прилагательное *nakovadlьnъ, -a, -o*; дальнейшим сильным сокращением первого или второго слова является *nákova*». Было бы затруднительно принять, вслед за Махеком, это объяснение для всех славянских форм, так как столь важная в ходе рассуждений этого ученого форма **nakovadlьje* документируется только для чешского языка (др.-чеш. *nákovadlé*). Мы не думаем, что **nakovadlo* обязательно восходит к **nakovadlьje*, а **nakova* — к **nakovadlo* и, наконец, что **kovadlo* первоначально обозначало колоду, на которой была собственно наковальня. Славянские названия можно попытаться объяснить иначе и проще. Праслав. **kovadlo* 'то, с помощью чего куют, наковальня', с одной стороны, и **nakovъ/*nakova* (локальное серболужицкое и чешско-словацкое), сюда же **nakovьnь* (словен., сербохорв.), **nakovadlo*, **nakovadlьna/*nakovadlьno/*nakovadlьnъ* — с другой стороны, все, по-видимому, обозначали наковальню (без четкой дифференциации частей и основания). Вместе с тем между этими реконструируемыми для праславянского языка названиями была определенная разница — не в значении, а в географическом распространении и генезисе. Nomen instrumenti **kovadlo*, прослеживаемое прямо или косвенно (через посредство **nakovadlo*, **nakovadlьna*) на широкой территории, представляет собой типичное чисто славянское образование. В известном смысле противопоставленная ему группа сложений с *na-* распадается на чистые, бессуффиксные сложения **nakovъ/*nakova* с их производными **nakovьnь* и др. (серболуж., чеш., диал., слвц., словен., сербохорв.) и обильно суффигированные сложения **nakovadlo*, **nakovadlьna*, характеризуемые прежде всего участием формы **kovadlo* в их образовании. Об исконно славянском генезисе **kovadlo* мы уже сказали. Нас здесь интересуют в первую очередь сложные названия. Широко распространенные и не имеющие характерно очерченного ареала формы **nakovadlo*, **nakovadlьna* и под. мы считаем вторичной продуктивной моделью, произошедшей, видимо, от контаминации исконного **kovadlo* и более строгих сложений типа **nakovъ*.

За этим последним мы признаем решающее слово в вопросе судьбы всех прочих сложений, обозначающих наковальню в славянских языках. Начнем с того, что мы считаем форму **nakovъ* самой авторитетной из этих сложений и не можем, естественно, принять версию Махека о том, что *nákova* появилось в результате сильного сокращения форм **nakovadlo* или **nakovadlьnъ*. О древности формы **nakovъ* говорит производное **nakovьnь* в южнославянских. Значит, к наиболее естественному с точки зрения славянского словообразования имени на *-dlo* **kovadlo* присоединилось довольно рано на части древней славянской территории сложение **nakovъ* примерно с тем же значением. В результате взаимодействия форм **kovadlo* и **na-kovъ*, которое чем дальше от очага первоначального распространения слова **nakovъ*, тем больше теряло четкость, явились впоследствии формы, получившие преобладание почти повсюду (**nakovadlo*, **nakovadlьna*), что может быть использовано одновременно как свидетельство достаточно раннего протекания процесса. Первоначальный ареал формы, давшей толчок к столь важной перестройке в масштабах всех славянских диалектов, мог подвергнуться изменению, затереться или деформироваться, поэтому современным его границам нельзя приписывать абсолютной важности. Тем не менее область распространения **nakovъ*/**nakova*, реконструируемая дополнительно также из косвенных показаний производных вроде **nakovьnь*, весьма красноречива и в современном своем состоянии. Продолжения праслав. **nakovъ*/**nakova* охватывают верхне- и нижнелужицкий, периферию чешского (моравские, диалекты), словацкий, словенский и сербохорватский.

Вспомним, что с известными поправками тот же ареал обнаруживают такие праславянские лексические диалектизмы кузнечного дела, как рассмотренные выше **ěstěja* и **vygnь*. Подобно тому как эти древние локальные термины имеют параллельные соответствия в германском (или латинском), праславянское диалектное **nakovъ* обнаруживает очевидный параллелизм образования с герм. **ana-haua-*, пралат. **en-cūd-s* 'наковальня'. Как и раньше в таких случаях, мы предполагаем здесь контакт, древнее территориальное соседство. Но праслав. диал. *na-kovъ* обнаруживает еще более очевидное соседство с герм. **ana-haua-* в области языковой структуры такой своей чертой, как чистое, бессуффиксальное сложение. Эта неславянская по преимуществу особенность, наряду с другими соображениями, склоняет нас к тому, чтобы видеть в слове **nakovъ* продукт упомянутого контакта, результат одностороннего влияния, возможно, со стороны соседних древнегерманских диалектов. Во многом существенном **nakovъ* примыкает к уже известной культурной терминологии, оформившейся в пределах центральноевропейского культурного района, и по своей кузнечной семантике, и по ареалу, и по кругу языков, охваченных соответствиями (латинский, германский, славянский). Но и от анализировавшихся выше терминов **gъrnъ*, **ěstěja*, **vygnь*, и от тех анало-

гичных названий, судьбой которых мы еще займемся, **nakovъ* отличается почти определенным характером заимствованного слова. Как уже говорилось, специфику центральноевропейского культурного района глубже и лучше отражают классические совместные новообразования, при которых нельзя говорить о заимствовании. Праслав. **nakovь* представляет в этом отношении исключение и, тяготея к упомянутому культурному району или, быть может, к его традициям, отличается наличием свойств заимствования и вместе с тем, вероятно, более поздним характером. Подобно тому как герм. **ana-haua-* может быть признано, в согласии с некоторыми учеными (см. выше), калькой, буквальным переводом лат. *in-cūs*, точно так же или с еще большей уверенностью праслав. диал. **nakovъ* квалифицируется по своим оригинальным особенностям как буквальное переложение германского слова. Импульс, исходящий из латинского, произвел перестройку в германской и через ее посредство — в славянской терминологии. С правдоподобием римского влияния в славянском кузнечном и вообще металлообрабатывающем деле приходится считаться. Связь **na-kovъ* — **ana-haua-* носит такой убедительный и яркий характер в силу родства, полного генетического тождества каждого из компонентов славянского сложения с соответствующим компонентом германского сложения. Степень родства здесь такова, что можно без преувеличения, например, счесть германское слово своеобразной трансформацией славянского и наоборот. Близость между ними гораздо больше, чем обсуждавшаяся выше близость латинского и германского названий наковальни, тоже принимаемая рядом ученых без колебания. Только при рассмотрении на общем фоне латинско-германско-славянских отношений в этом вопросе становится более вероятным древнее заимствование, калька, а не исконное родство. Но в любом случае связь **en-cūd-s* — **ana-haua* — **na-kovъ* будет должна занять, наряду с **essjō* — **ěstěja* и **uhwna-* — **vygnь*, подобающее место в изучении германо-славянских лексических и вообще языковых отношений. Это еще одна черта древней ареальной близости, еще одна изоглосса, которая объединяет славянский и германский и совершенно неизвестна балтийскому.

Мы снова, таким образом, возвращаемся к проблематике центральноевропейского культурного района. Правда, праслав. **nakovъ*, как понятно из предыдущего — всего лишь один из отголосков относительно позднего времени и одностороннего направления, хотя и объединяющий основные древние диалекты, контактировавшиеся в пределах этого района и в более раннее время. Суть проявлений и признаков древнего существования центральноевропейского культурного района, повторяем, составляют не односторонние заимствования и не поздние контакты, а контакты значительной древности и общее словотворчество в области культурной терминологии в условиях близкого родства древних контактирующихся диалектов. Мы назвали в различ-

ных местах настоящего раздела целый ряд таких важных общих терминов в одной только кузнечной терминологии и считаем исключительно актуальными внимательные дальнейшие поиски в этом направлении. Но наш перечень этих изолекс еще не закончен, и мы можем сейчас их пополнить еще двумя важными словами из кузнечной лексики.

Первое сопоставление принадлежит к числу известных в науке уже довольно давно. Оно касается названия молота — праслав. ***moltъ*, широко распространенного в славянских языках: ст.-слав. **млатъ**, болг. *млат* 'большой молот', макед. *млат* 'тяжелый молот; баба', сербохорв. *млâт* 'молот', словен. *mlat* 'молот', чеш. *mlat* 'тяжелый молот' (устар.), слвц. *mlat*, польск. *młot* 'молот(ок)', в. -луж. *młót*, русск. *мóлот*, *молотóк*, укр. *мóлот*, блр. *мóлат*. Прежде чем обратиться к интересующему нас сопоставлению, а также в целом к этимологическому исследованию данного слова, полезно выделить отдельные моменты, характеризующие его функцию в славянской лексике. Сначала остановимся на вопросе о парном отношении двух названий молота, собственно, двух разных молотов, поскольку для обработки куска раскаленного металла на наковальне обычно требуются два молота — малый и большой, которыми орудуют два человека. Реальное отношение большого, тяжелого молота для черновой обработки изделия и малого молота — для отделки — отразилось в ряде славянских языков в виде отношения пары терминов. О первоначальном характере этих пар и вообще о первичности таких отношений судить трудно, тем более что второй компонент, образующий пару с **moltъ*, представлен разными словами по разным славянским языкам. Это не исключает, однако, случаев, когда оба компонента по меньшей мере не уступают друг другу в древности и как целая пара восходят к дославянским эпохам, например праслав. **moltъ* — **kladivo* (о втором слове будет сказано подробно ниже, в специальном месте). Есть, разумеется, парные отношения более местного значения, ср. болг. *млат* — *чук*. Об этом последнем локальном названии небольшого молотка, а также о других подобных (сербохорв. *čekić*) также говорится ниже. См. далее и о заимствованиях недавнего времени — сербохорв. *hamor*, *maļ* и др. Оценка любой из пар такого рода с семантической схемой отношений 'большой молот' — 'малый молот', будь то русск. *молот* — *молоток* или болг. *млат* — *чук*, приводит как будто к мысли, что окончательный объем значения, скажем, чеш. *mlat* или болг. *млат* определился в результате возникновения таких связанных пар терминов.

Этот вопрос относится к истории праслав. **molyъ* постольку, поскольку нас интересует его вероятное первоначальное значение — 'молот' или именно 'большой молот'. Этимологическое исследование тут не может помочь, потому что оно обычно не дает гарантированных дефиниций древних значений, а выявляет лишь морфемные связи и основные семантические при-

знаки. И тут, как мы увидим ниже, выявляются, с одной стороны, родственные названия молота, с другой стороны — несомненная родственная связь с лексикой типа 'размельчать, дробить'. Поэтому существенную пользу здесь могут оказать вспомогательные указания, пополняющие сведения, получаемые от этимологии. Дело в том, что независимо от конкретных способов реализации, которые нередко несут в себе поздние, местные элементы, сами парные отношения, модель парных отношений 'большой молот' — 'малый молот' может быть очень древней, и есть основания полагать, что эта модель происходит еще из дославянской древности, о чем мы судим по упоминавшейся паре слов **moltъ* — **kladivo* (дославянская, индоевропейская древность обоих этих слов и, возможно, их парного употребления будет ясна далее). Возвращаясь к вопросу о первоначальном объеме значения праслав. **moltъ*, мы допускаем, что оно было как раз носителем значения 'большой молот' или 'большая колотушка'. Последняя возможность связана с другим интересующим нас здесь моментом характеристики функционирования **moltъ* в славянских языках. Так, нельзя не считаться с вероятностью докузнечного происхождения праслав. **moltъ*, так как глагол со значением 'ковать', от которого могло бы произойти **moltъ*, нигде не известен, к тому же это имя непроизводно с точки зрения славянского словообразования и членимо лишь в плане этимологии. В плане славянского словообразования мы можем говорить только о словопроизводной активности самого **moltъ*. Но при этом сведения о значении и поведении вторичных производных от имени **moltъ* в славянских языках оказываются весьма ценными и поучительными в общей последовательности нашей реконструкции древнего значения праслав. **moltъ*. Дело в том, что наиболее распространенное и древнее производное от него — праславянский глагол **moltiti* (русск. *молоти́ть* и др.) — совершенно лишено кузнечной специфики и своим общеизвестным значением 'выколачивать зерна из скошенных колосьев ударами специальной колотушки' немало способствовало принятию нами для праслав. **moltъ* более широкого значения 'большая колотушка'. Ибо если верно, что **moltiti* произведено от **moltъ*, то это последнее должно было иметь скорее значение вроде 'большая колотушка', но никак не 'молот для ковки'. Значит, 'молот для ковки' получает объяснение как вторичная специализация более древнего и более общего значения 'колотушка', хотя сам этот факт вторичной специализации должен был осуществиться чрезвычайно рано, потому что мы видим, как это явление охватило, помимо славянского, также некоторые другие древние индоевропейские диалекты. Как мы увидим ниже, параллелизм развития и употребления близких форм в славянском и других индоевропейских диалектах довершается тем, что и значения, связанные с молотьбой, известны у родственного имени за пределами славянского.

Если заинтересоваться более специальным вопросом, почему первоначальная пара терминов праслав. **moltъ* 'колотушка для молотьбы' — **moltiti*

'молотить' преобразовалась в исторически засвидетельствованное разнородное отношение **cěpъ* — **moltiti*, то побудительную причину перестройки следует искать в эволюции реалий, в усовершенствовании орудий молотьбы. Небезынтересно отметить, что приспособления для молотьбы отличаются значительным разнообразием: вытаптывание (в частности, с помощью животных), выбивание (например, когда бьют самим снопом об пол или о землю) и собственно молотьба, выколачивание зерна из разложенных снопов колотушками. Все эти виды исторической эволюции молотьбы надежно прослеживаются средствами языкознания, этимологии также и на славянском материале, примеры этого по большей части известны, и мы здесь не будем их называть. Более непосредственно нас касается вопрос реальной мотивации замены древней пары «молотильных» терминов **moltъ* — **moltiti* более новой **cěpъ* — **moltiti*. Здесь отражено, как мы думаем, техническое усовершенствование, замена примитивной колотушки цепом в собственном смысле слова. Это нововведение имело огромную важность, так как цеп, сцепленный (отсюда его этимология) из двух частей — бьющей и держака, позволял гораздо эффективнее выколачивать зерно. Определенная податливость усовершенствованиям и терминологическая неустойчивость названий цепа вполне вероятна и может быть продемонстрирована на другом языковом материале. Так, немецкий язык тоже имеет разнородную пару терминов *Flegel*, *Dreschflegel* 'цеп' — *dreschen* 'молотить', где название цепа — *Flegel* — оказывается относительно поздним заимствованием из лат. *flagellum* 'бич'. Более древняя картина восстанавливается этимологически по английским данным, где имеем *thresh* 'молотить' — *threshold* 'порог', первоначально — 'колода, о которую выбивают, молотят'. Культурная важность усовершенствований молотьбы в древности не могла не привести к серьезному сдвигу в соответствующей производственной лексике, терминологии, почему замена **moltъ* в значении 'колотушка для молотьбы' новообразованием **cěpъ* оказалась естественной.

Теперь обратимся к формально-этимологическому анализу праслав. **moltъ* 'колотушка, молот'. Исследователи давно правильно расчленили его на формант *-to-* и корень **mol-* с типично именным, производным вокализмом *-o-*, образованный от глагольной основы **mel-* 'размельчать, дробить' [30]. С точки зрения формальной структуры слова в славянском мы имеем в праслав. **moltъ* некое подобие страдательного причастия прошедшего времени с формантом *-to-* от глагола с основой **mel-*. Но образование **moltъ* имеет все приметы морфологического архаизма на фоне других одноформантных и даже однокоренных активных праславянских образований, ср. хотя бы тождественное по морфемному составу праслав. **meltъ*, русск. *мóлот*(*ый*), при-

---

[30] *Berneker.* II. S. 73; *Brückner.* S. 341; *Младенов.* С. 300. Сомнения в связи с и.-е. **mel-* (*Machek.* S. 300) нецелесообразны.

частие от *melti*, русск. *молóть*. Ясно, что форманту *-to-* в **moltъ* неизвестна четкая категориальная залоговая характеристика славянского причастного форманта *-to-*. Праслав. **moltъ* 'колотушка, молот' продолжает особое древнее дославянское имя, имеющее близко родственные соответствия в латинском. На эти соответствия обратили внимание уже давно, причем некоторые исследователи смотрят на них с сомнением, другие приводят их уверенно. Нам кажется вполне вероятным родство праслав. **moltъ* 'колотушка, молот' и с лат. *marculus* 'молот', и с лат. *malleus* 'молот, колотушка'. При этом *marculus*, ложно понятое как деминутив (откуда обратное образование *marcus* 'большой кузнечный молот'), правдоподобно возводится к долатинскому **mol-tlos*, закономерно эволюционировавшему в историческую латинскую форму. Эта праформа и.-е. диал. **mpl-tlo-s* 'молот' представляет собой суффиксальный вариант производного, близкий к **mol-to-s* 'молот, колотушка', откуда праслав. **moltъ*. Производным от тождественного и.-е. диал. **mol-to-s* было, по-видимому, в конечном счете и лат. *malleus* 'колотушка, молот'[31]. Хронологически поздние свидетельства о продолжениях народнолатинского *malleus* в различных романских языках привлекают наше внимание своими подчас очень древними значениями, удивительно соответствующими предшествующей семантической характеристике славянского слова. Ср., наряду с ит. *maglio* и др. 'молот', диал. (пармск.) *mai* 'кузница', такие примеры, как исп. *majo* 'молотилка', порт. *malho* 'молотильный цеп'[32]. Здесь интересно поставить рядом праслав. **moltъ* в реконструируемых значениях 'молот' и 'колотушка (в частности, для молотьбы)'. Параллелизм значений и терминологического употребления праслав. **moltъ* и лат. *marculus*, *malleus*, действительно, очевиден, их этимологическое родство и в сущности тождественное словообразование позволяют считать эти параллельные факты лексики совместными инновациями древнеиталийских и древнеславянских диалектов в области кузнечной терминологии.

Переходим к следующему не менее красноречивому параллелизму лексики и словообразования, объединяющему культурную терминологию древнеиталийских и части древнеславянских диалектов. Интерес настоящего случая повышается тем обстоятельством, что до сих пор на это важное и вполне очевидное соответствие как-то не обращалось внимания, из-за чего родственные связи славянского слова оставались в тени. В наших глазах значение нижеследующего сближения латинской и славянской лексики определяется еще и тем, что мы получаем возможность наблюдать еще один несомненно древний случай родства и совместного творчества в области словообразования и лексики, охватывающий примерно те же древние индоевропейские диалекты,

---

[31] См.: *Walde*^{2}. S. 456, 464; *Berneker*. II. S. 73; *Machek*. S. 300 (где отклонения в деталях).

[32] *Meyer—Lübke*^{3}. S. 429. № 5268.

с составом которых нам приходилось встречаться всякий раз, когда мы говорим о древнем культурном районе в центре Европы.

Славянское слово является ярко выраженным специальным кузнечным термином. Это праслав. **kladivo*, продолжения которого находим в ряде славянских языков. Ср. чеш. *kladivo* 'молоток', слвц. *kladivo* 'молоток, молот', словен. *kládivo*, сербохорв. (преимущестенно кайкавское) *klȁdȋvo* (неизвестно Вуку Караджичу), диал. *kladivec* 'малый кузнечный молот': kladivec je mali, a veliki je hamor[33]; русск.-цслав. *кладиво* 'σφῦρα, молот'. При определении ареала в расчет, видимо, можно не принимать более широко распространенного сербохорв. *кладиво* 'спортивный молот' как современного термина книжного происхождения, к тому же не имеющего связи с кузнечной терминологией. Поздним культурным заимствованием из сербохорватской спортивной терминологии явилось и макед. *кладиво* 'спортивный молот'. В остальном **kladivo* неизвестно, по-видимому, на большей части сербохорватской языковой территории и на прочих южнославянских территориях к югу и востоку (Македония, Болгария), если иметь в виду народную кузнечную терминологию. Русск.-цслав. *кладиво* как книжный элемент, занесенный со славянского юга, не может ввести нас в заблуждение, и мы констатируем отсутствие в народной терминологии кузнечного ремесла в русском, украинском и белорусском языках своего исконного продолжения праслав. **kladivo*. Точно так же не влияет на наши представления о древнем ареале слова **kladivo* польск. диал. (силезск.) *kładziwo* 'молот', которое ввиду его наличия лишь на чешской границе, а также в связи с отсутствием его в старопольском языке считают заимствованием из чешского[34]. В западнославянских языках к северу от чешско-словацкой группы продолжения праслав. **kladivo* практически неизвестны. Мы получаем в итоге ареал продолжений **kladivo*, охватывающий чешский, словацкий и словенский с примыкающей кайкавской областью сербохорватского. У нас есть основания полагать, что этот исторический ареал в общих чертах соответствует древнему ареалу праслав. **kladivo*. При этом если предполагать возможные с течением времени изменения очертаний древнего ареала кузнечного термина **kladivo*, то мы склонны думать, что это было скорее некоторое расширение, а не редукция территории первоначального распространения. Нашу мысль об известной стабильности границ исторического ареала **kladivo*, иными словами, об архаичности распространения термина **kladivo* в современных славянских языках мы проверяем на сравнении со сходными границами распространения целого ряда древних терминов кузнечного дела. Так, с известными поправками тот же ареал обнаруживают **vygnь*, **ěstěja*, **nakovъ*, которые мы вместе со словом **kladivo* определяем как праславянские лексические диалектизмы. Эти праславянские

---

[33] *J. Kotarski.* Lobor. Narodni život i običaji // ZbNŽ. Kń. XX. Zagreb, 1915. S. 240—241.
[34] *Sławski.* II. S. 246.

лексические диалектизмы большой древности, одновременно составляющие основной фонд кузнечной терминологии местных славянских диалектов, представляют, как мы это знаем по **ěstěja*, **vygnь* и **nakovъ*, также редкое в иных случаях этимологическое единообразие ввиду своей близости с древней и как правило тоже кузнечной лексикой древних соседних индоевропейских диалектов. Вполне закономерно задать вопрос, идет ли параллелизм между **ěstěja*, **vygnь*, **nakovъ* и **kladivo* дальше, т. е. можно ли и для праслав. диал. **kladivo* ожидать выявления аналогичных этимологических, генетических связей с близкой культурной лексикой западных индоевропейских диалектов? Наши наблюдения позволяют нам ответить на этот вопрос утвердительно.

Праслав. диал. **kladivo*, обозначавшее вид кузнечного молота, по-видимому, малый молот, родственно лат. *gladius* м., *gladinm* ср. 'меч', точнее, 'короткий меч, напоминающий нож'. Латинские слова восходят, вероятно, к праформе **kladii̯os*, **kladii̯om* и родственны в свою очередь лат. *clādēs* 'вред, ущерб, гибель, резня'[35]. Реконструкция *gladius* < **kladii̯os* находит подтверждение в реальности спорадического перехода *gl-* < *kl-* в некоторых других случаях в латинском, ср. *glōria* 'слава'< **klousiā*. Праслав. **kladivo* особенно близко форме среднего рода лат. *gladium*, которая в связи с этим не может считаться столь бесспорно вторичной, вопреки Вальде—Гофману. Славянское и латинское слова восходят к единой индоевропейской диалектной праформе **klădii̯om*. Их объединяет не только общность корня, но и общность суффикса. Что касается корня, то в качестве его послужил одинаково расширенный (**kl-ad-*) вариант индоевропейского корня **kel-* 'колоть, рубить, бить', более известного на славянской почве в полной огласовке — **kol-* (праслав. **kol-ti*), а также **kol-d-* (праслав. **kolda*, русск. *колода*, польск. *kłoda* и т. д.), — своего рода второе состояние того же корня **kl-ad-*, что и в **kladivo*, только с обратным соотношением количества вокализма корня и суффикса. Праслав. диал. **kladivo* с точки зрения праславянского языкового состояния было, по-видимому, архаизмом, изолированным, хотя и исконным словом. Во всяком случае производный его характер был утерян, и в свете этимологического тождества **kladivo* = *gladium*, говорить о праслав. **kladivo* как о производном имени от праслав. **kladǫ*, **klasti* в значении 'бить', как делает Славский в своем словаре, значит впадать в анахронизм. Реконструкция единой праформы **klădii̯om* для славянского и латинского слов свидетельствует, как уже указывалось выше, и об общности суффикса *-ii̯o-*. Словообразовательная модель «именное отглагольное производное с суффиксом *-ii̯o-* и значением орудия действия или способности к действию» насчитывает несколько цельнолексемных латинско-славянских соответствий, в частности и из сферы культурной, производственной лексики, ремесленной

[35] *Walde—Hofmann.* I. S. 603—604.

терминологии. Таковы, кроме *kladivo = gladium (-iu̯om > -ium в связи с безударным положением?), еще праслав. *stativa, мн. *stativy 'стояки ткацкого стана или весь стан' — лат. stativus, упоминавшиеся выше, в разделе о текстильной терминологии; ст.-слав. **сѣчико** 'секира, топор' — лат. secivum. Значения лат. gladium 'меч' — праслав. *kladivo 'малый кузнечный молот' не представляют препятствия для полной идентификации этих слов также в семантическом отношении. Конкретное терминологическое значение 'меч, боевой клинок' развилось, несомненно, вторично из какого-то первичного значения, подходившего и для названия орудия, и для названия оружия. Ср., с одной стороны, упомянутое выше и.-е. *kel- 'колоть, рубить, бить', выделяемое в основе славянского и латинского слов, а с другой стороны, весьма аналогичные лексико-терминологические отношения герм. *swerða- 'меч' — праслав. *svьrdьlъ 'сверло, орудие для прокола и просверливания, также кузнечный термин', к которым мы еще вернемся ниже. Вообще с названиями мечей мы сталкиваемся неоднократно, разбирая производственную, ремесленную лексику, и видим на этих примерах генетическую связь их друг с другом. Тут уместно вспомнить те элементы семантической характеристики праслав. *kladivo, которые поддаются выделению, из засвидетельствованных значений его продолжений в отдельных языках, а именно 'малый кузнечный молот'. Понятно, что именно это значение принципиально сродни значению 'меч', поскольку малый кузнечный молот был орудием более тонкой отделки, т. е. более легким и острым. Об этом же говорит обсуждавшаяся выше с иной точки зрения вероятность древнего существования пары отличных терминов *moltъ — *kladivo. После специального этимологического анализа обоих этих слов мы можем говорить о реальности существования пары терминов 'большой молот' — 'малый молот' также в дославянскую эпоху: *moltos — *kladiu̯om. Как известно, мы теперь располагаем для каждого из этих дославянских слов надежными латинскими соответствиями. Правда, лат. marculus — gladium или malleus — gladium уже не составляют терминологических пар, как это имеет место в славянском, но известное вероятие подобных парных терминологических отношений долатинских праформ *moltlos — *kladiu̯om или *moltos — *kladiu̯om все-таки сохраняется.

Сильная сторона этимологического сближения праслав. *kladivo — лат. gladium заключается в его цельнолексемном характере, когда родство корней дополняется и контролируется одинаковой суффиксальной оформленностью, а историческое (диахроническое) тождество значения находит поддержку в формально-словообразовательном тождестве. Казалось бы, что на том вероятном временном уровне, на котором мы предполагаем древние индоевропейские диалектные контакты и в целом языковое общение в рамках древнего центральноевропейского культурного района, трудно или даже нереально оперировать словами в понимании, близком к современному. По-видимому,

аналогичные представления приводили к тому, что в понятие глубокой реконструкции как бы включалось понятие формантного оголения. Индоевропейская реконструкция для праслав. ***kladivo* даст в таком случае **kel-* 'колоть, бить', для лат. *gladius*, *gladium* — тоже и.-е. **kel-* 'рубить, бить', и мы получаем в этом смысле некоторую вероятность тождества самой первичной исходной базы образования обоих слов. Однако когда количество общих элементов в двух словах сведено до такого минимума, то это практически равносильно признанию единства самой этой исходной базы случайным. Такая реконструкция не дает почти ничего для глубокого понимания истории слова, а такая одноплановая этимология практически бесцельна. В подобном положении, как нам кажется, находится огромное количество древней лексики разных индоевропейских языков, и хотя время корневой этимологии объявлено давно прошедшим, на деле мы еще очень недалеки от этого прошлого. Игнорирование словообразовательной оформленности большого числа слов, в частности живых языков, приводит к тому, что мы по-прежнему очень плохо знаем индоевропейское словообразование. Систематический пересмотр устоявшихся точек зрения в этой области науки принес бы большую пользу изучению словообразования и этимологии. Наиболее удобны и благоприятны случаи, когда конкретные живые слова в разных индоевропейских диалектах обнаруживают многократные схождения (в корне, словообразовательном форманте или формантах и значении). Приписать эту многократность общих признаков структуры и значения случаю гораздо труднее, чем счесть случайным выделение минимального общего корня с неясным значением в двух разных сложно оформленных словах. Задача состоит в том, чтобы внимательно отбирать и контролировать слова с общностью структуры. Не следует думать, что все дело сведется к поискам исключительно труднодоступного материала. До сих пор исследователи очень часто проходили мимо фактов, лежащих, так сказать, на поверхности.

Как уже говорилось, преимущество этимологической идентификации праслав. **kladivo* = лат. *gladium* — в ее цельнолексемном характере. Но даже на таком ограниченном участке словаря, как кузнечная лексика, и на таком отдаленном хронологическом уровне, как время вероятных древних контактов славянских, германских и италийских диалектов в называвшемся ранее культурном районе, тождество слов **kladivo* — *gladium* не представляет исключения. Рядом с ним стоят идентифицированные словесные пары праслав. **ěstěja* — герм. **essjō*, праслав. **moltъ* — лат. *marculus*, *malleus*, праслав. **vygnъ* — догерм. **uknis*, праслав. **gъrnъ* — лат. *furnus*, праслав. **nakovъ* — герм. **anahaua-*. Таким образом, мы получили в итоге шесть словесных тождеств в кузнечной терминологии (не считая праслав. **svьrdьlъ* — герм. **swerđa-*, уже бегло упоминавшегося выше), из которых четыре здесь пред-

ложены впервые. Интересен семантический аспект этой совокупности лексических тождеств. Дело в том, что если мы взглянем на собранные здесь соответствия со стороны значения, то они обращают на себя внимание своей семантической комплектностью. Действительно, здесь представлены названия всех основных кузнечных реалий, если иметь в виду древнейшую стадию кузнечного ремесла: 'место для огня, кузница' (праслав. **vygnъ*), 'кузнечный горн' (**gъrnъ*) 'отверстие, устье горна' (**ěstěja*), 'большой молот', 'малый молот' (**moltъ*, **kladivo*), 'наковальня' (**nakovъ*). Если мы сравним эту ограниченную лексику с максимальным составом кузнечной терминологии в славянских языках, то окажется, что наш минимальный перечень основных названий придется пополнить лексикой дутья, а также более частными названиями кузнечных приспособлений — исконно славянскими и особенно заимствованными (не говоря о производных от **kovati* названиях кузнеца, уже рассмотренных выше, и т. д.). Все это, за единичными исключениями, — вторичные образования разного времени. Значит, возможен вполне естественный вывод, что в немалой степени региональная лексика, только что проэтимологизированная нами, составляет вместе с тем древнейший пласт славянской кузнечной терминологии вообще. Это показывает большое значение центральноевропейского культурного района для формирования древнейшей кузнечной терминологии славянских языков, а также важность изучения лингвистической проблематики центральноевропейского культурного района в различных аспектах, и прежде всего в славянском. До сих пор мы говорили о выявляемом на материале изолекс центральноевропейском культурном районе как о некоем целом, безотносительно к его специальным аспектам. Несомненно, что это усложнит общую картину и даст почувствовать недостаточную разработанность наших представлений о хронологии различных славянско-неславянских изолекс, но одновременно и обогатит проблематику изучения представленной здесь группы изоглосс отдельными моментами динамики. Мы имеем в виду на первых порах три основных аспекта центральноевропейского района и его изоглосс, а именно по числу выявленных участников: славянский, германский и италийский аспекты. Начиная со славянского аспекта, мы изучаем отношение всей славянской языковой территории к центральноевропейскому культурному району, в особенности к той части славянской территории, которая имеет непосредственное отношение к центральноевропейским изоглоссам. Этот аспект является в своей сущности лингвогеографическим, поэтому удобнее будет представить обсуждаемые отношения на карте хотя бы самым схематическим образом. Вся славянская языковая территория исторической эпохи распадается на две неравные части: одна из них (запад и юго-запад) характеризуется наличием слов **vygnъ*, **ěstěja*, **kladivo*, **nakovъ*, вторая, бóльшая (север, весь восток славянства и восточная группа южных славян) последовательно показывает

наличие только двух названий — **gъrnъ* и **moltъ*, реконструируемых или непосредственно засвидетельствованных также и в первой части славянской территории. И те и другие названия имеют надежные западные ассоциации, распределение же их по территории носит такой характер, который невольно вызывает в памяти простейшие сравнения из области физики. Потому что подобно тому как круги волн от камня, брошенного в воду, всего гуще в непосредственной близости от центра падения и реже и ровнее на некотором расстоянии от него, так и изоглоссы, связывающие славянскую лексику с центральноевропейским районом, в основном теснятся в непосредственной близости от этого района, на западной периферии славянской территории, где картина всего сложнее, тогда как противоположной периферии славянской территории достигают только две изолексы, представленные словами **gъrnъ* и **moltъ*, имеющими общеславянское распространение. Как в других случаях, так и здесь единообразное распространение явлений отличает вторичную экспансию. Эта вторичная (внутриславянская) экспансия, бесспорно, распространялась в направлении (говоря обобщенно) с запада на восток. Об этом свидетельствует и наличие наиболее полных лексико-терминологических внеславянских соответствий у праслав. **gъrnъ* и **moltъ* только на западе. Но и эти последние, наиболее далеко проникшие волны совершенно не затронули, например, балтийский. Об остальных центральноевропейских изолексах славянской кузнечной терминологии говорить не приходится; все они остались древними региональными элементами лексики в пределах первой из названных выше частей славянской терминологии, их не коснулась вторичная экспансия слов **moltъ* и **gъrnъ*, и они, по-видимому, были всегда далеки от балтийской территории. Что касается западно-восточного продвижения **gъrnъ* и **moltъ*, то его возможность подтверждает пример отношений и влияний **nakovъ* × **kovadlo*, разобранный выше.

Германский и италийский аспекты лингвистической проблематики центральноевропейского культурного района затрагиваются нами здесь только частично, в связи с соответствующим материалом славянской кузнечной терминологии. Нельзя, конечно, не отметить того факта, что терминов, которые бы равномерно охватывали все относящиеся сюда языковые группы, почти не имеется (лат. *incūs* : герм. **anahaua-* : праслав. **nakovъ* — пожалуй, единственный и не очень удачный пример, поскольку здесь есть основания говорить о серии заимствований лат. > герм. > слав.). Иными словами, за вычетом этого примера, у нас пока нет других германско-италийских изоглосс в области кузнечной или близкой культурной терминологии, которые бы одновременно продолжались и на славянской территории. Мы говорим пока здесь о германско-славянских и италийско-славянских изоглоссах, как бы молчаливо допуская некоторую несовместность действий между германским и италийским компонентами предполагаемого сообщества. Хронологические,

даже самые относительные осмысления этих расхождений пока затруднительны. Однако как италийско-славянские, так и германско-славянские сепаратные кузнечные изолексы занимают на славянской территории примерно одну периферийную область, т. е. совпадают (см. выше ареалы **vygnъ*, **ěstěja*, **kladivo*, **nakovъ*). Далее, в большинстве этих случаев, как уже отмечалось выше, мы имеем дело с равноправными родственными отношениями, а не с односторонними заимствованиями. Все это вместе и побудило нас говорить о центральноевропейском культурном районе, что, по нашему мнению, лучше отражает оригинальную специфику этих языковых отношений. Конечно, здесь уместны также гипотетические предположения самого предварительного характера. В качестве материала для них можно указать на то, что общеславянское распространение получили слова **gъrnъ* и **moltъ*, обладающие исключительно латинскими терминологическими соответствиями. Возможно, это говорит о допустимости для них наиболее древней датировки, как и в целом для италийско-славянских связей в этой области. Впрочем, какие бы то ни было далеко идущие выводы в связи с этим о германско-славянских изоглоссах пока преждевременны, потому что мы слишком далеки от полного знания этих языковых отношений, в частности причин того, что отдельные изоглоссы стали достоянием всех славян, тогда как другие, быть может, не менее почтенные и древние, остались региональными словами.

Древнейший пласт славянской кузнечной терминологии постепенно пополнялся новыми элементами, перестраивался под воздействием этих новых элементов лексики, а также в связи с некоторыми новшествами техники, которые затронули и такое консервативное производство, как кузнечное дело. Эта перестройка коснулась и названий молота, рассмотрение которых мы начали с наиболее древних терминов. Действие противопоставления 'большой кузнечный молот' — 'малый молот' сохранялось и при перестройке. Учет этой особенности помогает в оценке тех случаев, когда в роли одного из этих терминов выдвигается в результате своеобразной перестановки, по-видимому, новое, но реквизированное из исконной лексики название; не менее отчетливо противопоставление двух терминов для молота сказывается и тогда, когда в роли одного из них выступает новое заимствование. Заимствование нередко связано с соответствующим усовершенствованием технического устройства и с иноязычным влиянием в этой области терминологии в целом, как мы еще увидим ниже. Техническим усовершенствованиям был подвержен главным образом тяжелый молот, для орудования которым применяли, например, силу воды, нередко — под влиянием немецкой кузнечной техники. Разнообразные соответствующие описания и ценные указания современника о размерах и характере немецкого влияния можно найти в приводимых далее отрывках из старопольской поэмы Роздзенского. В такой ситуации название

тяжелого кузнечного молота оказывалось своего рода слабой позицией в известном парном противопоставлении, и в этой функции иногда утверждались новые заимствования, как в случае с сербохорв. диал. *hamor* 'большой кузнечный молот', которое было упомянуто выше, из нем. *Hammer* 'молот'. Из других поздних местных заимствований ср. сербохорв. *maļ* 'молот' — из ит. *maglio* 'молот'. Зная основной принцип противопоставления двух названий молота, мы можем, с другой стороны, предположить, что в некоторых местных названиях малого молота, выдвинувшихся из числа исконной лексики, так или иначе использован наличествовавший в них до этого семантический признак 'острый'. Примерно так мы понимаем южнославянские названия малого молота, молотка. Болг. *чук* 'кузнечный молот' (сюда же макед. *чук* 'деревянный молот', сербохорв. *чȳк* 'дубина, деревянный молот') родственно, по нашему мнению, болг. *чу́ка* 'бугор, холм, каменистая вершина', *чука́р* то же и близким формам со значением вершины в других южнославянских языках. Все эти слова происходят из и.-е. **keu-k-* 'выпуклый', 'выступающий, высокий', причем, в отличие от семантической эволюции праслав. **bьrdo* 'ткацкий гребень' > 'горная вершина' в южнославянских языках, названия молотка и вершины не связаны здесь тем же отношением последовательности, тем более что большая древность именно значения 'бугор, вершина' здесь доказана родством болг. *чука* и гот. *hauhs*, нем. *hoch* 'высокий', особенно же изоглоссной близостью болг. *чукар* и лит. *kaukarà* 'холм, бугор; вершина горы'. Менее вероятно объяснение болг. *чук* 'молоток' из апофонической разновидности и.-е. **kou̯-*, слав. *kovati*[36], что поставило бы сразу это название в изолированное положение термина с очень древним кузнечным значением, для чего у нас нет оснований. Сербохорв. *чѐкић* 'молоток', широко известное в народной терминологии кузнечного дела, образовано с помощью уменьшительного суффикса *-ић*, по-видимому, от той же основы слав. **ček-/*čьk-*, что и русск. *чека́*, *чо́каться*, *чкнуть*, *про-чкнуть* с исходным значением чего-то острого, твердого.

Усовершенствование техники кузнечного производства многократно и довольно детально отразилось в производственной терминологии. Судя по тому, что соответствующие терминологические преобразования касались, как правило, только славянского и были по своей природе инновациями словообразования, семантики и лексики, мы переходим к рассмотрению явлений культуры и языка вторичного порядка, постепенно удаляясь от древней базы и в том и в другом отношении.

Сюда относятся названия различных действий, к которым стали прибегать в интересах придания изделию крепости. Это следующие после **kovati* глаголы в нашей терминологической группе: **sъpojiti*, **pajati* и **kaliti*. Праслав.

---

[36] *Младенов*. С. 689 (там же правильная этимология слов *чука*, *чукар*).

pajati* (*sъpajati*, **sъpojiti*) представлено в русск. *пая́ть* 'сваривать, наваривать посредством расплавленного металла', сюда же русск.-цслав. *паяти* 'отливать', ст.-слав. **съпоити 'conjungere', словен. *pajati*, сербохорв. *спо̀јити* 'спаять, соединить', болг. *споя́*, *споя́вам* 'спаять', чеш. *pájeti* 'паять', польск. (стар.) *spoić*, *spajać* то же. Праслав. **pajati* связано с **piti* 'пить', как **vajati* — с **viti* (см. выше), точнее, **pajati* образовано как итеративная форма глагола **pojiti* 'поить, давать пить'. Лексико-семантическая связь глаголов 'пить' и 'паять' находит наглядное реальное обоснование в сходстве сваривания двух металлических частей каплями жидкого металла с процессом питья, почему сходные по своей семантической истории термины 'паять' могли появиться независимо в разных языках, ср., например, такую известную аналогию слав. **pajati* — **piti*, как фин. *juottaa* 'паять', собственно, 'давать пить' — *juoda* 'пить' [37].

Праслав. **kaliti* 'калить, закалять', широко представленное в славянских языках (ст.-слав. **калити**, болг. *каля́вам*, макед. *кали*, сербохорв. *ка́лити*, словен. *kalíti*, чеш. *kaliti*, слвц. *kalit'*, др.-русск. *калити*, русск. *кали́ть*, *закаля́ть*, укр. *кали́ти*), во-первых, тождественно **kaliti* в значении 'загрязнять, марать, вываливать в грязи', которое представлено, например, в польск. *kalić*, не знающем значения 'калить, закалять (металл)'; во-вторых, это — первоначально единое — **kaliti* образовано от праслав. **kalъ* 'жидкая грязь, глина; нечистоты' [38]. Эта единственно убедительная этимология подтверждается аналогиями вроде франц. *tremper* 'окунать, погружать, макать' и 'закаливать (металл)' и реальными причинами в виде преимущества закаливания раскаленного металла не в чистой воде, которая быстро нагревается до кипения, а в более вязкой среде из раствора глины. Как и в других случаях омонимизации (их много собрано в разделе о гончарстве), единство происхождения **kaliti* I 'загрязнять' и II 'закаливать' очевидно из примеров нейтрализации в производных, ср. русск. *закал* (металла), а также *закал в хлебе.*

Сюда же, к лексике усовершенствований, относится, по-видимому, многое из названий вспомогательных инструментов кузнеца. Во всяком случае большинство этих названий — типично славянские новообразования, что особенно ярко наблюдается в отдельных примерах (название точила).

---

[37] *V. Kiparsky.* Die ostseefinnischen und slavischen Ausdrücke für «löten» // JSFOu. LVIII. 1955—1956. S. 1 ff.; *Machek.* S. 348; *Vasmer.* II. S. 329. Прочую лексику, связанную с навариванием стальных полосок, — русск. *уклад*, сербохорв. *на̏до*, словен. *nádo*, укр. *надити* 'покрывать сталью', — рассматривает на широком культурном фоне, с иранскими параллелями, В. И. Абаев. Как русское *уклад* 'сталь' помогло выяснить этимологию осетинского *ændon* 'сталь' // Этимологические исследования по русскому языку. I. М., 1960. С. 73 сл.

[38] *Brückner.* S. 214; *Sławski.* II. S. 29; *Vasmer.* I. S. 510. Прочие этимологии (см.: *Machek.* S. 188) невероятны.

Праслав. **klěšča*/**klěšči*: болг. *клещú* 'клещи', макед. *клешти* то же, сербохорв. *клéшта* ср. мн., *клéште* ж. мн. 'клещи; щипцы', словен. *kléšče*, чеш. *kleště*, др.-чеш. *kleščě*, *kléščě*, слвц. *kliešte* 'клещи; щипцы', в.-луж. *klěšće*, н.-луж. *klěšće* 'клещи', полаб. *klestə*, польск. *kleszcze*, др.-русск. *клѣщи*, *клѣщѣ*, *клѣщѧ* 'forceps, клещи', русск. *клéщи*, укр. *кліщі* 'клещи, щипцы', блр. *клéшчы*. Это название специального зажима, которым кузнец берет раскаленное железо из огня и держит его во время ковки на наковальне, представляет собой форму множественного числа от **klěšča* женского рода или **klěšče* среднего рода (например в сербохорватском), причем форма женского рода абсолютно преобладает. Следует подчеркнуть, вопреки мнению отдельных авторов[39], что мы здесь имеем именно множественное, а не двойственное число (**klěščě* от **klěšča* или **klěšče*). И если для опровержения точки зрения о наличии здесь двойственного числа форма праслав. **klěšči* не очень удачно подходит в силу своей двусмысленности (из **klěšči*? из **klěšče*?), то бесспорность наличия в таком образовании плюральной формы показывают совершенно однотипные образования: праслав.: **ščipьci*, **tisky*, **nožici*/**nožьnici* — все, кстати сказать, относятся к терминологии кузнечного ремесла. Иллюзию обязательности формы двойственного числа, скажем, в праслав. **klěšči*, по-видимому, порождает такая реальная особенность обозначаемого, как две половинки клещей. Но используемая нами аналогия других подобных образований достаточно основательно отводит и это соображение. Дело в том, что и праслав. **ščipьci*, и **tisky*, и **nožici*/**nožьnici* обозначают без исключения орудия, составленные в принципе из двух подвижных половинок, не говоря о второстепенных деталях и более поздних усовершенствованиях (это же относится, пожалуй, и к древнейшему виду ножниц — так называемым овечьим ножницам, у которых половинки не вращаются на шарнире, а выкованы из одного куска и соединяются в задней части пружинящей дугой). Но до того как закончить характеристику этих сходных образований, нам нужно сказать несколько слов по этимологии слав. **klěšči*. Оно образовано вместе с праслав. **klěščь*, название паразитического насекомого (ср. русск. *клещ* и др.), от глагола **klěstiti* 'сжимать, стискивать, сдавливать' с помощью суффиксального *-ja*, *-jь*. Дальнейшие, внеславянские этимологические связи недостаточно ясны, и притом здесь уместно говорить лишь о родстве основы, поскольку термин **klěšči* — всецело славянское новообразование. Этимологизация слов **klěšči*, **klěščь*, **klěstiti* вызывает несколько замечаний. Прежде всего достоверно можно говорить только о праславянской основе **klěst-*, а не **klěs-*, **klěš-* (так, совершенно очевидно, что русск. *клешня* может объясняться не из **klěš-ьn-*, а только из **klešč-ьn-* < **klěst-*). Это заставляет осторожнее отнестись и к славянским формам на *kliš-*, *kleš-*, которые могут оказаться результатом вторичного переразложения групп согласных на границе морфем, и

---

[39] См., например: *Sławski*. II. S. 213.

такую же осторожность проявить по отношению к балтийским словам, с которыми обычно сближают славянские — лит. *klìšė* 'клешня (рака)' [40].

Праслав. **ščipьci* мы выделяем на основании болг. *щи́пци* 'щипцы, клещи', макед. *штипци* 'щипцы', сербохорв. *шти̏пци* 'клешни (рака)', словен. *ščipec* 'щипцы, которыми снимают нагар со свечи', чеш. *štipec* 'щипок, щепоть', *štipce* мн. 'щипцы для снятия нагара', слвц. *štipec* 'зажим', польск. *szczypce* 'щипцы', русск.-цслав. *щипьць* 'щипцы', русск. *щипцы́*. Судя по всему, это название еще более позднее, чем **klěšči*. Терминологизация проведена здесь гораздо менее последовательно, грамматическая форма колеблется между единственным и множественным числом (у термина **klěšči* этих колебаний нет), кроме того, сама необходимость в термине **ščipьci* явилась значительно позже и не везде. Это слово обозначало разновидность клещей, малые клещи, поэтому ряд славянских языков обходится одной лексемой **klěšči*, в чем видна бо́льшая древность, чем в наличии пары русск. *клещи* — *щипцы*. Этимология **ščipьci* — **ščipati* ясна. Обозначением такого дополнительного, более легкого инструмента для хватания, извлекания служили иногда заимствования, ср. польск. *obcęgi*, укр. *обце́ньки* 'щипцы' — из нем. *Hebzange*.

Др.-русск. *тиски* 'орудие для сжимания' (XVI в., Срезн. III. Стб. 960), русск. *тиски́*, блр. *ціскі́* [41], сюда же сербохорв. *ти̏сак* 'пресс; зажим' свидетельствуют все вместе о наличии праслав. **tiskъ*, мн. **tisky*, причем именно форма множественного числа послужила как средство словообразования и была терминологизирована в некоторых языках как обозначение особого зажима, состоящего из двух основных частей подобно клещам и щипцам. Впрочем, реконструкция праслав. **tisky* для названия тисков предпринимается чисто условно, поскольку большого вероятия в пользу праславянской древности терминологизации здесь не имеется. Сингулярное **tiskъ* было, бесспорно, известно в праславянском языке в различных более свободных значениях отглагольного имени: **tiskъ* — **tiskati* 'жать, давить, стискивать'.

Если **ščipьci* и **tisky* представлялись нам не без основания относительно поздними терминами, что находило формальное подтверждение в достаточно широком и активном употреблении параллельно с ними форм единственного числа в разных значениях, то следующее за ними интересное образование **nožici*/**nožьnici* можно, напротив, определить без колебания как древнее слово. Сюда относятся болг. *но́жици* 'ножницы (в частности, для резания железа)', при *но́жница* 'ножны', макед. *ножица* ед., *ножици* мн. 'ножницы', *ножница* 'ножны', сербохорв. диал. *нȍжице* 'ножницы' (обычно в этом

---

[40] Ср.: *Berneker*. I. S. 516—517; *Преображенский*. I. С. 315; *Vasmer*. I. S. 569; *Младенов*. С. 240; *Sławski*. II. S. 213, 214.

[41] Ср.: *Gz. Pietkiewicz*. Op. cit. S. 284.

значении — тюркизм *маказе*, ср. болг. *мака́з*, *макази* 'ножницы'), *нȍжнице* мн. 'ножны', слвц. *nožnice* 'ножницы', в.-луж. *nožicy*, н.-луж. *nożyce* 'ножницы', ст.-польск. *nożyca* 'ножницы', польск. *nożyce* мн. то же, др.-русск., русск.-цслав. *ножици*, *ножьницы* 'ножницы', наряду с *ножьници* 'ножны', русск. *но́жницы*, укр. *но́жиці*, блр. *но́жыцы*. Преобладает вариант **nožici* при более редком (и, возможно, вторичном?) **nožьnici*. Образование множественного числа **nožici* от формы единственного числа **nožica* вопросов не вызывает, тем более что и само сингулярное **nožica* кое-где сохранилось до сих пор (макед., ст.-польск.), причем именно в значении 'ножницы'. Тем не менее для большей части славянских языков эту парность следует признать несуществующей, почему решительно преобладает и может считаться еще праславянской грамматическая характеристика названия ножниц — **nožici* — как plurale tantum. Мотивировка со стороны реалии была уже упомянута выше.

Обобщая наблюдения над названиями **klěšči*, **ščipьci*, **tisky*, **nožici*/**nožьnici*, мы находим, что все они без исключения представляют собой pluralia tantum, в чем выражается формально-грамматическая однородность этих терминов, обозначающих парные технические приспособления для захвата, зажима, вытягивания, разрезания. Кажется, что между парностью частей обозначаемого и множественным числом обозначения здесь существует известное противоречие, и более естественным было бы употребление форм двойственного числа, как и предполагают, например, для праслав. **klěšči* отдельные ученые (см. выше). Но здесь сыграла свою роль, по нашему мнению, явно большая лексическая самостоятельность форм множественного числа сравнительно с формами двойственного числа. При этом поскольку в языке возникала потребность создания новых терминов, слов, в их качестве выдвигались формы, наиболее пригодные для лексикализации, а таковыми неизменно являлись формы множественного числа. Это вопрос, естественно, уже выходящий за рамки анализа кузнечной и вообще ремесленной терминологии, но о нем было удобно и интересно высказаться именно в связи с целой группой однородных образований славянской лексики кузнечного дела, где наглядно представлены взаимоотношении реального и языкового плана и легко доказуемо употребление множественного числа. Вообще лексикализация, т. е. самостоятельное употребление в собственном лексическом значении форм двойственного числа безотносительно к соответствующим формам единственного числа, менее очевидна, чем для множественного числа. Попутно можно сослаться на известную роль множественного числа в словообразовании, т. е. опять-таки в пополнении лексики, что у двойственного числа не получило развития. Поэтому формы **oči*, **rǫcě*, **nozě* и даже наше терминологическое *навое́* 'навои, два навоя' (см. в разделе о текстильном ремесле) — это все-таки в значительно большей мере факты грамматики, чем сло-

варя и лексики, ср. неизменную их связь с сингулярными **oko*, **rǫka*, **noga* и *навой*. Кроме плюральных кузнечных названий **klěšči*, **ščipьci*, **tisky*, **nožici*, связанных с выразительно парными реалиями, можно упомянуть еще известное древнее название двери, тоже представленное последовательно во множественном числе: праслав. **dvьri*, лит. *durys*, арм. *durk'* и др., по-видимому, еще праиндоевропейский архаизм. Таким образом, при бесспорной продуктивности образования лексикализованных pluralia tantum, в том числе и для обозначения парных предметов, образование в тех же целях самостоятельных, лексических dualia tantum скорее проблематично.

По иному, чем приведенные выше термины, принципу образовано такое название тисков, как польск. *imadło*, ср. русск.-цслав. *изымадa* мн. 'forcipes, щипцы', формально отражающие праславянское название орудия на *-dlo* **jьmadlo* от глагола **jьmati* 'брать, хватать'. Структурно близких старых названий с этим суффиксом вроде тех, что играют видную роль в других разделах производственной терминологии (ср. праслав. **bidlo*, **mędlo*, **gъrnidlo*), в собственно кузнечной лексике мало, и все они здесь носят характер ясных славянских новообразований, лишенных точных лексических соответствий и параллелизмов за пределами славянского. В лексике других ремесленных производств, как приходилось убедиться раньше, немало весьма древних образований с этим формантом, возводимых к собственным дославянским индоевропейским праформам. Такая известная особенность форманта *-dlo*, как сохранение продуктивности в течение чрезвычайно длительного времени (его продуктивность старше собственно праславянского языка, и можно сказать, что она продолжает сохраняться до последнего времени), приводила к тому, что этим суффиксом формально объединяются и праиндоевропейские архаизмы, и славянские новообразования. Кузнечные термины на *-dlo* принадлежат главным образом к числу последних. Из них интересно как славянское новообразование, например, **točidlo*, откуда болг. *точúло* 'точило', макед. *точило*, сербохорв. *тȍцило*, *тȍцӣљ*, диал. *tocio* 'точило, круглый точильный камень', *тȍчило* 'токарный станок', чеш. *točidlo*, слвц. *točidlo* 'поворотный круг; диск', польск. *toczydło* 'точило', др.-русск. *точило* 'точило' (Срезн. III. Стб. 983: *Да точило веретено желѣзное*. Оп. Кор. Ник. мон. 1551 г.), русск. *точúло* «устройство для точения или острения ⟨...⟩ это круглый, как жернов, песчаник, обращаемый лебедкою, иногда и подножкою, под которым обычно подвешено корыто с водою. Топора на бруске не выточишь, а на точиле» (Даль[2]. IV. С. 423), укр. *точúло* 'точило, точильный камень', блр. *тачыла*. Праслав. **točidlo*, название важного в кузнечном обиходе точильного приспособления, образовано с помощью *-dlo* от основы глагола **točiti*, собственно, 'вертеть, заставлять бежать', каузатив к **tekťi* 'течь, бежать', почему с равным правом **točidlo* использовалось как название пресса, давилки, выжимающей сок, например др.-русск., цслав. *точило* 'виноградный пресс'. При-

менение этого отглагольного производного в качестве названия точильного камня объясняется характером обозначаемого точила: круглый, похожий на жернов, камень, вращающийся на оси, веретене, как гончарный круг, только в иной плоскости. Ср. уже приведенную выше фразу из описи XVI в.: *Да точило* [,] *веретено желѣзное*. Слово **točidlo* — новое название точильного камня, совершенно не связанное с древней лексикой точения и старыми названиями точильных камней — праслав. **osla*, **brusъ*, **ostriti*, **brusiti* < и.-е. **ok̂l-*/**ok̂r-*, **bhrouk̂-*. Это различие в терминологии соответствует различию между старой техникой точки лезвия о неподвижный брусок, оселок или подвижным каменным бруском о неподвижное лезвие (отбивка косы) и новой техникой точки лезвия на быстро вращающемся точильном диске, насаженном на неподвижную ось. Последний способ явился важным нововведением, усовершенствованием, повысившим и качество, и производительность труда и породившим изменения в терминологии, вплоть до того, что глагол **točiti* в новом своем значении 'точить, острить' (факт, вторичный к образованию термина **točidlo* 'вращающийся точильный камень') потеснил старые слова **ostriti* и **brusiti*. В русском языке это привело к абсолютному результату: мы говорим не только *точить на точиле*, но и *точить на бруске*, *оселке*, что в древности было невозможно. Это связано, конечно, и с забвением у нас древнего значения *точить* 'заставлять течь, бежать' (сохраняются лишь изолированные, идиоматические следы его) и с оттеснением из нейтральной лексики в периферийную область экспрессивного употребления слов вроде *острить* 'точить,' 'делать острым'. Иное положение в тех славянских языках, которые сохранили более первоначальное употребление за местными продолжениями праслав. **točiti*, **ostriti*.

Та же печать вторичности лежит и на других немногочисленных производных на *-dlo* в кузнечной лексике. Ср. русск. *зуби́ло* 'вид долота для рассекания металлов', укр. *зуби́ло* 'остроконечный молоток, которым рубят железо кузнецы' (Гринч.), тогда как другие славянские языки образуют для обозначения этого подсобного инструмента названия от **sěkťi*, ср. польск. *siekacz*. Сюда же примыкает относительно старое слово, условно восстанавливаемое нами в виде праслав. **gvozdidlьna*, производного от имени **gvozdidlo* (или сразу со сложным суффиксом *-idlьna*?) от глагола **gvozditi* < **gvozdь*, вторичность связи этого семейства с кузнечным делом и железом, однако, ясна уже из значений **gvozdь* 'деревянный гвоздь, затычка', **gvozdь* 'лес', **zagvozda*, **zagvozdъka* 'затычка, деревянная чека', которые живут до сих пор в различных славянских языках. Слово **gvozdidlьna* представлено в русск. *гвозди́льня* 'наковальня с дырой для выковки гвоздевых шляпок', блр. диал. (Речица, Полесье) *hwaździélnia* то же, сюда же болг. *гвоздилница* 'гвоздильня'.

К старой терминологии железоделательного, кузнечного ремесла примыкает праслав. **svьrdьlъ*/**svьrdьlo*: ст.-слав. **свръдьлъ**, болг. *свре́дел* 'сверло,

48 — 9718

бурав', макед. *свpдел*, *свpдло* то же, сербохорв. *сврдао* м., *сврдло* ср., диал. *sveder*, словен. *sveder*, чеш. *svider*, слвц. диал. *svider*, *svidrík*, польск. *świder*, др.-русск. *свьрдьлъ*, *свердель* 'бурав, сверло', русск. *сверлó*, диал. *сверел*, *свёрдел*, укр. *свéрдел*, *свéрдло* 'бурав'. Праслав. **svьrdьlъ* — исконное древнее слово, правдоподобно сближенное с древним германским названием колющего, рубящего оружия **swerða-*, др.-в.-нем. *swërt*, нем. *Schwert*, англ. *sword* 'меч'[42]. О близости слав. **svьrdьlъ* и герм. **swerða-* мы уже имели случай упомянуть раньше. Это последний из обсуждаемых нами на материале кузнечной терминологии случаев древней и, по-видимому, родственной германо-славянской лексической близости. Следующее разбираемое слово — праслав. **pila* — относится уже к числу заимствований из германского в славянский, причем к их древнему слою. Дальше мы сможем назвать довольно много германских заимствований в терминологии кузнечного дела различных славянских языков, но это почти исключительно новые заимствования, и не вообще германские, а специально немецкие. Большого интереса в языковом плане они, как правило, не представляют и, как это ясно, попали в славянскую народную терминологию одновременно с техническими влияниями и новшествами немцев-переселенцев или в общем русле нового влияния немецкого языка. Поздний и поверхностный характер немецкого влияния на славянскую кузнечную лексику выразился в том, что эти новые заимствования слабо коснулись древнего исконно славянского ядра, остающегося неизменным. Огромный временной разрыв между появлением немецких терминов и формированием древней славянской кузнечной терминологии ясен без лишних слов. Но интересно отметить, что эта древняя славянская терминология кузнечного ремесла, уже знакомая нам, достоверных заимствований из германского почти не знает. Здесь стоит упомянуть — как о возможности — о влиянии герм. **anahaua-* на праслав. **nakovъ* (см. выше) и о заимствовании из германского славянского слова **pila*. Несомненные славяно-германские контакты носили в эпоху формирования древней славянской кузнечной терминологии другой характер, о чем мы уже говорили с достаточной подробностью в ряде мест этого раздела.

Праслав. **pila* (ст.-слав. **пила**, болг. *пилá*, макед. *пила*, сербохорв. *пи́ла*, словен. *pila*, чеш., слвц. *pila*, в.-луж., н.-луж. *piła*, польск. *piła*, др.-русск. *пила*, русск. *пилá*, укр. *пилá*) заимствовано из герм. **fīla* (<*fihla*), ср. нем. *Feile* 'напильник'[43]. Первоначально ни германцы, ни славяне не знали на-

[42] См. об этих словах: *Vasmer*. II. S. 589; *Kluge*[15]. S. 709. — Объяснение из **vьrtěti* (*Machek*. S. 489) невероятно. Более серьезно сближение со *свербеть*, праслав. **svьrběti* (*Преображенский*. II. S. 257, 258; *Brückner*. S. 535).

[43] *Преображенский*. II. С. 58; *Vasmer*. II. S. 356; *Machek*. S. 366—367 (где содержится неверное утверждение о родстве германского и славянского слова).

стоящей пилы. Можно отметить, что сами германцы стали называть пилу не древним словом **fila*, а иными названиями (ср., например, нем. *Säge* 'пила' < и.-е. **sek-* 'сечь, рассекать', т. е. родственно названиям орудий рассекания — топоров, секир). Более древним был способ разделения, расщепления бревна на доски, пластины топором (ср. в связи с этим русск. *тёс* : *тесать*), хотя эти сведения относятся скорее уже к разделу деревообрабатывающего ремесла. Праслав. **pila*, германского происхождения, тоже сохраняет следы вторичности перехода к значению 'пила', насколько можно судить по значениям 'напильник' (болг., др.-чеш.), непосредственно сохраненным продолжениями праслав. **pila*, а также более широким употреблением старого значения 'напильник (орудие с зазубринами для точки и обработки металлических предметов)' при производных от **pila*: русск. *напильник*, чеш. *pilník* и др. Это еще один пример наблюдавшегося нами и в других случаях перемещения древнего значения к новой словообразовательной форме, тогда как семантическое новообразование претерпевает старая, непроизводная форма слова. Поскольку современный плотничий термин русск. *пила*, праслав. **pila* имеет связи с кузнечной лексикой, его анализ в настоящем разделе имеет свое оправдание. Глаголы типа *piliti*, *pilovati* 'разрезать пилой (дерево)', производные от праслав. *pila*, обнаруживают свою вторичность еще благодаря косвенным указаниям других слов. Так, древним словом для обозначения способа, напоминающего современную пилку досок, было праслав. **terti* 'тереть', ср. польск. *tartak* (**tьrtakъ*) 'лесопилка'.

В славянской терминологии кузнечного производства играют некоторую роль не очень определенно терминологизированные образования от основы **biti*, **bojь*, обозначающие второстепенный кузнечный инвентарь: русск. *набойка*, *пробой*, *пробойник*, сербохорв. диал. *prebojec*.

Мы относительно близки к завершению обзора основного материала по кузнечной терминологии, который был построен таким образом, что то, что нам еще остается рассмотреть или просто упомянуть, в любом случае принадлежит к более новому слою лексики. Его верхнюю часть образуют поздние иноязычные заимствования. Но прежде чем перейти к последним, нам нужно остановиться на группе терминов, без которых в историческую эпоху немыслима традиционная славянская терминология самого простого и примитивного кузнечного производства. Речь идет об устройстве для искусственной подачи воздуха, т. е. главным образом о мехах, об их названиях, а также о примыкающей и родственной лексике и обозначаемых ей вещах. В плане историко-материальной диахронии это нововведения, усовершенствовавшие процесс обработки металла. Мы видим, что инновационный характер обнаруживают и наиболее древние из соответствующих терминов в плане лингвистической диахронии.

Наиболее широко распространенное, по сути дела единственное и достаточно раннее название кузнечного меха — праслав. **mĕхъ*: ст.-слав. **мѣхъ**, болг. *мях*, диал. *мех* 'бурдюк; кузнечный мех', макед. *мев* 'мех, бурдюк', 'кузнечный мех', сербохорв. *мêх* 'бурдюк; кузнечный мех', диал. *mij*, мн. *mijovi*, *meh*, *mješina* 'кузнечный мех', словен. *mêh*, чеш. *měch* 'поддувало, кузнечный мех', (диал.) 'мешок', слвц. *mech* 'мешок', 'кузнечный мех', в.-луж. *měch* 'мешок; (кузнечный) мех', н.-луж. *měch* 'мешок', *měchawa* 'кузнечный мех; волынка', польск. *miech* '(кузнечный) мех', др.-русск. *мѣхъ* 'мех, шкура', 'бурдюк', 'мешок', 'кузнечный мех', русск. *мех*, укр. *мiх*, блр. *мех*, *мешóк* '(кузнечный) мех'. Круг этимологически родственных форм этого слова показывает несомненное первенство значений 'шкура, мех (овцы или вообще животного)', ср. др.-инд. *mēṣá-* 'баран, мех', авест. *maēša* 'овца', н.-перс. *mēš*, откуда заимствовано марийск. *miž*, *mež* 'шерсть, волос', далее — лит. *maĩšas*, лтш. *màiss* 'мешок', др.-исл. *meiss* 'плетеная корзина'. Значение 'кузнечный мех' развилось у этого древнего слова вторично и относительно поздно. Как мы указали бегло, родственные формы, которые можно объединить вокруг и.-е. **moi̯s-*, **moi̯sk̑-*, имеются в славянском, иранском, балтийском, германском, значение же 'кузнечный мех' свойственно лишь славянскому. Это значение — славянская семантическая инновация (др.-прусск. *moasis* 'кузнечный мех' в свете этого заимствовано из славянского). Оригинальное семантическое развитие, имевшее место в славянском, значительно отходит от наиболее распространенной семантической эволюции, которую проделали названия кузнечного меха в других языках, т. е. обычно 'дуть, надуваться' > 'кузнечный мех, поддувало', ср. греч. *φυσητήϱ*, лат. *follis* < **bhl̥n-*, ср. от того же индоевропейского корня **bhel-*/**bhol-*/**bhl̥-* 'надуваться', но с иным суффиксом нем. Blase-b a l g 'кузнечный мех', далее — лит. *dumplės* мн. 'кузнечный мех': *dumti* 'дуть'. Как увидим ниже, подобные примеры возникли самостоятельно и независимо также на славянской почве, хотя они сохраняют незначительную роль второстепенных местных лексических вариантов. Из нашего небольшого обозрения следует естественный вывод, что общего названия кузнечного меха, которое бы могло считаться совместным новообразованием по крайней мере двух индоевропейских языковых групп, как будто не существует. Близость литовского и латышского названий мешка (см. выше) и праслав. **mĕхъ*, во-первых, не является, как это ясно, единством кузнечного термина, во-вторых, это близость не более тесная, чем близость соответствующих индоиранских и славянских названий, не говоря уже о более специальных сомнениях, касающихся отношений балтийских и славянских форм (не исключено заимствование всех балтийских слов из славянского в раннюю эпоху).

Следовательно, каждое из привлеченных названий меха развилось уже в период отдельного существования данного языка. Более древних названий кузнечного меха, которые охватывали бы весь праиндоевропейский или хотя

бы часть его древних диалектов, мы не знаем. Как кажется, ни одно из известных региональных названий не претендует на большую терминологическую древность. Нельзя говорить о балто-славянском названии кузнечного меха, такого специального термина мы не находим на уровне центральноевропейского культурного района. В древнейшую славянскую терминологию, по-видимому, не входило особое название для кузнечного меха.

Такое положение в терминологии отвечает общему ходу эволюции производства. При всей устойчивости традиционных форм производства, которая известна для кузнечного ремесла, раннепраславянская и тем более дославянская эпоха не знали того, казалось бы, обычного для самой бедной крестьянской кузницы приспособления, которое этнограф описывает следующим образом, говоря о народном быте района Полица в Хорватии: «Мехи (*mijovi*) изготовлены из кожи и состоят из нижней, средней и верхней части, двух обручей и втулки. На нижней и средней части есть прорези, а это отверстие заслоняют клапаны (*vitrenice, parinovići ili dušnice*), подшитые кожей, которые, приподнимаясь, ловят воздух в мехи» [44].

Эту основную функцию мехов хорошо отражают некоторые региональные славянские названия, вполне самостоятельные относительно друг друга. Ср. болг. *духáло*, макед. *дувало* (из *духало*!), сюда же русск. *поддувáло*. Разумеется, между этими названиями близких приспособлений общее только использование неизменно продуктивного продолжения праславянского форманта *-dlo* и основа (праслав. **du-ti*, **du-x-a-*), от которой здесь образованы сугубо параллельные производные. Сюда примыкают, далее, такие любопытные слова, как русск. *дýло* 'отверстие (обычно — ствола огнестрельного оружия)', укр. *дýло* то же, для которого, кстати, Бернекер, а за ним Фасмер приводят еще и значение 'Blasebalg, кузнечный мех', не указывая словаря или источника. Эта форма могла бы продолжать праслав. **du-dlo*, независимо образованное из уже называвшихся морфем [45]. Ср. лит. *dùmplės* мн. 'кузнечный мех': *dùmpti* 'работать кузнечным мехом', *dùmti* 'дуть'. В образовании перечисленных выше местных названий меха участвует глагольная основа, которая начала, таким образом, естественно выдвигаться в составе новой терминологии дутья: **dują*, **duti*, особенно же **dъmo*, **dǫti* (откуда, например, др.-русск. *дѹти желѣзо*), к презентной основе которого имеют непосредственное отношение такие производные, как др.-русск., цслав. *дъмьчи* 'кузнечный мех' (гибридное образование от праславянской основы **дъм-* с помощью суффикса иноязычного происхождения *-чи*?), а главным образом др.-русск. *дъмьница, домница* 'домна', русск. *дóмна, дóменная печь*, 'большая чугуноплавильная печь', диал. *дóмница, дóменка* 'кузнечный горн, особенно гвоздевой' (Даль². I. С. 465). Выше, в самом начале раздела «Кузнечное ре-

[44] *F. Ivanišević.* Polica. Narodnì život i običaji // ZbNŽ. Kń. IX. Zagreb, 1904. S. 81.
[45] *Berneker.* I. S. 237; *Vasmer.* I. S. 380.

месло», мы уже касались особенной роли, которую получила именно эта лексема в дальнейшем формировании и развитии оригинальной русской металлургической терминологии, пользующейся исключительно термином *до́менная печь* 'печь для дутья', в отличие от ряда европейских языков с соответствующим термином 'высокая печь'. Основной принцип этой современной печи был заложен уже в примитивной кузнечной домнице. Последняя представляла собой, таким образом, вариант горна, рассчитанный на дутьё. Это новшество техники закрепилось в новообразовании терминологии, поскольку был введен новый, отличный от праслав. *gъrnъ* 'печь для нагревания, накаливания', термин, условно восстановимый как праславянское отглагольное прилагательное **dъmьna(ja) (pekt'ь)* 'связанная с дутьем (печь)' с субстантивированной формой **dъmьnica* (отношение между первоначально адъективной формой и субстантивным производным здесь таково же, как в парах праслав. **děva(ja) — *devica, *vьdova(ja) — *vьdovica*).

Однако праславянский возраст перечисленных терминов дутья может считаться проблематичным, и удобнее здесь говорить о продолжающемся действии праславянских словообразовательных тенденций и отношений. Фокусом и исходной базой этих словообразовательных отношений вполне закономерно явилось праслав. **dъmǫ, *dǫti*, а не **duti, *dujǫ*, поскольку первое из этих двух слов обозначало дутье как действие человека ('дуть губами', а затем и 'дуть с помощью специального приспособления'), тогда как другое слово — **dujǫ, *duti* — относилось первоначально к движению ветра, стихийным явлениям. Перемещения и смешение употребления этих двух особых праславянских слов признаются вторичными[46]. Из поздних славянских терминов дутья заслуживают упоминания уже называвшиеся несколько ранее хорватские диал. (икавск.) *vitrenice* 'клапаны кузнечного меха, через которые поступает воздух', кстати, образующие параллель к ст.-польск. *wietrzniki* мн., обозначающему примерно ту же деталь. Ср. чрезвычайно красноречивое описание мехов в старопольском стихотворном наставлении кузнечному делу начала XVII в., автор которого Валенты Роздзенский поучает владельца кузницы, как важно следить, чтобы мехи хорошо дули, чтобы кожа на них была хорошая, не дырявая, чтобы не были сорваны клапаны и т. д.:

...trzeba dojrzeć wszędy,
...Jeśli miechy dobrze dmą, dobreli w nich skory,
Jeśli sie nie podarły, nie są li w nich dziury,
Nie zdarte li wìetrzniki, jeśliż dobre deékì
Są miechowe i dyszynogì, strychy wszytki...

Местные варианты кузнечной терминологии по отдельным славянским языкам к новому времени оказались сильно пополненными иноязычной лекси-

[46] Ср.: *Machek.* S. 92.

WŁASNY KONTERFEKT
Abo wyobrażenie żywota
Kuźnicznego.

Niewiem czemu sie niektory tak barzo dziwuie
Dziwuiesz: aże sie moy kształt nie podoba: obacz
Podobno ieni to czarny by szadzelnrt [illegible]/
Jestem Kuźnik w tym kształcie iak mie widzisz cáły.

D b

Рис. 11. Изображение кузнеца с гравюры по дереву из книги В. Роздзенского: *W. Rożdzieński.* Officina ferraria abo Huta y warstat z kuźrniami szlachetnego dziela żelaznego (1612). Wyd. R. Pollak. Katowice, 1936. Вкладка между с. 90 и 91.

кой. Эти поздние заимствования, касавшиеся деталей кузнечного инструментария и производственного процесса, естественно, отличались от языка к языку. Вместе с ним основные факторы позднего иноязычного влияния могут быть выделены без большого труда и сложности. Это — турецкая лексика на славянском юге и немецкие заимствования. Но если турецкие термины сохраняют локальное значение элементов новой кузнечной терминологии болгарского, македонского и сербохорватского языков (болг. диал. *иорз* 'наковальня', *дилáфче* 'вид щипцов для изготовления гвоздей', *макáз*, *макáзи* 'ножницы', *мéнгеме* 'тиски', сербохорв. *мàказе* 'ножницы', *мȅнгеле*, диал. *menđule* 'тиски'), то немецкие термины, сохраняя значение относительно поздних заимствований, вместе с тем представляются своего рода межславянскими элементами лексики, так как их распространение не ограничивается смежными с немецким славянскими языками, а как бы охватило все три основные славянские языковые группы. Поэтому слова немецкого происхождения, примерно тождественные по форме и по своему кузнечному значению,

можно встретить и в сербохорватском, и в польском, и в украинском, и в белорусском языке. Положения почти не меняет то обстоятельство, что в отдельных случаях немецкие термины попадали в одни славянские языки через посредство других, как, например, в украинский и белорусский — через польский. В большинстве же случаев это результат прямого воздействия и влияния языка немецких ремесленников, специалистов-кузнецов, широко иммигрировавших в соседние славянские страны, — опытных в горном деле штирийцев и саксонцев — в Сербию и другие области сербохорватского языка, в Силезию и другие земли Польши. Это было совершенно очевидно и для самих современников-славян, как мы узнаем опять из дидактической поэмы 1612 г. славянского Агриколы — В. Роздзенского:

Żelazny i miedziany kunszt jest przyniesiony
Przez niektore wędrowne niemieckie kuźniki,
Mistrzowne w tym oboju dziele rzemieślniki.
Ktorzy, skoro tu przyszli, wnet sie rożno z swymi
Instrumenty rozeszli po wszej szląskiej ziemi.
....
Od tych Niemców Polacy tu sie nauczyli
Naprzod robić żelazo i w tym sposob wzięli
Od nich do takich kunsztow, a stąd i ich. mową,
Jeszcze każde naczynie w swoim dziele zowa [47].

«От этих немцев поляки научились прежде (всего) делать железо и таким образом переняли у них такое уменье, а отсюда и называют еще их языком каждое орудие в своем ремесле». — Если почтенный автор и преувеличивает, говоря, что поляки вообще научились у немцев делать железо (предшествующее знакомство с древней славянской терминологией неоспоримо свидетельствует об ином) и что каждое кузнечное орудие поляки якобы зовут по-немецки, то картину культурно-исторических и языковых отношений в этой области для Польши на рубеже XVI и XVII столетий он отразил в принципе верно. В это, а отчасти и в более раннее или более позднее время попали в польский язык такие слова немецкого происхождения, как уже упоминавшееся *huta*, далее — названия, связанные с усовершенствованным тяжелым водяным молотом — *helza*, *buksza*, *ryttel*, названия приспособлений для ковки и дутья — *zynkiesz*, *hesprys*, *stachle*, *formyzen*, *szrotyzen*, *strych*, *śrubsztak*, *lutajza*. Далее на востоке немецкие термины проникли в украинскую и белорусскую лексику, где они нередко носят печать польского посредничества. Но уже в великорусском отражения этих влияний минимальны. Авторы правильно отмечают, что, например, в украинской терминологии славянские на-

[47] *Walenty Roždzieński.* Officina ferraria abo Huta y warstai z kuźniami szlachetnego dzieła żelaznego (1612). Wyd. R. Pollak. Katowice, 1936, стихи 762 сл., 881 сл.

звания носят главные принадлежности кузницы (*міх*, *молот*, *кліщі*), тогда как усовершенствования носят иностранные, немецкие названия: *шруба*, *нутра*/*мутра*, *шрубстак*, *шрубайло*, *нутридорень*, *шлюхмайстер*, *обценьки*, *лютринок*, *шнейдиза*[48]. Сходно и положение в белорусском, ср. диал. *szrubszták*, *sznejdéza*, *drel*, *litáu̯za*[49]. Много заимствованных кузнечных терминов получил указанным путем сербохорватский язык. Ср. упоминавшееся выше диал. *hamor*, далее — *ambos*, *ješa*/*jerša*, *š(a)raf*, *šrafštuk*, *esajzn*, *ror*, *širhakl*, *žlindra*, *cunder*, *lešpic*, *lešvar*[50]. Ср. также словен. *ampás*, *ambos*, *jéša*, *ror*, *širákel*, *šrâvь*[51]. Как видим, в разных славянских языках с разными вариациями отражены немецкие кузнечные и металлургические термины *Hütte*, *Hülse*, *Buchse*, *Rüttel*, *Esse* (и сложения с ним), *Presse* (и сложения), много сложений с вторым элементом *-eisen*, *Schraube*, *Schraubstock*, *Mutter* 'гайка', *Mutterdorn*, *Hebzange*, *Hammer*, *Amboss*, *Rohr* и др. и их диалектные варианты.

Такова в общем картина поздних наслоений в кузнечной терминологии славянских языков. Суммарным рассмотрением этого последнего, новейшего компонента мы завершаем наш конкретный анализ славянской лексики кузнечного ремесла. Совсем кратко можно упомянуть о названиях изделий кузнечного промысла. Их довольно много, хотя и не одинаковой древности. Часть этих слов, бесспорно, носит праславянский характер. Однако мы уже говорили, что связь между терминологией производства и терминологией изделий в кузнечном деле совсем не та, что в гончарстве. Лексика кузнечных изделий связана с лексикой кузнечного производства гораздо более свободной связью, что и побудило нас оставить названия кузнечных изделий за рамками нашего и без того разросшегося исследования. Для ясности укажем, что вопрос носит принципиальный характер, а не упирается только в соображения относительно объема работы. Дело в том, что мы не ждем от изучения лексики кузнечных изделий существенного пополнения нашей информации о кузнечной терминологии в целом. Как известно, обратная ситуация в случае с гончарством заставила нас поместить лексику гончарной посуды в центр анализа терминологии славянского гончарства. Отдельные названия кузнечных изделий, представляющие интерес и для нашего исследования своей более тесной связью с лексикой кузнечного производства (**gvozdь*, **probojь*, **nožici*/**nožьnici*, **sěkačь*, **svьrdьlъ*), уже привлекались в свое время выше. Остальные слишком определенно тяготеют к другим, совершенно самостоятельным разделам хозяйственного словаря и по праву должны рассматри-

[48] Ср.: *Ф. Волков.* Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. II. Пг., 1916. С. 485—486.

[49] *Gz. Pietkiewicz.* Op. cit. S. 276 ff.

[50] *H. Striedter-Temps.* Deutsche Lehnwörter im Serbokroatischen. Wiesbaden, 1958 (в книге, однако, отсутствуют некоторые из упомянутых здесь слов).

[51] *H. Striedter-Temps.* Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin—Wiesbaden, 1963.

ваться в связи с соответствующей специальной лексикой: **sьrpъ*, **motyka*, **sošьnikъ*, **palěšьnica*, **lopata* — с названиями земледелия, **sekyra*, **nožь*, **obrǫcь*, **dǫga*, **del(b)to*, **šidlo*, **cěpь*, **kolьce*, **kopylъ*, **ognivo* — с названиями разных видов хозяйственной деятельности, **kopьje*, **o(b)ščepъ*, **sudlica*, **bordy*, **ǫdidla*, **ostroga*, **sъvorьnь* — с военной, охотничьей и смежной лексикой. Заметим, что перед нами — почти исключительно исконная праславянская лексика, вопрос о терминологической генуинности которой должен решаться в рамках анализа соответствующих специальных разделов лексики. Старые заимствования вроде **bordy/ъve* 'вид боевого топора' и **kotьlъ* 'котел' (и то и другое — из германского) единичны.

Гораздо существеннее для нас сейчас провести аналогичную анкету среди собственно кузнечных терминов. Задача сводится к тому, чтобы обобщить высказывавшиеся в разных местах выше наблюдения в том плане, который оправдал себя как наглядный и удобный в предыдущих разделах, хотя, разумеется, и с учетом специфики данной конкретной терминологии.

Славянская кузнечная терминология содержит древние элементы, но связей с каменным веком, подобных греч. *ἄκμων* 'наковальня', нем. *Hammer* 'молот' < и.-е. **akmen-*, **kamn̥/*kamr̥* 'камень', не имеет. Наиболее выразительный докузнечный характер обнаруживает семантическая реконструкция праслав. **moltъ* 'колотушка (для молотьбы и т. п.)', не говоря о докузнечном прошлом значения **kovati* — **kyjь*. Основная славянская кузнечная терминология сложилась в сфере центральноевропейского культурного района в эпоху существования последнего. Надежные более глубокие корни отсутствуют. Конечно, в истории языка приходится считаться не только с большим приростом новой лексики, но и с возможностью весьма значительных утрат старой лексики. При этом определяющую роль играет в конечном счете не материально-исторический, внеязыковой фактор, а собственно языковая ситуация. Так, может быть, не случайно индоевропейское название камня дало название наковальни или молота в тех языках (греческий, германский), где в главном своем значении 'камень' оно было вытеснено в порядке лексической инновации другими, местными названиями. Именно это явление послужило толчком для изоляции и дальнейшей лексикализации первоначально более свободных употреблений вроде '(каменная) наковальня', '(каменный) молот' > 'наковальня', 'молот'. Напротив, языки, сохранившие индоевропейское название камня (например, славянский), тем самым были поставлены перед необходимостью выработать особые новые названия для орудий, вначале повсеместно делавшихся из камня, — наковальни, молота и т. д.

К праславянскому составу терминологии кузнечного ремесла в славянских языках могут быть отнесены в реконструированной форме на основании предшествующего анализа следующие слова: **gъrnъ*, **pekťь*, **ěstěja*, **vygnь*, **kuznь/*kuzn'a/*kuznica*, **kovati*, **kovarь*, **kovačь*, **kuznьcь*, **kuznikъ*, **vъtrъ*,

kovadlo*, **nakovadlьna*, *-пъ*, *-no*, **nakovъ*, **moltъ*, **kladivo*, **svьrdьlъ*, **pajati*/ **sъpojiti*, **kaliti*, **klěšči*/klěšča*, **ščipьci*, **tisky*, **nožici*/*nožьnici*, **točidlo*, **pila*, **měхъ*, *dъmьna(ja)* (*pekťъ*). Само собой разумеется, что это как бы расширенный состав терминологии, покрывающий конкретные местные варианты кузнечной лексики по отдельным славянским языкам. Праславянская кузнечная терминология в этом гипотетическом реконструированном составе производит впечатление весьма монолитной лексической совокупности элементов однородного, исконно славянского происхождения. Только три слова из целой приведенной группы можно уверенно отнести к результатам древнего влияния других языков: **vъtrъ* (< балт.) и **nakovъ*, **pila* (< герм.). Но дальнейшая проверка терминологического статуса остальной, исконной праславянской лексики кузнечного дела выявляет в ней определенное расслоение, позволяющее говорить о древнейшей, генуинно терминологической части этой лексической группы и статуально терминологической части. Напомним, что генуинными мы считаем такие термины, которые, по всей вероятности, сложились с самого начала в недрах данной терминологии. Нередко, хотя далеко не всегда, эта особенность находит бесспорное подтверждение в этимологии слов (если выявляемый этимологически основной семантический признак органически связан с древней семантикой данной терминологии). Впрочем, столь же обоснованно определение генуинности того или иного термина, опирающееся на такую отрицательную аргументацию, как, например, вероятное неупотребление данной формы в роли самостоятельной лексемы, предшествующее включению ее в данную терминологию. Обратная ситуация служит основанием для признания термина статуальным, неисконным с точки зрения данной терминологии. Естественно, что строгое разграничение между терминами того и другого рода возможно не в каждом случае. В принципе с таким положением мы встречались и в других терминологических группах. Своеобразие кузнечной терминологии выражается в соотношении генуинной и статуальной лексики в масштабе славянского и в картине отношений вариантов этой терминологической группы по отдельным языкам.

Лексемы **gъrnъ* и **pekťъ*, поставленные нами в начале перечня праславянской терминологии кузнечного ремесла, особенно первая из них, могут считаться генуинными с точки зрения терминологии ремесленных производств, связанных с применением огня (в широком смысле). Но зарождение лексемы **gъrnъ* в узкоспециальных рамках кузнечной терминологии в свете известных данных маловероятно, поэтому мы оставляем этот в некотором смысле узловой для настоящего сложного раздела термин за гончарной терминологией (см. выше).

Далее следует бесспорно генуинный кузнечный термин праслав. **vygnь* 'вместилище, место для разведения огня, кузница'. Эту характеристику дают лексические особенности и этимологические связи слова. Праслав. **ěstěja*/ **ěstьje* 'чело, устье, отверстие печи, горна' имеет определенные связи и с

лексикой славянского гончарства, но генетические, этимологические отношения показывают несущественность и неисключительность именно этих связей при важности более общих древних семантических связей с печью, горном, закрытым очагом. Этимология **ěstěja* : **ěsti* 'есть, поедать' и возможность семантической реконструкции для **ěstěja* — 'устье, пасть' не противоречит тому, что мы и этот термин признаем генуинным кузнечным, так как только в этой роли образование **ěstěja*, или еще его прототип, получило лексикализацию. Генуинным кузнечным термином является, далее, и праслав. **kladivo* 'малый, острый кузнечный молот', о чем говорит его лексическое употребление и этимологические связи.

Прежде чем сказать о более сомнительных случаях, назовем статуальные компоненты славянской терминологии кузнечного дела. По нашему мнению, статуально в своем кузнечном употреблении даже такое абсолютно общеславянское слово, как **kovati*, ср. некузнечную семантику его древних производных (**kyjь*) и вероятность употребления самого **kovati* или его архетипа в качестве самостоятельной лексемы еще до развития кузнечного значения, о чем говорит и этимология. Докузнечная лексическая самостоятельность праслав. **moltъ* (ср. внутриславянское производное **moltiti* и семантику внеславянских этимологических соответствий) говорит о статуальной терминологической сущности также и этого, казалось бы, древнейшего кузнечного термина (подробности см. выше). Статуальность кузнечного терминологического употребления таких слов, как **pajati* 'соединять, сваривать, жидким металлом' (< **pojiti* 'поить'), **kaliti* 'закаливать, делать, твердым' (< 'погружать в жидкую грязь, кал'), **točidlo* 'вращающийся камень для точки' (ср. лексемы вроде цслав. *точило* 'виноградный пресс' : **točiti* 'заставлять течь, бежать'), *měхъ* 'кожаное поддувало' (< 'шкура животного') не может вызывать сомнений.

Возвращаясь к генуинным терминам кузнечного дела, вызывающим у нас некоторые сомнения, назовем в их числе прежде всего праслав. **svьrdьlъ* 'сверло, бурав', которое тяготеет также и к терминологии обработки дерева. Далее следуют более любопытные для нас в данном случае праслав. **kuznь*/**kuzn'a*/**kuznica*, **kovalь*, **kovarь*, **kovačь*, **kuznьсь*, **kuznikъ*, **kovadlo*, о которых можно сказать, что это генуинная кузнечная лексика, которая образована в недрах кузнечной терминологии и специально для ее нужд и до этого момента в роли самостоятельных лексем, тем более — связанных с иными терминологическими сферами, не употреблялась. Однако совершенно очевидно, что эта мощная продуктивность кузнечной терминологии проявилась в виде данных образований относительно поздно, так как все они — славянские (праславянские) инновации. Значит, мы имеем перед собой, так сказать, генуинные элементы второго яруса, более позднего происхождения, если позволительно так расширить понимание генуинных (обычно древних) терминов. Разумеется, это допущение опирается на достаточно ранний, еще праславянский характер перечисленных инноваций. Еще больше сомнений

вызывают у нас pluralia tantum праслав. *klěšči, *ščipьci, *tisky, *nožici, где мы имеем лексикализацию исключительно на почве кузнечной терминологии, но при достаточно очевидной иной лексической базе (см. выше).

Знакомство с генуинными и статуальными компонентами праславянской кузнечной терминологии выявляет образования первичного и вторичного порядка и в тех и в других. Соответственно этому в составе праславянской терминологии мы выделяем древнее ядро и состав, современный позднепраславянскому периоду. В каждой из этих групп могут быть указаны генуинные и статуальные элементы. Древний состав кузнечной терминологии: (ген.) *vygnь, *ěstěja, *kladivo — (стат.) *kovati, *moltъ. Позднепраславянский состав (в том же порядке расположения компонентов): *vygnь,*ěstěja, *kladivo, *kuzn'a, *kovalь, *kovarъ, *kovačь, *kuznьcь, *kuznikъ, *kovadlo — *kovati, *moltъ, *pajati, *kaliti, *točidlo, *měxъ. Варианты позднепраславянского состава кузнечной терминологии расходятся по славянским языкам в уже известных пунктах — в названии кузницы, горна и его частей (ср. западный ареал *vygnь, *ěstěja, куда примыкает и название малого молоха *kladivo), в названиях кузнеца (*kovalь, *kovarъ, *kovačь, *kuznьcь/*kuznikъ). Важно отметить, что серьезнейшие расхождения между отдельными славянскими языками касаются в первую очередь генуинных терминов, архаических образований *vygnь, *ěstěja, *kladivo, которые вместе с тем являются все без исключения праславянскими диалектизмами (с четким западным ареалом, — ср. выше). Напротив, удивительно единообразно и повсеместно (за малыми исключениями) распространены почти все новообразования — и генуинные (*kuzn'a, *kovadlo и его производные), и особенно статуальные (*kovati, *pajati, *kaliti, *točidlo, *měxъ). Возможно, в этом действительно удивительном единообразии и повсеместности распространения слов, большая часть которых заведомо относится к числу новообразований, следует усматривать результат вторичной унификации терминологии, чему содействовал авторитетный характер самого кузнечного ремесла. Составить себе представление о первоначальной картине до проведения новообразований и унификации довольно трудно, и мы надеемся, что для этого могут послужить изложенные выше соображения о генуинных и статуальных компонентах, о древнейшем и более позднем, расширенном составе праславянской лексики кузнечного дела. При суммарном рассмотрении итогов исследования мы намеренно опускали более сомнительные и двусмысленные случаи, основывая свои суждения на более достоверных фактах.

Славянско-неславянские изоглоссы в области кузнечной терминологии размещены таким образом, что наиболее полные и значительные из них входят в древнейший состав терминологии кузнечного ремесла в славянских языках. Более поздний состав этой терминологии насчитывает только одно полное лексическое соответствие праслав. *kovarъ — герм. *hauari- (см. выше), хотя здесь, возможно, отразилось одностороннее влияние германского

на часть праславянских диалектов. В остальном позднепраславянский расширенный вариант кузнечной терминологии характеризуется чисто славянскими новообразованиями, для которых нет полных лексических соответствий за пределами славянского. Во всяком случае этот состав терминологии не дает материала для выявления дополнительных славянско-неславянских совместных терминологических новообразований. Этот позднепраславянский расширенный состав кузнечной терминологии во всем существенном как бы предваряет позднейшее, в том числе современное состояние, этой лексики в отдельных славянских языках, ср. хотя бы его терминологическую укомплектованность, особенно если присовокупить сюда все случаи, вызывавшие у нас выше сомнения (обозначения pluralia tantum и др.). Напротив, древний вариант состава праславянской терминологии отличается определенной терминологической недостаточностью с современной точки зрения (мы не можем, например, восстановить для него название кузнеца, такого специального слова могло первоначально не быть вообще, тем более что все названия кузнеца, которые мы считаем позднепраславянским приобретением, носят сугубо местный, а главное — инновационный характер). Древний вариант праславянской терминологии малочислен и архаичен природой входящих в него образований. И в том и в другом отношении он как бы еще продолжает дославянские традиции, так как содержит минимум собственно славянских лексико-терминологических новообразований (**kovati*) и максимум дославянских архаизмов (**vygnь*, **ěstěja*, **kladivo*, **moltъ*), т. е. важнейшие особенности древнего варианта терминологии представляют полную противоположность позднепраславянскому варианту, в котором доминируют славянские инновации словообразования, лексики и терминологии. Будучи архаизмами с точки зрения праславянского языкового состояния, термины, характеризующие древний вариант кузнечной терминологии, являются в свою очередь, как о том подробно говорилось в разных местах выше, новообразованиями словообразования и терминологии для предшествующего — дославянского — периода развития группы местных индоевропейских диалектов. Их важность резко повышается тем уже известным нам обстоятельством, что эти новообразования часть дославянских (или протославянских) диалектов развила в теснейшем территориальном, языковом и, по-видимому, культурном контакте с древнеиталийскими и древнегерманскими диалектами. Обо всем этом свидетельствует природа лексических соответствий праслав. **vygnь* — догерм. **uknis*, праслав. **ěstěja* — прагерм. **essjō*, праслав. **kladivo* — др.-лат. **kladi̯om*, праслав. **moltъ* — др.-лат. **maltlos*.

Общих терминологических славянско-балтийских новообразований, сколько-нибудь равноценных названным славянско-германским и славянско-латинским совместным терминологическим новообразованиям, славянская терминология кузнечного дела не знает, как выяснилось, ни на древнем, ни на позднепраславянском уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Говоря о результатах проведенного исследования, мы имеем в виду в первую очередь лингвистические результаты, поскольку достижение иных результатов не служило главной целью этой работы. Вместе с тем нас интересовали, естественно, и проблемы соответствующих разделов истории материальной культуры, но скорее не эти проблемы сами по себе, не культурно-исторический план как таковой, а его отражение в исследуемой лексике, связь плана истории материальной культуры с языковым планом. Если в какой-то степени произведенные выше наблюдения помогут также восстановлению деталей древней картины отношений в области материальной культуры, то нашу задачу в этом смысле можно будет считать выполненной. На вопрос об итогах наших поисков в этой внеязыковой сфере мы могли бы ответить в нескольких словах: анализ лексики показывает большую вероятность знакомства древних славян и дославянских индоевропейцев с вертикальным ткацким устройством. Лексика горизонтального ткацкого станка своей инновационной природой указывает на вторичное происхождение горизонтального станка, и особенно его важных деталей. Удается проследить и отражение эволюции ряда ткацких приспособлений от простейшего к сложному виду (веретено, прялка, бёрдо, челнок, мотовило — из палки). К числу наиболее ярких лингвистических подтверждений направления материальной эволюции следует отнести свидетельства этимологии гончарных названий о происхождении гончарства из плетения (более глубокая семантическая реконструкция соответствующих терминов — 'плести' < 'резать, рубить, рвать' — интересует уже только лингвиста). Плетение тесно связано с текстильным, деревообделочным и гончарным производством, и значительная часть работы посвящена его отражениям в лексике; изучение этих отражений ярко демонстрирует автономность языкового

плана и своеобразие его связи с внеязыковым планом. Оказывается, что отражение этой связи минимально представлено именно в текстильной лексике, в то время как связь самого текстильного производства с плетением, казалось бы, очевидна до банальности, и максимально выражена связь с плетением в этимологизируемой гончарской лексике, названиях глиняной посуды, где соответствующая связь гончарного производства и плетения не только не очевидна, но вообще доступна лишь глубокому историческому исследованию.

От итогов автономного свидетельства изученной терминологии для истории культуры можно перейти к основным для нас — собственно лингвистическим выводам.

В результате работы мы получили — в известном приближении — представление о праславянском составе терминологии текстильного, деревообделочного, гончарного и кузнечного производств. Эти составы, подробности реконструкции, а также перспективы получения более отдаленных реконструкций даются выше, в конце разделов, и здесь нет смысла повторять эти громоздкие перечни.

К числу общих наблюдений, которые могут представить интерес, можно отнести замечание о недостаточности как о постоянной черте каждой традиционной, народной терминологии, иначе — об архаизирующей сущности такой терминологии. Ее выражение мы усматриваем в способности терминологии обходиться известное время прежним набором обозначений даже тогда, когда уже появилась новая реалия, т. е. в способности терминологии постоянно несколько отставать от уровня материальной культуры и отражать тем самым постоянно некоторый предшествующий культурный уровень. Это же прослеживается и косвенно, когда новообразование приходит для заполнения «пустого места». В конечном счете «пустое место» в терминологии сохраняет память о древнем отсутствии соответствующей реалии и может быть использовано как резерв реконструкции по истории материальной культуры.

Исследуемая терминология многослойна, она членится не только на исконные и заимствованные элементы (наиболее доступное расслоение). Образующие ее исконные элементы в свою очередь нуждаются в детальной стратиграфии, так как расслаиваются — иногда более, иногда менее четко — на генуинные и временно-терминологические элементы. Под первыми мы понимаем органические порождения данной терминологической среды, и обратно: наличие собственных исконно терминологических образований — лучшее доказательство древнего существования данной группы терминов (особенно выразительный пример — лексика обработки дерева).

Изложение результатов осталось бы неполным, если бы мы не сказали о внешней лингвистической истории наших терминов, об изоглоссах и их географии.

Внутри славянского языкового пространства есть данные, которые могут составить несколько следующих рубрик:

вторичная — если можно так выразиться — окцидентализация лужицких языков, которые рядом древних терминологических связей ближе связаны с востоком или югом славянства (см. выше о терминах *česlь, *tьrdlica, *bľudo, *skъtьľa, *ěstьje, *vygnь);

существование различных (в том числе ранних) лексических связей сербохорватской группы и украинского (а также иногда белорусского), ср. выше *vortidlo, *potъka, *sedadlo;

древний изоглоссный рубеж между юго-западной частью восточного славянства (украинский, белорусский) и собственно великорусским, прослеживаемый на терминологических различиях, ср. *tьrnica, *glьkъ (только в украинском и белорусском), *laty, *krina (есть в русском, отсутствует в украинском).

Важнейшее значение приобретают собранные и вновь полученные здесь сведения о древних славянско-неславянских изоглоссах, которые могут рассматриваться как отражение в нашей терминологической лексике отношений между несколькими древними родственными индоевропейскими диалектами.

Славянско-германские лексические связи: *medlo — др.-исл. *mǫndull*, *prędati — англ. *sprint*, *prędlo — англос. *sprindil*, *verteno — нем. *Spinn-wirtel*, *nitьlъ — герм. *nēþa-, *pasmen- — герм. *faþma-, *snovadlo — герм. *nēþlō, *kromy — герм. *hraman-, *bьrdo — герм. *burþa-/*burda-, *bidlo — нидерл. *beitel*, *tesla — др.-в.-нем. *dehsala*, *dьlbiti — др.-англ. *delfan*, *stъrgati — др.-исл. *striúka*, *skoblь — др.-в.-нем. *scaba*, *scěpiti — др.-в.-нем. *scîba*, *lupiti — др.-в.-нем. *loub*, *pazъ — нем. *Fach*/*Fuge*, *kolda — нем. *Holz*, *brъvъ — герм. *bruwjō, *kľučь — нем. *Schlüssel*, *žьrdь* — нем. *Gerte*, *ploktъ — нем. диал. *flachte*, *lyko — нем. *Lohe*, *dǫga — н.-нем. *tangen*, *nъktjьvy — герм. *nakwan-, *čerpъ — др.-в.-нем. *scirbi*, *laty — герм. *laþjon-, *vygnь — догерм. *uknis, *ěstěja — герм. *essjō, *nakovъ* — герм. *anahaua-.

Славянско-латинские лексические связи: *tьrdlo — *tribulum*, *kostra — *castrum*, *verteno — *verticillus*, *spinь — *spīna*, *nitьlъ — *nētus*, *klǫbъ — *glomus*, *stativъ — *statīvus*, *ščapъ — *scapi*, *sědadlo — *sediculum*, *sěkťi — *secō*, *sekyra — *secūris*, *sěčivo — *secīvum*, *tesati — *texō*, *tesla — *tēla*/*tēlum*, *strъgati/*strugъ — *frūor*/*frūgem*, *scěpiti — *scīpiō*, *pazъ — *pangō*, *kľuka/*kľučь — *clāva*/*clāvis*, *košьlkoslь — *quālus*, *gъrnъ — *furnus*, *gъrnidlo — *furniculum, *gъrnьсь — *fornix*, *gъrnьčarь — *fornicarius*, *dьly — *dolium*, *kladivo — *gladium*, *moltъ — *malleus*/*marculus*.

Славянско-балтийские лексические связи: *česlь — лтш. *kaslis*, *cěva — лит. *šaiva*, *cěnъ — лит. *skiemuo*, *sědadlo — лит. *sėdekle*, *tesati — лит. *tašyti*, *lupiti — лит. *laupyti*.

Подчеркивая, что представленные выше этимологические параллели или идентификации мыслятся как в основном отражающие лексику, восходящую к эпохе древнего индоевропейского диалектного множества, т. е. в значительной степени раннепраславянские и дославянские отношения, мы полагаем, что в остальном сами эти факты могут говорить за себя. Число о б щ и х древних славянско-балтийских новообразований минимально, как выяснили мы на довольно обширном материале ряда древних терминологических групп. Чтобы отвести даже возможность упрека в предвзятости, мы можем, во-первых, указать на то, что в начале работы мы не ставили перед собой задачи специальной проверки материала в балто-славянском аспекте; во-вторых, мы в дальнейшем довольно пристально изучали возможности выявления также новых этимологических, лексических идентификаций между балтийским и славянским, в итоге чего появилось, например, сближение **cěnъ* (**(s)koi̯no*) — лит. *skiemuo*, **česlь* — лтш. *kaslis*. Но это в общем все. Остальной материал, если он вообще выдерживает ценз терминологических ограничений, состоит либо из общих архаизмов, либо из слов, допускающих более свободное толкование. Разнооформленность хотя бы **cě-nъ* — *skiemen-* также не говорит о тесном характере связей.

Надеемся, что этот материал заинтересует лингвистов, периодически возвращающихся к балто-славянской проблеме. Воздерживаясь от дальнейших классификаций, повторим лишь, что сам материал показывает вероятность древней ориентации славян не на контакты с балтами, а на контакты с более западными индоевропейцами, языковое общение с которыми в области совместного терминотворчества столь велико и столь серьезно, что мы вынуждены допустить древнее существование центральноевропейского культурного района, охватывавшего древние германские, италийские, славянские диалекты (или их часть) и не включавшего балтийских диалектов, общение с которыми могло наступить позднее. Вторичный характер подключения славян к названному району (скажем, после общения с балтами), по нашему мнению, маловероятен. Этому противоречит и терминообразование в балтийском, шедшее в соответствующих тематических группах по совершенно отличным от славянского путям.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТРЫВКИ ИЗ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ

В. А. Малаховский. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Уз Куйб. гос. techинст. Вып. 17. Куйбышев, 1957.

С. 49:

Ткацкое дело [*с. Узюково, Новобуянского района*]

Збру́йи-ти дль ткан'йа́ : стан и пере́чына к ста́ну, наво́й, до́ски, наби́лки, ни́чын'ки, чолно́к на́ды, бе́рда, це́ф'ки, подно́шки, зёф, стайно́, воро́бы, на воро́би моту́шку пря́жы, в'йу́шки, держа́л'ницы, сно́въл'ни.

Пря́лка: пря́с'лицъ, до́нцъ. К пря́с'лицъ шер'с' привя́зъвъйут, мы́чут мо́чки грёбёнкъй на гре́бни, на гре́бни же преду́т, а шэр'с' пре́дут на пря́с'лъцъ. Ска́тьр'ти э́тъ пъкупны́, а столе́шники э́тъ забра́нъйъ, э́тъ са́ми тка́ли, зъбира́ли шэ шъчкъми.

С. 50—51:

Как мы ткали

Съмоде́л'шшына была́, свойе́ми рука́ми ф'сё де́лъли. Посе́йут куде́лю — лён сказа́т'. Лён посе́йут, он вы́ръс'тьт; колда́ он сос'пе́т, йово́ дёргъйут, бёру́т, вя́жут снопы́ и пото́м он вы́съхньт. Йово́ омола́чъвъйут, моло́тют: ну хът' моло́тют, хът' коло́тют, ф'сё ровно́. Се́мя идёт на ма́слъ, а куде́лю с'те́лют, кото́ру зелёну оммоло́тют, на по́тнъ ме́стъ, на луга́, о́кълъ озёръф. Ну вот она́ уля́жыс'тя, йойо́ събира́йут в ба́п'ки (как сно́п — ба́пка), пото́м

йойó сýшут, на бáню насáжъвъйут, нá пьч кладýт, из бáньй мнут, такéйи йес' мя́л'цы, потóм йойó толкýт, э́дъки песты́ и стýпы дьревя́нныйи, дубóвыйи, рýчки серéт' пестá, воз'мут за рýчку и толкýт. Истолкýт йойó и мы́чут мóчкъми ис кудéли и э́ти мóчки предýт нъ вьретёнки. Йез' гребн'á, намы́чут пер'вá, а потóм предýт. Нъпредýт, мотáйут на мотушки. Йéти мотýшки обáривъйут горя́чьй водóй и мóйут. Убдéлъйут йойó и ръзвивáиут на в'йýшки. Пéр'въ йойó стáвют нъ ворóбы, мотýшку, а потóм ръзвивáйут на в'йýшку, йéту, знаш, пря́жу. Ворóбы йéтъ такú з'дéлъны из дошшэ́чкъф, таки ýзин'ки вёршóк шъринá. Ворóбы наклáдывайус'тя нъ стайнó, ворóбы йéтъ как хрестовúны.

Бывáйут такéйи чьтыреугóл'чъты снóвъл'ни и на них снуйýт йéту пря́жу, котóръ розвúтъ на в'йýшки.

Таки йес' станóвы, ну, стан, йез' бёрда, в бёрда в'дéнут, навивáйут пря́жу пер'вá на новóй, а потóм как нав'йýт, йойó нъдёвáйут в нúчън'ки, а потóм опя́т' в бёрдъ. Потóм йес' такéйи у нáс набйлки и йéти бёрдъ фклáдывъйут в набйлки, а за нйчън'ки зъдёвáйут поднóшки, потóм влóжут прйшва, наклáдывъйут тканúну на прйшвъ. Улóжут прйшва и бýдут ткат'. Насýчут цéф'ки. Фклáдывътца ф чолнóк йéтъ цéфкъ и потóм ткут йéтим чълнокóм. Садúс'тя там жéн'шына за стан и нъчынáйьт ткат'. И ткёт и з'дéлътца холст.

Етнографічний збірник. Т. IX: Етнографічні материяли з Угорської Руси. Зібрав В. Гнатюк. Т. III. Львов, 1900.

С. 243:

Робітниця

Поведайу льудзе, же сом жéна мерха,
Же йа ше ньę лáпам ні до тканьа пéрша:
За то ше ньę лáпам, жéбі бýло гáрдо,
Жéбім ньę зламáла сушедóво бáрдо.
Сушедóво бáрдо, кýмово крошéнка:
Ньę гньęт воні пóйду з мóйęй хіжі вóнка.
Тáкі мам крух платна, йęст у ньим трі ріфі,
Ньę знам, йак мам хóдзіц от тей вéлькей піхі.
Одньęшем на вáшар та го дóбре прéдам!
Члóвек опчекý'йę, пеньęжі рахýйę:
Жéно мóйа міла, йáка ші мі ýрéдна
Цо прес цáлу жíму пейц сексéрі [за]прéдла.

(Зап… у Керестурі)

Там же:

Також роботяча

Нье̯ скóро лье̯гáла, барс твáрдо заспáла.
Бо йа ўчéра бýла бáрзі вітрапéна,
Бо йа тей йе̯шéны два пáсма напрéдла.
Прíкрі же конóпі, намóчім до вóді,
Жéбі мі умóклы за дзéвец нье̯дзéльі.
По дзéвец нье̯дзéльох пóйдзем йіх ошýкац.
Ке̯д мі нье̯ омóкнью, нье̯ бýдзем йіх рýшац.
Ке̯д жéні поткáйу, а йа тéді снýйе̯м,
Лье̯́хко йа за плáтно пеньé̯шкі зрахýйе̯м.

(Зап... у Коцурі)

Вірші єромонаха Климентія Зиновієва сина. Видав з передмовою Володимир Перетц (= Памятки українсько-руської мови і літератури. Т. VII). Львів, 1912 (писатель конца XVII — начала XVIII в.).

С. 98:

wⷮ зде починаюⷮсѧ вѣрши, ő ремесникахъ розмайтыхъ, (: На прóдъ :) ѿгорчарꙗ́хъ: слово вѣⷬшовóе похвáлное

Пеⷬвый҆҆ нá свѣтѣ гончар ремеⷭникъ труⷤдáтеⷧ:
саⷨ Гⷭдь Бг҃ъ А҆дама и҆ Е҆̈v’вы создáтел’.
Котóры’ даⷧ людемъ всѣ хыⷮрости ꙋмѣ́ти:
и҆ всꙗку премудроⷵ хотꙗщыⷨꙸ разꙋмѣ́ти.
Прето мощно гончаⷬство ст҃ыⷨ дѣлоⷨ назвáт’:
поневажъ Бг҃ъ А҆дáма звóлилъ з’ глины создаⷮ.
Î гончарꙗⷨ чловéка мощноⷠ з глúны зробúт’:
тыⷧкоⷤ невозмоⷤно зробиⷡши дш҃ѣ влѣпúт’. ||
Ê̂днакъ сосуды робꙗⷮ напиⷮки выпивáт’:
и҆ всꙗкїе теⷤ гоⷬшки що ѣсти готовáт’.
Таⷦже и҆ кафлéвые пéчи выставꙋютъ:
и҆ розные на кáфлꙗⷯ ȏздобы муⷣрꙋютъ.
Â баⷬзѣ″ що пóкощꙋваными называ́ютъ:
где фаⷬбами всꙗ́коѧ крáсы додаваюⷮ.
Ї҆менно же мнóгїе шмаⷧцами кладуⷮ цвѣты:
и҆ веⷧмѝ прмⷣрые полагаютъ квѣты.
А҆̆жъ бы безпречъ хотѣлъ на тую дивитисѧ

пѣчъ: й грѣтис до тако' ми́ло притулитисѧ.
Зачим о гончарѣ васъ крѣпко похвалѧ́ю:
й от Бг҃а за то вамъ сп҃сенѧ прїѧ́ю.

С. 99—100:

ѿ ткача́хъ, й ѡ́ женах их: й ѡ̑ ї́ных женах ткание ї́мъ даю́щыхъ

Меж ї́ных ремесников й ткач ѹмѣшавсѧ:
й также ꙗк ї́ные ремесникомъ назва́всѧ. ||
Моглаб Россїѧ нш҃а й без ны́хъ прожи́ти:
ї́ное в ту́рских стра́нах матерї́й роби́ти.
А̑ в нас и жоны тое ремесло́ отправуютъ;
й болшъ таковых жен ест, що их й нетребуютъ.
Бо ꙗк зхотѧ́тъ зараз могут сѧ наѹчи́ти,
й небудет ѡ̑сновы юж до ткаче' носити.
А̑ в Ли́твѣ всꙗкї́е жо́ны ткачовъ й незна́ютъ.
развѣ козацкї́е ї́ные потво́рство ма́ютъ.
Же то ї́наѧ будетъ непрꙗха й нетка́ха:
й в таково́й может быти ткачевѣ взѧ́ха.
А̑ щож будутъ й ткачѣ̀ в тако́й собѣ̀ брати̇̀:
гды небудет ѡ̑сно́вы и потканѧ давати̇̀.
І ткацкї́е тежъ жо́ны нѐ всѣ̀ хотꙗт прѧ́сти:
а̑быб готовые нитки могли в' берда класти.
І ча́сом от роботы втк ѹ́ немало зоста́нетъ.
а̑ до того й прꙗжы ещѐ в кого̀ доста́нетъ.
Ажъ полотно з' тых рѣчи" может йз'порꙗди́ти.
да кошул й ї́ных справ много мощно пошити.
Ї писменны" люд ткачѣ̀ всꙗк неха' разѹмѣетъ:
же стары' й молоды' отченш҃ъ в них ѹмѣ̀етъ. ||
А̑ ї́ны" ест ремесни́къ й млт҃вы незна́етъ;
й неха'же неганбит' ткачов то́е собѣ̀ зна́етъ.
А̑ за вѣ̑ршъ се' од ткачо́въ прощенї́ѧ жела́ю:
й ремесла вш҃его кры" Бж҃е незневажа́ю.
Тылком сперва написавъ прыкро в словѣ̀ ѐ̑дыно́м':
й ѹжеж простѣ̀те мѧ, ка́юсѧ й ѡ̑ то́мъ.

С. 100:

ѿ бондарѧ́хъ

Честно ест й бондарство й велми̇̀ надо́бно:
бо нихто̀ неѡ̑бы'дет и без ных подо́бно:

Â хоч ѝ всꙗк ремесникъ людꙗмъ всѣмъ потребен:
также ѝ бондар всюда ест небезпотребенъ.
Кгдыб не ѽни нѣ в чемъ бы̀ напитковъ хранѝти:
ѝ нѣ в чемъ было б жонка́мъ ѝ воды́ носѝти.
Â щò ȏбрѣзки шевцѣ ѝ кравцѣ покида́ютъ:
â бондарѣ ȏбрѣзков своих невикида́ютъ.
Ꙗ̑къ то трѣски котры́ми может в' печѣ палѝти;
Также зас ȏсобливе ѝ ѣсти наварѝти. ||
Î небудет дрѣма́ти же то стꙋ́ки грꙗ́ки:
â к тому на″ па́че ꙗ̆къ потꙗгнет табаки:
Î некохаетсѧ в снꙋ же робитъ ѝ в ночѣ̀:
âбо трост албо крꙋги, ѝли стрꙋ́жет ȏбрꙋчѣ.
Î ма'стерство своѐ там ѝ тамъ роскладаетъ:
ѝ ȏхочую до роботы пилност ма́етъ.
Â що заробит мусѣтъ часомъ ѝ пропѝти:
послѣ працы животы̀ тро́ха покрѣпѝти.
Потом станет робити зновꙋ хочь не мно́го:
аж в него ѝ тютюнꙋ ѝ всего впꙗт много.
Î такъ тое ремеслò велмѝ похвалꙗ́ю:
ѝ до конца̀ вѣкꙋ имъ того хлѣба прїꙗю.

С. 101—102:

ѡ̓ те́слꙗх, âбо теж о' пло́тниках по московски': â ȏ деїлѝдах по литовски'

Ѝ теселскїе в чести ма'строве быва́ютъ:
же мудрые будинки ѽнѝ выставлꙗ́ютъ.
Менови́те ꙗ́ко то поко́й̆ панскїй̆:
ấбо теж їные ѝ полати царскїй̆.
Î церкви ȏздобные в' славу Хрстꙋ Бг҃ꙋ:
за что треба творити им похва́лꙋ мно́гꙋ.
Â ȏсоб годноб их мѣт' в' велико' повазѣ:
же то часто бывают в неменшо" отвазѣ. ||
Поневаж важитсѧ хоч на ꙗную полѣзти
высотꙋ: ѝ мыслꙗт ꙗк бы з не" знову злѣзти.
Î честное также их ѝ чирствое ремеслò:
âле ѝ працовы́то ȏнò, бо тꙗжестнò.
Бо ꙗк ста́нуть будѝнок ꙗки' будова́ти:
треба кождому против себе пуды"ма́ти.
Î сюда̀ ѝ туда̀ дерево ȏберта́ти:
ѝ ещѐ шлꙗгою ѝ ты́бел забыва́ти.

Â гдыса прилучиⷮ крⷭтъ на цр҃коⷡ всстаноⷡлѧ́ти:
тоⷢда̀ мусѧⷮ всѣ свои́ грѣхѝ вспамѧта́ти.
А таⷦ на ба́нѣ стоѧ̀ крⷭтъ постановлѧ́ютъ:
Бг҃ъ иⷨъ помогаетъ, й па́даⷮ недопуща́етъ.
Î сп҃си ї́хъ Гⷭди за тые наѹ́ки:
й сохрани їхъ дш҃и оⷮ вѣчно҃ му́ки.
Î ѧ́ за теслѧ́ми тебе Бж҃е бл҃гаю.
й з' жона́ми й з' дѣт'ми тебѣ иⷯ врѹ́чаю. ||

С. 118—119:

ѿ токарѧ́хъ

Й токаⷬство чеⷵно еⷵ дѣло й надобно:
й чиⷬство жеⷤ їными ма'стеⷬствы подоⷠно.
Î пеⷡне чеⷵно, же то лоⷤки выточа́ютъ:
коⷮрыми й пн҃ове часоⷨ ѹжыва́ютъ.
Таⷦ теⷤ оздобные точаⷮ й тарѣлки:
з' которыⷯ ѧ́дѧⷮ й пюⷮ зварыⷡши горѣлки.
Â ѡсобно зроблѧюⷮ великїе ѧ́щѣ̀:
що з'прѧтуюⷮ в' дорогу печеные лѧщѣ̀.
Î в цеⷬквы точаⷮ слупы, â малююⷮ малѧрѣ̀.
й точаⷮ до црквеˀ балѧ́сы й лыхтарѣ.
Î точаⷮ на жеⷬтовниⷦ хорошие кубки:
щò сщенниⷦ ховаеⷮ потре́бл'ши дары гу́бки.
Î до ѹбогиⷯ цеⷬкве' на прⷭтолъ гробни́цы:
й до мнⷭтыⷬскиⷯ тра́пеⷥ то́чаⷮ солни́цы. ||
Î ты́е выто́чуюⷮ теⷬтки, що пе́рецъ труⷮ:
й ты́е макого́ны, що кухаⷬки макъ мнуⷮ.
Î ты́е брѧ́зкаⷧца що дѣте҃ забавлѧ́ютъ:
й веретена що жоⷩкѝ ниⷮкѝ выприда́юⷮ.
Î посохо́въ влаⷭте́лскиⷯ много выточа́ютъ:
й ты́е кача́ⷧки, що жоⷩкѝ хѹсты кача́ютъ.
Î овчаⷬскїе точатъ з дерева жъ сопѣлки:
й коза́цкїе що з лукоⷡ вытѧга́юⷮ стрѣлки.
Î йные рѣчи же немощно взгада́ти:
й докумеⷩта́лно теⷤ писанїю преда́ти.
Тыⷧко що вспомнѣл в кроⷮцѣ пиⷭмоⷨ полага́ю:
â рукодѣлїе їхъ честное похвалѧю.

С. 121:

ѿ ковалѧ́хъ

ѧ́ко всѧк ремесникъ всѣмъ ест небезпотре́бен:
так ѝ ковал всѧким людемъ велми потре́бен.
Бо без ї́ного ча́сомъ мощ'но сѧ ѡ̑бходи́т':
а̑ без ковалѧ̀ отнюд невозможно прожи́т'. ||
Поневаж потребует е̑го̀ всѧкъ человѣкъ:
не токмо тепер а̑ле ї̀з' стародавных вѣкъ.
Ї̑ не тылко бога́ты', а̑ле ѝ ȣбоги'.
просит ѡ̑ роботȣ чего треба люд многи'.
І на "частѣ" ковалѧ̀ кождьı' требоват будетъ:
ӓ ѧк колвекъ без' ї̈ных ремесников пробудетъ.
Ї̑ ковалѣжъ сп҃си Б҃же правосла́вные:
а̑ выкоренѧ' вездѣ люде злосла́вные.

С. 122:

ѿ ро́зных всѧ́ких ремесника́хъ, ѝ ѡ̑ честных рукодѣлї́ѧх их. Слово вѣршовное, ѿбще ||

ѧ́ко писа́лас ї́ным ремесникамъ хва́ла:
так тым же предреченнымъ пишетсѧ похва́ла.
Мелникамъ бердникамъ шаповаламъ рымарѧмъ:
коновалам рудникамъ гȣтникамъ, слюсарѧ́мъ.
Стелмахам пастухамъ токарѧм ѝ ковалѧ́мъ:
гребенникамъ решетника́мъ ѝ комысарѧ́мъ.
Довбышам гармаша́мь ѝ ѿвчарѧ́мъ:
шклюрѧмъ гафарѧм снѣцарѧм ѝ котлюра́мъ.
Тренбача́мъ винникамъ ли́нникамъ ѝ столюра́мъ:
малюрам дрȣкарѧм писарѧм гисарам кушнерамъ.
Кожемѧкамъ мы́лникамъ скрыпникам смолюрам догтарамъ.
цѣрȣликам тютюникам бондарамъ гонтарамъ.
Інтролѣgаторамъ солѣтраникамъ ткачамъ ѝ кравцамъ:
пороховникам роговникам шабелникам теслѧм ѝ шевцамъ.
Золотарам тертичникамъ цынбалистым ѝ бражникамъ:
сытникам лазебникам ѝ козакамъ одважникамъ. ||
Мѣрочникам коробочникамъ ѝ крсторѣзамъ:
бардачникам кабачникам сага'дачникам ѝ пиворѣзамъ.
Калачникамъ ѡ̑лѣ'никамъ резникам колесникамъ:
стрѣлникамъ рыбалкамъ ѝ всѣмъ честнымъ ремесникамъ.
Так теж пивоварамъ воскобо'никам, ѝ тымъ мѣрнымъ:
ѝ всѧким возвеличенѧ крстѧномъ вѣрнымъ.

С. 178:

ѿ рꙋ́дника^{х}, що з рꙋды̏ желѣ́за робѧтъ в рꙋднѧхъ

Дóбре й рудництво на свѣтѣ ремесло̀:
а̑ле зна́ю же ве^{л}ми о̑но е^{ст} тѧже^{ст}но.
Бо хо^{ч} водóю мла́ты в' руднѧ^{х} ꙋдарѧ́ю^{т}:
една^{к} бе^{з} вели́кой пра́цы небыва́ють. ||
Гды^{ж} при болота^{х} треба й зéмлю копа́ти:
да руды̏ з' вели́кою пилно^{ст}ю и̑ска́ти.
А̑ з'на$^{"}$ше^{д}ши где рудꙋ́, ӧ́сóбно копа́ти:
й в ко^{ш}ницы берꙋчѝ, в водѣ полоска́ти.
Потóмъ на уго^{л}ѧ дровъ в дꙋбровꙋ рꙋба́ти:
й выше$^{"}$ хлóпа в косте^{р} долги' тасова́ти.
Напóто^{м} за^{с} де^{р}нъ рѣза^{т} косте^{р} то' вкрыва́ти:
й смотрѣ́т' же^{б} пóломѧ немогло̀ псова́ти.
А̑ ѿ ї̈ны^{х} и^{х} праца^{х} много^{б} треба писа́т':
неха' й такъ, хто̀ вида́въ може^{т} то' й са^{м} зна^{т}.
Зачимъ й рудниковъ помно^{ж} Бж҃е на свѣтѣ:
же^{б} дово^{л}но желѣза лю́де мо^{г}ли мѣти.

С. 184:

ѿ бéр'дникахъ

Бéрдникъ незнае^{мъ}, комꙋ о^{н} бы^{л}бы потребе^{н}:
развѣ ты^{л}ко ты^{м} ткача^{мъ} й жо^{н}камъ потребе^{н}:
Бо неможе^{т} тка^{ч} й те^{ж} жо^{н}ка без бе^{р}дъ ткати:
е̑дно мусѧ^{т} бе^{р}дника собѣ потребова́ти.
Зачи^{мъ} то̀ й бе^{р}днико^{в} нетреба зневажа́т':
неха' зроблѧю^{т} бе^{р}да жебы было̀ чи^{м} тка́т'.

B. Gustawiez. O ludzie Podduklańskim w ogólności, a Iwoniozanach w szczególności. Część wtóra. Zàbawy, pieśni i gadki // Lud. T. VI. Zesz. 2. Lwów, 1900. S. 245.

P i e ś ń   p r z y   k ą d z i e l i. Zwyczaj, zaobowywany na wieczornicach iwonickich, dokładnie jest skreślony w następującej pieśni, którą niekiedy młoda dzìewczyna, a częściej stary wolarz nuci, jrzyszedłszy z kądzielą.

A przęnde já, przęnde, a mule já, mule,
Swému Jasieńkowi na laną koszule.
A moje konopie, kiedy já wás brała,
Nieráz-że, nieráz nad wámi płakała.

Przez jakie wy męnki przecbodzić musicie!
Já wás bede męczyć, wy tego nie wiécie.
Najprzôd wás wytargám rázem z korzeniami,
Zniose na boisko, bede bić cepami.
Cisne do gnojôwki, kamiéniem przyłoże.
Dopiéro zacsątek, o môj mocny Boże!
Dobęnde z gnojôrwki i dobrze osusze,
Stane do mięndlnicy, kości w wás pokrusze.
A po ty męnczarni na garście ułoże,
I zapale w piecu, do pieca wás włoże.
Dobęnde wás z pieca, gdy sié dobrze spieką,
Lece do cierlicy i siekám i siekám.
Jeszcze trzeba czesać. Ułoże na kluby,
Jeżeli niepráwda, to spytáć sié Kuby.
Sięnde do czesania, tam to męnka, — cha! cha!
Szarpie, nie żartuje, jak dziecko macocha.
Dopiéro teráz ci o krężel okrącám,
Lewą ręką szarpie, prawą nici skrącám.
A jak już naprzęnde dosyć wielgą baczke,
Z wrzecionka rozwijám, zwijám na motaczke;
A jack porachuje, jest kilkanáście sztuk,
Zawiąze do płáchty i do tkácza z nią fuk!
Tkácz poracnowawszy, do kąta położy.
Coś ode mnie nie dostało, — to ci tkácz dołoży.
Tkácz pirwsze odszpulá, po drugie odsnuje,
Nawinie, przykręnci, lenįruje, szlichtuje.
Wątek do osnowy z cały siły bije,
Pastwié sié nad wámi, a sám ledwie żyje.
Ręnkami, nogami, ladą silnié wali,
Spuszczá kołek za kołkiem i dali i dali.
Gdy płôtno wyrobi, zbierze, uczesuje,
A já juz na niego zwárke, ług gotuje.
Włoże já go w zwárke, rozpále kamiénìe,
Płôtno moję, płôtno, moję przyodzienie!
Po tému na rzyce we czworo staniémy,
Każda w ręnce kilof, co siły bijémy.
Po tému na bléchu leżysz, jak szalone
Pátrzy gospbdyni, czyś już wybiélone?
Jeżeliś już biáłe, w kawáłki cie kroi.
Piérwsze cie porani, drugie igłą goi.
Słyszeliście, chłopcy, konopi męnczynie,

Wypijcie se jeszcze, choć po kieliszczynie!
Bądżcie nám wdzięcznymi za wásze koszule.
A przęnde já, przęnde, a mule já, mule.

H. Landsfeld. Lidové hrnčířství a džbánkářství. Besedy o řemesle džbánkářském, hrnčířském a karrmářském. Praha, 1950. S. 292—294.

Hrnčířské písně ze Strážnice

Dělám všechno pro celý kraj,
hrnce, mise, rendlíky
a na zimu přichystáme
na kožúšek knoflíky.
Máme pilno dělat džbánky,
na vínečko, na fašanky.
Nevěsta chystá věnečky,
Ženich na víno džbánečky.
Dělám hrnce pro celý kraj,
co v nich budú vařit
bude-li muž hodně mlsný,
tož se budou vadit.
Dělám všechno z tuhé práce.
Když nám hrnec spadne s pece,
nerozbije se nám přece.

Walenty Rożdzieński. Officina ferreria abo Huta y warstat z kuźniami szlachetnego dzieła żelaznego (1612) — z unikatu Biblioteki kapitulnej w Gnieźnie wydał, wstępem i przypisami zaopatrzył R. Pollak. Katowice, 1936.

Wiersz 1151: Jest jeszcze druga ruda inakszej własności
Niż ta pierwsza: na błociech najdują jej dości;
Leży w wodzie, pod razem zową ją błotnicą,
A mogłby ją — prze cnotę jej — nazwać złotnicą.
Barzo spieszna na dęcie, nie trzeba jej palić,
Tylkö wypłokawszy ją, z piasku na piec walić;
Przechodzi w swej plenności rud wszystkich rodzaje,
Jeno iże żelazo barzo krewkie dajé.

Wiersz 762: Żelazny i miedziany kunszt jest przyniesiony
Przez niektore wędrowne niemieckie kuźniki,
Mistrzowne w tym obojų dziele rzemieślniki.
Ktorzy, skoro tu przyszli, wnet sie rożno z swymi
Instrumenty rozeszli po wszej szląskiej ziemi.

Wiersz 881: Od tych Niemców Polacy tu sie nauczyli
Naprzod robić żelazo i w tym sposob wzięli
Od nich do takich kunsztow, a stąd i ich mow,
Jeszcze każde naczynie w swoim dziele zową.

Wiersz 1501: ...Nie zaraz sie tego
Nauczysz, jaki rząd wieść w kuźnicy wszytkiego.
Nie zaraz wyrozumiesz kuźnice postępki,
Rząd w hucie, więc naprawę, sposoby ich wszytki,
Jak udać dobrą łupę i żelazo kować
Trudno zaraz zrozumieć, jak sie w tym sprawować...

Wiersz 1513—1514: Trzeba mieć zawżdy węgla dostatek i rudy,
Jeśliże chcesz kuźnicą dąć kować zawżdy.

Wiersz 1523: Trzeba naprzod kuźnice mieć na pewnej wodzie,
W ktorej skok niech wysoki, a nie niski będzie,
By koła nie brodziły; ma też być głęboka
Rzeka ocębrowana z bokow i szyroka.
Huta ma być przestrona, dia deszcza przykryta,
A ze wszystkich stron prawie porządnie zawarta.
Wszytko dzieło porządne ma być i pogrodki,
Pale, łątki, koryta, tram i słupy wszytki.

Wiersz 1535: Dymarskie piece siebie nie mają być blisko
Ani na miejscu błotnym, kędy jest źrzodlisko,
Bo więc spodek w takowym piecu wilgotnieje,
Z czego zawżdy żelazo surowo się grzeje.
Niema też piec być barzo wysoko lepiony,
Ale nisko i rowno, prawie z dobrej gliny,
Bowiem w piecu wysokim węgla wiele gore
I dęcie w nim niespieszne bywa i nieskore.
Kominy też mają być dobrze ulepione,
Przestrone i wysoko na gorę wzniesione
Dlatego, aby iskry z pieca nie padały

Na miechy, więc i huty by nie zapalały.
Podźmyż też i do młota, gdzie żelazo kują.
Trzeba, jako tam kunszty, i to wiedzieć, stoją,
Dobrzeli jest kowalski piecek ulepiony,
Jeśli dobrze naprawny, w miarę-li przestrony,
Jeśli forma porządna, jeśli stoi w miarę,
Z takim okiem, co węgla w nim niewiele gore,
Ktorym aby sie dule czyniły niemałe
A żelazo w nich było nie drące i całe.
Jeśliże też u piecka w korycie jest glina
Tłusta zawżdy a z wodą dobrze umieszana,
Ktorą z wierzchu na piecu węgle rozpalone —
Dla tym lepszego grzania — ma być polewane.
Młot też ma być niemały, kształtnie urobiony,
Nie nazbyt tez wysoki, rowny z każdej strony,
U ktorego trzeba mieć rowna, twarda, banę,
Tak iżby nią mógł zawżdy kować gładko szynę.
I tego też trzeba strzec, by młot rowno chodził,
Tak aby w jedno miejsce każdy raz ugodził.
Więc i koło niech będzie bierne a miąższy wał,
Ktoryby wielki pochiop a zawod wielki miał.
Helza miąższa i mocna i buksze stalone
Mają też być a w słupy zarowno wsadzone.
Więc i ryttel niech będzie miąższy i niemały,
I ramiona zarowno aby młot dźwigały.
Nakowalno też, w ktore ciężko z gory bije
Młot, a na nim żelazo ustawicznie kuje,
Trzeba mieć gładkie, całe, dobrze ustalone,
A w pień miąższy dębowy dobrze usadzone,
Naczynia do kowania i dęcia hutnego
Potrzeba mieć dostatek, co sie zejdzie tego:
Klyszcze, zynkiesz, więc hesprys, stachle i otuły,
Formyzen i szrotyzny aby staine były.
Trzeba tez zawżdy w bucie naprawy pilnować,
Nakowalna i młota, więc miechów szanować,
Bo to siła kosztuje, trzeba dojrzeć wszędy,
Jeśli dobra naprawa, nie maszli gdzie szkody,
Idąli rowno koła, jeśli w jednę stronę
Bardziej czopy, niż w drugą, nie są przegłobione,
Jeśli miechy dobrze dmą, dobreli w nich skory.
Jeśli sie nie podarły, nie sąli w nich dziury,

Nie zdarteli wietrzniki, jeśliz dobre deski
Są miechowe i dyszynogi, strychy wszytki,
Więc aby też zarowno i lekko szły miechy
Nie kołacąc a iżby nie ryczały strychy.
Jeśli sa nowe miechy, niechaj lekko idą,
Bo jak je zrazu puścisz, już tak zawżdy pojdą.
Więc aby też żużele do nich nie puszczali
Dymarze, potrzeba strzec; prędkoby zgorzały.

Wiersz 1663—1664: Do kowania żelaza ćwiczonych kowali,
Ktorayby dobrze kować żelazo umieli,
Nabądź że ich sobie wczas...

КОРРЕКТУРНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Авторская работа над текстом книги была закончена в июне 1964 г., после чего книга была утверждена к печати. Работы, с которыми автор ознакомился за истекшее время и которые имеют отношение к проблематике настоящей книги, уже не могли, к сожалению, быть использованы полностью, на них можно лишь сослаться в данном кратком дополнении. Так, в 1964 г. в Гейдельберге вышли новые книги по сравнительно-исторической грамматике славянских языков двух авторов — П. Арумаа и Г. Шевелева; обе содержат большой лексический материал. Следует назвать, далее, в числе неиспользованных этнографическую работу по ткачеству среди чакавского населения: *O. Oštrić.* Tkanje i tkalačke sprave na otoku Lopudu // ZbNŽ. 37. 1953. S. 39—58. Польский историк древнерусской материальной культуры А. Поппе обработал источники по древнерусской терминологии строительства и по терминологии тканей. См.: *A. Poppe.* Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962; *Он же.* Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej. Terminologia źródeł pisanych. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965. — В последней из двух названных работ Поппе иногда прибегает к этимологическим данным. Ко II разделу нашей книги близко примыкает по своему материалу довольно большое исследование русской столярной и плотничьей терминологии, выпущенное Г. В. Шульцем. См.: *G. V. Schulz.* Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerieute und Bautischler. Berlin—Wiesbaden, 1964 (= Slavistische Veröffentlichungen. Bd. 30). Работа полезна как словарь терминов (правда, обнаруживающий также пропуски), но в этимологическом отношении недостаточно самостоятельна. Здесь же можно упомянуть книгу: *J. Basara.* Terminologia budownictwa wiejskiego w dialektach polskich. Gz. 1. Dom mieszkalny. Warszawa, 1964. В разделе, трактующем гончарскую лексику, могла бы быть использована публикация «Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen» (III. 1963. Особенно S. 389—390). Для общих вопросов исследования языка и культуры древних индоевропейцев представляет существенный интерес крупная монография Девото, см.: *G. Devoto.* Origini indoeuropee. Firenze, 1962. — К , сожалению, эта работа поступила к нам слишком поздно. См. также рецензию на эту книгу О. Семереньи в журнале «Journal of Hellenic Studies». 84. 1964. S. 175—177, где, в частности, высказаны наблюдения о географии индоевропейских названий огня.

В известном смысле симптоматично недавнее появление статьи Я. Сафаревича об италийско-славянских языковых связях (Rocznik slawistyczny. T. XXIII. Cz. L1 1964). Эта работа содержит большой материал, в том числе по лексике, правда, в основном известный ранее и прямого отношения

к нашей проблематике не имеющий. С точки зрения метода вызывает возражение принятое в статье рассмотрение лексического материала в плане грамматических категорий (глаголы, имена и т. д.).

Что касается этимологической части нашей книги, то мы можем предложить уточнения по ряду случаев. На с. 492 настоящей книги польск. *patrzyć* возводится к именной форме **patrъ*. Сейчас мы более определенно характеризуем польское слово как древнее диалектное заимствование из иранского (Этимология. 1965; в печати). Аналогичную поправку надо внести в этимологию западнославянского слова *pan* (прим. 152 на с. 671 нашей книги); подробности иранской этимологии последнего слова также сообщаются в упомянутом издании Этимология. 1965. На с. 680 нашей книги вскользь высказано мнение о том, что в русск. диал. *бала́кирь* представлено очевидное заимствование. Сейчас нам кажется более вероятным, что это слово продолжает исконное **bьlkyrь* (ср. тот же корень в глагольных основах польск. *bełk-*, укр. *бовк-*). Сюда же относятся русск. диал. *болха́рь* 'большой колокольчик'. Отношение суффиксальной огласовки последнего к *балакирь* — то же, что и в паре русск. диал. *мизгирь* — *мазгарь*. Италийско-славянское сближение *gladius* : *kladivo*, которому мы придаем в книге большое значение, было практически уже выдвинуто Хаасом, который, однако, трактует латинскую форму несколько отлично. См. *O. Haas*. Das frühitalische Element. Wien, 1960. S. 50.

После того как наша работа была уже подготовлена к печати, с рукописью ознакомились Ф. П. Филин, А. А. Белецкий, Б. В. Горнунг, В. М. Иллич-Свитыч, которые сделали ряд замечаний. Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность названным ученым. Конкретные поправки, заключавшиеся в этих замечаниях, были по мере возможности внесены в текст книги, как, например, уточнения А. А. Белецкого относительно форм отдельных латинских и некоторых других слов. Ф. П. Филин указал на наличие русск. диал. *глек*, *глёк*, *гляк*, *гилёк* 'кувшин, горшок', которые, правда, в большинстве своем распространены вдоль западных окраин русской языковой территории. Не менее ценно для нас указание Ф. П. Филина на не использованные в нашей книге работы по диалектной лексике и по народным ремеслам Ванюшечкина, Дерунова, Палагиной и др., но, к сожалению, восполнить эти пробелы нам уже не представилось возможным. Весьма полезными оказались для нас замечания В. М. Иллич-Свитыча. Кроме отдельных предложенных им поправок, которые удалось внести в текст (толкование некоторых южнославянских слов), упомянем здесь дополнительно его уточнение, что сербохорв. *чѐкић* < тур. *çekiç* 'молоток'. Далее, слав. **spěnь* (укр. диал. *spiń*) он предлагает сблизить еще с тох. А *spin-* 'колышек', рядом с *воробы*, *верба* приводит еще лит. *vir̃balas* 'вид мотовила'; праформу др.-исл. *snælda* уточняет как **snādila-*; из германских форм связывает слав. **bidlo* только с др.-исл. *bīldr* 'верхушка топора'; корректирует праформу нем. *Holz* (и др.) как **hultan-*, а

нем. *Gerte* 'прут' — как герм. **gozd-*, подвергает сомнению связь нем. *Zange* и слав. **dǫga*. Существенно также указание В. М. Иллич-Свитыча на широкое распространение в македонском форм *мисур*, *мисурка* от праслав. **misa*. Помимо этих наблюдений, которые должны, как мы уверены, заинтересовать и читателя, В. М. Иллич-Свитыч подверг подробной критике одну из центральных идей нашей работы — преобладание (для древнего периода) лексических связей славян в изученной нами области с западными индоевропейцами, а не с балтами; это вызывает спор, подробное изложение которого здесь было бы затруднительно.

В дополнение к сказанному заметим, что публикуемые нами (в частности, в разделе «Результаты») списки древних славянско-неславянских лексических соответствий в ряде случаев «облегчались» нами по различным соображениям (неполнота терминологического соответствия, невхождение в исследуемую сферу ремесленной терминологии, сомнения в формальной стороне соответствий) отнюдь не только за счет балто-славянских соответствий. Так, например, в нашем окончательном перечне славянско-германских пар отсутствуют (как правило, так или иначе упоминаемые в книге) **svьrdьlъ* — **swerda-*, **ǫ-dorbь* — н.-нем. *torf*, **statь* 'станок' — др.-исл. *vef-staðr*, **krida* — англос. *hriddel* (лат. *cribrum* 'сито'), **kovarь* — **hauari-*, **volkъno* — др.-англ. *wlóh* 'волокно, клочок'.

Наконец, еще два уточнения. Переход *-gn-* > *-kk-*, принимаемый для кельтского, не снимает нашего предположения о кельтском субстратном **ukn-* (откуда герм. **uhna-*), поскольку типологически вполне правдоподобно наличие *-kn-* как стадии, предшествующей результату *-kk-* упомянутого перехода. Последнее наше уточнение касается этимологического сближения болг. *лъхна* — лит. *ilsti*, которое в книге подано слишком лаконично. Мы считаем, что это сближение оправдано фонетически (лит. *ilsti* < **l̥s-* и болг. *лъхна* < **lĭs-* < **l̥s-* весьма близки друг к другу) и семантически (значения болг. 'дунуть' и лит. 'устать' близки в плане смысловой иерархии 'дыхание' — 'усталость').

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ, ОБЪЯСНЕНИЕ КОТОРЫХ ПОМЕЩЕНО В ТЕКСТЕ

(праславянский дается без пометы)

Олег Николаевич Трубачев

ТРУДЫ ПО ЭТИМОЛОГИИ

Слово. История. Культура

Том 3

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева
Корректор А. Полякова
Оригинал-макет подготовлен В. Гусевым
Художественное оформление переплета Ю. Саевича

Подписано в печать 15.08.2008. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 64,5. Тираж 800. Заказ № 9718.

Издательство «Рукописные памятники Древней Руси».
ОГРН № 1067746430102.
Тел.: 607-86-93. E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 978-5-9551-0263-4

9 785955 102634 >